Артур

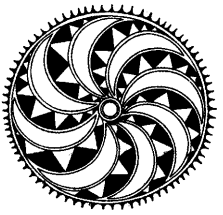
КЛАРК

КЛАССИКА ЖАНРА

СВИДАНИЕ С РАМОЙ

Лучшие романы рыцаря научной фантастики

Артур КЛАРК

ГОРОД И ЗВЕЗДЫ
КОНЕЦ ДЕТСТВА
СВИДАНИЕ С РАМОЙ
2001: ОДИССЕЯ ОДИН
2010: ОДИССЕЯ ДВА
2061: ОДИССЕЯ ТРИ
3001: ПОСЛЕДНЯЯ ОДИССЕЯ

Эксмо
Москва
Домино, Санкт-Петербург
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
К 47

ARTHUR C. CLARKE

THE CITY AND THE STARS
Copyright © 1956 by Arthur C. Clarke

CHILDHOOD'S END
Copyright © 1953 by Arthur C. Clarke

RENDEZVOUS WITH RAMA
Copyright © 1973 by Arthur C. Clarke

2001: A SPASE ODYSSEY
Copyright © 1968 by Arthur C. Clarke

2010: ODYSSEY TWO
Copyright © 1982 by Arthur C. Clarke

2061: ODYSSEY THREE
Copyright © 1987 by Arthur C. Clarke

3001: THE FINAL ODYSSEY
Copyright © 1997 by Arthur C. Clarke

Составитель *Александр Жикаренцев*

Художник *Сергей Шикин*

Кларк А.

К 47 Свидание с Рамой: Фантастические романы / Артур Кларк; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 1024 с.

ISBN 978-5-699-23886-6

Это целое явление под именем «Артур Кларк», человек-легенда, футуролог, предсказавший многие открытия в науке и технике задолго до их реализации, отец-основатель современной кинофантастики и многое-многое другое. В сборник классика мировой фантастики вошли лучшие романы писателя, наиболее полно отражающие грани его многостороннего творчества.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Перевод. А. Кубичев, Н. Галь, О. Битов, Я. Берлин, М. Романенко, М. Шевелев, И. Почиталин, Н. Берденников, 2007
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-23886-6

ГОРОД И ЗВЕЗДЫ

Сверкающей драгоценностью лежал этот город на груди пустыни. Когда-то он знавал перемены; снова и снова перестраивался, однако теперь Время обходило его стороной. Над пустыней ночь и день быстролетно сменяли друг друга, но улицы Диаспара не ведали тьмы — они постоянно были озарены полднем. И пусть долгие зимние ночи припорашивали пустыню инеем — это вымерзала последняя влага, еще остающаяся в разреженном воздухе Земли,— город не ведал ни жары, ни холода. Он не соприкасался с внешним миром: он сам был вселенная, замкнутая в себе самой.

Человек издавна строил города, но никогда прежде он не создавал такого, как этот. Множество из возведенных им людских муравейников просуществовали несколько столетий, а некоторые жили и целыми тысячелетиями, прежде чем Время унесло с собой их имена. И только Диаспар бросил вызов самой Вечности, обороняя себя и все, чему дал он приют, от медленного натиска веков, от разрушительности тления и распада.

С той поры, как был выстроен этот город, земные океаны высохли и пески пустыни замели планету. Ветром и дождями были размолоты в пыль последние горы, а Земля оказалась слишком утомлена, чтобы извергнуть из своих недр новые. Городу не было до этого ровно никакого дела; планета могла рассыпаться в прах, но Диаспар все так же защищал бы детей своих создателей, бережно унося их и все принадлежащие им сокровища по реке Времени.

Они многое позабыли, но не понимали этого. Ко всему, что было вокруг них, они приноровились столь же превосходно, сколь и окружающее — к ним, ибо их и проектировали как единое целое. То, что находилось за стенами города, ничуть их не интересовало: эта область бытия была вычеркнута из их сознания. Диаспар — вот все, что существовало для них, все, что им требовалось, все, что они могли себе вообразить. Для них ровным счетом ничего не значило, что когда-то Человеку были подвластны звезды.

И все же время от времени древние мифы оживали, чтобы преследовать воображение жителей этого города, и людей пробирал озноб, когда они припоминали легенды о временах Галактической Империи,— Диаспар был тогда юн и пополнял свои жизненные силы тесным общением с мирами множества солнц. Горожане вовсе не стремились возвратить минувшее — им было так славно в их вечной осени... Свершения Галактической Империи принадлежали прошлому и могли там и оставаться, поскольку всем памятно было, как

© Перевод А. Кубичева.

именно встретила Империя свой конец, а при мысли о Пришельцах холод самого Космоса начинал сочиться в их кости.

И, стряхнув наваждение, они снова погружались в жизнь и теплоту родного города, в долгий золотой век, начало которого уже затерялось во времени, а конец отстоял на еще более невообразимый срок. Многие поколения мечтали об этом веке, но достигли его лишь они...

Так и существовали они в своем неменяющемся городе, ходили по его улицам, и улицы эти каким-то чудесным образом не знали перемен, хотя в небытие уже ушло более миллиарда лет.

1

...Им потребовалось несколько часов, чтобы с боем вырваться из Пещеры Белых Червей. Но и сейчас у них не было уверенности, что некоторые из этих мертвенно-бледных тварей не перестали их преследовать, а мощь оружия беглецов была уже почти исчерпана. Плывущая перед ними в воздухе светящаяся стрелка — таинственный их проводник в недрах Хрустальной горы — по-прежнему звала за собой. У них не было выбора — оставалось только следовать за ней, хотя, как это уже не раз происходило, она могла заманить их в ловушки еще более страшные.

Олвин оглянулся — убедиться, что никто из его товарищей не отстал. Алистра шагала вплотную за ним, держа в ладонях шар холодного, немеркнущего огня, который с самого начала их приключений в недрах Хрустальной горы вырывал из тьмы то немыслимые ужасы, то неподражаемую красоту. Мягкое белое излучение шара озаряло узкий коридор, блики света плясали на сверкающих стенах; пока этот источник огня не иссякнул, они, по крайней мере, могли видеть, куда направляются, и в случае опасности — сразу же обнаружить любую видимую угрозу. Олвину, однако, слишком хорошо было известно, что самые страшные опасности этих пещер вовсе не относятся к числу видимых.

За Алистрой, покряхтывая под тяжестью видеопроекторов, тащились Нариллян и Флоранус. Олвин мимолетно подивился, почему это проекторы сделаны такими тяжелыми,— ведь снабдить их гравитационными нейтрализаторами было совсем несложно. Он постоянно задумывался о таких вот вещах — даже в разгар самых отчаянных приключений. И когда его посещали подобные мысли, ему чудилось, будто ткань действительности испытывает какой-то мгновенный трепет, и за пределами мира сиюминутных ощущений он схватывал вдруг проблеск другой, вовсе не похожей на эту, действительности...

Коридор оборвался стеной тупика. Неужели стрелка-поводырь снова их предала?.. Но нет — едва они приблизились к стене, как скала начала крошиться в пыль. Поверхность ее пронизало какое-то вращающееся металлическое копье, которое стремительно утолщилось и превратилось в гигантский бурав. Олвин и его друзья отпрянули и стали ждать, чтобы неведомая машина пробила себе путь в пещеру. С оглушительным скрежетом металла по камню — он наверняка был слышен во всех пустотах горы и разбудил всех ее кошмарных обитателей! — капсула подземного вездехода проломилась сквозь стену и

стала. Откинулась массивная крышка люка, в его проеме показался Коллистрон и закричал им, чтобы они поторопились. «Почему вдруг Коллистрон? — поразился Олвин.— Он-то что тут делает?» Через несколько секунд они были уже в безопасности кабины, и машина, кренясь, двинулась вперед — в путь сквозь земные глубины.

Приключение завершилось. Скоро, как это случалось всегда, они окажутся дома, и все чудеса, ужасы и треволнения останутся позади. Они устали, но были довольны.

По наклону пола Олвин догадался, что вездеход направляется куда-то вниз, в глубь земли. Надо думать, Коллистрон знает, что делает, и таков именно и есть путь, ведущий к дому. И все же — какая жалость, что...

— Послушай-ка, Коллистрон,— неожиданно нарушил молчание Олвин,— а почему это мы движемся не кверху? Ведь никто никогда не видел Хрустальную гору снаружи. Вот чудесно было бы — выйти на одном из ее склонов, поглядеть на землю и небо... Мы ведь черт-те сколько пробыли под поверхностью...

Еще не докончив фразы, он каким-то образом уже понял, что говорит что-то неладное. Алистра придушенно вскрикнула, внутренность капсулы как-то странно заколыхалась — так колышется изображение, рассматриваемое сквозь толщу воды,— и через металл окружающих его стенок Олвин на краткий миг снова увидел тот, иной мир... Две реальности, похоже, боролись друг с другом — отчетливее становился то один мир, то другой... И затем, совсем внезапно, все кончилось. На долю секунды у Олвина возникло ощущение какого-то разрыва, и от подземного путешествия не осталось и следа. Олвин снова очутился в Диаспаре, в своей собственной, такой знакомой ему комнате, покоясь футах в двух над полом в невидимой колыбели гравитационного поля, оберегающего его от соприкосновения с грубой материей.

Он снова стал самим собой. *Это* и была реальность — и он совершенно точно знал, что произойдет вслед за этим.

Алистра появилась первой. Поскольку она очень любила Олвина, то была не столько раздражена, сколько расстроена.

— Ах, Олвин,— жалобно протянула девушка, глядя на него сверху вниз с прозрачной стены, в толще которой она, как казалось, материализовалась во плоти.— У нас же было такое захватывающее приключение! А ты нарушил правила... Ну зачем тебе понадобилось все испортить!..

— Извини. Я совсем не хотел... Я просто подумал, что было бы неплохо...

Одновременное появление Коллистрона и Флорануса не позволило ему докончить мысль.

— Вот что, Олвин,— заговорил Коллистрон.— Ты прерываешь сагу уже в третий раз. Вчера все пришлось бросить, потому что тебе взбрело в голову выбраться за пределы долины Радуг. А перед этим ты все испортил этой своей попыткой дойти по Тропе Времени, которую мы исследовали, до самого Возникновения. Если ты не станешь соблюдать правила, то тебе придется путешествовать одному!

Он исчез — вне себя от возмущения — и увел с собой Флорануса. Нариллян — тот вообще не появился; вполне возможно, что он уже был сыт всем

этим по горло. Осталось только изображение Алистры — она печально смотрела на Олвина.

Олвин наклонил гравитационное поле, встал на пол и шагнул к материализованному им столу. На нем вдруг появилась ваза с какими-то фантастическими фруктами — собственно, Олвин собирался позавтракать вовсе не фруктами, но замешательство, в котором он пребывал, спутало ему мысли. Не желая обнаружить перед Алистрой ошибку, он выбрал из вазы плод, который выглядел наименее подозрительно, и принялся осторожно высасывать мякоть.

— Ну, так что же ты собираешься предпринять? — вымолвила наконец Алистра.

— Ничего не могу с собой поделать,— насупившись, ответил он.— По-моему, все эти правила просто глупы. Да и потом — как же мне о них помнить, если я в данный момент живу в саге? Я просто веду себя таким образом, чтобы все было естественно... А разве тебе-то самой не хотелось взглянуть на гору со стороны?

Глаза Алистры расширились от ужаса.

— Но ведь для этого пришлось бы выйти *наружу!* — задыхаясь, произнесла она.

Олвин уже знал, что продолжать с ней разговор на эту тему нет никакого смысла. Здесь проходил барьер, который отъединял его от всех остальных граждан Диаспара и который мог обречь его на жизнь, полную отчаяния. Ему-то, сколько он себя помнил, всегда хотелось выйти *наружу* — и в реальной жизни, и в призрачном мире приключенческих саг. А в то же время для любого и каждого в Диаспаре «наружу» означало совершенно непереносимый кошмар... Если в разговоре можно было обойти эту тему, ее никогда даже не затрагивали: «наружу» — означало нечто нечистое и исполненное зла. И даже Джизирак, его наставник, не хотел объяснить ему, в чем здесь дело.

Алистра все еще молча смотрела на него — с изумлением и нежностью.

— Тебе плохо, Олвин,— прозвучал ее голос.— А в Диаспаре никому не должно быть плохо. Позволь мне прийти и поговорить с тобой...

Полагалось бы, конечно, проявить галантность, но Олвин отрицательно мотнул головой. Он знал, к чему приведет этот визит, а ему как раз сейчас хотелось побыть в одиночестве. Разочарованная вдвойне, Алистра растаяла.

В городе — десять миллионов человек, подумалось Олвину, и тем не менее не найдется ни одной живой души, с кем он мог бы поговорить по-настоящему. Эристон с Итанией на свой лад любят его, но теперь, когда период их опекунства подходит к концу, они, пожалуй, даже радуются, что отныне он сам, по своему разумению, станет выбирать себе развлечения и формировать свой собственный образ жизни. В последние годы, по мере того как его отклонение от существующих в городе стандартов становилось все более и более очевидным, он частенько ощущал холодок со стороны названых родителей. Холодок этот был вызван не его личностью — будь так, уж он смог бы все это правильно воспринять и преодолеть; нет, его породила обида на ничем не заслуженное невезение, в силу которого из всех миллионов горожан именно им,

Эристону с Итанией, по воле случая довелось первыми повстречать Олвина, когда в тот памятный день — двадцать лет назад — он вышел из Зала Творения.

Двадцать лет... Он помнил тот первый момент и самые первые услышанные им слова: «Добро пожаловать, Олвин. Я — Эристон, твой названый отец. А это — Итания — твоя мать». Тогда эти слова не означали для него ничего, но память запечатлела их с безупречной точностью. Он вспомнил, как оглядел тогда себя; теперь он уже подрос на пару дюймов, но, в сущности, тело его едва ли изменилось с момента рождения. Он пришел в этот мир почти совершенно взрослым, и когда — через тысячу лет — наступит пора покинуть его, он будет все таким же, разве только чуточку выше ростом.

А перед тем — первым — воспоминанием зияла пустота. Настанет день, и она, возможно, снова поглотит его сознание. Но день этот отстоял еще слишком далеко, чтобы пробудить в душе хоть какое-то чувство.

Олвин снова обратил мысли к тайне своего рождения. Ему вовсе не представлялось странным, что в некий неощутимо краткий миг он мог быть *создан* могуществом тех сил, что создавали и все предметы повседневности, окружающие его. Нет, в *этом-то* как раз не было ничего таинственного. Настоящей загадкой, до разрешения которой он до сих пор так и не смог добраться, которую никто не хотел ему объяснить, была эта его непохожесть на других.

Не такой, как другие... Слова были странные, окрашенные печалью. И ходить в непохожих — тоже было и странно и грустно. Когда о нем так говорили — а он частенько слышал, что о нем говорят именно так, когда полагают, что он не может услышать,— то в словах этих звучал некий оттенок многозначительности, и в нем содержалось нечто большее, нежели просто какая-то возможная угроза его личному счастью.

И названые родители, и его наставник Джизирак, и все, кого он знал, пытались уберечь его от тайной правды, словно бы хотели навсегда сохранить для него неведение долгого детства. Скоро все это должно кончиться: через несколько дней он станет полноправным гражданином Диаспара, и ничто из того, что ему вздумается узнать, не сможет быть от него скрыто.

Почему, например, он не подходит для участия в сагах? В городе увлекались тысячами видов отдыха и всевозможных развлечений, но популярней саг не было ничего. В сагах вы не просто пассивно наблюдали происходящее, как в тех примитивных развлечениях бесконечно далекого прошлого, которым изредка предавался Олвин. Вы становились активным участником действия и обладали — или это только казалось? — полной свободой воли. События и сцены, которые составляли основу приключений, могли быть придуманы давно забытыми мастерами иллюзий еще бог знает когда, но в эту основу было заложено достаточно гибкости, чтобы стали возможны самые неожиданные вариации. Отправиться в эти призрачные миры — в поисках тех острых ощущений, которые были недоступны в Диаспаре,— вы могли даже с друзьями, и, пока длилось выдуманное бытие, не существовало способа, который позволил бы отличить его от действительности. Строго говоря, кто мог быть уверен, что и сам Диаспар не был лишь сном?

Никому не удалось бы проиграть все саги, созданные и записанные с начала существования города. Они воздействовали на все человеческие чувства,

а утонченность их не знала границ. Некоторые из них — эти были особенно популярны среди молодежи — являли собой драматургически несложные сюжеты, накрученные вокруг всякого рода приключений и открытий. Иные были чистой воды исследованиями психологических состояний человека. Но существовали и особые разновидности саг — экскурсы в область логики и математики, способные подарить изощреннейшее наслаждение наиболее утонченным умам.

И все же у Олвина эти саги,— хотя они, похоже, вполне удовлетворяли его товарищей — порождали ощущение какой-то неполноты. Несмотря на всю их красочность и богатство предлагаемых переживаний, несмотря на калейдоскоп сюжетов и мест действия, ему в них постоянно чего-то недоставало.

Да ведь эти саги, подумалось ему, в сущности, всегда бесплодны. Всякий раз они ограничены такими узкими рамками... Саги никоим образом не могли предложить Олвину простора, открытых взору пейзажей, по которым так тосковала его душа. И наконец, ни в одной из них и намека не было на громадность пространств, в которых свершали свои подвиги люди древности,— не было ни малейшего следа мерцающей пустоты между звездами и планетами. Художники — создатели саг — были заражены той же самой удивительной фобией, что владела сознанием всех граждан Диаспара. Даже путешествия в сагах обязательно происходили лишь в тесных, замкнутых пространствах, в подземных пещерах или в ухоженных крохотных долинках в обрамлении гор, закрывающих от взора весь остальной мир.

Объяснение этому могло быть только одно. Давным-давно, быть может еще до основания Диаспара, произошло нечто такое, что не только лишило Человека любознательности, честолюбивого порыва к неизведанному, но и отвратило его от Звезд — назад, к дому, искать убежища в узеньком замкнутом мирке последнего города Земли. Он отказался от Вселенной и возвратился в искусственное чрево Диаспара. Пылающее, неостановимое стремление, что вело его когда-то через бездны Галактики, сквозь мрак к островам туманностей за ее пределами, бесследно угасло. На протяжении неисчислимых эпох ни один космический корабль не появлялся в пределах Солнечной системы! Там, среди звезд, потомки Человека, быть может, все еще возводили империи и разрушали светила...— Земля ничего об этом не знала и не хотела знать.

Земле все это было безразлично. Олвину — нет.

2

...Все в комнате было погружено в темноту — кроме одной, светящейся изнутри стены, на которой, по мере того как Олвин сражался со своими видениями, то отливали, то снова набирали силу разноцветные волны. Кое-что на этой рождающейся картине вполне его удовлетворяло — он, к примеру, прямо-таки влюбился в стремительные очертания гор, вздымающихся из моря. В этих изломанных силуэтах жили сила и горделивость. Олвин долго, изучающе смотрел на них, а затем ввел изображение в блок памяти визуализатора, где оно должно было храниться, пока он экспериментирует с остальной ча-

стью картины. И все же что-то ускользало, хотя он никак не мог уразуметь — что же именно. Снова и снова пытался он заполнить зияющие провалы пейзажа — хитроумная аппаратура считывала в его сознании теснящие друг друга образы и воплощала их на стене в цвете. Все впустую... Линии выходили расплывчатыми и робкими, оттенки получались грязноваты и скучны. Когда художнику неведома цель, отыскать ее для него не в состоянии даже самые чудесные инструменты...

Олвин оставил свое никуда не годное малеванье и угрюмо вперился в пустой на три четверти прямоугольник, который ему так хотелось заполнить Прекрасным. Прошла минута, потом еще одна... Повинуясь внезапному импульсу, он вдруг удвоил масштаб оставшейся части этюда и переместил ее в центр «полотна»... Нет, такой выход из положения был продиктован просто ленью. И равновесия совсем не получилось... И, что было еще хуже,— изменение масштаба обнажило все изъяны исполнения, полное отсутствие уверенности в этих линиях, которые сперва смотрелись такими твердыми... Надо было все начинать сначала.

«Полное стирание»,— мысленно приказал он аппаратуре. Голубизна моря принялась выцветать, горы растаяли, словно туман, и в конце концов не осталось ничего, кроме чистой стены. Будто и не было этих красок и форм — и море, и горы словно бы ушли в то же небытие, в бездне которого исчезли все моря и горы Земли еще за многие столетия до рождения Олвина.

Поток света опять залил комнату, и фосфоресцирующий прямоугольник, на который Олвин проецировал свои видения, слился с окружающим, снова став просто одной из стен. Но стены ли это были? Человеку, никогда прежде не бывавшему в подобных помещениях, комната и в самом деле представилась бы удивительной. Она была совершенно лишена каких-либо примечательных черт, в ней не было абсолютно никакой мебели, и поэтому наблюдателю со стороны показалось бы, что Олвин стоит в центре какой-то сферы. Взгляд не встречал линий, которые отделяли бы стены от пола и потолка. Здесь не было ровно ничего, за что можно было бы зацепиться глазу: пространство, окружающее Олвина, могло быть и десяти футов, и десяти миль в поперечнике,— вот и все, что могло сказать зрение. Гостю-новичку было бы трудно не поддаться искушению двинуться вперед, вытянув руки, чтобы попытаться обнаружить физические границы этого столь необычного места.

Но именно такие вот комнаты и были домом для большей части человечества на протяжении гигантского периода его истории. Олвину стоило только пожелать, и стены превращались в окна, выходящие, по его выбору, на любую часть города. Еще одно пожелание — и какой-то механизм, которого он никогда в жизни и в глаза не видел, наполнял комнату спроецированными, но вполне материальными предметами меблировки — любыми, о каких бы только Олвин ни помыслил. «Настоящие» они или нет, эта проблема на протяжении последнего миллиарда лет мало кого волновала. Каждому было ясно, что все эти возникающие из ничего столы и кресла не менее реальны, чем то, что так успешно скрывается под личиной «твердого», а когда нужда в них проходила, их можно было просто вернуть в призрачный мир городских Хранилищ

Памяти. Как и все остальное в Диаспаре, эта мебель не изнашивалась и никогда не изменялась, если только ее матрицы, находящиеся на хранении, не уничтожались преднамеренно.

Олвин уже почти трансформировал свою комнату, когда до его сознания дошел настойчивый сигнал, напоминающий позвякивание колокольчика. Сформировав мысленный импульс, Олвин позволил гостю появиться, и стена, на которой он только что занимался живописью, снова связала его с внешним миром. Как он и ожидал, в обрисовавшемся проеме стояли его родители, а чуть позади них — Джизирак. Присутствие наставника означало, что визит носит не просто семейный характер. Впрочем, даже и не будь здесь Джизирака, он бы все равно догадался об этом.

Иллюзия встречи с глазу на глаз была совершенна, и ничто не нарушило ее, когда Эристон заговорил. В действительности же, как хорошо было известно Олвину, Эристон с Итанией и Джизирак находились во многих милях друг от друга, только вот создатели города сумели подчинить себе пространство с той же безупречностью, с какой они покорили время. Олвин даже не больно-то ясно представлял себе, где именно среди всех этих многочисленных башен и головоломных лабиринтов Диаспара жили его родители, поскольку с того времени, когда он в последний раз видел их во плоти, они переехали.

— Олвин, исполнилось ровно двадцать лет, как твоя мать и я впервые повстречали тебя,— начал Эристон.— Тебе известно, что это означает. Нашему опекунству теперь пришел срок, и ты отныне волен жить, как тебе заблагорассудится.

В голосе Эристона едва уловимо звучала грусть. Значительно ярче слышалось в нем облегчение, и, похоже, Эристон был даже доволен, что ситуация, существовавшая уже так давно, теперь может быть признана на законном основании. В сущности, Олвин обрел свободу взрослого человека за много лет до наступления установленного срока.

— Я тебя понимаю,— ответил Олвин.— Спасибо вам за то, что вы опекали меня, и я буду помнить вас в течение всех моих жизней.

Такова была формула ответа. Ему приходилось слышать ее столь часто, что она совсем потеряла какой-либо смысл,— так, набор звуков, лишенных значения. И все же выражение «в течение всех моих жизней» было, если вдуматься, странным. Все эти годы он лишь туманно представлял себе, что именно оно означало; теперь наступило время узнать это точно. В Диаспаре было много такого, чего он пока не мог уразуметь и во что ему предстояло вникнуть за столетия, простирающиеся перед ним.

В какой-то миг ему показалось, что Итания тоже хочет что-то сказать. Она подняла было руку, приведя в волнение светящуюся паутинку своего платья, но тотчас снова уронила ее. Потом с выражением явной беспомощности на лице повернулась к Джизираку, и только тут Олвин осознал, что его родители еще и чем-то встревожены. Он быстро перебрал в памяти события последних недель. Нет, в его жизни за это время не произошло ничего такого, что могло бы породить этот вот налет неуверенности и эту атмосферу едва заметной тревоги, что, казалось, окутывала Эристона и Итанию.

Тем не менее Джизирак, похоже, чувствовал себя вполне в своей тарелке. Он бросил вопросительный взгляд на Эристона и Итанию, убедился, что им нечего больше сказать, и начал лекцию, к которой готовился так много лет.

— Олвин,— заговорил он,— ты был моим учеником в течение двух десятилетий, и я сделал все, чтобы научить тебя обычаям этого города, подвести тебя к принадлежащему тебе наследию. Ты задавал мне множество вопросов, и не на все из них я способен был дать ответ. К постижению некоторых вещей ты еще не был готов, а кое-чего я и сам не понимаю. Теперь период твоего младенчества закончился, но детство — оно едва только началось. Направлять тебя — все еще мой долг, если ты, конечно, нуждаешься в моей помощи. Пройдет два столетия, Олвин, и ты, возможно, начнешь разбираться кое в чем, касающемся этого города. Ну и, в какой-то степени, познакомишься с его историей. Даже я, хоть я уже и приближаюсь к окончанию своей нынешней жизни, видел менее четверти Диаспара и, вполне вероятно,— не более всего лишь одной тысячной доли его сокровищ...

Во всем этом для Олвина пока что не содержалось ничего нового, но както поторопить Джизирака — это было совершенно невозможным делом. Старик пристально смотрел на него через бездну столетий, и его слова падали, отягощенные непостижимой мудростью, накопленной за долгую жизнь среди людей и машин.

— Ответь мне, Олвин,— продолжал Джизирак,— спрашивал ли ты себя когда-нибудь — где был ты до своего рождения, до того момента, когда встретился лицом к лицу с Эристоном и Итанией?

— Я всегда полагал, что меня просто не было... нигде... что я существовал только в виде матрицы в электронном мозгу города и ждал своей очереди быть сотворенным — вот и все...

Тут возле Олвина появился, слабо замерцал и тотчас же стал непрозрачным и твердым низкий диванчик. Он уселся на него и стал ждать продолжения.

— Ты, разумеется, прав,— последовал отклик.— Но это только часть ответа, и, в сущности, очень незначительная часть. До сих пор тебя окружали дети твоего возраста, а они не осведомлены об истине. Все они вскоре вспомнят свое прошлое — они, но не ты. Поэтому мы должны подготовить тебя, чтобы ты смог посмотреть фактам в лицо...

Ибо вот уже более миллиарда лет, Олвин, человеческая раса живет в этом городе. С тех пор как пала Галактическая Империя, а Пришельцы возвратились на свои звезды, это — наш мир. За стенами Диаспара нет ничего, кроме пустыни, о которой повествуют наши легенды...

Мы мало знаем о своих примитивных предках — только то разве, что это были существа с очень коротким жизненным циклом и что они, как это ни странно, могли размножаться без помощи электронных блоков памяти и синтезаторов материи. В ходе сложного и, по всей видимости, неуправляемого процесса ключевые начала всякого человеческого существа сохранялись внутри микроскопических клеточных структур, воспроизводимых в теле человека. Если тебе интересно, то биологи смогут рассказать об этом более подробно.

Сам метод, однако, не имеет для нас никакого значения — потому хотя бы, что от него отказались на самой заре Истории...

Человеческое существо, как и любой другой материальный объект, может быть описано матрично — в терминах его структуры. Матрица любого человека, и особенно та матрица, которая точнейшим образом соответствует строению человеческого мозга, является невероятно сложной. И тем не менее природа умудрилась вместить эту матрицу в крохотную клетку — настолько малую, что ее нельзя увидеть невооруженным глазом...

Все, что в состоянии совершить природа, может сделать и человек, хотя и на свой лад. Мы не знаем, сколько потребовалось времени, чтобы решить эту конкретную задачу. Быть может, на это ушло миллион лет — но что такое миллион лет? В конце концов наши предки научились анализировать и хранить информацию, которая в микроскопических деталях характеризует любое человеческое существо, и научились использовать эту информацию для того, чтобы воспроизводить оригинал... ну хотя бы так, как ты только что воспроизвел этот вот диванчик...

Я знаю, Олвин, что все это тебе интересно, но я не в состоянии рассказать в подробностях, как именно это все делается. Каким именно образом хранится эта информация, не имеет значения, важна лишь она сама по себе. Она может сохраняться в виде слов, написанных на бумаге, в виде переменных магнитных полей или как определенным образом расположенные электрические заряды. Человек использовал все эти способы ее консервации, но также и многие другие. Достаточно сказать, что уже задолго до нас он умел сохранять себя — или, если выражаться более точно,— сохранять бесплотные матрицы, по которым ушедших людей можно было сызнова вызвать к существованию...

Все это ты уже знаешь. Именно таким способом наши предки даровали нам практическое бессмертие и вместе с тем избежали проблем, возникающих одновременно с устранением смерти. Прожить тысячу лет в оболочке одного и того же тела — срок достаточно большой для любого человека. В конце такого периода воспоминания стискивают разум, и он жаждет только одного — отдохновения... либо возможности начать все с нуля...

Пройдет совсем немного времени, Олвин, и я стану готовиться к уходу из этой жизни. Я тщательно просею свои воспоминания, редактируя их и вымарывая из сознания те, которые мне не захочется сохранить. Затем я войду в Зал Творения — через дверь, которой ты еще не видел. Это дряхлое тело перестанет существовать — так же как и само мое сознание. От Джизирака не останется ничего, кроме целой галактики электронов, вмороженных в сердцевину какого-то там кристалла...

Я буду спать, Олвин,— спать сном без сновидений. И затем, однажды — быть может, через сто тысяч лет — я осознаю себя в новом теле и повстречаю тех, кого изберут на роль моих опекунов. Они станут заботиться обо мне, как заботились о тебе Эристон и Итания, потому что сперва я ничего не буду знать о Диаспаре и мне неведомо будет, кем и чем я был прежде. Воспоминания об этом постепенно возвратятся к концу срока моего младенчества, и на их основе я начну возводить здание нового цикла своего существования...

Такова схема наших жизней, сменяющих друг друга. Все мы уже побывали в этом мире много, много раз, хотя, поскольку периоды не-существования различаются — надо думать, в соответствии с законом случайных чисел,— каждое нынешнее население города уже никогда не повторяется с совпадением на все сто процентов. У нового Джизирака будут и совсем другие новые друзья, и новые интересы... Однако старый Джизирак — ровно такая его часть, какую мне заблагорассудится сохранить,— все же будет существовать...

Но и это еще не все. В каждый данный момент, Олвин, только сотая часть граждан Диаспара живет в нем и разгуливает по его улицам. Подавляющее же большинство его населения спит глубоким сном в Хранилище Памяти в ожидании сигнала, который снова призовет каждого на сцену бытия. И это значит, что мы сочетаем непрерывность с изменчивостью, а бессмертие — с отсутствием застоя...

Я понимаю, Олвин, над чем ты сейчас задумался. Тебе хочется узнать, когда же и ты сможешь вызвать к поверхности сознания воспоминания о своих прежних жизнях, как это уже делают твои товарищи по играм...

Так вот — таких воспоминаний нет, Олвин, поскольку ты — единственный в своем роде. Мы пытались скрывать это от тебя так долго, как только могли, чтобы ни единое облачко не затмило твоего младенчества, хотя, я лично думаю, часть правды тобой, должно быть, уже угадана. Пять лет назад мы и сами даже не подозревали об этой правде, но теперь не осталось никаких сомнений...

Ты, Олвин,— нечто такое, что наблюдалось в Диаспаре всего лишь несколько раз со времени основания города. Очень может быть, что твое «я» дремало в Хранилищах Памяти на протяжении всех этих эпох, но не исключено и то, что ты впервые был сотворен лишь два десятка лет назад в результате стечения каких-то случайных факторов. Быть может, создатели города запланировали твое появление на свет с самого начала, но возможно, что ты — всего лишь порождение уже нашего времени, лишенное какого-либо сокровенного смысла.

Мы не знаем. Нам известно только, что ты — единственный из всей человеческой расы, кто никогда не жил прежде. В буквальном смысле слова — ты единственный ребенок, родившийся на Земле за последние, по крайней мере, десять миллионов лет.

3

...Когда Джизирак и родители истаяли на стене, Олвин долго еще лежал, пытаясь отрешиться от всего. Он сомкнул комнату вокруг себя, чтобы никто не мог прервать его глубокой и серьезной сосредоточенности.

Он, однако, не спал. Он просто не знал, что такое сон, ибо это состояние было принадлежностью совсем другого мира — мира ночи и дня, а в Диаспаре царил только день. Лежать вот так — это было самое тесное приближение к забытому людьми состоянию сна, и, хотя, в сущности, это было не так уж и нужно, Олвин понимал, что такое отключение от окружающего поможет ему быстрее собраться с мыслями.

Нового для себя он выяснил мало. Почти обо всем, что сообщил ему Джизирак, он уже догадался раньше. Но одно дело догадаться, и совсем другое — когда твоя догадка подтверждается с полной неопровержимостью.

Как все это скажется на его жизни — и скажется ли вообще? Олвин ничего не знал наверное, и эта неопределенность была для него ощущением новым. Быть может, никаких перемен и не будет; если он не приспособится полностью к Диаспару в нынешней жизни, это может произойти в следующей... или в той, которая наступит за ней...

Мысль эта еще только формировалась, а мозг Олвина уже отверг ее. Диаспар мог вполне устраивать остальную часть человечества, но только не его. Олвин не сомневался, что человек мог бы прожить в Диаспаре тысячу жизней и не исчерпать всех его чудес, не перечувствовать всех оттенков опыта того бытия, которое предлагал ему город. Все это доступно и ему... Но если он не сможет рассчитывать на большее, то никогда не познает удовлетворения...

Перед ним стояла только одна проблема. Что *еще* мог бы он совершить?

Этот безответный вопрос пробудил его от полузабытья. Он не в силах был долее оставаться здесь, будучи в таком вот взвинченном состоянии, а в городе существовало только одно место, которое обещало ему успокоение.

Дрогнув, часть стены исчезла, когда он вошел в нее и ступил в коридор, и ее поляризованные молекулы на мгновение мягко облегли его тело — словно слабый ветерок дохнул в лицо. Существовало много способов, с помощью которых он мог бы без труда добраться до цели, но он предпочел отправиться пешком. Его комната находилась почти на Главном Уровне города, и короткий проход привел Олвина на спиральный пандус, сбегавший на улицу. Он пренебрег движущимся тротуаром и ступил на узкий неподвижный, что, без сомнения, было причудой, поскольку ему предстояло преодолеть несколько миль. Но Олвину нравилось ходить пешком — ходьба успокаивала. Кроме того, можно было по пути увидеть столь многое, что ему представлялось просто досадным проноситься на скорости мимо новейших чудес Диаспара, когда впереди у тебя времени — вечность.

У художников города — а в Диаспаре каждый время от времени становился художником — был обычай выставлять свои новые произведения вдоль движущихся тротуаров, чтобы гуляющие могли любоваться работами. При такой системе обычно проходило лишь несколько дней — и все население успевало критически осмотреть каждую стоящую внимания вещь, а также и выразить о ней свое мнение. Окончательный вердикт, автоматически фиксируемый специальной аппаратурой для анализа общественного мнения, которую никому еще не удавалось подкупить или обмануть,— хотя попыток такого рода насчитывалось вполне достаточно,— и решал судьбу шедевра. Если в его пользу подавалось определенное число голосов, матрица произведения помещалась в Хранилища Памяти, и каждый, кто того хотел, в любой момент и ныне, и присно, и во веки веков мог получить копию, абсолютно неотличимую от оригинала.

Менее же удачные работы ожидала судьба всех таких произведений. Они либо распылялись на свои составляющие, либо в конце концов находили себе приют в домах друзей художника.

На всем своем пути Олвину встретилось лишь одно objet d'art, которое ему более или менее пришлось по душе. Это была композиция из чистого света, отдаленно похожая на распускающийся цветок. Медленно вырастая из крохотной цветной сердцевинки, рисунок разворачивался в систему сложных спиралей и занавесов, затем внезапно опадал, и весь цикл начинался сызнова. Но уже не совсем так, как в предыдущий раз, и новый рисунок не совпадал полностью с тем, который был прежде. Олвин наблюдал за картиной на протяжении нескольких пульсаций, и каждый раз возникали едва заметные, почти неощутимые отличия, хотя в целом основа композиции и оставалась неизменной.

Он понимал, почему ему понравилась именно эта вот неосязаемая скульптура, изваянная из света. Ее ритмичное расширение порождало ощущение пространства, даже какого-то бунта против замкнутого объема. Возможно, что именно по этой причине она не пришлась бы по душе многим согражданам Олвина. Он запомнил имя художника и решил при первом же удобном случае побеседовать с ним.

Все дороги Диаспара — и движущиеся, и неподвижные — кончались у границ Парка, этого зеленого сердца города. Здесь, на круговом пространстве диаметром более трех миль, жила память о том, чем была Земля в те дни, когда пустыня еще не поглотила, как теперь, поверхность планеты, обойдя лишь Диаспар. Сначала шел широкий пояс луга, затем — низкорослые деревья, заросли которых становились все гуще и гуще по мере того, как гуляющий углублялся под их кроны. В то же время уровень Парка постепенно понижался, так что для наблюдателя, вышедшего из узкой полосы леса, город совершенно пропадал из виду, скрытый стеною деревьев.

Широкий поток, струившийся перед Олвином, назывался просто — Река. Другого имени у него не было, да и к чему бы оно ему... Кое-где Реку пересекали узкие мосты, и она текла по Парку, описывая геометрически правильное замкнутое кольцо, время от времени прерываемое плесами. То обстоятельство, что эта Река с довольно быстрым течением могла впадать в себя самое после каких-то шести миль, никогда не поражало Олвина как нечто необычное. В сущности, если даже где-то в своем течении Река потекла бы вдруг вверх по склону, он и на это не обратил бы никакого внимания. В Диаспаре можно было встретить и куда более диковинные вещи.

С десяток девушек и юношей купались на мелководье одного из плесов, и Олвин остановился поглядеть. Лица большинства из них были ему знакомы, многих он знал и по именам, и на какой-то момент ему захотелось принять участие в их забаве. Но затем тайна, которую он нес в себе, взяла свое, и он удовольствовался ролью наблюдателя.

Развитие тел не позволяло судить, кто из этих молодых граждан вышел из Зала Творения в нынешнем году, а кто жил в Диаспаре уже столь же долго, сколь и Олвин. Хотя все они сильно разнились по росту и весу, с их возрастом это никак не соотносилось. Просто — люди рождались уже вот такими, и, хотя больший рост, в общем, означал, что человек этот старше других, это было не слишком-то надежным правилом для определения возраста, если только речь не шла о прожитых столетиях.

О возрасте куда проще было судить по лицу. Некоторых из новорожденных, хотя они и были ростом выше Олвина, отмечала печать незрелости: на их лицах все еще проглядывало восхищенное изумление миром, в котором они обнаружили себя, миром, который в мгновение ока произвел их на свет. Было как-то странно знать, что в их сознании глубоким, непотревоженным сном спала бесконечная череда жизней, воспоминание о которых скоро пробудится. Олвин завидовал им и в то же самое время не был уверен, что тут стоит чему-то завидовать. Самое первое существование каждого было драгоценнейшим даром, которому уже никогда не повториться. Это было восхитительно — наблюдать жизнь впервые, словно бы в свежести рассвета. Если бы только найти других, таких же, как он сам, с кем он мог бы разделить свои мысли и чувства!

И тем не менее физический его облик был создан точь-в-точь в тех же формах, что и у этих детей, играющих в воде. За миллиард лет, протекших со времени создания Диаспара, человеческое тело не изменилось, в сущности, ни на йоту, поскольку основы его конструкции были навечно вморожены в Хранилища Памяти города. И все же оно отличалось от своей первоначальной, примитивной формы, пусть даже бóльшая часть отличий была внутреннего характера и увидеть их было нельзя. В ходе долгой своей истории человек не раз перестраивал себя, стремясь избавиться от болезней, средоточием которых когда-то была его плоть.

Такие ненужные принадлежности, как ногти и зубы, исчезли. Волосы сохранились лишь на голове, на теле же от них не осталось и следа. Но больше всего человека Эпохи Рассвета поразило бы, пожалуй, необъяснимое отсутствие пупка. Это дало бы ему обильную пищу для размышлений, и с первого взгляда он был бы немало озадачен проблемой — как отличить мужчину от женщины. Быть может, он был бы даже склонен полагать, что этого различия больше не существует, и это стало бы его серьезной ошибкой. В соответствующих обстоятельствах существование сильного пола сомнений не вызывало. Все дело в том, что отличительные черты пола, когда в них не было необходимости, принимали куда более скромные формы.

Конечно, воспроизведение перестало быть функцией тела, будучи делом слишком серьезным, чтобы его можно было отдать игре случая, в которой те или иные хромосомы выпадали, будто при игре в кости. И все же, хотя зачатие и рождение уже совершенно изгладились из человеческой памяти, физическая любовь продолжала жить. Даже в древности едва ли какая-то сотая часть сексуальной активности человека падала на процессы воспроизведения. Исчезновение этого единственного процента изменило рисунок человеческого общества и значение таких слов, как «отец» и «мать», но влечение сохранилось, хотя теперь удовлетворение его преследовало цель ничуть не более глубокую, нежели любое другое чувственное наслаждение.

Олвин покинул своих резвящихся сверстников и пошел дальше, к центру Парка. Он ступал по едва намеченным тропинкам, которые, пересекаясь, вились сквозь низкорослый кустарник и время от времени ныряли в узкие расщелины между огромными, обросшими лишайником валунами. В одном месте он поравнялся с какой-то маленькой машиной многогранной формы, па-

рившей в кроне дерева. Никто не знал, сколько разновидностей роботов существует в Диаспаре: они старались не попадаться людям на глаза и занимались своим делом настолько споро, что увидеть изредка даже хотя бы одного из них было событием весьма необычным.

Наконец поверхность почвы снова стала подниматься — Олвин приближался к небольшому холму, расположенному точно в центре Парка и, следовательно,— и самого города. Идти здесь стало легче, и ему уже ясно была видна вершина холма и венчавшее ее здание простых очертаний. К тому моменту, когда Олвин достиг цели, он несколько запыхался и был рад возможности прислониться к одной из розовых колонн, передохнуть и окинуть взглядом путь, которым он сюда добрался.

Существует несколько архитектурных форм, которые не подвержены изменениям, потому что являют собой совершенство. Усыпальница Ярлана Зея могла бы быть возведена и строителями храмов самых первых цивилизаций из всех известных человечеству, хотя они даже отдаленно не смогли бы себе представить, из какого материала она выстроена. Потолок усыпальницы растворялся в небе, а единственный ее зал выстилали плиты, которые только на беглый взгляд казались вытесанными из камня. В течение многих геологических эпох люди истирали ногами этот пол и так и не оставили на нем ни малейшего следа — столь непостижимо тверд был материал плит.

Создатель этого огромного парка (а также, как утверждали некоторые,— строитель и самого города) сидел, слегка опустив глаза, словно бы изучая какие-то чертежи, расстеленные у него на коленях. Странное, ускользающее выражение его лица ставило в тупик мир на протяжении долгой череды поколений. Одни приписывали это всего лишь праздной причуде скульптора, но иным представлялось, будто Ярлан Зей улыбается какой-то тайной своей шутке...

Да и само по себе все это сооружение было окутано пеленой тайны, потому что в анналах города о нем нельзя было отыскать ни строчки. Олвин не был даже особенно уверен в том, что означало само слово «усыпальница»; возможно, что это ему мог бы разъяснить Джизирак, любивший коллекционировать устаревшие слова и уснащать ими речь к полному смущению собеседника.

Со своей удобной наблюдательной позиции Олвин мог поверх крон кинуть взгляд на город. Ближайшие здания отстояли от него почти на две мили, образуя вокруг Парка низкое кольцо. За ними, ряд за рядом, наращивая высоту, вздымались башни и террасы — собственно, они-то и составляли город. Миля за милей простирались они, медленно карабкаясь к небу, их формы все усложнялись, они поражали воображение своей монументальностью. Диаспар был спланирован как единство — это была одна могучая машина. Но хотя уже и сам его облик ошеломлял сложностью, она лишь намекала на те чудеса техники, без которых все эти огромные здания были бы лишь безжизненными гробницами.

Олвин пристально всматривался в границы своего мира. Милях в двадцати — там детали очертаний уже скрадывало расстояние — проходили внешние обводы этой крепости, и на них, казалось, покоился уже сам небесный свод.

За ними не было ничего — совсем ничего, разве что тягостная пустота песков, в которой человек — поговаривали — быстро сходил с ума...

Тогда почему же эта пустота влекла его так, как ни одного из окружающих его людей? Олвин никак не мог этого понять. Он все смотрел и смотрел на разноцветные шпили, на зубцы башен, которые теперь заключали в своих объятиях весь человеческий дом,— словно искал в них ответа на свое недоумение и тревогу.

Ответа не было. Но в эти мгновения, когда сердце Олвина тянулось к недоступному, он принял решение.

Теперь он знал, чему посвятить жизнь.

4

Джизирак оказался не слишком-то полезен, хотя и проявил большую готовность помочь, чего Олвин все-таки не ожидал. За долгую карьеру ментора Джизираку не раз уже задавали похожие вопросы, и ему как-то не верилось, что даже такой Неповторимый, как Олвин, мог бы сильно удивить его или поставить перед проблемами, которых он не сумел бы разрешить.

Правда, Олвин уже начал проявлять кое-какие черты эксцентрической личности, которые впоследствии могли бы потребовать исправления. Он не принимал в должной мере участия в необыкновенно сложной социальной жизни города и в фантастических затеях своих товарищей. Не выказывал он большого интереса и к горним полетам мысли; впрочем, в его возрасте это едва ли было чем-то необычным. Куда более примечательной представлялась его беспорядочная любовная жизнь. Конечно, трудно было ожидать, чтобы он установил относительно стабильные отношения с девушками на протяжении еще по меньшей мере столетия, и тем не менее мимолетность его увлечений была уже широко известна. Пока они длились, увлечения эти были всепоглощающи, однако ни одна из связей не продолжалась долее нескольких недель. Похоже было, что в каждый данный отрезок времени Олвин мог глубоко заинтересоваться лишь чем-то одним. Бывали периоды, когда он очертя голову кидался в любовные игры своих сверстников или на несколько дней исчезал с очередной подружкой. Но как только это настроение у него проходило, наступала долгая полоса, когда ему, казалось, было абсолютно наплевать на то, что должно бы было составлять главное занятие в его возрасте. Быть может, это было не слишком хорошо и для него самого, но уж, вне всякого сомнения, совсем не устраивало покинутых им девушек, потерянно слонявшихся по городу. После Олвина им требовался слишком уж долгий срок, чтобы обрести утешение где-нибудь в другом месте. Как обратил внимание Джизирак, Алистра сейчас как раз вступила в эту несчастную стадию.

И дело было вовсе не в том, что Олвину не хватало сердца или заинтересованности. Просто в любви, как и во всем остальном, он, похоже, стремился к цели, которую Диаспар не мог ему указать.

Эти черточки характера мальчика не слишком тревожили Джизирака. От Неповторимого вполне можно было ожидать именно такого вот поведения, но в должный срок Олвин, конечно же, воспримет существующий в городе об-

раз жизни. Ни один индивидуум, как бы эксцентричен, как бы талантлив он ни был, не сумел бы оказать возмущающего влияния на колоссальную инерцию общества, которое оставалось неизменным на протяжении более чем миллиарда лет. Джизирак не просто свято верил в эту стабильность. Ничего иного он и помыслить себе не мог.

— Проблема, волнующая тебя, очень стара,— говаривал Джизирак Олвину.— Но ты удивишься, узнав, какое множество людей принимает этот мир как нечто само собой разумеющееся — и до такой степени, что проблема эта никогда не только не тревожит их, но и в голову-то им не приходит! Верно, было время — человечество занимало пространство, бесконечно большее, нежели этот город. Отчасти ты знаком с тем, чем была Земля до той поры, пока не восторжествовала пустыня и не исчезли океаны. Видеозаписи, которые ты так любишь,— одни из самых ранних, какие только есть в нашем распоряжении. Они — единственные, на которых Земля запечатлена в том виде, в каком она была до появления Пришельцев. Не могу себе представить, чтобы записи эти оказались известны заметному кругу людей. Ведь безграничные, открытые пространства — суть нечто для нас невыносимое и непостижимое...

Но, ты сам понимаешь, наша Земля была лишь ничтожной песчинкой Галактической Империи. Какие они из себя, черные пространства между звездами,— это такой кошмар, который ни один человек в здравом уме не станет даже и пытаться себе вообразить. Наши предки впервые покорили эти пространства на заре истории, когда они отправились в космос создавать Империю. И они снова пересекли межзвездную пропасть — в самый последний раз,— когда Пришельцы отбросили их обратно на Землю.

Легенда — и это только легенда — повествует о том, что мы заключили с Пришельцами некий пакт. Они могли забирать себе Вселенную, коли она так уж была им нужна, а мы удовольствовались миром, в котором родились.

Мы соблюдали этот договор, предав забвению честолюбивые устремления своего детства, как оставишь их и ты, Олвин. Люди, выстроившие этот город, создавшие общество, населяющее его, безраздельно повелевали силами человеческого разума — так же как и материей. Они поместили внутри стен этого города все, что могло бы когда-либо понадобиться землянам, после чего постарались, чтобы мы никогда не покинули пределов Диаспара.

О, физические препятствия — они-то как раз наименее существенны. Кто его знает, возможно, и есть пути, которые ведут за пределы города, но я не думаю, что по ним можно уйти далеко, даже если ты их и обнаружишь. Но пусть тебе даже и удастся эта попытка — что толку? Твое тело не сможет долго продержаться в пустыне, где город уже будет не в состоянии защищать и кормить тебя...

— Но если есть какой-то путь, ведущий из города,— медленно проговорил Олвин,— то что мешает мне выйти?

— Вопрос не из умных,— откликнулся Джизирак.— Полагаю, что ответ ты уже знаешь и сам...

Джизирак был прав, но не совсем так, как ему представлялось. Олвин знал ответ — или, лучше сказать, он его угадывал. Истину подсказали ему его товарищи — своим поведением наяву и в тех полугрезах с приключениями,

которые он разделял с ними. Они были абсолютно не способны покинуть Диаспар. Джизирак, однако, не знал другого: непреложность этого правила, двигающего их жизнью, не имела ровно никакой силы над Олвином. Чем бы ни была вызвана его Неповторимость — случайностью ли, древним ли расчетом (Олвин этого не знал),— но этот дар явился одним из ее следствий. Снедало любопытство — сколько же еще таких вот, как он сам, встретится ему в жизни?

...В Диаспаре никто никогда не спешил, и даже Олвин редко нарушал это правило. Он тщательно осмысливал свою проблему на протяжении нескольких недель и тратил бездну времени в поисках самых ранних записей Памяти города. Часами лежал он, поддерживаемый неощутимыми ладонями гравикомпенсаторного поля, в то время как гипноновый проектор раскрывал его сознание навстречу прошлому. Кончалась запись, проектор расплывался и исчезал — но Олвин все лежал, уставясь в пустоту, и не спешил возвращаться из глубины столетий к реальностям своего мира. Он снова и снова видел безбрежные пространства голубых вод — куда более громадные, чем пространства суши,— и волны, накатывающиеся на золотые отмели побережий. В ушах у него звенел грохот гигантских валов, отшумевших миллиарды лет назад... Он вызывал в памяти леса и прерии и удивительных животных, которые когда-то делили Землю с Человеком.

Древних этих записей обнаружилось совсем немного. Было принято считать, хотя никто и не знал — почему, что где-то в промежутке между появлением Пришельцев и основанием Диаспара все воспоминания о тех примитивных временах были утрачены. Стирание общественной памяти было настолько полным, что невозможно было поверить, будто такое могло произойти в силу какой-то случайности. Человечество забыло свое прошлое — за исключением нескольких хроник, которые могли оказаться не более чем легендами. Все, что было до Диаспара, называлось просто — Века Рассвета. В этой непостижимой временно́й пропасти буквально бок о бок сосуществовали первобытные люди, едва-едва научившиеся пользоваться огнем, и те, кто впервые высвободил атомную энергию; тот, кто первым выжег и выдолбил каноэ из цельного ствола дерева, и тот, кто первым же устремился к звездам. На той, дальней стороне пустыни Времени все они проживали соседями, современниками...

...Эту прогулку Олвин вознамерился было совершить, как и прежде, в одиночестве, однако уединиться в Диаспаре удавалось далеко не всегда. Едва он вышел из комнаты, как встретил Алистру, которая даже и попытки не сделала показать, что оказалась здесь по чистой случайности.

Олвину и в голову не приходило, что Алистра красива, поскольку ему никогда не случалось сталкиваться с уродством. Когда прекрасное окружает нас со всех сторон, оно утрачивает способность трогать сердце, и произвести какой-то эмоциональный эффект может лишь его отсутствие.

В первое мгновение Олвин испытал раздражение — встреча напомнила ему о страстях, которые его больше не испепеляли. Он был еще слишком молод и слишком полагался на себя самого, чтобы чувствовать необходимость в какой-то длительной привязанности, и, приди время, ему, возможно, будет нелегко такими привязанностями обзавестись. Даже в самые интимные моменты барьер этой непохожести на других вставал между ним и его возлюбленны-

ми. Хотя тело его и сформировалось, он тем не менее все еще оставался ребенком, и таковым ему было суждено пребывать на протяжении многих десятилетий, в то время как его товарищи один за другим возродят воспоминания о своих прежних жизнях и оставят его далеко позади. Ему уже приходилось сталкиваться с этим, и он приучился быть осторожным и не отдаваться безоглядно обаянию личности другого человека. Даже Алистра, кажущаяся сейчас такой наивной, лишенной какой бы то ни было искусственности, станет вскоре сложным конгломератом воспоминаний и талантов, далеко превосходящих все, что он мог бы себе вообразить.

Но едва проклюнувшееся было раздражение почти тотчас бесследно исчезло. Не существовало ровно никаких причин, по которым Алистра не должна была бы идти с ним, коли уж ей так этого захотелось. Олвин не был эгоистом и не стремился, как нищий суму, ревниво прижимать к груди новый свой опыт. В сущности, он, возможно, сумел бы узнать много интересного для себя по ее реакции на то, что ей предстояло увидеть...

Пока экспресс-тротуар выносил их за пределы заполоненного людьми центра города, Алистра — что было для нее как-то необычно — не задавала никаких вопросов. Вместе они добрались до центральной, самой скоростной линии, не удосужившись и взгляда бросить на чудеса, расстилающиеся у них под ногами. Инженер из мира древности тихо сошел бы с ума, пытаясь, к примеру, уразуметь, каким образом твердое, по всей видимости, покрытие тротуара может быть неподвижным по краям, а ближе к центру — двигаться со все увеличивающейся скоростью. Но для Олвина и Алистры существование вещества, которое обладает свойствами твердого тела в одном направлении и жидкости — в другом, представлялось совершенно естественным.

Здания вокруг них вздымались все выше и выше, словно бы город угрожающе наставлял свои башни против внешнего мира. Как странно было бы, подумалось Олвину, если бы эти громоздящиеся стены стали вдруг прозрачными, будто стекло, и можно было бы наблюдать жизнь, протекающую там, внутри... Рассеянные в пространстве вокруг него, жили друзья, которых он знал хорошо, и те, с кем в один прекрасный день ему еще предстоит познакомиться, и те из сограждан, с которыми ему не встретиться никогда,— хотя как раз таких-то могло оказаться совсем немного, поскольку на протяжении жизни ему придется повстречаться едва ли не с каждым в Диаспаре. По большей части все эти люди сидят сейчас, вероятно, в своих неприступных комнатах, однако они вовсе не одиноки. Стоит только каждому из них сформировать мысль-пожелание, как он сразу очутится — во всех смыслах, кроме физического,— перед лицом любого избранного им в собеседники жителя Диаспара. Эти люди не ведали, что такое скука, поскольку имели доступ ко всему, что происходило в мире воображения и в реальной жизни с тех самых времен, когда был построен этот город. Людей, чье сознание было устроено таким вот образом, город обеспечивал всем необходимым с безукоризненной полнотой. А того, что такое существование является, в сущности, совершенно бесплодным, не понимал даже и сам Олвин.

По мере того как молодые люди выбирались из центра города к его окраине, число встречных на улицах все уменьшалось, и, когда тротуар плавно оста-

новился у очень длинной платформы, сложенной из яркого мрамора, вокруг них уже не было ни одной живой души. Они пересекли застывший водоворот вещества, из которого эта странная субстанция струящегося тротуара возвращалась к истоку, и остановились перед стеной, пронизанной ослепительно освещенными туннелями. Олвин без колебаний выбрал один из них и ступил в него. Алистра следовала за ним по пятам. Перистальтическое поле тотчас же подхватило их и понесло, а они, откинувшись — ни на что! — удобно полулежали и разглядывали окружающее.

Просто не верилось, что туннель этот проложен где-то в глубочайших недрах города. Искусство, пользовавшееся Диаспаром как одним огромным холстом, проникло и сюда, и им казалось, что небо над ними распахнуто навстречу райски ароматным и свежим ветрам. Сияющие на солнце башни города окружали их. Это был вовсе не тот город, в котором так легко ориентировался Олвин, а Диаспар времен куда более ранних. Большинство всех этих гигантских зданий узнавались, но тем не менее окружающему были присущи и некоторые отличия — впрочем, они делали пейзаж еще более интересным. Олвину хотелось бы немного задержаться, но он просто не знал способа остановить это плавное движение через туннель.

Вскоре невидимая сила мягко опустила их на пол просторного эллиптического зала, по всему периметру которого шли окна. Через них молодые люди могли охватить взором невыразимо манящий ландшафт — сады, пылающие ярким, с просверками пламенем цветов. Да, в Диаспаре были и сады — хотя бы вот эти, но они существовали только в воображении художника, который их создал. Вне всякого сомнения, таких цветов, как эти, на самом деле в природе не существовало...

Алистра была заворожена их красотой. Она, похоже, думала, что Олвин и привел-то ее сюда единственно для того, чтобы полюбоваться на них. Некоторое время он наблюдал за девушкой, весело и легко перебегающей от окна к окну, и сам радовался радости каждого ее открытия. В полупокинутых зданиях по внешней границе Диаспара таились сотни таких вот мест, и какие-то скрытые силы, следящие за ними, непрестанно поддерживали их в безупречном состоянии. В один прекрасный день приливная волна жизни, возможно, снова хлынет сюда, но до поры этот древний сад оставался тайной, существующей только для них двоих.

— Нам — дальше,— проговорил наконец Олвин.— Ведь это только начало...— Он прошел через одно из окон, и... иллюзия разрушилась. За пропустившим его «стеклом» не было никакого сада — только круговой проход, круто загибающийся кверху. Олвин все еще видел Алистру — в нескольких шагах от себя,— но знал, что она-то его уже не видит. Алистра, однако, не заставила себя ждать. Секундой позже она уже стояла рядом с ним.

Пол у них под ногами медленно пополз вперед, словно бы изъявляя полную свою готовность незамедлительно доставить их к цели путешествия. Они сделали было по нему несколько шагов, но скорость пола стала уже столь большой, что не было ровно никакой необходимости шагать еще и самим.

Проход все так же поднимался вверх и через сотню футов шел уже под совершенно прямым углом к первоначальному своему положению. Впрочем, по-

стичь эту перемену можно было лишь логикой, ибо чувства говорили, что движение происходит по безупречной горизонтали. Тот факт, что на самом-то деле они двигались вверх по стенке вертикальной шахты глубиной в несколько тысяч футов, совершенно не тревожил молодых людей: отказ гравикомпенсаторного поля был просто немыслим.

Наконец коридор пошел с «наклоном» вниз, пока опять не изменил своего направления под прямым углом к вертикальной плоскости. Движение пола неприметным образом все более и более замедлялось, наконец он совсем остановился в конце длинного зала, стены которого были выложены зеркалами, и Олвин понял, что уж здесь-то Алистру никак не поторопишь. Дело было не только в том, что некоторые черты женского характера без малейших изменений выжили со времен Евы: просто никто не смог бы не поддаться очарованию этого места. Ничего подобного ему, насколько было известно Олвину, в Диаспаре не существовало. Благодаря какой-то уловке художника только некоторые из этих зеркал отражали мир таким, каким он был на самом деле, и даже они — Олвин был в этом убежден — беспрестанно меняли изображение. Остальные, конечно, тоже отражали нечто, но было как-то жутковато видеть себя расхаживающим среди переменчивой и совершенно нереальной, выдуманной кем-то обстановки.

Порой в этом Зазеркалье возникали и другие люди, они двигались в разных направлениях, и Олвин несколько раз отметил в толпе знакомые лица. Он отлично отдавал себе отчет в том, что это вовсе не были его друзья по нынешнему существованию. Глазами неизвестного художника он глядел в прошлое и видел предыдущие воплощения тех, кто сейчас населял мир. Напомнив о его непохожести на других, пришла печальная мысль, что, сколько бы он ни ждал перед этими переменчивыми картинами, никогда ему не увидеть древнего эха самого себя...

— Знаешь, где мы? — спросил Олвин у Алистры, когда они миновали зеркальный зал. Алистра отрицательно покачала головой.

— Наверное, где-то у самой-самой окраины города,— беззаботно ответила она.— Похоже, что мы забрались очень далеко, а вот куда именно — я и понятия не имею...

— Мы — в башне Лоранна,— объяснил Олвин,— это одна из самых высоких точек Диаспара. Идем — я тебе покажу.

Он взял девушку за руку и вывел ее из зала. Собственно, никакого видимого выхода здесь не было, но кое-где рисунок на полу указывал, что отсюда ответвляется боковой коридор. Стоило в таком месте приблизиться к зеркальной стене, как отражения в ней, казалось, сплавлялись в светящуюся арку, и через нее можно было проникнуть в еще один проход. Алистру давно сбили с толку все эти повороты, но наконец они вышли в длинный, совершенно прямой туннель, в котором с постоянной силой дул холодный ветер. Туннель простирался горизонтально на сотни футов в обоих направлениях, и окончания его представлялись лишь крохотными светлыми кружочками.

— Не нравится мне здесь,— поежилась Алистра.— Здесь холодно!

Очень могло быть, что ей еще ни разу в жизни не приходилось сталкиваться с настоящим холодом, и Олвин почувствовал себя несколько винова-

то. Ему следовало бы предупредить девушку, чтобы она прихватила с собой какую-нибудь накидку, и потеплее, поскольку обычная, повседневная одежда в Диаспаре была чисто декоративной, и в смысле защиты от холода толку от нее не было никакого.

Поскольку испытываемые Алистрой неприятные ощущения целиком лежали на его совести, он молча передал ей свой плащ. Галантности в этом не было и следа — равенство полов уже слишком долго было абсолютно полным, чтобы такие условности еще имели право на существование. Озябни он — Алистра отдала бы ему свой плащ, и он принял бы эту помощь как нечто само собой разумеющееся.

Ветер подталкивал их в спину, идти было даже приятно, и вскоре они добрались до конца туннеля. Широкая решетка из резного камня преградила им путь — и кстати, поскольку они стояли теперь над пустотой. Огромное вентиляционное отверстие открывалось прямо на отвесной стене башни, и под ними зияла пропасть глубиной по меньшей мере в тысячу футов. Они находились высоко на внешнем обводе города, и Диаспар расстилался под ними — мало кто из их мира когда-либо видел его таким.

Им представилась картина, обратная тому, что наблюдал Олвин из центра Парка. Теперь он уже сверху вниз смотрел на концентрические волны камня и металла, многомильными дугами уходящие к центру города. Далеко-далеко, за силуэтами башен виднелись лужайки, деревья и Река с ее вечным круговым течением. А еще дальше — к небу снова начинали карабкаться бастионы Диаспара.

Стоя рядом с Олвином, Алистра тоже глядела на открывшийся вид — глядела с удовольствием, однако без малейшего удивления. Ей и прежде приходилось бессчетное число раз видеть свой город с почти столь же высоких точек, разве что только в обстановке куда более комфортабельной.

— Вот он, наш мир,— весь, целиком,— проговорил Олвин.— А теперь я хочу показать тебе кое-что еще...

Он повернулся спиной к решетке и двинулся навстречу далекому светлому пятнышку на противоположном конце туннеля. Ветер холодил его едва прикрытое тело, но Олвин не замечал этого и с каждым шагом все дальше и дальше погружался в струи встречного потока воздуха.

Он прошагал всего ничего, когда до него вдруг дошло, что Алистра так и не двинулась с места. Она стояла и смотрела на него. Плащ, который он ей дал, трепетал на ветру, одна рука девушки застыла на полпути к лицу... Олвин видел, что губы ее шевелятся, но слова не долетали до него. Он оглянулся на нее сперва удивленно, потом с нетерпением и не без жалости. То, о чем толковал Джизирак, оказалось правдой: Алистра просто не могла следовать за ним! Она догадалась, что означал этот дальний кружок света, через который в Диаспар от века стремился поток воздуха. За ее спиной цвел знакомый ей мир, полный чудес, но лишенный тайны, плывущей по реке Времени, подобно блистающему, но наглухо запаянному пузырьку. А впереди, на расстоянии каких-то нескольких шагов, простирались запустение и дикость — мир пустыни, мир Пришельцев...

Олвин возвратился к девушке и удивился, обнаружив, что ее бьет дрожь.

— Чего ты испугалась? — спросил он.— Мы же все еще в Диаспаре, в безопасности! И раз уж мы выглянули в то окошко, что позади нас, то, конечно же, можем поглядеть и в это!..

Алистра смотрела на него так, как если бы он был каким-то неведомым чудовищем. Да, собственно, по ее разумению, так оно и было.

— Ни за что не смогу...— прошептала она наконец.— Стоит мне только подумать об этом, как меня прямо мороз пробирает — холодно делается почище, чем от этого вот ветра. Ой, Олвин, не ходи дальше!..

— Но ведь в этом же нет никакой логики! — укоризненно настаивал он.— Ну что с тобой может приключиться, если ты дойдешь до того конца туннеля и выглянешь наружу? Конечно, место там странное и пустынное... но ведь в нем нет ничего ужасного... Честно говоря, чем дольше я туда смотрю, тем красивее мне все там кажется...

Алистра даже не дала себе труда дослушать. Она резко повернулась на каблуках и побежала по длинному проходу, который вознес их сюда сквозь пол вентиляционного туннеля. Олвин не сделал ни малейшего движения, чтобы задержать ее. Это было бы вопиющим проявлением дурных манер — навязывать другому человеку свою волю. Ему было понятно, что принуждение в таком вот деле совершенно бесполезно. Он знает, что Алистра теперь не остановится, пока не возвратится к своим друзьям. Опасности, что она заблудится в лабиринтах города, не существовало, поскольку ей совсем не трудно будет восстановить путь, приведший их сюда. Инстинктивная способность отыскивать выход из самых запутанных лабиринтов была еще одним из многочисленных достижений человека, которых он добился с той поры, как начал жить в городах. Вымершие давным-давно крысы тоже были вынуждены выучиться этому, когда покинули свои норы в полях и присоединились к горожанам...

Олвин постоял еще немного, словно надеясь, что Алистра возвратится. Сама по себе реакция девушки его не удивила. Странными были только бурность ее проявления и полная иррациональность. И хотя ему было искренне жаль, что Алистра ушла, он все же не мог не подосадовать, что она не оставила ему его плащ.

Идти наперекор потоку ветра, вливавшегося в легкие города, было не только холодно, но и просто трудно. Олвину приходилось преодолевать и сопротивление стены воздуха, и ту силу, которая тянула его в город. Только добравшись до решетки и ухватившись за нее, он смог расслабиться. Промежутки в решетке были достаточно велики, чтобы он мог просунуть наружу голову, но все равно поле зрения у него оказалось, в общем-то, ограниченным, потому что входное устье вентиляционной трубы было заметно притоплено в наружной стене города.

И все же, несмотря ни на что, некоторые детали он смог разглядеть достаточно хорошо. Далеко-далеко внизу свет солнца убегал из пустыни. Почти горизонтальные лучи, проходя сквозь решетку, отбрасывали в глубину туннеля перемежающийся узор золота и черни. Слепящее сияние заставило Олвина прижмуриться. Он стал пристально смотреть вниз — на землю, по которой на протяжении неведомого количества веков не ступала нога человека.

Ему представилось, что он разглядывает навсегда замерзшее море. Ибо миля за милей песчаные дюны волнами шли к западу и очертания их странно искажались в лучах заходящего солнца. Там и сям непостижимые капризы ветра изваяли в песке какие-то водовороты и лощины, и порой трудно было поверить, что все это — работа стихии, а не дело рук каких-то разумных существ. Где-то в дальней дали — так далеко, что он просто не в силах был оценить расстояние,— тянулась гряда слегка сглаженных холмов. Холмы эти разочаровали Олвина: он дорого дал бы, чтобы увидеть вздымающиеся вершины, образ которых ему подарили древние видеозаписи и собственные его грезы.

Солнце уже касалось кромки холмов, свет его, ослабленный сотнями миль атмосферы, через которую ему приходилось пробиваться, был красен. На диске светила можно было различить два огромных черных пятна. Олвин знал из уроков, что это в порядке вещей, но подивился, что может, оказывается, наблюдать это явление вот так, запросто. Пятна очень напоминали два каких-то глаза, уставившихся на него, одинокого, скрючившегося в своем наблюдательном пункте, где ветер не переставая свистел и свистел в ушах.

Сумерки так и не наступили. С уходом солнца лужи черной тени, плескавшиеся меж дюн, сразу же стремительно слились в одно необозримое озеро тьмы. Краски схлынули с неба, теплота киновари и золота истаяла, оставив после себя лишь ледяную голубизну, которая становилась все глубже и глубже, оборачиваясь черной синевой ночи. Олвин ждал того, дух захватывающего мига, который из всего человечества был ведом только ему одному,— мига, когда самая первая звезда, дрожа, пробудится к жизни...

Много недель минуло с того дня, когда он стоял здесь в последний раз, и он знал, что рисунок ночного неба за это время должен был перемениться. И все равно он оказался не готов к первой встрече с Семью Солнцами.

Они не могли называться никак иначе; его губы непроизвольно прошептали именно эти два слова. Семь Солнц составляли небольшую, очень тесную и удивительно симметричную группу — на небе, еще слегка согретом дыханием ушедшего дневного светила. Шесть из них располагались несколько вытянутым эллипсом, который в действительности — Олвин был в этом уверен — являлся безупречной окружностью, только чуть наклоненной по отношению к лучу зрения. Все семь звезд сияли разными цветами: он мог разобрать красный, голубой, золотистый и зеленый — оттенки других не поддавались глазу. И точнехонько в центре всего этого строя сверкал одинокий белый гигант — самая яркая звезда на обозримом небосводе. Вся друза удивительно напоминала драгоценное ювелирное изделие. Казалось немыслимым, выходящим за рамки законов вероятности, чтобы создать столь совершенное произведение могла сама природа.

По мере того как глаза Олвина медленно обвыкались в темноте, он стал различать и гигантский туманный занавес, который когда-то называли Млечным Путем. Он простирался от зенита к горизонту, и Семь Солнц были пришпилены к его складкам. Вот появились и другие звезды, почти столь же яркие, но, разбросанные группами там и сям, они лишь подчеркивали тайну безупречной симметрии Семерки. Казалось, что чья-то неведомая воля сознатель-

но бросила вызов беспорядочности природной Вселенной, пометив звездное небо своей печатью.

Всего десяток раз, не более того, повернулась Галактика вокруг своей оси с тех пор, как Человек впервые пошел по Земле. По собственным масштабам Галактики это было всего лишь мгновение. И все же за этот ничтожный срок она изменилась неузнаваемо: куда как больше, нежели имела право по логике естественного хода событий. Великие солнца, что когда-то, во времена своей гордой юности, пылали столь неистово, теперь угасали, приговоренные. Но Олвин никогда не видел неба в его древней красе и поэтому просто не представлял себе, что же оказалось утрачено.

Холод, пронизывающий его до костей, заставлял возвращаться обратно, в город. Олвин оторвался от решетки и принялся растираться, чтобы восстановить кровообращение в озябших руках и ногах. Впереди, в том, дальнем конце туннеля, свет, струившийся из Диаспара, был настолько нестерпим, что на мгновение пришлось отвести глаза. За пределами города существовали и день и ночь, но в его стенах сиял вечный полдень. По мере того как солнце садилось, небо над Диаспаром наполнялось рукотворным светом, и никто не замечал мига, когда исчезало естественное освещение. Люди изгнали тьму из своих городов еще до того, как научились обходиться без сна. Единственная, так сказать, ночь, которая когда-либо задевала Диаспар своим крылом, наступала во время случавшегося достаточно редко и совершенно непредсказуемого затемнения — время от времени оно окутывало Парк, превращая его в средоточие какой-то тайны.

Олвин медленно двинулся в обратный путь через зеркальный зал. Его сознание все еще было занято картиной ночи и звезд. Он испытывал и необъяснимый подъем, и в то же время был немало подавлен. Он не находил ровно никакого способа, при помощи которого мог бы скользнуть в эту огромную пустоту, да, собственно, не видел и никакой разумной причины так поступить. Джизирак сказал, что человек там, в пустыне, обречен на скорую гибель, и Олвин вполне ему верил. Быть может, наступит день, и он отыщет способ покинуть Диаспар, но он знал, что даже в этом случае вскоре ему придется вернуться. Уйти в пустыню было бы забавной игрой, не более того. И игрой, которую он не сможет разделить ни с кем, и сама по себе она не даст ему ничего... И все же на это стоит пойти хотя бы только для того, чтобы унять душевную тоску...

Словно не желая возвращаться в знакомый мир, Олвин бродил и бродил среди отражений прошлого. Остановившись перед одним из огромных зеркал, он стал рассматривать изображения, которые то появлялись, то исчезали в его глубине. Неведомый механизм, управлявший этими образами, контролировался, надо полагать, самим присутствием Олвина и, до некоторой степени, его мыслями. Когда он входил в это помещение, зеркала вначале всегда были слепы, но стоило ему только начать двигаться, как они тотчас же наполнялись действием.

Было похоже, что он стоит в каком-то просторном открытом дворе, которого он никогда прежде не видел, но который, вполне вероятно, и впрямь существовал где-нибудь в Диаспаре. Двор этот был необычно многолюден,

похоже, что здесь происходило какое-то собрание. На приподнятой платформе двое мужчин вели вежливый спор, а их сторонники стояли внизу и время от времени бросали спорящим реплики. Полнейшая тишина лишь добавляла очарования происходящему: воображение немедленно принялось восполнять отсутствующие звуки. О чем они спорят? — думал Олвин. Быть может, это вовсе не какая-то реальная сцена из прошлого? Тщательно продуманная и сбалансированная расстановка фигур, несколько театральные движения — все это делало происходящее в зеркале чуточку слишком «причесанным» для настоящей жизни.

Олвин всматривался в лица в толпе, пытаясь разглядеть хоть кого-нибудь из знакомых, но никого не находил. Впрочем, он, возможно, глядел на лица тех друзей, которых ему не повстречать еще на протяжении нескольких столетий... Сколько существует возможных типов лиц? Число это невообразимо, но все-таки оно не бесконечно, в особенности теперь, когда все малоэстетичные вариации устранены...

Люди в Зазеркалье продолжали свой давно уже никому не нужный спор, не обращая ровно никакого внимания на Олвина, отражение которого недвижимо стояло среди них. В сущности, было очень непросто поверить, что сам он не является реальным участником происходящего,— так безупречна была иллюзия. Когда один из фантомов в зеркале прошелся за спиной Олвина, то фигура последнего перекрыла его, как это было бы в реальном мире. А когда кто-то из присутствующих переместился перед ним, то заслонил его, Олвина, своим телом...

Он уже хотел было уйти, когда обратил внимание на странно одетого человека, стоящего несколько в стороне от основной группы. Его движения, его одежда, все в его облике казалось несколько не в стиле собравшихся. Он нарушал общий рисунок; как и Олвин, он выглядел среди остальных каким-то анахронизмом.

И уж совсем поразительно — он был реален, и он смотрел на Олвина со слегка насмешливой улыбкой...

5

За свою короткую жизнь Олвину удалось повстречаться не более чем с какой-нибудь одной тысячной жителей Диаспара. Поэтому он ничуть не удивился, что сейчас перед ним стоял незнакомец. Поразило его лишь то, что оказалось возможным вообще встретить кого бы то ни было в этой заброшенной башне, столь близко от границы неизведанного.

Олвин повернулся спиной к миру Зазеркалья и оказался лицом к лицу с непрошеным гостем. Но, прежде чем он успел рот раскрыть, тот уже обратился к нему:

— Насколько я понимаю, ты — Олвин. Когда я обнаружил, что сюда кто-то приходит, мне следовало бы сразу же догадаться...

Замечание это, несомненно, было сделано безо всякого намерения обидеть, это была просто констатация факта, и Олвин так его и воспринял. Он не удивился тому, что его узнали: нравилось ему это или нет, но уже сам факт

его непохожести на других, его еще не раскрывшиеся, но уже прозреваемые возможности делали его известным каждому в городе.

— Я — Хедрон,— сказал незнакомец, словно бы это все объясняло.— Они называют меня Шутом.

Олвин непонимающе смотрел на него, и Хедрон пожал плечами с насмешливой покорностью:

— Вот она, слава! Хотя... ты еще юн, и жизнь пока не выкидывала с тобой никаких своих штучек. Твое невежество извинительно.

Он был какой-то приятно-необычный, этот Хедрон. Олвин порылся в памяти, пытаясь отыскать значение странного слова «шут». Оно будило какие-то туманные воспоминания, но он никак не мог сообразить — какие именно. В сложной общественной жизни Диаспара в ходу было множество всяких титулов и прозвищ, и, чтобы выучить их все, требовалось прожить целую жизнь.

— И часто ты приходишь сюда? — немного ревниво спросил Олвин. Он уже как-то привык считать башню Лоранна своей собственностью и теперь испытывал нечто вроде раздражения от того, что ее чудеса оказались известны кому-то еще. Интересно, подумал он, выглядывал ли когда-нибудь Хедрон в пустыню, видел ли он, как звезды скатываются за западный край земли?

— Нет,— ответил Хедрон, уловив эти его невысказанные мысли.— Я не был здесь прежде ни разу. Но мне доставляет удовольствие узнавать о всякого рода необычных происшествиях в городе, а с тех пор как некто посещал башню Лоранна, прошло уже очень много времени...

Олвин мимолетно подивился, откуда Хедрон мог узнать о его предыдущих визитах сюда, но быстро оставил эту тему. Диаспар был полон ушей и глаз, а также других, куда более тонких органов восприятия, которые информировали город обо всем, что происходило в его стенах. И если кому-то очень уж приспичило, он, без сомнения, мог найти способ подсоединиться к соответствующим каналам информации.

— Даже если это и необычно, чтобы кто-то приходил сюда,— проговорил Олвин, словно бы защищаясь,— почему это должно тебя интересовать?

— Потому что все необычное в Диаспаре — это моя прерогатива,— ответил Хедрон.— Я обратил на тебя внимание еще очень давно и знал, что нам однажды предстоит встретиться. Я ведь тоже — на свой лад — единственный в своем роде. О, совсем не в том смысле, в каком ты! — я тысячу раз выходил из Зала Творения. Но когда-то давно, в самом начале, меня определили на роль Шута, а в каждый настоящий момент в Диаспаре живет только один Шут... Многие, впрочем, полагают, что и одного-то слишком много...

В голосе у Хедрона звучала ирония, удивлявшая Олвина. Было не в лучших манерах задавать прямые личные вопросы, но, в конце концов, Хедрон сам затеял весь этот разговор...

— Прошу простить мне мое невежество,— сказал Олвин,— но что это такое — «Шут» и что он делает?

— Ты спросил — «что?», поэтому я начну с ответа на вопрос — «почему?»,— ответил Хедрон.— История эта довольно длинная, но мне представляется, что тебе будет интересно.

— Мне все интересно,— отозвался Олвин, и это была достаточно полная правда.

— Превосходно! Так вот, те люди — если они были людьми, в чем я порой сильно сомневаюсь,— которые создали Диаспар, должны были решить невероятно сложную проблему. Диаспар — это не просто машина. Ты знаешь — это живой организм, да еще и бессмертный к тому же. Мы настолько привыкли к нашему обществу, что и представить себе не можем, каким странным показалось бы оно нашим первым предкам. У нас здесь маленький, закрытый мирок, никогда ни в чем не меняющийся, за исключением разве что незначительных деталей, совершенно стабильный — от века к веку. Он, возможно, существует дольше, чем длилась вся человеческая история до него,— и тем не менее в *той* истории человечества насчитывалось, как принято думать, бесчисленное множество тысяч отдельных культур и цивилизаций, которые какое-то время держались, а затем исчезали без следа. Так как же, спрашивается, Диаспар достиг этой своей исключительной стабильности?

Олвину странно было, что кто-то может задаваться столь элементарным вопросом, и его надежды узнать что-нибудь новенькое стали тускнеть.

— Благодаря Хранилищам Памяти, естественно,— ответил он.— Диаспар всегда состоит из одних и тех же людей, хотя их сочетания изменяются по мере того, как создаются или уничтожаются их физические оболочки...

Хедрон покачал головой.

— Это всего лишь очень и очень незначительная часть ответа. С теми же точно людьми можно построить множество модификаций общества. Я не могу этого доказать — у меня нет прямых свидетельств этому,— но я все-таки убежден, что так оно и есть. Создатели нашего города не только строго определили число его обитателей, они еще и установили законы, руководящие нашим поведением. Мы едва ли отдаем себе отчет в том, что эти законы существуют, но мы им повинуемся. Диаспар — это замерзшая культура, которая не в состоянии выйти за свои весьма узкие рамки. В Хранилищах Памяти помимо матриц наших тел и личностей содержится еще так много всего другого... Они хранят формулу самого города, удерживая каждый его атом точно на своем месте, несмотря на все изменения, которые может принести время. Взгляни, к примеру, на этот пол: его настелили миллионы лет назад, и по нему с тех пор прошло бессчетное число ног. А видишь ли ты хоть какие-нибудь следы износа?.. Незащищенное вещество, как бы прочно оно ни было, уже давным-давно было бы истоптано в пыль. Но до тех пор, пока есть энергия, поддерживающая функционирование Хранилищ Памяти, и до тех пор, пока собранные в них матрицы контролируют структуру города, физическое состояние Диаспара не изменится ни на йоту...

— Но ведь были же и некоторые изменения,— возразил Олвин.— С тех пор как город был построен, многие здания снесли, а на их месте возвели новые...

— Да, конечно,— но только в результате стирания информации, содержащейся в Хранилищах Памяти, и замещения ее новыми формулами... Как бы там ни было, я упомянул об этом просто в качестве примера работы механизма, с помощью которого город сохраняет свой физический облик. Мне же хочется подчеркнуть, что в то же самое время есть и механизмы, которые

сохраняют нашу социальную структуру. Они следят за малейшими изменениями и исправляют их, прежде чем те станут слишком уж заметными. Как это делается? Не знаю — возможно, путем отбора тех, кто выходит из Зала Творения. А может быть, что-то перестраивают матрицы наших индивидуальностей... Мы склонны полагать, что обладаем свободой воли, но можем ли мы быть в этом уверены?

В любом случае эта проблема была решена. Диаспар выжил и благополучно движется от столетия к столетию, подобно гигантскому кораблю, грузом которого являются все и всё, что осталось от человеческой расы. Это — выдающееся достижение социальной инженерии, хотя стоило ли всем этим заниматься — совсем другой вопрос.

Но стабильность — это еще не все. Она очень легко ведет к застою, а затем и к упадку. Создатели города предприняли очень сложные меры, чтобы избежать как того, так и другого, хотя эти вот покинутые здания свидетельствуют, что полного успеха они добиться не сумели. Я, Хедрон-Шут, являюсь частью их сложного плана. Очень возможно — весьма незначительной частью. Мне, конечно, нравится думать, что это не так, но я не могу быть в этом уверен.

— И в чем же суть этой роли? — спросил Олвин, который все еще почти ничего не понимал и начал уже понемножку отчаиваться.

— Ну, скажем так — я вношу в жизнь города некоторое рассчитанное количество беспорядка. И объяснить мои действия — значит погубить их эффективность. Судите меня по делам моим, хотя их и немного, а не по словам, пусть они и изобильны...

Никогда прежде Олвин не встречал никого, похожего на Хедрона. Шут оказался истинной личностью — человеком, который, насколько мог судить Олвин, на две головы возвышался над всеобщим уровнем однообразия, столь типичным для Диаспара. И хотя казалось, что установить в точности, в чем заключаются его обязанности и как он их выполняет, нет никакой надежды, это едва ли имело значение. Важно то, чувствовал Олвин, что существует некто, с кем он может поговорить — случись пауза в этом монологе — и кто в состоянии дать ответы на многие из загадок, мучающих его уже так долго.

Они вместе двинулись в обратный путь по коридорам башни Лоранна и вышли наружу неподалеку от пустынной движущейся мостовой. Только когда они уже очутились на улицах города, Олвину пришло на ум, что Хедрон так и не поинтересовался у него, что же он делал там, на границе с неведомым. Он подозревал, что Хедрон это знал, ситуация представляла для него известный интерес, но он ей не удивлялся. Что-то подсказывало Олвину, что чем-то удивить Хедрона было бы очень нелегко.

Они обменялись индексами связи, чтобы в любое время вызвать друг друга. Олвину очень захотелось почаще встречаться с Шутом, хотя он и задумался, не окажется ли общество этого человека чересчур утомительным, прими беседа более долгий характер. Перед тем как им встретиться снова, он, однако, хотел бы выяснить, что могут сообщить ему о Хедроне его друзья, и особенно — Джизирак.

— До следующей встречи,— проговорил Хедрон и тотчас же растаял.

Олвина покоробило. Принято было, если вы встречались с человеком, всего лишь проецируя себя, а не будучи представленным во плоти, дать это понять собеседнику с самого начала. Иногда, если собеседник не знал, в каком виде вы с ним разговариваете, это могло поставить его в чрезвычайно невыгодное положение. Вполне возможно, что все это время Хедрон преспокойно сидел дома — где бы он ни был, его дом. Номер, который он дал Олвину, мог обеспечить поступление к нему любой информации, но отнюдь не раскрывал адреса. Впрочем, это-то, по крайней мере, было в рамках принятых норм. Вы могли достаточно свободно раздавать знакомым индексный номер, но адрес — его открывали только самым близким друзьям.

Пробираясь к центру города, Олвин все раздумывал над тем, что сказал ему Хедрон о Диаспаре и его социальной организации. Странно было, что ему до сих пор не встретилось ни единого человека, который был бы не удовлетворен своим образом жизни. Диаспар и его обитатели были созданы в рамках какого-то одного всеобъемлющего плана и сосуществовали в совершенном симбиозе. В течение всей своей неимоверно долгой жизни жители города никогда не испытывали скуки. И хотя, по стандартам минувших веков, мирок их был совсем крохотным, его сложность ошеломляла, а сокровищница чудес и богатств была выше всякого разумения. Человек собрал здесь все плоды своего гения, все, что было спасено им из-под руин прошлого. Считалось, что каждый из городов, которые когда-либо существовали, даровал что-то Диаспару; до нашествия Пришельцев имя его было известно во всех мирах, впоследствии потерянных Человеком. Все мастерство, все художественное дарование Империи воплотилось в строительстве Диаспара. Когда дни величия уже приближались к концу, неведомые гении придали городу новую форму и снабдили машинами, которые сделали его бессмертным. Все могло кануть в небытие, но Диаспар был обречен жить, чтобы в безопасности пронести потомков Человека по реке Времени.

Они не добились ничего, кроме выживания, но были вполне этим удовлетворены. Существовали миллионы дел, чтобы занять их жизнь между моментом, когда, уже почти взрослые, они выходили из Зала Творения, и тем часом, когда — едва ли постарев — они возвращались в городские Хранилища Памяти. В мире, где все мужчины и женщины обладали интеллектом, который в прежние времена поставил бы их на одну доску с гениями, опасности заскучать просто не существовало. Наслаждение от бесед и споров, тончайшие условности общения — да уже их одних было бы достаточно, чтобы занять добрую часть жизни. Но, помимо всего этого, проводились еще и грандиозные официальные дискуссии, когда весь город словно зачарованный слушал, как его проницательнейшие умы схватываются в споре или борются за то, чтобы покорить вершины философии, на которые никому еще не удавалось взойти, но вызов, который они бросали человеку, никак не может утомить его разум.

В городе не было никого, кем не владела бы какая-то всепоглощающая интеллектуальная страсть. Эристон, например, большую часть времени проводил в собеседованиях с Центральным Компьютером, который, в сущности, и управлял городом, но у которого тем не менее еще оставалась возможность

вести неисчислимое количество одновременных дискуссий — с каждым, кто только пожелал бы помериться с ним в остроте разума. В течение трехсот лет Эристон пытался создать логические парадоксы, которые оказались бы не по зубам машине. Он, впрочем, не рассчитывал добиться какого-либо серьезного успеха, не потратив на это занятие нескольких жизненных циклов.

Интересы Итании были более эстетического направления. С помощью синтезаторов материи она изобретала переплетающиеся трехмерные структуры такой красоты и сложности, что это, в общем-то, были уже не просто стереометрические конструкции, а топологические теоремы высшего порядка. Ее работы можно было увидеть по всему Диаспару, и по мотивам некоторых из этих композиций были даже созданы мозаики полов в гигантских хореографических залах — рисунок пола служил своего рода основой для создателей новых танцевальных вариаций.

Все эти занятия могли бы показаться бесплодными тому, кто не обладал достаточным интеллектом, чтобы оценить их тонкость. Но в Диаспаре не нашлось бы ни единого человека, который не смог бы понять то, что пытались создать Эристон и Итания, и кем не двигал бы такой же всепоглощающий интерес.

Физические упражнения и различные виды спорта, включая многие такие, которые стали возможны только после овладения тайной гравитации, делали приятными первые несколько столетий юности. Для приключений и развития воображения саги предоставляли все, что только можно было пожелать. Это был неизбежный конечный продукт того стремления к реализму, которое началось, когда человек стал воспроизводить движущиеся изображения и записывать звуки, а затем использовать эту технику для воссоздания сцен из реальной или выдуманной жизни. Иллюзия саг была безупречной, поскольку все чувственные ощущения поступали непосредственно в мозг, а противоборствующие чувства устранялись. Погруженный в транс, зритель был отрезан от реальностей жизни на длительность саги; он словно бы видел сон — с полнейшим ощущением, что все происходит наяву.

В этом мире порядка и стабильности, который в своих основных чертах ничуть не переменился за миллиарды лет, было неудивительным обнаружить и всепоглощающий интерес к играм, построенным на использовании случайности. Человечество издавна завораживала тайна выброшенных костей, наудачу выпавшей карты, каприз поворота рулетки. На самом низменном первоначальном уровне этот интерес основывался просто на жадности — чувстве, совершенно невозможном в мире, где каждый обладал всем, что он только мог пожелать в необъятно широких рамках разумного. Но даже когда жадность отмерла, чисто интеллектуальное обаяние случая продолжало искушать и самые изощренные умы. Машины, действовавшие по программе случайности, события, последствия которых невозможно было предугадать, сколь много информации ни находилось бы в распоряжении человека,— философ и игрок в равной степени могли из всего этого извлекать наслаждение.

И по-прежнему оставались — для всех мужчин и женщин — сопряженные миры любви и искусства. Сопряженные, поскольку любовь без искусства есть

просто удовлетворение желания, а искусством нельзя насладиться, если не подходить к нему с позиций любви.

Человек стремится к красоте во множестве форм — в последовательности звуков, в линиях на бумаге, в поверхности камня, в движениях тела, в сочетаниях цветов, заполняющих некоторое пространство. Все эти способы выражения красоты издревле существовали в Диаспаре, а на протяжении веков к ним прибавились еще и новые. И все же никто не был уверен, что все возможности искусства исчерпаны,— так же как и в том, что оно имеет какое-то значение вне человеческого сознания.

И это же самое можно было сказать о любви.

6

Джизирак недвижимо сидел среди вихря цифр.

Первая тысяча простых чисел, выраженных в двоичном коде, которым пользовались во всех арифметических операциях с тех самых пор, как был изобретен компьютер, в строгом порядке проходила перед ним. Бесконечные шеренги единиц и нулей плыли и плыли, являя Джизираку безупречную последовательность чисел, не обладающих, в сущности, ни одним другим качеством, кроме самотождества и принадлежности к некоему единству. В простых числах пряталась тайна, властно очаровывавшая человека в прошлом, но и посейчас не отпустившая его воображения.

Джизирак не был математиком, хотя порой и любил потешить себя мыслью, что принадлежит к их числу. Все, что он мог,— это блуждать среди бесконечной череды математических загадок в поисках каких-то особых соотношений и правил, которые могли бы быть включены в более общие математические законы более талантливыми людьми. Он в состоянии был обнаружить, как ведут себя числа, но не мог объяснить — почему. Для него это было просто удовольствием — прорубаться через арифметические дебри, и порой ему случалось открывать чудеса, ускользнувшие от более подготовленных исследователей.

Он установил матрицу всех возможных целых чисел и запрограммировал свой компьютер таким образом, чтобы он мог нанизывать на нее простые числа, подобно бусинам на пересечениях ячеек сети. Джизирак делал это уже не одну сотню раз и прежде и так не добился какого-либо интересного результата. Но он был заворожен тем, как простые числа были разбросаны — по-видимому, без какой-либо закономерности — по спектру своих целых собратьев. И хотя законы распределения, к этому времени уже открытые, были ему известны, он все же надеялся обнаружить что-нибудь новенькое.

Вряд ли он мог пожаловаться на то, что его прервали. Если бы ему хотелось, чтобы его не тревожили, он настроил бы свой домашний объявитель соответствующим образом. Когда в ухе у него раздался мелодичный звон сигнала, стена чисел заколебалась, цифры расплылись и Джизирак возвратился в мир простой реальности.

Он сразу же узнал Хедрона и не слишком обрадовался этому визиту. Джизираку не нравилось, когда его отвлекали от заведенного жизненного поряд-

ка, а Хедрон всегда означал нечто непредсказуемое. Тем не менее он достаточно вежливо приветствовал гостя и постарался скрыть даже малейшие признаки пробудившегося в душе беспокойства.

Когда в Диаспаре двое встречались впервые — или даже в сотый раз,— было принято провести час-другой в обмене любезностями, прежде чем перейти к делу, если оно, разумеется, было, это самое дело. Хедрон до некоторой степени оскорбил Джизирака, сократив этот ритуал до пятнадцати минут, после чего он внезапно заявил:

— Мне бы хотелось поговорить с вами относительно Олвина. Насколько я понимаю, вы — его наставник...

— Верно,— ответил Джизирак.— Я все еще вижусь с ним несколько раз в неделю — не так часто, как ему этого бы хотелось.

— И как по-вашему — он способный ученик?

Джизирак задумался: ответить на этот вопрос было непросто. Отношения между учеником и наставником считались исключительно важными и, по сути дела, были одним из краеугольных камней жизни в Диаспаре. В среднем в городе что ни год появлялась тысяча новых «я». Предыдущая память новорожденных была еще латентной, и в течение первых двадцати лет все вокруг было для них непривычным, новым и странным. Этих людей нужно было научить пользоваться тьмой машин и механизмов, которые составляли фон повседневности, и, кроме того, они должны были познакомиться еще и с правилами жизни в самом сложном обществе, которое когда-либо создавал человек.

Часть этой информации исходила от супружеских пар, избранных на роль родителей новых граждан. Выбор происходил по жребию, и обязанности их были не слишком обременительны. Эристон и Итания посвящали воспитанию Олвина никак не более трети своего времени, и они сделали все, что от них ожидалось.

В обязанности Джизирака входили наиболее серьезные аспекты обучения Олвина. Считалось, что названые родители должны обучить ребенка, как ему вести себя в обществе, ну и познакомить со все расширяющимся кругом друзей. Они отвечали за характер Олвина, Джизирак — за его интеллект.

— Мне достаточно трудно ответить на ваш вопрос,— проговорил наконец Джизирак.— Разумеется, с мышлением у Олвина все в порядке. Но многие вещи, которые, казалось бы, должны его интересовать, полностью остаются за пределами его внимания. А с другой стороны — он проявляет несколько даже болезненное любопытство к моментам, которые мы обычно не обсуждаем между собой...

— Например — к миру за пределами Диаспара?

— Да... Но откуда вы знаете?

Хедрон какое-то мгновение колебался, размышляя, насколько он может довериться Джизираку. Ему было известно, что наставник Олвина — человек сердечный и намерения у него самые добрые. Но знал он и то, что Джизирак повинуется всем тем табу, которые определяют жизненные установки каждого гражданина Диаспара,— каждого, кроме Олвина.

— Это догадка,— сказал он наконец.

Джизирак устроился поудобнее в глубине материализованного им кресла. Ситуация складывалась интересная, и ему хотелось проанализировать ее со всей возможной полнотой. Многого узнать он, однако, не мог — разве только Хедрон проявил бы желание помочь.

Ему стоило бы предвидеть, что в один прекрасный день Олвин познакомится с Шутом — со всеми непредсказуемыми последствиями этого знакомства.

Если не считать Олвина, Хедрон был единственным во всем городе, кого можно было бы назвать человеком эксцентричным, но даже и эта особенность его личности была запрограммирована создателями Диаспара. Давным-давно было найдено, что без своего рода преступлений или некоторого беспорядка Утопия вскоре стала бы невыносимо скучна. Преступность, однако, в силу самой логики вещей не могла существовать даже на том оптимальном уровне, которого требовало социальное уравнение. Если бы она была узаконена и регулируема, то перестала бы быть преступностью.

Решением проблемы, которое нашли создатели города, решением с первого взгляда наивным, но, строго говоря, очень тонким, было учреждение роли Шута. На протяжении всей истории Диаспара можно было бы насчитать меньше ста человек, чье интеллектуальное достояние делало собственных пригодными для этой необычной роли. Они обладали определенными привилегиями, которые защищали их от последствий их шутовских выходок, хотя были и такие Шуты, что переступили некую ограничительную линию и заплатили за это единственным наказанием, которому мог подвергнуть их Диаспар,— их отправляли в будущее прежде, чем истекал срок их очередного существования.

В редких и трудно предвидимых случаях Шут буквально вверх дном переворачивал город какой-нибудь своей проделкой, которая могла быть не более чем тонко задуманной дурацкой шуткой или же рассчитанным выпадом против популярного в данный момент убеждения, а то и всего образа жизни. Принимая все это во внимание, можно было утверждать, что титул «шут» оказался в высшей степени удачным. В свое время, еще когда существовали короли и их дворы, шуты решали именно такие задачи и преследовали те же цели.

— Будет полезно,— сказал Джизирак,— если мы будем откровенны друг с другом. Мы оба знаем, что Олвин — Неповторимый, что он никогда раньше в жизни Диаспара не существовал. Очень может быть, что вам легче, чем мне, догадаться о последствиях этого факта. Я сомневаюсь, что хоть что-то из происходящего в городе может быть никоим образом не запланировано, и, стало быть, и в создании Олвина должна заключаться какая-то цель. Достигнет ли он этой цели, какова бы она ни была, мне неизвестно. Не знаю я и того, хороша ли она или дурна... Я просто не в силах догадаться, в чем она состоит...

— Ну, допустим, она касается чего-то, лежащего за пределами Диаспара?..

Джизирак терпеливо улыбнулся: Шут мило пошутил, что, собственно, от него и ожидалось.

— Я уже рассказал ему — что там... Он знает, что за пределами Диаспара нет ничего, кроме пустыни. Пожалуйста, отведите его туда, если можете. Кто

знает, вдруг вам известен путь наружу... Когда он столкнется с реальностью, это, наверное, позволит излечить некоторые странности его сознания...

— Мне представляется, что он уже видел наружный мир,— тихо проговорил Хедрон. Но сказал он это себе, а не Джизираку.

— Я не думаю, что Олвин счастлив,— продолжал Джизирак.— Он не обзавелся настоящими привязанностями, и трудно себе представить, как он мог бы это сделать, пока он страдает от этой своей одержимости. Но, в конце концов, Олвин ведь еще очень молод... Он может вырасти из этой фазы и стать частью рисунка обычной жизни города...

Все это Джизирак говорил, в общем-то, для того, чтобы успокоить самого себя. Хедрону было небезынтересно, верит ли он собственным словам.

— А скажите-ка мне, Джизирак,— неожиданно задал вопрос Шут,— знает ли Олвин, что он — не первый Неповторимый?

Казалось, Джизирак был поражен услышанным и даже до некоторой степени уязвлен.

— Мне следовало бы догадаться, что уж *вам-то* это известно,— с печалью в голосе ответил он.— Ну и сколько же Неповторимых было за всю историю Диаспара? Десять?

— Четырнадцать,— немедленно последовал ответ Хедрона.— Это не считая Олвина.

— У вас информация богаче, чем у меня,— криво усмехнулся Джизирак.— И вы можете сказать мне, что именно сталось с теми Неповторимыми?

— Они исчезли...

— Благодарю. Это мне известно. Именно поэтому я почти ничего и не сообщил Олвину о его предшественниках: знание о них едва ли помогло бы ему в его нынешнем состоянии... Могу я рассчитывать на ваше сотрудничество?

— В настоящий момент — да. Мне хочется самому изучить Олвина. Загадки всегда завораживали меня, а в Диаспаре их так мало... Кроме того, мне кажется, что судьба, возможно, готовит нам такую шутку, по сравнению с которой все мои шутовские проделки будут выглядеть куда как скромно... И в этом случае я хочу быть уверен, что буду присутствовать на месте действия, когда грянет гром...

— Похоже, вам слишком уж нравится говорить намеками,— попенял Шуту Джизирак.— Что именно вы предвидите?

— Я сомневаюсь, знаете ли, чтобы мои догадки оказались хоть в какой-то степени лучше ваших. Но я верю: ни вы, ни я, ни кто-либо третий в Диаспаре не сможет остановить Олвина, когда тот решит, что же именно ему хочется сделать. У нас впереди, на мой взгляд, несколько очень и очень интересных столетий...

Джизирак долго сидел недвижимо, совершенно забыв о своей математике, после того как изображение Хедрона растаяло. Его терзало дурное предчувствие, не сравнимое ни с чем, что он когда-либо испытывал прежде. В какой-то момент он даже задался вопросом: а не следует ли ему попросить аудиенции у Совета?.. Но, с другой стороны, не будет ли это выглядеть как смешная паника без малейшего на то повода? Быть может, вся эта ситуация — не более

чем какая-то сложная и непостижимая шутка Хедрона, хотя Джизираку и нелегко было представить себе, почему мишенью для розыгрыша избрали именно его...

Он всесторонне обдумал ситуацию, проанализировал ее со всех точек зрения. Спустя час с небольшим он пришел к характерному для него решению.

Он подождет и посмотрит.

...Олвин не тратил времени зря и немедленно принялся узнавать все что можно о Хедроне. Как всегда, основным его источником информации был Джизирак. Старый наставник дал ему строго фактический отчет о своей встрече с Хедроном и добавил к нему то немногое, что ему было известно об образе жизни Шута. В той мере, в какой это вообще было возможно в Диаспаре, Хедрон вел уединенную жизнь: никто не знал, ни где он обитает, ни каковы его привычки. Последняя по времени шутка, которую он отмочил, была, в сущности, совсем детской проказой, повлекшей за собой полный паралич всего городского транспорта. Было это пятьдесят лет назад. Столетием раньше он пустил гулять по городу какого-то очень уж противного дракона, который слонялся по улицам и жадно пожирал все работы, выставленные модным в тот момент скульптором. Сам скульптор, справедливо встревоженный, когда разборчивость чудовища по кулинарной части стала очевидной, предпочел спрятаться и не появляться на люди до тех пор, пока дракон не пропал таким же загадочным образом, как и появился.

Из всей этой информации ясно было одно. Хедрон, должно быть, досконально знал функции всех устройств и всех тех сил, которые управляли жизнью города, и мог заставить их повиноваться своей воле в такой степени, какая была недоступна никому другому. И надо полагать, существовал еще один, более высокий уровень контроля, на котором предотвращались любые попытки слишком уж изобретательных Шутов причинить постоянный, неустранимый ущерб сложнейшей структуре Диаспара.

Олвин должным образом усвоил все это, но не предпринял никаких попыток к тому, чтобы увидеться с Хедроном. Ему хотелось обрушить на Шута целый ворох вопросов, но непреклонное стремление до всего доходить самому — быть может, наиболее неповторимая черта его уникальной натуры — укрепляло решимость выяснить все, что можно, собственными силами, без помощи со стороны. Он взялся за дело, которое могло потребовать от него многих лет, но до тех пор, пока он чувствовал, что движется вперед, к своей цели, он был счастлив.

Подобно путешественнику стародавних времен, который стирал с карты белые пятна неведомых земель, Олвин приступил к систематическому исследованию Диаспара. Дни и недели проводил он, бродя лабиринтами покинутых башен на границах города,— в надежде, что найдет где-нибудь выход в мир на той стороне. В ходе этих поисков он обнаружил с десяток огромных воздуховодов, открывающихся вовне высоко над уровнем пустыни, но все они оказались забраны решетками. Хотя, даже и не будь там этих самых решеток, отвесная пропасть глубиной в милю оставалась достаточно серьезным препятствием.

Он так и не нашел выхода из города, хотя исследовал тысячи коридоров, десятки тысяч пустующих помещений. Все эти заброшенные здания были в безупречном — ни пылинки! — состоянии, которое жители Диаспара, кстати сказать, принимали как нечто само собой разумеющееся, как часть нормального порядка вещей. Порой Олвин встречал плывущего робота, совершающего, очевидно, инспекционный обход, и всякий раз задавал машине свой сакраментальный вопрос. Все это было без толку, потому что встречавшиеся ему машины не были настроены на ответ человеческой мысли или речи. И хотя, вне всякого сомнения, они осознавали его присутствие, потому что вежливо отплывали в сторонку, чтобы дать ему пройти, завязывать с ним разговор категорически не желали.

Случалось, что Олвин на протяжении долгих дней не встречал другого человеческого существа. Когда его начинало мутить от голода, он заходил в какое-нибудь из заброшенных жилых помещений и заказывал себе обед. Чудесные машины, о существовании которых он и не задумывался, после целых геологических эпох сна немедленно пробуждались к действию. Программы, которые они хранили в своей памяти, вдруг возникали к жизни где-то на самой границе реального, непостижимым образом преобразуя подвластные им вещества. И вот уже блюдо, впервые приготовленное каким-то безвестным чародеем поварского искусства сто миллионов лет назад, снова вызывалось к существованию, чтобы порадовать человека изысканностью вкусового богатства или, на худой конец, просто утолить его голод.

Пустота этого всеми забытого мира — скорлупы, окружающей живое сердце города,— не подавляла Олвина. Он был привычен к одиночеству — даже когда проводил время среди тех, кого называл своими друзьями. Эти ревностные поиски, поглощающие всю его энергию и весь жизненный интерес, заставляли на какое-то время забыть тайну своего происхождения и ту странность, что отрезала его от всех его товарищей.

Он успел исследовать менее чем одну сотую зданий внешнего пояса, когда пришел к выводу, что тратит время зря. Это не было результатом нетерпения — думать именно так заставлял простой здравый смысл. Если бы было необходимо, он готов был вернуться сюда и довершить начатое, даже если бы на это понадобилось потратить остаток жизни. Но он, однако, увидел уже вполне достаточно, чтобы убедиться, что, если выход из города где-то и есть, его так вот просто ему не найти. Он мог бы потратить столетия в бесплодных поисках, вместо того чтобы обратиться к помощи более умудренного человека.

Джизирак прямо сказал ему, что не знает пути, ведущего из Диаспара, и что сам он сомневается в его существовании. Информационные устройства, когда Олвин задавал им этот вопрос, тщетно обшаривали свою практически безграничную память. Они могли поведать ему мельчайшие детали истории города, вплоть до самого начала периода, записанного в Центральном Компьютере,— вплоть до барьера, за которым, навечно скрытые от человека, лежали Века Рассвета. Но либо информаторы были не в состоянии дать ответ на незатейливый вопрос Олвина, либо какой-то высший авторитет запретил им отвечать...

Ему снова нужно было повидаться с Хедроном.

7

— А ты не торопился,— сказал Хедрон.— Впрочем, я-то знал, что рано или поздно, но ты придешь.

Олвин вспыхнул раздражением от такой самоуверенности. Не хотелось признаваться себе, что кто-то, оказывается, может с такой точностью предсказать твое поведение. У него даже мелькнуло подозрение — а уж не следил ли Шут за всеми его бесплодными поисками?

— Я пытаюсь найти выход из города,— без обиняков отрезал Олвин.— Ведь должен же быть хотя бы один... и мне думается, помочь найти его можете вы!

Несколько секунд Хедрон сидел в полном молчании. Захоти он — у него еще была возможность свернуть с пути, что простерся перед ним в будущее, которое лежало за пределами всех его способностей к предвидению. Никто другой на его месте не колебался бы ни минуты. В городе не было другого человека, который — даже будь у него силы и возможности — решился бы потревожить призраки века, мертвые уже на протяжении миллионов столетий. Быть может, никакой опасности и не существовало и ничто не могло потревожить преемственную неизменность Диаспара. Но если он все-таки имелся — самый что ни на есть малейший риск пробуждения чего-то странного и неизведанного, грозящего этому миру, то сейчас у Хедрона был последний шанс предотвратить грядущее.

Порядок вещей, каким он существовал, вполне устраивал Шута. Время от времени он мог слегка расстраивать этот порядок, но только едва-едва ощутимо. Он был критиком, а не революционером. На поверхности ровно текущей реки Времени он стремился вызвать лишь легкую рябь. От мысли, что можно изменить и само течение, у него мурашки бежали по коже. Стремление испытать какое-то приключение, кроме тех, что были возможны в сагах, было вытравлено из его сознания так же тщательно и продуманно, как и у всех остальных жителей Диаспара.

И все же в нем еще теплилась — чуть-чуть — искорка того любопытства, что было когда-то величайшим даром Человека. И Хедрон был готов пойти на риск.

Он глядел на Олвина и пытался припомнить собственную молодость, свои мечты того времени, которое сейчас отстояло от него на половину тысячелетия. Любой момент его прошлого, когда он обращался к нему мысленным взором, вырисовывался в памяти ярко и четко. Словно бусины на нитке, простирались от него в минувшее и эта его жизнь, и все предыдущие. Он мог охватить памятью и пересмотреть любую из них. По большей части те, прежние, Хедроны были для него теперь чужаками. Основной рисунок характера мог оставаться тем же самым, но его, нынешнего, навсегда отделял от тех, прежних, груз опыта. Если бы ему захотелось, он мог бы навечно стереть из памяти все свои предыдущие воплощения — в тот миг, когда он снова войдет в Зал Творения, чтобы уснуть до поры, пока город снова не призовет его. Но это была бы своего рода смерть, а к ней он еще не был готов. Он по-прежнему жаждал собирать и собирать все, что могла предложить ему жизнь, словно спрятавшийся в своем домике наутилус, терпеливо добавляющий все новые и новые слои к своей медленно растущей спиральной раковине.

В юности он ничем не отличался от товарищей. Только когда он повзрослел и пробудившиеся воспоминания о прежних существованиях нахлынули на него, только тогда он принял роль, для которой и был предназначен давным-давно. Порой все в нем восставало против того, что великие умы, которые с таким бесконечным искусством создали Диаспар, в состоянии даже теперь, спустя века и века, заставлять его дергаться марионеткой на выстроенной ими сцене. И вот у него — кто знает? — появился шанс осуществить давно откладываемую месть... Появился новый актер, который, возможно, в последний раз опустит занавес над пьесой, действие за действием все идущей и идущей на подмостках жизни...

Сочувствие к тому, чье одиночество должно быть куда более глубоким, чем его собственное, скука, порожденная веками повторений, и проказливое стремление к крупному озорству — таковы были противоречивые факторы, подтолкнувшие Хедрона к действию.

— Быть может, я в состоянии помочь тебе,— ответил он Олвину.— А может быть, и нет... Мне не хотелось бы пробуждать несбыточные надежды. Встретимся через полчаса на пересечении Третьего радиуса и Второго кольца. По крайней мере, могу обещать тебе хорошую прогулку — если не сумею сделать ничего большего.

Олвин пришел за десять минут до назначенного срока, хотя место встречи и находилось на противоположном краю города. Он нетерпеливо ждал, глядя, как бесконечной лентой плывут мимо него тротуары, несущие на себе таких довольных и таких скучных ему жителей города, устремляющихся куда-то по своим, не имеющим ровно никакого значения делам. Наконец вдалеке показалась высокая фигура Хедрона, и несколькими мгновениями спустя Олвин впервые очутился в обществе Шута во плоти, а не его электронного изображения. Они сомкнули ладони в древнем приветствии — да, Шут оказался достаточно реален.

Хедрон уселся на одну из мраморных балюстрад и принялся разглядывать Олвина с пристальным вниманием.

— Интересно,— протянул он,— отдаешь ли ты себе отчет в том, на что покусился?.. И еще мне интересно — что бы ты сделал, если бы твое желание исполнилось? Неужели ты и в самом деле воображаешь, что в состоянии покинуть пределы города, если найдешь выход?

— В этом я уверен,— ответил Олвин, ответил достаточно храбро, хотя Хедрон и уловил в голосе юноши некоторые колебания.

— Тогда позволь мне сказать тебе кое-что, о чем ты и понятия не имеешь. Видишь вон те башни? — Хедрон простер руку к двойному пику Центральной Энергетической и Зала Совета, которые глядели друг на друга, разделенные пропастью глубиной в милю.— Теперь представь, я положил бы между этими башнями абсолютно жесткую доску — шириной всего в шесть дюймов. Смог бы ты по ней пройти?

Олвин, ошеломленный, медлил.

— Не знаю,— наконец прошептал он.— Мне что-то и пробовать-то не хочется...

— Я совершенно уверен, что тебе не удалось бы по ней пройти ни за что на свете. Закружится голова, и ты рухнешь вниз, не пройдя и десятка ша-

гов... Но если бы та же доска была укреплена лишь на ладонь от поверхности земли, ты прошел бы по ней без малейшего затруднения.

— Ну и что?

— Мысль очень проста. В этих двух предложенных мной экспериментах доска, заметь, одной и той же ширины. Какой-нибудь из этих вот роботов на колесах, которых мы порой встречаем, прошел бы по ней между башнями с такой же легкостью, что и по земле. А мы — нет, поскольку нам свойственна боязнь высоты. Да, пусть она иррациональна, но она слишком уж сильна, чтобы ее можно было игнорировать. Она встроена в нас. Мы с нею рождены.

Так вот, точно таким же образом нам свойственна и боязнь пространства. Покажи любому в Диаспаре дорогу, ведущую из города, дорогу, которая, возможно, ничуть не отличается от этой вот мостовой, и он далеко по ней не уйдет. Ему просто придется повернуть назад, как повернул бы ты, рискнув пойти по доске между этими двумя башнями.

— Но почему? — запротестовал Олвин.— Ведь было же, наверное, когда-то время...

— Знаю, знаю,— улыбнулся Хедрон.— Когда-то человек путешествовал по всему миру и даже к звездам. Но... Что-то изменило его и вселило в него этот страх, с которым он теперь и рождается. Ты — единственный, кто воображает, будто ему этот страх несвойствен. Что ж, посмотрим. Я поведу тебя в Зал Совета...

Зал этот находился в одном из величайших зданий города и был почти полностью предоставлен в распоряжение машин, которые и являлись настоящей администрацией Диаспара. Близко к вершине здания находилось помещение, в котором в тех редких случаях, когда возникала проблема, требующая обсуждения, встречались члены Совета.

Широкий вход поглотил их, и Хедрон уверенно ступил в золотой полумрак. Олвин никогда прежде не бывал в Зале Совета. Это не было запрещено — в Диаспаре вообще мало что запрещалось,— но он, как и все остальные, испытывал перед Советом чувство едва ли не какого-то мистического благоговения. В мире, где не знали богов, Зал Совета был наиболее близким подобием храма.

Хедрон без малейших колебаний вел Олвина по коридорам и пандусам, которые, судя по всему, предназначались вовсе не для людей, а для колесных роботов. Некоторые из этих пологих спусков зигзагами уводили в глубину здания под такими крутыми углами, что идти по ним было просто немыслимо, и лишь искривленное поле тяготения компенсировало крутизну.

В конце концов они остановились перед закрытой дверью, которая тотчас же медленно скользнула вбок, а затем снова задвинулась за ними, отрезав им путь к отступлению. Впереди была еще одна дверь, которая, однако, при их приближении не отворилась. Хедрон не сделал ни малейшей попытки хотя бы коснуться ее, он просто остановился. Через короткое время прозвучал тихий голос:

— Будьте добры, назовите ваши имена.

— Я — Хедрон-Шут. Мой спутник — Олвин.

— По какому вы делу?

— Да так, любопытствуем...

К удивлению Олвина, дверь тотчас открылась. Он по собственному опыту знал, что если дать машине шутливый ответ, то это всегда приводит к путанице и все приходится начинать сызнова. Видимо, машина, которая задавала вопросы Хедрону, была очень умна и высоко стояла в иерархии Центрального Компьютера.

Им не встретилось больше никаких препятствий, но Олвин подозревал, что их подвергли множеству тайных проверок. Короткий коридор внезапно вывел их в огромное круглое помещение с притопленным полом, и на плоскости этого самого пола возвышалось нечто настолько удивительное, что на несколько секунд Олвин от изумления потерял дар речи. Он смотрел сверху... на весь Диаспар, распростертый перед ними, и самые высокие здания города едва доставали ему до плеча.

Он так долго выискивал знакомые места, так пристально изучал неожиданные ландшафты, что не сразу обратил внимание на остальную часть помещения. Его стены оказались покрыты микроскопическим рисунком из белых и черных квадратиков. Сама по себе эта мозаика была, казалось, совершенно лишена какой-либо системности, но когда Олвин быстро повел по ней взглядом, ему представилось, что стены стремительно мерцают, хотя рисунок их не изменился ни на йоту. Вдоль этой круговой стены через короткие интервалы были расставлены какие-то аппараты с ручным управлением, и каждый из них был оборудован экраном и креслом для оператора.

Хедрон позволил Олвину вдоволь налюбоваться этим зрелищем. Затем он ткнул рукой в уменьшенную копию города:

— Знаешь, что это такое?

Олвина так и подмывало ответить: «Макет, надо полагать», но такой ответ был бы настолько очевидным, что он решил просто промолчать. Поэтому он только неопределенно покачал головой и стал ждать, чтобы Хедрон сам ответил на свой вопрос.

— Помнишь, я как-то рассказывал тебе, как наш город поддерживается в неизменном состоянии, как в Хранилищах Памяти навечно запечатлен его облик... Эти Хранилища теперь здесь, вокруг нас. Со всем их неизмеримо огромным объемом информации, полностью описывающей город как он есть в настоящий момент. С помощью сил, о которых мы все позабыли, каждый атом в Диаспаре каким-то образом связан с матрицами, заключенными в этих стенах.

Шут повел рукой в сторону безупречного, бесконечно детального изображения Диаспара, которое распростерлось перед ними:

— Это не макет. То, что ты видишь,— неосязаемо. Это просто электронное изображение, воссозданное по матрицам, хранящимся в Памяти, совершенно идентичное самому городу. А вот эти просмотровые мониторы позволяют увеличить любой требуемый участок Диаспара, посмотреть на него в натуральную величину или даже под еще большим увеличением. Ими пользуются, когда нужно внести какие-либо изменения в конструкцию города, хотя никто не брался за это уж бог знает сколько времени. Если ты хочешь узнать, что же

это такое — Диаспар, то нужно идти именно сюда. Здесь в несколько дней ты постигнешь больше, чем за целую жизнь изысканий там, на улицах.

— Как замечательно! — воскликнул Олвин.— И сколько же людей знают о существовании этого места?

— О, знают очень многие, да только все это редко кого интересует. Время от времени сюда приходит Совет — ведь ни одно изменение в городе не может произойти, если члены Совета не присутствуют тут в полном составе. Но даже и этого недостаточно, если Центральный Компьютер не одобрит предполагаемое изменение. Словом, я сильно сомневаюсь, что хоть кто-то приходит сюда чаще чем два-три раза в год.

Олвину хотелось спросить, откуда же у самого Хедрона доступ в это место, но он вспомнил, что многие из наиболее сложных проделок Шута требовали вовлечения внутренних механизмов города, а знание их работы проистекало из глубокого изучения святая святых Диаспара. Наверное, это была одна из привилегий Шута — появляться где угодно и изучать что угодно. Лучшего провожатого по тайнам города ему нечего было и желать.

— Очень может быть, что предмета твоих поисков просто не существует,— снова заговорил Хедрон.— Но если он все-таки есть, то отыскать его можно только отсюда. Давай-ка я покажу тебе, как управляться с монитором.

Весь следующий час Олвин просидел перед одним из аппаратов, учась управлять им. Он мог по желанию выбирать какую угодно точку города и исследовать ее при любом увеличении. По мере того как он менял координаты, на экране перед ним мелькали улицы, башни, движущиеся тротуары, стены... Похоже было, что он стал всевидящим, бесплотным духом, который может безо всяких усилий парить над Диаспаром, не затрачивая на это ни эрга энергии.

И все же, в сущности, он исследовал не Диаспар. Он передвигался среди клеток памяти, рассматривая идеальный облик города, параллельно которому реальный Диаспар и сохранялся неизменным на протяжении вот уже миллиарда лет. Олвин мог видеть только ту часть города, которая оставалась незыблемой. Люди, ходившие по его улицам, не существовали в этой застывшей картине. Впрочем, для его целей это не имело значения. Его интересовало сейчас исключительно создание из камня и металла, в котором он был узником, а вовсе не те, кто разделял с ним — добровольно — его заточение.

Он поискал и тотчас нашел башню Лоранна и быстро пробежался по ее коридорам и проходам, уже известным ему. Когда перед его глазами возникло изображение той каменной решетки — крупным планом,— он почти въяве ощутил холод ветра, что дул сквозь нее непрерывно на протяжении, возможно, половины всей истории человечества. Он «подошел» к решетке, выглянул... и не увидел ровно ничего. Мгновенный шок был настолько силен, что Олвин чуть не усомнился в собственной памяти: да уж не во сне ли он видел пустыню?

Но он тотчас понял, в чем тут дело. Пустыня ни в коей мере не являлась частью Диаспара, и поэтому в том призрачном мире, который он сейчас исследовал, не было ее изображения. В реальной жизни по ту сторону решетки могло лежать все, что угодно, но экран монитора был здесь совершенно бессилен.

И все же он мог показать Олвину кое-что из того, чего не видел никто из живущих. Олвин переместил точку зрения через решетку на наружную сторону — в пустоту за пределами города. Он повернул верньер настройки, контролировавший направление обзора, таким образом, что теперь «глядел» в ту сторону, с которой «пришел». И там, впереди, лежал Диаспар, увиденный снаружи.

Для компьютеров, цепей памяти и всех бесчисленных механизмов, создававших изображение, на которое смотрел Олвин, это была просто проблема перспективы. Они «знали» формы города, поэтому могли показать их и так, как они выглядят со стороны. И все же, хотя Олвину и был понятен способ, при помощи которого все это осуществлялось, открывшееся зрелище ошеломило его. Ведь если не физически, то духовно-то он все-таки выскользнул из города! Ему представлялось, что он висит в пространстве в нескольких футах от отвесной стены башни Лоранна. Пару секунд он глядел на ровную серую поверхность перед его глазами. Затем тронул ручку управления, и стена помчалась вверх.

Теперь, когда он знал возможности этого чудесного инструмента, план действий был ясен. Не было никакой необходимости тратить месяцы и годы, осматривая Диаспар изнутри — комнату за комнатой и коридор за коридором. Со своей превосходной новой смотровой позиции он мог, словно на крыльях, облететь весь внешний периметр города и сразу же обнаружить любое отверстие, ведущее в пустыню и раскинувшийся за ней мир.

Радость победы, упоение достигнутым закружили ему голову, и Олвину захотелось поделиться с кем-нибудь радостью. Он обернулся к Хедрону, чтобы поблагодарить Шута за то, что он сделал это возможным. Но Хедрон, оказывается, ушел, и ему понадобилось совсем немного времени, чтобы догадаться почему.

Олвин, возможно, был единственным жителем Диаспара, кто мог безо всякого вреда для себя рассматривать изображения, плывущие сейчас по экрану. Хедрон мог, конечно, оказать ему содействие в поисках, но даже Шут разделял с остальными этот странный ужас перед Вселенной, что в течение столь долгого срока держал человечество внутри его крохотного мирка. Шут оставил Олвина продолжать свои поиски в одиночестве.

И ощущение этого одиночества, которое на некоторое время отпустило было Олвина, снова навалилось на него. Но сейчас совсем не время было грустить. Слишком многое нужно было сделать. Он снова обратился к экрану монитора, заставил стену города медленно поплыть по нему и начал поиски.

Диаспар почти не видел Олвина в последующие несколько недель, хотя всего лишь какая-то горстка людей заметила его отсутствие. Джизирак, обнаружив, что его ученик, вместо того чтобы бродить в районе границ города, все свое время проводит в Зале Совета, испытал некоторое облегчение, ибо полагал, что уж там-то с Олвином никакой беды не приключится. Эристон и Итания раз-другой навестили его комнату, убедились, что сын отсутствует, и не придали этому значения. Что же касается Алистры, то она оказалась более настойчивой.

Для собственного же спокойствия ей следовало бы пожалеть, что она увлеклась Олвином, в то время как перед ней был такой широкий выбор куда более привлекательных вариантов. Поиск партнера никогда ее не затруднял, но... по сравнению с Олвином все ее знакомые мужчины представлялись ничтожествами, отлитыми на один и тот же невыносимо скучный манер. Она не хотела потерять друга без борьбы: отчужденность и безразличие Олвина бросали ей вызов, который она не могла не принять.

И все же, вполне вероятно, мотивы, которые ею двигали, были не совсем уж так эгоистичны и диктовались скорее чем-то, что походило более на материнское отношение к Олвину, нежели было простым влечением. Конечно, деторождение было забыто жителями города, но великие женские инстинкты оберегания и сочувствия все еще жили. Олвин мог казаться упрямым и слишком уж полагающимся на самого себя, куда как полным решимости идти своим путем, и все же Алистра была способна ощутить его внутреннее одиночество.

Обнаружив, что Олвин исчез, она немедленно справилась у Джизирака, что произошло. Джизирак, поколебавшись лишь мгновение, рассказал ей все. Если Олвин не нуждался в обществе другого человека, он сам должен был дать тому это понять. Его наставник относился к их взаимоотношениям с полным безразличием. В целом Алистра ему скорее нравилась, и он надеялся, что ее влияние поможет Олвину приноровиться к жизни в Диаспаре.

Тот факт, что Олвин пропадал теперь в Зале Совета, мог означать только одно — что он погрузился в какие-то исследования, и это, по крайней мере, помогало задушить любые подозрения, которые могли бы возникнуть у Алистры в отношении возможных соперниц. Но хотя ревность в ней и не вспыхнула, зато зародилось любопытство. Порой она упрекала себя за то, что бросила Олвина в башне Лоранна, хотя и понимала, что, повторись все сначала, она снова бы поступила точно так же. Нет никакой возможности понять, что у Олвина на уме, говорила она себе, до тех пор пока она не докопается, чем же это он занят.

Алистра решительно вошла в главный вестибюль Зала Совета — должным образом пораженная, но ничуть не подавленная глубочайшей тишиной, которая объяла ее тотчас же, едва она переступила порог. Вдоль дальней стены вестибюля сплошной шеренгой стояли информационные машины, и она наудачу подошла к одной из них.

Как только загорелся сигнал приема, она произнесла: «Я ищу Олвина. Он где-то в этом здании. Как мне его найти?»

Даже прожив не одну жизнь, люди так и не могли привыкнуть, что на обычные вопросы машины отвечали мгновенно. Были среди жителей Диаспара такие, кто говорил, что им известно, как это происходит, и с таинственным видом рассуждали о «времени доступа» и «объеме памяти», но окончательный результат не становился от этого менее чудесным. Любой чисто практический вопрос, касающийся чего-то в пределах и в самом деле невообразимого объема информации обо всем, происходящем в городе, получал разрешение немедленно. Некоторая задержка происходила только в тех случаях, когда требовалось произвести сложные вычисления.

— Он у мониторов,— последовал ответ. Это было не слишком много, потому что слово «мониторы» ничего Алистре не говорило. Ни одна машина по своей собственной инициативе никогда не сообщала информации больше, чем от нее требовали, и поэтому умение правильно сформулировать вопрос было искусством, овладеть которым часто удавалось не вдруг.

— А как мне к нему пройти? — спросила Алистра. Она узнает, что такое мониторы, когда доберется до них.

— Я не могу вам этого сказать, пока у вас не будет разрешения Совета.

Меньше всего она могла ожидать вот такого, совершенно обескураживающего, оборота событий. В Диаспаре было совсем немного мест, которые не мог бы посетить всяк кому вздумается. Алистра была совершенно уверена, что у самого-то Олвина не имелось никакого разрешения от Совета, а это могло только означать, что ему помогает кто-то, кто стоит выше Совета.

Совет руководил Диаспаром. Но и сам Совет должен был повиноваться приказаниям еще более высокой инстанции — почти безграничного интеллекта Центрального Компьютера. Трудно было не думать о Центральном Компьютере как о живом существе, локализованном в каком-то ограниченном пространстве, хотя на самом деле он представлял собой сумму всех машин Диаспара. И даже если он и не был живым в биологическом понимании этого слова, ему, во всяком случае, было свойственно не меньше сознания и самосознания, чем человеческому существу. Он обязан знать, чем занят Олвин, и, следовательно, должен одобрять эту деятельность, иначе Олвин был бы остановлен, а его проблема была бы передана Совету — как это сделала информационная машина в отношении самой Алистры.

Смысла оставаться здесь не было никакого. Алистра понимала, что любая попытка найти Олвина — даже если бы она точно знала, где именно в этом огромном здании он находится,— обречена на неудачу. Двери не станут отворяться перед ней, движущиеся полы, ступи она на них, будут изменять направление движения, унося ее не вперед, а назад, гравикомпенсаторные поля эскалаторов загадочным образом потеряют силу, отказываясь опускать ее с этажа на этаж. Если же она проявит настойчивость, то ее выпроводит наружу вежливый, но совершенно непреклонный робот или же ее примутся водить по всему зданию, пока ей это смертельно не надоест и она не уйдет отсюда по своей собственной воле.

Когда она вышла на улицу, настроение у нее было хуже некуда. И в то же самое время она была более чем удивлена, впервые осознав, что существует какая-то тайна, перед которой ее личные желания и интересы выглядят, в сущности, тривиальными. Впрочем, это совсем не означало, что для нее-то самой они отныне станут сколько-то менее важными. У нее не было ни малейшего представления, что же теперь делать, но в одном она была уверена: Олвин был не единственным в Диаспаре, кто мог быть упрямым и настойчивым.

8

...Олвин оторвал руки от панели управления, обесточил все цепи, и изображение на экране угасло. Несколько секунд он сидел совершенно недвижимо, уставившись на пустой прямоугольник дисплея, целиком занимавший его

сознание на протяжении всех этих долгих недель. Он совершил кругосветное путешествие вокруг своего мира. По этому экрану проплыл каждый квадратный дюйм внешней стены Диаспара. Он знал теперь свой город лучше, чем любой другой его гражданин,— за исключением, возможно, Хедрона,— но знал он теперь и то, что выхода сквозь стены не существует...

Чувство, владевшее им сейчас, было не просто унынием. Откровенно сказать, он, в сущности, и не ожидал, что проблему можно будет решить так вот просто, что с первой же попытки удастся отыскать то, что ему требуется. Важно было, что он устранил еще одну возможность. Теперь предстояло взяться за другие.

Он поднялся из кресла и подошел к изображению города, которое почти заполняло зал. Трудно было не думать о нем как о материальном макете, хотя Олвин и понимал, что на самом-то деле это всего-навсего оптическая проекция сложнейшей матрицы, распределенной по ячейкам памяти, которые он только что исследовал. Когда он поворачивал ручки управления и заставлял свою воображаемую наблюдательную позицию передвигаться по городу, по поверхности этой вот его электронной копии синхронно путешествовало крохотное пятнышко света, и он мог совершенно точно знать, куда именно в данный момент он направляется. В первые дни световой зайчик был очень удобным гидом, но вскоре Олвин настолько напрактиковался в настройке координат, что подсказка эта стала ему уже не нужна.

Город распростерся у его ног. Он смотрел на него, как если бы был Богом. И — едва видел, потому что перебирал в уме один за другим шаги, которые следовало предпринять теперь.

Если все мыслимые решения проблемы и отпали, все-таки оставалось еще одно. Быть может, Диаспар и сохраняется в своем вечном стасисе, навсегда замороженный в соответствии с электрическим узором ячеек памяти, но сам-то этот узор может быть изменен, и тогда соответствующим образом изменится и сам город. Можно будет перестроить целую секцию внешней стены, проломить в ней проход, ввести эту информацию в мониторы и позволить городу переделать себя в соответствии с этой новой концепцией.

Олвин подозревал, что обширные панели пульта контроля за мониторами, функций которых Хедрон ему не объяснил, имеют отношение как раз к такого вот рода изменениям. Экспериментировать с ними было бесполезно. Средства управления, которые могли изменять самое структуру города, были, конечно же, накрепко блокированы, и привести их в действие можно было только с разрешения Совета и с одобрения Центрального Компьютера. Существовало очень мало шансов на то, что Совет пойдет ему навстречу, даже если он приготовится к десяткам лет, а то и к столетиям терпеливейших просьб. Такая перспектива не устраивала его ни в малейшей степени.

Он обратил свои мысли к небу. Порой ему чудилось — в мечтах, о которых он вспоминал потом не без смущения,— что он обрел способность летать, способность, утраченную человечеством так давно. Было время — он знал это,— когда небо Земли заполняли странные силуэты. Из космоса прилетали огромные корабли, они несли в трюмах неведомые сокровища и приземлялись в легендарном порту Диаспара. Но порт находился за пределами города. Це-

лые эпохи прошли с того времени, когда он оказался укрыт кочующими песками пустыни. Олвин, понятно, мог мечтать о том, что где-то в лабиринте Диаспара все еще может таиться одна из этих летающих машин, но, в общем-то, он в это не верил. Представлялось крайне маловероятным, что даже в те дни, когда полеты на маленьких флайерах личного пользования были делом обычным, ими разрешалось пользоваться за пределами города.

На какие-то секунды он забылся в старой, привычной мечте: он вообразил, что небо подвластно ему, что, распростершись, мир лежит под ним, приглашая отправиться туда, куда ему хочется. Это не был мир его времени. Это был утраченный мир Начала — богатейшая, вся в движении панорама холмов, лесов и озер. Он испытал острую зависть к своим неведомым предкам, которые с такой свободой летали над всей землей и которые позволили умереть ее красоте.

Эти иссушающие ум мечтания были бесплодны. Он с трудом вернулся в настоящее — к своей насущной проблеме. Если небо для него недостижимо, а путь по земле прегражден, то что же остается?

Он снова оказался в положении, когда ему требуется помощь, когда только своими силами он не может продвинуться вперед. Ему не хотелось признаваться в этом перед самим собой, но он был достаточно честен и осознал этот малоприятный факт. И мысли его с неизбежностью обратились к Хедрону.

Олвин никак не мог решить, по душе ли ему Шут. Он был очень рад, что они встретились, и был благодарен Хедрону за ту, неясно выраженную, но все-таки симпатию, которую Шут проявил к нему в ходе поиска. В Диаспаре больше не нашлось бы ни одной живой души, с кем у Олвина оказалось бы так много общего, и все-таки в личности Хедрона ощущался какой-то червячок, который нет-нет да и действовал ему на нервы. Возможно, это был налет этакой иронической отстраненности, которая порой порождала у Олвина подозрение, что Хедрон втихомолку подсмеивается над всеми его усилиями, даже когда казалось — он делает все, чтобы именно помочь. Из-за этого, а также в силу свойственного ему упрямства и чувства независимости Олвину не слишком хотелось обращаться к Хедрону — разве что в самом крайнем случае.

Они договорились встретиться в маленьком круглом дворике неподалеку от Зала Совета. В городе было множество таких вот уединенных местечек, частенько расположенных всего в нескольких шагах от оживленной магистрали, но совершенно изолированных от людской толчеи. Добраться до них, как правило, можно было только пешком, изрядно побродив сначала вокруг да около. По большей части они, в сущности, являлись центрами умело созданных лабиринтов, что только усиливало их отъединенность. Это было довольно типично для Хедрона — выбрать для встречи именно такое вот место.

Дворик оказался едва ли более пятидесяти шагов в поперечнике и, в общем-то, находился не на воздухе, а глубоко внутри какого-то большого здания. Глазу, однако, представлялось, что у него нет каких-то определенных физических границ, а окружает его нечто из полупрозрачного голубовато-зеленого материала, светящегося мягким внутренним светом. И все же, несмотря на отсутствие этих самых границ, дворик оказался спроектирован таким образом, что не было ни малейшей опасности потеряться в кажущейся бесконечности

окружающего его пространства. Низкие стены, высотой в половину человеческого роста, разорванные через неправильные интервалы с тем, чтобы через них можно было пройти, создавали достаточное впечатление замкнутости, без чего никто в Диаспаре не мог чувствовать себя совершенно в своей тарелке.

Когда появился Олвин, Хедрон внимательнейшим образом разглядывал как раз одну из секций стены. Она была украшена хитроумной мозаикой из глазурованных плиток, и узор оказался таким фантастически сложным, что Олвин даже и стараться не стал читать его.

— Посмотри-ка на эту мозаику, Олвин,— молвил Шут.— Не замечаешь ли ты в ней какой-нибудь странности?

— Нет,— бегло взглянув на рисунок, признался Олвин.— Да мне, собственно, все равно — тем более что никакой странности тут нет...

Хедрон пробежался пальцами по разноцветным плиткам.

— Ты не слишком наблюдателен,— укоризненно проговорил он.— Взгляни-ка вот на эти кромки — видишь, как они округлены, какую приобрели мягкую форму? Это нечто такое, Олвин, что в Диаспаре можно увидеть крайне редко. Это — изношенность. Вещество выкрашивается под напором времени. Я припоминаю эпоху, когда этот рисунок был совсем новым,— это было всего восемьдесят тысяч лет назад, в мою предыдущую жизнь. И если я вернусь сюда еще через десяток перевоплощений, от этих плиток уже мало что останется...

— Ну, а что тут удивительного? — отозвался Олвин.— В городе есть и другие произведения искусства, не такие уж ценные, чтобы хранить их вечно в ячейках памяти, но все-таки достаточно интересные, чтобы не уничтожать их вскоре же после создания. Я полагаю, наступит день, придет сюда другой какой-нибудь художник и сотворит что-то еще более прекрасное. И уж его работе не дадут истлеть...

— Я знавал человека, который составил этот рисунок,— сказал Хедрон. Пальцы его все еще блуждали по поверхности мозаики, исследуя ее трещинки.— Странно то, что я помню сам этот факт, но в то же время совершенно забыл человека, о котором мы сейчас говорим. Надо полагать, он мне не больно-то нравился, поскольку я, судя по всему, стер память о нем из своего сознания...— Он коротко рассмеялся.— Впрочем, может оказаться и так, что это я сам создал этот рисунок во время одной из своих художественных фаз, а когда город отказался хранить его вечно, был так раздосадован, что и решил тогда же забыть об этом эпизоде... Ну вот, так я и знал, что этот кусочек, того гляди, отвалится.

Хедрон ухитрился отколупнуть осколок позолоченной плитки и, казалось, был страшно доволен этим актом мало кого трогающего вандализма. Он бросил крохотную чешуйку наземь:

— Вот теперь роботам-уборщикам будет над чем потрудиться!

Олвин понял, что это — урок. Странный инстинкт, известный под именем интуиции, способный приводить к цели напрямик, срезая углы, тотчас сказал ему об этом. Он уставился на золотистую крошку, лежащую у его ног, пытаясь как-то связать ее с проблемой, занимающей его сознание.

Найти ответ было несложно, коль скоро ему стало очевидно, что ответ такой существует.

— Да, я понимаю, что именно вы стараетесь мне втолковать,— сказал он Хедрону.— Это значит, что в Диаспаре есть объекты, которые не зафиксированы в ячейках памяти. Вот поэтому-то я и не мог найти их с помощью мониторов там, в Зале Совета. Пойди я туда и нацелься на этот дворик, мне бы и следа не углядеть этой вот стенки, на которой мы сейчас сидим...

— Ну, я думаю, что стенку-то ты бы обнаружил... Но вот мозаику на ней...

— Да-да, понимаю...— почти не слушая, продолжал Олвин, слишком занятый сейчас своими мыслями, чтобы обращать внимание на такие тонкости этикета.— И точно таким же вот образом могут существовать и целые районы города... они не отражены в его вечной памяти, но они еще не износились... они существуют... Нет, я все-таки как-то не вижу, чем это может мне помочь. Я же знаю, что внешняя стена стоит, как скала, и что в ней нет проходов...

— Гм... Возможно, из этого положения и в самом деле нет выхода,— проговорил Хедрон.— Во всяком случае, я ничего не могу тебе обещать. Но все же думаю, что мониторы способны научить нас еще очень и очень многому... если, конечно, Центральный Компьютер им разрешит. А он, похоже, относится к тебе... м-м... доброжелательно.

На пути к Залу Совета Олвин раздумывал над этими словами Шута. До сих пор он полагал, что доступ к мониторам ему обеспечило единственно влияние Хедрона. Ему и в голову не приходило, что это стало возможным в силу каких-то качеств, внутренне присущих именно ему самому. Быть Неповторимым означало потерю многого. И было бы только справедливо, если бы ему полагалась какая-то компенсация.

...Ничуть не изменившийся электронный слепок города все так же занимал центр зала, в котором Олвин провел эти долгие недели. Он смотрел на него теперь с новым чувством понимания: ведь все, что он видел здесь, перед собой, существовало в действительности, но... могло быть и так, что отнюдь не весь Диаспар отражен в этом безупречном зеркале. Да, разумеется, любые несоответствия должны быть пренебрежимо малы и, насколько он мог видеть, просто неуловимы...

И все же...

— Я, знаешь, попытался сделать это много лет назад,— нарушил молчание Хедрон, усаживаясь в кресло перед одним из мониторов.— Но управление этой штукой никак мне не давалось... Возможно, теперь все будет иначе...

Сначала медленно, а потом со все возрастающей уверенностью — по мере того как в памяти оживали давным-давно забытые навыки — пальцы Хедрона побежали по панели управления, лишь на мгновение задерживаясь в некоторых ее точках.

— Вот, думаю, так будет правильно,— наконец проговорил он.— Во всяком случае, мы сейчас в этом убедимся.— Экран монитора засветился, но вместо изображения, которое ожидал увидеть Олвин, появилась несколько обескуражившая его надпись: «Регрессия начнется, как только вы установите градиент убывания».

— Экая я бестолочь,— прошептал Хедрон.— Вот ведь все сделал правильно, а самое-то важное и забыл...— Теперь его пальцы двигались по панели уже

совершенно уверенно, и, когда надпись на экране растаяла, он развернул свое кресло так, чтобы видеть и изображение города в центре зала.

— Гляди внимательно, Олвин,— предупредил он.— Думается мне, что мы оба узнаем сейчас о Диаспаре кое-что новенькое.

Олвин терпеливо ждал, но ничего не происходило. Изображение города по-прежнему стояло у него перед глазами во всем своем таком знакомом великолепии и красе — хотя ни то ни другое им сейчас не осознавалось. Он уже хотел было спросить Хедрона, а на что, собственно, ему смотреть, как вдруг какое-то внезапное движение приковало его внимание, и он быстро повернул голову, чтобы уловить его. Это был всего лишь какой-то краткий миг, что-то на мгновение сверкнуло, и он так и не успел заметить, что же явилось причиной вспышки. Ничто не изменилось: Диаспар оставался точно таким же, каким он его знал. Однако, переведя взгляд на Хедрона, он увидел, что тот наблюдает за ним с сардонической усмешкой, и снова уставился на город. И теперь *это* произошло прямо у него на глазах.

Одно из зданий на периферии Парка неожиданно исчезло, и на его месте немедленно появилось другое — совершенно иной архитектуры. Превращение произошло настолько стремительно, что мигни Олвин именно в этот момент, и он ничего бы уже не заметил. В изумлении смотрел он на слегка изменившийся город, но даже и в этот миг потрясения от увиденного мозг его искал объяснений. Ему вспомнились появившиеся на экране слова: «Регрессия начнется...» — и он тотчас же осознал, что же тут, собственно, происходит.

— Таким город был много тысяч лет назад,— сказал он Хедрону.— Мы словно бы движемся назад по реке времени...

— Весьма красочный, но вряд ли самый точный способ отразить то, что здесь сейчас творится,— ответил Шут.— На самом-то деле монитор просто вспоминает ранний облик города. Когда в прошлом производились какие-то модификации, ячейки памяти не просто освобождались. Хранившаяся в них информация перекачивалась во вспомогательные запоминающие устройства, чтобы по мере надобности ее можно было вызывать снова и снова. Я настроил монитор на анализ именно этих узлов — со скоростью в тысячу лет в секунду. И сейчас мы видим с тобой Диаспар таким, каким он был полмиллиона лет назад. Но только, чтобы заметить какие-то действительно существенные перемены, нам придется отодвинуться во времени на куда большую дистанцию... Вот я сейчас увеличу скорость...

Он снова обратился к панели управления, и именно в этот момент уже не одно какое-то здание, а целый квартал перестал существовать и сменился гигантским овальным амфитеатром.

— О, да ведь это же — Арена! — воскликнул Хедрон.— Я прекрасно помню, какой шум поднялся, когда мы решили от нее избавиться! Ареной почти не пользовались, но, знаешь, огромное число людей испытывало к ней теплые чувства.

Теперь монитор вскрывал пласты своей памяти с куда большей быстротой. Изображение Диаспара проваливалось в прошлое на миллион лет в минуту, и перемены совершались так стремительно, что глаз просто не мог за ними уследить. Олвин отметил, что изменения в облике города происходили, по-

хоже, циклично: бывали длительные периоды полного равновесия, затем вдруг начиналась горячка перестройки, за которой следовала новая пауза. Все происходило так, как если бы Диаспар был живым существом, которому после каждого взрывообразного периода роста требовалось собраться с силами.

Несмотря на все эти перемены, основной рисунок города не менялся. Да, здания возникали и исчезали, но расположение улиц представлялось вечным, а Парк все так же оставался зеленым сердцем Диаспара. Олвин прикинул, насколько далеко может простираться память монитора. Сумеют ли они вернуться к самому основанию города и проникнуть сквозь занавес, отделяющий непреложно известную историю от мифов и легенд Начала?..

Они погрузились в прошлое уже на пятьсот миллионов лет. За пределами стен Диаспара, неизвестная мониторам, лежала совсем иная Земля. Возможно, там шумели океаны и леса, быть может, существовали иные города, еще не покинутые Человеком в его долгом-долгом отступлении к своему последнему пристанищу...

Минуты текли — и каждая была целой эпохой в крохотной вселенной мониторов. Олвину подумалось, что скоро они достигнут самого раннего из доступных уровней памяти и бег в прошлое прекратится. И хотя все происходящее представлялось ему просто-таки захватывающе интересным, он тем не менее никак не мог понять, каким образом это поможет ему вырваться из Диаспара.

...Резким, беззвучным скачком город сократился до незначительной части своей нынешней величины. Парк исчез. В мгновение ока словно бы испарилась ограничивающая город стена, составленная из титанических башен. Этот новый город был открыт всем ветрам, и его радиальные дороги простирались к границам объемного изображения, не встречая никакого препятствия. Диаспар... Такой, каким он был перед великим превращением, которому подверглось человечество.

— Дальше пути нет,— сказал Хедрон и показал на экран монитора, где появилась надпись: «Регрессия завершена».— Должно быть, это и есть самый первый облик города, запечатленный в памяти машин. Сомневаюсь, чтобы ячейки памяти использовались в период, предшествующий этому,— когда здания еще были подвержены разрушительному действию стихий.

Олвин долго глядел на модель древнего города. Он размышлял о движении, которое кипело на этих дорогах, когда люди свободно приезжали и уезжали во все концы мира — и к другим мирам тоже. Те люди были его предками. Он чувствовал себя куда ближе к ним, чем к своим современникам, которые делят с ним сейчас его жизнь. Ему так хотелось поглядеть на них, проникнуть в их мысли — мысли людей, ходивших по улицам Диаспара миллиард лет назад. Нет, подумалось ему, их мысли не могли быть безоблачными — ведь земляне того времени жили в мрачной тени Пришельцев. И всего через несколько столетий им пришлось отвратить лица свои от славы, завоеванной ими, и возвести Стену, отгородившую их от мира...

Хедрон несколько раз прогнал монитор взад и вперед по короткому отрезку истории, который был свидетелем трансформации. Переход от маленького, настежь распахнутого городка к куда большему по размерам, но уже отъеди-

ненному от мира, занял немногим более тысячи лет. За это время, должно быть, и были созданы машины, которые и посейчас так верно служат Диаспару, и именно тогда в их память было вложено знание, обеспечивающее выполнение ими своих задач. В этот же самый период в запоминающие устройства города должны были поступить электронные копии всех живущих ныне людей, готовые по первому же сигналу Центрального Компьютера обрести плоть и, заново рожденными, выйти из Зала Творения.

Олвин понимал, что и он тоже, в некотором смысле, существовал в том древнем мире. Хотя, конечно, было возможно, что он-то как раз оказался продуктом чистого синтеза — вся его личность, целиком и полностью, была создана инженерами-художниками, которые пользовались инструментарием непостижимой сложности ради какой-то ясно осознаваемой ими цели... И все же ему представлялось куда более вероятным, что он все-таки был плоть от плоти тех людей, что когда-то жили на планете Земля и путешествовали по ней.

Когда был создан новый город, от старого Диаспара мало что осталось. Парк почти полностью покрыл изначальное поселение, а также то, с чего, собственно, и начинался сам-то этот древний город. Казалось, что в центре Диаспара от века существовало крохотное зеленое местечко, к которому стекались все радиальные улицы города. Впоследствии его размеры разрослись вдесятеро, стерев множество зданий и улиц. Усыпальница Ярлана Зея появилась как раз в это время, заменив собой какую-то очень громоздкую круглую конструкцию, которая возвышалась на месте слияния всех улиц. Олвин, в сущности, никогда не верил легендам о непостижимой древности усыпальницы, но теперь ему стало ясно, что легенды, похоже, говорили правду.

— Но ведь мы...— Олвин был просто сражен внезапно пришедшей ему на ум мыслью,— ведь мы можем изучать это вот изображение в деталях... точно так же, как мы разглядывали и современный нам Диаспар?

Пальцы Хедрона порхнули над панелью управления, и экран тотчас же ответил на вопрос Олвина. Город, давным-давно исчезнувший с лица земли, стал расти у него на глазах по мере того, как взгляд юноши погружался в лабиринт странных узких улочек. Это — почти живое — воспоминание о Диаспаре, который когда-то существовал, было ясным и четким, как и изображение города, в котором они жили сейчас. В течение миллиарда лет электронная память хранила эту информацию, терпеливо дожидаясь момента, когда кто-то снова вызовет ее к жизни. И все это, подумалось Олвину, было даже не памятью — если говорить о том, что он сейчас искал. Это было нечто куда более сложное — воспоминание о памяти...

Он не знал, что это ему даст и поможет ли его исканиям. Неважно. Было захватывающе интересно вглядываться в прошлое и видеть мир, который существовал еще в те времена, когда человек путешествовал среди звезд. Он указал на низкое круглое здание, стоящее в самом сердце города:

— Давайте начнем отсюда. Это место ничуть не хуже всякого другого для того, чтобы приступить к поиску...

Быть может, это оказалось результатом чистой удачи. Или же подала вдруг голос какая-то древняя генная память. А может быть, сработала и элементар-

ная логика. Это не имело значения, поскольку рано или поздно он все равно добрался бы до этого места — места, откуда начинались все радиальные улицы города.

Ему потребовалось всего лишь каких-то десять минут, чтобы сделать открытие: улицы соединялись здесь вовсе не только из соображений симметрии. Всего десять минут, чтобы понять — долгий его поиск вознагражден.

9

Алистре было совсем нетрудно последовать за Олвином и Хедроном так, чтобы оба они и понятия об этом не имели. Они, казалось, очень спешили — что уже само по себе было в высшей степени необычно — и ни разу даже не оглянулись. Забавная игра — преследовать их на движущихся тротуарах, прячась в толпе, не спускать с них глаз... В конце концов цель, к которой они стремились, стала для Алистры очевидной. Раз уж они оставили улицы и углубились в Парк, то могли направляться только к усыпальнице Ярлана Зея. В Парке не было никаких других зданий, а люди, спешащие так, как спешили Олвин с Хедроном, явно не собирались любоваться пейзажами.

Поскольку на последних десятках метров перед усыпальницей укрыться было решительно негде, Алистра выждала, пока преследуемые не углубились в ее мраморный полумрак. Как только они скрылись из виду, девушка тотчас же поспешила вверх по поросшему травой склону. Она была совершенно уверена, что сумеет скрываться за одной из огромных колонн достаточно долго, чтобы суметь выяснить — чем это таким заняты Олвин и Хедрон. А уж потом, даже если они ее и обнаружат, будет все равно...

Усыпальница состояла из двух концентрических колоннад, ограждающих круглый дворик. Колонны эти — за исключением одного сектора,— перекрывая друг друга, полностью укрывали от взоров центр всего сооружения, и Алистра, не желая рисковать, проникла в усыпальницу сбоку. Она осторожно миновала первое кольцо колонн, убедилась, что в поле зрения никого нет, и на цыпочках подобралась ко второй колоннаде. Между колоннами ей было видно скульптурное изображение Ярлана Зея, устремившего взгляд к входу в усыпальницу и дальше — через Парк, созданный им,— на город, за которым он следил столько тысячелетий.

И мраморное его уединение сейчас не нарушала ни одна живая душа. Усыпальница была пуста...

В эти же самые секунды Олвин и Хедрон находились метрах в тридцати под поверхностью земли — в тесной, напоминающей ящик клетушке, стенки которой, казалось, струились вверх. Это было единственным признаком того, что она движется. Не ощущалось ни малейшей вибрации, которая указывала бы на то, что они постепенно погружаются в недра земли, приближаясь к цели, о которой ни тот ни другой даже и теперь не имели ни малейшего представления.

Все оказалось до смешного просто, потому что искомый путь был прямотаки подготовлен для них. («Кем? — думалось Олвину.— Центральным Компьютером? Или самим Ярланом Зеем, когда он преображал город?») Экран мо-

нитора показал им глубокую вертикальную шахту, уходящую в недра, но они «спустились» по ней не слишком глубоко — экран погас. Это означало, что они затребовали информацию, которой монитор не располагал и которой, возможно, у него и вообще никогда не было.

Олвин едва успел додумать эту мысль, как экран ожил снова. На нем появилась короткая надпись, напечатанная упрощенным шрифтом, которым машины пользовались для общения с человеком с тех самых пор, как они достигли интеллектуального равенства:

«Встаньте там, куда смотрит статуя, и подумайте:

"ДИАСПАР НЕ ВСЕГДА БЫЛ ТАКИМ"».

Последние пять слов были напечатаны прописными буквами, и суть этого послания сразу же была схвачена Олвином. Произнесенные в уме, кодовые фразы такого рода столетиями использовались для того, чтобы открывать двери или включать машины. Что же касается выражения «встаньте там, куда смотрит статуя», то, в сущности, это было уже совсем просто понять.

— Интересно, сколько же человек читало эти слова,— задумчиво произнес Олвин.

— Насколько я знаю, четырнадцать,— ответил Хедрон.— Но, возможно, были и другие...— Он никак не прояснил эту свою достаточно загадочную реплику, а Олвин слишком торопился попасть в Парк, чтобы задавать еще какие-нибудь вопросы.

У них не было никакой уверенности, что механизмы все еще способны откликнуться на кодовый импульс. Когда они добрались до усыпальницы, им потребовалось всего ничего времени, чтобы обнаружить ту единственную плиту пола, на которую был устремлен взгляд Ярлана Зея. Это только невнимательному наблюдателю могло показаться, что изваяние смотрит вдаль, на город. Стоило стать прямо перед ним, и сразу же можно было убедиться, что глаза Зея опущены и изменчивая его улыбка адресована как раз плите, расположенной у самого входа в усыпальницу. Как только секрет этот оказался раскрыт, никаких сомнений уже не оставалось. Огромная каменная глыба, на которой они стояли, плавно понесла их в глубину.

Голубое окно над их головами внезапно пропало. Устье этой шахты там, наверху, перестало зиять. Опасность, что кто-нибудь случайно ступит в провал, перестала существовать. Олвин мимолетно подумал о том, не материализовалась ли внезапно какая-то другая каменная плита, чтобы заменить ту, на которой плыли сейчас они с Хедроном, но затем решил, что вряд ли. Глыба, на которой они стояли, могла в действительности существовать лишь дискретно — неощутимые доли секунды. Она, в сущности, все так же покрывала пол усыпальницы. И снова и снова материализовывалась на все большей и большей глубине — через микросекундные интервалы,— чтобы создать иллюзию плавного движения вниз.

Ни Олвин, ни Хедрон не проронили ни слова, пока стены шахты медленно скользили мимо них кверху. Хедрон снова сражался со своей совестью, размышляя — не зашел ли он на этот раз слишком далеко. У него не было ни

малейшего представления, куда ведет этот путь,— если он вообще ведет куда-то... Впервые в жизни Шут начал понимать истинный смысл слова «страх».

Олвину же не было страшно — он был слишком возбужден. Он переживал те же чувства, что и в башне Лоранна, когда взглянул на девственную пустыню и увидел звезды, взявшие в полон небо. Тогда он едва кинул на неведомое беглый взгляд. А вот теперь — он приближался к нему...

Стены прекратили движение. На одной из них появилось пятно света, оно становилось все ярче и ярче и внезапно обернулось дверью. Они ступили в ее проем, сделали несколько шагов по коридору и совершенно неожиданно для себя очутились вдруг в огромной круглой камере, стены которой плавно сходились в трехстах футах над их головами.

Каменная колонна, внутри которой они спустились сюда, казалась больно уж хрупкой, чтобы держать на себе все эти миллионы тонн скальной породы. В общем-то, она даже выглядела не как неотъемлемая часть всего этого помещения, а так, словно бы ее добавили сюда значительно позднее основного строительства. Хедрон, проследив взгляд Олвина, пришел точно к такому же выводу.

— Эта колонна,— сказал он, явно нервничая и словно бы испытывая неодолимую потребность хоть что-нибудь да говорить,— была построена просто для того, чтобы нести в себе шахту, по которой мы сюда и прибыли. Она, конечно же, никоим образом не могла пропускать через себя все то движение, которое, надо полагать, имело здесь место, когда Диаспар еще был открыт миру. Основные потоки шли во-он по тем туннелям... Как — соображаешь, для чего они?

Олвин обвел взглядом стены этой пещеры, отстоящие от того места, где находились они с Хедроном, больше чем на сотню метров. Пронизывая скалу через равные интервалы, зияли жерла огромных туннелей — двенадцать общим числом, и, судя по всему, туннели эти радиально расходились по всем направлениям, в точности повторяя маршруты движущихся улиц там, на поверхности. Приглядевшись, можно было заметить, что туннели имеют небольшой уклон кверху. Олвин тотчас же узнал и знакомую серую поверхность движущегося полотна, но... это были лишь руины великих когда-то дорог. Странный материал, что когда-то давал им жизнь, теперь был недвижим. Когда там, наверху, разбили Парк, ступица всего этого гигантского транспортного «колеса» была похоронена под землей.

И все-таки она не была разрушена.

Олвин направился к ближайшему туннелю. Он успел пройти всего несколько шагов, когда вдруг до него дошло, что с поверхностью пола у него под ногами что-то происходит... Пол становился... прозрачным! Еще несколько метров, и Олвину уже представилось, будто он стоит прямо в воздухе, без какой-либо видимой поддержки. Он остановился и вгляделся в пропасть, разверзшуюся перед ним.

— Хедрон! — позвал он.— Подойдите, подойдите — взгляните-ка только на это чудо!

Шут присоединился к нему, и они вместе стали разглядывать всю эту фантасмагорию под ногами. На неопределенной глубине, едва видимая, простер-

лась чудовищных размеров карта — сложнейшая сеть линий на ней сходилась точно в колонне центральной шахты. Некоторое время они смотрели на все это молча. Затем Хедрон тихо произнес:

— Ты понимаешь, что это такое?

— Думаю, что да,— так же тихо отозвался Олвин.— Это карта всей транспортной системы планеты, а вон те маленькие кружки — это, должно быть, другие города Земли... Я вижу, что возле них написаны какие-то названия, только вот ничего не могу разобрать...

— В прежние времена там, наверное, было внутреннее освещение,— задумчиво проговорил Хедрон. Он внимательно прослеживал взглядом линии под ногами, отходящие к стенам каверны, в которой они находились.

— Так я и думал! — внезапно раздался его возглас.— Ты вот обратил внимание, что все эти радиальные линии тянутся к маленьким туннелям?

Олвин тоже заметил, что помимо огромных арок самодвижущихся дорог были в стенах еще и бесчисленные туннели поменьше, тоже ведущие куда-то в неизвестность, но вот только уклон у них был не вверх, а вниз.

Хедрон тем временем продолжал, не ожидая ответа:

— Более простую систему трудно себе и представить! Люди сходили с самодвижущихся дорог, выбирали по этой вот карте направление к месту, которое нужно было посетить, и все, что им после этого оставалось делать,— это просто следовать определенной линии на карте.

— И что происходило с ними после этого? — задал осторожный вопрос Олвин.

Хедрон молчал, но глаза его пытливо искали разгадку тайны этих идущих вниз туннелей. Их было три или четыре десятка, и все они походили друг на друга. Различить их можно было только по названиям на карте, но нечего было и думать расшифровать эти едва видимые теперь надписи.

Олвин двинулся с места и пошел вокруг центральной колонны. Внезапно Хедрон услышал его голос — несколько искаженный отголосками от стен этой огромной полости.

— Что-что? — переспросил Хедрон, которому ну никак не хотелось трогаться с места, потому что он уже почти разобрал одну едва различимую группу черточек на карте. Но голос Олвина звучал больно уж настойчиво, и Хедрон пошел на зов.

Глубоко под ногами виднелась вторая половина огромной карты, слабые ее штрихи расходились наподобие «розы» на картушке компаса. Здесь, однако, неразличимы были далеко не все надписи: одна из линий — о, только одна! — была ярко освещена. Впечатление складывалось такое, словно она не имеет никакого отношения к остальной части системы. Сияющая стрела указывала на один из меньших туннелей, ведущих куда-то вниз. Вместо острия у этой стрелы был маленький кружок, возле которого светилось единственное слово: «Лиз». И это было все.

Шут и Олвин долго стояли и смотрели на этот золотой символ. Для Хедрона это был вызов, которого ему — он-то это хорошо знал! — никогда было не принять и который, если уж на то пошло, лучше бы и вовсе не существовал. Но Олвину — Олвину надпись намекала на возможность использования всех его

самых заветных мечтаний. И хотя слово «Лиз» было для него пустым звуком, он с наслаждением перекатывал во рту это немного звенящее название, радовался ему, как какому-то экзотическому плоду дивного вкуса. Кровь билась у него в венах, щеки пылали лихорадочным румянцем. Он блуждал взглядом по этой огромной подземной пустоте, пытаясь представить себе, что происходило здесь в древности, когда воздушному транспорту уже пришел конец, но города Земли еще поддерживали какой-то контакт друг с другом... Он думал о бессчетном количестве миллионов лет, которые канули куда-то с тех пор, о том, как с каждым таким миллионом движение здесь все затихало и затихало, а огни на огромной карте угасали один за другим, пока не осталась эта вот единственная линия. Как долго, мнилось ему, сияет она здесь, среди своих погасших товарок, в ожидании человека, которого нужно направить и которого все нет и нет?.. И наконец, Ярлан Зей вообще запечатал самодвижущиеся пути и отрезал Диаспар от всего остального мира...

А это было миллиард лет назад. Уже тогда, видимо, Лиз потерял все связи с Диаспаром. Казалось невозможным, чтобы Лиз выжил. Возможно, в конце концов, что эта карта уже не имеет ровно никакого значения...

Хедрон прервал его размышления. Заметно было, что Шут нервничает и чувствует себя не в своей тарелке,— он был совсем не похож на того уверенного и даже самоуверенного человека, каким всегда представлялся там, наверху, в городе.

— Не думаю, что нам надо двигаться еще куда-то дальше,— проговорил Хедрон.— Это может быть... небезопасно, если мы... если мы не будем подготовлены лучше...

Известная мудрость в этом, признаться, была, но Олвин расслышал в голосе Хедрона всего лишь нотку страха. Будь иначе, он, возможно, с большим вниманием отнесся бы к доводам здравого смысла, но слишком острое ощущение собственного мужества вкупе с презрением к робости Шута властно толкало Олвина вперед. Ему представлялось просто глупым — зайти так далеко только для того, чтобы повернуть назад, когда вожделенная цель маячила уже где-то перед глазами.

— Я пойду по этому туннелю,— упрямо заявил он, словно бы даже провоцируя Хедрона остановить его.— Хочу посмотреть, куда он ведет...— Олвин решительно зашагал вперед, и, поколебавшись какое-то мгновение, Шут тоже двинулся за ним вдоль сияющей стрелы, что пылала у них под ногами.

Войдя в туннель, они сразу же ощутили знакомую тягу перистальтического поля, и спустя миг оно без малейшего усилия уже уносило их в глубь земли. Все путешествие продолжалось едва ли более минуты. Когда поле освободило их, они оказались в конце длинного и узкого помещения полуцилиндрической формы. На другом, дальнем его конце два слабо освещенных туннеля уходили куда-то в бесконечность.

Представители едва ли не всех без исключения цивилизаций, которые только существовали на Земле со времен Начала, нашли бы эту обстановку совершенно обычной, но для Олвина и Хедрона это было окном в совершенно иной мир. Загадкой было, к примеру, назначение этой вот длинной, стремительных очертаний машины, которая — так похожая на снаряд — покои-

лась вдоль стены помещения: хотя о ее функции, в общем-то, можно было догадаться, но менее таинственной она от этого не становилась. Верхняя часть ее была прозрачна, и, глядя сквозь стенки, Олвин видел ряды удобно расположенных кресел. Признаков какого-либо входа в нее не было заметно. Машина парила на высоте что-то около фута над незатейливым металлическим стержнем, который простирался вдаль и исчезал в одном из туннелей. Несколькими метрами дальше другой такой же точно стержень вел в другой туннель — с той лишь разницей, что над ним не было такой же машины. Олвин знал — как если бы ему об этом сказали,— что где-то под далеким и неведомым ему Лизом еще одна такая же машина в таком же помещении, как это, тоже ждет своего часа.

Хедрон вдруг заговорил — быть может, несколько быстрее, чем обычно:

— Какая странная транспортная система! Она может одновременно обслуживать всего лишь какую-то сотню человек... Из этого следует, что они вряд ли рассчитывали на интенсивное движение между городами. И потом — зачем им все эти хлопоты, зачем, спрашивается, было зарываться в землю при все еще доступном небе? Возможно, это Пришельцы не разрешали им летать, хотя мне и трудно в это поверить... Или, может быть, все это было сооружено в переходный период, когда люди еще позволяли себе путешествовать, но уже не хотели, чтобы хоть что-то напоминало им о космосе? Они могли перебираться из города в город и так и не видеть ни неба, ни звезд...— Он хохотнул — коротко и нервно: — Я в одном только уверен. Когда Лиз существовал, он был очень похож на Диаспар. Все города в основе своей были похожи. И неудивительно, что в конце концов они были покинуты людьми, которые стянулись в один центр — в Диаспар. На кой, спрашивается, ляд было им иметь их больше одного?..

Олвин едва слышал Шута. Он был поглощен разглядыванием этого диковинного снаряда, нетерпеливо пытаясь найти вход. Если машина управлялась централизованно или при помощи устного кодового приказа, ему бы ни за что не удалось заставить ее повиноваться ему и она до конца его жизни так и осталась бы сводящей с ума загадкой.

...Беззвучно раскрывшаяся дверь застала его врасплох. Тишина не была тронута ни малейшим шорохом, не прозвучало ни малейшего предупреждения, когда целая секция корпуса просто истаяла и перед ним, готовая его принять, предстала безупречная красота интерьера.

Настал момент выбора. До этого рубежа он всегда мог повернуть назад, стоило ему только захотеть. Но, ступи он в эту так гостеприимно раскрывшуюся дверь, и можно было уже не сомневаться в том, что произойдет после этого, хотя Олвин не имел ни малейшего представления о том, куда именно его привезут. Он предался бы попечению совершенно неизвестных ему сил и лишил бы себя возможности распоряжаться собственной судьбой.

Он не колебался ни мгновения. Он страшно боялся промедлить, боялся, что, коли будет раздумывать слишком долго, этот момент никогда уже не повторится,— у него просто не хватит решимости безоглядно отдаться своему испепеляющему стремлению познать неведомое. Хедрон раскрыл было рот в энергичном протесте, но, прежде чем он произнес хотя бы одно слово, Олвин

уже переступил порог. Он обернулся к Хедрону, обрамленному едва видимым прямоугольником дверного проема, и на несколько секунд между ними воцарилось напряженное молчание, когда каждый ждал, чтобы первым заговорил другой.

Решение было принято за них. Что-то прозрачно мигнуло, и корпус машины снова сомкнулся. И не успел Олвин и руки поднять в прощальном приветствии, как длинный цилиндр тихонько тронулся вперед. Еще не войдя в туннель, он уже двигался быстрее бегущего человека.

...Были времена, когда что ни день миллионы людей совершали такие вот путешествия в машинах — в основном такого же типа, как и эта,— между домом и местом работы. С тех давным-давно минувших времен Человек успел обойти Вселенную и снова возвратиться на Землю — после того как основанную им Галактическую Империю вырвали у него из рук. И вот теперь машина снова работала, человек снова устремился куда-то вперед, сидя в салоне, в котором легион ныне забытых, совершенно не склонных к приключениям людей в свое время чувствовали себя совершенно как у себя дома.

С одним только отличием — путешествие Олвина было самым примечательным из всех, которые предпринимались людьми за последний миллиард лет.

...Алистра обошла усыпальницу раз десять (хотя, в сущности, вполне хватило бы и одного) — спрятаться здесь было решительно негде. После первого приступа изумления она стала сомневаться: а были ли те, кого она преследовала по Парку, Олвином и Хедроном во плоти или же она гналась всего-навсего за их электронными фантомами? Впрочем, мысль была не из умных, потому что свой фантом можно было сразу «проявить» в любом месте, которое захотелось бы посетить, и незачем было отправляться куда бы то ни было лично. Ни один человек в здравом рассудке не заставил бы свое отображение отшагать пару миль, затратив на это полчаса, когда на место можно было прибыть мгновенно. Нет, это, конечно же, были Олвин и Хедрон, и именно их она и проводила до усыпальницы.

Следовательно, где-то здесь должен быть тайный вход. И пока она ждет их возвращения, отчего бы его и не поискать?

Так уж получилось, что возвращение Хедрона она прозевала, потому что как раз в этот момент изучала одну из колонн позади скульптуры, а Шут появился совсем с противоположной стороны. Она услышала его шаги, обернулась к нему и сразу поняла, что он один.

— Где Олвин? — закричала она.

Прошло некоторое время, прежде чем Шут ответил. Выглядел он изможденным и каким-то словно в воду опущенным, и Алистре пришлось повторить свой вопрос, и только тогда он обратил на нее внимание. Казалось, он ничуть не был удивлен, увидев ее здесь.

— Я не знаю,— ответил наконец Хедрон.— Могу только сказать, что сейчас он — на пути к Лизу. Ну вот... теперь ты знаешь ровно столько же, сколько и я...

Слова Шута никогда не следовало понимать буквально. Но Алистра не нуждалась более ни в каких дополнительных доказательствах того, что сегодня Шут вовсе не играл свою привычную роль. Он говорил ей правду — что бы эта самая правда ни означала.

10

Когда дверь закрылась, Олвин рухнул в ближайшее кресло. Ему почудилось, что ноги внезапно отказались ему служить. Наконец-то и он познал тот ужас перед неизвестным, который преследовал всех его сограждан. Каждая клеточка в нем тряслась от страха, глаза застилала какая-то пелена. Сумей он сейчас вырваться из этой набиравшей скорость машины, он сделал бы это с радостью, даже ценой отказа от своей мечты...

Смял его не только страх, но еще и чувство невыразимого одиночества. Все, что он любил и знал, осталось в Диаспаре. Даже если ему и не грозит никакая опасность, он — как знать? — может никогда больше не увидеть своего мира. Как ни один человек на протяжении миллионов лет, он прочувствовал сейчас, что это значит — навсегда оставить свой дом. В этот момент отчаяния ему казалось совершенно неважным — вела ли эта его тропа к опасности или же была безопасна и ничем ему не грозила. Самое главное было то, что она уводила его от дома.

...Шли минуты. Это настроение медленно истаивало. Темные тени покинули мозг. Олвин начал мало-помалу обращать внимание на окружающее и, в силу своего разумения, разбираться в устройстве невообразимо древнего экипажа, в котором ему довелось путешествовать. Олвина совершенно не поразило и не показалось в особенности странным то обстоятельство, что эта погребенная под землей транспортная система все еще совсем исправно действует после столь невообразимо долгого перерыва. Ее характеристик не было в запоминающих устройствах городских мониторов, но, должно быть, где-то еще сохранялись аналогичные цепи, предохранившие ее от изменений и разрушения.

И тут он впервые увидел индикаторное табло, составляющее часть переборки. На нем горела короткая, но такая ободряющая надпись:

«ЛИЗ.
35 минут».

Пока он разглядывал эту надпись, число сменилось на «34». По крайней мере, это была полезная информация — хотя, поскольку он не имел ни малейшего представления о скорости машины, она ничуть не прояснила для него вопрос о расстоянии до неведомого города. Стены туннеля сливались в однородную серую массу, и единственным признаком движения была совсем слабенькая вибрация, которой ему бы и не заметить, если бы он не стал с особенным вниманием вживаться в окружающее.

К этому моменту Диаспар, должно быть, отстоял от него уже на многие и многие мили, и теперь над головой Олвина, надо полагать, простиралась пустыня с ее неотвратимо перекатывающимися барханами. Очень могло быть, что вот в этот самый момент он мчался как раз под теми древними холмами, которые так часто разглядывал из башни Лоранна.

Его воображение стремглав уносилось к Лизу, словно торопясь прибыть туда ранее тела. Что же это будет за город? Как ни старался Олвин, он мог представить себе всего только уменьшенную копию Диаспара. Да и существу-

ет ли он еще? — думалось ему... Но он быстро убедил себя, что, будь иначе, машина не несла бы его с такой стремительностью сквозь пласты земли.

Внезапно вибрация пола приобрела совершенно иной характер. Странный экипаж замедлял движение — это было несомненно! Время, видимо, бежало быстрее, чем казалось Олвину. Он глянул на табло и несколько удивился — надпись гласила: «Лиз. 23 минуты».

Ничего не понимая, немного обеспокоенный, он прижался лицом к прозрачной стенке машины. Скорость все еще смазывала облицовку туннеля в сплошную серую ленту, но все же теперь он уже успевал схватывать взглядом какие-то загадочные отметки, которые исчезали с такой же стремительностью, как и появлялись. Но всякий раз, прежде чем исчезнуть, они, казалось, уже чуть-чуть дольше задерживались на сетчатке глаза.

Затем, совсем неожиданно, стены туннеля с обеих сторон отпрыгнули в стороны. Все еще на огромной скорости, машина теперь мчалась сквозь огромное пустое пространство — куда более просторное, чем даже та пещера самодвижущихся дорог под Парком.

С изумлением оглядываясь по сторонам, Олвин заметил внизу сложную сеть направляющих стержней, которые сходились, перекрещивались и ныряли в туннели по обе стороны от его экипажа. Поток голубоватого света лился из-под выгнутого купола арочного потолка, обрисовывая силуэты огромных транспортных машин. Свет был настолько ослепительным, что было больно глазам, и Олвин догадался, что место это не было предназначено для человека. Мгновением позже его экипаж стремглав промчался мимо нескольких рядов цилиндров, недвижно паривших над своими направляющими. Они были значительно больших размеров, чем тот, в котором он находился, и Олвин догадался, что они, должно быть, использовались для перевозки грузов. Вокруг них громоздились какие-то совершенно непонятные механизмы — замершие, остывшие...

Это циклопическое и такое пустынное помещение исчезло почти так же стремительно, как и возникло. Образ его вызвал в сознании Олвина что-то похожее на благоговение. Впервые он осознал значение той огромной затененной карты под Диаспаром. Мир оказался куда более полон чудесами, чем ему когда- либо представлялось.

Олвин снова глянул на табло. Ничто не изменилось: ему понадобилось меньше минуты, чтобы промелькнуть через пустынную станцию. Машина снова набирала скорость, и, хотя движение по-прежнему почти не ощущалось, стены туннеля уже отбрасывались назад с быстротой, о порядке которой он не мог и догадываться.

Казалось, целая вечность прошла, прежде чем снова наступило почти неощутимое изменение в характере вибрации. Теперь на табло значилось: «Лиз. 1 минута».

Минута эта оказалась самой долгой в жизни Олвина. Медленно, еще медленнее двигалась машина... И на этот раз она не просто замедляла свой ход. Она — останавливалась!..

Плавно, в абсолютной тишине удлиненный цилиндр выскользнул из туннеля в помещение, которое могло бы сойти за двойника того, что простира-

лось под Диаспаром. Несколько мгновений сильнейшее волнение мешало Олвину что-либо разглядеть. Двери давно уже были раскрыты, но он как-то не вдруг осознал, что может покинуть свой экипаж. Торопливо выходя из машины, он в последний раз бросил взгляд на табло. Надпись на нем изменилась теперь на противоположную, и смысл ее оказался бесконечно ободряющ: «Диаспар. 35 минут».

Когда Олвин занялся поисками выхода из этого помещения, он углядел первый намек на то, что, возможно, находится теперь в стане цивилизации, отличающейся от его собственной. Выход на поверхность — это-то было ясно — лежал через низкий и широкий туннель в торце станции, и пол в этом туннеле был не чем иным, как лестницей! В Диаспаре лестницы встречались чрезвычайно редко. Архитекторы города везде, где их замыслы сталкивались с перепадом уровней, строили пандусы. Это было отголоском той эпохи, когда роботы передвигались на колесах и ступеньки были для них непреодолимым препятствием.

Лестничный пролет оказался очень коротким и закончился перед дверьми, которые при приближении Олвина автоматически растворились. Он ступил в небольшую комнатку, схожую с той, что опустила его из-под фигуры Ярлана Зея, и совсем не удивился, когда спустя несколько минут перед ним снова растворились двери, открыв взору сводчатый коридор, полого поднимающийся к арке, которая своим полукругом обрамляла кусочек неба. В лифте он опять не почувствовал никакого движения, но понимал, что, наверное, поднялся на многие сотни футов. Он поспешил вверх по коридору к залитому солнечным светом выходу, торопясь поскорее увидеть, что же лежит перед ним, и позабыв обо всех своих страхах.

Он очутился на склоне низкого холма, и на какое-то мгновение ему даже почудилось, будто он снова находится в центральном Парке Диаспара. Быть может, это и в самом деле был какой-то парк, но разум отказывался охватить его размеры. Города, который он ожидал увидеть, не было. Насколько хватало глаз, вокруг не было ничего, кроме леса и ровных пространств, заросших травой.

Олвин перевел взгляд на горизонт, и там, над кромкой деревьев, простираясь справа налево исполинской дугой, замыкающей в себе мир, темнела каменная гряда, по сравнению с которой даже самые гигантские сооружения Диаспара показались бы карликами. Гряда эта лежала так далеко, что детали ее скрадывались расстоянием, но все-таки угадывалось в ее очертаниях что-то такое, что до глубины души поразило Олвина. Наконец его глаза приноровились к пространствам этого необъятного ландшафта, и он понял, что эти каменные исполины были нерукотворны.

Время поработило далеко не все. Земля и по сей день была обладательницей гор, которыми она могла бы гордиться.

Олвин долго стоял в устье туннеля, постепенно привыкая к этому странному миру, в котором так неожиданно очутился. Он почти лишился дара речи — такое впечатление произвели на него уже просто сами размеры окружающего его пространства. Это кольцо прячущихся в дымке гор могло бы заключить в себе и десяток таких городов, как Диаспар. Но, как ни вглядывался Олвин,

он так и не мог обнаружить никаких следов присутствия человека. И тем не менее дорога, сбегавшая с холма, находилась в ухоженном состоянии. Ему ничего не оставалось, как довериться ей.

У подножия холма дорога исчезала среди огромных деревьев, почти скрывающих солнце. Странный букет запахов и звуков опахнул Олвина, когда он ступил под их кроны. Ему и раньше знаком был шорох ветра в листве, но здесь, кроме этого, звенела еще и самая настоящая симфония каких-то слабеньких звуков, значения которых он не угадывал. Неведомые ароматы охватили его — ароматы, даже память о которых была утрачена человечеством. Это тепло, это обилие запахов и цвета, да еще невидимое присутствие миллионов живых существ обрушились на него с почти ощутимой силой.

Встреча с озером оказалась полной неожиданностью. Деревья справа внезапно кончились, и он очутился перед обширнейшим водным пространством, усыпанным крохотными островками. Никогда в жизни Олвин не видел такой воды. По сравнению с этим озером самые обширные бассейны Диаспара выглядели не более чем лужами. Он медленно спустился к самой кромке воды, зачерпнул в пригоршни теплую влагу и стал смотреть, как она струйками стекает у него меж пальцев.

Огромная серебристая рыбина, внезапно появившаяся из колыхающегося леса водорослей, стала первым живым существом, отличным от человека, которое Олвину довелось увидеть в своей жизни. Рыбина висела в зеленоватой пустоте, и плавники ее были размыты стремительным движением — она была живым воплощением скорости и силы. Претворенные в линиях этого живого тела, продолжали свой век изящные очертания тех огромных кораблей, что когда-то владели небом Земли. Эволюция и наука пришли к одному и тому же ответу, только вот дитя природы просуществовало гораздо дольше.

Наконец Олвин высвободился из-под завораживающего очарования озера и продолжил свой путь по извивающейся дороге. Лес снова сомкнулся над ним — но ненадолго. Дорога внезапно кончилась — обширным пустым пространством шириной в полмили и вдвое большей длины, и Олвин понял, почему до сих пор он не встретил никаких следов человека.

Пространство это оказалось заполненным низкими двухэтажными строениями, выкрашенными в мягкие тона, глядеть на которые глазу было приятно даже при полном сиянии солнца. Большинство этих домов были ясных, простых пропорций, но некоторые выделялись каким-то сложным архитектурным стилем с использованием витых колонн и изящной резьбы по камню. В этих постройках, которые казались очень старыми, была использована даже непостижимо древняя идея остроконечной арки.

Медленно приближаясь к селению, Олвин прилагал все старания, чтобы побыстрее освоиться с новым окружением. Все здесь было незнакомо. Даже сам воздух был иным — неощутимо пронизанный биением неведомой жизни. А золотоволосые люди небольшого роста, двигающиеся между домами с такой непринужденной грацией, совершенно ясно, были совсем не такими, как жители Диаспара.

Они не обращали на Олвина ни малейшего внимания, и это было странно, поскольку уже и одеждой он отличался от них. Температура воздуха в Диас-

паре всегда была неизменной, и поэтому одежда там носила чисто декоративный характер и подчас обретала весьма сложные формы. Здесь же она казалась в основном функциональной, сшитой для того, чтобы в ней было удобно ходить, а не исключительно ради украшательства, и у многих состояла всего-навсего из целого куска ткани, обернутого вокруг тела.

Только когда Олвин уже углубился в поселок, люди Лиза отреагировали на его присутствие, да и то их реакция приняла несколько необычную форму. Двери одного из домов выпустили группу из пяти человек, которая направилась прямехонько к нему,— выглядело это все так, как если бы они, в сущности, ожидали его прибытия. Сильнейшее волнение внезапно овладело Олвином, и кровь застучала у него в венах. Ему подумалось обо всех знаменательных встречах, которые состоялись у Человека с представителями других рас на далеких мирах. Люди, которых он встретил здесь, принадлежали к его собственному виду — но какими же стали они за те эпохи, что разделили их с Диаспаром?

Депутация остановилась в нескольких шагах от Олвина. Ее предводитель улыбнулся и протянул руку в старинном жесте дружбы.

— Мы решили, что будет лучше всего встретить вас здесь,— проговорил он.— Наш дом весьма отличен от Диаспара, и путь пешком от станции дает возможность гостю... ну, что ли, несколько акклиматизироваться.

Олвин принял протянутую руку, но некоторое время молчал, так как был слишком взволнован, чтобы отвечать. И еще ему стало понятно, почему все остальные жители поселка не обращали на него никакого внимания.

— Вы знали, что я иду к вам? — спросил он после паузы.

— Ну конечно,— последовал ответ.— Нам всегда становится известно, что вагон пришел в движение. Но скажите — как вы нашли к нам путь? С момента последнего посещения минуло так много времени, что мы уже стали опасаться — а не утрачена ли тайна безвозвратно...

Говорящего прервал один из спутников:

— Мне думается, Джирейн, что нам пока следует сдержать свое любопытство. Сирэйнис ждет.

Имени Сирэйнис предшествовало какое-то незнакомое Олвину слово, и он подумал, что это, должно быть, титул. Он понимал речь своих собеседников безо всякого труда, и ему и в голову не приходило, что в этом заключается что-то удивительное. У Диаспара и Лиза было одно и то же лингвистическое наследие, а изобретение еще в древности звукозаписывающих устройств давным-давно обеспечило речи неколебимость форм.

С видом насмешливой покорности судьбе Джирейн пожал плечами.

— Хорошо,— улыбнулся он.— У Сирэйнис не так уж много привилегий — не стану лишать ее хотя бы этой.

Они двигались тесной группой, все дальше углубляясь в селение, и Олвин с любопытством разглядывал окружающих его людей. Они представлялись добрыми и интеллигентными, но все это были такие добродетели, которые он на протяжении всей жизни принимал как нечто само собой разумеющееся, и теперь он искал черты, которые отличали бы этих людей от диаспарцев. Отличия существовали, только вот четко определить их было бы довольно затруднительно. Все местные были несколько ниже ростом, чем Олвин, и двоих

из тех, кто вышел его встречать, отмечали безошибочные пометы возраста. Кожа у всех была коричневого цвета, а движения, казалось, прямо-таки излучали здоровье и энергию. Олвину это было приятно, хотя и казалось несколько удивительным. Он улыбнулся, припомнив предсказание Хедрона, что если он, Олвин, когда-нибудь и доберется до Лиза, то найдет его как две капли воды похожим на Диаспар.

Теперь жители селения уже с открытым любопытством наблюдали, как шагает Олвин среди своих сопровождающих. Никто уже не делал вид, что воспринимает его как нечто само собой разумеющееся. Внезапно из купы деревьев справа раздались пронзительные крики, и стайка крохотных, оживленно галдящих созданий, вырвавшись из леса, подбежала и сгрудилась вокруг Олвина. Он остановился, пораженный, не веря глазам своим. Перед ним было нечто, утраченное его миром так давно, что теперь относилось уже чуть ли не к области мифологии. Вот так когда-то начиналась жизнь... Эти вот ни на что не похожие, шумные создания были человеческими детьми!

Олвин разглядывал их с изумлением и с изрядной долей недоверчивости. И, надо сказать, и с еще каким-то чувством, которое щемило ему грудь, но подобрать названия которому он не умел. Ничто другое здесь не могло бы так живо напомнить ему его собственную удаленность от мира, который был ему так хорошо известен. Диаспар заплатил за свое бессмертие — втридорога...

Вся группа остановилась перед самым большим домом из всех, что до сих пор увидел Олвин. Дом стоял в самом центре поселка, и на флагштоке над его куполом легкий ветерок полоскал зеленое полотнище.

Когда Олвин ступил внутрь, все, кроме Джирейна, остались снаружи. Внутри было тихо и прохладно. Солнце, проникая сквозь полупрозрачные стены, озаряло интерьер мягким, спокойным сиянием. Пол, украшенный мозаикой тонкой работы, оказался гладким и несколько упругим. На стенах какой-то замечательно талантливый художник изобразил ряд сцен, происходящих в лесу. Картины перемежались мозаикой, мотивы которой ничего не говорили уму Олвина, но глядеть на нее было приятно. В одной из стен оказался притоплен прямоугольный экран, заполненный перемежающимися цветными узорами,— по-видимому, это было приемное устройство видеофона, хотя и достаточно маленькое.

Вместе с Джирейном они поднялись по недлинной винтовой лестнице, которая вывела их на плоскую крышу дома. Отсюда хорошо было видно все селение, и Олвин смог убедиться, что состоит оно из что-то около сотни построек. Там, вдали, лес расступался и кольцом охватывал просторные луга, где паслись животные нескольких видов. Олвин и вообразить себе не мог, чем бы они могли быть. Большинство из этих животных принадлежали к четвероногим, но некоторые, похоже, передвигались на шести и даже на восьми конечностях.

Сирэйнис ожидала его в тени башни. «Сколько же лет этой женщине?» — спросил себя Олвин. Ее длинные, солнечного цвета волосы были тронуты серебром, что, как он догадался, должно было каким-то образом указывать на ее возраст. Дело в том, что существование здесь детей, со всеми вытекающими отсюда последствиями, совсем запутало Олвина. Ведь там, где есть

рождение, там, несомненно, должна существовать и смерть; и продолжительность жизни здесь, в Лизе, по-видимому, сильно отличалась от того, что имело место в Диаспаре. Он никак не мог решить — было ли Сирэйнис пятьдесят лет, пятьсот или пять тысяч, но, встретив ее взгляд, он почувствовал ту же мудрость и глубину опыта, которые он порой ощущал в присутствии Джизирака.

Она указала ему на низкое сиденье. Хотя глаза ее и приветливо улыбались, она не произнесла ни слова, пока Олвин не устроился поудобнее — или, по крайней мере, настолько удобно, насколько сумел под этим дружелюбным, но достаточно пристальным взглядом. Затем Сирэйнис вздохнула и низким, нежным голосом обратилась к гостю:

— Это случай, который выпадает нечасто, поэтому извините меня, если я, возможно, не все делаю по правилам. Но у гостя, даже совершенно неожиданного, есть определенные права. Поэтому, прежде чем мы начнем беседу, я хотела бы предупредить вас кое о чем... Видите ли, я в состоянии читать ваши мысли.

Она улыбнулась мгновенной вспышке недоумения, окрашенного неприязнью, и быстро добавила:

— Но вас это вовсе не должно тревожить. Ни одно из прав человека у нас не соблюдается так свято, как право на уединение сознания. Я могу войти в ваше мышление только в том случае, если вы мне это позволите. Однако скрыть от вас сам факт было бы нечестно, и заодно это объяснит вам, почему мы находим устную речь до некоторой степени утомительной и медленной. Ею здесь пользуются не столь уж часто.

Откровение это хотя и несколько встревожило Олвина, но, в общем-то, не слишком поразило. Когда-то этой способностью обладали и люди, и машины, а механизмы в Диаспаре, не изменяющиеся с течением времени, и по сию пору могли воспринимать мысленные приказы своих повелителей. Но вот сами-то жители Диаспара утратили этот дар, который когда-то они разделяли со своими механическими рабами.

— Я не знаю, что привело вас из вашего мира в наш,— продолжала Сирэйнис,— но коль скоро вы искали встречи с живыми существами, ваш поиск завершен. Если не считать Диаспара, то за кольцом наших гор, кроме пустыни, нет ничего.

Было странно, что Олвин, который прежде так часто подвергал сомнению общепринятые взгляды, ни на мгновение не усомнился в словах Сирэйнис. Единственное, чем откликнулся он на ее лекцию, была печаль по поводу того, что все, чему его учили, оказалось так близко к истине.

— Расскажите мне о Лизе,— попросил он.— Почему вы так долго были отъединены от Диаспара? Хотя, похоже, вы знаете о нас так много...

Сирэйнис улыбнулась его нетерпению.

— Да расскажу я, все я вам расскажу,— почти пропела она,— но сначала я хотела бы узнать кое-что о вас лично. Прошу вас... Как вы нашли дорогу к нам? И еще — почему вы пришли?

Несколько запинаясь поначалу, но потом все более и более уверенно Олвин поведал свою историю. Никогда прежде не случалось ему говорить так

свободно. Перед ним был человек, который, как ему представлялось, уж точно не станет потешаться над его мечтами, потому что знает: эти мечты реальны, осуществимы... Раз или два Сирэйнис прервала его короткими вопросами — когда он касался каких-то моментов жизни в Диаспаре, которые не были ей известны. Ему так трудно было вообразить, что реалии его повседневного существования кому-то покажутся бессмысленными, поскольку вопрошающий никогда не жил в его городе и ничего не знает о его сложной культурной и социальной организации... Но Сирэйнис слушала с таким участием, и он как должное воспринимал, что она все понимает. Много позже он осознал, что помимо Сирэйнис его рассказ слушало еще огромное число людей.

Когда он закончил свое повествование, на некоторое время воцарилось молчание. Затем Сирэйнис взглянула на него и тихо произнесла:

— Почему вы пришли в Лиз?

Олвин посмотрел на нее с изумлением.

— Я же сказал вам. Я хотел исследовать мир. Все твердили мне, что за пределами города нет ничего, кроме пустыни, но я должен был сам в этом убедиться...

— И это — единственная причина?

Олвин поколебался немного. И когда он наконец ответил, это был уже не бестрепетный исследователь, а заблудившийся ребенок, рожденный в чужом мире:

— Нет... Не единственная... Хотя до сих пор я этого и не понимал. Я... я чувствовал себя одиноким...

— Одиноким? В Диаспаре? — На губах Сирэйнис играла улыбка, но в глазах светилось сочувствие, и Олвин понял, что этой женщине не нужно ничего объяснять.

Теперь, когда он рассказал свою историю, он ждал, чтобы и его собеседница выполнила уговор. Не мешкая, Сирэйнис поднялась и стала медленно прохаживаться по крыше.

— Я знаю, о чем вы собираетесь спрашивать,— начала она.— На некоторые из этих вопросов я могу дать ответ, но делать это с помощью слов было бы слишком утомительно. Если вы откроете мне свое сознание, я передам ему все, что вам хочется узнать. Можете мне довериться: без вашего разрешения я не прочту ни мысли.

— И что я должен сделать? — осторожно осведомился Олвин.

— Настройтесь на то, чтобы получить мою помощь,— смотрите мне в глаза и постарайтесь забыть обо всем,— скомандовала Сирэйнис.

Что произошло затем, Олвин так и не понял. Все его чувства, казалось, полностью выключились, и хотя он так никогда потом и не мог припомнить, как же это случилось, но, вслушавшись в себя, он вдруг с изумлением обнаружил, что знает все.

Он видел прошлое — правда, не совсем отчетливо, как человек, стоящий на вершине горы, мог бы видеть скрывающуюся в дымке равнину. Он понял, что люди не всегда жили в городах и что с тех пор, как машины освободили их от тяжкого труда, начался спор между двумя цивилизациями различного типа. На протяжении столетий и столетий периода Начала существовали

тысячи городов, однако бóльшая часть человечества предпочитала жить сравнительно небольшими поселениями. Всеземной транспорт и мгновенные средств связи давали людям возможность осуществлять все необходимые контакты с остальным миром, и они не испытывали ни малейшей необходимости ютиться в тесноте городов, в толчее миллионов своих современников.

Лиз в те ранние времена мало чем отличался от сотен других поселений. Но постепенно, по мере того как проходили столетия, он сумел создать независимую культуру, которая относилась к категории самых высокоразвитых из когда-либо известных человечеству. По большей части культура эта была основана на непосредственном использовании психической энергии, и именно это вот обстоятельство и отъединило ее от остальной части человеческого общества, которое все больше и больше полагалось на широкое использование механизмов.

Эпохи сменяли одна другую, и, по мере того как эти два типа цивилизаций продвигались вперед по своим столь разнящимся путям, пропасть между Лизом и остальными городами все расширялась. Она становилась преодолимой лишь в периоды серьезных кризисов. Когда Луна стала падать на Землю, разрушили ее именно ученые Лиза. Так же было и с защитой Земли от Пришельцев, которых отбросили после решающей битвы у Шалмирейна...

Исполинское это усилие истощило человечество. Города один за другим стали приходить в упадок, и пустыня барханами накатывалась на них. По мере того как численность населения падала, человечество начало мигрировать, в результате чего Диаспар и остался последним — и самым большим — из всех городов.

Бóльшая часть всех этих перемен никак не отозвалась на Лизе, но ему пришлось вести свою собственную битву — против пустыни. Естественного барьера гор оказалось совсем недостаточно, и прошло множество столетий, прежде чем людям удалось обеспечить безопасность своему оазису. В этом месте картина, возникшая перед внутренним взором Олвина, несколько размывалась. Возможно, это было сделано намеренно. В результате Олвин никак не мог уразуметь, что же обеспечило Лизу ту же вечность бытия, которой обладал его Диаспар.

Впечатление было такое, что голос Сирэйнис пробивается к нему с огромного расстояния, и все же это был не только ее голос, поскольку в мозгу Олвина звучала целая симфония слов — как будто одновременно с Сирэйнис говорили еще многие и многие другие.

— Такова вкратце наша история. Вы видите, что даже в эпоху Начала у нас было очень мало общего с городами, хотя их жители достаточно часто посещали наши земли. Мы никогда им не препятствовали, поскольку многие из наших величайших умов были пришельцами извне, но когда города стали умирать, мы не захотели оказаться вовлеченными в их падение. И вот, когда воздушный транспорт перестал функционировать, в Лиз остался только один путь — через транспортную систему Диаспара. С нашей стороны она была запечатана, когда в центре вашего города разбили Парк, и вы забыли про нас, хотя мы о вашем существовании не забывали никогда.

Диаспар поразил нас. Мы ожидали, что и его постигнет судьба других городов, но вместо этого он сумел развить стабильную культуру, которая, по

всей вероятности, будет существовать до тех пор, пока существует сама Земля. Мы не в восхищении от этой культуры и до некоторой степени даже рады, что те, кто стремился ускользнуть от нее, смогли это сделать. Куда больше людей, чем вы можете себе представить, предприняли такое же вот подземное путешествие, и почти всегда они оказывались людьми выдающимися, которые, приходя в Лиз, приносили с собой нечто ценное...

Голос сошел на нет. Паралич чувств у Олвина постепенно проходил, он снова становился самим собой. С удивлением он обнаружил, что солнце уже опустилось далеко за деревья, а небо на востоке напоминает о наступлении ночи. Откуда-то плыл вибрирующий стон огромного колокола. Он медленно растворялся в тишине, наполняя воздух напряжением какой-то тайны и предчувствием чего-то необыкновенного. Олвин обнаружил, что слегка дрожит,— и не от первого вечернего холодка, а от благоговения и изумления перед всем тем, что ему довелось узнать. Ему вдруг остро захотелось снова увидеть своих друзей, снова оказаться среди такого знакомого окружения Диаспара.

— Я должен вернуться,— сказал он.— Хедрон... мои родители... они будут меня ждать...

Это не совсем было правдой. Хедрон, конечно, станет удивляться — что это такое с ним приключилось, но, насколько понимал Олвин, о том, что он покинул Диаспар, больше не знал никто. Он не смог бы объяснить побудительные мотивы этой маленькой неправды и, как только произнес эти слова, сразу же застыдился себя.

Сирэйнис задумчиво посмотрела на него.

— Боюсь, что все это не так просто,— проговорила она.

— Что вы имеете в виду? — спросил Олвин.— Разве машина, которая привезла меня сюда, не в состоянии отправить меня и обратно? — Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что его могут задержать в Лизе помимо его воли, хотя что-то подобное и промелькнуло у него в голове.

Впервые за все время Сирэйнис, похоже, почувствовала некоторую неловкость.

— Мы сейчас говорим о вас,— сказала она, не объясняя, кто это — «мы» и каким образом могла происходить такая консультация.— Если вы возвратитесь в Диаспар, о нашем существовании узнает весь город. Даже если вы пообещаете никому ничего не рассказывать, вы все равно не сможете сохранить наше существование в тайне.

— А зачем хранить его в тайне? — удивился Олвин.— Я уверен, что для обоих наших народов будет только хорошо, если они снова смогут встретиться и начать сосуществовать...

Сирэйнис, казалось, была чем-то недовольна:

— Мы так не считаем. Стоит только воротам раствориться, как нашу землю наводнят праздные, любопытствующие искатели сенсаций. До сих пор до нас добирались только самые лучшие из ваших людей...

Этот ответ содержал в себе столько бессознательного превосходства и в то же время был основан на столь ложных предпосылках, что Олвин почувствовал, как подступившее раздражение совершенно вытеснило в нем тревогу.

— Все это совершенно не так,— без околичностей заявил он.— Я глубоко убежден, что во всем Диаспаре не найдется ни единого человека, который бы покинул город — если бы даже и захотел, если бы даже он знал, что ему есть куда отправиться. Поэтому, если вы разрешите мне вернуться, на Лизе это ну никак не скажется...

— Это не мое решение,— объяснила Сирэйнис.— И вы недооцениваете возможностей и сил человеческого сознания, если полагаете, будто барьеры, которые удерживают жителей Диаспара в границах города, не могут быть устранены. Тем не менее у нас нет ни малейшего желания удерживать вас здесь против вашей воли, хотя, если вы намереваетесь все-таки вернуться в Диаспар, мы будем вынуждены стереть из вашей памяти все воспоминания о нашей земле.— Она чуть помедлила.— Этот вопрос никогда прежде не поднимался. Все ваши предшественники приезжали к нам навсегда.

Олвин оказался перед выбором, который он отказывался принимать. Ему хотелось исследовать Лиз, узнать все его тайны, открыть для себя те его стороны, которыми он отличается от его родины, но в то же самое время он был преисполнен решимости возвратиться в Диаспар, чтобы доказать друзьям, что он вовсе не какой-то праздный мечтатель. Он никак не мог понять этого стремления сохранить тайну Лиза. Но и, пойми он его, это ничуть не сказалось бы на его намерениях.

Он понял, что должен выиграть время или же убедить Сирэйнис в том, что то, о чем она его просит, совершенно невозможно.

— Но ведь Хедрон знает, где я,— возразил он.— Вы же не можете стереть и его память.

Сирэйнис улыбнулась. Улыбка была приятна, и в других обстоятельствах она показалась бы достаточно дружелюбной. Но сейчас за ней Олвин впервые уловил присутствие ошеломляющей, неумолимой силы.

— Вы недооцениваете нас, Олвин,— прозвучал ответ.— Сделать это совсем нетрудно. Я могу добраться до Диаспара куда быстрей, чем, скажем, требуется, чтобы из конца в конец пересечь Лиз. Некоторые из тех, кто прибывал к нам прежде, сообщали друзьям, куда именно они направляются. И все же друзья эти забыли про них. Эти люди просто исчезли из истории Диаспара...

Было бы глупо отвергать такую возможность, и теперь, когда Сирэйнис указала на нее, она представлялась совершенно очевидной. Олвин задумался, сколько раз за эти миллионы лет, протекшие с тех пор, как разделились две культуры, люди Лиза проникали в Диаспар с тем, чтобы охранить свою так ревностно оберегаемую тайну. И еще — он задумался и над тем, насколько могущественны силы мозга, находящиеся в распоряжении этих странных людей и без колебаний приводимые ими в движение.

Не грозило ли ему какой-нибудь опасностью — строить какие бы то ни было планы вообще? Сирэйнис обещала, что не станет читать его мысли без его согласия, но нет ли обстоятельств, в которых это обещание останется невыполненным?

— Вы, конечно, не ожидаете, чтобы я немедленно принял решение,— проговорил он.— Не могу ли я, прежде чем сделать выбор, хотя бы немного познакомиться с вашей страной?

— Ну конечно же,— немедленно отозвалась Сирэйнис.— Оставайтесь у нас столько, сколько вам захочется, и в конце концов вы все же сможете возвратиться в Диаспар, если не передумаете. Но если бы вы приняли решение в течение следующих нескольких дней, это бы упростило дело. Вам ведь не хочется, чтобы ваши друзья волновались, а чем дольше вы у нас пробудете, тем труднее для нас будет сделать соответствующие поправки.

Это Олвин мог оценить. Ему бы только хотелось знать, что это за «поправки». По всей вероятности, кто-то из Лиза войдет в контакт с Хедроном — о чем Шут даже и подозревать-то не будет — и займется его сознанием. Сам факт отсутствия Олвина скрыт быть не может, но вот информация, которую они с Хедроном обнаружили, окажется уничтоженной. И по мере того как будут проходить столетия, имя Олвина станет в один ряд с именами тех Неповторимых, которые загадочным образом исчезли без следа и были забыты...

Здесь было множество тайн, и он, похоже, ничуть не приблизился к разгадке хотя бы одной из них. Но существовала ли какая-то цель за этими странными односторонними отношениями Лиза и Диаспара, или же это всего лишь проявлялась некая историческая случайность? Кто и что были эти Неповторимые, и если жители Лиза могли проникать в Диаспар, то почему же тогда они не отключили те цепи Хранилищ Памяти, где содержится информация, дающая ключ к их обнаружению? Это был, видимо, единственный вопрос, на который Олвин и сам мог дать более или менее правдоподобный ответ. Центральный Компьютер, должно быть, оказался слишком неподатливым для такого рода шуток, и вряд ли даже с помощью самых тонких приемов парапсихологии к нему можно было подобрать отмычку.

Он оставил все эти проблемы в стороне. Кто знает, может быть, у него и появится шанс ответить на них, когда он узнает побольше. Что толку предаваться бесплодным размышлениям, возводя пирамиды догадок на песке неосведомленности...

— Что ж, хорошо,— сказал он, может быть, не совсем вежливо, потому что все еще был раздражен этим неожиданным препятствием, вставшим на его пути.— Как только смогу — сразу же дам вам ответ. Если вы покажете мне, какова же она, ваша земля.

— Вот и прекрасно,— воскликнула Сирэйнис, и на этот раз Олвин не усмотрел никакой скрытой угрозы в ее улыбке.— Мы гордимся Лизом, и нам будет приятно показать вам, как это люди могут обходиться без городов. И пожалуйста, ни о чем не беспокойтесь: друзья в Диаспаре не будут встревожены вашим отсутствием. Мы позаботимся об этом — хотя бы ради вашего собственного благополучия.

Сирэйнис впервые в жизни дала обещание, которого она не смогла выполнить...

11

Как Алистра ни пыталась, никаких больше сведений выудить у Хедрона ей не удалось. Шут быстро оправился от первоначального шока и от той паники, которая буквально вытолкнула его на поверхность, когда он остался в пол-

ном одиночестве под усыпальницей Зея. Кроме того, он стыдился своей трусости и в то же время спрашивал себя: достанет ли у него духу в один прекрасный момент вернуться в пещеру самодвижущихся дорог и расходящихся по всему свету туннелей? Хотя он и понимал, что Олвином двигал не столько здравый смысл, сколько нетерпение, если не глупость, ему, в сущности, не верилось, что тому угрожает какая-то опасность. В свое время он возвратится. В этом-то Хедрон был убежден. Ну почти убежден: сомнений оставалось ровно настолько, чтобы понудить его соблюдать осторожность. Будет мудро, решил он, пока суть да дело, распространяться обо всем этом как можно меньше и представлять все случившееся просто как еще одну свою проделку.

К несчастью для этого превосходного плана, он не сумел скрыть обуревавшие его чувства, когда по возвращении на поверхность перед ним предстала Алистра. Она усмотрела в его глазах страх, безошибочный страх, и тотчас же истолковала его в том смысле, что Олвину грозит какая-то опасность. Напрасны оказались все заверения Хедрона — Алистра злилась на него все больше и больше, когда они вместе возвращались через Парк.

Сначала она хотела остаться около усыпальницы — подождать Олвина, каким бы загадочным образом он ни исчез. Хедрону удалось убедить ее, что это будет зряшная трата времени, и, когда она последовала за ним в город, у него несколько отлегло от сердца. Нельзя было сбрасывать со счетов возможность того, что Олвин вернется почти тотчас же, и Хедрону не хотелось, чтобы кто-то еще оказался посвященным в тайну Ярлана Зея.

К тому времени, когда они достигли первых зданий города, Хедрону стало ясно, что его тактика увиливания от ответов полностью провалилась и ситуация самым драматическим образом вышла из-под контроля. Впервые в жизни Шут просто растерялся и не нашел способа справиться с возникшей проблемой. Изначальная его реакция — подсознательный страх — медленно уступала место более глубокой и более обоснованной тревоге. До сих пор Хедрон придавал мало значения последствиям своих поступков. Его собственные интересы и некоторая, совершенно искренняя симпатия к Олвину были достаточным мотивом для всего, что он сделал. Да, он поощрял и поддерживал Олвина, но ему и в голову не приходило, что может произойти что-то похожее на то, что сейчас произошло.

Несмотря на разницу лет и пропасть опыта, разделяющие их, воля Олвина всегда оказывалась сильнее, чем его собственная. С этим теперь уже ничего нельзя было поделать. Хедрон чувствовал, что события уже сами несут его к какой-то высшей точке и от него, собственно, уже ничто не зависит.

Учитывая все это, было как-то не совсем справедливо, что Алистра, по всей вероятности, считала его чем-то вроде злого гения Олвина и вовсю демонстрировала склонность винить во всем случившемся именно его. Алистрой при этом двигала отнюдь не мстительность. Она была просто раздосадована, и часть этой ее досады фокусировалась на Хедроне. И если бы какие-то ее действия причинили Шуту беспокойство, она нимало бы об этом не пожалела.

Они расстались в каменном молчании, когда дошли до могучей кольцевой магистрали, опоясывающей Парк. Хедрон глядел девушке вслед, пока она не исчезла из виду, и устало думал о том, какие же еще планы могут созревать сейчас в этой юной головке.

Он мог быть уверен только в одном: отныне на протяжении некоторого времени ему может угрожать все, что угодно, кроме скуки.

Что же касается Алистры, то она действовала быстро и не без некоторого озарения. Она не стала тратить времени на розыски Эристона и Итании. Родители Олвина, с ее точки зрения, были не более чем милыми ничтожествами, к которым она относилась не без приязни, однако решительно безо всякого уважения. Они только бы упустили время в пустых препирательствах, а затем поступили бы точно так же, как Алистра поступала сейчас.

Джизирак выслушал ее рассказ, не проявляя внешне ровно никаких чувств. Если он и был взволнован или удивлен, то хорошо это скрывал — настолько хорошо, что Алистра даже испытала некоторое разочарование. Ей представлялось, что до сих пор в городе никогда не происходило ничего столь же важного и необычного, и деловой подход Джизирака как-то несколько охладил ее пыл. Когда она закончила свое повествование, Джизирак задал ей несколько вопросов и намекнул, не выразив этого в каких-то определенных выражениях, что она, возможно, просто ошиблась. Какие у нее были причины полагать, что Олвин и в самом деле покинул город?

Может быть, над ней просто подшутили... То обстоятельство, что во всем этом оказался замешан Хедрон, делало такое предположение в высшей степени правдоподобным. Быть может, вот в этот самый момент Олвин, скрываясь где-то в Диаспаре, тихонько посмеивается над ней...

Единственный определенный ответ, которого она добилась от Джизирака, состоял в том, что он наведет справки и в течение дня свяжется с ней. А она тем временем не должна тревожиться, и было бы лучше всего, если бы она никому ничего не рассказывала о происшедшем. Нет никакой надобности сеять панику по поводу инцидента, который, вполне возможно, разъяснится в течение ближайших нескольких часов.

Алистра ушла от Джизирака в состоянии, близком к зарождающемуся отчаянию. Доведись ей увидеть, что он предпринял сразу же после ее ухода, она была бы довольна куда больше.

У Джизирака были друзья в Совете. За свою долгую жизнь он и сам, бывало, состоял его членом и мог бы стать им снова, если бы ему вдруг до такой степени не повезло. Словом, он связался со своими тремя наиболее влиятельными коллегами и осторожно возбудил их интерес. Как наставник Олвина, он хорошо понимал деликатность своего положения и, естественно, стремился обезопасить себя. А пока — чем меньше людей будут знать о происшедшем, тем оно и лучше.

Собеседники его сразу же согласились, что первое из всего, что необходимо предпринять,— это войти в контакт с Хедроном и потребовать объяснений. В этом великолепном плане был только один изъян: Хедрон предвидел такой поворот событий, и найти его оказалось невозможным.

Если в положении Олвина и заключалась какая-то двойственность, то его хозяева были достаточно осмотрительны и не показывали ему этого. В Эрли — маленьком поселке, где правила Сирэйнис,— он волен был ходить, где ему только заблагорассудится. Выражение «правила», впрочем, было, пожалуй,

слишком уж сильным, чтобы точно обрисовать положение этой женщины. Порой Олвину казалось, что она была снисходительным диктатором, а в иных случаях выходило, что у нее вообще нет никакой власти. До сих пор ему никак не удалось хотя бы приблизиться к пониманию социальной системы Лиза — то ли потому, что она была слишком проста, то ли из-за того, что настолько сложна, что ее суть ускользала от понимания. Наверняка он выяснил только то, что Лиз был разделен на бесчисленные поселки и Эрли среди них считался типичным. Однако, в известном смысле, типичных примеров тут просто не существовало: Олвина заверили, что каждый поселок старается быть как можно более не похожим на своих соседей. Все это было чрезвычайно запутано.

Хотя Эрли был очень маленьким и в нем проживало меньше тысячи человек, сюрпризов он таил в себе немало. Все здесь, решительно все отличалось от аналогов Диаспара. Различия распространялись даже на такие фундаментальные вещи, как человеческая речь. Своими голосовыми связками пользовались только ребятишки. Взрослые же очень редко обращались друг к другу со словами, и спустя некоторое время Олвин пришел к выводу, что они поступали так только из вежливости по отношению к нему. Быть окруженным со всех сторон бурей беззвучных слов было странно, непривычно и порой вызывало у Олвина даже что-то вроде отчаяния, но через какое-то время он к этому привык. Вскоре ему уже казалось странным, что устная речь вообще выжила в условиях, когда в ней не было никакой необходимости. Но прошло еще какое-то время, и Олвин с изумлением обнаружил, что жители Лиза очень любят петь и вообще являются поклонниками музыки во всех ее видах. Весьма вероятно, подумалось ему, что, не будь этого, они уже давным-давно стали бы совершенно немы.

Эти люди постоянно были чем-то заняты, их время и внимание поглощали задачи и проблемы, для Олвина абсолютно непостижимые. А когда он все-таки догадывался о том, что именно делает тот или иной житель Лиза, многое из этих трудов представлялось ему совсем ненужным... Значительная часть потребляемых здесь пищевых продуктов самым натуральным образом выращивалась, а не синтезировалась по технологии, выработанной еще столетия назад. Когда Олвин заговорил об этом, ему терпеливо объяснили, что людям Лиза нравится наблюдать за ростом живого, нравится выполнять сложные генетические эксперименты и разрабатывать все более тонкие оттенки вкуса и аромата. Эрли славился фруктами, но, когда Олвин отведал некоторые из самых отборных плодов, они показались ему ничуть не лучше тех, которые он мог сотворить в Диаспаре, едва пальцем шевельнув.

Сперва он задался вопросом: не забыли ли жители Лиза те силы и машины (если они когда-либо обладали ими), которые он принимал как нечто в высшей степени естественное и на которых зижделась вся жизнь в Диаспаре. Вскоре он, однако, обнаружил, что вопрос поставлен некорректно. В Лизе были и необходимые орудия, и умение их применять, но вот прибегали к ним лишь в том случае, когда это было уж совершенно необходимо. Наиболее разительный пример в этом смысле являла собой местная транспортная система — если ее можно было почтить таким названием. На короткие расстояния лю-

ди ходили пешком, и, казалось, им это было вполне по душе. Если же человек спешил или нужно было перевезти небольшой груз, то использовали животных, которые, совершенно очевидно, были предназначены именно для этого. В тяжеловозах ходили какие-то низкорослые шестиногие монстры, очень послушные, сильные и умственно не слишком развитые. Быстрые на ногу животные были совсем иными. Обычно они передвигались на четырех конечностях, но когда нужно было развить высокую скорость, то пользовались только задними. Весь Лиз они могли пересечь за несколько часов, и наездник при этом располагался в шарнирном седле, притороченном к спине животного. Ничто в целом свете не заставило бы Олвина рискнуть отправиться в такого рода прогулку, а вот среди местных молодых людей это был весьма популярный вид спорта. Их скакуны превосходных кровей были аристократами здешнего животного мира и, надо сказать, хорошо это понимали. В их распоряжении имелся довольно обширный лексикон, и Олвину нередко случалось подслушать, как они хвастаются друг перед другом своими прошлыми и грядущими победами. Когда Олвин пытался проявить дружелюбие и присоединиться к беседе, скакуны делали вид, что не понимают его, а если он проявлял настойчивость, то убегали с видом оскорбленного достоинства.

Эти вот два вида животных в полной мере удовлетворяли все обычные нужды Лиза и доставляли владельцам огромное удовольствие, которого, конечно, никак нельзя было ожидать от машин. Но когда требовалась особенно высокая скорость или необходимо было перевезти очень уж значительный груз, то на помощь приходили машины, и ими пользовались без малейшего колебания.

Хотя животные Лиза явились для Олвина целым миром, полным интересного и удивительного, более всего его заинтересовали две крайности среди людей. Очень молодые и очень старые — и те и другие в равной степени казались ему странными и даже поражающими. Самый старый обитатель Эрли едва достиг двухсотлетнего возраста, и жить ему оставалось всего несколько лет. Олвин не мог не отметить про себя, что в этом возрасте его собственное тело едва ли претерпело бы какие-либо изменения, в то время как этот человек, у которого впереди не было целой цепочки жизней, воспринимаемой им как своего рода компенсация, почти исчерпал свои физические силы. Волосы его были абсолютно белы, а лицо представляло небывало сложную сеть морщин. Похоже, что бóльшую часть времени он проводит, сидя на солнышке или медленно прогуливаясь по поселку, обмениваясь со всеми встречными беззвучными приветствиями. Насколько мог решить Олвин, старик был совершенно доволен жизнью, ничего большего не требовал от нее и ни в малейшей степени не был угнетен сознанием своего приближающегося конца.

Это было проявление философии, настолько отличающейся от взглядов, принятых в Диаспаре, что Олвин никак не мог ее усвоить. Почему кто-то должен столь терпимо относиться к смерти, если она не является чем-то обязательным, если есть возможность жить тысячу лет, а затем совершить скачок через многие и многие тысячелетия, чтобы начать все сначала в мире, черты которого в какой-то степени предопределены и тобой? Это была одна из за-

гадок, разрешить которые он вознамерился, как только у него появится возможность откровенно их обсудить. Ему было очень трудно уверовать в то, что Лиз сделал этот выбор по собственной воле, если ему было хорошо известно об альтернативе, реально существующей в Диаспаре.

Часть ответа на свой вопрос он нашел в детях — этих маленьких созданиях, которые представлялись ему столь же необычными, как и любые представители животного мира Лиза. Он проводил очень много времени среди них, наблюдал за их играми и в конце концов был принят ими как друг. Часто ему казалось, что они вообще не имеют отношения к человеческому роду, потому что их мотивации, их логика и даже их язык были столь странны. Он недоверчиво смотрел на взрослых и задавался вопросом, как это они могли развиться из этих вот удивительных существ, которые, казалось, бóльшую часть жизни проводят в своем собственном замкнутом мирке.

И все же, даже изумляя его, они пробуждали в его сердце чувство, доселе ему совершенно неведомое. Когда — что случалось нечасто, но все-таки случалось — они начинали плакать или каким-то другим образом проявляли полное отчаяние или подавленность, их маленькие несчастья представлялись ему куда более трагическими, чем даже весь долгий путь отступления Человека после потери Галактической Империи. То было что-то слишком огромное и слишком уж далекое по времени для понимания, а вот всхлипывания ребенка пронзали сердце насквозь.

В Диаспаре Олвин познал, что такое любовь, но теперь перед ним было что-то равно драгоценное, что-то такое, без чего сама любовь никогда бы не могла достигнуть полного своего расцвета, навечно оставаясь ущербной... Он познавал, что такое нежность.

Если Олвин изучал Лиз, то и Лиз не оставлял его своим вниманием и не был разочарован тем, что ему удалось выяснить. Гость находился в Эрли уже три дня, когда Сирэйнис предположила, что он, возможно, хотел бы познакомиться с внутренними районами страны. Олвин без колебаний принял это предложение — при условии, что от него не станут требовать, чтобы он путешествовал верхом на одном из лучших рысаков поселка.

— Могу вас заверить,— с редкой для нее вспышкой чувства юмора ответила Сирэйнис,— что никому здесь и в голову бы не пришло рискнуть одним из своих драгоценных животных. Поскольку случай особый, я предоставлю вам такое средство транспорта, в котором вы будете чувствовать себя более привычно. Хилвар поедет с вами гидом, но, разумеется, вы вольны отправиться в любое место, которое только вас интересует.

Олвин поразмыслил — так ли это будет на самом деле. Ему представлялось, что если он попытается возвратиться к тому холму, со склона которого он впервые увидел Лиз, то возникнут возражения. Тем не менее это его пока не слишком беспокоило, поскольку он теперь вовсе не торопился возвращаться в Диаспар и, в сущности, совсем даже и не думал над этим после своей первой встречи с Сирэйнис. Жизнь здесь для него все еще была настолько интересна и так нова, что своим пребыванием в Лизе он оставался вполне удовлетворен.

Он оценил жест Сирэйнис, когда она предложила ему в гиды своего сына, хотя — сомневаться в этом не приходилось — Хилвар, конечно же, и получил детальные инструкции: в оба присматривать за тем, чтобы Олвин не попал в какую-нибудь переделку. Олвину потребовалось некоторое время, чтобы попривыкнуть к Хилвару — по причине, которую он не смог бы толком объяснить, не ранив при этом чувств сына Сирэйнис. Физическое совершенство в Диаспаре было чертой настолько всеобщей, что личная красота полностью потеряла свою ценность. Люди обращали на нее внимания не больше, чем на воздух, которым дышали. В Лизе же все это обстояло далеко не так, и наиболее лестным эпитетом, который можно было бы применить к Хилвару, являлось слово «симпатичный». По стандартам же Олвина он был просто уродлив, и в течение некоторого времени Олвин даже сознательно избегал его. Если Хилвар и отдавал себе в этом отчет, то ничем себя не обнаруживал, и очень скоро присущее ему дружелюбие сломало барьер. Но все еще впереди было время, когда Олвин настолько привыкнет к широкой и несколько кривоватой улыбке Хилвара, к его силе и к его мягкости, что ему едва ли правдоподобным будет казаться, что в свое время он считал этого парня таким непривлекательным, и ни за что на свете не захочется, чтобы Хилвар стал каким-то другим.

Они покинули Эрли вскоре после рассвета в небольшом экипаже, который Хилвар называл мобилем и который, очевидно, действовал на тех же принципах, что и машина, которая доставила Олвина сюда из Диаспара. Экипаж этот парил над поверхностью земли всего в нескольких дюймах, и, хотя не было ни малейших признаков направляющего стержня, Хилвар оговорился, что такие вот машины в состоянии двигаться только по определенным маршрутам. Этим видом транспорта были связаны между собой все населенные пункты, однако за все время своего пребывания в Лизе Олвин ни разу не видел, чтобы кто-нибудь пользовался таким вот мобилем.

Хилвар отдал много сил организации экспедиции и — это было заметно — с нетерпением ждал, когда же можно будет отправиться в путь; так же, впрочем, нетерпелив был и Олвин. Сын Сирэйнис спланировал маршрут, имея в виду и некоторые свои личные интересы, потому что естественная история была его всепоглощающей страстью, а в тех сравнительно малозаселенных районах, которые им предстояло посетить, он надеялся обнаружить новые виды насекомых. Он собирался забраться так далеко на юг, насколько позволит мобиль, а уж остальную часть пути они должны были проделать пешком. Не совсем отдавая себе отчет в том, что это может означать для него на практике, Олвин ничуть не возражал.

В путешествии этом их компанию разделял еще и Криф — наиболее поразительный из многочисленных любимцев Хилвара. Когда Криф отдыхал, шесть его полупрозрачных крыльев, сложенные, покоились вдоль тела, а оно сверкало сквозь них, напоминая осыпанный драгоценностями скипетр. Но стоило ему чем-то встревожиться, как он мгновенно взмывал в воздух блистающей стрелой, слабо жужжа невидимыми крылами. Это огромное насекомое, хотя оно и могло возвращаться по зову человека и даже понимало некоторые самые простые слова, было совершенно безмозглым. И тем не менее оно, вне всякого сомнения, было личностью — на свой лад, конечно, и по ка-

ким-то неведомым причинам с явной подозрительностью относилось к Олвину, чьи спорадические попытки завоевать его доверие кончались ничем.

Это путешествие через весь Лиз представлялось Олвину каким-то волшебным сном. Их экипаж, беззвучный, точно призрак, скользил по слегка всхолмленным равнинам, змейкой лавировал среди деревьев леса, ни на дюйм не отклоняясь от своей невидимой колеи. Двигался он со скоростью раз этак в десять выше скорости неспешно шагающего человека. В сущности, в этой стране редко когда кто-либо двигался быстрее, чем прогулочным шагом.

Они миновали много селений, некоторые из них были большими, куда больше Эрли, но почти все они оказались построены на тех же самых принципах. Олвин с интересом отметил незначительные, но о многом говорящие различия в одежде и даже физическом облике людей от поселка к поселку. Цивилизация Лиза состояла из тысяч отличающихся друг от друга культур, каждая из которых вносила в общее дело что-то свое. Мобиль был как следует загружен прославленным фруктом Эрли — небольшими желтыми персиками; кому бы Хилвар их ни предлагал, персики эти всегда принимались с благодарностью. Он частенько делал остановки, чтобы поболтать с друзьями и представить им Олвина, не устававшего поражаться той деликатной непринужденности, с которой все тотчас же переходили на устную речь, стоило им только узнать, кто он такой. Для многих это было не просто, но, насколько он мог судить, все мужественно сопротивлялись искушению перейти на обмен мыслями, и поэтому он никогда не чувствовал себя выключенным из общего разговора.

Самая долгая стоянка случилась у них в одной крохотной деревушке, почти пропавшей в зарослях высокой золотистой травы, метелки которой трепетали где-то над их головами и, колеблемые ленивым ветерком, казались чуть ли не живыми. Двигаться сквозь эту траву было все равно что бесконечно преодолевать пенный гребень какой-то неумирающей волны — бесчисленные листья в унисон склонялись к путешественникам. Сначала это немного тревожило Олвина, потому что он никак не мог отделаться от мысли, что трава наклоняется для того, чтобы поглядеть на них попристальнее, но потом он привык и даже стал находить это непрекращающееся движение успокаивающим.

Вскоре он понял, чего ради сделали они эту остановку. В небольшой толпе, которая, по-видимому, собралась прежде, чем они прибыли в селение, стояла застенчивая темнокожая девушка, которую Хилвар представил как Ньяру. Было нетрудно догадаться, что эти двое страшно рады увидеться, и Олвин испытал даже что-то вроде зависти, наблюдая чужое счастье от короткой встречи. Хилвар просто разрывался между необходимостью исполнять свою роль гида и желанием не видеть рядом никого, кроме Ньяры, и Олвин тотчас избавил его от мук, отправившись на прогулку в одиночестве. В деревушке оказалось не так уж много интересного, но он добросовестно убивал время.

К моменту, когда они снова отправились в путь, у него накопилась целая куча вопросов к Хилвару. Он, к примеру, никак не мог представить, на что может быть похожа любовь в обществе, где люди в состоянии читать мысли друг друга, и после некоторой паузы, продиктованной вежливостью, прямо

спросил об этом. Хилвар с готовностью принялся отвечать, хотя Олвин и подозревал, что заставил друга прервать долгое и нежное прощание.

Примерно выяснилось, что в Лизе любовь начиналась с мысленного контакта, и порой могли пройти многие месяцы, а то и годы, прежде чем пара встречалась, так сказать, наяву. При этом, как объяснил Хилвар, каких-либо неправильных представлений друг о друге не могло возникнуть в принципе, и злоупотребление доверием тоже было совершенно исключено. Двое, чьи мысли были открыты «я» другого, не могли иметь каких-то секретов. Даже если бы один из любящих и попытался создать из чего-то тайну, другой тотчас бы обнаружил, что от него что-то скрывают.

Такую открытость и чистоту помыслов могли позволить себе только очень зрелые и хорошо сбалансированные умы. И лишь основанная на полнейшем самоотречении любовь могла выжить в таких условиях. Олвин хорошо понимал, что такая любовь должна быть глубже и богаче всего, что было известно по этой части его народу. Если вдуматься, то она могла подняться до таких высот совершенства, в существование которых просто трудно было и поверить.

Тем не менее Хилвар уверил его, что такая любовь действительно существует, а когда Олвин прижал его выведыванием подробностей, глаза темнокожего юноши засияли и он... забылся в каких-то своих, глубоко личных мыслях. Вероятно, существовали и такие вещи, которые он просто не мог передать словами. Человек либо знал их, либо даже и не догадывался о том, что они есть на свете. И Олвин не без грусти решил про себя, что ему никогда и ни с кем не достичь той степени взаимопонимания, которую эти счастливые люди сделали самой основой своего бытия. Когда мобиль пересек саванну — оборвавшуюся столь внезапно, как если бы существовала какая-то черта, за которой трава просто не могла расти, перед ними открылась гряда низких, сплошь поросших лесом холмов. Хилвар объяснил, что здесь проходит граница главного горного бастиона, оберегающего Лиз. Настоящие же горы лежат еще дальше. Но даже и эти низкие холмы оказались для Олвина зрелищем поразительным и внушающим благоговейное чувство.

Мобиль остановился в узкой, затененной долине, которая, впрочем, пока все еще была согрета теплотой и светом садящегося солнца. Хилвар посмотрел на Олвина своими широко распахнутыми, простодушными глазами, в которых, можно было поклясться, не светилось и намека на какое-то вероломство.

— А вот отсюда мы двинем пешком,— весело сказал он, начиная выкидывать из мобиля их снаряжение.— Дальше не проедешь.

Олвин смотрел на окружающие их холмы, оценивая их, а затем перевел взгляд на комфортабельное сиденье, которое так славно принимало его во время поездки.

— И что — нет никакого окольного пути? — спросил он без особой надежды.

— Есть-то он, конечно, есть,— ответил Хилвар,— да только мы им не пойдем. Нам нужно на самый верх — там знаешь как интересно! А мобиль я переведу в автоматический режим, так что он будет нас ждать с той стороны, когда мы спустимся снова.

Полный решимости без борьбы не сдаваться, Олвин сделал последнюю попытку:

— Скоро станет совсем темно. До заката-то нам ни за что не осилить всего пути...

— Точно! — согласился Хилвар, с невероятным проворством рассортировывая многочисленные пакеты и свертки.— Поэтому мы проведем ночь на вершине, а путешествие закончим утром.

На этот раз Олвин вынужден был признать поражение.

Снаряжение, которое они несли, было очень объемистым, но не весило практически ничего. Все было упаковано в гравикомпенсаторные контейнеры, которые нейтрализовали вес, поэтому иметь дело приходилось только с массой и, следовательно, с силой инерции. Пока Олвин двигался по прямой, он совершенно не ощущал, что за плечами у него есть какой-то груз. И все же обращение с этими контейнерами требовало известной сноровки, потому что стоило только изменить направление движения, как поклажа немедленно проявляла твердокаменное упрямство и, казалось, прямо-таки из себя выходила, только бы сохранить Олвина на прежнем курсе,— до тех пор пока он не преодолевал инерцию.

Когда Хилвар приладил лямки и убедился, что все в порядке, они медленно двинулись вверх по долине. Олвин оглянулся и с тоской увидел, как мобиль устремился назад по собственному следу и вскоре исчез из виду. Олвин только вздохнул, удрученный тем, что пройдет, должно быть, еще немало часов, прежде чем ему снова доведется расслабиться в комфортабельном чреве их экипажа.

Тем не менее идти все вверх и вверх, ощущать, как солнце мягко пригревает спину, любоваться новыми и новыми пейзажами, разворачивающимися перед глазами,— все это оказалось весьма приятным. Они двигались по почти заросшей тропинке, которая время от времени пропадала совсем, но Хилвар благодаря какому-то чутью не сбивался с нее даже тогда, когда Олвин совершенно терял ее в зарослях. Он поинтересовался у Хилвара, кто протоптал эту тропку, и получил ответ, что в этих холмах водится великое множество мелких животных — некоторые из них живут поодиночке, другие примитивными сообществами, отдаленно напоминающими древние человеческие племена. Кое-какие их виды даже сами открыли — или были кем-то этому обучены — науку использования примитивных орудий и огня. Олвину и в голову бы не пришло, что такие существа могут проявить по отношению к ним какое-то недружелюбие. И он, и Хилвар принимали такой порядок вещей как нечто совершенно естественное: на Земле прошло слишком много времени с тех пор, как кто-то мог бы бросить вызов Человеку — высшему существу.

Они поднимались уже, должно быть, с полчаса, когда Олвин впервые обратил внимание на слабый, чуть реверберирующий шепот вокруг. Источника его он никак не мог установить, потому что звук этот исходил как бы отовсюду. Он слышался непрерывно, и, по мере того как ландшафты перед ними распахивались все шире и шире, звук становился громче. Олвин непременно спросил бы Хилвара, что это такое, да только оказалось, что дыхание следует беречь для более существенных целей.

Здоровье у Олвина было отменное. В сущности, за всю свою жизнь он и часа не проболел. Но физическое здоровье — свойство само по себе очень важное — оказалось все же не главным для выполнения той задачи, которая теперь стояла перед ним. Его великолепному телу не хватало известных навыков. Летящая поступь Хилвара, та легкость, с которой он, не прилагая, казалось, ни малейших усилий, одолевал всякий подъем, будили в Олвине зависть и решимость не сдаваться до тех пор, пока он еще в состоянии переставлять ноги. Он превосходно понимал, что Хилвар проверяет его, но протеста у него это не вызывало. Шла товарищеская игра, и он проникся ее духом и старался не слишком вслушиваться в то, как ноги понемножку наливаются усталостью.

Хилвар сжалился над ним только тогда, когда они одолели две трети подъема, и они немного отдохнули, подставив натруженные тела ласковому солнышку. Пульсирующий гром слышен был теперь куда яснее, и Олвин спросил о нем, но Хилвар уклонился от ответа. По его словам, это испортит приятную неожиданность, коли Олвин уже сейчас узнает — что там, в конце этого подъема.

Теперь они двигались уже против солнца, и, по счастью, заключительный участок пути оказался довольно гладким и отлогим. Деревья, которыми так густо поросла нижняя часть холма, теперь поредели, словно бы они тоже изнемогли в битве с земным тяготением, и на последних нескольких сотнях метров землю здесь покрывала только жестковатая, короткая трава, шагать по которой было приятно. Когда показалась вершина, Хилвар словно взорвался энергией и устремился вверх по склону чуть ли не бегом. Олвин решил не принимать вызова, да, в сущности, ничего другого ему и не оставалось. Его вполне устраивало медленное, размеренное продвижение вперед, и когда наконец он поравнялся с Хилваром, то повалился рядом в блаженном изнеможении.

Только когда дыхание его успокоилось, он смог в полной мере оценить ландшафт, расстилающийся перед ним, и увидеть этот источник бесконечного грома, наполнявшего воздух. Земля впереди круто падала от вершины холма — настолько круто, что на протяжении какого-нибудь десятка метров склон превращался уже в вертикальную стену. И, далеко простираясь от этого обрыва, лежала могучая полоса воды. Прихотливо петляя по плоской поверхности плато, она вдруг в одном месте рушилась на скалы, зловеще торчащие в тысяче футов внизу. Там она пропадала в сверкающем тумане мельчайших брызг, и из этой-то глубины и поднимался непрестанный пульсирующий рев, протяжным эхом отражающийся от склонов холмов по обеим сторонам водопада.

Бóльшая часть этого низвергающегося потока находилась в тени, но солнечные лучи, прорывающиеся между вершинами гор, еще освещали неповторимый пейзаж, добавляя к нему свои прощальные волшебные мазки: подрагивая, у подножия водопада в неуловимой своей красоте стояла последняя на Земле радуга.

Хилвар повел рукой, и этот жест объял весь горизонт.

— Отсюда,— почти прокричал он, чтобы его можно было услышать сквозь гул водопада,— виден весь Лиз!..

Олвин не поверил. К северу от них миля за милей простирались леса, перемежающиеся полянами, протяженными полями, изрезанные ниточками сотен речушек. Где-то среди этой необъятной панорамы прятался Эрли, но нечего было и думать отыскать его. Олвину было показалось, что он разглядел озеро, мимо которого вела тропа, идущая в Лиз, но потом он все-таки решил, что ему померещилось. Еще далее к северу и леса, и просветы в них терялись в сплавленном воедино зеленом покрове земли, кое-где приподнятом выпуклостями холмов. А уж за ними, на самой кромке поля зрения, словно гряда далеких облаков, громоздились горные цепи, отделяющие Лиз от пустыни.

Картина на западе и на востоке мало чем отличалась от того, что наблюдали они на севере, но вот на юге горы, казалось, отстояли от них всего на несколько миль. Олвин видел их очень ясно и в полной мере осознал, насколько же они выше той вершинки, на которой он сейчас находился. От гор их с Хилваром отделяло пространство куда более девственное и дикое, чем то, которое они только что преодолели. Неизвестно почему — он, во всяком случае, не мог бы сказать почему — оно представлялось безжизненным и пустынным, как если бы нога человека не ступала здесь в течение многих и многих лет.

Хилвар ответил на невысказанный вопрос Олвина:

— Когда-то эта часть Лиза была обитаема. Не знаю, почему ее оставили... Вполне допускаю, что, может быть, и снова наступит такой день, когда мы ее займем. А теперь здесь только животные и водятся.

И в самом деле, нигде не было заметно ни малейших следов пребывания человека — ни расчищенных пространств, ни приведенных в порядок, обузданных рек. Лишь в одном месте кое-что говорило о том, что когда-то здесь жили люди: за много миль от молодых людей над зеленым покровом леса, как сломанный клык, высились белые руины какого-то здания. На всем же остальном пространстве джунгли взяли свое.

Солнце садилось за горную гряду Лиза. На краткий миг далекие вершины охватило золотое пламя. Но вслед за этим земля, которую они охраняли, погрузилась в тень, и на нее пала ночь.

— Надо было нам раньше за это приняться,— заметил, как всегда практичный, Хилвар, когда начал разбирать снаряжение.— Через пять минут темнотища будет — глаз выколи, да и похолодает...

Трава стала принимать на себя странные на вид части каких-то аппаратов. Из стройного треножника высунулся штырь с утолщением на конце, напоминающим по форме грушу. Хилвар все удлинял и удлинял этот штырь, пока тот не воздвигся над их головами. После этого он послал какую-то мысленную команду, которую Олвин отметил, но не понял. И тотчас же их маленький бивак оказался затоплен потоками света, отодвинувшими тьму. Груша эта излучала не только свет, но и тепло — Олвин сразу же ощутил это нежное, ласкающее излучение, которое, казалось, проникало до самых костей.

Держа треножник в одной руке, а в другой — свой рюкзак, Хилвар стал спускаться вниз по склону, и Олвин поспешил за ним, прилежно стараясь не выходить из круга света. В конце концов Хилвар выбрал место для ночевки в небольшом углублении несколькими сотнями ярдов ниже вершины холма и принялся приводить в действие оставшуюся часть снаряжения.

Первым возникло большое полушарие из какого-то твердого и почти прозрачного материала, которое полностью укрыло их, надежно защитив от холодного ветра, которым потянуло вверх по склону. По-видимому, этот купол генерировался тем самым небольшим прямоугольным ящичком, который Хилвар поставил прямо на землю и больше уже не обращал на него ровно никакого внимания — до такой степени, что в конце концов даже завалил его какими-то другими причиндалами. Очень может быть, что этот же самый ящичек произвел для них и удобные полупрозрачные койки, на одну из которых Олвин с радостью и облегчением сразу же и повалился. Это был первый случай, когда он увидел в Лизе материализацию мебели. Жилища здесь представлялись ему ужасно загроможденными непреходящими произведениями рук человеческих, а ведь куда как удобнее было хранить их все в памяти электронных машин.

Ужин, который Хилвар сварганил с помощью другого аппарата, тоже был первой синтетикой, которую Олвину пришлось отведать с тех самых пор, как он прибыл в Лиз. Когда преобразователь материи принялся поглощать сырье, чтобы сотворить свое обыкновенное чудо, оба явственно ощутили, как в отверстие на вершине покрывающего их купола хлынул поток засасываемого воздуха. В общем-то, чисто синтетическая пища была Олвину куда больше по душе. Способ, которым приготовлялась та, натуральная, поразил его как исключительно негигиеничный, а уж при преобразователе-то материи вы, во всяком случае, всегда знали, что именно вы едите.

Они принялись за ужин, когда ночь уже полностью вступила в свои права и на небо высыпали звезды. К концу трапезы за пределами их маленького освещенного мирка стало уже совершенно темно, и на самой границе света и тьмы Олвин заметил какие-то движущиеся тени — это обитатели леса выползали из своих дневных укрытий. Время от времени он видел отблески — чьи-то бледные глаза смотрели на него, но, кто бы это ни был, зверье близко не подходило, так что хорошенько разглядеть ничего не удавалось.

Было так спокойно и славно, и Олвин испытывал полнейшее удовлетворение. Некоторое время они лежали и толковали о том, что им сегодня встретилось, о тайне, которая витала над всем происходящим, о множестве различий двух таких разных культур, к которым они принадлежали. Хилвар был просто зачарован волшебством Хранилищ Памяти, которые вырвали Диаспар из цепких объятий Времени, и тут Олвин обнаружил, что найти ответы на некоторые вопросы Хилвара ему исключительно трудно.

— Чего вот я никак не понимаю,— рассуждал Хилвар,— так это, как проектировщики Диаспара добились того, что ничто никогда не может произойти с Хранилищами Памяти. Вот ты говоришь, информация, которая полностью описывает весь город и всех, кто в нем живет, хранится в виде электрических зарядов в кристаллах, расположенных там в определенном порядке. Ну ясно — кристаллы-то могут существовать вечно, а вот как же все соединенные с ними электрические цепи? Неужели же никогда-никогда не бывает никаких отказов?

— Я спрашивал об этом Хедрона, и он ответил, что Хранилища Памяти, в сущности, утроены. Каждое из трех Хранилищ способно и в одиночку обес-

печить существование города, и, если что-то случится с одним, два других автоматически исправят поломку. И если только какое-то нарушение произойдет сразу в двух из них, то городу будет нанесен уже непоправимый ущерб. А шансы на то, что такое может случиться, пренебрежимо малы...

— Ну а как же материализуется связь между программами в виде этих самых зарядов и вещественной структурой города? Между планом, как он есть, и теми предметами, которые он описывает?

Тут Олвин понял, что прочно сидит на мели. Ему было известно в общих чертах, что ответ следует искать в технологии, манипулирующей свойствами самого пространства. Но вот каким именно образом удалось на практике жестко удерживать каждый атом города в положении, описанном данными, хранящимися где-то в дебрях Хранилищ Памяти,— к объяснению всего этого он даже и подступиться не мог.

По внезапному наитию он ткнул пальцем в купол, защищающий их от ночи.

— А ты объясни мне, как вот эта крыша над нашими головами получается из того ящика, тогда и я расскажу, как работают Хранилища Памяти,— сказал он.

Хилвар засмеялся:

— Ну ты в самую точку... Если уж тебе хочется узнать про это, то придется обратиться к нашим специалистам по теории поля. А я-то уж точно не сумею тебе ничего рассказать!

Этот ответ заставил Олвина глубоко задуматься; выходило, что в Лизе все еще были люди, которые понимали, каким образом действуют их машины. О Диаспаре сказать этого никак было нельзя.

Так они разговаривали и спорили, пока Хилвар наконец не сказал:

— Что-то я устал... А ты — собираешься спать?

Олвин потер свои все еще гудящие от усталости ноги.

— Да хорошо бы,— признался он.— Только я не знаю — смогу ли... Для меня сон, знаешь, все еще очень странный обычай...

— Да это куда больше чем обычай,— засмеялся Хилвар.— Мне вот рассказали, что когда-то для любого человеческого организма это была самая настоящая жизненная необходимость. Мы и до сих пор любим поспать — хотя бы раз в сутки, хотя бы всего-то несколько часов, потому что во время сна тело освежается, да и мозг тоже... Неужели же в Диаспаре никто так никогда и не спит?

— Только в очень редких случаях,— ответил Олвин.— Джизирак, мой наставник, спал раз или два — после того как долго занимался очень уж утомительной умственной работой. А так... хорошо спроектированное тело не должно испытывать потребности в таких вот периодах отдыха. Мы с этим покончили миллионы лет назад...

Еще произнося эти несколько хвастливые слова, он уже опровергал самого себя. Усталость — такая, какой он никогда прежде не испытывал,— навалилась на него. Она поднималась от лодыжек и бедер, пока не затопила все его тело. В этом непривычном ощущении не было, впрочем, ничего неприятного — скорее даже наоборот. Хилвар наблюдал за ним с улыбкой, и Олвин еще

успел подумать: не испытывает ли его друг на нем свою способность к внушению? Но даже если это и было так, он ничуть не возражал...

Свет, лившийся из «груши» над их головами, померк до слабого тления, но излучаемое грушей тепло не ослабло. При последнем трепетании света сознание Олвина отметило несколько любопытных фактов, значение которых ему предстояло выяснить поутру.

Хилвар сбросил одежду, и Олвин впервые увидел, насколько разнятся две ветви человечества. Некоторые отличия в строении тела касались только пропорций, но другие — такие, например, как гениталии и наличие зубов, ногтей и заметных волос,— были более фундаментальными. Больше всего его, однако, поразило странное углубление на животе Хилвара.

Когда спустя несколько дней он внезапно вспомнил об этом, то потребовались долгие объяснения. К тому времени, как Хилвар сделал для него функцию пупка совершенно понятной, он уже произнес несколько тысяч слов и нарисовал кучу диаграмм.

И оба — Хилвар и Олвин — сделали огромный шаг в понимании основ культуры Диаспара и Лиза.

12

Глубокой ночью Олвин проснулся. Что-то тревожило его — какой-то шепот или что-то вроде этого проникало в сознание, несмотря на нескончаемый рев падающей воды. Он сел в постели и стал напряженно вглядываться в окутанные тьмой окрестности, затаив дыхание, прислушиваться к пульсирующему грому водопада и к более мягким и каким-то тайным звукам, производимым ночными созданиями.

Ничего не было видно. Свет звезд был слишком слаб, чтобы озарить многомильные пространства, лежащие в сотнях футах внизу. Только иззубренная линия еще более беспросветной черноты, затмевающая звезды, напоминала о горных кряжах на южном горизонте. Олвин услышал, как в темноте купола его товарищ завозился и тоже сел в постели.

— Что там такое? — донесся до него шепот Хилвара.

— Да показалось, что я услышал какой-то шум...

— Какой шум?

— Не знаю... Может, почудилось...

Наступило молчание. Две пары глаз уставились в тайну ночи. Внезапно Хилвар схватил Олвина за руку.

— Гляди! — прошептал он.

Далеко на юге светилась какая-то одинокая точка, расположенная слишком низко к горизонту, чтобы быть звездой. Она была ослепительно белой с едва уловимым фиолетовым оттенком, и, по мере того как они следили за ней, точка эта стала менять цвет по всему спектру, одновременно набирая яркость — пока глазам не стало больно смотреть на нее. А затем она взорвалась — казалось, что где-то за краем света тьму рванула молния. На краткий миг горы и все окруженное ими пространство земли огнем вспыхнули на фоне неба. Вечность спустя докатился звучный отголосок далекого взрыва. В дере-

вьях внизу внезапный порыв ветра потревожил кроны. Ветер этот быстро улегся, и погасшие было звезды одна за другой возвратились на свои места.

Во второй раз в своей жизни Олвин испытал чувство страха. Это не был тот страх перед непосредственной угрозой для его «я», который навалился на него там, в пещере самодвижущихся дорог. На сей раз это было, скорее, благоговение и изумление перед чем-то неведомым и грандиозным. Он глядел в лицо неизвестности, и ему показалось, что он понял: там, у гор, есть нечто, что он просто обязан увидеть.

— Что это было? — спросил он после долгого молчания.

Пауза оказалась столь длинна, что ему пришлось повторить вопрос.

— Да вот, пытаюсь выяснить,— коротко ответил Хилвар и снова умолк. Олвин догадался, чем он сейчас занят, и не стал мешать молчаливому расследованию друга.

Наконец Хилвар вздохнул — разочарованно.

— Спят все,— сказал он.— Не нашлось никого, кто смог бы объяснить, что же это такое. Надо нам подождать до утра — если только мне не удастся сейчас разбудить одного из моих друзей. А мне бы, честно-то говоря, не хотелось этого делать — разве что только в самом уж крайнем случае...

Олвин про себя заинтересовался, что же именно Хилвар считал самым крайним случаем. И только он собрался предположить — не без сарказма,— что увиденное ими вполне стоит того, чтобы кого-то и разбудить, как Хилвар заговорил снова:

— Я вспомнил... Я здесь давно не был и поэтому не уверен... Но это, должно быть, Шалмирейн.— Тон у него был какой-то извиняющийся.

— Шалмирейн! Да разве он еще существует?

— Существует. Я почти забыл... Сирэйнис как-то рассказывала мне, что крепость лежит именно в этих горах. Само собой, она вот уж сколько столетий в развалинах, но, может быть, кто-то там еще и живет...

Шалмирейн! Для этих детей двух рас, так сильно различающихся и историей, и культурой,— название, исполненное волшебства. За всю долгую историю Земли не было эпоса более величественного, чем оборона Шалмирейна от захватчика, который покорил Вселенную. Хотя истинные факты давным-давно растворились в тумане, окутывающем Века Рассвета, легенды продолжали жить и будут жить столь же долго, как и сам Человек.

В темноте внезапно снова зазвучал голос Хилвара:

— Люди с юга смогут рассказать нам больше. У меня там есть несколько друзей. Утром я с ними поговорю.

Олвин его почти не слышал. Он был глубоко погружен в собственные мысли, стараясь припомнить все, что ему приходилось слышать о Шалмирейне. Впрочем, вспоминать было почти нечего. По прошествии столь невообразимо долгого времени никто уже не смог бы отсеять правду от вымысла. С уверенностью можно было говорить только о том, что битва при Шалмирейне ознаменовала рубеж между победами Человека и началом его долгого упадка.

Где-то в этих вот горах, думалось Олвину, могут лежать ответы на те загадки, которые мучили его на протяжении всех этих долгих лет.

— А сколько нам понадобится времени, чтобы добраться до крепости? — поинтересовался он у Хилвара.

— Я там никогда не был, но полагаю, что это куда дальше, чем я намеревался пройти. За день нам туда вряд ли и дошагать...

— А если мобиль использовать?

— Не получится. Путь-то туда — через горы, а машина для этого никак не приспособлена.

Олвин поразмыслил над этим. Усталость скрутила его, ноги горели, а мышцы бедер все еще ныли от непривычного усилия. Соблазн плюнуть на путешествие к крепости до следующего раза был слишком велик. Но этого следующего раза могло и не быть...

Под призрачным светом бледнеющих звезд — немало их погасло с тех пор, как отгремела битва при Шалмирейне,— Олвин боролся с собой и наконец принял решение. Ничто не переменилось. Горы снова встали на караул над спящей землей. Но поворотный пункт истории пришел и прошел, и человечество двинулось к своему странному новому будущему.

В эту ночь Хилвар с Олвином уже не заснули и с первыми же лучами солнца свернули лагерь. Холм был осыпан росой, и Олвин, вышагивая, любовался сверкающими драгоценностями, которые огрузили каждую травинку и каждый листок. Свист мокрой травы поразил его, когда он пропахивал ее ногами, и, глядя назад, на холм, он видел, как прорисованный им след темной лентой вьется на алмазном фоне.

Солнце только-только привстало над восточной стеной Лиза, когда они добрались до опушки леса. Природа здесь пребывала в первозданном своем состоянии. Даже Хилвар, похоже, несколько словно бы потерялся среди этих гигантских деревьев, которые заслоняли солнце и выстилали подлесок коврами непроницаемой тени. К счастью, начиная от водопада, река текла на юг линией слишком прямой, чтобы быть естественного происхождения, и им было удобно держаться берега — это позволяло избежать битвы с самой густой порослью нижних этажей леса. У Хилвара пропасть времени уходила на то, чтобы держать в ежовых рукавицах Крифа, который то и дело исчезал в джунглях или вдруг сломя голову бросался скользить по поверхности реки. Даже Олвин, для которого все окружающее было совершенно внове, чувствовал, что этот лес завораживает чем-то таким, чего лишены меньшие по размерам окультуренные леса северной части страны. Одинаковых деревьев было совсем мало. Большинство исполинов переживали различные стадии регресса, некоторые на протяжении веков почти вернулись к своим изначальным формам. Некоторые, очевидно, и вовсе были неземного происхождения, а может быть — даже и не из Солнечной системы. Часовыми, возвышаясь над своими менее рослыми собратьями, стояли гигантские секвойи высотой в триста, а то и в четыреста футов. Когда-то их называли самыми старыми из живущих обитателей Земли. И до сих пор они оставались намного старше Человека.

А река теперь стала расширяться. Теперь она то и дело расползалась в небольшие озера, на которых, словно на якоре, стояли островки. Были здесь и насекомые — ярко окрашенные существа, порхающие и раскачивающиеся над гладью воды. В один из моментов, несмотря на запрещение Хилвара, Криф

метнулся в сторону, чтобы присоединиться к каким-то своим дальним родственникам. Он немедленно исчез в облаке блистающих крыльев, и до путников тотчас донеслось сердитое жужжание. Мгновение спустя облако это словно бы взорвалось, и Криф скользнул обратно по поверхности воды — да так стремительно, что глаз почти и не отметил какого-либо движения. После этого случая он все жался к Хилвару и больше уже никуда не отлучался.

Ближе к вечеру сквозь кроны деревьев стали время от времени проглядывать вершины гор. Верный проводник юношей, река текла теперь лениво, словно бы тоже приближалась к концу своего пути. Но стало ясно, что к наступлению ночи гор им не достичь. Задолго до заката в лесу стало так темно, что двигаться дальше было просто немыслимо. Огромные деревья стояли в озерах тьмы, сквозь листву дул пронизывающий ветер. Олвин с Хилваром устроились на ночлег подле гигантского красного дерева, настолько высокого, что ветви на его вершине еще были облиты сиянием солнца.

Когда наконец давно уже невидимое светило зашло, отсветы закатного неба еще некоторое время мерцали на танцующей поверхности воды. Оба исследователя — а теперь они смотрели на себя именно так, да так оно и было на самом деле — лежали в собирающейся темноте, глядя на реку и размышляя над всем тем, что им довелось увидеть в течение дня. Но вот Олвин снова ощутил, как его охватывает состояние восхитительной дремоты, впервые познанное предыдущей ночью, и радостно отдался сну. Пусть сон и не был необходим в Диаспаре, где жизнь не требовала никаких физических усилий, но здесь он был просто желанен. В последний момент перед забытьем он еще успел подумать — кто, интересно, последним проходил этим вот путем и как давно это произошло.

Солнце стояло уже высоко, когда они вышли из леса и оказались перед горной стеной, ограждающей Лиз. Прямо перед ними поверхность земли круто поднималась к небу обрывами совершенно непреодолимых скал. Река заканчивалась здесь столь же живописно, как и начиналась там, у водопада: прямо по ее руслу земля расступалась, и воды реки с грохотом пропадали из виду в глубокой расселине. Олвину было страшно интересно, что же происходит с рекой дальше, через какие подземные пещеры лежит ее путь, прежде чем ей снова выйти на свет дня. Возможно, исчезнувшие океаны Земли все еще существовали — глубоко внизу, в вечной тьме, и эта древняя река все еще слышит зов, который влечет ее к морю.

Несколько секунд Хилвар стоял, глядя на водоворот и на изломанную землю за ним. Затем он кивнул на проход в скалах.

— Шалмирейн лежит вон в том направлении,— уверенно проговорил он.

Олвин не стал спрашивать, откуда это ему известно. Он принял как должное, что Хилвар в течение некоторого времени поддерживал контакт с кем-то из друзей за много миль от них, и ему при полном молчании передали всю необходимую информацию.

До прохода в скалах они добрались довольно быстро, а когда миновали его, то вышли на чрезвычайно интересное плато, полого снижающееся по краям. Теперь Олвин уже не испытывал ни усталости, ни страха — только жадное чувство предвкушения волнующих событий возбуждало его. Он понятия

не имел о том, что именно ему предстоит обнаружить. Но то, что что-то будет обнаружено, не вызывало у него никаких сомнений.

Вскоре характер поверхности резко изменился. Нижняя часть склона плато состояла из пористой вулканической породы, собранной там и сям в огромные навалы. Здесь же грунт внезапно превратился в твердые, стеклистые плиты, совершенно гладкие, как если бы когда-то горные породы бежали здесь по склону расплавленной рекой.

Кромка плато оказалась едва ли не у самых их ног. Хилвар первым дошагал до нее, а спустя несколько секунд и Олвин, лишившись дара речи, уже стоял рядом. Он был ошеломлен, потому что оба они находились на краю вовсе не какого-то там плато, как им представлялось поначалу, но огромной чаши глубиной в полмили и диаметром мили в три. Поверхность впереди резко понижалась, плавно выравнивалась на дне этой огромной круглой долины и снова поднималась — все более и более круто — к противоположному краю. Самая низкая часть чаши была занята круглым озером, зеркало которого непрерывно трепетало, словно бы терзаемое непрекращающимся ветром.

Хотя вся картина была залита беспощадным сиянием солнца, огромная эта язва на теле земли оказалась глубокого черного цвета. Ни Олвин, ни Хилвар не имели ни малейшего представления, из какого материала сложен кратер, но он был черен, как скалы мира, которые никогда не знали солнца. Но и это было еще не все, ибо ниже того места, где они стояли, опоясывая весь кратер, шла металлическая, без единого шва полоса шириной в несколько сот футов, потускневшая от непостижимо долгих тысячелетий, но без малейших признаков коррозии.

Когда глаза немного попривыкли к этой фантасмагорической картине, Олвин и Хилвар поняли, что чернота кратера вовсе не столь уж абсолютна, как это им представилось вначале. То тут, то там крохотные блики — такие неуловимые, что их почти невозможно было заметить,— вспыхивали на стенках, черных, будто они были сделаны из эбенового дерева. В сверкании этом не было ни малейшей упорядоченности, блики пропадали, едва родившись, и напоминали отражения звезд на изморщенной поверхности моря.

— Как замечательно! — ахнул Олвин.— Но только... что же это такое?

— Похоже на какой-то рефлектор...

— Но он такой черный...

— Только для наших глаз, не забывай об этом. Мы же не знаем, какой вид излучения они использовали...

— Но ведь должно же быть и что-то еще! Где, например, сама крепость?

Хилвар протянул руку по направлению к озеру.

— Посмотри внимательно,— сказал он.

Олвин уставился на дрожащую поверхность озера, стараясь проникнуть взглядом поглубже, пытаясь понять тайны, которые скрывала вода в своих глубинах. Сначала он ничего не мог разобрать. Затем на мелководье возле самой кромки берега он разглядел едва заметное чередование света и тени. Ему удалось проследить этот рисунок вплоть до самой середины озера, где глубина уже скрадывала детали.

Вот это-то темное озеро и поглотило крепость. Там, внизу, лежали руины того, что когда-то было мощными зданиями, ныне поверженными временем. И все же не все они погрузились в глубину, потому что на дальней стороне кратера Олвин теперь разглядел груды исковерканных каменных блоков и огромные гранитные глыбы, из которых когда-то были сложены массивные стены. Волны плескались вокруг них, но еще не поднялись настолько высоко, чтобы довершить свою победу.

— Давай обогнем озеро,— предложил Хилвар, и голос его был тих, как если бы величественность этих руин наполнила его душу благоговением.— Может, что-нибудь и найдем в этих развалинах...

Первые несколько сот ярдов стенки кратера были такими крутыми и гладкими, что на них трудно было стоять выпрямившись, но вскоре молодые люди достигли более пологого склона и теперь могли передвигаться без особого труда. У самой воды аспидно-черная поверхность кратера была покрыта тонким слоем почвы, нанесенной, должно быть, сюда ветрами.

В четверти мили от них циклопические каменные блоки громоздились друг на друга, словно непомерных размеров кубики, брошенные каким-то гигантским младенцем. Вот тут еще можно было узнать секцию массивной стены... Там — пара изъеденных временем пилонов отмечала место, которое когда-то было позицией грандиозных ворот... Повсюду рос мох и какие-то ползучие растения, крохотные карликовые деревья... Даже ветра и того здесь не чувствовалось.

Так Олвин и Хилвар пришли к развалинам Шалмирейна. Силы, которые были способны потрясти мир и обратить его в прах, обернулись пламенем и громом и потерпели сокрушительное поражение, натолкнувшись на эти стены и на ту энергию, которая ожидала за ними своего часа. Когда-то это такое мирное небо полыхало огнем, вырванным из самого сердца звезд, и горы Лиза, должно быть, стонали, будто живые существа, на которые обрушивается ярость их хозяина.

Шалмирейн никогда не был захвачен кем бы то ни было. Но теперь эта крепость, эта необоримая твердыня пала, захваченная и уничтоженная терпеливыми усиками плюща, поколениями слепых червей, неустанно роющих свои ходы, и медленно наступающими водами озера...

Ошеломленные величием этих колоссальных развалин, Олвин и Хилвар приближались к ним в полном молчании. Они ступили в тень разрушенной стены и углубились в своего рода каньон: горы камня здесь расселись. Озеро лежало перед ними, совсем рядом, и вот уже они стали у самой кромки воды, волны плескались у их ног. Крохотные волночки... Высотой не более нескольких дюймов, они бесконечной чередой разбивались об узкую полоску берега.

Хилвар первым нарушил молчание, и в голосе его прозвучала нотка неуверенности, заставившая Олвина взглянуть на друга с некоторым удивлением.

— Что-то тут не так... Ничего не могу понять,— медленно проговорил Хилвар.— Ветра-то нет, а что же тогда морщит воду? Ей бы надо оставаться совершенно спокойной...

Прежде чем Олвин продумал ответ, Хилвар стремительно присел, склонил голову к плечу и погрузил в воду правое ухо. Олвин не имел ни малейшего представления, что это хочет обнаружить его друг таким вот странным способом и в таком нелепом положении. Потом догадался: Хилвар просто прислушивался. Преодолевая себя, потому что эта мертвая на вид вода выглядела здесь как-то особенно неприветливо, Олвин последовал его примеру.

Холод воды мешал всего несколько мгновений. А потом Олвин услышал слабый, но отчетливый упорный и ритмичный пульсирующий звук. Было похоже, будто в глубинах озера бьется чье-то гигантское сердце.

Они стряхнули воду с волос и остолбенело уставились друг на друга. Ни тому ни другому не хотелось первым высказать поразившую его догадку, что озеро это — живое.

— Лучше всего будет порыться в развалинах, а от озера давай-ка держаться подальше,— решился наконец Хилвар.

— Думаешь, там внизу что-то есть? — спросил Олвин, кивнув на загадочные волны, которые все так же разбивались у его ног.— Это может быть опасно?

— Ничто, если у него есть сознание, не представляет опасности,— ответил Хилвар. («Так ли это? — подумалось Олвину.— А Пришельцы?») — Я не могу обнаружить там ни малейшего присутствия мысли, но почему-то убежден, что мы здесь не одни. Очень странно...

Они медленно двинулись назад, к руинам крепости, и каждый нес в памяти звук этой приглушенной непреходящей пульсации. Олвину представлялось, что здесь тайна громоздится на тайну и что, несмотря на все его усилия, он все больше и больше отдаляется от какого-либо понимания истины, поисками которой занялся.

Как-то не верилось, что развалины могут им что-то поведать, но они тем не менее все-таки занялись самыми тщательными поисками среди мусора, скопившегося между нагромождениями огромных каменных глыб. Может быть, здесь нашли свое последнее пристанище машины и механизмы, которые так давно сделали свое дело... Теперь-то от них не было никакого проку, подумал Олвин, если бы Пришельцы и вернулись. Но почему же они так и не возвратились? Впрочем, это была только еще одна мучительная загадка, а у него и так уже накопилось полным-полно тайн, в которые предстояло проникнуть. Искать новые не было ровно никакой необходимости.

В нескольких ярдах от берега среди всяких мелких обломков они обнаружили небольшое чистое пространство. Его покрывали сорняки: почерневшие и спекшиеся от невообразимого жара, при приближении людей они стали рассыпаться в пыль, пачкая им ноги угольно-черными полосами. В центре пустого пространства стоял металлический треножник, прочно укрепленный в грунте. Треножник этот нес на себе кольцо, несколько наклоненное таким образом, что его ось упиралась в неведомую точку небосвода где-то на полпути между горизонтом и зенитом. На первый взгляд казалось, что кольцо это ничего в себе не заключало. Но затем, приглядевшись повнимательнее, Олвин увидел, что пространство внутри кольца заполнено каким-то слабым туманом, который сильно утомлял зрение, а его и без того нужно было напрягать, чтобы заметить этот самый туман — так близко цвет его находился у самого края

видимого спектра. Светилась какая-то энергия, и, вне всякого сомнения, именно этот вот механизм и произвел тот взрыв света, который привлек их в Шалмирейн.

Не решаясь подойти поближе, они остановились и стали наблюдать за странным этим устройством с безопасного, как им представлялось, расстояния. «Мы на верном пути»,— билось в голове у Олвина. Теперь оставалось только выяснить — кто или что установило здесь этот механизм и какой цели он может служить. Это наклоненное кольцо... ясно было, что оно нацелено в космос. Не была ли вспышка, которую они наблюдали, своего рода сигналом? От этой догадки захватывало дух, стоило только поразмыслить о последствиях.

— Олвин! — раздался вдруг голос Хилвара, и в тихом этом возгласе звучала безошибочная нотка предостережения.— У нас гости.

Олвин резко обернулся и обнаружил перед собой треугольник глаз, начисто лишенных век. Таково, по крайней мере, было первое впечатление. Секундой позже за этими пристально глядящими на него глазами он рассмотрел очертания небольшой, но, по-видимому, очень сложной машины. Она висела в воздухе в нескольких футах над поверхностью земли и ничем не напоминала ни одного из тех роботов, которые когда-либо встречались Олвину.

Когда первоначальное изумление прошло, он вполне почувствовал себя хозяином положения. Всю жизнь он отдавал приказания машинам, и то, что эта вот была ему незнакома, не имело ни малейшего значения. В конце концов, ему приходилось сталкиваться не более чем с несколькими процентами всех разновидностей роботов, которые в Диаспаре обслуживали его повседневные нужды.

«Ты умеешь говорить?» — спросил он.

Ответом было молчание.

«Кто-нибудь тебя контролирует?»

Снова молчание.

«Уйди... Подойди... Поднимись... Опустись...»

Ни одно из этих таких привычных мысленных приказаний не возымело никакого эффекта. Машина оставалась совершенно безответной. Это предполагало две возможности. Либо машина была слишком низкоорганизованной, чтобы понимать его, либо, в сущности, слишком интеллектуальной и обладала собственными представлениями о целесообразности того или иного выбора, поскольку в нее был заложен принцип свободы воли. В таком случае он должен обращаться к роботу как к равному. И даже в этом случае он может недооценить его, только робот на это не обидится, поскольку самомнение не есть болезнь, характерная для машин.

Хилвар не мог удержаться от смеха, глядя на очевидную тщетность усилий Олвина. Он как раз собирался предложить свои услуги по установлению контакта с роботом, когда слова вдруг замерли у него на губах.

Тишина Шалмирейна была нарушена многозначительным и безошибочно знакомым звуком — мокрым шлепаньем какого-то большого тела, выходящего из воды.

Во второй раз с тех пор, как он покинул Диаспар, Олвин пожалел, что он не дома. Затем он сообразил, что с таким настроением идти навстречу при-

ключению никак не годится, и медленным шагом, но решительно направился к озеру.

Существо, которое появилось из темной воды, выглядело как чудовищная, выполненная из живой материи пародия на робота, который по-прежнему молча разглядывал их пристальным взором. Расположение глаз в вершинах равностороннего треугольника — как и у парящего робота — никак не могло быть простым совпадением. То же самое можно было сказать и о щупальцах, и о маленьких суставчатых конечностях. На этом, однако, сходство заканчивалось. У робота не было — они ему, очевидно, просто не требовались — нежных перьев какой-то бахромы, которая в однообразном ритме била по воде, не было великого множества ног, похожих на обрубки, не было и вентиляционных отверстий, которые с натугой сипели в разреженном воздухе.

Бóльшая часть этого существа оставалась в воде. Только головные десять футов или около того проникли в среду, которая, похоже, была для этого животного враждебной. Существо имело в длину футов пятьдесят, и даже человек, совершенно незнакомый с биологией, мог бы догадаться, что что-то с ним было не так. Для облика существа был характерен налет импровизационного — и не слишком поэтому удачного — конструирования, как если бы части его тела лепили без особых раздумий и приставляли одну к другой по мере того, как в этом возникала необходимость.

Несмотря на устрашающие размеры существа и все свои первоначальные сомнения, ни Олвин, ни Хилвар ничуть не встревожились, едва разглядели получше этого обитателя озера. Животное было как-то трогательно неловко, и эта неловкость не позволяла считать его какой-либо серьезной угрозой, даже если бы и возникли подозрения, что оно может оказаться опасным. Люди давным-давно преодолели детский ужас перед тем, что выглядит ни на что не похожим. Этому страху просто не суждено было выжить после первого же контакта с дружественными внеземными цивилизациями.

— Дай-ка я с ним пообщаюсь,— тихонько сказал Хилвар.— Я ведь привык общаться с животными.

— Но это же не животное,— прошептал в ответ Олвин.— Я убежден, что оно разумно, а этот робот принадлежит ему...

— Может статься, как раз оно-то и принадлежит роботу. Во всяком случае, у него какие-то странные умственные способности. Я все еще не могу обнаружить ни малейшего признака мышления... Эй! Что это такое делается?..

Чудище ни на йоту не переменило своего положения у кромки воды, поддерживать которое ему, похоже, приходилось из последних сил. Но в центре треугольника, образованного глазами, начала формироваться какая-то полупрозрачная мембрана — она пульсировала, трепетала и в конце концов стала издавать вполне различимые звуки. Это было низкое, гулкое уханье, никаких слов разобрать в нем было невозможно, хотя неведомое существо явно пыталось что-то сказать.

Было больно наблюдать эту отчаянную попытку вступить в контакт. Несколько минут существо понапрасну пыталось добиться какого-нибудь эффекта. Внезапно оно, видимо, осознало, что совершает ошибку. Пульсирующая мембрана уменьшилась в размерах, а издаваемые ею звуки поднялись в тоне

на несколько октав, пока не улеглись в звуковой спектр нормальной человеческой речи. Стало формироваться что-то похожее на слова, хотя они все еще перемежались невразумительным бормотаньем. Похоже было, что существо с превеликим трудом вспоминает лексикон, который был ему известен когда-то давным-давно, но к которому оно не прибегало на протяжении многих лет.

Хилвар попытался помочь всем, что только было в его силах.

— Вот теперь мы можем вас понимать,— произнес он, выговаривая слова медленно и раздельно.— Чем мы можем быть вам полезны? Мы заметили свет, который вы произвели. Он и привел нас сюда из Лиза.

При слове «Лиз» существо как-то поникло, словно бы оно испытало жесточайшее разочарование.

— Лиз,— повторило оно. Звук «з» вышел у него не слишком удачно, и слово прозвучало больше похожим на «Лид».— Всегда из Лиза... А больше никто никогда не приходит... Мы называем их Великими, но они не слышат...

— Кто это — Великие? — спросил Олвин, живо подавшись вперед.

Нежные, безостановочно двигающиеся щупальца коротким движением взметнулись к небу.

— Великие...— повторило существо.— С планет Вечного Дня... Они придут... Мастер обещал нам...

Ситуацию это ничуть не прояснило. Прежде чем Олвин смог продолжить свой допрос, Хилвар вмешался снова. Вопросы, которые он задавал, были так терпеливы, он говорил с таким участием и в то же самое время с такой настойчивостью и убедительностью, что Олвин решил ни в коем случае не прерывать его, хотя его так и подмывало вступить в разговор. Ему не хотелось признаваться себе, что Хилвар превосходит его по развитию, но не было ни малейших сомнений в том, что дар друга общаться с животными простирается даже на это фантастическое существо. И более того — чудище, похоже, откликалось. Его речь стала более разборчивой, и если сначала это странное создание отвечало столь кратко, что выходило чуть ли не грубо, то, по мере того как развивалась беседа, оно стало отвечать на вопросы подробно и даже само уже сообщало кое-какую информацию, о которой его и не спрашивали.

Хилвар терпеливо складывал по кусочку мозаику этой невероятной истории, и Олвин совсем потерял ощущение времени. Всей истины они выяснить так и не смогли — для догадок и предположений оставалось места сколько угодно. По мере того как существо все более и более охотно отвечало на вопросы Хилвара, его внешний вид начал меняться. Оно сползло обратно в озеро, и его ноги-чурбачки, казалось, растворились в теле. Внезапно произошла вещь еще более невероятная: три огромных глаза медленно закрылись, стянулись в крохотные точки и бесследно исчезли. Выглядело это так, будто существо уже увидело все, что ему нужно было увидеть, и теперь глаза ему стали просто без надобности.

Олвин никак не мог поверить, что разум может существовать в такой вот нестабильной оболочке, однако впереди его ждал еще и не такой сюрприз. Было очевидно, что их собеседник — внеземного происхождения, но прошло еще некоторое время, прежде чем даже Хилвар с его куда более обширными познаниями в биологии понял, с каким типом организма они имеют дело. В те-

чение всей беседы существо называло себя «мы», и, в сущности, это была целая колония независимых существ, организованных и контролируемых какими-то неизвестными силами.

Животные отдаленно такого же типа — медузы, например,— когда-то процветали в земных океанах. Некоторые из них достигали огромных размеров, занимая своими полупрозрачными телами и лесом стрекающих щупалец пятьдесят, а то и сто футов пространства. Но ни одна из этих медуз не обрела и крупицы интеллекта, если не считать за интеллект способность реагировать на простые раздражители.

Здесь же молодые люди, несомненно, имели дело с разумом, хотя это и был разум вырождающийся. Олвину никогда было не забыть этой необычайной встречи и того, как Хилвар медленно реконструировал историю Мастера, в то время как изменчивый полип судорожно искал полузабытые слова, а темное озеро плескалось о руины Шалмирейна и трехглазый робот не мигая наблюдал за происходящим.

13

...Мастер вынырнул на Земле в хаосе Переходных Столетий, когда Галактическая Империя уже рушилась, но маршруты, связывающие звезды, еще не были перерезаны окончательно. Был он человеческого происхождения, хотя дом его и находился на планете, кружащейся вокруг одного из Семи Солнц. Еще в ранней молодости он был вынужден покинуть родной ему мир, память о котором преследовала его всю жизнь. Причиной своего изгнания он считал происки врагов, но истина заключалась в том, что он страдал от неизлечимой болезни, которая, похоже, из всех носителей разума во Вселенной поражала только представителей *homo sapiens.* Эта позорная болезнь была религиозной манией.

На протяжении ранней стадии своей истории человечество исторгнуло из себя неисчислимое количество всякого рода пророков, ясновидцев, мессий и провозвестников небесного откровения, которые убеждали своих последователей и самих себя, что тайны Вселенной открыты только им одним и никому больше. Кое-кому из них случалось основать религии, которые ухитрились выжить в течение многих поколений и оказали влияние на миллиарды людей. Других забыли еще до их смерти.

Расцвет науки, которая с непреложной регулярностью отвергала космогонические построения всех этих болтунов и дарила людям чудеса, о которых ясновидцы и мессии и помыслить-то были не в состоянии, в конце концов не оставил от всех этих верований камня на камне. Наука не уничтожила благоговейного изумления, почтения и сознания своей незначительности, испытываемых всеми разумными существами, когда они размышляют о необъятности Вселенной. Но она ослабила, а в конце концов и вообще отбросила в небытие бесчисленные религии, каждая из которых с невероятным высокомерием провозглашала, что именно она является единственной провозвестницей Истины, тогда как миллионы ее соперников и предшественников — все пали жертвой заблуждений.

И все же, хотя каким-то изолированным культам уже никогда не суждено было обладать какой-то реальной властью, как только человечество в целом достигло самого элементарного уровня цивилизованности, они все же время от времени появлялись на протяжении многих столетий и, как бы фантастично ни звучали их неумные символы веры, им все же удавалось привлечь какое-то число последователей. В особенности процветали они в периоды неразберихи и беспорядка, и было совсем неудивительно, что Переходные Столетия стали свидетелями вспышки иррационального. Когда реальность оказывалась для человеческого духа угнетающей, люди всегда пытались найти утешение в мифах.

Так вот, этот самый Мастер, даже если он и был изгнан из своего собственного мира, вовсе не покинул его этаким сиротой-сиротинушкой. Семь Солнц являлись центром галактической власти и науки, а он, должно быть, имел чрезвычайно влиятельных друзей. Он бежал на маленьком скоростном корабле, о котором поговаривали, что это был самый быстрый космический корабль из когда-либо построенных. И еще он прихватил с собой в изгнание самый совершенный продукт галактической науки — робота, который спустя столько времени всплыл теперь здесь, у Шалмирейна, неизвестно откуда, перед изумленными Олвином и Хилваром.

Никто так до конца и не исчерпал все таланты и функции этой машины. В сущности, робот этот до некоторой степени стал вторым «я» Мастера. И, не будь его, вера в «Великих», по всей вероятности, благополучно почила бы после смерти Мастера. Вдвоем они довольно продолжительное время блуждали зигзагообразным курсом среди звездных облаков, и курс этот привел их — ясно, что не случайно,— назад, к тому миру, из которого вышли предки Мастера.

Целые сонмы книг были посвящены этому событию, и каждая такая книга вызывала к жизни еще и вороха комментариев, пока в этой своего рода цепной реакции первоначальные произведения не оказались погребены под целыми Монбланами всякого рода глоссов и разъяснений. Мастер останавливался на многих мирах и навербовал себе паству среди представителей множества рас. Надо полагать, он был весьма сильной личностью, если мог с одинаковым успехом воспламенять своими проповедями гуманоидов и негуманоидов, и, видимо, учение, находившее столь широкий отклик, содержало в себе еще и что-то такое, что представлялось людям благородным и чистым. Быть может, этот самый Мастер оказался самым удачливым — как и самым последним — из всех мессий, которых когда-либо знало человечество. Никто из его предшественников не сумел привлечь к себе такого числа адептов или же добиться того, чтобы его догма проложила себе путь через столь огромные пространственные и временные пропасти.

В чем, собственно, состоял смысл догмы Мастера, ни Олвин, ни Хилвар так и не смогли разобраться хотя бы с какой-то степенью достоверности. Огромный полип отчаянно старался сделать все, чтобы посвятить их в суть дела, но многие из его слов не содержали в себе ровно никакого смысла, и, кроме того, у него была привычка повторять предложения и даже целые пассажи в такой стремительной и совершенно механической манере, что за мыслью невоз-

можно было уследить. И вскоре Хилвар приложил все свои силы, чтобы увести разговор от этих топких теологических болот и сосредоточиться лишь на достоверных фактах.

Мастер и горстка его самых верных последователей прибыли на Землю в те дни, которые предшествовали падению городов, а порт Диаспара еще был открыт для пришельцев из других звездных систем. Они, должно быть, прибывали в космических кораблях самых разных систем — полип из озера, например, в корабле, наполненном водой того моря, которое было естественной средой его обитания. Была ли догма Мастера принята на Земле с терпимостью, оставалось неясным. Но, по крайней мере, она не встретила бурной оппозиции, и после долгих блужданий эти фанатики нашли себе окончательное пристанище среди лесов и гор Лиза.

На закате своей долгой жизни Мастер вновь обратил мысли к дому, из которого он был изгнан, и попросил вынести его из помещения на воздух, чтобы он мог смотреть на звезды. Теряя последние силы, он подождал появления Семи Солнц и под самый занавес набормотал еще много такого, что должно было в будущем вызвать к существованию новые груды книг с толкованиями. Снова и снова он распространялся о «Великих», которые сейчас временно покинули эту Вселенную, но которые в один прекрасный день, несомненно, вернутся, и обязал своих фанатиков приветствовать их по возвращении. Это были его последние более или менее разумные слова. После этого он уже не отдавал себе отчета в окружающем, но перед самым концом произнес еще одну фразу, которая пережила столетия, гвоздем засев в головах тех, кому довелось ее услышать: «Как славно смотреть на цветные тени на планетах Вечного Света».

После чего умер.

По смерти Мастера многие из его последователей плюнули на догму, но кое-кто остался ей верен. По мере того как проходили столетия, она все усложнялась. Сначала веровали, что эти «Великие», кем бы они ни были, скоро возвратятся, но время шло, и надежды на это все тускнели и тускнели. В этом месте рассказ полипа стал очень путаным — похоже было, что правда и мифы переплелись уже совершенно нерасторжимо. Олвин схватил только туманный образ каких-то фанатиков, поколение за поколением ожидающих некоего великого свершения, смысл которого был им абсолютно непонятен и которое должно было произойти неизвестно когда в будущем.

«Великие» так и не вернулись. Пробивная сила догмы мало-помалу иссякла по мере того, как смерть и разочарование все уменьшали и уменьшали число приверженцев. Сначала из мира ушли люди с их короткими жизнями, и было что-то невероятно ироническое в том, что последним адептом мессии-гуманоида стало существо, совершенно не похожее на человека.

Огромный полип стал последним учеником Мастера по причине весьма тривиальной: он был бессмертен. Миллиарды индивидуальных клеток, из которых состояло его тело, естественно, умирали своим чередом, но, прежде чем тому произойти, они воспроизводили себе подобных. Через длительные интервалы чудище распадалось на мириады клеток, которые начинали жить автономно и размножались делением — если окружающая среда оказывалась для этого подходящей. В такие периоды полип уже не существовал как сознатель-

ное, разумное существо-единство. И тут Олвин просто не мог не вспомнить о том, как проводили свои сонные тысячелетия в Хранилищах Памяти города обитатели Диаспара.

Но вот в должное время какая-то загадочная биологическая сила снова собирала вместе все эти рассеянные компоненты огромного тела, и полип начинал новый цикл существования. Он опять обретал сознание и воспоминания о своих прежних жизнях — часто не совсем точные воспоминания, поскольку разного рода несчастные случаи время от времени губили клетки, несущие весьма уязвимую информацию памяти.

Не исключено, что никакая другая форма жизни не смогла бы так долго хранить веру в догму, забытую уже на протяжении миллиарда лет. В некотором смысле полип стал беспомощной жертвой собственной биологической сущности. В силу своего бессмертия он не мог изменяться и оказался обречен вечно один к одному воспроизводить все ту же неизменную структуру.

Вера в «Великих» на ее поздних стадиях стала отождествляться с поклонением Семи Солнцам. «Великие» упрямо отказывались появляться, и были сделаны попытки послать на их далекую родину сигналы. Уже в незапамятные времена эта сигнализация стала всего лишь бессмысленным ритуалом, а теперь к тому же ею занималось животное, совершенно утерявшее способность к научению, да робот, который не умел забывать.

...Когда непостижимо древний голос затих и воздух снова зазвенел тишиной, Олвин вдруг понял, что его охватила жалость. Преданность — не к месту, верность, от которой никому не было никакого проку, в то время как бесчисленные солнца и планеты рождались и умирали... он в жизни бы не поверил в такую историю, если бы непреложные свидетельства в ее пользу не находились у него перед глазами. Собственное невежество сильнее, чем когда-либо прежде, печалило его. На некоторое время высветился было крохотный кусочек прошлого, но теперь тьма снова сомкнулась...

История Вселенной, должно быть, состоит из массы таких вот разрозненных ниточек, и кто скажет, какая из них важна, а какая — тривиальна? Фантастическая легенда о Мастере и о «Великих» была, надо думать, просто еще одной из тех бесчисленных сказок, что каким-то странным образом сохранились с времен Начала. Но, что ни говори, уже само существование огромного этого полипа и каменно молчаливого робота не позволяло Олвину отбросить всю эту историю как просто какую-то волшебную выдумку, построенную на самообмане и на чистом безумии.

Ему было страшно интересно понять взаимосвязь между роботом и полипом, между двумя этими сущностями, которые, по всем статьям отличаясь друг от друга, умудрились на протяжении целых эпох поддерживать это вот свое совершенно невероятное партнерство. Почему-то ему сильно верилось, что из них двоих робот был куда более важен. Он ведь ходил в наперсниках Мастера и, должно быть, и по сей день хранил все его тайны.

Олвин кинул беглый взгляд на таинственную машину, которая по-прежнему висела в воздухе, упершись в него, Олвина, пристальным взором. Почему это она не желает разговаривать? Какие, интересно знать, мысли блуждают в ее сложном и, возможно, совершенно чуждом ему сознании? Впрочем,

если она и была построена с таким расчетом, чтобы служить единственно этому самому Мастеру, даже в этом случае ее мозг не может быть совершенно уж чуждым и она все равно должна повиноваться приказам человека...

Раздумывая о тайнах, которые столь упорно хранила в себе эта немая машина, Олвин испытывал самый настоящий зуд любопытства — да еще настолько глубокого, что оно уже граничило с жадностью. Ему представлялось просто-таки нечестным, чтобы такое знание было укрыто от мира людей. Тут таились какие-то чудеса, которые, возможно, и не снились Центральному Компьютеру Диаспара.

— Почему это твой робот не желает с нами разговаривать? — обратился он к полипу, когда Хилвар на какую-то секунду замешкался с очередным своим вопросом.

И в ответ он услышал именно то, что почти и ожидал:

— Мастер не желал, чтобы робот разговаривал с каким бы то ни было другим голосом, а голос самого Мастера теперь молчит...

— Но тебе-то он станет повиноваться?

— Да. Мастер оставил его в нашем распоряжении. Мы видим его глазами, куда бы он ни направился. Он наблюдает за механизмами, которые поддерживают существование этого озера, содержат его воду в чистоте. И все же будет правильнее называть его нашим партнером, а не слугой...

Над этим Олвин задумался. Некая идея, совсем еще туманная, полуоформившаяся, стала исподволь зарождаться в его мозгу. Вполне вероятно, что толчок ей дала обыкновенная жажда знания и силы. Когда впоследствии Олвин мысленно возвращался к этому моменту, он никак не мог с полной уверенностью разобраться в своих мотивах. В основных своих чертах они могли быть продиктованы вполне эгоистическим чувством, но в то же время прослеживался в них и отзвук сострадания. Будь это в его силах, он поломал бы эту скучную череду совершенно тщетной жизни и освободил бы эти создания от их фантастической судьбы... Он не слишком хорошо представлял себе, что именно можно сделать для этого полипа, но вот излечить робот от его религиозного безумия было вполне в человеческих силах, а это, в свою очередь, высвободило бы и бесценную, сейчас наглухо запечатанную память уникального устройства...

— Уверены ли вы,— тщательно произнося слова, обратился он к полипу, хотя, конечно, адресовался и к роботу,— что, оставаясь здесь, вы и в самом деле исполняете волю Мастера? Ведь он хотел, чтобы мир узнал о его учении, а оно, пока вы скрывались здесь, в Шалмирейне, оказалось утеряно... Мы нашли вас по чистой случайности, но ведь могут быть и многие другие, кто хотел бы услышать о Великих...

Хилвар метнул на него быстрый взгляд. Он не понял намерений Олвина. Полип же, казалось, взволновался, и ритмичная пульсация его дыхательных органов дала вдруг мгновенный сбой. Затем последовал и ответ — голосом далеко не бесстрастным:

— Мы обсуждали эту проблему на протяжении многих и многих лет. Но мы не можем покинуть Шалмирейн, поэтому мир должен сам прийти к нам, какого бы времени это ни потребовало...

— Но у меня возникла куда лучшая идея,— живо отозвался Олвин.— Да, это верно, что вы должны оставаться здесь, в озере. Но ведь нет никаких причин к тому, чтобы с нами не отправился ваш компаньон. Он, разумеется, может возвратиться, как только сам этого захочет или же как только понадобится вам. Ведь с тех пор, как умер Мастер, многое изменилось, произошли события, о которых вам следует знать, но о которых вы никогда не узнаете и которых не поймете, если останетесь здесь...

Робот не шелохнулся, но полип, буквально в агонии нерешительности, полностью ушел под воду и оставался там в течение нескольких минут. Вполне могло быть, что в это время у него происходил беззвучный спор с его коллегой. Несколько раз он принимался было снова подниматься к поверхности, но, видимо, передумывал и опять погружался в воду. Хилвар воспользовался представившейся возможностью, чтобы обменяться с Олвином несколькими словами.

— Хотелось бы мне знать, что это ты намереваешься делать,— мягко произнес он, но в голосе его вместе с улыбкой звучала и озабоченность.— Или ты еще и сам не знаешь?

— Знаешь, я не сомневаюсь, что и тебе жалко этих бедняг,— ответил Олвин.— И разве спасти их — не значит проявить доброту?

— Это, конечно, верно. Но я достаточно тебя узнал, чтобы понять, что — ты уж прости — альтруизм доминантой твоего характера совсем не является. У тебя должен быть и какой-то другой мотив...

Олвин улыбнулся. Даже если Хилвар и не прочел его мысли — а у Олвина не было ни малейших оснований подозревать, что он это сделал,— то уж характер-то он действительно мог прочувствовать.

— У твоего народа в повиновении замечательные силы разума,— пытаясь увести разговор с опасного для него направления, сказал он.— Я думаю, вы сможете сделать что-нибудь для робота, если уж не для этого вот животного.— Олвин говорил очень мягко и тихо, опасаясь, что его могут подслушивать. Конечно, эта маленькая предосторожность могла оказаться и тщетной, но если робот и перехватывал их разговор, то не подал и виду.

К счастью, прежде чем Хилвар пустился в расспросы, полип снова появился из толщи воды. За последние несколько минут он стал значительно меньше размерами, а движения его приобрели какой-то хаотический характер. Прямо на глазах у Олвина и Хилвара целый кусок этого сложного полупрозрачного тела оторвался от целого и тотчас же вслед за этим стремительно распался на дюжину комочков, которые столь же быстро рассеялись в воде. Создание начало распадаться прямо на глазах.

Когда оно снова заговорило, голос его оказался неустойчив и понимать его стало куда трудней, чем прежде.

— Начинается следующий цикл,— выдохнуло оно каким-то дрожащим шепотом...— Не ожидали его столь скоро... осталось всего несколько минут... стимулирование слишком сильно... долго нам всем вместе не продержаться...

Во все глаза глядели Олвин и Хилвар на это существо, испытывая нечто вроде восхищения, смешанного с ужасом. Хотя процесс, происходящий на их глазах, и был совершенно естественным, было не слишком-то приятно на-

блюдать разумное, по всей видимости, существо, бьющееся в агонии. К тому же их еще и угнетало какое-то смутное ощущение собственной вины. Конечно, это было нелепо — думать так, потому что представлялось не столь уж важным, когда именно начинал полип свой очередной жизненный цикл, но они-то понимали, что причиной этой вот преждевременной метаморфозы явилось необычное волнение, вызванное именно их появлением.

Олвин сообразил, что теперь действовать нужно быстро, иначе представившаяся было возможность пропадет,— быть может, всего на несколько лет, но вполне возможно — и на долгие столетия.

— Так что же вы решили? — с жадным любопытством спросил он.— Что — робот отправится с нами?

Наступила мучительная пауза, в течение которой полип пытался заставить свое расползающееся тело повиноваться ему. Речевая диафрагма затрепетала было, но никакого явственного звука не воспоследовало. Затем, словно бы в отчаянном жесте прощания, существо слабо шевельнуло своими дрожащими щупальцами и снова уронило их в воду, где они немедленно оторвались и куда-то уплыли. Через какие-то считанные минуты трансформация завершилась. Не осталось ни одного кусочка величиной более дюйма. А вода кишела крохотными зеленоватыми точками, которые, казалось, жили и двигались по своему собственному разумению и быстро исчезали в пространстве озера.

Рябь на поверхности теперь совершенно исчезла, и Олвин каким-то образом понял, что пульс, бившийся в глубинах озера, теперь умолк. Озеро снова стало мертво — или, по крайней мере, представлялось таким. Но конечно же, это была всего лишь иллюзия: настанет день, неведомые силы, которые безупречно действовали на протяжении всего долгого прошлого, снова проявят себя, и полип возродится. Это был совершенно необычный и исключительно тонкий феномен — но так ли уж он был более странен, чем организованность другой обширнейшей колонии самостоятельных живых клеток — человеческого тела?

Олвин не стал терять времени на раздумья над всем этим. Он был подавлен поражением — даже если и не до конца представлял себе цель, к которой стремился. Им была упущена — и вряд ли теперь она повторится — ошеломляющая возможность... Он печально глядел на озеро, и прошло довольно продолжительное время, прежде чем его сознание восприняло какой-то сигнал извне,— это, оказывается, Хилвар что-то нашептывал ему в ухо:

— Слушай, Олвин, мне кажется, что в этом споре ты выиграл...

Олвин стремительно обернулся. Робот, который до сего момента праздно висел в воздухе, не приближаясь к ним больше чем на два десятка футов, оказывается, беззвучно переместился и теперь парил что-нибудь в ярде у него над головой. Неподвижные глаза, полем зрения которых была, по-видимому, вся передняя полусфера, ничем не выдавали, на что направлен его интерес. Но Олвин не сомневался — почти не сомневался,— что внимание робота сосредоточено теперь именно на нем.

Робот ждал его следующего шага. Наконец-то он был теперь под контролем у Олвина! Он мог последовать за ним в Лиз, а может, и в Диаспар, если только не передумает... Ну а пока именно он, Олвин, был его временным хозяином!

14

Возвращение в Эрли заняло у них почти три дня — потому отчасти, что Олвин, в силу собственных своих причин, не слишком-то торопился. Физическое исследование страны отступило теперь на второй план, вытесненное более важным и куда более волнующим проектом: медленно, но верно он находил общий язык с этим странным, одержимым интеллектом, который стал отныне его спутником.

Олвин подозревал, что робот пытается использовать его в своих собственных целях. Он не мог до конца разгадать мотивы этого аппарата, поскольку робот по-прежнему упорно отказывался разговаривать с ним. По каким-то соображениям — возможно, из опасения, что робот выдаст слишком уж много своих тайн,— Мастер предусмотрел эффективную блокировку его речевых цепей, и все попытки Олвина снять эти запреты оказались безуспешными. Даже косвенные вопросы типа: «Если ты ничего мне не ответишь, я буду считать, что ты сказал "да"»,— провалились. Робот оказался слишком высокоорганизован, чтобы попасться в такую незатейливую ловушку.

Тем не менее в других сферах он проявил куда большую склонность к сотрудничеству. Он повиновался любым командам, которые не требовали выдачи какой-то информации. Спустя некоторое время Олвин обнаружил, что может повелевать этим устройством с такой же легкостью, как и роботами в Диаспаре,— одними мысленными приказаниями. Это был огромный шаг вперед. А немного спустя это создание — о нем трудно было думать как о всего лишь машине — еще больше ослабило свою настороженность и позволило Олвину пользоваться своими тремя глазами. Одним словом, оно не возражало против любых пассивных форм общения, но решительно пресекало все попытки Олвина сойтись поближе.

Хилвара оно совершенно игнорировало. Оно не повиновалось ни единой из его команд, и, похоже, мозг его был наглухо заперт для всех попыток Хилвара проникнуть в него. Сначала это было для Олвина своего рода разочарованием — ведь он надеялся, что большая, чем у него самого, способность Хилвара к телепатии поможет ему открыть сундук с сокровищами столь надежно спрятанных воспоминаний. И только позже Олвин осознал, какое это преимущество — иметь слугу, не подчиняющегося больше никому в мире.

Членом экспедиции, который резко воспротивился присутствию робота, оказался Криф. То ли он вообразил, что теперь у него появился соперник, то ли из каких-то более общих соображений неодобрительно отнесся к существу, которое может летать без крыльев,— это было неясно. Когда никто на него не смотрел, он сделал несколько попыток напасть на робота, но тот привел его в еще большую ярость тем, что не обратил на эти наскоки ни малейшего внимания. В конце концов Хилвару удалось его успокоить, и, когда они уже возвращались в мобиле, Криф, похоже на то, примирился с ситуацией. Робот и насекомое, словно какой-то эскорт, сопровождали мобиль, беззвучно скользящий по лесам и полям, и каждый держался стороны, где сидел его хозяин, делая вид, что соперника просто не существует.

Когда мобиль вплыл в Эрли, Сирэйнис уже ждала их. Этих людей изумить чем-то просто невозможно, подумал Олвин. Взаимопереплетающееся созна-

ние позволяло им знать все, что происходит в Лизе. Ему была интересна их реакция на его поведение в Шалмирейне, о котором, надо полагать, здесь уже знал каждый.

Сирэйнис казалась чем-то обеспокоенной и еще более неуверенной, чем когда-либо, и Олвин тотчас вспомнил выбор, перед которым его поставили. В треволнениях нескольких последних дней он почти забыл о нем. Ему не хотелось тратить силы на решение проблем, время которых еще не наступило. Но теперь вот срок подошел вплотную: ему предстояло принять решение — в каком из двух миров он хочет жить.

Голос Сирэйнис, когда она заговорила, был исполнен тревоги, и у Олвина внезапно родилось впечатление, что в тех планах, которые Лиз строил в отношении его, что-то не сработало. Что произошло здесь за время его отсутствия? Побывали ли в Диаспаре эмиссары Лиза, чтобы провести манипуляции с мозгом Хедрона? И не постигла ли их неудача?

— Олвин,— начала Сирэйнис,— есть много такого, о чем я вам еще не рассказала, но теперь вам предстоит все это узнать, чтобы понять наши действия.

Вам известна одна из причин изоляции наших двух сообществ друг от друга. Страх перед Пришельцами, эта темная тень в сознании каждого человеческого существа, обратил ваших людей против мира и заставил их забыться в мирке собственных грез. Здесь, у нас, страх этот никогда не был столь велик, хотя это именно мы вынесли бремя последнего нашествия. За всеми нашими действиями были самые лучшие мотивы, и то, что мы сделали, мы сделали с открытыми глазами.

Давным-давно, Олвин, Человек мечтал о бессмертии и наконец добился своего. Но люди как-то забыли, что мир, отринувший смерть, обязательно должен отринуть и жизнь. Способность продлить свое существование до бесконечности может принести удовлетворение отдельному индивидууму, но она же приносит застой сообществу людей. Много столетий назад мы принесли наше бессмертие в жертву развитию, но Диаспар все еще тешится ложной мечтой. Вот почему наши пути разошлись — и вот почему им никогда уже не соединиться...

Хотя Олвин почти ожидал именно этих слов, удар тем не менее был силен. И все же Олвин отказывался признать крушение своих планов, как бы смутны они ни были, и теперь воспринимал слова Сирэйнис только краешком сознания. Он понимал и фиксировал в памяти все, что она говорила, а сам в это же время мысленно снова возвращался в Диаспар, стараясь представить себе все те препятствия, которые могут оказаться воздвигнутыми на его пути.

Заметно было, что Сирэйнис чувствует себя не в своей тарелке. В голосе у нее звучала едва ли не мольба, и Олвин отлично понимал, что она обращается не только к нему, но и к своему сыну. Она прекрасно отдавала себе отчет в том взаимопонимании, в той приязни, которые выросли между ними за дни их совместного путешествия. Пока мать говорила, Хилвар внимательно глядел на нее, и Олвину казалось, что в этом его взгляде отражалась не только известная обеспокоенность, но и некоторая доля критицизма.

— Мы вовсе не хотим принуждать вас делать что-либо против вашей воли. Но, безусловно, вы должны понимать, что именно произойдет, если Диаспар

и Лиз встретятся. Между нашими двумя культурами простирается пропасть столь же бездонная, как и та, что некогда разделяла Землю и ее древние инопланетные колонии. Подумайте хотя бы об одном этом факте, Олвин. Вы с Хилваром теперь одного примерно возраста. Но мы оба — и он, и я — будем уже мертвы на протяжении столетий, в то время как вы все еще будете оставаться юношей. И ведь это только первая из бесконечной череды ваших жизней...

В комнате было очень тихо — так тихо, что Олвину слышны были странные жалостные звуки, издаваемые в полях за поселком какими-то неведомыми ему животными. Наконец, почти шепотом, он произнес:

— Чего же вы хотите от меня?

— Мы надеялись, что сможем предоставить вам выбор — остаться здесь или вернуться в Диаспар. Но теперь это уже невозможно. Произошло слишком многое, чтобы мы могли теперь оставить решение в ваших руках. Даже за то короткое время, что вы пробыли здесь, у нас, ваше влияние на умонастроения людей оказалось в высшей степени дестабилизирующим. Нет-нет, я вас вовсе не упрекаю. Я совершенно уверена, что вы не имели в виду нанести нам какой бы то ни было ущерб. Но было бы куда лучше предоставить создания, которые встретились вам в Шалмирейне, их собственной судьбе... Ну а что касается Диаспара...— Сирэйнис раздраженно повела плечами.— О том, куда вы отправились, там уже знает слишком много людей. Мы не успели вовремя предпринять необходимые действия. И, что уж совсем серьезно,— человек, который помог вам открыть Лиз, исчез. Ни ваш Совет, ни наши агенты не смогли его обнаружить, так что он остается потенциальной угрозой нашей безопасности. Возможно, вы удивлены, что я все это вам рассказываю, но, видите ли, я делаю это без малейшей опаски. Боюсь, Олвин, что теперь перед вами выбора уже нет: мы просто должны отослать вас в Диаспар с искусственным набором воспоминаний. Эти воспоминания сконструированы для вас с огромной тщательностью, и когда вы возвратитесь домой, то не будете помнить о нас ровно ничего. Вы будете убеждены, что пережили скучные, но довольно опасные приключения в каких-то пещерах, где своды то и дело обрушивались за вашей спиной, и вы остались в живых потому только, что питались какими-то малоаппетитными сорняками, а воду с огромным трудом добывали в каких-то подземных родниках. Всю свою оставшуюся жизнь вы будете убеждены, что это и есть правда, и все в Диаспаре примут эту историю за истинную. Таким образом спрятана тайна, которая могла бы привлечь новых исследователей. Они будут думать, что уже знают о нашей земле все, что только можно узнать.

Сирэйнис умолкла и посмотрела на Олвина с мольбой. Пауза была недлинной.

— Мы очень сожалеем, что это необходимо, и просим у вас прощения, пока вы нас еще помните. Вы можете не принять наш вердикт и нашу логику, но ведь нам известно множество фактов, которые вам неведомы... По крайней мере, у вас не будет никаких сожалений, потому что вы будете верить, что открыли все, что только можно было обнаружить.

«Так ли это?» — подумал Олвин. Он сильно сомневался, что сможет снова погрузиться в рутину городского существования, даже если и убедит себя, что за стенами Диаспара нет ничего достойного внимания. И, более того, у него не было ни малейшего желания подвергаться такого рода эксперименту.

— И когда же вы намереваетесь произвести со мной эту... операцию? — спросил он.

— Немедленно. Вы уже готовы. Откройте мне свое сознание, как вы уже делали это прежде, и вы ничего не ощутите до тех пор, пока снова не окажетесь в Диаспаре.

Некоторое время Олвин молчал, а затем тихо произнес:

— Я хотел бы попрощаться с Хилваром.

Сирэйнис кивнула:

— Да, я понимаю. Я оставлю вас здесь на некоторое время и вернусь, когда вы почувствуете, что готовы.— Она прошла к лестнице, что вела вниз, внутрь дома, и оставила их на крыше одних.

Олвин заговорил со своим другом не сразу. Он испытывал огромную грусть и в то же самое время непоколебимую решимость не позволить, чтобы все его надежды пошли прахом. Еще раз взглянул он на поселок, в котором обрел известную толику счастья, на поселок, который ему, возможно, уже не увидеть снова, если те, кто стоит за Сирэйнис, все-таки добьются своего. Мобиль все еще парил под одним из раскидистых деревьев, а бесконечно терпеливый робот висел над ним. Несколько ребятишек сгрудились вокруг этого странного пришельца, но из взрослых никто, казалось, не проявлял ни малейшего любопытства к странному аппарату.

— Хилвар,— внезапно нарушил тишину Олвин,— мне очень жаль, что все так получается...

— И мне тоже,— немедленно отозвался Хилвар, и голос его дрогнул от сдерживаемого чувства.— Я так надеялся, что ты сможешь остаться здесь...

— Ты полагаешь, что то, что собирается сделать Сирэйнис,— это правильно?

— Не вини мать. Она только выполняет то, что ее попросили сделать,— ответил Хилвар. Олвин не получил ответа на свой вопрос, но задать его снова не решился. Было бы непорядочно подвергать преданность друга такому испытанию.

— Тогда ты мне вот что скажи,— продолжал он.— Как твои люди могут меня остановить, если бы я вдруг попытался уйти от вас с нетронутой памятью?

— Это будет совсем нетрудно сделать. Если бы ты сделал попытку уйти, они бы овладели твоим сознанием и заставили бы тебя вернуться...

Именно этого Олвин и ожидал, и это его не обескуражило. Ему страшно хотелось довериться Хилвару, который — это было совершенно ясно — сокрушался по поводу предстоящего расставания, но он не решился подвергнуть свой план риску. Очень тщательно, выверяя каждую деталь, он снова просмотрел единственный путь, который только и мог привести его обратно в Диаспар — на нужных ему условиях.

Существовал только один рискованный момент, на который нужно было пойти и который он никак не мог устранить, чтобы защитить себя. Если Си-

рэйнис нарушила обещание и в эти вот минуты читала его мысли, то все его скрупулезные приготовления оказались бы ни к чему.

Он протянул Хилвару руку, тот крепко сжал ее, но не мог, казалось, вымолвить ни слова.

— Пойдем, встретим Сирэйнис,— предложил Олвин.— Я бы хотел еще повидать некоторых жителей поселка, прежде чем уйти от вас...

Хилвар молча последовал за ним в прохладу дома и потом — через входные двери — на улицу, в кольцо из цветного стекла, окружающее дом. Сирэйнис ждала их там, и вид у нее был спокойный и решительный. Она, конечно, знала, что Олвин пытается что-то утаить от нее, и снова мысленно перебрала все предусмотренные ею меры предосторожности. Как человек, разминающий мускулы перед предстоящим ему большим усилием, она произвела смотр всему, что было в ее силах предпринять в случае необходимости.

— Вы готовы, Олвин? — спросила она.

— Совершенно готов,— ответил Олвин, но в голосе у него прозвучало нечто такое, что заставило Сирэйнис внимательно посмотреть на него.

— Тогда лучше всего будет, если вы сейчас отрешитесь от всех мыслей, как вы это уже умеете. После этого вы ничего не будете чувствовать и ничего не будете знать до тех пор, пока снова не окажетесь в Диаспаре.

Олвин повернулся к Хилвару и быстрым шепотом, который Сирэйнис не могла услышать, произнес:

— До свидания, Хилвар! Не тревожься... Я еще вернусь...

И снова обратился к Сирэйнис:

— Я не возмущаюсь тем, что вы намереваетесь совершить. Вы, бесспорно, верите, что это — лучший выход из положения, только вот, с моей точки зрения, вы сильно ошибаетесь. Диаспар и Лиз не должны оставаться навечно разобщенными. Надо думать, придет такой день, когда они отчаянно будут нуждаться в помощи друг друга. Вот поэтому-то я и отправляюсь домой со всем тем, что мне удалось здесь узнать, и я совсем не думаю, что вам удастся меня остановить.

Он не стал дожидаться ответа, и правильно сделал. Сирэйнис даже не пошевельнулась, но он тотчас же почувствовал, что его тело перестает ему повиноваться. Сила, столкнувшаяся с его волей, оказалась куда более могущественной, чем он ожидал, и это навело его на мысль, что Сирэйнис, возможно, помогало огромное число людей. Беспомощно повлекся он обратно к дому, и на какой-то ужасный момент ему даже подумалось, что великолепный его план провалился.

Но как раз в этот миг брызнуло сверкание металла и кристаллических глаз и руки робота мягко сомкнулись вокруг него. Его тело боролось с ними, и он знал, что оно так и должно себя вести, но борьба эта была бессмысленной. Земля ушла у него из-под ног, и на мгновение он увидел Хилвара, застывшего в совершеннейшем изумлении, с глуповатой улыбкой на лице.

Робот перенес его на несколько десятков футов гораздо быстрее, чем человек мог бы пробежать это расстояние. Сирэйнис потребовалось всего лишь мгновение, чтобы понять его ход, и он перестал извиваться в руках своего робота, когда она сняла контроль над его телом. Но Сирэйнис все еще не была

побеждена, и тотчас же наступило то, чего Олвин боялся и с чем приготовился сражаться изо всех сил.

В его мозгу боролись теперь две совершенно различные сущности. Одна из них умоляла робота опустить его на землю. Настоящий Олвин, у которого перехватило дыхание, ждал, лишь вяло сопротивляясь тем силам, которых, он знал, ему не преодолеть. Это был азартный расчет: не существовало никакой возможности заранее предсказать с уверенностью, что робот, этот его ненадежный союзник, станет повиноваться тем сложным приказам, которые он ему отдал. Олвин сказал роботу, чтобы тот ни при каких обстоятельствах не повиновался его же, Олвина, командам, пока он не очутится в безопасности в Диаспаре. Таков был жесткий приказ. Если он окажется выполнен, то это будет означать, что Олвин вручил свою судьбу силам, которым совершенно не страшно вмешательство человека.

Без малейшего колебания робот устремился вдоль тропы, которую Олвин так тщательно нанес на карту его памяти. Часть сознания юноши все еще гневно умоляла, чтобы его освободили, но он уже понимал, что спасен. И тотчас же это поняла и Сирэйнис, потому что конфликтующие силы в его мозгу прекратили бороться друг с другом. Снова он был спокоен, как был спокоен тысячелетия назад другой путешественник, когда, привязанный к мачте своего корабля, он услышал, как пение сирен затихает над морем цвета темного вина.

15

Олвин не успокоился до тех пор, пока вокруг него снова не сомкнулись своды пещеры самодвижущихся дорог. Все еще существовала опасность, что Лиз сможет остановить или даже повернуть вспять вагон, в котором он мчался, и привезти его, беспомощного, в точку старта. Его возвращение, однако, стало ничем не примечательным повторением путешествия в Лиз. Через сорок минут после того, как он покинул станцию отправления, он оказался в усыпальнице Ярлана Зея.

Прокторы Совета, задрапированные в официальные черные одежды, которые были их униформой на протяжении столетий, уже ждали его. При виде этого «комитета по встрече» Олвин ничуть не удивился и почти не испытал никакой тревоги. К этому времени он преодолел такое количество всевозможных препятствий, что еще одно дело не меняло. С тех пор как он оставил Диаспар, он узнал такое количество всего, что с этим огромным знанием пришла и уверенность, граничащая с высокомерием. Кроме того, теперь у него был могущественный, хотя и не совсем надежный союзник. Лучшие умы Лиза не смогли противостоять его планам. Трудно сказать почему, но Олвин был уверен, что у Диаспара дела пойдут не лучше.

Под этой уверенностью были, конечно, и рациональные основания, но в целом она держалась на чем-то таком, что выходило за пределы рационального,— это вера в свое предназначение медленно, но упрямо укреплялась в сознании Олвина. Загадка его происхождения, успехи в достижении такого, что не удавалось еще ни одному человеку, новые перспективы, открывавшиеся перед ним, и то, что его не смогли остановить никакие препятствия,— все

это только укрепляло его самоуверенность. Вера в собственную судьбу была одним из наиболее ценных даров, доставшихся Человеку, но Олвин не знал, сколь многих эта вера привела к полной катастрофе.

— Олвин,— обратился к нему предводитель городских прокторов,— у нас есть приказ следовать за тобой, куда бы ты ни направился,— до тех пор пока Совет не заслушает твое дело и не вынесет свой вердикт.

— И в чем же меня обвиняют? — поинтересовался Олвин. Он все еще переживал волнение, связанное с побегом, и никак не мог принимать всерьез этот новый поворот событий. А по поводу того, что Шут выдал его тайну, он испытал лишь мимолетное раздражение.

— Никаких обвинений не выдвинуто,— последовал ответ.— Если это окажется необходимым, то обвинение будет сформулировано после того, как тебя выслушают.

— И когда же это случится?

— Очень скоро, я полагаю.— Проктор, по всей видимости, испытывал неловкость и не был уверен, как именно следует ему выполнять свою малоприятную миссию. Он разговаривал с Олвином то как со своим товарищем-согражданином, то вдруг вспоминал о долге стража и напускал на себя преувеличенную отчужденность.

— Этот робот,— произнес он вдруг, указывая на спутника Олвина.— Откуда он? Это что — один из наших?

— Да нет,— ответил Олвин.— Я подобрал его в Лизе — ну в той стране, где я побывал. Я привел его сюда, чтобы он встретился с Центральным Компьютером.

Это спокойное заявление вызвало серьезное замешательство. Нелегко было принять уже тот факт, что существовало что-то и за пределами Диаспара, но то, что Олвин еще и привел с собой одного из обитателей того мира и предполагал познакомить его с мозгом города, было гораздо хуже. Взгляды, которыми обменялись прокторы, были столь беспомощными и тревожными, что Олвин едва удержался от смеха.

Пока они шли через Парк — эскорт при этом держался в почтительном отдалении и переговаривался взволнованным шепотом,— Олвин взвешивал свой следующий шаг. Первое, что он должен сделать, это выяснить в точности, что же произошло здесь за время его отсутствия. Сирэйнис сказала, что Хедрон исчез. В Диаспаре можно было найти бессчетное число мест, где человек мог бы надежно укрыться, а поскольку Шут знал город, как никто другой, маловероятно было, что его найдут, если только он сам не решит снова выйти на люди. Олвину пришло в голову, что, возможно, ему удастся оставить записку где-нибудь в таком месте, что Хедрон просто не сможет ее не обнаружить, и договориться о встрече. Впрочем, присутствие охраны могло этому и помешать.

Ему пришлось признать, что наблюдение за ним вели весьма деликатно. К тому времени, как он добрался до своей комнаты, он почти забыл о существовании прокторов. Он полагал, что ему не помешают передвигаться свободно до тех пор, пока он не вознамерится снова покинуть Диаспар, но сейчас такого намерения у него не было. В сущности, он был твердо убежден, что

возвратиться в Лиз прежним маршрутом станет уже невозможно. Подземная транспортная система уже, без сомнения, выведена из строя Сирэйнис и ее коллегами.

Прокторы не прошли за ним в комнату. Им было известно, что выход из нее имеется только один, и поэтому они расположились снаружи. Не имея инструкций касательно робота, они позволили ему сопровождать Олвина. У них не было ни малейшего желания связываться с этой машиной, чужеземное происхождение которой представлялось столь очевидным. По поведению ее они не могли судить, является ли она пассивным слугой Олвина или же действует, повинуясь собственным установкам. Принимая во внимание эту неопределенность, они, к полному своему удовлетворению, согласились оставить робота в покое.

Как только стена за ним сомкнулась, Олвин материализовал свой любимый диван и бросился на него. Нежась в знакомой обстановке, он вызвал из памяти города свои последние упражнения в живописи и скульптуре и принялся критически их разглядывать. Если они и прежде его не удовлетворяли, то теперь стали вдвойне неприятны, и он уже никак не мог заставить себя ими гордиться. Личности, которая создала их, больше не существовало. Олвину казалось, что несколько дней, проведенных им за пределами Диаспара, вместили в себя впечатления целой жизни.

Все эти многочисленные произведения периода своего отрочества он уничтожил — стер их навсегда, не став возвращать в Хранилища Памяти. Комната снова стала пуста, если не считать этого вот дивана, на котором он развалился, да робота, по-прежнему глядящего на него широко раскрытыми глазами неизмеримой глубины.

«Что думает робот о Диаспаре?» — мелькнула мысль. Но тут же Олвин припомнил, что робот вовсе не является для города чужаком: ведь он знавал город еще во времена его последних контактов со звездами.

Только совершенно освоившись с мыслью, что он снова дома, Олвин начал обзванивать друзей. Начал он с Эристона и Итании, хотя продиктовано это решение было скорее чувством долга, чем желанием снова видеть их и говорить с ними. Он не слишком опечалился, когда домашний коммуникатор приемных родителей сообщил ему, что связаться с ними нельзя, но все же оставил обоим коротенькое уведомление, что вернулся. Это было совсем не обязательно, поскольку теперь о его возвращении знал уже весь город. Тем не менее он надеялся, что они оценят его предусмотрительность. Он начал постигать науку осторожности — хотя еще и не осознал, что, как и от множества других добродетелей, от заботливости мало проку, если она не бессознательна.

Затем, действуя по внезапному наитию, Олвин вызвал номер, который Хедрон сообщил ему столь давно в башне Лоранна. Ответа он, само собой, не ожидал, но всегда сохранялась вероятность, что Хедрон все-таки оставил для него весточку.

Догадка оказалась справедливой. Но вот содержание послания было потрясающе неожиданным.

...Стена растворилась, и перед ним оказался Хедрон. Шут выглядел усталым и нервничающим, это был уже не тот уверенный в себе, слегка цинич-

ный человек, что направил Олвина по тропе, ведущей в Лиз. В глазах у него притаилось выражение загнанного зверя, а голос звучал так, словно у него уже не оставалось времени на разговоры.

— Это запись, Олвин,— начал он.— Ее можешь просмотреть только ты, и я разрешаю тебе использовать то, что ты сейчас узнаешь, как только тебе заблагорассудится. Мне уже все равно.

Когда я возвратился в усыпальницу Ярлана Зея, то обнаружил, что Алистра, оказывается, следила за нами. Надо думать, она сообщила Совету, что ты покинул Диаспар и что я тебе в этом помог. Очень скоро прокторы начали меня искать, и я решил уйти в подполье. Я к этому привык, мне уже приходилось поступать точно так же, когда некоторые мои шутки не встречали понимания... («Вот он, старый Хедрон!» — подумал Олвин.) Им бы не найти меня и в тысячу лет, но я чуть не попался кому-то постороннему. В Диаспаре есть чужаки, Олвин! Они могли прийти только из Лиза, и они ищут меня. Не знаю, к чему бы это, только мне все это как-то не нравится. То обстоятельство, что они чуть меня не поймали,— это в городе-то, где все для них, казалось бы, необычно и чуждо,— свидетельствует, что они вооружены телепатическими способностями. Я мог бы схватиться с Советом, но тут передо мной какая-то непостижимая угроза, и противостоять ей я не решаюсь.

Вот почему я просто предвосхищаю тот шаг, который мне, как я полагаю, все равно пришлось бы сделать по настоянию Совета,— мне ведь этим уже угрожали. Я отправляюсь туда, где никто уже не может меня настичь и где я пережду любые катаклизмы, какие только могут обрушиться на Диаспар. Быть может, я поступаю глупо. Но докажет это только время. В один прекрасный день я буду знать ответ.

Ты, конечно, уже догадался, что я последовал обратно, в Зал Творения, в безопасный мир Хранилищ Памяти. Что бы ни случилось, я целиком и полностью доверяюсь Центральному Компьютеру и силам, которые подвластны ему во имя процветания Диаспара. Если что-то нарушит работу Центрального Компьютера, то всем нам крышка. Ну а если нет, то мне нечего опасаться.

Мне покажется, что пролетит всего какой-то миг до того момента, когда я снова выйду на улицы Диаспара — через пятьдесят, а то и через сто тысяч лет. Интересно, какой город предстанет передо мной?.. Будет занятно, если я еще найду тебя в нем... И все же, как мне кажется, настанет день, когда мы снова встретимся. Не знаю — жду ли я этой встречи с нетерпением или боюсь ее...

Я никогда не понимал тебя, хотя было время — я оказался достаточно тщеславен тогда, чтобы думать, будто понимаю. Правду знает только Центральный Компьютер, и он же знает всю правду о тех Неповторимых, которые время от времени, на протяжении минувших тысячелетий, появлялись и бесследно исчезали. Интересно, выяснил ты уже или еще нет, что же именно с ними происходило?..

Одна из причин того, что я бегу в будущее, состоит, я полагаю, в том, что я нетерпелив. Мне страстно хочется побыстрее увидеть результаты начатого тобой, но мне нож острый — наблюдать все промежуточные стадии, которые — есть у меня такое подозрение — могут оказаться достаточно неприятными. Было

бы интересно увидеть — в том мире, который будет вокруг меня через несколько коротких минут относительного времени,— помнят ли тебя как творца или как разрушителя, да и помнят ли вообще.

До свидания, Олвин. Мне хотелось бы дать тебе несколько советов, но я как-то не думаю, чтобы ты им последовал. Ты пойдешь собственным путем, как ты это всегда и делал, а твои друзья будут для тебя либо инструментами, которые следует использовать, либо ненужным балластом — смотря по сиюминутной ситуации.

Вот и все... Не знаю, что мне еще сказать...

Какое-то мгновение Хедрон — Хедрон, которого больше не существовало, если не принимать во внимание калейдоскоп электрических зарядов в ячейках памяти города,— еще смотрел на Олвина — с неприязнью и, похоже, с грустью. После чего экран снова опустел.

Когда изображение Хедрона исчезло, Олвин долго еще оставался недвижим. Ни разу за все прошедшие годы он не вглядывался в себя так, как сейчас, потому что не мог не согласиться с той правдой, что прозвучала в словах Хедрона. Когда это, спрашивается, было, чтобы он остановился, отложил в сторону все свои планы, все свои авантюры, чтобы задуматься — а как все это повлияет на судьбу его друзей? Пока что он доставлял им только беспокойство, но вот вскоре может присовокупить к этому и нечто куда более худшее — и все из-за своей ненасытной любознательности и настойчивого стремления постичь то, что не должно быть постигнуто человеком...

Хедрона он не любил. Эксцентрическая натура Шута как-то не располагала к более теплым отношениям, даже если бы Олвин к ним и стремился. И все же, размышляя сейчас над прощальными словами Хедрона, он был буквально ошеломлен внезапно пробудившимися угрызениями совести. Ведь Шуту пришлось бежать в будущее именно из-за него, Олвина!..

Но, уж конечно, нетерпеливо возражал самому себе другой Олвин, винить себя в этом просто глупо. Бегство Шута лишь неопровержимо доказало известное — а именно, что Хедрон был трусом. Очень может быть, он в этом отношении и не выделялся из остальных жителей Диаспара, но ему не повезло — у него оказалось слишком уж сильно развитое воображение. Поэтому если Олвин и мог принять на себя некоторую долю ответственности за судьбу Шута, то действительно всего лишь некоторую, но уж никак не всю.

Кому еще в Диаспаре он навредил, кого опечалил? Он подумал о Джизираке, своем наставнике, который был так терпелив с ним, своим, должно быть, самым трудным учеником. Он припомнил все самые малейшие знаки доброты, которые проявляли по отношению к нему его родители все эти годы. Теперь это представлялось ему куда более значительным, чем в свое время...

И еще он подумал об Алистре. Она любила его, а он то принимал, то отвергал ее любовь — по своей прихоти. Быть может, откажись он от нее совсем, она стала бы хоть ненамного счастливее?

Теперь он понимал, почему никогда не испытывал по отношению к Алистре ничего похожего на любовь — ни к ней, ни к какой-нибудь другой женщине в Диаспаре. Это был еще один урок из тех, что преподал ему Лиз. Диаспар многое забыл, и среди забытого оказался и подлинный смысл люб-

ви. В Эрли он наблюдал, как матери тетешкали на руках своих малышей, и сам испытал эту нежность сильного, нежность защитника по отношению ко всем маленьким и таким беспомощным существам, которая есть альтруистический близнец любви. А вот в Диаспаре теперь не было уже ни одной женщины, которая знала бы или стремилась бы к тому, что когда-то являлось венцом любви.

В бессмертном городе не было ни сильных чувств, ни глубоких страстей. Вполне возможно, подобные чувства могли расцвесть только в силу своей преходящести, ибо не могли длиться вечно и всегда были угнетены той тенью неизбежности, которую Диаспар уничтожил.

Это и был момент — если он вообще когда-нибудь существовал,— такой момент, когда Олвин осознал, какой же должна быть его судьба. До сих пор он выступал как бессознательный исполнитель собственных импульсивных желаний. Будь он знаком со столь архаичной аналогией, он мог бы сравнить себя со всадником на закусившей удила лошади. Она пронесла его по множеству странных мест и могла бы снова это сделать, но дикий ее галоп показал ему ее силу и научил осознанию собственной цели.

Эти раздумья Олвина внезапно прервал мелодичный звонок стенного экрана. Тембр сигнала подсказал ему, что это не был звонок связи — кто-то лично явился навестить его. Он дал сигнал «впустить» и через несколько мгновений оказался лицом к лицу с Джизираком.

Наставник выглядел суровым, но никакой враждебности в нем не чувствовалось.

— Меня попросили привести тебя в Совет, Олвин,— сказал он.— Совет ждет, он хочет послушать тебя.— В этот момент Джизирак заметил робота и принялся с любопытством его разглядывать.— Так это, значит, и есть тот самый спутник, которого ты привел с собой из путешествия! Я полагаю, будет правильно, если он отправится вместе с нами.

Это как нельзя более устраивало Олвина. Робот однажды уже вызволил его из опасной ситуации, и, возможно, ему, Олвину, придется снова прибегнуть к его помощи... Ему было страшно интересно узнать, что думает эта машина о тех приключениях и сложностях, в которые он ее вовлек, и в тысячный раз пожалел, что от него скрыто все, что происходит внутри этого на крепкие замки запертого разума. У него сложилось впечатление, что робот решил пока просто наблюдать, анализировать и делать собственные выводы, не предпринимая никаких самостоятельных действий до тех пор, пока время, по его мнению, не созрело. А тогда — возможно, совершенно внезапно — он может вознамериться начать действовать. Единственное, что никак не устраивало Олвина, так это то, что поступки робота могут не совпасть с его собственными планами. Его единственный союзник был связан с ним чрезвычайно слабыми ниточками собственного интереса и мог покинуть его в любой момент.

Алистра ждала их на пандусе, сбегающем к улице. Даже если бы Олвину и захотелось взвалить на нее вину за ту роль, которую она сыграла в обнаружении его тайны, у него не хватило бы на это духу. Ее отчаяние было слишком очевидным, а когда она метнулась ему навстречу, глаза у нее были полны слез.

— Ах, Олвин! — всхлипывала она.— Что им от тебя нужно?..

Олвин взял ее ладошки в руки с нежностью, которая удивила их обоих.

— Да не волнуйся, Алистра,— проговорил он.— Все будет хорошо. Ведь, в конце-то концов, даже в самом худшем случае Совет может всего-навсего отправить меня в Хранилища Памяти, но, знаешь, мне как-то не верится, что они на это пойдут...

Ее красота и очевидное отчаяние были так привлекательны, что даже в эту минуту Олвин почувствовал, что его тело на свой обычный манер откликается на присутствие девушки. Но это был всего лишь физический порыв. Он, конечно, не относился к нему с презрением, но одного его уже было недостаточно. Осторожно высвободив руки, он повернулся и следом за Джизираком отправился в Зал Совета.

Сердце Алистры изнывало от одиночества, однако горечи она уже не испытывала, когда глядела ему вослед. Теперь она знала, что Олвин не потерян для нее, потому что он никогда ей и не принадлежал. И, приняв это, она стала собираться с силами, чтобы уберечь себя от тщетных сожалений.

Олвин едва замечал любопытствующие или испуганные взгляды своих сограждан, когда он и его свита шли по знакомым улицам. Он все повторял в уме аргументы, которые ему, возможно, придется пустить в ход, и облекал свой рассказ в форму, наиболее для себя благоприятную. Время от времени он принимался уверять себя, что ни чуточки не встревожен и что именно он все еще является хозяином положения.

В приемной они прождали всего несколько минут, но Олвину этого хватило, чтобы подивиться — почему это, если ему ничуть не страшно, он ощущает такую вот странную слабость в коленках. Ощущение это было знакомым — по тем временам, когда он с трудом заставлял себя в Лизе взбираться по склону того холма, с вершины которого Хилвар показал ему водопад и откуда они увидели взрыв света, приведший их обоих в Шалмирейн. Что-то сейчас поделывает Хилвар, подумалось ему, и суждено ли им встретиться снова? И тотчас же ему представилось страшно важным, чтобы это оказалось возможным.

Огромные двери разошлись в стороны, и вслед за Джизираком он вошел в Зал Совета. Все двенадцать его членов уже сидели вокруг своего стола, сделанного в виде полумесяца, и Олвину польстило, что он не увидел ни одного незанятого места. Вполне возможно, Совет в полном своем составе собрался впервые за много столетий. Как правило, его редкие заседания были пустой формальностью, поскольку все текущие дела решались через видеосвязь и, в случае необходимости, беседой председателя Совета с Центральным Компьютером.

Большинство из членов Совета Олвин знал в лицо, и присутствие такого числа знакомых придало ему уверенности. Как и Джизирак, эти люди не казались настроенными враждебно, они были всего-навсего изумлены и сгорали от нетерпения. В конце концов, все они были носителями здравого смысла. Они могли испытывать раздражение от того, что кто-то доказал им, что они ошибаются, но Олвину не верилось, что они затаили против него недоброжелательство. Когда-то такой вот выход мог оказаться чересчур поспешным, однако человеческая природа в некотором смысле улучшилась.

Они выслушают его безо всякой предвзятости, но вся штука-то была в том, что как раз их мнение и не имело решающего значения. Его, Олвина, судьей будет не Совет. Им станет Центральный Компьютер.

16

Не было никаких формальностей. Председатель объявил заседание открытым и повернулся к Олвину.

— Мы бы хотели, Олвин,— произнес он достаточно благожелательно,— чтобы ты рассказал нам, что произошло с тобой с того времени, как ты исчез десять дней назад.

Употребление слова «исчез» означает очень многое, подумалось Олвину. Даже и сейчас Совету не хотелось признавать, что Олвин побывал за пределами Диаспара. Он подумал — а знают ли эти люди о том, что в городе бывают чужие, и, в общем, усомнился в этом. Будь это так, они выказали бы куда больше тревоги.

Он рассказал свою историю ясно и ничуть ее не драматизируя. Она и без того была достаточно невероятна для их ушей и никаких украшательств не требовала. Только в одном месте он отошел от строго фактического изложения событий, ни слова не сказав о том, каким образом ему удалось ускользнуть из Лиза. Представлялось более чем вероятным, что к этому методу ему придется прибегнуть снова.

Было очень интересно наблюдать, как отношение членов Совета к его рассказу мало-помалу изменялось. Сначала за столом сидели скептики, отказывающиеся примириться с отрицанием, по сути дела, всего, во что они верили, с разрушением своих сокровеннейших предрассудков. Когда Олвин поведал им о своем страстном желании исследовать мир, лежащий за пределами города, и о своем ни на чем, в сущности, не основанном убеждении, что такой мир в действительности существует, они смотрели на него как на какое-то диковинное существо. Но в конце концов им пришлось допустить, что он оказался прав, а они ошибались. По мере того как разворачивалась одиссея Олвина, сомнения, которые еще могли у них оставаться, постепенно рассеивались. Им могло очень и очень не нравиться то, что он им рассказывал, но они более не в состоянии были закрывать глаза на факты. Если у них и появлялось такое искушение, то стоило только кинуть взгляд на молчащего спутника Олвина, чтобы тотчас избавиться от него.

Лишь один аспект всей этой истории привел их в раздражение, да и то направлено оно оказалось не на него. Гул недовольства пронесся над столом, когда Олвин рассказал о страстном желании Лиза избежать нечистого контакта с Диаспаром и о шагах, которые предприняла Сирэйнис, чтобы избежать этой, с ее точки зрения, катастрофы. Город гордился своей культурой, и к этому у него были все основания. И то обстоятельство, что кто-то позволял себе рассматривать жителей Диаспара как какие-то существа низшего порядка, было для членов Совета просто невыносимо.

Олвин очень старался, чтобы ничем не задеть слушателей. Ему хотелось завоевать Совет на свою сторону. Он все время пытался создать впечатление,

что не видит ничего плохого в том, что совершил, и что за свои открытия он скорее надеется получить похвалу, а не порицание. Это была самая лучшая из всех возможных тактик, ибо она заранее обезоруживала возможных критиков. Кроме того, она до некоторой степени возлагала всю вину на скрывшегося Хедрона. Слушателям было ясно, что сам Олвин — существо слишком уж юное — не мог усмотреть в том, что он совершает, какой-то опасности. Шуту же, напротив, следовало бы отдавать себе отчет в том, что он действует исключительно безответственно. Они еще не знали, насколько сам Хедрон был с ними согласен.

Наставник Олвина тоже заслуживал некоторого порицания, и время от времени кое-кто из советников бросал на него задумчивые взоры. Джизирак, казалось, не обращал на это никакого внимания, хотя, конечно, великолепно понимал, какие именно мысли бродят в этих головах. В том, чтобы быть наставником этого самого оригинального ума из всех появлявшихся в Диаспаре со времен Рассвета, была известная честь, и в этом-то никто Джизираку не мог отказать.

Олвин не стал ни в чем убеждать членов Совета, пока не закончил рассказ о своих приключениях. В общем, ему нужно было как-то уверить этих людей в истинности всего увиденного им в Лизе, но как он, спрашивается, мог заставить их сейчас понять и представить себе то, чего они никогда не видели и едва ли могли себе вообще вообразить?

— Мне представляется большой трагедией,— говорил Олвин,— что две сохранившиеся ветви человечества оказались разобщенными на такой невообразимо огромный отрезок времени. Возможно, он и наступит, тот день, когда мы узнаем, почему так произошло, но сейчас куда более важно поправить дело и принять все меры к тому, чтобы впредь такого не случилось. Когда я был в Лизе, то протестовал против мнения, что они превосходят нас. У них может оказаться много такого, чему они в состоянии нас научить, но ведь и мы можем дать им многое. Если же мы станем считать, что нам нечего почерпнуть друг у друга, то разве не очевидно, что не правы будут и те и другие?

Он выжидательно посмотрел на полукольцо лиц и с воодушевлением продолжил:

— Наши предки построили общество, которое достигло звезд. Люди перемещались между этими мирами, как им заблагорассудится, а теперь их потомки носа не высунут за стены своего города. Хотите, я скажу вам — почему? — Он сделал паузу. В огромном пустом помещении никто не шелохнулся.— Да потому, что мы боимся — боимся чего-то, что случилось на самой заре истории. В Лизе мне сказали правду, хотя я и сам давно уже об этом догадался. Неужели же мы должны вечно, как сущие трусы, отсиживаться в Диаспаре, делая вид, что, кроме него, ничего больше не существует, и только потому, что миллиард лет назад Пришельцы загнали нас на Землю?

Он затронул их потаенный страх — страх, которого он никогда не разделял и всей глубины которого он никогда полностью не мог оценить. Пусть-ка теперь поступают как хотят. Он высказал им правду, как он ее понимал.

Председатель Совета, нахмурившись, посмотрел на него:

— У тебя есть еще что-нибудь, что ты хотел бы сказать? Прежде чем мы начнем обсуждение, что же следует предпринять...

— Только одно. Я бы хотел отвести этого робота к Центральному Компьютеру.

— Но зачем? Ты же знаешь, что Компьютеру уже известно все, что произошло в этом зале...

— И все-таки я считаю это необходимым,— вежливо, но упрямо проговорил Олвин.— Я прошу разрешения у Совета и у Компьютера.

Раньше, чем председатель смог ответить, в тишине зала раздался голос — ясный и спокойный. Никогда прежде за всю свою жизнь Олвин не слышал его, но он знал, чей это голос. Информационные машины — не более чем периферийные устройства этого гигантского разума — тоже умели разговаривать с человеком, но в их голосах не было этого безошибочного оттенка мудрости и властности.

— Пусть он придет ко мне,— произнес Центральный Компьютер.

Олвин перевел взгляд на председателя. Надо отдать ему должное, он не пытался торжествовать свою победу.

Он просто спросил:

— Вы разрешите мне покинуть вас?

Председатель оглядел Зал Совета, не увидел ни малейшего движения несогласия и ответил — несколько беспомощно:

— Очень хорошо... Прокторы пойдут с тобой, а когда мы закончим обсуждение, то приведут тебя обратно...

Олвин слегка поклонился в знак признательности, огромные двери снова раздвинулись перед ним, и он медленно вышел из зала. Джизирак последовал за ним и, когда створки дверей снова сомкнулись, повернулся к своему воспитаннику.

— Как ты думаешь, что теперь сделает Совет? — нетерпеливо спросил тот.

Джизирак улыбнулся.

— Нетерпелив, как всегда? Верно? — сказал он.— Не знаю, чего стоит моя догадка, но полагаю — они постановят запечатать усыпальницу Ярлана Зея, чтобы никто никогда не смог повторить твоего путешествия... И Диаспар сможет продолжать жить прежней жизнью, не тревожимый внешним миром...

— Этого-то я и боюсь,— горько проговорил Олвин.

— А ты все еще надеешься не допустить этого?

Олвин ответил не сразу. Он понимал, что Джизирак разгадал его намерения, но уж конкретные-то планы его он никак не мог предугадать, поскольку никаких таких планов не существовало. Он вступил в полосу, когда на каждую новую ситуацию он мог откликаться всего-навсего импровизацией.

— Ты винишь меня? — наконец произнес он, и Джизирак удивился новой нотке, прозвучавшей в голосе юноши. Он услышал в нем какой-то намек на униженность и едва заметное напоминание о том, что впервые за все время Олвину понадобилось словечко одобрения от товарища. Джизирака это тронуло, но он был достаточно мудр, чтобы не принимать всерьез эту слабость. Олвин сейчас находился в состоянии огромного напряжения, и было бы опрометчиво думать, что это вот внезапное исправление его характера может вдруг обернуться чем-то постоянным.

— На этот вопрос ответить очень нелегко,— медленно проговорил Джизирак.— Меня так и подмывает напомнить тебе, что любое знание ценно, и просто глупо было бы отрицать, что ты очень многое добавил к нашему знанию. Но ведь ты также умножил и число подстерегающих нас опасностей... А в конечном счете — что окажется важней? Как часто ты задумывался над этим?

Несколько секунд учитель и ученик пристально смотрели друг на друга, и каждый, возможно, понимал другого яснее, чем когда-либо прежде. Затем, повинуясь одному и тому же импульсу, они направились по длиннейшему коридору прочь от Зала Совета, а их молчаливый эскорт терпеливо последовал за ними — в некотором отдалении.

...Эти пространства — Олвин хорошо это понимал — не были предназначены для Человека. Под пронзительным сиянием голубых огней — настолько ослепительных, что от них больно было глазам,— длинные и широкие коридоры простирались, казалось, в бесконечность. Роботы Диаспара, должно быть, скользили по этим переходам с незапамятных времен, но стены здесь еще ни разу не отзывались эхом на звук человеческих шагов.

Здесь раскинулся подземный город — город машин, без которых Диаспар не мог существовать. В нескольких сотнях ярдов впереди коридор открывался в круглое помещение диаметром более чем в милю, свод которого поддерживали огромные колонны,— там, на поверхности, на них опирался фундамент и весь неизмеримо огромный вес Центральной Энергетической.

Это и было помещение Центрального Компьютера. Именно здесь он каждый мельчайший миг размышлял над судьбой Диаспара.

Олвин разглядывал помещение. Оно оказалось даже более обширным, чем он решался себе представить, но где же был сам Компьютер? Почему-то Олвин ожидал увидеть одну исполинскую машину, хотя в то же самое время и понимал, что такое представление достаточно наивно. Величественная и лишенная всякого видимого смысла панорама, распахнувшаяся перед ним, заставила его застыть в изумлении, сдобренном значительной долей неуверенности.

Коридор, по которому они пришли сюда, обрывался высоко в стене, замыкающей это огромное пространство — самую гигантскую из всех пещер, когда-либо вырытых человеком. По обе стороны устья коридора длиннейшие пандусы полого спускались вниз, к далекому полу. И все это залитое нестерпимым светом место покрывали сотни гигантских белых структур, настолько порой неожиданных по форме, что какое-то мгновение Олвину чудилось, будто он видит необыкновенный подземный город. Это впечатление было поразительно живым и осталось в памяти Олвина на всю жизнь. И нигде глаз его не встречал того, что он так ожидал увидеть,— не было знакомого блеска металла, этой от века непременной принадлежности любого машинного слуги человека.

Здесь находились продукты конечной стадии эволюционного процесса — почти столь же долгого, как и эволюция самого человечества. Его начало терялось в тумане Веков Рассвета, когда люди впервые научились сознательно использовать энергию и пустили по городам и весям свои лязгающие машины.

Пар, воду, ветер — все запрягли они в свою упряжку на некоторое время, а затем отказались от них. На протяжении столетий энергия горения давала жизнь миру, но и она оказалась превзойдена, и с каждой такой переменой старые машины предавались забвению, а их место занимали новые. Очень медленно, в течение тысячелетий, люди приближались к идеальному воплощению машины — воплощению, которое когда-то было всего лишь мечтой, затем — отдаленной перспективой и наконец стало реальностью:

НИ ОДНА МАШИНА
НЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ ДВИЖУЩИХСЯ ЧАСТЕЙ.

Это был идеал. Чтобы достичь его, человеку, возможно, потребовалось сто миллионов лет, и в момент своего триумфа он навсегда отвернулся от машины. Она достигла своего логического завершения и отныне уже сама могла вечно поддерживать свое собственное существование, верно служа Человеку.

Олвин больше не спрашивал себя, какие же из этих не издающих ни звука белых сооружений были Центральным Компьютером. Он знал, что гигантская машина вбирает их все, а сама простирается далеко за пределы этого вот помещения, ибо включает в себя и все остальные машины, имеющиеся в Диаспаре,— движущиеся и неподвижные. Его собственный мозг был суммой многих миллиардов отдельных клеток, собранных в пространстве размерами всего в несколько дюймов, а физические элементы Центрального Компьютера были рассеяны по всему пространству Диаспара. В этом же зале могла располагаться не более чем коммутационная система, с помощью которой мириады отдельных частей Компьютера подключались друг к другу.

Не очень представляя себе, куда же теперь направиться, Олвин смотрел вниз, на огромные пологие дуги пандусов и на все, что простиралось за ними. Центральный Компьютер должен знать, что он уже здесь, как он знает обо всем, что происходит в Диаспаре. Олвину оставалось только ждать от него инструкций.

Уже знакомый, но по-прежнему вызывающий благоговение голос был так тих и раздался так близко от Олвина, что тому даже показалось, что Джизирак вряд ли его слышит.

— Спуститесь по левому пандусу,— сказал голос.— Там я дам вам новые инструкции.

Олвин медленно двинулся вниз по покатой плоскости, и робот по-прежнему реял над ним. И Джизирак, и прокторы остались на своих местах. Интересно, подумалось Олвину, получили ли они приказание оставаться наверху или же решили, что им и отсюда все будет отлично видно и поэтому нет никаких причин к тому, чтобы утомлять себя долгим спуском. Или, возможно, они до такой степени приблизились к святая святых Диаспара, что просто не могли найти в себе решимости двинуться дальше?

Пандус кончился, и тихий голос дал Олвину новое направление. Он выслушал и двинулся по широкой улице между спящими титаническими структурами. Голос еще трижды говорил с ним, и наконец он понял, что достиг цели.

Машина, перед которой он теперь стоял, была размерами поменьше, чем все остальные вокруг, но все равно, стоя перед ней, Олвин ощущал себя ка-

ким-то карликом. Пять уровней с их стремительно льющимися горизонтальными линиями отдаленно напоминали какое-то затаившееся перед прыжком животное, и, переведя взгляд с этого сооружения на своего собственного робота, Олвин едва мог поверить, что обе эти машины — продукт одной и той же эволюции и что суть их — одна и та же.

Примерно в трех футах от пола по всему фасаду сооружения шла прозрачная панель. Олвин прижался лицом к гладкому, странно теплому материалу и стал вглядываться внутрь. Сначала он ничего не мог разобрать. Затем, загородив глаза ладонями, чтобы унять льющийся с боков ослепительный свет, он различил тысячи и тысячи слабенько светящихся точек, висящих в пустоте. Они образовывали решетку — столь же непостижимую для него и лишенную всякого смысла, какими для древних людей были звезды. Он неотрывно смотрел на этот рисунок в течение нескольких минут и не заметил, чтобы цветные эти огоньки меняли свои места или яркость.

Впрочем, подумал Олвин, загляни он в свой собственный мозг, то понял бы не больше. Машина представлялась инертной и неподвижной, потому что он не мог наблюдать сам процесс ее мышления.

Только теперь он начал смутно догадываться о силах и энергии, обеспечивающих существование города. Всю свою жизнь он, как нечто само собой разумеющееся, воспринимал, скажем, чудо синтезирования, которое из века в век обеспечивало все нужды Диаспара. Тысячи раз наблюдал он этот акт творения, редко отдавая себе отчет в том, что где-то должны существовать прототипы всего, что он видит входящим в его мир.

Подобно тому как человеческий мозг может в течение некоторого времени задержаться на одной-единственной мысли, так и бесконечно более сложные мыслительные устройства, являющиеся всего лишь частью Центрального Компьютера, тоже могли зафиксировать и удерживать — вечно — самые хитроумные идеи. Матрицы всех без исключения синтезируемых предметов были заморожены в этом вечном сознании, и требовалось только выражение человеческой воли, чтобы они стали вещной реальностью.

Мир и в самом деле далеко ушел с той поры, как первые пещерные люди час за часом терпеливо оббивали куски неподатливого камня, изготавливая наконечники для стрел и ножи...

Олвин ждал, не решаясь заговорить, знака, что его присутствие замечено. Ему было любопытно — каким образом Центральный Компьютер знает, что он здесь, как он видит его и слышит его голос. Нигде не было заметно ни малейших признаков каких-либо органов чувств, ни одного из тех бесстрастных кристаллических глаз, акустических решеток и экранов, через которые роботы обычно получали сведения об окружающем.

— Изложите вашу проблему,— раздался вдруг у самого уха все тот же тихий голос.

Было странно, что это гигантское скопление машин может выражать свои мысли столь негромко. Затем до Олвина дошло, что он себе льстит: очень могло быть, что с ним имеет дело едва ли миллионная часть Центрального Компьютера. Олвин был не более чем одним из неисчислимых инцидентов, одновременно занимающих внимание Компьютера, следящего за жизнью Диаспара.

Было совсем нелегко разговаривать в присутствии чего-то, что заполняет все пространство вокруг тебя. Слова, казалось, умирали, едва Олвин их произносил.

— Что я такое? — спросил он.

Если бы он задал этот вопрос одной из информационных машин города, он бы заранее знал, каков будет ответ. В общем-то, он частенько так поступал, и они всегда отвечали: «Вы — человек». Но теперь он имел дело с разумом совершенно иного порядка, и не было никакой необходимости в семантической тщательности. Центральный Компьютер должен был знать, что именно имеет в виду вопрошающий, но это, правда, вовсе еще не означало, что он обязательно ответит на вопрос.

И в самом деле, ответ оказался именно таким, какого и опасался Олвин:

— На этот вопрос я не могу отвечать. Поступить так — значило бы открыть цель моих создателей и тем самым аннулировать возможность ее достижения.

— Выходит, моя роль была запланирована, еще когда город только создавался?

— Это можно сказать о каждом.

Такой ответ заставил Олвина задуматься. Сам по себе ответ был достаточно корректен: человеческий компонент Диаспара создавали так же тщательно, как и всю машинерию города. То обстоятельство, что Олвин оказался Неповторимым, просто выделяло его из остальных как нечто достаточно редкостное; однако было совершенно необязательно считать, что в этой его особенности заключалось какое-то достоинство.

Он понял, что относительно тайны своего рождения ему здесь больше ничего не узнать. Бессмысленным было даже пытаться заманить в ловушку это гигантское сознание или надеяться, что оно само выдаст вдруг информацию, которую ему приказано было сохранять в глубочайшей тайне. Олвин, однако, не стал убиваться от разочарования по этому поводу. В глубине души он чувствовал, что ему уже удается приблизиться к истине, да и в любом случае цель его прихода сюда состояла вовсе не в этом.

Он взглянул на робота, которого привел из Лиза, и задумался, как же построить свой следующий шаг. Знай робот, что именно он планирует сделать, он вполне мог бы прореагировать весьма бурно. Именно поэтому представлялось таким существенным, чтобы он никоим образом не подслушал то, что Олвин намеревался сейчас сообщить Центральному Компьютеру.

— Можешь ты создать Зону Тишины? — обратился он к Компьютеру.

В тот же самый миг он испытал то самое безошибочное «мертвое» ощущение — результат полнейшего исчезновения даже самых слабых звуков,— которое наступало, когда человек оказывался в такой зоне. Голос Компьютера, теперь странно тусклый и даже какой-то зловещий, обратился к нему:

— Сейчас нас никто не слышит. Что вы хотели мне сообщить?

Олвин кинул взгляд на своего робота. Тот даже не шелохнулся. Вполне возможно, что он ничего и не подозревал и Олвин просто-напросто ошибался, полагая, что у робота есть какие-то свои планы. Вполне вероятно, что робот последовал за ним в Диаспар просто как верный, вполне послушный слу-

га. В таком случае то, что Олвин сейчас намеревался проделать, представлялось в особенности коварным трюком.

— Ты слышал, при каких обстоятельствах я повстречал этого робота,— начал Олвин.— Как мне представляется, он должен обладать бесценными знаниями о прошлом, которое восходит еще к тем дням, когда наш город — в том виде, каким мы его знаем теперь,— просто не существовал. Робот, вполне может быть, даже способен рассказать нам о других, кроме Земли, мирах, поскольку он сопровождал Мастера в его странствиях. Но вот, к сожалению, его речевой канал заблокирован. Не знаю, насколько эффективен этот блок, но я прошу тебя снять его.

Голос его звучал безжизненно и сухо, потому что Зона вбирала каждый звук, прежде чем он мог вызвать эхо. Стоя внутри этого невидимого душного кокона, Олвин ждал, чтобы его просьбу либо отвергли, либо исполнили.

— Просьба порождает две проблемы,— отозвался Компьютер.— Одна из них нравственная, другая — техническая. Этот робот был сконструирован с тем, чтобы повиноваться приказам совершенно определенного человека. Какое право я имею отменить эту установку, даже если бы и был в состоянии сделать это?

Олвин предвидел такой вопрос, и у него уже было припасено несколько ответов.

— Нам неизвестно, какую конкретно форму приняли запреты Мастера,— сказал он.— Если ты сумеешь заговорить с роботом, то, вероятно, сможешь убедить его, что обстоятельства, при которых был поставлен блок, теперь переменились...

Это, разумеется, был самый очевидный подход. Олвин и сам пытался прибегнуть к такой вот стратегии — безо всякого, впрочем, успеха — и надеялся, что Центральный Компьютер с его бесконечно более обширными интеллектуальными ресурсами сможет совершить то, что не удалось ему.

— Все это полностью зависит от характера блокировки,— последовал ответ.— Вполне мыслимое дело — создать такую блокировку, которая, если попытаться ее снять, сотрет содержимое всех цепей памяти. Я, впрочем, не думаю, что этот самый Мастер обладал достаточными навыками, чтобы сделать это,— здесь требуется довольно-таки специфическая техника. Я спрошу твою машину, была ли установлена стирающая цепь в ее блоках памяти.

— Но предположим,— быстро сказал Олвин с внезапной тревогой,— что даже вопрос о существовании стирающих цепей приведет к ликвидации памяти...

— Для таких случаев существует стандартная процедура, и я буду ей следовать. Я выставлю вторичные условия, приказав роботу игнорировать мой вопрос, если такая мера предосторожности была в него встроена. После этого уже весьма несложно обеспечить ситуацию, в которой машина будет вовлечена в логический парадокс, когда, и отвечая мне, и отказываясь отвечать, она будет вынуждена нарушить данные ей инструкции. В таких случаях все роботы действуют одинаково, стремясь к самозащите. Они освобождают входные цепи, по которым к ним извне поступают сигналы, и ведут себя так, словно им вообще не задавали никакого вопроса.

Олвин уже испытывал угрызения совести, что затронул эту тему, и после некоторой внутренней борьбы признал, что на месте робота принял бы именно эту тактику и сделал бы вид, что просто не расслышал вопроса. В одном, по крайней мере, он был теперь уверен: Центральный Компьютер оказался совершенно готов иметь дело с любыми ловушками, какие только могут быть установлены в блоках памяти робота. У Олвина не было ни малейшего желания видеть своего слугу превращенным в груду лома. Он скорее бы добровольно вернул его в Шалмирейн со всеми его тайнами.

Собрав все свое терпение, он ждал, покуда два молчаливых интеллекта общались друг с другом неощутимо для всего остального мира. Это был диалог двух сознаний, каждое из которых было создано человеческим гением в давным-давно минувший золотой век его самых замечательных достижений. А теперь ни тот ни другой разум не могли быть полностью поняты кем бы то ни было из живущих на Земле людей.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем пустой, незвучный голос Центрального Компьютера не раздался снова.

— Я установил частичный контакт,— произнес голос.— По крайней мере, теперь мне известен характер блокировки, и я думаю, что знаю, по какой причине она была предусмотрена. Снять ее можно только одним способом: этот робот не заговорит снова до тех пор, пока на Землю не придут какие-то «Великие»...

— Но ведь это же нелепость! — запротестовал Олвин.— Адепты Мастера верили в них, и один даже пытался объяснить нам, что такое эти «Великие»... По большей части это было что-то совершенно невразумительное. Эти самые «Великие» никогда не существовали и никогда не будут существовать!..

Поражение представлялось полным, и Олвин испытал горькое и какое-то еще и беспомощное разочарование. Между ним и Истиной встал человек, который, помимо того что был сумасшедшим, еще и умер миллиард лет назад...

— Возможно, вы и правы,— откликнулся Центральный Компьютер,— когда говорите, что «Великих» не было. Но это совсем не означает, что они не появятся...

Наступила долгая пауза, во время которой Олвин раздумывал над смыслом этого замечания, а две мыслящие машины снова вошли в контакт друг с другом.

И внезапно, безо всякого предупреждения, он снова очутился в Шалмирейне.

17

Все здесь оставалось в точности по-прежнему. Огромная аспидно-черная чаша пила солнечный свет и ни крупицы его не отражала в глаз человека. Олвин стоял среди руин крепости и глядел на озеро, чьи спокойные воды свидетельствовали о том, что гигантский полип стал теперь не более чем рассеянным облаком живых клеток, не имеющих ничего общего с организованным в определенные формы разумным существом.

Робот по-прежнему находился рядом, но Хилвара не было и в помине. Олвину некогда было размышлять, что бы все это значило, или проявлять беспокойство по поводу отсутствия друга, потому что почти тотчас же произошло нечто столь фантастическое, что оно напрочь выбило из его головы все посторонние мысли.

Небо стало раскалываться надвое. Тонкая полоска черноты протянулась от горизонта к зениту и стала медленно расширяться, как если бы тьма и хаос обрушивались на Вселенную. Неумолимо эта полоса становилась все шире и шире, пока не охватила четверть небесной сферы. Несмотря на все свои познания в области реальных астрономических фактов, Олвин никак не мог отделаться от ошеломляющего впечатления, что кто-то извне вламывается в его мир через щель в огромном голубом куполе неба...

Крыло ночи перестало расти. Силы, породившие его, теперь смотрели вниз, на этот игрушечный мир, который они обнаружили здесь, и, быть может, советовались между собой — стоит ли этот мир их внимания. Олвин не испытывал ни тревоги, ни страха. Он почему-то знал, что находится лицом к лицу с такой силой и с такой мудростью, перед которыми человек должен испытывать не страх, а только благоговение.

И теперь силы эти пришли к решению: да, они потратят несколько ничтожно малых частиц вечности на Землю и ее обитателей. Они стали спускаться вниз через это окно, проделанное в небесах.

Словно искры от какого-то небесного горна, они падали вниз, на Землю. Все гуще и гуще становился этот поток, пока с высоты не полилась целая река огня, растекающаяся по поверхности земли озерами жидкого света. Олвин не нуждался в словах, которые теперь звучали в его ушах как благословение:

«Великие пришли...»

Пламя достигло и его, но оно не обжигало. Повсюду пылало оно, наполняя циклопическую чашу Шалмирейна золотым сиянием. В изумлении глядя на все это великолепие, Олвин отметил, что поток света вовсе не аморфен, он обладал и формой, и структурой. Жидкий огонь стал принимать определенные очертания, собираясь в отдельные яростные пламявороты. Вихри эти принялись вращаться все быстрее и быстрее вокруг своих осей, а центры их стали подниматься, образуя колонны, внутри которых Олвин мог разглядеть какие-то загадочные образования. От этих сверкающих тотемных столбов исходила едва слышная музыка, бесконечно далекая и бесконечно чарующая.

«Великие пришли...»

На этот раз последовал и ответ. Когда Олвин услышал слова: «Слуги Мастера приветствуют вас. Мы вас ждали»,— он понял, что все барьеры рухнули. Но в этот же самый миг и Шалмирейн, и его странные гости исчезли, и он снова очутился перед Центральным Компьютером в глубинах своего Диаспара.

Все это оказалось иллюзией — не более реальной, чем фантастический мир саг, в котором в юности он провел так много часов. Но как она была создана? Откуда взялись эти странные видения, так явственно представившиеся ему?

— Проблема оказалась не совсем обычной,— прозвучал тихий голос Центрального Компьютера.— Я предположил, что у вашего робота должна быть какая-то зрительная концепция «Великих». Если бы я смог убедить его, что чув-

ственные представления, получаемые им, совпадают с этими зрительными образами, остальное было бы уже просто.

— И как же ты этого достиг?

— В основном расспрашивая робота, на что были похожи эти «Великие», и затем перехватив образ, сформированный его сознанием. Рисунок оказался весьма неполным, и многое мне пришлось вложить от себя, импровизируя на ходу. Раз или два картина, которую я создавал, начинала было резко расходиться с концепцией робота, но уже в самые первые мгновения я успевал отметить нарастающее недоумение робота и изменял образ, прежде чем он становился подозрительно непохожим. Вам, конечно, понятно, что я в состоянии задействовать сотни своих вычислительных цепей, тогда как в его распоряжении лишь одна, и могу переключаться с одной на другую настолько быстро, что этот процесс не может быть воспринят. Это был своего рода фокус: я смог насытить сенсорные цепи робота и в то же время подавить его способность к критическому воспитанию. То, что вы увидели, оказалось лишь окончательной — самой правильной — картиной, наиболее полно приближающейся к тому, что представлял себе этот Мастер. Но она не отличалась особой тонкостью, хотя и оказалась вполне достаточной. Робот был убежден в ее подлинности достаточно долгое время, чтобы снять блокировку, и в этот-то момент я и обеспечил абсолютный контакт с его сознанием. Он более не сумасшедший. Он ответит теперь на любой вопрос, какой вы только пожелаете ему задать.

Голова у Олвина все еще шла кругом. Яркое зрительное эхо внезапного апокалипсиса еще горело перед его внутренним взором, и он и вида не делал, что полностью понимает объяснения Центрального Компьютера. Но это все не имело уже никакого значения. Чудо исцеления свершилось, и врата в храм знания широко распахнулись перед ним, маня войти в них.

Но он тут же припомнил предостережение Центрального Компьютера и спросил тревожно:

— А как насчет моральных возражений, которые были у тебя по поводу отмены приказа Мастера?

— Я выяснил, почему он был отдан. Когда вы в деталях узнаете его жизнь — а теперь вы сможете это сделать,— то увидите, что ему приписывали массу чудес. Его паства верила в него, и эта вера многое добавила к его силе. Но, разумеется, все эти чудеса имели простое объяснение — если они вообще происходили. Мне представляется удивительным, что люди, во всех остальных отношениях вполне разумные, позволяли надувать себя подобным образом...

— Выходит, этот самый Мастер был шарлатаном?

— Нет, все не так просто. Будь он всего лишь плутом, ему бы никогда не добиться такого успеха, а его учение не продержалось бы так долго. Человек он был неплохой, и многое из того, чему он учил окружающих, было истинным и неглупым. В конце концов он сам уверовал в свои «чудеса», но он понимал и то, что есть один свидетель, который способен его разоблачить. Все его тайны знал робот... Через робота он обращался к своим последователям, и если бы этого робота подвергли тщательному допросу, его ответы разрушили бы сами основания силы и власти Мастера. Вот он и приказал ему никогда, ни под каким видом никого не допускать к своей памяти — вплоть до послед-

него дня Вселенной, когда придут «Великие». Трудно, конечно, поверить, что такой странный конгломерат лжи и искренности мог уживаться в одном человеке, но так оно и было...

Олвин был бы не прочь узнать, что испытывает сейчас его робот, освободившийся от столь древнего ига. Он, безусловно, был достаточно высокоорганизованной машиной, чтобы ему было известно такое чувство, как негодование. Он мог бы сердиться на своего Мастера за то, что тот поработил его,— и равно быть недовольным Олвином и Центральным Компьютером, которые обманом вернули его в мир правды.

Зона Тишины была снята — в секретности больше не было никакой нужды. Наступил наконец момент, которого Олвин ждал так долго. Он повернулся к роботу и задал ему вопрос, преследующий его с тех самых пор, как он услышал историю о похождениях Мастера.

И робот ответил.

Джизирак и прокторы все еще терпеливо ждали, когда он снова присоединится к ним. На верхней части пандуса, прежде чем войти в коридор, Олвин оглянулся, чтобы опять оглядеть помещение Центрального Компьютера, и впечатление оказалось еще более сильным. Под ним простирался мертвый город, состоящий из странных белых зданий, город, залитый яростным светом, не предназначенным для человеческих глаз. Быть может, он и действительно был мертв, этот город, поскольку он никогда и не жил, но в нем билась энергия более могущественная, чем та, что когда-то привела в движение живую материю. До тех пор пока мир будет существовать, эти молчащие машины останутся здесь, ничем не отвлекаясь от размышлений и мыслей, вложенных в них гениями человечества столь непомерное время назад.

Хотя Джизирак и пытался спрашивать что-то у Олвина, когда они возвращались в Зал Совета, узнать что-нибудь о беседе с Центральным Компьютером ему не удалось. Со стороны Олвина это было не просто благоразумие. Он был еще слишком погружен в свои думы об увиденном, был еще слишком опьянен успехом, чтобы поддержать какой-либо более или менее содержательный разговор. Джизираку пришлось призвать на помощь все свое терпение и только надеяться, что Олвин наконец выйдет из транса.

...Улицы Диаспара купались в свете, но после сияния машинного города он казался бледным и каким-то даже беспомощным. Олвин едва замечал окружающее. Он не обращал теперь ровно никакого внимания на знакомую красоту огромных башен, проплывающих мимо, и на любопытствующие взгляды своих сограждан. Как странно, думалось ему, что все, что с ним произошло, подвело его к этому вот моменту. С тех пор как он повстречал Хедрона, события, казалось, развивались автоматически и вели к какой-то предопределенной цели. Мониторы... Лиз... Шалмирейн... И ведь на каждой из этих стадий он мог просто отвести в сторону невидящий взгляд... Но что-то продолжало продвигать его — вперед и вперед... Был ли он сам творцом собственной судьбы или же судьба как-то по-особенному возлюбила его? Возможно, все это было лишь производным теории вероятностей, действия законов случая... Ведь любой мог обнаружить путь, по которому он сейчас прошел, и бессчетное

количество раз за минувшие тысячелетия другие, должно быть, заходили почти так же далеко. Те, ранние Неповторимые, к примеру,— что сталось с ними? Очень может быть, что он просто оказался первым, кому повезло.

На протяжении всего пути по улицам Олвин устанавливал все более тесный контакт с роботом, которого он сегодня освободил от векового наваждения. Робот уже давно мог принимать его мысли, но прежде Олвин никогда не мог быть уверен, что он станет повиноваться всем его приказаниям. Теперь эта неуверенность исчезла. Он мог беседовать с роботом, как беседовал бы с любым человеком, хотя, поскольку они были не одни, он велел роботу не пользоваться речью, а обходиться простыми зрительными образами. Раньше ему, бывало, не нравилось, что роботы могли свободно общаться между собой на телепатическом уровне, в то время как человеку это было недоступно — если, конечно, не считать жителей Лиза. Что ж, это была еще одна способность, которую Диаспар утратил — если не намеренно отказался от нее.

Он все еще продолжал этот неслышимый и несколько односторонний разговор, пока они ждали в приемной перед Залом Совета. Нельзя было не сравнить его нынешнее положение с тем, в котором он оказался в Лизе, когда Сирэйнис с коллегами пытались подчинить его своей воле. Он надеялся, что не будет никакой необходимости еще в одном конфликте, но, если бы такой конфликт и возник, он был теперь подготовлен к нему несравненно лучше.

Уже самый первый взгляд на лица членов Совета подсказал Олвину, каково их решение. Он не был ни удивлен, ни особенно разочарован и не выказал никаких чувств, которых могли бы ожидать от него советники, когда слушал, как председатель подводит итоги обсуждения.

— Мы всесторонне рассмотрели ситуацию, которая порождена твоим открытием, Олвин,— начал председатель,— и пришли к следующему единогласному решению. Поскольку никто не желает каких-либо изменений в нашем образе жизни и поскольку только раз в несколько миллионов лет рождается кто-то, кто способен покинуть Диаспар, даже если средства к этому существуют для каждого из нас, то туннельная система, ведущая в Лиз, не является необходимой и, очень возможно, даже опасна. Вот почему вход в нее отныне закрыт.

Более того, поскольку не исключена возможность, что могут найтись и другие пути, ведущие из города, будет начат их поиск посредством блоков памяти в мониторах. Этот поиск уже начался.

Мы обсудили также, какие меры должны быть предприняты — если они вообще необходимы — в отношении тебя. Принимая во внимание твою юность и своеобразные обстоятельства твоего появления на свет, существует всеобщее ощущение, что порицать тебя за то, что ты сделал, нельзя. В сущности, раскрыв потенциальную опасность для нашего образа жизни, ты даже оказал городу услугу, и мы зафиксируем наше одобрение этого...

Раздались тихие, шелестящие аплодисменты, и на лицах советников появилось удовлетворенное выражение. Они быстро справились с трудной ситуацией, избежали необходимости наказывать Олвина и теперь могли снова приняться за привычные свои занятия, радуясь, что они, влиятельные граждане

Диаспара, исполнили свой долг. Если им достаточно повезет, пройдут еще целые столетия, прежде чем подобная необходимость возникнет снова.

Председатель выжидательно посмотрел на Олвина. Возможно, он надеялся, что тот выразит ответное понимание и воздаст благодарностью Совету за то, что с ним обошлись столь милостиво. Он, однако, был разочарован.

— Можно мне задать вам всего один вопрос? — обратился к нему Олвин.

— Конечно.

— Насколько я понимаю, Центральный Компьютер одобрил ваши действия?

В обычных условиях спрашивать такое не полагалось. Было не принято признавать, что Совет должен как-то оправдывать свои решения или же объяснять, каким образом он к ним пришел. Но Олвин сам был облечен доверием Центрального Компьютера — по причинам, известным только тому. И оказался в привилегированном положении.

Было совершенно очевидно, что вопрос вызвал известную неловкость, и поэтому ответ последовал несколько неохотно:

— Естественно, мы проконсультировались с Центральным Компьютером... Он сказал, чтобы мы поступали так, как сочтем нужным...

Олвин этого и ожидал. В те самые минуты, когда машинное сознание города разговаривало с ним, оно, должно быть, обменивалось мнениями и с Советом — в тот же, в сущности, момент, когда заботилось еще о миллионе самых разных вещей в Диаспаре. Компьютер, как и Олвин, понимал, что, какое бы решение ни принял сейчас Совет, оно не будет иметь ровно никакого значения. Будущее совершенно ускользнуло из-под контроля Совета в тот самый миг, когда он, в своем неведении, решил, что благополучно справился с кризисом, порожденным ненасытной любознательностью Олвина.

И Олвин совсем не испытывал чувства превосходства и блаженного предвкушения приближающегося триумфа, когда глядел на этих не слишком умных, стареющих мужчин, считающих себя правителями Диаспара. Ведь он-то видел реального хозяина города и даже беседовал с ним в торжественной тишине его блистающего подземного мира. Эта встреча выжгла из его души едва ли не все высокомерие, хотя все же какая-то его часть еще сохранилась — для окончательного предприятия, признанного затмить все, что произошло до сих пор.

Покидая Совет, Олвин размышлял о том, были ли они удивлены его покорностью и отсутствием раздражения по поводу того, что дорога в Лиз теперь закрыта. Прокторы теперь не сопровождали его, он уже не находился под наблюдением — в открытую, по крайней мере. Вместе с ним из Зала Совета на улицы, сияющие красками и заполненные народом, вышел только Джизирак.

— Ну что же, Олвин,— сказал он.— Ты вел себя как нельзя лучше, но меня-то тебе не провести! Что это ты теперь задумал?

Олвин улыбнулся.

— Так я и знал, что ты что-нибудь да заподозришь. Если ты пойдешь со мной, то я покажу тебе, почему подземный путь в Лиз не имеет больше никакого значения. Есть и еще один эксперимент, который мне хотелось бы провести. Он не причинит тебе никакого вреда, но может не прийтись по вкусу...

— Отлично. Подразумевается, что я все еще твой наставник, но похоже на то, что роли-то теперь переменились?.. И куда это ты меня поведешь?

— В башню Лоранна — я хочу показать тебе мир за стенами Диаспара.

Джизирак побледнел, но остался верен своему решению. Словно опасаясь, что слова могут выдать его состояние, он коротко и сдержанно кивнул и вслед за Олвином ступил на плавно плывущий тротуар.

Джизирак не проявил ни малейших признаков страха, когда они шли по туннелю, через который вечно дул холодный ветер. Туннель теперь был уже совсем не тот: каменная решетка, преграждавшая доступ во внешний мир, исчезла. Она не служила никакой конструктивной цели, и Центральный Компьютер по просьбе Олвина убрал ее, не задавая вопросов. Позже он может дать инструкции снова вспомнить про эту решетку и восстановить ее. Но сейчас жерло туннеля, ничем не огражденное и никем не охраняемое, зияющим отверстием выходило прямо на внешнюю стену города.

Джизирак почти подошел к краю пропасти, когда наконец осознал, что внешний мир — вот он, прямо перед ним. Он смотрел на расширяющийся круг неба, и шаги его становились все более и более неуверенными, пока в конце концов ноги не отказались ему служить. Олвин вспомнил, что на этом вот самом месте Алистра просто повернулась и убежала, и подумал: сможет ли он побудить Джизирака пройти немного дальше?

— Я прошу тебя только лишь взглянуть,— умолял он наставника,— а не выходить из города. Уж конечно, это-то ты можешь!

В Эрли, во время своего недолгого пребывания там, Олвин наблюдал однажды, как мать учила своего малыша ходить. Увлекая Джизирака по коридору, он не мог не увидеть аналогии и делал поощряющие замечания по мере того, как его наставник одну за другой переставлял не повинующиеся ему ноги, помаленьку все-таки продвигаясь вперед. В отличие от Хедрона, Джизирак не был трусом. Он был готов бороться со своим предубеждением, но это была борьба отчаяния. Когда Олвину удалось-таки привести Джизирака к той точке, откуда он мог видеть всю ширь пустыни безо всякой помехи, Олвин был измучен едва ли не так же, как и его пожилой спутник.

Тем не менее, оказавшись у самого края, Джизирак был захвачен необычайной красотой пейзажа, так не похожего на все, что ему приходилось видеть на протяжении всех его жизней. Огромное это пространство, покрытое перекатывающимися дюнами, ограниченное по горизонту древними холмами, покорило его.

— Я попросил тебя прийти сюда, поскольку понимаю — у тебя больше, чем у кого-либо другого, прав увидеть, куда привели меня мои блуждания,— сказал Олвин, проговаривая слова быстро, как если бы он был не в силах сдержать нетерпения.— Мне хотелось, чтобы ты увидел пустыню, а кроме того, я хочу, чтобы ты стал свидетелем — пусть Совет узнает, что я сделал!

Как я и сказал Совету, этого робота я привел из Лиза в надежде, что Центральный Компьютер будет в состоянии убрать блокировку, установленную на его память человеком, известным под прозвищем Мастер. С помощью какой-то уловки, которой я до сих пор не понимаю, Компьютер это сделал. Теперь у меня есть доступ ко всему объему памяти этого робота и ко всем способ-

ностям, которые были в него встроены. И вот сейчас одну из этих способностей я и хочу использовать. Гляди!

По беззвучному приказу, о характере которого Джизирак мог только гадать, робот выплыл из отверстия туннеля, набрал скорость и через несколько секунд превратился в далекий, отсвечивающий металлом солнечный блик. Он летел низко над пустыней — над ее песчаными дюнами, которые, словно застывшие волны, заштриховали пустыню косой сеткой гребней... У Джизирака возникло безошибочное впечатление, что робот что-то ищет,— но вот что именно, он, конечно, и представить себе не мог.

И вдруг с пугающей внезапностью сверкающая крупинка метнулась вверх и замерла в тысяче футов над поверхностью пустыни. Олвин испустил шумный вздох удовлетворения. Он кинул на Джизирака быстрый взгляд, как бы говоря: «Вот оно!»

Не понимая, чего же, собственно, ожидать, Джизирак поначалу не заметил никаких перемен. Но затем, едва веря своим глазам, увидел, как с поверхности пустыни начинает медленно подниматься облако пыли...

Нет ничего более ужасного, чем внезапное движение там, где, как предполагается, движения уже не может быть никогда. И тем не менее ни страх, ни изумление не поразили громом Джизирака, когда дюны стали расступаться. Что-то ворочалось под поверхностью пустыни, неведомый исполин просыпался ото сна, и почти тотчас же до слуха Джизирака донесся гром низвергающейся земли и пронзительный вопль скал, раздираемых неодолимой, исполинской силой. Внезапно гигантский песчаный гейзер взметнулся на тысячу футов и скрыл пустыню из виду...

Медленно пыль стала оседать в рваную рану, зияющую теперь на лице пустыни. Но Джизирак и Олвин по-прежнему пристально всматривались в небо, в пустоте которого только что сиял маленький робот. Лишь теперь Джизирак понял, почему Олвин остался столь безразличным к решению Совета и почему он не выказал ровно никаких чувств, когда его поставили в известность, что подземный путь в Лиз отныне закрыт.

Кора приставшей земли и камней лишь отчасти скрывала гордые очертания корабля, который все еще величественно вздымался из недр разодранной пустыни. Джизирак, не отрывая глаз, наблюдал, как корабль неспешно развернулся в их сторону, мало-помалу превратившись в аккуратный кружок. Затем, столь же неторопливо, кружок этот стал увеличиваться в размерах.

Олвин заговорил — стремительно, словно времени у него уже не оставалось:

— Этого робота разработали так, чтобы он стал компаньоном и еще и слугой этого самого Мастера. И кроме того, он должен был пилотировать его корабль. Прежде чем сесть в Лизе, он тогда опустился в космопорту Диаспара, который сейчас лежит там, погребенный среди этих песков. Даже в то время порт, в сущности, был уже заброшен. Я думаю, что корабль Мастера был одним из последних, прилетевших тогда на Землю. Перед тем как отправиться в Шалмирейн, Мастер некоторое время жил в Диаспаре — в те времена путь, наверное, был еще открыт для всех. Но корабль ему никогда уже больше не

понадобился и все эти тысячелетия ждал, погребенный под песками. Как сам Диаспар, как этот робот, как все, что строители прошлого считали действительно важным, он сохранялся с помощью своих собственных схем Вечности. До тех пор пока у него есть источник энергии, он не может износиться или быть уничтожен. Образ конструкции, во всех ее мельчайших деталях хранящийся в его блоках памяти, никогда не потускнеет, а ведь именно этот образ и контролирует его физическую структуру...

Теперь корабль, направляемый роботом к башне, был уже совсем близко. Джизирак прикинул, что он около ста футов длиной. На заостренном с обоих концов корпусе не видно было ни окон, ни каких-либо других отверстий, хотя, в общем-то, толстый слой земли на обшивке и не позволял утверждать это с полной уверенностью.

Внезапно их обдало пылью, посыпались камешки — это одна из секций корпуса откинулась наружу, и Джизираку удалось бросить взгляд на маленькую, голую каморку шлюза, в дальнем конце которой виднелась дверь. Корабль висел в воздухе в каком-нибудь футе от жерла воздушного туннеля, к которому он приблизился с крайней осторожностью — будто чувствующее, живое существо.

— До свидания, Джизирак,— проговорил Олвин.— Я не могу вернуться в Диаспар, чтобы попрощаться с друзьями. Сделай это за меня, пожалуйста. Передай Эристону и Итании, что я надеюсь скоро вернуться. Если же не вернусь, то пусть знают — я благодарен им за все, что они для меня сделали. И тебе я благодарен, если ты и не одобряешь того, каким образом я воспользовался твоими уроками... Ну а что касается Совета — скажи им, что пути, которые когда-то были открыты, нельзя закрыть, приняв резолюцию!..

Корабль был теперь только темным пятном на фоне неба, а мгновение спустя Джизирак и вообще потерял его из виду. Он не заметил никакого движения, но внезапно с неба обрушилась лавина самых потрясающих звуков из всех, когда-либо сотворенных человеком,— это был долгий гром падающего воздуха: миля за милей он обрушивался в туннель вакуума, в мгновение ока просверленный в атмосфере.

Джизирак не в силах был сдвинуться с места, даже когда последние отголоски этого грома замерли, потерявшись в пустыне. Он все думал и думал о мальчике, который ушел от него,— ведь для Джизирака Олвин навсегда остался ребенком, да к тому же — единственным, впервые пришедшим в мир Диаспара с тех пор, как был разрушен цикл рождения и смерти — тогда, в незапамятные времена. Олвин не может вырасти. Вся Вселенная была для него просто детской площадкой для игр, увлекательной загадкой, которую надо разгадать ради собственного развлечения. И вот, играя, он нашел себе теперь совершенную смертоносную игрушку, которая в состоянии разрушить все, что еще сохранилось от человеческой цивилизации... Но, каков бы ни был исход, для Олвина это по-прежнему будет только игра...

Солнце уже склонилось низко к горизонту, и над пустыней потянуло леденящим ветром. Но Джизирак все еще ждал, перебарывая страх. И внезапно — впервые в жизни — увидел звезды.

18

Даже в Диаспаре Олвин не видел такой роскоши, которая открылась его взору, когда внутренняя дверь воздушного шлюза скользнула в сторону. Что бы он там ни представлял из себя на самом деле, уж аскетом-то Мастер явно не был. Лишь несколько позже Олвину пришло в голову, что весь этот комфорт мог и не быть пустой экстравагантностью: маленький мирок корабля был единственным домом Мастера во время его продолжительных скитаний среди звезд.

Нигде не было видно никаких приборов управления, но огромный овальный экран, полностью занимающий дальнюю переборку, указывал, что это помещение — не просто жилая комната. Дугой перед экраном расположились три низких кресла. Остальное пространство комнаты занимали два столика и несколько мягких стульев — некоторые из них, совершенно очевидно, предназначались совсем не для гуманоидов.

Удобно устроившись перед экраном, Олвин огляделся в поисках своего робота. К его изумлению, тот исчез. Но затем он все-таки обнаружил его — в маленьком углублении под закругляющимся потолком: робот уютно устроился в этой нише. Он привел Мастера через пространства Космоса на Землю, а затем в качестве слуги проследовал за ним в Лиз. Теперь же, словно и не было всех этих минувших эпох, он изготовился снова выполнять свои старые пилотские обязанности.

Для пробы Олвин подал ему команду, и огромный экран, затрепетав, ожил. Перед ним появилась башня Лоранна, странным образом укороченная и даже, судя по всему, лежащая на боку. Еще несколько команд — и он увидел небо, город и бескрайнее пространство пустыни. Четкость изображения была безупречна, почти ненатурально хороша, хотя, казалось, никакого увеличения и не было. Олвин поэкспериментировал еще некоторое время, пока не наловчился получать именно то изображение, которое ему хотелось бы увидеть. И теперь он готов был начать.

— Перенеси меня в Лиз! — Это, конечно, была команда из простых, но как мог корабль повиноваться ей, если он и сам не имел ни малейшего представления о том, в каком именно направлении лететь? Олвин сначала просто не подумал об этом, а когда сообразил, то корабль уже мчался над пустыней на головокружительной скорости. Олвин пожал плечами, с благодарностью принимая то обстоятельство, что теперь в его распоряжении находится слуга куда более знающий, чем он сам.

Определить масштаб изображения, которое скользило сейчас по экрану, было нелегко, но, судя по всему, ежеминутно они, должно быть, покрывали пространство во много миль. Вскоре после района города цвет поверхности внезапно переменился на скучно-серый, и Олвин догадался, что теперь они пролетают над ложем древнего океана. Когда-то, видимо, Диаспар стоял совсем рядом с морем, хотя даже в самых древних хрониках об этом не было ни малейшего упоминания. Как ни древен был город, океаны Земли, видимо, безвозвратно высохли еще задолго до его основания.

Через несколько сот миль поверхность резко поднялась, и внизу снова потянулась пустыня. В какой-то момент Олвин остановил корабль над странным рисунком из пересекающихся линий, которые неясно прорисовывались сквозь песчаное покрывало. Некоторое время его мучило недоумение, но затем он понял, что под кораблем лежат руины какого-то забытого города. Он не стал здесь задерживаться: было больно думать, что миллиарды людей не оставили никаких следов своего существования, кроме этих вот борозд на песке...

Ровная линия горизонта вскоре стала изламываться, и прорисовались горы, которые, едва он их увидел, уже замелькали под ним. Корабль стал замедляться, опускаясь к земле по огромной пологой дуге длиной в сотни миль. И затем — под ним оказался Лиз, его леса и бесконечные реки, образующие ландшафт такой несравненной красоты, что некоторое время Олвин был просто не в состоянии двигаться дальше. На востоке земля была затенена, и огромные озера стояли лужами еще более темной ночи. Но в направлении на запад воды плясали, струились, сверкали острыми бликами, посылая глазу цвета такой яркости и чистоты, о существовании которых Олвин и не подозревал.

Найти Эрли оказалось нетрудно — и это было к счастью, потому что дальше робот уже не мог вести корабль. Олвин ожидал этого и был даже несколько обрадован тем, что обнаружил хоть какой-то изъян во всемогуществе своего слуги. Было маловероятно, что роботу когда-то приходилось пилотировать корабль с Мастером в Эрли, и поэтому месторасположение деревни и не было зафиксировано в его памяти.

С нескольких попыток Олвин приземлил свой корабль на склоне того самого холма, с которого впервые увидел Лиз. Управлять кораблем оказалось совсем просто — требовалось лишь в самых общих чертах сформулировать желание, а уж робот сам прорабатывал все детали. Олвин подумал, что, по-видимому, робот станет игнорировать опасные или невыполнимые приказы, хотя у него-то не было ни малейшего намерения отдавать их без особой к тому необходимости.

Олвин был абсолютно уверен, что никто не мог видеть его прибытия. Он считал это обстоятельство достаточно важным, поскольку не испытывал ни малейшего желания снова вступать в телепатическую схватку с Сирэйнис. Планы его все еще были несколько туманны, но он не подвергался никакому риску, пока у него сохранялись дружественные отношения с обитателями Лиза. Робот мог действовать в качестве посла, в то время как сам он оставался бы в безопасности на корабле.

По дороге к Эрли роботу не повстречалось ни одной живой души. Странно это было — сидеть в неподвижном космическом корабле, в то время как его взгляд без малейших усилий с его стороны скользил по знакомой тропе, а в ушах звучал шепот леса. Он все еще не мог полностью отождествить себя с роботом, и поэтому усилия по управлению им еще приходилось затрачивать немалые.

Почти стемнело, когда он «достиг» Эрли, маленькие домики которого словно бы плавали в озерцах света. Робот держался затененных мест и уже почти доплыл до дома Сирэйнис, когда его обнаружили. Внезапно раздался серди-

тый высокий, жужжащий звук, и поле зрения оказалось закрытым мельтешением крыльев. Олвин невольно отпрянул, но тотчас понял, что произошло. Это Криф снова выражал свою неприязнь ко всему, что летает, не будучи крылатым.

Не желая причинять вреда прекрасному, хотя и безмозглому существу, Олвин остановил робота и, как мог, терпел удары, которые градом сыпались на него. Несмотря на то что он в полном комфорте сидел в миле от места происшествия, он все-таки поеживался и очень обрадовался, когда из дома вышел Хилвар, чтобы выяснить, что тут происходит.

Увидев приближающегося хозяина, Криф отступил, но все еще угрожающе жужжал. Хилвар постоял некоторое время, глядя на робота. А затем улыбнулся.

— Привет, Олвин,— сказал он.— Рад, что ты вернулся. Или ты еще в Диаспаре?

Уже не в первый раз Олвин с некоторой завистью подивился быстроте и точности мышления Хилвара.

— Да нет,— ответил он, отметив при этом, до чего же здорово робот воспроизводит его голос.— Я здесь неподалеку. Но пока останусь на месте.

Хилвар засмеялся.

— Полагаю, что это правильно. Сирэйнис-то тебя простила, но вот Ассамблея... Впрочем, это совсем другая история. Тут, знаешь, сейчас происходит конференция... первая, которая созвана в Эрли...

— Ты хочешь сказать, что ваши советники лично сюда пожаловали? — удивился Олвин.— А я-то полагал, что личные встречи — с вашими-то телепатическими способностями — совсем необязательны...

— Они происходят — только редко. Бывают случаи, когда общее мнение склоняется к тому, что, пожалуй, стоит и собраться. Точная природа нынешнего кризиса мне неизвестна, но три сенатора уже здесь, а остальные вот-вот прибудут.

Олвин не мог не улыбнуться тому, до какой степени события в Диаспаре и Лизе приняли один и тот же оборот. Куда бы он ни направился, он, похоже, везде теперь оставлял за собой след озабоченности и тревоги.

— Мне представляется, что будет совсем неплохо, если я смогу обратиться к этой вашей Ассамблее... Если только я смогу это сделать, не подвергая себя опасности.

— Даже если ты пожалуешь сюда во плоти, это будет вполне безопасно, коли Ассамблея даст обещание не пытаться снова овладеть твоим сознанием,— ответил Хилвар.— А нет — так я бы на твоем месте оставался там, где ты сейчас. Я отведу твоего робота к сенаторам... Ох и расстроятся они, когда его увидят!

Олвин испытывал острое чувство возбуждения и радости, когда за Хилваром проследовал в дом. Теперь он встречался с правителями Лиза куда более на равных, нежели прежде. И хотя он и не испытывал к ним никаких мстительных поползновений, все равно приятно было сознавать, что теперь он — хозяин положения, располагающий силами, истинной мощи которых не представлял себе и сам.

Двери комнаты, где происходила конференция, оказались запертыми, и прошло некоторое время, прежде чем Хилвару удалось привлечь внимание находящихся внутри. Сенаторы, казалось, были настолько поглощены своими проблемами, что пробиться в их раздумья представлялось едва ли не безнадежным делом. Но вот стены словно бы неохотно скользнули в стороны, и Олвин быстро вдвинул своего робота в комнату.

Трое сенаторов так и застыли в своих креслах, когда робот подплыл к ним, но на лице у Сирэйнис просквозил лишь едва уловимый след удивления. Возможно, Хилвар уже послал ей предупреждение, а может быть, она и сама ожидала, что рано или поздно Олвин возвратится.

— Добрый вечер,— вежливо произнес Олвин с такой интонацией, будто столь неожиданное и необычное его появление было самым что ни на есть привычным пустяком.— Я решил все-таки вернуться.

Нечего и говорить — их изумление превзошло все его ожидания. Один из сенаторов, молодой человек с седеющими волосами, первым пришел в себя.

— Как вы сюда попали? — Он едва мог двигать языком — так был поражен.

Причина такой реакции на появление Олвина представлялась совершенно очевидной. Как и Диаспар, Лиз, должно быть, вывел из строя свою сторону подземной дороги.

— Да, знаете, я и на этот раз прибыл сюда точно так же, как и тогда,— ответил Олвин, не в силах удержаться от соблазна немного повеселиться за их счет.

Двое сенаторов не отрывали глаз от третьего, который развел руками в полном отчаянии, непонимании и беспомощности. Тот самый молодой человек, который заговорил с Олвином, снова встрепенулся:

— И вы не встретили... никаких... м-м... трудностей?

— Ровно никаких,— ответил Олвин, решивший еще больше усугубить их замешательство. И понял, что своего добился.— Я вернулся,— продолжал он,— по своей доброй воле и в связи с тем, что у меня есть для вас кое-какие важные новости. Тем не менее, помня о наших былых расхождениях, я в настоящий момент нахожусь вне досягаемости. Если я появлюсь здесь лично — обещаете ли вы не пытаться снова задержать меня?

Некоторое время все молчали, и Олвину было страшно интересно, какими мыслями они обменивались сейчас в этой тишине. Затем от имени всех заговорила Сирэйнис:

— Мы не станем снова пытаться контролировать вас... впрочем, я не думаю, что в прошлый раз мы добились в этом больших успехов...

— Вот и хорошо,— ответил Олвин.— Я прибуду в Эрли как можно быстрее.

Он дождался возвращения робота. Затем тщательнейшим образом проинструктировал его и даже заставил все повторить. В том, что Сирэйнис не нарушит данного ею слова, он был убежден, но тем не менее хотел обеспечить себе путь к отступлению.

Воздушный шлюз беззвучно закрылся за ним, когда он покинул корабль. Секундой позже раздалось едва слышное шипение — будто кто-то изумленно вздохнул. Несколько мгновений темная тень еще закрывала звезды, и корабль исчез.

И только теперь Олвин с неудовольствием подумал, что все-таки допустил небольшой, но досадный просчет, причем просчет такого рода, что он мог повлечь за собой катастрофическое крушение всех его замечательных планов. Он упустил из виду, что чувства у робота куда более остры, чем у него самого, а ночь оказалась темнее, чем он ожидал. Не раз и не два он совершенно сбивался с тропы и едва не расшибал себе лоб о стволы деревьев. В лесу царила кромешная тьма, и в один из моментов что-то большое двинулось к нему по кустарнику. Он услышал едва различимое потрескивание сучьев под осторожной лапой, и вот уже на уровне его живота на него уставились два изумрудных глаза. Он негромко окликнул животное, и чей-то невероятно длинный язык лизнул ему руку. Секунду спустя могучее тело уже доверчиво и нежно терлось об него и вдруг беззвучно исчезло. Он и понятия не имел, кто бы это мог быть.

Наконец между деревьями впереди заискрились огни поселка, но их блеск уже не был ему нужен, потому что тропа у него под ногами превратилась теперь в ручеек неяркого голубого огня. Мох, по которому он ступал, светился, а каждый шаг Олвина оставлял темные отпечатки, которые медленно становились неразличимыми. Это было завораживающе красивое зрелище, и, когда Олвин нагнулся, чтобы сорвать пригоршню странного мха, тот еще долго пылал в его ладонях, постепенно угасая.

И снова Хилвар встретил его за порогом дома, и опять представил Сирэйнис и сенаторам. Они приветствовали его с вымученным уважением. И если их и интересовало, куда делся робот, они, во всяком случае, ни словом об этом не обмолвились.

— Я искренне сожалею, что мне пришлось покинуть ваш край столь экстравагантным образом,— начал Олвин.— Быть может, вам будет интересно услышать, что вырваться из Диаспара оказалось не легче.— Он сделал паузу, чтобы они смогли в полной мере осознать смысл его слов, а затем быстро добавил: — Я рассказал своим согражданам все о вашей стране и очень старался, чтобы создать у них о вас самое благоприятное впечатление. Но... Диаспар не хочет иметь с вами ничего общего. Что бы я им ни говорил, они просто одержимы своим стремлением избегнуть осквернения низшей культурой...

Ах, как приятно было ему наблюдать реакцию сенаторов! Даже сдержанная, всегда такая воспитанная Сирэйнис при этих его словах слегка порозовела. Если бы он только смог добиться, подумал Олвин, того, чтобы Лиз и Диаспар преисполнились раздражением друг против друга, то проблема была бы решена больше чем наполовину. Каждый бы так старался доказать превосходство своего образа жизни, что барьерам, разделяющим их, осталось бы жить совсем недолго...

— Почему вы вернулись в Лиз? — спросила Сирэйнис.

— Потому, что мне хочется убедить вас — так же как и Диаспар,— что вы совершаете ошибку.— Он не стал распространяться о другой причине: здесь у него жил единственный друг, в котором он мог быть уверен и на помощь которого рассчитывал.

Сенаторы пребывали в молчании, ожидая продолжения, и Олвин отлично сознавал, что, слушая их ушами и видя их глазами, за всем, что происходит

в этой комнате, сейчас следит огромное число людей. Он был представителем Диаспара, и весь Лиз судит теперь о таинственном городе по тому, что он, Олвин, говорит, по тому, как он ведет себя, по тому, как он мыслит. Это была неимоверная ответственность, и он чувствовал себя перед нею таким маленьким... Он собрался с мыслями и заговорил.

Его темой был Диаспар. Он рисовал им город таким, каким увидел его в последний раз. Он описывал город, дремлющий на груди пустыни, возводил его башни, сверкающие на фоне неба, подобно словленным радугам. Из волшебного сундучка памяти он извлекал песни, написанные в честь Диаспара поэтами прошлого, он рассказывал о легионе людей, потративших долгие жизни, чтобы приумножить красоту города... Никто, говорил он своим слушателям, не в состоянии исчерпать все сокровища города за любой — даже немыслимо долгий — срок. Некоторое время он подробно живописал чудеса, созданные жителями Диаспара. Он старался заставить своих слушателей хотя бы чуть-чуть проникнуться теми красотами, которые были сотворены художниками прошлого к вечному поклонению человека. И сам спрашивал себя — не без некоторого тоскливого чувства,— правда ли, что музыка Диаспара оказалась последним звуком, который человечество послало в звездные дали?

Они дослушали его до конца — не перебивая и не задавая вопросов. Было уже очень поздно, когда он закончил свой рассказ, и он испытывал такую усталость, что хоть с ног вались. Напряжение и все треволнения долгого дня наконец сказались, и совершенно неожиданно для себя Олвин уснул.

Проснувшись, он обнаружил, что лежит в какой-то незнакомой ему комнате. Прошло несколько секунд, прежде чем он вспомнил, что находится не в Диаспаре. По мере того как сознание возвращалось, свет в комнате становился все ярче и ярче и в конце концов все вокруг оказалось залитым мягким сиянием еще по-утреннему прохладного солнца, струящего свои лучи сквозь ставшие теперь прозрачными стены. Олвин нежился в блаженной полудреме, вспоминая события минувшего дня, и размышлял над тем, какие же силы он привел теперь в движение.

С тихим мелодичным звуком одна из стен стала подниматься, сворачиваясь при этом настолько сложным образом, что сознание было не в силах схватить его. Через образовавшийся проем в комнату ступил Хилвар. Он глядел на Олвина с выражением удовольствия и вместе с тем озабоченности.

— Ну, раз уж ты проснулся,— начал он,— то, может, ты хоть мне наконец скажешь, как это тебе удалось вернуться сюда и что ты собираешься делать дальше? Сенаторы как раз отправляются посмотреть на подземку. Они никак не могут взять в толк, как это тебе удалось использовать ее для возвращения... Ты что, и в самом деле приехал на ней?

Олвин спрыгнул с постели и сладко потянулся.

— Наверное, их лучше перехватить,— сказал он.— Мне не хочется, чтобы они тратили время попусту. Ну а что касается твоего вопроса, то скоро я покажу тебе... м-м... ответ.

Они дошли почти до самого озера, прежде чем догнали троих сенаторов. Обе стороны обменялись натянутыми приветствиями. Депутация расследова-

телей поняла, что Олвину известна цель их похода, и неожиданная эта встреча, совершенно очевидно, несколько смутила сенаторов.

— Боюсь, что вчера вечером я до некоторой степени ввел вас в заблуждение,— весело обратился к ним Олвин.— В Лиз я возвратился вовсе не старым маршрутом, так что ваши старания запечатать его оказались совершенно ненужными. Откровенно говоря, Совет в Диаспаре тоже закрыл этот путь со своего конца — и с таким же успехом...

По лицам сенаторов — по мере того как они перебирали в уме один за другим варианты решения этой загадки — можно было бы изучать, что это такое — полное, до онемения, изумление.

— Но как же тогда... как же вы здесь очутились? — задал вопрос предводитель. Внезапно во взгляде у него пробудилась догадка, и Олвин понял, что он начинает подбираться к истине. Уж не перехватил ли сенатор ту мысленную команду, которую я послал туда, к горной гряде? — подумалось Олвину. Он, однако, не произнес ни слова и только молча указал рукой на северную часть неба.

Глаз едва мог уследить за тем, как серебряная стрела света прочертила дугу над вершинами гор, оставив за собой многомильный след инверсии. В двадцати тысячах футов над Лизом она остановилась. Ей вовсе не понадобилось торможением гасить свою колоссальную скорость. Она остановилась мгновенно, и глаз, следовавший за ней, по инерции прочертил дугу еще до четверти небосклона, прежде чем сознание ненужности этого смогло остановить его движение. С высоты обрушился чудовищный удар грома — это взревел воздух, смятый движением корабля. Прошло еще немного времени, и сам корабль, празднично сверкая в солнечном свете, опустился на склон холма в какой-нибудь сотне футов от них.

Трудно было сказать, кого это поразило больше, но Олвин первым пришел в себя. Когда они шли — почти бежали — к кораблю, он все думал: всегда ли это создание рук человеческих движется с такой метеоритной скоростью? Мысль эта его тревожила, хотя, когда он сам летел в корабле, быстрота его движения вообще не ощущалась. Значительно более загадочным, однако, было то, что еще позавчера это блистательное создание человеческого гения лежало, скрытое под мощным слоем твердой как сталь скальной породы, остатки которой оно еще сохраняло на себе, когда вырвалось из объятий пустыни. Возле кормы и сейчас еще налипли следы земли, спекшиеся в лавовую корку. Все остальное было снесено движением, и обнажился упрямый корпус, который не поддался ни времени, ни разрушительным силам природы.

Вместе с Хилваром Олвин ступил в раскрывшийся шлюз и обернулся к застывшим, потерявшим дар речи сенаторам. Его очень интересовало, о чем они сейчас думают, о чем, в сущности, думает сейчас весь Лиз. Выражение на лицах сенаторов, однако, было таким, что казалось — им в этот момент вообще не до того, чтобы над чем-то размышлять.

— Я отправляюсь в Шалмирейн и возвращусь в Эрли что-нибудь через часок,— сказал Олвин.— Но это только начало, и, пока я буду там, мне хотелось бы, чтобы вы поразмыслили над одним обстоятельством.

Дело в том, что это — не какой-то обычный флайер, на которых люди когда-то путешествовали в пределах своей планеты. Это — космический корабль, один из самых быстрых, которые когда-либо были построены. Если вам интересно узнать, где я его обнаружил, то вы можете найти ответ в Диаспаре. Но для этого вам придется отправиться туда самим, потому что Диаспар никогда не придет к вам первым.

Он повернулся к Хилвару и подтолкнул его к внутренней двери. Тот колебался всего какое-то мгновение. Полуобернувшись, он кинул прощальный взгляд на холм, на траву, на небо — все это такое знакомое — и прошел внутрь.

Сенаторы глаз не отрывали от корабля, пока он — на этот раз достаточно медленно, поскольку путь предстоял близкий — не исчез на юге. Затем седеющий молодой человек, который предводительствовал группе, с видом философского смирения пожал плечами и повернулся к одному из своих коллег:

— Вы всегда были против того, чтобы мы стремились к каким-то переменам. И до сих пор последнее слово всегда оставалось за вами. Но теперь... я не думаю, что будущее — за какой-то одной из наших фракций. И Лиз, и Диаспар — они оба завершили некий этап своего развития, и вопрос заключается в том, как наилучшим образом воспользоваться создавшейся ситуацией.

— Боюсь, вы правы,— последовал угрюмый ответ.— Мы вступили в полосу кризиса, и Олвин знал, что говорит, когда настаивал, чтобы мы отправились в Диаспар. Они теперь знают о нашем существовании, так что таиться больше нет никакого смысла. Мне представляется, что нам лучше все-таки войти в контакт с нашими двоюродными братьями. Весьма возможно, что мы найдем их стремящимися к сотрудничеству в куда большей степени, чем прежде...

— Но ведь подземка закрыта с обоих концов...

— Мы можем распечатать наш. И пройдет не так уж много времени, прежде чем Диаспар сделает то же самое...

Сенаторы — и те, что находились в Эрли, и остальные, рассеянные по всей территории Лиза,— взвесили это предложение и всей душой невзлюбили его. Но иного выхода, похоже, просто не было.

Росток, высаженный Олвином, начал расцветать быстрее, чем можно было надеяться.

Горы еще зябли в тени, когда корабль достиг Шалмирейна. С высоты, на которой они находились, огромная чаша крепости выглядела совсем крохотной. Казалось просто невероятным, что когда-то от этого вот черного, как ночь, кружка зависели судьбы Земли.

Как только Олвин приземлил корабль среди развалин на берегу озера, леденящая душу атмосфера одиночества и заброшенности охватила его. Он открыл шлюз, и тотчас же мертвая тишина этого странного места просочилась внутрь корабля. Хилвар, который за все время этого короткого путешествия едва ли вымолвил больше дюжины слов, негромко обратился к Олвину:

— Почему ты снова пришел сюда?

Олвин молчал, пока они не добрались до кромки воды. И только тут он отозвался:

— Мне хотелось показать тебе, что это за корабль... И еще я надеялся, что полип, возможно, снова существует... У меня такое ощущение, что я перед ним в долгу, и мне очень хочется рассказать ему о том, что я открыл.

— В таком случае тебе придется подождать,— сказал Хилвар.— Ты возвратился слишком рано.

Олвин был готов к такому повороту дела. Возможность того, что полип жив, была слишком уж слаба, и Олвин не особенно огорчился тем, что его ожидания обмануты. Воды озера лежали совершенно спокойно, в них больше уже не бился тот напряженный пульс, что так поразил их в первое посещение. Олвин опустился на колени возле воды и стал вглядываться в холодную, темную глубину.

Крохотные полупрозрачные колокольчики, за которыми тянулись почти невидимые хвостики, медленно перемещались в разных направлениях под самой поверхностью. Он опустил ладонь в воду и зачерпнул один такой колокольчик. И тотчас же выплеснул его обратно, ойкнув: колокольчик его стрекнул.

Придет день — возможно, через несколько лет, а то и столетий,— и эти вот безмозглые кусочки протоплазмы снова соберутся вместе, и снова народится огромный полип, его сознание пробудится к существованию, и память возвратится к нему. Было бы интересно узнать, как примет это существо все, что ему, Олвину, удалось узнать... Быть может, ему будет не слишком приятно услышать правду о Мастере... В сущности, оно, возможно, даже не захочет признаться самому себе в том, что все эти столетия и столетия терпеливого ожидания прошли совершенно бесцельно...

Но — бесцельно ли? Хотя полип и был обманут, но ведь его столь долгое бдительное терпение оказалось теперь вознаграждено. Чуть ли не чудом он спас из забвения прошлого знание, которое иначе было бы безвозвратно утрачено... Теперь это существо, распавшееся на клетки, сможет наконец отдохнуть, а его символ веры отправится туда, где почили миллионы других верований, полагавших себя вечными...

19

В задумчивом молчании шли Хилвар с Олвином обратно, к ожидавшему их кораблю. Как только они взлетели, крепость стала темной тенью среди холмов, она быстро сокращалась в размерах, пока не превратилась в странный черный глаз без век, обреченный на пристальный, вечный взгляд вверх, в пространство,— и вскоре они потеряли его в огромной панораме Лиза.

Олвин ровным счетом ничего не делал для управления кораблем. И все же они поднимались и поднимались, пока весь Лиз не распростерся под ними — зеленым островом в охряном море. Никогда прежде Олвин не забирался так высоко. Когда наконец корабль замер, внизу под ними полумесяцем лежала теперь вся Земля. Лиз отсюда выглядел совсем крошечным — изумрудное пятнышко на ржавом лике пустыни. А далеко, у самого закругления этого полуосвещенного шара, что-то сверкало, будто рукотворный драгоценный камень. Таким Хилвар впервые увидел Диаспар.

Они долго сидели, наблюдая, как Земля проворачивается под ними. Из всех древних способностей человека любопытство, без сомнения, было тем, что он меньше всего мог позволить себе утратить. Олвину хотелось бы показать властителям в Лизе и Диаспаре весь этот мир — таким, каким он видел его сейчас.

— Хилвар,— наконец проговорил он,— а ты уверен, что то, что я делаю,— правильно?

Вопрос этот удивил Хилвара, который и понятия не имел о тех внезапных сомнениях, что временами накатывали на его друга, да и, кроме того, он еще не знал о встрече Олвина с Центральным Компьютером и о том отпечатке, который эта встреча наложила на его сознание. Не такой это был легкий вопрос, чтобы ответить на него бесстрастно. Как и Хедрон, хотя и с меньшим основанием, Хилвар чувствовал, что его собственное «я» тонет в личности Олвина. Его безнадежно засасывало в водоворот, который Олвин оставлял за собой на своем пути по пространству и времени.

— На мой взгляд, ты прав,— медленно проговорил Хилвар.— Наши два народа были разделены слишком долгое время...— Это ведь правда, подумалось ему, хотя он и понимал, что личные его ощущения все еще противоречат такому ответу. Но Олвин не успокоился.

— Есть еще одна проблема, которая меня волнует,— обеспокоенно сказал он.— Различие в длительности наших жизней.— Он не добавил больше ни слова, но оба они в этот момент знали, о чем именно думает сейчас друг.

— Меня это тоже тревожит,— признался Хилвар.— Но мне кажется, что к тому времени, как наши народы смогут снова хорошо узнать друг друга, проблема эта разрешится сама собой. Мы оба можем оказаться правы: пусть наши жизненные циклы слишком коротки, но зато ваши, без сомнения, чересчур уж длинны. В конце концов будет найден какой-то компромисс...

Олвин задумался над этим. В самом деле, единственную надежду следовало искать только в этом направлении, однако столетия переходного периода, конечно же, будут очень сложными. Он снова припомнил горькие слова Сирэйнис: «И он, и я будем мертвы уже целые столетия, в то время как вы будете еще молодым человеком...» Что ж, хорошо: он примет эти условия. Даже в Диаспаре все дружеские связи развивались в тени того же самого — сотня ли лет, миллион ли, в конце концов это не имело значения.

С уверенностью, которая выходила за пределы логики, Олвин знал, что благополучие народа требовало сосуществования двух культур. В этом случае индивидуальное счастье окажется на втором плане. На момент человечество представилось Олвину чем-то куда более драгоценным, нежели как просто фон его собственного бытия. И он без колебаний принял ту долю личных потерь, которую, наступит день, принесет ему сделанный им выбор.

Мир под ними продолжал свое бесконечное вращение. Чувствуя настроение друга, Хилвар молчал, пока наконец Олвин сам не нарушил устоявшуюся тишину.

— Когда я в первый раз ушел из Диаспара, я и понятия не имел — а что же я надеюсь найти? — сказал он.— Тогда меня вполне мог удовлетворить Лиз,

и он меня и удовлетворил, но теперь все на Земле кажется таким маленьким... Каждое сделанное мною открытие вызывало все более серьезные вопросы, открывало более широкие горизонты... Где, где все это кончится?..

Никогда еще Хилвар не видел своего друга таким задумчивым, и ему не хотелось мешать этой погруженности в самого себя. За последние несколько минут он очень многое узнал о друге.

— Робот сказал мне, что этот корабль может достичь Семи Солнц меньше чем за день,— сказал Олвин.— Как ты считаешь — отправиться мне туда?

— А ты что же — полагаешь, что мне удастся тебя отговорить? — вопросом же негромко ответил Хилвар.

Олвин улыбнулся:

— Это не ответ. Кто знает, что именно лежит там, в пространстве? Может, Пришельцы и покинули Вселенную, но в ней могут найтись и другие разумные существа, враждебные Человеку...

— Да с какой же стати им быть враждебными? — поразился Хилвар.— Эту проблему наши философы обсуждали на протяжении веков. По-настоящему разумная раса просто не может быть враждебной разуму.

— Но Пришельцы...

— Они — загадка, я согласен. Если они действительно были злобны, то к настоящему времени наверняка уже уничтожили сами себя. Но даже если этого и не произошло...— Хилвар указал на бесконечные пустыни под кораблем: — Когда-то у нас была Галактическая Империя. Что есть у нас теперь такое, что им хотелось бы захватить?

Олвин был несколько удивлен, что вот нашелся и еще один человек, исповедующий точку зрения, так близко подходящую к его собственной.

— И что — весь ваш народ думает так же? — поинтересовался он.

— Да нет, только меньшинство... Средний человек над всем этим просто не задумывается. Но спроси такого — и он наверняка скажет, что, если бы Пришельцы и в самом деле хотели уничтожить Землю, они сделали бы это уже давным-давно... Мне как-то не кажется, что хотя бы кто-то боится их и на самом деле...

— В Диаспаре все совсем по-другому,— вздохнул Олвин.— Мои сограждане — безумные трусы. Они ужасаются при одной мысли о том, что можно выйти за пределы городских стен, и я просто не представляю себе, что с ними станется, когда они проведают о моем космическом корабле. Джизирак сейчас уже, конечно, обо всем рассказал Совету... Хотелось бы мне знать, что они предпринимают...

— Это-то я могу тебе сказать! Сейчас они готовятся принять первую делегацию из Лиза. Мне только что сказала об этом Сирэйнис.

Олвин снова посмотрел на экран. Сам он мог в мгновение ока покрыть расстояние между Лизом и Диаспаром. Одна из целей была достигнута, но теперь это уже не казалось таким уж важным. И все же он был очень рад. Уж теперь-то окончатся долгие века стерильной изоляции...

Сознание, что он добился успеха в том, что когда-то было его главной миссией, выветрило из головы последние сомнения. Здесь, на Земле, он испол-

нил свое дело быстрее и тщательнее, чем мог надеяться поначалу. Был открыт путь к тому, что могло бы стать его последним и, уж конечно, самым выдающимся предприятием.

— Отправишься со мной? — спросил он, отлично сознавая, чего именно просит.

Хилвар пристально посмотрел на него.

— Мог бы и не спрашивать,— ответил он.— Я сообщил маме и всем друзьям, что улетаю с тобой,— и было это добрый час назад!

Они находились очень высоко, когда Олвин закончил отдавать роботу последние распоряжения. Корабль к этому времени почти остановился, и Земля лежала в тысяче миль под ним, едва не закрывая все небо. Вид у нее был какой-то неуютный. Олвину подумалось о том, сколько кораблей в прошлом висели вот тут некоторое время, прежде чем продолжить свой путь...

Пауза затянулась, как если бы робот тщательнейшим образом проверял все органы управления и многочисленные электрические цепи, которыми не пользовались на протяжении целых геологических эпох. Затем раздался какой-то очень слабый звук — первый, который услышал Олвин от этой машины. Это было едва различимое пение, оно быстро меняло тональность — от октавы к октаве, забираясь все выше и выше, и вот уже ухо было не в силах его воспринимать. Они не ощутили никакого изменения в движении корабля, но внезапно Олвин обратил внимание, что звезды поплыли по экрану. Снова появилась Земля — и откатилась назад... появилась опять, но уже в другом ракурсе. Корабль охотился за своим курсом, крутясь в космосе, как крутится стрелка компаса, когда она ищет север. В течение нескольких минут небеса рыскали вокруг них, пока наконец корабль не остановился — гигантский снаряд, нацелившийся на звезды.

В самом центре экрана во всем своем радужном великолепии лежали теперь Семь Солнц. От Земли остался лишь самый краешек — темный серпик месяца, отороченный золотом и пурпуром заката. Олвин понимал, что сейчас происходит что-то, выходящее за пределы его опыта. Он ждал, вцепившись в подлокотники кресла. Секунды капали одна за другой, а на экране сияли Семь Солнц.

Ни звука не раздалось, когда произошел этот внезапный рывок, который на миг замутил зрение, но Земля исчезла, словно чья-то гигантская рука просто смела ее с небосвода. Они оказались одни в космосе — только они и звезды, да странно съежившееся Солнце. Земля пропала, будто ее никогда и не было.

Снова такой же рывок, но на этот раз послышался и едва уловимый звук, как будто бы только вот сейчас генераторы корабля отдали движению более или менее заметную долю своей энергии. И все же какую-то секунду еще казалось, что ничего не произошло. Но почти тотчас же Олвин осознал, что исчезло и Солнце, а звезды медленно ползут назад вдоль корпуса корабля. Он обернулся на мгновение и — ничего не увидел. Все небо в задней полусфере просто исчезло, сметенное тьмой. Он успел заметить, как звезды срываются в эту тьму и гаснут, будто искры, падающие в воду. Корабль двигался теперь

со скоростью, куда большей, чем скорость света, и Олвин понял, что родной мир Земли и Солнца им с Хилваром уже не принадлежит.

Когда этот внезапный, головокружительный рывок произошел в третий раз, сердце у него почти остановилось. Странное затемнение зрения теперь стало очевидно: на какой-то момент все окружающее, казалось, до неузнаваемости изменило свои очертания. Откуда оно — это искажение, Олвин понял в каком-то озарении, происхождения которого он не мог бы объяснить. Мир искривился на самом деле, это не были шутки зрения. Пронизывая тонкую пленку Настоящего, Олвин каким-то образом схватывал основные черты перемен, происходящих вокруг него в пространстве.

И в этот миг шепот генераторов превратился в рев потрясающей силы. Звук этот был в особенности страшен, потому что генераторы корабля зашлись в протесте в первый раз за все это время. Почти тотчас же все и кончилось, и внезапно наступившая тишина, казалось, зазвенела в ушах. Устройства, приводящие корабль в движение, сделали свое дело: теперь они уже не понадобятся до самого конца путешествия. Звезды впереди сияли бело-голубым огнем и пропадали в ультрафиолете. И все же, благодаря какому-то чуду природы или науки, Семь Солнц видны были по-прежнему, хотя теперь их расположение и цвет все-таки слегка изменились. Корабль стремглав несся к ним сквозь тунель черноты, за пределами пространства, за пределами времени, и скорость его была слишком громадной, чтобы человеческий разум мог ее оценить.

Было трудно поверить, что их вышвырнуло из Солнечной системы со стремительностью, которая, если ее не обуздать, скоро пронесет корабль через самое сердце Галактики и выбросит в неимоверно пустынные и темные пространства за ее пределами. Ни Олвин, ни Хилвар не могли оценить всей громадности своего путешествия; величественные саги о межзвездных странствиях совершенно переменили взгляд Человека на Вселенную, и даже сейчас, спустя миллионы столетий, древние мифы еще не совсем умерли. Существовал когда-то корабль, шептала легенда, который совершил кругосветное путешествие по Космосу за время от восхода до заката Солнца. Все эти миллиарды миль, разделяющие звезды, не значили ровно ничего перед такой скоростью. Вот почему для Олвина этот полет был лишь чуть-чуть более грандиозным, чем его первая поездка в Лиз.

Именно Хилвар вслух выразил их общую мысль при виде того, как Семь Солнц впереди исподволь набирают яркость.

— А ведь такое вот их расположение не может быть естественным,— задумчиво проговорил он.

Олвин кивнул:

— Я думал над этим на протяжении многих лет, но даже сама мысль о такой возможности все еще представляется мне фантастической...

— Возможно, эту систему создали и не люди,— согласился Хилвар,— но все же она должна быть творением разума. Природе никогда бы не сотворить такое вот совершенное кольцо из звезд равной яркости. И в видимой части Вселенной нет ничего похожего на Центральное Солнце.

— Но... зачем же это понадобилось?..

— О, можно напридумывать сколько угодно причин! Вдруг это сигнал, чтобы любой корабль, проникающий в нашу Вселенную, знал, где искать жизнь... Или — указание на расположение центра галактической администрации... Или, может быть,— и я почему-то склоняюсь к тому, что так оно и есть,— это просто самое величественное из всех произведений искусства. Но что толку-то — размышлять об этом сейчас? Мы же через несколько часов все равно узнаем истину...

«Узнаем истину»... Очень может быть, подумалось Олвину, но вот — какую часть ее? Казалось странным, что сейчас, когда он покидал Диаспар — а в сущности, и самое Землю — со скоростью, выходящей далеко за пределы самого смелого воображения, его разум обращался не к чему-нибудь, а к самой тайне его собственного происхождения. Но, возможно, это было и не столь уж удивительно... Ведь с тех самых пор, как впервые попал в Лиз, он действительно узнал очень многое, но до сих пор у него и минутки свободной не было, чтобы спокойно предаться размышлениям.

А сейчас ему не оставалось ничего другого, кроме как сидеть и ждать. Его непосредственным будущим управляла чудесная машина — без сомнения, одно из самых высоких достижений инженерной мысли во все времена,— которая несла его в самый центр Вселенной. Момент для размышлений и анализа, хотел он того или нет, наступил именно теперь. Но сначала он расскажет Хилвару обо всем, что произошло с ним с момента его торопливого отбытия двумя днями прежде...

Хилвар выслушал одиссею безо всяких комментариев и не требуя разъяснений. Казалось, он тотчас схватывает все, что говорит ему Олвин, и он не выказал ни малейшего удивления даже тогда, когда друг рассказал о своей встрече с Центральным Компьютером и о той операции, которую мозг города произвел с сознанием робота. Это, конечно, вовсе не означало, что он был не способен удивляться. Просто известная ему история прошлого изобиловала чудесами, вполне сравнимыми с любым эпизодом из истории Олвина.

— Мне совершенно ясно, что Центральный Компьютер получил насчет тебя какие-то специальные инструкции — еще когда его только построили,— сказал Хилвар, едва Олвин завершил свое повествование.— Теперь-то ты должен бы уже догадаться почему.

— Мне кажется, я знаю... Часть ответа сообщил мне Хедрон, когда объяснил, каким образом люди, разработавшие концепцию Диаспара, предусмотрели все, чтобы предотвратить его упадок...

— Выходит, по-твоему, что и ты сам, и другие Неповторимые, которые были еще до тебя, все вы — часть какого-то социального механизма, который предотвращает полный застой? Так что, если Шуты — это только кратковременные корректирующие факторы, то ты и тебе подобные должны работать на долгую перспективу?

Хилвар выразил эту мысль лучше, чем мог бы и сам Олвин, и все же это было совсем не то, что пришло ему в голову.

— Да нет, я убежден, что истина-то куда более сложна. Очень уж похоже на то, что, когда город еще только строился, произошло столкновение мнений между теми, кто хотел совершенно оттородить его от остального мира, и

теми, кто выступал за некоторые контакты Диаспара с этим миром. Победила первая группировка, но те, другие, не захотели признать своего поражения. И вот, мне кажется, Ярлан Зей был, должно быть, одним из их лидеров, только он был недостаточно могущественным, чтобы выступить в открытую. Он сделал все, что мог, оставив подземку в рабочем состоянии и предусмотрев, чтобы через долгие интервалы времени кто-то выходил из Зала Творения с психологией человека, ни в малейшей степени не разделяющего страхов своих сограждан. В сущности-то, мне вот что интересно...— Олвин остановился, и глаза его затуманились мыслью до такой степени, что какое-то время он, похоже, просто не отдавал себе отчета в окружающем.

— Ты о чем задумался? — спросил Хилвар.

— Мне просто пришло в голову... может быть, я и есть Ярлан Зей? Это, знаешь, вполне возможно... Он мог внести матрицу своей личности в Хранилища Памяти и возложить на нее задачу взломать форму Диаспара, прежде чем она закостенеет. Придет день, когда я должен буду выяснить, что же случилось с теми, предыдущими Неповторимыми. Это ведь помогло бы стереть множество белых пятен в общей картине...

— И Ярлан Зей — или кто бы это ни был — также проинструктировал Центральный Компьютер оказывать Неповторимым помощь, когда бы они ни появлялись,— задумчиво произнес Хилвар, следуя линии его логики.

— Вот именно! Ирония же заключается в том, что я мог получить всю необходимую информацию прямо от Центрального Компьютера и мне не нужно было бы потрошить беднягу Хедрона. Мне-то Центральный сообщил бы гораздо больше, чем то, что он когда-либо рассказывал Шуту. Но все-таки Хедрон сэкономил для меня бездну времени и научил многому, до чего я сам никогда бы не додумался...

— Твоя гипотеза вроде бы и объясняет все известные факты,— осторожно сказал Хилвар.— К несчастью, она все еще оставляет открытой самую глубокую проблему из всех — изначальную цель создания Диаспара. Почему ваши люди склонны считать, что внешнего мира просто не существует? Вот вопрос, на который я хотел бы получить ответ.

— Я как раз и собираюсь на него ответить,— сказал Олвин.— Только не знаю — когда и как...

И так они спорили и мечтали, в то время как час за часом Семь Солнц расплывались в стороны, пока кольцо их не обрисовало внешние обводы этого странного туннеля ночи, в котором мчался корабль. Затем одна за другой наружные звезды исчезли на грани черноты, и наконец в центре экрана осталось только среднее солнце Семерки. Хотя корабль все еще пронизывал не его пространство, среднее светило уже сияло тем жемчужным огнем, который выделял его из всех остальных звезд. Яркость его увеличивалась с каждой минутой, пока наконец оно из точки не превратилось в крохотный жемчужный диск. И этот диск принялся увеличиваться в размерах.

Раздалось кратчайшее из кратких предупреждение: на какое-то мгновение в корабле завибрировала глубокая, колокольного тона нота. Олвин стиснул подлокотники кресла — движение это было достаточно бессмысленным.

И снова взорвались жизнью гигантские генераторы, и с внезапностью, которая почти ослепила, на небе появились все его звезды. Корабль снова выпал в пространство, снова появился во Вселенной солнц и планет, в естественном мире, где ничто не может двигаться быстрее света.

Они оказались уже внутри системы Семи Солнц — огромное кольцо разноцветных шаров теперь явно доминировало в черноте Космоса. Но разве можно было назвать это чернотой! Звезды, которые были им знакомы, все привычные созвездия куда-то пропали. А Млечный Путь теперь уже не рисовался слабой полоской тумана на одной стороне небосвода. Он гордо пролегал теперь в самом центре мироздания, и широкое его полотно делило Вселенную надвое.

Корабль все еще очень быстро двигался в направлении Центрального Солнца, а шесть остальных звезд системы были словно разноцветные маяки, расставленные кем-то по небу. Неподалеку от ближайшей из них просматривались крохотные искорки планет — должно быть, планеты эти были неимоверных размеров, если их было видно с такого расстояния.

Причина туманного, а потому и жемчужного свечения Центрального Солнца была теперь очевидна: гигантскую звезду окутывала газовая оболочка, она смягчала излучение и придавала ему характерный цвет. Глаз едва различал эту газовую туманность, и вся она была словно бы изломана, но как именно — невозможно было решить. Но оболочка была, и чем дольше на нее смотреть, тем протяженнее она представлялась.

— Ну, Олвин, у нас с тобой теперь достаточно миров, чтобы сделать выбор,— засмеялся Хилвар.— А может, ты нацелился исследовать их все?

— К счастью, в этом нет необходимости. Если мы только сможем где-то войти в контакт, то получим всю нужную нам информацию. Знаешь, логично, наверное, будет направиться к самой большой планете Центрального Солнца...

— Если только она не слишком уж велика. Я слышал, что некоторые планеты так огромны, что человек просто не может на них ступить — его собственный вес раздавит...

— Да навряд ли здесь есть что-нибудь подобное. Понимаешь, я уверен, что вся эта система полностью искусственная. Во всяком случае, мы же еще с орбиты сможем увидеть, есть ли на планете города и деревни.

Хилвар кивнул в сторону робота:

— Эта проблема решена. Проводник-то наш здесь ведь уже бывал... Он ведет нас домой, и мне хотелось бы узнать, о чем он в связи с этим думает.

Олвину это тоже пришло в голову. Но возможно ли, не бессмыслица ли, чтобы робот испытывал хоть что-нибудь, напоминающее человеческие чувства, пусть даже он и возвращался — после столь долгого отсутствия — к древнему дому своего хозяина?

Ни разу за все время с тех пор, как Центральный Компьютер снял блокировку, делавшую робота немым, машина не выказала ни малейшего признака эмоциональности. Робот отвечал на вопросы и повиновался командам, но истинное его «я» было для Олвина за семью печатями. А в том, что робот все-

таки был личностью, Олвин был уверен. Иначе он не испытывал бы того туманного ощущения вины, которое охватывало его всякий раз, когда он вспоминал уловку, на которую попался робот.

Этот интеллект по-прежнему верил во все, чему научил его Мастер, хотя и видел, как тот «ставил» свои «чудеса» и лгал пастве. Странно, что эти неудобные факты не поколебали его преданности. По-видимому, он был способен — как и многие человеческие существа до него — примирять два противоречащих друг другу ряда фактов.

Теперь он прослеживал свои воспоминания в обратном направлении — к источнику их происхождения.

...Почти потерявшись в сиянии Центрального Солнца, лежала бледная искорка, вокруг которой поблескивали уж совсем крохотные миры. Необъятное по масштабам путешествие приближалось к концу. Через короткое время Олвину и Хилвару станет известно, не проделали ли они его впустую.

20

Планета, к которой они приближались, находилась теперь от них всего в нескольких миллионах миль — красивый шар, испещренный многоцветными пятнами света. На ее поверхности нигде не могло быть темноты, потому что, по мере того как планета поворачивалась под Центральным Солнцем, по ее небу чередой проходили все другие светила системы. И теперь Олвин с предельной ясностью понял значение слов умирающего Мастера: «Как славно смотреть на цветные тени на планетах Вечного Света!»

Они были уже так близко, что различали континенты, океаны и слабую вуаль атмосферы. В очертаниях суши и водоемов тревожило что-то загадочное, и они тотчас же уловили, что границы тверди слишком уж правильны. Континенты этой планеты были теперь совсем не такими, какими создала их природа,— но сколь ничтожной задачей было это преобразование мира для тех, кто построил его солнца!

— Да ведь это вовсе и не океаны! — внезапно воскликнул Хилвар.— Гляди, на них видны какие-то отметины...

Только когда планета совсем приблизилась, Олвин смог ясно рассмотреть, что именно имел в виду его друг. Он заметил слабые полоски, какие-то штрихи вдоль границ континентов — далеко в глубине того, что он принял за океаны. Он пригляделся и тотчас же исполнился сомнением, потому что значение таких же вот линий было ему слишком хорошо известно. Он уже видел такие же раньше — в пустыне за пределами Диаспара, и они теперь сказали ему, что путешествие к планете оказалось напрасным...

— Она такая же сухая, как и Земля! — упавшим голосом выдохнул Олвин.— Вся ее вода исчезла... вон те черточки — это полосы соли, там испарялись моря...

— Они никогда бы этого не допустили,— отозвался Хилвар.— Полагаю, что в конце концов мы опоздали...

Разочарование было таким горьким, что Олвин просто не решался заговорить снова, боясь, что голос выдаст его, и только молча смотрел на огром-

ный мир под собой. С поражающей воображение величественностью проворачивалась планета под кораблем, ее поверхность медленно поднималась им навстречу. Теперь были уже видны и здания — крохотные белые инкрустации всюду, кроме дна океанов...

Когда-то этот мир был центром Вселенной. Ныне же он замер, его воздушное пространство пустовало, и на поверхности не было видно спешащих точек, свидетельствующих о том, что здесь кипит жизнь... И все же корабль по-прежнему неуклонно скользил над этим застывшим каменным морем, которое то там, то здесь собиралось в огромные волны, бросающие вызов небу.

В конце концов корабль остановился, как если бы робот внезапно отыскал в памяти то, что нужно, добравшись до самых ее глубин. Под ними высилась колонна из снежно-белого камня, вздымающаяся из самого центра невероятных размеров амфитеатра. Олвин немного подождал. Корабль оставался неподвижным, и тогда он приказал роботу приземлить его у подножия колонны.

Даже до этого вот момента Олвин втайне еще надеялся обнаружить на планете жизнь. Надежда исчезла, едва был открыт воздушный шлюз. Никогда прежде, даже в уединении Шалмирейна, не обволакивала их такая вот всепоглощающая тишина. На Земле всегда можно было уловить шорох голосов, шевеление живых существ или же, на худой конец, хотя бы вздохи ветра. Здесь ничего этого не было и уже не будет никогда...

— Почему ты привел нас именно на это место? — спросил Олвин у робота. Сам по себе ответ мало его интересовал — просто инерция исследования все еще несла его, хотя он и потерял всякое желание продолжать поиск.

— Мастер покинул планету именно отсюда,— ответил робот.

— Такого вот объяснения я и ожидал,— удовлетворенно сказал Хилвар.— Неужели до тебя не доходит ирония происходящего? Он бежал из этого мира всеми оплеванный — а теперь посмотри только на этот вот мемориал, который воздвигли в его честь!

Каменная колонна, возможно, в сотню раз превышала рост человека и стояла в центре металлического кольца, слегка приподнятого над уровнем равнины. Она была совершенно гладкая и без каких бы то ни было надписей. Сколько же времени, подумалось Олвину, собирались здесь околпаченные этим Мастером, воздавая ему почести? И узнали ли они, что он умер в изгнании на далекой Земле?

Все это теперь не имело никакого значения. И сам Мастер, и его паства были погребены вечностью.

— Выйди,— настойчиво приглашал Хилвар, пытающийся вывести Олвина из этого подавленного состояния.— Ведь мы же половину Вселенной пересекли, чтобы увидать это место. Уж по крайней мере, ты мог бы сделать над собой усилие и выйти наружу.

Против своего желания Олвин улыбнулся и вслед за Хилваром прошел воздушный шлюз. Но когда он оказался снаружи, настроение его стало малопомалу подниматься. Даже если этот мир и оказался мертв, в нем должно найтись немало интересного, такого, что позволит ему раскрыть некоторые загадки прошлого.

Воздух был какой-то спертый, но им вполне можно было дышать. Несмотря на множество солнц на небе, жара не чувствовалась. Заметное тепло источал только белый диск Центрального Солнца, но и оно, это тепло, казалось, теряло свою силу, просачиваясь сквозь туманную дымку вокруг звезды. Другие же солнца давали свою долю света, но никак не тепло.

Им понадобилось всего несколько минут, чтобы убедиться, что этот обелиск ни о чем им не поведает. Упрямый материал, из которого он был сделан, ясно демонстрировал отметины, оставленные временем. Кромки его округлились, а металл, на котором он покоился, был исшаркан миллионами ног целых поколений пилигримов и просто любопытствующих. Странно было думать, что вот они двое, возможно, и есть последние из миллиардов человеческих существ, когда-либо стоявших на этом месте.

Хилвар уже хотел было предложить возвратиться на корабль и перелететь к ближайшему из расположенных в окрестностях обелиска зданий, когда Олвин обратил внимание на длинную узкую трещину в мраморном полу амфитеатра. Они прошли вдоль нее на довольно значительное расстояние, и трещина эта все время расширялась, пока наконец она не стала настолько широка, что уже нельзя было стать, поставив ноги на ее края.

Еще несколько секунд ходьбы — и они оказались возле того, что эту трещину породило. Поверхность амфитеатра в этом месте была расколота и разворочена, и образовалось гигантское углубление — длиной более чем в милю. Не требовалось ни какой-то особой догадливости, ни сильного воображения, чтобы установить причину всего этого. Столетия назад — хотя, несомненно, уже много времени спустя после того, как этот мир был покинут,— какая-то огромная цилиндрическая форма некоторое время покоилась здесь, а затем снова ушла в пространство, оставив планету наедине с ее воспоминаниями.

Кто они были? Откуда пришли? Олвин мог только глядеть и гадать. Ответа ему не узнать, поскольку он разминулся с этими более ранними посетителями на тысячу, а то и на миллион лет...

В молчании двинулись они обратно к своему кораблю. Каким бы малюткой выглядел он рядом с тем, чудовищных размеров, межзвездным скитальцем, который когда-то лежал здесь! Поднявшись, они медленно полетели над всей этой местностью, пока не приблизились к самому удивительному из зданий, рассеянных по ней. Когда они приземлились перед изукрашенным входом, Хилвар указал на то, что Олвин заметил и сам:

— Не больно-то эти здания безопасны! Погляди, сколько тут нападало камней,— да это просто чудо, что они еще держатся! Будь на этой планете бури, здания-то уж столетия назад сровнялись бы с землей... Не думаю, что это будет мудро — войти в одно из них...

— А я и не собираюсь. Давай пошлем робота — он же передвигается куда быстрее, чем мы, ни за что там не зацепится и не обрушит на себя перекрытия...

Хилвар такую предосторожность одобрил, но настаивал и еще на одной, которую Олвин не предусмотрел. Прежде чем робот отправился в разведку, Олвин приказал ему записать в память искусственного мозга корабля — почти

столь же развитого, как и у самого робота,— подробный набор команд для возвращения на Землю, что бы ни случилось с их пилотом.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться, что этот мир ничего не в силах им предложить. Сидя перед экраном в корабле, они миля за милей наблюдали пустынные, покрытые слоем пыли коридоры и проходы, которые проплывали перед ними, по мере того как робот исследовал эти безлюдные лабиринты.

Все здания, построенные разумными существами, какой бы формы ни были их тела, должны соответствовать определенным основным законам, и спустя некоторое время даже самые, казалось бы, чужеродные архитектурные формы перестают вызывать удивление, мозг словно бы гипнотизируется бесконечным повторением одного и того же и теряет способность воспринимать новые впечатления. Здания на этой планете, похоже, предназначались исключительно для жилья, и существа, некогда обитавшие в них, по своим размерам приблизительно соотносились с человеком. Очень может быть, что они и были людьми. Верно, что в этом здании было очень много комнат и помещений, проникнуть в которые могли только летающие существа, но это вовсе не означало, что строители зданий и сами были крылаты. Они могли, скажем, пользоваться индивидуальными гравитационными устройствами, которые когда-то были широко распространены, но от которых в Диаспаре сейчас не осталось и следа.

— Да мы можем потратить миллионы лет, исследуя все эти здания,— очнулся наконец Хилвар.— Ясно же, что их не просто бросили — их тщательно освободили от всего ценного, что они могли содержать. Мы только зря тратим время.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Хорошо бы осмотреть еще два или три района планеты, да и убедиться, что все они — один к одному, как я ожидаю. Потом нам следует так же быстро ознакомиться с другими планетами, а приземляться только в тех случаях, если какая-то покажется нам сильно отличающейся от всех предыдущих или же если мы заметим что-нибудь необычное. И это все, на что мы можем надеяться, если только не собираемся торчать тут до конца своих дней...

Это было достаточно справедливо. Они собирались войти в контакт с разумными существами, а вовсе не археологическими раскопками заниматься. Первую задачу можно было бы выполнить за какие-то несколько дней — если выполнить вообще. Вторая потребовала бы столетий труда целых армий людей и роботов.

Двумя часами позже они покинули планету и были рады, что так поступили. Олвин решил, что даже в те времена, когда она еще цвела жизнью, мир этих бесконечных зданий был достаточно гнетущ. Они не встретили ни следа парков или каких-нибудь открытых пространств, на которых могла произрастать какая-нибудь растительность. Это был абсолютно бесплодный мир, и им трудно было представить себе психологический склад существ, которые его населяли. Олвин решил для себя, что если и следующая планета очень похожа на эту, то он, скорее всего, тут же свернет поиски.

Она не была очень похожей. Более того — контраст разительнее трудно было бы и представить.

Эта планета находилась ближе к солнцу и даже из Космоса выглядела знойной. Часть ее закрывали низкие облака, что указывало на обилие воды, но океанов не было и следа. Не было заметно и никаких признаков разумной жизни: они дважды облетели планету и так и не увидели ни единого создания рук человеческих. Весь ее шар — от полюсов до экватора — был покрыт ковром ярчайшей зелени.

— Вот кажется мне, что здесь нам надо быть очень и очень осторожными,— заметил Хилвар.— Это живой мир, и мне как-то совсем не нравится цвет здешней растительности. Наверное, разумнее всего будет оставаться в корабле и совсем не открывать шлюз.

— И что — даже и робота на разведку не посылать?

— Вот именно. Ты ведь просто не знаешь, что такое болезни, и, хотя мой народ и умеет с ними бороться, мы слишком уж далеко от дома. Кроме того, здесь ведь могут встретиться и такие опасности, о которых мы с тобой просто и не подозреваем... Знаешь, мне кажется, что это — мир, который как бы сошел с ума... Когда-то, возможно, он весь был большим таким садом или парком, но потом его забросили, и природа снова взяла свое. Когда вся эта звездная система была обитаема, он просто не мог быть таким, как сейчас.

Олвин ничуть не сомневался в правоте Хилвара. Действительно, чувствовалось что-то зловещее и враждебное тому порядку и всей той правильности, на которых зиждились Лиз и Диаспар, в этой вот биологической анархии внизу, под ними. Миллиард лет здесь бушевала непрекращающаяся битва. И конечно, было бы проявлением мудрости опасаться тех, кто в ней выжил.

Сторожко пробирались они в своем корабле вдоль обширного ровного плато — такого однообразного, что уже само это немедленно поставило их перед загадкой. Плато оказалось обрамлено более высокой местностью, сплошь заросшей деревьями, о высоте которых можно было только догадываться,— стояли они так тесно и были так погружены в подлесок, что стволов просто не было видно. В верхней части крон летало неисчислимое количество каких-то крылатых существ. Но они мелькали слишком уж быстро, и определить, что это — птицы или насекомые или же ни то и ни другое,— было просто невозможно.

То тут, то там какой-нибудь лесной исполин ухитрялся вскарабкаться на несколько десятков футов над соперничающими с ним соседями, которые немедленно образовывали короткое содружество, с тем чтобы свалить его и ликвидировать набранное нахалом преимущество. Это была молчаливая война, и велась она слишком медленно, чтобы быть заметной глазу, но впечатление безжалостного, жестокого конфликта было просто ошеломляющим.

Плато же по сравнению с лесом казалось скучным и не обремененным никакими событиями. Оно было плоским, если не считать нескольких дюймов перепада по высоте между одним его краем и другим, и простиралось далеко, до самого горизонта. Было похоже, что оно заросло редкой, похожей на проволоку травой. Они спустились над ним до высоты в пятьдесят футов, но так и не разглядели никаких признаков животной жизни, что, по мнению Хилва-

ра, было несколько странно. Он решил, что, возможно, приближение корабля загнало обитателей плато под землю.

Они висели над самой поверхностью, пока Олвин пытался убедить Хилвара, что открыть воздушный шлюз — совсем безопасно, а Хилвар, со своей стороны, терпеливо объяснял ему, что такое вирусы, бактерии и грибки, и Олвин не мог их себе вообразить и еще меньше был способен понять, какое они имеют к нему отношение. Спор длился уже несколько минут, когда они не без любопытства заметили, что экран, который лишь минуту назад исправно показывал им панораму леса, стеной стоящего впереди, погас...

— Это ты его выключил? — спросил Хилвар, на мгновение, как обычно, опередив Олвина.

— Да нет,— ответил Олвин, и ледяные мурашки побежали у него по спине, как только в голову ему пришло единственное иное объяснение.— А ты не выключал его? — обратился он к роботу.

— Нет,— эхом его собственных слов прозвучал ответ.

Со вздохом облегчения Олвин отбросил мысль о том, что робот мог начать действовать по собственному разумению, что на борту вспыхнул мятеж машин.

— Тогда почему же экран не работает? — спросил он.

— Рецепторы изображения оказались закрыты.

— Не понимаю,— бросил Олвин, забыв в эти мгновения, что робот способен действовать только по прямому указанию и отвечать только строго в рамках заданного ему вопроса. Он быстро поправился: — Чем закрыты?

— Мне неизвестно.

Краткая точность робота порой может привести в отчаяние, ничуть не менее глубокое, чем многословие некоторых людей. Прежде чем Олвин собрался с силами, чтобы продолжить допрос, в бесплодный этот диалог вмешался Хилвар.

— Скажи ему, чтобы он поднял корабль, но только медленно,— сказал он, и в голосе у него прозвучала нотка настойчивости.

Олвин повторил команду. Как всегда, они не ощутили движения. Затем изображение снова медленно появилось на экране, хотя некоторое время еще и продолжало оставаться каким-то размытым и искаженным. Но они увидели достаточно, чтобы похоронить спор о воздушном шлюзе.

Ровное плато уже не было ровным. Прямо под ними сформировалась огромная выпуклость, разорванная на самой вершине — в том месте, где корабль выпростался из цепких объятий. Гигантские ложноножки в ярости беспорядочно хлестали во всех направлениях над образовавшимся провалом, будто пытаясь вновь ухватить добычу, которая только что ускользнула из их объятий. Глядя на все это с изумлением, к которому примешивалась и немалая доля страха, Олвин успел заметить какое-то пульсирующее алое отверстие — возможно, ротовое, обрамленное хлыстообразными щупальцами, которые бились в унисон, отправляя все, что к ним попадало, в зияющую пасть.

Лишившись своей жертвы, неведомое существо медленно погружалось в землю, и только теперь Олвин понял, что плато внизу оказалось всего лишь тонкой ряской на поверхности загнившего моря.

— Что это за штука? — едва вымолвил он.

— Мне пришлось бы спуститься и изучить ее, а уж тогда я тебе отвечу,— деловито сказал Хилвар.— Может статься, что это какая-то примитивная форма жизни, ну что-нибудь вроде родственника нашего друга там, в Шалмирейне. Ничуть не сомневаюсь, что это совершенно безмозглая тварь, иначе бы она не решилась сожрать космический корабль...

Олвина чуть ли не трясло, хотя умом он и понимал, что никакая опасность им не угрожала. Некоторое время он фантазировал о том, кто же еще может жить там, внизу, под этой невинной с виду ряской, которая так и звала опуститься на нее и пробежаться по ее упругой поверхности.

— Я мог бы провести здесь время с немалой пользой,— заявил ему Хилвар, который, судя по всему, был совершенно зачарован тем, что он только что увидел.— Надо думать, эволюция в этих вот условиях пришла к очень интересным результатам. Да и не только эволюция, но и обратный ей процесс — это когда высшие формы жизни начали деградировать после того, как планета была покинута разумными обитателями. Сейчас здесь, надо думать, достигнуто какое-то равновесие и... ты ведь не собираешься улетать немедленно? — Голос его, по мере того как ландшафт внизу становился все мельче и мельче, звучал как-то особенно жалобно.

— Вот именно — собираюсь,— ответил Олвин.— Я видел мир, на котором не было никакой жизни, и мир, на котором ее слишком как-то много, и я не знаю, какой из них не понравился мне больше...

В пяти тысячах футов над поверхностью плато планета преподнесла им свой последний сюрприз. Они вдруг встретили целую флотилию огромных мешковатых пузырей, плывших по ветру. Из каждого этого полупрозрачного мешка свешивались ветви, образуя своего рода перевернутый лес. Некоторые растения в попытке избежать смертоубийственных конфликтов на поверхности планеты приноровились, оказывается, жить в воздухе! Благодаря какому-то чуду адаптации они научились производить водород и запасать его в пузырях, что позволило им подняться в сравнительно безопасные слои нижней части атмосферы.

И все же безопасность эта полной не была. Их перевернутые стволы и ветви буквально кишели целыми выводками каких-то паукообразных животных, которые, должно быть, всю свою жизнь проводили в воздухоплавании над поверхностью планеты, продолжая вести эту всеобщую битву за существование на своих изолированных островах. Весьма вероятно, что время от времени контакт с землей у них все же случался. Олвин увидел, как один огромный пузырь внезапно схлопнулся и стал падать, причем лопнувшая оболочка действовала как какое-то грубое подобие парашюта. Мимолетно он еще задался вопросом — случайность ли это или же какая-то стадия жизненного цикла этих странных созданий.

...На пути к следующей планете Хилвар немного вздремнул. По какой-то причине, которую робот никак не мог им объяснить, корабль на этот раз двигался медленно — по крайней мере, по сравнению с той скоростью, с которой он мчался по Вселенной. Им понадобилось почти два часа, чтобы добраться до того мира, который Олвин выбрал для третьей остановки, и он был не-

сказанно удивлен, что простое межпланетное путешествие потребовало такого срока.

Хилвара он разбудил, когда они уже погрузились в атмосферу.

— Ну и как тебе нравится вот это? — Он указал на экран.

Под ними простирался унылый пейзаж, окрашенный в серые и черные тона, нигде не видно было ни малейших признаков растительности или каких-нибудь других свидетельств существования здесь жизни. Если они и были, то только косвенными: низкие холмы и неглубокие долины несли на себе прекрасно сформированные полусферы, многие из которых располагались по сложным симметричным линиям.

Предыдущая планета научила их осторожности. Поэтому, тщательно взвесив все возможные последствия, они остались висеть в атмосфере, а вниз, на обследование, послали робота. Его-то глазами они и увидели, как одна из этих полусфер стала приближаться, пока робот не завис всего в нескольких футах над ее абсолютно гладкой поверхностью, на которой глазу не за что было зацепиться.

Не виделось и следа чего-либо похожего на вход, ничто и не намекало даже на цель, которой должно было служить это сооружение. Оно оказалось достаточно велико — более сотни футов в вышину. Иные из этих полусфер были еще выше.

После некоторого колебания Олвин приказал роботу двинуться вперед и притронуться к куполу. К его несказанному изумлению, робот отказался повиноваться приказу. И уж это-то действительно был мятеж — по крайней мере, так показалось сначала.

— Почему ты не выполняешь того, что я тебе приказываю? — спросил Олвин, когда немного опомнился от изумления.

— Запрещено,— последовал ответ.

— Кем это запрещено?

— Я не знаю.

— Тогда как же... Нет, можешь не отвечать. Был ли этот приказ встроен в тебя?

— Нет.

Это устраняло одну из возможностей. Строители этих вот куполов вполне могли оказаться создателями робота и включить свое табу в число фундаментальных принципов работы машины.

— Когда ты получил этот приказ?

— Когда приземлился.

Олвин повернулся к Хилвару. Свет новой надежды блистал в его глазах:

— Здесь есть разум! Ты его не чувствуешь?

— Нет,— ответил Хилвар.— Эта планета представляется мне такой же мертвой, как и первая.

— Я сейчас выйду и присоединюсь к роботу! Что бы это ни было — ну то, что говорит там с ним, оно ведь могло бы поговорить и со мной?..

Хилвар не стал спорить, хотя на лице у него не отразилось ни малейшего энтузиазма. Они посадили корабль в сотне футов от купола, поближе к роботу, и открыли воздушный шлюз.

Олвин отлично сознавал, что шлюз не может быть открыт до тех пор, пока мозг корабля не убедится в том, что атмосфера за бортом пригодна для дыхания. Какое-то мгновение ему казалось, что на этот раз мозг ошибся: слишком уж разрежен был здесь воздух, слишком мало кислорода доносил он до легких. Затем, вздохнув поглубже, Олвин обнаружил, что кислорода вполне достаточно, чтобы выжить несколько минут, по меньшей мере, хотя дольше ему и не выдержать.

Тяжело дыша, они подошли к роботу и к закругляющейся стенке таинственного купола. Шаг... еще шаг — и оба они разом остановились, словно настигнутые внезапным ударом. В мозгу у каждого, будто гулкий гром гигантского колокола, прозвучала одна-единственная фраза:

«Опасно! Ближе не подходить!»

И все. Это были не какие-то слова, а чистая мысль. Олвин был уверен, что любое существо, каков бы ни был уровень его развития, получит здесь то же самое предупреждение в том же самом неизменном виде — прямо в сознание.

При всем при том это было именно предупреждение, а не угроза. И Хилвар, и Олвин каким-то образом поняли, что оно вовсе не направлено против них и, более того, что оно служит их защите. Оно как бы говорило: здесь находится нечто невообразимо опасное, и мы, его создатели, исполнены желания никому не причинить вреда...

Молодые люди отошли на несколько шагов и поглядели друг на друга: каждый ждал, чтобы именно другой первым сказал, о чем же он сейчас думает.

Подытожил Хилвар:

— Слушай, а ведь прав-то я оказался. Никакой разумной жизни здесь и в помине нет. А предупреждение это — оно автоматическое: оно включилось самим нашим с тобой присутствием, когда мы приблизились к дозволенной границе...

Олвин кивнул, соглашаясь:

— Но вот интересно, а что же это они пытаются защитить? Ну, скажем, под этими куполами могут оказаться дома, все что угодно...

— Нам никак этого не узнать, если каждый купол будет просить нас отойти... Но ведь как интересно — я про все эти различия между тремя планетами! Они все забрали с самой нашей первой... Оставили вторую, не позаботившись о ней ни на вот столько... А тут вот они озаботились прямо сверх всякой меры!.. Может и так статься, что они надеялись в один прекрасный день возвратиться и поэтому хотели, чтобы к их возвращению все было готово...

— Но ведь они же так и не возвратились, а было это все так давно...

— А может, они передумали?..

Странно, пришло в голову Олвину, как оба они — и Хилвар, и он сам — бессознательно стали пользоваться этим словом... Кто бы и что бы «они» ни были, их присутствие явственно ощущалось на той, первой планете и еще более сильно — сейчас. Перед ними находился мир, который был тщательнейшим образом упакован и, так сказать, отложен про запас, пока он не понадобится снова...

— Пошли к кораблю,— предложил Олвин.— Я даже дышать-то здесь толком не могу!

Как только шлюз за ними закрылся и они снова почувствовали себя в своей тарелке, наступило время обсудить дальнейшие свои шаги. Детальное исследование планеты предполагало проверку огромного числа куполов в надежде, что удастся найти такой, который не станет предупреждать об опасности и в который можно будет проникнуть. Если же и эта попытка провалится, то тогда... Впрочем, Олвин и думать не хотел о такой возможности, пока обстоятельства не заставят его смириться с неизбежным.

С этими самыми обстоятельствами он столкнулся менее чем через час и куда более драматическим образом, чем ему могло представиться. Они посылали робота более чем к десятку куполов — и каждый раз все с тем же результатом,— пока не натолкнулись на сцену, которая в этом аккуратном, тщательно упакованном мире буквально ни в какие ворота не лезла.

Перед ними предстала широкая долина, там и сям испятнанная этими дразнящими, непроницаемыми куполами. В центре ее был виден — перепутать это было невозможно ни с чем — шрам от огромного взрыва, разметавшего обломки во всех направлениях на многие мили и проплавившего в поверхности планеты глубокий кратер.

И рядом с этим кратером валялись останки космического корабля...

21

Они приземлились совсем близко от места этой древней трагедии и медленно, щадя дыхание, двинулись к гигантскому остову, возвышающемуся над ними. Лишь одна короткая секция — может быть, это была корма — осталась от корабля, все же остальное, надо полагать, было уничтожено взрывом. Когда они вплотную приблизились к тому, что осталось от катастрофы, у Олвина сформировалась догадка, постепенно перешедшая в уверенность.

— Слушай-ка, Хилвар,— сказал он, думая о том, как же это трудно здесь — двигаться и говорить в одно и то же время,— мне кажется, что это тот самый корабль, который приземлялся на той, первой планете, у обелиска...

Не желая тратить дыхание, Хилвар только кивнул в ответ. Ему в голову уже пришла та же самая мысль. Это был превосходный предметный урок для неосторожных посетителей, подумалось ему. Он очень надеялся, что Олвин этот урок усвоит.

Они совсем близко подошли к корпусу корабля и стали разглядывать его обнаженные внутренности. Это было все равно что смотреть внутрь какого-то огромного здания, грубо разваленного надвое. Полы, стены, потолки, срезанные взрывом, являли глазу своего рода смятый чертеж поперечного сечения. Какие же странные существа, печально подумал Олвин, лежат в этих обломках — там, где застигла их смерть?

— Непонятно...— внезапно произнес Хилвар.— Эта вот часть страшно повреждена, но где же все остальное? Он что — переломился надвое еще в космосе и эта часть рухнула сюда?

Ответ на этот вопрос стал им ясен не прежде, чем они послали робота снова заняться исследованиями, да и сами внимательно изучили местность вокруг обломков. Не оставалось и тени сомнения: на небольшой возвышенности неподалеку от корпуса корабля Олвин обнаружил линию холмиков, каждый из которых был в длину не более десяти футов.

— Выходит, они опустились и пренебрегли предупреждением,— задумчиво произнес Хилвар.— Их распирало любопытство, как и тебя. И они попытались вскрыть один из куполов...

Он указал на противоположную стену кратера, на гладкую, по-прежнему ничем не отмеченную скорлупу купола, внутри которой создатели этого мира запечатали свои сокровища. Но то, что они увидели, куполом уже не было: теперь это была уже почти полная сфера, потому что грунт из-под нее вымело взрывом.

— Они погубили свой корабль, и многие из них были убиты. Но все же, несмотря на это, они как-то умудрились подремонтироваться и снова улететь, отрезав эту вот секцию и забрав из нее все более или менее ценное. Какой же это был, должно быть, труд!

Олвин почти не слышал друга. Он пристально разглядывал какое-то странное сооружение, которое, собственно, и привлекло его сюда. Это был высокий столб, пронзавший горизонтальный круг, вознесенный на треть его высоты, считая от вершины. Как ни странно, как ни незнакомо было это устройство, что-то в Олвине отзывалось на него.

Под этими камнями, если бы он решился потревожить покой спящих там, находился ответ по меньшей мере на один его вопрос. Но ему предстояло так и остаться без ответа. Кто бы ни были эти существа, они заслужили право покоиться в мире.

Хилвар едва расслышал слова, которые Олвин прошептал, когда они медленно направились к своему кораблю.

— Надеюсь, они все-таки добрались до дома,— сказал он.

— И куда же мы теперь? — спросил Хилвар, когда они снова оказались в космосе.

Прежде чем ответить, Олвин довольно долго в задумчивости смотрел на экран.

— Ты что — считаешь, что надо возвращаться? — вопросом на вопрос ответил он.

— Это было бы только разумно. Удача может нам теперь изменить, и кто знает, какие еще сюрпризы подготовили для нас другие планеты?

Это был голос рассудка и осторожности, и Олвин теперь был склонен придавать ему куда больше значения, чем несколькими днями раньше. Но слишком уж длинный путь лежал у него за спиной, и он всю жизнь ждал этого момента. Он не мог повернуть вспять, когда оставалось увидеть еще столь многое...

— Отныне мы будем оставаться в корабле. И нигде не будем приземляться,— сказал он.— Уж этого-то будет вполне достаточно для обеспечения безопасности, тут и говорить нечего...

Хилвар пожал плечами, словно отказываясь принимать какую бы то ни было ответственность за все, что может произойти в следующий раз. Теперь, когда Олвин выказал известную долю благоразумия и осторожности, Хилвар не считал нужным признаваться, что он и сам в равной степени сгорает от нетерпеливого желания продолжить их исследования, хотя, по правде сказать, он уже оставил всякую надежду повстречать на какой-то из всех этих планет разумную жизнь.

На этот раз перед ними лежал двойной мир — колоссальных размеров планета со спутником, обращающимся вокруг нее. Сама планета, похоже, была двойняшкой той, второй, на которой они уже побывали,— ее покрывала все та же самая ядовитая зелень. Садиться здесь не было никакого смысла — все это они уже изведали.

Олвин опустил корабль пониже к поверхности спутника планеты. Ему не потребовалось предупреждения от сложной системы защиты, чтобы понять, что атмосферы здесь нет. Все тени обрисовывались резко, и не было никакого постепенного перехода от ночи к дню. Кстати сказать, это оказался первый мир, на котором они увидели какое-то подобие ночи, потому что в том месте, где они легли на круговую орбиту, над горизонтом стояло только одно из наиболее удаленных солнц. Пейзаж был залит его унылым красным светом, и впечатление было такое, будто все сущее здесь окунули в кровь.

Миля за милей летели они над вершинами гор, которые и по сию пору оставались все такими же островерхими, как и в далекие времена своего рождения. Это был мир, в котором такие понятия, как эрозия и перемены, не существовали, который никогда не подвергался разрушительной работе ветров или потоков дождевой воды. Здесь не требовалось Хранилищ Памяти, чтобы оставить в неизменности все элементы этой первозданной планетки.

Но если здесь не было воздуха, то, значит, не могло быть и жизни? Или же она все-таки могла существовать?

— Конечно, в этой идее с точки зрения биологии нет ничего абсурдного,— сказал Хилвар, когда Олвин задал ему этот вопрос.— Жизнь, конечно, не может изначально возникнуть в безвоздушном пространстве, но она вполне в состоянии развиться в формы, способные в нем выжить. Надо полагать, во Вселенной такое происходило многие миллионы раз — когда обитаемые планеты теряли вдруг свою атмосферу.

— Значит, по-твоему, в вакууме могут существовать и разумные формы жизни? Но разве они не смогли бы обезопасить свою планету от потери воздуха?

— Если это произойдет — я имею в виду катастрофу с атмосферой — уже после того, как они достигнут достаточно высокой стадии развития, чтобы предотвратить такое. Но вот если атмосфера улетучится, когда они еще находятся на примитивной стадии развития, им придется либо приспособиться, либо исчезнуть. После же адаптации они вполне могут достигнуть весьма высокого уровня интеллектуального развития. В сущности, это даже неизбежно: их изобретательность будет исключительно велика...

Ну если говорить об этой вот планете, то рассуждения Хилвара — не более чем абстракция, решил Олвин. Не видно было ни малейшего доказатель-

ства того, что когда-то здесь существовала жизнь — разумная или какая-то иная. Но в таком случае каково же предназначение этого мира? Ведь вся многообразная система Семи Солнц — теперь он был в этом совершенно уверен — была искусственного происхождения, и этот вот мир тоже должен был быть составной частью великого замысла.

Хотя, по правде сказать, эта планетка могла служить и каким-то чисто украшательским целям — скажем, просто, чтобы красоваться луной на небе своего гигантского «хозяина». Но даже в этом случае представлялось вполне вероятным, что ей придумали бы и еще какую-то дополнительную функцию.

— Гляди-ка! — воскликнул вдруг Хилвар, указывая на экран.— Вон там, справа...

Олвин изменил курс корабля, и пейзаж тотчас наклонился. Скалы, освещенные красным, словно бы размывались скоростью их движения. Затем изображение стабилизировалось. И они увидели, что внизу под ними проносится неопровержимое свидетельство чьей-то разумной деятельности.

Да, неопровержимое — и в то же время какое-то сомнительное. На этот раз оно явилось им в виде редкого ряда стройных колонн, каждая из которых располагалась в сотне футов от соседней, а высотой была футов в двести. Колонны эти уходили вдаль, перспектива гипнотически уменьшала их все больше и больше, пока наконец горизонт не поглощал их совершенно.

Олвин бросил корабль вправо, и они помчались вдоль линии этих колонн. Он напряженно размышлял, для какой же цели могли они предназначаться. Все колонны были абсолютно одинаковы и непрерывной линией шагали через нагромождения скал и долины, и не было видно никаких признаков того, чтобы они когда-то что-нибудь поддерживали. Все они были совершенно гладкими и скучными, а к вершине чуть сужались.

Неожиданно череда этих колонн вдруг изменила свое направление под безупречным прямым углом. Олвин по инерции проскочил несколько миль, прежде чем среагировал и смог положить корабль на новый курс.

И снова колонны продолжали тянуться все тем же непрерывным забором, разрезая пейзаж,— все на том же расстоянии одна от другой. Затем, милях в пятидесяти от первого поворота, они снова резко свернули — и опять-таки под прямым углом. Если дело и дальше так пойдет, подумал Олвин, то мы скоро очутимся там, откуда начали...

Бесконечная череда этих колонн так заворожила их, что, когда ей наступил конец, они оказались уже во многих милях от этой последовательности. Только тогда Хилвар закричал и заставил Олвина, который ничего не заметил, повернуть назад. Они медленно снизились, и, пока кружили над тем, что обнаружил Хилвар, у каждого в сознании стала оформляться фантастическая догадка. Но поначалу ни тот ни другой не решались ею поделиться.

Пара колонн оказалась сломана у самого основания. Обе лежали там же, где упали. Но и это еще было не все: две колонны, обрамляющие образовавшийся провал, оказались согнуты в наружном направлении какой-то неодолимой силой...

Было просто некуда деться от внушающего трепет вывода. Теперь Олвин понял, над чем это они летели. Такие вещи он видел в Лизе достаточно часто,

но до сего момента поразительная разница в масштабах мешала ему узнать очевидное.

— Хилвар... да ты знаешь, что это такое? — спросил он, все еще испытывая затруднения в формулировании своей мысли.

— В это, конечно, трудно поверить,— отозвался Хилвар,— но... мы летели по периметру загона... Эти колонны — загородка, которая вот в этом месте не оказалась достаточно надежной...

— Люди, которые держат домашних животных, должны заботиться о том, чтобы загоны были крепкими,— назидательно проговорил Олвин, стараясь нервным смешком скрыть замешательство.

Хилвар никак не отозвался на вымученную шутку. Насупив в раздумье брови, он глядел на сломанную ограду.

— Нет, не понимаю! — очнулся он наконец.— Откуда, спрашивается, на такой вот планете, как эта, оно могло добывать себе пищу? И почему оно вырвалось на свободу? Эх, я бы многое отдал, чтобы только узнать, что же это за животное такое...

— А может, его здесь просто забыли и оно вырвалось, потому что проголодалось,— предположил Олвин.— Или что-то могло вывести его из себя...

— Давай-ка снизимся,— предложил Хилвар.— Мне хочется хотя бы одним глазком взглянуть на грунт...

Они снижались до тех пор, пока корабль едва не коснулся голых скал,— и только тогда заметили, что плато испятнано бесчисленным множеством маленьких дырочек, диаметром не более дюйма или двух. С наружной стороны загона, однако, поверхность была свободна от этих загадочных отметин. Они пропадали сразу же за линией колонн.

— Ты прав. Оно было голодно,— признал Хилвар.— Но это было не животное. Правильнее будет назвать его растением. Оно выело все питательное в своем загоне, и ему понадобилось подыскать себе новое пастбище. Наверное, оно двигалось очень медленно. Вполне может быть, что ему потребовались годы, чтобы сломать эти столбы...

Воображение Олвина быстро дополнило эту картину деталями, которых он доподлинно знать, конечно же, не мог. Он не сомневался, что анализ Хилвара в основном был правильным и что этот ботанический монстр, двигавшийся, возможно, слишком медленно, чтобы его перемещения могли быть отмечены глазом, все-таки выиграл медленную, но бескомпромиссную схватку с барьером, который встал на его пути.

Он и сейчас еще мог быть жив — после всех этих столетий, блуждая, как ему заблагорассудится, по поверхности планеты. Искать его, впрочем, было бы задачей безнадежной, потому что в его распоряжении были многие миллионы квадратных миль. Безо всякой надежды на успех они прочесали поверхность в пределах нескольких квадратных миль поблизости от проема в загородке и обнаружили всего-навсего одно огромное круглое пятно, где это существо, по всей видимости, останавливалось покормиться — если только можно было приложить это выражение к организму, который извлекал необходимые ему питательные вещества из монолитной скалы.

Когда они снова поднялись в пространство, Олвин почувствовал, как его охватывает какая-то странная усталость. Увидеть столь многое, а узнать так мало... На всех этих планетах изобилие чудес, но то, поисками чего он занимался, покинуло их еще в незапамятные времена. Он понимал, что лететь к другим мирам Семи Солнц — дело вполне безнадежное. Даже если во Вселенной разумная жизнь еще и существовала, где теперь было ее искать? Он глядел на звезды, пылью рассыпанные по экрану корабля, и его мучила мысль, что время, оставшееся в его распоряжении, не позволяет ему исследовать их все.

Чувство одиночества и подавленности — такое, какого он до сих пор еще не испытывал,— затопило ему душу. Только теперь стал ему понятен ужас Диаспара перед непомерными просторами Вселенной, ужас, заставлявший его сограждан тесниться в микрокосме их города. Трудно было смириться с тем, что в конечном счете правы оказались все-таки они...

Он повернулся было к Хилвару, ища поддержки. Но Хилвар стоял, крепко сжав кулаки, и в глазах у него застыло какое-то неживое выражение. Голова была склонена на сторону: казалось, будто он прислушивается к чему-то, напрягая все свои чувства, пытаясь разумом проникнуть в пустоту, простирающуюся вокруг них.

— Что это с тобой? — с тревогой в голосе спросил Олвин. Ему пришлось повторить свой вопрос, прежде чем Хилвар выказал признаки того, что услышал друга. Но, даже отвечая ему, он все еще смотрел в никуда.

— Что-то приближается,— медленно выговорил он.— Что-то такое, чего я никак не могу постигнуть...

Олвину почудилось, будто в корабле внезапно похолодало. Ужас перед Пришельцами вдруг вынырнул откуда-то из глубин мозга и на какой-то миг затуманил сознание. С усилием воли, на которое потребовалась вся его энергия, он подавил в себе горячую волну паники.

— Оно... дружественное? — спросил он.— Или же нам следует немедленно бежать на Землю?

Хилвар не ответил на первый вопрос — только на второй. Голос его был очень слаб, но в нем не звучало и малой тревоги или страха. В тоне его скорее были любопытство и изумление, как если бы ему встретилось нечто столь удивительное, что теперь ему просто недосуг было откликаться на тревогу Олвина.

— Ты опоздал,— проговорил он.— Это уже здесь...

...Не раз и не два повернулась Галактика вокруг своей оси с тех пор, как Вэйнамонд впервые осознал себя. Он мало что помнил о тех давних-предавних временах и о созданиях, которые пестовали его, но до сих пор в памяти у него осталось то горькое чувство безутешности, которое он испытал, когда они ушли и оставили его одного среди звезд... И вот на протяжении веков и веков, минувших с тех пор, он блуждал от звезды к звезде, исподволь развивая и обогащая свои способности. Когда-то он мечтал о том, чтобы снова отыскать тех, кто позаботился о нем при его рождении. И хотя сейчас эта мечта и потускнела, он все еще не хотел отказываться от нее совсем.

На бесчисленных планетах нашел он останки, в которые обращалась жизнь, но вот разум обнаружил только однажды. От Черного солнца он в ужасе бежал... А Вселенная была громадна, и поиск его едва начался..

И хотя и далеко это было — и в пространстве, и во времени,— но гигантский поток энергии, истекающий из самого сердца Галактики, взывал к Вэйнамонду через пропасти световых лет. Он резко отличался от иррадиации звезд и появился в поле его сознания так же неожиданно, как неожиданно прочерчивает небо планеты внезапный метеор. По пространству и по времени двигался Вэйнамонд навстречу ему, к последнему моменту его существования, снимая с него — а он знал, как это делать,— мертвый, уже неизменимый рисунок прошлого.

Длинная металлическая форма со страшно сложной структурой, которую он никак не мог постигнуть, потому что она была столь же чужда ему, как почти все объекты физического мира... Вокруг нее еще витал призрак силы, которая влекла его через всю Вселенную, но теперь это было ему неинтересно. Осторожно, с оглядкой дикого зверя, который в случае опасности готов немедленно обратиться в бегство, он потянулся к двум созданиям, которых тут обнаружил. И тотчас же понял, что долгие его поиски окончились.

Олвин ухватил Хилвара за плечи и бешено затряс, пытаясь пробудить друга к действительности.

— Да что там такое, скажи же мне! — умолял он.— Что я должен делать?

Потустороннее, отрешенное выражение постепенно уплывало из глаз Хилвара.

— Я все еще не совсем понимаю...— проговорил он.— Но вот пугаться не надо — уж в этом-то я совершенно убежден. Что бы это ни было, оно не причинит нам никакого вреда. Похоже, что оно просто... ну, заинтересовалось...

Олвин уже собрался было сказать еще что-то, когда его внезапно охватило ощущение, совершенно не похожее ни на что, что ему приходилось испытывать прежде. Теплая и слегка покалывающая волна пролилась по всему его телу. Странное ощущение это длилось всего несколько секунд, но, когда оно ушло, он был уже не просто Олвином. Что-то еще, что-то новое разделяло его сознание, накладываясь на него, как один круг может лечь на другой. Он отдавал себе отчет и в том, что вот рядом — сознание Хилвара, и тоже как-то связанное с тем самым созданием, которое им только что повстречалось. Ощущение это не было неприятным, скорее — просто новым, и оно-то и позволило Олвину впервые испытать, что это такое — настоящая телепатия, способность, которая в его народе ослабла настолько, что теперь ею можно было пользоваться только для того, чтобы отдавать команды машинам.

Когда Сирэйнис пыталась овладеть его сознанием, Олвин немедленно взбунтовался, но вот этому вторжению в свой разум он сопротивляться не стал. Во-первых, он почувствовал, что это было бы просто бесполезно. А во-вторых, это вот создание, чем бы оно там ни было, никак не представлялось недружественным. Он расслабился, безо всякого сопротивления воспринимая вторжение интеллекта, бесконечно более высокого, чем его собственный, исследующего сейчас его мозг. Но тем не менее он был не совсем прав.

Вэйнамонд сразу же увидел, что одно из этих двух существ значительно более восприимчиво и относится к нему с большей теплотой, чем другое. Он чувствовал изумление обоих по поводу его присутствия, что его самого несказанно поразило. Трудно было поверить в то, что они все позабыли. Забывчивость, как и смертность, находилась за пределами разумения Вэйнамонда.

Общаться было очень нелегко. Многие из мысленных представлений этих разумных существ были ему в новинку настолько, что он едва мог их осознавать. Он был поражен и немного испуган отголосками страха перед Пришельцами. Этот их страх напомнил ему о его собственных эмоциях, когда Черное солнце впервые появилось в поле его внимания.

Но эти вот двое ничего не знали о Черном солнце, и теперь он уже слышал их вопрос, обращенный к нему:

«Что ты такое?»

Он дал единственный ответ, на который был способен:

«Я — Вэйнамонд».

Последовала пауза (как много времени требовалось этим существам, чтобы сформировать мысль!), и после нее вопрос — что было странно — повторили! Это было так удивительно... ведь это такие же, как они, дали ему его имя, которое и сохранилось в памяти о его появлении в этом мире... Первых этих воспоминаний было очень немного, и все они странным образом начинались лишь в какой-то строго определенный момент времени, но зато были кристально ясны.

И снова их крохотные мысли пробились в его сознание:

«Где те люди, которые создали Семь Солнц?»

«Что с ними случилось?»

Этого он не знал. Они едва могли ему поверить, и их разочарование донеслось до него во всей своей ясности — через пропасть, отделяющую их от него. Но существа эти оказались терпеливы, и он был рад помочь им, потому что их поиск был сродни его собственному, а они оказались первыми его товарищами за всю его жизнь.

Олвин был убежден, что, сколько бы он ни прожил, никогда уже ему не испытать ничего более странного, нежели этот вот беззвучный разговор. Трудно было поверить в то, что он может стать чем-то большим, чем просто наблюдателем, а все потому, что ему никак не хотелось допустить, даже в глубине души, что мозг у Хилвара во многих отношениях куда более развит, чем его собственный. Он мог только ждать и изумляться, и у него голова чуть ли не кругом шла от этого потока мыслей, который находился далеко за пределами его понимания.

Наконец Хилвар, напряженный и бледный, прервал контакт и повернулся к своему другу:

— Тут что-то странное, Олвин,— устало сказал он.— Ну ничего не могу понять...

Эта новость, конечно же, совсем не способствовала сохранению самообладания. По лицу Олвина Хилвар, должно быть, понял, что тот сейчас переживает, потому что внезапно понимающе улыбнулся.

— Я не могу понять, что же он такое — этот... Вэйнамонд. Это какое-то живое создание, обладающее непостижимо громадными знаниями, но, знаешь, похоже, что разума-то у него просто кот наплакал. Разумеется,— сейчас же добавил он,— его разум может быть настолько отличен от нашего, что мы просто не в состоянии его оценить... и все-таки мне кажется, что правильнее — первое объяснение...

— Ну ладно, а что же все-таки ты узнал? — несколько нетерпеливо спросил Олвин.— Известно ли ему что-нибудь о Семи Солнцах?

Мысли Хилвара, казалось, витали где-то очень и очень далеко.

— Они были созданы множеством рас, включая и человеческую,— рассеянно сказал он.— Вэйнамонд в состоянии сообщить мне такие вот факты, но, понимаешь, как-то не похоже, чтобы он сам ясно понимал их значение. И мне кажется, что хоть он и отдает себе отчет в происходящем, но вот интерпретировать его совершенно не способен. В его сознании как-то ужасно перепутано все, что когда-либо происходило...

Секунду-другую он размышлял, а затем лицо его осветилось:

— Нам остается только одно: как уж это выйдет — не знаю, только мы должны доставить Вэйнамонда на Землю, чтобы наши философы могли его изучить.

— А это не будет... опасно? — осторожно спросил Олвин.

— Нет,— ответил Хилвар, подумав при этом, насколько не характерна для Олвина такая ремарка.— Вэйнамонд — друг. Даже более того, он, похоже, относится к нам прямо-таки с нежностью...

И тут мысль, которая все это время блуждала где-то на задворках сознания Олвина, выкристаллизовалась со всей ясностью. Он припомнил Крифа и всех тех мелких животных, которые все время убегали — к неудовольствию или тревоге Хилвара. И припомнил еще — как же давно, казалось, это было! — зоологическую цель их путешествия к Шалмирейну.

Хилвар просто нашел себе нового любимчика.

22

Насколько же немыслимой, рассуждал про себя Джизирак, была бы эта конференция всего каких-то несколько дней назад. Шестеро гостей из Лиза сидели лицом к лицу с членами Совета, разместившись вдоль еще одного стола, поставленного у разомкнутой части подковы в Зале Совета. Какая же ирония окрашивала воспоминание о том, как совсем недавно Олвин стоял на этом же самом месте и внимал постановлению Совета о том, что Диаспар должен быть закрыт и будет закрыт для всего остального мира. Теперь же этот самый остальной мир вломился к ним с местью — и не только мир Земли, но и вся Вселенная.

Да и сам Совет был уже вовсе не тот, что прежде. Не хватало по крайней мере пяти его членов. Они оказались не в состоянии взять на себя ответственность и приняться за решение проблем, которые встали перед ними, и поэтому последовали по пути Хедрона. Это, пожалуй, служит убедительным доказательством того, что Диаспар не выдержал испытания, если так много

его граждан не сумели принять первый — за многие миллионы лет — реальный вызов жизни, подумал Джизирак. Тысячи и тысячи их уже бежали в короткое забытье Хранилищ Памяти в надежде, что, когда они снова пробудятся, нынешний кризис будет уже преодолен и Диаспар снова станет самим собой, таким знакомым и привычным. Что поделать — их ожидало разочарование.

Джизирака кооптировали на одно из образовавшихся вакантных мест в составе Совета. Хотя над ним, в силу его положения наставника Олвина, в известной степени и нависли тучи, присутствие его в Совете было настолько существенно (и это было очевидно для всех), что игнорировать его просто не решились. Сейчас он сидел у самого конца подковообразного стола, что давало ему ряд преимуществ. Он не только мог наблюдать в профиль гостей Диаспара, но ему также видны были и лица почти всех его коллег по Совету, и выражение их лиц говорило достаточно о многом.

В том, что Олвин оказался прав, ни у кого не было ни малейших сомнений, и Совет сейчас медленно обвыкался с этой неудобоваримой истиной. Делегаты из Лиза оказались в состоянии мыслить куда живее, чем самые светлые умы Диаспара. И это было не единственное их преимущество. Они еще и демонстрировали необычайно высокую степень координации мышления, что Джизирак относил на счет их телепатических способностей. Его интересовало, читают ли они мысли советников, но по зрелом размышлении он решил, что вряд ли бы они рискнули нарушить торжественное обещание, без которого эта встреча оказалась бы просто немыслимой.

Джизирак не считал, что эта конференция достигла большого прогресса. Строго говоря, он просто не видел, как такой прогресс вообще может быть достигнут. Совет, который с таким большим трудом принял существование Лиза, все еще казался неспособен осознать, что же все-таки произошло. Но было ясно, что советники напуганы, и точно так же, считал Джизирак, были напуганы и гости, хотя им и удавалось куда лучше скрывать свое нынешнее состояние.

Сам же Джизирак вовсе не был столь уж испуган, как он поначалу ожидал. Страхи его, разумеется, оставались при нем, но он наконец вполне научился их обуздывать. Какая-то часть безрассудства Олвина — или, быть может, это была просто отвага? — воспринятая им, стала постепенно менять его взгляды, раскрывая перед ним новые горизонты. Ему все еще не верилось в то, что когда-нибудь он сможет ступить за пределы Диаспара, но зато теперь он вполне понимал те побудительные причины, которые заставили Олвина пойти на все это.

Вопрос председателя застал его врасплох, однако он тотчас собрался с мыслями.

— Полагаю,— сказал он,— что такая ситуация в прошлом не возникла ни разу лишь в силу чистой случайности. Нам ведь известно, что существовало четырнадцать Неповторимых и что за их творением стоял какой-то совершенно определенный план. Так вот, я убежден, что этот план состоял в том, чтобы не оставить Диаспар и Лиз разобщенными навечно. Олвин понял это, но он совершил также и нечто такое, что, по моему мнению, вовсе и не содер-

жалось в первоначальном предначертании. Может ли Центральный Компьютер это подтвердить?

Безличный голос отозвался тотчас же:

— Советнику известно, что я не могу комментировать инструкции, данные мне моими создателями.

Джизирак принял эту мягкую укоризну и продолжил:

— Какова бы ни была причина, мы не можем оспаривать факты. Олвин отправился в Космос. Когда он возвратится, вы можете помешать ему снова сделать это, хотя я и сомневаюсь, что кому-нибудь это удастся,— ведь к тому времени он познает чрезвычайно многое. И если то, чего вы все боитесь, к настоящему моменту произошло, то мы уже просто не в состоянии что-то предпринять. Земля совершенно беспомощна — каковой, впрочем, она и была на протяжении миллионов столетий.

Джизирак сделал паузу и оглядел оба стола. Никто от его слов в восторг не пришел, да он этого и не ждал.

— И все же причин для какой-то тревоги я не усматриваю. Земля находится сейчас в опасности не большей, чем она была все это время. С чего бы это, скажите, двум человеческим существам в крохотном космическом корабле вдруг снова навлечь на Землю гнев Пришельцев? Если мы будем честны сами с собой, то тогда мы должны признать, что Пришельцы могли бы уничтожить наш мир еще бог знает когда...

Стояла недоброжелательная тишина. Это была самая настоящая ересь — и были времена, когда Джизирак сам бы так все это и назвал и предал бы такие взгляды анафеме.

Сурово нахмурившись, председатель прервал его:

— Но разве не существует легенды, согласно которой Пришельцы предоставили Землю самой себе только на том условии, что Человек никогда больше не выйдет в Космос? И разве мы не нарушаем это условие?

— Легенда — да,— согласился Джизирак.— Но ведь существует множество вещей, которые мы воспринимаем некритично, и эта вот легенда — одна из них. Под ней не лежит никаких доказательств, и мне трудно поверить, что что-нибудь такой-то вот важности не оказалось бы зафиксировано в памяти Центрального Компьютера, а ведь ему тем не менее об этом факте ничего не известно. Я обращался к нему по этому поводу, хотя и лишь через посредство информационных машин. Быть может, Совет озаботится задать этот вопрос напрямую?

Джизирак не видел причин, почему он должен напрашиваться на вторичное порицание, ступая на запретную территорию, и стал ждать ответа председателя.

Ответа этого так и не последовало, потому что именно в этот момент гости из Лиза вздрогнули, а лица их застыли в выражении какого-то недоверчивого изумления и даже тревоги. Казалось, все они прислушиваются к какому-то далекому голосу, нашептывающему что-то им на ухо.

Советники Диаспара замерли в ожидании, и их собственная тревога с минуты на минуту росла по мере того, как продолжался этот безмолвный разговор. Но вот глава делегации очнулся от транса и с извиняющимся видом повернулся к председателю.

— Мы только что получили из Лиза очень странные и тревожные новости,— сказал он.

— Олвин возвратился на Землю? — спросил председатель.

— Не только Олвин... Там что-то еще...

Когда Олвин привел свой верный корабль на плато Эрли, он не мог не подумать о том, что едва ли за всю историю человечества какой-либо космический корабль привозил на Землю такой вот груз — если, в сущности, Вэйнамонда можно было считать заключенным в физическое пространство корабля. За все время обратного путешествия он не подавал никаких признаков существования. Хилвар полагал — насколько он мог уловить из контакта с этим странным существом,— что о его положении в определенном пространстве можно говорить только применительно к сфере внимания Вэйнамонда, физически же Вэйнамонд не существовал нигде и, возможно,— никогда.

Сирэйнис и пятеро сенаторов ожидали их, когда они вышли из корабля. Одного из этих сенаторов Олвин уже встречал во время своего первого посещения Лиза. Остальные двое участников той первой встречи, как он понял, находились сейчас в Диаспаре. Его сильно интересовало, каковы успехи этой делегации и как отнесся его город к первому посещению извне за столько миллионов лет.

— Похоже, Олвин, что вы просто-таки гений по части розыска всяких удивительных существ,— суховато произнесла Сирэйнис после того, как поздоровалась с сыном.— И все же, мне кажется, пройдет еще немало времени, прежде чем вам удастся превзойти нынешнее свое достижение.

Настала очередь Олвина изумляться.

— Так, значит, Вэйнамонд прибыл?

— Да, много часов назад. Он каким-то образом ухитрился проследить траекторию вашего корабля на пути туда — само по себе поразительное достижение, которое поднимает целый ряд интересных философских проблем. Есть свидетельство того, что он достиг Лиза в тот самый момент, когда вы его обнаружили, а это означает, что он способен развивать бесконечную скорость. Но и это еще не все. За последние несколько часов он дал нам такой объем знаний по истории, который превышает все, что, как мы предполагали, может существовать.

Олвин глядел на нее в полном изумлении. Затем до него дошло: ему было нетрудно представить себе влияние присутствия Вэйнамонда на этих людей — так тонко чувствующих, да еще с их переплетающимися сознаниями. Они отреагировали с удивительной быстротой, и он представил себе Вэйнамонда — возможно, несколько испуганного — в окружении жадных до знаний интеллектуалов Лиза.

— А вы установили, что же он такое? — спросил Олвин.

— Да. Это было просто, хотя мы и до сих пор не знаем его происхождения. Вэйнамонд — так называемый чистый разум, и знания его представляются безграничными. Но он — просто ребенок, и я употребляю это слово в его буквальном смысле.

— Ну конечно же! — вскричал Хилвар.— Как же это я не догадался!

Олвин выглядел совершенно ошеломленным, и Сирэйнис стало его жалко.

— Я хочу сказать, что, хотя Вэйнамонд и обладает колоссальным — возможно, безграничным — умом, он еще незрел и неразвит. Его истинная разумность вполовину меньше разумности человеческого существа, хотя мыслительные процессы у него протекают куда стремительнее наших и научается он очень быстро. У него есть также и еще целый ряд способностей, которых мы пока просто не понимаем. Одну из этих способностей он и использовал, чтобы прийти вашим путем на Землю.

Олвин молчал. Наконец-то хоть что-то его совершенно поразило. Теперь он понял, насколько прав был Хилвар, предложивший привезти Вэйнамонда в Лиз. И еще он понял, до какой же степени ему повезло тогда, когда он все-таки перехитрил Сирэйнис. Второй раз сделать это ему уже не удастся.

— Вы что же — хотите сказать, что Вэйнамонд только что родился? — спросил он.

— По его меркам — да. Его истинный возраст невероятно велик, хотя он, очевидно, и моложе Человека. Самое удивительное в том, что, по его утверждению, это мы создали его. Вот почему я не сомневаюсь, что его происхождение каким-то образом связано с тайнами прошлого.

— А что с ним сейчас? — осведомился Хилвар, и в голосе у него явственно прозвучала ревнивая нотка хозяина.

— Сейчас ему задают вопросы историки из Гриварна. Они пытаются составить себе более или менее целостную картину прошлого, но, конечно, эта работа займет многие годы. Вэйнамонд в состоянии описывать прошлое в мельчайших деталях, но, поскольку он не понимает того, что видит, работать с ним совсем не просто.

Олвину было бы интересно узнать, откуда все это известно Сирэйнис. Но он тотчас же вспомнил, что едва ли не каждый в Лизе стал свидетелем этого неподражаемого расследования. Он испытывал чувство гордости от того, что сделал так много для Лиза и для Диаспара, но к этой гордости все же примешивалось еще и чувство беспомощности. Перед ним было нечто такое, чего он никогда не будет в состоянии полностью понять или разделить: прямой контакт между человеческими сознаниями был для него такой же загадкой, как музыка для глухого или цвета для слепого от рождения. А люди Лиза теперь обменивались мыслями даже с этим невообразимо чуждым существом, которое, правда, на Землю привел он, Олвин, но вот обнаружить которое с помощью имеющихся в его распоряжении средств он не сумел бы никогда.

Здесь он был чужим. Когда с вопросами и ответами покончат, ему сообщат результаты. Он отворил врата в бесконечность и теперь испытывал благоговение — и даже некоторый страх — перед всем, что сам же сделал. Ради своего собственного спокойствия ему следует возвратиться в Диаспар, искать у него защиты, пока он не преодолеет свои мечты и честолюбивые устремления. Здесь таилась некая насмешка: тот же самый человек, который оставил свой город ради попытки отправиться к звездам, возвращался домой, как бежит к матери испуганный чем-то ребенок.

23

Диаспар от лицезрения Олвина в восторг не пришел. Город еще переживал стадию, так сказать, ферметизации и напоминал сейчас гигантский муравейник, в котором грубо поворошили палкой. Он все еще с превеликой неохотой смотрел в лицо реальности, но у тех, кто отказывался признавать существование Лиза и всего внешнего мира, уже не оставалось места, где они могли бы спрятаться: Хранилища Памяти отказывались их принимать. Те, кто все еще цеплялся за свои иллюзии и пытался найти убежище в будущем, напрасно входили теперь в Зал Творения. Растворяющее холодное пламя больше не приветствовало их там. Им уже не суждено было снова проснуться спустя сотню тысяч лет ниже по Реке Времени. Обращаться к Центральному Компьютеру тоже было без толку, да он и никогда-то не объяснял своих действий. Потенциальные беженцы печально возвращались в город, чтобы лицом к лицу встретиться с проблемами своего века.

Олвин и Хилвар приземлились на окраине Парка, неподалеку от Зала Совета. До самого последнего момента Олвин не был уверен, что ему удастся провести свой корабль в город, проникнув сквозь силовые экраны, защищающие его небо. Защита Диаспара, как и все в городе, обеспечивалась машинами. Ночь — с ее звездным напоминанием обо всем, что оказалось утраченным Человеком,— никогда не простирала своих крыльев над городом. Защищен он был и от бурь, которые иногда бушевали над пустыней, застилая небеса движущимися песчаными стенами.

Невидимые часовые, однако, позволили Олвину войти, и, когда Диаспар распростерся перед ним, он понял, что все-таки вернулся именно домой. Как бы ни призывала его Вселенная со всеми своими тайнами, именно здесь он родился и тут было его место. Он всегда будет им недоволен и тем не менее всегда же будет сюда возвращаться... Ему нужно было добраться до центра Галактики, чтобы уяснить себе эту простую истину.

Толпы собрались еще до приземления корабля, и Олвин призадумался над тем, как встретят его сограждане. Он довольно легко читал по их лицам на экране — прежде чем открыть шлюз — обуревавшие их чувства. Преобладающим, похоже, было все-таки любопытство — нечто само по себе новенькое в Диаспаре. Вместе с тем на лицах отражалось и беспокойство, а кое у кого можно было заметить и безошибочные признаки страха. Олвин печально подумал, что никто не радовался искренне его возвращению.

С другой стороны, Совет просто-таки радостно приветствовал его прибытие — хотя, конечно, вовсе не из чувства дружеской приязни. Хотя Олвин и был причиной всего этого нынешнего кризиса, он единственный мог сообщить факты, на основе которых следовало строить всю будущую политику. Его слушали с глубоким вниманием, когда он описывал полет к Семи Солнцам и встречу с Вэйнамондом. Затем он ответил на множество вопросов — с терпением, которое, возможно, немало поразило его интервьюеров. Преобладающим в их мыслях, как он скоро понял, был страх перед Пришельцами, хотя никто ни единого разу не упомянул этого имени, и все чувствовали себя прямо-таки как на иголках, когда он сам коснулся этой темы.

— Если Пришельцы все еще находятся в нашей Вселенной, тогда я — тут и сомневаться нечего — встретил бы их в самом ее центре,— сказал Олвин членам Совета.— Но вокруг Семи Солнц нет разумной жизни. Мы догадались об этом еще до того, как это же подтвердил нам и Вэйнамонд. Я совершенно убежден, что Пришельцы убрались еще много столетий назад. Вне всякого сомнения, Вэйнамонд, который — по меньшей мере — находится в возрасте Диаспара, о Пришельцах ничего не знает.

— У меня есть предположение,— раздался внезапно голос одного из советников.— Вэйнамонд может оказаться потомком Пришельцев и в некотором отношении быть за пределами нашего сегодняшнего понимания. Он забыл о своем происхождении, но это вовсе не означает, что в один прекрасный день он снова не станет опасным...

Хилвар, который присутствовал здесь в роли простого наблюдателя, не стал даже дожидаться разрешения вступить в разговор. Впервые Олвин видел его рассерженным.

— Вэйнамонд читал мои мысли, а мне удалось прикоснуться к его разуму,— сказал он.— Мой народ уже многое узнал о нем, хотя мы еще и не установили, что же он такое. Но одно не подлежит сомнению: он настроен в высшей степени дружественно и был рад нас найти. Ждать от него какой-то угрозы не приходится!

После этой вспышки наступило недолгое молчание, а Хилвар снова расслабился с выражением некоторой неловкости на лице.

Было заметно, что напряжение в Зале Совета несколько разрядилось — словно бы уплыло прочь облако, затенявшее дух присутствующих. Во всяком случае, председатель даже попытки не сделал выразить Хилвару порицание за вмешательство в ход обсуждения.

Олвин слушал все эти дебаты, и ему было ясно, что здесь, в Зале Совета, определилось три мнения. Консерваторы, которые были в меньшинстве, все еще надеялись, что стрелки часов можно будет отвести назад и как-то восстановить старые порядки. Против всякого здравого смысла они цеплялись за надежду, что можно будет принудить Диаспар и Лиз снова забыть о существования друг друга.

Прогрессисты тоже составляли незначительное меньшинство. Но тот факт, что они вообще оказались в Зале Совета, порадовал и удивил Олвина. Не то чтобы они приветствовали вторжение внешнего мира, но зато были преисполнены решимости воспользоваться этим наилучшим образом. Некоторые из них зашли так далеко, что даже предположили, что может существовать какой-то способ пробиться сквозь психологический барьер, который так долго запечатывал Диаспар даже еще эффективнее, чем барьеры физические.

Большинство же членов Совета, верно отражая царящие в городе настроения, заняли позицию осторожного выжидания, помалкивая до того момента, пока рисунок будущего каким-то образом не проявится. Они отдавали себе отчет в том, что не могут разработать никакого определенного общего плана политических действий, пока буря не уляжется.

Когда заседание окончилось, Джизирак присоединился к Олвину и Хилвару. Похоже было, что он сильно переменился со времени их последней встре-

чи в башне Лоранна, когда перед ними там простиралась пустыня. Перемена эта была не того свойства, которую ожидал увидеть Олвин, но зато она была уже достаточно распространенной: в ближайшие же дни Олвину предстояло сталкиваться с эти новым умонастроением все чаще и чаще.

Джизирак казался моложе, словно бы огонь жизни в нем обрел себе новую пищу и стал более живо гореть в его крови. Несмотря на свой возраст, он оказался одним из тех, кто уже приготовился принять перемены, принесенные Олвином в Диаспар.

— А у меня для тебя новости, Олвин,— сказал он.— Мне кажется, ты знаешь сенатора Джирейна...

Олвин сначала было задумался, но потом вспомнил:

— Ну конечно! Он ведь был один из первых, кого я встретил в Лизе. Он, кажется, входит в их делегацию?

— Да. Мы с ним хорошо узнали друг друга. Это блестящий ум, и в человеческой душе он разбирается куда тоньше, чем я вообще считал возможным, хотя и говорит мне, что по стандартам Лиза его следует рассматривать только как начинающего... Так вот, пока он здесь, он берется за одно предприятие, которое, надо думать, придется тебе очень и очень по душе. Он, видишь ли, берется проанализировать те побудительные мотивы, которые заставляют нас оставаться в пределах города, и убежден, что, как только ему станет ясно, каким именно образом они были нам... м-м... предписаны, он вполне сможет их устранить. Нас — тех, кто с ним сотрудничает,— уже человек двадцать.

— И ты — один из них?

— Да,— ответил Джизирак, и при этом он был настолько близок к смущению, как Олвин еще никогда за ним не замечал.— Это нелегко и, уж во всяком случае, малоприятно, но, знаешь, это стимулирует, стимулирует!..

— А как он работает?

— Он взял за основу наши саги. Ему сконструировали целую серию, и он изучает наши реакции на обстановку, когда мы в эти саги погружаемся. Вот уж никогда не думал, что в моем-то возрасте снова займусь развлечениями детства!

— А что это такое — саги? — спросил Хилвар.

— Воображаемые миры мечты,— ответил Олвин.— По крайней мере, большинство из них — воображаемые, потому что некоторые-то основаны и на исторических фактах. Их миллионы, записанных в Хранилищах Памяти города. Ты можешь выбрать себе по вкусу любое приключение, и оно будет представляться тебе совершенно реальным, пока соответствующие импульсы поступают в мозг.— Он повернулся к Джизираку: — А в какие же саги приглашает вас Джирейн?

— Да знаешь, бóльшая их часть, как ты и мог бы предположить, касается выхода из Диаспара. Некоторые переносят нас в наши самые ранние существования — настолько близко к основанию города, насколько мы только можем туда подобраться. Джирейн, понимаешь ли, убежден, что чем ближе он станет к источнику тех побудительных причин, тем легче ему будет подорвать их...

Олвина эта новость сильно приободрила. Его собственный труд был бы завершен всего лишь наполовину, открой он крепостные врата Диаспара только для того, чтобы убедиться, что охотников пройти через них нет.

— И вы действительно хотите получить способность выйти из города? — проницательно спросил Хилвар.

— О нет! — без всяких колебаний ответил Джизирак.— Меня при одной мысли об этом в дрожь кидает. Но, видите ли, я отдаю себе отчет в том, что мы были не правы, не правы абсолютно, когда считали Диаспар миром, вполне достаточным для человека, и логика подсказывает мне, что что-то должно быть предпринято, чтобы исправить эту ошибку. Но вот на эмоциональном уровне я все еще не способен покинуть город. Возможно, именно таким я и останусь навсегда... Джирейн же считает, что сможет добиться, чтобы многие из нас посетили Лиз, и я полон решимости помочь ему в его эксперименте... даже если половину времени я и тешу себя надеждой, что ничего у него не выйдет!

Олвин взглянул на своего старого наставника с новым уважением. Само он уже не отвергал силу внушения и верно оценивал мотивы, которые могут заставить человека действовать в защиту логики. И он не мог не сравнить холодное мужество Джизирака с паническим бегством в будущее Хедрона, хотя теперь, когда он стал лучше понимать человеческую натуру, он уже больше не решался осуждать Шута за его поступок.

Он не сомневался в том, что Джирейну удастся задуманное. Быть может, Джизирак и окажется слишком уж стар, чтобы переломить пожизненную привычку — как бы ему ни хотелось начать все сначала. Но это уже не имело никакого значения, потому что успех все-таки ждал других, направляемых мудрыми психологами Лиза. А как только несколько человек вырвутся из своей миллиарднолетней раковины, последуют ли за ними остальные — станет только вопросом времени.

Он задумался над тем, что же произойдет с Диаспаром и Лизом, когда барьеры рухнут полностью. Лучшие элементы культуры обоих должны быть сохранены и спаяны в новую и более здоровую культуру. Это была задача устрашающих масштабов, и для ее решения потребуются вся мудрость и все терпение, на которые окажутся способны оба общества.

Некоторые из трудностей этого предстоящего притирания друг к другу уже были очевидны. Гости из Лиза — очень вежливо — отказались жить в домах, которые им предоставил город. Они раскинули свое временное жилье в Парке, среди обстановки, напоминающей им родину. Единственным исключением стал Хилвар: хотя ему и не слишком-то по душе было жить в доме с неопределенными стенами и эфемерной меблировкой, он все-таки отважно воспользовался гостеприимством Олвина, успокоенный обещанием, что они останутся тут недолго.

Никогда в жизни Хилвар не чувствовал себя одиноким, но вот в Диаспаре он познал это состояние. Город оказался для него еще более странным и чужим, чем даже Лиз для Олвина; его подавляла бесконечная сложность общения множества совершенно незнакомых людей, которые, казалось, заселяли каждый дюйм пространства вокруг него. В Лизе он знал каждого, независимо от того, встречался он с этим человеком лично или нет. Но, проживи он и

тысячу жизней, он не смог бы перезнакомиться со всеми в Диаспаре, и хотя он и отдавал себе отчет в том, что чувство этой непреодолимости иррационально, оно все-таки подавляло его. Только преданность другу удерживала его в этом мире, не имеющем ничего общего с его собственным.

Он часто пытался анализировать свое отношение к Олвину. Эта дружба, как он понимал, возникла из того же источника, который питал его сочувственное отношение ко всем слабым и борющимся за жизнь существам. Это могло бы удивить тех, кто думал об Олвине как о человеке сильной воли, упрямом эгоцентристе, не нуждающемся ни в чьей нежности и не способном ответить ею.

Хилвар, однако, знал Олвина куда глубже. С самого начала он инстинктивно почувствовал, что Олвин — исследователь, а все исследователи ищут что-то такое, что ими утрачено. Они редко это находят, и еще реже достижение цели приносит им радость большую, чем сам процесс поиска.

Хилвар сначала не понимал, чего же именно ищет Олвин. Им руководили силы, приведенные в движение в незапамятные времена гениями, которые спланировали Диаспар с таким извращенным мастерством, или же еще более талантливыми людьми, противостоявшими первым. Как и любое человеческое существо, Олвин до известного предела был машиной, его действия предопределялись наследственностью. Это, конечно, не отменяло потребности в понимании и добром к нему отношении и в равной же степени не давало ему иммунитета против одиночества и отчаяния. Для его собственного народа он был настолько непредсказуем, что его сограждане порой забывали, что он живет теми же чувствами, что и они. Понадобился Хилвар — человек совсем иных жизненных обстоятельств, чтобы разглядеть в Олвине просто еще одно человеческое существо.

В течение первых нескольких дней в Диаспаре Хилвар повстречал людей больше, чем за всю свою предыдущую жизнь, но ни с кем не сблизился. Живя в такой скученности, обитатели города выработали известную сдержанность по отношению друг к другу, и преодолеть ее было нелегко. Единственное уединение, которое им было ведомо, было уединение мышления, и они упорно оберегали его, даже когда занимались сложными и бесконечными общественными делами Диаспара. Хилвару было их жаль, хотя он и понимал, что они не испытывают ни малейшей нужды в сочувствии. Они не отдавали себе отчета в том, чего оказались лишены, им неведомо было теплое чувство общности, связывающее всех и каждого в телепатическом социуме Лиза. Более того, значительная часть из тех, с кем ему случалось поговорить, смотрели на него с жалостью — как на человека, ведущего беспросветно скучную и никчемную жизнь, хотя все они были достаточно вежливы, чтобы и виду не показать, что они думают именно так.

К Эристону и Итании — опекунам Олвина — Хилвар быстро потерял всякий интерес, увидев, что это добрые люди, но поразительные посредственности. Его очень смущало, когда он слышал, как Олвин называет их отцом и матерью: в Лизе эти слова все еще сохраняли свое древнее биологическое значение. Ему требовалось постоянное умственное усилие — помнить, что законы жизни и смерти оказались перетасованы создателями Диаспара, и по-

рой Хилвару даже казалось — несмотря на все столпотворение вокруг него,— что город наполовину пуст, потому что в нем нет детей.

Его интересовало, что же теперь станется с Диаспаром, теперь, когда его долгая изоляция подошла к концу. Лучшее, что мог бы сделать город, решил он,— это уничтожить Хранилища Памяти, которые в продолжение столь долгого времени держали его в замороженном состоянии. Столь чудесные сами по себе, вершина, настоящий триумф науки, создавшей их, они все-таки были порождением больной культуры, страшившейся слишком многого. Некоторые из этих фобий основывались на реальностях, но остальные, как теперь представлялось совершенно ясно, покоились лишь на разыгравшемся воображении. Хилвару было известно кое-что о той картине, которая стала вырисовываться в ходе изучения интеллекта Вэйнамонда. Через несколько дней это предстояло узнать и Диаспару — и обнаружить, сколь многое в его прошлом было просто выдумкой...

Но если бы Хранилища Памяти оказались уничтожены, через тысячу лет город был бы мертв, поскольку его обитатели потеряли способность к воспроизводству. Это была дилемма, от которой, казалось, совершенно некуда было уйти, но Хилвар уже нащупал одно из возможных решений. На любую техническую проблему всегда находится ответ, а народ Лиза достиг огромных высот в биологии. То, что было когда-то сделано, можно и переделать — если только Диаспар сам этого захочет.

Но сначала город обязательно должен осознать, что же именно он потерял. Этот процесс займет много лет, быть может,— даже столетий. Но это — начало. Очень скоро влияние первых уроков потрясет Диаспар так же глубоко, как и сам контакт с Лизом.

Лиз, впрочем, тоже будет потрясен до самого основания. Несмотря на всю разницу этих культур, они возникли из единого корня и питались теми же иллюзиями. Они обе станут здоровее, когда еще раз спокойно и пристально вглядятся в свое утраченное прошлое.

24

Амфитеатр был рассчитан на все население Диаспара, и едва ли хотя бы одно из десяти миллионов его мест пустовало. Глядя вниз со своего места далеко наверху на этот огромный овал, Олвин не мог не подумать о Шалмирейне. У обоих кратеров была одна и та же форма, да и размера они были почти одинакового. Если бы заполнить воронку Шалмирейна людьми, то она стала бы очень похожа на эту.

Была, однако, между ними и одна фундаментальная разница. Гигантская чаша Шалмирейна существовала, так сказать, во плоти, этот же амфитеатр — нет. И никогда прежде он не существовал. Это был просто фантом, рисунок электрических зарядов, дремлющих в памяти Центрального Компьютера, пока не наступала нужда вызвать их к жизни. Олвин отлично знал, что в действительности он находится в своей комнате и что все эти миллионы людей, которые его сейчас окружают, тоже сидят по домам. До тех пор пока он не предпринимал попытки сдвинуться с места, иллюзия оставалась полной. Вполне

можно было поверить, что Диаспар опустел, а все его жители собрались здесь, в этой огромной чаше.

Не однажды за прошедшие тысячелетия жизнь в городе замирала, чтобы его население могло собраться на Великой Ассамблее. Олвин знал, что и в Лизе сейчас происходит нечто подобное. Но там встречались просто мыслями.

Большинство из окружающих были ему знакомы — вплоть до расстояния, на котором лицо еще можно было различить невооруженным глазом. Более чем в миле от него и тысячью футами ниже располагалось небольшое круглое возвышение, к которому и было приковано сейчас внимание всего мира. С трудом верилось, что можно будет что-то разглядеть с такого расстояния, но Олвин знал, что, когда начнутся выступления, он будет видеть и слышать все происходящее с такой же ясностью, как и всякий другой в Диаспаре.

Какая-то дымка возникла на возвышении в центре амфитеатра. Тотчас же из нее материализовался Коллитрэкс — лидер группы, в задачу которой входило реконструировать прошлое на основе информации, принесенной на Землю Вэйнамондом. Задача эта была невообразимо трудна, почти невыполнима, и не только из-за того, что были вовлечены непостижимо долгие временны́е периоды. Лишь однажды, с помощью Хилвара, Олвину удалось прикоснуться к внутреннему миру этого странного существа, которое они открыли — или которое открыло их. Для Олвина мысли Вэйнамонда оказались столь же лишены смысла, как тысяча голосов, надрывающихся одновременно в какой-то огромной резонирующей камере. И все же ученые Лиза смогли разобраться в этом хаосе, записать его и проанализировать уже не спеша. Прошел слух — Хилвар не опровергал его, но и не подтверждал,— что то, что обнаружили ученые, оказалось столь странно, что почти ничем не напоминало ту историю, картины которой все человечество считало истинными на протяжении миллиарда лет.

Коллитрэкс начал речь. Для Олвина, как и для любого другого в Диаспаре, его чистый и ясный голос исходил, казалось, из точки, расположенной от слушателя всего в нескольких дюймах. Затем — было трудно понять, каким образом (точно так же, как геометрия сна отрицает логику и все же не вызывает никакого удивления у спящего),— Олвин оказался рядом с Коллитрэксом в то же самое время, как он сохранял свое место высоко на склоне амфитеатра. Этот парадокс ничуть его не изумил. Он просто принял его, как воспринимал и все другие манипуляции с пространством и временем, возможность которых была предоставлена в его распоряжение.

Очень коротко Коллитрэкс коснулся общепринятой истории человечества. Он говорил о загадочных людях цивилизаций эпохи Рассвета, которые не оставили после себя ничего, кроме горстки великих имен и каких-то тусклых легенд об Империи. Даже в самом начале — так принято было считать — Человек стремился к звездам и в конце концов достиг их. В течение миллионов лет он бороздил пространства Галактики, прибирая к рукам одну звездную систему за другой. Затем из тьмы за краем Галактики Пришельцы нанесли свой удар и отобрали у Человека все, что он уже считал своим.

Отступление в тесные рамки Солнечной системы было горьким и продолжалось несколько столетий. Сама Земля едва избежала уничтожения благода-

ря легендарным битвам, которые гремели вокруг Шалмирейна. Когда все кончилось, Человеку остались только его воспоминания и мир, на котором он родился.

С тех пор все было лишь затянувшимся антипиком. И, как крайняя ирония, Галактическая Империя, которая надеялась повелевать Вселенной, покинула даже бóльшую часть своего собственного мирка и раскололась на две изолированные культуры Лиза и Диаспара — оазисы жизни в пустыне, разделившей их столь же эффективно, как межзвездные пропасти.

Коллитрэкс остановился. Олвину, как и каждому в гигантском амфитеатре, казалось, что историк смотрит ему прямо в глаза — взглядом свидетеля таких вещей, в которые он и посейчас еще не в силах поверить.

— Вот и все, что касается сказок, в которые все мы свято веруем с тех самых пор, как началась наша писаная история,— снова заговорил Коллитрэкс.— А теперь я должен вам сообщить, что все эти сказки лживы — лживы в каждой своей детали, лживы настолько, что даже сейчас мы еще не сумели полностью соотнести их с действительностью...

Он подождал, чтобы значение сказанного дошло до каждого. После чего, медленно и тщательно выговаривая слова, передал Лизу и Диаспару знание, которое было получено от Вэйнамонда.

— ...Даже то, что Человек достиг звезд, было неправдой. Вся его крохотная империя ограничивалась орбитой Плутона и Персефоны — межзвездное же пространство оказалось таким барьером, преодолеть который Человек был не в силах. Вся его цивилизация теснилась вокруг Солнца и была еще очень молода, когда... звезды сами пришли к ней.

Влияние этого, должно быть, оказалось потрясающим. Несмотря на все свои неудачи, Человек никогда не сомневался, что настанет день — и он покорит глубины пространства. Он верил и в то, что, если Вселенная и населена равными ему, в ней тем не менее нет никого, кто превосходил бы его по развитию. Теперь же Земле стало ясно, что она была не права в обоих случаях и что в межзвездных глубинах существуют умы куда более великие, чем человеческий. На протяжении многих столетий — сначала в кораблях, построенных другими, а позже — и собственной постройки на основе заимствованных знаний — Человек исследовал Галактику. И повсюду он находил культуры, которые мог оценить, но с которыми не мог сравниться, а время от времени ему встречался и разум, обещавший вскоре вообще выйти за пределы человеческого понимания.

Удар этот был невообразимо тяжек, но человечество не было бы самим собой, если бы не справилось с ним. Став печальнее и неизмеримо мудрее, Человек вернулся в Солнечную систему — безрадостно размышлять над приобретенными знаниями. Он готовился принять вызов Галактики, и постепенно возник план, порождавший кое-какие надежды на будущее.

Когда-то физические науки представляли для Человека самый большой интерес. Теперь же он с еще большим горением накинулся на исследования в области генетики и науки о мозге. Он был преисполнен решимости любой ценой добраться до самых пределов своей эволюции.

Этот великий эксперимент на протяжении миллионов лет поглощал всю энергию человечества, но Коллитрэкс сумел уложить все эти страдания, все

эти жертвы всего в несколько слов. Впрочем, эксперимент принес Человеку его самые замечательные достижения. Человек уничтожил болезни. Он мог бы теперь жить вечно, если бы пожелал. А овладев телепатией, он подчинил себе самую неуловимую силу из всех.

Он был готов снова, опираясь уже на собственные завоевания, ринуться к звездам — туда, в непомерные просторы Галактики. Он хотел встретить, как равных, обитателей тех миров, от которых когда-то отвернулся в уязвленном самолюбии. Он хотел сыграть и свою роль в истории Вселенной...

И все это он исполнил. Вот с тех-то времен — самых, возможно, продолжительных в истории — и появились легенды о Галактической Империи. Но все это оказалось забыто в ходе трагедии, которая подвела Человека к его концу...

Империя существовала по меньшей мере миллион лет. Надо полагать, она пережила множество кризисов, возможно, даже войн, но все это просто потерялось на фоне величественного движения социумов разумных существ в направлении зрелости.

— Мы можем гордиться той ролью, которую наши предки сыграли во всей этой истории,— сказал Коллитрэкс после очередной паузы.— Даже достигнув плато в развитии культуры, они ничуть не утратили инициативы. Здесь нам придется иметь дело скорее с умозаключениями, нежели с конкретными фактами, но представляется, что эксперименты, которые одновременно ознаменовали падение Империи и венчание ее славой, были вдохновлены и направлялись именно Человеком.

Философия, лежавшая в основе этих экспериментов, выглядит следующим образом.

Контакт с другими представителями разумной жизни показал землянам, насколько глубоко суждение мыслящего существа об окружающем мире зависит от его физического облика и от тех органов чувств, что находятся в его распоряжении. Много спорили о том, можно ли представить себе истинный облик Вселенной — если вообще вообразить ее себе — только с помощью разума, свободного от всех физических ограничений, иначе говоря — Чистого Разума. Это была концепция, обычная для множества древних верований, и представляется странным, что идея, не имевшая под собой ни малейшего рационального основания, стала в конце концов одной из величайших целей науки.

— В естественной Вселенной никто никогда не встречал интеллект, лишенный телесной оболочки,— продолжал Коллитрэкс.— Ученые поставили себе целью создать таковой. Навыки и знания, которые сделали это возможным, забыты нами вместе со многими другими. Ученым того времени были подвластны все силы природы, все тайны времени и пространства. Так как наши мысли являются продуктом неимоверно сложной структуры мозговых клеток, связанных друг с другом сетью нервных проводников, то ученые стремились создать мозг, компоненты которого не были бы материальны на молекулярном или атомном уровне, а состояли бы из элементов самого вакуума. Такой мозг, если его, конечно, можно так называть, использовал бы для своей деятельности электрические силы или взаимодействия еще более высокого

порядка и был бы совершенно свободен от тирании вещества. И действовал бы он с куда большей скоростью, чем любой мозг органического происхождения. Он смог бы существовать до тех пор, пока во Вселенной оставался хотя бы один-единственный эрг энергии, а для возможностей его вообще не усматривалось границ. Созданный однажды, он сам стал бы развивать свои потенциалы — да такие, какие не в состоянии были предвидеть и сами его создатели.

И вот, опираясь в основном на опыт, накопленный за время своего собственного возрождения, человечество Земли предположило, что стоит попытаться приступить к созданию такого существа. Никогда еще перед суммарным интеллектом Вселенной не ставилось проблемы более фундаментальной и сложной, и после нескольких столетий споров вызов был принят. Все разумные обитатели Галактики объединили свои усилия, чтобы сообща выполнить замысленное.

Более миллиона лет отделило мечту от ее воплощения. Поднялись и склонились к закату многие цивилизации, впустую тратился тяжкий труд множества миров на протяжении целых столетий, но цель никогда не тускнела. Возможно, настанет день, когда мы в подробностях узнаем всю эту историю, это самое грандиозное и самое продолжительное усилие в истории человечества. Сегодня же нам известно только то, что все это закончилось катастрофой, которая едва не погубила Галактику.

Мозг Вэйнамонда отказывается детально следовать перипетиям этого периода. Существует некий узкий промежуток времени, который для него заблокирован, но, как нам представляется, заблокирован он лишь его собственным страхом. В начале этого промежутка мы видим межзвездное сообщество разумных существ на вершине своей славы, в нетерпеливом ожидании триумфа науки. В конце же, спустя всего какую-то тысячу лет, эта могучая организация поколеблена и сами звезды потускнели, словно бы лишенные части своей энергии. Над Галактикой простирается крыло страха, связанное с понятием «Безумный Разум»...

— Нетрудно догадаться, что же именно произошло в этот короткий промежуток,— продолжал Коллитрэкс.— Чистый Разум был создан, но либо он оказался безумен, либо, как с большей вероятностью следует из других источников, оказался неумолимо враждебен веществу. В течение столетий он терзал Вселенную, пока его не обуздали силы, о которых мы можем только догадываться. Какое бы оружие ни использовала доведенная до крайности Галактическая Империя, оно истощило энергию огромнейшего числа звезд. Из воспоминаний об этом трагическом периоде и возникли некоторые — хотя и не все — легенды о Пришельцах. Об этом я сейчас расскажу подробнее.

Безумный Разум не мог быть уничтожен, поскольку был бессмертен. Его оттеснили к краю Галактики и там каким-то образом заперли — мы не знаем как. Его тюрьмой стала созданная искусственно странная звезда, известная под названием Черное солнце, и там он и остается по сей день. Когда Черное солнце умрет, он снова станет свободен. Сказать, насколько далеко в будущем лежит этот день, не представляется возможным.

Коллитрэкс умолк, словно бы забывшись в собственных размышлениях, совершенно безразличный к тому, что на него глядели глаза всего мира. Вос-

пользовавшись этим долгим молчанием, Олвин стал оглядывать тесно сидящих вокруг него людей, стремясь прочесть, угадать, что у них на уме теперь, когда они познали откровение и ту таинственную угрозу, которая отныне призвана заменить миф о Пришельцах. По большей части на лицах его сограждан застыло выражение крайнего недоверия, они все еще не могли отказаться от своего фальшивого прошлого и принять вместо него еще более фантастическую версию реальности.

Коллитрэкс заговорил снова. Тихим, приглушенным голосом он принялся описывать последние дни Империи. По мере того как перед ним разворачивалась картина того времени, Олвин все больше понимал, что это был век, в котором ему очень хотелось бы жить. Век приключений и не знающего преград, сверхъестественного мужества, которое все-таки сумело вырвать победу из зубов катастрофы.

— Хотя Галактика и была опустошена Безумным Разумом,— говорил Коллитрэкс,— ресурсы Империи оставались еще огромными и дух ее не был сломлен. С отвагой, которой мы можем только поражаться, великий эксперимент был возобновлен ради поиска ошибки, которая привела к трагедии. Разумеется, теперь нашлись многие и многие, кто выступил против этой работы, предрекая усугубление катастрофы, но все-таки возобладало противоположное мнение. Проект продвигался вперед во всеоружии знания, добытого такой дорогой ценой, и на этот раз он привел к успеху.

Народившийся новый вид разумных существ имел интеллект, который просто невозможно было измерить. Но этот разум был совершенно ребяческим. Мы не знаем, был ли это расчет его создателей, но представляется вероятным, что они считали это неизбежным. Потребовались бы миллионы лет, чтобы он достиг зрелости, и ничего нельзя было предпринять, чтобы ускорить этот процесс. Вэйнамонд оказался самым первым из этих созданий. По Галактике должны были быть рассеяны и другие, но мы считаем, что создано их было не так уж и много, поскольку Вэйнамонд никогда не встречал своих собратьев.

Создание этого разума стало величайшим достижением галактической цивилизации. Человек играл в ней ведущую, даже, возможно, абсолютно доминирующую роль. Я не упоминаю здесь население собственно Земли, поскольку ее история — не более чем ниточка в огромном ковре. В силу того, что на протяжении всего этого периода наиболее предприимчивые люди уходили в космос, наша Земля неизбежно стала в высшей степени консервативной и в конце концов даже выступила против ученых, которые создали Вэйнамонда. И уж конечно, она не сыграла никакой роли в заключительном акте.

Труд Галактической Империи был теперь завершен. Люди той эпохи смотрели на звезды, которые они исковеркали в своем отчаянном стремлении побороть опасность, и приняли решение. Они постановили оставить нашу Вселенную в распоряжении Вэйнамонда...

Здесь чувствуется какая-то тайна... тайна, которой нам никогда не постичь, потому что Вэйнамонд не в состоянии оказать нам помощь. Нам известно только, что Галактическая Империя вошла в контакт с чем-то... очень странным... и обладающим необычайным величием, с чем-то, что находилось да-

леко за кривизной пространства, на другом конце самого Космоса. Что это такое было — мы можем только гадать. Но контакт был, вероятно, необыкновенно важен, а обещания столь же велики. В течение очень короткого промежутка времени наши предки и все дружественные им сообщества разумных существ прошли путь, оценить который мы не в состоянии. Мысли Вэйнамонда, похоже, ограничены нашей Галактикой, однако, читая их, мы смогли проследить за самым началом этого великого и загадочного предприятия. Вот образ того, что нам удалось реконструировать. Сейчас вы увидите то, что происходило более миллиарда лет назад...

...Бледный венок минувшей своей славе висит в пустоте — медленно вращающееся колесо Галактики. По всей его ширине тянутся огромные пустые тоннели, вырванные из структуры Галактики Безумным Разумом,— в веках, которые воспоследуют, эти раны будут затянуты дрейфующими звездами. Но никогда уже этим страницам не восполнить былого великолепия.

Человек собирался покинуть Вселенную — так же как давным-давно он покинул свою планету. И не только Человек, но и тысяча других рас, трудившихся вместе с ним над созданием Галактической Империи. Они собрались все вместе здесь, на самом краю Галактики, всей своей толщиной лежащей между ними и целью, которой им не достичь еще долгие века.

Они собрали космический флот, перед которым было бессильно воображение. Его флагманами были солнца, самыми маленькими кораблями — планеты. Целое шаровое скопление со всеми своими солнечными системами, со всеми своими мирами готовилось отправиться в полет через бесконечность.

Длинная струя огня пронзила вдруг сердце Вселенной, скачками передвигаясь от звезды к звезде. В кратчайший миг умерли тысячи солнц, отдав свою энергию чудовищному шару из светил, который метнулся вдоль оси Галактики и теперь становился все меньше и меньше, уходя в неизмеримую глубину космической пропасти...

— Таким вот образом Империя покинула нашу Вселенную, чтобы встретить свою судьбу в ином месте,— продолжил Коллитрэкс.— Когда ее восприемники, интеллекты типа Вэйнамонда, достигнут своей полной формы, она, возможно, возвратится снова. Но этот день еще далеко впереди.

Вот она, в самом кратком и самом поверхностном описании,— история Галактической Империи. Наша собственная история, которая представляется нам такой важной,— не более как запоздалый и, в сущности, тривиальный эпилог, хотя он и настолько сложен, что мы до сих пор не можем разобраться во всех деталях. Представляется, что многие из старых рас, не снедаемые жаждой приключений, отказались покинуть свои родные планеты. Большинство из них постепенно пришли в упадок и более не существуют, хотя некоторые все еще живы. Наш собственный мир едва избежал подобной же участи. Во время Переходных Столетий, которые в действительности-то длились миллионы лет, знание о прошлом было либо утрачено, либо уничтожено преднамеренно. Последнее представляется более вероятным, хотя в это и трудно поверить. В течение столетий и столетий Человек тонул в исполненном предрас-

судков и все же научном варварстве, искажая историю, чтобы избавиться от ощущения своего бессилия и чувства провала. Легенды о Пришельцах абсолютно лживы, хотя отчаянная борьба против Безумного Разума, несомненно, способствовала их зарождению. И наших предков ничто не тянуло обратно, на Землю, кроме разве что душевной боли...

Когда мы сделали это открытие, одна проблема в особенности нас поразила. Не было никогда никакой битвы при Шалмирейне, и все же Шалмирейн существовал и существует и по сей день. Более того, это было одно из величайших орудий уничтожения из всех когда-либо построенных.

Потребовалось некоторое время, чтобы разрешить эту загадку, но, когда ответ был найден, он оказался очень простым. Давным-давно у Земли был ее единственный спутник — Луна. Когда в бесконечном противоборстве приливов и тяготения Луна наконец стала падать, возникла необходимость уничтожить ее. Шалмирейн был построен именно для этой цели, и только позже вокруг него появились легенды, которые вам известны.

Коллитрэкс улыбнулся своей огромной аудитории. Улыбка эта была несколько печальна.

— Таких легенд — частью правдивых, частью лживых — много. Есть в нашем прошлом и другие парадоксы, которые еще предстоит разрешить. Но это уже проблемы скорее для психолога, нежели для историка. Даже сведениям, хранящимся в Центральном Компьютере, нельзя доверять до конца, поскольку они несут на себе явственные свидетельства того, что в очень далекие времена их подчищали.

На Земле лишь Диаспар и Лиз пережили период упадка — первый благодаря совершенству своих машин, второй — в силу своей изолированности и необычных интеллектуальных способностей народа. Но обе эти культуры, даже когда они стремились возвратиться к своему первоначальному уровню, уже не могли преодолеть искажающего влияния страхов и мифов, унаследованных ими.

Эти страхи не должны больше преследовать нас. Не дело историка предсказывать будущее — я должен только наблюдать и интерпретировать прошлое. Но урок этого прошлого вполне очевиден: мы слишком долго жили вне контакта с реальностью, и теперь наступило время строить жизнь по-новому.

25

В молчаливом удивлении шагал Джизирак по улицам Диаспара и не узнавал города — настолько он отличался от того, в котором наставник Олвина провел все свои жизни. Но он все-таки знал, что это — Диаспар, хотя и не задумывался над тем, откуда это ему известно.

Улицы были узкими, здания — ниже, а Парка и вовсе не было. Или, лучше сказать, его еще не было. Это был Диаспар накануне перемен, Диаспар, еще распахнутый в мир и Вселенную. Город накрывало бледно-голубое небо, усеянное размытыми перьями облаков,— они медленно поворачивались и изгибались под ветром, который мел по поверхности этой еще совсем юной Земли.

Пронизывая облака, летя и выше их, в небе двигались и более материальные воздушные странники. На высоте многих миль над городом корабли, свя-

зывающие Диаспар с внешним миром, мчались по своим маршрутам в самых разных направлениях, прошивая небеса кружевными строчками инверсионных следов. Джизирак долго смотрел на эту загадку, на это чудо — распахнутое небо, и страх касался его души неосязаемыми холодными пальцами. Он почувствовал себя голым и беззащитным, ошеломленный осознанием того, что весь этот такой мирный голубой купол — не более чем тончайшая из скорлупок, за которой простирается космос, таинственный и угрожающий.

Но этот страх был недостаточно силен, чтобы парализовать волю. Какой-то долей сознания Джизирак понимал, что все это сон, а сон не причинит ему ровно никакого вреда. Он просто проплывет сквозь это наваждение, пробуя его на вкус, пока не проснется в городе, который ему хорошо знаком.

Он направлялся в самое сердце Диаспара, к той его точке, где в его эпоху будет стоять усыпальница Ярлана Зея. Теперь, в этом древнем городе, здесь ничего еще не было, стояло только низкое, круглое здание, в которое вело множество сводчатых дверей. Около одной из них его дожидался какой-то человек.

Джизираку следовало бы онеметь от изумления, но теперь его уже ничто не могло удивить. Почему-то это казалось совершенно правильным и естественным — оказаться лицом к лицу с человеком, построившим Диаспар.

— Полагаю, вы меня узнали,— обратился к нему Ярлан Зей.

— Ну конечно! Ведь я тысячи раз видел ваше изображение. Вы — Ярлан Зей, а это все — Диаспар, каким он был миллиард лет назад. Я понимаю, что все это мне снится и что ни вас, ни меня в действительности здесь нет...

— Тогда, что бы ни произошло, вам не следует тревожиться. Поэтому идите за мной и помните: ничто не может причинить вам никакого вреда, поскольку стоит вам только пожелать — и вы проснетесь в Диаспаре своей эпохи...

Джизирак послушно проследовал за Ярланом Зеем в здание. Свой мозг в эти минуты он мог бы сравнить с губкой — все впитывающей и ничего не подвергающей сомнению. Какое-то воспоминание или даже всего лишь отдаленное эхо воспоминания предупреждало его о том, что именно должно сейчас вот произойти, и он знал, что в былые времена при виде *этого* он сжался бы от ужаса. Теперь же он совсем не испытывал страха. Он не только сознавал себя под защитой понимания того, что все здесь происходящее — нереально, но и присутствие Ярлана Зея казалось неким талисманом против любых опасностей, которые могли бы ему встретиться.

На движущихся тротуарах, ведших в глубину здания, стояло всего несколько человек, и поэтому, когда Джизирак с Ярланом Зеем остановились наконец в молчании возле длинного, вытянутого цилиндра, который, как знал Джизирак, может унести его в путешествие, сведшее бы его в будущем с ума, рядом с ними никого не оказалось. Его проводник жестом указал ему на отворенную дверь. Джизирак задержался на пороге не более чем на какую-то долю секунды, а затем решительно ступил внутрь.

— Вот видите,— улыбнулся Ярлан Зей.— Ну а теперь расслабьтесь и помните, что вы — в полнейшей безопасности... никто и ничто вас не тронет...

Джизирак верил ему. Только едва уловимую дрожь беспокойства ощутил он, когда в полной тишине вход в туннель перед ними скользнул навстречу и

машина, внутри которой они находились, двинулась в глубь земли, набирая скорость. Какие бы страхи он ни испытывал прежде, все они теперь были прочно забыты — смятые, оттесненные горячим желанием поговорить с этой загадочной личностью, явившейся из такого далекого прошлого.

— Не кажется ли вам странным,— обратился к нему Ярлан Зей,— что, хотя небо для нас и открыто, мы пытаемся зарыться поглубже в землю? Это, знаете ли, начало той болезни, закономерное окончание которой вы наблюдаете в своей эпохе. Человечество пытается спрятаться, оно страшится того, что лежит там, в пространстве, и скоро оно накрепко запрет все двери, которые еще ведут во Вселенную.

— Но ведь я только что видел в небе над Диаспаром космические корабли,— возразил Джизирак.

— Больше вы их не увидите. Мы уже потеряли контакт со звездами, а очень скоро мы уйдем и с планет Солнечной системы. Нам потребовались миллионы лет, чтобы выйти в космическое пространство, и только какие-то столетия, чтобы снова отступить к Земле... А спустя совсем непродолжительное время мы покинем и бóльшую часть самой Земли...

— Но почему? — спросил Джизирак. Ответ был ему известен, но что-то тем не менее все-таки заставило его задать этот вопрос.

— Нам необходимо было убежище, которое избавило бы нас от страха перед смертью и от боязни пространства. Мы были больным народом и не хотели более играть никакой роли во Вселенной, и вот мы сделали вид, будто ее попросту не существует. Мы видели, как хаос пирует среди звезд, и тяготели к миру и стабильности. А из этого со всей непреложностью следовало, что Диаспар должен быть закрыт, с тем чтобы ничто извне не могло в него проникнуть...

Мы создали город, который вам так хорошо известен, и сфабриковали фальшивое прошлое, чтобы скрыть от самих себя нашу слабость. О, мы были не первыми, кто прибегнул к такому способу... но мы оказались первыми, кто проделал все с такой тщательностью. И мы переделали сам дух Человека, лишив его устремлений и яростных страстей, дабы он был вполне доволен миром, которым теперь обладал.

Понадобилась тысяча лет, чтобы возвести город со всеми его механизмами. По мере того как каждый из нас завершал свою профессиональную задачу, из его памяти стирали все воспоминания, замещая их тщательно разработанным рисунком новых, фальсифицированных, и личность человека оказывалась погребенной в электронных катакомбах города до тех пор, пока не придет время снова вызвать ее к жизни...

И вот настал день, когда в Диаспаре не осталось ни единой живой души. Бодрствовал только Центральный Компьютер, повинующийся внесенным в него указаниям и контролирующий Хранилища Памяти, в которых спали мы все. Не осталось ни одного человека, который сохранил бы хоть какой-то контакт с прошлым... Таким вот образом в этот самый момент и начала свою поступь новая История...

Затем, один за другим, через определенные интервалы, мы были вызваны из электронных лабиринтов компьютерной памяти и снова облеклись плотью.

Как механизм, который был только что построен и теперь получил толчок к действию, Диаспар принялся выполнять обязанности, для которых он и был создан.

И все же некоторых из нас с самого начала обуревали сомнения. Вечность — срок долгий. Мы отдавали себе отчет в том, на какой риск идем, не предусматривая никакой отдушины и пытаясь полностью отгородиться от Вселенной. С другой стороны, мы не могли обмануть ожиданий всего нашего сообщества, и поэтому работать над модификациями, которые представлялись необходимыми, нам пришлось втайне.

Неповторимые были одним из наших изобретений. Им предстояло появляться через весьма продолжительные интервалы времени, с тем чтобы, если позволят обстоятельства, обнаруживать за пределами Диаспара все, что было достойно усилия, потребовавшегося бы для контакта. Нам и в голову не приходило, что понадобится так много времени для того, чтобы одному из Неповторимых сопутствовал успех... Не ожидали мы и того, что успех этот окажется столь грандиозен...

Несмотря на заторможенность своих способностей к критическому анализу, составляющую самую суть сновидения, Джизирак бегло подивился тому, как это Ярлан Зей может с таким знанием дела рассуждать о вещах, которые имели место спустя миллиард лет после того времени, когда он существовал. Это было очень странно... он, видимо, просто потерял ориентировку — где находится во времени и пространстве...

А путешествие между тем подходило к концу. Стены туннеля уже больше не мелькали молниями мимо окон. И Ярлан Зей начал говорить с настойчивостью и властностью, которых у него только что и в помине не было.

— Прошлое кончилось. Мы сделали свое дело — для хорошего ли, для дурного ли, и с этим — все! Когда вы, Джизирак, были созданы, в вас был вложен страх перед внешним миром и то чувство настоятельной необходимости оставаться в пределах города, которое вместе с вами разделяют все граждане Диаспара. Теперь вы знаете, что страх этот ни на чем не основан, что он был навязан вам искусственно... И вот я, Ярлан Зей, тот, кто дал его вам, освобождаю вас от этого бремени. Вы понимаете?

На этих последних словах голос Ярлана Зея стал звучать все громче и громче, пока, казалось, не заполнил собой весь мир. Подземный вагон, в котором Джизирак двигался с такой скоростью, стал расплываться, дрожать, как будто сон подходил к концу. Изображение тускнело, но он все еще слышал повелительный голос, громом врывающийся в его сознание: «Вы больше не боитесь, Джизирак! *Вы больше не боитесь!*»

Он отчаянно пытался проснуться — так вот ныряльщик стремится вырваться на поверхность из морской глубины. Ярлан Зей исчез, но все еще продолжалось какое-то междуцарствие: голоса, которые были ему знакомы, но которые он не мог точно соотнести с определенными людьми, поощрительно обращались к нему, он ощущал, как его поддерживают чьи-то заботливые руки... И вслед за этим стремительным рассветом произошло возвращение к реальности.

Он открыл глаза и увидел Хилвара, Джирейна и Олвина, которые стояли подле него с выражением нетерпения на лицах. Но он едва обратил на них

внимание: его мозг был слишком полон чудом, которое простерлось перед ним и над ним,— панорамой лесов и рек и голубым куполом открытого неба.

Он оказался в Лизе. И ему не было страшно!

Никто не беспокоил его, пока бесконечный этот миг навсегда отпечатывался в его сознании. Наконец, насытившись пониманием того, что все это действительно реальность, он повернулся к своим спутникам.

— Благодарю вас, Джирейн,— произнес он.— Мне, знаете ли, никак не верилось, что вы добьетесь успеха...

Психолог, выглядевший очень довольным, осторожно подкручивал что-то в небольшом аппарате, который висел в воздухе рядом с ним.

— Вы доставили нам несколько весьма неприятных минут,— признался он.— Раз или два вы начинали задавать вопросы, на которые невозможно было ответить в пределах логики, и я даже опасался, что вынужден буду прервать эксперимент.

— А... предположим... Ярлан Зей не убедил бы меня? Что бы вы тогда делали?..

— Пришлось бы сохранить вас в бессознательном состоянии и переправить обратно в Диаспар, где вы пробудились бы естественным образом и так бы и не узнали, что за время сна побывали в Лизе.

— Но тот образ Ярлана Зея, который вы мне внушили... как многое из того, что он мне рассказывал,— правда?..

— Я убежден, что бóльшая часть. Меня, впрочем, куда сильнее заботило то, чтобы моя маленькая сага оказалась не столько исторически безупречной, сколько убедительной, но Коллитрэкс изучил ее и не обнаружил никаких ошибок. Вне всякого сомнения, она полностью совпадает со всем тем, что нам известно о Ярлане Зее и основании Диаспара.

— Ну вот, теперь мы можем открыть город по-настоящему,— сказал Олвин.— На это, само собой, уйдет уйма времени, но в конце концов мы сумеем нейтрализовать все страхи, и каждый, кто пожелает, сможет покинуть Диаспар...

— Уйма времени — это уж точно,— сухо отозвался Джирейн.— И не забывайте, что Лиз едва ли достаточно велик, чтобы принять несколько сот миллионов посетителей, если все ваши вздумают вдруг явиться сюда. Я не считаю, что это так уж вероятно, но и исключать такую возможность не стоит...

— Проблема решится автоматически,— возразил Олвин.— Пусть Лиз крохотен, но мир-то — велик! И с какой стати мы должны оставлять его в распоряжении пустыни?

— Экий ты все еще мечтатель, Олвин,— с улыбкой произнес Джизирак.— А я-то все думал — что же еще осталось для тебя?

Олвин промолчал. Джизирак задал вопрос, который все настойчивей и настойчивей звучал в его собственной голове — все последние несколько недель. Он так и остался в задумчивости, бредя позади всех, когда они стали спускаться с холма в направлении Эрли. Не станут ли столетия, лежащие перед ним, спокойными, лишенными каких бы то ни было новых впечатлений?

Ответ был в его собственных руках. Он разрядил заряд, уготованный ему судьбой. Теперь, возможно, он мог начать жить.

26

В достижении цели есть некоторая особенная печаль. Она — в осознании того, что цель эта, так долго оставшаяся вожделенной, наконец покорена, что жизни теперь нужно придавать новые очертания, приспосабливать ее к новым рубежам. Олвин в полной мере познал эту печаль, когда бродил в одиночестве по лесам и полям Лиза. Даже Хилвар не сопровождал его, потому что в жизни у каждого мужчины наступает момент, когда он отдаляется и от самых близких своих друзей.

Блуждания эти не были бесцельными, хотя он и никогда не решал заранее, в каком селении остановится на этот раз. Не какое-то определенное место искал он. Ему нужно было новое настроение, какой-то толчок... в сущности, новый для него образ жизни. Диаспар теперь в нем уже не нуждался. Семена, которые он занес в город, быстро прорастали, и он теперь ничего не мог сделать, чтобы ускорить или притормозить перемены, которые там происходили.

Этому мирному краю тоже предстояло перемениться. Олвину частенько приходило в голову — правильно ли он поступил, открыв в своем безжалостном стремлении удовлетворить собственное любопытство древний путь, связывающий обе культуры. Но конечно же, лучше было, чтобы Лиз узнал правду,— ведь и он, как и Диаспар, почивал на своих собственных опасениях и совершенно беспочвенных мифах.

Иногда Олвин задумывался и над тем, какие же черты приобретет новое общество. Он всей душой верил в то, что Диаспар должен вырваться из темницы Хранилищ Памяти и снова восстановить цикл жизни и угасания. Знал он и то, что, по глубочайшему убеждению Хилвара, в этом нет ничего невозможного, хотя детали предлагаемой другом методики и оказались для Олвина слишком уж сложны. Что ж, тогда, может быть, снова наступят времена, когда живая человеческая любовь не будет для Диаспара чем-то недостижимым.

Неужели, раздумывал Олвин, любовь и была тем, чего ему всегда не хватало в Диаспаре, и ее-то на самом деле он и стремился найти? Теперь он слишком хорошо понимал, что, когда играющая молодая сила натешена, честолюбивые устремления и любознательность удовлетворены, остается еще нетерпение сердца. Никому не дано было жить настоящей жизнью, если его не осенял прекрасный союз любви и желания, который и не снился Олвину, пока он не побывал в Лизе.

Он бродил по поверхности планет Семи Солнц — первый человек за миллиард лет. Но теперь это для него мало что значило. Порой ему представлялось, что он отдал бы все свои достижения, если бы только мог услышать крик новорожденного и знать, что это дитя — его собственное...

В Лизе он в один прекрасный день мог найти то, к чему так стремился. Людям этого края были свойственны сердечная теплота и понимание других, чего — ему теперь это было ясно — не было в Диаспаре. Но, прежде чем он мог предаться отдыху и обрести покой, ему предстояло принять еще одно решение.

В его руки пришла власть. Этой властью он все еще обладал. Это была ответственность, которой он когда-то искал и взвалил на себя с радостью, но

теперь он понимал, что не найдет успокоения, пока эта ответственность будет лежать на нем. И вместе с тем отказаться от нее означало предать оказанное ему доверие...

Он обнаружил, что находится в селении, изрезанном массой каналов, и стоит на берегу большого озера. Разноцветные домики, замершие, словно на якорях, над едва заметными волнами, составляли картину почти неправдоподобной красоты. Здесь была жизнь, от домиков веяло теплотой человеческого общения и комфортом — всем, чего ему так не хватало там, среди величия и одиночества Семи Солнц. Здесь он и принял свое решение.

Настанет день, когда человечество снова будет готово отправиться к звездам. Какую новую главу напишет Человек там, среди этих пылающих миров, Олвин не знал. Это будет уже не его заботой. Его будущее лежит здесь, на Земле.

Но прежде чем повернуться к звездам спиной, он совершит еще один полет.

Когда Олвин пригасил вертикальную скорость корабля, город находился уже слишком далеко внизу, чтобы можно было признать в нем дело рук человеческих, и уже заметна была кривизна планеты. Еще немного спустя они увидели и линию терминатора, на которой — в тысячах миль от них — рассвет свершал свой бесконечный переход по безбрежным пространствам пустыни. Над ними и вокруг них сияли звезды, все еще блистающие красотой, несмотря на то, что когда-то они утратили часть своего великолепия.

Хилвар и Джизирак молчали, догадываясь, но не зная с полной уверенностью, чего ради Олвин затеял этот полет и почему он пригласил их сопровождать его. Разговаривать не хотелось. Под ними медленно разворачивалась безрадостная панорама, лишенная даже малейших признаков жизни. Ее опустошенность давила и того и другого, и Джизирак неожиданно для себя самого почувствовал, как в нем вспыхнул гнев на людей прошлого, которые благодаря своему небрежению позволили угаснуть красоте Земли.

Ему страстно захотелось верить, что Олвин прав, говоря о том, что все это еще можно переменить. И силы, и знания все еще находились в распоряжении Человека, и необходима была только воля, чтобы повернуть столетия вспять и заставить океаны вновь катить свои волны. Вода еще была — там, глубоко под поверхностью. А если необходимо, то можно создать заводы, которые дадут планете эту воду.

За годы, лежащие впереди, предстояло сделать так много! Джизирак знал, что стоит на рубеже двух эпох: он уже повсюду чувствовал убыстряющийся пульс человечества. Предстояло, конечно, столкнуться с гигантскими проблемами, но Диаспар пойдет на это. Переписывание прошлого набело займет многие сотни лет, но, когда оно будет завершено, Человек снова обретет почти все, что оказалось им утрачено.

И все же — в состоянии ли он будет обрести действительно все? — подумал Джизирак. Трудно было поверить в то, что Галактика снова может быть покорена, и если даже это и будет достигнуто, то ради какой цели?

Олвин прервал его размышления, и Джизирак отвернулся от экрана.

— Мне хотелось, чтобы вы это увидели,— тихо произнес Олвин.— Другой возможности вам может не представиться.

— Разве ты покидаешь Землю?

— Нет. Я по горло сыт космосом. Даже если другие цивилизации еще и выжили в Галактике, я как-то сомневаюсь, что они стоят того, чтобы их разыскивать. Так много работы на Земле! Теперь я знаю, что мой дом — она. И я не собираюсь снова покидать этот дом.

Он смотрел вниз, на бескрайние пустыни, но глаза его видели воды, которые будут плескаться на этих пространствах через тысячи лет. Человек снова открыл свой мир, и он сделает его прекрасным, пока останется на нем. А уж потом...

— Мы не готовы уйти к звездам, и пройдет очень много времени, прежде чем мы снова примем их вызов. Я все думал — что мне делать с этим кораблем? Если он останется здесь, на Земле, меня все время будет подмывать воспользоваться им и я потеряю покой. В то же время я не могу распорядиться им бездарно. У меня такое чувство, будто мне его доверили и я просто должен использовать его на благо нашего мира...

Поэтому я решил вот что: я пошлю его в Галактику с роботом в роли пилота, чтобы выяснить — что же произошло с нашими предками, и, если возможно, узнать, ради чего они покинули нашу Вселенную, что они собирались найти. Это, должно быть, представлялось им чем-то невообразимо чудесным, если в стремлении к нему они оставили столь многое...

Робот не знает усталости, сколько бы времени ни заняло у него это путешествие. И настанет день, когда наши двоюродные братья получат мое послание и узнают, что мы ждем их здесь, на Земле. Они вернутся, и я надеюсь, что к тому времени мы станем достойны их, сколь бы велики ни были они в своем знании...

Олвин умолк, устремив взор в будущее, контуры которого он определил, но которого ему, возможно, и не суждено увидеть. Пока Человек перестраивает свой мир, этот корабль будет пересекать пропасти тьмы между галактиками и возвратится лишь через многие тысячи лет. Может быть, он, Олвин, еще будет здесь, чтобы встретить его, но даже если нет, он все равно был вполне удовлетворен своим решением.

— Мне представляется, что ты рассудил мудро,— отозвался Джизирак. И тут же, в последний раз, отголосок былого страха вспыхнул в его душе, чтобы помучить его: — Но предположим, что корабль войдет в контакт с чем-то таким, встречи с чем мы бы не хотели...— Голос его упал, поскольку он осознал источник своей тревоги, и он улыбнулся кривой улыбкой, в которой был упрек самому себе и которая тотчас же прогнала последний призрак Пришельцев.

Олвин, однако, отнесся к делу куда серьезнее, чем того ожидал Джизирак.

— Ты забываешь, что скоро у нас помощником будет Вэйнамонд,— сказал он.— Мы еще не знаем, какими возможностями он располагает, но в Лизе все, похоже, думают, что возможности эти потенциально безграничны. Разве не так, а, Хилвар?

Хилвар ответил не сразу. Вэйнамонд был еще одной огромной загадкой, этаким гигантским вопросительным знаком, который всегда будет нависать

над будущим человечества, пока это существо остается на Земле,— это было верно. Но очевидно было и то, что эволюция Вэйнамонда в сторону самоосознания ускорилась в результате его общения с философами Лиза. Они страстно надеялись на сотрудничество в будущем с этим супермозгом-ребенком, веря в то, что человечеству удастся в результате сэкономить целые эпохи, которых бы потребовала его естественная эволюция.

— Я не совсем уверен...— признался Хилвар.— Я думаю, что мы не должны ожидать слишком многого от Вэйнамонда. Мы теперь можем ему помочь, но ведь в его бесконечной жизни мы промелькнем всего лишь ничтожнейшим эпизодом. Я не думаю, что его конечное предназначение имеет к нам какое-либо отношение.

Олвин с изумлением уставился на него.

— Почему ты так считаешь? — спросил он.

— Мне трудно объяснить... Просто интуиция,— ответил Хилвар. Он мог бы добавить еще кое-что, но сдержался. Такие вещи как-то не предназначались для передачи, и, хотя Олвин, конечно же, не стал бы смеяться над его мечтой, он не решился обсудить проблему даже со своим другом.

Это было больше чем мечта, в этом он был уверен, и она отныне постоянно станет преследовать его. Каким-то образом она завладела его сознанием еще во время того неописуемого, ни с кем не разделенного контакта, который случился у него с Вэйнамондом там, у Семи Солнц. Знал ли сам Вэйнамонд, какой должна быть его одинокая судьба?

Наступит день, когда энергия Черного солнца иссякнет и оно освободит своего узника. И тогда на окраине Вселенной, когда само время начнет спотыкаться и останавливаться, Вэйнамонд и Безумный Разум должны будут встретиться среди остывших звезд.

Это столкновение может опустить занавес над всем мирозданием. И все же оно не будет иметь ничего общего с маленькими заботами Человека, и он так никогда и не узнает о его исходе...

— Смотрите! — воскликнул внезапно Олвин.— Вот это-то я и собирался вам показать. Знаете, что это такое?

Корабль находился над полюсом, и планета под ними представляла собой безукоризненную полусферу. Глядя вниз на пояс сумерек, Джизирак и Хилвар в одно и то же мгновение видели на противоположных концах мира и рассвет, и закат. Символика была столь безукоризненна и так поражала душу, что они запомнили этот момент на всю жизнь.

В этой Вселенной наступал вечер. Тени удлинялись к востоку, который не встретит еще одного рассвета. Но повсюду вокруг звезды были еще юны, а свет утра еще только начинал брезжить. И в один прекрасный день Человек снова двинется по тропе, которую он избрал.

КОНЕЦ ДЕТСТВА

Гипотезы, положенные в основу этой книги, принадлежат не автору.

I
ЗЕМЛЯ И СВЕРХПРАВИТЕЛИ

1

Вулкан, вознесший из глубин Тихого океана остров Таратуа, спал уже полмиллиона лет. Но очень скоро, подумал Рейнгольд, остров будет омыт пламенем куда более яростным, чем то, которое помогло ему родиться. Рейнгольд посмотрел в сторону стартовой площадки, запрокинув голову,— иначе не оглядеть до самого верха пирамиду лесов, все еще окружающих «Колумб». Нос корабля возвышался на двести футов над землей, и на нем играли прощальные лучи закатного солнца. Настает одна из последних ночей, какие суждено видеть кораблю, скоро он уже выплывет в непреходящий солнечный свет космоса.

Здесь, под пальмами, высоко на скалистом хребте острова, тишина. Лишь изредка от строительства донесется вой компрессора или чуть слышный издали возглас рабочего. Рейнгольд успел полюбить эту пальмовую рощицу; почти каждый вечер он приходил сюда и сверху оглядывал свое маленькое царство. Но когда «Колумб» в бушующем пламени ринется к звездам, от рощи не останется даже пепла, и это грустно.

В миле за рифом на палубе «Джеймса Форрестола» вспыхнули прожекторы и пошли кружить, обшаривая темный океан. Солнце уже скрылось, с востока стремительно надвигалась тропическая ночь. Рейнгольд усмехнулся — неужели на авианосце всерьез думают обнаружить у самого берега русские подводные лодки!

Мысль о России, как всегда, вернула его к Конраду и к памятному утру переломной весны 1945-го. Больше тридцати лет прошло, но не тускнело воспоминание о тех последних днях, когда Третья империя рушилась под грозным прибоем наступления с Востока и с Запада. Будто и сейчас перед ним усталые голубые глаза Конрада и рыжеватая щетина на подбородке — минута, когда они пожимали друг другу руки и расставались в той разрушенной прусской деревушке, а мимо нескончаемым потоком брели беженцы. Их прощание — символ всего, что с тех пор случилось с миром, символ раскола между Вос-

© Перевод Норы Галь.

током и Западом. Потому что Конрад выбрал путь, ведущий в Москву. Тогда Рейнгольд счел его выбор глупостью, но теперь он в этом не столь уверен.

Тридцать лет он думал, что Конрада уже нет в живых. И только неделю назад полковник Технической разведки Сэндмайер сообщил ему новость. Не нравится ему Сэндмайер, и уж наверно это взаимно. Однако ни тот ни другой не допускают, чтобы взаимная неприязнь мешала делу.

— Мистер Хофман,— начал полковник самым официальным своим тоном,— я только что получил весьма тревожное сообщение из Вашингтона. Разумеется, это совершенно секретно, однако мы решили поставить технический персонал в известность, люди должны понять, что необходимо ускорить работу.

Он многозначительно помолчал, но на Рейнгольда это не произвело особого впечатления. Он уже знал, что сейчас услышит.

— Русские почти догнали нас. Они разработали какую-то систему атомной тяги, которая, возможно, даже превосходит нашу, и строят на берегу озера Байкал космический корабль. Мы не знаем, насколько они продвинулись, но Разведка полагает, что запуск может состояться уже в этом году. Сами понимаете, что это значит.

Да, подумал Рейнгольд, понимаю. Идет гонка, и, возможно, ее выиграем не мы.

— А вы не знаете, кто там руководит работой? — спросил он, не слишком надеясь на ответ.

К его удивлению, полковник Сэндмайер подвинул ему через стол лист бумаги — первым в списке, отпечатанном на машинке, стояло имя: Конрад Шнайдер.

— Вы ведь знали многих ученых в Пеенемюнде, так? — сказал полковник.— Может быть, это даст нам какое-то представление об их методах. Я бы хотел услышать от вас характеристики всех, кого вы помните,— их специальность, блестящие идеи и прочее. Конечно, прошло много времени, а все-таки прошу вас припомнить.

— Важен один Конрад Шнайдер, остальные не в счет,— ответил Рейнгольд.— Это был настоящий талант, остальные просто дельные инженеры. Бог весть чего он достиг за тридцать лет. Притом ему, вероятно, известны все результаты нашей работы, а мы о его работе ничего не знаем. Так что у него серьезное преимущество.

Он сказал это вовсе не в укор Разведке, однако полковник Сэндмайер, видно, готов был оскорбиться. Но только пожал плечами.

— Это, как вы сами говорили, палка о двух концах. Мы щедрее на информацию, потому продвигаемся быстрее, хотя и выдаем кое-какие секреты. В ведомстве русских, наверно, они и сами не всегда знают, как у них идут исследования. Мы им докажем, что Демократия первой достигнет Луны.

«Демократия... Экая чушь!» — подумал Рейнгольд, но не так он был глуп, чтобы сказать это вслух. Одному Конраду Шнайдеру цена больше, чем миллиону ваших избирателей. А чего достиг за это время Конрад, когда за ним стоит вся производственная мощь Советского Союза? Быть может, в эту самую минуту его корабль уже взлетел с Земли...

Солнце, что покинуло остров Таратуа, было еще высоко над Байкалом, когда Конрад Шнайдер и помощник комиссара по ядерным исследованиям медленно пошли прочь от испытательного стенда. В ушах еще отдавался оглушительный рев двигателя, хотя громовые отголоски его за озером смолкли десять минут назад.

— Отчего такое уныние на лице? — спросил вдруг Григоревич.— Вам бы радоваться. Через месяц мы полетим, и янки лопнут от злости.

— Вы, как всегда, оптимист,— сказал Шнайдер.— Двигатель, конечно, работает, но не так все просто. Правда, теперь я не вижу серьезных препятствий, но меня беспокоят известия с Таратуа. Я вам уже говорил, Хофман — умница, и за ним стоят миллиарды долларов. Фотоснимки его корабля не очень отчетливы, но, похоже, он почти закончен. А двигатель, как нам известно, он испытал еще пять недель назад.

— Не беспокойтесь,— засмеялся Григоревич.— Сюрприз поднесем мы им, а не они нам. Не забывайте, они о нас ничего не знают.

Шнайдер совсем не был в этом уверен, но предпочел умолчать о своих сомнениях. Не то, пожалуй, мысль Григоревича пойдет разными сложными путями, а если какие-нибудь секретные сведения просочились наружу, нелегко будет доказать, что ты ни при чем.

Он вернулся в здание администрации, часовой при входе отдал ему честь. Военных тут не меньше, чем техников, хмуро подумал Шнайдер. Но жаловаться нечего, так у русских принято, зато работать они ему не мешают — это главное. В целом, за немногими досадными исключениями, надежды его сбылись, и все идет хорошо. И только будущее покажет, чей выбор лучше — его или Рейнгольда.

Он уже составлял свой окончательный доклад, как вдруг послышались крики. Минуту-другую он еще сидел за столом, недоумевая, что могло нарушить строгую дисциплину космического центра. Потом подошел к окну — и впервые в жизни изведал настоящее отчаяние.

Рейнгольд спустился с холма, небо вокруг было уже усыпано звездами. Авианосец по-прежнему шарил по глади океана пальцами прожекторов, а подальше на берегу строительные леса вокруг «Колумба» засверкали огнями, будто рождественская елка. Лишь высоко взнесенный нос ракеты темнел, заслоняя звезды.

В жилом доме гремела по радио танцевальная музыка, и Рейнгольд невольно зашагал быстрее, в лад ей. Он почти уже дошел до узкой дорожки, проложенной вдоль пляжа, и вдруг то ли странное предчувствие, то ли едва уловимое краем глаза движение заставило его замереть на месте. Озадаченный, он обвел взглядом берег, море, снова берег; не сразу он догадался посмотреть на небо.

И тогда Рейнгольд Хофман понял, как понял в тот же миг и Конрад Шнайдер, что гонку он проиграл. Понял, что отстал не на недели и не на месяцы, как боялся, а на тысячелетия. Громадные тени неслышно скользили среди звезд, в такой вышине, что он не смел даже представить, сколько до них миль, и его маленький «Колумб» был перед ними все равно что перед самим

«Колумбом» — долбленые лодки времен палеолита. Нескончаемо долгую минуту Рейнгольд смотрел, и смотрели все люди на Земле, как величественно и грозно спускаются исполинские корабли, пока его слуха не достиг свист, с каким они рассекали разреженный воздух стратосферы.

Нет, он не пожалел о том, что труд всей его жизни пошел прахом. Он работал ради того, чтобы поднять людей к звездам, и в час, когда добился успеха, звезды — чуждые, равнодушные звезды — сами пришли к нему. В этот час история затаила дыхание и настоящее отломилось от прошлого, как отламывается айсберг от родных ледяных гор и одиноко, гордо выплывает в океан. Все, чего достигли минувшие века, отныне не в счет, лишь одна мысль опять и опять отдавалась в мозгу Рейнгольда:

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО БОЛЬШЕ НЕ ОДИНОКО.

2

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, застыв у широкого, во всю стену окна, смотрел вниз, на медлительный поток машин, заполняющих 43-ю улицу. Порой он задумывался, хорошо ли человеку работать на такой высоте над собратьями. Конечно, отстраненность помогает быть беспристрастным, но она легко может перейти в равнодушие. Или он просто пытается как-то объяснить свою нелюбовь к небоскребам, которую так и не одолел за двадцать лет жизни в Нью-Йорке?

Позади отворилась дверь, он услышал шаги Питера ван Риберга, но не обернулся. Как всегда, короткое молчание, конечно же, Питер неодобрительно посмотрел на термостат, ведь это ходячая острота — генеральному секретарю нравится жить в холодильнике. Стормгрен подождал, пока его заместитель подойдет к окну, и тогда только отвел взгляд от такой знакомой и все же завораживающей картины, что открывалась с высоты.

— Они опаздывают,— сказал он.— Уэйнрайт должен был явиться пять минут назад.

— Мне только что сообщили из полиции, он ведет за собой изрядную толпу, из-за этого шествия на улицах пробки. Он явится с минуты на минуту.— Ван Риберг чуть помолчал, потом спросил почти резко: — Вы все еще полагаете, что это разумно — встретиться с ним?

— Боюсь, отменять встречу поздновато. Как-никак я на нее согласился, хотя, вспомните, это не моя затея.

Стормгрен уже отошел к письменному столу и вертел в руках свое знаменитое урановое пресс-папье. Не то чтобы он волновался, но был в нерешительности. Хорошо, что Уэйнрайт запаздывает, от этого в начале переговоров чувствуешь некоторое превосходство. Такие вот мелочи значат в наших делах куда больше, чем хотелось бы тем, кто слишком полагается на логику и рассудок.

— Вот они! — Ван Риберг чуть не ткнулся носом в стекло.— Подходят... пожалуй, добрых три тысячи.

Стормгрен, прихватив записную книжку, подошел к заместителю. Примерно в полумиле от здания секретариата ООН видна была небольшая, но

решительная процессия, она медленно приближалась. Над головами развевались полотнища, надписи издали нельзя было прочесть, но Стормгрен и так знал, чего они требуют. А вскоре, перекрывая шум уличного движения, до него донеслись и размеренные выкрики зловещего многоголосого хора. Стормгрена захлестнуло внезапное отвращение. Право, человечество могло бы уже и отказаться от марширующих толп и яростных лозунгов!

Шествие поравнялось со зданием секретариата; наверно, участники понимали, что он стоит у окна: там и сям поднимались кулаки — впрочем, не очень уверенно. Вызов относился не к Стормгрену, хотя, конечно, кулак показывали ему. Словно угроза пигмеев великану, гневные взмахи кулака обращались к небу, где на высоте полусотни километров сияло серебристое облако — флагманский корабль флота Сверхправителей.

И вполне возможно, что Кареллен смотрит на все это и безмерно забавляется, подумал Стормгрен, ведь этой встрече вовек не бывать бы, если б не наущение Попечителя.

Сегодня впервые Стормгрен встречается с главой Лиги освобождения. Он перестал спрашивать себя, разумный ли это шаг,— планы Кареллена зачастую чересчур сложны, человеку их не понять. Во всяком случае, серьезного вреда от этого не будет. А откажись он принять Уэйнрайта, Лига использовала бы отказ как оружие против него, Стормгрена.

Александр Уэйнрайт оказался рослым красивым мужчиной лет под пятьдесят. Стормгрен знал, что это человек безусловно честный, а потому вдвойне опасный. Но он явно искренен, вот почему трудно отнестись к нему неприязненно, как бы ни оценивать его убеждения,— а кстати, и некоторых его последователей.

Ван Риберг коротко, довольно натянуто представил их друг другу, и Стормгрен, не теряя времени, приступил к делу.

— Я полагаю,— начал он,— главная цель вашего визита — заявить официальный протест против плана создания Всемирной федерации. Я не ошибаюсь?

Уэйнрайт серьезно кивнул.

— Это — главное, господин секретарь. Как вам известно, в последние пять лет мы пытались открыть человечеству глаза на стоящую перед ним опасность. Задача наша оказалась нелегкой, потому что в большинстве своем люди, похоже, охотно предоставляют Сверхправителям вертеть нашим миром, как тем заблагорассудится. И все же в разных странах нашу петицию подписало свыше пяти миллионов патриотов.

— Не так-то много — пять миллионов, а нас миллиарды.

— Пять миллионов со счета не сбросишь. Притом за каждым, кто подписался, стоит немало таких, которые отнюдь не уверены, будто замысел создать федерацию разумен, а тем более — будто он справедлив. Даже Попечитель Кареллен, при всем своем могуществе, не может одним росчерком пера отменить тысячелетнюю историю человечества.

— Что знает кто-либо из нас о могуществе Кареллена? — возразил Стормгрен.— Когда я был мальчишкой, Объединенная Европа была всего лишь мечтой, а когда я стал взрослым, мечта сбылась. И ведь это свершилось еще до

прибытия Сверхправителей. Кареллен только завершает работу, которую начали мы сами.

— Европа была и в культурном, и в географическом смысле едина. А весь наш мир не един — разница существенная.

— В глазах Сверхправителей, надо полагать, вся Земля несравненно меньше, чем нашим родителям казалась Европа, и я не могу не признать их взгляды более зрелыми, чем наши.

— Я не отвергаю наотрез федерацию как конечную цель, хотя многие мои сторонники, пожалуй, с этим не согласятся... Но объединение должно возникнуть внутри человечества, его не должны нам навязать извне. Мы должны сами строить свою судьбу. Никто не должен больше вмешиваться в дела людей.

Стормгрен вздохнул. Все это он слышал уже тысячи раз — и может дать лишь все тот же ответ, с которым Лига освобождения не желает мириться. Он верит Кареллену, а Лига не верит. Тут они в корне расходятся, и ничего с этим не поделаешь. По счастью, Лига тоже не в силах что-либо сделать.

— Позвольте задать вам несколько вопросов,— сказал он Уэйнрайту.— Станете ли вы отрицать, что Сверхправители принесли человечеству безопасность, мир и процветание?

— Не спорю. Но они отняли у нас свободу. Человек жив...

— ...не хлебом единым. Да, знаю,— но сейчас впервые настало время, когда каждый человек уверен хотя бы в хлебе насущном. Да и какая свобода, утраченная нами, сравнится с тем, что впервые за всю историю человечества дали нам Сверхправители?

— Свобода распоряжаться нашей собственной жизнью, как велит нам Господь.

Наконец-то мы добрались до сути, подумал Стормгрен. Корень разногласий — в религии, как бы это ни прикрывали. Уэйнрайт ни в коем случае не даст забыть, что он — священник. Хоть он теперь одет как мирянин, все равно кажется, будто на нем облачение пастыря.

— Месяц тому назад сто епископов, кардиналов и раввинов в совместной декларации заявили, что они поддерживают политику Попечителя. Верующие в нашем мире не с вами.

Уэйнрайт гневно затряс головой — конечно, не согласен.

— Многие духовные власти слепы, Сверхправители их совратили. Когда же они осознают опасность, будет слишком поздно. Человечество утратит волю к действию и впадет в рабство.

Короткое молчание. Потом Стормгрен сказал:

— Через три дня я опять буду у Попечителя. Я разъясню ему ваши возражения, поскольку мой долг — представлять все взгляды человечества. Но поверьте, это ничего не изменит.

— Еще одно,— медленно сказал Уэйнрайт.— Для нас многое неприемлемо в Сверхправителях, но всего отвратительней их скрытность. Вы единственный человек, который хотя бы говорил с Карелленом, но даже и вы ни разу его не видели! Так разве удивительно, что мы ему не доверяем?

— Несмотря на все, что он сделал для человечества?

— Да, несмотря на это. Даже не знаю, что оскорбительнее — всемогущество Кареллена или его секреты. Если ему нечего скрывать, почему он нам не покажется? В следующий раз, когда будете говорить с Попечителем, господин Стормгрен, спросите его об этом!

Стормгрен промолчал. На это ему нечего было ответить — во всяком случае ничего такого, что убедило бы собеседника. Порой он сомневался в том, что убедил самого себя.

Для Сверхправителей, конечно, то была пустячная операция, для Земли же — величайшее событие за всю ее историю. Исполинские корабли вынырнули из непостижимых глубин Вселенной безо всякого предупреждения. В фантастике это описывали тысячи раз, но ни одна душа не верила, что такой день и вправду настанет. И вот свершилось: безмолвные громадины, которые поблескивают в небесах над всеми странами,— символ знания, какого человеку не достичь и через века. Шесть дней они недвижно парили над городами людей, никак не показывая, что им известно о самом существовании человека. Но никаких знаков и не требовалось, ясно же, что не случайно могучие корабли повисли с такой точностью как раз над Нью-Йорком, Лондоном и Парижем, над Москвой, Римом, Кейптауном, Токио и Канберрой...

Еще прежде чем истекли те леденящие душу шесть дней, некоторые люди угадали истину. Эти пришельцы явились не впервые, они уже когда-то пытались свести знакомство с человеком. И теперь в безмолвных, неподвижных кораблях мудрые психологи присматриваются — как поведут себя люди. Когда напряжение достигнет предела, пришельцы начнут действовать.

И на шестой день Кареллен, Попечитель Земли, объявил о себе человечеству, перекрыв все передачи на любых радиоволнах. Он безупречно говорил по-английски, уже одно это вызвало распрю, которая бушевала над Атлантическим океаном, пока не сменилось целое поколение. Но суть его речи потрясла слушателей куда больше, чем форма. По любым меркам такое под силу было только высочайшему гению, сумевшему глубоко и всесторонне разобраться во всех человеческих делах. Несомненно, мудрость и гибкость, колдовские мгновения, по которым догадываешься о еще неведомых областях знания,— все это, искусно сплетенное воедино, должно было внушить человечеству, что перед ним разум неизмеримо более высокий. Когда Кареллен кончил, народы Земли поняли, что дни их зыбкой независимости миновали. В пределах государственных границ каждое правительство еще сохраняет свою власть, но в делах международных решающее слово отныне принадлежит не людям. Спорить, протестовать, доказывать — бесполезно.

Трудно было бы ожидать, что все государства мира безропотно подчинятся такому ограничению своей власти. Но как сопротивляться? Задача головоломная, ведь если даже удастся уничтожить корабли Сверхправителей, нависшие над крупнейшими городами, заодно погибнут и сами города. И все же одна крупная держава совершила такую попытку. Быть может, там кое-кто надеялся одним атомным ударом убить сразу двух зайцев, ибо метили в корабль, что парил над соседней и притом недружественной державой.

Должно быть, в минуту, когда на телеэкране тайного контрольного поста возникло изображение исполинского корабля, кучку военных и специалистов раздирали самые противоречивые чувства. Если попытка увенчается успехом, чем ответят остальные корабли? Быть может, и их удастся уничтожить, и человечество вновь пойдет своей дорогой? Или Кареллен отплатит нападающим какой-нибудь страшной карой?

Ракета взорвалась, и экран померк, но тотчас же изображение корабля появилось снова: заработала камера, запущенная в воздух за многие мили отсюда. Пронеслась лишь доля секунды, однако уже пора бы вспыхнуть огненному шару и заполнить небеса пламенем, подобным солнцу.

Но ничего не произошло. Громадный корабль остался невредим и парил в недосягаемой вышине, в ослепительных солнечных лучах. Атомная бомба его не коснулась, и никто даже не понял, что с ней сталось. Более того, Кареллен никак не покарал виновников, ничем не показал хотя бы, что знает о нападении. Он презрительно промолчал, предоставил им в страхе ждать мести, однако же ее так и не последовало. И это подействовало куда сильнее, вызвало больший разброд и упадок духа, чем любое наказание. В считанные недели, после яростных взаимных обвинений, незадачливое правительство пало.

Случались и попытки пассивного сопротивления политике Сверхправителей. Обычно Кареллен просто давал несогласным поступать как хотят, покуда они сами не убеждались, что, действуя по-своему, только вредят себе же. И лишь однажды он дал некоему упорствующему правительству почувствовать свое недовольство.

Больше ста лет Южно-Африканскую Республику раздирали внутренние распри. В обоих лагерях люди доброй воли пытались перекинуть мост через пропасть, но тщетно — страх и предрассудки укоренились слишком глубоко и отрезали путь к соглашению. Опять и опять сменялись правительства, но отличались они друг от друга только степенью нетерпимости; вся страна отравлена была ненавистью и последствиями гражданской войны.

Когда стало ясно, что тут даже не попытаются покончить с дискриминацией, Кареллен предостерег неугомонных. Всего лишь назвал день и час. В стране возникли смутные опасения, но не страх и, уж конечно, не паника — никто не верил, что Сверхправители допустят насилие и разрушения, от которых одинаково пострадали бы и виновные и невиновные.

Так оно и вышло. Просто, достигнув меридиана Кейптауна, погасло солнце. Остался лишь еле различимый глазом бледный лиловатый призрак, не дающий ни тепла, ни света. Неведомо как, высоко в космосе скрестились два силовых поля и преградили путь солнечным лучам. Безукоризненно круглая тень покрыла пространство диаметром в пятьсот километров.

Наглядный урок длился полчаса. Этого хватило: назавтра южноафриканские власти объявили, что белое меньшинство полностью восстановлено в гражданских правах.

Если не считать вот таких отдельных случаев, человечество приняло Сверхправителей как неотъемлемую часть естественного порядка вещей. Удивитель-

но быстро следы первого потрясения сгладились, и жизнь пошла своим чередом. Проснись внезапно новый Рип ван Винкль, самой большой переменой, какую он бы заметил, оказалось бы затаенное ожидание, словно люди мысленно оглядывались, подстерегая миг, когда наконец Сверхправители выйдут из своих сверкающих кораблей и покажутся жителям Земли.

Пять лет спустя они все еще ждали. В этом и кроется причина всякой смуты, думал Стормгрен.

Когда машина Стормгрена подъехала к стартовой площадке, там уже, как обычно, собрались зеваки с фото- и киноаппаратами наготове. Генеральный секретарь обменялся напоследок несколькими словами со своим заместителем и прошел через кольцо любопытных.

Кареллен никогда не заставлял его долго ждать. Внезапно толпа ахнула — в вышине сверкнул и с потрясающей быстротой вырос серебряный шар. Стормгрена обдало порывом ветра, и кораблик замер в полусотне шагов от него, осторожно держась в нескольких сантиметрах над площадкой, будто боялся осквернить себя прикосновением к Земле. Стормгрен медленно пошел к нему, и прямо на глазах сплошной, без единого шва, металлический корпус знакомо зарябил, открывая вход,— все специалисты мира безуспешно пытались понять, как это происходит. Стормгрен шагнул внутрь, в заполненную мягким светом единственную кабину. Входное отверстие замкнулось бесследно, звуки и краски внешнего мира исчезли.

Пять минут спустя отверстие появилось вновь. Стормгрен не ощутил движения, но знал, что его подняло на пятьдесят километров над Землей и теперь он находится в недрах Карелленова корабля. Он в мире Сверхправителей, повсюду вокруг они заняты своими таинственными делами. Он к ним ближе, чем кто-либо из людей,— и однако знает об их природе и облике не больше, чем миллионы людей там, внизу.

В небольшом кабинете, куда вел короткий переход, вся обстановка — единственный стул да стол перед экраном телевизора. По ней никак не представишь облик тех, кто все это устроил,— так оно и задумано. Экран телевизора, как всегда, пуст. Порой Стормгрен мечтал: вдруг однажды экран вспыхнет, оживет и раскроет наконец секрет, не дающий человечеству покоя. Но мечта не сбывалась, за темным прямоугольником по-прежнему таилось Неведомое. И еще за ним таились мощь и мудрость, глубочайшее, снисходительное понимание рода людского и, что всего удивительней, какая-то насмешливая нежность к букашкам, что кишат на планете далеко внизу.

Из решетки, должно быть скрывающей динамик, зазвучал спокойный, неизменно неторопливый, хорошо знакомый голос — все люди, кроме Стормгрена, доныне слышали его лишь однажды. Глубина и звучность его — единственный ключ, позволяющий как-то представить себе Кареллена: за ними ощущаешь что-то громадное. Кареллен очень большой, наверно, много больше человека. Правда, кое-кто из ученых, исследовав запись той памятной речи, предположил, что говорило не живое существо, а какая-то машина. Но Стормгрену в это не верилось.

— Да, Рикки, я слышал вашу беседу. Итак, что вы думаете о мистере Уэйнрайте?

— Он честный человек, хотя о многих его последователях этого не скажешь. Как с ним поступить? Сама по себе Лига не опасна... но там есть экстремисты, они открыто призывают к насилию. Я даже подумывал, не поставить ли у своего дома охрану. Надеюсь, в этом все же нет нужды.

Кареллен словно и не слышал и, к досаде Стормгрена,— так случалось не впервые,— заговорил о другом:

— Подробный план создания Всемирной федерации объявлен уже месяц назад. Много ли прибавилось к семи процентам несогласных со мною и к двенадцати процентам не имеющих определенного мнения?

— Пока немного. Но это не важно, меня беспокоит другое: даже ваши сторонники убеждены, что пора уже покончить с таинственностью.

Вздох Кареллена прозвучал совсем как настоящий, только вот искренности в нем не чувствовалось.

— И вы тоже так полагаете, а?

Вопрос чисто риторический, отвечать не стоит. И Стормгрен продолжал горячо:

— Неужели вы не понимаете, до чего нынешнее положение вещей мешает мне исполнять мои обязанности?

— Мне оно тоже не помогает,— пожалуй, даже с чувством отозвался Кареллен.— Хотел бы я, чтобы люди перестали считать меня диктатором и помнили: я всего лишь администратор и пытаюсь проводить что-то вроде колониальной политики, которая разработана без моего участия.

Весьма приятное определение, подумал Стормгрен. Любопытно, насколько оно правдиво.

— Но может быть, вы по крайней мере хоть как-то объясните эту скрытность? Нам непонятно, в чем ее причина, отсюда и недовольство, и всевозможные слухи.

Кареллен рассмеялся — как всегда, громко, раскатисто, слишком гулко, чтобы смех этот звучал совсем как человеческий.

— Ну, а за кого меня сейчас принимают? Все еще преобладает теория робота? Пожалуй, мне приятнее выглядеть системой электронных ламп, чем какой-нибудь сороконожкой,— да-да, я видел карикатуру во вчерашнем номере «Чикаго таймс»! Мне даже захотелось попросить подлинник.

Стормгрен чопорно поджал губы. Право, иногда Кареллен относится к своим обязанностям слишком легкомысленно.

— Это вопрос серьезный,— сказал он с укоризной.

— Дорогой мой Рикки,— возразил Кареллен,— я не принимаю человечество всерьез, только это и позволяет мне сохранить остатки в прошлом незаурядных умственных способностей!

Стормгрен невольно улыбнулся.

— Но мне, согласитесь, от этого не легче. Я должен вернуться на Землю и убедить моих собратьев, что, хоть вы и не показываетесь им на глаза, скрывать вам нечего. Задача не простая. Любопытство — одно из основных свойств человеческой природы. Не можете вы до бесконечности им пренебрегать.

— Да, это самое сложное препятствие, с которым мы столкнулись на Земле,— признался Кареллен.— Но ведь вы поверили, что в остальном мы действуем разумно, так могли бы уж поверить и в этом!

— Я-то вам верю,— сказал Стормгрен.— Но ни Уэйнрайт, ни его сторонники не верят. И можно ли их осуждать, если ваше нежелание показаться людям они толкуют в дурную сторону?

Короткое молчание. Потом до Стормгрена донесся слабый звук (может быть, скрип?), словно бы Кареллен шевельнулся на стуле.

— Вы ведь понимаете, почему Уэйнрайт и ему подобные меня боятся, так? — спросил он. Голос его звучал теперь мрачно, будто раскатились под сводами собора звуки исполинского органа.— Такие люди есть в вашем мире среди поборников любой религии. Они понимают, что мы носители разума и знания, и как они там ни преданы своим верованиям, а все-таки боятся, что мы свергнем их богов. Не обязательно с умыслом, нет, способом более тонким. Знание может погубить религию и не опровергая ее догматы, а попросту не придавая им значения. Как я понимаю, никто никогда не доказывал, что Зевс или Тор не существуют, однако им теперь почти никто и не поклоняется. Вот и разные уэйнрайты боятся, что нам известна правда о происхождении их веры. Они спрашивают себя, давно ли мы наблюдаем человечество? Видели ли мы, как Магомет бежал из Мекки и как Моисей провозгласил иудеям их законы? Быть может, мы знаем, сколько лжи в их священных историях?

— А вы и в самом деле это знаете? — чуть слышно, скорее себя, чем Кареллена, спросил Стормгрен.

— Вот чего они страшатся, Рикки, хоть ни за что в этом не признаются. Право же, нам не доставляет удовольствия разрушать верования людей, но ведь не могут быть истинными все религии, все до единой,— уэйнрайты это понимают. Рано или поздно человек неминуемо узнает правду; но время еще не пришло. А что мы не показываемся вам на глаза — да, согласен, это сильно осложняет нашу работу, но раскрыть секрет мы не вправе. Не меньше вашего я жалею о необходимости что-то скрывать, но на это есть веские причины. Все же я попытаюсь обратиться к... к тем, кто стоит выше меня, пожалуй, их ответ удовлетворит вас, а может быть, и успокоит Лигу. А теперь давайте вернемся к нашим текущим делам и возобновим запись.

— Ну как? — жадно спросил ван Риберг.— Удалось вам чего-нибудь добиться?

— Сам не пойму,— устало сказал Стормгрен, швырнул на стол пачку бумаг и почти упал в кресло.— Теперь Кареллен совещается со своим начальством... уж не знаю, кому и чему он там подчиняется. Мне он ничего не обещал.

— Послушайте,— вдруг сказал ван Риберг.— Я сейчас подумал... Почему, собственно, мы должны верить, что над Карелленом кто-то стоит? Может, этих Сверхправителей, как мы их называем, больше нигде и нет, кроме тех, что тут над Землей, в кораблях? Может, им больше некуда деться, а они это от нас скрывают.

— Остроумно,— усмехнулся Стормгрен.— Только ваша теория отнюдь не согласуется с тем немногим, что я знаю — как будто все-таки знаю — о Кареллене.

— А что же вы о нем знаете?

— Ну, он не раз упоминал, что его обязанности здесь временные и мешают вернуться к его главной работе, она, по-моему, как-то связана с математикой. Однажды я привел ему слова историка Актона о том, что власть развращает, а власть безграничная и развращает безгранично. Хотел посмотреть, как он к этому отнесется. Он засмеялся — смех у него оглушительный — и сказал, ему эта опасность не грозит. Во-первых, мол, чем раньше я закончу тут работу, тем скорее смогу вернуться домой — это за много световых лет отсюда. А во-вторых, моя власть отнюдь не безгранична. Я всего лишь... попечитель. Разумеется,— докончил Стормгрен,— он мог и нарочно сбивать меня с толку. Не знаю, можно ли ему верить.

— Он ведь, кажется, бессмертен?

— Да, по нашим меркам, хотя, похоже, что-то в будущем его пугает... Не представляю, чего он может опасаться. А больше я, в сущности, ничего не знаю.

— Все это не слишком убедительно. Я так думаю, их небольшая эскадра заблудилась в космосе и подыскивает себе пристанище. Этот Кареллен скрывает от нас, как мала его команда. Может быть, остальные корабли — автоматы и на них нет ни души. Просто нам пускают пыль в глаза.

— Вы начитались научной фантастики,— сказал Стормгрен.

Ван Риберг не без смущения улыбнулся.

— «Вторжение из космоса» обернулось не совсем так, как мы ждали, правда? Но моя теория прекрасно объясняет, почему Кареллен не показывается нам на глаза. Просто он скрывает, что никаких других Сверхправителей нет.

Стормгрен покачал головой — забавно, но все не то.

— Ваше толкование, как всегда, чересчур хитроумно, а потому неверно. За Попечителем, несомненно, стоит какая-то могучая цивилизация, хотя мы можем о ней только догадываться, и наверняка она давно знает о нас, людях. Сам Кареллен, несомненно, изучал человечество на протяжении столетий. Посмотрите, к примеру, как он владеет нашим языком, пословицами, поговорками. Не я его, а он меня учит образной речи!

— А замечали вы, что он хоть чего-нибудь не знает?

— Да, и нередко — но это всегда мелочи, пустяки. Думаю, у него необычайная, безотказная память, но он не все считает нужным узнавать. Вот, скажем, английский — единственный язык, которым он владеет в совершенстве, но за последние два года недурно изучил финский, просто чтобы меня подразнить. А финский труден, ему наскоро не выучишься! Кареллен читает наизусть большие отрывки из «Калевалы», а я, стыдно сказать, помню всего несколько строк. И потом, он знает наперечет биографии всех нынешних государственных деятелей, а я далеко не всегда могу определить, на кого именно он ссылается. В истории и науке его познания всеобъемлющи — сами знаете, мы очень многому у него научились. И однако, если взять каждую область в отдельности, мне кажется, он не превосходит того, чего может достигнуть че-

ловеческий ум. Но ни одному человеку не под силу объять все, что знает Кареллен.

— Я и сам пришел примерно к тем же выводам,— согласился ван Риберг.— Мы можем рассуждать о Кареллене хоть до скончания века, но неизменно возвращаемся к тому же: какого дьявола он нам не показывается? Покуда он прячется, я не перестану гадать да сочинять теории, а Лига освобождения не перестанет бушевать.

Он сердито покосился на потолок.

— Надеюсь, господин Попечитель, в одну прекрасную темную ночь какой-нибудь репортер возьмет ракету и с черного хода проберется с фотокамерой в ваш корабль. Вот будет шуму в газетах!

Если Кареллен и слышал этот дерзкий вызов, то никак на него не отозвался. Впрочем, он никогда ни на что не отзывался.

За первый год появление Сверхправителей внесло в жизнь человечества меньше перемен, чем можно было ожидать. Тень их ложилась на все, но то была совсем не навязчивая тень. Почти во всех крупнейших городах Земли, запрокинув голову, можно было увидеть сверкающие в вышине серебряные корабли — но они скоро стали такими же привычными, как солнце, луна и облака. Наверно, в большинстве люди лишь смутно сознавали, что уровень их жизни неуклонно возрастает благодаря Сверхправителям. А если об этом изредка и задумывались — что ж, безмолвные корабли впервые в истории принесли всему человечеству мир, и за это им, конечно, спасибо.

Нет нищеты, нет войн, но это блага, состоящие именно в отсутствии чего-то, не бьющие на эффект,— их приняли как должное и вскоре о них забыли. А Сверхправители по-прежнему держались отчужденно и не показывались человечеству. Покуда Кареллен вел подобную политику, он мог ждать уважения и восхищения, но никак не более теплых чувств. Трудно не досадовать на небожителей, которые изволят разговаривать с человеком только по телетайпу в штаб-квартире ООН. О чем беседуют Кареллен со Стормгреном, знали только они двое, и Стормгрен порой сам недоумевал, для чего Попечителю эти встречи. Возможно, ему все-таки нужно непосредственно общаться хотя бы с одним землянином? Или он понимает, что Стормгрен нуждается в такой прямой поддержке? Если так, генеральный секретарь за это очень признателен — и, пожалуйста, пусть Лига освобождения и дальше презрительно именует его «мальчиком на побегушках у Кареллена».

Сверхправители никогда не вступали в переговоры с отдельными государствами и правительствами: они приняли Организацию Объединенных Наций в том виде, как ее застали, объяснили, как установить необходимую радиосвязь,— и все распоряжения передавали через генерального секретаря. Советский делегат не раз пространно и совершенно справедливо доказывал, что такой порядок идет вразрез с уставом ООН. Кареллена это, видно, ничуть не заботило.

Можно только изумляться тому, какое множество зол, безумий и несчастий уничтожили эти послания с неба. При Сверхправителях народы поняли,

что им больше незачем опасаться друг друга,— и еще до неудачной попытки догадались, что все их созданное доныне оружие бессильно против тех, кто умеет странствовать среди звезд. Так рушилась главная преграда, которая мешала человечеству быть счастливым.

Сверхправителей, видно, мало трогало, какой где существует государственный строй, лишь бы не было угнетения и продажности. На Земле по-прежнему были демократические страны и монархии, безобидные диктатуры, коммунизм и капитализм. Этому не переставали изумляться многие простаки, твердо убежденные, что их образ жизни — единственно возможный. Другие полагали, что Кареллен только выжидает часа, чтобы ввести свою систему, которая разом уничтожит все нынешние формы общественного устройства, потому и не занимается пока мелкими политическими преобразованиями. Но все это, как и прочие рассуждения о Сверхправителях, было попросту гаданием на кофейной гуще. Никто не знал их замыслов и целей, никто не знал, какое грядущее уготовили они человечеству.

3

В последние ночи Стормгрену не спалось, а почему — непонятно, ведь скоро он навсегда освободится от груза своих обязанностей. Уже сорок лет служит он человечеству, из них пять — его правителям, и редкий человек, оглядываясь назад, мог бы похвастать, что столь многого добился на своем веку. А может быть, в этом вся беда: когда он уйдет на покой, на короткие ли, на долгие ли годы у него не останется цели, жизнь потеряет вкус. С тех пор как умерла Марта, а дети выросли и сами обзавелись семьями, мало что привязывает его к миру. Быть может, в мыслях он почти уже не отделяет себя от Сверхправителей, а потому как-то отстранился от людей.

Вот и опять беспокойная ночь, мысль бесконечно колесит все по тому же кругу, будто механизм, у которого отказало управление. Стормгрен понимал — сколько себя ни уговаривай, не уснешь,— и нехотя поднялся с постели. Накинул халат и вышел на крышу своего скромного жилища, где разбит был садик. Любой из его подчиненных жил куда роскошнее, но Стормгрену вполне хватало и такого дома. Он достиг положения, когда ни имущество, ни почести уже не прибавляют человеку веса.

Ночь была теплая, почти душная, но небо ясное, низко на юго-западе сияла полная луна. В десяти километрах от Стормгрена стояло на горизонте зарево — отраженные огни Нью-Йорка, словно там начался было рассвет и замер, не разгораясь.

Стормгрен поднял глаза — выше спящего города, еще выше, к тем высям, где не раз бывал он, единственный из людей. Там, далеко-далеко, поблескивал в лунном свете корабль Кареллена. Любопытно, чем занят сейчас Попечитель, ведь Сверхправители, наверно, никогда не спят.

В вышине огненным копьем пронзил купол неба метеорит. Мгновение за ним еще виднелся слабо светящийся след — и померк, и опять в небе остались одни только звезды. Жестокое напоминание: через сотню лет Кареллен по-

прежнему будет вести человечество к цели, известной только ему, но уже через четыре месяца генеральным секретарем ООН будет другой человек. Само по себе это Стормгрена ничуть не огорчает — но, значит, если он надеется все-таки узнать, что же скрыто за тем непроницаемым экраном, у него осталось совсем мало времени.

Только в самые последние дни он посмел себе признаться, что жаждет проникнуть в тайну Сверхправителей. До сих пор сомнения его не мучили, он верил Кареллену, а вот теперь (ехидная мысль!), видно, и сам заразился мятежным духом Лиги освобождения. Правда, все разговоры, будто человечество порабощено, пустая болтовня. Мало кто всерьез в это верит и хотел бы повернуть историю вспять. Люди привыкли к ненавязчивому правлению Кареллена, но им не терпится узнать наконец, кто же ими правит. И можно ли осуждать их за это?

Лига освобождения — самая крупная, но не единственная организация, восстающая против Кареллена, а значит, и против людей, которые помогают Сверхправителям. Причины недовольства и образ действий тут самые разные: одни группы руководствуются религиозными соображениями, в других просто говорит комплекс неполноценности. Они чувствуют себя — и вполне обоснованно — примерно как образованный индиец в девятнадцатом веке при владычестве Британии. Пришельцы из космоса принесли Земле мир и процветание — но кто знает, какой ценой придется за это расплачиваться? История человечества не обнадеживает: даже самые мирные контакты между народами, стоящими на слишком разных уровнях развития, нередко несли гибель более отсталому обществу. Целая страна, как и отдельный человек, может пасть духом перед лицом неизмеримого превосходства, ибо не в силах ответить на вызов. А превосходство цивилизации Сверхправителей, хоть и окутанных тайной,— величайший вызов человечеству с начала времен.

За стеной слабо щелкнул телетайп, выбросил очередную ежечасную сводку Центрального агентства печати. Стормгрен побрел в комнату, равнодушно перелистал пачку листов. В другом полушарии Лига освобождения подсказала агентству не слишком оригинальный заголовок. «ЧЕЛОВЕКОМ ПРАВЯТ ЧУДОВИЩА?» — вопрошала газета и затем цитировала: «Сегодня на митинге в Мадрасе доктор С. В. Кришнан, президент Восточного отдела Лиги освобождения, сказал: "Поведение Сверхправителей объясняется очень просто — их облик настолько чужд и отвратителен людям, что они не смеют нам показаться. Предлагаю Попечителю доказать, что это не так"».

Стормгрен брезгливо отшвырнул листок. Даже если обвинение и справедливо, что за важность? Мысль эта, далеко не новая, никогда его не тревожила. В каком бы причудливом обличье ни явилась жизнь, едва ли он, Стормгрен, не мог бы постепенно с ним примириться, а пожалуй, даже найти в странном существе красоту. Важно не тело, важен разум. Если б только убедить в этом Кареллена, Сверхправители, возможно, перестали бы скрываться. Уж конечно, они и вполовину не так безобразны, как измышления карикатуристов, которыми почти сразу после их прибытия запестрели газеты!

И однако Стормгрен знал — не только ради своего преемника он жаждет покончить с нынешним положением. Надо честно себе признаться, в конеч-

ном счете его мучит самое обыкновенное любопытство. Он давно уже знает Кареллена как личность — и не успокоится, пока не откроет также, что это за существо.

Когда на другое утро Стормгрена в обычный час не оказалось на месте, Питер ван Риберг удивился и даже подосадовал. Генеральный секретарь нередко, прежде чем появиться у себя в кабинете, заезжал куда-нибудь по делам, но неизменно об этом предупреждал. Да еще, на беду, в это утро его ждало несколько спешных и важных сообщений. Ван Риберг обзвонил полдюжины учреждений, пытаясь разыскать его,— и со злостью махнул рукой.

К полудню он встревожился всерьез и послал машину к Стормгрену домой. А через десять минут подскочил, испуганный воем сирены: по проспекту Рузвельта на бешеной скорости примчался полицейский патруль. Должно быть, в патруле у газетчиков нашлись приятели, потому что не успела еще машина остановиться, как радио возвестило ван Риберу и всему миру, что он более не заместитель, а облеченный всеми полномочиями генеральный секретарь Организации Объединенных Наций.

Свались на ван Риберга меньше забот, ему любопытно было бы изучить отклики печати на исчезновение Стормгрена. За прошедший месяц все газеты мира разделились на два лагеря. Западная пресса в целом одобряла план Кареллена сделать всех людей на свете гражданами единого всемирного государства. А в странах Востока вспыхивали бурные, хотя зачастую искусственно подогретые, приступы национализма. Некоторые государства там обрели независимость лишь поколением раньше и теперь чувствовали, что у них обманом отнимают завоеванные права. Посыпались яростные нападки на Сверхправителей: сперва газеты были крайне осторожны, но быстро убедились, что самые резкие выпады против Кареллена проходят безнаказанно. И пресса изощрялась, как никогда.

Почти все газетные атаки, весьма громогласные, вовсе не выражали мнения подавляющего большинства. На страже государственных границ, которые вскоре сотрутся навсегда, охрану удвоили, но солдаты, хотя еще и помалкивали, глядели друг на друга вполне дружелюбно. Политики и генералы могут рвать и метать сколько угодно, а безмолвные миллионы чувствуют: долгая кровавая глава в истории человечества кончается — и давно пора.

И тут-то неведомо куда исчез Стормгрен. Страсти разом утихли: мир понял, что потерян единственный человек, через которого Сверхправители по каким-то своим загадочным соображениям говорили с Землей. Газеты и радиокомментаторы словно лишились дара речи, в тишине раздавался только голос Лиги освобождения, она горячо заверяла, что ни в чем не повинна.

Стормгрен проснулся в непроглядной тьме. Спросонок он даже не сразу этому удивился. А потом мысли прояснились, он порывисто сел и протянул руку к выключателю.

В темноте рука наткнулась на голую, холодную каменную стену. И Стормгрен замер, душа и тело оцепенели, ошеломленные неизвестностью. Потом,

почти не веря своим ощущениям, он стал на колени на постели и начал осторожно, кончиками пальцев ощупывать до ужаса незнакомую стену.

Не прошло и минуты за этим занятием, как вдруг что-то щелкнуло и темнота в одном месте раздвинулась. В слабо освещенном прямоугольнике мелькнул чей-то силуэт, и тотчас дверь затворилась, опять стало темно. Все случилось мгновенно, и Стормгрен не успел разглядеть, где же он находится.

Еще миг — и его ослепил яркий луч электрического фонаря. Ненадолго остановился на его лице, потом скользнул ниже, на постель, и Стормгрен увидел, что это просто матрас, брошенный на неструганые доски. В темноте раздался негромкий голос, по-английски говорили безукоризненно, но с акцентом, который Стормгрену сперва не удалось определить.

— Рад видеть, что вы проснулись, господин генеральный секретарь. Надеюсь, вы чувствуете себя вполне хорошо.

Что-то было в последних словах, отчего Стормгрен насторожился и гневные вопросы замерли у него на губах. Он вгляделся в темноту, сказал спокойно:

— Сколько же времени я был без сознания?

Собеседник усмехнулся:

— Несколько дней. Нам обещали, что вредных последствий не будет. Рад видеть, что это правда.

Чтобы выиграть время, а заодно проверить собственные ощущения, Стормгрен спустил ноги на пол. Он по-прежнему был в пижаме, но она оказалась измятой и, похоже, изрядно запачкалась. От порывистого движения закружилась голова — не слишком сильно, но достаточно, чтобы понять: тут и впрямь не обошлось без наркотика.

Стормгрен повернулся к свету. Спросил резко:

— Где я? Это все с ведома Уэйнрайта?

— Да вы не волнуйтесь,— ответил человек, неразличимый в темноте.— Не будем пока об этом говорить. Думаю, вы порядком проголодались. Одевайтесь-ка и пойдем обедать.

Кружок света от фонаря пробежал по комнате и впервые дал Стормгрену понятие о ее размерах. В сущности, это даже не комната, голые стены — кое-как обтесанный камень. Очевидно, просто пещера, и наверно, очень глубоко под землей. И если он пробыл без памяти несколько дней, за это время его могли переправить в любую часть света.

Луч фонаря выхватил стопку одежды на чемодане.

— Придется вам обойтись этим,— сказал голос из темноты.— Со стиркой здесь довольно сложно, так что мы прихватили два ваших костюма и полдюжины рубашек.

— Очень любезно с вашей стороны,— вполне серьезно сказал Стормгрен.

— Мебели и электричества нет, уж не взыщите. В некоторых отношениях здесь очень удобно, но комфорта маловато.

— А для чего удобно? — спросил Стормгрен, натягивая рубашку, прикосновение привычной ткани странно успокаивало.

— Ну... просто удобно,— был ответ.— Кстати, мы, наверно, довольно долго будем вместе, так уж зовите меня Джо.

— Несмотря на ваше происхождение? Вы ведь поляк, правда? — заметил Стормгрен.— Думаю, я сумел бы назвать вас и настоящим именем. Едва ли его трудней выговорить, чем многие финские имена.

Короткое молчание, фонарь мигнул.

— Что ж, этого надо было ожидать,— покорно сказал Джо.— Наверно, у вас солидный опыт по этой части.

— При моей должности очень полезно для развлечения изучать языки. Мне кажется, воспитывались вы в Соединенных Штатах, но из Польши уехали не раньше...

— Ладно, хватит,— прервал Джо.— Вы, видно, кончили одеваться, так что прошу.

Дверь отворилась, и Стормгрен вышел, в душе очень довольный своей маленькой победой. Страж посторонился, пропуская его,— любопытно, вооружен ли он, подумал Стормгрен. Наверно, вооружен, и уж конечно, его друзья недалеко.

Коридор тускло освещали развешанные там и сям керосиновые лампы, и Стормгрену впервые удалось разглядеть Джо. Это был человек лет пятидесяти, и весил он, должно быть, фунтов двести с изрядным хвостиком. Все в нем и на нем было огромно, начиная с покрытой пятнами военной формы бог весть какой именно армии и кончая неслыханных размеров перстнем на левой руке. Детине такого роста и сложения оружие, надо думать, без надобности. Зато и разыскать его будет нетрудно, лишь бы отсюда выйти, подумал Стормгрен. Но ведь и сам Джо, конечно, прекрасно это понимает — мысль не слишком утешительная.

Стены по сторонам — просто камень, лишь кое-где укрепленный бетоном. Должно быть, это какая-то заброшенная шахта,— пожалуй, более надежной тюрьмы не придумаешь. До сих пор сознание, что его похитили, как-то не очень волновало Стормгрена. Ему казалось, что бы ни произошло, уж наверно Сверхправители, при своем безмерном могуществе, сумеют разыскать его и вызволить. Теперь уверенности у него поубавилось. Ведь он здесь уже несколько дней, и никто его не выручает. Должно быть, даже всемогуществу Кареллена есть предел: если пленника и впрямь держат в недрах какого-нибудь далекого материка, быть может, Сверхправители при всех своих познаниях бессильны найти его след.

В пустом полутемном помещении за столом сидели двое. Когда Стормгрен вошел, они вскинули головы и поглядели на него с любопытством и с явным почтением. Один подвинул через стол горку сандвичей, и Стормгрен тотчас за них принялся. Хоть он и голоден как волк, не худо бы получить обед поаппетитнее, но, вероятно, его стражи и сами едят не лучше.

Он ел, а сам поглядывал на этих троих. Несомненно, Джо среди них самая примечательная личность, и выделяется он не только ростом и сложением. Другие двое — явно его помощники, с виду вполне заурядные, а откуда они родом, можно будет определить, когда они заговорят.

В стакане сомнительной чистоты появилось немного вина, и Стормгрен запил последний кусок хлеба. Теперь он чувствовал себя уверенней.

— Итак,— ровным голосом произнес он, обращаясь к великану поляку,— может быть, вы объясните мне, что все это значит и чего, собственно, вы надеетесь таким образом достичь.

Джо откашлялся:

— Одно хочу вам растолковать. Уэйнрайт тут ни при чем. Он тоже ничего такого не ждал.

Стормгрен был почти готов к подобному ответу, хотя и удивился, чего ради Джо так легко подтвердил его догадку. Он давно уже подозревал, что внутри Лиги — или рядом с нею — существует некое крайнее течение.

— А каким образом вы меня похитили? Спрашиваю из чистого любопытства.

Он не рассчитывал на ответ, но, к его изумлению, ответили охотно, будто только того и ждали.

— А мы это разыграли прямо как в голливудском детективе,— весело сказал Джо.— Мы ж не знали, вдруг Кареллен с вас глаз не спускает, ну и приняли кой-какие нужные меры. Пустили усыпляющий газ в кондиционер, это не хитро. Потом перенесли вас в машину — и того проще. И все это, прямо скажу, проделали не наши люди. Для такой работенки мы наняли... э-э... специалистов. Кареллен может их поймать, наверно и поймает, только ничего он от них не узнает. Машина ушла от вашего дома и скоро нырнула в длинный туннель, есть такой меньше чем за тысячу километров от Нью-Йорка. А через положенное время вынырнула с другого конца, и в ней был без памяти человек — вылитый генеральный секретарь ООН. А недолго спустя из другого конца выехал большущий грузовик с металлическими ящиками, покатил к одному аэропорту, и там ящики перегрузили в самолет, рейс был самый что ни на есть законный. Уж не сомневайтесь, владельцы померли бы со страху, знай они, для чего нам пригодились эти ящики... Ну, а та, настоящая, машина пошла кружить да петлять до самой канадской границы. Может, Кареллен ее уже и захватил — не знаю, да не велика важность. Как видите — надеюсь, вы оцените мою откровенность,— весь наш план построен на одном расчете. Мы уверены, Кареллен может видеть и слышать все, что происходит на поверхности Земли, но уж никак не под землей, разве что ему служит не только наука, но и колдовство. А стало быть, он не узнает о подмене в туннеле либо узнает слишком поздно. Понятно, мы рискуем, но приняты и еще кой-какие меры предосторожности, в это я сейчас вдаваться не стану. Лучше про них покуда помолчать — может, еще понадобятся.

Джо так явно упивался своим рассказом, что Стормгрен с трудом сдерживал улыбку. Но при этом он по-настоящему встревожился. Похитители весьма изобретательны, очень возможно, что Попечителя удалось провести. И ведь никак нельзя ручаться, что Кареллен хоть сколько-нибудь печется о безопасности генерального секретаря. Джо тоже явно в этом не уверен. Может быть, потому он и разоткровенничался — проверяет, как Стормгрен ко всему этому отнесется. Что ж, как ему ни тревожно, а надо прикинуться невозмутимым. И Стормгрен сказал презрительно:

— Вы все, видно, сущие остолопы. Неужели, по-вашему, Сверхправителей так легко обмануть? Да и чего вы надеетесь этим добиться?

Джо предложил ему сигарету, Стормгрен отказался, тогда он сам закурил и уселся было на край стола. Послышался зловещий треск, и великан поспешно спрыгнул на пол.

— Очень понятно, почему мы так действуем,— начал он.— Мы увидели, что уговаривать да убеждать толку нет, вот и пришлось действовать иначе. Подпольщики бывали на свете и до нас, и пускай у Кареллена сила большая, а все равно не так-то легко ему с нами справиться. Мы начинаем борьбу за независимость. Поймите меня правильно. Никакого насилия не будет — во всяком случае поначалу,— но Сверхправителям, хочешь не хочешь, нужны помощники из людей, а этим помощникам мы можем доставить кучу неприятностей.

И начинаете, видно, с меня, подумал Стормгрен. Пожалуй, Джо рассказал далеко не все. Неужели подпольщики всерьез вообразили, будто на Кареллена можно хоть как-то повлиять гангстерскими приемами? Да, но ведь хорошо организованное движение сопротивления и вправду может сильно осложнить жизнь. Этот Джо нащупал единственное уязвимое место во власти Сверхправителей. В конечном счете все их распоряжения исполняются помощниками-людьми. Если этих людей запугать так, что они перестанут повиноваться, вся система рухнет. Впрочем, едва ли... нет, Кареллен наверняка быстро найдет какой-нибудь выход.

— Как же вы намерены со мной поступить? — спросил наконец Стормгрен.— Я что, заложник?

— Не беспокойтесь, мы о вас позаботимся. На днях ждем кой-кого в гости, а покуда постараемся, чтоб вы не скучали.

Он прибавил несколько слов на своем языке, и один из его сотоварищей выложил на стол нераспечатанную колоду карт.

— Нарочно для вас достали,— пояснил Джо.— Читал я в «Таймсе», что вы здорово играете в покер.— Он вдруг заговорил очень серьезно, даже озабоченно: — Надеюсь, у вас полон бумажник наличными. Мы не сообразили поглядеть. Чеки нам, знаете ли, брать неудобно.

Ошарашенный Стормгрен круглыми глазами уставился на своих тюремщиков. И наконец до него дошло — да это же все презабавно, и теперь он избавлен от своих обязанностей, хлопот и тревог. Отныне все это — забота ван Риберга. Что бы ни случилось, он, Стормгрен, ровно ничего не может поделать,— и вот, не угодно ли, эти невообразимые похитители жаждут поиграть с ним в покер!

Стормгрен откинулся на стуле и захохотал — так он не смеялся уже многие годы.

Без сомнения, Уэйнрайт не лжет, угрюмо размышлял ван Риберг. Возможно, он и подозревает, что за люди похитили Стормгрена, но точно ему это неизвестно. И выходки их он не одобряет. Очень похоже, что в последнее время экстремисты из Лиги всячески давили на Уэйнрайта, чтобы действовал решительней. А теперь вот начали действовать сами.

Спору нет, похищение организовано на славу. Стормгрена могли упрятать в любом уголке земного шара, и едва ли удастся напасть на его след. Однако

же надо что-то предпринять, да поскорее, решил ван Риберг. Хоть он нередко отпускал шуточки по адресу Кареллена, но в душе перед ним трепетал. Страшно даже подумать, что надо прямо обратиться к Попечителю, но иного выхода нет.

Отдел связи занимал весь верхний этаж огромного здания. Вдоль зала тянулись ряды телетайпов — одни молчали, другие деловито пощелкивали. Через них нескончаемым потоком поступали статистические данные — объем производства, численность населения, исчерпывающие сведения обо всей мировой экономике. Должно быть, где-то в вышине, на корабле Кареллена есть нечто подобное этому залу, и ван Риберга мороз подирал по коже, когда он гадал, какие неведомые чудища бродят там от аппарата к аппарату, собирая отчеты, которые посылает Сверхправителям Земля.

Но сегодня его не интересовали ни эти аппараты, ни обыденные дела, которыми они были заняты. Он прошел в кабинетик, куда полагалось входить одному только Стормгрену. По его распоряжению замок уже взломали, и в кабинете ждал начальник связи.

— Вот это обычный телетайп,— сказал он ван Рибергу,— клавиатура как у стандартной пишущей машинки. И есть фотопередатчик, на случай, если надо послать какие-нибудь изображения или таблицы, но вы говорили, вам это сейчас не нужно.

Ван Риберг рассеянно кивнул.

— Да, спасибо. Вы свободны. Наверно, я не очень задержусь. Тогда опять запрете комнату и все ключи отдадите мне.

Он подождал, пока тот вышел, и подсел к аппарату. Он знал, этим видом связи пользовались редко, почти все вопросы Кареллен и Стормгрен обсуждали каждую неделю при встрече. Но этот аппарат явно предназначен для экстренных случаев, и можно надеяться, что ответят немедля.

Мгновение ван Риберг поколебался, потом начал неумело нажимать клавиши. Машина тихонько заурчала, на потемневшем экране коротко вспыхивали слово за словом. Он выпрямился в ожидании ответа.

Не прошло и минуты, как аппарат снова замурлыкал. Ван Риберг не впервые подумал: может быть, Кареллен никогда не спит?

Ответ был весьма краток и столь же неутешителен:

НИКАКИХ УКАЗАНИЙ. ДЕЙСТВУЙТЕ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ. К.

С горечью, без малейшего удовольствия ван Риберг понял всю огромность взваленной на него ответственности.

За три дня Стормгрен успел основательно изучить своих стражей. Что-то значит один Джо, другие двое не в счет — ничтожества, сброд, какой неизбежно прилипает к любому нелегальному движению. Идеалы Лиги освобождения для них пустой звук, у них одна забота — добыть кусок хлеба насущного без особых трудов.

Джо — тот куда сложнее, хотя порою кажется великовозрастным младенцем. Нескончаемые партии в покер то и дело прерывались бурными политическими спорами, и скоро Стормгрену стало ясно, что великан никогда всерьез

не задумывался — за что же он сражается. Им владели чувства и крайний консерватизм, где уж тут рассуждать трезво. Родина Джо слишком долго добивалась независимости, и это наложило на него неизгладимую печать: он все еще жил прошлым. Своего рода живописное ископаемое, один из тех, кто вовсе не нуждается в каком-либо упорядоченном образе жизни. Когда люди такого склада исчезнут — если только это когда-либо случится,— наш мир станет безопаснее, но и скучнее.

Стормгрен теперь почти не сомневался, что Кареллену не удалось напасть на его след. Он еще пытался убедить троих стражей в противном, но безуспешно. Ясное дело, его держали в плену, выжидая, вмешается ли Кареллен, а раз ничего не произошло, они могут действовать дальше.

И Стормгрен ничуть не удивился, когда на четвертый день после похищения Джо его предупредил, чтобы ждал гостей. Пленник еще до того заметил, как час от часу стражи становятся беспокойнее, и догадался: руководители движения убедились, что путь свободен, и наконец-то явятся за ним.

Они уже ждали за шатким дощатым столом, когда Джо привел Стормгрена и учтиво посторонился, давая пройти. Стормгрена позабавило, что на боку у тюремщика впервые красовался, ко всеобщему сведению, большущий пистолет. Его подручные не показывались, да и сам Джо держался куда скромнее обычного. Стормгрен сразу понял, что очутился перед людьми куда более значительными. Те, кто сидел сейчас перед ним, напоминали виденную когда-то фотографию — Ленин и его сподвижники в первые дни русской революции. В этих — их было шестеро — чувствовалась та же сила ума, железная воля и непреклонность. Джо и ему подобные не опасны, а вот здесь — те, чья мысль управляет подпольем.

Стормгрен коротко кивнул, прошел к единственному свободному стулу и сел, стараясь держаться хладнокровно и непринужденно. За каждым его движением следил немолодой коренастый человек, сидевший в дальнем конце стола,— он подался навстречу Стормгрену и впился в него колючими серыми глазами. Под этим пронизывающим взглядом Стормгрену стало не по себе, и он, сам того не желая, заговорил первым.

— Полагаю, вы пришли обсудить условия. Какой за меня назначен выкуп?

Тут он заметил, что поодаль кто-то стенографирует его слова. Обстановка самая деловая.

Отозвался главный, он говорил певуче, как уроженец Уэльса.

— Можете назвать это и так, господин генеральный секретарь. Но нам нужны не деньги, а сведения.

Вот оно что, подумалось Стормгрену. Его допрашивают как военнопленного.

— Вы и сами знаете, чего мы добиваемся,— певуче продолжал уэльсец.— Если угодно, зовите нас движением сопротивления. Мы убеждены, что рано или поздно Земле не миновать борьбы за независимость, и мы понимаем — открытая война невозможна, остаются неповиновение, саботаж и тому подобное. Вас мы похитили отчасти затем, чтобы показать Кареллену, что мы хорошо организованы и действовать будем решительно, но главное, вы — един-

ственный, от кого можно хоть что-то узнать о Сверхправителях. Вы разумный человек, мистер Стормгрен. Помогите нам, и мы вернем вам свободу.

— А что, собственно, вы хотите узнать? — осторожно спросил Стормгрен.

Казалось, удивительные глаза собеседника проникают в самые потаенные глубины сознания, никогда в жизни не встречал он такого взгляда. Не вдруг певучий голос ответил:

— Знаете ли вы, кто — или что такое — на самом деле эти Сверхправители?

Стормгрен едва удержался от улыбки.

— Поверьте,— сказал он,— я не меньше вашего желал бы раскрыть эту тайну.

— Значит, вы согласны отвечать на наши вопросы?

— Обещать не обещаю. Но, возможно, и отвечу.

Он услышал, как с облегчением вздохнул Джо, и все в комнате шелохнулись и замерли в ожидании.

— Мы примерно представляем себе, при каких обстоятельствах вы встречаетесь с Карелленом. Но, может быть, вы опишете это подробно, не упуская ничего сколько-нибудь существенного?

Что ж, просьба довольно безобидная, решил Стормгрен. Десятки раз он отвечал на подобные вопросы, и выглядеть это будет как готовность помочь. Перед ним люди умные, проницательные, быть может, им тут что-то и откроется. Если они способны извлечь из его рассказа какие-то новые сведения — тем лучше, лишь бы и с ним поделились. Во всяком случае, Карелленту это никак не повредит.

Стормгрен пошарил по карманам, достал карандаш и старый конверт. Наскоро набрасывая чертеж, стал объяснять:

— Вы, конечно, знаете, за мной раз в неделю прилетает такой аппаратик, ни мотора, ни какого-либо иного движителя у него не видно, и он переносит меня к кораблю Кареллена. И проникает внутрь — вы, конечно, видели, как это происходит, телескопических фильмов снято немало. Дверь — если это можно назвать дверью — опять открывается, и я вхожу в небольшую комнату, там только и есть, что стол, стул и телеэкран. Расстановка примерно такая.

Он подвинул конверт к старому уэльсцу, но тот не взглянул на чертеж. Странные глаза все так же неотрывно смотрят на Стормгрена, и ему чудится — что-то переменилось в их глубине. Настала мертвая тишина, и Стормгрен услышал — позади него у Джо вдруг перехватило дыхание.

Озадаченный, раздосадованный, Стормгрен отвечал взглядом в упор — и наконец-то понял. Смутился, смял конверт в тугой комок и швырнул на пол.

Так вот отчего ему было так не по себе под взглядом этих серых глаз. Человек, что сидит напротив, слеп.

Ван Риберг больше не пробовал связаться с Карелленом. Во многом работа его ведомства шла и дальше по накатанной колее: отсылались статистические данные, выжимки из мировой прессы и прочее. В Париже юристы все еще препирались из-за каждого пункта будущей Всемирной Конституции, но это пока его не касалось. Попечителю окончательный проект надо предста-

вить только через две недели; если к тому времени текст не будет готов, Кареллен, несомненно, поступит, как сочтет нужным.

А о Стормгрене по-прежнему никаких известий.

Ван Риберг говорил в диктофон, как вдруг зазвонил телефон срочной связи. Он схватил трубку и слушал, все больше недоумевая, потом швырнул ее на рычаг, бросился к окну, распахнул. Далеко внизу на улицах нарастает вопль изумления, замирают на месте машины.

Да, правда — небо пусто, корабль Кареллена, неизменный символ власти Сверхправителей, исчез. Ван Риберг шарил взглядом в вышине, сколько хватало глаз,— никакого следа. И вдруг будто средь бела дня надвинулась ночь. С севера низко, над самыми крышами нью-йоркских небоскребов, налетел исполинский корабль, в полумраке он чернел снизу, точно грозовая туча. Ван Риберг невольно отшатнулся. Он всегда знал, что корабли Сверхправителей громадны, но когда громадина недвижно парит в недосягаемой вышине, это одно, и совсем другое — когда такое чудовище проносится у тебя над головой, словно туча, гонимая самим дьяволом.

В сумерках, будто при солнечном затмении, ван Риберг следил за кораблем, пока тот вместе со своей чудовищной тенью не скрылся на юге. И не слышал ни звука, ни хотя бы шелеста в воздухе, значит, только показалось, что корабль так низко,— высота была не меньше километра. А потом все здание содрогнулось от удара воздушной волны и где-то со звоном посыпались на пол выбитые стекла.

За спиной разом заголосили все телефоны, но ван Риберг не шевельнулся. Так и стоял, опершись на подоконник, и все смотрел туда, на юг, ошеломленный этой безмерной мощью.

Стормгрен говорил, а мысль словно работала на двух уровнях сразу. Он пленник этих людей и старается дать им отпор, а в то же время брезжит надежда — вдруг они помогут раскрыть секрет Кареллена? Опасная игра, но, как ни странно, она доставляет истинное наслаждение.

Больше всего вопросов задавал слепой. Просто поразительно, с какой быстротой этот живой ум перебирает все возможности, исследует и отбрасывает все теории, от которых Стормгрен давно уже отказался. И вот уэльсец со вздохом откинулся на спинку стула.

— Это все впустую,— покорно сказал он.— Нам нужно больше узнать, значит, нужно не рассуждать, а действовать.

Казалось, незрячие глаза в раздумье смотрят прямо на Стормгрена. Слепой беспокойно забарабанил пальцами по столу — признак нерешительности, это Стормгрен подметил у него впервые. Потом продолжал:

— Мне немного странно, господин генеральный секретарь, что вы никогда не пробовали разузнать о Сверхправителях побольше.

— А что я, по-вашему, мог сделать? — холодно спросил Стормгрен, стараясь казаться равнодушным.— Я же вам сказал, из комнаты, где я разговариваю с Карелленом, есть только один выход — и оттуда я прямиком попадаю на Землю.

— Вот если изобрести какие-то приборы, может, они нам что-нибудь да откроют,— вслух раздумывал тот.— Сам я не ученый, но, пожалуй, мы над этим поразмыслим. Если мы вас освободим, согласны вы помочь нам в этом деле?

— Поймите меня правильно раз и навсегда,— вспылил Стормгрен,— Кареллен стремится объединить человечество, и я палец о палец не ударю, чтобы помогать его врагам. Конечных его целей я не знаю, но верю, что ничего плохого не будет.

— Какие у вас доказательства?

— Да все его действия с тех самых пор, как впервые появились корабли. Назовите мне хоть что-нибудь, что, если вдуматься поглубже, не пошло бы нам на благо? — Стормгрен помолчал, перебирая в памяти минувшие годы. Улыбнулся.— Если вам нужно ясное доказательство присущей Сверхправителям — как бы это назвать? — доброжелательности, вспомните ту историю, когда они запретили жестокое обращение с животными, еще месяца не прошло с их прилета. Если сначала я сомневался насчет Кареллена, тот запрет разогнал все сомнения, хоть и доставил мне больше хлопот, чем все другие его приказы.

«Пожалуй, я не преувеличиваю,— подумал Стормгрен.— Случай был из ряда вон, впервые обнаружилось, что Сверхправители не терпят жестокости. Эта их нетерпимость и еще страсть к справедливости и порядку — вот, кажется, преобладающие у них чувства, насколько можно судить по их действиям».

То был единственный случай, когда Кареллен дал знать, что разгневан, по крайней мере это походило на гнев. «Можете, если угодно, убивать друг друга,— заявил он,— это дело ваше и ваших законов. Но если, кроме как ради пищи или самозащиты, вы станете убивать животных, которые вместе с вами населяют ваш мир, вы мне за это ответите».

Сперва никто толком не понял, насколько широко надо понимать этот запрет и каким образом Кареллен заставит ему подчиниться. Долго ждать не пришлось.

Трибуны стадиона Плаза дель Торо были набиты битком, начинался парад матадоров и их помощников. Казалось, все идет как всегда — под ярким солнцем ослепительно сверкают освященные обычаем костюмы, толпа зрителей приветствует своих любимцев, так бывало прежде тысячи раз. Но кое-где поднимались головы, зрители тревожно поглядывали на небо, на равнодушное чудище, серебрящееся в пятидесяти километрах над Мадридом.

Потом пикадоры разъехались по местам, и на арену с громким фырканьем вырвался бык. Высвеченные ярким солнцем тощие лошади, храпя от ужаса, завертелись под седоками, а те пришпоривали их, гнали навстречу врагу. Мелькнуло первое копье... впилось в цель... и тут раздался звук, какого не слышали доныне на Земле.

Вопль боли вырвался у десяти тысяч раненых — но когда эти десять тысяч человек опомнились от потрясения, они не нашли на себе ни царапинки. Однако с боем быков было покончено — и не только в тот раз, но навсегда, ибо весть о случившемся распространилась быстро. Стоит упомянуть и о том, сколь

потрясены были aficionados* — едва ли один из десяти потребовал деньги обратно; и еще лондонская «Дейли миррор» подсыпала соли на раны — предложила испанцам взамен исконного национального спорта заняться крикетом.

— Может быть, вы и правы,— сказал старый уэльсец.— Допустим, побуждения у Сверхправителей наилучшие... по их меркам, и эти мерки могут иногда совпадать с нашими. И все-таки они самовольно вмешались в нашу жизнь, мы их не звали и не просили перевернуть в нашем мире все вверх дном и порушить наши идеалы... да, идеалы, и государства, за чью независимость боролись и отстаивали ее многие поколения.

— Я родом из маленькой страны, которой тоже пришлось бороться за свою свободу, и однако я стою за Кареллена,— возразил Стормгрен.— Вы можете досадить ему, возможно даже, из-за вас он не так быстро достигнет своей цели, но в конечном счете ничего вы этим не измените. Не сомневаюсь, вы искренни в своих убеждениях; вы боитесь, что в будущем Всемирном государстве не сохранятся традиции и культура малых стран,— я и это могу понять. Но в одном вы не правы — бесполезно цепляться за прошлое. Суверенное государство у нас на Земле отмирало еще до того, как явились Сверхправители. Они только ускорили его гибель; никому уже не спасти эту суверенность — да и пытаться не следует.

Ответа не было, человек напротив Стормгрена не шелохнулся, не вымолвил ни слова. Сидит недвижимо, губы приоткрыты, глаза теперь не просто незрячие, но безжизненные. И все остальные тоже застыли, окоченели в напряженных, неестественных позах. Стормгрен задохнулся от ужаса, встал, попятился к двери.

И тут в тишину ворвался голос:

— Очень мило сказано, Рикки, благодарю. Теперь, пожалуй, мы можем уйти.

Стормгрен круто обернулся, уставился в полутьму коридора. Здесь вровень с его лицом плавал в воздухе маленький, совсем гладкий, без единой отметинки шар — несомненно, источник пущенной в ход Сверхправителями таинственной силы. И Стормгрен услышал, а может, ему просто почудилось тихое гудение, точно от улья в полный ленивой истомы летний день.

— Кареллен! Слава богу! Но что вы с ними сделали?

— Успокойтесь, они живы и здоровы. Можете назвать это своего рода параличом, но тут все много сложнее. Их жизнь сейчас течет в тысячи раз медленней обычного. Когда мы уйдем, они так и не поймут, что же случилось.

— Вы их так оставите до прихода полиции?

— Нет. У меня план получше. Я их отпущу.

Стормгрен даже изумился, настолько легче стало на душе. Обвел прощальным взглядом подземную комнатку и всех, кто в ней застыл. Джо стоит на одной ноге, смотрит бессмысленно куда-то в пространство. Стормгрен вдруг рассмеялся, пошарил у себя в карманах.

— Спасибо за гостеприимство, Джо,— сказал он.— Пожалуй, я оставлю тебе кое-что на память.

---

* Любители, болельщики *(исп.)*.

Он порылся в клочках бумаги и наконец подсчитал свои проигрыши. И на сравнительно чистом листке аккуратно написал:

В МАНХЭТТЕНСКИЙ БАНК

Прошу выплатить Джо сто тридцать пять долларов и пятьдесят центов (135.50).

Р. Стормгрен

Он положил записку возле поляка и услышал голос Кареллена:

— Что вы, собственно, делаете?

— В роду Стормгренов всегда платят долги. Те двое плутовали, но Джо играл честно. По крайней мере я ни разу не заметил, чтобы он смошенничал.

И пошел к двери, веселый, беззаботный, помолодевший на добрых сорок лет. Металлический шарик отплыл в сторону, пропуская его. Должно быть, это какой-то робот, теперь понятно, как удалось Кареллену добраться до пленника, скрытого под пластами камня бог весть какой толщины.

— Сто метров пройдете прямо,— сказал шар голосом Кареллена.— Потом повернете налево, а тогда я дам дальнейшие указания.

И Стормгрен в нетерпении зашагал прямо, хотя и понимал, что торопиться нет нужды. Шар остался висеть позади, в коридоре,— надо думать, прикрывал отступление.

Через минуту Стормгрен подошел к другому такому же шару, тот ждал его на развилке коридора.

— Надо пройти еще полкилометра,— сказал шар.— Держите влево, пока не встретимся опять.

Шесть раз Стормгрен встречался с шарами на пути к выходу. Сперва он недоумевал — может быть, робот как-то ухитряется его обгонять; потом догадался — наверно, эти приборы расположились цепочкой и через нее-то шла связь до самого дна шахты. У выхода на поверхность застыли неправдоподобной скульптурной группой несколько часовых под надзором еще одного из вездесущих шаров. А чуть поодаль на косогоре лежал тот летательный аппаратик, что всегда доставлял генерального секретаря ООН к Кареллену.

Стормгрен постоял немного, щурясь от солнца. Потом увидел вокруг ржавые, изломанные шахтные механизмы, за ними тянулась вниз по откосу заброшенная железнодорожная ветка. В нескольких километрах отсюда к подножию горы подступал густой лес, а совсем уже в дальней дали поблескивало большое озеро. Пожалуй, он очутился где-то в Южной Америке, хотя трудно определить, откуда такое впечатление.

Забираясь в летательный аппарат, Стормгрен окинул последним беглым взглядом зев шахты и застывших возле нее людей. И вот отверстие в серебристой стене затянулось за ним, и со вздохом облегчения он откинулся на знакомом сиденье.

Не сразу он отдышался настолько, что из глубины души вырвалось короткое:

— Итак?

— Сожалею, что не мог вас вызволить раньше. Но вы ведь понимаете, очень важно было дождаться, чтобы здесь собрались все руководители.

— Так вы...— захлебнулся Стормгрен.— Вы что же, все время знали, где я? Если б я думал...

— Не торопитесь,— сказал Кареллен,— дайте мне хотя бы договорить.

— Прекрасно, я слушаю,— мрачно процедил Стормгрен.

Он начал подозревать, что послужил всего-навсего приманкой в хитроумной западне.

— Некоторое время назад я пустил за вами... пожалуй, можно назвать это устройство «следопытом»,— стал объяснять Кареллен.— Ваши недавние друзья справедливо полагали, что я не мог следовать за вами под землей, однако я сумел идти по следу до самой шахты. Подмена в туннеле — остроумная проделка, но, когда первая машина перестала отвечать на сигналы, подлог обнаружился, и я вскоре опять вас отыскал. А потом просто надо было выждать. Я знал, как только они решат, что я потерял вас из виду, они явятся сюда, и я смогу изловить всех сразу.

— Но вы же их отпускаете!

— До сих пор я не мог выяснить, кто именно из двух с половиной миллиардов людей на вашей планете — подлинные главари подполья. Теперь, когда они известны, я могу проследить каждый их шаг на Земле и, если понадобится, наблюдать за всеми их действиями до мелочей. Это куда лучше, чем посадить их под замок. Что бы они ни предприняли, они тем самым выдадут остальных. Они связаны по рукам и ногам и сами это понимают. Ваше исчезновение останется для них непостижимым, точно у них на глазах вы растаяли в воздухе.

И по крохотной кабине раскатился звучный смех.

— В каком-то смысле презабавная вышла история, но цель ее очень серьезна. Меня заботят не просто несколько десятков человек этой организации, мне надо еще думать о том, как все это скажется на настроении других подпольных групп, которые действуют в других местах.

Стормгрен помолчал. Услышанное не слишком утешает, но мысль Кареллена понятна, и гнев недавнего пленника поостыл.

— Печально, что надо на это пойти, когда мне остаются считанные недели до отставки,— сказал он не вдруг,— но теперь я вынужден буду завести у моего дома охрану. В следующий раз могут похитить Питера. Кстати, как он без меня справлялся?

— В последнюю неделю я внимательно следил за ним и нарочно ничем не помогал. В общем, он держался очень недурно, но такой человек не может вас заменить.

— Его счастье,— заметил Стормгрен все еще не без обиды.— А кстати, вы не получили хоть какого-то ответа? Вам все еще не разрешают нам показаться? Теперь я убежден, это — сильнейшее оружие ваших врагов. Мне опять и опять твердят: мы не станем доверять Сверхправителям, пока их не увидим.

Кареллен вздохнул.

— Нет. Я пока не получал никаких известий. Но знаю, что мне ответят.

И Стормгрен оставил этот разговор. Прежде он продолжал бы настаивать, но теперь в мыслях у него впервые забрезжил некий план. Вспомнились слова человека, который его допрашивал. Пожалуй, и правда можно изобрести какие-то приборы...

То, что он отказался выполнить под чьим-либо нажимом, он, возможно, попытается сделать по собственной воле.

4

Еще несколько дней назад Стормгрен просто не поверил бы, что способен всерьез обдумывать такое. Вероятно, мысли его приняли новый оборот главным образом из-за нелепой мелодрамы с похищением — теперь оно казалось чуть ли не плохоньким телевизионным спектаклем. Впервые за всю свою жизнь Стормгрен подвергся прямому насилию, это было слишком не похоже на словесные битвы в залах заседаний. Должно быть, жажда действия, точно вирус, проникла в кровь... или он попросту слишком быстро впадает в детство?

Им двигало еще и жгучее любопытство, да и за шутку, что с ним разыграли, он не прочь бы отплатить. Ведь теперь уже совершенно ясно: Кареллен воспользовался им как приманкой, пускай с наилучшими намерениями,— все равно Стормгрен не склонен был так легко его простить.

Пьер Дюваль ничуть не удивился, когда Стормгрен, не предупредив заранее, явился к нему в кабинет. Они старые друзья, и генеральный секретарь ООН нередко навещает главу Бюро научных исследований. Уж конечно, Кареллену и этот визит не покажется странным, если ему или его подчиненным случится как раз сюда обратить недреманное око своих приборов.

Сначала друзья потолковали о делах и обменялись политическими сплетнями; потом, не слишком уверенно, Стормгрен заговорил о том, ради чего пришел. Старый француз слушал, откинувшись на спинку кресла, и с каждой минутой брови его всползали все выше, так что под конец чуть не смешались с прядью волос, падающей на лоб. Раза два он, казалось, хотел было что-то сказать, но сдержался.

Когда Стормгрен умолк, ученый тревожно огляделся.

— А вы не думаете, что он нас слушает? — спросил он.

— Едва ли это возможно. У него есть, как он выражается, следопыт для моей охраны. Но это устройство под землей не действует, потому-то я и пришел сюда, в ваше подземелье. Предполагается, что это — убежище от всех видов радиации, так? Кареллен не кудесник. Он знает, где я сейчас, но не более того.

— Надеюсь, вы правы. И еще одно — если он узнает, что вы хотите проделать, разве это не опасно? А он наверняка узнает.

— Я рискну. Притом мы с ним неплохо понимаем друг друга.

Несколько минут физик, поигрывая карандашом, молча смотрел в одну точку.

— Задачка не из легких. Мне это по душе,— сказал он просто. Нагнулся к какому-то ящику, извлек оттуда большой блокнот, Стормгрен таких громадин и не видывал.

— Вот так...— Дюваль принялся стремительно, одержимо чиркать по бумаге, покрывая ее какими-то стенографическими значками, видимо, собственного изобретения.— Мне надо знать все в точности. Расскажите все, что знаете, про комнату, где вы с ним разговариваете. Не упускайте ни единой мелочи, даже если это по-вашему пустяк.

— Тут почти нечего описывать. Стены металлические, комната около восьми квадратных метров, высота — метра четыре. Телеэкран размером примерно метр на метр, как раз под ним стол — давайте-ка я вам нарисую.

Стормгрен наскоро набросал чертеж хорошо знакомой комнаты и подвинул через стол Дювалю. И чуть вздрогнул — вспомнилось, как совсем недавно он проделал то же самое. Что-то сталось со слепым уэльсцем и его союзниками? Как отнеслись они к его внезапному исчезновению?

Француз, наморщив лоб, изучал чертеж.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Да.

Дюваль сердито фыркнул.

— А освещение? Вы что же, сидите в полной темноте? А какая там вентиляция, отопление...

Стормгрен улыбнулся: Дюваль верен себе, чуть что — и вспылит.

— Весь потолок — светящийся, а воздух, насколько я понимаю, идет из той же решетки, что и звук. Куда он уходит, не знаю, может быть, время от времени направление тяги меняется, но я этого не замечал. Батарей нет, никаких признаков отопления, но в комнате всегда нормальная температура.

— Иными словами, очевидно, замерзают только водяные пары, но не углекислый газ.

Стормгрен счел долгом улыбнуться старой общеизвестной шуточке.

— По-моему, я вам все сказал. Что до машинки, которая переносит меня на корабль Кареллена, она не примечательней кабины лифта. Только и разницы, что есть диван и стол.

Несколько минут оба молчали, физик старательно разрисовывал свой блокнот крохотными закорючками. Стормгрен следил за его карандашом и спрашивал себя, почему этот человек — блестящий ум, до которого ему, Стормгрену, очень и очень далеко,— так и не стал подлинно выдающейся величиной в научном мире. Вспомнились злые и едва ли справедливые слова одного приятеля из американского Государственного департамента: «Французы поставляют лучших в мире работников второго сорта». Дюваль — один из примеров, что в словах этих есть доля правды.

Физик удовлетворенно покивал сам себе, наклонился к Стормгрену, нацелился в него карандашом.

— Рикки, а почему вы думаете, что этот Карелленов телевизор, как вы его называете, и вправду телевизор, а не одна видимость?

— Никогда в этом не сомневался: экран выглядит точно так же. А что еще это может быть?

— Вы говорите — выглядит? То есть это он с виду такой же, как у наших телевизоров?

— Ну конечно.

— Вот это мне и подозрительно. Вряд ли Сверхправители пользуются такой грубой техникой, у них, скорей всего, картинка образуется прямо в воздухе. Да и чего ради Кареллену прибегать к помощи телевизора? Простота — всегда наилучшее решение. Разве не правдоподобнее, что этот ваш телеэкран — всего-навсего поляризованное стекло?

Стормгрен так озлился на себя, что минуту-другую не отвечал и только рылся в памяти. С самого начала он ни разу не усомнился в словах Кареллена — но, если вспомнить, разве Попечитель когда-либо говорил, будто пользуется телевизором? Стормгрен сам ничего другого и не думал, его с легкостью провели, сыграли на естественном ходе человеческой мысли. Да, так — если, разумеется, догадка Дюваля верна. Однако опять он спешит с выводами, ведь никто пока ничего не доказал.

— Если вы правы,— сказал он,— мне просто надо разбить стекло...

Дюваль вздохнул.

— Уж эти мне профаны в науке. Вы что же, воображаете, что такое стекло можно расколотить без взрывчатки? И даже если бы это удалось, по-вашему, Кареллен непременно дышит таким же воздухом, как мы? А если он благоденствует в хлорной атмосфере? То-то славно обернется дело для вас обоих.

Стормгрен почувствовал себя дураком. Мог бы и сам сообразить.

— Хорошо, ну а вы что предлагаете? — спросил он с досадой.

— Мне надо все обдумать. Первым делом надо выяснить, верна ли моя теория и нельзя ли как-то определить, что там за стекло. Поручу кое-кому из моих этим заняться. Кстати, вы, когда навещаете Сверхправителя, наверно, берете с собой портфель? Не тот, что при вас сейчас?

— Он самый.

— Пожалуй, он достаточно большой. Незачем менять, это будет заметно, особенно если к этому Кареллен привык.

— А что я должен сделать? Пронести потайной рентгеновский аппарат?

Физик усмехнулся:

— Пока не знаю, но что-нибудь да придумаем. Недели через две дам вам знать.

Он коротко засмеялся:

— Знаете, о чем мне все это напоминает?

— Еще бы,— мигом отозвался Стормгрен.— Времена нацистской оккупации, когда вы мастерили для подполья радиоприемники.

Дюваль не сумел скрыть разочарование.

— Правда, мне уже случалось об этом упоминать. Но вот что я вам еще скажу.

— Да?

— Если вы попадетесь, я знать не знал, зачем вам понадобилась такая машинка.

— Как! Не вы ли когда-то подняли такой шум насчет того, что ученый в ответе перед обществом за свои изобретения? Право слово, Пьер, мне за вас стыдно!

Стормгрен положил на стол толстую папку с отстуканными на машинке листами и облегченно вздохнул:

— Наконец-то все улажено. Странно думать, что в этих нескольких сотнях страниц заключено будущее человечества. Всемирное государство! Не надеялся я дожить и увидеть это своими глазами!

Он сунул бумаги в портфель — портфель стоял в каких-нибудь десяти сантиметрах от темного экрана, обращенный к нему тыльной стороной. Порою Стормгрен, сам того не замечая, беспокойно проводил пальцами по застежкам портфеля, но потайную кнопку он нажмет только в последнюю секунду, когда разговор закончится. Дюваль головой ручался, что Кареллен ничего не заметит, но мало ли — вдруг что-нибудь выйдет не так...

— Да, вы ведь сказали, что у вас есть для меня новости,— продолжал он, с трудом скрывая нетерпение.— Это насчет?..

— Да,— сказал Кареллен.— Несколько часов назад мне сообщили решение.

«Что бы это значило?» — подивился Стормгрен. Не может же Попечитель переговариваться с далекой своей планетой, когда бог весть сколько световых лет их разделяет. Разве что, по теории ван Риберга, он просто советуется с какой-то гигантской ЭВМ, способной предсказать, к чему приведет любой политический шаг.

— Лига освобождения и компания будут, пожалуй, не совсем довольны,— продолжал Кареллен,— но обстановка несколько разрядится. Это, кстати, записывать не надо.

Вы часто говорили мне, Рикки, что, как бы мы ни выглядели, человечество быстро привыкнет к любому нашему облику. Это лишь доказывает, как мало у вас воображения. Вы-то сами, вероятно, и правда быстро бы освоились, но не забывайте, в большинстве люди еще недостаточно образованны — чтобы искоренить их суеверия и предрассудки, понадобятся десятилетия.

Не сомневайтесь, нам кое-что известно о человеческой психологии. Мы отлично знаем, что будет, если мы покажемся вашему миру на нынешнем уровне его развития. Не стану вдаваться в подробности, даже с вами, так что уж поверьте мне на слово. Однако вот что мы твердо обещаем, и пусть вас это хоть в какой-то мере удовлетворит: *через пятьдесят лет — когда у вас сменятся два поколения — мы выйдем из наших кораблей и люди наконец увидят нас такими, какие мы есть.*

Стормгрен немного помолчал, надо было освоиться с услышанным. Слова Попечителя не принесли удовлетворения, какое он ощутил бы раньше. Правда, частичный успех застал его немного врасплох и на миг пошатнул недавнюю решимость. Со временем истина выйдет наружу, исполнить задуманное нет нужды и вряд ли благоразумно. Разве только из чистого эгоизма, ведь ему-то, Стормгрену, еще полвека не прожить.

Должно быть, заметив его растерянность, Кареллен прибавил:

— Сожалею, если вас разочаровал, но по крайней мере за политику ближайшего будущего вам уже не придется отвечать. Может быть, вам кажется, будто наши страхи напрасны, но поверьте, мы давно убедились, что всякий иной путь опасен.

Стормгрен задохнулся, весь подался вперед:

— Так, значит, люди вас когда-то уже видели!

— Этого я не говорил,— мгновенно возразил Кареллен.— Ваша планета — не единственная, за которую мы отвечаем.

Но от Стормгрена не так просто было отмахнуться.

— У нас есть немало преданий о том, что некогда на Землю спускались пришельцы с небес.

— Знаю, читал отчет Института древней истории. Судя по этому отчету, ваша Земля — перекресток всех дорог Вселенной.

— А может быть, о каких-то пришельцах вы не знаете,— упорствовал Стормгрен.— Могло же так быть, даже если вы следите за нами уже тысячи лет, а это, по-моему, маловероятно.

— По-моему, тоже,— уронил Кареллен.

Небрежный этот ответ ровно ничего не значил, и тут Стормгрен решился.

— Кареллен,— сказал он резковато,— я набросаю текст сообщения и передам вам, чтобы вы одобрили. Но оставляю за собой право и дальше к вам приставать, а если найду какую-то возможность, всеми силами постараюсь выведать ваш секрет.

— В этом я не сомневаюсь,— в ответе послышалась усмешка.

— И вы не против?

— Ничуть — до известного предела: не стоит прибегать к ядерному оружию, отравляющим газам и прочему, что может подпортить наши дружеские отношения.

Догадался ли Кареллен, спросил себя Стормгрен, и много ли угадал? Он поддразнивает, но за шуткой слышится понимание, а быть может — как знать? — даже поощрение.

— Рад это слышать,— сказал он, очень стараясь, чтобы не дрогнул голос. Поднялся и, поднимаясь, закрыл портфель. Пальцем легко провел по замку.

— Сейчас же составлю сообщение,— повторил он,— и еще сегодня передам вам по телетайпу.

Говоря это, он нажал потайную кнопку — и понял, что боялся напрасно. Восприятие Кареллена не тоньше, чем у человека. Конечно же, Попечитель ничего не заметил, ведь когда он попрощался и произнес те слова-шифр, которыми открывалась дверь, голос его прозвучал в точности как всегда.

Однако Стормгрен почувствовал себя воришкой, выходящим из магазина под зорким взглядом детектива, и когда стена сомкнулась за ним, не оставив никакого следа двери, у него вырвался вздох облегчения.

— Иные мои теории были не слишком удачны, согласен,— сказал ван Риберг.— А все-таки, что вы скажете теперь?

— Вам непременно надо знать? — вздохнул Стормгрен.

Питер словно не заметил вздоха.

— В сущности, это не моя мысль,— сказал он скромно.— Я наткнулся на нее в одном рассказе Честертона. Допустим, Сверхправители скрывают, что им вовсе нечего скрывать.

— Что-то очень сложно, не понял,— сказал Стормгрен, но в нем шевельнулось любопытство.

— Я вот что имею в виду,— с жаром продолжал ван Риберг.— По-моему, физически они такие же люди, как мы. Они понимают, что мы еще терпим, если нами правят какие-то воображаемые существа... ну, то есть совсем иные, намного превосходящие нас разумом. Но человечество, такое как оно есть, не станет подчиняться себе подобным.

— Весьма изобретательно, как все ваши теории,— сказал Стормгрен.— Хорошо бы вам нумеровать свои опусы, как сочинения композитора, мне было бы легче уследить. На сей раз возразить можно...

Но тут доложили о посетителе, и в кабинет вошел Александр Уэйнрайт.

Стормгрен спросил себя, что у того на уме. И еще — связан ли как-нибудь Уэйнрайт с теми похитителями. Нет, вряд ли: думается, Уэйнрайт совершенно искренне отвергает насилие. Крайнее крыло Лиги освобождения безнадежно опозорилось и не скоро посмеет вновь заявить о себе.

Главе Лиги прочитали текст сообщения, он внимательно выслушал. Стормгрен надеялся, что Уэйнрайт оценит такой знак внимания — мысль эту подсказал Кареллен. Только через двенадцать часов все остальные люди на Земле узнают, какое обещание дано их внукам.

— Пятьдесят лет,— задумчиво произнес Уэйнрайт.— Долго ждать.

— Для людей это, пожалуй, долгий срок, но не для Кареллена,— возразил Стормгрен. Только сейчас он начал понимать, как тонко рассчитали Сверхправители. Нынешнее решение дает им передышку, необходимую, по их мнению, отсрочку, и притом выбивает почву из-под ног Лиги освобождения. Конечно же, Лига не сложит оружие, но отныне ее позиция куда слабее. Разумеется, это понял и Уэйнрайт.

— За пятьдесят лет все будет загублено,— сказал он с горечью.— Никого из тех, кто еще помнит нашу независимость, не останется в живых; человечество утратит наследие предков.

Слова, пустые слова, подумал Стормгрен. Слова, за которые прежде люди дрались и умирали, но никогда больше не станут за них ни умирать, ни драться. И от этого мир станет лучше.

«Сколько хлопот еще доставит Лига в ближайшие десятилетия?» — спросил себя Стормгрен, глядя вслед уходящему Уэйнрайту. И порадовался мысли, что это уже забота его преемника.

Есть недуги, которые может излечить только время. Злодеев можно уничтожить, но ничего не поделаешь с хорошими людьми, упорными в своих заблуждениях.

— Вот он, ваш портфель, как новенький,— сказал Дюваль.

— Спасибо.— Стормгрен все же придирчиво осмотрел портфель.— Теперь, может быть, вы мне объясните, что тут к чему и как мы будем поступать дальше.

Физик, видно, больше занят был своими мыслями.

— Одного не пойму,— сказал он,— почему нам так легко это сошло с рук. Будь я на месте Карел...

— Но вы не на его месте. Не отвлекайтесь, друг. Что мы все-таки открыли?

— Ох, уж эти мне пылкие, нетерпеливые северяне! — вздохнул Дюваль.— Мы смастерили нечто вроде радара малой мощности. Помимо радиоволн очень высокой частоты, он работает еще и на крайних инфракрасных, и на всех волнах, которых наверняка не увидит ни одно живое существо, как бы причудливо ни были устроены его глаза.

— А почему вы это знаете наверняка? — спросил Стормгрен, он и сам не ждал, что ему станет любопытна эта чисто техническая задача.

— Н-ну, совсем уж наверняка мы сказать не можем,— нехотя признался Дюваль.— Но ведь Кареллен видит вас при обычном освещении, так? Стало быть, его глаза схожи с нашими и воспринимают световые волны примерно в тех же пределах. Так или иначе, аппарат сработал. Мы убедились, что за этим вашим телеэкраном и впрямь находится большая комната. Толщина экрана около трех сантиметров, а помещение за ним не меньше десяти метров в глубину. Нам не удалось различить эхо от дальней стены, но этого и трудно было ждать при такой малой мощности, а на большую мы не решились. И однако вот что мы все же получили.

Он перебросил Стормгрену листок фотобумаги, по которому проходила единственная волнистая линия. В одном месте она подскочила зубцом, будто оставило отметину небольшое землетрясение.

— Видите этот зубчик?

— Вижу, а что это?

— Всего лишь Кареллен.

— Боже правый! Вы уверены?

— Нетрудно догадаться. Он сидит, или стоит, или кто его знает, как он там располагается, по ту сторону экрана, примерно в двух метрах. Будь разрешающая способность аппарата чуть больше, мы бы даже высчитали его рост.

В смятении разглядывал Стормгрен слабый изгиб следа, прочерченного на бумаге. До сих пор еще ничто не доказывало, что Кареллен — существо материальное. Доказательство и сейчас лишь косвенное, но Стормгрен ни на миг не усомнился.

— Нам надо было еще и рассчитать, насколько этот экран пропускает обычный свет. Думаю, мы представили себе это довольно точно, хотя если и ошиблись на десятую долю, тоже неважно. Вы, конечно, понимаете, что нет такого поляризованного стекла, которое в одном направлении совсем не пропускало бы лучей. Вся суть в том, как размещены источники света. Кареллен сидит в затемненной комнате, а вы освещены, только и всего.— Дюваль усмехнулся.— Что ж, мы это переменим.

С видом фокусника, извлекающего невесть откуда целый выводок белых кроликов, он сунул руку в ящик стола и вынул что-то вроде электрического фонарика-переростка. На конце эта штука резко раздавалась вширь, будто большой револьвер или короткоствольная с широким раструбом.

Дюваль ухмыльнулся.

— Не так страшно, как кажется. Вам только надо прижать дуло к экрану и нажать спусковой крючок. Ровно на десять секунд вспыхнет сильный прожек-

тор, вы успеете обвести им ту комнату и хорошо ее разглядите. Весь пучок лучей пройдет сквозь экран и высветит вашего приятеля как миленького.

— А Кареллену это не повредит?

— Нет, если вы поведете луч снизу вверх. Тогда глаза его успеют освоиться — думаю, рефлексы у него сходны с нашими, и нам вовсе не нужно, чтобы он ослеп.

Стормгрен нерешительно оглядел оружие, взвесил на ладони. В последние недели его мучила совесть. Безусловно, несмотря на обидную подчас прямоту, Кареллен всегда обращался с ним по-дружески, и теперь, когда их встречам приходит конец, совсем не хочется чем-либо испортить эти добрые отношения. Но он ведь честно предупредил Попечителя — и уж наверно, будь сам Кареллен волен в выборе, он давно показался бы людям. Теперь решение принято за него: когда закончится их последняя беседа, Стормгрен посмотрит Кареллену в лицо. Если только у Кареллена есть лицо.

Сперва Стормгрену было тревожно, но он быстро успокоился. Говорил почти все время Кареллен, сплетая свою речь, точно кружево, из мудреных и цветистых выражений, так с ним порой бывало. Когда-то Стормгрену это казалось самым поразительным и, уж конечно, самым неожиданным дарованием Кареллена. Теперь такое красноречие уже не казалось чудом, потому что он знал: как почти все способности Попечителя, это не какой-то редкостный талант, а всего лишь плод могучего ума.

Когда Кареллен замедлял ход своей мысли под стать человеческой речи, у него хватало времени на любые стилистические изыски.

— Ни вам, ни вашему преемнику нет нужды чрезмерно волноваться из-за Лиги освобождения, даже когда она опомнится от объявшего ее сейчас уныния. Уже месяц, как она тише воды, ниже травы,— и хотя еще воспрянет духом, в ближайшие годы не будет представлять опасности. Право же, поскольку всегда следует ценить сведения о том, что делает противник, Лига — чрезвычайно полезная организация. Если у нее когда-нибудь возникнут финансовые затруднения, мне, пожалуй, надо будет ссудить ее деньгами.

Зачастую нелегко понять, говорит Кареллен всерьез или шутит. И Стормгрен слушал, старательно сохраняя вид самый невозмутимый.

— Очень скоро Лига утратит еще один повод для нападок. До сих пор раздавалось много протестов, довольно ребяческих, против особой роли, какую вы играли в последние годы. В раннюю пору моего попечительства такое положение представляло для меня большую ценность, но теперь, когда ваш мир идет по пути, который я наметил, можно от этого посредничества отказаться. Впредь я не стану поддерживать столь прямую связь с Землей, и обязанности генерального секретаря ООН в известной мере вновь обретут первоначальную форму.

В ближайшие пятьдесят лет разразится еще немало кризисов, но и это пройдет. Черты вашего будущего достаточно ясны, и настанет день, когда все нынешние сложности забудутся — даже при том, какая у земного человечества долгая память.

Последние слова прозвучали так странно, так значительно, что Стормгрен весь похолодел. Несомненно, Кареллен не допустит оплошности, оговорки, каждое даже, казалось бы, неосторожное слово его всегда взвешено, рассчитано с микроскопической точностью. Но задавать вопросы, которые наверняка остались бы без ответа, было некогда. Попечитель еще раз переменил тему.

— Вы часто спрашивали меня о наших дальнейших планах. Разумеется, создание Всемирного государства — лишь первый шаг. Вы еще увидите, как оно возникнет, но перемена совершится так неуловимо, что мало кто ее заметит. Потом будет пора постепенного упрочения, а тем временем человечество станет готово нас принять. И тогда настанет день, и мы исполним то, что обещали. Мне жаль, что вас при этом уже не будет.

Стормгрен смотрел не мигая, взгляд его устремился далеко за темную преграду экрана. Он загляделся в будущее и представлял себе день, которого ему уже не увидеть,— долгожданный день, когда громадные корабли Сверхправителей опустятся наконец на Землю и распахнутся перед взором человечества.

— В этот день,— продолжал Кареллен,— люди испытают то, что иначе как шоком не назовешь. Но они быстро оправятся от потрясения: их психика станет к тому времени устойчивее, чем у их дедов. Мы станем привычной, неотъемлемой частью их существования, и когда они нас встретят, мы не покажемся им такими... странными... как показались бы вам.

Никогда еще Кареллен не предавался вот таким раздумьям вслух, но Стормгрен не удивился. Он всегда был уверен, что ему знакомы лишь немногие грани личности Попечителя; подлинный Кареллен человеку неведом, а быть может, и недоступен человеческому пониманию. И уже не впервые возникло чувство, что по-настоящему Кареллена занимает что-то совсем другое, а управлению Землей он отдает лишь малую долю своих мыслей — с такой легкостью шахматист, чемпион игры в трех измерениях, играл бы в шашки.

— А что будет дальше? — тихо спросил Стормгрен.

— Тогда для нас начнется настоящая работа.

— Я часто гадал, в чем же она состоит. Навести в нашем мире порядок, сделать людей культурнее и воспитаннее — только средство, а у вас, конечно, есть какая-то цель. Может быть, когда-нибудь мы выйдем в космос и даже сумеем помогать вам в ваших трудах?

— В каком-то смысле, пожалуй, да,— сказал Кареллен, и так явственно прозвучала в этом ответе необъяснимая печаль, что у Стормгрена странно сжалось сердце.

— Ну, а если ваш опыт с человечеством не удастся? Такое случалось у нас в отношениях с отсталыми народами. Наверно, и вам не все удается?

— Да,— сказал Кареллен совсем тихо, Стормгрен едва расслышал.— Не все удается и нам.

— Как же вы тогда поступаете?

— Ждем... а потом пробуем еще раз.

Короткое молчание, какие-нибудь пять секунд. И когда Кареллен вновь заговорил, слова его застигли Стормгрена врасплох.

— Прощайте, Рикки!

Кареллен его провел... может, уже поздно! Стормгрен оцепенел, но лишь на миг. И тотчас быстро, ловко — недаром тренировался — он выхватил заветный фонарь и прижал к экрану.

Сосны подходили почти к самой воде, вдоль озера оставалась только неширокая, в несколько метров, полоска берега, поросшая травой. В теплую погоду Стормгрен, несмотря на свои девяносто лет, каждый вечер отправлялся на прогулку по берегу, до пристани, смотрел, как угасает на воде отражение заката, и возвращался домой прежде, чем дохнет из лесу холодный ночной ветер. Этот нехитрый обряд доставлял ему истинное удовольствие — пока есть силы, он от этого не откажется.

Издалека, с запада, что-то летело быстро и низко, над самым озером. Самолеты в этих краях появляются не часто, кроме рейсовых пассажирских на линиях, пересекающих полюс,— эти, должно быть, проходят на большой высоте каждый час, и днем и ночью. Но их не замечаешь, разве что изредка протянется след в синеве стратосферы — белая полоска пара. А тут откуда-то взялся маленький вертолет — и явно направляется сюда, к нему. Стормгрен окинул взглядом полоску берега и понял, что ему не сбежать и не спрятаться. Пожал плечами и опустился на деревянную скамью в конце причала.

Репортер был необыкновенно почтителен, Стормгрен даже удивился. Он почти забыл, что он не только старейший из государственных мужей, но, вне пределов своей родины, личность почти легендарная.

— Мистер Стормгрен,— начал непрошеный гость,— мне очень неловко вас беспокоить, но, может быть, вы согласитесь прокомментировать некое только что полученное сообщение о Сверхправителях?

Стормгрен чуть сдвинул брови. После стольких лет он все еще разделял нелюбовь Кареллена к этому слову.

— Вряд ли я могу много прибавить к тому, что было уже написано прежде.

Репортер впился в него до странности испытующим взглядом.

— А мне казалось, можете. Сейчас неожиданно всплыла престранная история. Вроде бы почти тридцать лет назад один работник Бюро научных исследований смастерил для вас какой-то замечательный прибор. Надеюсь, вы нам что-нибудь об этом расскажете.

Стормгрен помолчал, унесся мыслями в прошлое. Его не удивило, что тайну раскрыли. Напротив, удивительно, что так долго она оставалась тайной.

Он поднялся и пошел по пристани к берегу, репортер, приотстав на несколько шагов,— за ним.

— В этом слухе есть доля истины,— сказал Стормгрен.— Когда я в последний раз поднимался на корабль Кареллена, я прихватил с собой некий аппаратик, надеялся, что сумею увидеть Попечителя. Не очень-то умный был поступок, но... что ж, мне тогда было всего лишь шестьдесят.— Он тихонько усмехнулся, потом докончил: — Не стоило вам ради этой пустячной истории лететь в такую даль. Фокус, знаете ли, не удался.

— Вы ничего не увидели?

— Ровным счетом ничего. Боюсь, вам придется ждать... но, в конце концов, осталось только двадцать лет!

Двадцать лет. Да, Кареллен был прав. Тогда мир будет готов принять новость, как отнюдь не был готов тридцать лет назад, когда он, Стормгрен, вот так же солгал Дювалю.

Кареллен верил ему, и Стормгрен не обманул доверия. Никаких сомнений. Попечитель с самого начала знал, что он замышляет, предвидел и рассчитал все до последней секунды.

Иначе почему громадное кресло было уже пусто, когда на нем вспыхнул круг света! В страхе, что опоздал, Стормгрен вмиг повел лучом. Когда он заметил металлическую дверь, вдвое выше человеческого роста, она уже затворялась — быстро, очень быстро, и все же недостаточно быстро.

Да, Кареллен доверял ему, не хотел, чтобы на склоне лет он еще долго терзался неразрешимой загадкой. Кареллен не решился открыто нарушить запрет неведомых сил, которые стоят над ним (принадлежат ли и они к тому же племени?),— но он сделал все, что мог. Им не доказать, что то было прямое неповиновение. И Стормгрен знал: тем самым Кареллен доказал, что и вправду к нему привязан. Быть может, это всего лишь привязанность человека к преданной и умной собаке, но чувство это искреннее, и за всю жизнь Стормгрену не часто случалось испытать большее удовлетворение.

«Не все удается и нам».

Да, Кареллен, это верно — и уж не ты ли сам потерпел неудачу на заре истории рода людского? И какая жестокая была неудача, думал Стормгрен, если громовое эхо ее прокатилось через века и страхом перед ним одержимы были все народы Земли, пока не вышли из детства. В силах ли вы даже за полстолетия одолеть власть всех мифов и преданий нашего мира?

И однако, Стормгрен знал, второй неудачи не будет. Когда Сверхправители снова встретятся с людьми, они уже завоюют доверие и дружбу человечества, и этого не разрушит даже потрясение от встречи со знакомым обликом. Дальше они пойдут бок о бок, и неведомая трагедия, которая, должно быть, омрачила прошлое, навсегда затеряется в сумраке доисторических времен.

И отрадно надеяться, что, когда Кареллен волен будет снова ступить на Землю, он побывает когда-нибудь здесь, в северных лесах, и постоит у могилы первого из людей, кто стал ему другом.

II
ЗОЛОТОЙ ВЕК

5

«Час настал!» — нашептывало радио на сотне языков. «Час настал!» — твердили тысячи газетных заголовков. «Час настал!» — опять и опять проверяя свои камеры, думали кинооператоры, они кольцом окружили просторное поле, где скоро опустится корабль Кареллена.

В небе оставался только один корабль, над Нью-Йорком. Только теперь мир узнал, что над другими городами никаких кораблей и не было. Накануне громадный флот Сверхправителей обратился в ничто, растаял, как туман, когда выпадает утренняя роса.

Рейсовые корабли, которые сновали взад и вперед, доставляя на землю грузы из космических далей, были самые настоящие; а вот серебряные облака, что долгий срок — целую человеческую жизнь — недвижно парили почти над всеми столицами, оказались обманом зрения. Никто не мог понять, как это делалось, но, похоже, они все до единого были только отражением корабля Кареллена. Но не просто миражом, игрой света, ведь и радары тоже обманывались, и еще оставались живые свидетели, которые клялись, что своими ушами слышали, с каким шумом и свистом прорвал небеса этот воздушный флот.

Все это не имеет значения, важно одно: Кареллен больше не считает нужным выставлять напоказ свою силу. Он отбросил психологическое оружие.

— Корабль двинулся! — Весть мгновенно облетела планету.— Он идет на запад!

Медленно, не быстрее тысячи километров в час, опускался корабль из разреженных высот стратосферы на просторную равнину для второй встречи с историей Земли. И послушно замер перед нетерпеливыми кинокамерами и тысячами зрителей — в тесной толпе лишь немногим видно было все, что разглядели многие миллионы дома, у телевизора.

Казалось, земля содрогнется, треснет под неимоверной тяжестью, но корабль все еще удерживали неведомые силы, что направляли его полет среди звезд. И он опустился наземь легко, невесомо, как снежинка.

Выпуклая стена в двадцати метрах над полем замерцала, пошла зыбью, точно гладь озера; в ровной блестящей поверхности открылся большой проем. В нем ничего не различить даже пытливому глазу кинокамеры. Внутри тень, тьма, словно в пещере.

Из отверстия появился широкий блестящий трап и уверенно пошел вниз. Похоже, это цельная металлическая лента с перилами по бокам. Никаких ступенек, крутой гладкий спуск, будто горка для спортивных саней, и кажется, обычным способом по ней невозможно ни спуститься, ни подняться.

Весь мир не сводил глаз с темного портала, в котором все еще не заметно было ни малейшего движения. А потом из какого-то скрытого источника негромко зазвучал хоть и редко слышанный, но незабываемый голос Кареллена. И произнес он слова самые неожиданные:

— Внизу у трапа есть дети. Я хотел бы, чтобы двое из них поднялись сюда и познакомились со мной.

Мгновение тишины. Потом из толпы выбежали мальчик и девочка и, ничуть не смущаясь, направились к трапу, готовые войти в корабль — и в историю. Следом выбежали было другие, но остановились, когда Кареллен сказал со смешком:

— Довольно двоих.

Жадно предвкушая удивительное приключение, те двое — лет шести, не старше — прыгнули на металлический скат. И тут случилось первое чудо.

Весело махая руками толпе и встревоженным родителям, которые, пожалуй, поздновато вспомнили легенду о Крысолове, дети быстро поднимались по крутому склону. Но они не сделали ни шагу, и скоро стало видно, что они стоят не вертикально, а под прямым углом к странному трапу. Он обладал собственной силой тяготения, независимой от притяжения Земли. Радуясь чуду и не понимая, что же это поднимает их, дети скрылись в глубине корабля.

На двадцать секунд весь мир затих, замер — после никому не верилось, что тишина была столь недолгой. А потом огромное отверстие словно бы приблизилось, и на солнечный свет выступил Кареллен. На левой руке у него сидел мальчик, на правой — девчурка. Оба поглощены были игрой, их так занимали крылья Кареллена, что они и не поглядели вниз, на толпу.

Да, Сверхправители — тонкие психологи — за долгие годы умело подготовили человечество к этому дню, и только очень немногие лишились чувств. Однако в мире еще меньше, наверно, было таких, у кого в душе на страшный миг не всколыхнулся извечный ужас, прежде чем разум изгнал его навсегда.

Все так, в точности. Кожистые крылья, короткие рожки, хвост с острым концом, будто наконечник стрелы,— все на месте. Ожило, вышло из неведомого прошлого самое страшное предание. Но вот оно улыбается, полное величия, в солнечных лучах сверкает огромное тело, будто выточенное из черного дерева, и к плечам его доверчиво прильнули два человеческих детеныша.

6

Пятьдесят лет — срок немалый, за эти годы можно изменить планету и ее жителей до неузнаваемости. Тут только и нужны знание законов общества, ясность цели — и могущество.

Всем этим обладали Сверхправители. Хотя конечная цель их и оставалась тайной, но очевидны были и знания — и могущество.

Могущество принимало различные формы, и лишь немногие явственны были для людей, чьими судьбами ныне распоряжались Сверхправители. Каждый видел, какая мощь сокрыта в исполинских кораблях. Но за этой очевидной для всех дремлющей силой таилось иное, гораздо более утонченное оружие.

— Нет неразрешимых задач,— сказал когда-то Кареллен Стормгрену,— надо только правильно применить власть.

— Звучит довольно цинично,— усомнился Стормгрен.— Слишком напоминает известное изречение «Кто силен, тот и прав». У нас в прошлом те, кто пускал в ход силу, ровно ничего не сумели решить.

— Суть в том, чтобы применить ее правильно. У вас тут никогда не было ни настоящей силы, ни знаний, необходимых, чтобы ею пользоваться. Притом за любую задачу можно взяться с толком, а можно без толку. Допустим, к примеру, одно из ваших государств, во главе с каким-нибудь фанатиком, попробует восстать против меня. Весьма бестолково было бы ответить на подобную угрозу несколькими миллиардами лошадиных сил в виде атомной бомбы. Пусти я в ход достаточно бомб — и задача решена раз и навсегда. Но, как я уже сказал, решена без толку, не будь даже у этого решения других недостатков.

— А как решить ее с толком?

— Энергии для этого понадобится примерно как для небольшого радиопередатчика, и примерно такое же умение, чтобы ею управлять. Ибо важно не сколько энергии пустить в ход, важно — как ее применить. Долго ли, по-вашему, Гитлер оставался бы диктатором в Германии, если бы его на каждом шагу преследовал что-то неумолчно шепчущий голос? Или день и ночь звучала бы в ушах одна и та же нота, заглушала все другие звуки и не давала уснуть? Согласитесь, способ отнюдь не жестокий. И однако, в конечном счете, столь же неодолимый, как тритиевая бомба.

— Понимаю,— сказал Стормгрен.— И негде было бы укрыться?

— Нет такого места, куда я не мог бы, если очень захочу, послать мои... э-э... аппараты. Потому-то мне и незачем принимать крутые меры, чтобы поддерживать порядок.

Итак, исполинские корабли Сверхправителей оказались только символами, и теперь весь мир узнал, что лишь один из них был не призрак. Однако самим своим присутствием призраки эти изменили историю Земли. А теперь задача их выполнена, и память о том, что они совершили, останется в веках.

Кареллен рассчитал точно. Внезапный ужас и отвращение забылись быстро, хотя многие, кто с гордостью считал себя ничуть не суеверным, так никогда и не решились встретиться с кем-нибудь из Сверхправителей лицом к лицу. Что-то здесь было странное, чего не объяснишь разумом и логикой. В эпоху средневековья люди верили в дьявола и страшились его. Но теперь уже двадцать первый век — так неужели все же существует какая-то наследственная, родовая память?

Разумеется, все так и понимали, что между Сверхправителями или родственными им существами и человечеством некогда, в глубокой древности, разыгралась жестокая битва. Должно быть, столкнулись они в бесконечно далеком прошлом, ибо в исторических источниках не сохранилось никаких следов той встречи. Вот еще одна загадка, и Кареллен не дает к ней ключа.

Хотя Сверхправители и показались людям, они редко покидали свой единственный корабль. Возможно, на Земле им было неудобно. Должно быть, там, откуда родом эти крылатые великаны, сила тяжести гораздо меньше. И всегда на них какие-то пояса, снабженные сложными механизмами, предполагается, что с их помощью Сверхправители управляют своим весом и общаются между собой. Яркое солнце они переносят с трудом и остаются на свету считанные секунды. А когда можно пробыть под открытым небом подольше, надевают темные очки и выглядят в них престранно. Очевидно, они могут дышать земным воздухом, однако иногда носят с собой что-то вроде фляжки и порой освежаются глотком какого-то газа.

Возможно, их необщительность объясняется чисто физическими причинами. Мало кому доводилось встретить Сверхправителя во плоти, и можно только гадать, сколько их на борту у Кареллена. Никогда люди не видели сразу больше пятерых, но в исполинском корабле их, возможно, сотни и даже тысячи.

Во многих отношениях с выходом Сверхправителей на люди возникло больше новых загадок, чем разрешилось прежних. Все еще неизвестно, откуда

они, счету нет теориям о том, что они собой представляют как биологический вид. На многие вопросы они отвечают охотно, а в некоторых случаях до крайности скрытны. Но все это беспокоит только ученых. А рядовой землянин если и не жаждет общаться со Сверхправителями, благодарен им за все, что они сделали для людей.

По меркам прошлого на Земле воцарилась Утопия. Не стало невежества, болезней, нищеты и страха. Память о войне растворилась в прошлом, как рассеивается на заре страшный сон: скоро среди живых людей не останется ни одного, кто испытал все это на себе.

Вся человеческая энергия обратилась на творчество — и облик Земли преобразился. Теперь это поистине новый мир. Большие города, которыми довольствовались прежние поколения, стали бесполезны — и их либо перестроили, либо покинули и превратили в музеи. Многие города уже давно заброшены, потому что вся система промышленности и торговли совершенно изменилась. Производство стало почти полностью автоматическим: заводы-роботы нескончаемым потоком дают все необходимое для повседневной жизни — и все это даром. Люди работают, только если им хочется каких-то предметов роскоши,— или не работают совсем.

Мир стал един. Былые названия старых стран сохранялись лишь для удобства почты. Не осталось на свете человека, который не говорил бы по-английски, не умел читать, не мог в любую минуту воспользоваться телевизионной связью или не больше чем за сутки перенестись в другое полушарие.

Исчезла преступность. Преступление стало и ненужным и невозможным. Когда никто ни в чем не нуждается, незачем воровать. Притом все, кто способен был бы на преступление, знали, что им не ускользнуть от бдительного ока Сверхправителей. Поначалу те весьма убедительно вмешивались в земные дела, поддерживая закон и порядок,— урок усвоен был прочно.

Еще совершаются преступления в порыве страсти, но и они большая редкость. Очень многие противоречия, что были мучительно неразрешимы, теперь устранены, а потому человечество стало душевно здоровее и не столь безрассудно. И то, что в былые времена именовалось пороком, теперь сочтут всего лишь чудачеством, в худшем случае — невоспитанностью.

И еще одна разительная перемена; не стало сумасшедшей спешки, которой отличался двадцатый век. Жизнь течет медлительней, появился досуг, какого не знали несколько поколений людей. А потому немногие находят ее довольно пресной, зато большинству живется куда спокойнее. На Западе люди заново узнали то, о чем никогда не забывали все остальные,— что в досуге нет греха, лишь бы он не выродился в праздность и лень.

Быть может, будущее и принесет новые заботы, но пока избыток свободного времени людям не в тягость. Они дольше учатся, и познания их основательней, глубже. Мало кто кончает колледж раньше двадцати — и это лишь первая ступень образования, обычно человек по крайней мере года на три возвращается к ученью в двадцать пять, когда путешествия и жизненный опыт уже расширили его кругозор. И даже после, пока жив, время от времени освежает свои познания в наиболее интересных для него областях.

От того что ученичество продлилось далеко за рубеж, когда юнец становится взрослым, многое изменилось в жизни общества. Иные перемены стали необходимы еще несколько поколений назад, но в былые времена их не осмеливались ввести либо притворялись, что и нужды в них нет. Так, изменились — изменились в корне — отношения между полами, если считать, что в этой области mores* когда-нибудь строились по единому образцу. Все устои рассыпались в прах под ударами двух изобретений чисто человеческих — Сверхправители тут были ни при чем.

Первое изобретение — совершенно надежное противозачаточное средство, довольно проглотить таблетку; второе — столь же верный, как отпечатки пальцев, способ определить, кто отец ребенка, по очень подробному анализу крови. Действие этих двух новинок иначе как разрушительным не назовешь — последние остатки пуританской ограниченности сметены были с лица Земли.

И еще одна громадная перемена в образе жизни — необычайная подвижность. Воздушный транспорт достиг совершенства, и всякий в любую минуту волен лететь куда вздумается. Небеса много просторнее, чем какие-либо дороги прошлого, и двадцать первый век с гораздо более широким размахом повторил знаменитое достижение Америки, когда целый народ оказался на колесах. Теперь все человечество получило крылья.

Впрочем, не буквально. У обычного флайера или аэромобиля, каким располагал каждый, не было ни крыльев, ни видимых глазу приборов. Исчезли и неуклюжие винты старинных вертолетов. Но человек не открыл способа преодолеть земное притяжение — этим величайшим секретом владели только Сверхправители. В аэромобилях людей действовали силы попроще, их могли бы понять и братья Райт. Реактивный двигатель, работающий и непосредственно, и в более сложном режиме, с ограничением высоты, вел флайер вперед и поддерживал в воздухе, и эти вездесущие воздухолетики стерли последние границы между различными человеческими племенами так быстро и так безвозвратно, как не стерли бы Сверхправители никакими законами и приказами.

Совершались и перемены более глубокие. Настал век безбожия. Из всех видов веры, какие существовали до прилета Сверхправителей, выжил лишь своего рода облагороженный буддизм — пожалуй, самая суровая из религий. Верования, основанные на чудесах и откровениях, рухнули раз и навсегда. Они и прежде постепенно развеивались, по мере того как люди становились образованнее, но поначалу Сверхправители в эти вопросы не вмешивались. Кареллена нередко спрашивали, как он относится к религии, но он только и отвечал, что вера — личное дело каждого человека, лишь бы он не посягал на свободу других.

Быть может, древние верования продержались бы еще у нескольких поколений, если б не вечное человеческое любопытство. Все знали, что Сверхправителям доступно прошлое, и не раз историки просили Кареллена разрешить какой-нибудь давний спор. Возможно, такие вопросы ему надоели, а скорее, он прекрасно понимал, к чему поведет его великодушие...

---

* Нравы *(лат.)*.

Аппарат, который он передал Институту всемирной истории, представлял собою просто приемник, телевизор с обширной клавиатурой настройки на время и пространство. Должно быть, он был так или иначе связан с несравнимо более сложной машиной на борту Карелленова корабля, а уж как она действует, никто и вообразить не мог. На Земле ученый просто нажимал нужные клавиши — и распахивалось окно в прошлое. Взгляду мгновенно открывалось едва ли не любое событие в истории человечества за последние пять тысяч лет. Глубже в прошлое аппарат не погружался, настроенный на более ранние века экран зиял непонятной пустотой. Возможно, на то была какая-то естественная причина, а возможно, Сверхправители умышленно не позволяли узнать больше.

Конечно, всякому мыслящему человеку и прежде ясно было, что *все* вероучения не могут быть истинными, но удар оказался роковым. Вот оно, разоблачение, в котором не усомнишься, с которым не поспоришь: неведомое волшебство науки Сверхправителей открыло взорам людей, как на самом деле возникли в мире все великие религии. Почти все они начинались благородно и вдохновенно — но не более того. В несколько дней несчетные мессии рода людского перестали быть богами. Верования, которые долгих два тысячелетия служили опорой миллионам людей, растаяли, точно утренняя роса, в жестоком, бесстрастном свете истины. Все доброе и все злое, что они создали, разом отошло в прошлое и уже не могло тронуть ничью душу.

Человечество лишилось древних богов — и уже настолько повзрослело, что не нуждалось в новых.

Пока мало кто понимал, что наряду с крушением веры приходила в упадок наука. Процветали техника и технология, но наперечет были своеобычные умы, которые пытались раздвинуть границы человеческого знания. Оставалось любопытство, хватало досуга, чтобы его утолить, но пыл серьезного научного исследования угас. Что толку всю жизнь доискиваться тайн, наверняка открытых Сверхправителями много веков назад.

Этот упадок был не столь заметен, оттого что пышно расцвели науки описательные — зоология, ботаника, астрономические наблюдения. Никогда не бывало на свете стольких любителей, собирающих научные данные для собственного удовольствия, но почти не осталось теоретиков, которые свели бы эти данные в единую систему.

А при том, что исчезла борьба, угасли раздоры и противоречия, пришел конец и творчеству, подлинному искусству. Исполнителей тьма — и любителей, и профессионалов, но за целое поколение не создано ничего нового, по-настоящему талантливого ни в литературе, ни в музыке, ни в живописи и скульптуре. Мир все еще жил былой славой, блистательными свершениями невозвратного прошлого.

И никого это не тревожило, если не считать немногих философов. Человечество слишком упивалось новообретенной свободой, радовалось сиюминутными радостями и дальше не заглядывало. Наконец-то вот она, Утопия, Золотой век; его новизну еще не омрачил злейший враг всякой утопии — скука.

Быть может, у Сверхправителей было в запасе решение и этой задачи, решили же они столько других. Со дня их прилета минул долгий срок — целая

человеческая жизнь,— но и сейчас, как тогда, никто не знал, зачем они явились. Человечество привыкло им верить и уже не задавалось вопросом, что за сверхчеловеческая самоотверженность так долго удерживает Кареллена и его спутников вдали от родины.

Если это и впрямь самоотверженность. Все-таки еще находились люди, которые спрашивали себя, вправду ли конечная цель Сверхправителей — благоденствие человечества.

7

Если подсчитать, какое расстояние предстояло одолеть всем вместе взятым, кого пригласил в тот день Руперт Бойс, цифра получилась бы внушительная. Только в первой дюжине гостей были Фостеры из Аделаиды, Шенбергеры с Гаити, Фарраны из Сталинграда, чета Моравия из Цинциннати, чета Иванко из Парижа и еще Салливены, живущие, в общем-то, по соседству с островом Пасхи, но на дне океана, на глубине четырех километров. И немало чести делает Руперту, что, хотя разослал он тридцать приглашений, гостей прибыло больше сорока,— примерно так он и рассчитывал. Подвели только Краусы — просто потому, что забыли, с какого меридиана идет международный отсчет времени, и опоздали ровно на двадцать четыре часа.

К полудню в парке собралась изрядная коллекция флайеров, и тем, кто явится последним, когда они найдут наконец, где приземлиться, придется еще немало пройти пешком. Во всяком случае, под безоблачным небом, когда по Фаренгейту сто десять, путь покажется долгим. Вокруг замерли аэромобили всевозможных марок, от одноместных «букашек» до семейных «кадиллаков», похожих уже не просто на средство передвижения по воздуху, а на летучие дворцы. Впрочем, теперь по марке машины никак нельзя судить о положении ее владельца в обществе.

— До чего уродливый дом,— сказала Джин Моррел, когда «метеор» по спирали начал снижаться.— Точно коробка, на которую кто-то наступил.

Джорджу Грегсону свойственна была старомодная неприязнь к автоматической посадке, и, прежде чем ответить, он подрегулировал скорость спуска.

— Под таким углом зрения едва ли можно судить о доме,— справедливо заметил он.— С земли он, наверно, выглядит совсем по-другому. О господи!

— Что случилось?

— Фостеры тоже тут. Это сочетание цветов я где угодно узнаю.

— Ну, так не разговаривай с ними, если не хочется. Вот чем хороши сборища у Руперта — всегда можно скрыться в толпе.

Джордж высмотрел свободное местечко и уверенно повел флайер вниз. Они плавно опустились между другим «метеором» и какой-то машиной совсем неизвестной обоим марки. На вид штука очень быстроходная и очень неудобная, подумала Джин. Наверно, кто-нибудь из Рупертовых приятелей, помешанных на технике, сам ее смастерил. А ведь это как будто по закону не полагается. Они вышли из «метеора», и жара опалила их, точно пламя электросварки. Словно разом из тела испарилась вся влага, и Джорджу почудилось,

что у него трескается пересохшая кожа. Конечно, отчасти сами виноваты. Три часа назад они вылетели с Аляски и не сообразили поменять температуру в кабине, чтоб переход был не такой резкий.

— Да разве можно тут жить! — Джин еле перевела дух.— Я думала, здешним климатом как-то управляют.

— Конечно управляют,— сказал Джордж.— Когда-то здесь была пустыня, а теперь — сама видишь. Ну, идем, в доме все будет как надо.

Тут их окликнул Руперт — весело, но как-то непривычно гулко. Хозяин дома стоял возле их «метеора», протягивал гостям по бокалу и с озорной улыбкой смотрел на них сверху вниз. Свысока он смотрел по той простой причине, что был примерно трех с половиной метров ростом; к тому же он оказался почти прозрачным. Сквозь него нетрудно было смотреть.

— Ну и шуточки ты шутишь со своими гостями! — воскликнул Джордж и попробовал ухватить бокалы, до которых только-только сумел дотянуться. Рука, разумеется, прошла насквозь.— Надеюсь, когда мы доберемся до твоего дома, для нас найдется что-нибудь более осязаемое.

— Не беспокойтесь! — засмеялся Руперт.— Давай заказывай, когда придете, все будет наготове.

— Две солидные порции пива, охлажденные в жидком воздухе,— мигом распорядился Джордж.— Мы сейчас же явимся.

Руперт кивнул, поставил один бокал на невидимый стол, нажал какую-то невидимую кнопку и исчез.

— Ну и ну! — сказала Джин.— Первый раз вижу, как действует такая машинка. Откуда Руперт ее раздобыл? Я думала, они есть только у Сверхправителей.

— А ты знаешь хоть один случай, когда Руперт не раздобыл бы, чего захотел? — возразил Джордж.— Для него это самая подходящая игрушка. Сиди уютно у себя в кабинете и при этом обойдешь пол-Африки. Ни жары, ни кусачих насекомых, ни усталости, и еще холодильник с пивом под рукой. Любопытно, что бы подумали Стенли и Ливингстон?

Под палящим солнцем больше говорить не хотелось. Когда они подошли к парадной двери, почти неразличимой в сплошном стекле фасада, она под пение фанфар автоматически распахнулась. «Наверно, к вечеру меня уже начнет тошнить от фанфар»,— подумала Джин, и не ошиблась.

В чудесной прохладе прихожей их приветливо встретила очередная миссис Бойс. По правде сказать, из-за нее-то и собралось такое множество гостей. Половина явилась бы все равно поглядеть на новое жилище Руперта; тех, кто сперва колебался, привлекли рассказы о его новой жене.

Потрясающая женщина! Поистине другого слова не подобрать. Даже теперь, в мире, где красотой никого не удивишь, мужчины оборачивались, едва она входила в комнату. Должно быть, у нее одна бабка или дед были негры, догадался Джордж; безукоризненно правильные античные черты; длинные волосы отливают вороненой сталью. Только смуглая кожа сочного оттенка, определяемого одним лишь затрепанным словом «шоколадный», выдает ее смешанное происхождение.

— Вы — Джин и Джордж, правда? — Она протянула руку.— Очень рада с вами познакомиться. Руперт там что-то мудрит с коктейлями. Идемте, познакомьтесь со всеми.

От ее глубокого контральто по спине Джорджа пробежала дрожь, словно кто-то перебирал по ней пальцами, как на флейте. Он беспокойно покосился на Джин — та натянуто, через силу улыбнулась — и не сразу сумел ответить.

— Очень... очень приятно,— пролепетал он.— Мы так предвкушали нынешний прием.

— Руперт *всегда* устраивает очень милые приемы,— вставила Джин.

«Всегда» прозвучало весьма недвусмысленно, это значило — каждый раз, когда он женится. Джордж немного покраснел, бросил на Джин укоризненный взгляд, но хозяйка словно и не заметила шпильки. Воплощенное дружелюбие, она приветливо ввела их в главную гостиную, где уже собралось пестрое общество многочисленных друзей-приятелей Руперта.

Сам хозяин сидел у аппарата, похожего на пульт управления,— очевидно, через этот аппарат он и посылает свое изображение встречать гостей, понял Джордж. Руперт как раз и старался поразить этим еще двоих, чья машина только что совершила посадку, но на секунду отвлекся, поздоровался с Джин и Джорджем и попросил прощения: приготовленные для них коктейли он уже кому-то отдал.

— Вон там всякого питья полно,— договорил он и махнул рукой куда-то назад, не переставая другой нажимать клавиши аппарата.— Будьте как дома. Вы тут почти всех знаете, Майя вас познакомит с остальными. Спасибо, что приехали.

— Спасибо, что вы нас пригласили,— сказала Джин не очень уверенно.

Джордж уже шагал к стойке. Джин пошла следом, на ходу здоровалась, замечая знакомое лицо. На три четверти, как всегда у Руперта, тут собрались люди, которые никогда прежде друг друга не встречали.

— Давай пойдем на разведку,— сказала она Джорджу, когда они промочили горло и хотя бы помахали рукой всем знакомым.— Я хочу осмотреть дом.

Джордж, почти не скрываясь, оглянулся на Майю Бойс и пошел за Джин. Взгляд у него стал отрешенный, и это ей совсем не понравилось. Беда, что мужчины по природе своей многоженцы. Впрочем, будь по-другому... Нет, пожалуй, так оно лучше.

Они принялись исследовать полную чудес новую обитель Руперта, и Джордж скоро опять стал самим собой. Дом казался чересчур велик для двоих, но иначе нельзя, ведь тут часто, как сегодня, будет полно посторонних.

— Он двухэтажный, верхний этаж много больше, так что выступает над нижним и дает ему тень. На каждом шагу автоматы, и кухня — не кухня, а рубка воздушного лайнера.

— Бедняжка Руби, ей бы здесь понравилось,— сказала Джин.

— Насколько я слышал, она вполне счастлива со своим дружком в Австралии,— возразил Джордж, он вовсе не питал нежных чувств к предыдущей миссис Бойс.

Спорить не приходилось — про Руби и австралийца было известно всем, и Джин переменила разговор:

— Она ужасно хороша, правда?

У Джорджа хватило ума не попасться на удочку.

— Да, пожалуй,— равнодушно сказал он.— Конечно, если кому нравятся брюнетки.

— Тебе, как я понимаю, они не нравятся,— премило заметила Джин.

— Не надо ревновать, дорогая,— усмехнулся Джордж и погладил ее по очень светлым золотистым волосам.— Пойдем посмотрим библиотеку. Потвоему, где она может быть?

— Наверно, тут, наверху: внизу больше нет места. И вообще, похоже, так задумано: жить, есть, спать и прочее на первом этаже. А второй — для игр и развлечений... хотя, по-моему, нелепая затея — устроить плавательный бассейн на втором этаже.

— Ну, какая-нибудь причина да есть.— Джордж наугад отворил еще одну дверь.— У Руперта наверняка были опытные советчики. Уж конечно, он сам не додумался бы до такой планировки.

— Это верно. Он бы построил дом с комнатами без дверей, а лестницы вели бы в пустоту. Да мне просто страшно было бы войти в дом, построенный по плану Руперта.

— Ну, вот и пришли,— объявил Джордж, гордый, как штурман после образцовой посадки.— Прославленная коллекция Бойса на новом месте. Хотел бы я знать, много ли он тут прочел.

Библиотека тянулась во всю ширину дома, но длиннейшие ряды книжных полок рассекали ее поперек на полдюжины комнат. Тут было, насколько помнил Джордж, около пятнадцати тысяч томов — едва ли не все существенное, что когда-либо печаталось по туманным вопросам магии, психологических исследований, ясновидения, телепатии и прочих неуловимых явлений, которых не объясняет обыкновенная физика. Престранное увлечение в век здравого смысла. Должно быть, для Руперта это просто особый способ бегства от действительности.

Еще с порога Джордж ощутил странный запах. Не сильный, но острый, не то чтобы неприятный, но какой-то ни на что не похожий. Джин тоже его заметила, попыталась разобраться, на лбу обозначилась морщинка. Вроде уксуса, подумал Джордж. Но примешивается что-то еще...

В дальнем конце библиотеки оказалось свободное от полок место, его только и хватало для стола, двух стульев и нескольких подушек. Вероятно, в этомто уголке Руперт обычно и проводил время за чтением. И сейчас при странно тусклом свете тут тоже кто-то читал.

Джин тихонько ахнула и уцепилась за руку Джорджа. Пожалуй, ей простительно. Видеть изображение на экране телевизора — это одно, повстречаться в жизни — совсем другое. Джордж — тот опомнился мигом, его мало что могло застигнуть врасплох.

— Надеюсь, мы вас не обеспокоили, сэр,— вежливо сказал он.— Мы понятия не имели, что тут кто-то есть. Руперт нам не говорил...

Сверхправитель опустил книгу, внимательно оглядел обоих и снова принялся за чтение. Это нельзя счесть неучтивым, если так ведет себя существо, способное одновременно читать, разговаривать и, наверно, заниматься еще несколькими делами сразу. Однако с человеческой точки зрения это выглядело дико и страшновато.

— Меня зовут Рашаверак,— любезно сказал Сверхправитель.— Боюсь, я не слишком общителен, но из библиотеки Руперта трудно выбраться незамеченным.

Джин не без труда сдержала нервический смешок. Неожиданный собеседник читает с невероятной быстротой, заметила она: по странице за две секунды. И уж конечно, впитывает каждое слово, а может быть, сумел бы читать одним глазом одну книгу, а другим — другую. И еще он, наверно, может пользоваться азбукой Брайля — читать пальцами книги для слепых... Воображение нарисовало ей до того забавную картинку, что стало не по себе, и Джин поспешила спокойствия ради вступить в разговор. В конце концов, не каждый день выпадает случай поговорить с одним из повелителей Земли.

Джордж познакомил их и предоставил ей болтать, в надежде, что у нее не вырвется какая-нибудь бестактность. Как и Джин, он никогда еще не видел Сверхправителя во плоти. С государственными деятелями, с учеными, с людьми самыми разными Сверхправители постоянно встречались на деловой почве, но никогда Джордж не слыхал, чтобы хоть один появился вот так, просто-напросто гостем на обыкновенной вечеринке. Но, пожалуй, в этом доме и сегодняшнем сборище все не так просто. Недаром же в распоряжении Руперта оказался и аппарат Сверхправителей, и Джорджа теперь уже не на шутку озадачило — да что же, в сущности, происходит? Надо будет поймать Руперта один на один и все из него выудить.

Стулья для Рашаверака малы, он сидит прямо на полу — видно, ему и без подушек удобно, они валяются рядом. Итак, голова его оказалась всего в двух метрах над полом, единственный в своем роде случай для Джорджа изучить внеземную биологию. На беду, он и в земной-то слабо разбирался, а потому не много узнал нового. Внове только этот особенный, но даже по-своему приятный острый запах. Еще вопрос, как, по мнению Сверхправителей, пахнут люди, подумалось Джорджу,— остается надеяться на лучшее.

На вид в Рашавераке нет ничего человеческого. Можно понять, что издали невежественным перепуганным дикарям Сверхправители казались крылатыми людьми, отсюда и возник привычный портрет Дьявола. Однако вблизи ясно, что сходства куда меньше. Рожки (любопытно, для чего они служат?) в точности такие, как на картинках, но в теле ничего общего с человеком или с любым земным существом. Порождение совсем иной эволюции, Сверхправители не принадлежат ни к млекопитающим, ни к насекомым, ни к рептилиям. Неясно даже, относятся ли они к позвоночным: возможно, этот жесткий панцирь и есть их костяк, единственная опора туловища.

Крылья Рашаверака сложены, их толком не разглядеть, но хвост — точь-в-точь бронированный пожарный шланг — аккуратно свернут под ним. Знаменитое острие на конце напоминает не столько наконечник стрелы, как большой плоский алмаз. Сейчас уже никто не сомневается, что его назначе-

ние, подобно хвостовым перьям птицы, поддерживать равновесие при полете. Опираясь на немногие точные данные и на такие вот догадки, ученые полагают, что родина Сверхправителей — планета с малой силой тяжести и очень плотной атмосферой.

Внезапно из скрытого где-то динамика загремел голос Руперта:

— Джин! Джордж! Куда вы исчезли, черт возьми? Идите вниз и присоединяйтесь к компании. Люди уже сплетничают.

— Пожалуй, пойду и я,— сказал Рашаверак и положил книгу на полку.

Он легко проделал это, не вставая с пола, и Джордж впервые заметил, что на руке у него два больших пальца и еще пять пальцев между ними. Джордж от души порадовался, что не вынужден пользоваться арифметикой, основанной на числе четырнадцать.

Рашаверак поднялся на ноги — внушительное зрелище! Чтобы не удариться о потолок, ему пришлось сутулиться; ясное дело, даже если бы Сверхправители жаждали побольше общаться с людьми, это было бы не так-то легко.

За последние полчаса прилетело еще немало народу, и теперь гостиная была полна. С появлением Рашаверака стало совсем тесно: из смежных комнат все поспешили сюда посмотреть на него. Руперт явно наслаждался общим изумлением. Джин и Джорджу было не так уж приятно, что их никто не заметил. По правде сказать, за спиной великана их почти никто и не увидел.

— Идите сюда, Раши, я вас кое с кем познакомлю,— крикнул Руперт.— Садитесь на диван, тогда вам не придется царапать потолок.

Рашаверак, перекинув хвост через плечо, перешел комнату, будто ледокол, прокладывающий себе путь во льдах. Когда он сел возле Руперта, комната словно опять стала просторнее, и Джордж вздохнул с облегчением.

— Пока он стоял, меня мучила клаустрофобия. Любопытно, каким образом Руперт его заполучил... Похоже, вечерок будет занятный.

— Надо же, как Руперт с ним разговаривает, да еще на людях. А ему, видно, все равно. Очень все это странно.

— Спорим, ему совсем не все равно! Беда, что Руперт такой хвастун и ужасно бестактный. Кстати, ты тоже милые вопросы задавала!

— То есть?

— Ну, к примеру,— а вы давно здесь? А как вы ладите с Попечителем Карелленом? А вам нравится на Земле? Знаешь ли, детка, со Сверхправителями так не разговаривают!

— А почему бы и нет. Пора уж кому-нибудь начать.

Поссориться они не успели — подошли Шенбергеры, и почти сразу пары распались. Женщины отошли в сторону и принялись обсуждать миссис Бойс; мужчины направились в противоположную сторону и стали разбирать тот же предмет, но под иным углом зрения. Оказалось, Бенни Шенбергер, старинный друг Джорджа, может многое сообщить по этому поводу.

— Ради бога, никому не проболтайся,— сказал он.— Рут об этом не подозревает, но это я познакомил Руперта с Майей.

— По-моему, Руперт ее не стоит,— с завистью сказал Джордж.— Но это, конечно, ненадолго. Он ей очень быстро надоест.

Эта мысль его заметно подбодрила.

— И не надейся! Она не только красавица, она чудесный человек. Давно пора кому-нибудь позаботиться о Руперте, и она для этого самая подходящая женщина.

Руперт и Майя теперь сидели подле Рашаверака и торжественно вели прием. На сборищах у Руперта гости редко стягивались к единому центру — обычно они распадались на полдюжины кружков, поглощенных самыми разными интересами. Но сегодня всех как магнитом тянуло к одной точке. Джорджу стало жаль Майю. Ведь это должен был быть ее праздник, а Рашаверак ее почти затмил.

— Слушай,— сказал Джордж, куснув сандвич,— как это Руперт ухитрился залучить к себе Сверхправителя? Я никогда еще о таком не слыхал, а он держится как ни в чем не бывало. Ни словечком про это не упомянул, когда нас приглашал.

Бенни усмехнулся.

— Ну, это же его страсть — чем-нибудь да удивить. Ты его сам спроси. Но в конце концов, это ведь не первый случай. Кареллен бывал на приемах в Белом доме и в Букингемском дворце, и...

— Это совсем другое, черт подери! Руперт самый обыкновенный человек, ни чинов, ни постов.

— А может быть, Рашаверак — мелкота среди Сверхправителей. Ты лучше их сам спроси.

— И спрошу,— сказал Джордж.— Дай только поймаю Руперта без свидетелей.

— Ну, тебе придется долго ждать.

Бенни был прав, но прием становился все оживленнее и потерпеть было ничуть не скучно. Появление Рашаверака сперва сковало собравшихся, но они быстро опомнились. Немногие еще держались около Сверхправителя, остальные по обыкновению разбились на кружки, и все вели себя вполне естественно. Так, Салливен описывал увлеченным слушателям свой последний исследовательский поход на подводной лодке.

— Мы еще не знаем точно, каких размеров они достигают,— говорил он.— Неподалеку от нашей базы есть каньон, там гнездится один — настоящий гигант. Я раз мельком его видел, так вот, размах щупалец у него добрых тридцать метров. На той неделе за ним поохочусь. Кто желает завести в доме по-настоящему редкого ручного зверя?

Какая-то женщина даже взвизгнула от ужаса.

— Брр! От одной мысли мороз по коже! Вы, наверно, ужасно храбрый.

На лице Салливена отразилось искреннее удивление.

— Никогда об этом не думал,— сказал он.— Конечно, я действую осторожно, но серьезная опасность мне ни разу не грозила. Спруты понимают, что им меня не съесть, и не обращают на меня внимания, только не надо подходить к ним слишком близко. В большинстве морские твари вас не тронут, если вы их не заденете.

— Но рано или поздно вы уж наверняка столкнетесь с кем-нибудь, кто сочтет, что вы съедобны.

— Ну, изредка случается и такое,— беспечно отозвался Салливен.— Я стараюсь не повредить им, ведь больше всего мне хочется завязать с ними дружбу. Ну а если что, включаю двигатели на полную мощность и через минуту уже свободен. Если есть другие дела и мне играть недосуг, можно пощекотать спрута разрядом вольт на двести. Этого достаточно, больше уж он к вам не пристанет.

Да, занятных людей встречаешь у Руперта, подумал Джордж, переходя к другой компании. Литературные вкусы Руперта широтой не отличаются, зато друзья у него весьма разнообразные. Незачем даже озираться по сторонам — в поле зрения одновременно оказываются знаменитый кинорежиссер, второстепенный поэт, математик, два актера, инженер-атомщик, смотритель заповедника, издатель еженедельника, статистик из Всемирного банка, скрипач-виртуоз, профессор археологии и астрофизик. Коллег Джорджа — сценаристов телевидения — не видно ни одного, и слава богу, ему вовсе не хочется разговаривать на профессиональные темы. Работу свою он любит — так ведь сейчас, впервые в истории человечества, никто не занимается нелюбимым делом. Но после рабочего дня он предпочитает и в мыслях захлопнуть за собой двери телестудии.

Наконец ему удалось поймать Руперта на кухне, где тот колдовал с напитками. И такой у него был при этом отрешенный взор — просто жаль возвращать человека на грешную землю... но Джордж, если надо, умел быть безжалостным.

— Послушай, Руперт,— начал он, усаживаясь на край ближайшего стола.— По-моему, ты обязан нам всем кое-что объяснить.

— М-м.— Руперт задумчиво просмаковал глоток.— Боюсь, чуточку перелил шотландского.

— Не увиливай и не прикидывайся пьяненьким, я же вижу, ты трезвый как стеклышко. С каких пор ты завел дружбу со Сверхправителем и чем он тут занимается?

— А разве я тебе не говорил? Мне казалось, я уже всем объяснил. Наверно, тебя при этом не было — ну да, вы же сбежали в библиотеку.— Он довольно обидно усмехнулся.— Понимаешь, Рашаверак у меня именно из-за библиотеки.

— Вот так раз!

— Что тебя удивляет?

Джордж спохватился: надо поделикатнее, Руперт безмерно горд своим необыкновенным собранием книг.

— Н-ну... Сверхправители такие знатоки всех наук, с чего бы им интересоваться парапсихологией и всяким таким вздором.

— Вздор это или не вздор, но их интересует человеческая психология, и они многое могут почерпнуть из моих книг. Как раз перед моим переездом сюда со мной связался то ли помощник младшего Сверхправителя, то ли Сверхпомощник младшего правителя и попросил одолжить ему с полсотни самых редкостных экземпляров. Похоже, его направил ко мне кто-то из библиотекарей Британского музея. Ну, ты догадываешься, что я на это сказал.

— Понятия не имею.

— Так вот, я очень вежливо разъяснил, что собирал свою библиотеку двадцать лет. Если им угодно изучать мои книги, милости просим, но, черт возьми, пускай читают здесь, на месте. И тогда явился Раши и заглатывает по двадцать томов в день. Хотел бы я знать, что он из них извлекает.

Джордж подумал немного, презрительно пожал плечами.

— По правде сказать, я был о Сверхправителях лучшего мнения. По-моему, они могли бы тратить время на что-нибудь более путное.

— Так ведь ты неисправимый материалист, верно? Вряд ли Джин с тобой согласится. Но, даже если рассуждать по-твоему, сверхпрактическая ты личность, этот их интерес не лишен смысла. Ведь когда имеешь дело с дикарями, надо знать их суеверия!

— Да, пожалуй,— не слишком уверенно согласился Джордж.

Сидеть на жестком столе надоело, и он встал. Руперт наконец смешал коктейль по своему вкусу и направился в гостиную. Слышно было, что там уже возмущаются — куда пропал хозяин?

— Эй, погоди! — запротестовал Джордж.— Пока ты не сбежал, еще один вопрос. Как ты заполучил этот телевизор с передатчиком, которым хотел нас напугать?

— Маленькая сделка. Я объяснил, как полезна такая штука при моей работе, а Раши передал намек по начальству.

— Извини мою тупость, но что она такое, твоя новая работа? Очевидно, это как-то связано со зверьем?

— Правильно. Я сверхветеринар. В моем ведении примерно десять тысяч квадратных километров джунглей, мои пациенты сами ко мне не придут, вот и надо их выискивать.

— Наверно, вздохнуть некогда?

— Ну, о мелюзге хлопотать незачем. Моя забота — львы, слоны, носороги и прочее. Каждое утро настраиваю эту машинку на высоту сто метров, сажусь перед экраном и обозреваю окрестности. Когда увижу зверя в беде, влезаю в свой флайер и надеюсь, что больной оценит мой врачебный такт. Бывают довольно заковыристые задачки. Со львом или тигром управиться несложно, а вот попробуй проткни носорогу шкуру с воздуха анестезирующей иглой — намучаешься.

— Ру-перт! — заорал кто-то за дверью.

— Что ты наделал! Я из-за тебя забыл про гостей. На вот, бери поднос. Эти — с вермутом, смотри не перепутай.

Перед самым заходом солнца Джордж поднялся на крышу. По многим веским причинам у него побаливала голова и захотелось улизнуть от шума и толчеи. Джин, танцующая гораздо лучше, еще наслаждалась всем этим и не пожелала уйти с ним наверх. А в Джордже спиртное подогрело нежные чувства — и, разочарованный ее отказом, он пошел втихомолку лелеять свою обиду под звездным небом.

Чтобы попасть на крышу, надо было подняться сперва эскалатором на второй этаж, потом по винтовой лесенке, огибающей трубу кондиционера. Лесенка выводила через люк на просторную плоскую крышу. В одном ее кон-

це стоял флайер Руперта, посередине разбит был сад, уже заметно запущенный, а с другого конца, с открытой площадки, где стояли шезлонги, видно было далеко окрест. Джордж плюхнулся в шезлонг и величественно осмотрелся. Он чувствовал себя поистине владыкой всего окружающего.

Да, что и говорить, зрелище великолепное. Дом Руперта построен на краю громадной котловины, пологий склон спускается на восток, где за пять километров отсюда лежат болота и озера. А на западе все ровно, плоско, и джунгли подступают чуть ли не вплотную к заднему крыльцу. Но за джунглями, пожалуй не меньше чем в полусотне километров, на север и на юг, сколько хватает глаз, стеной высится горная цепь. Кое-где на вершинах сверкает снег, над вершинами пламенеют облака, через считанные минуты солнце закончит свой дневной путь. При виде этих далеких грозных бастионов Джордж разом протрезвел.

Звезды, что высыпали с какой-то прямо неприличной поспешностью, едва зашло солнце, оказались совсем незнакомыми. Джордж поискал глазами Южный Крест, но не нашел. Он мало смыслил в астрономии, узнавал лишь немногие созвездия, но без старых друзей стало неуютно и не по себе. Тревожно и от звуков, доносящихся из джунглей, уж чересчур они близко. «Хватит с меня свежего воздуха,— подумал Джордж.— Пойду-ка в гостиную, покуда вампир или еще какая-нибудь дрянь не прилетела отведать моей кровушки».

Он шагнул к лестнице, и тут из люка появился еще один гость. Уже слишком темно, не разглядеть, кто это.

— А, привет! Тоже захотели отдохнуть от кутерьмы? — окликнул Джордж.

Тот, неразличимый в темноте, засмеялся:

— Руперт показывает свои фильмы. Я их все уже видел.

— Возьмите сигарету,— предложил Джордж.

— Спасибо.

Джордж, большой любитель старинных игрушек, щелкнул зажигалкой — и при свете ее огонька узнал пришедшего: этого поразительно красивого негра ему назвали, но он тут же забыл имя, вместе с именами еще двух десятков гостей, которых сегодня увидел у Руперта впервые. Но в этом лице есть что-то знакомое... и вдруг Джорджа осенило:

— Мы как будто незнакомы, но вы ведь новый шурин Руперта?

— Правильно. Меня зовут Ян Родрикс. Все говорят, что мы с Майей очень похожи.

С благоприобретенным родичем Яна не поздравишь, можно скорее посочувствовать, подумал Джордж, но смолчал. Бедняга и сам разберется; а впрочем, мало ли — вдруг Руперт наконец остепенится.

— А я Джордж Грегсон. Вы еще не бывали на знаменитых Рупертовых сборищах?

— Нет, сегодня первый раз. Масса новых лиц.

— И не только человеческих,— заметил Джордж.— Я никогда еще не встречался вот так на вечеринке со Сверхправителями.

Собеседник чуть помедлил, и Джордж подумал — уж не задел ли ненароком какое-то больное место. Но в ответе Яна ничего такого не просквозило.

— Я тоже их не видал — кроме как по телевизору, конечно.

Разговор иссяк, немного погодя Джордж сообразил: Яну хочется побыть одному. Да и прохладно уже. Он простился и пошел вниз, к остальным.

В джунглях все стихло; Ян прислонился к округлой стенке воздуховода, теперь он только и слышал приглушенное дыхание дома, неустанную работу его механических легких. Одиночество, полное одиночество — этого Яну и хотелось. Но и горечь разочарования — а вот этого он совсем не жаждал.

8

Нет такого царства Утопии, где довольны и счастливы были бы все и всегда. Чем благополучнее условия жизни, тем выше становятся духовные запросы, и тебе уже мало всего, чем обладаешь и что можешь, хотя прежде о таком не смел бы и мечтать. Пусть окружающий мир дал все, что только мог,— не находят покоя пытливая мысль и тоскующее сердце.

Ян Родрикс — хотя он вовсе не считал, что ему повезло,— был бы еще меньше доволен жизнью, родись он веком раньше. Сто лет назад цвет его кожи стал бы для него тяжкой, пожалуй, просто безнадежной помехой. Теперь это не имело значения. Неизбежная реакция, которая в начале XXI века породила у негров некоторое чувство собственного превосходства, миновала. Обиходное словечко «черный» уже не было под запретом в приличном обществе, но никого не смущало. В нем заключалось теперь не больше обидного, чем в ярлычках вроде «республиканец» или «методист», «консерватор» или «либерал».

Отец Яна, обаятельный, но беспечный шотландец, приобрел известность как профессиональный фокусник. Его раннюю смерть — в возрасте всего сорока пяти лет — ускорило злоупотребление напитком, которым больше других своих плодов прославилась его родина. Правда, Ян никогда не видел отца пьяным, но едва ли хоть раз видел его вполне трезвым.

Миссис Родрикс еще жила и здравствовала вовсю и даже читала в Эдинбургском университете лекции по усовершенствованной теории вероятности. Вполне в духе XXI века, столь чуждого оседлости, миссис Родрикс, чья кожа была черна, как уголь, родилась в Шотландии, а ее светловолосый белокожий супруг рано покинул родину и почти всю жизнь провел на Гаити. У Майи и Яна никогда не было постоянного крова, они вечно сновали между семействами отца и матери, точно два маленьких челнока. Занятный образ жизни, но он отнюдь не помогал излечить неуравновешенность, которую оба унаследовали от папаши.

Яну минуло двадцать семь, и предстояло еще несколько лет учения, прежде чем надо будет всерьез подумать о выборе профессии. Он без труда получил степень бакалавра, пройдя программу, которая столетием раньше показалась бы престранной. Занимался он в основном математикой и физикой, а дополнительно философией и музыкой. Даже по высоким меркам своего времени он стал первоклассным пианистом-любителем.

Через три года он защитит диссертацию и станет доктором физических наук, вторая его специальность — астрономия. Поработать придется изрядно,

но работа его не пугает. Притом он — студент Кейптаунского университета, что приютился у подножия Столовой горы,— больше нигде во всем мире не получишь высшее образование в уголке такой красоты.

Нет у него и забот материальных, и однако он недоволен жизнью и не находит покоя. И ко всему, хоть он ничуть не завидует сестре, от счастья Майи еще ясней стало, в чем беда его, Яна.

Ибо его все еще мучит романтическая иллюзия, что породила столько страданий и столько поэзии,— будто каждому человеку дается в жизни только одна истинная любовь. В необычно позднем возрасте он впервые влюбился без памяти в особу, куда больше известную красотой, нежели постоянством. Розита Цзен гордилась — и не без оснований,— что в жилах ее течет кровь маньчжурских императоров. У нее и сейчас немало подданных, в том числе профессора и преподаватели Кейптаунского университета чуть ли не в полном составе. Утонченная красота этого нежного цветка давно пленила Яна, отношения зашли достаточно далеко — тем острей боль оттого, что все оборвалось. А почему оборвалось — не понять...

Ну, конечно, он это одолеет. Переживали же другие такой вот крах — и раны затягивались, и потом человек даже способен был сказать: «Право, не мог же я любить эту женщину по-настоящему!» Но до такой отрешенности еще очень и очень далеко, а сейчас Ян в жестоком разладе с жизнью.

Другая его обида еще глубже и неизлечимей, ибо Сверхправители разрушили его честолюбивые мечты. Ян — романтик не только сердцем, но и умом. Подобно многим молодым ученым, с тех пор как покорен был воздух, он мечтами и воображением носился по неизведанному океану космоса.

Столетие назад человек поднялся на первую ступеньку лестницы, ведущей к звездам. И в тот же миг — неужели простое совпадение? — дверь, открывающую выход к планетам, захлопнули у него перед носом. Сверхправители почти не налагали запретов на какие-либо виды человеческой деятельности (пожалуй, важнейшее исключение — война), но исследованиям в области межпланетных полетов пришел конец. Слишком огромным оказалось научное превосходство Сверхправителей. У человечества — по крайней мере на время — опустились руки, и оно занялось другими делами. Что толку строить ракеты, когда у Сверхправителей есть двигатели несравнимо более совершенные, а в чем тут секрет — они не обмолвились ни словом.

Несколько сотен человек побывали на Луне и построили там обсерваторию, переправлялись они пассажирами на кораблике Сверхправителей, и кораблик был ракетный. Никаких сомнений — сколько ни изучай такое примитивное суденышко, мало что узнаешь, хотя Сверхправители и предоставили его в полное распоряжение любознательных земных ученых.

Итак, человек — все еще пленник своей планеты. И планета его теперь гораздо лучше, но и гораздо меньше, чем была сто лет назад. Уничтожив на ней войну, голод, болезни, Сверхправители заодно уничтожили отвагу и приключения.

Всходила луна, небо на востоке понемногу наливалось слабым молочно-белым сиянием. Ян знал — главная база Сверхправителей находится в бастионе кратера Плутон. Должно быть, грузовые корабли садились на Луне и взлетали

с нее уже лет семьдесят с лишком, но только на памяти Яна Сверхправители перестали это скрывать, и теперь старт хорошо виден с Земли. В двухсотдюймовый телескоп нетрудно различить тени исполинских кораблей, под лучами восходящего или заходящего солнца они на мили протягиваются по лунным равнинам. Каждый шаг Сверхправителей вызывает у людей огромный интерес, а потому за прибытием и отправлением их кораблей тщательно наблюдают, и постепенно проясняется какой-то порядок, хотя чем он обусловлен, остается непонятно. Одна из этих исполинских теней исчезла несколько часов назад. Ян знает, это значит, что сейчас где-то по ту сторону Луны корабль Сверхправителей привычным, но загадочным для людей образом готовится в путь к своей далекой, неведомой родине.

Ян еще ни разу не видел, как уходит к звездам такой корабль. При ясном небе это видно на полмира, но Яну всегда не везло. Ведь не предугадаешь в точности, когда взлет, а Сверхправители об этом не сообщают. Ян решил подождать еще десять минут, потом он вернется в гостиную.

А это что? Всего лишь метеор скользнул по созвездию Эридана. Ян перевел дух, заметил, что сигарета погасла, закурил другую.

Он наполовину выкурил ее, и тогда-то в полумиллионе километров от него взлетел межзвездный корабль. Среди ширящегося бледного зарева восходящей луны вспыхнула крохотная искорка и стала подниматься в зенит. Сперва медленно, еле заметно, но с каждым мигом быстрей. Чем выше она поднималась, тем ярче сверкала — и вдруг померкла, скрылась из глаз. А через мгновение возникла вновь — еще ярче, еще стремительней. Так, то вспыхивая, то угасая в причудливом ритме, все ускоряя бег, она вздымалась в небо и оставляла среди звезд светящийся прерывистый след. Даже если не знать, как она далеко, дух захватит от такой скорости, но когда знаешь, что уносящийся прочь корабль — где-то там, за Луной, голова идет кругом при мысли об этой невообразимой мощи и энергии.

Ян знал, сейчас он видит всего лишь незначительный побочный продукт этой мощи. Сам корабль невидим, он далеко опередил устремленную ввысь световую черту. Корабль Сверхправителей оставляет за собой этот светящийся след, как остается в стратосфере струя пара позади реактивного самолета. Общепринятая теория — судя по всему, справедливая — утверждает, что громадные ускорения звездолетов местами искажают пространство. И Ян знал: то, что он сейчас видит,— ни много ни мало свет далеких звезд, собранный в пучок там, где проносящийся корабль создал для этого благоприятные условия. Вот оно, наглядное доказательство теории относительности — изгиб светового луча вблизи мощного поля тяготения.

Теперь кончик этой огромной, заостренной, точно карандаш, линзы словно бы движется медленней, но лишь потому, что изменилась перспектива. На самом деле корабль все еще набирает скорость; просто его след, устремленный вовне Солнечной системы, к звездам, укорочен углом зрения. Ян знал: сейчас на эту светящуюся черту направлено множество телескопов — ученые Земли силятся раскрыть тайну межзвездных полетов. Тайне этой уже посвящены десятки научных трудов; несомненно, Сверхправители читают их с величайшим интересом.

Призрачный свет понемногу бледнеет. Теперь это всего лишь тонкая ниточка, она тянется к сердцу созвездия Карина,— это Ян предвидел. Всем известно, что родная планета Сверхправителей где-то в той стороне, но — которая, возле какого из тысячи светил, что находятся в этом секторе Пространства? И невозможно определить, как далека она от Солнечной системы.

Кончено. Хотя путь корабля еще только начат, человеческий глаз больше ничего не улавливает. Но в мыслях и в памяти Яна еще горит его след — и этот маяк не погаснет, пока сам он способен к чему-то стремиться.

Прием закончился. За немногими исключениями гости уже уносились по воздуху на все четыре стороны света. Но кое-кто остался.

Не улетел поэт Норман Додсворт, давно уже до безобразия пьяный,— у него хватило ума свалиться без памяти, прежде чем пришлось бы применить к нему силу. Его не слишком бережно вытащили на лужайку в надежде, что какая-нибудь гиена без церемоний его разбудит. Итак, он не в счет.

Остались Джордж и Джин. Отнюдь не по воле Джорджа — он хотел вернуться домой. Ему совсем не нравилась дружба между Джин и Рупертом, и не просто из обыкновенной ревности. Джордж гордился тем, что он человек здравомыслящий и уравновешенный, и общее увлечение Джин и Руперта теперь, в век науки, на его взгляд, было не просто ребячеством, но какой-то болезненной манией. Непостижимо, как кто-то все еще может хоть на волос верить в сверхъестественное, и уважение Джорджа к Сверхправителям изрядно пошатнулось оттого, что остался и Рашаверак.

Теперь ясно, Руперт хочет поразить оставшихся какой-то новой затеей, возможно,— в заговоре с Джин. Джордж угрюмо покорился — ладно, он стерпит какие угодно их дурацкие выходки.

— Чего я только не перепробовал, пока остановился вот на этом,— гордо заявил Руперт.— Самое главное — свести на нет трение, движению ничто не должно мешать. Старомодный полированный стол и вертящееся блюдце тоже недурны, но ими пользовались много веков, при современном уровне науки можно придумать что-нибудь получше. Ну и вот, сейчас увидите. Придвигайте стулья, подсаживайтесь... Раши, вы и правда не хотите присоединиться?

Долю секунды Сверхправитель, казалось, колебался. Потом покачал головой. (Уж не на Земле ли они этому выучились? — подумал Джордж.)

— Нет, спасибо,— сказал он.— Предпочитаю смотреть со стороны. Может быть, как-нибудь в другой раз.

— Ну что ж... если передумаете, времени у нас вдоволь.

«Ой ли?» — усомнился про себя Джордж, мрачно глянув на часы.

Руперт подвел друзей к маленькому, но массивному, безупречно круглому столу. Снял гладкую пластмассовую крышку, под ней оказалось блестящее озерцо тесно уложенных металлических шариков. Скатиться им не давал чуть приподнятый бортик, Джордж понять не мог, для чего они. Свет отражался в них сотнями слепящих точек, этот яркий узор притягивал, завораживал, у Джорджа слегка закружилась голова.

Все уселись вокруг стола, откуда-то снизу Руперт достал диск сантиметров десяти в поперечнике и положил на блестящие шарики.

— Ну вот,— сказал он.— Довольно тронуть диск пальцем, и он движется без малейшего трения.

Джордж подозрительно оглядел всю эту механику. По окружности стола на равных расстояниях одна от другой, но не по порядку, нанесены буквы алфавита. Между ними, уж совсем безо всякого порядка, разбросаны цифры от единицы до девяти и с двух сторон, точно друг против друга, начерчены две карточки со словами «да» и «нет».

— По-моему, все это просто шаманство,— пробормотал Джордж.— Только диву даешься, как в наше время кто-то может принимать такое всерьез.

Этим не слишком бурным протестом он метил в Джин не меньше, чем в Руперта, и немного отвел душу. Впрочем, Руперт не скрывает, что все сверхъестественное занимает его лишь отвлеченно, с научной точки зрения. Он человек непредубежденный, но не легковерный. А вот Джин... она порой Джорджа беспокоит. Похоже, она и впрямь воображает, будто в ясновидении, телепатии и прочей чепухе что-то кроется.

Только уже съязвив насчет шаманства, Джордж сообразил, что его слова относятся и к Рашавераку. Он беспокойно оглянулся, но Сверхправитель ничем не показал, что уязвлен. Разумеется, это ровно ничего не доказывало.

Итак, они разместились вокруг стола. За Рупертом по часовой стрелке сидели Майя, Ян, Джин, Джордж и Бенни Шенбергер. Вне этого круга, с блокнотом в руках, села Рут Шенбергер. Она, видно, почему-то сочла для себя непозволительным участвовать в этой затее, и муж туманно сострил, что иные люди все еще свято чтут Талмуд. Однако она охотно вызвалась вести запись.

— Значит, так,— начал Руперт.— Ради скептиков вроде Джорджа вношу ясность. Есть ли тут что-то сверхъестественное, нет ли, но эта штука действует. Лично я думаю, что причины тут чисто механические. Мы касаемся диска — и пусть даже искренне не хотим как-либо повлиять на его движение, но в игру вступает наше подсознание. Я продумал множество таких сеансов — и ни разу не обнаружил ответов, которые кто-либо из участников не мог знать или угадать, хотя сами они иногда об этом не подозревали. Однако мне хочется провести сегодня опыт при несколько э-э... особых обстоятельствах.

Особое обстоятельство сидело и смотрело на всех молча, но, без сомнения, неравнодушно. «Что-то Рашаверак на самом деле думает об этих фокусах?» — спросил себя Джордж. Может быть, он сейчас — вроде антрополога, который наблюдает религиозные обряды дикарей? Право, все это выглядит просто невероятно, никогда в жизни он, Джордж, не чувствовал себя таким дураком.

Если и другие чувствуют себя так же глупо, по ним этого не видно. Одна Джин раскраснелась и явно взвинчена, но, может быть, это от выпитых коктейлей.

— Можно начинать? — спросил Руперт.— Отлично.— Он внушительно помедлил, потом, ни к кому не обращаясь, окликнул: — Есть тут кто-нибудь?

Плоский кружок под пальцами Джорджа чуть дрогнул. Ничего удивительного, ведь на него давят руки шестерых за столом. Кружок скользнул в сторону маленькой цифры восемь и опять вернулся на середину.

— Есть тут кто-нибудь? — повторил Руперт. И прибавил более обычным тоном: — Часто до начала проходит минут десять — пятнадцать, но иногда...

— Тс-с! — выдохнула Джин.

Диск двигался. Он описывал широкую дугу между карточками «да» и «нет». Джордж с трудом подавил смешок. Допустим, ответ будет «нет» — что это докажет? Вспомнился старый анекдот про негра, залезшего в курятник: «Тут никого нет, хозяин, одни мы, куры»...

Но ответ оказался «да». И тотчас диск вернулся на середину стола. Теперь он будто ожил и ждет нового вопроса. Джордж невольно стал внимательнее.

— Кто вы? — спросил Руперт.

На сей раз ответ последовал без запинки.

Диск носился по столу от буквы к букве, как разумное существо, да так быстро, что порой едва не ускользал у Джорджа из-под пальцев. И Джордж готов был поклясться, что никак не помогает этим движениям. Он быстро оглядел друзей — ни в одном лице ничего подозрительного. Похоже, все так же напряженно, жадно чего-то ждут, как и он сам.

ЯЭТОВСЕ,— вывел диск и опять успокоился посреди стола.

— Я — это все,— повторил Руперт.— Характерный ответ. Уклончиво, но поощряет к дальнейшему. Вероятно, это значит, что здесь только и присутствует совокупность наших сознаний.

Руперт минуту помолчал, видимо обдумывая следующий вопрос. Потом снова обратился в пространство:

— Вы должны передать весть кому-то из нас?

— Нет,— сейчас же ответил диск.

Руперт обвел взглядом сидящих вокруг стола.

— Дело за нами; иногда он сам что-нибудь сообщает, но сейчас нам надо задавать какие-то прямые вопросы. Кто хочет начать?

— Будет завтра дождь? — с усмешкой спросил Джордж.

Диск забегал взад-вперед между «да» и «нет».

— Глупый вопрос,— упрекнул Руперт.— Понятно же, что где-то пройдут дожди, а в других местах будет ясная погода. Не задавайте вопросов, которые требуют неоднозначных ответов.

Джордж сник: попало — и поделом. Пускай попробует кто-нибудь другой.

— Какой мой любимый цвет? — спросила Майя.

— Голубой,— был мгновенный ответ.

— Правильно.

— Это ничего не доказывает,— заметил Джордж.— По крайней мере троим из нас это известно.

— Какой любимый цвет Рут? — спросил Бенни.

— Красный.

— Правильно, Рут?

Добровольная секретарша подняла голову от блокнота.

— Да. Но это знает Бенни, а он с вами за столом.

— Ничего я не знал,— возразил Бенни.

— Еще как должен знать, я тебе сто раз говорила.

— Подсознательная память,— пробормотал Руперт.— Так бывает часто. Но, может быть, кто-нибудь задаст вопрос поумнее, а? Началось так хорошо, не хотел бы я, чтобы вечер прошел впустую.

Странно, как раз оттого, что все это ничуть не походило на серьезный научный опыт, Джордж призадумался. Конечно же, объясняется это никакими не сверхъестественными причинами; как сказал Руперт, диск просто отзывается на бессознательные движения их же мышц. Но уже и это удивительно и заставляет задуматься: никогда бы не поверил, что можно получить такие мгновенные и точные ответы! И он попытался сам повлиять на диск — пусть напишет его имя. Он добился заглавного «Д» — но и только, дальше пошла бессмыслица. Нет, совершенно ясно, что один человек не может управлять диском — остальные в круге это сразу поймут.

За полчаса Рут записала больше дюжины ответов, иные оказались довольно длинными. Попадались грамматические ошибки и причудливые обороты, но очень редко. Чем бы все это ни объяснялось, Джордж убедился: сознательно он в ответах диска никак не участвует. Несколько раз, увидав начало слова, он, казалось, угадывал следующую букву и тем самым смысл ответа. И всякий раз диск переносился в совершенно неожиданном направлении и писал что-то совсем другое. Порой даже весь ответ выглядел невнятицей — ведь слова не разделялись промежутками, конец одного сливался с началом другого, и только когда Рут перечитывала все заново, прояснялся смысл.

От всего этого у Джорджа возникло жутковатое чувство, словно он столкнулся с неким чужим, властным разумом. И все же он не видел решающего, окончательного доказательства ни за, ни против. Ответы так обыденны, так двусмысленны. Как, например, прикажете понимать следующее:

ВЕРЬТЕВЧЕЛОВЕКАПРИРОДАСВАМИ.

Но порой угадывалась какая-то глубокая, даже пугающая правда:

ПОМНИТЕЧЕЛОВЕКНЕОДИНРЯДОМСЧЕЛОВЕКОМОБИТАЮТДРУГИЕ.

Впрочем, это же всем известно... Хотя, почем знать, может быть, тут подразумеваются не только Сверхправители?

Джорджа теперь отчаянно клонило ко сну. Давно уже пора по домам, сонно подумал он. Все это очень любопытно, но ничего определенного не достигли, и вообще, хорошенького понемножку. Он быстро оглядел всех за столом. Бенни, видно, тоже сыт по горло и хочет спать, Майя и Руперт сидят как в тумане, а Джин... да Джин с самого начала отнеслась к этой истории чересчур серьезно. Даже не по себе становится, такое у нее лицо: будто ей и покончить с этим страшно — и страшно, что будет дальше.

Остается один Ян. Любопытно, как-то он относится к причудам шурина, подумалось Джорджу. Молодой инженер еще не задал ни одного вопроса, ничем не показал, что удивлен хоть одним ответом. Похоже, он изучает движения диска так, словно наблюдает заурядный научный опыт.

Руперт очнулся от оцепенения.

— Давайте еще один вопрос, и на этом кончим,— сказал он.— Ну-ка, Ян? Ты еще ничего не спрашивал.

Странно, Ян ни секунды не колебался. Казалось, он давно уже обдумал вопрос и только ждал удобного случая. Мельком глянул на бесстрастного, неподвижного Рашаверака и спросил звонко, отчетливо:

— Возле какой звезды находится планета Сверхправителей?

Руперт чуть не свистнул от изумления. Бенни и Майя остались безучастны. Джин сидит с закрытыми глазами, похоже, уснула. Рашаверак наклонился, поверх Рупертова плеча заглядывает в круг.

И диск тронулся.

Когда он опять замер на месте, настало короткое молчание. Потом Рут спросила озадаченно:

— НГС 549672 — что же это значит?

Ей не ответили, помешал тревожный возглас Джорджа:

— Помогите мне кто-нибудь. Джин, кажется, в обмороке.

9

— Расскажи мне подробнее про этого Бойса,— сказал Кареллен.

Понятно, Сверхправитель не изъяснялся именно этими словами, и мысли, им высказанные, были гораздо тоньше. Человеческое ухо уловило бы короткий взрыв вибрирующих звуков, что-то вроде стремительной морзянки. У людей накопилось уже немало записей такой речи, но расшифровать язык Сверхправителей никто еще не сумел, он был безмерно сложен, да еще эта невероятная быстрота, при которой ни один переводчик, даже овладей он основами языка, не в силах был бы уследить за обычным разговором Сверхправителей.

Попечитель Земли стоял спиной к Рашавераку и пристально смотрел на многоцветную пропасть Большого каньона. В десяти километрах отсюда, но почти не затуманенные далью, уступчатые склоны сейчас так и горели в солнечных лучах. Далеко-далеко внизу под тем местом, где над краем затененного откоса стоял Кареллен, тащился по извилистой дороге караван мулов. Странно, думал Кареллен, очень многие люди при каждом удобном случае все еще ведут себя как дикари. Стоит только пожелать, и они могли бы спуститься на дно ущелья несравненно быстрей и с куда большим удобством. Но нет, они предпочитают трястись по ухабистой дороге, наверняка ненадежной не только с виду.

Неуловимое движение руки — и великолепная картина померкла, только еще мгновение взгляду Кареллена чудилась бесконечная глубь. И снова его теснит действительность, привычный кабинет, обязанности Попечителя.

— Руперт Бойс — личность своеобразная,— отвечал ему Рашаверак.— По профессии он смотритель значительной части Африканского заповедника, заботится о здоровье зверей. Дело свое знает и любит. Поскольку ему надо держать под наблюдением несколько тысяч квадратных километров, он получил один из тех пятнадцати панорамных обзорников, что мы пока передали людям,— разумеется, как всегда, с ограничителями. Его экземпляр, кстати, единственный с передатчиком объемного изображения. Он вполне убедительно доказал, что это ему необходимо, и мы согласились.

— Какие у него доводы?

— Он сказал, что хочет показываться диким зверям, чтобы привыкали к его виду и не набросились, когда он сам к ним явится. Эта теория вполне оправдалась — со зверями, у которых важнее не нюх, а зрение... хотя в кон-

це концов его, вероятно, растерзают. Ну и, понятно, мы предоставили ему аппарат еще по одной причине.

— Он стал сговорчивей?

— Вот именно. Сперва я обратился к нему потому, что у него едва ли не лучшее в мире собрание книг по парапсихологии и смежным вопросам. Он вежливо, но решительно отказался выпускать их из рук, пришлось читать у него дома. Я уже перечитал примерно половину его библиотеки. Довольно тяжкое испытание.

— Могу себе представить,— сухо сказал Кареллен.— Нашлось среди этого хлама что-нибудь стоящее?

— Да. Одиннадцать бесспорных случаев частичного прорыва и двадцать семь вполне вероятных. Но материал отобран односторонне, так что выводов на нем не построишь. И все свидетельства безнадежно запутаны мистикой — вот, пожалуй, главная болезнь человеческого разума.

— А как сам Бойс ко всему этому относится?

— Выдает себя за человека непредубежденного и настроенного скептически, но ясно, что он не тратил бы на это столько времени и сил, если бы подсознательно в это не верил. Я так ему и сказал, и он признался, что я, пожалуй, прав. Ему хотелось бы найти какое-то веское доказательство. Потому он и ставит без конца свои опыты, хотя притворяется, будто это просто забава.

— Ты уверен, он не подозревает, что ты интересуешься всем этим не из чистого любопытства?

— Вполне уверен. В некоторых отношениях Бойс на редкость туп и ограничен. Так что его попытки исследовать именно эту область довольно жалки. К нему незачем применять какие-то особые меры.

— Понимаю. А девушка, которая упала в обморок?

— Вот это самое интересное. Почти наверняка сообщение пришло именно через Джин Моррел. Но ей двадцать шесть лет — судя по всему нашему прежнему опыту, слишком много, не может она сама стать первым звеном. Значит, тут есть кто-то, с нею тесно связанный. Вывод ясен. Нам осталось ждать всего несколько лет. Надо внести ее в Пурпурный разряд: возможно, она сейчас — самый значительный человек на Земле.

— Так и сделаю. А тот молодой человек, который задал вопрос? Наобум спросил, просто из любопытства, или у него была какая-то задняя мысль?

— Он попал туда случайно — его сестра только что вышла замуж за Руперта Бойса. Ни с кем из других гостей он прежде не встречался. Я уверен, вопрос не обдуман заранее, а вызван необычной обстановкой, да еще моим присутствием. При этих условиях неудивительно, что он задал такой вопрос. Его больше всего привлекает астронавтика, он — секретарь научной группы в Кейптаунском университете и явно намерен посвятить свою жизнь теории космических полетов.

— Любопытно, чего он достигнет. По-твоему, как он сейчас станет поступать и надо ли нам принять какие-то меры?

— Несомненно, при первой возможности он постарается хоть что-то проверить. Но у него нет способа доказать, что его сведения точны, и получены

они столь необычным путем, что едва ли он предаст их гласности. А если они и станут известны, разве это хоть чему-то помешает?

— Надо будет взвесить обе возможности. Правда, нам не разрешено обнаруживать нашу базу, но люди никак не могут использовать эти сведения против нас.

— Согласен. Получится, что у Родрикса есть какие-то сведения, не слишком достоверные и практически бесполезные.

— Похоже на то,— сказал Кареллен.— Но полной уверенности нет. Люди на удивление изобретательны и зачастую крайне упорны. Недооценивать их опасно, и в дальнейшем за мистером Родриксом стоит последить. Я это еще обдумаю.

Руперт Бойс так и не понял, что же, в конце концов, произошло. Когда гости разошлись — менее шумно и оживленно, чем всегда,— он задумчиво откатил столик на место, в угол. Винные пары мешали серьезно вникнуть в случившееся, да и сами события уже немного расплылись в памяти. Смутно представлялось, будто произошло что-то важное, хотя и непонятное,— может быть, потолковать с Рашавераком? Нет, пожалуй, это будет бестактно. В конце концов, неловкость вышла из-за новоявленного зятя... Руперта даже взяла досада на Яна. Но разве так получилось по вине этого юнца? Или еще по чьей-то вине? Руперт виновато подумал, что ведь опыт затеял он сам. Он тут же решил забыть эту историю — и вполне в этом преуспел.

Пожалуй, Руперт все-таки что-то предпринял бы, найдись последний листок из блокнота Рут — но в суматохе он пропал. Ян делал вид, что он ни при чем, ну, а Ращаверака в пропаже не упрекнешь... И никто не помнил точно, что же там было написано, только и помнили — какая-то бессмыслица...

Больше всех случай этот повлиял на судьбу Джорджа Грегсона. Навсегда запомнил он ужас, испытанный в минуту, когда Джин рухнула ему на руки. От внезапной беспомощности она вдруг преобразилась, это уже не просто забавная спутница, его мгновенно захлестнула любовь и нежность. Женщины падали в обморок с незапамятных времен (и не всегда нечаянно) — и мужчины неизменно отзывались на это как надо. Джин лишилась чувств отнюдь не умышленно, но при самом тонком расчете нельзя было бы подгадать удачнее. После Джордж понял, что именно в эту минуту решился едва ли не на самый важный шаг в своей жизни. Пускай у Джин странные причуды, а приятели и того чуднее, ему нужна только она. Не обязательно совсем отказываться от Наоми, от Джой, Эльзы или — как бишь ее? — от Дениз, но пора завести отношения более прочные. Джин наверняка согласится, она своих чувств никогда не скрывала.

Он сам не подозревал, что его заставила решиться еще одна причина. После нынешнего опыта странное увлечение чудачки Джин уже не вызывает такого насмешливого презрения. Джордж в этом никогда не признается, но так уж оно вышло — и это разбило последнюю разделявшую их преграду.

Он смотрел на Джин — бледная, но спокойная, она откинулась на низко опущенную спинку кресла. Под флайером тьма, над головой — звезды. Джордж

понятия не имел, где они сейчас, определился бы разве что с точностью до тысячи километров, но не все ли равно. Это уж дело автопилота, он доставит их домой и совершит посадку — об этом сообщили приборы — ровно через пятьдесят семь минут.

Джин улыбнулась ему в ответ и мягко высвободила руку, которую он сжимал в своих.

— Совсем онемели,— пожаловалась она и стала растирать пальцы.— Я уже вполне хорошо себя чувствую, можешь мне поверить.

— А все-таки, по-твоему, что случилось? Неужели ты совсем ничего не помнишь?

— Ничего... какой-то провал. Я слышала, Ян задал вопрос, и сразу вы все вокруг меня суетитесь. Наверно, впала в какой-то транс. В конце концов...

Она помедлила — и решила, не стоит говорить Джорджу, что с ней и раньше так бывало. Он ничего такого не любит, пожалуй, расстроишь его еще сильней, а то и вовсе отпугнешь.

— Что «в конце концов»? — спросил Джордж.

— Да так, ничего. Интересно, что об этом сеансе подумал Сверхправитель. Наверно, он и не ждал, что столько всего услышит.

Джин вздрогнула, оживленный взгляд затуманился.

— Боюсь я Сверхправителей, Джордж. Не оттого, что они несут зло, никаких таких глупостей я не воображаю. Конечно же, у них добрые намерения, и они все делают, как считают лучше для нас. А только чего им на самом деле надо?

Джордж неуверенно пожал плечами.

— Люди об этом гадают с первого дня,— сказал он.— Когда мы будем готовы знать, Сверхправители нам сами скажут — по совести говоря, меня любопытство не разбирает. И у меня сейчас, знаешь ли, другое на уме.— Он наклонился к Джин, стиснул ее руки.— Слушай, слетаем-ка завтра в Архив и заключим брачный договор... ну, скажем, на пять лет, а?

Джин посмотрела на него в упор — да, то, что написано у него на лице, очень приятно.

— Давай на десять,— сказала она.

Ян не торопился. Спешки никакой нет, надо основательно подумать. Он чуть ли не побаивался начать проверку — вдруг возникшая у него фантастическая надежда сразу рухнет. Пока ничего определенного нет, можно хотя бы мечтать.

Да и нельзя ничего предпринять, пока не повидал библиотекаря Обсерватории. Эта женщина его знает, знает, что он изучает и чем увлекается, и наверняка сочтет его просьбу странной. Может, это и не страшно, но лучше не рисковать. Выждем неделю, тогда представится более удобный случай. Да, он уж очень осторожничает, но от этого вся затея захватывает еще сильней, прямо как мальчишку. Притом самое страшное — оказаться смешным, страшней, чем любые помехи и кары Сверхправителей. Нет, если его затея дурацкая, про нее никто никогда не узнает.

Для поездки в Лондон у него вполне уважительная причина, об этом договорено с месяц назад. Правда, для делегата он еще слишком молод и неопытен, но он — один из трех студентов, которым удалось пристроиться к делегации на съезд Международного астрономического общества. Могли поехать трое — не упускать же такой случай, да и в Лондоне он не был с детства. Ян знал, на этом съезде очень немногие из десятков докладов будут ему сколько-нибудь интересны, даже если он и сумеет их понять. Как всякий делегат любого ученого конгресса, он станет слушать только то, что может ему пригодиться, а остальное время потолкует с собратьями по увлечению или просто побродит по городу.

За последние пятьдесят лет Лондон изменился до неузнаваемости. Теперь в нем не наберется и двух миллионов жителей — и в сто раз больше машин.

Он перестал быть важным портом — теперь каждая страна производит почти все необходимое, и самая система международной торговли стала иная. В некоторых странах еще делают какие-то вещи лучше, чем в других, но переправляют их по воздуху. Торговые пути, которые некогда вели от одной громадной гавани к другой, а позже от аэропорта к аэропорту, под конец превратились в хитроумную тонкую сеть, она охватила весь мир, но нет в ней каких-то особо важных узлов.

Однако переменилось не все. Лондон по-прежнему административный центр, средоточие искусства и науки. В этих областях с ним не может соперничать ни одна столица континента — даже Париж, как он ни силится доказать обратное. Лондонский житель, попади он сюда из прошлого века, и сейчас бы не заблудился, по крайней мере в центре. Через Темзу перекинуты несколько новых мостов — но на прежних местах. Не видно громадных прокопченных вокзалов железной дороги — их выдворили за город. Но здание парламента такое же, как было; Нельсон все так же свысока взирает единственным глазом на Уайт-холл; и купол собора Св. Павла все еще высится на Ладгейтском холме, хотя с ним теперь могут потягаться и здания повыше. И как прежде, маршируют гвардейцы перед Букингемским дворцом.

Все это подождет, думал Ян. Была пора каникул, и он с двумя своими товарищами-студентами остановился в одном из университетских общежитий. Район Блумсбери за последнее столетие тоже не переменился: здесь и теперь полно гостиниц и меблированных комнат, хотя они уже не стоят впритык друг к другу и не тянутся, как прежде, нескончаемыми однообразными вереницами покрытых копотью кирпичных стен.

Только на второй день съезда Яну выпал желанный случай. Основные доклады читались в огромном зале заседаний Научного центра, неподалеку от Концертного зала, который больше всего помог Лондону стать музыкальной столицей мира. Ян хотел послушать первый из сегодняшних докладов — говорили, что докладчик камня на камне не оставит от общепринятой теории образования планет.

Быть может, он в этом и преуспел, но когда Ян после доклада ушел, познаний у него не прибавилось. Он поспешил в справочную узнать, как найти нужные комнаты.

Какой-то остроумец-администратор отвел Британскому астрономическому обществу верхний этаж громадного здания — члены ученого совета вполне это оценили: сверху перед ними открывался великолепный вид на Темзу и на всю северную часть города. Ян сжимал в руке членский билет Астрономического общества, точно пропуск, на случай, если его остановят, но, хоть не встретил ни души, без труда нашел библиотеку.

Почти час он потратил, пока отыскал то, что требовалось, и разобрался, как пользоваться толстенными звездными каталогами с миллионами данных. Под конец его бросило в дрожь — хорошо, что поблизости никого нет, некому заметить его волнение.

Он поставил каталог на место, к остальным, и долго сидел не шевелясь, невидящим взглядом смотрел на сплошную стену книг. Потом медленно пошел прочь, по безлюдным коридорам, мимо кабинета секретаря (теперь там были люди, деловито развязывали пачки книг) и дальше, вниз по лестнице. Лифтом спускаться не стал, избегая встреч и тесноты. Прежде он собирался послушать еще один доклад, теперь это уже не важно.

Он подошел к парапету набережной и машинально следил, как неспешно течет к морю Темза, а в мыслях по-прежнему неразбериха. Непросто примириться с таким вот внезапным открытием, если ты воспитан на общепризнанных научных истинах. Никогда не узнать наверняка, правда ли то, что открылось, но уж слишком это убедительно. Ян медленно шел по набережной и перебирал по порядку все, что ему известно.

Факт первый: никто из гостей Руперта не мог знать, что он, Ян, задаст такой вопрос. Он и сам этого не знал, слова сорвались с языка, оттого что уж очень необычны были обстоятельства. А значит, никто не мог подготовить ответ, не мог заранее об этом думать.

Факт второй: НГС 549672 — это уж наверно ничего не говорит непосвященным и смысл имеет только для астронома. Хотя Полный всеобщий атлас составлен столетие назад, о нем знают лишь несколько тысяч специалистов. И если наобум назвать какой-то номер, никто не сумеет сказать точно, где находится эта звезда.

Однако — и этот, третий, факт стал ему ясен только сейчас — маленькая, незаметная звезда, обозначенная как НГС 549672, находится как раз там, где надо. В самом сердце созвездия Карина, в конце светящегося следа, который возник перед Яном всего несколько вечеров назад и ушел от Солнечной системы в бездну космоса.

Простое совпадение невозможно. Конечно же, НГС 549672 и есть родная планета Сверхправителей. Но если так, рушатся все милые сердцу Яна понятия о научных методах исследования. Ну и пускай рушатся. Надо примириться с фактом: так или иначе, нелепый Рупертов опыт оказался ключом к неведомому доныне источнику знания.

Рашаверак? Пожалуй, вот оно, самое правдоподобное объяснение. Сверхправитель не сидел со всеми за столом, но это не важно. Да и не любопытна Яну механика сверхфизических явлений, важно одно — как воспользоваться их плодами.

Насчет звезды НГС 549672 известно очень мало, она ничем не выделяется среди миллионов других. Но в каталоге указаны ее размеры, координаты и тип спектра. Надо будет еще кое до чего доискаться — и тогда он хотя бы примерно узнает, насколько далека планета Сверхправителей от Земли.

Ян повернулся и пошел прочь от Темзы, назад, к сверкающему белому зданию Научного центра, понемногу лицо его осветилось улыбкой. Знание — сила, а он, единственный человек на Земле, знает, откуда явились Сверхправители. Сейчас не угадаешь, как воспользоваться этим знанием. Оно будет надежно храниться в памяти и ждать своего часа.

10

Человечество все еще нежилось, согретое летним безоблачным полднем мира и процветания. Неужели когда-нибудь снова придет зима? Немыслимо. Вот когда подлинно наступил век разума, который слишком рано, два с половиной столетия назад, приветствовали вожди Французской революции. На сей раз так оно и есть.

Конечно, и процветание не обходится без изъянов, но с ними охотно примирились. Только глубокие старики понимают, что телегазеты, которые каждый принимает у себя дома, в сущности, изрядно скучны. Не стало потрясений, о каких когда-то возвещали кричащие заголовки. Нет больше таинственных убийств, что ставят в тупик полицию и вызывают в миллионах сердец бурю благородного негодования, под которым зачастую прячется зависть. Если уж и случится убийство, тайны не будет: поверни некий диск — и перед глазами заново разыграется все преступление с начала до конца. Поначалу существование столь прозорливых приборов изрядно перепугало вполне законопослушных граждан. Сверхправители успели изучить очень многие, но не все завихрения человеческой психологии, и этого испуга они не предвидели. Пришлось разъяснить людям, что никто из них не сможет подглядывать и подслушивать секреты соседа, а над считанными аппаратами, переданными в человеческие руки, установлен строгий контроль. К примеру, телепередатчик Руперта Бойса работает только в пределах заповедника, и действие его касается только Руперта и Майи.

Серьезные преступления изредка бывают, но газеты мало ими занимаются. В конце концов, воспитанному человеку вовсе не хочется читать про чужие грехи.

Люди работают теперь в среднем всего часов двадцать в неделю, но уж в полную силу. Труда однообразного, чисто механического больше почти не существует. Слишком ценен человеческий разум, нелепо тратить его на то, что могут выполнить две-три тысячи транзисторов, несколько фотоэлементов да печатные схемы общим объемом в кубический метр. Иные заводы неделями работают самостоятельно, и ни одна живая душа туда не заглядывает. Дело людей — обнаружить неисправность, принять решение и составить план новых предприятий. Все остальное выполняют роботы.

Появись столько досуга в прошлом веке, перед человечеством встали бы головоломные задачи. Теперь почти все их решило образование, ведь богато-

му и разностороннему уму не грозит скука. Нынешний уровень культуры когда-то показался бы невероятным. Не то чтобы человек как таковой стал разумнее, но впервые каждый может развить все способности, какие дала ему природа.

Почти у каждого есть не один дом, а два, в разных концах света. Обжиты прежде недоступные приполярные области, и немало народу каждые полгода кочует из Арктики в Антарктиду и обратно, всему предпочитая долгий день полярного лета. Другие переселились в пустыни, в горы и даже на дно морское. На всей Земле нет такого места, где наука и технология не могли бы создать самое удобное жилище тому, кого уж очень туда потянет.

Иные особенно экзотические уголки дают пищу немногим волнующим сообщениям в газетах. Даже в самом упорядоченном обществе не миновать изредка несчастных случаев. Быть может, это добрый знак — что иные смельчаки готовы рискнуть, а то и погибнуть, лишь бы устроить себе уютную виллу под самой макушкой Эвереста или полюбоваться видом сквозь струи водопада Виктория. А потому каждый раз кого-нибудь откуда-нибудь вызволяют. Это стало своего рода игрой, чуть ли не спортом для всей планеты.

Всякий может потакать своим прихотям, ведь на это хватает и времени, и денег. Когда упразднены были армии, человечество разом стало почти вдвое богаче, а возросшая производительность довершила дело. И просто смешно сравнивать жизненный уровень человека XXI века с тем, как жилось кому-либо из его предков. Все необходимое стоит ничтожно мало и дается людям даром, как прежде государство предоставляло им бесплатно дороги, воду, уличное освещение и канализацию. Можно поехать куда вздумается, лакомиться самыми изысканными яствами и не платить за это ни гроша. Право на это ты заслужил, потому что и сам работаешь для общего блага.

Находятся, конечно, и трутни, но людей, у которых хватало бы силы воли на жизнь совершенно праздную, куда меньше, чем думают. А обществу несравненно легче прокормить таких паразитов, чем содержать армию контролеров на транспорте, продавцов, кассиров и всех прочих, кто только тем бы и занимался, что переписывал бы всякую всячину из одного гроссбуха в другой.

Подсчитано, что почти четверть своих сил человечество отдает разным видам спорта — от такого сидячего, как шахматы, до смертельно опасного, вроде планирующих перелетов на лыжах через горные долины. Это привело к разным непредвиденным последствиям, так, исчез профессиональный спорт: слишком много оказалось блистательных спортсменов-любителей.

После спорта важнейшей областью приложения сил стали всевозможные виды развлечений. В прошлом больше ста лет очень многие верили, что главное место на Земле — Голливуд. Теперь они могли бы утверждать это с гораздо большим основанием, но, безусловно, львиную долю фильмов 2050 года в 1950-м сочли бы чересчур мудреной и попросту не поняли. Как-никак, прогресс: не всем теперь командует касса.

Но среди несчетных забав и развлечений на планете, которая, похоже, готова превратиться в одну огромную площадку для игр, иные люди все еще опять и опять задаются извечным вопросом, на который нет ответа:

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

11

Ян прислонился к зверю, уперся ладонями в шершавую, точно древесная кора, кожу. Оглядел громадные бивни, круто изогнутый хобот — искусный таксидермист увековечил слона в позе то ли воинственной, то ли радостной. Любопытно, какие не менее странные существа с каких неведомых планет станут однажды разглядывать этого выходца с Земли?

— Много еще зверья ты послал Сверхправителям? — спросил он Руперта.

— По крайней мере пятьдесят штук, но этот, конечно, самый крупный. Великолепен, правда? То была в основном мелкота — бабочки, змеи, мартышки и прочее в том же роде. Хотя нет, в прошлом году я им отправил бегемота.

Ян невесело усмехнулся:

— Страшноватая мысль, но я подозреваю, что в их коллекции уже имеется живописная компания чучел homo sapiens. Интересно, кто удостоился сей чести?

— Наверно, ты прав,— преспокойно отозвался Руперт.— Это несложно устроить через больницы.

— А вдруг бы нашелся желающий на роль живого экспоната? — задумчиво продолжал Ян.— Разумеется, при условии, что потом его вернут домой.

Руперт засмеялся, но не без сочувствия.

— Ты что же, вызываешься добровольцем? Передать Рашавераку?

Минуту-другую Ян обдумывал это почти всерьез. Потом покачал головой.

— М-м... нет, не надо. Я просто думал вслух. Они наверняка мне откажут. Кстати, ты часто видишь Рашаверака?

— Он у меня был месяца полтора назад. Ему как раз попалась книга, за которой я давно охотился. Очень мило с его стороны.

Ян медленно обошел кругом чучело великана, поражаясь мастерству, с каким навсегда остановлен этот миг могучего порыва.

— Понял ты наконец, чего он ищет? — спросил Ян.— Право же, это плохо сочетается — в науке Сверхправители достигли таких высот, а интересуются сверхъестественным.

Руперт подозрительно покосился на зятя — уж не насмехается ли тот над его увлечением?

— По-моему, Рашаверак это объясняет вполне правдоподобно. Его как антрополога занимают любые стороны нашей культуры. Не забудь, им спешить незачем. Они могут вникать в любую мелочь, нашим ученым целой жизни не хватит на такие исследования. Вот Рашаверак перечитал всю мою библиотеку, и едва ли ему это стоило особого труда.

Может быть, это и есть объяснение, но Яна оно не убедило. Порой он подумывал доверить Руперту свою тайну, но мешала прирожденная осторожность. При новой встрече с другом Рашавераком Руперт, пожалуй, проболтается — чересчур велик будет соблазн.

— Между прочим, ты сильно ошибаешься, если думаешь, что это такой уж большой экспонат,— неожиданно сказал Руперт.— Посмотрел бы, над чем работает Салливен. Он взялся изготовить двух самых больших тварей — спермацетового кита и гигантского спрута. И в схватке не на жизнь, а на смерть. Вот это да!

Ян молчал. В мозгу вспыхнула дикая, невероятная мысль, нельзя же думать о таком серьезно. И однако... как раз потому, что это так дерзко, вдруг да получится...

— Что с тобой? — встревожился Руперт.— Стало дурно от жары?

Ян опомнился.

— Нет, ничего,— сказал он.— Я только хотел понять, как же Сверхправители подберут такую игрушку.

— Ну, просто какой-нибудь их грузовой корабль спустится, откроет люк и втянет эту махину внутрь.

— Так я и думал,— сказал Ян.

Это было похоже на рубку космического корабля. По стенам сплошь измерительные приборы и какие-то инструменты; и ни одного окна, только большой экран перед креслом пилота. Судно могло взять шестерых пассажиров, но сейчас Ян был единственный.

Он неотрывно смотрел на экран, ловил каждую подробность проходящего перед глазами удивительного, неведомого мира. Да, столь же неведомого, как все, что он, быть может, повстречает за россыпью звезд, если удастся его сумасшедшая затея. Сейчас он вступает во владения чудовищ, что пожирают друг друга во мраке, не потревоженном с начала времен. Тысячи лет люди плавают над этим царством тьмы, оно лежит не глубже чем в километре под килем корабля, а меж тем до нынешнего столетия человек знал о нем меньше, чем о видимой стороне Луны.

С поверхности океана пилот опускался к еще не изведанным глубинам Южной впадины Тихого океана. Ян знал, он ориентируется по незримым координатам, прочерченным звуковыми волнами расставленных на дне океана маяков. Но пока дно еще так далеко от них, как земные равнины от плывущих в небе облаков...

Видно было очень мало, локаторы подводной лодки понапрасну шарили вокруг. Наверно, волнение, поднятое двигателями, распугало рыбу помельче; из любопытства подойдет близко разве что какая-нибудь громадина, вовсе не ведающая страха.

Маленькая кабина содрогалась от скрытой в ней мощи — от мощи, способной выдержать безмерную тяжесть водной толщи над головой Яна, создать и хранить пузырек света и воздуха, в котором могут существовать люди. Если эта мощь откажет, подумал Ян, они станут пленниками металлического гроба, зарытого глубоко в ил на дне океана.

— Пора определиться,— сказал пилот. Он пробежал пальцами по переключателям, двигатели умолкли, подводная лодка мягко замедлила ход и наконец замерла. Она парила в равновесии, словно воздушный шар в небе.

Гидролокатор мигом установил, где они находятся.

— Сейчас опять включим моторы, только сперва послушаем, нет ли чего интересного,— заметил пилот.

Из динамика в тишину маленькой кабины хлынул низкий ровный гул. Ян не мог различить отдельных звуков. Все они сливались в сплошной однообраз-

ный шум. Ян знал, это разом подают голос мириады морских тварей. Будто он оказался в сердце лесной чащи, где кишмя кишит жизнь,— только в лесном хоре он распознал бы хоть чьи-то голоса. А здесь в сложной звуковой ткани не ухватишь ни единой ниточки. Все чуждо, незнакомо, никогда ничего похожего не слышал... прямо волосы дыбом становятся. А ведь это все тут же, на его, Яна, родной планете...

Дикий вопль прорезал зыблющуюся толщу шума, как молния — грозовую тучу. Быстро перешел в надрывающее душу рыдание, в отчаянный, понемногу затихающий вой, и замер, а через минуту где-то дальше отозвался еще один. И следом пронзительная визгливая разноголосица, будто сорвался с цепи сам ад... пилот поспешил приглушить звук.

— Господи, это еще что? — выдохнул Ян.

— Жуть, а? Это киты, идут косяком километрах в десяти от нас. Я знал, что они где-то недалеко, подумал, может, захочешь послушать.

Яна пробрала дрожь.

— А я-то думал, в море тишина! Отчего они так орут?

— Наверно, беседуют друг с дружкой. Салливен тебе все объяснит, мне плохо верится, но, говорят, у него есть вроде как знакомые киты, он их узнает по голосу. Э, да у нас гость!

На экране появилась какая-то рыбина с громадной, немыслимой пастью. Видно, и сама большущая, впрочем, Ян уже знает, о размерах по изображению судить трудно. Откуда-то из-под жабр у рыбины свисает длинный ус, на конце его — расширение, подобие колокола.

— Сейчас мы видим в инфракрасном свете,— сказал пилот.— Попробуем обычную картинку.

Рыбина исчезла бесследно. Осталась одна лишь яркая, фосфорически светящаяся висюлька. Затем вдоль туловища вспыхнули огненные точки, и странное создание мелькнуло перед глазами все целиком.

— Это морской черт, а светится у него приманка — завлекает всякую рыбешку. Фантастика, верно? Одного не пойму — отчего на эту удочку не идет большая рыба и сама его не слопает? Только не до вечера же нам ждать. Сейчас я включу двигатели, и он удерет.

Кабина опять задрожала, лодка скользнула вперед. Большая светящаяся рыбина разом вспыхнула всеми огнями, неистовым сигналом тревоги,— и, точно метеор, умчалась в непроглядную бездну.

Еще двадцать минут медленного погружения — и невидимые пальцы локатора нащупали первые приметы океанского дна. Далеко внизу под лодкой проходила гряда невысоких, на удивление мягко очерченных округлых холмов. Если когда-то были у них выступы и неровности, их давно сгладил непрестанный дождь, падающий с водных высей. Даже здесь, посреди Тихого океана, вдали от огромных устьев рек, что постепенно смывают почву материков, никогда не прекращается этот дождь. Его рождают иссеченные бурями склоны Анд, и тела миллиардов погибших существ, и пыль метеоритов, что веками скитались в космосе и наконец обрели покой. Здесь, во мраке вечной ночи, слой за слоем закладывается основа будущих материков.

Холмы остались позади. По карте Ян видел, это — пограничная стража просторной равнины, которая раскинулась на такой глубине, что ее не достигал луч локатора.

Лодка продолжала плавно спускаться. На экране понемногу вырисовывалась новая картина; глядя под непривычным углом зрения, Ян не сразу разобрал, что это такое. Потом понял — они приближаются к подводной горе, встающей со скрытой далеко внизу равнины.

Изображение стало отчетливей: на близком расстоянии локаторы работали лучше и стало видно ясно, почти как при обычном свете. Ян различал мелкие подробности, видел, как среди скал преследуют друг друга странные рыбы. Вот из почти незаметной расщелины медленно выплыла зловещего вида тварь с разинутой пастью. Молниеносно, неуловимо для глаза метнулось длинное щупальце и увлекло отчаянно бьющуюся рыбу навстречу гибели.

— Почти пришли,— сказал пилот.— Через минуту увидишь лабораторию.

Лодка медленно шла над скалистым отрогом, выступающим у подножия горы. Взгляду уже открывалась равнина; до океанского дна осталось каких-нибудь несколько сот метров, прикинул Ян. И увидел примерно в километре впереди скопище шаров, поставленных на треножники и соединенных между собой трубчатыми переходами. Все это с виду очень напоминало резервуары химического завода и в самом деле построено было по тому же принципу. Разница лишь та, что здесь надо было выдержать давление не изнутри, но извне.

— А это что? — ахнул Ян.

Дрожащим пальцем он показал на ближайший шар. Причудливые разводы, покрывающие шар, оказались сплетением гигантских щупалец. Лодка подошла ближе, и стало видно, что щупальца ведут к большому мясистому мешку, с него смотрят в упор громадные глаза.

— Это, наверно, Люцифер,— невозмутимо сказал пилот.— Опять его кто-то подкармливает.

Он щелкнул переключателем и склонился над приборной доской.

— Эс-два вызывает лабораторию. Я подхожу. Может, отгоните своего любимчика?

Ему тотчас ответили:

— Лаборатория — к Эс-два. Ладно, швартуйтесь. Люци сам уступит дорогу.

На экране ширилась округлая металлическая стена. Перед Яном в последний раз мелькнуло громадное, усеянное присосками щупальце и дернулось прочь от лодки. Раздался глухой удар металла о металл, потом негромкий скрежет, царапанье — это рычаги захвата нащупывали контакты на гладком яйцеобразном корпусе лодки. Через несколько минут ее притянуло вплотную к стене станции, металлические руки сомкнулись, прошли вдоль корпуса лодки и повернули огромный полый винт. Вспыхнул сигнал «давление уравнено», люки отворились — доступ в глубоководную лабораторию номер один наконец открыт.

Профессора Салливена Ян застал в тесном, не ведающем порядка помещении — оно, видимо, было сразу и кабинетом, и мастерской, и лабораторией. Салливен заглядывал через микроскоп внутрь чего-то вроде маленькой бомбы. Вероятно, в этой капсуле, под привычным для себя давлением во мно-

гие тонны на квадратный сантиметр, беззаботно плавал какой-нибудь житель океанских глубин.

— Ну-с,— промолвил Салливен, с трудом отрываясь от микроскопа,— как поживает Руперт? И чем мы можем вам служить?

— Руперт процветает,— ответил Ян.— Шлет вам привет и наилучшие пожелания и передает, что рад бы вас навестить, да только у него клаустрофобия.

— Ну, тогда, конечно, ему тут было бы неуютно, ведь над нами пять километров воды. Кстати, а вас это не беспокоит?

Ян пожал плечами.

— Это же все равно как лететь на стратолайнере. Если что-то пойдет наперекос, конец и там, и тут один.

— Здравая мысль, но странно, только очень немногие так рассуждают.

Салливен подкрутил что-то в микроскопе, потом испытующе глянул на Яна.

— Рад буду показать вам лабораторию,— сказал он,— но, признаться, я удивился, когда Руперт передал вашу просьбу. Человек, думаю, в мечтах витает среди звезд, откуда у него вдруг интерес к нашим делам? Может, вы ошиблись дверью? — Он необидно усмехнулся.— Признаться, никогда не понимал, чего ради всех вас тянет в небеса. Пройдут столетия, пока мы разберемся тут, в океанах, все нанесем на карты и разложим по полочкам.

Ян перевел дух. Хорошо, что Салливен начал первый, это облегчает задачу. Хоть ихтиолог и сострил насчет не той двери, между ними много общего. Не так уж трудно будет перекинуть мостик, заручиться сочувствием и помощью Салливена. Это человек с воображением, иначе он не дерзнул бы вторгнуться в подводное царство. Однако Ян знал, надо быть осторожнее, ведь просьба его прозвучит по меньшей мере необычно.

Одно придавало ему уверенности: даже если Салливен откажется помочь, он, безусловно, не выдаст тайну Яна. А здесь, в мирном кабинетике на дне Тихого океана, едва ли есть опасность, что Сверхправители, сколь ни велики их неведомые силы и возможности, сумеют подслушать этот разговор.

— Профессор Салливен,— начал Ян,— вот вы стремитесь изучать океан, а допустим, Сверхправители не дают вам даже подходить к нему,— что бы вы почувствовали?

— Уж конечно, был бы зол, как черт.

— Не сомневаюсь. Но предположим, в один прекрасный день вам подвернулась возможность без их ведома добиться своего — как вы поступите? Воспользуетесь случаем?

— Конечно! — без запинки ответил Салливен.— А рассуждать буду потом.

«Клюет!» — подумал Ян. Теперь ему обратного хода нет, разве что побоится Сверхправителей. Только вряд ли этот Салливен чего-нибудь боится. Ян наклонился к нему над заваленным всякой всячиной столом и приготовился изложить свою просьбу.

Профессор Салливен был отнюдь не дурак. Ян еще и рот не успел раскрыть, а на губах Салливена заиграла насмешливая улыбка.

— Так вот что вы затеяли? — медленно произнес он.— Очень, очень любопытно! Ну-с, теперь объясните, с чего вы взяли, что я вам помогу...

12

В былые времена профессор Салливен считался бы слишком дорогой роскошью. Его исследования обходились не дешевле небольшой войны; в сущности, он был словно генерал, ведущий нескончаемую войну с не ведающим усталости врагом. Враг профессора — океан — воевал оружием холода, мрака, а главное — давления. Профессор отвечал противнику силой разума и искусством инженера. Он одержал немало побед, но океан терпелив, он может ждать своего часа. Салливен знал, рано или поздно он допустит ошибку. Что ж, есть хотя бы одно утешение: тонуть не придется. Конец будет мгновенный.

Выслушав просьбу Яна, он не сказал сразу ни да, ни нет, но прекрасно знал, как в конце концов ответит. Вот случай провести интереснейший опыт. Жаль, он так и не узнает результата; но так нередко бывает в науке, он и сам начал кое-какие исследования, которые завершены будут лишь через десятки лет.

Профессор Салливен был человек мужественный и умный, но, оглядываясь на пройденный путь, понимал, что не достиг той славы, какая делает имя ученого бессмертным. И вот — совершенно неожиданный и оттого вдвойне соблазнительный случай по-настоящему войти в историю. В этой честолюбивой мечте он бы никому не признался — и, надо отдать ему справедливость, все равно помог бы Яну, даже если б его участие в дерзком замысле навсегда осталось тайной.

А Ян все обдумывал и передумывал заново. До сих пор его словно подхватило и несло на гребне того первого открытия. Он узнавал, проверял, но ничего не делал для того, чтобы мечта его сбылась. Однако еще несколько дней — и надо будет выбирать. Если профессор Салливен согласится, отступить невозможно. Надо идти навстречу будущему, которое сам выбрал, и всему, чем оно чревато.

Окончательно решиться его заставила мысль, что, если упустить этот единственный, сказочный случай, он потом себе вовек не простит. А до самой смерти терзаться напрасными сожалениями — что может быть хуже?

Ответ Салливена он получил через несколько часов и понял, что жребий брошен. Не торопясь — времени в запасе достаточно,— он начал приводить свои дела в порядок.

«Милая Майя, это письмо тебя, как бы сказать помягче, несколько удивит. Когда ты его получишь, меня уже не будет на Земле. Это не значит, что я, как многие, отправляюсь на Луну. Нет, я буду на пути к планете Сверхправителей. Первым из людей я покину нашу Солнечную систему.

Письмо я отдаю другу, который мне помогает; он не вручит его тебе, пока не убедится, что план мой — по крайней мере поначалу — удался и Сверхправителям уже поздно мне помешать. Я в это время буду лететь уже так далеко и с такой скоростью, что вряд ли эта весть меня догонит. А если и догонит, маловероятно, чтобы корабль из-за меня повернул обратно к Земле. И вообще, на их взгляд, едва ли я того стою.

Первым делом дай объясню, откуда все пошло. Ты знаешь, меня всегда интересовали космические перелеты и всегда обидно было, что нам нельзя ни по-

бывать на других планетах, ни узнать хоть что-то о цивилизации Сверхправителей. Не заявись они к нам, теперь мы бы уже, пожалуй, достигли Марса и Венеры. Правда, столь же возможно, что мы бы уже сами себя истребили кобальтовыми бомбами и прочими смертоносными изобретениями двадцатого века. А все-таки порой я жалею, что нам не дали самим попытать счастья.

Наверно, у Сверхправителей есть причины быть при нас няньками, и, наверно, очень веские причины. Но даже знай я их, едва ли я чувствовал бы — и поступал — иначе.

Все началось с того вечера у Руперта. (Кстати, он этого не знает, хотя он-то и навел меня на след.) Помнишь, он тогда устроил дурацкий спиритический сеанс и под конец та девушка, забыл, как ее звали, упала в обморок? Я спросил, от какой звезды явились Сверхправители, и ответ был "НГС 549672". Никакого ответа я не ждал и до той минуты считал, что все это пустая забава. А тут понял, что это номер из звездного каталога, и решил в него заглянуть. И оказалось, это звезда в созвездии Карина, а как ни мало мы знаем о Сверхправителях, известно, что прилетели они именно с той стороны.

Не стану притворяться, будто понимаю, каким образом до нас дошло это сообщение и откуда оно взялось. Может, кто-нибудь прочел мысли Рашаверака? Если бы и так, едва ли он знает, как обозначено их солнце в нашем земном каталоге. Все это загадочно и непонятно, пускай секрет раскроют люди вроде Руперта — если сумеют! С меня хватит и того, что я получил такие сведения — и действую.

Мы наблюдали, как уходят в полет корабли Сверхправителей, и уже многое знаем об их скорости. Они покидают Солнечную систему с громадным ускорением и меньше чем через час достигают почти скорости света. А это значит, что они располагают такой системой движителей, которая действует равномерно на любой атом в корабле, иначе все живое на борту мигом расплющило бы в лепешку. Любопытно, чего ради они прибегают к таким чудовищным ускорениям, ведь в космосе они как рыба в воде и времени у них вдоволь, могли бы набирать скорость безо всякой спешки. У меня есть на этот счет своя теория: думаю, они каким-то способом черпают энергию из полей, окружающих звезды, а потому должны стартовать и останавливаться очень близко от какого-нибудь солнца. Но это так, между прочим.

Важно то, что теперь я знаю, какое им надо пройти расстояние, а значит — сколько на это нужно времени. От Земли до звезды НГС 549672 сорок световых лет. Корабли Сверхправителей летят со скоростью больше девяноста девяти процентов световой, значит, перелет должен длиться сорок наших лет. Сорок наших земных лет, вот в чем вся соль.

Может быть, ты слышала — когда приближаешься к скорости света, начинаются разные странности. Само время течет по-иному, оно замедляет ход, и если на Земле пройдет месяц, то на корабле Сверхправителей только день. Отсюда важнейшее следствие, оно открыто великим Эйнштейном больше ста лет тому назад.

Пользуясь твердо установленными выводами теории относительности, я проделал кое-какие расчеты, основанные на том, что нам известно о звездных перелетах. Для пассажиров корабля Сверхправителей полет до их звезды длится

не больше двух месяцев, хотя на Земле за это время пройдет сорок лет. Я знаю, в такое трудно поверить, разве только утешаться мыслью, что с тех пор как Эйнштейн объявил об этом парадоксе, над его загадкой бьются лучшие умы человечества.

Вот пример, на котором, думаю, ты легче поймешь, что из этого получается, и ясней себе это представишь. Если Сверхправители тотчас же отошлют меня обратно на Землю, я вернусь, став старше только на четыре месяца. А на Земле пройдет уже восемьдесят лет. Так что, Майя, как бы дальше все ни сложилось, я с тобой прощаюсь навсегда...

Ты ведь знаешь, меня мало что привязывает к Земле, и я ее оставляю с чистой совестью. Маме я ничего не говорил, она бы закатила истерику, перед этим я, признаться, струсил. Так будет лучше. Хотя с тех пор как умер отец, я пытался многое оправдать... ох, что толку опять ворошить прошлое!

Я покончил с учением и сказал университетскому начальству, что по семейным обстоятельствам уезжаю в Европу. Все мои дела улажены, тебе совсем ни о чем не придется беспокоиться.

Ты, пожалуй, уже вообразила, что я рехнулся, ведь, казалось бы, никому вовек не забраться в корабль Сверхправителей. Но я нашел способ. Такое не часто случается, и другого случая не будет: уж наверно, если Кареллен в кои веки ошибается, так не повторит ошибки. Помнишь легенду о деревянном коне, который провез греческих воинов в Трою? В Ветхом Завете есть одна история, там сходства еще больше...»

— Вам будет гораздо удобнее, чем Ионе,— сказал Салливен.— Нигде не сказано, что к его услугам были электрическое освещение, водопровод и канализация. Но вам понадобится много еды, и, я вижу, вы запаслись кислородом. Можете вы взять столько, чтобы хватило на два месяца в таком тесном помещении?

И он ткнул пальцем в аккуратные чертежи, разложенные Яном на столе. С одного конца бумагу вместо пресс-папье придавил микроскоп, с другого — череп какой-то невероятной рыбины.

— Надеюсь, кислород не так уж необходим,— сказал Ян.— Мы знаем, они способны дышать нашим воздухом, хотя, похоже, он им не очень приятен, а их атмосфера для меня, может быть, и совсем не годится. А задача насчет запасов решается при помощи наркосамина. Средство верное и совершенно безопасное. Сразу после старта делаю себе укол и проваливаюсь в сон на полтора месяца плюс-минус несколько дней. К тому времени мы почти уже на месте. Право, меня больше тревожит не еда и не кислород, а скука.

Профессор Салливен задумчиво кивнул.

— Да, наркосамин надежен, и можно точно рассчитать дозу. Но смотрите, у вас под рукой должно быть вдоволь еды — вы проснетесь голодный как волк и слабый, как новорожденный котенок. Вдруг вы помрете с голоду, оттого что у вас не хватит силенок открыть консервы?

— Это я обдумал,— немного обиделся Ян.— Налягу на сахар и шоколад, так всегда делается.

— Отлично. Рад видеть, что вы все предусмотрели и не воображаете, будто, если игра окажется вам не по вкусу, можно будет бросить ее посередине. Вы ставите на карту не чью-нибудь, а свою жизнь, но не хотел бы я думать, что помогаю вам покончить самоубийством.

Он взял со стола рыбий череп, рассеянно взвесил в ладонях. Ян схватился за край плана, не давая бумаге свернуться в трубку.

— По счастью,— продолжал Салливен,— все детали нужного вам снаряжения стандартные, собрать и оборудовать что надо в нашей мастерской можно за считанные недели. А если вы передумаете...

— Не передумаю,— сказал Ян.

«...Я тщательно рассчитал, какие могу встретить опасности, и, пожалуй, в плане моем нет изъянов. Через полтора месяца я объявлюсь как обыкновенный безбилетник — пускай наказывают за то, что ехал зайцем. Тогда — по корабельному времени, не забудь,— путешествие почти уже закончится. Останется сесть на планету Сверхправителей.

Конечно, что будет дальше, зависит от них. Вероятно, на следующем же корабле меня отошлют домой... но, надо полагать, я хоть что-нибудь да увижу! Беру с собой четырехмиллиметровую камеру и тысячи метров пленки; если уж я ее не использую, так не по своей вине. Ну, а в самом худшем случае все-таки докажу, что нельзя вечно держать людей взаперти. Подам пример, который вынудит Кареллена что-то предпринять.

Вот и все, что я хотел сказать, милая Майя. Знаю, ты не станешь слишком обо мне скучать: будем честны и откровенны, нас никогда не соединяли прочные узы, а теперь ты замужем за Рупертом и вполне счастлива будешь в своем отдельном мире. По крайней мере, я на это надеюсь.

Итак, прощай, всего наилучшего. Предвкушаю встречу с твоими внуками — пожалуйста, позаботься, чтобы они обо мне знали, ладно?

Твой любящий брат Ян».

13

Сперва у Яна просто не укладывалось в сознании, что здесь собирают не фюзеляж небольшого воздушного лайнера: перед ним был металлический скелет двадцати метров в длину, идеально обтекаемой формы, окруженный легкими фермами лесов, по которым карабкались рабочие с инструментами.

— Да,— сказал Салливен на вопрос Яна,— мы пользуемся стандартной авиационной техникой, и люди эти в большинстве авиастроители. Такая громадина — и вдруг живая, трудно поверить, правда? И даже способна выскочить из воды, я не раз видел такие прыжки.

Все это прелестно, но Яна занимало другое. Он внимательно оглядел громадный скелет, отыскивая подходящее укрытие для своей кельи,— Салливен ее окрестил «гроб с кондиционированным воздухом». Сразу же ясно: об одном можно не беспокоиться, места хватит. Тут разместилась бы добрая дюжина «зайцев».

— Похоже, каркас почти закончен,— сказал Ян.— А когда вы будете обтягивать его шкурой? Кита уже, наверно, изловили, раз вам известны размеры скелета?

Салливена это замечание явно позабавило.

— Мы вовсе не собирались ловить кита. Да у них и нет шкуры в обычном смысле слова. Едва ли удалось бы обернуть этот каркас пленкой вроде рыбьего пузыря, но толщиной в двадцать сантиметров. Нет, мы эту штуку заменим пластмассой и аккуратненько раскрасим. Когда закончим, никто не сможет распознать подделку.

В таком случае, подумал Ян, куда разумней было бы Сверхправителям сделать фотоснимки, а экспонаты в натуральную величину мастерить самим на своей планете. Но, может быть, их грузовые корабли возвращаются домой порожняком и пустячок вроде двадцатиметрового спермацетового кита для них все равно что ничего. Когда располагаешь такими силами и возможностями, стоит ли экономить по мелочам...

Профессор Салливен стоял подле одной из огромных статуй, которые оставались головоломной загадкой для археологов с тех самых пор, как открыли остров Пасхи. Каменный король, бог или кто он там был, словно следил незрячими глазами за взглядом Салливена, когда тот осматривал свое творение. Салливен по праву гордился плодом своего труда; какая жалость, что его детище вскоре станет навсегда недоступно человеческому взору.

Могло показаться, будто некий безумный скульптор воплотил видение, которое примерещилось ему в пьяном бреду. И однако это было точное отражение жизни, а скульптор — сама природа. Пока не появились усовершенствованные подводные телевизоры, редким людям случалось видеть подобное, да и то лишь в краткие миги, когда великаны в пылу схватки вырывались на поверхность. Борьба разыгрывалась в нескончаемой ночи океанских глубин, где спермацетовые киты охотились за кормом. А корм решительно не желал быть съеденным заживо...

Громадная пасть кита с нижней челюстью, зубастой, как пила, широко распахнулась, готовая сомкнуться на теле жертвы. Голову почти не различить под сетью белых мясистых извивающихся щупалец — исполинский спрут отчаянно борется за свою жизнь. Там, где щупальца попадали на шкуру, ее пятнают мертвенно-бледные следы присосков двадцати сантиметров в поперечнике, если не больше. От одного щупальца уже остался только обрубок — и нетрудно предвидеть исход боя. В битве между двумя самыми большими тварями на Земле победитель всегда — кит. Сколь ни мощен лес щупалец, у спрута одна надежда — спастись бегством, прежде чем неутомимо работающая челюсть распилит его на куски. Огромные, полметра в поперечнике, ничего не выражающие глаза спрута в упор уставились на палача, хотя, скорее всего, во тьме океанской пучины противники и не могут видеть друг друга.

Композицию эту, длиной больше тридцати метров, окружает клетка из легких алюминиевых ферм, оплетенная канатами, остается лишь подхватить ее подъемным краном. Все готово, все к услугам Сверхправителей. Салливен надеялся, что они не замешкаются, ожидание становилось томительным.

Кто-то вышел из кабинета под яркое солнце, видно, ищет его. Салливен издали узнал своего старшего помощника и пошел ему навстречу.

— Я здесь, Билл. Что случилось?

Тот, явно довольный, протянул листок радиограммы.

— Приятная новость, профессор. Нам оказывают высокую честь! Прибывает Попечитель, хочет самолично осмотреть наш экспонат перед отправкой. Представляете, какая о нас пойдет слава! Это нам очень пригодится, когда будем просить о новых ассигнованиях. Признаюсь, я давно надеялся на что-нибудь в этом духе.

Профессор Салливен проглотил застрявший в горле ком. Он всегда был не против славы, но на сей раз она может оказаться излишней.

Кареллен остановился у головы кита, посмотрел вверх, на громадное тупое рыло, на усеянную желтоватыми зубами челюсть. «Что-то он сейчас думает?» — стараясь казаться спокойным, спрашивал себя Салливен. Держится естественно, ни признака подозрительности, и приезд его можно объяснить очень просто. Но хоть бы он поскорей убрался восвояси!

— На нашей планете нет таких больших животных,— сказал Кареллен.— Это одна из причин, почему мы просили вас сделать такую композицию. Моим... э-э... соотечественникам она очень понравится.

— Я полагал, при том что сила тяжести у вас невелика, там могут водиться очень большие звери. Ведь сами вы гораздо больше нас!

— Да, но у нас нет океанов. А когда речь о размерах, суше с морем не сравниться.

«Совершенно верно,— подумал Салливен.— И по-моему, это новость, никто не знал, что на их планете нет морей. Яну, черт его дери, будет очень интересно».

А Ян в эти минуты сидел в хижине за километр отсюда и в бинокль с тревогой следил за инспекторским обходом. И твердил себе, что бояться нечего. Даже при самом тщательном осмотре кит свой секрет не выдаст. Но вдруг Кареллен все-таки что-то заподозрил и теперь играет с ними, как кошка с мышкой?

И Салливена одолевало то же подозрение, потому что Кареллен как раз заглянул в разинутую пасть.

— В вашей Библии,— сказал он,— есть замечательный рассказ об иудейском пророке, некоем Ионе: его сбросили с корабля, но в море его проглотил кит и целым и невредимым вынес на берег. Как по-вашему, не могло быть источником этой легенды подлинное происшествие?

— Я полагаю,— осторожно отвечал Салливен,— это единственный письменно удостоверенный случай, когда китолов был проглочен и вновь извергнут без дурных для него последствий. Разумеется, если бы он пробыл внутри кита больше нескольких секунд, он бы задохнулся. И ему необычайно повезло, что он не угодил под зубы. История почти невероятная, но не скажу, что уж совсем невозможная.

— Очень любопытно,— заметил Кареллен.

Еще минуту он смотрел на громадную челюсть, потом пошел дальше и начал разглядывать спрута. Салливен невольно вздохнул с облегчением — оставалось надеяться, что Кареллен не услышал.

— Знай я, какое это будет испытание,— сказал профессор Салливен,— я вышвырнул бы вас за дверь, как только вы попробовали заразить меня своим помешательством.

— Прошу извинить,— отозвался Ян.— Но все обошлось.

— Надеюсь. Что ж, счастливо. Если захотите на попятный, у вас есть еще по крайней мере шесть часов на размышление.

— Мне они ни к чему. Теперь один Кареллен может меня остановить. Большое вам спасибо за все. Если я когда-нибудь вернусь и напишу книгу о Сверхправителях, я посвящу ее вам.

— Много мне от этого будет радости,— пробурчал Салливен.— Я давно уже стану покойником.

Он был удивлен и даже немного испуган: никогда не отличался чувствительностью, а тут оказалось — ему это прощание отнюдь не безразлично. За те недели, пока они вдвоем готовили заговор, он привязался к Яну. А теперь страшно — быть может, он стал пособником усложненного самоубийства.

Он придерживал лестницу, Ян взобрался по ней и, осторожно минуя ряды зубов, перелез на громадную челюсть. При свете электрического фонарика видно было — он обернулся, помахал рукой и скрылся в пасти, как в глубокой пещере. Щелчок, потом другой: открылся и снова закрылся воздушный шлюз — и наступила тишина.

Под луной, чей свет обратил навек застывшую битву в обрывок страшного сна, профессор Салливен медленно побрел к себе. «Что же я сделал,— думал он,— и к чему это приведет?» Ему-то, разумеется, этого не узнать. Быть может, Ян опять пройдет здесь, потратив на дорогу к планете Сверхправителей и возвращение на Землю всего лишь несколько месяцев жизни. Но если он и вернется, их разделит неодолимая преграда — Время, ибо это будет через восемьдесят лет.

Как только Ян закрыл внутреннюю дверь воздушного шлюза, в маленьком металлическом цилиндре вспыхнул свет. Не мешкая ни секунды, чтобы не напали сомнения, Ян тотчас принялся за обычную, продуманную заранее проверку. Еда и прочие припасы погружены еще несколько дней назад. Но проверить лишний раз полезно для душевного равновесия, убеждаешься: все как надо, ничего не упущено.

Час спустя он в этом удостоверился. Откинулся на поролоновом матрасе и заново перебрал в памяти свой план. Слышалось только слабое жужжание электронных часов-календаря — они предупредят его, когда путешествие подойдет к концу.

Он знал, что в этой келье он ничего не ощутит — какими чудовищными силами ни движим корабль Сверхправителей, они наверняка безукоризненно уравновешиваются. Салливен это проверил, указав, что изготовленный им экспонат рухнет, если сила тяжести превысит два-три *g*. И «заказчики» заверили его, что на этот счет опасаться нечего.

Однако предстоит значительный перепад атмосферного давления.

Это не важно, ведь полые чучела могут «дышать» несколькими отверстиями. Перед выходом из кабины Яну придется выровнять давление, и, скорее всего, дышать атмосферой внутри корабля он не сможет. Не беда, достаточно обычного противогаза да баллона с кислородом, ничего более сложного не потребуется. А если воздух окажется пригодным для дыхания, тем лучше.

Медлить больше незачем, только лишняя трепка нервов. Ян достал небольшой шприц, уже наполненный тщательно приготовленным раствором. Наркосамин открыли когда-то, изучая зимнюю спячку животных; оказалось неверным, как думали прежде, что в эту пору жизнедеятельность приостанавливается. Просто все процессы в организме неизмеримо замедленны, но обмен веществ, крайне ослабленный, все равно продолжается. Как будто костер жизни спрятан в глубокой яме, укрыт валежником, и жар только тлеет, запасенный впрок. А через какие-то недели или месяцы действие лекарства кончается, огонь вспыхивает сызнова и спящий оживает. Наркосамин вполне надежен. Природа им пользовалась миллионы лет, оберегая многих своих детей от голодной зимы.

И Ян уснул. Он не почувствовал, как натянулись канаты и огромную металлическую клетку подняли в трюм грузовика Сверхправителей. Не слыхал, как закрылись люки, чтобы открыться вновь только через триста триллионов километров. Не услыхал, как вдалеке, приглушенный толщею мощных стен, раздался протестующий вопль земной атмосферы, когда корабль прорывался сквозь нее, возвращаясь в родную стихию. И не почувствовал межзвездного полета.

14

На еженедельных пресс-конференциях зал всегда бывал полон, но сегодня народу набилось битком, в такой тесноте репортеры насилу ухитрялись записывать. В сотый раз они ворчали и жаловались друг другу на Кареллена — у него отсталые вкусы и никакого уважения к прессе! В любое другое место на свете они явились бы с телекамерами, магнитофонами и прочими орудиями своего отлично механизированного ремесла. А тут изволь полагаться на такую древность, как бумага, карандаш — и, подумать только, на стенографию!

Конечно, раньше кое-кто пытался контрабандой протащить в зал магнитофон. Этим немногим смельчакам удалось вынести запретное орудие обратно, но, заглянув в дымящееся нутро аппарата, они тотчас поняли: попытки тщетны. И всем тогда стало ясно, почему им всегда предлагали в их же собственных интересах оставлять часы и прочие металлические предметы за пределами зала...

И, что еще несправедливей и обидней, сам-то Кареллен записывал пресс-конференцию с начала и до конца. Журналистов, виновных в небрежности или в прямом извращении сказанного (такое, правда, случалось очень редко), вызывали для краткой малоприятной встречи с подчиненными Кареллена и предлагали им внимательно прослушать запись того, что на самом деле сказал Попечитель. Урок был не из тех, какие приходится повторять.

Поразительно, как быстро разносятся слухи. Заранее ничего не объявляется, но каждый раз, когда Кареллен хочет сообщить что-то важное — а это бывает раза два-три в год,— в зале яблоку упасть некуда.

Высокие двери распахнулись, и приглушенный ропот мгновенно утих: на эстраду вышел Кареллен. Освещение здесь было тусклое — несомненно, так слабо светило неведомое далекое солнце Сверхправителей,— и Попечитель Земли сейчас был без темных очков, в которых обычно появлялся под открытым небом.

Он отозвался на нестройный хор приветствий официальным «Доброе утро всем» и повернулся к высокой, почтенного вида особе, стоявшей впереди. Мистер Голд, старейшина газетного цеха, своим видом вполне мог бы вдохновить знаменитого дворецкого, героя знаменитых старинных романов, доложить хозяину: «Три газетчика, милорд, и джентльмен из "Таймс"». Одеждой и всеми повадками он напоминал дипломата старой школы: всякий без колебаний доверялся ему — и никому потом не приходилось об этом жалеть.

— Сегодня полно народу, мистер Голд. Должно быть, вам не хватает материала.

Джентльмен из «Таймс» улыбнулся, откашлялся:

— Надеюсь, вы восполните этот пробел, господин Попечитель.

И замер, не сводя глаз с Кареллена, пока тот обдумывал ответ. До чего обидно, что лица Сверхправителей — застывшие маски и не выдают никаких чувств. Большие, широко раскрытые глаза (зрачки даже при этом слабом свете сузились и едва заметны) непроницаемым взглядом в упор встречают откровенно любопытный взгляд человека. На щеках — если эти точно из гранита высеченные рифленые изгибы можно назвать щеками — по дыхательной щели, из щелей с еле слышным свистом выходит воздух: это предполагаемые легкие Кареллена трудно работают в непривычно разреженной земной атмосфере. Голд разглядел бахрому белых волосков, колеблющихся то внутрь, то наружу в перемежающемся ритме двухтактного быстрого Карелленова дыхания. Предполагалось, что они, как фильтры, предохраняют от пыли, и на этой шаткой основе строились сложные теории об атмосфере планеты Сверхправителей.

— Да, у меня есть для вас кое-какие новости. Как вам, без сомнения, известно, один из моих грузовых кораблей недавно отправился отсюда на базу. Сейчас мы обнаружили, что на борту имеется «заяц».

Сотня карандашей замерла в воздухе; сто пар глаз вперились в Кареллена.

— Вы сказали «заяц», господин Попечитель? — переспросил Голд.— Нельзя ли узнать, кто он такой? И как попал на корабль?

— Его зовут Ян Родрикс, он учился в Кейптаунском университете, студент механико-математического факультета. Прочие подробности вы, несомненно, узнаете сами из ваших надежных источников.

Кареллен улыбнулся. Странная это была улыбка. Она выражалась больше в глазах, жесткий безгубый рот почти не дрогнул. Может быть, Попечитель с неизменным своим искусством и этот обычай перенял у людей? — подумалось Голду. Ибо впечатление такое, что Кареллен и вправду улыбается, и воспринимаешь это именно как улыбку.

— Ну, а каким образом он улетел с Земли, не столь важно,— продолжал Попечитель.— Могу заверить вас и любого охотника до космических полетов, что повторить это никому не удастся.

— Но что будет с этим молодым человеком? — настаивал Голд.— Вернут ли его на Землю?

— Это зависит не от меня, но, думаю, он вернется со следующим рейсом. Там, куда он отправился, ему будет неуютно, слишком... э-э... чуждая обстановка. И с этим связано главное, из-за чего я сегодня устроил нашу встречу.

Кареллен чуть помолчал, и в зале затаили дыхание.

— Кое-кто из более молодых и романтически настроенных жителей вашей планеты иногда высказывал недовольство тем, что вам не разрешено выходить в космос. У нас были на то причины, мы ничего не запрещаем ради собственного удовольствия. Но задумались ли вы хоть раз — извините за не совсем лестное сравнение,— как бы почувствовал себя человек из вашего каменного века, если бы вдруг очутился в современном большом городе?

— Но это ведь совершенно разные вещи! — запротестовал корреспондент «Геральд трибюн».— Мы привыкли к Науке, Науке с большой буквы. Без сомнения, в вашем мире нам многого не понять, но мы не вообразим, будто это колдовство.

— Вы уверены? — очень тихо, чуть слышно спросил Кареллен.— Только столетие лежит между веком пара и веком электричества, но что понял бы инженер викторианской эпохи в телевизоре или в электронной вычислительной машине? Долго бы он прожил, если бы попробовал разобраться в этой механике? Пропасть, разделяющая два вида технологии, может стать чересчур огромной... и смертельной.

— Эге,— шепнул корреспондент агентства Рейтер представителю Би-би-си,— нам повезло. Сейчас он сделает важное политическое заявление. Узнаю приметы.

— Есть и еще причины, по которым мы удерживаем человечество на Земле. Смотрите.

Свет медленно померк. И посреди зала возникло бледное сияние. И сгустилось в звездный водоворот — спиральную туманность, видимую откуда-то со стороны, словно наблюдатель находился очень далеко от самого крайнего из составляющих ее солнц.

— Ни один человек никогда еще этого не видел,— раздался в темноте голос Кареллена.— Вы смотрите на свою Вселенную, галактический островок, куда входит и ваше Солнце, с расстояния в полмиллиона световых лет.

Долгое молчание. Опять заговорил Кареллен, и теперь в голосе его звучало нечто новое — не то чтобы настоящая жалость и не совсем презрение.

— Ваше племя проявило редкую неспособность справляться с задачами, возникающими на собственной небольшой планете. Когда мы прибыли сюда, вы готовы были истребить сами себя при помощи сил, которые опрометчиво вручила вам наука. Не вмешайся мы, сегодня Земля была бы радиоактивной пустыней.

Теперь у вас тут мир, человечество едино. Вскоре вы достигнете такого уровня развития, что сумеете управлять своей планетой без нашей помощи.

Быть может, в конце концов станете даже справляться со всей Солнечной системой — примерно на пятидесяти лунах и планетах. Но неужели вы воображаете, что вам будет когда-нибудь под силу вот это?

Звездная туманность ширилась. Звезды неслись мимо, вспыхивали и пропадали из глаз мгновенно, точно искры в кузнице. И каждая мимолетная искра была солнцем, вокруг которого обращалось бог весть сколько миров...

— В одной только нашей Галактике восемьдесят тысяч миллионов звезд,— негромко продолжал Кареллен.— И эта цифра дает лишь слабое понятие о необъятности космоса. Выйдя в космос, вы были бы как муравьи, которые пытаются перебрать и обозначить ярлыком каждую песчинку во всех пустынях вашей планеты.

Вы, человечество, на нынешнем уровне вашего развития просто не выдержите такого столкновения. Одной из моих обязанностей с самого начала было оберегать вас от могучих сил, властвующих среди звезд,— от сил, недоступных самому пылкому вашему воображению.

Взвихренные огневые туманы Галактики померкли; в просторном зале снова зажегся свет, настала гробовая тишина.

Кареллен повернулся, готовый уйти,— пресс-конференция кончилась. У дверей он помедлил, оглянулся на безмолвную толпу журналистов.

— Это горькая мысль, но вы должны с ней примириться. Планетами вы, возможно, когда-нибудь овладеете. Но звезды — не для человека.

«ЗВЕЗДЫ НЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА». Да, конечно же, им обидно, что небесные врата захлопнулись у них перед носом. Но пусть научатся смотреть правде в глаза — хотя бы той доле правды, которую, щадя их, можно им открыть.

Из пустынных высей стратосферы Кареллен смотрел на планету и ее жителей, вверенных его попечению,— обязанность нерадостная. Он думал о том, что еще предстоит, о том, чем станет этот мир всего лишь через двенадцать лет.

Никогда они не узнают, как им повезло. Немалый срок, отпущенный людям от колыбели до могилы, человечество было счастливей, чем любое другое разумное племя. То был Золотой век. Но ведь золото еще и цвет заката, цвет осени... и слух одного лишь Кареллена улавливал первые стенания надвигающихся зимних вьюг.

И один лишь Кареллен знал, с какой страшной быстротой Золотой век близится к неотвратимому концу.

III

ПОСЛЕДНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

15

— Нет, ты только посмотри! — взорвался Джордж Грегсон и швырнул газету через стол. Джин не успела ее перехватить, и газетный лист распластался на завтраке. Джин терпеливо счистила с бумаги варенье и прочитала столь

возмутительный абзац, силясь изобразить на лице неодобрение. Ей это плохо удавалось, слишком часто она бывала согласна с критиками. Обычно она умалчивала о своих еретических взглядах — и не только ради мира и спокойствия в доме. Джордж охотно принимает от нее (и от кого угодно) похвалы, но осмелься она хоть в чем-то упрекнуть его работу, и придется выслушать убийственный разнос: она полнейшая невежда и ничего не смыслит в искусстве!

Джин дважды перечитала рецензию и сдалась. Рецензент как будто вполне доброжелателен, так она и сказала Джорджу:

— Видно, спектакль ему понравился. Чем ты, собственно, недоволен?

— Вот чем,— огрызнулся Джордж и ткнул пальцем в середину столбца.— Перечитай-ка еще раз.

— «Особенно радовали глаз нежно-зеленые пастельные тона задника в балетной сцене». Ну и что?

— Никакой он не зеленый! Я сколько времени потратил, пока добился этого голубого оттенка! А что получилось? То ли какой-то болван осветитель перепутал цветовую настройку, то ли у этого осла-рецензента телевизор-дальтоник. Слушай, а у нас на экране какого цвета был фон?

— Э-э... не помню,— призналась Джин.— Тогда как раз запищала Пупса, и мне пришлось пойти посмотреть, что с ней.

— А,— только и уронил Джордж. Ясно было, втихомолку он все еще кипит, того и гляди опять взорвется. Так оно и случилось, но взрыв оказался довольно безобидным.— Я нашел новое определение для телевизора,— пробормотал Джордж.— Это аппарат, который мешает взаимопониманию художника и зрителя.

— Ну, и что ты будешь с этим делать? — спросила Джин.— Вернешься к обычному театру?

— А почему бы и нет? Именно об этом я и думаю. Помнишь, какое письмо я получил из Новых Афин? Так вот, они опять мне написали. И на этот раз я хочу ответить.

— Вот как? — Джин немножко встревожилась.— По-моему, они там все чокнутые.

— Ну, выяснить это можно только одним способом. В ближайшие две недели съезжу и посмотрю, что там за народ. Имей в виду, то, что они печатают в стихах и в прозе, никаким помешательством не пахнет. И там есть несколько человек по-настоящему талантливых.

— Если ты воображаешь, что я стану стряпать на костре и одеваться в звериные шкуры, ты сильно...

— Не говори глупостей! Все это басни. В Колонии есть все необходимое, чтобы жить по-человечески. Просто они отказались от излишней роскоши. И потом, я уже года два не бывал на Тихом океане. Чем плохо съездить туда вдвоем?

— Это пожалуйста,— сказала Джин.— Но я не согласна, чтобы наш сын и Пупса росли дикими полинезийцами.

— Дикими они не вырастут,— сказал Джордж.— Это я тебе обещаю.

И он был прав, хотя и не в том смысле, как думал.

— Как вы видели при подлете, наша Колония расположена на двух островах, их соединяет дамба,— сказал малорослый человечек с другого конца веранды.— Этот — Афины, а второй остров мы окрестили Спартой. Он довольно дикий, скалистый, отличное место для спорта и тренировки.— Он мельком глянул на брюшко гостя, и Джордж смущенно поежился в плетеном кресле.— Кстати, Спарта — это потухший вулкан. По крайней мере геологи уверяют, что он потух, ха-ха!

Но вернемся к Афинам. Как вы догадываетесь, Колония была задумана, чтобы создать независимый прочный очаг культуры, сохраняющий традиции искусства. Надо сказать, прежде чем взяться за это дело, мы провели серьезнейшие исследования. По сути, у нас тут образчик построения общества, основанного на весьма сложных математических расчетах, не стану притворяться, будто я в них разбираюсь. Знаю только, что математики-социологи в точности вычислили, как велико должно быть население Колонии, сколько в ней должно быть людей разного склада, а главное, на каких законах она должна строиться, чтобы оставаться долговременной и устойчивой.

Нами управляет Совет из восьми директоров, они представляют Производство, Энергетику, Общественное устройство, Искусство, Экономику, Науку, Спорт и Философию. Постоянного президента или председателя у нас нет. Эти обязанности несет по очереди каждый из директоров в течение года.

Сейчас в Колонии чуть больше пятидесяти тысяч человек, совсем немного недостает до идеальной численности. Вот почему мы присматриваем новых добровольцев. И, понятно, есть кое-какие пробелы: нам не хватает некоторых талантливых специалистов.

Здесь, на острове, мы пытаемся сохранить независимость человечества хотя бы в искусстве. Мы не питаем вражды к Сверхправителям, мы просто хотим, чтобы нас предоставили самим себе. Когда Сверхправители уничтожили старые государства и тот образ жизни, к которому люди привыкли за всю свою историю, вместе с плохим уничтожено было и немало хорошего. Наша жизнь стала безмятежной, но притом безликой, пресной, наша культура мертва: за все время при Сверхправителях не создано ничего нового. И очень ясно почему. Не к чему больше стремиться, нечего добиваться, и слишком много стало всяческих развлечений. Ведь каждый день радио и телевидение по разным каналам выдают программы общей сложностью на пятьсот часов — вы об этом задумывались? Если вовсе не спать и ничем другим не заниматься, все равно уследишь едва ли за двадцатой долей всего, чем можно развлечься, стоит только щелкнуть переключателем! Вот человек и становится какой-то губкой — все поглощает, но ничего не создает. Известно ли вам, что сейчас в среднем каждый просиживает перед экраном по три часа в день? Скоро люди вовсе перестанут жить своей жизнью. Будут тратить полный рабочий день, лишь бы не прозевать многосерийную историю какого-нибудь выдуманного семейства!

Здесь, в Афинах, на развлечения тратится не больше времени, чем следует. Больше того, это не записи и не пленки, выступают живые артисты. В общине таких размеров спектакли и концерты всегда проходят при почти полном зале, а это так важно для исполнителей и художников. Кстати, у нас превос-

ходный симфонический оркестр, вероятно, один из шести лучших во всем мире.

Но я совсем не хочу, чтобы вы верили мне на слово. Обычно те, кто хочет вступить в Колонию, сначала гостят у нас несколько дней, присматриваются. И если почувствуют, что хотели бы к нам присоединиться, мы им предлагаем ряд психологических тестов, это, в сущности, главная линия нашей обороны. Примерно треть желающих мы отвергаем, обычно по причинам, которые не бросают на них ни малейшей тени и не имеют никакого значения вне Колонии. Те же, кто выдержал испытание, уезжают домой, чтобы уладить все свои дела, а потом возвращаются к нам. Бывает, и не возвращаются, передумывают, но это большая редкость, и почти всегда их удерживают какие-нибудь личные обстоятельства, от них не зависящие. Наши тесты сейчас безошибочны: их неизменно выдерживают люди, которые по-настоящему хотят быть с нами.

— А если кто-нибудь у вас поселится, а потом вдруг передумает? — с тревогой спросила Джин.

— Тогда можно уехать. Никто не помешает. Так бывало раза два.

Наступило долгое молчание. Джин посмотрела на Джорджа, он задумчиво поглаживал бакенбарды — новейшая мода среди людей искусства. Что ж, пока отступление не отрезано, ей незачем чересчур беспокоиться. Похоже, эта Колония — занятное место и, уж конечно, не такая это сумасбродная затея, как она опасалась. А детям тут наверняка понравится. В конце концов, только это и важно.

Через полтора месяца они переехали в Колонию. Одноэтажный дом невелик, но для семьи из четырех человек, где пятого заводить не собираются, места вполне достаточно. А вот и все приборы, облегчающие стряпню, уборку и прочее,— по крайней мере, как признала Джин, возврат к средневековому рабству домашней хозяйки ей не грозит. Впрочем, ее несколько обеспокоило открытие, что тут есть кухня. Обычно в местах, где живет столько народу, работает Линия доставки — набираешь номер Центральной и через пять минут получаешь какое угодно блюдо. Независимость — это прекрасно, со страхом подумала Джин, но тут, кажется, хватили через край. Уж не предстоит ли ей самой не только стряпать, но и одевать всю семью? Однако до этого все-таки не дошло: между автоматической мойкой и радарной плитой прялки не оказалось...

Всюду, кроме кухни, в доме, понятно, было очень голо и пусто. Они здесь поселились первыми, и не сразу эта аптечной чистоты новизна обратится в теплое человеческое жилье. Дети наверняка, словно закваска, ускорят это превращение. Уже сейчас (Джин пока об этом не подозревает) в ванне гибнет злосчастная жертва Джеффри, ибо сей молодой человек не ведает коренной разницы между пресной водой и соленой.

Джин подошла к еще не завешенному окну и поглядела на Колонию. Что и говорить, красивые места. Дом стоит на западном склоне невысокого холма — единственного, что поднимается над островом Афины. За два километра к северу видна узкая дамба, она, точно лезвие ножа, рассекает воды океана,

по ней можно перейти на Спарту. Этот скалистый остров, увенчанный хмурым конусом вулкана, подчас пугает Джин, слишком он не похож на мирные Афины. Разве могут ученые знать наверняка, что вулкан никогда больше не проснется и не погубит все вокруг?

Но вот вдали замаячил явно неумелый велосипедист, устало поднимается в гору, едет не по дороге, как положено, а в тени пальм. Это Джордж возвращается с первого своего совещания. Хватит предаваться мечтам, в доме работы по горло.

Металлический звон и лязг возвестил о прибытии мужнина велосипеда. Скоро ли они оба научатся ездить как следует, подумала Джин. Вот еще неожиданная особенность островной жизни. Колонистам не разрешено обзаводиться автомобилями, да, строго говоря, и нужды нет — самый длинный путь по прямой здесь меньше пятнадцати километров. Есть разный общественный транспорт — грузовики, санитарные и пожарные машины, их скорость, кроме случаев крайней необходимости, ограничена: не больше пятидесяти километров в час. А потому жители Афин не страдают от сидячего образа жизни, от заторов на улицах — и от аварий и смерти под колесами.

Джордж наскоро чмокнул жену в щеку и со вздохом облегчения рухнул в ближайшее кресло.

— Уф! — выдохнул он, утирая пот со лба.— На подъеме меня все обгоняли, так что, видно, привыкнуть все-таки можно. Пожалуй, я уже похудел килограммов на десять.

— А день был удачный? — спросила Джин, как подобает внимательной жене. Она надеялась, что Джордж не слишком вымотался и поможет распаковать вещи.

— Все идет отлично. Познакомился с кучей народу, конечно, и половины не запомнил, но, похоже, все очень славные. И театр хорош, лучше нечего и желать. На той неделе начинаем работать над пьесой Шоу «Назад к Мафусаилу». На мне декорации и все оформление. Буду сам себе хозяин, не то что прежде, когда десять человек командуют — не делай того, не делай этого. Да, я думаю, нам тут будет хорошо.

— Несмотря на велосипеды?

У Джорджа хватило сил улыбнуться.

— Да,— сказал он,— недели через две мне этот холмик будет нипочем.

Он не совсем в это верил, но оказался прав. Однако прошел еще целый месяц, прежде чем Джин перестала горевать о машине и ей открылось, какие чудеса можно творить у себя на кухне.

Новые Афины возникли и развивались не так естественно, сами собой, как античный город, чье имя они переняли. Устройство Колонии, продуманное и рассчитанное до мелочей, стало плодом многолетних исследований, тут поработали в содружестве поистине замечательные люди. Поначалу это был прямой заговор против Сверхправителей, в котором крылся вызов если не их могуществу, то их политике. И на первых порах зачинатели Колонии почти не сомневались, что Карелл ен сокрушит их планы, однако Попечитель пальцем не шевельнул, будто ничего и не заметил. Но это и не так уж успокаива-

ло, как можно бы предполагать. Кареллену спешить некуда, быть может, он только еще готовит ответный удар. А может быть, он убежден, что их затея все равно обречена на провал и ему незачем вмешиваться.

Что Колонию ждет провал, предсказывали почти все. Но ведь и в далеком прошлом, когда люди еще понятия не имели о закономерностях общественного развития, немало зарождалось общин, вдохновляемых религиозными или философскими целями. Правда, в большинстве они оказывались недолговечными, но были и жизнеспособные. А Новые Афины опираются на самые прочные устои, какие только способна выработать современная наука.

На острове Колонию основали по многим причинам. Немаловажны были соображения чисто психологические. Конечно, в век общедоступных воздушных сообщений перемахнуть через океан ничего не стоит, а все же чувствуешь себя отгороженным. Притом, поскольку размеры острова ограничены, Колония не станет чересчур многолюдной. Население не должно превышать ста тысяч человек, иначе утрачены будут преимущества небольшой сплоченной общины. Среди прочего основатели ее стремились к тому, чтобы в Новых Афинах каждый мог познакомиться со всеми, кто разделяет его склонности и интересы,— и еще с двумя-тремя процентами остальных колонистов.

Начало Колонии положил некий новый Моисей. И, подобно Моисею, он не дожил до вступления в землю обетованную — Колония основана была через три года после его смерти.

Он родился в стране, которая одной из последних обрела самостоятельность, а потому и век этого государства оказался самым коротким. Быть может, потому-то конец национальной независимости здесь переживали тяжелей, чем где-либо еще: горько утратить мечту, едва она сбылась, когда стремились к ней столетиями.

Бен Соломон не был фанатиком, но, должно быть, воспоминания детства в значительной мере определили философию, которую ему суждено было претворить в действие. Он еще помнил, каков был мир до прибытия Сверхправителей, и вовсе не желал вернуть его. Как многие разумные люди доброй воли, он вполне способен был оценить все, что сделал Кареллен для человечества, однако с тревогой гадал, какова же конечная цель Попечителя. Быть может, думалось ему порой, при всем своем всеобъемлющем уме, при всех познаниях Сверхправители, по сути, не понимают людей и из лучших побуждений совершают жестокую ошибку? А вдруг, самоотверженно преданные порядку и справедливости, решив преобразить наш мир, они не поняли, что при этом разрушают человеческую душу?

Упадок едва наметился, однако нетрудно было уловить первые признаки вырождения. Соломон, сам не художник, но тонкий знаток и ценитель искусства, понимал, что его современники ни в одной области не могут тягаться с великими мастерами прошлого. Быть может, в дальнейшем, когда забудется потрясение от встречи с цивилизацией Сверхправителей, все уладится само собой. А может быть, и нет — и человеку предусмотрительному на всякий случай следует застраховаться.

Такой страховкой и стали Новые Афины. На их создание потребовались двадцать лет и несколько миллиардов фунтов — не так уж много при том, как

богат стал мир. За первые пятнадцать лет ничего не изменилось; за последние пять произошло очень многое.

Соломон ровным счетом ничего не достиг бы, не сумей он убедить горсточку всемирно знаменитых людей искусства, что замысел его разумен и осуществим. Они откликнулись не потому, что задуманное важно для всего человечества, откликалось скорее некоторое честолюбие, творческое «я» каждого. Но, когда они прониклись этой мыслью, к ним прислушался весь мир и поддержал их сочувствием и деньгами. Так возведен был блистательный фасад таланта и страсти, а за ним осуществляли свой план подлинные строители Колонии.

Всякое общество состоит из отдельных людей, и поведение каждого в отдельности непредсказуемо. Но если взять достаточно человек из основных категорий, начинают проявляться какие-то общие законы — это давным-давно открыли общества по страхованию жизни. Нет никакой возможности предсказать, кто именно умрет за такой-то срок, но общее число смертей можно предвидеть довольно точно.

Есть и другие, менее очевидные закономерности, впервые их уловили в начале XX века математики — Винер, Рашавески. Они утверждали, что такие явления, как экономические кризисы, последствия гонки вооружений, устойчивость общественных групп, результаты парламентских выборов и прочее, поддаются чисто математическому анализу. Серьезную трудность тут представляет огромное количество переменных величин, причем многие из них весьма сложно выразить в числовых понятиях. Нельзя просто начертить серию кривых и заявить безоговорочно: «Когда будет достигнута эта линия, начнется война». И нельзя начисто сбрасывать со счетов полнейшие неожиданности — к примеру, убийство важнейшего политического деятеля или следствия какого-нибудь научного открытия, а тем более — стихийных бедствий вроде землетрясений или наводнений, а между тем такие события могут решающим образом повлиять на большие массы людей и целые пласты общества.

И все же знания, терпеливо собранные за последнее столетие, позволяют достичь многого. Задача была бы невыполнимой, если бы не помощь громадных вычислительных машин, способных за несколько секунд сделать расчеты, на которые иначе пришлось бы затратить труд тысяч людей. Их-то помощью всемерно и пользовались те, кто создавал план Колонии.

Но при этом основатели Новых Афин только подготовили почву и климат для растения, которое они жаждали взлелеять,— быть может, оно расцветет, а может быть, и нет. Как сказал однажды сам Соломон: «Мы можем быть уверены в таланте, но о гении остается только молиться». Были, однако, все основания надеяться, что в столь насыщенном растворе начнутся любопытные химические реакции. Мало кто из художников процветает в одиночестве, зато какие живые искры высекает столкновение умов, объединенных сходными интересами.

Такие столкновения уже породили кое-что достойное внимания в области скульптуры, музыки, литературной критики и кино. Еще рано было судить, оправдают ли историки надежды своих вдохновителей, которые откровенно стремились вновь пробудить в человечестве гордость за былые свои свершения.

Живопись пока что прозябала, подтверждая этим взгляды теоретиков, которые полагали, что у статичных, плоскостных форм искусства нет будущего.

Стали замечать, хотя убедительного объяснения пока не находилось, что в самых выдающихся произведениях искусства, созданных колонистами, важнейшую роль играет время. Даже скульптура редко оставалась неподвижной. Загадочные изгибы и извивы творений Эндрю Карсона медленно изменялись на глазах зрителя, согласно сложному замыслу, быть может, не совсем понятному и все же увлекающему. А сам Карсон утверждал, и в этом есть доля истины, что довел до логического завершения абстрактные композиции прошлого века и тем самым сочетал скульптуру с балетом.

В музыкальной жизни Колонии велись тщательные исследования того, что можно назвать «протяженностью времени». Каков самый краткий звук, доступный нашему восприятию,— и каков самый долгий, который не успевает наскучить? Можно ли менять эти величины, варьируя силу звука или преобразуя оркестровку? Подобные вопросы обсуждались бесконечно, и доводы тут были не просто теоретические. Из этих споров родилось несколько на редкость интересных произведений.

Но всего удачней оказались опыты Новых Афин по части мультфильма с его поистине неограниченными возможностями. Сто лет минуло со времен Диснея, а чудеса этого самого гибкого и выразительного из искусств все еще не исчерпаны. Оно может оставаться и чисто реалистическим, и тогда плоды его неотличимы от обыкновенной фотографии, к величайшему презрению поборников абстрактной мультипликации.

Больше всего привлекала, но и пугала группа художников и ученых, которая пока что создала меньше всего. Эти люди добивались «полного слияния». Ключ к их работе дала история кино. Сначала звук, затем цвет, затем стереоскопия и наконец синерама шаг за шагом приближали старинные «движущиеся картинки» к подлинной жизни. Чем же это кончится? Без сомнения, можно достичь большего: зрители забудут, что они только зрители, и сами станут участниками фильма. Для этого пришлось бы воздействовать решительно на все чувства, а пожалуй, подключить и гипноз, но многие считали, что это вполне осуществимо. Если цель эта будет достигнута, невообразимо богаче станет жизненный опыт человека. Каждый сможет стать хотя бы на время кем угодно другим и пережить все мыслимые и немыслимые события и приключения, подлинные или воображаемые. Можно даже превратиться в растение или животное, лишь бы удалось уловить и записать чувственные восприятия не только человека, но любого живого существа. И когда «программа» кончится, у зрителей останется воспоминание столь же яркое, как о любом событии, пережитом на самом деле,— попросту неотличимое от действительности.

Ослепительное будущее. Многих оно страшило, и они надеялись, что затея не удастся. Но в глубине души и они понимали: раз наука считает что-то осуществимым, в конце концов это неизбежно сбудется...

Таковы были Новые Афины и таковы иные их мечты. Они надеялись стать тем, чем были бы Афины античных времен, обладай они вместо рабов машинами и вместо суеверий наукой. Но еще слишком рано было судить, увенчается ли опыт успехом.

16

Джеффри Грегсон был единственным островитянином, кого пока ничуть не интересовали ни эстетика, ни наука — два главных предмета, которые поглощали его родителей. Но по сугубо личным причинам он всей душой одобрял Колонию. Его околдовало море, до которого, в какую сторону ни пойдешь, всего-то считанные километры. Почти всю свою короткую жизнь Джеффри провел далеко от любых берегов и еще не освоился с новым, удивительным ощущением, когда вокруг — вода. Он хорошо плавал и нередко, захватив ласты и маску, в компании сверстников отправлялся на велосипеде исследовать ближнюю мелководную лагуну. Сперва Джин беспокоилась, а потом несколько раз ныряла и сама, после чего перестала бояться моря и его странных обитателей и позволила сыну развлекаться как угодно при одном условии: никогда не плавать в одиночку.

Весьма одобрял новое место жительства другой домочадец Грегсонов — золотистая красавица собака породы ретривер по кличке Фэй; хозяином ее считался Джордж, но ее редко удавалось отозвать от Джеффри. Эти двое не разлучались целыми днями, не разлучались бы и ночью, но тут Джин была непреклонна. Лишь когда Джеффри уезжал из дому на велосипеде, Фэй оставалась дома — лежала у порога, ко всему равнодушная, уронив морду на передние лапы, и неотрывно смотрела на дорогу влажными скорбными глазами. Джордж бывал этим несколько уязвлен, Фэй и ее родословная обошлись ему в кругленькую сумму. Видно, надо дождаться следующего поколения — оно ожидается через три месяца, и лишь тогда у него появится своя собственная собака. У Джин на этот счет были другие взгляды. Фэй очень мила, но, право же, в доме можно обойтись и без второй собаки.

Одна только Дженнифер Энн пока не решила, нравится ли ей в Колонии. Да и неудивительно: до сих пор она во всем мире только и видела пластиковые стенки своей кроватки и еще даже не подозревала, что за этими стенками существует какая-то Колония.

Джордж Грегсон не часто задумывался о прошлом, он слишком поглощен был планами на будущее, слишком занят своей работой и детьми. Очень редко возвращался он мыслями к тому вечеру в Африке, много лет назад, и никогда не говорил о нем с Джин. Они словно согласились обходить тот случай молчанием и ни разу больше не навещали Бойсов, которые опять и опять их приглашали. По нескольку раз в год они звонили Руперту и под разными предлогами уклонялись от визитов, и под конец он оставил их в покое. Брак его с Майей, ко всеобщему немалому удивлению, все еще оставался прочным и счастливым.

После того вечера у Джин пропала всякая охота соваться в загадки, таящиеся за пределами науки. От простодушного, доверчивого удивления, что влекло ее к Руперту и его опытам, не осталось и следа. Быть может, тот случай ее убедил, и она не нуждалась в дальнейших доказательствах — об этом Джордж предпочитал не спрашивать. Столь же вероятно, что забота о детях вытеснила из ее мыслей прежние увлечения.

Джордж понимал, нет никакого толку биться над загадкой, которую все равно не решить, и все же иногда в ночной тишине просыпался и снова спрашивал себя о том же. Он вспоминал встречу с Яном Родриксом на крыше Рупертова дома и немногие слова, которыми обменялся он с единственным человеком, кому удалось преступить запрет Сверхправителей. В царстве сверхъестественного, думалось Джорджу, не сыщешь ничего настолько до жути поразительного, как вот эта простая научно установленная истина: почти десять лет прошло после того разговора с Яном, а меж тем этот ныне невообразимо далекий странник с тех пор стал старше всего на несколько дней.

Вселенная необъятна, но это не так страшит, как ее таинственность. Джордж не из тех, кто глубоко задумывается над подобными вопросами, а все же ему порой кажется, что люди Земли — всего лишь дети, резвящиеся на какой-то площадке для игр, надежно отгороженной от грозного внешнего мира. Ян Родрикс взбунтовался против этой защищенности и ускользнул — бежал в неведомое. Но в этих делах он, Джордж, на стороне Сверхправителей. У него нет ни малейшего желания столкнуться с тем, что скрывается там, во тьме неизведанного, вне тесного кружка света, отброшенного светильником Науки.

— Как так получается,— пожаловался Джордж,— когда уж я попадаю домой, Джеф непременно где-то гоняет. Куда он сегодня девался?

Джин подняла глаза от вязанья — это старинное занятие недавно возродилось с большим успехом. Подобные моды сменялись на острове довольно быстро. Благодаря упомянутому новому увлечению всех мужчин одарили многоцветными свитерами — в дневную жару надевать их было невозможно, а после захода солнца в самый раз.

— Джеф отправился с приятелями на Спарту,— ответила Джин мужу.— Обещал вернуться к обеду.

— Вообще-то я пришел домой поработать,— в раздумье сказал Джордж,— но уж очень славный денек, пожалуй, пойду и сам искупаюсь. Какую рыбу тебе принести?

Джордж еще ни разу не вернулся домой с уловом, да и не ловилась рыба в лагуне, чересчур была хитра. Джин уже собралась было ему об этом напомнить, но внезапно послеполуденную тишину потряс звук, который даже в нынешние мирные времена леденил кровь и сжимал сердце тисками недоброго предчувствия. То взвыла сирена — нарастая, замирая и вновь нарастая, кругами разлеталась все шире над морем весть об опасности.

Почти столетие медленно накапливалось давление в раскаленной тьме глубоко под дном океана. С тех пор как здесь образовался подводный каньон, минули геологические эпохи, но истерзанные скалы так к не примирились с новым своим положением. Множество раз несчетные глубинные пласты трескались и колебались под невообразимой тяжестью вод, нарушающей их непрочное равновесие. И сейчас они вновь готовы были сместиться.

Джеф обследовал каменистые ложбинки вдоль узкого берега Спарты — что может быть увлекательней? Никогда не угадать заранее, какие чудо-суще-

ства укрылись тут от могучих валов, которые неустанно накатывают с Тихого океана и разбиваются о рифы. Это волшебная страна для каждого мальчишки, и сейчас Джеф владеет ею один: друзья ушли в горы.

День тихий, спокойный, ни ветерка, и даже вечный ропот волн за рифами сегодня как-то задумчиво приглушен. Палящее солнце еще только на полпути к закату, но Джефу, высмугленному загаром до цвета красного дерева, уже не страшны самые жгучие лучи.

Берег здесь — узкая песчаная полоска, он круто спускается к лагуне. Вода прозрачна, как стекло, в ней ясно видны камни, знакомые Джефу не хуже любого валуна и пригорка на суше. На глубине около десяти метров покрытый водорослями остов старой-престарой шхуны выгнулся навстречу миру, откуда он канул на дно добрых двести лет назад. Джеф с друзьями не раз обследовали эти древние останки, но надежда найти неведомые сокровища так и не сбылась. Только и добыли сплошь обросший ракушками компас.

И вдруг нечто взялось за берег уверенной хваткой и встряхнуло — один только раз. Дрожь мигом прошла, и Джеф подумал, может, ему просто почудилось. Пожалуй, просто на миг закружилась голова, ведь кругом ничего не изменилось. Воды лагуны по-прежнему как зеркало, в небесах ни облачка, ничего угрожающего. А потом начало твориться что-то очень странное.

Вода отступала от берега, да так быстро, как никогда еще не бывало при отливе. Очень удивленный, но ничуть не испуганный, Джеф смотрел, как обнажается и сверкает на солнце мокрый песок. И пошел вслед за откатывающимся океаном — нельзя ничего упустить, мало ли какие чудеса подводного мира могут сейчас открыться. А лагуна стала совсем мелкой, мачта затонувшей шхуны уже торчала над водой и поднималась все выше, и водоросли на ней, лишенные привычной опоры, бессильно поникли. Джеф заторопился — скорей, скорей, впереди ждут неведомые открытия.

И тут до его сознания дошел странный звук, доносящийся от рифа. Джеф никогда еще такого не слышал и приостановился, пытаясь понять, что это; босые ноги медленно погружались в мокрый песок. За несколько шагов от него билась в предсмертных судорогах большая рыбина, но Джеф лишь мельком глянул на нее. Он застыл, настороженно прислушиваясь, а шум, идущий от рифа, все нарастал.

То были странные звуки — и журчащие, и сосущие, словно река устремилась в узкое ущелье. То был гневный голос океана, что нехотя отступал, теряя, пусть ненадолго, пространства, которыми владел по праву. Сквозь прихотливо изогнутые ветви кораллов, сквозь потаенные подводные пещеры ускользали из лагуны в необъятность Тихого океана миллионы тонн воды.

Очень скоро и очень быстро они возвратятся.

Несколько часов спустя одна из спасательных партий нашла Джефа на громадной глыбе коралла, заброшенной на высоту двадцати метров над обычным уровнем воды. Казалось, он не так уж испуган, только огорчен тем, что пропал его велосипед. Да еще порядком проголодался, ведь часть дамбы рухнула и он оказался отрезан от дома. Когда его нашли, он уже подумывал добрать-

ся до Афин вплавь и доплыл бы, наверно, без особого труда, разве что обычные течения круто повернули бы прочь от берега.

С первой минуты, когда удар цунами обрушился на остров, и до самого конца все происходило на глазах у Джин и Джорджа. Те части Афин, что расположены были невысоко над уровнем моря, сильно пострадали, но ни один человек не погиб. Сейсмографы предупредили об опасности всего за пятнадцать минут до катастрофы, но этих считанных минут хватило — все успели уйти на высоту, где волна им уже не грозила. Теперь Колония зализывала раны и собирала воедино легенды, которые год от году станут внушать все больший трепет.

Когда спасатели вернули Джефа матери, Джин расплакалась, она успела уверить себя, что его унесло волной. Ведь она сама, застыв от ужаса, видела, как с грохотом надвигалась из дальней дали черная, увенчанная белым гребнем водяная стена и, рухнув, всей брызжущей вспененной громадой придавила подножие Спарты. Невозможно было представить, как успел бы Джеф достичь безопасного места.

Неудивительно, что он не сумел толком объяснить, как же это вышло. Когда он поел и улегся в постель, Джин с Джорджем уселись подле него.

— Спи, милый, и забудь, что было,— сказала Джин.— Все страшное позади.

— Но я не так уж испугался,— запротестовал Джеф.— Было очень занятно.

— Вот и хорошо,— сказал Джордж.— Ты храбрый паренек, и молодец, что сообразил вовремя убежать. Мне и раньше случалось слышать про такие вот цунами. Когда вода отступает, многие идут за ней по открытому дну поглядеть, что такое творится, и их захлестывает.

— Я тоже пошел,— признался Джеф.— Интересно, кто это меня выручил?

— Как выручил? Ты же там был один. Остальные ребята ушли в гору.

На лице у Джефа выразилось недоумение.

— Так ведь кто-то мне велел бежать.

Джин и Джордж озабоченно переглянулись.

— То есть... тебе что-то послышалось?

— Ах, оставь его сейчас в покое,— с тревогой и, пожалуй, чересчур поспешно перебила Джин.

Но Джордж упорствовал:

— Я хочу в этом разобраться. Объясни по порядку, Джеф, как было дело.

— Ну, я дошел по песку до той разбитой шхуны и тут услышал голос.

— Что же он сказал?

— Я не очень помню, вроде: «Джеффри, беги в гору. Здесь оставаться нельзя, ты утонешь». Но он меня назвал Джеффри, а не Джеф, это точно. Значит, кто-то незнакомый.

— А говорил мужчина? И откуда слышался голос?

— У меня за спиной, совсем близко. И вроде говорил мужчина...

Джеф запнулся, но отец требовал ответа:

— Ну же, продолжай. Представь, что ты опять там, на берегу, и расскажи нам подробно все как было.

— Ну, какой-то не такой был голос, я раньше такого не слыхал. Наверно, этот человек очень большой.

— А что еще он говорил?

— Ничего... пока я не полез в гору. А тогда опять получилось чудно. Знаешь, там на скале такая тропинка наверх?

— Знаю.

— Я побежал по ней, это самый быстрый путь. Тогда я уже понял, что делается, уже увидал, идет та высокая волна. И она ужасно шумела. И вдруг поперек дороги лежит большущий камень. Раньше его там не было, и смотрю, мне его никак не обойти.

— Наверно, он обрушился при землетрясении,— сказал Джордж.

— Тс-с! Рассказывай дальше, Джеф.

— Я не знал, как быть, и слышу, уже волна близко. И тут голос говорит: «Закрой глаза, Джеффри, и заслони лицо рукой». Мне показалось, чудно это, но я зажмурился и ладонью закрылся. И вдруг что-то вспыхнуло, я почувствовал — жарко, открываю глаза, а тот камень пропал.

— Пропал?

— Ну да... просто его уже не было. И я опять побежал и чуть не сжег себе подошвы, тропинка была ужасно горячая. Вода когда плеснула на нее, даже зашипела, но меня не достала, я уже высоко поднялся. Вот и все. Потом волны ушли, и я опять спустился. Смотрю, моего велика нету, и дорога домой обвалилась.

— Не огорчайся из-за велосипеда, милый,— сказала Джин, благодарно сжав сына в объятиях.— Мы тебе подарим другой. Главное, ты остался цел. Не будем гадать, как это получилось.

Это, конечно, была неправда, совещание началось, едва родители вышли из детской. Ни до чего они не додумались, однако предприняты были два шага. Назавтра же, ничего не сказав мужу, Джин повела сынишку к детскому психологу. Врач внимательно слушал Джефа, а тот, нимало не смущенный незнакомой обстановкой, снова рассказал о своем приключении. Затем, пока ничего не подозревающий пациент перебирал и отвергал одну за другой игрушки в соседней комнате, врач успокаивал Джин.

— Нет ни малейших признаков каких-либо психических отклонений. Не забывайте, он испытал жестокую встряску и перенес ее на редкость безболезненно. У мальчика богатое воображение, и он, надо полагать, сам верит в то, что рассказал. И вы тоже примите эту сказку и не волнуйтесь, разве что появятся какие-либо новые симптомы. Тогда сразу дайте мне знать.

Вечером Джин пересказала слова врача Джорджу. Похоже, он вовсе не воспрянул духом, как она надеялась, и Джин решила, что он озабочен ущербом, который потерпело его любимое детище — театр. Джордж только и пробурчал: «Вот и хорошо» и углубился в очередной номер журнала «Сцена и студия». Казалось, он утратил всякий интерес к происшествию с Джефом, и Джин ощутила даже смутную досаду.

Но три недели спустя, в первый же день, когда починили дамбу, Джордж со своим велосипедом помчался на Спарту. Берег все еще засыпан был обломками кораллов, а в одном месте, похоже, в самом рифе образовалась пробои-

на. Любопытно, сколько времени понадобится мириадам терпеливых полипов, чтобы заделать брешь, подумалось Джорджу.

По склону утеса, обращенному к морю, вела лишь одна тропинка; Джордж немного отдышался и начал взбираться по ней. Между камнями застряли высохшие обрывки водорослей, словно отметка уровня, до которого поднималась вода.

Долго стоял Джордж Грегсон на этой пустынной тропе и не сводил глаз с проплешины оплавленного камня под ногами. Попробовал внушить себе, что это случайный каприз давно заглохшего вулкана, но быстро отказался от жалкой попытки себя обмануть. Мысль метнулась в прошлое, к тому вечеру, много лет назад, когда они с Джин участвовали в дурацком опыте у Руперта Бойса. Никто так и не понял толком, что же тогда произошло, но Джордж знал: каким-то непостижимым образом эти два странных случая связаны между собой. Сначала Джин, а вот теперь ее сынишка. Джордж не знал, радоваться ли ему или бояться, и в глубине души молча взмолился: «Спасибо, Кареллен, за то, что твои собратья помогли Джефу. Только хотел бы я знать, почему они ему помогли».

Он медленно спустился на берег, а большие белые чайки обиженно вились вокруг него, ведь он не принес им никакого лакомства, ни крошки не бросил, пока они кружили над ним в воздухе.

17

Хотя подобной просьбы можно было ждать от Кареллена в любую минуту со дня основания Колонии, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Совершенно ясно, наступает какой-то поворот в судьбе Афин, но как знать, к добру это или к худу?

До сих пор Колония жила по-своему и Сверхправители никак не вмешивались в ее дела. Ее просто оставляли без внимания, как, впрочем, почти всякую деятельность людей, лишь бы она не подрывала порядок и не оскорбляла нравственные понятия Сверхправителей. Можно ли сказать, что Колония стремится подорвать существующий порядок? Колонисты — не политики, но они олицетворяют стремление разума и искусства к независимости. А кто знает, к чему приведет такая независимость? Сверхправители вполне способны предвидеть будущее Афин яснее, чем сами основатели Колонии,— и, возможно, это будущее им не по вкусу.

Разумеется, если Кареллен хочет прислать наблюдателя, инспектора, как бы там его ни назвать, ничего не поделаешь. Двадцать лет назад Сверхправители объявили, что перестают пользоваться следящими устройствами и человечеству больше незачем опасаться какого-либо подсматривания. Но ведь такие устройства существуют — и уж если Сверхправители пожелают за чем-то проследить, от них ничто не укроется.

Кое-кто на острове радовался предстоящему посещению, видя в нем случай разрешить одну из загадок психологии Сверхправителей, хоть и второстепенную: как они относятся к искусству? Не считают ли его ребячеством, заблуждением человечества? Есть ли у них самих какие-либо формы искусства?

И если есть, вызван ли этот визит чисто эстетическим интересом или на уме у Кареллена что-то не столь безобидное?

Все это обсуждали без конца, покуда готовились к встрече. О Сверхправителе, который будет гостем Колонии, ничего не знали, но предполагалось, что его способность воспринимать явления культуры безгранична. По крайней мере, можно поставить опыт, и каждую ответную реакцию подопытного кролика будет с интересом наблюдать целый отряд весьма проницательных умов.

Очередным президентом Совета Колонии был в это время Чарлз Ян Сен, философ, человек, от природы склонный к иронии, но отнюдь не к унынию, притом в расцвете лет — ему еще не перевалило за шестьдесят. Платон одобрил бы в нем образцовое сочетание философа и государственного мужа. Сен же не во всем одобрял Платона, ибо подозревал, что тот совершенно неправильно истолковал Сократа. Сен принадлежал к числу островитян, исполненных решимости извлечь как можно больше пользы из предстоящего визита, хотя бы для того, чтобы показать Сверхправителям, что в людях еще жива жажда деятельности и их не удалось, как он выражался, «окончательно приручить».

Для любого дела в Афинах создавался какой-нибудь комитет, ведь это отличительный признак демократии. Кто-то даже когда-то определил саму Колонию как систему взаимосвязанных комитетов. Но система эта работала успешно, недаром подлинные основатели Афин терпеливо изучали законы общественной психологии. И поскольку общину создали не слишком большую, каждый так или иначе участвовал в управлении, а значит, был гражданином в самом истинном значении этого слова.

Джордж, один из театральных руководителей, почти неминуемо вошел бы в комитет по приему гостя. Но для большей надежности он еще и нажал кое-какие пружины. Сверхправители хотят изучать Колонию, ну а Джордж в той же мере хочет изучать их, Сверхправителей. Джин это его желание совсем не радовало. После памятного вечера у Бойсов она всегда ощущала смутную враждебность к Сверхправителям, хотя никак не умела это объяснить. Ей только хотелось возможно меньше с ними сталкиваться, и жизнь на острове, пожалуй, больше всего тем и привлекала ее, что здесь была желанная независимость. И теперь она боялась, что независимость эта под угрозой.

Гость прибыл безо всякой пышности, на обыкновенном флайере человеческого производства, к разочарованию тех, кто ожидал какого-нибудь необычайного зрелища. Возможно, это был Кареллен собственной персоной — люди так и не научились сколько-нибудь уверенно отличать одного Сверхправителя от другого. Казалось, все они — точная копия одного и того же образца. Быть может, вследствие какого-то неведомого биологического процесса так оно и было.

После первого дня колонисты уже почти не замечали негромко рокочущую парадную машину, в которой разъезжал гость, осматривая остров. Имя гостя — Танталереско — выговорить было нелегко, и его быстро окрестили Инспектором. Имя вполне подходящее, так как он был очень любопытен и ненасытно жаден до статистических данных.

Чарлз Ян Сен совсем изнемог, когда далеко за полночь проводил Инспектора к флайеру — его временному жилищу на острове. Несомненно, здесь Инспектор будет работать и ночью, пока хозяева предаются человеческой слабости — сну.

Миссис Сен насилу дождалась возвращения мужа. Они были любящей парой, хотя, когда в доме собирались друзья, Чарлз шутливо именовал супругу Ксантиппой. Она давно уже пригрозила, как полагается, в отместку поднести ему чашу отвара цикуты, но, по счастью, сей напиток в Новых Афинах был не столь распространен, как в Афинах древности.

— Сошло удачно? — спросила она, когда муж уселся наконец за поздний ужин.

— Кажется, да... хотя невозможно разобрать, что творится в этих мудрых головах. Он, безусловно, многим заинтересовался, даже хвалил. Кстати, я извинился, что не приглашаю его к нам. Он сказал, что это вполне понятно и что у него нет охоты стукаться головой о наши потолки.

— Что ты ему сегодня показывал?

— Откуда в Колонии хлеб насущный, и ему, похоже, это показалось не такой скучной материей, как мне. Он без конца расспрашивал о производстве, о том, как мы поддерживаем наш бюджет в равновесии, какие у нас минеральные ресурсы, какая рождаемость, откуда берутся продукты питания и прочее. Спасибо, со мной был секретарь Харрисон, уж он-то подготовился, изучил ежегодные отчеты за все время, что существует Колония. Слышала бы ты, как они перебрасывались цифрами. Инспектор выпросил у Харрисона всю эту статистику — и голову даю на отсечение, завтра он сможет сам наизусть назвать нам любую цифру. Такие чудо-способности меня просто угнетают.

Он зевнул и нехотя принялся за еду.

— Завтра будет поинтереснее. Мы побываем в школах и в Академии. Тут уж для разнообразия я сам намерен кое о чем поспрашивать. Хотел бы я знать, как Сверхправители воспитывают своих детей... если у них вообще есть дети.

На этот вопрос Чарлзу Сену так и не довелось получить ответ, но в других отношениях Инспектор оказался на диво словоохотлив. Любо-дорого было смотреть, как искусно уклоняется он от нескромных попыток что-то выведать, а затем, когда и не ждешь, переходит на самый доверительный тон.

Первый подлинно задушевный разговор завязался, когда они ехали из школы, которая была в Колонии одним из главных предметов гордости.

— Готовить юные умы к будущему — огромная ответственность,— заметил доктор Сен.— По счастью, человек существо на редкость выносливое: непоправимый вред может нанести разве что уж очень скверное воспитание. Даже если мы ошибаемся в выборе цели, маловероятно, чтобы малыши стали жертвами наших ошибок, скорее всего они их преодолеют. А сейчас, как вы видели, они выглядят вполне счастливыми.

Сен чуть помолчал, лукаво глянул снизу вверх на своего огромного пассажира. Инспектора с головы до пят окутывала ткань с серебристым отливом, защищая все тело от жгучих солнечных лучей. Но доктор Сен знал: большие

глаза, скрытые темными очками, следят за ним бесстрастным взглядом... а может быть, этот взгляд и выражает какие-то чувства, но их все равно не разгадать.

— Мне кажется, задача, которую мы решаем, воспитывая наших детей, очень сходна с той, которая встала перед вами при встрече с человечеством. Вы не согласны?

— В некоторых отношениях согласен,— серьезно сказал Сверхправитель.— А в других, пожалуй, больше сходства с историей ваших колониальных держав. Именно поэтому нас всегда интересовали Римская и Британская империи. Особенно поучителен случай с Индией. Главное различие между нами и англичанами — что у них не было серьезных оснований идти в Индию, то есть не было осознанных целей, кроме таких мелких и преходящих, как торговля или вражда с другими европейскими государствами. Они оказались владельцами империи, еще не понимая, что с ней делать, и тяготились ею, пока снова от нее не избавились.

Доктор Сен не устоял перед искушением, слишком удобный представился случай.

— А вы тоже избавитесь от своей империи, когда настанет срок? — спросил он.

— Без малейшего промедления,— ответил Инспектор.

Доктор Сен больше не расспрашивал. Ответ был недвусмысленный и не очень-то лестный; притом они как раз подъехали к Академии, где уже собрались педагоги и готовились испытать все силы ума на живом настоящем Сверхправителе.

— Как уже говорил вам наш уважаемый коллега,— сказал декан новоафинского университета профессор Чанс,— превыше всего мы стараемся поддержать в колонистах живость ума и помочь им развить и применить все их способности. Боюсь, что за пределами этого острова (взмахом руки он обвел и отстранил всю остальную планету) человечество утратило волю к действию. Есть мир, есть изобилие... но некуда стремиться...

— Тогда как здесь, разумеется?..— учтиво вставил Сверхправитель.

Профессору Чансу не хватало чувства юмора, он и сам это смутно сознавал — и подозрительно глянул на гостя.

— Здесь мы не страдаем от древнего предрассудка, будто праздность — порок. Но мы думаем, что быть просто созерцателями, потребителями развлечений — этого мало. Здесь, на острове, каждый стремится к одной цели, определить ее очень просто. Каждый хочет делать хоть что-то, пусть самую малость, лучше всех. Конечно, это идеал, которого не всем нам удается достичь. Но по нынешним временам главное, чтобы идеал у человека был. Удастся ли его достичь — не столь важно.

Инспектор, видимо, не собирался высказаться по этому поводу. Он сбросил защитный плащ, но темные очки не снял, хотя свет в профессорской погасили. И декан спрашивал себя, нужны ли очки из-за особенности зрения гостя или это просто маскировка. Из-за них, конечно, уж вовсе невозможно прочесть мысли Сверхправителя — задача и без того нелегкая. Однако гость

как будто не против, что его забрасывают замечаниями, в которых звучит вызов и чувствуется — оратору совсем не нравится политика Сверхправителей по отношению к Земле.

Декан готов был продолжать атаку, но тут в борьбу вмешался директор Управления по делам науки профессор Сперлинг.

— Как вам, без сомнения, известно, сэр, одним из сложнейших противоречий нашей культуры была разобщенность искусства и науки. Я очень хотел бы узнать ваше мнение по этому вопросу. Согласны ли вы, что все люди искусства не вполне нормальны? Что их творчество — или, во всяком случае, сила, побуждающая их творить,— проистекает из какой-то глубоко скрытой психологической неудовлетворенности?

Профессор Чанс многозначительно откашлялся, но Инспектор его опередил:

— Мне когда-то говорили, что все люди в какой-то мере художники и каждый человек способен что-то создать, хотя бы и на примитивном уровне. Вот, например, вчера я заметил, что в ваших школах особое внимание уделяют тому, как ребенок выражает себя в рисунке, в красках, в лепке. Видимо, стремление к творчеству присуще всем без исключения, даже тем, кто наверняка посвятит себя науке. Стало быть, если все художники не вполне нормальны, а все люди — художники, мы получаем любопытный логический вывод...

Все ждали завершения. Но Сверхправители, когда им это кстати, умеют быть безукоризненно тактичными.

Симфонический концерт Инспектор выдержал с достоинством, чего нельзя сказать о многих слушателях-людях. Единственной уступкой привычным вкусам была «Симфония псалмов» Стравинского, остальная программа — воинствующее сверхноваторство. Но как бы ни оценивать программу, исполнялась она блистательно, Новые Афины гордились тем, что в числе колонистов есть несколько лучших музыкантов мира, и это была не пустая похвальба. Между композиторами-соперниками разгорелся ожесточенный спор за честь участвовать в программе, хотя иные циники сомневались, честь ли это. Возможно, Сверхправители начисто лишены музыкального слуха, еще никто ни разу не убеждался в обратном.

Однако после концерта Танталереско отыскал среди присутствующих трех композиторов и похвалил, как он выразился, их «великую изобретательность». Услыхав такой комплимент, они удалились, судя по их лицам, польщенные, но и несколько растерянные.

Джорджу Грегсону удалось встретиться с Инспектором только на третий день. В театре посетителя решили угостить не единственным блюдом, но своего рода винегретом: две одноактные пьесы, выступление всемирно известного мастера «на роли с переодеванием», балетная сюита. Все это опять-таки исполнено было с блеском, и предсказание некоего критика: «Теперь мы по крайней мере узнаем, умеют ли Сверхправители зевать»,— не оправдалось. Инспектор даже несколько раз засмеялся — и именно там, где надо.

И все же... почем знать? Вдруг он и сам превосходный актер и следил только за логикой представления, а неведомых его чувств оно никак не затронуло, ведь и антрополог, оставаясь равнодушным, мог бы участвовать в каком-нибудь обряде варварского племени. Да, он издавал подходящие звуки и откликался на все, как от него ждали, но это ровным счетом ничего не доказывает.

Джордж заранее твердо решил поговорить с Инспектором — и потерпел неудачу. После спектакля они только и успели познакомиться, и гостя сразу увлекли прочь. Невозможно было хоть на минуту отделаться от его entourage*, и Джордж ушел домой жестоко разочарованный. Он сам толком не знал, что скажет Сверхправителю, если и сумеет остаться с ним наедине, но был уверен, что уж как-нибудь да сумеет завести речь о Джефе. И вот случай упущен.

Два дня Джордж хандрил и злился. Инспектор отбыл среди несчетных заверений во взаимном уважении, следствие визита обнаружилось позже. Никому и в голову не пришло спрашивать о чем-то Джефа, и мальчик, должно быть, долго все обдумывал, прежде чем обратиться к отцу. Вечером, уже перед сном, он спросил:

— Пап, а ты знаешь Сверхправителя, который к нам сюда приезжал?

— Знаю,— хмуро ответил Джордж.

— Ну вот, он приходил к нам в школу, и я слышал, он разговаривал с учителями. Я не понял по-настоящему, что он сказал, а только мне кажется, голос знакомый. Это он мне велел бежать от той большой волны.

— Ты уверен?

Джеф чуть замялся.

— Ну, не совсем... только если это был не он, значит, другой Сверхправитель. Я подумал, может, надо сказать ему спасибо. Но ведь он уже уехал, да?

— Да,— сказал Джордж.— Боюсь, уже поздно. Но, может быть, мы сумеем его поблагодарить в другой раз. А теперь больше не беспокойся об этом, будь умницей и ложись спать.

Наконец Джефа благополучно отправили в детскую. Джин уложила дочку, вернулась и села на ковер возле мужнина кресла, прислонилась к ногам Джорджа. Эта ее привычка Джорджу казалась нелепо сентиментальной. Но не поднимать же шум из-за пустяка. Он только старался, чтобы коленки его торчали как можно угловатей и неуютней.

— Ну, что ты теперь скажешь? — глухо, устало спросила Джин.— По-твоему, так было на самом деле?

— Было,— сказал Джордж,— но, пожалуй, зря мы беспокоимся. В конце концов, любые родители были бы только благодарны... ну и я, конечно, благодарен. Наверно, объясняется это проще простого. Мы знаем, что Сверхправители заинтересовались Колонией, так, уж конечно, они наблюдают за ней, хоть и обещали больше не пользоваться своими приборами. Допустим, кто-то из них как раз шарил по нашим местам своим глазастым аппаратиком и увидел, что идет цунами. Вполне естественно предупредить всякого, кому грозит опасность.

---

* Окружение *(фр.)*.

— Не забывай, он знал, как зовут Джефа. Нет, за нами следят. Чем-то мы выделяемся, почему-то мы им интересны. Я это давно чувствую, с той самой вечеринки у Руперта. Странно, как она все переменила и в твоей жизни, и в моей.

Джордж посмотрел на нее сверху вниз сочувственно, но не более того. Удивительно, как человек меняется за такой короткий срок. Он очень к ней привязан, она — мать его детей и прочно вошла в его жизнь. Но много ли сохранилось от той любви, какую некто полузабытый, кого звали Джордж Грегсон, питал к выцветающей мечте по имени Джин Моррел? Теперь он делит свою любовь между Джефом и Дженнифер, с одной стороны, и Кэрол — с другой. Навряд ли Джин знает про Кэрол, и непременно надо ей сказать, пока не сказал кто-нибудь посторонний. Но почему-то все не удается об этом заговорить.

— Ну, ладно... за Джефом следят... в сущности, его охраняют. А не кажется тебе, что нам бы надо этим гордиться? Может быть, Сверхправители готовят ему большое будущее. Хотел бы я знать, какое?

Он понимал, что старается всего лишь успокоить Джин. Сам он не слишком встревожен, просто сбит с толку да любопытство задето. И вдруг новая мысль поразила его, об этом следовало подумать раньше. Джордж невольно посмотрел в сторону детской.

— А может быть, им нужен не только Джеф,— сказал он.

Как положено, Инспектор представил отчет о поездке на остров. Дорого бы дали колонисты, чтобы узнать, что там, в отчете. Все цифры и сведения поглотила ненасытная память мощных вычислительных машин, представляющих собою часть — но только часть — незримых сил, которыми распоряжался Кареллен. Но еще прежде чем сделали какие-то выводы бесстрастные электронные умы, Инспектор высказал свои соображения. В переводе на человеческую мысль и человеческий язык они прозвучали бы примерно так:

— В отношении Колонии нам незачем принимать какие-либо меры. Эксперимент любопытный, но он никак не может повлиять на будущее. Их увлечение искусством нас не касается, а никаких научных исследований в опасных направлениях там, видимо, не ведут.

В соответствии с нашим планом я сумел узнать, как учится и ведет себя Номер Один, не привлекая чьего-либо внимания. Соответствующие данные приложены, и по ним можно убедиться, что пока нет никаких признаков чего-то необычного. Но, как нам известно, Прорыв редко дает о себе знать заранее.

Я встретился также с отцом Номера Первого, и у меня создалось впечатление, что он хочет со мной поговорить. К счастью, мне удалось этого избежать. Несомненно, он что-то подозревает, хотя, разумеется, не может ни угадать истину, ни как-либо повлиять на исход дела.

Чем дальше, тем больше я жалею этих людей.

Джордж Грегсон согласился бы с выводом Инспектора, что в Джефе нет ничего необычного. Был только тот непонятный случай, пугающий, как единственный удар грома среди долгого ясного дня. И потом — тишина.

Как всякий семилетний мальчишка, Джеф — сгусток энергии и пытливости. Он умен — когда дает себе труд быть умным,— но ему не грозит опасность обернуться гением. Иногда кажется, чуть устало думала Джин, будто ее сын в точности сделан по классическому рецепту: что такое маленький мальчик? — шум и крик в оболочке из грязи. Впрочем, насчет грязи не сразу скажешь с уверенностью — немало ее должно накопиться, пока она станет заметна на дочерна загорелой коже.

Джеф то ласков, то угрюм, то замкнут, то весь нараспашку. Незаметно, чтобы он больше любил мать, чем отца, или наоборот, и появление младшей сестренки не вызвало у него ни малейшей ревности. Он безупречно здоров, за всю жизнь ни дня не болел. Но по нынешним временам и при здешнем климате ничего необычного тут нет.

В отличие от некоторых мальчишек Джеф не скучает в обществе отца и не спешит удрать от него к сверстникам. Он явно унаследовал художнический талант Джорджа и чуть ли не сразу, как научился ходить без спутников, стал завсегдатаем кулис в театре Колонии. А театр его признал словно бы живым талисманом, приносящим счастье, и он уже наловчился подносить букеты заезжим звездам сцены и экрана.

Да, Джеф самый обыкновенный мальчишка. В этом опять и опять уверял себя Джордж, когда они вдвоем бродили или катались на велосипедах по не слишком просторному, в общем-то, острову. Они разговаривали, как спокон веку разговаривают сыновья и отцы, только время иное, и теперь куда больше есть о чем поговорить. Хотя Джеф никогда не уезжал с острова, вездесущее око — экран телевизора — помогало ему всласть наглядеться на окружающий мир. Как и все в Колонии, он немножко презирал остальное человечество. Колонисты — избранники, передовой отряд прогресса. Они приведут род людской к высотам, которых достигли Сверхправители, а быть может, и выше. Конечно, еще не завтра, но настанет день...

Они и не подозревали, что день этот настанет слишком быстро...

18

Спустя полтора месяца начались сны.

Во тьме субтропической ночи Джордж Грегсон медленно всплыл из глубины сна. Он не понял, что его разбудило, и минуту-другую лежал в тупом недоумении. Потом сообразил — он один. Джин встала, неслышно ушла в детскую. И тихо разговаривает с Джефом, слишком тихо, слов не разобрать.

Джордж тяжело поднялся и пошел следом за женой. Из-за Пупсы такие ночные путешествия не редкость, но она-то поднимает такой шум и рев, поневоле проснешься. А тут ничего похожего, и непонятно, что разбудило Джин.

В детской полумрак, только слабо лучатся светящиеся узоры на стенах. И при этом приглушенном свете Джордж увидел — Джин сидит подле кровати Джефа.

Она обернулась, шепнула:

— Смотри, не разбуди Пупсу.

— Что случилось?

— Я поняла, что нужна Джефу, и проснулась.

Сказано так просто, будто все само собой разумеется... У Джорджа засосало под ложечкой от недоброго предчувствия. «Я поняла, что нужна Джефу». А как ты это поняла, спрашивается? Но вслух он спросил только:

— Разве прежде у него бывали кошмары?

— Не думаю,— сказала Джин.— Сейчас как будто все прошло. Но сперва я увидела, он испугался.

— И совсем я не испугался, мамочка,— с досадой перебил тихий голосок.— Просто там было очень странно.

— Где это «там»? — спросил Джордж.— Расскажи-ка толком.

— Стояли горы,— словно сквозь сон сказал Джеф.— Высокие-высокие, а снега на них нет, а раньше сколько я видел гор, на них всегда снег. И некоторые горели.

— Значит, это были вулканы?

— Не настоящие вулканы. Они все горели, сверху донизу, такие на них чудные синие огоньки. Я смотрел, и тут взошло солнце.

— А дальше что? Почему ты замолчал?

Джеф растерянно посмотрел на отца.

— Вот это тоже непонятное, папа. Солнце поднялось быстро-быстро, и оно было слишком большое. И... и какого-то не такого цвета. Голубое, очень красивое.

Настало долгое, леденящее душу молчание. Потом Джордж спросил негромко:

— Это все?

— Да. Как-то мне стало тоскливо, и тогда пришла мама и меня разбудила.

Джордж взъерошил растрепанные волосы сына, другой рукой поплотнее запахнул халат. Вдруг пробрало холодом, и он почувствовал себя маленьким и слабым. Но когда он опять заговорил с Джефом, голос его ничего такого не выдал.

— Просто тебе приснился глупый сон, надо поменьше есть за ужином. Выкинь все это из головы и спи, будь умницей.

— Хорошо, папа,— отозвался Джеф. Минуту помолчал и прибавил задумчиво: — Надо бы еще разок там побывать.

— Голубое солнце? — всего лишь несколько часов спустя переспросил Кареллен.— Тогда совсем несложно определить, где это.

— Да,— сказал Рашаверак.— Несомненно, Альфанидон-два. И Серные горы это подтверждают. Любопытно отметить, как исказились масштабы времени. Планета вращается довольно медленно, так что он, видимо, за считанные минуты наблюдал многие часы.

— Больше ты ничего не мог узнать?

— Нет, если не расспрашивать ребенка в открытую.

— Этого мы не смеем. Все должно идти своим чередом, нам нельзя вмешиваться. Вот когда к нам обратятся родители... тогда, пожалуй, можно будет его расспросить.

— Может быть, они к нам и не придут. Или придут слишком поздно.

— Боюсь, тут ничего не поделаешь. Надо всегда помнить: при этих событиях наше любопытство не имеет значения. Оно значит не больше, чем счастье человечества.

Кареллен протянул руку, готовясь отключить связь.

— Разумеется, продолжай наблюдать и обо всем докладывай мне. Но никакого вмешательства.

Между тем когда Джеф не спал, он как будто оставался прежним мальчишкой. И на том спасибо, думал Джордж. Но в душе его нарастал страх.

Для Джефа это была просто игра, он пока ничуть не боялся. Сон — это сон, только и всего, какой бы он ни был странный. Джефу больше не становилось тоскливо в мирах, которые открывались ему во сне. Только в ту первую ночь он мысленно позвал Джин через неведомые, разделившие их бездны. А теперь один бесстрашно странствовал во Вселенной, которая перед ним раскрывалась.

По утрам родители расспрашивали его, и он рассказывал, сколько мог припомнить. И порой сбивался, не хватало слов описать увиденное — такое, чего не только сам не встречал наяву, но что бессильно было себе представить человеческое воображение. Отец и мать подсказывали ему новые слова, показывали картинки и краски, пытаясь подхлестнуть его память, и из его ответов составляли, как могли, связные образы. Зачастую получалось нечто совершенно непонятное, хотя, видимо, самому Джефу миры его снов представлялись ярко и отчетливо. Просто он не мог передать эти образы родителям. Впрочем, иные оказывались довольно ясными...

Пустое пространство — никакой планеты, ни гор, ни равнин вокруг, никакой почвы под ногами. Только звезды в бархатной тьме, и среди них громадное красное солнце, оно пульсирует, бьется, точно сердце. Вот оно огромное, но бледное, а потом понемногу съеживается и в то же время разгорается ярче, словно внутреннему его пламени подбавилось горючего. И окраска его меняется, вот оно уже не красное, а оранжевое, потом почти желтое, медлит на грани желтизны — и все поворачивает вспять, звезда расширяется, остывает, сызнова становится косматым кроваво-красным облаком...

(— Классический образчик пульсирующей переменной,— обрадовался Рашаверак.— И к тому же увиденный при неимоверном ускорении времени. Не могу определить точно, но, судя по описанию, ближайшая такая звезда — Рамсандрон-девять. А может быть, это Фаранидон-двенадцать.

— Та ли, эта ли звезда, но он уходит все дальше,— заметил Кареллен.

— Много дальше,— сказал Рашаверак...)

Тут было совсем как на Земле. Ярко-белое солнце повисло на синем небе в крапинках несущихся по ветру облаков. У подножия некрутой горы пенился исхлестанный бешеным ветром океан. И при этом ничто не шелохнется: все застыло — недвижимо, будто высветилось на миг при вспышке молнии. А далеко-далеко на горизонте виднелось такое, чего на Земле не увидишь,— вереница туманных, чуть сужающихся кверху колонн, они вырастали из воды

и тонули вершинами в облаках. Они шли на равном расстоянии друг от друга по краю всей планеты, такие громадные, что никто не мог бы их построить,— и все же такие одинаковые, что не могли появиться сами собой.

(— Сиденеус-четыре и Рассветные столпы.— Голос Рашаверака дрогнул.— Он достиг центра Вселенной.

— А ведь его путешествие только начинается,— сказал Кареллен.)

Планета была совершенно плоская. Непомерное тяготение давным-давно придавило и сровняло с поверхностью былые горы ее огненной юности — горы, чьи самые могучие вершины и тогда не превышали нескольких метров. И однако здесь была жизнь: все покрывали мириады словно бы с помощью линейки и циркуля вычерченных узоров, они двигались, переползали с места на место, меняли окраску. Это был мир двух измерений, и населяли его существа толщиной в малую долю сантиметра.

А в небе этого мира пылало солнце, какое не привиделось бы и курильщику опиума в самых безумных грезах. Раскаленное уже не добела, а еще того больше, палящий, почти ультрафиолетовый призрак этот обдавал свои планеты смертоносным излучением, которое вмиг уничтожило бы все живое на Земле. На миллионы километров вокруг простирались завесы газа и пыли и, прорезаемые вспышками ультрафиолета, лучились неисчислимыми переливами красок. Рядом с этой звездой бледное светило Земли показалось бы слабеньким, точно светлячок в полдень.

(— Гексанеракс-два, такого больше нет нигде в изученной Вселенной,— сказал Рашаверак.— Очень немногие наши корабли там бывали, и никто не решился на высадку, ведь никому и в голову не приходило, что на таких планетах возможна жизнь.

— Видимо, вы, ученые, оказались не такими дотошными исследователями, какими себя считали,— заметил Кареллен.— Если эти... эти узоры... разумны, любопытно было бы установить с ними контакт. Хотел бы я знать, известно ли им что-нибудь о третьем измерении?)

Этот мир не ведал, что значат день и ночь, годы и времена года. Его небо делили между собою шесть разноцветных солнц, и темноты здесь не бывало, только менялось освещение. Спорили друг с другом, сталкивались или тянули каждое к себе различные поля тяготения, и планета странствовала по изгибам и петлям невообразимо сложной орбиты, никогда не возвращаясь на однажды пройденный путь. Каждый миг — единственный и неповторимый: рисунок, который образуют сейчас в небе шесть солнц, уже не возобновится до конца времен.

Но даже и здесь существует жизнь. Быть может, в какую-то эпоху планета обугливалась от близости к своим светилам, а в другую — леденела, удаляясь от них едва ли не за пределы досягаемости, и однако, наперекор всему, на ней обитает разум. Громадные многогранные кристаллы стоят группами, образуя сложные геометрические узоры, в эру холода они недвижимы, а когда планета снова прогревается, медленно растут вдоль минеральных жил, что их

породили. Пусть на то, чтобы додумать мысль, они потратят тысячелетие,— что за важность. Вселенная еще молода, и впереди у них — Время, а ему нет конца...

(— Я пересмотрел все наши отчеты,— сказал Рашаверак.— Нам неизвестна ни такая планета, ни такое сочетание солнц. Если бы они существовали в пределах нашей вселенной, астрономы обнаружили бы такую систему, будь она даже недосягаема для наших кораблей.

— Значит, он уже вышел за пределы Галактики.

— Да. Конечно, теперь ждать уже недолго.

— Кто знает? Он только видит сны. А когда просыпается, он все еще такой, как был. Это лишь первая фаза. Когда начнется перемена, мы очень быстро об этом узнаем.)

— Мы уже знакомы, мистер Грегсон,— серьезно сказал Сверхправитель.— Меня зовут Рашаверак. Несомненно, вы помните нашу встречу.

— Да,— сказал Джордж.— На вечере у Руперта Бойса. Вряд ли я мог бы забыть. И я подумал, что надо бы увидеться еще раз.

— Скажите, а почему вы просили, чтобы я с вами встретился?

— Я думаю, вы уже сами знаете.

— Возможно. И все-таки нам обоим будет легче разобраться, если вы сами мне скажете. Пожалуй, вас это очень удивит, но я тоже стараюсь понять, что происходит, и в некоторых отношениях знаю так же мало, как и вы.

Изумленный Джордж во все глаза смотрел на Сверхправителя. Этого он никак не ожидал. В подсознании его жила уверенность: Сверхправители всеведущи и всемогущи, им совершенно ясно, что делается с Джефом, и скорее всего они сами же в этом повинны.

— Как я понимаю,— сказал он,— вы видели записи, которые я передал психологу Колонии, а стало быть, знаете, какие нашему сыну снятся сны.

— Да, о снах мы знаем.

— Я никогда не верил, что это просто детские фантазии. Они настолько неправдоподобны, что... конечно, звучит нелепо, но у них наверняка есть какая-то реальная основа, иначе им неоткуда взяться.

Он впился взглядом в Рашаверака, сам не зная, чего ждет — подтверждения или отрицания. Сверхправитель промолчал, большие глаза его спокойно смотрели на Джорджа. Собеседники сидели почти лицом к лицу, потому что в комнате, явно предназначенной для таких вот свиданий, пол был на двух разных уровнях, и массивный стул Сверхправителя стоял на добрый метр ниже, чем стул Джорджа. Этот знак дружелюбного внимания подбадривал, ведь у людей, которые просили о подобных встречах, чаще всего не очень-то легко на душе.

— Мы беспокоились, но сначала всерьез не испугались. Когда Джеф просыпался, в нем ничего необычного не было заметно, и эти сны его как будто не тревожили. А потом раз ночью...— Джордж запнулся, поглядел на Сверхправителя, словно оправдываясь.— Я никогда не верил в какие-то сверхъестест-

венные силы. Я не ученый, но, думаю, всему на свете существует какое-то разумное объяснение.

— Правильно,— сказал Рашаверак.— Я знаю, что вы тогда видели, я наблюдал.

— Так я и думал. А ведь Кареллен обещал, что ваши аппараты больше не будут за нами шпионить. Почему вы нарушили обещание?

— Я его не нарушал. Попечитель сказал, что за людьми мы больше следить не будем. Мы сдержали слово. Я наблюдал не за вами, а за вашими детьми.

Не сразу до Джорджа дошел смысл услышанного. Потом он понял, и лицо его залила мертвенная бледность.

— То есть...— Он задохнулся. Голос изменил ему, пришлось начать сызнова.— Тогда кто же они, мои дети?

— Вот это мы и стараемся узнать,— очень серьезно сказал Рашаверак.

Дженнифер Энн Грегсон, в последнее время известная под именем Пупсы, лежала на спине, крепко зажмурясь. Она давно уже не открывала глаз и никогда больше не откроет: зрение для нее теперь так же излишне, как для наделенных многими иными чувствами тварей, населяющих непроглядную пучину океана. Она и так разбиралась в окружающем мире и еще во многом сверх того.

По непостижимой прихоти развития у нее с мимолетной поры младенчества сохранилась лишь одна привычка. Погремушка, что приводила ее когда-то в восторг, теперь не умолкала, отбивая в кроватке сложный, поминутно меняющийся ритм. Эти странные синкопы разбудили Джин среди ночи, и она кинулась в детскую. Но не только необычные звуки заставили ее отчаянным криком звать Джорджа, а еще и то, что она увидела.

Самая обыкновенная ярко раскрашенная погремушка висела в воздухе, в полуметре от какой-либо опоры, и знай отстукивала свое, а Дженнифер Энн лежала в кроватке, туго сплетя пухлые пальчики, и мирно, счастливо улыбалась.

Она начала позже, но продвигалась быстро. Скоро она опередит брата, ведь ей гораздо меньше надо разучиваться.

— Вы очень разумно поступили, что не тронули игрушку,— сказал Рашаверак.— Едва ли вы сумели бы ее сдвинуть. Но если б вам это удалось, девочка, пожалуй, была бы недовольна. И право не знаю, что бы тогда случилось.

— Так что же, вы, значит, ничего не можете сделать? — тупо спросил Джордж.

— Не хочу вас обманывать. Мы можем изучать и наблюдать, этим мы и занимаемся. Но вмешаться мы не можем, потому что не можем понять.

— Да как же нам быть? И почему такое случилось именно с нами?

— С кем-то это должно было случиться. Вас ничто не отличает от других, как ничто не отличает первый нейтрон, с которого начинается цепная реакция в атомной бомбе. Просто он оказался первым. Ту же роль сыграл бы любой другой нейтрон... вот и на месте Джеффри мог оказаться кто угодно другой. Мы называем это Всеобъемлющим Прорывом. Больше ничего не надо

скрывать, и меня это только радует. Мы ждали Прорыва с тех самых пор, как пришли на Землю. Невозможно было предсказать, когда и где он начнется... но потом, по чистой случайности, мы встретились на вечере у Руперта Бойса. Вот тогда я понял, что почти наверняка первыми станут дети вашей жены.

— Но... но мы тогда еще не поженились. Мы даже не...

— Да, знаю. Но мысль мисс Моррел оказалась каналом, по которому, пусть на один миг, проникло знание, никому на Земле в ту пору недоступное. Оно могло прийти только через другой ум, теснейшим образом с нею связанный. Что ум этот еще не родился, не имело значения, ибо Время — нечто гораздо более странное, чем вы думаете.

— Начинаю понимать. Джеф знает то, чего не знает никто... Он видит другие миры и может сказать, откуда вы. И Джин как-то уловила его мысли, хотя он еще даже не родился.

— Все много сложнее... но сильно сомневаюсь, чтобы вы сумели когда-нибудь ближе подойти к истине. История человечества во все времена знала людей, которым необъяснимые силы словно бы помогали преодолевать пространство и время. Что это за силы, никто не понимал, попытки их объяснить, за редчайшими исключениями, сущий вздор. Я-то знаю, я их вдоволь перечитал!

Но есть одно сравнение, которое... ну, как бы что-то подсказывает и помогает понять. Оно не раз возникает в вашей литературе. Представьте себе ум каждого человека островком среди океана. Кажется, будто эти островки разобщены, а на самом деле их связывает одна и та же основа — дно, с которого они поднимаются. Исчезни все океаны, не станет и островов. Все они составят единый континент, но перестанут существовать каждый в отдельности.

Примерно так и с тем, что у вас называется телепатией. При подходящих условиях отдельные умы сливаются, то, что знает один, становится достоянием другого, а потом, разъединяясь вновь, каждый сохраняет память об испытанном. Способность эту в высшем ее проявлении не стесняют обычные рамки места и времени. Вот почему Джин почерпнула кое-что из познаний своего еще не рожденного сына.

Наступило долгое молчание, Джордж силился совладать с этими ошеломляющими открытиями. В мыслях стали прорисовываться черты происходящего. Невероятно, поразительно, но в этом есть своя внутренняя логика. И это объясняет (если такое слово применимо к чему-то совершенно непонятному) все, что случилось после вечера в доме Руперта Бойса. И еще теперь ясно, почему Джин так увлекалась всем таинственным, сверхъестественным.

— А с чего все началось? — спросил Джордж.— И к чему это приведет?

— Вот на этот вопрос мы ответить не можем. Но во Вселенной много видов разумных существ, и некоторые открыли эти силы и способности задолго до того, как появилось ваше племя, да и мое тоже. Они давно ждали часа, когда вы к ним присоединитесь, и теперь час настал.

— А как же в этом участвуете вы?

— Вероятно, как большинство людей, вы всегда считали, что мы над вами хозяева. Это неверно. Мы всегда были только опекунами, исполняли долг,

порученный нам... чем-то, что выше нас. Трудно определить, в чем заключается наш долг; пожалуй, самое правильное считать, что мы — акушеры при трудных родах. Мы помогаем появиться на свет чему-то новому, поразительному.

Рашаверак замялся; с минуту казалось, он не находит нужных слов.

— Да, мы акушеры. Но сами мы — бесплодны.

В этот миг Джордж понял: перед ним трагедия еще тяжелее той, что постигла его самого. Казалось бы, невероятно, и все же это так. Да, Сверхправители поражают могуществом, блистают умом, и однако эволюция загнала их в капкан, в какой-то cul-de-sac*. Этот великий, благородный народ едва ли не во всех отношениях выше земного человечества — но будущего у них нет, и они это знают. Рядом с такой судьбой заботы Джорджа ему и самому вдруг показались мелкими.

— Теперь я понимаю, почему вы все время следите за Джеффри,— сказал он.— Мой мальчик для вас — подопытный кролик.

— Вот именно... только над опытом мы не властны. Не мы его начали... Мы только пытались наблюдать. И вмешивались, только когда нельзя было не вмешаться.

Да, подумал Джордж, как тогда с цунами... Не дать же погибнуть ценному экземпляру. И тотчас устыдился этой неуместной, недостойной горечи.

— Еще только один вопрос,— сказал он,— как нам быть дальше с нашими детьми?

— Радуйтесь им, пока можете,— мягко ответил Рашаверак.— Они ненадолго останутся вашими.

Такой совет можно было бы дать любым родителям в любую эпоху, но никогда еще он не таил в себе столь страшной угрозы.

19

Пришло время, когда мир снов Джефа стал мало отличаться от его существования наяву. В школу он больше не ходил, и привычный порядок жизни Джорджа и Джин разрушился, как вскоре должен был разрушиться во всем мире.

Они стали избегать друзей, будто уже сознавали, что вскоре ни у кого не хватит сил им сочувствовать. Изредка по ночам, когда остров затихал и почти все уже спали, они подолгу бродили где-нибудь вдвоем. Никогда еще не были они так близки, кроме разве первых дней супружества,— теперь их соединяла еще неведомая, но готовая вот-вот разразиться трагедия.

Поначалу обоим совестно было оставлять спящих детей в доме одних, но теперь они уже понимали, что Джеф и Дженни непостижимыми для родителей способами умеют и сами о себе позаботиться. Да и Сверхправители, конечно, за ними присмотрят. Эта мысль успокаивала: не вовсе уж они одиноки перед мучительной загадкой, заодно с ними настороже зоркий и сочувственный взгляд.

---

* Тупик *(фр.)*.

Дженнифер спала: никаким другим словом не определишь ее нынешнее состояние. С виду она оставалась младенцем, но чувствовалось — от нее исходит устрашающая тайная сила, и Джин уже не могла заставить себя войти в детскую.

Да и незачем было входить. То, что называлось когда-то Дженнифер Энн Грегсон, еще не вполне созрело, в куколке только еще зарождались крылья, но и у этой спящей куколки довольно было власти над окружающим, чтобы ни в чем не нуждаться. Джин лишь однажды попробовала накормить то, что было прежде ее дочкой, но безуспешно. Оно предпочитало кормиться когда пожелает и как пожелает.

Ибо всякая еда неспешным, но неутомимым ручейком ускользала из холодильника, а меж тем Дженнифер Энн ни разу не вылезла из кроватки.

Погремушка давно утихла и валялась в детской на полу, никто не смел ее коснуться: вдруг она опять понадобится хозяйке. Иногда Дженнифер Энн заставляла мебель прихотливо передвигаться по комнате, и Джорджу казалось, что светящиеся краски на стене горят ярче, чем когда-либо раньше.

Она не доставляла никаких хлопот; она была недосягаема ни для их помощи, ни для их любви. Конечно же, развязка близка, и в недолгое время, что им еще оставалось, Джин и Джордж в отчаянии льнули к сыну.

Джеф тоже менялся, но еще признавал родителей. Раньше они следили, как он вырастал из туманного младенчества и становился мальчиком, личностью, а теперь час от часу черты его стираются, будто истаивают у них на глазах. Изредка он все же заговаривает с ними как прежде, говорит об игрушках, о друзьях, словно не сознавая, что ждет впереди. Но гораздо чаще он просто не видит их, словно и не подозревает, что они тут, рядом. И никогда больше не спит, а они вынуждены тратить время на сон, как ни жаль упускать хоть малую долю этих последних еще оставшихся им часов.

В отличие от сестры Джеф как будто не обладает сверхъестественной властью над неодушевленными предметами — возможно, потому, что уже не так мал и меньше в них нуждается. Странной и чуждой стала лишь его духовная жизнь, и сны теперь занимают в ней совсем немного места. Часами он застывает неподвижно, крепко зажмурясь, будто прислушивается к звукам, которых никто больше не может услышать. Ум его вбирает поток знаний, льющийся из неведомых далей или времен, и уже скоро поток этот окончательно затопит и разрушит лишь наполовину сложившееся создание, что было прежде Джеффри Энгусом Грегсоном.

А Фэй сидит и смотрит на него снизу вверх печально, озадаченно и недоумевает — куда девался ее хозяин и когда он к ней вернется.

Джеф и Дженни оказались первыми во всем мире, но недолго они оставались в одиночестве. Словно эпидемия стремительно перекидывалась с материка на материк, превращением поражен был весь род людской. Никого старше десяти лет оно не коснулось, и ни один ребенок, не достигший десяти лет, его не избежал.

Это означало конец цивилизации, конец всему, к чему стремились люди испокон веков. В несколько дней человечество лишилось будущего, ибо серд-

це всякого народа разбито и воля к жизни погибла безвозвратно, если у народа отняли детей.

Столетием раньше разразилась бы паника, теперь этого не случилось. Мир оцепенел, большие города застыли в безмолвии. Продолжали работать только предприятия, без чьей продукции вовсе невозможно существовать. Было так, словно сама планета в трауре оплакивала все, чему уже не суждено сбыться.

И вот тут, как когда-то в давние, позабытые времена, Кареллен снова, в последний раз заговорил с человечеством.

20

— Моя работа почти закончена,— раздался голос Кареллена в миллионах радиоприемников.— Наконец, после целого столетия, я могу сказать вам, в чем она заключалась.

Мы вынуждены были многое скрывать от вас, как скрывались сами половину времени, которое пробыли на Земле. Я знаю, некоторые из вас считали эту скрытность излишней. Вы привыкли к нашему присутствию, вы уже и вообразить не можете, как отнеслись бы к нам ваши предки. Но теперь вы наконец поймете, чем вызывалась наша скрытность, и узнаете, что мы поступали так не без причины.

Главное, что мы хранили от вас в тайне,— это цель нашего прибытия на Землю, вот о чем вы без конца строили догадки. До сих пор мы ничего не могли вам объяснить, ибо тайна эта не наша и мы были не вправе ее раскрыть.

Сто лет назад мы пришли на вашу планету и помешали вам самим себя уничтожить. Это, думаю, никто отрицать не станет, но вы и не догадываетесь, что за самоубийство вам грозило.

Поскольку мы запретили ядерное оружие и все другие смертоносные игрушки, которые вы копили в своих арсеналах, опасность физического уничтожения отпала. В этом вы видели единственную опасность. Нам и нужно было, чтобы вы в это верили, но правда заключалась в другом. Вас ждала опасность более грозная, совсем иная по природе своей — и она касалась не вас одних.

Многие миры, чьи пути сходились на открытии ядерной мощи, сумели избежать катастрофы, шли дальше, создавали мирную, счастливую культуру — и затем разрушены были силами, о которых не имели ни малейшего понятия. В двадцатом веке вы впервые по-настоящему принялись играть этими силами. Вот почему пришлось вмешаться.

На протяжении всего двадцатого века человечество постепенно приближалось к пропасти, о которой даже и не подозревало. Лишь один-единственный мост перекинут через эту пропасть. Обитатели очень немногих планет находили его без посторонней помощи. Иные повернули вспять, пока было еще не поздно, и тем самым избегли опасности, но и не достигли вершины. Миры эти стали райскими островками легко обретенного довольства и уже не играют никакой роли в истории Вселенной. Но вам не суждена была такая участь — или такое счастье. Для этого ваше племя слишком деятельно. Оно ринулось бы навстречу гибели и увлекло за собой других, ибо вам никогда бы не найти моста через пропасть.

Боюсь, почти все, что я должен вам сказать, нужно передавать такими вот сравнениями. У вас нет ни слов, ни понятий для многого, что я хочу вам объяснить, да и ваши познания в этой области, увы, еще очень скудны.

Чтобы понять меня, вам надо вернуться к прошлому и вспомнить то, что вашим предкам показалось бы хорошо знакомым, но о чем вы забыли — и мы намеренно помогали вам забыть. Ибо весь смысл нашего пребывания здесь был в величайшем обмане, в том, чтобы скрыть от вас правду, к которой вы были не готовы.

В столетия, что предшествовали нашему появлению, ваши ученые раскрыли тайны физического мира и привели вас от энергии пара к энергии атома. Вы предоставили суеверия прошлому, истинной религией человечества сделалась Наука. Она была даром западного меньшинства остальным народам и разрушила все другие верования. Те, которые мы еще застали у вас, уже отмирали. Чувствовалось, что наука может объяснить все на свете — нет таких сил, которыми она не овладеет, нет явлений, которых она в конце концов не постигнет. Секрет возникновения Вселенной, быть может, так и останется нераскрытым, но все, что происходило позднее, подчинялось законам физики.

Однако ваши мистики, хоть и путались в заблуждениях, разглядели долю истины. Существуют силы разума — и существуют силы выше разума, силы, которые ваша наука не могла бы втиснуть в свои рамки, не сокрушив их. От всех веков сохранились бесчисленные рассказы о непонятных явлениях — о призраках, о передаче мыслей, о предсказании будущего, вы давали всему этому названия, но объяснить не умели. На первых порах Наука не замечала этих явлений, потом, наперекор свидетельствам, накопленным за пять тысячелетий, стала начисто их отрицать. Но они существуют, и любая теория Вселенной останется неполной, если не будет с ними считаться.

В первой половине двадцатого века некоторые ваши ученые начали исследовать эти явления. Сами того не зная, они легкомысленно пытались открыть ящик Пандоры. Они едва не выпустили на свободу силы, несравнимо более разрушительные, чем вся мощь атома. Ибо физики погубили бы только Землю, хаос же, развязанный парафизиками, захлестнул бы и звезды.

Этого нельзя было допустить. Я не могу объяснить до конца природу воплощенной в вас опасности. Она грозила не нам и потому нам непонятна. Скажем так: вы могли обратиться в некий телепатический рак, в злокачественную опухоль мысли, и она неизбежным разложением отравила бы другие, превосходящие вас величием виды разума.

И тогда мы пришли — мы посланы были — на Землю. Мы прервали ваше развитие во всех областях, но тщательней всего следили за любыми сколько-нибудь серьезными опытами в области сверхъестественного. Я прекрасно понимаю, что само сравнение наших цивилизаций, слишком разных по уровню, помешало развиваться и всем другим видам творчества. Но это просто побочный эффект и никакого значения не имеет.

А теперь я должен сказать вам то, что вас поразит и даже покажется невероятным. Самим нам все эти скрытые внутренние силы и возможности не даны, более того, непонятны. Разум наш гораздо могущественней, но вашему уму присуще нечто такое, чего мы не можем уловить. С тех пор как мы при-

шли на Землю, мы непрестанно вас изучали; мы очень многое узнали и еще узнаем, но сомневаюсь, чтобы нам когда-либо удалось постичь все до конца.

Между нашими племенами немало общего, потому-то нам и поручена эта работа. Но в других отношениях мы завершаем две разные ветви эволюции. Наш разум достиг предела своего развития. Ваш, в теперешнем его виде,— тоже. Однако вы можете рывком достичь новой ступени, этим вы и отличаетесь от нас. Наши внутренние возможности исчерпаны, ваши еще и не тронуты. Каким-то образом, для нас непонятным, они связаны с теми силами, о которых я упоминал,— силы эти сейчас пробуждаются на вашей планете.

Мы задержали ход времени, мы заставляли вас топтаться на месте, пока не разовьются скрытые силы и не хлынут по каналам, которые для них готовятся. Да, мы сделали вашу планету лучше, подняли благосостояние, принесли вам справедливость и мир — все это мы бы сделали при любых условиях, раз уж нам пришлось вмешаться в вашу жизнь. Но столь внушительные перемены заслоняли от вас правду и тем самым помогли нам выполнить свою задачу.

Мы — ваши опекуны, не больше. Должно быть, вы нередко спрашивали себя, насколько высокое место занимает мой народ во Вселенной. Так же как мы стоим выше вас, нечто иное стоит выше нас и пользуется нами в своих целях. Мы и до сих пор не открыли, что это такое, хотя уже многие века служим ему орудием и не смеем его ослушаться. Опять и опять мы получали приказ, отправлялись в какой-нибудь далекий мир, чья культура только еще расцветала, и вели его по пути, по которому сами пойти не можем,— по пути, на который вступили вы.

Опять и опять мы изучали ход развития, которое посланы были оберегать, в надежде узнать, как нам и самим вырваться из тесных пределов. Но лишь мельком уловили смутные очертания истины. Вы называли нас Сверхправителями, не ведая, какой насмешкой это звучит. Скажем так: над нами стоит Сверхразум, и он пользуется нами, как пользуется гончарным кругом гончар.

А вы, человечество,— глина, которая формуется на этом круге.

Мы думаем — это всего лишь теория,— что Сверхразум старается расти, расширять свою мощь и свои познания о Вселенной. Теперь он, должно быть, соединил в себе великое множество племен и давно освободился от тиранической власти материи. Где бы ни появилась разумная жизнь, он это ощущает. И когда он узнал, что вы почти уже готовы к этому, он послал нас сюда исполнить его волю, подготовить вас к преображению, которое теперь совсем близко.

Все перемены, какие раньше пережило человечество, совершались веками. Однако сейчас преображается не тело, но дух. По меркам эволюции, перемена будет мгновенной, как взрыв. Она уже началась. Придется вам понять и примириться с этим: вы — последнее поколение homo sapiens.

Мы почти ничего не можем сказать о том, какова природа наступающей перемены. Мы не знаем, как она возникает, каким образом Сверхразум вызывает ее, когда решит, что для нее настало время... Мы только выяснили: это начинается в какой-то одной личности — всегда в ребенке — и сразу охватывает все вокруг, подобно тому, как вокруг первого ядра образуются кристал-

лы в насыщенном растворе. Взрослых перемена не затрагивает, их ум уже утратил гибкость и прочно закрепился в определенной форме.

Через несколько лет все закончится, человечество разделится надвое. Возврата нет, и у того мира, который вам знаком, нет будущего. Со всеми надеждами и мечтами людей Земли покончено. Вы породили своих преемников, и трагедия ваша в том, что вам их не понять, их разум навсегда останется закрыт для вас. Да они и не обладают разумом в вашем понимании. Все они сольются в единое целое, как любой из вас — единый организм, состоящий из мириад клеток. Вы не станете считать их людьми — и не ошибетесь.

Я сказал вам все это, чтобы вы знали, чти вам предстоит. Считанные часы отделяют нас от крутого перелома. Моя задача и мой долг — защитить тех, кого меня прислали оберегать. Как ни велики пробуждающиеся в них силы, вокруг — людские толпы, способные их раздавить... Пожалуй, их захотят уничтожить даже отцы и матери, когда осознают истину. Я должен забрать детей, отделить от родителей — ради их безопасности и ради вашей тоже. Завтра за ними придут мои корабли. Не стану осуждать вас, если вы попробуете воспротивиться разлуке, но это будет бесполезно. Сейчас пробуждаются силы, намного превосходящие мою; я — всего лишь одно из их орудий.

А потом... что должен я делать с вами, кто еще жив, хотя роль свою вы уже сыграли?

Всего проще, а пожалуй, и всего милосердней было бы — уничтожить вас, как вы бы уничтожили любимого ручного зверька, если он смертельно ранен. Но этого я сделать не могу. Вы сами выберете, как провести оставшиеся вам годы. Я только надеюсь, что человечество кончит свой век мирно, в сознании, что жизнь его не была напрасной.

Ибо вы принесли в мир нечто, пусть вам совершенно чуждое, пусть оно не разделяет ни ваших желаний, ни ваших надежд, пусть величайшие ваши свершения в его глазах лишь детские игрушки, но само оно — великое чудо, и это вы его создали.

Настанет срок, и наше племя забудется, а частица вашего будет жить. Так не осуждайте же нас за то, как мы вынуждены были поступить. И помните — мы всегда будем вам завидовать.

21

Джин плакала раньше, теперь она уже не плачет. Жестокий, равнодушный солнечный свет позолотил Новые Афины, и над близнецами-вершинами Спарты снижается корабль. На том скалистом острове не так давно ее сын избежал смерти — избежал чудом, которое теперь ей слишком понятно. Порой она думала — пожалуй, было бы лучше, если бы Сверхправители не вмешались и оставили его на произвол судьбы. Со смертью она примирилась бы, как мирилась и прежде, смерть — естественна, она в природе вещей. А то, что сейчас, непостижимей смерти — и непоправимей. Доныне хоть люди и умирали, но человечество продолжало жить.

Среди детей ни звука, ни движения. Они стоят по нескольку человек там и сям на песчаном берегу и, видно, не замечают друг друга, не помнят о до-

ме, который покидают навсегда. Многие держат на руках малышей — таких, что еще и не ходят, а может быть, не хотят проявить способности, обладая которыми ходить незачем. Ведь если они могут передвигать неодушевленные предметы, думал Джордж, уж наверно они могли бы двигаться и сами. И зачем, в сущности, корабли Сверхправителей их забирают?

Все это не важно. Они уходят — и решили уйти так, а не иначе. Будто какая-то заноза в памяти все не давала покоя Джорджу, и наконец он понял. Где-то когда-то он видел столетней давности фильм о таком вот великом исходе. Наверно, фильм относился к началу Первой мировой войны... а может быть, и Второй. Длинные поезда, переполненные детьми, медленно тянулись прочь от городов, которым угрожал враг, а родители оставались позади, и многим детям не суждено было снова их увидеть. Лишь редкие дети плакали; иные смотрели растерянно, боязливо сжимали в руках свои узелки или чемоданчики, а большинство, похоже, нетерпеливо предвкушало какие-то увлекательные приключения.

Но нет... сравнение неверно. История не повторяется. Те, что уходят теперь, кто бы они ни были, уже не дети. И на этот раз ни одна семья не соединится вновь.

Корабль опустился у самой воды, днищем глубоко погрузился в мягкий песок. Словно по взмаху дирижерской палочки, разом скользнули вверх громадные выгнутые пластины, и на берег металлическими языками протянулись трапы. Рассеянные по берегу невообразимо одинокие фигурки стали сближаться, сошлись в толпу, она двигалась совсем так же, как движутся людские толпы.

«Одинокие? Откуда взялась такая мысль?» — спросил себя Джордж. Что-что, а одинокими они уже никогда не будут. Одинока может быть только отдельная личность... только человек. Когда преграды между людьми наконец рушатся, исчезает индивидуальность, а с нею не станет и одиночества. Несчетные капли дождя растворятся в океане.

И тут Джин судорожно, крепче прежнего сжала его руку.

— Смотри,— прошептала она,— вон там Джеф. У второй двери.

Очень далеко, трудно сказать наверняка, да еще глаза Джорджу будто застлало туманом. И все же — конечно, это Джеф... Теперь он узнает сына, тот уже ступил одной ногой на металлический трап.

И Джеф оглянулся, посмотрел в их сторону. Лица не различить, просто бледное пятно; из такой дали не разобрать, есть ли в этом лице хоть намек на то, что он узнал их, хоть тень воспоминания обо всем, что он покидает. И уже не узнать Джорджу, обернулся ли Джеф случайно — или знал в те последние секунды, пока он был еще их сыном, что они стоят и смотрят, как он переходит в неведомую страну, куда им нет доступа.

Громадные люки начали закрываться. И тогда Фэй вскинула мохнатую мордочку и негромко, протяжно завыла. Потом подняла чудесные влажные глаза на Джорджа, и он понял — она потеряла хозяина. У него больше нет соперника.

Перед теми, кто остался, лежало много дорог, но в конце все придут к одному и тому же. Кое-кто говорил: мир все еще прекрасен; когда-нибудь придется его покинуть, но с какой стати торопиться?

Но другие, те, кто больше дорожил будущим, чем прошлым, и утратил все, ради чего стоило жить, не захотели ждать. Они уходили — иные в одиночку, иные вместе с друзьями, смотря кто к чему склонен от природы.

Так было и в Афинах. Некогда остров этот родился в пламени — и в пламени решил умереть. Кто захотел уехать, уехали, но большинство осталось и готовилось встретить конец среди обломков всего, о чем прежде мечтали.

Предполагалось, что часа никто заранее знать не будет. Но глубокой ночью Джин проснулась и минуту лежала, глядя в потолок, где мерцали призрачные отсветы. Потом потянулась, схватила Джорджа за руку. Всегда он спал как убитый, а тут сразу проснулся. Они не заговорили, не было на свете нужных слов.

Ей больше не страшно, даже не грустно. Она прошла через все это к некоей тихой заводи, и уже ничто ее не волнует. Только одно еще остается сделать, и Джин знает, времени в обрез.

Все так же молча Джордж пошел за нею по безмолвному дому. Они пересекли полосу лунного света, вливающегося через стеклянную крышу студии, прошли неслышно, как отброшенные луною тени, и вот они в опустелой детской.

Тут ничего не изменилось. По-прежнему лучатся на стенах светящиеся узоры, которые так усердно рисовал когда-то Джордж. И погремушка — давняя дочкина забава — еще лежит там, где уронила ее Дженнифер Энн, когда разумом унеслась в непостижимую даль, что стала ей домом.

«Она бросила свои игрушки,— подумал Джордж,— а наши уйдут отсюда вместе с нами». Вспомнились царственные дети фараонов — пять тысячелетий тому назад их бусы и куклы похоронены были вместе с хозяевами. Так будет снова. «Никому больше не полюбятся наши сокровища,— думал Джордж,— мы возьмем их с собой, мы с ними не расстанемся».

Джин медленно обернулась к нему, припала головой к его плечу. Он обнял ее, и давняя любовь вернулась, будто слабое, но явственное эхо, отраженное грядой далеких гор. Теперь поздно говорить все, что он должен бы сказать ей, и жалеет он не столько об изменах, сколько о прежнем своем равнодушии.

А потом Джин тихо сказала: «Прощай, милый»,— и крепче обхватила его руками. Джордж не успел ответить, но даже в этот последний краткий миг изумился — откуда она знает, что пора?

В каменных недрах острова ринулись друг к другу пластины урана, стремясь к недостижимому для них единению.

И остров вознесся навстречу рассвету.

22

Корабль Сверхправителей скользил по светящемуся, точно от метеорита, следу из самого сердца созвездия Карины. Еще у внешних планет он начал неистово гасить скорость, но даже возле Марса она составляла значительную часть световой. Исполинские поля, окружающие земное Солнце, медленно поглощали его инерцию, а позади, на миллионы километров, проводила в небесах огненную черту избыточная энергия звездолета.

Став старше на полгода, Ян Родрикс возвращался домой, в мир, покинутый им восемьдесят лет назад.

Теперь он уже не прятался зайцем в тайнике. Он стоял позади трех пилотов (недоумевая про себя, зачем нужны сразу трое) и смотрел, как вспыхивают и гаснут знаки на громадном экране, что главенствовал в рубке. На экране сменялись краски и очертания, ему непонятные,— надо думать, они означали данные, какие на корабле, построенном людьми, передавались бы циферблатами и стрелками. Но порой экран показывал расположение окрестных звезд, и, надо надеяться, уже скоро на нем появится Земля.

Хорошо вернуться домой, хоть он и положил немало усилий на бегство. За минувшие месяцы он стал взрослее. Так много он видел, в такой дали побывал — и стосковался по родному, привычному миру. Теперь он понимает, почему Сверхправители отгородили Землю от звезд. Немалый путь должно еще пройти человечество, прежде чем оно сумеет стать хотя бы малой частью цивилизации, которую он мимолетно увидел.

Быть может, хотя все в Яне восстает против этой мысли, человечество навсегда останется лишь какой-то низшей породой в подобии зоологического сада на далекой окраине, под надзором Сверхправителей. Не это ли крылось в двусмысленном предостережении Виндартена перед самым отлетом? «За то время, которое прошло на вашей планете, многое могло случиться,— сказал Сверхправитель.— Возможно, когда ты опять увидишь свой мир, ты его не узнаешь».

«Может, и не узнаю»,— думал Ян: восемьдесят лет — большой срок, и хоть он молод и способен освоиться в новых условиях, пожалуй, нелегко будет понять все происшедшие за это время перемены. Но в одном сомнений нет, люди непременно захотят выслушать его и узнать, что успел он заметить в мире Сверхправителей. Как Ян и ожидал, с ним обошлись снисходительно. О полете от Земли он ничего не знал: когда действие снотворного кончилось и он очнулся, корабль уже входил в солнечную систему Сверхправителей. Он выбрался из своего фантастического тайника и с облегчением убедился, что кислородная маска не нужна. Душновато, воздух тяжелый, но дышать можно. Он оказался в тусклом красном сумраке громадного трюма, вокруг — многое множество других ящиков с грузом и еще всякой всячины, какую естественно встретить на океанском или воздушном лайнере. Почти час он плутал в этом лабиринте, прежде чем добрался до рубки и предстал перед командой.

К его недоумению, они ничуть не удивились; Ян знал, что Сверхправители редко обнаруживают какие-либо чувства, но ждал хоть чего-то, хоть искорки. А они просто продолжали делать свое дело, следили за экраном, перебирали несчетные клавиши пультов управления. Тут он понял, что корабль идет на посадку: на экране опять и опять, с каждым разом вырастая, вспыхивало изображение планеты. Но совсем не ощущалось ни движения, ни ускорения, и ничуть не колебалась сила тяжести, как определил Ян, примерно впятеро меньше земной. Очевидно, могучие силы, движущие кораблем, уравновешивались с поразительной точностью.

А потом пилоты встали со своих мест, все трое как один, и стало ясно — путешествие окончено. Они еще не заговорили ни с пассажиром, ни друг с

другом, и когда один знаком поманил землянина за собой, Ян понял то, о чем следовало подумать раньше. Вполне возможно, что здесь, на другом конце бесконечно длинного пути, по которому доставляются Кареллену грузы, никто не поймет ни единого человеческого слова.

Трое серьезно следили за ним, когда перед его нетерпеливым взглядом распахнулись громадные створы люка. Вот она, великая минута его жизни, он — первый из людей, кому дано увидеть мир, освещенный иным солнцем. В корабль хлынул свет звезды НГС 549672, и Яну открылась планета Сверхправителей.

Чего он ждал? Он и сам толком не знает. Громадные здания, города с башнями, чьи вершины теряются в облаках, невообразимые машины — все это его бы не удивило. Но увидел он безликую плоскую равнину, уходящую к неестественно близкому горизонту, однообразие только и нарушали еще три корабля Сверхправителей, высящиеся в нескольких километрах отсюда.

На минуту в Яне поднялось горькое разочарование. Потом он пожал плечами — все очень просто, где же и находиться космическому порту, если не в таком вот пустынном, необжитом месте.

Было холодно, но не слишком. Большое красное солнце висело низко над горизонтом, света его вполне хватало человеческому глазу, но Ян подумал, что, пожалуй, быстро затоскует по зеленым и голубым краскам. А потом увидел: в небе выгнулся огромный тонкий полумесяц, как будто возле солнца натянули гигантский лук. Ян долго разглядывал его, потом сообразил, что путешествие не совсем еще закончилось. Этот полумесяц и есть планета Сверхправителей. А здесь, должно быть, ее спутник, всего лишь база, откуда уходят в плавание звездолеты.

Его повели к другому кораблю, небольшому, не крупней земного пассажирского самолета. Чувствуя себя каким-то пигмеем, он вскарабкался на одно из высоких сидений и пытался в иллюминатор хоть что-то разглядеть на приближающейся планете.

Перелет был стремительный, не удалось различить отдельные черты ширящегося внизу небесного тела. Похоже, даже здесь, так близко от дома, Сверхправителям служила разновидность того же межзвездного двигателя; уже через несколько минут корабль погрузился в плотную, пестрящую облаками атмосферу. Двери открылись, и все вышли в подобие ангара, своды его, должно быть, тотчас сомкнулись — над головой Ян не заметил никаких следов входного отверстия.

Из этого здания он вышел только через два дня. Никто не ждал такого груза, и его некуда было пристроить. Да еще, на беду, ни один Сверхправитель не понимал его языка. Объясняться было невозможно, и Ян с горечью осознал, что войти в контакт с инопланетянами совсем не так просто, как это зачастую изображали в романах. Язык жестов оказался совершенно бесполезен, он основан главным образом на выразительности движений, позы, лица, а тут у людей нет ничего общего со Сверхправителями.

«Неужели язык людей знают лишь те Сверхправители, которые остались на Земле? — думал Ян.— Тогда все напрасно!» Оставалось ждать и надеяться. Уж наверно какой-нибудь здешний ученый, специалист по чужим обитаемым

мирам, придет и займется им! Или он такое ничтожество, что никого не станут из-за него беспокоить?

Сам выбраться из здания он не мог, у огромных дверей не видно было ни ручек, ни кнопок. Когда к ним подходил Сверхправитель, они открывались сами собой. Ян тоже пытался на них подействовать, махал чем попало высоко над головой, рассчитывая прервать какой-нибудь следящий луч, перепробовал все способы, до каких мог додуматься,— но безуспешно. Наверно, вот таким беспомощным оказался бы пещерный житель доисторических времен, заброшенный в здание современного города. Ян как-то попытался выйти вместе с одним из Сверхправителей, но его мягко отогнали. И он отступился, он вовсе не желал рассердить хозяев.

Виндартен явился прежде, чем Ян успел прийти в отчаяние. Этот Сверхправитель говорил по-английски прескверно и притом чересчур быстро, но, что поразительно, чуть не с каждой минутой все лучше. Через несколько дней они уже довольно легко беседовали на любую тему, лишь бы она не требовала специальной терминологии.

Как только Ян очутился под опекой Виндартена, ему не о чем стало тревожиться. Но он отнюдь не волен был заняться, чем хочется,— почти все его время уходило на встречи с учеными. Сверхправители жаждали исследовать его непонятными способами, при помощи сложных приборов. Яна эти машины порядком пугали, а после опыта с каким-то гипнотическим устройством у него несколько часов кряду от боли раскалывалась голова. Он готов был всячески помогать исследователям, но сомневался, ясны ли им пределы его душевных и физических сил. Очень нескоро удалось убедить Сверхправителей, что через определенные промежутки времени ему необходим сон.

В короткие передышки между исследованиями Ян мельком видел город и понял, как трудно — да и опасно — было бы по нему передвигаться. В сущности, улиц вовсе нет, не видно и какого-либо транспорта. Ведь обитатели этого мира умеют летать, и им не страшна сила тяжести. А потому вдруг оказываешься на краю пропасти глубиной в сотни метров, и от одного взгляда кружится голова, либо выясняется, что единственный вход в комнату — отверстие высоко в стене. Самыми разными способами Ян поминутно убеждался, что психология крылатого племени не может не отличаться коренным образом от психологии тех, кто прикован к поверхности своей планеты.

Странно было видеть Сверхправителей, пролетающих среди городских башен, точно огромные птицы; поражали мощью неспешные взмахи крыльев. Тут таилась какая-то загадка для науки. Планета велика, больше Земли. Однако сила тяжести здесь ничтожная, и непонятно, откуда взялась такая плотная атмосфера. Ян стал расспрашивать Виндартена, и выяснилось, как он отчасти и ожидал, что это не родная планета Сверхправителей. Племя их возникло на другой, гораздо меньшей планете, а этот мир они освоили, изменив не только его атмосферу, но и тяготение.

Архитектура у них унылая, роль ее чисто подсобная. Ян не видал никаких украшений, каждая мелочь для чего-нибудь да предназначена, хотя ее назначение чаще всего непонятно. Если бы этот город в неярком красном свете и его крылатых обитателей увидал человек средневековья, он наверняка решил

бы, что очутился в аду. Даже Ян, при всей своей пытливости и присущем ученому бесстрастии, порой ощущал: вот-вот нахлынет ужас, неподвластный рассудку. Ведь самый ясный и трезвый ум может утратить равновесие, когда нет кругом ни единой знакомой приметы и не на что опереться.

А тут было очень много непонятного, такого, чего Виндартен даже не пытался ему объяснить — то ли не мог, то ли не хотел. Что за мгновенные вспышки и переменчивые тени мелькают в воздухе, стремительные, неуловимые, можно даже подумать, будто они лишь мерещатся? Быть может, это что-то грозное, величественное — а может быть, просто бьющая в глаза чепуха вроде неоновых реклам в старину на Бродвее.

И еще Ян чувствовал, что мир Сверхправителей полон звуков, его слуху недоступных. Порой какие-то сложные летучие ритмы уносятся выше, выше или, напротив, все ниже — и исчезают за пределами восприятия. Виндартен словно не понимает, что имеет в виду Ян, когда заговаривает о музыке, а потому никак нельзя разобраться в этой загадке.

Город не так уж велик, безусловно, гораздо меньше, чем были в пору своего расцвета Лондон или Нью-Йорк. По планете, объяснил Виндартен, разбросано несколько тысяч таких городов, и у каждого свое особое назначение. Это, скорее всего, можно сравнить с каким-нибудь университетским городом на Земле, только специализация здесь зашла много дальше. Ян быстро понял, что весь этот город занят изучением инопланетных цивилизаций.

Во время одного из первых выходов Яна за пределы четырех голых стен, где его поселили, Виндартен повел его в музей чужой культуры. Это дало Яну позарез необходимый заряд бодрости, наконец-то он попал в такое место, смысл и назначение которого вполне понятны! Если не думать о масштабах, этот музей можно бы принять за земной. Путь туда был долог, они размеренно опускались на громадной платформе, которая двигалась, точно поршень, в вертикальном цилиндре неведомо какой длины. Не видно никаких кнопок, рукояток или клавиш, но в начале и в конце спуска ясно чувствуется ускорение. Должно быть, у себя дома Сверхправители не тратят энергию поля, уравновешивающего тяготение. Ян спрашивал себя, не изрыта ли вся планета внутренними помещениями и переходами. И почему, ограничив размеры города, Сверхправители уводят его вглубь, а не растят в вышину? Еще одна загадка, он так ее и не решил.

Целой жизни не хватило бы на осмотр громадных залов музея. Здесь была собрана добыча, вывезенная со множества планет, достижения невесть скольких цивилизаций. Но Яну мало что удалось увидеть. Виндартен осторожно поставил его на полосу, которую Ян принял сперва за часть узора на полу. Потом вспомнил, что в городе нет никаких украшений,— и тотчас какая-то невидимая сила мягко охватила его и помчала вперед. Его несло мимо громадных витрин, мимо видений невообразимых миров со скоростью двадцати или, может быть, тридцати километров в час.

Посетитель музея всегда устает, а вот Сверхправители избавили его от усталости. У них тут незачем ходить пешком.

Потом провожатый опять подхватил Яна и взмахом могучих крыльев поднял над неведомой силой, которая пронесла их, наверно, несколько километ-

ров. Впереди открылся огромный, наполовину пустой зал, залитый знакомым светом, такого Ян не видел с тех пор, как покинул Землю. Смягченный, чтобы не пострадали чувствительные глаза Сверхправителей, то, несомненно, был свет земного Солнца. Никогда бы Ян не подумал, что от чего-то столь простого, столь обычного сердце его стиснет такая тоска.

Итак, здесь выставка экспонатов с Земли. Прошли несколько шагов, миновали прекрасную модель Парижа, потом нелепую смесь произведений искусства, представляющих добрый десяток разных столетий, потом новейшие вычислительные машины в соседстве с топорами каменного века, телевизоры — и рядом паровую турбину Герона Александрийского. Перед ними открылась высоченная дверь, и они вошли в кабинет главы Отдела Земли.

«Может быть, он видит человека впервые?» — подумал Ян. Побывал он хоть раз на Земле, или для него она — лишь одна из многих планет, которыми он ведает, даже не зная толком, где они находятся? На земном языке он, во всяком случае, не говорил и не понимал ни слова, пришлось Виндартену стать переводчиком.

Ян пробыл здесь несколько часов, хозяева показывали ему разные земные предметы, а он старался объяснить записывающему аппарату их назначение. Со стыдом он убедился, что многие вещи ему совершенно незнакомы. Каким же он оказался невеждой в делах и достижениях собственного племени! И сколь ни велики разум и способности Сверхправителей, сумеют ли они разобраться во всех сложностях человеческой культуры?

Из музея Виндартен повел его другой дорогой. Опять они без малейшего усилия плыли по огромным сводчатым коридорам, но теперь уже не мимо искусственных плодов разумной мысли, а мимо того, что создано природой. Салливен жизни не пожалел бы, лишь бы попасть сюда и увидеть, какие чудеса сотворила эволюция на сотне разных миров, подумалось Яну. Но ведь Салливен, скорее всего, уже умер...

Неожиданно они очутились на галерее, высоко над круглым помещением, наверно, около ста метров в поперечнике. По обыкновению, никаких перил; Ян чуть замешкался, прежде чем подойти к краю. Но Виндартен, стоя на самом обрезе галереи, спокойно смотрел вниз, и Ян осторожно придвинулся.

Дно этого вместилища оказалось всего лишь в двадцати метрах под ним... так близко, слишком близко! Позже, поразмыслив, Ян понял, что Виндартен вовсе не хотел его поразить, напротив, сам был ошеломлен. Потому что Ян с отчаянным воплем отскочил назад, безотчетно пытаясь укрыться от того, что лежало там, внизу. Лишь когда в плотном воздухе замерло приглушенное эхо его крика, он собрался с духом и опять подошел к краю.

Конечно, *он* был безжизненный, а не уставился на посетителя осмысленным взглядом, как сперва вообразил перепуганный Ян. Он занимал почти весь этот круглый бассейн, и в прозрачной глубине его мерцали, вздрагивали рубиновые отсветы.

Это был единственный исполинский глаз.

— Почему ты так шумел? — спросил Виндартен.

— Мне стало страшно,— смущенно признался Ян.

— Почему? Не думал же ты, что тут может быть какая-то опасность?

Можно ли ему объяснить, что такое рефлекс? Ян решил не пытаться.

— Всякая неожиданность пугает. Пока не разберешься в том, что совсем ново и незнакомо, безопасней предположить худшее.

Ян опять посмотрел вниз, на чудовищный глаз, сердце его все еще неистово колотилось. Впрочем, возможно, это лишь непомерно увеличенная модель, наподобие микробов и насекомых в земных музеях. Но, задавая себе этот вопрос, Ян уже холодел от уверенности, что глаз самый настоящий, в натуральную величину.

Виндартен мало что мог объяснить: он занимается другой областью науки, а в остальном не слишком любопытен. Из его слов в воображении Яна вырисовалась огромная одноглазая тварь, обитающая среди мелких астероидов подле какого-то далекого солнца; не стесненный силами тяготения, циклоп вырастает до неимоверных размеров, а его пропитание и самая жизнь зависят от того, как далеко и ясно видит его единственное око.

Похоже, для Природы, когда ей это понадобится, невозможного нет, и Ян бездумно обрадовался открытию, что и Сверхправителям не все на свете доступно. Они привезли с Земли целого кита, но за *такой* экспонат не взялись и они.

А в другой раз он поднимался все выше, выше, и стенки лифта стали матовыми, а потом прозрачными, как хрусталь. Он стоял, словно бы ни на что не опираясь, среди высочайших вершин города, и ничто не отгораживало его от бездны. Но голова не кружилась, как не кружится в самолете, потому что вовсе не ощущалась поверхность планеты далеко внизу.

Ян стоял над облаками, наравне с ним в небе только и виднелись несколько металлических или каменных шпилей. Ниже лениво плескалось алое море сплошных облаков. Невдалеке от тусклого солнца чуть светились две крохотные луны. Почти посредине этого расплывшегося красного диска темнел маленький аккуратный кружок. Быть может, солнечное пятно, а может, проходила мимо еще одна луна.

Ян медленно обводил взглядом горизонт. Облачный покров тянулся до самого края огромной планеты, но в одном месте, невесть в какой дали, проступали какие-то пятнышки, возможно — башни еще одного города.

Ян долго всматривался, потом перевел испытующий взгляд дальше.

Описав глазами полукруг, он увидел гору. Она поднималась не на горизонте, но позади него — одинокая зубчатая вершина вздымается над краем планеты, склоны уходят куда-то вниз, основания не разглядеть — так скрыта под водой почти вся громада айсберга. Тщетно Ян пытался угадать размеры этой громадины. Просто не верилось, что даже на планете, где сила тяжести совсем мала, могут существовать такие горы. Любопытно, может быть, Сверхправители поднимаются на эти откосы и парят, подобно орлам, среди исполинских зубцов этой крепости?

А потом, у него на глазах, гора стала медленно менять свой облик. Когда Ян впервые заметил ее, она была темно-багровая, почти зловещего оттенка, с немногими неясными отметинами у самой вершины. Он все старался рассмотреть их и вдруг понял, что они движутся...

Сперва Ян не поверил своим глазам. Потом старательно напомнил себе, что все привычные понятия здесь бесполезны — нельзя позволить рассудку отбросить хотя бы малость из того, что воспринимают чувства и передают в тайники мозга. Нельзя и пытаться понять, надо только наблюдать. Понимание придет после — или не придет совсем.

Гора — Ян все еще считал, что это гора, никакое другое слово тут не подходило — казалась живой. Ему вспомнился чудовищный глаз там, в склепе, в недрах планеты... но нет, немыслимо. Сейчас перед ним не органическая жизнь, быть может, даже и не материя в знакомом, привычном понимании.

Тусклый багрянец разгорался, гневно пламенел. Его рассекли яркие желтые полосы, и Ян подумал было, что это вулкан извергает потоки лавы вниз, на равнину. Но приметил движение каких-то пятен и крапинок и понял — потоки эти устремляются вверх!

И вот что-то новое поднимается из алых облаков, опоясывающих основание горы. Громадное кольцо, безупречно ровное по горизонтали, безупречно круглое — и того цвета, что Ян оставил далеко позади: так ясно голубеет только небо над Землею. Еще ни разу в мире Сверхправителей он не видал такой лазурной синевы, и ему перехватило горло тоской и одиночеством.

А голубое кольцо поднималось, ширилось. Вот оно уже взмыло над вершиной горы, а ближний край его мчится сюда, к Яну. Конечно же, это какой-то вихрь, кольцо газа или дыма, разросшееся уже до нескольких километров в поперечнике. Однако никакого вращения не заметно, и, разрастаясь вширь, кольцо как будто не становится менее плотным.

Тень его пронеслась мимо задолго до того, как само кольцо, поднимаясь все выше, величаво проплыло над головой Яна. Ян следил за ним, пока оно не обратилось в тонкую голубую ниточку, которую он едва различал в багряном небе. Когда оно совсем скрылось из виду, ширина его, должно быть, измерялась уже тысячами километров. И оно продолжало расти.

Ян опять посмотрел на гору. Теперь она была вся золотая, без единого пятнышка. Может быть, Яну только почудилось — теперь он готов был поверить чему угодно,— но она словно бы сузилась, стала выше и вращалась вокруг своей оси, точно смерч. Только теперь, оцепенелый, ошеломленный чуть не до потери сознания, вспомнил Ян о своем фотоаппарате. Поднес его к глазам и начал наводить на эту невозможную, уму непостижимую загадку.

Виндартен поспешно шагнул к нему и все заслонил. Решительно, неумолимо огромные ладони закрыли объектив и пригнули аппарат книзу. Ян и не пробовал воспротивиться; конечно, это и не удалось бы, но он вдруг ощутил смертельный ужас перед тем, неведомым, на краю чужого мира... нет, с него довольно.

До этого, где он ни побывал, ему никто не мешал фотографировать, и сейчас Виндартен никак не объяснил запрета. Зато долго и подробно, до мелочей, расспрашивал Яна, как и что он видел.

Тогда-то Ян понял, что глазам Виндартена представилось нечто совсем другое, и тогда же впервые догадался, что Сверхправители тоже кому-то подчиняются.

И вот он возвращается домой, все чудеса, все страхи и тайны позади. Корабль, наверно, тот же самый, но команда наверняка другая. Как ни долог век Сверхправителей, трудно поверить, чтобы они охотно отрывались от дома на десятилетия, которые отнимает межзвездный перелет.

Конечно, относительность времени при околосветовой скорости — медаль о двух сторонах. Сверхправители в полете до Земли станут старше всего лишь на четыре месяца, но к их возвращению друзья их постареют на восемьдесят лет.

Если бы Ян захотел, он, несомненно, мог бы остаться здесь до конца жизни. Но Виндартен предупредил его, что следующий корабль отправится на Землю только через несколько лет, и посоветовал не упускать случая. Возможно, Сверхправители поняли, что рассудок человека, пожалуй, не выдержит наплыва впечатлений. А может быть, просто он стал помехой и уже недосуг было им заниматься.

Теперь все это неважно, впереди Земля. Сто раз он видел ее вот так, с высоты, но всегда — холодным, искусственным глазом телекамеры. А теперь наконец он и сам смотрит из космоса, разыгрывается заключительный акт его осуществленной мечты, и Земля кружит под ним на вечной своей орбите.

Огромный сине-зеленый серп виден в первой четверти, остальной диск еще скрывает ночная тьма. Облаков почти нет, лишь кое-где протянулись полосы вдоль направления пассатов. Сверкает ледяная шапка полюса, но еще ярче, ослепительней отражение солнечных лучей в водах Тихого океана.

В этом полушарии так мало суши. Можно подумать, будто вся планета покрыта водой. Из материков виднеется только Австралия — здесь чуть гуще дымка атмосферы, обволакивающая планету.

Корабль входил в огромный темный конус — тень Земли; блестящий серп сузился в тонкую огненную полоску, в пылающий изогнутый лук, прощально мигнул и исчез. Внизу темнота и ночь. Мир, погруженный в сон.

И тогда Ян понял, что же тут неладно. Под ним суша, но где мерцающие ожерелья огней, блистательный фейерверк — примета возведенных людьми городов? Все полушарие во мраке, ни единая искорка не разгоняет ночную тьму. Ни следа миллионов киловатт, чей свет когда-то щедро изливался в небеса. Казалось, перед глазами Яна Земля, какою она была до человека.

Не таким представлял себе Ян возвращение домой. Оставалось только ждать, а в душе нарастал страх перед неведомым. Что-то случилось... что-то непостижимое. А меж тем корабль, уверенно снижаясь, описал широкую дугу и опять вышел на освещенную солнцем сторону планеты.

Ян не видел посадки — изображение Земли на экране внезапно сменилось непонятными узорами линий и огней. А когда экран опять прояснился, путешествие кончилось. Теперь вдали виднелись высокие здания, вокруг двигались какие-то машины, за ними следили несколько Сверхправителей.

Где-то приглушенно загудела воздушная струя — давление воздуха в корабле уравнивалось с наружным, потом Ян услыхал, как раскрываются огромные створы. Он не мог больше ждать; молчаливые великаны то ли снисходительно, то ли равнодушно смотрели, как он бегом кинулся вон из рубки.

Он дома, опять он видит сияние знакомого солнца, вдыхает тот же воздух, который впервые омыл его легкие, едва он родился на свет. Трап уже спустили, но Яну пришлось чуть помедлить, освоиться со слепящим сиянием дня.

Кареллен стоял поодаль от остальных, возле огромной платформы, груженной ящиками. Ян и не задумался, каким образом он узнал Попечителя, не удивился, что тот совсем такой же, как был. Кажется, лишь к этому он был готов — что не встретит в Кареллене перемены.

— Я тебя ждал,— сказал Кареллен.

23

— Поначалу нам не опасно было появляться среди них,— сказал Кареллен.— Но они в нас больше не нуждались: наша работа была закончена, когда мы собрали их всех вместе и поселили на отдельном материке. Смотри.

Стена перед Яном исчезла. Теперь с высоты в несколько сот метров он смотрел на приветливую лесистую местность. Казалось, между ним и землей нет никакой преграды, и на миг у Яна закружилась голова.

— Так было пять лет спустя, когда началась вторая фаза.

Внизу двигались какие-то фигуры, и кинокамера стремглав спускалась на них, словно хищная птица.

— Тебе горько будет на них смотреть,— сказал Кареллен.— Но помни, прежние мерки тут неприменимы. Эти дети — не люди.

Однако Ян в них увидел детей, и никакая логика не могла рассеять это впечатление. Казалось, это дикари, исполняющие какой-то сложный обрядовый танец. Все они голые, грязные, за всклокоченными волосами не видно глаз. Насколько мог разобрать Ян, они были разного возраста, от пяти до пятнадцати, однако все двигались одинаково быстро, уверенно, не обращая ни малейшего внимания на окружающее.

А потом Ян разглядел их лица. Он насилу проглотил ком в горле, немалого труда ему стоило не отвернуться. Совершенно пустые лица, хуже чем мертвые, потому что и черты мертвеца сохраняют какой-то отпечаток, наложенный Временем, говорящий даже тогда, когда уже немы уста. А в этих лицах волнения, чувства не больше, чем у змеи или у насекомого. Сверхправители — и те с виду человечнее.

— Ты ищешь того, чего здесь больше нет,— сказал Кареллен.— Запомни, в них нет ничего от личности, как не обладает личностью отдельная клетка человеческого тела. Но в единстве они составляют нечто несравнимо более великое, чем человек.

— Почему они все время так двигаются?

— Мы это называем Долгим танцем,— отвечал Кареллен.— Они никогда не спят, и это длится уже почти год. Их триста миллионов, и они образуют строго определенный движущийся рисунок от края до края материка. Мы без конца пытаемся найти в этом рисунке смысл — и не находим, быть может, потому, что нам видна только физическая сторона, только небольшая часть — то, что здесь, на Земле. Вероятно, то, что мы называем Сверхразумом, еще

обучает их, лепит из них некое единство, а уже потом вберет его в себя без остатка.

— Но как же они обходятся без еды? И что, если они наткнутся на какое-нибудь препятствие — на дерево, скалу, реку?

— Река не имеет значения, утонуть они не могут. О препятствия иногда ушибаются, но даже не замечают ушибов. А что до еды... ну, тут вдоволь и плодов, и дичи. Но в еде они больше не нуждаются, как и во многом другом. Ведь пища — это прежде всего источник энергии, а они научились черпать из более мощных источников.

Перед глазами что-то мигнуло, будто все заволокло знойной дымкой. А когда картина прояснилась, внизу уже не было движения.

— Смотри,— сказал Кареллен.— Это три года спустя.

Маленькие фигурки, совсем беспомощные и жалкие, если не знать правды, недвижимо застыли в лесу, на прогалине, на равнине. Кинокамера неустанно переходила от одного к другому, и Яну показалось, будто все они теперь на одно лицо. Когда-то ему случилось видеть странные фотографии, их печатали, накладывая один на другой десятки негативов, и получали некие «средние» черты. Те лица были так же пусты, безжизненны, неразличимы.

Казалось, стоящие спят или оцепенели. Веки у всех сомкнуты, и, похоже, существа эти сознают окружающее не больше, чем деревья, под которыми они застыли. «Какие мысли отдаются в сложном переплетении, в котором разум каждого не больше — но и не меньше,— чем нить исполинской ткани?» — спросил себя Ян. И тут понял, что ткань эта окутывает множество миров и множество племен — и продолжает расти.

И вдруг... Ян не поверил глазам, ослепленный, ошарашенный. Секунду назад перед ним был приветливый, плодородный край, картина самая обыкновенная, только и странного, что разбросанные по нему из конца в конец (но не совсем беспорядочно) несчетные маленькие изваяния. И внезапно деревья и травы и все живые твари, которым они служили приютом, исчезли, сгинули без следа. Остались лишь тихие озера, извилистые реки, округлые холмы — бурые, разом утратившие свой зеленый покров,— и молчаливые равнодушные статуи, виновники этого внезапного разрушения.

— Зачем же они все уничтожили? — ахнул Ян.

— Возможно, им мешало присутствие чужого разума — даже самого примитивного, разума животных и растений. Нас не удивит, если настанет день, когда они сочтут помехой весь материальный мир. И как знать, что тогда произойдет? Теперь ты понимаешь, почему, исполнив свой долг, мы устранились. Мы все еще пробуем изучать их, но никогда больше не бываем там у них и не посылаем туда наши приборы. Мы только и решаемся наблюдать за ними сверху.

— Это случилось много лет назад,— сказал Ян.— А что было дальше?

— Почти ничего. За все это время они не шевельнулись, не обращали внимания — день ли в их краю или ночь, лето или зима. Они все еще пробуют свои силы. Некоторые реки изменили русло, а одна теперь течет в гору. Но до сих пор все, что они делают, кажется бесцельным.

— А вас они совсем не замечают?

— Да, но тут нет ничего удивительного. Тому... целому... частью которого они стали, о нас все известно. Наши попытки его изучить ему, видимо, безразличны. Когда оно захочет, чтобы мы ушли отсюда, или пожелает поручить нам работу в другом месте, оно вполне ясно выразит свою волю. А до тех пор мы останемся здесь, пусть наши ученые узнают как можно больше.

«Так вот он, конец человечества»,— подумал Ян с покорностью, превосходящей самую горькую скорбь. Конец, какого не предвидел ни один пророк... Тут равно не остается места ни надежде, ни отчаянию.

И однако есть в этом какая-то закономерность, высшая неизбежность, законченность, словно в великом произведении искусства. Хоть и мельком, но Ян видел Вселенную во всей ее грозной необъятности, и теперь он знал — человеку в ней не место. Теперь-то он понимал, какой напрасной в последнем счете была мечта, что заманила его к звездам.

Ибо дорога к звездам раздваивается — и в какую сторону ни пойдешь, в конце пути нет ничего, что хоть в малой мере отвечает надеждам или страхам человечества.

В конце одного пути — Сверхправители. Каждый сохранил свою личность, свое независимое «я»; они обладают самосознанием, и это местоимение «я» в их языке полно смысла. Они способны чувствовать, и хотя бы некоторые свойственные им чувства — те же, что и у людей. Но теперь ясно, они зашли в тупик, откуда нет и не будет выхода. Их разум в десять, а возможно, и в сто раз могущественней человеческого. Но в конечном счете это неважно. Они так же беспомощны, их так же подавляет невообразимая сложность Галактики, соединяющей в себе сто тысяч миллионов солнц,— и космоса, в котором сто тысяч миллионов галактик.

А в конце другого пути? Там — Сверхразум, что бы ни означало это понятие, и человек перед ним — то же, что амеба перед человеком. По сути своей бесконечный, беспредельный, бессмертный, сколько времени вбирал он в себя одно разумное племя за другим, ширясь и ширясь среди звезд? Есть ли и у него желания, есть ли цели, которые он смутно осознает, но которых, быть может, никогда не достигнет? Теперь он вобрал в себя и все то, чего достигло за время своего бытия земное человечество. Это не трагедия, но свершение. Миллиарды мыслящих искр, из которых состояло человечество, мелькнули светлячками в ночи и угасли навсегда. Но жизнь их была не совсем уж напрасной.

Ян понимал, развязка еще впереди. Возможно, она наступит завтра, а быть может, через столетия. Даже Сверхправители не знают наверняка.

Теперь ясно, чего они добиваются, что сделали для человечества и почему все еще не уходят от Земли. Перед ними чувствуешь себя ничтожеством, и нельзя не восхищаться их непоколебимым терпением. Ведь они ждут так долго...

Яну не удалось узнать, каким образом возникли странные узы, соединяющие Сверхразум с его слугами. По словам Рашаверака, Сверхразум присутствовал в истории его народа с самого начала, но распоряжаться Сверхправителями начал, лишь когда они создали высоконаучную цивилизацию и смогли странствовать в космосе, исполняя его поручения.

— Но зачем вы ему нужны? — недоумевал Ян.— При такой невообразимой мощи для него, уж наверно, нет невозможного.

— Есть,— сказал Рашаверак.— Для него тоже есть пределы. Мы знаем, в прошлом он пытался воздействовать непосредственно на сознание других разумных существ и влиять на развитие их культуры. И всякий раз терпел неудачу — возможно, для тех напряжение оказывалось непосильным. Мы — его переводчики... опекуны, или, если применить одно из ваших сравнений, мы возделываем почву и ждем, пока придет пора жатвы. Сверхразум собирает урожай, а мы переходим на новое поле. Вы — уже пятое разумное племя, на наших глазах достигшее вершины. И каждый раз к нашим знаниям что-то прибавляется.

— Неужели вас не возмущает, что Сверхразум пользуется вами как орудием?

— Это дает нам и некоторые преимущества; притом только тот, кто неразумен, возмущается неизбежным.

«Вот с чем никогда не могло по-настоящему примириться человечество»,— хмуро подумал Ян. Есть вещи, которые не поддаются логике, и вот их-то Сверхправителям не понять.

— Странно, почему же Сверхразум выбрал именно вас своим орудием, если вы ни в малейшей мере не обладаете сверхчувственными силами, какие скрыты в людях. Как же он с вами общается, как дает вам знать, чего он хочет?

— На это я не могу ответить — и не могу объяснить, почему должен иные обстоятельства от тебя скрывать. Возможно, настанет день, когда ты узнаешь долю истины.

Озадаченный, Ян призадумался было, но понял — дальше об этом расспрашивать бесполезно. Придется переменить тему в надежде, что после все же отыщется ключ к загадке.

— Тогда скажите вот о чем, этого вы тоже никогда не объясняли. Что стряслось, когда ваше племя явилось на Землю впервые, в далеком прошлом? Почему вы стали для нас воплощением ужаса и зла?

Рашаверак улыбнулся. Это ему не так удавалось, как Кареллену, но все-таки выходило похоже на улыбку.

— Никто не мог догадаться, и теперь ты понимаешь, отчего мы не могли вам объяснить. Только одно событие способно было до такой степени потрясти человечество. Но это случилось не на заре вашей истории, а в самом ее конце.

— То есть как? — не понял Ян.

— Когда наши корабли полтораста лет назад появились на вашем небе, это была первая встреча наших народов, хотя, конечно, на расстоянии мы вас изучали. И все же вы боялись нас и узнали, и мы заранее знали, что так будет. Это, в сущности, не память. Ты сам убедился на опыте, время — нечто гораздо более сложное, чем представлялось вашей науке. То была память не о прошлом, но о будущем, об этих последних годах, когда — человечество знало — для него все кончится. Как мы ни старались, конец оказался нелегким. Но мы были при нем — и поэтому люди увидели в нас воплощение своей гибели.

А ведь до конца оставалось еще десять тысячелетий! Это было словно искаженное эхо; отдаваясь в замкнутом кольце Времени, оно пронеслось из будущего в прошлое. Скорее — не память, но предчувствие.

Непросто было в этом разобраться, и Ян помолчал, пытаясь осмыслить нежданное открытие. А между тем не так уж это неожиданно — разве он не убедился на опыте, что причина и следствие подчас меняются местами?

Очевидно, существует некая племенная, родовая память, и память эта каким-то образом перестает зависеть от времени. Будущее и прошлое для нее — одно и то же. Вот почему тысячи лет назад затуманенные смертельным ужасом человеческие глаза уже уловили искаженный облик Сверхправителей.

— Теперь я понимаю,— сказал последний человек.

Последний человек на Земле! Нелегко это сознавать. Улетая в космос, Ян мирился с мыслью, что, быть может, навсегда отрывается от людей, но еще не чувствовал одиночества. Пожалуй, с годами появится и даже станет мучительным желание увидеть человеческое лицо, но до поры в обществе Сверхправителей ему не совсем уж одиноко.

Всего лишь за десять лет до его возвращения на Земле еще оставались люди, но то были последыши, выродки, и Яну не стоило жалеть, что он их не застал. Детей больше не было — Сверхправители не могли объяснить, почему осиротевшие отцы и матери не пытались восполнить утрату, но Ян подозревал, что причины тут прежде всего психологические. *Homo sapiens* вымер.

Возможно, где-то в одном из еще не тронутых разрушением городов сохранилась рукопись какого-нибудь запоздалого Гиббона, повествующая о последних днях рода людского. Но если и так, Ян не стремился ее прочесть; с него довольно было рассказа Рашаверака.

Кое-кто покончил с собой, другие в поисках забвения предавались лихорадочной деятельности или какому-нибудь безрассудному, самоубийственному спорту, подчас напоминающему небольшую войну. Численность населения быстро уменьшалась, остающиеся, старея, жались друг к другу — разбитая армия смыкала ряды в последнем своем отступлении.

Должно быть, перед тем как навеки опустился занавес, заключительный акт трагедии озаряли вспышки героизма и преданности, омрачали варварство и себялюбие. Кончилось ли все отчаянием или покорностью, Яну никогда уже не узнать.

Ему и без того было о чем подумать. Примерно в километре от базы Сверхправителей находилась заброшенная вилла, и Ян не один месяц потратил, приводя ее в порядок, перевез туда из ближнего города, километров за тридцать, всякие нужные в обиходе приборы и устройства. В город с ним летал Рашаверак, чья дружба, как подозревал Ян, была не совсем уж бескорыстной. Сверхправитель, специалист-психолог, все еще изучал последнего представителя *homo sapiens*.

Видимо, жители покинули этот город раньше, чем настал конец; дома и даже почти все необходимое, например водопровод, еще оставались в целости и сохранности. Совсем не трудно было бы пустить в ход электростанцию, вернуть блеск, видимость жизни широким улицам. Ян недолго тешился этой

мыслью — нет, не стоит, что-то тут есть болезненное. Ясно одно: предаваться сожалениям о прошлом он не желает.

Под рукой все необходимое, до самого конца он ни в чем не будет нуждаться, но непременно надо отыскать электронный рояль и кое-какие переложения Баха. Ему всегда хотелось всерьез заниматься музыкой, и вечно не хватало времени, теперь он это наверстает. И вот, если он не играет сам, так включает записи великих симфоний и концертов, музыка в его жилище не умолкает. Музыка — вот его талисман, защита от одиночества, которое рано или поздно неминуемо станет для него непосильным гнетом.

Часто он подолгу бродил по холмам и думал обо всем, что случилось за немногие месяцы, с тех пор как он в последний раз видел Землю. Не думал он, когда прощался с Салливеном восемьдесят земных лет назад, что уже готово родиться последнее поколение людей.

Каким же он был тогда безмозглым щенком! Но вряд ли стоит раскаиваться, ведь, останься он на Земле, пришлось бы воочию видеть те последние годы, скрытые теперь завесой времени. А он миновал их, перескочил в будущее и узнал ответы на вопросы, на которые никто больше из людей ответа не получит. Его любопытство почти утолено, лишь порой он спрашивает себя, чего ждут Сверхправители, почему еще медлят здесь и чем же в конце концов будет вознаграждено их терпение? Но чаще всего, со спокойной покорностью, какая обычно приходит к человеку лишь в конце долгой хлопотливой жизни, он проводил время за роялем, упиваясь музыкой Баха. Возможно, он обманывал себя, возможно, то была благотворная прихоть рассудка, но теперь Яну казалось — только об этом он всегда и мечтал. Жажда, что скрывалась в тайниках души, осмелилась наконец выйти на свет сознания.

Ян всегда был неплохим пианистом, а теперь он — лучший в мире.

24

Новость ему сообщил Рашаверак, но он уже догадывался и сам. Перед рассветом он очнулся от какого-то страшного сна и уснуть больше не мог. И не удалось вспомнить, что же привиделось, а это очень странно, ведь он издавна убежден: любое сновидение можно вспомнить сразу, едва проснешься, надо лишь как следует постараться. Он только и вспомнил, что во сне опять он — маленький мальчик, стоит на огромной пустой равнине и прислушивается, а неведомый властный голос зовет на незнакомом языке.

Сон все еще тревожил — может быть, это одиночество нанесло первый удар его рассудку? Яну не сиделось дома, и он вышел на заброшенную, заросшую лужайку.

Полная луна все заливала золотистым ярким светом, отчетливо видна была каждая мелочь. Исполинский цилиндр Карелленова корабля мерцал позади базы Сверхправителей, рядом с ним здания базы казались всего лишь делом рук человеческих. Ян смотрел на корабль, пытаясь вспомнить, какие чувства будил в нем когда-то вид этой громадины. Тогда казалось, это — недостижимая цель, символ всего, к чему стремишься понапрасну. А теперь вид его нисколько не волнует.

Как все здесь застыло в тишине! Конечно, Сверхправители, как всегда, чем-то заняты, но сейчас их не видно. Словно Ян совсем один на Земле... да, в сущности, так оно и есть. Он посмотрел на Луну, хоть бы глаза и мысли отдохнули на чем-то знакомом, привычном.

Вот они, древние, издавна памятные лунные моря. Ян побывал в глубине космоса, на расстоянии сорока световых лет, но ему так и не довелось пройти по этим пыльным безмолвным равнинам, до которых всего лишь две световые секунды. С минуту он для развлечения старался найти взглядом кратер Тихо. А когда нашел, удивился: светящееся пятнышко оказалось дальше от середины лунного диска, чем он думал. И вдруг он понял, что темный овал Моря Кризисов куда-то исчез.

Спутник Земли обратил к ней совсем не то лицо, которое смотрело на нее с начала времен. Луна стала вращаться вокруг своей оси.

Это могло означать только одно. В другом полушарии Земли, на материке, с которого они так внезапно смели все живое, *те* очнулись от долгого оцепенения. Как ребенок, просыпаясь, тянется навстречу свету дня, они, разминая мышцы, играли своими вновь обретенными силами.

— Да, ты угадал,— сказал Рашаверак.— Нам небезопасно дольше здесь оставаться. Может быть, пока они еще не обращают на нас внимания, но рисковать нельзя. Мы улетим, как только все погрузим — часа через два, через три.

Он посмотрел на небо, словно боялся, что там вот-вот вспыхнет какое-нибудь новое чудо. Но нет, все спокойно; Луна зашла, лишь редкие облака плывут в вышине, подгоняемые западным ветром.

— Баловство с Луной еще не так опасно,— прибавил Рашаверак.— Ну, а если они вздумают повернуть и Солнце? Разумеется, мы оставим здесь приборы и от них узнаем, что будет дальше.

— Я остаюсь,— вдруг сказал Ян.— На Вселенную я насмотрелся. Теперь мне интересно только одно — судьба моей родной планеты.

Почва под ногами тихонько дрогнула.

— Я этого ждал,— продолжал Ян.— Раз они изменили вращение Луны, где-то должен измениться момент количества движения. И теперь замедляется вращение Земли. Даже не знаю, что меня больше поражает — *как* они это делают или *зачем*.

— Они все еще играют,— сказал Рашаверак.— Много ли логики в поступках ребенка? А то целое, которое возникло из вашего племени, во многих отношениях еще ребенок. Оно еще не готово соединиться со Сверхразумом. Но очень скоро и это придет, и тогда вся Земля останется в твоем распоряжении.

Он не докончил мысль, Ян договорил за него:

— Если только сама Земля не перестанет существовать.

— Ты понимаешь, что есть и такая опасность, и все равно хочешь остаться?

— Да. Я провел дома пять лет... или уже шесть? Будь что будет, я ни о чем не пожалею.

— Мы и надеялись, что ты захочешь остаться,— медленно заговорил Рашаверак.— Если останешься, ты сможешь кое в чем нам помочь...

Огненный след звездолета истончился и угас где-то за орбитой Марса. Из миллиардов людей, что жили и умерли на Земле, только он, Ян, проделал однажды этот путь, думал он теперь. И уже никто никогда больше там не пройдет.

Вся Земля принадлежит ему. Ни в чем нет недостатка, доступны все материальные блага, каких только можно пожелать. Но его это больше не привлекает. И не страшат ни одиночество на безлюдной планете, ни присутствие того, что еще здесь, близко, но очень скоро пустится на поиски своей неведомой доли. И уж наверно, уносясь прочь, оставит за собой такой бурный, вспененный след, что Яну со всеми загадками, которые его еще занимают, не уцелеть.

Ну и пусть. Он добился всего, чего хотел, и после этого было бы нестерпимо скучно влачить бесцельное существование на опустелой планете. Можно бы улететь вместе со Сверхправителями, но какой смысл? Ведь он, как никто другой, знает, Кареллен сказал когда-то чистую правду: «Звезды — не для человека».

Ян оставил за собой ночную тьму и через широкие ворота вошел на базу Сверхправителей. Ее размеры ничуть не подавляют, огромность сама по себе для него давно уже ничего не значит. Тускло горят красноватые светильники — энергии, что их питает, хватило бы еще на века. По обе стороны дороги лежат брошенные Сверхправителями машины, никогда Ян не узнает тайны их устройства и назначения. Он миновал их, неловко вскарабкался по громадным ступеням и наконец добрался до рубки.

Здесь еще живет дух Сверхправителей, еще работают их машины, выполняя волю теперь уже далеких своих владык. Что же может Ян прибавить к потоку сведений, который извергают они в пространство?

Он забрался на высоченное сиденье пилота, постарался устроиться поудобнее. Его ждет уже включенный микрофон; наверно, за каждым его шагом следит какое-нибудь подобие телекамеры, но обнаружить его не удалось.

За панелью управления со множеством непонятных приборов смотрят в звездную ночь широкие окна, видна долина, спящая под немного уже ущербной Луной, и далекий горный хребет. По долине вьется река, там и сям поблескивают в лунном свете то воронка, то плеснувшая волна. Везде такой покой. Быть может, и при рождении человечества было все вот так же, как в его последний час.

Где-то в пространстве, невесть за сколько миллионов километров, конечно, ждет Кареллен. Странно думать, что корабль Сверхправителей мчится от Земли почти с той же скоростью, как сигнал, который Ян пошлет вдогонку. Почти — и все же не так быстро. Долгая будет погоня, но слова его дойдут до Попечителя, и тем самым Ян отдаст ему свой долг.

Любопытно, многое ли из случившегося и раньше входило в планы Кареллена, и сколько — внезапное наитие, гениальная импровизация? Неужели почти сто лет назад Попечитель умышленно дал ему тайком бежать с Земли, чтобы, возвратясь, он мог сыграть нынешнюю свою роль? Нет, это уж слишком невероятно. Однако ясно одно: Кареллен заранее вынашивал какой-то грандиозный, сложный замысел. Он служил Сверхразуму — и в то же время

изучал его всеми средствами. Ян подозревал, что Попечитель движим не одной лишь пытливостью ученого; быть может, Сверхправители мечтают когда-нибудь узнать достаточно о могучих силах, которым служат, и освободиться от этого странного порабощения.

Только трудно поверить, будто Ян сейчас может хоть что-то прибавить к их познаниям. «Говори нам, что ты видишь,— сказал ему Рашаверак.— Картину, которая будет у тебя перед глазами, передадут и наши камеры. Но поймешь и осмыслишь ты ее, вероятно, совсем иначе, и это, возможно, многое нам объяснит». Что ж, он будет стараться изо всех сил.

— Все еще ничего нового,— начал он.— Несколько минут назад я видел, как исчез в небе след вашего корабля. Луна как раз начинает убывать, и та ее сторона, которой она всегда была обращена к Земле, теперь почти наполовину не видна... впрочем, вы, наверно, это уже знаете.

Ян примолк, чувствовал он себя довольно глупо. Что-то есть в его поведении неуместное, даже немножко нелепое. Завершается история целого мира, а он — будто радиокомментатор на скачках или на состязаниях по боксу. Но тут же он пожал плечами и отмахнулся от этой мысли. В минуты величия поблизости во все времена ухмылялась пошлость... но здесь, кроме него самого, некому ее заметить.

— За последний час было три небольших землетрясения,— продолжал он.— *Они* замечательно управляют вращением Земли, но все-таки не в совершенстве... Право, Кареллен, я все больше убеждаюсь, как трудно сказать вам что-нибудь такое, чего вам уже не сообщили ваши приборы. Наверно, было бы легче, если б вы хоть намекнули, чего мне ждать, и предупредили, долго ли надо ждать. Если ничего не случится, выйду опять на связь через шесть часов, как мы условились...

Нет, слушайте! Наверно, они только и ждали вашего отлета. Что-то начинается. Звезды тускнеют. Похоже, все небо страшно быстро заволакивает огромное облако. Только на самом деле это не облако. В нем есть какая-то система... Трудно различить, но что-то вроде туманной сетки из лент и полос, и они все время перемещаются. Будто звезды запутались в огромной призрачной паутине.

Вся эта сеть засветилась... светится и пульсирует, совсем как живая. Наверно, и правда живая... или это что-то выше, чем жизнь, как все живое выше неорганического мира?

Кажется, свечение сдвигается в один край неба... подождите минуту, я перейду к другому окну.

Ну да... я мог бы и раньше догадаться. На западе над горизонтом огромный пылающий столб, какое-то огненное дерево. Оно очень далеко, на той стороне Земли. Я знаю, откуда оно растет, это *они* наконец пустились в путь, чтобы соединиться со Сверхразумом. Ученичество закончено, они отбрасывают последние остатки материи.

Огненный столб поднимается выше, а та сетка становится отчетливей, она теперь не такая туманная. Местами как будто совсем плотная... хотя звезды еще немножко просвечивают сквозь нее.

А, понял, Кареллен, я видел, над вашей планетой вырастало что-то очень похожее, хотя и не в точности такое же. Может, это была часть Сверхразума?

Наверно, вы скрывали от меня правду, чтобы у меня не возникло предвзятых идей... чтоб я стал непредубежденным наблюдателем. Хотел бы я знать, что вы сейчас видите на своих экранах, и сравнить с тем, что мне сейчас представляется!

Наверно, вот так он с вами и говорит, Кареллен,— такими вот очертаниями и красками? Я помню, в рубке вашего корабля по экранам бежали какие-то узоры, это был зримый язык, внятный вашим глазам.

Теперь среди звезд мерцают и пляшут сполохи, точь-в-точь северное сияние. Ну, конечно, наверняка так оно и есть — сильнейшая магнитная буря. Долина, горы — все осветилось... ярче, чем днем... красные, золотые, зеленые полосы пробегают по небу... никакими словами не опишешь, просто несправедливо, что я один вижу такое... и не думал, что возможны такие цвета...

Буря утихает, но та огромная туманная сеть еще тут. Пожалуй, северное сияние только побочный продукт какой-то энергии, которая высвобождается там, в стратосфере...

Одну минуту, что-то новое. Какая-то легкость во всем теле. Что это значит? Роняю карандаш — он падает медленно, как перышко. Что-то происходит с силой тяжести... поднимается сильный ветер... на равнине ветви деревьев ходят ходуном.

Понятно... атмосфера улетучивается. Камни и палки несутся вверх, будто сама Земля хочет рвануться за *теми,* в небо. Вихрем подняло тучу пыли. Ничего не разглядеть... может, скоро прояснится.

Да... теперь лучше. С поверхности все сметено... пыль рассеялась. Любопытно, долго ли продержится это здание? И становится трудно дышать... попробую говорить медленней.

Вижу опять хорошо. Тот огненный столб еще на месте, но сжимается, суживается... будто смерч, уходящий в облака. И... как это передать? — меня захлестнуло таким волнением! Это не радость и не скорбь... было чувство полноты, свершения. Может, почудилось? Или это нахлынуло извне? Не знаю.

А теперь... нет, это не просто чудится... мир стал пустой. Совсем пустой. Все равно как слушаешь радио — и вдруг все выключилось. И небо опять ясное... туманная сетка пропала. Куда оно теперь пойдет, Кареллен? И на той планете вы опять будете ему служить?

Странно, вокруг меня все по-прежнему. Не знаю, почему-то я думал...

Ян умолк. Минуту мучился, не находя слов, закрыл глаза, силясь овладеть собой. Сейчас не до страха, не до паники, надо исполнить свой долг... долг перед Человечеством — и перед Карелленом.

Сперва медленно, будто просыпаясь, он снова заговорил:

— Здания вокруг... долина... горы... все прозрачное, как стекло... я вижу сквозь них! Земля истаивает... я стал почти невесомым. Вы были правы... им больше не нужны игрушки.

Остались секунды. Горы взлетают клоками дыма. Прощайте, Кареллен, Рашаверак... мне вас жаль. Мне этого не понять, а все-таки я видел, чем стало мое племя. Все, чего мы достигли, поднялось к звездам. Может, это и хотели сказать все старые религии. Только они перепутали, они думали, человечество так много значит, а мы лишь одно племя из... знаете ли вы, сколько их? А теперь мы — уже *другое,* вам этого не дано.

Река исчезает. А небо пока прежнее. Трудно дышать. Странно, Луна еще светит. Я рад, что они ее оставили, но ей теперь будет одиноко...

Свет? Подо мной... в недрах Земли... поднимается сквозь скалы, сквозь все... ярче, ярче, слепит...

В беззвучном взрыве света ядро Земли выпустило на волю потаенные запасы энергии. Недолгое время гравитационные волны пересекали во всех направлениях Солнечную систему, чуть колебля орбиты планет. И опять оставшиеся дети Солнца двинулись извечными своими путями, как по безмятежному озеру выплывают пробки из чуть заметной ряби от брошенного камня.

От Земли не осталось ничего. *Те* высосали всю ее плоть до последнего атома. Она питала их в час непостижимого, неистового преображения, как плоть пшеничного зерна кормит малый росток, когда он тянется к Солнцу.

В шести тысячах километров за орбитой Плутона перед внезапно погасшим экраном сидит Кареллен. Наблюдения закончены, задача выполнена; он возвращается домой, на планету, которую так давно покинул. Его гнетет тяжесть столетий и печаль, которую не разогнать никакими рассуждениями. Не человечество он оплакивает, его скорбь — о собственном народе, чей путь к величию навек пресекли неодолимые силы.

Да, его собратья многого достигли, думал Кареллен, им подвластна осязаемая Вселенная, и все же они — только бродяги, обреченные скитаться по однообразной пыльной равнине. Недостижимо далеки горные выси, где обитают мощь и красота, где по ледникам прокатываются громы и воздух — сама чистота и свежесть. Там солнце на своем пути еще одаряет сиянием вершины гор, когда все внизу уже окутано тьмой. А они только и могут смотреть в изумлении, но никогда им не подняться на эти высоты.

Да, Кареллен знает, они будут держаться до конца; не поддаваясь отчаянию, станут ждать конца, что бы ни готовила им судьба. Будут служить Сверхразуму, ибо выбора у них нет, но и в этом служении не утратят душу свою.

Громадный контрольный экран на мгновение вспыхнул мрачным алым светом; сосредоточенно, напряженно Кареллен вчитывался в смысл меняющихся узоров. Корабль выходил за пределы Солнечной системы; энергия, питающая межзвездный двигатель, на исходе, но свое дело она уже сделала.

Кареллен поднял руку, и картина перед ним опять изменилась. Посреди экрана пламенела одинокая яркая звезда; на таком расстоянии никто не мог бы сказать, что у этого солнца были когда-либо планеты и что одна из них потеряна безвозвратно. Долго смотрел Кареллен назад, через быстро ширящуюся пропасть, множество воспоминаний проносилось в его могучем, сложном мозгу. И он безмолвно склонил голову перед всеми, кого знал,— и теми, кто мешал ему, и теми, кто помогал выполнить его задачу.

Никто не смел потревожить его, прервать его раздумье; а потом он отвернулся, и Солнце, исчезающе малая точка, осталось позади.

СВИДАНИЕ С РАМОЙ

Посвящается острову Шри Ланка, где я взошел по Лестнице богов.

1
КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Рано или поздно это должно было случиться. 30 июня 1908 года, задержись Тунгусский метеорит на три часа или приземлись он на четыре тысячи километров западнее — величины ничтожно малые в масштабах Вселенной,— могла бы пострадать Москва. 12 февраля 1947 года на волоске от гибели оказался другой русский город: второй великий метеорит XX века взорвался менее чем в четырехстах километрах от Владивостока, и этот взрыв по силе мог бы соперничать с только что изобретенной атомной бомбой.

В те дни у человечества просто не было средств оградить себя от космической бомбардировки, от выстрелов вслепую, некогда изувечивших поверхность Луны. Метеориты 1908 и 1947 годов упали на безлюдные, дикие места. Но к концу XXI столетия на Земле не осталось районов, которые можно было бы без опаски использовать как полигоны для небесной артиллерии. Человек расселился от полюса до полюса. И произошло неизбежное...

Лето 2077 года выдалось исключительно теплым и ласковым. Утром 11 сентября, в 9 часов 46 минут по Гринвичу, жители Европы поневоле обратили внимание на ослепительный огненный шар, появившийся на восточном небосклоне. За считанные секунды он затмил своим сиянием Солнце и, бесшумно перечеркнув небо, оставил за собой клубящийся дымный след.

Где-то над Австрией шар начал распадаться, и на Землю обрушились волны чудовищного грома. Более миллиона человек до конца дней своих не услышали уже ни звука — но этим еще повезло.

Со скоростью пятьдесят километров в секунду тысячи тонн железа и камня рухнули на равнины Северной Италии, уничтожив за несколько огненных мгновений труд тысячелетий. Города Падуя и Верона были стерты с лица земли, и последние из красот Венеции навеки ушли на дно морское — воды Адриатики с ревом хлынули в гигантскую вмятину.

Погибло шестьсот тысяч человек, общий материальный ущерб превысил триллион долларов. Но чем измерить невосполнимые потери, которые понесли искусство, история, наука и вообще весь род человеческий? За одно-единственное утро люди словно бы начали и проиграли страшную войну — лишь немногим послужили утешением изумительной красоты восходы и закаты, ко-

© Перевод О. Битова.

торые дала миру пыль катастрофы,— ничего подобного он не видел с 1883 года, с извержения Кракатау.

Едва прошел первый шок, человечество ответило на несчастье решительностью и сплоченностью, немыслимыми в иные, более ранние эпохи. Разумеется, катастрофа таких масштабов могла и не повториться или повториться через тысячи лет, но кто бы поручился, что завтра она не разразится вновь... Бедствия в следующий раз могли оказаться еще ужаснее.

И было решено, что *«следующего раза»* не будет.

Ведь еще столетием раньше, когда мир был куда беднее, а его ресурсы ограниченнее, народы не посчитались с затратами, стремясь уничтожить запасы оружия, достигшие самоубийственных размеров. Замысел этот тогда не увенчался полным успехом, но был накоплен определенный опыт. И теперь его использовали для еще более благородной цели, использовали с грандиозным размахом. Ни один метеорит, достаточно большой, чтобы стать опасным, впредь никогда не должен был пробить оборонительные рубежи землян.

Так зародилась система «Космический патруль». Спустя полвека она полностью оправдала себя. Оправдала весьма неожиданным образом, не предусмотренным ее конструкторами.

2
ПРИШЕЛЕЦ

К 2130 году было открыто множество мелких астероидов: локаторы, базирующиеся на Марсе, засекали их буквально по десятку в день. Компьютеры Космического патруля автоматически вычисляли их орбиты и копили эти сведения в своей необъятной памяти на тот нечастый случай, если какой-нибудь фанатик-астроном поинтересуется итоговой статистикой. Статистика выглядела очень впечатляюще.

Самый крупный из астероидов, Церера, был обнаружен в первый день XXI века, и понадобилось больше ста двадцати лет, чтобы довести счет карликовых планет до тысячи. Сотни их открывали, тут же теряли, а затем находили заново; астероиды роились так густо, что один сердитый астроном обозвал их «паразитами небес». Его, наверное, потрясло бы, что Космический патруль ухитряется следить за каждым из полумиллиона астероидов.

Среди них только пять гигантов — Церера, Паллада, Юнона, Эвномия и Веста — превышали в поперечнике двести километров; подавляющее большинство астероидов составляли, в сущности, валуны-переростки, вполне уместные в каком-нибудь живописном парке. Почти все они двигались по орбитам, лежащим между Марсом и Юпитером; внимание Космического патруля привлекали лишь те, которые намного ближе к Солнцу и, следовательно, представляли собой потенциальную опасность. Но и среди таких едва ли один из тысячи хоть однажды за всю историю Солнечной системы приближался к Земле на расстояние меньше миллиона километров.

Объект, внесенный в каталоги первоначально под номером 31/439 — год открытия плюс порядковый номер,— локаторы засекли еще за орбитой Юпи-

тера. В самом его местонахождении не было ничего необычного: немало астероидов, прежде чем вернуться к своему повелителю — Солнцу, отдалились от него до Сатурна и даже за Сатурн. А Туле-II, самый дальний из всех, настолько близко подлетает к Урану, что, похоже, некогда являлся его луной.

Но засечь астероид на таком расстоянии до сих пор не удавалось; очевидно, номер 31/439 отличался огромными размерами. По силе отраженного сигнала компьютеры определили, что диаметр астероида составляет не менее сорока километров. Такого великана не открывали, наверное, добрую сотню лет, и оставалось только недоумевать, почему же никто не обнаружил его намного раньше.

Когда вычислили элементы орбиты нового астероида, загадка вроде бы разрешилась, однако на смену ей пришла другая, более существенная. Номер 31/439 вовсе не был обыкновенным астероидом, бегущим по эллиптической орбите и повторяющим ее с точностью часового механизма каждые несколько лет. Он оказался одиноким межзвездным скитальцем, посетившим Солнечную систему в первый и последний раз, и двигался так стремительно, что даже гравитационное поле Солнца не способно было взять его в плен. Пронзив орбиты Юпитера, Марса, Земли, Венеры и Меркурия и непрерывно набирая скорость, он должен был в конце концов обогнуть Солнце и вновь уйти в неведомое.

Тогда-то, закончив вычисления, компьютеры послали людям сигнал: «Внимание! Мы откопали для вас кое-что интересное», и номер 31/439 впервые привлек внимание человечества. Легкий шквал возбуждения в штабе Космического патруля — и межзвездного бродягу вместо заурядного номера удостоили имени собственного. Астрономы давно уже исчерпали как греческую, так и римскую мифологию и теперь принялись за индуистский пантеон. Номер 31/439 нарекли именем Рама.

Средства массовой информации подняли было шум вокруг небесного гостя, но через два-три дня вынужденно утихли — кричать оказалось не о чем. Все данные о Раме исчерпывались двумя параметрами — необычной орбитой и удивительными размерами. Но и размеры, вычисленные по силе отраженного радиосигнала, еще нельзя было считать окончательно установленными. В телескоп Рама по-прежнему казался слабенькой звездочкой пятнадцатой величины, о видимом диске не могло быть еще и речи. Но по мере того как он продвигался к центру Солнечной системы, величина и яркость должны были постепенно возрастать; прежде чем Рама скроется навсегда, орбитальные обсерватории сумеют составить более точное представление о его форме и размерах. А может статься — времени впереди еще достаточно,— какой-нибудь космический корабль, не отклоняясь от маршрута, приблизится к пришельцу настолько, чтобы сделать четкие фотографии. Специальное свидание с Рамой представлялось в высшей степени невероятным — слишком велики оказались бы энергетические затраты, ведь объект исследования пересекал орбиты планет со скоростью более ста тысяч километров в час.

И мир благополучно забыл о Раме — мир, но не астрономы. Напротив, их интерес к нему неуклонно обострялся: необычный астероид задавал им все новые загадки.

Прежде всего возник вопрос: почему яркость Рамы остается постоянной?

Всем известным астероидам, всем без исключения, свойственны определенные колебания яркости, то нарастающей, то слабеющей с периодом в несколько часов. Давным-давно было установлено, что эти колебания — неизбежное следствие вращения астероидов и их неправильной формы. Они кувыркаются по своим орбитам, и отражающие поверхности, обращенные к Солнцу, непрерывно сменяют друг друга, соответственно изменяется и яркость.

Яркость Рамы оставалась постоянной. То ли этот астероид вообще не вращался, то ли имел идеально правильную форму. Оба этих явления выглядели одинаково неправдоподобно.

Разгадки пришлось ждать многие месяцы: большие, вынесенные в космос телескопы без устали всматривались в дальние глубины Вселенной и не могли отвлекаться на подобные пустяки. Орбитальная астрономия — удовольствие дорогое, время на крупных инструментах расписано по минутам, и каждая минута оценивается примерно в тысячу долларов. Доктор Уильям Стентон никогда не получил бы в свое распоряжение двухсотметровый рефлектор на обратной стороне Луны, если бы другая, много более важная программа не сорвалась из-за отказа какого-то грошового конденсатора. Беда, постигшая коллегу, обернулась для Стентона редкостной удачей.

Он, разумеется, и не догадывался о ней, пока на следующий день не обработал полученные данные с помощью компьютера. И даже увидев результаты на экране, он не сразу смог осознать их смысл.

Яркость солнечного света, отраженного Рамой, все-таки не была абсолютно постоянной! Прослеживались колебания — слабые, едва уловимые, но несомненные и, главное, регулярные колебания. Подобно всем другим астероидам, Рама вращался вокруг своей оси. Но если на обычном астероиде «сутки» продолжались несколько часов, Рама совершал полный оборот за четыре минуты.

Доктор Стентон тотчас же проделал примерный подсчет — результатам трудно было поверить. Скорость вращения этого крошечного мирка на экваторе превышала тысячу километров в час; всякая попытка совершить посадку где-либо, кроме полюсов, окончилась бы весьма плачевно. Центробежная сила на экваторе Рамы отбросила бы любое тело с ускорением, почти равным земному ускорению свободного падения. Космическая пыль — и та не могла удержаться на поверхности Рамы; удивительно, как подобное тело вообще ухитрилось сохранить себя в целости, не распавшись по пути на сотни миллионов осколков.

Объект диаметром сорок километров с периодом вращения вокруг оси, равным четырем минутам,— как, спрашивается, втиснуть такое чудище в астрономическую картину мира? Стентон был человек, не лишенный воображения, больше того, порою склонный к поспешным выводам. И он не замедлил сделать заключение, которое на какое-то время совершенно выбило его из колеи.

Единственным экспонатом небесного зверинца, соответствующим полученному описанию, оказывалась нейтронная звезда. А что, если Рама в самом деле представляет собой мертвое солнце, бешено вращающийся шар из сверхплотной материи, каждый кубический сантиметр которой весит миллионы тонн?..

В ту же секунду в распаленном воображении доктора Стентона вспыхнули картины, навеянные классическим уэллсовским рассказом «Звезда». Впервые он прочитал этот рассказ еще в детстве, и именно Уэллс пробудил в юном Стентоне интерес к астрономии. За два столетия рассказ ни на йоту не потерял своей впечатляющей и устрашающей силы. Стентон не мог забыть ураганы, исполинские приливные волны, проглоченные морем города, неисчислимые разрушения, вызванные уэллсовской звездой-гостьей, когда та, предварительно столкнувшись с Юпитером, пролетала мимо Земли в сторону Солнца. Правда, звезда, которую нарисовал старик Уэллс, была не холодной, а раскаленной добела. Но это вряд ли что-то меняло: полностью остывшее тело, светящее отраженным светом, способно убивать одним своим притяжением с такой же легкостью, как раскаленное — теплом.

Масса звездных размеров, вторгшаяся в Солнечную систему, неизбежно повлияет на орбиты планет. А ведь достаточно Земле передвинуться на два-три миллиона километров ближе к Солнцу — или дальше от него,— как тонкий климатический баланс окажется безвозвратно нарушенным. Антарктическая ледовая шапка растает и затопит низменности и равнины, или, того хуже, океаны замерзнут, и мир закоченеет в оковах вечной зимы. Чуть подтолкни Землю в любом из двух направлений — и готово...

Тут доктор Стентон наконец расслабился и вздохнул с облегчением. Все это чепуха; стыдитесь, доктор, стыдитесь!

Рама никак не может состоять из сверхплотной материи. Масса таких размеров не могла бы проникнуть так глубоко в Солнечную систему, не вызвав в ней беспорядка, который давным-давно выдал бы себя с головой. Дальние планеты наверняка отклонились бы от привычных орбит, а ведь именно возмущения в небесной механике привели к открытию Нептуна, Плутона и Персефоны. Положительно невозможно, чтобы никто не заметил возмущений, вызванных гигантской массой мертвого солнца.

И все-таки жаль, что это невозможно. Встреча с черной звездой стала бы для астрономов событием...

События были еще впереди.

3

РАМА И «СИТА»

Чрезвычайное заседание Космического консультативного совета было недолгим, но бурным. Даже в XXII столетии так и не сыскали способа отвадить консервативно настроенных ученых от ключевых административных постов. Надо думать, эта проблема принадлежит к числу психологически неразрешимых.

В довершение всех бед председателем совета в данный момент являлся отставной профессор Олаф Дэвидсон, знаменитый астрофизик. Профессор Дэвидсон не испытывал ни малейшего интереса к объектам, которые по размерам были меньше галактик, и не считал необходимым скрывать свои чувства. И хотя он вынужденно признавал, что девять десятых новых данных его наука

получает теперь с помощью инструментов, вынесенных в космос, это обстоятельство его отнюдь не радовало. На протяжении долгой научной карьеры профессора по меньшей мере трижды случалось, что спутники, запущенные с целью доказать какую-нибудь из взлелеянных им теорий, не оставляли от нее камня на камне.

Вопрос, который надлежало решить сегодня, требовал однозначного ответа. Несомненно, Рама представляет собой необычный объект, но насколько важен этот объект для науки? Два-три месяца — и он скроется навсегда, потеряно уже слишком много времени. Другого шанса встретиться с чем-то подобным, вероятно, просто не будет.

Это обойдется ужасающе дорого — и тем не менее космический корабль, который планировалось запустить с Марса в межпланетное пространство за Нептуном, можно спешно переоборудовать и послать на перехват Рамы. О сколько-нибудь длительном свидании, разумеется, говорить не приходилось — рассчитывать следовало лишь на аппаратуру записи: два тела разминутся со встречной скоростью двести тысяч километров в час. Продолжительность прямого наблюдения составит в лучшем случае пять минут, а длительность съемки крупным планом — менее секунды. Но при надлежащей наладке аппаратуры этого все же хватит на то, чтобы многое увидеть и многое понять.

Хотя профессор Дэвидсон исходил желчью при одном упоминании об экспедиции за Нептун, она была уже одобрена; теперь он не понимал, зачем швырять на ветер еще большие средства. Профессор произнес пламенный монолог о том, что лишь безумцы могут охотиться за астероидами и что гораздо целесообразнее установить на Луне новый интерферометр с высокой разрешающей способностью и доказать раз и навсегда космологическую гипотезу «большого взрыва».

Это была роковая тактическая ошибка, поскольку трое из членов совета являлись пылкими сторонниками гипотезы устойчивой Вселенной. В душе они были совершенно согласны с профессором Дэвидсоном, что охота за астероидами — пустая трата денег, и однако...

Его возражения были отвергнуты большинством в один голос.

Три месяца спустя космический корабль, получивший новое имя «Сита»*, стартовал с Фобоса, спутника Марса. Полет продолжался семь недель, а аппаратура была включена на полную мощность лишь за пять минут до момента встречи. Одновременно были запущены ракеты с телекамерами, чтобы сфотографировать Раму сразу со всех сторон.

Первые же изображения, переданные с расстояния в десять тысяч километров, заставили человечество отложить в сторону все дела. На миллиардах телевизионных экранов появился крохотный тусклый цилиндрик, который с каждой секундой стремительно вырастал. Когда он увеличился вдвое, уже никто в целом мире не смел бы утверждать, что Рама имеет естественное происхождение.

* Сита — супруга Рамы, мифического царя государства Айодхьи, героя великой древнеиндийской поэмы «Рамаяна».

Тело представляло собой цилиндр столь совершенной геометрической формы, словно его выточили на токарном станке — гигантском станке, бабки которого разнесены на пятьдесят километров. Оба торца цилиндра были совершенно плоскими, лишь в центре одного из них возвышалось какое-то небольшое сооружение; диаметр цилиндра был двадцать километров, но на расстоянии, пока не ощущался истинный масштаб, Рама до смешного напоминал заурядную стиральную машину.

Но вот цилиндр заполнил собою весь экран. Поверхность у него была тусклая, коричневато-серая, безжизненная, как у Луны, и лишенная каких бы то ни было ориентиров, кроме единственного. Примерно посредине большой оси боковую поверхность пятнал километровый темный мазок, будто что-то когда-то, многие века назад, ударилось и расплющилось о нее. Удар, по-видимому, не причинил Раме никакого вреда, но именно этот мазок вызывал те легкие колебания яркости, которые обнаружил Стентон.

Изображения, переданные другими камерами, не добавили к этой картине ничего нового. Однако траектории, прочерченные ракетами через собственное гравитационное поле Рамы, дали добавочную и притом важную информацию — позволили определить массу цилиндра.

Для монолитного цилиндра таких размеров масса оказалась чрезвычайно малой. Это уже никого не удивило: искусственное тело и должно быть полым.

Событие, на которое давно надеялись, которого давно опасались, наконец свершилось. Человечеству, видимо, предстояло принять первых гостей со звезд.

4

СВИДАНИЕ

Капитан Нортон ясно помнил эти первые телевизионные передачи, тем более что сегодня перед посадкой много раз прокручивал их заново. Однако наяву создавалось впечатление, какого электронное изображение не в состоянии было передать: размеры Рамы просто ошеломляли.

Такого впечатления никогда не возникало при посадке на естественное небесное тело, на Луну или на Марс. То были миры, и вы заведомо понимали, что они велики. Однако Нортону доводилось садиться и на восьмом спутнике Юпитера, который был даже несколько больше Рамы и все же казался совсем, совсем маленьким.

Парадокс объяснялся просто. Сознание не могло смириться с фактом, что это искусственное сооружение, в миллионы раз более массивное, чем любая из космических станций, созданных человеком. Масса Рамы достигала как минимум десяти миллионов тонн; космонавту подобная цифра внушала не просто благоговение, но и самый настоящий страх. Неудивительно, что по мере того, как громада выпуклого вечного металла заполняла небо, капитан все острее ощущал собственную ничтожность и уныние.

Возникало также и чувство опасности, чувство совершенно непривычное. Какую из предыдущих посадок ни припомнить, Нортон всегда знал, что его

ожидает; конечно, оставалась вероятность несчастного случая, но и только. Здесь, на Раме, несомненным было только одно — полнейшая неизвестность.

«Индевор» висел менее чем в тысяче метров над северным полюсом цилиндра, над центром вращающегося диска. Этот полюс выбрали потому, что он был освещен солнцем; по металлической плоскости, что без устали кружилась под ними, размеренно бежали тени от невысоких загадочных сооружений вблизи оси. Северная поверхность Рамы выглядела как исполинские солнечные часы, отмеряющие его стремительные четырехминутные дни.

Как опустить корабль весом в пять тысяч тонн строго в центре вращающегося диска — эта задача капитана, в сущности, не смущала. Она не отличалась от посадки на оси большой космической станции. Вспомогательные двигатели уже раскрутили «Индевор» со скоростью, в точности соответствующей скорости вращения Рамы, и у Нортона были все основания верить, что лейтенант Джо Колверт посадит корабль мягко, как снежинку. Посадит независимо от того, поможет ему бортовой компьютер или нет.

— Через три минуты,— заметил Джо, не отрывая глаз от раскрывшейся внизу панорамы,— мы узнаем, не состоит ли Рама из антиматерии...

Перебрав в памяти самые жуткие из теорий происхождения Рамы, Нортон усмехнулся. Не похоже, чтобы эти чудовищные гипотезы имели под собой почву, но если имеют, то через три минуты в Солнечной системе грянет взрыв, равного которому не было с самого ее формирования. Полная аннигиляция десяти тысяч тонн массы на мгновение дала бы планетам второе солнце.

Вот почему в полетном задании была предусмотрена даже эта, пусть маловероятная, возможность: с безопасной дистанции в тысячу километров «Индевор» выстрелил в сторону Рамы реактивной струей. И ничего не произошло — цели достигло лишь разреженное облачко газов, а ведь даже миллиграммы материи, соединившись с антиматерией, вызвали бы внушительный фейерверк.

Космические капитаны — народ осторожный. Нортон долго и пристально вглядывался в северную плоскость Рамы, выбирая точку посадки. По зрелом размышлении, он решил отказаться от соблазна опуститься в самом центре, точно по оси. Там, на полюсе, располагалась ясно видимая круглая конструкция ста метров в диаметре, и у Нортона возникло сильное подозрение, что это внешний замок грандиозного входного шлюза. Должны же были существа, построившие этот пустотелый мир, каким-то образом проникать вместе со своим снаряжением внутрь. Для главного входа было бы наиболее логично избрать полюс и крайне неразумно — заблокировать парадную дверь собственным кораблем.

Но такое решение порождало другие проблемы. Достаточно при посадке отклониться от оси хотя бы на десяток метров — и быстрое вращение Рамы потащит «Индевор» прочь от полюса. Поначалу центробежная сила будет очень и очень мала, зато действовать она будет беспрерывно и неотвратимо. И капитану Нортону вовсе не улыбалось, что его корабль станет скользить по своей посадочной площадке, минута за минутой набирая скорость, пока не достигнет края диска и не вылетит в космос, словно из пращи, со скоростью тысяча километров в час.

Возможно, впрочем, что собственное гравитационное поле Рамы — порядка одной тысячной земной — все-таки удержит корабль на месте. Притяжение прижмет «Индевор» к поверхности с силой в несколько тонн, и, если эта поверхность шероховата, ничего не случится. Однако Нортон что-то не ощущал желания испытывать на себе гипотетическую силу трения; можно было полагаться лишь на вполне достоверную центробежную силу.

К счастью, ответ подсказали сами конструкторы Рамы. Вокруг полюса на равном расстоянии от оси были расположены три приплюснутых коробчатых возвышения, каждое метров по десять в поперечнике. Отсюда следовало, что «Индевор» надо посадить между этими возвышениями — и та же центробежная сила придавит его к ним и удержит, как на привязи, словно судно, прибитое к пирсу морским приливом.

— Контакт через пятнадцать секунд,— предупредил Джо.

Лейтенант весь напрягся, склонившись к кнопкам ручного управления, хотя и не терял надежды, что трогать их не придется. Капитан Нортон сознавал величие момента: с той, отделенной от них полутора столетиями секунды, когда человек впервые достиг Луны, это, несомненно, была самая важная космическая посадка.

Серые коробчатые возвышения на контрольных экранах медленно перемещались вверх. Прощальный свист ракетных дюз, едва уловимый толчок.

На протяжении последних недель Нортон нередко размышлял о том, что он скажет в этот знаменательный миг. Но когда миг настал, история распорядилась за него, и он произнес почти автоматически, не отдавая себе отчета в том, что его слова прозвучали эхом из прошлого:

— Говорит Рама. «Индевор» сел*.

Еще месяц назад он и сам ни за что не поверил бы, что это возможно. Корабль шел своим обычным маршрутом, проверяя и устанавливая на астероидах предупредительные радиобакены, когда получил единственный в своем роде приказ. Оказалось, что во всей Солнечной системе просто нет другого корабля, кроме «Индевора», который успел бы нагнать Раму, прежде чем тот развернется вокруг Солнца и вновь устремится к звездам. Но и «Индевору» пришлось по дороге буквально ограбить трех разведчиков, приписанных к Службе Солнца, и те сейчас беспомощно дрейфовали в пространстве в ожидании танкеров-заправщиков. Нортон побаивался, что теперь шкиперы «Калипсо», «Бигла» и «Челленджера»** не скоро начнут здороваться с ним снова.

И даже несмотря на дополнительное топливо, погоня выдалась долгой и трудной: незваный гость уже пересек орбиту Венеры, когда «Индевор» наконец настиг его. Ни один корабль никогда не сможет повторить этот маневр;

---

* Нортон, в сущности, повторяет слова, произнесенные Нейлом Армстронгом 20 июля 1969 года в момент, когда лунная кабина «Аполлона-11» коснулась поверхности Луны.

** Все названия кораблей заимствованы из истории мореплавания. На барке «Индевор» Джеймс Кук в 1768–1771 годах совершил свое первое кругосветное путешествие. «Калипсо» — французское океанографическое судно, обслуживавшее экспедиции Жака-Ива Кусто. На корабле «Бигл» путешествовал вокруг света Чарлз Дарвин, а на пароходе «Челленджер» Джордж Нэрс в 1874 году пытался проникнуть к Южному полюсу.

привилегия, дарованная Нортону, была уникальной, и из оставшихся немногих недель ни единой минуты нельзя было потратить впустую. Тысячи ученых Земли с восторгом заложили бы собственную душу за право находиться рядом с ним, однако им оставалось лишь следить за происходящим по телевидению и, кусая губы, думать о том, насколько лучше они справились бы с этой миссией сами. Вероятно, они рассуждали правильно, но другого выхода не было. Неумолимые законы небесной механики продиктовали именно «Индевору» стать первым и последним пилотируемым кораблем землян, который когда-либо приблизился к Раме.

Конечно, Земля беспрестанно давала Нортону советы, однако это отнюдь не снимало с него ответственности. На то, чтобы принять решение, подчас отпускается лишь доля секунды — и тут рассчитывать было не на кого: запаздывание радиосообщений из Контрольного центра уже достигло десяти минут и неуклонно возрастало. Капитан частенько завидовал великим мореплавателям прошлого, не ведавшим электронной связи; вскрыв запечатанный приказ, они вольны были толковать его без назойливой опеки со стороны начальства. Если они ошиблись, об этом не знал никто.

И в то же время Нортон был рад возможности переложить груз некоторых решений на плечи Земли. Сейчас, когда орбита «Индевора» совпала с орбитой Рамы, они неслись к Солнцу как единое целое; через сорок дней, достигнув перигелия, они оказались бы в двадцати миллионах километров от светила. Двадцать миллионов — это слишком близко, и задолго до того «Индевору» придется, использовав оставшееся топливо, перейти на более безопасную орбиту. На исследования было отпущено от силы три недели, а затем они расстанутся с Рамой, расстанутся навсегда.

Ну а потом — потом они попадут в рабскую зависимость от Земли. «Индевор» станет фактически беспомощным, а его орбита будет такова, что он, в свою очередь, сможет долететь до звезд — приблизительно через пятьдесят тысяч лет. Но Центр заверил, что для беспокойства нет оснований: рано или поздно «Индевор» дозаправят. Дозаправят, не считаясь с расходами, даже если понадобится покинуть опорожненные до грамма танкеры на произвол судьбы. Цель — Рама — оправдывала любые средства, за исключением самоубийства.

И раз уж на то пошло, самоубийство тоже не исключалось. Нортон не питал иллюзий на этот счет. Впервые за добрую сотню лет в человеческие планы вторглась полная неопределенность. А это, как известно, вещь непереносимая ни для политиков, ни для ученых. Если за то, чтобы покончить с нею, надо платить, то «Индевор» и его экипаж — цена не столь уж высокая...

5
ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА

Вокруг стояла могильная тишина. А может, это и в самом деле была могила? Никаких радиосигналов ни на одной из мыслимых частот; никакой вибрации, заметной для сейсмографов, не считая микроколебаний, вызванных, без сомнения, действием солнечных лучей; никаких электрических полей; ни

следа радиоактивности. На Раме царило почти зловещее спокойствие — даже на астероидах, казалось, бывает больше шума.

«А чего мы, собственно, ждали? — спросил себя Нортон.— Церемониальной встречи?..» Он и сам не понимал, разочаровало его это молчание или ободрило. Инициатива, во всяком случае, была в его руках.

Инструкция предписывала выждать двадцать четыре часа, а затем выйти на рекогносцировку. Никто из членов экипажа не спал толком в этот первый день; даже те, кто был свободен от вахты, все свое время проводили у приборов, без устали разглядывая на обзорных экранах застывший геометрический ландшафт. Всех мучил один и тот же вопрос: жив этот мир или мертв? Или просто уснул?..

В первую вылазку Нортон взял с собой только одного человека — капитан-лейтенанта Карла Мерсера, несговорчивого, но изобретательного специалиста по системам жизнеобеспечения. На первый раз он не собирался уходить далеко от корабля. И выводить сразу многих было незачем: если вдруг возникнут осложнения, это вряд ли поможет. Впрочем, предосторожности ради два других члена экипажа, заранее надев скафандры, дежурили возле выходного люка.

Под действием притяжения и центробежной силы каждый человек «весил» пять — десять граммов; рассчитывать приходилось лишь на ранцевые двигатели. Нортон решил, что при первой же возможности натянет между кораблем и ближайшим возвышением страховочную сетку, чтобы не было нужды тратить на каждый шаг топливо.

«Коробочка» находилась в каком-то десятке метров от выходного люка, и Нортон первым делом проверил, не причинила ли посадка вреда «Индевору». Но нет — хоть корпус и прижимало к поверхности с силой в несколько тонн, нагрузка распределялась равномерно. У капитана отлегло от сердца, и он пустился в путь вокруг «коробочки», пытаясь разгадать ее предназначение.

И буквально через три-четыре метра он натолкнулся на разрыв в гладкой, вероятно металлической, стене. Сначала ему подумалось, что это какое-то диковинное украшение,— казалось, оно не служит никакой разумной цели. Шесть радиальных борозд, вернее пазов, глубоко врезанных в металл, а в них шесть перекрещивающихся планок, словно спицы колес без обода, и небольшая ступица в центре. Но каким же образом повернуть это колесо, если оно утоплено в стене?

И тут Нортон не на шутку разволновался, заметив на концах спиц специальные углубления, будто созданные для того, чтобы захватить их рукой (а может, клешней или щупальцем?). Если встать вот так, опершись о стену, и потянуть за спицу вот так...

Колесо легко и беззвучно выскользнуло из стены. К величайшему удивлению Нортона — в душе он был уверен, что любые движущиеся части здесь, в вакууме, давным-давно сплавились,— у него в руках оказался самый настоящий штурвал. Он мог бы вообразить себя капитаном старинного парусника, замершим на мостике у руля.

Оставалось только радоваться, что светофильтр не позволяет Мерсеру следить за выражением его лица.

Нортон был озадачен, больше того, сердит на себя. Быть может, он совершил первую ошибку; быть может, где-то внутри Рамы уже звучат тревожные сирены; быть может, его бездумный поступок привел в действие какой-нибудь непостижимый механизм?

Однако с «Индевора» сообщили, что не наблюдают никаких перемен: чувствительные приборы по-прежнему не улавливали ничего, кроме микрорасширения материалов и движений самого «Индевора».

— Ну что, шкипер, рискнем повернуть?..

Нортон еще раз припомнил данные ему инструкции: «Поступайте по своему усмотрению, но соблюдайте осторожность». Если каждый пустяк согласовывать с Центром, они не стронутся с места до скончания веков.

— Каков твой диагноз, Карл? — обратился он к Мерсеру.

— Полагаю, что это штурвал ручного управления воздушным шлюзом. Возможно, аварийная система на случай отказа электропривода. Надо думать, даже самая совершенная техника не может отказаться от предосторожностей такого рода...

«И система эта наверняка застрахована от непреднамеренных срывов,— добавил Нортон про себя.— Ею можно воспользоваться, только если это не опасно для Рамы в целом...»

Он взялся за две противоположные спицы, уперся прочнее ногами и попробовал повернуть колесо. Оно не шевельнулось.

— Ну-ка помоги,— попросил он Мерсера. Теперь каждый из них ухватил по спице, но, даже напрягая все силы, они не стронули штурвал ни на волос.

Однако кто сказал, что стрелки часов и штопоры на Раме должны вращаться в ту же сторону, что и на Земле?

— Попробуем наоборот,— предложил Мерсер.

На этот раз сопротивления, в сущности, не было. Колесо легко описало полный круг, затем нагрузка постепенно стала возрастать.

В полуметре от людей стена «коробочки» пришла в движение и не спеша разверзлась, будто чья-то черная пасть. Вырвавшаяся изнутри струйка воздуха вынесла частички пыли, которые заискрились в солнечных лучах, словно алмазы.

Дорога в глубь Рамы была открыта.

6

КОМИТЕТ

Доктор Боуз не мог избавиться от мысли, что те, кто основал штаб-квартиру Организации Объединенных Планет на Луне, совершили серьезную ошибку. Это неизбежно привело к тому, что делегаты-земляне стремились господствовать на заседаниях подобно тому, как сама Земля господствовала над окружающим ландшафтом. Если уж обосновываться именно на Луне, то следовало бы предпочесть ее обратную сторону, куда не достигает гипнотическое свечение земного диска.

Но, разумеется, теперь менять что-либо слишком поздно, да и какую альтернативу он мог бы предложить? Нравится это дальним колониям или нет, но Земля и в культурном, и в экономическом отношениях останется сюзереном Солнечной системы на многие грядущие столетия...

Доктор Боуз и сам родился на Земле. На Марс он эмигрировал в тридцатилетнем возрасте и полагал, что способен рассматривать политическую ситуацию совершенно беспристрастно. Он знал, что ему больше не суждено вернуться на родную планету, хотя отсюда до нее лишь пять часов на ракетном пароме. В свои 115 лет Боуз отличался завидным здоровьем, однако реадаптироваться к силе тяжести втрое большей, чем та, к которой он привык на Марсе, уже не мог. Он был осужден на вечную разлуку с планетой-матерью; впрочем, это его не слишком удручало — Боуз не был сентиментален.

А вот что подчас приводило его в уныние, так это необходимость видеть одни и те же до отвращения знакомые лица. Чудеса медицины — вещь замечательная, и, конечно, он вовсе не желал повернуть колесо истории вспять, но за этим столом собрались люди, с которыми он работал бок о бок уже более полувека! Он заведомо знал, кто что скажет и как проголосует по любому конкретному поводу. А как хотелось бы, чтобы в один прекрасный день кто-нибудь выкинул хоть какой-нибудь фортель, пусть даже совершенно безумный!

И отнюдь не исключалось, что окружающих обуревают точно такие же чувства по отношению к нему, Боузу.

Специальный комитет ООП по проблемам Рамы был пока еще столь невелик, что даже поддавался управлению; правда, никто не сомневался, что в самое ближайшее время с этим упущением будет покончено. Шесть коллег доктора Боуза — постоянные представители Меркурия, Земли, Луны, Ганимеда, Титана и Тритона — присутствовали на заседании во плоти. Им и не оставалось ничего другого: электронная дипломатия на межпланетных расстояниях оказывалась несостоятельной. Политические деятели постарше, привыкшие к мгновенной связи — на Земле ее давно воспринимали как нечто само собой разумеющееся,— так и не сумели примириться с фактом, что радиоволнам нужны минуты и даже часы на то, чтобы пересечь бездны, отделяющие планеты друг от друга. «Неужели вы не в силах ничего придумать?» — горько упрекали они ученых, обнаружив, что прямые собеседования между Землей и блудными ее детьми — колониями — неосуществимы. Исключение составляла лишь Луна — к полуторасекундной задержке радиосигнала еще можно было как-то приспособиться. Отсюда следовало, что Луна — и только она — навеки обречена оставаться пригородом Земли.

На заседание собственной персоной прибыли также трое кооптированных в комитет специалистов. Уже знакомый нам профессор Дэвидсон сегодня, казалось, усмирил свое необузданное «я». Доктор Боуз был не в курсе событий, предшествовавших запуску «Ситы», но коллеги профессора не могли допустить, чтобы тот запамятовал свой промах.

Доктор Тельма Прайс была известна Боузу по ее многочисленным телевизионным выступлениям: она прославилась еще пятьдесят лет назад, в эпоху взрыва археологических открытий, последовавшую за осушением гигантского

подводного музея — бассейна Средиземного моря. Боуз до сих пор ясно помнил волнения тех дней, когда затерянные сокровища греческой, римской и десятка других культур оказались доступными для всеобщего обозрения. Это был один из немногих случаев, когда он пожалел, что живет на Марсе.

Вполне очевидными для всех были кандидатуры экзобиолога Карлайла Перера и Денниса Соломонса, который занимался историей науки. Но они пока не явились, зато — и это было не по душе Боузу — на заседании присутствовал Конрад Тейлор, знаменитый антрополог, который сделал себе имя на трудах, посвященных удивительным нравам Беверли-Хиллз* конца XX века.

Никто, наверное, не осмелился бы возражать против выдвижения в состав комитета сэра Льюиса Сэндса. Сэр Льюис был человек, чья ученость могла поспорить разве что с его же учтивостью; говорили, что он теряет самообладание только тогда, когда его называют Арнольдом Тойнби** своего времени.

Великий историк не почтил комитет личным присутствием: он упрямо отказывался покидать Землю даже по таким исключительным поводам, как данное заседание. Его стереоизображение, неотличимое от оригинала, в настоящий момент занимало кресло по правую руку от доктора Боуза; словно для того, чтобы довершить иллюзию, кто-то поставил перед лже-Сэндсом стакан воды. По мнению самого Боуза, такого рода техническое трюкачество было явно бессмысленным, и оставалось только диву даваться, как люди, бесспорно выдающиеся, по-детски радуются возможности присутствовать в двух местах сразу. Иной раз эти электронные фокусы порождали комические ситуации: Боуз собственными глазами видел на одном из дипломатических приемов, как некто, пытаясь пройти сквозь стереограмму, слишком поздно обнаружил, что это вовсе не изображение, а живой человек. Но еще забавнее было наблюдать, как изображения подчас стараются пожать друг другу руки...

Тут доктор Боуз призвал свои разгулявшиеся мысли к порядку, откашлялся и начал:

— Считаю заседание открытым. Полагаю, что имею полное право заявить: здесь собрались выдающиеся представители человечества, чтобы обсудить ситуацию, беспрецедентную в его истории. Указания, данные нам генеральным секретарем Организации, обязывают нас оценивать создавшееся положение и проконсультировать капитана Нортона, если это окажется необходимым...

Эта речь явила собой образец очевидного для всех упрощенчества. Весьма сомнительно, что комитет когда-либо сможет вступить в прямой контакт с Нортоном, разве что при самых чрезвычайных обстоятельствах; возможно, что Нортон никогда и не узнает о существовании комитета. Комитет — всего лишь временный орган при научном отделе ООП, подотчетный директору отдела, а через него — генеральному секретарю. Конечно, Служба Солнца тоже подчиняется ООП, однако не научному, а оперативному ее отделу. Казалось бы, невелика разница; почему бы комитету по проблемам Рамы, да и кому угод-

---

* Беверли-Хиллз — фешенебельный пригород Лос-Анджелеса, где живут, в частности, многие звезды Голливуда.

** Арнольд Тойнби (1852–1883) — английский буржуазный историк и экономист, исследователь эпохи «промышленной революции» XVIII века.

но еще не связаться с капитаном Нортоном, если возникло желание дать ему толковый совет? Но все было не так-то просто...

Связь в глубоком космосе обходится баснословно дорого. Вызвать «Индевор» можно только через Планетком — автономную организацию, известную строгостью и категоричностью своих правил. Чтобы добиться влияния на Планетком, понадобится время и время; кто-то когда-то, несомненно, позаботится об этом, но в настоящий момент жестокосердные компьютеры Планеткома не признают за новоявленным комитетом ровным счетом никаких прав.

— На плечи этого капитана Нортона,— заявил сэр Роберт Маккей, представитель Земли,— легла огромная ответственность. Что он за человек?

— Могу ответить на ваш вопрос,— откликнулся профессор Дэвидсон, пробежав пальцами по клавишам карманного информатора. Нахмурившись, он вгляделся в строчки, бегущие по экрану, потом бегло начал: — Уильям Тсайен Нортон родился в две тысячи семьдесят седьмом году в Брисбене, Океания. Образование получил в Сиднее, Бомбее, Хьюстоне. Затем прошел пятилетний курс в Астрограде, специализировался по двигателям. Произведен в офицеры в две тысячи сто втором году. Начал службу лейтенантом в третьей экспедиции на Персефону, отличился при пятнадцатой попытке основать базу на Венере... гм... послужной список образцовый... двойное гражданство, Земли и Марса... жена и ребенок в Брисбене, жена и двое детей в Порт-Лоуэлле, недавно получил новое разрешение на увеличение...

— Числа жен? — с самым невинным видом осведомился Тейлор.

— Детей, разумеется,— огрызнулся профессор, прежде чем уловил усмешку на лице оппонента. По конференц-залу пронесся легкий шумок; впрочем, те, кто жил на перенаселенной Земле, скорее завидовали, чем забавлялись. Самые энергичные меры, предпринимаемые на протяжении целого столетия, все еще не давали ощутимых результатов: население собственно Земли по-прежнему значительно превышало десять миллиардов...

— ...назначен командиром разведывательного корабля «Индевор»,— продолжал Дэвидсон.— Совершил первый полет на отдаленные спутники Юпитера... гм, это была хитроумная затея... находился в поясе астероидов, когда получил приказ выполнить настоящее задание... сумел уложиться в предельно жесткий срок...

Профессор обвел взглядом коллег.

— Думаю, нам очень повезло. Ведь выбора не было, и на месте Нортона вполне мог оказаться самый заурядный флибустьер...

Прозвучало это так, словно профессор и впрямь представлял себе типичного космического капитана пиратом на деревянной ноге, с пистолетом в одной руке и абордажной саблей в другой.

— Приведенные данные говорят лишь о том, что Нортон — не новичок в своем деле,— возразил делегат Меркурия (население этой планеты составляло на текущий момент 112 500 человек, но быстро росло).— Однако как он поведет себя в ситуации совершенно беспрецедентной...

На Земле сэр Льюис Сэндс слегка кашлянул. Полторы секунды спустя он точно так же кашлянул на Луне.

— Не такая уж она беспрецедентная,— напомнил он меркурианину,— хотя последний прецедент имел место три столетия назад. Если создатели Рамы погибли или покинули его — а до сих пор все свидетельствует в пользу такого заключения,— то Нортон попадает в положение археолога, исследующего остатки исчезнувшей культуры.— Он учтиво поклонился в сторону Тельмы Прайс, и та кивком выразила свое согласие.— Напрашивается пример Шлимана, обнаружившего Трою, или Муо, первооткрывателя храма Ангкор-Ват*. Опасность минимальна, хотя полностью исключить возможность несчастного случая, к сожалению, нельзя...

— А как насчет ловушек и сюрпризов, о которых толкуют приверженцы «теории Пандоры»? — спросила доктора Прайс.

— «Теория Пандоры»? — живо заинтересовался меркурианин.— А это что еще такое?

— Есть такие психопаты,— объяснил сэр Роберт несколько смущенно, что для дипломата было равносильно серьезному замешательству,— убежденные, что Рама представляет собой смертельную угрозу для человечества. Ящик, который нельзя раскрывать... Да вы, конечно, помните легенду...

На самом деле он весьма сомневался, что меркурианин вообще слышал о Пандоре: классическое образование на этой планете было не в чести.

— Параноики,— фыркнул Конрад Тейлор.— Предполагать, разумеется, можно все, что угодно, но зачем высокоразвитая цивилизация станет прибегать к ребяческим фокусам?

— Но даже если забыть о них,— продолжал сэр Роберт,— остается другая возможность, еще более неблагоприятная. Что, если Рама не бездействует, что, если он все-таки обитаем? Произойдет столкновение двух культур, двух разных уровней технического развития. Вспомните Писсаро и инков, коммодора Перри** и японцев, проникновение европейцев в Африку. Последствия почти неизбежно оказывались катастрофическими, во всяком случае для одной стороны. Я не готов выступить с рекомендациями, а лишь напомнил вам известные факты...

— Благодарю вас, сэр Роберт,— сказал доктор Боуз. «Что за досада,— добавил он про себя,— в таком малюсеньком комитете целых два "сэра": похоже, что в наши дни титулованными стали почти все англичане без исключения...» Вслух он произнес: — Уверен, что каждый из нас также размышлял об этой тревожной возможности. Но если существа, населяющие Раму, окажутся... как бы это сказать... недоброжелательными, то какая разница, что именно мы предпримем?

— Если мы уберемся восвояси, они, может, и не обратят на нас внимания...

— Что? После того как совершили путь длиною в триллионы миль и тысячи лет?

---

* Ангкор-Ват («Пагода столицы») — величественный памятник кхмерской культуры и архитектуры, построенный в XII веке, затем заброшенный и заново открытый французскими археологами в 1861 году.

** Мэтью Колбрайт Перри (1794–1858) под угрозой оружия вынудил японское правительство подписать договор, открывший для американских судов японские порты.

Спор достиг своей исходной точки и пошел по замкнутому кругу. Доктор Боуз откинулся в кресле и, почти не вмешиваясь, ждал, пока стороны придут к соглашению.

Все произошло именно так, как он и предвидел. Члены комитета сошлись на том, что, поскольку капитан Нортон уже распахнул первую дверь, просто нелогичным будет не отворить и вторую.

7
ДВЕ ЖЕНЫ

Выдайся им когда-нибудь случай сравнить полученные от него видеограммы, хлопот у капитана сразу бы резко прибавилось. Но мысли такого рода Нортона не столько беспокоили, сколько забавляли. Он составлял одно длинное послание, снимал с него копию, в каждом случае добавляя в конце два-три ласковых слова, адресованных уже персонально, а затем передавал почти идентичные тексты соответственно на Землю и на Марс.

Да и с какой, собственно, стати будут его жены тратиться на сличение видеограмм? Даже по льготным тарифам, предусмотренным для семей космонавтов, это обошлось бы недешево. И главное, в этом просто не было смысла — семьи сохраняли друг с другом прекрасные отношения, по праздникам и дням рождения обменивались традиционными поздравлениями. Правда, лично жены никогда не встречались и, вероятно, никогда не встретятся, да это и к лучшему. Мирна родилась на Марсе и не вынесла бы тройного притяжения Земли, а Каролина терпеть не могла переездов, и даже 25 минут в ракете — предельная продолжительность путешествия в пределах Земли — выводили ее из себя.

— Извини, что на целые сутки запоздал с весточкой,— продиктовал капитан после нескольких общих вступительных фраз,— но, веришь ли, я не был у себя на корабле целых тридцать часов...

Не тревожься — все идет как надо, все хорошо. У нас ушло на это два дня, но мы уже почти миновали систему воздушных шлюзов. Конечно, если бы знать все то, что мы знаем теперь, с ней можно было бы справиться за пару часов. Но мы не имели права рисковать, а потому выслали вперед телекамеры с дистанционным управлением, по десять раз опробовали каждый шлюз, чтобы увериться, что он не захлопнется сам собой...

Каждый шлюз — это обыкновенный вращающийся цилиндр, имеющий в одном месте прорезь. Входишь в нее, поворачиваешь цилиндр вручную на 180 градусов и, пожалуйста, выходи. Или, точнее, вплывай потихоньку.

Эти рамане, судя по всему, народ основательный: три цилиндрических шлюза следуют один за другим. Положительно не представляю, как может отказать даже один такой шлюз, разве что взрывчаткой его рвануть...

Последний, третий, шлюз открывается в туннель полукилометровой длины, удивляющий, как и все, что мы пока здесь видели, своей чистотой. Через каждые несколько шагов попадаются маленькие ниши; быть может, в них когда-то стояли осветительные приборы, но сейчас в коридоре темным-тем-

но и, не побоюсь признаться, страшновато. Вдоль стен по всей длине туннеля тянутся параллельные щели шириной в сантиметр. Есть подозрение, что это направляющие для каких-нибудь тележек, чтобы перевозить снаряжение, а возможно, и людей. Если бы мы нашли тележки и сумели ими воспользоваться, то сэкономили бы бездну времени и сил...

Я уже говорил, что туннель тянется на полкилометра. Сейсмическое зондирование показало, что такова примерно толщина корпуса Рамы, значит, тоннель прорезает корпус насквозь. И мы не удивились, обнаружив в конце пути еще одну серию цилиндрических шлюзов.

Да, да, серию — один, и второй, и третий. Эти рамане, кажется, любую свою конструкцию повторяют трижды. Сейчас мы достигли последнего из этих шлюзов и ждем только разрешения с Земли, чтобы миновать и его. От тайн Рамы нас отделяют сейчас лишь считанные метры. Поскорее бы получить с Земли «добро» — ожидание прямо-таки смерти подобно...

Ты ведь знакома с Джерри Кирчоффом, моим старшим помощником? Ну да, с тем самым, который собрал такую коллекцию древних книг на бумаге, что теперь никогда не сможет эмигрировать с Земли — вывезти эти книги никаких денег не хватит. Так вот, Джерри рассказал мне про очень похожий случай, который произошел в начале двадцать первого, нет, кажется, двадцатого века. Один археолог нашел усыпальницу фараона — первую, до которой не добрались грабители. Его землекопам понадобились месяцы на то, чтобы ярус за ярусом вскрыть ее, и вот наконец перед ними предстала еще одна стена, самая последняя. Пробив кладку, он сунул в дыру голову и руку с фонарем. И перед ним открылась комната, полная невероятных сокровищ, золота и драгоценностей...

Быть может, Рама — тоже гробница или что-то очень похожее на нее. До нас ни разу не донеслось ни малейшего звука, ни намека на какое-либо движение. Ну что ж, завтра мы все узнаем наверняка...

Капитан Нортон остановил записывающий аппарат. Что еще можно сказать, прежде чем диктовать заключительные фразы, разные для обеих семей? Обычно он не вдавался в подробности технического характера, но сегодня обстоятельства вряд ли можно было назвать обычными. Не исключено, что это последняя его видеограмма тем, кого он любил; Нортон чувствовал себя обязанным объяснить им, что он делает и зачем.

Когда они увидят его на экране и услышат его слова, он будет уже внутри Рамы. На радость это или на беду, но внутри.

8

ШЛЮЗЫ ПОЗАДИ

Прежде Нортон никогда не ощущал своего родства с давно умершим египтологом. С тех пор как Говард Картер впервые заглянул в гробницу Тутанхамона, никому из людей не довелось пережить мгновения, подобного этому,— да и сравнение с Картером было до смешного примитивным.

Тутанхамона похоронили чуть ли не вчера — менее четырех тысяч лет назад; возраст Рамы мог оказаться почтеннее возраста самого человечества. Крошечная гробница из Долины фараонов затерялась бы в коридорах, которые они уже прошли, а впереди, за последним препятствием, лежало пространство, по крайней мере в миллион раз большее. А уж сокровища, которые, вероятно, поджидали их здесь, были просто невообразимы.

В эти решающие минуты прекратились всякие радиопереговоры; знающая свое дело команда и не нуждалась в изустных докладах, чтобы понять, что все проверки закончены. Мерсер лишь поднял руку в знак того, что все в порядке, и показал капитану на жерло последнего туннельчика. Люди, не сговариваясь, разом почувствовали, что этот исторический момент нельзя принижать болтовней по пустякам. Нортон засветил фонарь, включил ранцевый двигатель и медленно поплыл по короткому коридорчику, волоча за собой страховочный трос. Десять секунд — и вот он внутри.

Внутри чего? Впереди была глубочайшая тьма, не отражающая ни искорки света. Собственно, он того и ждал; ждал — и все-таки не верил. Все вычисления показывали, что противоположная стена удалена от него на десятки километров; теперь его глаза подтверждали, что это действительно так. Он не спеша вплывал в эту тьму — и вдруг ощутил острое желание удостовериться в прочности страховочного троса, намного более острое, чем когда бы то ни было прежде, даже при первой вылазке. Ну не смешно ли: в полете он без содрогания мерил взглядом космические бездны, отчего же его приводят в смущение какие-то жалкие кубические километры пустоты?

Он все еще обсуждал с собой щекотливую проблему, когда закрепленный на тросе амортизатор прервал парение; сработал амортизатор мягко: Нортон почти не почувствовал отдачи. Он перестал тщетно вглядываться в ничто, лежащее впереди, и направил луч фонаря под ноги, туда, откуда только что взмыл.

Можно было подумать, что его подвесили над центром игрушечного кратера, который, в свою очередь, был лишь оспинкой у основания другого, несравненно большего. Во все стороны от этого большого кратера вздымались склоны и террасы геометрически правильной формы и, несомненно, искусственного происхождения; склоны и террасы чередовались, пока не исчезали во мраке. В сотне метров от себя Нортон заметил выходы двух других воздушных шлюзов, однотипных с тем, который они прошли.

И все. В том, что он видел, не было ничего слишком непривычного и чуждого — картина во многом напоминала заброшенный рудник. Нортон поневоле ощутил известное разочарование: затраченные усилия предполагали, что их ожидают здесь фантастические откровения, нечто драматическое и даже сверхъестественное. Он вынужден был напомнить себе, что в поле его зрения лишь считанные сотни метров; тьма, простирающаяся за ними, может таить в себе чудес куда больше, чем он в состоянии переварить. Кратко сообщив об этом своим изнывающим товарищам, он добавил:

— Запускаю осветительную ракету, вспышка через две минуты. Отсчет!..

Размахнувшись изо всех сил, он швырнул вверх — как можно дальше — маленький цилиндрик и, наблюдая за ракетой, быстро исчезающей из виду,

начал отсчет. Не прошло и пятнадцати секунд, как ракета исчезла; досчитав до ста, он прикрыл глаза и одновременно поднял камеру. Его всегда отличало хорошо развитое чувство времени. Вот и на этот раз он ошибся всего на две секунды — окружающий мир взорвался светом.

Даже миллионов свечей, спрессованных в одной вспышке, не хватило на то, чтобы вырвать из тьмы всю глубину этой гигантской полости, и все же он успел увидеть достаточно, чтобы уяснить себе ее планировку и оценить по достоинству ее титанический размах. Он находился в торце полого цилиндра как минимум десятикилометровой ширины и неопределенной длины. За один миг он увидел на изогнутых стенах столько, что разум не в состоянии был этого вместить; он как бы взглянул на целый мир при блеске молнии и усилием воли попытался запечатлеть его в своем сознании.

Насколько хватало глаз, террасированные склоны «кратера» поднимались вверх и вверх, пока не сливались со сплошной стеной, опоясывающей небо. Стоп — это ложное впечатление, надо отрешиться от представлений, воспитанных Землей и открытым космосом, и выработать для себя новую систему координат...

Он находится вовсе не на дне этого странного, вывернутого наизнанку мира, а, напротив, в его самой высокой точке. Любое направление ведет отсюда не вверх, а вниз. Стоит лишь отодвинуться от центральной оси в сторону вогнутой стены — нет, о ней нельзя больше думать как о стене,— и сила тяжести начнет понемногу возрастать. Добравшись до внутренней поверхности цилиндра, он сможет нормально стоять и ходить выпрямившись, и ноги его будут обращены к звездам, а голова — к центру этого исполинского вращающегося волчка. Сама идея достаточно ясна: еще на заре космонавтики центробежную силу использовали для имитации силы тяжести. Ошеломляет, не укладывается в сознании лишь масштаб применения знакомой идеи. Крупнейшая из космических станций землян, «Синскэт-5», в диаметре не достигает и двухсот метров. Воистину требуется какое-то время, чтобы приноровиться к размаху, во сто раз большему...

Свернутый в трубку ландшафт, охвативший его со всех сторон, был испещрен пятнами света и тени, которые могли оказаться лесами, полями, замерзшими озерами и городами; значительность расстояния и быстрота, с которой угасала ракета, делали опознание практически невозможным. Узкие линии — не то дороги, не то каналы или выпрямленные реки — складывались в едва различимую, но геометрически правильную сеть, а дальше, на самой границе видимости, цилиндр опоясывала какая-то более темная полоса. Она очертила полный круг, охватывала кольцом интерьер этого мира, и Нортон вдруг припомнил миф об Океане, который, по верованиям древних, омывал диск Земли.

Быть может, здесь — наяву — существовало еще более странное море, не кольцевое, а цилиндрическое? Ведало ли оно, прежде чем застыть в межзвездной ночи, буруны, приливы, течения, волны? Населяли ли его рыбы?

Ракета догорела и погасла, миг откровения миновал. Но Нортон понимал: эта картина не изгладится теперь из его памяти до гробовой доски. Какие бы открытия ни ждали его впереди, они никогда не притупят первого впечатле-

ния. И история никогда не сможет оспорить тот факт, что ему первому из всего человечества выпала честь увидеть собственными глазами творения иной цивилизации.

9
ЗНАКОМСТВО

— Мы запустили пять осветительных ракет, настроив их часовые механизмы так, чтобы надежно перекрыть фотосъемкой всю длину цилиндра. Все главные ориентиры нанесены на карты, и хотя их очень трудно отождествить с чем-то знакомым, тем не менее мы дали им условные имена.

Внутренняя полость имеет пятьдесят километров в длину и шестнадцать в ширину. Оба ее конца — как бы гигантские чаши довольно сложной конструкции. Ту из них, где мы сейчас находимся, мы назвали Северным полушарием; здесь, у самой оси, расположена наша первая база.

От центральной площадки под углом 120 градусов один к другому расходятся три трапа почти километровой длины. Все они заканчиваются на круговой террасе — отсюда она представляется обегающим чашу кольцом. А от кольца вниз, продолжая эти трапы, убегают три исполинские лестницы, которые в конце концов достигают равнины. Представьте себе зонтик, у которого всего три спицы, равно удаленные друг от друга,— это даст вам довольно точное представление о том, как выглядит Рама с нашей стороны.

Каждая спица — лестница, вблизи оси очень крутая, а затем все более полого сливающаяся с равниной внизу. Лестницы — мы назвали их Альфой, Бетой и Гаммой — не непрерывны, а пересечены еще пятью кольцевыми террасами. По нашей оценке, каждая лестница насчитывает от двадцати до тридцати тысяч ступеней... Надо думать, они предназначены исключительно для аварийных ситуаций, ведь нельзя всерьез полагать, что рамане — называйте их так или как-нибудь иначе — не предусмотрели других, более удобных способов добираться до оси своего мира.

Южное полушарие устроено совершенно по-другому: там нет ни лестниц, ни кратера в центре. Вместо кратера там высится остроконечный пик высотою в несколько километров; он расположен строго по оси и окружен шестью пиками поменьше. Конструкция в целом выглядит очень странно, и мы даже отдаленно не догадываемся, какой цели они служат.

Основную пятидесятикилометровую часть цилиндра между двумя чашами мы назвали Центральной равниной. Не считайте, что мы сошли с ума, именуя «равниной» нечто столь отчетливо вогнутое,— мы уверены, что это вполне оправданно. Как только мы спустимся на нее, она покажется нам плоской — муравью, который забрался в бутылку, ее внутренняя поверхность тоже должна представляться плоскостью...

Самое удивительное в Центральной равнине — это темная лента десяти километров в ширину, обегающая цилиндр вокруг и разделяющая его пополам. Лента похожа на ледяную, и мы окрестили ее Цилиндрическим морем. Посреди моря расположен большой остров овальной формы, размером десять

километров на три, сплошь покрытый какими-то высокими сооружениями. Поскольку он напомнил нам виды старого Манхэттена, мы назвали его Нью-Йорком. Правда, я не склонен думать, что это действительно город: скорее он похож на какую-то колоссальную фабрику или, скажем, на химический завод.

Но на равнине есть и города или, во всяком случае, поселки. Их по крайней мере шесть; если бы их строили для людей, то каждый мог бы вместить примерно пятьдесят тысяч человек. Мы назвали их Рим, Париж, Москва, Лондон, Пекин и Токио. Между собой они связаны дорогами и еще каким-то подобием рельсовой системы.

Материала, достойного изучения, в этом застывшем мире хватило бы на столетия. Четыре тысячи квадратных километров и всего две-три недели на то, чтобы их обследовать. Не знаю, найдем ли мы ответ хотя бы на два вопроса, которые мучают меня с той самой секунды, когда мы оказались здесь, внутри: кто они были и что с ними случилось?..

Запись окончилась. На Земле и на Луне члены Комитета по проблемам Рамы перевели дух и принялись с новой энергией изучать разложенные на столах карты и фотографии. Они предавались этому занятию уже не первый час, однако голос капитана Нортона будто высветлил в снимках что-то, добавил им глубины. Пусть ракеты разорвали вековую ночь Рамы совсем ненадолго, но капитан видел этот необычный вывернутый мир собственными глазами. И именно он, Нортон, поведет в этот мир исследователей и будет его изучать...

— Доктор Перера, вы, кажется, хотели что-то сказать?..

Доктор Боуз подумал, не следовало ли в первую очередь предоставить слово профессору Дэвидсону — старшему из ученых и единственному астроному среди присутствующих. Но профессор, видимо, еще не вполне оправился от шока, ему было явно не по себе. Всю жизнь он взирал на Вселенную как на арену борьбы титанических, но безличных сил гравитации, магнитных и радиационных полей; ему никогда не верилось, что жизнь играет сколько-нибудь существенную роль в мироздании, и он рассматривал ее проявления на Земле, на Марсе и на Юпитере как нечаянное отступление от общих правил.

И вот теперь налицо было доказательство, что жизнь не только существует за пределами Солнечной системы, но и достигла высот, далеко превосходящих все, что человечество уже совершило, и все, что надеялось совершить в ближайшие столетия. Более того, появление Рамы опровергало и другую догму, которую профессор исповедовал годами. Под нажимом он еще кое-как соглашался, что жизнь, может быть, существует и в иных звездных системах, но совершеннейшая нелепость, подчеркивал он, верить, что она способна пересечь межзвездные бездны...

Допустим даже, что рамане действительно потерпели неудачу, что капитан Нортон прав, утверждая, что их мир ныне превратился в гробницу. Но сама попытка совершить невозможное говорила о том, что они всерьез рассчитывали на удачу. И если такое случилось хоть однажды, то в Галактике с ее сотней тысяч миллионов солнц это должно было происходить много-много раз... и кто-то где-то непременно добился успеха.

А это был тот самый тезис, в который бездоказательно, но весьма горячо верил доктор Карлайл Перера. И теперь он не мог решить, радоваться ему или огорчаться. Рама самым впечатляющим образом подтвердил воззрения ученого, но никогда не суждено ему ступить в пределы чужого мира, не суждено даже увидеть этот мир своими глазами. Если бы перед ним внезапно вырос дьявол и предложил дар мгновенной телепортации, доктор Перера подписал бы контракт, даже не взглянув на условия.

— Да, господин председатель, пожалуй, я располагаю информацией, представляющей определенный интерес. Перед нами, вне всякого сомнения, «космический ковчег». Идея в астронавтической литературе не новая — я сумел установить, что английский физик Джон Бернал выдвигал ее как метод колонизации соседних звезд в книге, вышедшей в тысяча девятьсот двадцать девятом году,— да, да, двести лет назад! А великий русский первооткрыватель Циолковский выступал с аналогичными предложениями еще раньше.

Если вам угодно отправиться из одной звездной системы в другую, вы располагаете несколькими возможностями. Допустим, что скорость света действительно является абсолютным пределом скорости,— а этот факт по-прежнему нельзя считать окончательно установленным, что бы и как бы ни говорили вам на сей счет (профессор Дэвидсон возмущенно фыркнул, однако вслух протеста не выразил),— значит, вы можете либо лететь быстро, но в небольшом корабле, либо гораздо медленнее, но в корабле гигантском.

Насколько я знаю, нет никаких технических причин, по которым космический корабль не может разогнаться до скорости, составляющей девяносто и более процентов скорости света. Тогда время полета между соседними звездами сокращается до пятидесяти лет — скучновато, пожалуй, но отнюдь не нереально, в особенности для существ, жизненный цикл которых измеряется столетиями. Можно без труда представить себе путешествия такой продолжительности на кораблях, не намного больших, чем наши нынешние.

Но, может быть, подобные скорости недостижимы для кораблей, несущих значительный полезный груз; не забывайте, надо везти с собой еще и топливо на торможение, даже если не заботиться об обратном пути. Так не разумнее ли в таком случае пожертвовать временем — пусть десятком, пусть даже сотней лет?..

Бернал и другие авторы полагали, что это осуществимо, надо лишь построить движущийся мирок диаметром в несколько километров, рассчитанный на тысячи пассажиров и на путешествия длительностью в десятки поколений. Конечно, все системы такого мирка должны функционировать как полностью замкнутые, автоматически воссоздавая пищу, воздух и все остальное. Но, в конце концов, не так ли обстоит дело у нас на Земле, да еще и масштабы у нас солиднее...

Одни авторы предлагают строить «космические ковчеги» в форме концентрических сфер, другие — в форме пустотелых вращающихся цилиндров, с тем чтобы центробежная сила искусственно заменила силу тяжести,— в точности так, как это осуществлено на Раме...

Профессор Дэвидсон не мог дольше терпеть безграмотную болтовню.

— Да нет же такой силы в природе, просто нет! Центробежную силу выдумали инженеры. А в науке есть сила инерции...

— Вы, разумеется, совершенно правы,— согласился Перера,— хотя убедить в этом тех, кому доводилось падать с карусели, будет, согласитесь, не просто. Но, мне кажется, у нас нет нужды добиваться математической строгости выражений...

— Спокойнее, доктор,— вмешался Боуз, не в силах совладать с раздражением.— Мы все поняли, что вы имеете в виду, по крайней мере нам так показалось. Не разрушайте, пожалуйста, наших иллюзий...

— В сущности, я хотел лишь подчеркнуть, что в самой идее Рамы нет ничего принципиально нового, поражают только его размеры. Люди рисовали себе нечто подобное еще двести лет назад.

Теперь я задаю себе другой вопрос. Можем ли мы со всей определенностью установить, как долго Рама путешествует в пространстве?

К настоящему времени мы провели тончайшие измерения его орбиты и скорости. Исходя из предположения, что он не менял курса, мы можем вычислить его координаты на протяжении миллионов лет. Естественно, мы ожидали, что он прибыл к нам с одной из ближайших звезд, однако это отнюдь не так.

С тех пор как Рама проходил вблизи звезды, какой бы то ни было звезды, минуло более двухсот тысяч лет. Да и эта звезда, как выяснилось, принадлежит к непериодическим переменным, то есть к таким, у которых никак нельзя допустить наличия населенных планетарных систем. Светимость этой звезды изменяется от единицы до пятидесяти с лишним*; планеты, если они там есть, то раскаляются, то леденеют каждые несколько лет...

— У меня есть гипотеза! — воскликнул доктор Прайс.— Быть может, это как раз все и объясняет! Быть может, некогда это солнце было нормальным, а потом стало нестабильным. И рамане вынужденно пустились на поиски нового солнца...

Доктор Перера питал слабость к старушке-археологу и потому пощадил ее самолюбие. Но интересно, что сказала бы она, если бы он усомнился в аксиомах ее профессии...

— Мы рассматривали такую возможность,— мягко ответил он.— Однако, если общепринятые теории звездной эволюции верны, эта звезда никогда не была стабильной и на ее планетах никогда не возникало жизни. Так что Рама странствует в космосе никак не меньше двухсот тысяч лет, а может статься — больше миллиона...

Теперь там царство холода и тьмы, по-видимому, мертвое царство, и, кажется, я догадываюсь почему. Возможно, у раман действительно не оставалось выбора, возможно, они действительно спасались от какой-то катастрофы, но они ошиблись в расчетах.

Ни одна замкнутая экологическая система не может быть эффективной на все сто процентов: всегда существуют какие-то отходы, потери, оскудение внешней среды, накопление вредоносных веществ. На то, чтобы отравить и

* За единицу принимается светимость Солнца.

истощить целую планету, подчас нужны миллиарды лет, но когда-то это произойдет. Океаны высохнут, атмосфера рассеется...

По нашим меркам, Рама — исполин, но как планета он совершенный карлик. Проведенные мной расчеты показывают, что его экологический баланс может поддерживать себя примерно тысячу лет. Максимальное допущение — десять тысяч...

При той скорости, которую развивает Рама, этого вполне достаточно для перелетов в центре Галактики, где звезд полным-полно. Но не здесь, в ее спиральных малонаселенных рукавах. Рама — корабль, растративший свои запасы задолго до того, как он достиг цели. Опустевший остров, блуждающий среди звезд.

Эта теория допускает единственное серьезное возражение, и я сам выдвину его, не дожидаясь, пока это сделает кто-нибудь другой. Орбита Рамы настолько точно нацелена на Солнечную систему, что случайное совпадение просто исключено. Я бы сказал, что наш гость пройдет даже слишком близко к Солнцу; «Индевору» во избежание перегрева придется расстаться с ним задолго до перигелия.

Не стану притворяться всепонимающим. Можно допустить, что на Раме до сих пор действуют какие-то автоматические навигационные устройства, которые вывели корабль к ближайшей подходящей звезде спустя тысячелетия после того, как погибли его создатели.

А они, ручаюсь своей репутацией, несомненно, погибли. Пробы, взятые внутри цилиндра, абсолютно стерильны, мы не обнаружили в них никаких микроорганизмов. И всякие толки о том, что рамане еще оживут, следует забыть. Существуют основательные причины, по которым гипотермический сон может длиться не более двух-трех столетий, а речь идет о сроках в тысячи раз больших.

Пандорианцам и их сторонникам волноваться не о чем. Мне лично даже жаль, что это так. Разве не замечательно было бы встретиться с представителями иного разума?

Но по крайней мере мы знаем теперь ответ на вопрос, мучивший нас испокон веков. Мы не одиноки во Вселенной. И звезды будут казаться нам не такими далекими, как прежде.

10

СПУСК ВО ТЬМУ

Нортон пережил тяжкое искушение, однако долг капитана обязывал его сначала позаботиться о безопасности своего корабля. Если их операция вдруг потерпит провал, первым делом надо спасать «Индевор»...

Выбор очевидным образом пал на второго помощника, капитан-лейтенанта Мерсера. Нортон не мог не признать, что Карл как нельзя лучше подходит для данной миссии.

Непререкаемый авторитет во всем, что касается систем жизнеобеспечения, Мерсер выступил даже автором типовых учебников по этому предмету. Он

лично испытал множество образцов снаряжения, зачастую в невероятно сложных условиях, и прославился редким искусством саморегуляции. По желанию он мог замедлить свой пульс или задержать дыхание на целых десять минут. Эти ценные навыки не раз спасали ему жизнь.

И тем не менее, невзирая на все свои дарования и эрудицию, он отличался почти полным отсутствием воображения. Самые опасные эксперименты и поручения для него оставались просто-напросто работой, которую надо выполнить. Он никогда не шел на неоправданный риск и совершенно не видел смысла в том, что обычно именуют безрассудной смелостью.

Над его рабочим местом красовались два девиза — итог его жизненной философии. Первый: «Ты ничего не забыл?» И второй: «Остерегайся храбрецов!» То обстоятельство, что его считают самым отчаянным храбрецом на всем космическом флоте, было единственным, что выводило его из себя.

Ну а если вопрос о Мерсере решен, тогда автоматически решен и вопрос о его неразлучном спутнике, лейтенанте Джо Колверте. Что между ними общего — понять никто не мог: тщедушный, вечно озабоченный чем-то штурман был на десять лет моложе своего хладнокровного, невозмутимого друга, который к тому же отнюдь не разделял его пылкого увлечения искусством примитивного кино.

Но давно замечено, что крайности сходятся,— Мерсер и Колверт стали друзьями, и дружба их оказалась прочной. Впрочем, это еще менее удивительно, чем то, что на Земле они любили одну женщину, подарившую каждому из них по ребенку. Нортону не раз приходило в голову, что с ней при случае следовало бы познакомиться,— вероятно, она весьма незаурядная особа. Треугольник существовал уже минимум пять лет и все еще казался равносторонним...

Однако двое еще не составляют полноценной исследовательской группы: давно установлено, что оптимальный состав — трое: в случае чьей-то гибели там, где одиночка будет обречен, двое все-таки могут выжить. По зрелом размышлении Нортон остановился на кандидатуре сержанта технической службы Уильяма Майрона. Блестящий механик, способный привести в действие любую машину или, на худой конец, сконструировать новую, Майрон был идеальным партнером на случай, если придется разбираться в инопланетной аппаратуре. Раньше он занимал должность адъюнкт-профессора в Астротехническом институте, взял годовой отпуск, отпуск явно затянулся, однако сержант наотрез отказался от офицерского чина под тем предлогом, что не хочет мешать продвижению более достойных. Никто не принял этого объяснения всерьез, но все сошлись на том, что самолюбия у Уилла нет и в помине. Он, может, и станет еще старшим сержантом, но звания профессора не получит никогда. Майрон, как и многие представители сержантской гильдии до него, нашел для себя желанный компромисс между властью и ответственностью.

Едва они миновали последний шлюз и выплыли в невесомость возле оси Рамы, лейтенанта Колверта, как это нередко с ним бывало, засосало в омут киновоспоминаний. Возможно, стоило бы излечиться от этой неотвязной привычки, но, по правде говоря, Колверт не видел в ней вреда. Напротив, она

помогает скрасить любое нудное занятие и — кто знает? — может, в один прекрасный день спасет ему жизнь. Допустим, он вспомнит, как поступали в сходных обстоятельствах Фербэнкс, Коннери или Хироши...

На сей раз он казался себе участником одной из войн начала XX века и шел в атаку; Мерсер был сержантом и командовал группой разведчиков из трех человек, которая под покровом ночи проникла на территорию противника. Не требовалось особых усилий, чтобы вообразить, что они укрылись на дне огромной воронки, склоны которой образуют ряд восходящих террас. Воронка была залита лучами трех вынесенных по сторонам плазменных дуговых ламп, и в ней почти не оставалось тени. Но за ее пределами, за кромкой дальней террасы, царили мрак и неизвестность.

Мысленно Колверт, конечно же, прекрасно представлял себе, что прячется во тьме. Сначала плоское кольцо более километра в поперечнике. Его разделяют на равные части три трапа, похожие на железнодорожные колеи с утопленными шпалами. Трапы располагаются строго симметрично и совершенно одинаковы. Они выбрали тот, который начинался ближе к шлюзу Альфа.

Правда, перекладины располагались далековато друг от друга, но даже в полукилометре от оси сила тяжести не достигала и одной тридцатой *g*, так что, взвалив на себя приборы и снаряжение весом килограммов по сто, они могли двигаться без особого труда.

Капитан Нортон и группа обеспечения проводили их до конца канатов, протянутых от шлюза Альфа: далее свет прожекторов не доставал, и они окунулись в первозданную тьму Рамы. Все, что удавалось различить в пляшущих лучах шлемовых фонарей,— это первые сотни метров убегающего вдаль трапа.

«А теперь,— сказал себе Карл Мерсер,— пробил час принять первое решение. Поднимаюсь я по этому трапу или спускаюсь?..»

Вопрос был отнюдь не прост. По существу, гравитация все еще не отличалась от нулевой, и мозг мог избрать произвольную систему координат. Усилием воли Мерсер мог заставить себя думать, что смотрит или на горизонтальную равнину, или снизу вверх на вертикальную стену, или сверху вниз с отвесной скалы. Не так уж редко случалось, что космонавты, приступая к выполнению какой-нибудь сложной задачи, ошибались в выборе координат и это приводило к серьезным психологическим трудностям.

Мерсер решил двигаться головой вперед: любой другой способ оказался бы менее удобным, а так он хоть видел, что впереди. Следовательно, первые несколько сот метров он мог внушать себе, что карабкается вверх, а когда растущая сила тяжести разрушит эту иллюзию, он должен будет мысленно переориентироваться на сто восемьдесят градусов.

Капитан-лейтенант схватился за первую перекладину и слегка подтянулся вдоль трапа. Движение почти не требовало усилий, словно плавание под водой,— да нет, и того меньше, под водой он встретил бы сопротивление среды. А здесь все давалось так легко, что приходилось бороться с искушением увеличить скорость, но Мерсер был слишком опытен для того, чтобы торопиться в столь незнакомой обстановке.

В наушниках слышалось размеренное дыхание двух его товарищей. Он не нуждался в иных доказательствах того, что у них все в порядке, и не тратил

времени на разговоры. Его подмывало оглянуться назад, однако он решил не рисковать до тех пор, пока не доберется до платформы в конце трапа.

Промежутки между перекладинами были стандартными — примерно по полметра, и поначалу Мерсер хватался за перекладины через одну. Но при этом он старался не сбиться со счета, и примерно на двухсотой перекладине к нему впервые пришло ощущение собственного веса. Вращение Рамы наконец-то дало о себе знать.

На четырехсотой перекладине он оценил свой вес килограммов в пять. Само по себе это не добавило трудности, но обманывать себя было уже ни к чему: в самом деле, как притворяться, что продолжаешь восхождение, если тебя ощутимо тянет вверх?

Пятисотая перекладина показалась ему самым подходящим местом для того, чтобы передохнуть. Он чувствовал, что мышцы на руках уже начинают ныть от непривычных движений, а ведь всю работу за них фактически выполнял Рама, им оставалось лишь страховать себя...

— Все в порядке, шкипер,— доложил Мерсер.— Прошли половину трапа. Джо, Уилл, как у вас?

— У меня лучше некуда,— отозвался Джо Колверт.— Для чего ты, собственно, остановился?

— У меня тоже неплохо,— добавил сержант Майрон.— Но обратите внимание: начинает сказываться сила Кориолиса...

Это Мерсер уже заметил и сам. Стоило отпустить перекладину — и его отчетливо сносило вправо. Он, разумеется, понимал, что во вращающемся мире подобный эффект неизбежен, и все же ему мерещилось, что какие-то духи тьмы мягко отталкивают его тело от трапа.

Быть может, настало время повернуться ногами вниз — ведь теперь слово «вниз» обретало реальный смысл. Существовал, конечно, определенный риск на мгновение потерять ориентацию...

— Следите за мной, сейчас я перевернусь...

Твердо взявшись за перекладину, он описал телом дугу в сто восемьдесят градусов — и тотчас же зажмурился, ослепленный фонарями товарищей. Далеко-далеко за ними — нет, теперь уже над ними — он, как только приспособился к свету, различил более слабое сияние. На краю отвесного утеса силуэтами выделялись фигурки капитана Нортона и группы обеспечения. Они казались такими маленькими и беспомощными, что он ободряюще помахал им рукой.

Потом он разжал пальцы и отдался во власть едва ощутимого притяжения Рамы. Падение от перекладины до перекладины продолжалось более двух секунд; на Земле он за то же время пролетел бы добрых тридцать метров. Скорость была томительно мала, и он стал, отталкиваясь руками, пролетать по десятку перекладин в один прием.

На семисотой перекладине он сделал еще одну остановку и направил луч фонаря под ноги; как он и рассчитывал, от начала большой лестницы его отделяли теперь всего полсотни метров.

Еще три минуты — и он на первой ступеньке. После многих месяцев, проведенных в космосе, странно было стоять в рост, опираясь о твердую по-

верхность и ощущая ее подошвами. Каждый из них и сейчас весил менее десяти килограммов, но этого вполне хватало, чтобы обрести устойчивость. Закрыв глаза, Мерсер мог спокойно представить себе, что попирает ногами какую-то очередную планету.

Уступ, с которого начиналась лестница, был шириной порядка десяти метров и в обе стороны изгибался вверх, пока не растворялся во мраке. Мерсер знал, что уступ описывает полный круг и что если двинуться вдоль него, то, пройдя километров пять, они совершат «кругосветное путешествие» и очутятся вновь в исходной точке. Однако при том малом притяжении, какое действовало здесь, ходьба неизбежно превратилась бы в вереницу длинных прыжков. И в этом таилась грозная опасность.

Спускаться по лестнице, убегающей вниз во тьму, далеко за пределы видимости, тоже обманчиво легко. Тем не менее необходимо придерживаться за обрамляющие лестничный марш высокие поручни: один неосторожный шаг — и беспечный путник свечой взовьется в пространство. «Приземление» состоится, наверное, метров сто ниже; удар сам по себе будет пустяковым, но последствия прыжка — вряд ли, поскольку вращение Рамы тем временем сдвинет лестницу влево. И тело, завершив падение, опустится прямо на склон, гладкий, чуть вогнутый склон, что уходит, нигде не прерываясь, к равнине в семи километрах внизу.

«Вот это,— сказал себе Мерсер,— был бы спуск почище бобслея!..» Конечная скорость даже при таком положении достигла бы нескольких сот километров в час. Кто знает, велика ли здесь сила трения, достаточна ли она для того, чтобы превратить безудержное скольжение в контролируемое; если достаточна, тогда возможно, что такой способ спускаться на внутреннюю поверхность Рамы окажется самым рациональным. Но прежде чем рискнуть на это, надо провести хотя бы парочку экспериментов...

— Шкипер,— доложил Мерсер,— спуск по трапу трудностей не составил. С вашего разрешения я хотел бы продолжить его, скажем, до следующей площадки. Надо рассчитать скорость движения по лестнице...

Нортон ответил без колебаний:

— Действуйте.

Добавлять: «Будьте осторожны» — не было нужды.

Не прошло и минуты, как Мерсер совершил важное открытие. При одной двадцатой *g* идти по ступеням обычным манером оказалось просто немыслимо. Шаги становились замедленными, как во сне, и нестерпимо томительными; оставалось одно — игнорировать ступени и тянуть себя вниз по воздуху, используя поручень как опору.

Колверт пришел к такому же заключению.

— По этой лестнице ходят только вверх, а не вниз! — воскликнул он.— Можно перебирать ступеньки, пока движешься против гравитации, но в обратном направлении это более чем неудобно. Пусть меня обвинят в утрате собственного достоинства, но, по-моему, лучший способ спуститься — сесть на поручень верхом...

— Но это просто смешно! — запротестовал сержант Майрон.— Не могу поверить, что рамане поступали именно так...

— Сомневаюсь, что они вообще когда-либо пользовались этой лестницей: она построена, очевидно, лишь на случай какой-нибудь аварии. У них должен быть еще и механический транспорт. Возможно, фуникулер. Это объяснило бы, зачем нужны вон те прорези, что тянутся до самого низа...

— А я думал, что это желоба водостока. Впрочем, одно не исключает другого. Интересно, случается ли здесь дождь?..

— Вполне вероятно,— заявил Мерсер.— Но, на мой взгляд, Джо прав, черт с ним, с достоинством. Поехали!..

Поручень, явно предназначенный для чего-то очень похожего на руки, представлял собой гладкую металлическую полосу на редких стойках метровой высоты. Мерсер оседлал ее и, удостоверившись, что руки могут создать достаточное тормозное усилие, заскользил. Очень плавно, медленно набирая скорость, спускался он в темноту, и вместе с ним двигалась лужица света от шлемового фонаря. Проехав метров пятьдесят, он разрешил остальным последовать его примеру.

Никто из них не признался бы в этом, но чувствовали они себя мальчишками, съезжающими по школьным перилам. Менее чем за две минуты они проделали километровый спуск — комфортабельно и безопасно. Как только скольжение становилось слишком стремительным, рука чуть сильнее сжимала поручень и тормоз срабатывал вполне надежно.

— Надеюсь, вы хорошо позабавились,— обратился к ним капитан Нортон, когда все трое добрались до площадки.— Учтите, что карабкаться обратно будет отнюдь не так весело...

— Это нам и предстоит проверить,— ответил Мерсер, прохаживаясь опыта ради туда и сюда и прикидывая, насколько увеличилась сила тяжести.— Здесь уже около одной десятой *g*, разницу просто невозможно не заметить...

Он подошел — вернее, подплыл — к краю площадки и осветил фонарем следующий лестничный марш. Луч не позволил видеть далеко, и марш казался точной копией предыдущего, хотя внимательное изучение фотографий показывало, что высота ступеней с нарастанием гравитации уменьшается. Лестница, вероятно, была построена с тем расчетом, чтобы интенсивность движений того, кто карабкается по ней вверх, оставалась более или менее постоянной по всей длине гигантской кривой.

Мерсер бросил взгляд в сторону шлюзов, которые теперь оставались в двух километрах над головой. Слабенькое пятнышко света и две крохотные фигурки, едва заметные на его фоне, были чудовищно далеки. И он вдруг впервые обрадовался тому, что не в силах различить исполинскую лестницу целиком.

Ни крепкие нервы, ни нехватка воображения еще ничего не значили: приятно воочию увидеть себя мошкой, ползущей по чаше, которая в поперечнике имеет более шестнадцати километров? До сих пор темнота раздражала Мерсера, теперь он почти благословлял ее.

— Температура не меняется,— доложил он Нортону,— по-прежнему чуть ниже нуля. Однако давление воздуха, как и ожидалось, повышается и достигло примерно трехсот миллибар. Даже в таких условиях здесь почти можно дышать, а ниже тем более это не составит проблемы. Наша задача серьезно

упрощается. Какая удача — первый мир, где мы сможем ходить без кислородных приборов! Пожалуй, я рискну вздохнуть...

Высоко над ними, у самой оси, капитан Нортон беспокойно поежился. Но Мерсер, как никто другой, всегда отдавал себе отчет в собственных поступках. Он наверняка уже провел все необходимые пробы и счел их результаты удовлетворительными...

Мерсер снизил давление в скафандре, отключил герметизацию шлема и приоткрыл щелку. Неуверенный вздох, потом другой, поглубже...

Воздух Рамы был безжизненным, застойным, словно в могиле, но такой древней, что запах тлена выветрился из нее столетия назад. Даже Мерсер со своим сверхчувствительным обонянием, выработанным за годы возни с системами жизнеобеспечения как в нормальных, так и смертельно опасных условиях, не улавливал никаких отчетливых запахов. Впрочем, ощущался какой-то легкий металлический привкус, и он внезапно вспомнил, что участники первой экспедиции на Луну жаловались на запах, сходный с запахом горелого пороха. Вероятно, загрязненная лунной пылью кабина «Орла»* приобрела такой же мертвенный душок.

Он снова герметизировал шлем и сделал несколько глубоких вздохов. Чужой воздух не придал ему сил; даже альпинист, привычный к разреженной атмосфере высот, не выдержал бы здесь и нескольких минут. Но еще два-три километра вниз по лестнице — и все будет обстоять иначе...

Итак, они выполнили свою задачу. Теперь Мерсер мог позволить себе просто насладиться ощущением силы тяжести, хотя и небольшой. Он почти отвык от тяготения, однако и привыкать к нему заново тоже не годилось: ведь им следовало тотчас же вернуться в невесомость вблизи оси.

— Мы возвращаемся, шкипер,— сообщил он.— Идти дальше пока не имеет смысла. Придет час — подготовимся и спустимся до конца...

— Согласен. Мы засечем время, но особенно не торопитесь...

Едва Мерсер «зашагал» по ступенькам вверх — по три-четыре за один шаг-прыжок,— ему стало ясно, что Колверт был абсолютно прав: эти лестницы предназначены для того, чтобы по ним ходили вверх, а не вниз. Если не оглядываться назад и не пугаться головокружительной крутизны кривой по сторонам, восхождение могло показаться даже приятным. Тем не менее ступеней через двести мышцы ног начали отзываться болью, и он решил замедлить темп. Остальные сделали то же самое; бросив короткий взгляд через плечо, он убедился, что они значительно отстали.

Восхождение прошло без всяких приключений — бесконечная череда ступеней, и только. Когда они вновь добрались до верхней платформы, примыкающей к трапу, то совершенно сбились с дыхания, а ведь обратный путь занял всего-то десять минут. На платформе они отдыхали еще минут десять, затем принялись за последний вертикальный километр.

Подпрыгнуть — ухватиться рукой за перекладину — подпрыгнуть — ухватиться — подпрыгнуть — ухватиться... Это было, в сущности, легко, но на-

* Кодовое название лунной кабины «Аполлона-11».

столько однообразно, что возникала угроза потерять бдительность. На середине трапа они передохнули еще пять минут; к этому времени у них ныли уже не только ноги, но и руки. И Мерсер в который раз порадовался, что различает перед собой лишь малую часть вертикальной стены, к которой они приникли. Можно было вообразить, что трап тянется лишь на десяток метров за границу света, что скоро, совсем скоро он кончится...

Подпрыгнуть — ухватиться за перекладину — подпрыгнуть... И неожиданно трап действительно кончился. Они опять очутились в невесомом мирке оси, в кругу обеспокоенных друзей. Вся экспедиция не продолжалась и часа и оставила у ее участников чувство причастности к некоему подвигу.

Однако время гордиться собой еще не настало: они преодолели едва ли восьмую часть этой циклопической лестницы.

11
МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ И ОБЕЗЬЯНЫ

Капитан Нортон уже давно пришел к выводу, что иным женщинам вход на борт космического корабля должен быть категорически воспрещен; невесомость шутит с их фигурами такие шутки, что никто не может сосредоточиться на деле. Пока они не двигаются, еще полбеды, но стоит им шевельнуться — и возникает зрелище, какого ни один мужчина, если у него в жилах не рыбья кровь, перенести не в состоянии. Капитан был совершенно уверен, что один серьезный инцидент в космосе случился именно по этой причине: в рубку некстати вплыла женщина-офицер, и экипажем овладел приступ острой рассеянности.

Однажды он упомянул о своей теории в разговоре со старшим корабельным врачом Лаурой Эрнст, не раскрывая, впрочем, секрета, кто впервые навел его на подобные мысли. Да в том и не было нужды — они слишком хорошо знали друг друга. Годы назад, на Земле, они как-то, поддавшись настроению, преступили черту. Возможно, этому эпизоду суждено навсегда остаться единственным (но кто может ручаться за что-нибудь в таких делах?). И для него и для нее с тех пор много воды утекло, но когда бы врач ни появилась в капитанской каюте, он ощущал словно бы мимолетный отзвук былого, она чувствовала, что он ее не забыл, и оба были довольны.

— Билл,— начала она,— я осмотрела наших альпинистов, и вот мое заключение: Карл и Джо в добром здравии, и если учесть, какую работу они проделали, то все показатели у них в норме. А вот у Уилла явные признаки переутомления и мышечного истощения. Не стану докучать тебе деталями, но думаю, что он просто не выполнял всех положенных физических упражнений. И если б он был одинок в своей лени! На центрифуге ловчат сплошь и рядом — того и гляди, докатимся до морской болезни. Пожалуйста, скажи им свое слово.

— Слушаюсь, мадам. Но отчасти их можно и извинить. У команды было очень много работы...

— Умственной — да. Пальцами по кнопкам — тоже да. Но не работы в прямом смысле слова, не такой, какую можно выразить в килограммометрах. А здесь мы столкнемся с такой и прежде всего с такой работой. Если, конечно, собираемся продолжать исследования.

— Значит, ты разрешаешь их продолжать?

— Да, только без лихачества. Мы с Карлом подготовили примерный план, вполне умеренный. Мы исходили из предположения, что ниже второго уровня можно дышать без кислородных приборов. Это, конечно, невероятная удача, меняющая все прежние расчеты. Никак не могу освоиться с мыслью, что мы попали в кислородный мир... Остается лишь обеспечить людей водой и пищей, защитить их от холода — и дело в шляпе. Спуститься будет легче легкого — похоже, бóльшую часть пути удастся проделать по перилам, словно нарочно для этого созданным...

— Я уже засадил техников за разработку специальных санок с парашютными тормозами. Даже если мы не рискнем сесть на них сами, используем для припасов и снаряжения.

— Прекрасно — это сократит спуск до десяти минут. Без саней он занял бы около часа. Труднее установить время, необходимое на обратный путь. Мне представляется, что на подъем надо отвести часов шесть, включая две остановки на отдых по часу каждая. Потом, когда мы наберемся опыта, а наши мышцы — силы, это время, быть может, удастся сократить...

— А как насчет психологических факторов?

— Обстановка столь непривычна, что однозначно и не ответишь. Главная из проблем, по всей вероятности, темнота...

— А что, если установить у начала трапа прожектор? Партии, спускающиеся вниз, будут непрерывно ощущать на себе его лучи.

— Хорошая идея. Это может нам серьезно помочь.

— Еще один вопрос: надо ли посылать вторую группу лишь до середины лестницы, а потом назад, или можно проделать весь путь с первой попытки?

— Если бы у нас было время, я бы предпочла первое. Но времени в обрез, и я не вижу, почему бы не спуститься сразу до конца — и хорошенько осмотреться внизу...

— Спасибо, Лаура, это все, что мне хотелось у тебя узнать. Первый помощник отработает детали. И еще я прикажу всем членам экипажа ежедневно тренироваться на центрифуге — по двадцать минут в день при половине *g*. Это тебя устроит?

— Нет. Там внизу на равнине ноль целых шесть десятых, и я хочу иметь некоторый запас «прочности». Пусть будет три четверти *g*...

— Ух!..

— ...по десять минут...

— Ладно, я договорюсь...

— ...два раза в день.

— Лаура, ты жестокая, бессердечная женщина. Ну, да будет так. Я оповещу о твоем решении перед обедом. Кое-кому оно, наверное, испортит аппетит.

Никогда раньше капитан Нортон не замечал, чтобы Карлу Мерсеру было не по себе. Вот уже четверть часа Карл обсуждал с капитаном вопросы снабжения, высказывался, как всегда, компетентно, но что-то его явно тревожило. Проницательный капитан догадывался, что именно, но терпеливо ждал, когда помощник решится сказать все сам.

— Шкипер,— произнес Карл наконец,— вы уверены, что должны лично возглавить партию? Если что-нибудь выйдет не так, мной пожертвовать значительно проще. Да к тому же я уже спускался глубже, чем кто-либо другой, пусть на какие-то пятьдесят метров, но глубже...

— Само собой. Однако пробил час, когда командир обязан лично повести свои войска. И ведь мы пришли к выводу, что риска в этом спуске вряд ли больше, чем в предыдущем. При первых признаках опасности я взлечу по этой лестнице обратно со скоростью, достойной кандидата на Лунные Олимпийские...— Он ожидал дальнейших возражений, но их не последовало, хотя вид у Карла был совершенно несчастный. Нортон пожалел его и добавил мягко: — И ручаюсь, Джо на финише обгонит меня...

Великан Мерсер смягчился, и улыбка медленно осветила его лицо.

— Все равно, Билл, я хотел бы, чтобы ты выбрал кого-нибудь другого...

— Мне нужен по крайней мере один человек, который уже был внизу, а мы с тобой вместе идти не можем. Наш профессор, сержант Майрон, тоже не годится: Лаура утверждает, что в нем до сих пор два кило лишнего весу. Ему даже усы сбрили — и то не помогло...

— А кто у тебя намечен третьим номером?

— Сам еще не решил. Это зависит от Лауры.

— Она хочет идти сама.

— А кто не хочет? Вот если в составленном ею списке кандидатов наивысший коэффициент годности окажется у нее самой, тогда придется и впрямь заподозрить неладное...

Когда капитан-лейтенант Мерсер собрал свои бумаги и выплыл из каюты, Нортон ощутил мимолетный укол зависти. Почти все в команде — восемьдесят пять процентов ее, по самой скромной оценке,— нашли на борту корабля выход своим чувствам и привязанностям. Он знавал капитанов, которые поступали точно так же, но не считал возможным подражать им. Хотя дисциплина на «Индеворе» основывалась прежде всего на взаимном уважении умных, высококвалифицированных специалистов — мужчин и женщин, командир занимал особое положение и должен был как-то подчеркнуть это. Ответственность, возложенная на него, была настолько велика, что требовала определенного отчуждения от всех, даже от ближайших друзей. Выдели он кого-нибудь — и моральному состоянию экипажа был бы нанесен серьезный урон: почти наверняка его обвинили бы в пристрастии. По этой-то причине на флоте резко неодобрительно относились к связям между людьми, разделенными более чем двумя ступеньками служебной лестницы; не считая этого неписаного закона, существовало лишь одно правило, регулирующее личную жизнь космонавтов: «Не выясняйте отношений в коридорах — не пугайте шимпанзе».

На борту «Индевора» находилась четверка супершимпанзе. Строго говоря, подобное наименование было неточным — с научной точки зрения обезьяний

экипаж корабля не имел с шимпанзе ничего общего. В условиях невесомости хватательный хвост представлял собой неоценимое преимущество, а все попытки снабдить подобным приспособлением людей не увенчались успехом. Опыты с человекообразными обезьянами оказались столь же неудовлетворительными, и тогда компания, успевшая присвоить себе наименование «Супершимпанзе корпорейшн», обратила свои взоры к их низшим собратьям.

Блэки, Блонди, Голди и Брауни. Их родословная восходила к наиболее смышленым обезьянкам Старого и Нового Света, и к генам многих видов были еще добавлены искусственные, никогда не существовавшие в природе. Вырастить их и обучить стоило, наверное, не меньше, чем подготовить среднего космонавта, но они того заслуживали. Каждая весила менее тридцати килограммов и потребляла кислорода и пищи вдвое меньше человека, но при уборке помещений, приготовлении простых блюд, переноске инструментов и на других элементарных работах заменяла практически трех членов команды.

Эффективность 2,75 — эту цифру вывела сама корпорация на основе бесчисленных хронометрических наблюдений. Цифра ошеломляла, ее нередко оспаривали, но, судя по всему, она была верна: суперобезьяны с радостью трудились по пятнадцать часов в сутки, не отказываясь от самой грязной, самой нудной работы. А людям оставались дела, воистину достойные человека; на космическом корабле это приобретало жизненно важное значение.

Не в пример обезьянам, своим ближайшим сородичам, «суперы», приписанные к «Индевору», были понятливы, послушны и нелюбопытны. Выведенные искусственным путем, они отличались также бесполостью, что само по себе снимало множество проблем. Их воспитали убежденными вегетарианцами, приучили к опрятности, они не издавали никаких запахов; из них получились бы замечательные комнатные зверушки, если бы обзавестись таким любимцем оказалось кому-нибудь по карману.

Но, конечно, присутствие «суперов» на борту вызывало и определенные трудности. Пришлось выделить им отдельное помещение, которое не замедлили окрестить «обезьянником». Маленькая их каютка блистала чистотой; в распоряжение «суперов» предоставили телевизор, игры, программированные обучающие машины. Во избежание инцидентов им было категорически воспрещено переступать порог технических служб корабля; соответствующие двери выкрасили в красный цвет, а у шимпанзе выработали условный рефлекс — преодолеть цветовой барьер стало для них психологически невозможным.

Неизбежно возникала и проблема общения. КИ, коэффициент интеллектуальности, у «суперов» достигал примерно 60, они понимали несколько сотен английских слов, но говорить не могли. Дать обезьянам — как человекообразным, так и низшим — действующие голосовые связки оказалось задачей невыполнимой, и они были навеки обречены изъясняться на языке жестов.

Основные жесты были самоочевидными, легко запоминались, и буквально каждый на борту умел обменяться с «суперами» двумя-тремя простыми фразами. Но в совершенстве владел обезьяньим «языком» лишь один человек — их попечитель, старший стюард Макэндрюс.

Бытовала шутка, что сержант Рэви Макэндрюс и сам стал похож на обезьяну. Вряд ли эта шутка могла восприниматься как оскорбление — «суперы» с

их короткой, чуть подцвеченной шерстью и грациозными движениями были просто красивы. Мало того, они были еще и ласковы, и у каждого из членов экипажа была своя любимица; симпатии капитана Нортона принадлежали Голди.

Однако легкость, с которой супершимпанзе привязывались к человеку, а человек — к шимпанзе, порождала еще одну проблему, и ее частенько использовали как серьезный аргумент против посылки «суперов» в космос. Поскольку их предназначали лишь для нудного, неквалифицированного труда, то в обстоятельствах чрезвычайных они только приумножали опасность. Еще ни одного «супера» не удалось научить пользоваться космическим скафандром: необходимые навыки и представления лежали далеко за границами их понимания.

На эту тему не любили говорить, но все прекрасно знали, что надлежит делать, если в корпусе случится пробоина или если придет приказ покинуть корабль. До сих пор такое произошло лишь однажды; попечитель «суперов» исполнил предписания инструкции более чем тщательно. Его нашли возле своих питомцев — он отравился тем же самым ядом. С тех пор задача усыпить шимпанзе в случае крайней необходимости возлагалась на старшего корабельного врача — считалось, что он способен на большую бесстрастность.

Нортон был признателен начальству за то, что хоть эта обязанность не легла на плечи капитана. Он знавал немало людей, на которых ему поднять руку было бы куда легче, чем на Голди.

12
ЛЕСТНИЦА БОГОВ

В прозрачной застывшей атмосфере Рамы луч прожектора был совершенно невидим. Но в трех километрах от центральной оси на ступени исполинской лестницы лег стометровый овал света. Сверкающий оазис среди окрестной тьмы, он медленно перемещался к вогнутой равнине, расстилавшейся еще в пяти километрах ниже, а в центре овала, отбрасывая перед собой длинные тени, двигались три маленькие фигурки.

Как они и ожидали, а вернее, как и надеялись, спуск прошел без каких бы то ни было неожиданностей. На первой площадке они сделали короткую остановку, и Нортон совершил небольшую прогулку по узкому кольцевому уступу, затем по перилам соскользнул на следующий уровень. Здесь они сбросили кислородные приборы и предались непривычной роскоши — дышать без каких бы то ни было механических устройств. Теперь, избавившись от величайшей из опасностей, подстерегающих человека в пространстве, и перестав тревожиться о герметичности костюма и запасах кислорода, они могли продолжать исследования в самых благоприятных условиях.

К тому времени, когда они достигли пятого уровня и впереди оставался последний пролет, притяжение возросло почти до половины земного. Скорость вращения Рамы наконец-то дала о себе знать в полной мере; они вынужденно

подчинялись неумолимой силе, которая правит планетами, а подчас взимает беспощадно высокую плату за малейшую ошибку. Спускаться было по-прежнему легко, но в сознание уже закрадывалась мысль о возвращении — тысячи ступеней вверх, а следом — новые тысячи...

Головокружительно крутая лестница давно сменилась пологой и теперь постепенно выравнивалась до горизонтали. Уклон составлял теперь лишь 1:5, а ведь вначале был 5:1. Стало вполне возможно — и физически, и психологически — идти самым нормальным шагом; если бы не пониженная гравитация, они могли бы вообразить, что спускаются по какой-то грандиозной лестнице на Земле. Нортону однажды случилось осматривать развалины ацтекского храма — здесь к нему вернулись те же чувства, что он испытал тогда, но умноженные во сто крат. Благоговение, тайна и печаль, печаль по прошлому, сгинувшему безвозвратно. Однако здесь масштабы были настолько больше — и во времени, и в пространстве,— что мозг отказывался оценить их по достоинству, а потом и просто перестал воспринимать.

«Интересно,— подумал Нортон,— скоро ли мы начнем считать Раму чем-то само собой разумеющимся?..»

Положительно все земные ассоциации рушились, не успев возникнуть. Рама был в сотни раз старше любого сооружения, уцелевшего на Земле, в сотни раз древнее Великой пирамиды. Но в то же время все, чего касался взгляд, выглядело как с иголочки, без малейших признаков старения.

Нортон уже задумывался над этим загадочным явлением, пытаясь найти ему объяснение. В конце концов, то, что они видели до сих пор, составляло лишь вспомогательную, аварийную систему, которой фактически почти никогда не пользовались. Мыслимое ли дело, чтобы рамане действительно лазали вверх и вниз по этой невероятной лестнице, а равно по двум другим, сплетающимся в невидимый трилистник где-то высоко-высоко над головой? Разве что они были фанатиками физических упражнений — впрочем, на Земле таких не слишком мало... Но, скорее, все эти лестницы нужны были лишь в процессе сборки Рамы и с того давнего дня не служили никакой конкретной цели. На мгновение Нортону показалось, что эта теория и вправду все объясняет, но нет, она тоже не годилась. Что-то тут было не так, определенно не так...

Последний километр они преодолели, шагая через ступеньку долгими, мягкими шагами: Нортон решил, что надо дать более существенную нагрузку мускулам, которые им вскоре очень пригодятся. И конец лестницы застал их почти врасплох — просто впереди не осталось ступеней, только плоская равнина, мутно-серая в слабнущем свете осевого прожектора, да и этот свет еще через несколько сотен метров сливался с тьмой...

Нортон бросил взгляд в ту сторону, откуда падал луч,— до его источника на оси отсюда было больше восьми километров. Он понимал, что Мерсер, вероятно, смотрит на них в телескоп, и весело помахал ему рукой.

— Говорит капитан,— произнес он в микрофон.— Все в добром здравии, никаких осложнений. Продвигаемся, как намечали.

— Рад слышать,— откликнулся Мерсер.— Наблюдаем за вами.

Короткая пауза — и в разговор вмешался новый голос.

— Говорит первый помощник. Я на борту корабля. Послушайте, шкипер, так все-таки не пойдет. Вы же знаете, что Служба новостей не дает нам покоя уже целую неделю. Не требую от вас высокого слога, но дайте хоть какие-нибудь подробности!..

— Попытаюсь,— усмехнулся Нортон.— Но учтите, видеть пока, собственно, нечего. Мы словно... словно на огромной затемненной сцене, где горит один-единственный софит. Со сцены вверх поднимается лестница, поднимается и исчезает во мраке — видна, наверное, сотня ступеней или чуть больше. А равнина вокруг выглядит совершенно ровной, изгиб слишком мал, чтобы заметить его на такой ограниченной площади. Вот, пожалуй, и все...

— И никаких других впечатлений?

— Ну, по-прежнему очень холодно — ниже нуля, хорошо, что костюмы у нас термические. И разумеется, тихо, тише, чем где бы то ни было на Земле или даже в космосе,— ведь на корабле всегда есть хоть какой-то шумовой фон. Здесь поглощаются все и всякие звуки, окружающее нас пространство так велико, что гасит любое эхо. Ощущение странное, но, надеюсь, мы привыкнем...

— Спасибо, шкипер. Кто хочет что-нибудь добавить? Джо, Борис?..

Лейтенант Джо Колверт никогда не лез за словом в карман. Он и теперь не растерялся:

— Все время думаю: ведь это впервые — впервые! — человек попал в мир, где можно дышать естественной атмосферой. Хотя, наверное, слово «естественная» не очень-то применимо в подобных обстоятельствах... И тем не менее Рама должен в определенной степени походить на ту планету, откуда прибыли его создатели. Разве наши космические корабли, каждый из них, не повторяют в миниатюре Землю? Два примера — это, конечно, чертовски мало, но как тут не подумать, что, быть может, все разумные существа дышат кислородом... По тому, что мы видим, можно предположить, что рамане были гуманоидами, только раза в полтора выше нас. Ты не согласен со мной, Борис?..

«Он что, нарочно дразнит Бориса? — спросил себя Нортон.— Интересно, каков будет ответ?..»

Для своих товарищей по экипажу Борис Родриго оставался непостижимой загадкой. Он был офицером связи, держался всегда спокойно, с достоинством, его любили, но в общих развлечениях он участвовал лишь постольку поскольку и, казалось, был слегка отдален от всех, словно прислушивался к музыке, слышной ему одному.

Так оно, в сущности, и было: Борис ревностно веровал в догмы пятой христианской, иначе «космической», церкви. Нортон, правда, не сумел установить для себя, что случилось с предыдущими четырьмя; в равной мере пребывал он в неведении и по части требуемых религией ритуалов и церемоний. Но главный догмат «пятой космической» был известен достаточно широко: ее приверженцы утверждали, что Иисус Христос снизошел на Землю из космоса, и на этой зыбкой почве возвели целое теологическое здание.

Нет ничего удивительного в том, что большинство адептов этого учения стремились получить работу в космосе. К тому же они неизменно оказывались

умелыми и добросовестными работниками, заслуживающими полного доверия. К ним повсеместно относились с уважением и даже с симпатией, особенно если они не пытались обратить в свою веру других. И все-таки не нелепо ли, не дико ли: люди с такой развернутой научной и технической подготовкой — и вдруг всерьез верят, как в истину, во всякую белиберду?

Поджидая, пока лейтенант Родриго найдет ответ на заданный ему, по-видимому не без злого умысла, вопрос, капитан внезапно осознал и мотивы своего собственного выбора. Он предпочел Бориса потому, что тот был физически крепок, технически хорошо подготовлен, безусловно достоин доверия. И в то же время, если не кривить душой, не руководствовался ли он отчасти обыкновенным и почти озорным любопытством? Как человек с убеждениями Бориса будет реагировать на внушающую благоговейный трепет реальность Рамы? Что, если он натолкнется на нечто, опровергающее все его верования или, напротив, подтверждающее их?

Но Борис Родриго оказался, как всегда, осмотрительным и не пожелал ввязываться в спор.

— Дышали ли они кислородом? Конечно. Были ли гуманоидами? Возможно. Поживем — увидим. Если нам повезет, то вскоре мы установим, как они выглядели. Найдем картины, статуи, быть может, и тела. Вон там, в городах. Впрочем, города ли это?..

— До ближайшего всего-то восемь километров,— произнес Джо Колверт веселым тоном.

«Так-то оно так,— подумал капитан,— но потом и восемь километров обратно. А еще карабкаться по этой чудовищной лестнице вверх. Не слишком ли это рискованно?..»

Молниеносная вылазка в сторону «города», названного Парижем, действительно входила в число его ближайших планов, и теперь оставалось лишь окончательно решить: да или нет. Пищи и воды у них хватит на двадцать четыре часа; они будут все время на глазах у команды обеспечения, оставшейся близ оси, да и что, в сущности, может с ними случиться на этой гладкой, чуть изогнутой металлической равнине? Единственная опасность, какую он мог предвидеть,— переутомление: добраться до Парижа несложно, но многое ли они там успеют, прежде чем изнеможение вынудит их вернуться? Сделать несколько фотоснимков и, если выйдет, подобрать парочку мелких сувениров?

Однако даже самый непродолжительный набег на Париж стоил того, чтобы его совершить: времени было в обрез, Рама мчался к перигелию, туда, куда «Индевор» последовать за ним не сможет.

И к тому же решение зависело отнюдь не только от Нортона. Вдалеке от них, в каюте корабля, доктор Эрнст внимательно следила за данными биотелеметрических систем, датчики которых были закреплены у него на теле. Если она придет к выводу, что хватит, ему останется только подчиниться.

— Лаура, что скажешь?

— Отдохните с полчаса, примите по пятьсот калорий — и можете двигаться дальше.

— Спасибо, док,— вмешался Колверт.— Теперь я могу умереть спокойно. Я всегда мечтал побывать в Париже. Жди нас, Монмартр!..

13
РАВНИНА РАМЫ

После нескончаемых лестниц странной роскошью казалось просто идти, шагать по горизонтальной поверхности. Прямо перед ними она и в самом деле представлялась совершенно плоской, хотя левее и правее, к границам освещенной площади, становился заметен легкий изгиб. Словно они шли по очень широкой и неглубокой долине; никак не верилось, что в действительности они движутся внутри исполинского цилиндра и что за краем пятнышка света земля взмывает вверх и вверх, пока не смыкается с небом — нет, становится небом.

Невзирая на всю свою самоуверенность и еле сдерживаемое возбуждение, здесь они особенно ощутили нависшую вокруг тишину — она была такой плотной, что, казалось, ее можно было потрогать. Шаги и слова мгновенно растворялись во всепоглощающей пустоте; не прошли они и полукилометра, как лейтенант Колверт понял, что не в силах больше этого вынести.

Среди многочисленных его дарований был талант, встречающийся все реже — хотя некоторые и полагают, что все же слишком часто,— искусство свиста. По просьбе слушателей, да и по собственному почину он мог воспроизвести мелодии из большинства кинофильмов за последние двести лет. На сей раз он начал с марша из «Белоснежки» Диснея, но обнаружил, что не выдерживает соревнования с веселыми гномами на басах, и быстренько переключился на «Реку Квай». Затем он перебрал более или менее в хронологическом порядке еще с полдюжины боевиков и закончил свои упражнения музыкальной темой из знаменитого фильма «Наполеон», снятого в конце XX века режиссером Сидом Крассманом.

Свистел он хорошо, только его попытка приободрить себя и других успеха не имела. Рама требовал величия Баха, Бетховена, Сибелиуса или Туана Суна, а не обыденных популярных песенок. Нортон уже готов был попросить Джо поберечь дыхание на обратный путь, но молодой офицер и сам осознал тщету собственных усилий. С этой секунды, если не считать эпизодических переговоров с кораблем, они двигались в полном молчании. Рама выиграл первый раунд.

Даже в этой сугубо предварительной экспедиции Нортон позволил себе сделать небольшой крюк. Париж лежал прямо впереди, на полпути между подножием лестницы и берегом Цилиндрического моря, но в каком-нибудь километре вправо находилось очень приметное и весьма загадочное образование, которое они нарекли Прямой долиной. Длинная борозда или траншея с наклонными стенками — сорок метров в глубину, сто в ширину — издали напоминала ирригационный ров или канал. Как и у лестницы, у траншеи были два двойника, расположенные на равных расстояниях по окружности Рамы.

Каждая из трех долин протянулась почти на десять километров и неподалеку от моря внезапно обрывалась — это было непонятно, если каналы и впрямь предназначались для воды. А на противоположном берегу моря повторялась та же картина: еще три десятикилометровые траншеи пролегли почти до самого Южного полюса.

Четверть часа неторопливой ходьбы — и они, достигнув края Прямой долины, задумчиво уставились в ее глубины. Боковые склоны, идеально гладкие, устремлялись вниз под углом шестьдесят градусов, и нигде не видно было ни ступенек, ни какой-либо другой опоры для ног. Дно долины представляло собой зеркальный лист какого-то белого вещества, весьма похожего на лед. Нортон решил добыть образчик этого вещества, что сразу бы положило конец многим спорам.

Колверт и Родриго играли роль якорей: они помалу вытравливали канат, а Нортон медленно переступал вниз по крутому склону. Капитан приготовился, коснувшись дна, ощутить подошвами привычную скользкость льда, но ничего подобного. Трение было много выше, опасность поскользнуться здесь не угрожала. Вещество дна — не то стекло, не то какой-то полупрозрачный кристалл,— когда он дотронулся до него пальцами, оказалось холодным, твердым и неподатливым.

Повернувшись спиной к прожектору и защитив глаза ладонями, Нортон попытался всмотреться в кристаллические бездны под ногами — ведь удается же иногда увидеть что-то сквозь лед замерзшего озера. Но на этот раз ничего не вышло; не помог и узкий луч шлемового фонаря. Вещество просвечивало, но все-таки было непрозрачным. Если это какая-то застывшая жидкость, то тает она при температуре много более высокой, чем вода.

Он легонько постучал по дну геологическим молотком — молоток отскочил с глухим немузыкальным звуком. Стукнув порезче — вновь безрезультатно,— Нортон уже собирался ударить в полную силу, но, повинуясь неожиданному импульсу, отвел руку.

Крайне маловероятно, что ему удастся расколоть это вещество, ну а если все-таки удастся? Не будет ли это поступком дикаря, разбившего вдребезги исполинскую зеркальную витрину? Случай добыть образцы еще представится, а сейчас он по крайней мере получил ценную информацию. По всей видимости, это не канал, а просто диковинная траншея без начала и конца. Если здесь когда-либо текла жидкость, то где пятна, где натеки от засохших брызг? Все чистенькое, новенькое, словно строители ушли отсюда только вчера...

И вновь он оказался лицом к лицу с главной тайной Рамы и не вправе был больше уклоняться от нее. Нортон не мог пожаловаться на отсутствие воображения, но он никогда не стал бы капитаном, если бы позволял себе необузданные взлеты фантазии. Тем не менее сейчас, впервые в жизни, он поддался какому-то странному предчувствию. Все вокруг оказалось вовсе не тем, чем представлялось поначалу; странное, очень странное это место, где вещи, насчитывающие миллионы лет, выглядят как с иголочки...

Погруженный в размышления, он медленно шел по дну долины. Товарищи, не выпуская из рук веревки, привязанной к его поясу, двигались следом по краю обрыва. Нортон не ждал от своей прогулки новых открытий, просто ему нужно было время, чтобы определиться. Дело было не только в необъяснимой новизне Рамы: его тревожило что-то совсем, совсем другое...

Он не прошел и десятка метров, как вдруг замер, точно пораженный громом.

Он узнал это место. Он уже был здесь! Даже на Земле или на другой знакомой планете подобное ощущение не из приятных, хотя и не такое уж редкое. Большинство людей время от времени испытывали это чувство, испытывали и отгоняли: виновата мол, какая-нибудь позабытая фотография или просто совпадение; меньшинство, склонное к мистике, искало объяснения в телепатии или даже истолковывало такие мгновения как озарение.

Но узнать место, какого не видела и не могла видеть ни одна человеческая душа,— это было уж слишком! Секунд десять капитан Нортон стоял как пригвожденный к гладкой кристаллической поверхности дна, стараясь собраться с мыслями. Казалось, все его доселе упорядоченные воззрения полетели вверх тормашками, будто он бросил взгляд в головокружительную пропасть на границе познания, которую благополучно игнорировал бóльшую часть своей жизни.

Затем, к огромному его облегчению, на помощь пришел здравый смысл. Тревожное чувство, что это он уже видел, улетучилось, уступив место подлинному и достаточно четкому воспоминанию юности.

Совершенно верно — однажды он уже стоял между такими же круто падающими склонами, глядя, как они сливаются в бесконечной дали. Но те склоны покрывала аккуратная стриженая травка, а под ногами был не гладкий кристалл, а щебень. Это случилось в Англии, на летних каникулах тридцать лет назад. Главным образом под влиянием своей приятельницы-студентки (он ясно помнил ее лицо, но начисто забыл имя) Нортон записался на занятия по индустриальной археологии, очень популярной в те времена среди начинающих ученых и инженеров. Они обследовали заброшенные угольные шахты и ткацкие фабрики, карабкались по остовам разрушенных домен и паровых машин, таращили глаза на примитивные (и все еще опасные) ядерные реакторы, водили нелепые рыдваны с турбинными двигателями по реставрированным автострадам.

Отнюдь не все, что им показывали, было подлинниками; многое затерялось в веках — ведь человек почти не заботится о сохранности предметов своего повседневного быта. Но когда возникала нужда воссоздать что-то в копии, это делалось с неизменной любовью и тщательностью.

И однажды юный Билл Нортон оказался на паровозе, который выглядел двухсотлетним патриархом, а на деле был моложе Билла; он яростно швырял в топку драгоценный уголь, а паровоз катился вперед с развеселой скоростью сто километров в час. Впрочем, тридцатикилометровый отрезок Великой Западной железной дороги, по которому они ехали, был самым настоящим, хотя его и пришлось, прежде чем вернуть к жизни, в буквальном смысле слова выкопать из-под земли.

С пронзительным свистом паровоз нырнул прямо в середину холма и понесся сквозь дымную, озаренную искрами тьму. Прошли удивительно долгие минуты, и наконец они вырвались из туннеля в глубокую и совершенно прямую выемку с крутыми, заросшими травой откосами. Эта давно забытая перспектива и была почти идентична той, которая открывалась перед ним здесь.

— Что стряслось, шкипер? — окликнул его лейтенант Родриго.— Нашли что-нибудь интересное?

Нортон усилием воли вернул себя к реальности. Да, вокруг была, несомненно, тайна, но человек должен и способен ее понять. Он получил урок, пусть и не такой, каким хочется тут же поделиться с другими. Чего бы это ни стоило, нельзя позволить Раме ошеломить себя. Случись такое — и неизбежен провал, а может статься, и безумие.

— Да нет,— ответил он,— ничего особенного. Тащите меня наверх, мы направляемся прямо в Париж.

14
ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

— Я пригласил вас на данное заседание,— заявил председатель,— в связи с тем, что доктор Перера хочет сообщить нам нечто чрезвычайно важное. Он настаивает, чтобы мы немедленно связались с капитаном Нортоном, используя то самое внеочередное право, которого, смею заметить, нам удалось добиться с таким трудом. Однако заявление доктора Переры носит довольно специфический характер, и, прежде чем мы предоставим ему слово, я предлагаю заслушать отчет о проделанной работе, который подготовила доктор Прайс. Да, вот еще что — отсутствующие просили передать свои извинения. Сэр Льюис Сэндс не может быть с нами, так как в настоящий момент председательствует на научной конференции, и доктор Тейлор также просил извинить его...

Это последнее обстоятельство, признаться, радовало Боуза. Антрополог потерял к Раме всякий интерес, едва стало ясно, что лично ему широкого поля деятельности не представится. Как и многие другие, он испытал горькое разочарование, узнав, что движущийся мирок мертв; теперь, конечно, нечего и ждать ни материала для сенсационных книг, ни видеопередач, посвященных ритуалам и обычаям раман. Пусть кто хочет выкапывает скелеты и классифицирует находки — такого рода вещи Конрада Тейлора не привлекали. Единственное, что еще, пожалуй, могло бы заставить его вернуться в комитет,— это какие-нибудь оставленные раманами выдающиеся произведения искусства, подобные, например, знаменитым фрескам Теры и Помпеи.

Тельма Прайс, археолог, придерживалась диаметрально противоположной точки зрения. Она предпочитала раскопки и руины, свободные от обитателей, которые только создают суматоху, несовместимую с бесстрастными научными исследованиями. Дно Средиземного моря в этом смысле было идеальной зоной — по крайней мере до тех пор, пока под ногами не стали путаться проектировщики городов и художники по ландшафту. Рама был бы еще ближе к идеалу, если бы не доводящая до бешенства мысль, что он находится за сто миллионов километров и она никогда не сможет наведаться туда собственной персоной.

— Как вы уже знаете,— начала она,— капитан Нортон совершил пока одну экспедицию протяженностью почти тридцать километров, не встретив никаких серьезных трудностей. Он обследовал своеобразную траншею, обозначенную на ваших картах как Прямая долина; назначение ее по-прежнему неясно,

хотя очевидно, что она играет важную роль, ибо, как и две аналогичные долины, тянется во всю длину Рамы и прерывается лишь в районе Цилиндрического моря.

Затем экспедиция повернула влево — или на восток, если ориентироваться по Северному полюсу,— и достигла Парижа. Как видно на этой фотографии, снятой телескопической камерой от оси, Париж представляет собой несколько сотен строений, разделенных широкими улицами.

А вот эти фотографии сделаны группой капитана Нортона непосредственно на месте. Если Париж действительно город, то город очень странный. Обратите внимание — ни в одном из строений нет ни окон, ни дверей! Это гладкостенные прямоугольные сооружения одинаковой тридцатипятиметровой высоты. И кажется, что они так и отштампованы вместе с корпусом — ни швов, ни стыков,— взгляните на этот снимок крупным планом, и вы увидите, что стены плавно смыкаются с основанием...

Мое личное мнение таково, что это вовсе не жилые помещения, а какие-то склады или гаражи. В поддержку моей гипотезы говорит, к примеру, вот эта фотография... Такие прорези или желобки, сантиметров по пять шириной, бегут буквально по всем улицам, более того, подходят к каждому строению и упираются в глухую стену. Они поразительно напоминают трамвайные пути начала XX века и, очевидно, являются частью какой-то транспортной системы.

Мы никогда не задавались целью подводить общественный транспорт к каждому отдельному дому. Это же экономически нелепо — куда проще, чтобы человек прогулялся полквартала. Но если в этих строениях размещены склады каких-нибудь тяжелых материалов, тогда такая мера приобретает смысл...

— Могу я задать вопрос? — осведомился представитель Земли.

— Разумеется, сэр Роберт.

— Неужели капитан Нортон не сумел проникнуть ни в одно из этих строений?

— Нет, не сумел. Прослушав его доклад, вы поймете, что он и сам был очень расстроен. Сначала он решил, что проникнуть внутрь можно только из-под пола, потом обнаружил желобки транспортной системы и изменил свое мнение...

— Но он хоть пытался?..

— А что он мог сделать без взрывчатки или специальных инструментов? Естественно, что он и не хотел прибегать к подобным средствам, не испытав все другие возможности.

— Понятно! — воскликнул вдруг Деннис Соломонс.— Техника кокона!..

— Извините, не поняла...

— Техника кокона — методика, разработанная лет двести назад,— продолжал историк.— Ее не без иронии называли «защитой от моли». Для предохранения от порчи предмет покрывают пластмассовой оболочкой, которую заполняют инертным газом. Первоначально так хранили военное снаряжение между войнами — представьте себе, укутывали целые корабли. Да и сейчас к этой методике прибегают в музеях, испытывающих нехватку складских помещений. Ни одна живая душа не знает, что именно содержат в себе иные коконы вековой давности в подвалах Смитсоновского института...

Долготерпение не принадлежало к числу добродетелей Карлайла Переры; он жаждал швырнуть заготовленную им бомбу и более сдерживаться не мог.

— Господин председатель, разрешите мне!.. Все это очень интересно, но мне кажется, что информация, которой располагаю я, носит более срочный характер...

— Если у присутствующих нет возражений... Прошу вас, доктор Перера.

Не в пример Конраду Тейлору экзобиолог отнюдь не считал, что Рама обманул его ожидания, правда, он уже не надеялся встретить там жизнь, но был совершенно уверен, что рано или поздно удастся найти останки существ, построивших этот фантастический мир. Ведь исследования едва начались... Правда, времени на них осталось ужасающе мало — считанные дни, и «Индевору» придется спасаться бегством, чтобы невзначай не коснуться Солнца...

Хуже того: если верны его вчерашние вычисления, контакт человека с Рамой окажется еще кратковременнее, чем предполагалось. Потому что абсолютно все проглядели одну деталь...

— Согласно последним данным,— начал он,— одна группа сейчас движется к Цилиндрическому морю, а другая во главе с капитаном Нортоном разбивает опорную базу у подножия лестницы Альфа. Затем капитан намерен снаряжать по два отряда одновременно. Людей у него немного, и он надеется, что таким образом их удастся использовать с максимальной эффективностью.

План неплох, если только у Нортона останется время на его выполнение. Я посоветовал бы капитану немедленно объявить тревогу и приготовиться к полной эвакуации через двенадцать часов. Нет, нет, позвольте, я объясню...

Удивительно, что никто пока не обратил внимания на бросающуюся в глаза аномалию. Рама давно уже пересек орбиту Венеры, а внутри его до сих пор мороз. Но ведь внешняя температура объекта, освещенного прямыми лучами Солнца, на таком расстоянии достигает пятисот по Цельсию!

Дело в том, разумеется, что Рама просто́ еще не успел разогреться. В межзвездном пространстве он должен был остыть почти до абсолютного нуля — до минус двухсот семидесяти. Сейчас по мере приближения к Солнцу внешние слои корпуса раскалились почти до точки плавления свинца. А внутри еще держится холод — нужно время, чтобы тепло проникло сквозь километровую толщу металла.

Есть такое изысканное десертное блюдо, горячее снаружи, но с мороженым в середине — не помню, как оно называется...

— «Запеченная Аляска». Его, к сожалению, частенько подают у нас на межпланетных банкетах...

— Благодарю вас, сэр Роберт. Именно такова в настоящий момент и ситуация на Раме. Но продлится она недолго. Многие недели солнечное тепло прокладывало себе дорогу внутрь цилиндра, и буквально в ближайшие часы можно ожидать резкого подъема температуры. Однако проблема не в этом — к тому времени, когда нам так или иначе придется покинуть Раму, климат там будет не жарче умеренно тропического...

— Тогда в чем же дело?

— Могу ответить в двух словах, господин председатель. Поднимутся ураганы.

15
БЕРЕГ МОРЯ

Число мужчин и женщин внутри Рамы уже перевалило за двадцать — шестеро трудились внизу, на равнине, остальные переносили оборудование и инструменты сквозь систему воздушных шлюзов и спускали их вниз по лестнице. Корабль был почти покинут, не считая минимального штата дежурных; кто-то пошутил, что «Индевором» теперь заправляет четверка обезьян, а Голди исполняет обязанности капитана.

Для первых исследовательских групп Нортон ввел несколько непреложных правил. Основное из них впервые было установлено еще на заре космических вылазок человечества: в каждую группу должен входить один из участников предшествовавших экспедиций. Но не более чем один — чтобы каждый из членов экипажа освоился с пребыванием внутри Рамы в предельно короткий срок.

Вот почему в группу, которая направилась к Цилиндрическому морю и которую возглавила Лаура Эрнст, включили и «ветерана» Бориса Родриго, только что вернувшегося из Парижа. Третьим был сержант Питер Руссо, специалист по инструментам космической разведки; на этот раз он мог полагаться лишь на собственные глаза да на маленький переносный телескоп.

Переход от подножия лестницы Альфа до берега моря — чуть меньше пятнадцати километров — в условиях низкого притяжения Рамы соответствовал восьми земным километрам. Лаура Эрнст, желая доказать, что уж она-то никогда не нарушала собственных предписаний, предложила быстрый шаг. На середине пути они сделали тридцатиминутную остановку и в результате уложились в три часа — без каких бы то ни было происшествий.

Движение было донельзя монотонным — шаг за шагом сквозь заглушающую все звуки тьму. Лужица света от прожектора, перемещаясь вместе с ними, постепенно вытягивалась в длинный узкий овал; только это и доказывало, что они не топчутся на месте. Если бы группа наблюдения не вела регулярных измерений, сами путники не сумели бы определить, сколько ими пройдено — один километр, пять или десять. Они шли и шли в непроглядной ночи по однообразной, лишенной даже швов металлической равнине.

Но наконец далеко впереди, там, куда еле проникал слабнущий луч, забрезжило что-то новое. В нормальном мире это напоминало бы горизонт; присмотревшись, они увидели, что равнину пересекает резко очерченный обрыв. Они приближались к берегу моря.

— Осталось сто метров,— сообщила группа наблюдения.— Рекомендуем снизить темп.

В сущности, рекомендация была излишней: они сами уже замедлили шаг. Гладкий отвесный утес пятидесятиметровой высоты отделял уровень равнины от уровня моря — если это действительно было море, а не очередной лист загадочного кристаллического вещества. Впрочем, несмотря на предостережения Нортона — тот внушал всем и каждому, что на Раме доверяться первому впечатлению неразумно и опасно,— почти никто не сомневался, что море покрыто настоящим льдом. Но почему, по какой причине южный берег моря в

десять раз выше северного, почему там утес вздымается на полукилометровую высоту?..

Они словно подкрадывались к краю света: переднюю часть светового овала срезало точно ножом, и остаток пятна с каждым шагом становился все короче и короче. Зато далеко внизу на вогнутом экране моря появились исполинские вытянутые тени, подчеркивающие и утрирующие каждое движение. Тени, неизменные спутники людей с той самой секунды, когда они начали шагать вдоль луча, теперь, перерезанные краем утеса, как бы обрели независимость. Казалось, что это обитатели Цилиндрического моря подстерегают пришельцев, вторгшихся в их владения.

Именно здесь, на краю пятидесятиметрового обрыва, людям впервые представилась возможность по достоинству оценить кривизну внутренней поверхности Рамы. Но ведь никому никогда не доводилось видеть изогнутую ледовую гладь; зрелище действовало на нервы, и разум невольно старался истолковать его как-нибудь иначе. Даже Лауре Эрнст, которая в свое время специально изучала обманы зрения, то и дело чудилось, что она смотрит на бухту, врезанную в горизонтальную сушу, а вовсе не на море, взмывающее в небеса. Требовалось сознательное усилие воли, чтобы смириться с невероятным.

Лишь в одном направлении — строго вперед по линии, параллельной оси Рамы,— обычные представления о природе вещей оставались ненарушенными. Лишь на этой линии зрение и логика были согласны между собой. Здесь — по крайней мере в пределах нескольких километров — поверхность выглядела, да и в самом деле была плоской. Но где-то чуть дальше, там, куда не достигали их тени, куда не проникал луч прожектора, лежал остров, господствующий над Цилиндрическим морем...

— Группа наблюдения,— обратилась по радио доктор Эрнст,— будьте добры перебросить луч на Нью-Йорк...

Как только овал света скользнул от них прочь, в море, на плечи тяжко навалилась раманская ночь. Вспомнив, что у самых ног затаился невидимый теперь обрыв, люди, не сговариваясь, отступили на два-три метра. И тут, словно по мановению волшебной палочки, из темноты выплыли башни Нью-Йорка.

Сходство со стародавним Манхэттеном было, разумеется, чисто внешним — рожденное звездами эхо земного прошлого обладало своей ярко выраженной индивидуальностью. И чем дольше Лаура Эрнст разглядывала раманский Нью-Йорк, тем больше она убеждалась, что это вообще не город.

Настоящий Нью-Йорк, как и все другие города человека, никогда не был завершен и тем более не возводился по единому плану. А здесь царили строгая симметрия и шаблон, правда, настолько сложный, что рассудок не сразу принимал его. Все, что тут было, задумали и спроектировали разумные существа — задумали в целом, а потом и построили, как строят машину, предназначенную для какой-то определенной цели. И после этого она, машина, измениться уже не может.

Луч прожектора неспешно блуждал среди отдаленных башен и куполов, сомкнутых полусфер и перекрещенных трубопроводов. Временами свет, упав на какую-нибудь плоскость, отражался яркой вспышкой. Первая вспышка

едва не лишила людей дара речи — будто кто-то подал им с этого загадочного острова ответный сигнал...

И тем не менее они не могли разглядеть там ничего нового, чего не знали бы — и более детально — по снимкам, сделанным ранее. Спустя пять минут они попросили вернуть луч прожектора и двинулись по краю обрыва на восток. Казалось вполне вероятным встретить где-нибудь неподалеку лестничный марш или наклонный спуск, ведущий вниз, к морю. Одна из женщин, по натуре заядлая морячка, высказала небезынтересную догадку.

— Там, где есть море,— утверждала сержант Руби Барнс,— обязательно должны быть доки, гавани и, конечно, корабли. Каждая цивилизация строит корабли по-своему, и по тому, как это делается, можно узнать о ней практически все...

По мнению коллег Руби, ее точка зрения страдала некоторой узостью, но все же обнадеживала. Лаура Эрнст уже почти отчаялась найти спуск и решила прибегнуть к канату, когда лейтенант Родриго заметил неширокую лесенку. Она пряталась в тени за краем обрыва, так что мимо нее немудрено было и пройти: хозяева не позаботились ни о поручнях, ни даже о какой-нибудь вешке. К тому же лесенка никуда не вела, а просто под небольшим углом сбегала по пятидесятиметровой вертикальной стене и исчезала под поверхностью моря.

Внимательно осмотрев лесенку с помощью шлемовых фонарей и не обнаружив ничего опасного, Лаура с разрешения капитана Нортона спустилась вниз. Минутой позже она осторожно коснулась моря ногой.

Подошва легко скользнула по поверхности — трения почти не ощущалось, все говорило о том, что под ногами лед. Это и на самом деле был лед. Едва она стукнула по нему молотком, от удара разбежалась характерная сетка трещин, и Лаура без труда набрала множество осколков. Как только она поднесла пробирку к свету, мелкие осколки растаяли: в пробирке плескалась теперь мутноватая водичка, и Лаура дерзнула понюхать ее.

— А это не опасно? — с беспокойством в голосе осведомился оставшийся наверху Родриго.

— Поверьте, Борис,— ответила она,— если бы здесь существовали болезнетворные факторы, ускользнувшие от наших детекторов, то вся система профилактических мер потерпела бы крах еще неделю назад...

Однако в беспокойстве Бориса был свой резон. Несмотря на проведенные опыты, оставался некоторый, пусть и весьма незначительный, риск, что именно эта жидкость ядовита или способна вызвать какую-нибудь неведомую болезнь. При обычных обстоятельствах доктор Эрнст не стала бы пренебрегать даже столь мизерной вероятностью. Но времени было в обрез. И если бы даже потом пришлось посадить на карантин весь экипаж «Индевора», то и такая цена не была бы чрезмерной.

— Это вода, но пить ее не советую — пахнет гнилыми водорослями. Поскорей бы доставить ее в лабораторию...

— А как лед, выдержит нас?

— Да, крепок как скала.

— Значит, мы можем перебраться в Нью-Йорк?

— Это вы серьезно, Питер? А вы когда-нибудь пробовали пройти четыре километра по льду?

— Понимаю, к чему вы клоните. Но только представьте себе физиономии наших интендантов, попроси мы у них три пары коньков! Да если бы коньки и нашлись, немногие на борту сумели бы ими воспользоваться...

— Есть еще и другая проблема,— включился в разговор Борис Родриго.— Вы заметили, что температура поднялась уже выше нуля? Недалек час, когда лед начнет таять. Кто из космонавтов способен преодолеть четыре километра вплавь? Во всяком случае, не я...

Доктор Эрнст взобралась к ним на край обрыва и триумфальным жестом подняла вверх маленькую пробирку.

— Дальняя получилась прогулка ради нескольких кубиков грязной воды, но эта водица, надо думать, расскажет нам о Раме больше, чем все, что мы видели до сих пор. Давайте возвращаться домой.

Они повернули в сторону ослабленных расстоянием огней лагеря Альфа. Передвигаясь мягкими шагами-прыжками — такой вид ходьбы оказался здесь самым целесообразным,— они то и дело оглядывались назад, не в силах отрешиться от загадки величественного острова.

На полпути Лауре Эрнст померещилось, что она ощутила дуновение слабого ветерка.

Однако ветерок не повторился, и она тут же забыла о нем.

16
КЕАЛАКЕКУА

— Вы же прекрасно знаете, доктор Перера,— произнес с показным смирением председатель,— что мы, увы, не можем тягаться с вами в познаниях в области математической метеорологии. Сделайте милость, снизойдите к нашему невежеству...

— С удовольствием,— отозвался экзобиолог, нимало не смутившись.— Лучше всего я просто расскажу вам, что произойдет внутри Рамы в самое ближайшее время.

Солнечное тепло уже проникло внутрь цилиндра, и температура воздуха там постепенно поднимается. Согласно последним полученным мною сведениям, она уже сейчас выше точки замерзания. Цилиндрическое море вскоре начнет таять, только, не в пример водным массам на Земле, таяние будет происходить от дна к поверхности. Это, вероятно, вызовет ряд своеобразных явлений, но меня заботит главным образом состояние атмосферы.

Нагреваясь, воздух внутри Рамы будет расширяться — и соответственно подниматься от внутренней поверхности цилиндра к центральной оси. На уровне поверхности он, хотя и кажется неподвижным, в действительности движется со скоростью вращения Рамы, то есть со скоростью более восьмисот километров в час. Поднимаясь к оси, воздух будет стремиться сохранить эту скорость, что, разумеется, невозможно. В результате возникнут сильные ветры и завих-

рения — полагаю, что скорости воздушных потоков достигнут двухсот—трехсот километров в час.

Между прочим, нечто подобное происходит и на Земле. Нагретый воздух экватора движется со скоростью вращения Земли — тысяча шестьсот километров в час. И как только он поднимается и перемещается на север или на юг, возникает тот же эффект...

— А, пассаты! Как же, помню еще из школьной географии...

— Совершенно верно, сэр Роберт. На Раме будут свои пассаты, и притом сильнейшие. Думаю, что они продлятся лишь несколько часов, а затем восстановится какое-то равновесие. Но на это время я настоятельно рекомендую капитану Нортону эвакуировать людей, и сделать это следует как можно скорее. Вот текст радиограммы, которую я предлагаю послать.

«Капли воображения достаточно,— подумал Нортон,— чтобы представить, что мы просто разбили бивуак у подножия гор где-то в срединной Азии или Америке...» Куча спальных мешков, складные столы и стулья, переносная электростанция, осветительные кабели, электрические туалеты, разнообразная научная аппаратура — все это выглядело бы уместным и на Земле, тем более что вокруг суетились мужчины и женщины без кислородных приборов и масок на лицах.

Создать лагерь Альфа было делом отнюдь не простым: снаряжение пришлось тащить вручную сквозь цепь воздушных шлюзов, спускать на санях по склону, а затем подбирать и распаковывать внизу. Тормозные парашюты подчас отказывали, и груз выкатывался на добрый километр в глубь равнины. Несмотря на это, кое-кто из команды обращался к капитану за разрешением прокатиться вместе с грузом; Нортон решительно им отказывал. Впрочем, в случае острой нужды запрет можно было бы и снять.

Практически почти все снаряжение так и обречено остаться здесь навсегда: возвратить его на корабль — задача невыполнимая, об этом не приходилось и мечтать. Временами капитан Нортон вопреки всякой логике стыдился, что вынужден захламить этот необъяснимо чистый мир земным барахлом. Он даже решил, что, прежде чем окончательно покинуть Раму, пожертвует драгоценным часом, а то и двумя на то, чтобы привести лагерь в полный порядок. А вдруг — невероятная мысль,— вдруг спустя миллионы лет где-нибудь в иной звездной системе на Раме вновь объявятся нежданные гости? Он хотел, чтобы у них создалось хорошее впечатление о Земле.

Правда, сначала ему предстояло решить другую, гораздо более срочную проблему. За последние двадцать четыре часа он получил почти одинаковые послания с Марса и с Земли. Странное совпадение, а может, и не совпадение, может, они все-таки общались друг с другом, может, нынешняя ситуация послужила им поводом для контактов? Обе жены ни с того ни с сего многозначительно напоминали ему, что и герой дня не должен забывать о своих семейных обязательствах...

Взяв складной стул, капитан перешел из освещенного пространства в окружающую лагерь тьму. Только так и можно было добиться хотя бы видимости

уединения. Повернувшись спиной к суетящимся в свете прожектора людям, Нортон стал говорить в висящий на шее диктофон.

— Оригинал в личное дело, копии на Марс и на Землю. Привет, дорогая! Знаю, сам знаю, что корреспондент из меня никудышный, но на борту корабля я не был уже целую неделю. Да там, кроме дежурных, никого теперь и нет, мы разбили лагерь внутри Рамы, у подножия лестницы, которая получила название Альфа.

На равнине сейчас работают три разведывательные группы, но продвигаемся мы вперед чудовищно медленно, поскольку рассчитывать можем лишь на собственные ноги. Если бы у нас был хоть какой-нибудь транспорт! Хотя бы парочка электрических велосипедов!..

Ты ведь встречалась с моим старшим корабельным врачом Лаурой Эрнст...

Он запнулся в нерешительности: Лаура действительно встречалась с одной из его жен, но с которой? Наверное, лучше не рисковать... Он стер незаконченную фразу и начал снова:

— Мой старший корабельный врач, доктор Эрнст, возглавила первую экспедицию к Цилиндрическому морю, в пятнадцати километрах отсюда. Как мы и думали, море заполнено замерзшей водой, однако пить такую воду не стоило бы. Доктор Эрнст говорит, что это жидкий органический суп со следами самых разных углеродных соединений, содержащий также фосфаты, нитраты и десятки металлических солей. И никаких намеков на жизнь, ни единого, пусть даже мертвого, микроба. Так что о биохимии раман мы по-прежнему ничего не знаем, хотя, вероятно, она не так уж безнадежно далека от нашей...

Что-то легко шевельнуло волосы — он был слишком занят, чтобы вовремя подстричься, и теперь придется как-то избавляться от них, иначе скоро и шлем не наденешь...

— Ты, конечно, смотрела видеопередачи из Парижа и других городов, которые мы обследовали по эту сторону моря,— из Лондона, Рима, Москвы. Невозможно и предположить, что их строили для жилья. Париж похож на гигантский склад. Лондон — это набор цилиндрических баков, связанных между собою трубопроводами, и еще какое-то подобие насосной станции. Все закрыто наглухо, и нет никакого способа установить без помощи взрывчатки или лазера, что находится внутри. Не хочется прибегать к таким средствам, пока не исчерпаны остальные.

Что касается Рима и Москвы...

— Извините, шкипер. «Молния» с Земли...

«Это еще что? — спросил себя Нортон.— Неужели человек не вправе хотя бы минуту спокойно побеседовать со своими семьями?..»

Он принял радиограмму от сержанта и пробежал ее глазами в надежде убедиться, что в ней нет ничего неотложного. Затем прочитал ее вновь, уже внимательнее.

Это еще что за новость — Комитет по проблемам Рамы? И почему он никогда о таком не слышал? Кто только ни старался войти с ним в контакт — ассоциации и общества всех мастей, от самых респектабельных до совершенно психопатических; центр управления всеми силами оберегал его от них и ни за что не переслал бы ему этой радиограммы, если бы не счел ее важной.

«Ветры — двести километров в час, возможен внезапный шквал» — да, тут было над чем задуматься. Но можно ли принять подобное предостережение всерьез, когда вокруг идеально тихая ночь? И не смешно ли удирать, когда они только-только начали серьезные исследования?..

Капитан Нортон поднял руку, хотел было отвести волосы, почему-то вновь упавшие на глаза, и замер. Ветерок-то здесь, кажется, есть, и он ощущает это уже не первый раз. Но ветерок настолько слабый, что капитан сразу не удостоил его вниманием: в конце концов он, Нортон, привык управлять космическим кораблем, а не парусником. До сих пор дуновения воздуха ни в малейшей степени не задевали его профессиональных интересов. Но любопытно, что предпринял бы в таких обстоятельствах капитан того, первого «Индевора»?

Вот уже на протяжении четырех-пяти лет Нортон в критические минуты задавал себе этот вопрос. Он никому не раскрывал своей тайны. А возникла она, как возникает все самое важное в жизни — по воле случая.

Он уже несколько месяцев носил капитанское звание, когда узнал, что его «Индевор» — тезка одного из самых прославленных в истории кораблей. Правда, в течение последующих четырех веков еще с десяток «Индеворов» выходило в море, а два «Индевора» — в космос, но прародителем их всех являлся тот трехсотсемидесятитонный барк, на котором капитан королевского флота Джеймс Кук совершил кругосветное плавание в 1768–1771 годах.

Умеренный интерес к предшественнику быстро перерос во всепоглощающую страсть, почти одержимость; Нортон перечитал все, что хоть как-то касалось капитана Кука. Сейчас он был, пожалуй, крупнейшим в мире знатоком жизни и деятельности этого великого исследователя и помнил целые страницы путевых дневников капитана наизусть.

И тем не менее даже Нортону казалось подчас невероятным, как один человек, да еще с таким примитивным снаряжением, мог столько совершить. Джеймс Кук был не только превосходным мореходом, но и пытливым ученым и — в свой жестокий век — убежденным гуманистом. Со своей командой он обращался с необычной тогда добротой, и что было уже и вовсе неслыханно — так же обходился на новооткрытых землях и с туземцами.

Заветной, но, он сам понимал, неосуществимой мечтой Нортона было повторить хотя бы один из кругосветных маршрутов капитана Кука. Пока ему удалось лишь пролететь по полярной орбите прямо над Большим Барьерным рифом (надо думать, подобный способ передвижения поверг бы в изумление легендарного капитана). Случилось это в погожий день на заре, и с высоты четырехсот километров ему открылся впечатляющий вид на грозную коралловую стену, отмеченную полоской белой пены вдоль всего побережья Квинсленда.

На то, чтобы оставить позади риф протяженностью две тысячи километров, Нортону не потребовалось и пяти минут. Одним взглядом он мог окинуть недели исполненного опасностей пути того, стародавнего «Индевора». А в телескоп он разглядел даже крохотное пятнышко Куктауна и устье реки, где вытащенный на берег барк чинили после встречи с рифом, едва не оказавшейся роковой.

Годом позже Нортон побывал на космической станции дальнего слежения, расположенной на Гаваях, и не упустил случая посетить другое незабываемое место. Катер на подводных крыльях переправил его в бухту Кеалакекуа; шагая там среди черных вулканических скал, он почувствовал вдруг такое волнение, что сам был озадачен и даже смущен. Гид повел группу ученых, инженеров и космонавтов мимо сверкающего металлом обелиска, который заменил более ранний памятник, разрушенный Великим цунами 2068 года. Они прошли еще с десяток шагов по черной скользкой лаве и замерли подле небольшой дощечки у самой воды. Дощечку захлестывали соленые брызги, но Нортон уже не замечал их; наклонившись, он вчитывался в слова:

НЕПОДАЛЕКУ ОТСЮДА
14 ФЕВРАЛЯ 1779 ГОДА
БЫЛ УБИТ КАПИТАН
ДЖЕЙМС КУК

Мемориальная доска установлена 28 августа 1928 года комиссией по проведению 150-летия со дня гибели капитана Кука Восстановлена в связи с 300-летием со дня гибели Кука 14 февраля 2079 года

Это было много лет назад и за сто миллионов километров отсюда. Но в тяжелые минуты Нортону неизменно казалось, что Кук незримо присутствует рядом. Втайне от всех, глубоко про себя он спрашивал: «Ну, капитан, что посоветуешь?..» Он играл в эту игру в случаях, когда не хватало фактов для трезвого суждения, когда оставалось лишь полагаться на интуицию. Ведь интуиция составляла неотъемлемую часть гения капитана Кука; тот никогда не ошибался в своем выборе — вплоть до трагического конца в бухте Кеалакекуа.

Сержант терпеливо ждал, пока командир насмотрится на раманскую ночь. Ночь уже не была непроглядной: километрах в четырех от лагеря ясно светились два бледных пятнышка — там работали разведывательные партии.

«Если понадобится, я смогу отозвать их в течение часа,— утешил себя Нортон.— А уж час-то у меня останется наверняка».

— Запишите ответ,— повернулся он к сержанту.— Адрес: Планетком, для Комитета по проблемам Рамы. Благодарю за совет, приму меры предосторожности. Прошу уточнить, что значит «внезапный шквал». С уважением — Нортон, капитан «Индевора».

Он помедлил, дав сержанту скрыться в слепящем свете лагеря, и опять включил диктофон. Но нарушенный ход мыслей не восстанавливался. С письмом придется повременить...

В этом случае аналогии с Куком ему явно не помогали. Нортон помнил, какими редкими и кратковременными были встречи Элизабет Кук с мужем. За шестнадцать лет брака они виделись считанные разы — и тем не менее она родила ему шестерых детей, а потом пережила их всех.

Право, женам самого Нортона, расстояние до которых радиолуч всегда покрывал самое большее за десять минут, жаловаться было просто не на что.

17
ВЕСНА

Заснуть в первые «ночи» на Раме оказалось очень нелегко. Угнетала тьма, угнетали тайны, которые она скрывала, но сильнее всего угнетала тишина. Полное отсутствие звука — состояние отнюдь не естественное: всем человеческим чувствам нужен хоть какой-то раздражитель. И если они лишены его, мозг пытается создать ему замену.

Неудивительно, что многие жаловались на странный шум и даже голоса, которые слышали во сне; очевидно, шумы были иллюзорными, поскольку все, кто в те же часы бодрствовал, не слышали ровным счетом ничего. Старший врач Эрнст прописала команде простое и эффективное средство: в отведенные для сна часы людей убаюкивала тихая, неназойливая музыка.

Но в эту ночь капитану Нортону ничто не помогало. Он до боли вслушивался в темноту, отчетливо сознавая, чего ждет. И правда, периодически его лица касался ласковый ветерок, однако на грозный гул — предвестник надвигающегося шторма — не было даже и намека. Да и разведывательные партии не замечали вокруг ничего необычного.

Наконец, примерно в полночь по корабельному времени, он задремал. У пульта связи на случай, если с «Индевора» передадут еще какие-нибудь срочные сообщения, оставался дежурный. Необходимости принимать иные меры предосторожности вроде бы не возникало...

Никакой ураган не вызвал бы такого грохота, какой в мгновение ока разбудил его и весь лагерь. Казалось, обрушилось небо или корпус Рамы лопнул и стал разваливаться на части. Вслед за раздирающим уши треском наступила череда звенящих ударов, словно кто-то крушил миллионы стеклянных замков. Так продолжалось две-три минуты, а людям казалось, что прошли часы; хруст еще не прекратился, когда Нортон сумел наконец добраться до микрофона.

— Группа наблюдения! Что происходит?!

— Минуточку, шкипер. Это в районе моря. Сейчас мы туда посветим...

В восьми километрах над их головами, у центральной оси, прожектор взмахнул лучом, и тот послушно побежал по равнине. Достигнув берега моря, луч двинулся вдоль него, высвечивая замкнутый мир по окружности. Пройдя примерно четверть возможного кругового пути, луч остановился.

Там, высоко в небе — поскольку разум настаивал на том, чтобы считать это направление небом,— творилось что-то из ряда вон выходящее. Сначала Нортону почудилось, что море кипит. Оно больше не было неподвижным, застывшим в объятиях вечной зимы; огромный его участок, измеряемый километрами, пришел в бурное движение. И еще — оно меняло цвет: по льду ползла широкая лента яркой белизны.

Исполинская льдина — наверное, четверть на четверть километра — неожиданно накренилась и вздыбилась, как распахнутая дверь. Край ее неспешно и величественно возносился в небо, сверкая и искрясь в луче прожектора. Затем льдина скользнула вниз и исчезла под поверхностью моря, и вал вспененной воды устремился от этого места к берегам.

Лишь теперь капитан Нортон понял, что случилось. Вскрывалось море. Долгие дни и недели, начиная с глубин, шло таяние, и вот... Сосредоточиться было трудно: громовой треск не прекращался, заполняя мир и перекатываясь эхом, однако Нортон уже искал объяснения происходящим катаклизмам. Ведь на Земле, когда вскрываются замерзшие реки и озера, ничего похожего не бывает...

Ну конечно же! Теперь, перед лицом фактов, все стало более чем очевидно. Солнечное тепло просачивалось сквозь корпус Рамы, и море начало таять со дна. Донный лед превращался в воду, а вода, как известно, занимает меньший объем...

Море ушло из-под верхнего слоя льда, оставив его без поддержки. День за днем таяние ускорялось и ширилось, пока полоса льда, охватывающая экватор Рамы, не начала рушиться, словно лишенный опор мост. Сейчас она раскалывалась на сотни плавучих островов, которые, в свою очередь, будут сталкиваться и крошиться, пока не растают. У Нортона кровь застыла в жилах, когда он вспомнил, что они совсем было решили добираться до Нью-Йорка на санях...

Бунт стихий постепенно угасал — в битве между льдом и водой наступало временное перемирие. Через два-три часа с повышением температуры вода одержит победу, растопив последние остатки льда. Но в конечном счете победителем выйдет лед: обогнув Солнце, Рама снова канет во мраке межзвездного пространства.

Едва опомнившись и переведя дух, Нортон вызвал по радио ближайшую к берегу моря группу. К большому его облегчению, лейтенант Родриго откликнулся без задержки. Нет, вода до них не дошла. Ни один из валов не выплеснулся за край обрыва. «Теперь мы по крайней мере знаем,— добавил хладнокровный Борис,— зачем вообще нужен этот обрыв...» Нортон внутренне согласился с ним и так же про себя добавил: «Но это еще не объясняет, почему утес на южном берегу ровно в десять раз выше...»

Прожектор продолжал вычерчивать круги по экватору. Разбуженное море понемногу успокаивалось, ледовые поля больше не опрокидывались, и кипящей белой пены тоже не было видно. Четверть часа — и светопреставление в основном закончилось.

Но и тишине на Раме пришел конец: мир очнулся от сна, и по нему вновь и вновь раскатывались волны скрежета — это сталкивались друг с другом айсберги.

«Весна слегка запоздала,— сказал себе Нортон,— но зима, несомненно, уже сдалась». И откуда-то опять налетел ветерок, заметно более сильный, чем прежде. Рама сделал им достаточно серьезное предупреждение — пора было объявлять отход.

На половине пути они поставили специальную отметку; приближаясь к ней, капитан Нортон снова почувствовал, что признателен темноте, скрывающей как путь наверх, так и путь вниз. Разумеется, он помнил, что впереди еще более десяти тысяч ступеней, и без труда мог представить себе их крутой

изгиб — и все-таки то обстоятельство, что реально он видит лишь малую их долю, делало перспективу менее удручающей.

Для него самого это восхождение было вторым, и он хорошо усвоил урок, полученный в первый раз. При такой низкой гравитации поневоле возникало искушение взбираться быстро, слишком быстро: каждый шаг давался так легко, что подчинять его нудному медленному ритму казалось просто ни к чему. Но если не сделать этого, то через две-три тысячи ступеней ноги начнут странным образом ныть. Мускулы, о существовании которых человек до тех пор и не догадывался, заявят решительный протест и будут требовать все более и более длительного отдыха. В прошлый раз Нортон под конец пути дольше отдыхал, чем двигался, и все же ничего не добился. Следующие два дня ноги сводило болезненными судорогами, и, не находись он вновь в невесомости у самого своего корабля, Нортон, наверное, утратил бы работоспособность.

Поэтому сейчас он двинулся в путь с тягостной медлительностью, как древний старик. Он покинул равнину последним, остальные поднимались цепочкой, растянувшейся на полкилометра над ним, и он различал огоньки их фонариков, ползущие вверх по невидимому откосу.

В душе он жестоко досадовал, что не успел завершить свою миссию, и надеялся, что отступление носит временный характер. Добравшись до шлюза, они переждут, пока не прекратятся возмущения в атмосфере. Можно предполагать, что там, у оси, будет штиль, как в центре циклона; они пересидят шторм в безопасности и вернутся...

Впрочем, он опять спешил с выводами — трудно было избавиться от привычки проводить рискованные аналогии с Землей. Метеорология целого мира даже при совершенном равновесии атмосферы — дело невероятной сложности. Ведь и на Земле прогнозы погоды, несмотря на трехсотлетнюю практику, так и не стали абсолютно надежными. А атмосфера Рамы, мало того что оставалась системой со многими неизвестными, еще и претерпевала стремительные перемены: лишь за последние два-три часа температура поднялась на несколько градусов. Однако обещанного урагана пока не было и в помине, хотя порывы ветра налетали неоднократно и с разных сторон.

Так они поднялись на пять километров — при низкой и к тому же непрестанно уменьшающейся силе тяжести это соответствовало, наверное, километрам двум на Земле. На третьем уровне, в трех километрах от оси, они устроили часовой привал, слегка перекусили и растерли мышцы ног. Здесь лежал конечный рубеж, на котором они еще могли дышать без натуги; подобно тому как прежде это делали альпинисты в Гималаях, они, спускаясь, оставили здесь свои кислородные приборы, а теперь надели их снова, чтобы уже не снимать до самого конца пути.

Часом позже они добрались до верха лестницы и начала трапа. Оставался последний вертикальный километр, к счастью в слабом гравитационном поле составлявшем лишь несколько процентов земного. Еще один тридцатиминутный привал, тщательная проверка запасов кислорода — и они приготовились к финальному броску.

Нортон вновь удостоверился, что его подчиненные благополучно следуют друг за другом с интервалом в двадцать метров. Теперь и ему предстояло мед-

ленно и до отвращения нудно тянуть себя вверх и вверх. Лучше всего было ни о чем не думать, а просто считать перекладины, проплывающие мимо: сто, двести, триста, четыреста...

Он достиг тысяча двести пятидесятой, когда внезапно осознал, что вокруг что-то не так. Свет, отражающийся от вертикальной стены перед самыми его глазами, приобрел какой-то новый оттенок, более того, стал слишком ярок.

Капитану не хватило времени ни на то, чтобы притормозить, ни на то, чтобы как-то предостеречь остальных. Все произошло менее чем за секунду.

Беззвучным мгновенным взрывом на Раме занялся рассвет.

18
РАССВЕТ

Свет был таким ослепительным, что Нортон поневоле зажмурился на добрую минуту. Затем он рискнул приоткрыть глаза и из-под чуть приподнятых век взглянул на стену в каких-то пяти сантиметрах от собственного шлема. Несколько раз моргнул, выждал, когда высохнут невольные слезы, и не спеша повернул голову...

Зрелище, раскрывшееся перед ним, оказалось немыслимо вынести дольше двух-трех секунд — и веки опять смежились сами собой. Нет, виной тому был не яркий блеск — к нему в конце концов можно было привыкнуть,— а внушающая благоговение перспектива Рамы, впервые представшая перед ними во всей своей полноте.

Кто-кто, а Нортон заведомо знал, чего можно ожидать, и тем не менее открывшийся вид ошеломил его. Тело охватила волна неудержимого трепета, руки судорожно вцепились в перекладины трапа — так утопающий цепляется за спасательный пояс. Мышцы предплечий сразу начали каменеть, а ноги, уже обессиленные многочасовым восхождением, напротив, сделались совершенно ватными. Если бы не малое притяжение, он мог сорваться и упасть.

Потом годы тренировок все же взяли свое, и он прибег к испытанному средству. Не раскрывая глаз и стараясь выбросить из памяти только что виденную невероятную картину, он принялся делать затяжные, глубокие вдохи, чтобы кислород, заполнивший легкие, вынес из организма яд усталости.

Постепенно он почувствовал себя лучше, но не разомкнул век, пока не совершил еще одного необходимого действия. Потребовалось немалое усилие воли, чтобы разжать правую руку,— пришлось уговаривать ее, как непослушное дитя,— но он все-таки отвел руку к животу и, высвободив страховочный пояс, накинул пряжку на ближайшую скобу. Теперь, что бы ни случилось, он уже не сорвется.

Нортон еще раз глубоко вздохнул и, по-прежнему не раскрывая глаз, включил передатчик. Хотелось надеяться, что голос у него звучит спокойно и решительно:

— Говорит капитан. Все ли целы?

По мере того как он называл имена и выслушивал ответы — подчас нетвердо, но ответили все,— к нему возвращалась уверенность в себе, возвращалось

самообладание. Люди уцелели, люди рассчитывали, он укажет им, что делать. Он вновь почувствовал себя командиром.

— Закройте глаза и не открывайте их до тех пор, пока не убедитесь, что сумели преодолеть головокружение,— распоряжался он.— Вид, безусловно, ошеломляющий. И если для кого-то из вас он окажется непереносимым, тогда придется продолжать восхождение не оглядываясь. Напоминаю, что скоро мы попадем в невесомость, следовательно, упасть будет просто невозможно...

Казалось бы, тыкать опытных космонавтов носом в столь элементарную истину нет нужды, но ведь и сам Нортон вынужден был поминутно повторять ее про себя. Мысль о невесомости превратилась в своего рода талисман, охраняющий от бед. Вопреки любым зрительным ощущениям, увлечь их вниз и расплющить о равнину Рама был уже не властен.

Самолюбие, чувство собственного достоинства настоятельно требовали от него вновь открыть глаза и вглядеться в окружающий мир. Но сначала, конечно, следовало обрести контроль над своим телом.

Он заставил себя отпустить трап, а затем локтем левой руки захватил ближайшую скобу. Сжимая и разжимая кисти рук, он дал мышцам расслабиться и наконец, когда новое положение стало для него по-настоящему удобным, неторопливо повернувшись, встретился с Рамой лицом к лицу.

И первое впечатление — синева. Сияние, заполнившее небо, даже по ошибке нельзя было принять за солнечный свет, скорее оно походило на вольтову дугу. «Значит,— сделал вывод Нортон,— собственное солнце Рамы горячее нашего. Астрономов это, несомненно, заинтересует...»

Теперь по крайней мере стало понятным назначение таинственных траншей — Прямой долины и пяти ее близнецов: это были просто-напросто гигантские фонари. Рама располагал шестью линейными солнцами, симметрично размещенными по всей его внутренней поверхности. Каждое из солнц посылало широкий веер лучей на противоположную сторону мира. «Любопытно,— подумал Нортон,— предусмотрена ли здесь возможность попеременного их выключения, чередования света и тьмы, или на Раме отныне воцарился вечный день?..»

Он слишком пристально вглядывался в полосы слепящего света, глаза опять начали слезиться и появился повод, не упрекая себя, прикрыть их снова. И только тогда, почти оправившись от первоначального зрительного шока, он задал себе самый серьезный вопрос.

Кто включил — что включило — эти огни?

Все проверки, даже самые тонкие, доказывали, что этот мир стерилен. Но вот произошло нечто, никак не объяснимое действием естественных сил. Допустим, жизни здесь действительно нет — значит ли это, что нет и сознания? Роботы могли проспать миллионы лет — и проснуться. А может, взрыв света — незапрограммированная, случайная конвульсия, последний предсмертный вздох машин, ответивших наобум на близость новой звезды, и вскоре Рама вновь впадет в спячку, на этот раз навсегда?

Однако Нортон и сам не верил, что объяснение столь примитивно просто. Какие-то кусочки мозаичной головоломки начали вставать на свои места, но многих, слишком многих еще недоставало. Как понять, к примеру, отсут-

ствие всяких признаков старения, печать новизны на всем вокруг, словно Рама только вчера сошел со стапелей?..

Подобные мысли могли бы вызвать испуг, даже ужас, но почему-то ничего похожего не случилось. Напротив, Нортона охватило радостное возбуждение, почти восторг. Этот мир таил в себе открытий куда больше, чем они смели надеяться. «Воображаю,— сказал он себе,— как взовьется Комитет по проблемам Рамы, когда узнает про рассвет!»

Затем он спокойно и решительно вновь открыл глаза и принялся инвентаризировать все, что видел.

Прежде всего следовало выработать какую-то систему координат. Перед ним лежало величайшее замкнутое пространство, какое когда-либо видел человек, и, чтобы не затеряться в нем, нужен был хотя бы умозрительный план.

Рассчитывать на помощь едва ощутимого притяжения не приходилось: Нортон мог представить себе «верх» и «низ» почти в любом желаемом направлении. Однако иные из представлений оказывались психологически опасными, и, едва они приходили на ум, он должен был стремительно гнать их прочь.

Всего безопаснее было бы вообразить себе, что они находятся в донной чаше исполинского колодца шестнадцати километров в ширину и пятидесяти в глубину. Такой угол зрения имел то преимущество, что начисто устранял страх падения, но в то же время не был лишен серьезных недостатков.

Удавалось как-то уговорить себя, что разбросанные там и сям «города» и «поселки», по-разному окрашенные и устроенные, надежно прикреплены к нависающим со всех сторон стенам. Сложные сооружения, едва различимые на куполе над головой, смущали Нортона, в сущности, не больше, чем какая-нибудь подвесная люстра в одном из гигантских концертных залов Земли. По-настоящему неприемлемым оставалось лишь Цилиндрическое море.

Вот оно — лента воды, опоясывающая шахту колодца и сцепленная с ней непонятно как... И ведь нет даже тени сомнения, что это вода, именно вода, ярко-синяя, с искристыми блестками недотаявших льдин. Однако вертикальное море, образующее полный круг на двадцатикилометровой высоте,— зрелище настолько поразительное, что спустя какой-то миг пришлось искать ему иное объяснение.

Нортон решил мысленно повернуть картину на девяносто градусов. В мгновение ока глубокий колодец превратился в длинный, перекрытый с обоих концов туннель. «Вниз» — это теперь означало, разумеется, вниз по трапу и лестнице, по которым он только что поднялся; теперь, под таким углом зрения, Нортон, пожалуй, мог по достоинству оценить замысел архитекторов — создателей этого мира.

Он приник к поверхности изогнутого шестнадцатикилометрового утеса, верхняя половина которого нависла над головой, постепенно смыкаясь с арочным сводом, перевоплотившимся ныне в небо. Из-под ног уходил трап, через полкилометра с лишним обрывавшийся на первом уступе-террасе. Затем начиналась лестница, вначале тоже почти вертикальная, но по мере нарастания гравитации все менее и менее крутая; пять разрывов дуги — пять площадок, и наконец где-то вдали она достигала равнины. На протяжении двух-трех ки-

лометров различались отдельные ступени, потом они сливались в сплошную полосу.

Устремленная вниз лестница была столь грандиозна, что оценить истинную ее протяженность оказывалось выше сил человеческих. Нортону случилось однажды облететь вокруг Эвереста, и его поразили тогда размеры горы. Сейчас он напомнил себе, что по высоте лестница соперничает с Гималаями, но сравнение оказалось лишенным смысла.

И уж вовсе ни в какое сравнение с чем-либо земным не шли две другие лестницы, Бета и Гамма, уходящие вкось в небо и изгибающиеся над головой. Нортон уже вполне набрался храбрости для того, чтобы, слегка откинувшись, бросить взгляд в ту сторону — ровно на миг. И тут же постарался стереть увиденное из памяти.

Стереть, потому что раздумья на эту тему не могли не вызвать к жизни третье возможное представление о Раме, то, какого он хотел избежать любой ценой. Представление о вертикальном цилиндре или шахте, но с той разницей, что сам он находится не на дне ее, а наверху и ползет как муха под куполом, а внизу разверзается пятидесятикилометровая бездна. Едва в сознание закрадывался подобный образ, как от Нортона требовалась вся сила его воли, чтобы в безотчетной панике не вцепиться в трап.

Со временем, разумеется, эти страхи поблекнут. Чудеса Рамы с лихвой искупят несколько кошмарных минут, по крайней мере для людей, встречавшихся лицом к лицу с космосом. Может, те, кто никогда не покидал Земли, не оставался наедине со звездами, и не сумели бы вынести такого зрелища. «Но если хоть одна живая душа способна приноровиться к нему,— заметил себе Нортон с мрачной решимостью,— то пусть это будут капитан и команда "Индевора"...»

Он посмотрел на свой хронометр. Пауза длилась максимум две минуты, а показалось — полжизни. С трудом собрав достаточно сил, чтобы преодолеть инерцию и мизерное гравитационное поле, он принялся медленно подтягиваться по последним прогонам трапа. Перед тем как войти в воздушный шлюз, он окинул перспективу еще одним беглым взглядом.

За какие-то пять истекших минут она снова изменилась — с моря поднимался туман. Прозрачные белые столбы резко кренились в направлении вращения Рамы, чтобы через несколько сот метров расплыться, закрутившись в смерчи: устремившийся вверх воздух пытался погасить избыточную скорость. Пассаты Цилиндрического моря принялись рисовать свои автографы в его небе; надвигался первый за неисчислимые столетия тропический шторм.

19

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ С МЕРКУРИЯ

Впервые за несколько недель Комитет по проблемам Рамы прибыл на заседание — очно и заочно — в полном составе. Профессора Соломонса извлекли со дна Тихого океана, где он изучал добычу руды в глубоководных шахтах. И вновь объявился — в стереоварианте — доктор Тейлор. Удивляться этому не

приходилось: ведь события развивались так, что возродили надежды найти на Раме что-нибудь посенсационнее мертвых технических безделушек.

Председатель, в сущности, не сомневался, что Карлайл Перера сегодня будет еще более непререкаем и напорист, чем обычно,— еще бы, его прогнозы раманских ураганов подтвердились! Но, к великому удивлению собравшихся, Перера вел себя исключительно тихо и принимал поздравления коллег с видом настолько близким к смущению, насколько это вообще было для него возможно.

По правде сказать, экзобиолог чувствовал себя глубоко униженным. Тот факт, что Цилиндрическое море вскроется, и весьма эффектно, представлялся теперь еще более непреложным, чем ураганные ветры,— а он это начисто проморгал. Сообразить, что нагретый воздух поднимется вверх, и забыть, что лед, превратившись в воду, уменьшится в объеме,— подобным подвигом вряд ли стоило гордиться.

Впрочем, доктору Перере не требовалось много времени, чтобы обрести свою привычную самоуверенность. Но когда председатель предоставил ему слово и спросил, какие еще климатические перемены ожидаются в ближайшем будущем, Перера заговорил, взвешивая каждое слово.

— Следует помнить,— заявил он,— что метеорология мира столь необычного, как Рама, способна преподнести нам немало новых сюрпризов. Однако, если мои вычисления верны, штормов больше не будет и условия стабилизируются. Температура будет повышаться вплоть до перигелия, а возможно, и дольше, но это не должно беспокоить нас, поскольку «Индевору» задолго до того придется уйти...

— Значит, люди вскоре смогут вернуться внутрь?

— Мм... вероятно. Через двое суток узнаем наверняка.

— Возвращение совершенно необходимо,— вмешался представитель Меркурия.— Мы должны выведать о Раме все, что только возможно. Ситуация кардинальным образом изменилась...

— Кажется, мы догадываемся, что именно вы имеете в виду, и тем не менее соблаговолите пояснить...

— С удовольствием. До сих пор мы полагали, что Рама необитаем или, точнее, никем не контролируется. Но теперь мы не вправе более себя обманывать. Даже если на борту нет живых существ как таковых, кораблем могут управлять роботы, запрограммированные для выполнения определенной миссии, и, не исключено, весьма неблагоприятной для нас. Как ни прискорбно, мы должны принять во внимание требования самозащиты.

Поднялся хор протестующих голосов, и председателю пришлось поднять руку, чтобы восстановить порядок.

— Позвольте его превосходительству закончить! — провозгласил он.— Нравится нам эта идея или нет, но отнестись к ней следует серьезно...

— При всем моем уважении к делегату Меркурия,— произнес Конрад Тейлор тоном крайнего пренебрежения,— мы можем смело отмести все и всяческие домыслы о злокозненной интервенции. Существа, столь цивилизованные, как рамане, должны иметь соответственно развитую мораль. В противном случае они давно уничтожили бы сами себя, как мы едва не уничтожили

себя в двадцатом веке. Я с полной ясностью доказал это положение в своей недавно вышедшей книге «Характеры и космос». Надеюсь, вы получили дарственный экземпляр?..

— Получил, благодарю вас, хотя, к сожалению, перегруженность другими делами не позволила мне пока продвинуться дальше предисловия. Тем не менее я вполне знаком с общей концепцией. У нас, к примеру, может вовсе не быть злокозненных намерений по отношению к муравейнику. Ну, а если мы хотим построить дом как раз на том же месте?..

— Но это ничуть не лучше ящика Пандоры! Это уж, простите, какая-то межзвездная ксенофобия!..

— Господа, господа! Так мы с вами ничего не добьемся. Ваше превосходительство, вы можете продолжать...

И председатель сквозь триста восемьдесят тысяч километров пустоты устремил гневный взгляд на Тейлора; тот неохотно стих, подобно вулкану, выжидающему своего часа.

— Спасибо,— поблагодарил меркурианин.— Угроза, быть может, и маловероятна, но там, где на карту поставлено будущее человечества, мы не вправе допускать никакого риска. И, да будет мне позволено сказать, нас, меркурианам, это касается в особенности. У нас оснований для тревоги, пожалуй, больше, чем у кого-либо другого.

Доктор Тейлор отчетливо фыркнул, за что опять удостоился гневного взгляда с Луны.

— Почему же больше? — спросил председатель.— А остальные планеты разве не в счет?

— Рассмотрим ситуацию в динамическом развитии. Рама уже пересек нашу орбиту. Предполагается, что он обогнет Солнце и вновь устремится в пространство. Но это только предполагается, а что, если он решит притормозить? Если тормозной маневр намечен, то произойдет он в перигелии, примерно через тридцать дней. Ученые моей планеты сообщили мне, что при соответствующем изменении скорости Рама выйдет на круговую орбиту в двадцати пяти миллионах километров от Солнца. Заняв такую позицию, он будет господствовать над всей Солнечной системой.

Довольно долго никто, даже Конрад Тейлор, не проронил ни слова. Члены комитета предались тяжким думам об этом несносном племени меркурианин, достойно представленном здесь их полномочным послом.

Большинству людей Меркурий мыслился довольно точной копией ада — до сих пор, во всяком случае, никто не встречал чего-нибудь похлеще. Однако сами меркуриане гордились своей причудливой планетой с ее днями, более долгими, чем годы, с ее двойными восходами и закатами и реками расплавленного металла. В сравнении с Меркурием Луна и Марс казались совершенной обыденщиной. Разве только на Венере (если высадка там вообще когда-нибудь произойдет) встретит человек окружение более враждебное, чем природа Меркурия.

И тем не менее эта планета во многих отношениях была ключом к Солнечной системе. Ретроспективно такая оценка представлялась вполне очевидной, хотя прошло почти сто лет космической эры, прежде чем люди уяснили се-

бе это. Зато впоследствии меркуриане никому не позволяли забыть о своем могуществе.

Задолго до того, как человек добрался до Меркурия, поразительная плотность этой планеты наводила на мысль о присутствии там тяжелых элементов, но реально разведанные богатства повергли человечество в изумление и на тысячу лет отогнали призрак истощения залежей металлов, жизненно важных для цивилизации. И подумать только, что эти сокровища облюбовали себе место, наилучшее из всех возможных, там, куда Солнце посылает энергию вдесятеро щедрее, чем на стылую Землю!

Неограниченное потребление энергии — неограниченное производство металла. Таков был Меркурий. Его гигантские магнитные катапульты могли перебросить добытую руду в любую точку Солнечной системы. Предметом меркурианского экспорта являлась и энергия в форме искусственных трансурановых изотопов или просто в виде излучения. Предлагалось, например, установить на Меркурии лазеры, чтобы в один прекрасный день растопить льды Юпитера, но эту идею не очень-то приветствовали на других мирах. Технику, способную подогреть Юпитер, слишком легко было бы использовать для прямого межпланетного шантажа.

То, что люди не постеснялись высказать подобные опасения, красноречиво свидетельствовало об истинном отношении человечества к меркурианам. Их уважали за выносливость и инженерное искусство, восхищались упорством, с каким они завоевывали свой грозный мир. Но их не любили и тем более им не слишком доверяли.

И в то же время понять точку зрения меркуриан было, в общем, не сложно. Жители других планет шутили, что меркуриане подчас ведут себя так, словно Солнце — их личная собственность. Они связали себя с Солнцем своеобразными отношениями любви-ненависти: так викинги были некогда связаны с морем, непальцы с Гималаями, эскимосы с тундрой. Они испытали бы истинное горе, если бы что-то встало между ними и могущественной силой, которая повелевала их жизнью и направляла ее.

В конце концов молчание нарушил не кто иной, как сам председатель. Он все еще не забыл горячего солнца Индии, так что о солнце Меркурия не мог и подумать без дрожи. Правда, он считал меркуриан неотесанными техническими варварами, но к их заявлениям всегда относился всерьез.

— На мой взгляд, господин посол, ваши доводы достаточно вески,— вдумчиво сказал он.— Есть у вас какие-нибудь конкретные предложения?

— Да, сэр. Прежде чем мы решим, что следует предпринять, мы должны собрать факты. Мы знаем географию Рамы — если применять этот спорный термин,— но не имеем ни малейшего представления о конструктивных возможностях корабля. И главным из всех вопросов представляется один: есть ли на Раме двигатель? Может ли он изменить орбиту? Хотелось бы слышать, что думает по этому поводу доктор Перера.

— Я немало размышлял на этот счет,— ответил экзобиолог.— Конечно, начальное ускорение Раме придало какое-то двигательное устройство, но ведь оно могло действовать и извне. Что касается бортовых двигателей, то мы не обнаружили ничего похожего на них. С уверенностью можно сказать, что там

нет и следа ракетных дюз или чего-нибудь хотя бы отдаленно их напоминающего...

— Дюзы нетрудно замаскировать...

— Верно, только зачем? И потом, где баки с горючим, где энергетические установки? Корпус сплошной — мы обследовали его сейсмически. Пустоты, обнаруженные в северном торце, полностью совпадают с системой воздушных шлюзов.

Значит, остается южный торец, куда капитан Нортон не сумел пока добраться из-за десятикилометровой водной преграды. Вы видели фотографии — там, на юге, расположено множество странных механизмов и сооружений. Что это такое, можно только гадать.

Но я довольно твердо уверен в одном. Если на Раме есть двигатель, то основан он на принципе, нам пока совершенно неизвестном. Может, раманам удалось сконструировать мифический гипердвигатель, о котором люди мечтают вот уже двести лет...

— Следовательно, это не исключается?

— Ну, разумеется, нет! Если бы нам удалось доказать, что на Раме установлен гипердвигатель — даже если бы мы совсем не разобрались в способе его действия,— это было бы открытием величайшего значения. По крайней мере, мы установили бы, что гипердвигатель принципиально возможен...

— Но что это за штука — гипердвигатель? — уныло спросил представитель Земли.

— Любой двигатель, сэр Роберт, любой космический двигатель, созданный не на принципе реактивной тяги. Антигравитационный, например, если таковой существует. В настоящее время мы даже не представляем себе, в какой области науки искать такое устройство, и большинство ученых считают, что его вообще не найти...

— Разумеется, не найти,— вмешался профессор Дэвидсон.— Это установлено еще Ньютоном. Каждому действию равно противодействие. Гипердвигатель — чепуха. Поверьте моему слову...

— Не исключено, что вы правы,— откликнулся Перера с необычной для себя вежливостью.— Но если на Раме нет гипердвигателя, то и никакого другого двигателя тоже нет. Там просто не хватит места для традиционных силовых установок с их необъятными топливными баками.

— Трудно себе представить, что целый мир можно разгонять и тормозить,— заявил Деннис Соломонс.— А что при этом произойдет со всем его содержимым? Каждый предмет придется привинчивать к полу. Слишком неудобно...

— Видите ли, ускорение может быть совсем небольшим. Непонятно одно — что станет с Цилиндрическим морем. Как прикажете удержать на месте массу воды?..

Перера неожиданно запнулся на полуслове, глаза его остекленели. Казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар. Коллеги встревоженно уставились на него, но ученый так же внезапно оправился, грохнул кулаком по столу и воскликнул:

— Ну конечно! Вот вам и объяснение! Южный утес — теперь все понятно!

— Только не мне,— проворчал представитель Луны, выражая, по-видимому, мнение всех присутствующих дипломатов.

— Взгляните на Раму в продольном сечении,— возбужденно продолжал Перера, развертывая чертеж.— Есть у вас такие схемы? Цилиндрическое море замкнуто между двумя утесами, опоясывающими его поверхность вкруговую. Утес на северном берегу поднимается в высоту всего на пятьдесят метров. А на противоположном, южном, берегу — без малого на полкилометра. Во имя чего такая огромная разница? До сих пор по этому поводу никто не высказал никакой разумной гипотезы.

Но допустим, что Рама действительно способен набирать скорость, двигаясь северным концом вперед. Вода устремится назад, уровень ее у южного берега поднимется, быть может, на сотни метров. Отсюда и утес. Ну-ка, прикинем...

Перера принялся яростно царапать карандашом по бумаге. Пауза была удивительно короткой — спустя какие-то двадцать секунд он поднял глаза с победной улыбкой.

— Зная высоту обоих утесов, можно вычислить максимальное ускорение, на какое рассчитан Рама. Если оно будет больше двух процентов, море выплеснется на южный континент.

— Одна пятидесятая *g?* Не слишком много...

— Напротив, очень много, если принять во внимание массу в десять миллионов мегатонн. И в то же время вполне достаточно для маневрирования в космосе...

— Большое спасибо, доктор Перера,— заявил представитель Меркурия.— Вы дали нам немалую пищу для размышлений. Господин председатель, нельзя ли внушить капитану Нортону, что нам представляется совершенно необходимым обследовать район Южного полюса?

— Он делает все, что может. Бесспорно, море — серьезное препятствие. Они пытаются соорудить какое-то подобие плота, чтобы побывать по крайней мере в Нью-Йорке...

— Южный полюс, видимо, еще важнее. Ставлю вас в известность, что я намерен вынести данный вопрос на рассмотрение Генеральной ассамблеи. Одобряете ли вы такой шаг?..

Возражений не последовало даже со стороны доктора Тейлора. Члены комитета, присутствующие заочно, собирались уже прервать связь, но тут руку поднял сэр Льюис.

Старый историк выступал очень редко, и уж если выступал, то его следовало послушать.

— Предположим, мы выясним, что Рама... мм... продолжает жить и способен маневрировать. Даже военные — и те давным-давно поняли, что способность напасть и намерение напасть — вещи совершенно разные...

— И сколько мы, по-вашему, должны ждать, чтобы убедиться в намерениях раман? — спросил меркурианин.— Когда мы точно узнаем, каковы их намерения, будет слишком поздно.

— Уже слишком поздно. Можем мы как-нибудь повлиять на Раму? Нет, не можем. Да, наверное, и никогда не могли.

— Я не согласен с вашим утверждением, сэр Льюис. Мы можем сделать многое, если понадобится. Хотя времени у нас осталось отчаянно мало. Рама — словно яйцо, где сидит космический птенец неизвестной породы. Солнечные лучи отогрели его, и теперь птенец готов вылупиться в любой момент.

Председатель комитета вперил в посланца Меркурия взгляд, исполненный чистосердечного изумления. Он никак не предполагал, что меркурианин способен подняться до столь поэтических сравнений.

20
ОТКРОВЕНИЕ

Когда кто-нибудь из экипажа обращался к нему «командир» или, того хуже, «мистер Нортон» — это всегда означало, что затевается нечто нешуточное. А чтобы Борис Родриго титуловал его подобным образом — такого Нортон вообще не мог припомнить; значит, дело было серьезным вдвойне. Даже в самые тяжелые минуты лейтенант Родриго неизменно отличался выдержкой и рассудительностью.

— Что стряслось, Борис? — спросил капитан, едва за ними закрылась дверь каюты.

— Прошу вашего разрешения, командир, на внеочередную передачу непосредственно на Землю.

Это было несколько необычно, но не беспрецедентно. Повседневная связь шла через ретрансляторы ближайшей планеты — в настоящее время через Меркурий,— и хотя радиоволны находились в пути лишь несколько минут, иной раз требовалось пять, а то и шесть часов, чтобы сообщение достигло адресата. Как правило, такая скорость всех вполне устраивала, но в случае острой необходимости ценою значительно больших затрат под ответственность капитана можно было использовать и каналы прямой связи.

— Вы, конечно, понимаете, что подобную просьбу следует обосновать. Все доступные полосы частот забиты отчетами наших исследовательских групп. Что у вас, какое-то личное несчастье?

— Нет, командир. Мое дело гораздо важнее. Я хотел бы направить послание братьям по вере.

«Ну и ну! — воскликнул про себя Нортон.— Вот это казус!..»

— Пожалуйста, объясните подробнее.

Просьба Нортона была продиктована не только любопытством, хотя и это, разумеется, имело место. Если бы он пошел Борису навстречу, ему пришлось бы оправдывать свое решение перед начальством.

На капитана смотрели спокойные голубые глаза. Он не помнил случая, чтобы Борис хоть когда-нибудь потерял контроль над собой, хоть на секунду изменил незыблемой убежденности в собственной правоте. И все единоверцы Бориса были в этом смысле одинаковы — именно полный самоконтроль и делал из них образцовых тружеников космоса. Но их не ведающая сомнений самоуверенность, признаться, подчас раздражала остальных нечестивцев, не удостоенных божественного откровения.

— Речь идет о назначении Рамы. Мне кажется, командир, что я разгадал его.

— Продолжайте.

— Вдумайтесь в ситуацию. Перед нами мир, совершенно пустой и безжизненный и тем не менее приспособленный для человеческих существ. Здесь есть вода и атмосфера, пригодная для дыхания. Прибыл Рама из отдаленнейших глубин пространства, но был совершенно точно нацелен на Солнечную систему, настолько точно, что всякие случайности тут исключены. И он не просто выглядит новым — похоже, что им вообще никогда не пользовались...

«Но мы же толковали об этом десятки раз,— подумал Нортон.— Что особенного он может мне сказать?..»

— Наша вера учила нас, что надо ждать подобного посещения, хоть мы и не знали, какой именно цели оно послужит. Библия содержит лишь намеки. Но если это не второе пришествие, тогда предвестие второй — после потопа — великой кары. И я полагаю, что Рама — космический ковчег, ниспосланный, дабы спасти тех, кто достоин спасения.

На мгновение в капитанской каюте воцарилась тишина. Не то чтобы Нортон утратил дар речи, скорее всего у него одновременно возникло слишком много вопросов и он не знал, с которого начать. Наконец со всей возможной мягкостью и дипломатичностью он произнес:

— Весьма интересная концепция. И, хоть я и не разделяю вашей веры, соблазнительно логичная...

Нортон не лицемерил и не преувеличивал: теория Родриго, если освободить ее от религиозной окраски, была не менее убедительной, чем полдюжины выслушанных им прежде. Допустим, в Солнечной системе должна в ближайшем будущем разразиться катастрофа, и некая разумная раса, далеко обогнавшая в своем развитии человечество, предугадала ее. Это объяснило бы все самым прекрасным образом. Впрочем, нет, кое-какие неясности все равно остались бы...

— Разрешите, однако, спросить вас вот о чем. Через три недели Рама достигнет перигелия и, обогнув Солнце, покинет Солнечную систему так же стремительно, как и появился в ней. Не кажется ли вам, что для страшного суда, а тем более для того, чтобы транспортировать на ковчег... гм... избранных — опускаю технические трудности — уже не остается времени?

— Совершенно справедливо. Достигнув перигелия, Рама сбавит скорость и перейдет на стационарную орбиту с афелием примерно в районе Земли. Еще один тормозной маневр — и корабль подойдет к нашей планете вплотную.

Все это звучало настолько веско, что Нортону стало не по себе. Если Рама действительно пожелает остаться в Солнечной системе, Борис Родриго описал самый рациональный путь к цели: подойти к Солнцу на минимальное расстояние и выполнить тормозной маневр именно там. Если в теории космохристианина и во всевозможных ее вариантах есть хоть капля истины, это станет известно скоро, очень скоро...

— Еще один вопрос. Какая сила управляет Рамой?

— На этот счет у меня еще не сложилось окончательного мнения. Может быть, просто робот. А может быть — дух. Оба толкования вполне объясняют отсутствие следов биологической жизни...

«Призраки на астероиде» — почему из глубин памяти вдруг всплыла эта фраза? Потом капитану вспомнился дурацкий рассказ, читанный многие годы назад; не стоило, наверное, и спрашивать, попадался ли он когда-нибудь Борису. Сомнительно, чтобы вкусы Родриго позволяли ему снисходить до литературы такого сорта.

— Вот что сделаем, Борис,— сказал Нортон, круто меняя тон разговора. Он решил прекратить аудиенцию, пока Бориса не занесло слишком далеко, и, кажется, нашел приличный компромисс.— Сумеете вы изложить идею в пределах тысячи битов?

— Думаю, что да.

— Тогда оформите ее в виде научной гипотезы, и я пошлю внеочередную радиограмму в адрес Комитета по проблемам Рамы. Копию можете направить своим единоверцам, и да будут они счастливы.

— Спасибо, командир. Поверьте, я ценю вашу доброту.

— Только не воображайте, что я сделал это, дабы спасти свою душу. Просто мне интересно подразнить мудрецов из комитета. Я отнюдь не согласен с вашей логикой, но вдруг им удастся выудить из нее что-нибудь действительно важное?

— Доживем до перигелия — увидим.

— Вот именно. Доживем до перигелия...

Как только Борис Родриго ушел, Нортон позвонил в рубку и отдал необходимые распоряжения. Надо полагать, из положения он выпутался неплохо — и потом, что, если Борис хоть чуточку прав?

Недурно было бы затесаться в число избранных.

21
ПОСЛЕ ШТОРМА

Пробираясь по знакомому коридору шлюзового комплекса Альфа, Нортон думал: «Не поторопились ли мы? Проявили ли должную осторожность?..» Готовые при первой опасности к немедленному старту, они выждали на борту «Индевора» сорок восемь часов — драгоценные двое суток. Но за это время ровным счетом ничего не случилось, приборы, оставленные внутри Рамы, не обнаруживали никаких необычных явлений. А телекамера, к величайшему их сожалению, ослепла из-за тумана, который снизил видимость буквально до пяти метров и лишь недавно начал рассеиваться.

Когда они справились с последним поворотным шлюзом и выплыли в паутину канатов, Нортона поразила прежде всего перемена в освещении. Оно утратило резкую голубизну, стало мягче, приятнее и напоминало теперь марево над земными просторами в ясный день.

Бросив взгляд вдоль оси, он увидел лишь сверкающий белый туннель с размытыми сводами, простирающийся вплоть до диковинных гор Южного полюса. Внутренняя поверхность Рамы была сплошь затянута облаками — нигде ни малейшей прогалинки. Верхняя их граница, обозначенная очень четко, и формировала этот туннель, цилиндр внутри цилиндра, много более узкий —

пять-шесть километров в поперечнике — и совершенно чистый, исключение составляли лишь отдельные заблудившиеся перистые облачка.

Исполинскую облачную трубу подсвечивали со всех сторон шесть искусственных солнц Рамы. Местоположение тех трех, которые горели на ближнем, Северном континенте, угадывалось по расплывчатым светлым полосам, но по ту сторону Цилиндрического моря полосы сливались в беспрерывное круговое сияние.

«Что там, под облаками? — спросил себя Нортон.— Надо думать, шторм, раскрутивший облачные покровы до полной симметрии по отношению к оси, теперь угас. Может, Рама заготовил и другие сюрпризы, но, не спустившись вниз, о них и не узнаешь...»

Казалось целесообразным послать сейчас в разведывательный поход ту же группу, которая первой дерзнула проникнуть в тайны Рамы. Тем паче что сержант Майрон, как и все другие члены экипажа, теперь полностью удовлетворял требованиям корабельного врача; он даже с подкупающим простодушием утверждал, что, того и гляди, вывалится из старого обмундирования.

Наблюдая за Мерсером, Колвертом и Майроном, быстро и умело «плывущими» вниз по трапу, Нортон отмечал про себя происшедшие здесь, на Раме, перемены. Тогда они спускались среди тьмы и стужи, теперь двигались навстречу свету и теплу. И еще: во всех прежних экспедициях они пребывали в уверенности, что Рама мертв. В биологическом смысле это, видимо, оставалось справедливым и сейчас. Но что-то здесь неуловимо изменилось, и идея Бориса Родриго объясняла суть перемен не хуже, чем любая другая. Дух Рамы ожил.

Когда они достигли площадки у основания трапа и уже собирались начать спуск, Мерсер провел стандартную проверку атмосферы. Состав воздуха принадлежал к числу данных, которые он никогда не принимал на веру: люди вокруг могли ничтоже сумнящеся дышать без кислородных масок, а Мерсер все равно не снял бы шлема, не сделав соответствующих измерений. Если его спрашивали, не мнительность ли это, он отвечал:

— Наши ощущения — ненадежная штука. Вам кажется, что все в порядке, а может статься, еще один вдох — и протянете ноги...

На сей раз он взглянул на шкалу и буркнул:

— Черт!..

— В чем дело? — осведомился Колверт.

— Анализатор вышел из строя и показывает несусветно много. Странно — я и не слышал, чтобы он когда-нибудь портился. Ну-ка, проверим его на наших кислородных баллонах...

Он подключил миниатюрный анализатор к вентилю трубки, подающей кислород в скафандр, и застыл в недоуменном молчании. Товарищи следили за ним озабоченно и даже тревожно: если Карлу что-то не нравилось, к этому следовало отнестись со всей серьезностью. Затем Мерсер отключил анализатор от своего скафандра, вновь опробовал им воздух Рамы и наконец вызвал капитана:

— Шкипер! Посмотрите, пожалуйста, на свой прибор. Каков у вас процент молекулярного кислорода?

Последовала пауза — слишком долгая для ответа на такую просьбу. Затем Нортон радировал:

— Кажется, анализатор приказал долго жить.

Лицо Мерсера медленно расплылось в улыбке.

— Показывает пятьдесят с гаком?

— Точно, но что это значит?

— Это значит, что можно обойтись совсем без масок. Замечательно, не правда ли?

— Н-не знаю,— откликнулся Нортон, уловив сарказм в голосе помощника.— Слишком уж замечательно, чтобы спешить с выводами...

Говорить дальше не было нужды. Как все космонавты, капитан Нортон не испытывал особого доверия к явлениям, внешне слишком заманчивым.

Мерсер отстегнул защелку лицевой маски, приподнял ее и принюхался. Впервые на такой высоте воздух казался бесспорно годным для дыхания. Затхлый, мертвенный привкус исчез, исчезла и излишняя сухость, от которой першило в горле. Влажность достигла поразительной цифры — восьмидесяти процентов; это, несомненно, явилось следствием таяния моря. Пожалуй, теперь даже слегка парило, но духоты не ощущалось. «Словно к вечеру на побережье в тропиках»,— подумал Мерсер. Климат Рамы за последние несколько дней решительно изменился к лучшему... Но почему, почему? Возросшая влажность тайны не составляла, а вот объяснить резкий кислородный взлет было значительно труднее. Возобновив спуск, Мерсер проделал в уме целую серию вычислений, но удовлетворительного решения так и не нашел.

Когда они добрались до облачного слоя, переход совершился почти мгновенно. Только что они скользили в полной прозрачности, придерживаясь за гладкий металл поручня, чтобы не разогнаться,— тяготение достигло в этом районе четверти *g*,— как вдруг окунулись в вязкий белый туман; видимость упала до нескольких метров. Мерсер затормозил так резко, что Колверт едва не налетел на него, а Майрон налетел-таки на Колверта, чуть не сбив того с перил.

— Спокойнее,— сказал Мерсер.— Подтянитесь поближе, чтобы не терять друг друга из виду. И не увлекайтесь скоростью на случай, если мне придется притормозить снова...

Спуск в облаках продолжался в жутковатом безмолвии. Колверт едва различал Мерсера, маячившего смутной тенью в десяти метрах под ним, на таком же расстоянии сзади виднелся Майрон. Пожалуй, это было даже каверзнее, чем спуск в абсолютной тьме рамановской ночи: тогда по крайней мере лучи фонариков высвечивали хоть что-то вокруг. А теперь они словно ныряли в открытом океане да еще при нулевом обзоре.

Нельзя было даже угадать, далеко ли они продвинулись,— Колверт полагал, что почти до четвертого уровня, как вдруг Мерсер опять остановился. Они сгрудились вместе, и Мерсер прошептал:

— Прислушайтесь! Вы ничего не улавливаете?

— Что-то есть,— отозвался Майрон после долгой паузы.— Вроде ветер шумит...

Колверту это отнюдь не представлялось очевидным. Он покрутил головой, пытаясь определить, в какой стороне находится источник слабого шороха, до-

летавшего до них сквозь туман, однако все попытки пришлось оставить из-за полной их безнадежности.

Они скользили дальше и дальше, достигли четвертой площадки и снова тронулись в путь. Звук непрестанно усиливался, становясь назойливо знакомым. Они уже одолели почти половину четвертой лестницы, когда Майрон воскликнул:

— Ну, а теперь-то вы узнаете?..

Они опознали бы этот шум давным-давно, но он принадлежал к числу тех звуков, которые не отождествлялись ни с каким другим миром, кроме Земли. Откуда-то из тумана — то ли издалека, то ли с близкого расстояния, не угадаешь, до них доносился устойчивый шум падающей воды.

Через две-три минуты облачный покров оборвался так же неожиданно, как и начался. Они вновь очутились среди слепящего блеска раманского дня, еще более яркого благодаря нависшим над головами облакам. Под ними привычно изгибалась равнина, однако сейчас ее изгиб принять было много легче — ведь полная окружность теперь не просматривалась. Не составляло труда притвориться, что видишь широкую долину, а берег моря изгибается отнюдь не вверх, а вдаль.

На пятой, предпоследней площадке они задержались, чтобы доложить по радио, что облачный слой пройден, а заодно провести тщательный осмотр местности. Насколько они могли судить, на равнине ничто не изменилось, зато здесь, под Северным куполом, Рама породила новое чудо.

Так вот где таился источник звука! Километрах в четырех от них из какого-то скрытого за облаками источника низвергался водопад; несколько долгих минут они молча взирали на него, не в силах поверить собственным глазам. Логика подсказывала им, что в этом вращающемся мире ни одно свободно падающее тело не движется по прямой, но слишком уж неестественное, чудовищно неестественное впечатление производил водопад, который, выгнувшись по параболе, уходил на много километров в сторону от места, где должен был закончиться по земным представлениям.

— Родись Галилей здесь, на Раме,— заявил Мерсер наконец,— он неминуемо сошел бы с ума, пытаясь сформулировать законы динамики...

— Уж я-то думал, что знаю их,— перебил Колверт,— и то, кажется, вот-вот рехнусь. А вас, профессор, это зрелище не смущает?

— Нисколько,— ответил сержант Майрон.— Превосходная демонстрация эффекта Кориолиса. Жаль, что я не могу показать этот водопад своим студентам...

Мерсер в задумчивости перевел взгляд на опоясавшую мир ленту Цилиндрического моря.

— Обратили вы внимание, как оно изменилось?

— Как не обратить — море больше не синее, а скорее травянисто-зеленое. Что бы это значило?

— Вероятно, то же, что и на Земле. Лаура говорила, что море — органический суп, перемешайте его — и он пробудится к жизни. Именно это, видимо, и произошло.

— За какие-то два дня? На Земле это заняло миллионы лет.

— Триста семьдесят пять миллионов, согласно новейшим данным. Вот откуда, значит, берется кислород... Рама стремглав промчался сквозь анаэробную стадию к фотосинтезу — и все за сорок восемь часов. Что-то он готовит нам завтра?..

22
ЧТОБЫ МОРЕ ПЕРЕПЛЫТЬ

Добравшись до подножия лестницы, они пережили новое потрясение. В первый момент им показалось, что в их отсутствие кто-то обыскал лагерь, переворошив все снаряжение, а предметы помельче подобрал и унес. Но стоило присмотреться, как на смену тревоге пришла досада на самих себя.

Виновником беспорядка оказался просто-напросто ветер; хотя они перед уходом и привязали все, что не было упаковано, часть веревок, по-видимому, не выдержала напора урагана. Еще несколько дней им попадались собственные пожитки, разбросанные по равнине.

Других серьезных перемен они не обнаружили. После скоротечных весенних штормов на Раме вновь воцарилась тишина. А у края равнины спокойное море готовилось принять первый за миллионы лет корабль.

— Полагалось бы разбить о борт нового судна бутылку шампанского...

— Даже если на «Индеворе» и нашлось бы шампанское, я ни за что не допустил бы подобного мотовства. Да, пожалуй, и поздновато: на воду-то мы его уже спустили...

— На плаву оно, во всяком случае, держится. Ты выиграл пари, Джимми. Расплачусь, когда вернемся на Землю...

— Надо дать нашей посудине какое-то имя. У кого есть предложения?..

Объект всех этих не слишком лестных комментариев покачивался у лесенки, исчезающей под водой. Это был небольшой плот, который составили из шести пустых складских ящиков, связанных легким металлическим каркасом. Экипажу потребовалось несколько дней, чтобы построить плот, собрать его в лагере Альфа, а затем транспортировать волоком по равнине. И вот настал час решающего испытания.

Игра стоила свеч. Загадочные башни Нью-Йорка, блистающие в лучах незакатных солнц в каких-то пяти километрах, дразнили людей с тех самых пор, как те впервые проникли в пределы Рамы. Никто не сомневался, что город — чем бы он ни оказался вблизи — представляет собой сердце этого мира. Может, им и не удастся ничего добиться, но достигнуть Нью-Йорка они обязаны.

— А корыто наше до сих пор без имени. Ваше мнение, шкипер?

Нортон рассмеялся — и вдруг стал очень серьезным.

— Имя есть. Назовем его «Резолюшн».

— С какой стати?

— Так назывался один из кораблей Кука. Это славное имя — да будет наш плот достоин его*.

* «Резолюшн» («Решимость») — флагманский бриг, возглавлявший вторую (1772–1775) и третью (1776–1779) кругосветные экспедиции Джеймса Кука.

Воцарилось молчание; потом сержант Барнс, давно уже назначенная ответственной за это предприятие, вызвала трех добровольцев. Подняли руку все, кто был рядом на берегу.

— К сожалению, у нас лишь четыре спасательных жилета. Борис, Джимми, Питер, вам троим доводилось плавать и раньше. Назначаю вас испытателями.

Никто из присутствующих ни в малой мере не удивился тому, что Руби Барнс сейчас взяла командование на себя. Руби, единственная из всего экипажа, была дипломированным моряком дальнего плавания — это и решило дело. Она проводила гоночные тримараны через Тихий океан, и маловероятно, чтобы считанные километры воды при мертвом штиле стали для нее непреодолимым препятствием.

А что до нее — она задумала предпринять такую экспедицию с той самой секунды, как только увидела Цилиндрическое море. За тысячи лет, что человек ведет спор с водными просторами Земли, ни одному моряку не случалось столкнуться с чем-либо, хотя бы отдаленно похожим на это. Последние два-три дня в голове у Руби неотвязно звучал глупый детский стишок, от которого она никак не могла избавиться: «Чтобы море переплыть, надо очень храбрым быть...» Ну что ж, она как раз и собирается переплыть море.

Пассажиры заняли свои места на импровизированных сиденьях — опрокинутых ведрах, и Руби потянула за дроссель. Взревел мощный двадцатикиловаттный мотор, звенья цепной передачи слились в туманную полосу, и «Резолюшн» под восторженные крики зрителей отдал швартовы.

Втайне Руби надеялась развить скорость до пятнадцати километров в час, но вполне удовольствовалась бы и любой цифрой выше десяти. Вдоль обрыва была отмерена дистанция ровно в полкилометра — плот прошел туда и обратно за пять с половиной минут. С учетом времени на разворот скорость оказалась равной двадцати километрам, и Руби была совершенно счастлива.

Если даже мотор откажет, то с тремя мускулистыми гребцами и таким умелым рулевым, как она, плот наберет примерно четверть предельной скорости и они доплывут обратно до берега часа за два, не больше. Емкость одного аккумулятора была достаточной, чтобы совершить здесь, на Раме, кругосветное путешествие, а Руби для полной уверенности взяла на борт еще два. При всей осмотрительности она не боялась выйти в море без компаса — туман рассеялся окончательно.

Поднявшись на берег, она отдала щегольский салют.

— Пробное плавание корабля прошло успешно, сэр. Жду ваших приказаний.

— Превосходно, адмирал. Готовы ли вы к отплытию?

— Как только припасы будут погружены на борт и начальник гавани даст добро.

— Тогда выходим на рассвете.

— Есть, сэр!..

Пятикилометровая водная преграда на карте выглядит не слишком значительной, но воспринимается совсем по-другому, когда вы сами находитесь посреди нее. Они плыли только десять минут, а обрыв — форпост Северного континента — уже казался удивительно далеким. Однако — необъяснимая вещь — Нью-Йорк тоже вроде бы ни на йоту не приблизился...

Но, по правде говоря, они не обращали особого внимания на берега, вновь захваченные чудом Цилиндрического моря. Даже нервные шуточки, которыми они обменивались в начале плавания, и те скоро кончились: все вокруг было чересчур необыкновенным.

«И так всегда,— внушал себе Нортон,— едва померещится, что привыкаешь, у Рамы уже наготове новое диво...» По мере того как «Резолюшн» с рокотом продвигался вперед и вперед, все чаще возникало ощущение, что они попали во впадину между исполинскими волнами и гребни этих волн с обеих сторон нависают над головой, нависают, пока не сомкнутся жидкой аркой на шестнадцатикилометровой высоте. Вопреки доводам рассудка, вопреки всякой логике никто из путешественников не сумел избавиться от ощущения, что с минуты на минуту миллионы тонн воды могут обрушиться на них с небес.

И все же чувство опасности отступало перед чувством радостного возбуждения. Ведь непосредственной опасности не было — если, разумеется, море не припасло для них неприятных сюрпризов. А такая возможность не исключалась: Мерсер не ошибся — в море теперь кишела жизнь. В каждой пригоршне воды обитали тысячи шариков — одноклеточных организмов, сходных с теми древнейшими видами планктона, какие некогда населяли океаны Земли.

Но сходство сходством, а под микроскопом обнаруживались и непонятные отличия: у раманских микроорганизмов не было ядра, не было и многого другого, что присуще даже самым примитивным формам земной жизни. И хотя Лаура Эрнст, совмещавшая обязанности врача с научными исследованиями, со всей определенностью доказала, что эти организмы выделяют кислород, их было все-таки слишком мало, чтобы объяснить столь быстрое обогащение атмосферы.

Впоследствии Лаура установила, что число микроорганизмов быстро сокращается и что в первые послерассветные часы оно, вероятно, было много выше. Жизнь на Раме, по-видимому, сверкнула кратковременной вспышкой, повторив древнейшую историю Земли, но в триллионы раз скорее. А теперь она, похоже, исчерпала себя, и плавучие микроорганизмы постепенно растворялись в воде, возвращая накопленные химические вещества своему прародителю — морю.

— Если вдруг придется добираться до берега вплавь,— предупреждала доктор Эрнст мореплавателей,— плотно сожмите губы. Капелька-другая, возможно, и не сыграет роли, если сразу же ее выплюнуть. Но все эти странные соли металлоорганических соединений, да еще в ядовитой оболочке,— не хотелось бы мне искать для них противоядие...

К счастью, угроза такого рода представлялась почти неправдоподобной. «Резолюшн» мог держаться на поверхности даже в том случае, если бы два из шести ящиков-поплавков оказались пробиты. (Когда об этом сообщили Джо Колверту, тот ответил невразумительной фразой: «Вспомните "Титаник"...») И даже окажись мореплаватели в воде, головы их останутся над поверхностью: на то и были предусмотрены грубые, но вполне эффективные спасательные жилеты. Как ни уклонялась Лаура от прямого ответа, но все же должна была признать, что простое погружение в море, даже на несколько часов, вряд ли окажется смертельным, однако злоупотреблять такими ваннами она не рекомендовала...

Двадцать минут равномерного движения — и город-мираж начал обретать реальность; детали, различимые прежде лишь в телескопы или на крупномасштабных снимках, вырастали до размеров массивных, прочных сооружений. И становилось до крайности очевидным, что «город», как и многое другое на Раме, трижды повторяет сам себя: над вытянутым овальной формы основанием поднимались три одинаковых круглых комплекса циклопических зданий или конструкций. А на фотографиях, сделанных группой наблюдения сверху, было заметно, что каждый комплекс, в свою очередь, делится на три сектора, как пирог, разрезанный на три равные части. Это безмерно облегчало задачу исследователей: достаточно было осмотреть одну девятую часть Нью-Йорка, чтобы представить его себе целиком. Впрочем, одна девятая тоже требовала немалого напряжения сил: попробуйте облазить более квадратного километра зданий и машин, иные из которых возносятся в высоту на сотни метров!

Искусство страховать себя трижды рамане, судя по всему, довели до полного совершенства. Они продемонстрировали его в системе воздушных шлюзов, в конструкции лестниц, в расположении искусственных солнц. А там, где это было жизненно важно, они предприняли и следующий логический шаг. Нью-Йорк являл собой образец трижды тройной надежности.

Руби направила «Резолюшн» к центральному комплексу, где от воды к вершине стены, а точнее дамбы, окружающей остров, поднималась лесенка. Вблизи лесенки удобно располагалось и некое подобие причальной тумбы; заметив ее, Руби пришла в неистовое возбуждение. Теперь-то уж она ни за что не успокоится, пока не сыщет хоть какое-нибудь суденышко, на котором рамане плавали по своему необыкновенному морю.

Нортон ступил на берег первым и, оглянувшись на товарищей, сказал:

— Пока я не поднимусь на стену, оставайтесь на плоту. По моему сигналу Питер и Борис догонят меня. Вы, Руби, будете ждать нас у штурвала, чтобы можно было отчалить в любой момент. Если со мной что-нибудь случится, доложите Карлу и следуйте его распоряжениям. Надеюсь на ваш здравый смысл — и, пожалуйста, без бравады. Понятно?

— Так точно, шкипер. Желаем удачи.

Ни в какую удачу капитан Нортон, в сущности, не верил: он попросту не ввязывался ни в одно предприятие, не взвесив предварительно все возможные факторы и не обеспечив себе путь к отступлению. И вот — в который раз! — Рама вынуждал его нарушать установленное им самим правило. Здесь все или почти все факторы оставались неизвестными — он был в положении своего любимого героя, когда тот исследовал Тихий океан и Большой Барьерный риф три с половиной века назад... Да, удача, любая удача — и в главном, и в мелочах — ему сейчас отнюдь не помешала бы...

Лесенка была точным повторением той, по которой они спускались к морю. Друзья Нортона, несомненно, смотрят сейчас на него в телескоп прямо через пролив. Вот когда слово «прямо» стало наконец безупречно точным: в этом направлении, строго параллельно оси Рамы, море было в самом деле идеально плоским. Наверное, во всей Вселенной не нашлось бы другого водного бассейна, отвечающего такой характеристике,— ведь на всех иных мирах любое море или озеро лежит на сферической поверхности, а следовательно, имеет выпуклую форму.

— Я уже почти наверху,— говорил Нортон, адресуясь в равной мере к записывающему устройству и к ближайшему своему помощнику, жадно слушающему этот репортаж по радио,— все по-прежнему спокойно, радиация в норме. Поднимаю счетчик как можно выше над головой на случай, если стена служит щитом от какого-то излучения. А если по другую сторону прячутся враждебные аборигены, пусть счетчик явится для них первой мишенью...

Он, конечно, шутил. И все же — зачем рисковать, если можно без труда избежать риска?

Последний шаг — и он очутился на гладком гребне дамбы. Гребень достигал метров десяти в ширину, а с внутренней его стороны уклоны и лестницы, чередуясь, вели на улицы города, протянувшиеся в двадцати метрах ниже. Он стоял как бы на крепостной стене, кольцом охватывающей Нью-Йорк, а может, смотрел на него с высокой трибуны...

Картина, которая открылась ему, была столь головокружительно сложной, что он первым делом схватился за камеру и передал панорамное ее изображение. Затем помахал своим компаньонам и сообщил по радио:

— Никаких признаков жизни, все спокойно. Поднимайтесь ко мне, начинаем осмотр.

23
НЬЮ-ЙОРК

Это был не город — это была машина. Нортон пришел к такому выводу за десять минут и не изменил своего мнения и после того, как пересек остров из конца в конец. Любой город, какова бы ни была природа его обитателей, должен предоставлять им хоть какие-то удобства — здесь не удавалось найти ничего подобного, разве что все это пряталось где-то в глубине. И даже если так — где же входы, лестницы, подъемники? Он не в силах был обнаружить ничего, хоть отдаленно напоминающего обыкновенную дверь...

Если уж искать аналогию, исходя из земных представлений, то Нью-Йорк отчасти смахивал на гигантский химический комбинат. Но в таком случае где запасы исходного сырья, где хоть намек на транспортные средства для его перевозки? Не легче понять, куда подается готовый продукт и тем паче — что это за продукт. Они чувствовали себя совершенно сбитыми с толку и не на шутку разочарованными.

— Есть у кого-нибудь какие-нибудь догадки? — спросил наконец Нортон, обращаясь сразу ко всем своим слушателям.— Если это завод, то что он производит? И откуда он берет сырье?

— У меня есть гипотеза, шкипер,— откликнулся Карл Мерсер с противоположного берега.— Предположим, что он использует морскую воду. Наш эскулап утверждает, что в ней содержатся почти все известные нам элементы...

Ответ звучал вполне правдоподобно — Нортон уже и сам взвешивал в уме такую возможность. Скрытые где-то под ногами трубы могут соединять производство с морем, да что там могут — должны соединять: любой мыслимый химический процесс требует очень много воды. Но капитан не доверял правдоподобным ответам — слишком часто они оказывались неверными.

— Идея недурна. Но что делает Нью-Йорк из морской воды?

Довольно долго никто — ни на корабле, ни у шлюзов, ни на Северной равнине — не произносил ни слова. Потом раздался голос, который Нортон ожидал услышать меньше всего:

— Но это же просто, шкипер. Только, боюсь, вы поднимете меня на смех...

— И не подумаем, Рэви. Говори смело.

Кто-кто, а сержант Рэви Макэндрюс, старший стюард и попечитель супершимпанзе, в нормальных условиях никогда не позволил бы себе ввязаться в научный спор. Собственный его КИ был скромным, а знания весьма умеренными, однако он был отнюдь не дурак и обладал прирожденной смекалкой, достойной всяческого уважения.

— Ну что ж, это и в самом деле завод, и вполне возможно, что море поставляет ему сырье... В конце концов, именно так было и у нас на Земле, хотя и в несколько другом смысле... По-моему, Нью-Йорк — завод, изготовляющий раман.

Кто-то хихикнул, но тут же прикусил язык и предпочел не называть себя.

— Знаешь, Рэви,— сказал капитан, помолчав,— твоя теория достаточно безумна, чтобы оказаться правильной. И я, пожалуй, не хотел бы, чтобы она подтвердилась... по крайней мере до тех пор, пока мы не переберемся обратно на «большую землю».

В ширину небесный Нью-Йорк был почти таким же, как остров Манхэттен, но по планировке не имел с ним ничего общего. Прямолинейные артерии встречались редко, их заменяла путаница коротких концентрических дуг, соединенных между собой радиальными спицами. К счастью, заблудиться внутри Рамы было практически нельзя: один взгляд на небо — и направление оси север—юг определялось с полной непреложностью.

Чуть ли не на каждом перекрестке они останавливались, чтобы выполнить очередную панорамную съемку. Разложи эти сотни панорам по порядку — и будет несложно, хотя, пожалуй, и скучновато, воссоздать точную модель города в любом масштабе. И что получится? Нортон сильно подозревал, что над этой головоломкой ученые будут корпеть столетиями.

Над Нью-Йорком висела тишина, и вынести ее здесь, казалось, еще труднее, чем на равнине. Город-машина обязан был издавать хоть какие-то шумы, и тем не менее — ни намека на гудение электрических проводов, ни шороха, сопровождающего механическое движение. Несколько раз Нортон приникал ухом к мостовой или к стене здания и сосредоточенно вслушивался. Но не мог различить ничего, кроме стука собственного сердца.

Машины спали — не работали на холостом ходу, а именно спали. Проснутся ли они когда-нибудь — и если да, то зачем? Как и везде, все здесь содержалось в полном порядке. И верилось, что достаточно замкнуть одну-единственную цепь в каком-нибудь потаенном многотерпеливом компьютере, как весь этот лабиринт заново пробудится к жизни.

Когда они наконец вышли к дальней границе города, то опять поднялись на верх круговой дамбы и увидели южный пролив. Нортон долго не мог отвести взгляд от пятисотметрового утеса, который отсекал от них почти половину Рамы — и, судя по данным телескопической разведки, более вычурную

и разнородную его половину. Под таким углом утес выглядел зловеще, угрожающе черным — напрашивалось сравнение с тюремной стеной, оцепившей целый континент. И нигде по всей ее окружности не видно было ни лестницы, ни какого-либо иного пути наверх.

«Ну, а как же сами рамане,— подумал он,— как они добирались из Нью-Йорка до своего Южного материка?» Допустим, по системе туннелей под дном моря, но у них наверняка существовали и воздушные суда — в городе немало открытых пространств, которые можно использовать как посадочные площадки. Найти бы хоть один раманский экипаж — это стало бы огромным достижением, особенно если удалось бы научиться управлять им. (Однако мыслимо ли, чтобы мотор заработал после простоя, длившегося сотни тысяч лет?) Многие сооружения вокруг выглядят как ангары или как гаражи, но все они гладкостенные, без окон, будто облитые непрозрачным пластиком. «Рано или поздно,— добавил Нортон про себя в мрачной решимости,— Рама вынудит нас применить взрывчатку или лазеры...» Но он давно уже знал, что не отдаст такого приказа, пока не исчерпает все другие возможности.

Упорное нежелание прибегнуть к грубой силе было продиктовано отчасти его самолюбием, а отчасти страхом. Нортону никак не хотелось прослыть техническим варваром, который попросту сокрушил то, чего не понял. В конце концов, он пришел в этот мир незваным гостем и должен вести себя соответственно.

Что же касается страха — выражение, пожалуй, было слишком крепким, слово «осторожность» нравилось капитану гораздо больше. Ведь рамане, кажется, предусмотрели все, и он отнюдь не жаждал выяснить, какие меры они приняли, чтобы оградить свою собственность от посягательств. Но на «большую землю» сегодня придется вернуться с пустыми руками.

24

«СТРЕКОЗА»

Лейтенант Джеймс Пэк был самым младшим из всех офицеров «Индевора» и вышел в дальний космический рейс лишь в четвертый раз в жизни. Он был честолюбив и ожидал повышения и в то же время допустил серьезное нарушение устава. Неудивительно, что ему понадобилось определенное время на то, чтобы собраться с духом.

Обстоятельства вынуждали Пэка сыграть ва-банк — проигрыш означал для него большие неприятности. Он рисковал не только карьерой, но, быть может, и головой. Правда, в случае выигрыша он стал бы героем. Однако ни один из приведенных доводов в конечном счете не повлиял бы на лейтенанта, если бы не уверенность, что, упусти он свой шанс, и потом ему до самой смерти не избавиться от душевных мук. В конце концов он обратился к капитану с просьбой принять его для личной беседы, однако от колебаний это его не избавило.

«Что-то уготовано мне на сей раз?» — спросил себя Нортон, уловив нерешительность на лице юного офицера. Он еще не забыл своего щекотливого разговора с Борисом Родриго; ну нет, с Джимми ничего подобного не про-

изойдет. Джимми никак не может оказаться религиозным — помимо служебных обязанностей его обычно интересовали лишь два предмета: спорт и любовь, желательно в сочетании друг с другом.

«Едва ли речь у нас пойдет о спорте,— решил Нортон,— но не дай бог о женщине...» В своей капитанской практике он уже встречался с любыми каверзными ситуациями, кроме единственной,— ни одна из женщин «Индевора» еще не рожала в полете. Острили на эту тему без счета, но не рожали никогда, возможно, впрочем, что исправить свою промашку для них — лишь дело времени...

— Ну, Джимми, выкладывай, что у тебя?

— У меня идея, командир. Я придумал, как добраться до Южного континента, даже до Южного полюса.

— Слушаю. Так как же?

— Мм... по воздуху.

— Джимми, я уже выслушал по крайней мере пять предложений на этот счет — больше, если считать сумасбродные проекты, переданные с Земли. Мы пытались реконструировать наши ранцевые реактивные двигатели, но сопротивление воздуха делает всю затею безнадежной. Топлива не хватает даже на десяток километров.

— Знаю. Но у меня возникла другая мысль...

Поведение лейтенанта Пэка являло собой забавную смесь совершенной уверенности в себе и плохо скрытой нервозности. Нортона это окончательно сбивало с толку: что же такое, черт побери, так разволновало мальчишку? Без сомнения, Джимми уже достаточно знал своего командира, чтобы понимать, что ни одно разумное предложение не будет поднято на смех.

— Ну продолжай, продолжай. Если из твоей идеи выйдет толк, я позабочусь, чтобы твое повышение стало свершившимся фактом...

Но и это полушутливое обещание не подействовало в той мере, в какой ожидал Нортон. Джимми вяло улыбнулся, несколько раз раскрывал рот и тут же смолкал и наконец решил подойти к вопросу окольным путем.

— Вам известно, командир, что в прошлом году я выступал на Лунных Олимпийских играх?

— Разумеется. Жаль, что не одержал победы.

— Аппарат подвел, но я понял, в чем загвоздка. И мои друзья на Марсе втайне сконструировали для меня новый аэропед. Мы хотели преподнести болельщикам сюрприз...

— На Марсе? Вот уж не думал...

— Немногие это знают — спорт там еще внове, летают только на спортодроме Ксанте. Но лучшие спецы по аэродинамике живут именно там — если аппарат способен летать в марсианской атмосфере, то в любой другой он полетит и подавно. Короче, если марсиане при их сноровке сделали бы мне новую машину, то уж на Луне она не подкачала бы — ведь сила тяжести на Луне еще вдвое ниже...

— Пока все вполне ясно, но какое это имеет отношение к нам?

Нортон и сам начал догадываться, какое, но хотел помочь Джимми выпутаться из сложного положения.

— Я вошел в долю с несколькими друзьями из Лоуэлл-сити, и они построили аэропед для высшего пилотажа, внеся в конструкцию ряд усовершенствований, до каких пока никто не додумывался. При лунном тяготении, под Олимпийским куполом, это произвело бы сенсацию...

— И ты завоевал бы золотую медаль.

— Надеюсь.

— Давай проверим, правильно ли я тебя понял. Аэропед, предназначенный для Лунных Олимпийских, то есть для одной шестой *g*, еще лучше показал бы себя в условиях Рамы, где тяготения нет вообще. И ты мог бы пролететь вдоль оси от Северного до Южного полюса и обратно.

— Вот именно. Полет в одну сторону занял бы часа три, если без остановки. Но, разумеется, можно и отдыхать, если захочется,— достаточно держаться вблизи оси...

— Идея великолепная, поздравляю. Жаль, что аэропеды не входят в состав стандартного космического снаряжения.

Казалось, у Джимми начисто вылетели из головы все слова. Он опять несколько раз подряд открывал рот, но безрезультатно.

— Ладно уж, Джимми. Прости мое нездоровое любопытство, и не для протокола — как ты ухитрился протащить эту штуку на борт?

— Мм... по статье «Грузы для отдыха экипажа».

— Ну что ж, хоть не соврал. А как насчет веса?

— Всего двадцать килограммов.

— Всего? Хотя, честно сказать, не так плохо, как я опасался. Даже удивительно, как тебе удалось уложиться в двадцать килограммов.

— Иные аэропеды весили по пятнадцать, но оказывались слишком хрупкими и при разворотах складывались пополам. Со «Стрекозой» такого случиться не может. Я уже говорил — она создана для высшего пилотажа.

— «Стрекоза». Хорошее название. Теперь рассказывай, как применить ее здесь. Тогда мне легче будет решить, представить ли тебя на повышение или отдать под суд. А может, и то и другое.

25
ПРОБНЫЙ ПОЛЕТ

«Стрекоза» — название было действительно подходящее. Длинные, сужающиеся к концам крылья оставались почти невидимыми, пока свет не падал на них под строго определенным углом и они не загорались всеми цветами радуги. Словно мыльный пузырь обернули вокруг изящного узора несущих поверхностей — маленький летательный аппарат окружала органическая пленка толщиной лишь в четыре-пять молекул, но достаточно прочная для того, чтобы контролировать и направлять воздушные потоки на скоростях до пятидесяти километров в час.

Пилот — он же одновременно силовая установка и навигационное устройство — сидел слегка откинувшись, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, на крохотном сиденьице, установленном в центре тяжести аппарата. Управ-

ление осуществлялось при помощи одной-единственной ручки, которую можно было двигать вперед и назад, вправо и влево, а единственным «прибором» в распоряжении летчика была тесемька с гирькой, закрепленная на передней кромке крыла и указывающая примерное направление ветра.

Как только аэропед доставили внутрь Рамы и собрали, Джимми Пэк стал на страже, не позволяя никому прикоснуться к своему детищу. Неуклюжее движение могло бы оборвать любую из тоненьких тяг, связывающих конструкцию воедино, а блистающие крылышки притягивали к себе любопытные пальцы точно магнитом. Слишком трудно было поверить, что они и в самом деле вещественны...

Наблюдая за Джимми, влезающим на сиденьице своей машины, капитан Нортон поневоле усомнился в успехе всего предприятия. Достаточно хотя бы одной проволочной тяге лопнуть, когда «Стрекоза» окажется по ту сторону Цилиндрического моря, и Джимми никогда не вернется назад, даже если сумеет благополучно совершить посадку. Они нарушают едва ли не самый священный завет исследователей космоса: человек отправляется в неизведанный мир в полном одиночестве, и, случись что-нибудь, никто не сможет ему помочь. Оставалось лишь искать утешения в том, что Джимми все время будет у них на виду и на двусторонней связи, и, если он попадет в беду, они точно узнают, когда и в какую.

И тем не менее шанс был слишком драгоценным, чтобы его упустить: верь капитан в Бога или в судьбу, он мог бы сказать, что не хочет прогневить их, отказавшись от уникальной возможности достичь дальней стороны Рамы, присмотреться вблизи к тайнам Южного полюса. А Джимми — Джимми знал, на что идет, лучше, чем кто бы то ни было из экипажа. Да, риск существовал, но встречаются обстоятельства, когда не рисковать просто нельзя, таковы уж правила игры. Никому еще не удавалось никогда не проигрывать...

— Слушайте меня внимательно, Джимми,— обратилась к пилоту Лаура Эрнст.— Важнее всего для вас не допустить переутомления. Помните, кислорода вблизи оси все еще маловато. Если собьетесь с дыхания, немедленно стоп. И сразу несколько глубоких вдохов — и так полминуты, но не дольше...

Джимми рассеянно кивал, проверяя рули. Смонтированные в едином блоке на конце пятиметровой стрелы позади кабины-недомерка, они послушно шевельнулись на шарнирах; щитки элеронов, врезанных в середину крыльев, задвигались попеременно вверх и вниз.

— От винта! — воскликнул Джо Колверт, неспособный отрешиться от воспоминаний о военных фильмах двухсотлетней давности.— Зажигание! Контакт!..

Вероятно, никто, кроме Джимми, даже отдаленно не представлял себе, о чем идет речь, но разрядить напряжение Колверту все же удалось.

Медленно, очень медленно Джимми принялся жать на педали. Широкие и тонкие, словно папиросная бумага, лопасти винта — как и крылья, блестящая пленка на хрупком каркасе,— приподнялись и повернулись. Сделав несколько оборотов, лопасти совершенно исчезли — и «Стрекоза» взлетела.

Сначала она шла строго по прямой, постепенно перемещаясь вдоль оси Рамы. Отдалившись на двести—триста метров, Джимми бросил педали; странно

было видеть аппарат явно аэродинамических форм недвижно висящим в воздухе. Такое случалось, пожалуй, впервые за всю историю авиации, разве что в ограниченных масштабах тот же эффект наблюдался на самых крупных космических станциях.

— Ну и как, слушается? — осведомился Нортон.

— Маневренность неплохая, устойчивость так себе. Но я догадался, в чем дело,— здесь «Стрекоза» ничего не весит. Лучше спуститься километром ниже...

— Постой, постой, а не опасно ли это?

Потеряв высоту, Джимми утратил главное свое преимущество. Пока он держался точно на оси, он и «Стрекоза» вместе с ним остаются полностью невесомыми. Он может зависнуть на месте, не затрачивая усилий, может при желании даже поспать. Но едва он сдвинется с оси вращения Рамы, вновь неизбежно проявится действие центробежной силы. И потому, если он не сумеет держаться на заданной высоте, он будет падать — и в то же время набирать вес. Процесс пойдет с нарастающей скоростью и закончится, скорее всего, катастрофой. Сила тяжести внизу на равнине вдвое выше той, на какую рассчитана «Стрекоза». Можно еще надеяться, что Джимми сумеет благополучно посадить машину, но взлететь он уже не сможет наверняка.

Однако сам пилот взвесил обстоятельства и ответил довольно уверенно:

— С одной десятой *g* я справлюсь без хлопот. Да и вести машину в более плотном воздухе отнюдь не трудней, а легче.

«Стрекоза» описала в небе пологую неторопливую спираль и поплыла вниз к равнине, примерно следуя изгибу лестницы Альфа. Если смотреть под углом, крохотный аэропед был почти невидимым, казалось, что Джимми уселся прямо в воздухе и знай себе яростно крутит педали. Время от времени он двигался рывками до тридцати километров в час, потом сбрасывал скорость до полной остановки, проверяя чувство руля, прежде чем разогнаться снова. И внимательно следил за тем, чтобы сохранять безопасную дистанцию от вогнутого торца Рамы.

Вскоре стало очевидным, что на меньших высотах «Стрекоза» слушается куда лучше: она теперь не крутилась как попало, а шла вполне устойчиво, неся крылья параллельно равнине, что лежала в семи километрах внизу. Джимми заложил несколько широких виражей и начал взбираться обратно. В конце концов он завис метрах в тридцати над поджидающими его товарищами — и тут слегка поздновато осознал, что не вполне понимает, как посадить свое сотканное из паутины суденышко.

— Бросить тебе веревку? — спросил Нортон полушутя, полусерьезно.

— Не надо, шкипер, я должен как-то выкарабкаться сам. На той стороне мне никто не поможет.

Минуту он сидел, соображая, затем принялся пододвигать «Стрекозу» к цели короткими сильными рывками. В промежутках между ними аэропед послушно тормозил — сопротивление воздуха тут же гасило инерцию. Когда расстояние сократилось до пяти метров и «Стрекоза» снова двинулась вперед, Джимми неожиданно покинул свой корабль. Он в прыжке дотянулся до ближайшего из страховочных канатов, опоясывающих площадку у оси, ухватился за него и повернулся как раз вовремя, чтобы принять подплывающий аэро-

пед руками. Маневр был выполнен столь безупречно ловко, что вызвал аплодисменты.

— Следующим номером...— начал Джо Колверт.

Джимми поспешил отречься от всякой славы.

— Это была нечистая работа,— оповестил он.— Зато теперь я знаю, как поступить. Возьму с собой присоску на двадцатиметровом шнуре — тогда смогу пристать в любой точке, где заблагорассудится.

— Дайте-ка мне руку, Джимми,— вмешалась Лаура Эрнст,— и подуйте в этот мешок. Придется также сделать анализ крови. Не было ли вам трудно дышать?

— Только на высоте оси. Слушайте, а зачем вам понадобилась моя кровь?

— Содержание сахара — по нему я смогу определить, сколько энергии вы потратили. Нужно проверить, хватит ли у вас сил на задуманное путешествие. Между прочим, каков мировой рекорд продолжительности полета на аэропеде?

— Два часа двадцать пять минут три и шесть десятых секунды. Установлен, разумеется, на Луне — по двухкилометровому кругу под Олимпийским куполом.

— И вы полагаете, что продержитесь шесть часов?

— Запросто — ведь я смогу отдыхать, когда захочу. На Луне летать по меньшей мере вдвое труднее, чем здесь.

— Ладно, Джимми, идем в лабораторию. Один анализ — и сразу же станет ясно, разрешу я вам вылет или нет. Не люблю давать преждевременных обещаний, но, по-моему, вы справитесь.

Довольная улыбка расплылась по лицу Джимми, вытесняя наигранное спокойствие. Следуя за старшим корабельным врачом к воздушному шлюзу, он бросил через плечо:

— Пожалуйста, держите руки подальше. Мне вовсе не хочется, чтобы кто-нибудь проткнул крыло кулаком.

— Я лично пригляжу за этим, Джимми,— пообещал капитан.— «Стрекоза» объявляется неприкосновенной для всех, включая меня самого.

26

ГОЛОС РАМЫ

Подлинный размах предстоящего приключения как-то не доходил до самого Джимми Пэка, пока он не достиг берега Цилиндрического моря. Вплоть до этой минуты он летел над знакомой территорией; в случае любой поломки, кроме по-настоящему катастрофической, он всегда мог совершить посадку и пешком вернуться на базу за несколько часов.

Теперь такая возможность отпала. Окажись он в море, он, вполне очевидно, утонет в его ядовитых водах — не самая приятная смерть. И даже приземлись он благополучно, но на Южном континенте, товарищи, пожалуй, не успеют спасти его, прежде чем «Индевору» придется расстаться с Рамой, выходящим на околосолнечную орбиту.

В то же время он отчетливо сознавал, что предвидимые несчастья — отнюдь не самые вероятные. Абсолютно неисследованный район, над которым ему предстояло пройти, мог преподнести сколько угодно сюрпризов: вдруг, допустим, там обитают летающие создания, которым его вторжение придется не по нутру? Он ничуть не жаждал схватиться врукопашную с какой бы то ни было тварью крупнее голубя. Два-три удачных удара клювом — и «Стрекоза» с ее аэродинамикой развалится ко всем чертям.

Однако кто не рискует, тот не выигрывает, и какое же это приключение, если оно не сопряжено с риском? Миллионы мужчин были бы счастливы поменяться с ним сейчас местами. Он ведь держит путь не просто туда, куда никто не попадал, а туда, куда никто и не попадет. Он останется первым и единственным в истории человеком, посетившим южные области Рамы. И если из глубин сознания вдруг начнет подниматься страх, нелишне будет напомнить себе об этом.

Он уже привык восседать в центре мира, охватывающего его со всех сторон. Поскольку он отклонился на два километра от центральной оси, у него выработались четкие понятия «верха» и «низа». «Земля» была в шести километрах под ногами, арка «неба» — в десяти километрах над головой. «Город» Лондон висел где-то вблизи зенита, зато Нью-Йорк оставался на своем «законном месте» — впереди прямо по курсу.

— «Стрекоза»,— забеспокоилась группа наблюдения,— вы теряете эшелон. Две тысячи двести от оси.

— Спасибо,— ответил Джимми.— Набираю высоту. Дайте мне знать, когда вновь будет ровно две тысячи.

За этим надлежало следить не переставая. Аэропед имел вполне естественную тенденцию терять высоту, а у пилота не было приборов, чтобы определить потерю. Слишком удалившись от оси, он уже не сможет вернуться обратно в невесомость. К счастью, пределы, в которых отклонение не сказалось бы роковым образом, были довольно широки, и за продвижением «Стрекозы» непрерывно наблюдали в телескоп.

Над открытым морем он крутил педали с тем расчетом, чтобы выдержать постоянную скорость двадцать километров в час. Через пять минут он окажется над Нью-Йорком — остров уже стал похож на корабль, без устали бороздящий воды Цилиндрического моря.

Долетев до Нью-Йорка, он описал над ним круг, то и дело притормаживая, чтобы с помощью миниатюрной телекамеры передать на «Индевор» четкое и устойчивое изображение острова сверху. Панорама зданий, башен, заводских цехов, электростанций — или как там их называть — была завораживающей, но начисто лишенной смысла. Камера уловит куда больше деталей, чем глаза, и в один прекрасный день — быть может, годы спустя — какой-нибудь студентик возьмет да и отыщет в них ключ к секретам Рамы.

Дальнюю половину моря, за Нью-Йорком, он пересек всего за четверть часа. Не отдавая себе в том отчета, он летел над водой быстрее, а достигнув южного берега, помимо воли расслабился, и скорость тут же заметно упала. Может, он и вторгся на враждебную территорию, но по крайней мере находился над сушей.

Едва перелетев исполинский утес, замыкающий море с юга, он обвел телекамерой побережье по всей его окружности.

— Великолепно! — отозвалась группа наблюдения.— Картографы умрут от счастья. Как чувствуете себя?

— Хорошо, чуть-чуть устал, но не более того. Далеко ли еще до полюса?

— Пятнадцать и шесть десятых километра.

— Сообщите мне, когда останется десять, тогда я немного отдохну. И проследите, чтобы я не терял высоту. Километрах в пяти от цели мне предстоит опять подняться к оси...

Через двадцать минут мир начал смыкаться вокруг него: он прошел основную часть пути и попал в пределы южной полусферы. Джимми, бывало, часами разглядывал этот дальний конец Рамы в телескоп и знал его топографию наизусть. И тем не менее оказалось, что к подобному зрелищу подготовиться загодя невозможно.

Почти во всех отношениях Северный и Южный полюсы Рамы были разительно не похожи друг на друга. Здесь, на юге, не было ни величественной триады лестниц, ни узких концентрических площадок, ни вогнутого, устремленного к равнине склона. Их заменял расположенный по оси чудовищный пик протяженностью более пяти километров. Вокруг него равномерно размещались шесть вполовину меньших пиков, и вся конструкция напоминала компанию сталактитов замечательно правильной формы, свисающих со свода пещеры. Или, если предпочесть противоположную точку зрения, остроконечные пагоды камбоджийского храма.

Связывая эти стройные конусообразные пики между собой и плавно изгибаясь вниз к цилиндрической равнине, от них во все стороны отходили навесные опоры, с виду достаточно прочные, чтобы выдержать тяжесть целого мира. И не исключено, что именно таково и было их назначение — если правы те, кто видел в конструкциях Южного полюса контуры какого-то необыкновенного двигательного устройства.

Лейтенант Пэк осторожно приблизился к центральному пику, метров за сто до него отпустил педали и дал «Стрекозе» плыть по инерции до полной остановки. Проверил, нет ли излучений, но обнаружил лишь обычный для Рамы слабый радиационный фон. Возможно, здесь действовали силы, неуловимые для созданных человеком приборов, но подобный риск также был совершенно неизбежен.

— Что видите? — встревоженно спросила группа наблюдения.

— Просто-напросто рог, большой и абсолютно гладкий, никаких отметин, а кончик острый, как игла. Чуть не в дрожь бросает, когда подумаешь о том, чтобы подойти поближе...

Шутил ли он? Он и сам не знал. Никак не укладывалось в сознании, что столь массивный объект может заканчиваться таким идеальным острием. Джимми вспомнил, как коллекционеры нанизывают на булавки насекомых, и ему стало не по себе от мысли, что его дорогую «Стрекозу» может постичь та же участь.

Он опять слегка нажал на педали, продвигаясь вдоль пика, и притормозил только тогда, когда гигантский рог утолщился до четырех-пяти метров в диа-

метре. Открыв небольшой контейнер, Джимми бережно извлек оттуда шарик размером с бейсбольный мяч и метнул этот шарик в сторону пика. Удаляясь, шарик потянул за собой чуть заметную леску.

Присоска шлепнулась о мягко выгнутую поверхность и не отскочила. Опыта ради Джимми подергал за леску, а потом рванул ее посильнее. Словно рыбак, подтаскивающий свою добычу к лодке, он сматывал леску, подводя «Стрекозу» к верхушке Большого рога, как он удачно окрестил центральный пик. Сматывал до тех пор, пока не сумел коснуться рога рукой.

— Наверное, при желании это можно назвать посадкой,— доложил он группе наблюдения.— На ощупь вещество напоминает стекло, трения почти нет, но чувствую слабое тепло. Присоска сработала отлично. Попробуем с микрофоном... посмотрим, удержится ли он... так, включаю... слышно вам что-нибудь?

Последовала долгая пауза, и наконец кто-то из группы наблюдения ответил недовольным тоном:

— Ни черта не слышно, кроме обычных термальных шумов. Стукните по нему какой-нибудь железкой. По крайней мере узнаем, полый ли пик внутри.

— Сделано. Что дальше?

— Мы просили бы вас пролететь вдоль конуса, передавая обзорные панорамы через каждые полкилометра. Обращайте внимание на все необычное. Затем, если сочтете неопасным, можете перелететь к одному из малых рогов. Но только в том случае, если будете уверены, что вернуться в невесомость не составит труда.

— Три километра от оси — сила тяжести чуть выше лунной. «Стрекоза» на это и рассчитана. Просто надо будет приналечь посильнее.

— Джимми, говорит капитан. Я передумал. Судя по переданным тобою кадрам, малые пики ничем не отличаются от большого. Отсними их как можешь детальнее длиннофокусным объективом. Покидать район низкой гравитации не разрешаю — разве что увидишь что-то из ряда вон выходящее. Тогда свяжись со мной снова.

— Слушаюсь, шкипер,— отвечал Джимми, пожалуй, с некоторым облегчением в голосе.— Остаюсь вблизи Большого рога. Продолжаю движение.

Чувство было такое, будто он падает почти отвесно в узкую долину, зажатую меж невероятно высоких островерхих гор. Большой рог возносился уже на километр над ним, а шесть малых рогов угрожающе топорщились справа и слева. Лабиринт опор и висячих арок, окружающий склоны у основания, приближался все быстрее, и он поневоле усомнился в том, сумеет ли «Стрекоза» найти место для посадки среди этих циклопических сооружений. Садиться непосредственно на Большой рог теперь не представлялось возможным: сила его притяжения в этой расширенной части была слишком велика.

Чем ближе подлетал он к Южному полюсу, тем больше напоминал себе воробышка, затерявшегося под сводами огромного собора, но ведь ни один из всех когда-либо построенных соборов не достигал и сотой доли таких размеров. Джимми мимоходом подумал даже, не занесло ли его действительно в храм или в некое подобие храма, но тут же отогнал эту мысль. Нигде на Раме

они не встретили никаких намеков на художественное самовыражение, все было почти предельно функциональным. Может, рамане, познав глубочайшие тайны Вселенной, не вдохновлялись более мечтами и стремлениями, движущими человечеством?

Мысль была жутковатой и отнюдь не свойственной Джимми, который не отличался философским складом ума. Он понял, что должен срочно выйти на связь и доложить обстановку своим далеким друзьям.

— Повторите, «Стрекоза»,— ответила группа наблюдения.— Вас не поняли, повторите. Сильные помехи...

— Повторяю: нахожусь у подножия Малого рога номер шесть, собираюсь выбросить присоску и подтянуться поближе.

— Поняли лишь частично. Вы меня слышите?

— Прекрасно слышу. Повторяю: слышу вас хорошо.

— Прошу провести отсчет.

— Раз, два, три, четыре...

— Поняли плохо. На пятнадцать секунд дайте маяк, потом возобновляйте голосовую связь.

— Пожалуйста...

Джимми включил индивидуальный радиомаяк, способный указать местонахождение своего владельца где бы то ни было в пределах Рамы, и сосчитал про себя до пятнадцати. Когда пришло время вновь подать голос, он жалобно спросил:

— Что происходит? Теперь-то вы меня слышите?

Очевидно, у противоположного полюса не слышали, поскольку оператор вместо ответа попросил на пятнадцать секунд включить телекамеру. Понадобилось повторить вопрос еще дважды, чтобы из наушников наконец донеслось:

— Рады, что хоть вы слышите нас, Джимми. Но у вас там творится что-то очень странное. Судите сами.

Он услышал по радио знакомый писк собственного маяка, повторенный в записи. Секунду-другую писк был совершенно нормальным — и вдруг начал претерпевать дикие искажения. Свист с частотой во много тысяч герц прервался густым пульсирующим гулом, таким низким, что он оставался почти за порогом слышимости, каким-то сверхбасом, в пении которого различалась каждая отдельная вибрация. И это искажение, в свою очередь, подвергалось искажениям: бас нарастал и стихал, нарастал и стихал примерно каждые пять секунд.

Джимми даже в голову не пришло усомниться в исправности своего передатчика. Гул проникал извне, но откуда и почему, он не мог себе и представить.

Группа наблюдения знала не больше, но по крайней мере предложила хоть какое-то объяснение.

— Мы думаем, что вы попали в очень сильное поле неизвестного происхождения, скорее всего магнитное, с частотой порядка десяти герц. Поле настолько интенсивно, что может представлять опасность. Предлагаем немедленно возвращаться — не исключено, что действие поля имеет лишь местный

характер. Включите снова свой маяк, а мы будем ретранслировать его вам. Тогда вы сами услышите, когда удастся выйти из зоны помех.

Джимми поспешно оторвал присоску, отказавшись от мысли о новой посадке. Он повел «Стрекозу» обратно по широкой спирали, прислушиваясь к звуку, трепещущему в наушниках. И буквально через несколько метров интенсивность помех начала быстро падать, группа наблюдения угадала — звук был четко локализован.

Он задержался на миг на последнем рубеже, где еще различал слабое биение, отдававшееся глубоко под черепом. Так невежественный дикарь мог бы вслушиваться в басовитое гудение могучего трансформатора. Но даже дикарь, наверное, догадался бы, что звук, который он слышит,— лишь побочное следствие работы титанических сил, полностью контролируемых, но выжидающих своего часа...

Что бы ни означал этот звук, Джимми был рад от него избавиться. Ошеломляющие конструкции Южного полюса — не самое подходящее окружение для того, чтобы в одиночестве внимать голосу Рамы.

27
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ВЕТЕР

Повернуть-то он повернул, но северный конец Рамы казался таким чудовищно далеким... Даже исполинские лестницы различались как тусклый трилистник, едва нацарапанный на замыкающем мир куполе. А лента Цилиндрического моря представлялась широким грозным барьером, готовым проглотить «Стрекозу», если ее хрупкие крылья, словно крылья Икара, не оправдают надежд.

Однако Джимми один раз уже покрыл без затруднений это расстояние и хотя ощущал теперь легкое утомление, он полагал, что беспокоиться больше не о чем. Он даже не притрагивался пока ни к пище, ни к воде и был слишком возбужден, чтобы отдыхать. На обратном пути он сможет расслабиться и не торопиться. Ободряла и мысль о том, что дорога домой будет для него на двадцать километров короче, чем дорога от дома: надо лишь перетянуть через море — и можно идти на вынужденную посадку в любой точке Северного континента. Как ни досадно было бы добираться пешком, как ни жаль бросить «Стрекозу» на произвол судьбы, но получить дополнительную гарантию безопасности все равно приятно.

Он набирал высоту, поднимаясь вдоль склона центрального пика; остроконечная вершина Большого рога все еще торчала в километре впереди, и подчас лейтенант почти физически ощущал ее как ось, вокруг которой вращается целый мир.

Он почти поравнялся с вершиной, когда его пронзило другое странное чувство, вернее предчувствие, но с явным оттенком физического, а не просто психологического дискомфорта. Ни с того ни с сего припомнилась — отнюдь не прибавив бодрости — вычитанная где-то фраза: «Некто бродит над вашей могилой...»

Джимми попытался стряхнуть с себя подавленность и продолжал равномерно крутить педали. Само собой разумеется, он не собирался докладывать группе наблюдения о таких пустяках, как смутное недомогание, но оно упорно усиливалось, побуждая его выйти на связь. Невероятно, чтобы недомогание такой силы было чисто психологическим: если да, то мозг лейтенанта Пэка обладал способностями, о которых его хозяин и не подозревал. По коже ползли мурашки — буквально по каждой ее клеточке...

Обеспокоенный всерьез, он остановился в воздухе и принялся обдумывать ситуацию. Самое странное заключалось в том, что тяжкое давящее ощущение не воспринималось как абсолютно новое: где-то когда-то он уже испытывал нечто подобное, только где и когда?

Он осмотрелся. Ничто не изменилось. От верхушки Большого рога его отделяли все те же двести—триста метров, дальняя сторона Рамы все так же перекрывала небо. В восьми километрах под ногами все тем же лоскутным одеялом стелился Южный континент, полный чудес, каких никогда более не увидят глаза человека. И во всей этой беспредельно чуждой, но уже знакомой картине он не улавливал никаких причин для беспокойства.

Что-то пощекотало тыльную сторону ладони, сначала он решил, что это насекомое, и попытался не глядя смахнуть его. Но, не завершив движения, спохватился и замер, слегка сконфуженный. В самом деле, откуда взяться насекомым на Раме?

Потом он поднял руку и начал ее разглядывать: как ни удивительно, а щекотка не проходила. Тут-то он и заметил, что каждый отдельный волосок на запястье стоит дыбом. И не только на запястье, но и выше, до самого предплечья, и точно так же на голове — стоило коснуться висков, чтобы убедиться в этом.

Так вот в чем дело! Он находится в электрическом поле огромной напряженности; тяжкое чувство подавленности, которое он испытывал, сродни тому, какое бывает подчас на Земле перед грозой...

В тот миг когда Джимми внезапно осознал всю сложность своего положения, он едва не поддался панике. Никогда прежде он не встречался лицом к лицу со столь непосредственной угрозой для жизни. Как и любому космонавту, ему случалось переживать неприятные минуты, когда подводило оборудование, когда вследствие ошибки или по неопытности та или иная ситуация оценивалась — чаще всего необоснованно — как смертельно опасная. Но ни один из таких эпизодов не продолжался дольше трех-пяти минут, а обычно страхи иссякали почти мгновенно и оставалось лишь посмеяться над ними.

На этот раз мгновенного выхода не было. Джимми чувствовал себя слишком одиноким и беззащитным в этом вдруг оскалившемся враждой небе, в царстве титанических сил, готовых разрядить свой гнев с секунды на секунду. «Стрекоза», и без того достаточно хрупкая, теперь казалась эфемерной, как осенняя паутинка. Первый же удар надвигающегося шторма разнесет ее в клочья...

— Группа наблюдения,— позвал он испуганно.— Вокруг меня накапливаются статические заряды. По-моему, вот-вот разразится гроза...

Не успел он докончить фразу, как позади что-то сверкнуло: он сосчитал до десяти — и его нагнал сухой грохот. Три километра — значит, вспышка произошла в районе малых рогов. Он оглянулся и увидел, что каждая из шести игл-верхушек охвачена пламенем. Разряды по двести—триста метров длиной танцевали на остриях вершин, словно рога были гигантскими громоотводами.

То, что происходило позади, могло в любой момент с большим размахом начаться и в районе большого пика. Лучшим решением в таких обстоятельствах было убраться подальше от опасного соседства на вольный простор. Он принялся крутить педали еще сильнее, с предельной скоростью, какую только могла выдержать «Стрекоза». Одновременно он стал терять высоту — пусть это означало, что он вступает в область более высокой гравитации, он соглашался идти на риск. Восемь километров от земли — цифра слишком суровая для того состояния духа, в каком он сейчас находился.

Зловещая черная вершина Большого рога была пока еще свободной от видимых разрядов, но Джимми не сомневался, что она в свою очередь накапливает чудовищный электрический потенциал. Позади то и дело слышались новые удары грома, перекатывающиеся, казалось, по всему континенту. Джимми пришло на ум, что это до крайности странно — шторм посреди ясного неба; потом он понял, что к метеорологии это явление никакого отношения не имеет. Скорее всего, просто утечка энергии из источника, скрытого где-то в глубине южного торца Рамы. Но почему такая утечка началась именно сейчас? И другой вопрос, еще серьезнее: *что дальше*?

Наконец он оставил вершину позади и уже надеялся, что скоро будет вне досягаемости для любых разрядов. Однако теперь он столкнулся с другой проблемой: в воздухе возникли завихрения, управлять «Стрекозой» стало намного труднее. Откуда-то — вернее, ниоткуда — налетел ветер, и если ветер еще усилится, хрупкому каркасу аэропеда придется плохо. Джимми мрачно налегал на педали и пытался компенсировать толчки, меняя силу тяги и наклон туловища. Отчасти ему удавалось справиться с задачей — ведь «Стрекоза» была как бы продолжением его самого,— но ему вовсе не нравился протестующий скрип лонжеронов, не нравилось и то, как вздрагивают концы крыльев при каждом порыве ветра.

Беспокоил его и слабый, неровный, но постепенно нарастающий звук, который шел, пожалуй, со стороны Большого рога. Словно газ под большим давлением сочился из вентиля — интересно, не с этим ли звуком связаны завихрения, с которыми боролась «Стрекоза»? Так или иначе, а оснований для тревоги было более чем достаточно.

Время от времени Джимми, торопясь и задыхаясь, докладывал группе наблюдения о том, что творится вокруг. Никто не мог ничего ему посоветовать, никто не догадывался, что происходит, но он находил утешение хотя бы в том, что слышал голоса друзей, которых ему, возможно, никогда уже не придется увидеть.

Воздушные потоки текли все стремительнее. Он будто попал в реактивную струю — однажды на Земле он изведал это острое ощущение в погоне за рекордом на высотном планере. Но откуда взялась реактивная струя здесь, на Раме?

Стоило Джимми точно сформулировать вопрос — и сразу пришел ответ.

Звук, наполняющий все вокруг,— это электрический ветер, уносящий прочь чудовищную ионизацию, которая скапливается вблизи Большого рога. Заряженные частицы воздуха выбрасываются в пространство вдоль оси, а сюда, в область низкого давления, снизу поступают новые. Он опять оглянулся на исполинскую и теперь вдвойне опасную иглу: не удастся ли определить границы бури на глаз? Вероятно, лучшей тактикой здесь будет полет «на слух» — уходить как можно дальше от зловещего свиста.

Но принять еще одно решение он не успел — Рама опередил его. За спиной Джимми, заслонив небо, встала стена пламени. Времени у него осталось ровно столько, чтобы увидеть, как стена разделилась на шесть огненных лент — от вершины Большого рога к каждому из малых. А затем последовал страшный удар.

28
ИКАР

Едва Джимми Пэк успел радировать: «Крыло переламывается... я падаю... я падаю!», как «Стрекоза» начала грациозно складываться вдвое. Левое крыло с треском лопнуло точнехонько пополам, и внешняя половина не спеша поплыла прочь, словно опавший лист. С правым крылом случилось нечто еще более невообразимое. Оно надломилось и вывернулось у самого основания под таким острым углом, что запуталось концом в хвостовом оперении. Джимми теперь сидел верхом на раненом мотыльке, неотвратимо падающем с небес.

И все-таки он не был совершенно беспомощен: винт все еще вращался, и, пока у пилота не иссякли силы, он отчасти сохранял контроль над положением. Но в его распоряжении оставалось не больше пяти минут.

Была ли у него хоть малейшая надежда добраться до моря? Нет, оно лежало слишком далеко. Потом он сообразил, что до сих пор не отрешился от земных представлений: пловец он хороший, но, прежде чем его спасут, пройдут часы, а тем временем ядовитые воды преспокойно убьют его. Единственный для него шанс заключался как раз в том, чтобы сесть на сушу; о проблеме отвесного южного утеса он подумает позже — если понятие «позже» не утратит для него всякий смысл.

Падал он медленно — в этой зоне сила тяжести равнялась лишь одной десятой *g*, но по мере удаления от оси падение неизбежно ускорится. Сопротивление воздуха еще более усложнит картину, однако, может статься, спасет его от слишком опасных ускорений. «Стрекоза», даже неуправляемая, сработает как грубый парашют. А те десять килограммов тяги, которые он добавит к ее собственным усилиям, возможно, как раз и окажутся решающими в схватке между жизнью и смертью. Решающими, как он надеялся, в пользу жизни.

Группа наблюдения хранила молчание: друзья видели, что произошло с Джимми, и понимали, что словами здесь не поможешь. Ему предстоял летный маневр, самый хитроумный во всей его практике. «Жаль,— подумал он

с мрачным юмором,— что мало зрителей и некому оценить мое искусство по достоинству...»

Он шел вниз по широкой кривой, и, пока удавалось удерживать аэропед от резкого крена, шансы на выживание оставались довольно высокими. Педалями он помогал «Стрекозе» сохранять определенные летные качества, хотя и боялся нажимать в полную силу, чтобы сломанные крылья не оторвались окончательно. И каждый раз, когда его поворачивало лицом на юг, он мог воздать должное фантастическому представлению, которое Рама устроил в его честь.

Струи молний по-прежнему били с вершины Большого рога в более низкие пики, но теперь — теперь они еще и вращались! Шестизубая огненная корона раскручивалась против хода вращения Рамы — один оборот за те же несколько секунд. Джимми почудилось, что он наблюдает в действии исполинский электромотор, и, пожалуй, он был недалек от истины.

Он прошел уже полпути к равнине, продолжая спуск по плоской спирали, когда фейерверк неожиданно иссяк. Джимми физически ощутил, как спало напряжение, висевшее в воздухе, и знал, не глядя, что волосы уже не стоят торчком. Хоть в эти последние минуты ничто не отвлекало его, не мешало ему бороться за жизнь.

Как только ему стало ясно, в какой примерно зоне он упадет, Джимми принялся внимательно ее изучать. Бóльшая часть района представляла собой как бы шахматную доску с клетками, решительно не похожими одна на другую, словно какому-то сумасшедшему садовнику дали полную свободу действий, нет, приказали воплотить в натуре все, что может быть подсказано больным воображением. Квадраты размером приблизительно километр на километр всевозможных цветов и структур были, как правило, гладкими, но твердыми ли? Джимми решил повременить с выбором до последней минуты — если, конечно, у него останется хоть какой-нибудь выбор.

На высоте порядка трехсот метров он послал друзьям прощальный привет.

— Все еще сохраняю минимальную устойчивость... сяду через полминуты, потом вызову вас снова.

Оптимизм его был наигранным, и все это знали. Но он категорически не мог произнести: «Прощайте», он хотел, чтобы товарищи слышали: Джимми не поддался страху, он борется до конца.

И действительно, он почти не чувствовал страха, чему немало удивлялся сам — он никогда не считал себя особенным храбрецом. Словно он со стороны наблюдал за поступками совершенно незнакомого человека и лично в них никак не участвовал. Вернее, словно ему предложили хитрую задачу из области аэродинамики, и он решал ее, подставляя различные параметры и экспериментально проверяя, что получается. Единственным сохранившимся чувством было смутное сожаление об утраченных надеждах, и о главной из них — о предстоящих Лунных Олимпийских играх. При любом исходе борьбы одно было несомненным: никогда уже «Стрекозе» не показать свою прыть на Луне.

Осталось сто метров, посадочная скорость казалась приемлемой, но не слишком ли быстро он снижается? Ему повезло — участок попался абсолютно ровный. Теперь вложить все силы в финальный рывок... внимание... пошел!..

Правое крыло, исполнив свой долг, наконец отлетело у самого основания. «Стрекоза» начала опрокидываться, и он попытался удержать ее в равновесии, бросив тело в противоположную сторону. Его глаза были устремлены на вогнутый свод ландшафта в шестнадцати километрах над головой, когда путешествие окончилось.

Невероятно и несправедливо, но небесный свод оказался на поверку твердым как камень.

29
ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Первое, что он ощутил, приходя в себя,— жестокую головную боль. Он почти обрадовался ей: по крайней мере она доказывала, что он еще жив.

Затем он попробовал шевельнуться и убедился, что болит буквально все — болевые ощущения поражали своим разнообразием. Но, насколько он мог судить, явных переломов не было.

Наконец он рискнул открыть глаза — и тут же зажмурился снова: выяснилось, что он уставился прямехонько на полосу света, перечеркивающую потолок. Вряд ли подобное зрелище можно было рекомендовать как лекарство от головной боли.

Он все еще лежал, восстанавливая силы и размышляя, не пора ли вновь взглянуть на окружающий мир, когда услышал где-то совсем неподалеку громкий хруст. Он медленно-медленно повернул голову к источнику звука, посмотрел — и едва снова не впал в беспамятство.

В каких-то пяти метрах от него огромный зверь, похожий на краба, с аппетитом пожирал остатки бедной «Стрекозы». Когда Джимми слегка оправился от шока, он неторопливо и бесшумно откатился подальше от чудовища, поневоле ожидая, что оно вот-вот унюхает более лакомую пищу и запустит в него свои когти. Однако краб почему-то не удостоил человека вниманием, и, увеличив дистанцию до десяти метров, Джимми осторожно приподнялся и сел.

С такого расстояния зверь уже не казался порождением кошмара. Длинное плоское тело двухметровой длины и метровой ширины покоилось на шести суставчатых лапах, по три сочленения в каждой. Джимми ошибся, сочтя, что чудовище решило пообедать «Стрекозой»,— пристальный осмотр не обнаруживал даже подобия пасти. В действительности оно старательно разрезало аэропед на части, используя когти как ножницы. А манипуляторы, мучительно похожие на крохотные человеческие руки, непрерывно собирали обрезки и складывали у зверя на спине — там их уже накопилась целая куча.

Но полноте, зверь ли это? Первое впечатление было именно таково, а теперь Джимми стал теряться в догадках. В движении краба чувствовалась целеустремленность, свидетельствующая о довольно высоком уровне интеллекта, да и зачем животное, руководимое слепым инстинктом, стало бы собирать измельченные части аэропеда — разве что для своего логовища?

Не в силах отвести взгляд от краба, который по-прежнему совершенно его игнорировал, Джимми с трудом поднялся на ноги. Сделав несколько неуве-

ренных шагов, он убедился, что может ходить, но отнюдь не был уверен, что обгонит шестиногое диво. Затем он включил рацию, даже не задав себе вопроса, будет ли она работать. Если катастрофа не расплющила его самого, то электронные печатные схемы такой катастрофы вообще не заметили.

— Группа наблюдения,— тихо позвал он.— Слышите меня?

— Слава богу! Ты жив?

— Жив, хотя меня и тряхнуло. Взгляните-ка на эту картинку...

Он направил телекамеру на краба — как раз вовремя, чтобы снять того за уничтожением последнего лонжерона «Стрекозы».

— Это что за дьявольщина? И почему оно решило закусить твоим аэропедом?

— Хотелось бы знать! Со «Стрекозой» оно уже покончило. Я, пожалуй, отойду — а вдруг оно захочет взяться за меня...

Джимми постепенно отступал, ни на секунду не спуская с краба глаз. Тот двигался теперь вкруговую, по все расширяющейся спирали, видимо разыскивая случайно пропущенные обломки, и впервые предоставил Джимми возможность осмотреть себя со всех сторон.

Оправившись от первоначального потрясения, лейтенант пришел к выводу, что столкнулся со зверюгой прямо-таки красивым. Название «краб», которое он дал ему не думая, было, пожалуй, не вполне точным: не будь эта тварь столь непомерно велика, ее лучше бы, наверное, именовать жуком. Панцирь у нее отливал чудесным металлическим блеском — Джимми, в сущности, готов был поклясться, что это именно металл и ничто другое.

Любопытная идея: а что, если краб — вовсе не зверь, а робот? Он пристально взглянул на шестиногое с этой новой точки зрения, анализируя в деталях его строение. На месте рта был набор манипуляторов, живо напоминавший Джимми большой многоцелевой перочинный нож — мечту всякого уважающего себя мальчишки: клещи, щупы, напильники и даже нечто, похожее на сверло. Но все это еще ничего не доказывало. Земные насекомые тоже владеют подобными инструментами — и множеством других. Зверь или робот? Оба предположения оставались по-прежнему равновероятными.

Глаза, которые могли бы, кажется, разом решить проблему, тем не менее лишь осложняли ее. Они были так глубоко утоплены под защитными выростами, что никак не позволяли судить о свойствах их линз — кристаллических либо студенистых. К тому же они были лишены всякого выражения, хотя светились поразительно ясной голубизной. Несколько раз они устремлялись прямо на Джимми, но и тогда в них не мелькало ни искорки интереса. По мнению самого Джимми, пожалуй, слегка предвзятому, такое поведение отнюдь не свидетельствовало о могучем уме. Любое создание — животное или робот,— способное не заметить человека вблизи, нельзя считать чересчур смышленым.

Краб наконец перестал описывать круги и на секунду-другую замер на месте, будто прислушиваясь к некоему безмолвному голосу. Затем он пустился прочь, смешной походкой враскачку, примерно в направлении моря. Двигался он по идеальной прямой с постоянной скоростью 4—5 километров в час и прошел уже метров двести, прежде чем Джимми, еще не совсем оправив-

шийся от контузии, сообразил, что негодная тварь уносит с собой все, что осталось от его возлюбленной «Стрекозы». Сообразил, вознегодовал и бросился в погоню.

Поступок этот не был совершенно бессмысленным. Краб двигался к морю — спасение, если оно вообще возможно, придет именно с этой стороны. И отнюдь небезынтересно попутно узнать, как намерено чудовище распорядиться своим трофеем,— это прольет определенный свет на мотивы его действий и уровень развития.

Тело все еще болело, ноги не слушались, и понадобилось целых пять минут, чтобы нагнать целеустремленно вышагивающего краба. Некоторое время Джимми держался на почтительном расстоянии, пока не удостоверился, что тот не возражает против преследования. Собственно, именно тогда лейтенант приметил в куче обломков «Стрекозы» свой пищевой рацион и фляжку с водой — и сразу почувствовал острый голод и жажду.

Подумать только — от него со скоростью пешехода уносили всю пищу и все питье, какие имелись налицо в этой половине мира! Не считаясь с риском, он должен был снова завладеть ими.

Он осмотрительно приблизился к крабу сзади справа. Держась наравне с «противником», пригляделся к сложному ритму ног, пока не получил точного представления, где окажется любая из них в каждый следующий момент. Проведя такую подготовку, Джимми сдавленно пробормотал: «Извините», и молниеносным броском выхватил свою собственность из кучи. Ему и во сне не снилось, что в один прекрасный день придется обучаться искусству кражи, и успешное ее завершение привело его в восторг. Вся операция не заняла и секунды, а краб даже не замедлил шага.

Джимми отскочил на десяток метров, смочил губы из фляжки и принялся жевать ломтик мясного концентрата. Одержанная им пусть маленькая, но победа резко подняла его настроение; теперь он мог позволить себе даже призадуматься о невеселом будущем.

Пока живу — надеюсь; и тем не менее он не видел путей к собственному спасению, совсем не видел. Допустим, его товарищи переплывут море, но он-то как доберется до них, как преодолеет полукилометровый утес? «Мы что-нибудь придумаем,— обещала группа наблюдения.— Утес не может тянуться вокруг всего мира, хоть где-нибудь да есть разрыв...» «Почему же не может?» — едва не ответил он, но вовремя прикусил язык.

Одна из самых примечательных особенностей Рамы заключалась в том, что, куда бы вы ни держали путь, вы всегда ясно видели цель своего назначения. Изгиб поверхности здесь ничего не прятал, а, напротив, выявлял. И Джимми довольно скоро понял, куда направляется краб: впереди на склоне — изогнутая поверхность казалась склоном — виднелась яма поперечником в полкилометра. На Южном континенте таких ям насчитывалось три, судить об их глубине на расстоянии было невозможно. Их назвали по именам самых известных лунных кратеров, и теперь он приближался к «Копернику». Название выбрали не совсем удачно: здесь не было ни кольцевых возвышенностей, ни центрального пика. «Коперник» представлял собой просто-напросто глубокую шахту и, может быть, колодец с вертикальными стенками.

Подойдя поближе и заглянув через край, Джимми различил на глубине что-нибудь около пятисот метров лужицу неприветливой серо-зеленой воды. Полкилометра — значит, вода стоит приблизительно на уровне моря; интересно, сообщаются ли колодец и море между собой?

Завиваясь в спираль, к воде вел наклонный спуск, утопленный в стенке колодца; у Джимми мелькнула мысль, что он заглянул в нарезной ствол исполинского ружья. Нарезка делала немалое число витков, Джимми попытался проследить их, отсчитал с десяток оборотов, сбился — и только тут понял, что видит не один, а три независимых спуска, развернутых по отношению друг к другу на сто двадцать градусов. В любом другом мире это показалось бы редкостным архитектурным излишеством — в любом, только не на Раме.

Все три спуска косо вонзались в воду и исчезали под ее мутноватым зеркалом. Впрочем, чуть ниже поверхности Джимми приметил выходы каких-то темных туннелей или пещер, выглядели эти темные норы довольно мрачно, и он еще задал себе вопрос: обитаемы ли они. Что, если рамане — земноводные?..

Когда краб приковылял к краю колодца, Джимми решил, что тот намерен спуститься по виткам и, может статься, предъявить обломки «Стрекозы» некоему высшему существу, способному оценить их. Вместо этого зверь просто подошел к обрыву, не колеблясь свесил почти половину панциря над бездной, хотя ошибка буквально в несколько сантиметров могла оказаться для него роковой, и резко встряхнулся всем телом. Обломки «Стрекозы» посыпались, подрагивая, вниз, а у Джимми на глазах выступили невольные слезы. «Вот тебе и разумная тварь...» — горько подумал он.

Избавившись от ноши, краб внезапно повернулся и двинулся прямо на Джимми, который стоял всего-то в десятке метров. «Неужто и меня туда же?» — изумился он. Оставалось надеяться, что камера не слишком дрожала в его руках, когда он наводил ее на приближающееся чудовище.

— Что посоветуете? — нерешительно спросил он у группы наблюдения, по правде говоря не надеясь на толковый ответ.

Утешением, хотя и небольшим, служило сознание, что он входит в историю, и он спешно перебрал в памяти рецепты, выработанные на случай подобной встречи. Все они до этого самого дня были чисто теоретическими. Ему первому выпало проверить их на практике.

— Не беги, пока не удостоверишься, что он настроен враждебно,— шепнули далекие друзья.

«А куда бежать?» — спросил себя Джимми. Разумеется, он обставил бы эту тварь на стометровке, но на дальней дистанции она наверняка загонит его.

Не торопясь Джимми вытянул навстречу крабу обе руки. Вот уже добрые два века люди спорили: целесообразен ли такой жест, повсюду ли во Вселенной его истолкуют как «Смотрите, я безоружен»? Но, увы, лучшего никто так и не предложил.

А краб — краб вообще не реагировал на дружеский жест, даже не замедлил шага. Не удостоив Джимми вниманием, он прошествовал мимо и с деловым видом направился на юг. Понимая, что остался в дураках, полномочный

представитель *homo sapiens* провожал его взглядом, а герой несостоявшегося первого контакта удалялся по раманской равнине, безразличный к человеку и к его разочарованию.

За всю свою жизнь Джимми не испытывал такого унижения. Потом на помощь ему пришло врожденное чувство юмора. В конце концов, невелика беда не удостоиться приветствия со стороны одушевленной мусоросборочной машины. Было бы куда хуже, если бы она вознамерилась обнять его как долгожданного брата...

Он вернулся к кромке «Коперника» и уставился в мутные воды. На этот раз он заметил, что там в глубине лениво снуют какие-то зыбкие тени, иные из них весьма солидных размеров. Вот одна из теней переместилась к ближайшему спиральному спуску, и наверх поползло нечто, похожее на многослойный танк. По скорости движения Джимми вычислил, что на подъем танку потребуется около часа; если танк и являл собой угрозу, то надвигалась она крайне медленно.

Чуть позже у выходов из темных нор, что прятались под самой поверхностью, мелькнула другая тень, более быстрая. Что-то стремительно метнулось вдоль нарезки, но он не сумел ни разглядеть это «что-то», ни хотя бы понять, какие оно имеет очертания. Словно там внизу пронесся небольшой смерч, пылевой столб величиной с человека.

Джимми зажмурился и потряс головой, не раскрывая глаз в течение нескольких секунд. Когда он открыл их снова, видение исчезло.

Вероятно, падение потрясло его сильнее, чем он предполагал,— до сих пор он не страдал галлюцинациями. Группе наблюдения он на всякий случай не сказал ни слова. Но и исследовать спиральные спуски, на что уже почти отважился, тоже не стал. Решил не расходовать понапрасну энергию.

Вращающийся фантом, который ему привиделся, отношения к этому не имел. Ни малейшего отношения — во что, во что, а в призраки Джимми не верил.

30
ЦВЕТОК

Напряжение вызвало жажду, и Джимми остро осознал, что вокруг нет пригодной для питья воды. На том, что оставалось во фляжке, он продержится, быть может, неделю, но, собственно, зачем? Лучшие умы Земли вскоре станут биться над «проблемой Джимми»; капитана Нортона, вне всякого сомнения, забросают проектами. Но сам он, как ни тщился, не мог найти способа спуститься по срезу полукилометрового утеса. Даже будь у него веревка такой длины, к чему ее привязать?

И все-таки глупо — и не по-мужски — сдаваться без борьбы. Всякая возможная помощь может прийти только со стороны моря, и он будет двигаться в ту сторону, а попутно делать свое дело, словно ничего не случилось. Ведь никто и никогда больше не увидит и не сфотографирует территорию, по которой ему предстоит пройти, и одно это уже гарантирует ему память в веках.

Он, конечно, предпочел бы иные, прижизненные блага, но уж лучше посмертная слава, чем вообще ничего.

Если бы он мог летать, как погибшая «Стрекоза», от моря его сейчас отделяло бы всего три километра, но подойти к морю по прямой — задача вряд ли выполнимая: некоторые участки впереди представляют собой слишком серьезное препятствие. Однако маршрутов в его распоряжении сколько угодно. И Джимми мог в любой момент окинуть их взглядом: вот они, расчерчены перед ним, как на гигантской карте, с обеих сторон уходящей ввысь и вдаль.

Времени ему не занимать, и начнет он с самого интересного, даже если это уведет его от кратчайшего пути. Примерно в километре вправо простирался квадрат, сверкающий так, будто его усыпали осколками стекла или драгоценными камнями. Мысль о последних, пожалуй, и подстегнула Джимми. Даже приговоренный к смерти не может не проявить интереса к тысячам квадратных метров драгоценностей.

Впрочем, он не слишком огорчился, выяснив, что заманчивый блеск создают всего-навсего кристаллы кварца. Зато квадрат рядом оказался намного примечательнее: его сплошь покрывали пустотелые металлические колонны, расположенные без всякого видимого порядка, но очень близко друг к другу. Высоты они были самой различной — одни не достигали и метра, другие вытянулись с трехэтажный дом. Пройти между ними нечего было и надеяться — не всякий танк смог бы продраться сквозь эти заросли труб.

Двигаясь между квадратом, покрытым кристаллами, и квадратом с колоннами, Джимми вышел на перекресток. Теперь квадрат по правую руку напоминал ковер или гобелен из крученой пряжи — Джимми попытался оторвать хотя бы ниточку, но не сумел. По левую руку располагалась мозаика из шестигранных плиток, плотно пригнанных друг к другу. Она казалась бы монолитной, не окрась рамане плитки во все цвета радуги. Джимми потратил немало времени в поисках двух сопредельных плиток одного цвета — хотел узнать, различима ли граница между ними,— но не нашел ни одного случая подобной небрежности.

Передавая панораму перекрестка, он пожаловался группе наблюдения:

— Ну, а вы-то хоть что-нибудь понимаете? У меня чувство, словно я заперт в гигантском лабиринте. Или это раманская картинная галерея?

— Мы озадачены не меньше твоего, Джимми. Пока что мы не замечали, чтобы рамане интересовались искусством. Но не будем спешить с выводами — подождем, понаблюдаем еще...

Квадраты, лежащие за следующим перекрестком, ничего не прояснили. Один был совершенно пуст — жесткая гладкая поверхность безликого серого цвета. Второй — заполнен мягким губчатым веществом, усеянным миллионами и миллионами крошечных пор. Джимми попробовал его ногой, и вещество тут же омерзительно колыхнулось.

На очередном перекрестке его поджидало нечто, поразительно похожее на вспаханное поле с бороздами одинаковой метровой глубины, а материал, по которому они шли, имел насечки наподобие напильника или рашпиля. Но он не обратил особого внимания на этот квадрат, потому что квадрат рядом дразнил воображение, как ни один из предыдущих.

Наконец-то он встретил нечто доступное пониманию — и вместе с тем вызывающее нешуточное беспокойство.

Этот квадрат был обнесен забором, настолько заурядным, что на Земле Джимми не удостоил бы его повторным взглядом. Метрах в пяти друг от друга стояли столбики — очевидно, металлические,— а между ними тянулись шесть рядов туго натянутой проволоки.

За первым забором следовал второй — двойник первого, а дальше третий. Новый типичный образчик надежности по-рамански: что бы ни содержали в этом загоне, оно ни при каких обстоятельствах не вырвалось бы на свободу. Входа вообще не было — никаких ворот, которые можно распахнуть, чтобы ввести животное или животных — предполагаемых узников. Зато в центре квадрата темнела дыра, копия «Коперника», только сильно уменьшенная.

Даже при других обстоятельствах Джимми, вероятно, не колебался бы, а сейчас ему просто нечего было терять. Он быстро перемахнул через все три забора, подошел к дыре и заглянул в нее.

Не в пример «Копернику», этот колодец достигал в глубину лишь пятидесяти метров. На дне виднелись жерла трех туннелей, достаточно широких, чтобы пропустить слона. И все.

Присмотревшись, Джимми решил, что вся конструкция может означать только одно: дно колодца представляет собой подъемник. Но для кого предназначен этот подъемник, он наверняка не узнает никогда, хотя нетрудно догадаться, что «кто-то» очень велик и, похоже, очень опасен.

За последующие три-четыре часа он прошагал параллельно берегу моря более десяти километров, и клетки шахматной доски начали сливаться в его сознании. Были квадраты, от края до края накрытые ячеистым проволочным тентом, словно гигантские вольеры для птиц. Попадались и другие, напоминавшие застывшие озера с вмерзшими в лед водоворотами; осторожно потрогав «лед», Джимми убедился, что он чрезвычайно прочен. А один квадрат был совершенно черным, черным настолько, что цвет уже не воспринимался глазом и только осязание доказывало, что пространство заполнено веществом.

И наконец вновь встретился вариант, доступный разумению. Вытянувшись одно за другим, к югу простирались — другого слова не подобрать — поля. Будто Джимми очутился на какой-то экспериментальной земной ферме: перед ним, квадрат за квадратом, лежала ровная, хорошо взрыхленная почва, первая, какую ему довелось увидеть среди металлических пейзажей Рамы.

Огромные поля были девственными, безжизненными, истомившимися по зерну, которого никогда не питали. Джимми искренне удивился: зачем они, ведь не может же быть, чтобы рамане, достигшие таких высот развития, всерьез интересовались агротехникой; даже на Земле сельское хозяйство являлось теперь не более чем хобби да еще служило поставщиком некоторых дорогих экзотических продуктов. Но он мог поклясться, что это именно фермы, и притом старательно подготовленные к севу. Никогда и нигде не встречал Джимми почвы столь чистой на вид: каждый квадрат был накрыт упругой пленкой прозрачного пластика. Он попытался прорезать пленку и добыть образец почвы, но его нож лишь оставил на пленке чуть заметный след.

Дальше вглубь еще и еще тянулись поля, и на многих из них красовались сложные конструкции из прутьев и проволоки, предназначенные, видимо, для поддержки вьющихся растений. Выглядели эти конструкции унылыми и заброшенными, как деревья без листьев в середине зимы. И правда, поля познали действительно долгую и жестокую зиму, и выпавшие им сейчас немногие недели света и тепла были только краткой передышкой перед новым ее приходом...

Джимми и сам не понял, что заставило его вдруг остановиться и пристально вглядеться в уходящие на юг металлические дебри. Наверное, его мозг продолжал бессознательно отмечать все, что происходит вокруг; именно мозг скомандовал «стоп», когда в фантастически враждебном окружении появилось нечто окончательно невозможное.

За четверть километра от Джимми, в глубине проволочных шпалер, сверкала цветная одинокая искорка. Она была так мала и неприметна, так неразличимо далека, что на Земле никто не обратил бы на нее внимания. И тем не менее одной из причин, по которым он вообще заметил эту искорку, было, без сомнения, то, что она напоминала о Земле...

Он не сообщал пока ни слова группе наблюдения до тех пор, пока не убедился, что не ошибается и не принимает желаемое за действительное. Только когда до цели остались буквально считанные метры, он наконец поверил, что жизнь — настоящая, неоспоримая жизнь — все-таки сумела прорваться в бесплодный асептический мир Рамы. Здесь, на задворках Южного континента, в гордом одиночестве рос прекрасный цветок.

Приблизившись, Джимми понял со всей очевидностью, что в расчеты раман вкралась нечаянная ошибка. В оболочке, защищавшей квадрат от проникновения непрошеных форм жизни, образовалась дыра. И сквозь нее пробивался зеленый стебель толщиной с мизинец, обвивший одну из шпалерных стоек. На метровой высоте стебель взрывался букетом синеватых листьев, очень похожих на перья,— Джимми не видел таких ни у одного из знакомых растений. А на уровне глаз стебель венчало то, что лейтенант поначалу принял за один цветок. Теперь он рассмотрел без особого удивления, что на самом деле это три цветка, плотно прильнувшие друг к другу.

И лепестки были совсем не лепестки, а ярко окрашенные трубки сантиметров по пять длиной; в каждом соцветии их насчитывалось не меньше пятидесяти, и они переливались такой металлической синевой, амарантом и зеленью, что напоминали скорее уж крылья бабочки, чем подданных растительного царства. Познания Джимми в ботанике равнялись практически нулю, но и он был озадачен полным отсутствием чего-либо похожего на тычинки и пестики. Ему даже пришло в голову, что сходство с земными цветами — не более чем совпадение: может статься, перед ним дальний родственник колонии полипов. Так или иначе, строение цветка вроде бы подразумевало существование мелких летающих насекомых, хотя оставалось неясным, зачем они нужны растению — то ли для опыления, то ли в качестве пищи.

Но какое это, в сущности, имело значение! Каким бы ни оказалось строго научное определение, для Джимми это был просто цветок. Неизъяснимое чудо, распустившееся вопреки всем ухищрениям раман, цветок напомнил юно-

му пилоту о том, чего он, вероятно, никогда уже не увидит, и Джимми твердо решил завладеть им.

Легко решить — труднее выполнить. До цветка оставалось более десяти метров, и на этих метрах располагалась решетчатая конструкция из тонких прутьев. Получалась как бы череда полых кубиков со стороной около сорока сантиметров, а то и меньше. Не будь Джимми худым и гибким, он не летал бы на аэропедах, и проползти сквозь перекрестья решетки ему удастся. А вот выбраться назад — другое дело: развернуться в ее тенетах немыслимо, так что возвращаться придется задним ходом.

Группа наблюдения пришла в восхищение, когда он описал цветок и заснял его во всех возможных ракурсах. Никто не возразил и когда он сообщил: «Полезу, сорву». Он и не ожидал возражений: жизнь его теперь всецело принадлежала ему самому, он был вправе распорядиться ею, как заблагорассудится.

Он снял с себя всю одежду, ухватился за гладкие металлические прутья и принялся ужом ввинчиваться между ними. Со всех сторон его сжали тугие тиски, он чувствовал себя словно арестант, протискивающийся сквозь решетку в оконце камеры. Забравшись в частокол с ногами, он сделал попытку сдвинуться назад, просто ради того, чтобы проверить, реально ли это. Да, движение назад было намного сложнее — приходилось не подтягиваться на вытянутых руках, а отталкиваться ими,— сложнее, однако отнюдь не невозможно.

Джимми был человеком порыва, человеком действия, никак не склонным к самоанализу. Извиваясь в тесном строе прутьев, он не тратил времени на раздумья о том, что толкнуло его на столь донкихотский поступок. До сих пор он совершенно не интересовался цветами, а сейчас тратил остатки сил в погоне за одним-единственным цветком.

Разумеется, этот цветок был уникальным, представлял собой неизмеримую научную ценность. Но если разобраться, Джимми рвался к нему только потому, что цветок напоминал о живой природе, о родной планете. Тем не менее, когда осталось лишь протянуть руку, чтобы коснуться его, Джимми внезапно испытал чувство неуверенности. Ведь цветок был наверняка единственным во всем исполинском пространстве Рамы — вправе ли он, Джимми, сорвать его?

Если бы лейтенант стал искать оправданий, он утешил бы себя мыслью, что сами рамане в своих планах не предусматривали этого цветка. Чистейшая игра случая, которая совершилась к тому же на тысячелетия позже или на тысячелетия раньше, чем нужно. Но Джимми не искал оправданий, колебания его оказались мимолетными. Он протянул руку, сжал стебель и рванул на себя.

Цветок подался довольно легко: Джимми сорвал еще парочку листьев, а затем медленно пополз сквозь решетку назад. Одна рука у него теперь была занята, это еще более осложняло задачу, двигаться стало не только трудно, но и больно, и он вскоре приостановился, чтобы передохнуть. Именно тогда он и заметил, что листья-перья начали съеживаться, а обезглавленный стебель медленно раскручивался со шпалер. Не то зачарованный, не то испуганный, Джимми понял, что растение постепенно уходит в почву, как смертельно раненная змея, заползающая обратно в нору.

«Я убил красоту»,— упрекнул себя Джимми. Но, в конце концов, Рама посягнул на его собственную жизнь! И сейчас он лишь взял то, что принадлежало ему по праву.

31
КОНЕЧНАЯ СКОРОСТЬ РАВНЯЕТСЯ...

Капитан Нортон никогда не терял людей и не имел намерения открывать счет потерям. Еще до того, как Джимми вылетел к Южному полюсу, капитан уже изыскивал пути его спасения в случае аварии, однако задача оказалась столь трудной, что к ней так и не нашлось ответа. Все, чего удалось добиться,— это безжалостно забраковать предлагаемые решения.

Как вскарабкаться по полукилометровому отвесному утесу, пусть даже при пониженной гравитации? С соответствующим снаряжением и сноровкой это, видимо, довольно легко. Но на борту «Индевора» не было альпинистских скальных пистолетов и никто не додумался, каким другим способом вогнать в твердую, зеркально гладкую поверхность сотни стальных клиньев — а меньшим числом было не обойтись.

Нортон рассматривал и другие фантастические проекты, иные из них граничили с безумием. Допустим, обезьяна, снабженная присосками на лапах, сумела бы забраться наверх. Но даже если это в принципе осуществимо, сколько дней уйдет на то, чтобы изготовить и испытать нужное снаряжение, а главное, научить обезьяну пользоваться им? У человека же на подобное восхождение просто не хватит сил.

Привлечь на помощь технику? Напрашивалась мысль использовать ранцевые реактивные двигатели, но они предназначались для условий невесомости и давали слишком слабую тягу. Справиться с притяжением, даже с таким умеренным, как на Раме, да еще и поднять человека они не могли.

Однако нельзя ли запустить ранцевый двигатель в автоматическом режиме с грузом — бухтой спасательного каната? Нортон высказал такую идею сержанту Майрону, и тот не замедлил разнести ее вдребезги. Возникнут, сразу же указал Майрон, серьезные трудности со стабилизацией; их, конечно, можно преодолеть, но на это потребуется время — гораздо больше времени, чем у них осталось.

Ну, а воздушный шар? Здесь проглядывалась какая-то зыбкая возможность — если бы они придумали, из чего соорудить оболочку и как создать не слишком громоздкий источник тепла. Во всяком случае, воздушный шар был единственной надеждой, которую Нортон еще не успел отбросить к моменту, когда проблема из чисто теоретической превратилась в вопрос жизни и смерти и заняла главенствующее место в сводках новостей во всех населенных мирах.

Пока Джимми путешествовал вдоль берега моря, добрая половина всех безумцев Солнечной системы лихорадочно изобретала, как его спасти. Штаб космического флота принимал и рассматривал любые предложения и примерно одно из тысячи передавал на «Индевор». Предложение, с которым выступил Карлайл Перера, было передано дважды — через сеть Службы Солнца и

непосредственно через Планетком от имени Комитета по проблемам Рамы. Ученому это предложение стоило пяти минут раздумий и одной миллисекунды компьютерного времени.

Капитан Нортон решил было, что это шутка весьма дурного толка. Затем прочитал имя отправителя, увидел приложенные расчеты и поспешно их проверил, после чего вручил послание Карлу Мерсеру.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он самым обыденным тоном.

Карл быстро пробежал радиограмму глазами.

— Будь я проклят! Он прав, разумеется.

— Ты уверен?

— Он оказался прав насчет шторма, не так ли? Ей-ей, мы и сами могли бы догадаться об этом. Теперь я поневоле чувствую себя дураком.

— Могу составить тебе компанию. Следующий вопрос — как сообщить эту новость Джимми?

— По-моему, не надо ничего сообщать до самой последней минуты. Будь я на его месте, я определенно предпочел бы молчание. Скажи ему просто, что мы плывем.

Хотя Джимми без труда охватывал взглядом всю ширину Цилиндрического моря и представлял себе примерно направление, откуда ждать «Резолюшн», он не мог различить крохотное суденышко до тех пор, пока оно не миновало Нью-Йорк. Не верилось, что оно способно выдержать шесть человек да еще какое-то снаряжение для спасательных работ.

Когда до плота остался километр, Джимми узнал капитана Нортона и принялся махать ему. Чуть позже шкипер в свою очередь заметил Джимми и помахал в ответ.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Джимми,— добавил он по радио.— Я же обещал, что мы не оставим тебя в беде. Теперь-то ты мне веришь?

«Ну, положим, не совсем»,— подумал Джимми. Вплоть до последней секунды он задавал себе вопрос: не дружеский ли это заговор с целью поддержать его настроение? Но командир не стал бы пересекать море лишь за тем, чтобы проститься; наверное, они действительно что-то придумали.

— Поверю, шкипер,— ответил Джимми,— когда буду у вас на палубе. Ну а вы — вы хоть теперь-то скажете мне, как именно я до вас доберусь?

«Резолюшн» замедлил ход в сотне метров от подошвы утеса; насколько Джимми мог судить, на плоту не было никакого необычного снаряжения, а впрочем, он не очень-то твердо знал, чего ожидать.

— Извини, Джимми, но заранее мы не хотели тебя слишком волновать...

Слова капитана звучали зловеще; черт побери, что он имеет в виду?

«Резолюшн» остановился в пятидесяти метрах от утеса и в пятистах от Джимми — по вертикали, и лейтенант видел, как командир обращается к нему, видел с высоты птичьего полета.

— Значит, так, Джимми. Ты останешься цел и невредим, но от тебя потребуется изрядное мужество. Мы уверены, что мужества тебе не занимать. Тебе придется прыгнуть.

— Что-о? С высоты пятисот метров?!

— Не забудь — при половине *g*.

— Ну и что? Вам случалось на Земле падать с высоты двухсот пятидесяти?

— Замолчи, или я отменю тебе очередной отпуск. Можешь проверить вычисления сам... весь вопрос в величине конечной скорости. В атмосфере Рамы нельзя разогнаться до скорости, большей чем девяносто километров в час, безразлично, падаешь ли ты с высоты двести или две тысячи метров. Девяносто километров в час — это, пожалуй, многовато для полного спокойствия, но эту скорость можно еще чуть-чуть уменьшить. Вот что тебе надо сделать, слушай внимательно...

— Слушаю,— ответил Джимми.— Внимательнее некуда...

Больше он капитана не перебивал и не проронил ни слова, пока тот не договорил. Да, это было не лишено смысла и в то же время до смешного просто, настолько просто, что додуматься до такого решения мог только гений. И конечно, при условии, что означенному гению не придется проверять свой рецепт на себе...

Джимми никогда не доводилось ни нырять с большой высоты, ни выполнять затяжные прыжки с парашютом — эти виды спорта могли бы дать определенную психологическую подготовку к тому, что ему сейчас предстояло сделать. Можно битый час уверять человека в том, что перейти по досочке через пропасть — плевое дело, можно предъявить ему безупречные расчеты, а он все равно не способен будет и шагу ступить. Джимми наконец понял, почему капитан так долго избегал обсуждения плана спасения. Нортон хотел, чтобы у него не осталось времени на раздумья, а тем более на возражения.

— Не буду тебя торопить,— убеждал капитан.— Но чем скорее, тем лучше...

Джимми бросил взгляд на свой бесценный сувенир — единственный цветок Рамы. Аккуратно завернул его в грязный носовой платок, завязал платок узелком и швырнул с края утеса. Узелок планировал вниз с успокоительной медлительностью, но это продолжалось так долго — пятнышко становилось меньше, и меньше, и меньше, пока не исчезло совсем. Потом «Резолюшн» рванулся вперед, и Джимми понял, что узелок подобрали.

— Великолепно! — воскликнул Нортон с преувеличенным восторгом.— Уверен, что этот цветок назовут в твою честь. Ну давай, мы ждем...

Джимми снял с себя рубашку — другой верхней одежды в этом климате, ныне тропическом, они не носили — и задумчиво ее расправил. Несколько раз за время своих странствий он едва не бросил ее; теперь она, не ровен час, спасет ему жизнь.

В последний раз он оглянулся на пустынный мир, который ему привелось исследовать в одиночку, на дальние грозные острия Большого рога и его малых собратьев. Крепко сжав рубашку правой рукой, он разбежался и прыгнул с утеса — так далеко, как только сумел.

Теперь спешить было некуда: в его распоряжении оставалось добрых секунд двадцать, чтобы проанализировать свои ощущения. Но он не тратил времени зря — вокруг крепчал ветер, «Резолюшн» постепенно вырастал в размерах. Захватив рубашку обеими руками, он вытянул их над головой, чтобы мчащийся навстречу воздух наполнил ткань и превратил ее в удлиненный купол.

Едва ли это стоило рассматривать как парашют: снижение скорости на четыре-пять километров в час приносило, конечно, определенную пользу, но ничего не решало. Рубашка играла другую и притом более важную роль — удерживала его тело в вертикальном положении, чтобы оно врезалось в воду под прямым углом.

Впечатление было по-прежнему такое, что сам он вовсе не движется, зато вода стремительно несется ему навстречу. Как только он отважился на прыжок, чувство страха исчезло без следа; он даже испытывал известное раздражение — какого черта шкипер так долго держал его в неведении? Неужели Нортон и вправду опасался, что он, Джимми, побоится прыгнуть, если будет слишком долго раздумывать?

В самую последнюю секунду он выпустил рубашку, сделал глубокий вдох и зажал нос и рот руками. Как ему и советовали, он напрягся всем телом и плотно сомкнул ноги. В воду он должен войти чисто, как падающее копье...

— Это не труднее,— поучал его капитан,— чем на Земле прыгнуть с вышки. Ничего особенного — если сумеешь правильно войти в воду...

— А если нет? — осведомился Джимми.

— Тогда придется вернуться и попробовать снова...

Что-то ударило его по ногам — сильно, но не чересчур. Миллион скользких рук вцепились ему в тело, в ушах заревело, их стиснуло давлением — и даже сквозь плотно сомкнутые веки он ощутил, как на него по мере погружения в глубины моря наваливается темнота.

Тогда он принялся изо всех сил грести вверх, по направлению к гаснущему свету. Попытался открыть глаза, но мгновенно закрыл их снова: ядовитая вода жгла, как кислота. Подъем, казалось, тянулся столетия, и его не однажды посещало кошмарное подозрение, что он потерял ориентировку и плывет в действительности не вверх, а вниз. В таких случаях он шел на риск и вновь приоткрывал глаза — и с каждым разом вокруг становилось светлее.

Но когда голова наконец вырвалась на поверхность, веки как на грех были плотно сжаты. Он вдохнул всей грудью драгоценный воздух, перевернулся на спину и огляделся. «Резолюшн» шел к нему полным ходом; десять секунд спустя энергичные руки подхватили его и втащили на борт.

— Не наглотался воды? — был первый вопрос командира.

— Не думаю.

— Все равно прополощи рот вот этим. Достаточно. Как ты себя чувствуешь?

— Еще не знаю. Потерпите минутку — разберусь и скажу. Пока что спасибо вам всем...— Минута отнюдь не кончилась, когда Джимми внезапно понял, как именно он себя чувствует, и грустно признался: — Меня тошнит...

Участники спасательной экспедиции просто не поверили своим ушам.

— Это при мертвом штиле, на море, плоском, как доска? — воскликнула Руби Барнс, расценившая, по-видимому, состояние Джимми как прямую жалобу на свое искусство.

— Ну, плоским я бы это море не назвал,— откликнулся капитан, указав рукой на полосу воды, опоясавшую небо.— Тебе нечего стыдиться, Джимми,

ты, должно быть, все-таки глотнул этой дряни. Так избавься от нее, если можешь...

Джимми еще не кончил корчиться, отнюдь не героически и совершенно безуспешно, когда небо позади них внезапно озарила яркая вспышка. Все повернули головы к Южному полюсу, а Джимми мгновенно забыл про тошноту. Начиналось новое действие огненного спектакля.

Километровые потоки пламени устремились, танцуя, с Большого рога к малым. Затем они вновь пришли в размеренное вращение, словно танцоры-невидимки взмахивали своими лентами вокруг электрического майского дерева*. Но на этот раз танцоры кружились все быстрее и быстрее, пока ленты не слились в искрящийся конус огня.

Зрелище рождало благоговейный страх, как ни одно из величественных зрелищ, которых здесь было немало; к тому же оно сопровождалось отдаленным грохочущим громом, еще усугублявшим впечатление неукротимой силы. Спектакль продолжался около пяти минут — и оборвался так резко, будто кто-то где-то повернул выключатель.

— Хотел бы я знать, как истолкуют это в Комитете по проблемам,— проговорил Нортон, не обращаясь ни к кому в отдельности.— Кто рискнет выдвинуть какую-нибудь теорию?

Ответить никто не успел — в разговор ворвались возбужденные голоса группы наблюдения.

— «Резолюшн»! У вас все в порядке? Вы заметили?..

— Что мы должны были заметить?

— Мы решили, что это землетрясение. В ту самую минуту, как прекратился фейерверк.

— Причинен ли ущерб?

— Вряд ли. Оно не отличалось особой силой, просто нас слегка тряхнуло...

— Мы ничего не почувствовали. Да и не могли почувствовать — мы же в открытом море.

— Ну конечно, это был глупый вопрос. Теперь у нас вроде все спокойно... до следующего происшествия.

— Вот именно, до следующего происшествия,— откликнулся Нортон.

Тайны Рамы множились час от часу; чем больше люди открывали здесь нового, тем меньше понимали.

Внезапно с кормы донесся крик:

— Шкипер, взгляните! Вон туда, на небо!..

Нортон поднял глаза и поспешно обвел взглядом окружность моря. Но ничего особенного не заметил, пока не запрокинул голову и не увидел ту часть моря, что висела над ними в зените.

— Мой бог,— только и прошептал он, поняв, что «следующего происшествия» долго ждать не придется.

По дуге Цилиндрического моря мчалась приливная волна.

---

* Майское дерево — украшенный цветами столб, вокруг которого танцуют на весеннем празднике в английских деревнях.

32
ВОЛНА

Даже в эту минуту величайшего потрясения первой мыслью Нортона было убедиться в безопасности своего корабля.

— «Индевор»! — вызвал он.— Доложите обстановку!

— Все в порядке, шкипер,— последовал спокойный ответ старшего помощника.— Был легкий толчок, но он не мог причинить вреда. Наблюдается небольшое изменение ориентации — по докладу штурмана, примерно ноль целых две десятых градуса. Он предполагает также, что несколько изменилась скорость вращения — точные данные будут через две-три минуты.

«Итак, началось,— сказал себе Нортон,— и гораздо раньше, чем мы ожидали: до перигелия, до наиболее логичной точки перемены орбиты, еще далеко... Тем не менее начался какой-то маневр — это несомненно, и не исключено, что последуют новые толчки...»

Результат первого толчка был с определенной очередностью запечатлен на изогнутой водной глади, которая, казалось, неустанно падает с неба. До волны оставалось около десяти километров, и она шла на них, развернувшись во всю ширину моря от северного до южного берега. Вблизи суши волна поднималась стеной белой пены, а в открытом море снижалась до еле видимой синей линии, движущейся куда быстрее, чем буруны на флангах. Тормозящее действие прибрежных отмелей изгибало волну дугой, и центральная ее часть убегала все дальше и дальше вперед.

— Сержант,— властно произнес Нортон,— это по вашей части. Что можно предпринять?

Руби Барнс замедлила ход до полной остановки и впилась в волну оценивающим взглядом. Нортон порадовался, заметив, что лицо отражает не тревогу, а заинтересованность, своего рода предвкушение, как у опытного борца перед схваткой.

— Жаль, что у нас нет эхолота,— отозвалась она.— Если мы в глубокой воде, то и беспокоиться не о чем.

— Значит, мы в безопасности? До берега четыре километра...

— Надеюсь, что да, но еще присмотрюсь...

Руби вновь дала суденышку ход, развернула «Резолюшн» и направила его навстречу приближающейся волне. По оценке Нортона, от центральной, самой стремительной ее части их отделяло теперь меньше пяти минут, но и он уже понял, что как раз эта часть не представляет опасности. Просто-напросто рябь, не достигающая и метровой высоты,— плот разве что покачнется. Подлинная угроза заключается вовсе не в ней, а в горах пены, что остались далеко позади.

И тут — тут буруны внезапно появились и в центре моря. Волна, по-видимому, уперлась в подводную стену протяженностью в несколько километров, верхний край которой почти достигал поверхности. А буруны на флангах как по команде опали — там теперь была, очевидно, глубокая вода.

«Волноломы,— догадался Нортон.— В точности такие же, как в топливных баках "Индевора", только в тысячу раз крупнее. Наверное, их здесь мно-

жество по всему морю, чтобы как можно быстрее гасить любую возникшую на нем волну. Существенный вопрос: не находимся ли мы точно над таким же волноломом?..»

Руби Барнс опередила его ровно на одно мгновение. Она опять остановила «Резолюшн» и выбросила якорь. Якорь нащупал дно в каких-то пяти метрах.

— Вытягивайте! — крикнула она товарищам.— Надо убираться отсюда!..

Нортон охотно согласился с ней, однако если уходить, то в каком направлении? Руби двинулась полным ходом навстречу волне, до которой оставалось всего пять километров. Теперь капитан не только видел, но и слышал ее приближение — этот отдаленный рокот он не спутал бы ни с чем, хотя никак не ожидал услышать столь земной звук в пределах Рамы. Но вот звук изменился, стих — в центре волна опала снова, зато поднялась по сторонам.

Он попытался определить интервал между волнами, исходя из догадки, что они размещены равномерно. Получалось, что впереди есть еще один; если удалось бы удержать плот в глубокой воде, вдали от искусственных мелей, они были бы в безопасности.

Руби застопорила винт и опять вытравила якорь. Цепь ушла под воду на тридцать метров, а дна так и не коснулась.

— Порядок,— заявила морячка со вздохом облегчения.— Но мотор глушить я все-таки не буду...

И вновь пена вздымалась лишь вдали у побережий, а посредине море совсем успокоилось, если не считать бегущей навстречу плоту невинной синенькой полоски ряби. Осторожный кормчий Руби Барнс удерживала «Резолюшн» на поперечном курсе, готовая в любую секунду дать полный ход.

Затем в каких-то двух километрах от них море начало пениться с новой силой. Оно горбатилось яростными белыми гривами, и рев его, казалось, заполнил весь мир. Во всю ширину Цилиндрического моря, словно лавина, грохочущая по горному склону, неслись валы, самого малого из которых было достаточно, чтобы прикончить их утлое суденышко.

Руби, похоже, уловила на лицах своих спутников невольный страх и, перекрывая грохот, прокричала:

— Ну, чего испугались? Я каталась на волнах повыше этих...— Ее заявление не вполне соответствовало действительности; кроме того, она не упомянула, что в ее распоряжении была тогда добротная лодка для спортивного серфинга, а отнюдь не импровизированный плот.— Но если придется прыгать за борт, ждите моей команды. Проверьте свои спасательные жилеты...

«Она восхитительна,— подумал Нортон,— упивается каждым мгновением, как древний воин каждой минутой боя. И не исключено, что она права — если только мы не ошиблись в расчетах...»

Волна продолжала расти, выгибая и закручивая свой гребень. Вогнутая поверхность моря, вероятно, преувеличивала ее высоту, но выглядела она чудовищной, неодолимой силой, способной смести на своем пути все и вся.

И спустя секунды волна опала, будто из-под нее выдернули опору. Она прошла очередной барьер и вновь покатилась по глубокой воде. Когда она минутой позже достигла их, «Резолюшн» лишь качнулся вверх и вниз, и Руби тут же развернула плот и погнала его полным ходом на север.

— Спасибо, Руби, прекрасная работа. Но успеем ли мы добраться до берега, прежде чем волна догонит нас во второй раз?

— Может, и не успеем, она вернется минут через двадцать. Но к тому времени потеряет всю свою мощь — мы ее, пожалуй, и не заметим...

Одолев волну, они, казалось, должны были бы вздохнуть посвободнее и воздать должное красотам моря, но теперь никто не чувствовал себя в безопасности, пока не ступит на сушу. На поверхности моря вода крутилась множеством крошечных воронок, а над водой стоял странный кислый запах — «будто муравейник раздавили», как удачно определил Джимми. Запах был неприятным, но вопреки ожиданию не вызывал даже намека на морскую болезнь — видно, есть явления настолько чуждые, что человеческая натура не способна на них реагировать.

Еще минутой позже волна, удаляясь от плота и карабкаясь в небо, ударилась о следующий подводный барьер. С тыла зрелище казалось совсем не впечатляющим, и путешественники устыдились пережитых страхов. Они уже почти возомнили себя хозяевами Цилиндрического моря.

Тем сильнее было потрясение, когда в какой-то сотне метров от плота из воды высунулось нечто вроде лениво вращающегося колеса. Отливающие металлом спицы, по пяти метров каждая, взмывали в воздух, роняя капли, неспешно поворачивались в слепящем сиянии раманского дня и с плеском падали в море. Словно на поверхность поднялась исполинская морская звезда с трубчатыми лучами.

Животное или машина? Ответить на этот вопрос по первому впечатлению не представлялось возможным. Но тут «звезда» завалилась набок и осталась лежать в полупогруженном состоянии, мягко покачиваясь на зыби — наследнице прошумевшей волны.

Теперь люди разглядели, что у «звезды» девять щупалец, вероятно суставчатых, которые радиально расходятся от центрального диска. Два щупальца были сломаны, крайние суставы отсутствовали. Семь здоровых заканчивались сложными наборами манипуляторов, живо напомнившими Джимми встреченного им краба. Оба существа принадлежали, видимо, к одной эволюционной ветви — или вышли из одного конструкторского бюро.

В середине диска возвышался вырост с тремя большими глазами. Два из них были закрыты, третий открыт, но казался мутным и незрячим. Несомненно, им выпал случай наблюдать смертные муки диковинного чудовища, вытолкнутого на поверхность подводным штормом, который только что миновал.

Потом они заметили, что чудовище не одиноко. Около него кружила, то и дело подплывая вплотную к еле шевелящимся щупальцам, пара тварей помельче, похожих на раков-переростков. Эти твари весьма целеустремленно уничтожали большое чудовище, а оно и не думало сопротивляться, хотя по всем признакам могло бы справиться с десятком таких разбойников.

И снова Джимми поневоле вспомнил краба — могильщика «Стрекозы». Он присмотрелся внимательнее и понял, что не заблуждается.

— Взгляните, шкипер,— прошептал лейтенант.— Видите, они и не думают пожирать его. У них и ртов-то нет. Они просто режут его на части. В точности то же произошло и со «Стрекозой».

— Ты прав. Они демонтируют его, как... как сломанную машину. Но,— добавил Нортон, поморщившись,— до сих пор я никогда не сталкивался с металлоломом, который испускал бы такой смрад...— Тут его внезапно осенила новая мысль.— Мой бог, а если они вздумают так же разделаться и с нашим плотом! Руби, давайте как можно скорее к берегу!..

«Резолюшн» устремился вперед, нимало не заботясь о сохранности своих батарей. А за его кормой девять спиц исполинской «морской звезды» — лучшего названия никто так и не предложил — все укорачивались и укорачивались, пока остатки «звезды» и оба рака не исчезли вновь в морской пучине.

За плотом никто не гнался, однако люди вздохнули лишь тогда, когда «Резолюшн» подошел к причалу и они, возблагодарив судьбу, взобрались наверх. Бросив прощальный взгляд на водное кольцо, исполненное тайн и — как теперь казалось — скрытого зла, капитан Нортон мрачно решил, что больше никто из экипажа не пересечет его. Слишком много неизвестного, слишком много опасностей...

Он оглянулся на башни и валы Нью-Йорка, на темный утес континента на том берегу. Впредь они застрахованы от назойливого человеческого любопытства.

Он не станет вновь гневить раманских богов.

33
ПАУК

Отныне, согласно приказу Нортона, в лагере Альфа должно было всегда находиться не менее трех человек и один из них — постоянно стоять на часах. Такой же порядок был введен и в других поисковых группах. На Раме завелись потенциально опасные существа, и, хотя они не обнаруживали пока враждебных намерений, благоразумный командир не собирался искушать судьбу.

Еще один часовой наблюдатель, вооруженный мощным телескопом, круглосуточно дежурил у шлюза. С этой выгодной позиции он мог обследовать любой уголок Рамы — даже Южный полюс казался удаленным лишь на какие-нибудь триста—четыреста метров. А территории, примыкающие к районам, где действовали группы, надлежало держать под неустанным контролем: так и только так капитан надеялся избежать любых неожиданностей. План был хорош, но, увы, с треском провалился.

В промежутке между ужином и отбоем в 22.00 Нортон, Родриго, Колверт и Лаура Эрнст сидели и смотрели вечерний выпуск последних известий, специально переданный через ретранслятор Инферно на Меркурии. Особенный интерес у них вызвал фильм о Южном континенте, отснятый Джимми, и возвращение через Цилиндрическое море — эпизод, взбудораживший всех телезрителей. Ученые, комментаторы, члены Комитета по проблемам Рамы выступали с пояснениями, в большинстве своем противоречивыми. Они никак не могли договориться, считать ли крабообразную тварь, которую встретил

Джимми, животным, машиной, разумным раманином или чем-то еще, не подпадающим ни под одну из перечисленных категорий.

Только что с чувством, весьма похожим на тошноту, они наблюдали, как хищники раздирают на части «морскую звезду», и вдруг обнаружили, что не одни. В лагерь проник непрошеный гость.

Первой его заметила Лаура Эрнст. Она на секунду оцепенела, потом шепнула:

— Не двигайся, Билл. Теперь осторожно посмотри направо.

Нортон повернул голову. В десяти метрах от них стоял тонконогий треножник, увенчанный сферическим тельцем размером с футбольный мяч. По окружности мяча располагались три больших, лишенных всякого выражения глаза — поле зрения существа составляло, очевидно, все триста шестьдесят градусов, а за телом волочились три хлыстообразных щупальца. Ростом треножник был ниже человека и выглядел слишком хрупким, чтобы относиться к нему с опаской, но это еще не оправдывало их беспечности: факт был налицо, ему позволили проникнуть в лагерь незамеченным. Нортону он напомнил не более чем безобидного паучка-сенокосца, хотя и о трех ногах, и еще капитан заинтересовался тем, как это создание решает проблему, неведомую живым существам Земли,— как оно передвигается, имея три точки опоры.

— Что скажешь, док? — прошептал Нортон, приглушая голос теледиктора.

— Обычная для Рамы тройственная симметрия. Не вижу, как оно может нам повредить, разве что хлысты могут быть неприятными на ощупь или даже ядовитыми, подобно бахроме у медузы. Давайте посидим тихо и посмотрим, что оно станет делать.

Понаблюдав за людьми с полным бесстрастием две-три минуты, трехногий паук внезапно тронулся с места — и теперь они поняли, почему прозевали его появление. Он двигался так быстро и, главное, таким необычным способом, что глаз и мозг человека воспринимали это движение с огромным трудом.

Насколько Нортон мог судить — а окончательную ясность могла бы внести лишь замедленная киносъемка,— каждая их трех ног поочередно служила осью, вокруг которой поворачивалось все тело. И он не был вполне уверен, что ему почудилось, что через каждые несколько «шагов» направление вращения меняется на противоположное; три хлыста мелькали буквально с быстротой молнии. «На всем скаку» существо развивало скорость — точно подсчитать опять-таки не представлялось возможным — не менее тридцати километров в час.

Паук вихрем обежал вокруг лагеря, обследуя каждый предмет снаряжения, осторожно прикасаясь к наскоро устроенным постелям, столам и стульям, аппаратуре связи, контейнерам с пищей, электрическим туалетам, камерам, бачкам с водой, инструментам — не было, пожалуй, ни одной мелочи, которую он не удостоил бы внимания, не считая лишь самих четырех наблюдателей. Напрашивался вывод, что паук достаточно разумен, чтобы провести грань между людьми и их неодушевленной собственностью; все его действия оставляли несомненное впечатление осмысленного любопытства и даже любознательности.

— До смерти хочется посмотреть, что у него внутри,— воскликнула Лаура, с сожалением провожая глазами существо, продолжающее выделывать свои стремительные пируэты.— Не попытаться ли его поймать?

— Как? — резонно осведомился Колверт.

— Да так же, как первобытные охотники ловили самых быстрых зверей — накидывая им на лапы веревку с грузилами на концах. Зверю это не причиняло никакого вреда.

— Сомневаюсь,— ответил Нортон.— Даже если бы подобный фокус и удался, мы не вправе идти на риск. Нам неизвестно, насколько этот треножник разумен, а веревка с грузилом вполне способна перебить ему ноги. Тогда нам не избежать действительно серьезных неприятностей — здесь на Раме, на Земле и где угодно еще...

— Но мне необходим такой экземпляр!

— Придется тебе довольствоваться цветком, который сорвал Джимми, разве что одно из этих созданий изъявит готовность к сотрудничеству. Насилие исключается. Как бы тебе понравилось, если бы кто-то высадился на Земле и решил, что ты — прекрасный экземпляр для анатомирования?

— Но я вовсе не собираюсь его анатомировать,— возразила Лаура не слишком убежденно.— Я хотела бы только посмотреть его...

— Ну что ж, у пришельцев по отношению к тебе могли бы быть именно такие намерения, но, уверяю тебя, ты провела бы немало неприятных минут, прежде чем им поверить. Нельзя допускать никаких действий, которые можно истолковать как угрожающие...

Нортон просто цитировал предписания, полученные перед посадкой на Раме, и Лаура знала об этом. Требования науки, как всегда, приносились в жертву требованиям космической дипломатии. Да, в общем-то, привлекать столь возвышенные соображения, наверное, и не было нужды, вопрос легко сводился к хорошим манерам. Все они были здесь посетителями, проникшими в помещение без спроса...

Паук как будто закончил свой осмотр. Он сделал, не снижая темпа, еще один круг по лагерю, а затем по касательной устремился в сторону лестницы.

— Интересно, как он будет взбираться по ступенькам? — подумала вслух Лаура.

Ответа на ее вопрос долго ждать не пришлось: паук не обратил на лестницу никакого внимания и пустился вверх прямо по вогнутому склону, даже не снизив скорости.

— Группа наблюдения,— вызвал Нортон,— к вам вскоре, видимо, пожалует гость. Следите за лестницей Альфа, шестой пролет. И кстати, большое спасибо за то внимание, с каким вы нас охраняете...

Потребовалась целая минута, чтобы дежурный уловил сарказм и начал сбивчиво оправдываться:

— Мм... вот теперь, шкипер, когда вы мне сказали, я действительно что-то такое вижу. Но что это?

— Знаю не больше вашего,— ответил Нортон, нажимая кнопку общей тревоги.— Лагерь Альфа вызывает все группы. Нас только что навестило суще-

ство, похожее на трехногого паука. Небольшое сферическое тело на очень тонких ногах передвигается вращаясь, притом очень быстро. Внешне безобидное, но крайне любопытное существо. Может подкрасться к вам, прежде чем вы его заметите. Подтвердите прием...

Первым отозвался Лондон:

— У нас без происшествий, шкипер...

Затем откликнулся Рим — подозрительно сонным голосом:

— У нас тоже. Хотя, погодите-ка...

— Что там еще?

— Я отложил ручку всего минуту назад — ее нет! Что за... о-о!..

— Говорите связно!

— Вы не поверите, шкипер. Я делал тут кое-какие заметки... вы ведь знаете, я люблю писать, от этого никому никакого вреда... писал я своей замечательной шариковой ручкой, ей без малого двести лет... ну, в общем, теперь она валяется в пяти метрах отсюда.. Я ее поднял — славу богу, она не повреждена.

— А как она, по-вашему, туда попала?

— М-м... я, должно быть, задремал на минутку. День выдался тяжелый...

Нортон вздохнул, но от комментариев воздержался: их было так немного, и у них оставалось так мало времени на то, чтобы обследовать целый мир! Энтузиазм помогал побороть переутомление, но, к сожалению, не всегда, и капитану уже приходило в голову, что он рискует сверх меры. Не следовало бы, пожалуй, разбивать людей на такие мелкие группы, пытаясь охватить столь необъятную территорию. Но его не покидала мысль о быстротечных днях и неразгаданных тайнах, которые обступали со всех сторон. В то же время он исподволь проникался уверенностью иного рода: готовится нечто чрезвычайное, и им придется покинуть Раму задолго до перигелия, задолго до момента, якобы предназначенного для перемены орбиты.

— Вызываю группу наблюдения, Рим, Лондон — слушайте все,— произнес он.— В течение ночи прошу докладывать мне обстановку каждые полчаса. Будем исходить из того, что гости могут пожаловать к нам в любой момент. Иные из них могут оказаться опасными, но инцидентов следует избегать любой ценой. Вам известны указания на этот счет...

Что правда, то правда: это составляло неотъемлемую часть их профессиональной подготовки. Но вряд ли кто-нибудь из них всерьез верил, что давняя страсть теоретиков — «контакт с инопланетными разумными существами» — может обрести реальный смысл при их жизни. Еще менее вероятным казалось, что честь стать участником такого контакта выпадет на долю их самих.

Теория и практика — вещи разные: кто поручится, что в критических обстоятельствах не возобладает древнейший человеческий инстинкт самосохранения? И тем не менее задача первостепенной важности — считать любое существо, встреченное здесь на Раме, вполне лояльным.

Капитану Нортону вовсе не улыбалась перспектива прославиться в веках в качестве безумца, развязавшего первую межпланетную войну.

Через два-три часа сотни пауков наводнили всю равнину. В телескоп было видно, что Южный континент также кишит ими — континент, но только не остров Нью-Йорк.

На людей они больше не обращали внимания, да и люди спустя недолгое время почти перестали замечать их, хотя капитан Нортон порой улавливал в глазах своего старшего врача плотоядный блеск. Ничто, наверное, не доставило бы ей большего удовольствия, чем несчастный случай с каким-то из пауков; однако капитан отнюдь не жаждал потворствовать возникновению такого инцидента даже в интересах науки.

В сущности, не вызывало сомнения, что разумными пауков считать нельзя: их тело просто не могло вместить достаточно крупного мозга, трудно было даже понять, где они накапливают энергию, необходимую для движения. И в то же время их действия представлялись до странного осмысленными и согласованными: они побывали всюду и везде, но никогда не посещали одного и того же места дважды. У Нортона нередко возникало впечатление, что они ищут что-то вполне определенное. Но каков бы ни был предмет поисков, его, по-видимому, не нашли.

Они поднимались и на самый верх к Северному полюсу, все так же словно не видя гигантских лестниц. Как они умудрялись преодолевать вертикальный участок, даже при условии почти полной невесомости, оставалось неясным; Лаура предположила, что они пользуются присосками.

И тут, к совершенному ее восхищению, она наконец обрела свой желанный подопытный экземпляр. Группа наблюдения доложила, что один из пауков свалился с вертикальной стены и лежит, то ли мертвый, то ли выведенный из строя, на первой площадке. Лаура буквально взлетела по лестнице, установив рекорд, какого никому никогда не превысить.

Добравшись до площадки, она увидела, что существо, о котором шла речь, несмотря на небольшую скорость падения, сломало себе все три ноги. Глаза его оставались открытыми, но оно не реагировало ни на какие внешние раздражители. «Даже свежий труп — и тот проявлял бы больше признаков жизни»,— решила Лаура и, едва доставив свой трофей на «Индевор», приступила к анатомированию.

Паук оказался так хрупок, что распадался на части почти без ее вмешательства. Она отделила ноги от туловища, потом взялась за тонкий панцирь; три круговых разреза — и он снялся, как кожура с апельсина.

Секунд пять — десять она провела в тупом оцепенении — у паука не нашлось ни единого органа, который можно было бы опознать. Затем она сделала серию крупномасштабных снимков и наконец подняла скальпель.

С чего начать? Ей захотелось зажмуриться и полоснуть ножом наугад, однако такое решение вряд ли украсило бы ее как ученого.

Лезвие рассекло ткань практически без сопротивления. Спустя мгновение старший корабельный врач Лаура Эрнст издала не по-женски звучный вопль, эхом раскатившийся по «Индевору».

Сержанту Макэндрюсу понадобилось добрых двадцать минут, чтобы хоть немного успокоить перепуганных обезьян.

34

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО КРАЙНЕ СОЖАЛЕЕТ...

— Как вам известно, господа,— заявил председатель,— со времени нашей последней встречи произошло множество событий. Нам предстоит сегодня многое обсудить и вынести соответствующее решение. Поэтому я в особенности огорчен отсутствием нашего уважаемого коллеги — представителя Меркурия...

Заявление доктора Боуза не совсем соответствовало истине. Отсутствие меркурианина его ни капельки не огорчало. Гораздо правильнее было признать, что оно его тревожило. Дипломатический инстинкт подсказывал ему, что назревают какие-то катаклизмы, но, несмотря на превосходные источники информации, он даже отдаленно не подозревал какие.

Послание меркурианина было вежливым и совершенно невразумительным. Его превосходительство выражал глубокое сожаление по поводу того, что крайне срочное и неотложное дело не позволяет ему присутствовать на данном заседании ни лично, ни по видеоканалам. Доктор Боуз при всем желании не представлял себе, что же такое может оказаться более срочным и более важным, чем Рама.

— Двое из членов комитета выразили желание выступить с сообщениями. Первое слово я предоставляю профессору Дэвидсону...

По рядам ученых, кооптированных в Комитет, пронесся возбужденный шорох. Большинство из них полагали, что астроном с его широко известными космогоническими воззрениями — не самая подходящая фигура для того, чтобы возглавлять Космический консультативный совет. Подчас возникало впечатление, что проявления разумной жизни профессор расценивает лишь как печальное недоразумение на фоне величественных звезд и галактик и считает дурным тоном уделять этому недоразумению чрезмерное внимание. Это вовсе не прибавляло ему любви экзобиологов, в том числе Карлайла Перы, которые придерживались, естественно, противоположной точки зрения. По их убеждению, главный смысл существования Вселенной заключался именно в том, чтобы стать колыбелью разума; о чисто астрономических явлениях они если и говорили, то с насмешкой. «Просто мертвая материя» — такова была излюбленная их фраза на этот счет.

— Господин председатель,— начал ученый,— я проанализировал курьезные события, имевшие место на Раме за последние дни, и хотел бы поделиться с вами своими выводами. Некоторые из этих выводов довольно неприятны...

Карлайл Перера удивленно поднял глаза, потом издал довольный смешок. Он от души приветствовал все, что было неприятно профессору Дэвидсону.

— Прежде всего я имею в виду примечательные события, сопровождавшие полет юного лейтенанта в Южное полушарие. Электрические разряды сами по себе хотя и представляют собой впечатляющее зрелище, но не столь важны; нетрудно убедиться, что они содержат относительно небольшой энергетический потенциал. Они совпали с изменением скорости вращения Рамы и его ориентации, то есть положения в пространстве. Вот это требовало колоссаль-

ных затрат энергии, а разряды, едва не стоившие жизни мистеру... мм... Пэку, в сущности, не более чем побочное и, возможно, нежелательное явление, каковое конструкторы и свели к минимуму с помощью гигантских громоотводов Южного полюса.

Из сказанного можно сделать два вывода. Когда космический корабль меняет ориентацию,— а мы должны впредь считать Раму космическим кораблем, невзирая на его фантастические размеры,— то это обычно означает, что он намерен перейти на другую орбиту. Поэтому следует всерьез прислушаться к мнению тех, кто верит, что Рама отнюдь не собирается возвращаться к звездам, а готовится стать новой планетой нашего Солнца.

Если так, то «Индевор» тоже должен быть готов отдать швартовы — подходит здесь такое выражение? — в любой момент. Оставаясь с Рамой единым целым, наш корабль подвергается серьезной опасности. Думаю, что капитан Нортон уже принял это обстоятельство в расчет, но, по-моему, наш долг — послать ему дополнительное предостережение.

— Благодарю вас, профессор Дэвидсон. А что скажет доктор Соломонс?

— А вот что,— произнес историк.— Рама, по-видимому, изменил скорость своего вращения без использования каких бы то ни было реактивных двигателей. Это означает, на мой взгляд, одно из двух.

Во-первых, можно предположить наличие встроенных гироскопов. Гироскопы должны быть колоссальными — где же они?

Во-вторых, хоть это и перевернет всю нашу физику вверх тормашками, на Раме может использоваться система нереактивных двигателей. Так называемый гипердвигатель, в возможность которого не верит профессор Дэвидсон. Но в этом случае от Рамы можно ожидать чего угодно. Мы просто не в состоянии предсказать режим работы гипердвигателя даже в самом грубом приближении...

Дипломаты были откровенно сбиты с толку, однако астроном и не думал сдаваться. Для одного дня он уже сделал уступок более чем достаточно.

— С вашего разрешения, я предпочитаю придерживаться общепризнанных законов физики, пока не получу доказательств, что они неверны. Мы не нашли гироскопов на Раме, но мы их специально и не искали, а если и искали, то не там, где надо...

Боуз ясно видел, что Карлайл Перера теряет терпение. До сих пор экзобиолог ввязывался в отвлеченные споры с не меньшим пылом, чем все остальные, но теперь наконец-то в его распоряжении оказались точные факты. Его наука, влачившая доселе жалкое существование, за последние дни сказочно разбогатела.

— Ну что ж, если у присутствующих нет возражений, то доктор Перера располагает важной информацией...

— Благодарю вас, господин председатель. Все вы знаете, что мы наконец добыли экземпляр одной из форм раманской жизни, а другие формы наблюдали с близкого расстояния. Старший врач «Индевора» Лаура Эрнст представила нам подробный доклад о паукообразном существе, которое анатомировала.

Должен сразу сказать, что полученные ею данные настолько необыкновенны, что в любых других обстоятельствах я сам, наверное, им бы не поверил.

Паук состоит из тканей, которые определенно следует назвать живыми, хотя их биохимия отличается от нашей во многих отношениях — они содержат в значительных количествах легкие металлы. Тем не менее я не могу причислить паука к животным, не могу по нескольким серьезным причинам.

Прежде всего у паука нет ни рта, ни желудка, ни кишечника и вообще никакого пищеварительного тракта. Нет также и дыхательных путей, нет легких, нет крови, нет органов размножения...

Вы спросите — что же у него есть? Есть простая мускулатура, управляющая тремя ногами и тремя хлыстообразными щупальцами или усиками. Есть мозг, и довольно развитый, что обеспечивает способность к триокулярному зрению. Однако четыре пятых тела состоит из крупных ячеистых клеток — именно они и преподнесли доктору Эрнст столь болезненный сюрприз, когда она приступила к вскрытию. Ей просто не повезло, что она не догадалась о назначении этих клеток вовремя — ведь они оказались едва ли не единственным на Раме приспособлением, существующим и на Земле, правда, лишь у горсточки морских животных.

Бóльшая часть тела паука — это высокоразрядная батарея, в сущности такая же, как у электрических угрей и скатов. Но предназначена она в данном случае, видимо, не для самообороны. Это непосредственный источник энергии для движения. Вот почему у паука нет органов пищеварения и дыхания — он не нуждается в таких примитивных устройствах. Между прочим, это значит также, что паук будет превосходно чувствовать себя даже в глубоком вакууме...

Итак, перед нами существо, представляющее собой фактически просто подвижный глаз. Трудиться оно не может, щупальца его слишком слабы. Учитывая всю совокупность признаков, я назвал бы это существо пауком-разведчиком.

Поведение его, безусловно, отвечает подобному определению. Единственное, что пауки делают, это носятся с места на место, рассматривая все, что встретится на пути. Ничего другого они и не могут...

Зато другие животные могут. Краб, морская звезда, акулы — лучших названий никто не предложил — могут активно воздействовать на окружающую среду и, видимо, специализированы для выполнения различных операций. Думаю, что питание они также получают от батарей, поскольку ртов у них, как и у паука, нет и в помине.

Уверен, что вы отдаете себе отчет в том, какие биологические проблемы возникают в этой связи. Могли ли подобные существа развиваться естественным путем? Честно говоря, сомневаюсь. Мне кажется, что они сконструированы как машины для определенных работ. Заканчивая характеристику, я бы сказал, что это роботы, биологические роботы — нечто, не имеющее аналогии на Земле.

Если Рама — космический корабль, то они, может статься, часть его экипажа. Как они рождаются — или создаются,— об этом я судить не берусь. Но догадываюсь, что ответ таится где-то в хитросплетениях труб Нью-Йорка.

Будь у капитана Нортона и его людей достаточно времени, они, вероятно, сталкивались бы со все большим числом все более сложных существ, чье поведение предсказать просто невозможно. И в один прекрасный день встретились бы с самими раманами, с подлинными создателями этого мира.

Заверяю вас, господа, что в этом случае никому и в голову не придет усомниться, разумные ли они существа.

35
СРОЧНАЯ ДЕПЕША

Капитан Нортон крепко спал, когда личный коммутатор безжалостно оторвал его от счастливых снов. Ему привиделось, что он отправился в отпуск на Марс и как раз пролетал мимо величественного, увенчанного снежной шапкой пика Никс Олимпика — самого мощного из всех вулканов Солнечной системы. Маленький Билли обратился к отцу с каким-то вопросом: теперь он никогда не узнает с каким.

Сон потускнел. Действительность олицетворял собой старший помощник, оставшийся на «Индеворе».

— Извините, что разбудил вас, шкипер,— сказал капитан-лейтенант Кирчофф.— «Молния» из штаба. Тройное А...

— Передавайте,— нехотя ответил Нортон.

— Не могу. Зашифровано вашим личным шифром.

Сна как не бывало. Такие депеши Нортон получал всего три раза за всю свою карьеру, и каждый раз за ними следовали серьезные неприятности.

— Проклятье! — произнес он.— Что же делать?

Старший помощник даже не потрудился ответить. Оба слишком хорошо понимали суть возникшей проблемы — одной из тех, что не предусматриваются уставом. Ведь обычно командиру нужно не более двух минут, чтобы добраться до своей каюты и до книги шифров в персональном сейфе. Если даже отправиться без промедления, он будет на корабле через четыре-пять часов. Но вряд ли такой срок подходит для депеш класса ААА...

— Джерри,— позвал он наконец.— Кто дежурит в радиорубке?

— Здесь никого нет, я один.

— Запись отключена?

— По странному стечению обстоятельств — да.

Нортон улыбнулся. Джерри был лучшим старшим помощником из всех, с кем ему доводилось работать. Джерри позаботился обо всем...

— Хорошо. Ты знаешь, где ключ от сейфа. Потом вызовешь меня снова.

Минут десять он ждал, призвав на помощь все свое терпение и стараясь — увы, безуспешно — думать о вещах посторонних. Он терпеть не мог без толку тратить умственную энергию — угадать, о чем идет речь в послании, все равно не удастся, и так или иначе он скоро узнает это наверняка. Вот тогда можно начинать волноваться, но с пользой для дела.

Когда старший помощник снова вышел на связь, голос его звучал очень напряженно.

. — Дело не слишком спешное, шкипер, час, во всяком случае, разницы не составит. Но предпочитаю обойтись без радио. Высылаю депешу с нарочным.

— Какого черта... Ну хорошо, хорошо, верю тебе. Кто доставит ее сквозь шлюзы?

— Я сам. Вызову тебя, когда пройду их.

— За старшего, значит, остается Лаура?

— На час — самое большее. Я сразу же вернусь на корабль.

Врачей, разумеется, не готовили к тому, чтобы исполнять обязанности капитанов, как и капитанов — к тому, чтобы оперировать больных. В обстоятельствах чрезвычайных кому только не приходилось меняться ролями, однако устав этого не рекомендовал. Ну что ж, одно из требований устава сегодня уже нарушено...

— Согласно вахтенному журналу, ты не оставлял «Индевор» ни на секунду. Лауру ты разбудил?

— Да. Она в восхищении.

— Счастье, что доктора приучены хранить тайны. Да, а расписку в получении ты послал?

— Конечно, от твоего имени.

— Тогда жду...

Теперь-то уж отрешиться от тревожных ожиданий стало и вовсе немыслимо. «Дело не слишком спешное, но предпочитаю обойтись без радио...»

Одно было совершенно ясно: спать капитану в эту ночь больше не придется.

36

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Сержант Питер Руссо и сам понимал, отчего вызвался на эту работу: во многих отношениях она была воплощением его детской мечты. Телескопы заворожили его еще в детстве, когда ему было шесть или семь лет от роду; бóльшую часть юности он провел, собирая линзы всех форм и размеров. Он монтировал эти линзы в картонных трубках и делал все более и более сильные инструменты, пока не познакомился с Луной и планетами, с ближайшими космическими станциями и с окрестностями собственного дома в пределах добрых тридцати километров.

Ему посчастливилось родиться в горах Колорадо — почти во все стороны перед ним открывались неистощимые в своей красоте виды. Он проводил часы, обследуя из безопасного далека грозные вершины, что ни год взимавшие тяжкую дань с беспечных восходителей. Видел он немало, но воображение уносило его еще дальше, ему казалось, что за гребнями гор скрыты волшебные страны, полные удивительнейших существ. И многие годы спустя он избегал тех мест, сознавая, что мечта не выдержит столкновения с действительностью.

Сегодня отсюда, от центральной оси Рамы, он мог лицезреть чудеса, далеко превосходящие самые необузданные фантазии юности. Перед ним рас-

стилался целый мир, пусть небольшой — четыре тысячи квадратных километров,— но его изучению, даже если он мертв и неизменен, стоило отдать себя.

А теперь на Раму пришла жизнь, жизнь в своем бесконечном многообразии. Если биологические роботы и не были живыми существами, то очень неплохо их имитировали.

Неизвестно, кто первым изобрел словечко «биот», но его как по наитию принял весь экипаж. Окопавшись в своей обсерватории, Питер присвоил себе титул главного наблюдателя за биотами и понемногу начал — по крайней мере так ему казалось — разбираться в особенностях их поведения.

Пауки были подвижными органами чувств, предназначенными осматривать — и, вероятно, ощупывать — внутреннюю поверхность Рамы. Одно время их насчитывалось несколько сотен, и они сломя голову носились везде и всюду, но не прошло и двух дней — и пауки как по команде исчезли; не стало даже одиночек.

На смену паукам пришел целый зверинец более внушительных существ — непросто было придумать каждому из них подходящее название. Появились чистильщики с широкими плоскими лапами, методично полирующие по всей длине шесть искусственных солнц Рамы. Гигантские тени чистильщиков, отбрасываемые на противоположную сторону цилиндра, подчас вызывали там своеобразные затмения.

Краб, прикончивший «Стрекозу», был, видимо, мусорщиком. Компания таких же существ подобралась к лагерю Альфа и утащила весь сор, вынесенный за черту палаток; они утащили бы и все остальное, если бы Нортон и Мерсер, твердо встав на их пути, не отогнали непрошеных помощников. Столкновение было напряженным, но непродолжительным; после этого мусорщики, кажется, поняли, что им разрешается трогать, а что нет, и появлялись через определенные промежутки времени, как бы осведомляясь, не нужны ли людям их услуги. Такое безмолвное и очень удобное соглашение указывало на высокий уровень интеллекта то ли самих мусорщиков, то ли существ, направляющих их деятельность откуда-то извне.

Проблема уничтожения отходов решалась на Раме до крайности просто: мусорщики сбрасывали свои трофеи в море, где их, по-видимому, измельчали до состояния, пригодного для химического использования. Процесс шел быстро — «Резолюшн», к величайшему огорчению Руби Барнс, исчез за одну ночь. Нортон утешил ее, напомнив, что плот блистательно выполнил свою миссию и что он как капитан все равно не разрешил бы воспользоваться им снова. Ведь не исключено, что акулы не столь разборчивы, как мусорщики.

Ни один астроном, обнаруживший новую планету, не упивался бы своим открытием так, как Питер, когда ему удавалось засечь новый тип биота и к тому же сделать его хороший телескопический снимок. Как на грех, самые интересные разновидности биотов концентрировались у Южного полюса — они выполняли там какую-то таинственную работу вокруг рогов. Что-то напоминающее гусеницу на присосках время от времени взбиралось по склонам Большого рога, а подле более низких вершин Питер заметил как-то массивное создание — помесь бегемота с бульдозером. Был там также и жираф с двумя шеями, вероятно, игравший роль передвижного крана.

Безусловно, Рама, как и любой корабль после долгого плавания, требовал проверки, наладки и ремонта. Команда заняла места и трудилась вовсю, но когда же явятся пассажиры?

Классификация биотов отнюдь не являлась для Питера главной задачей: ему было приказано не сводить глаз с разведывательных групп, вышедших на задания, следить, все ли у них в порядке, и предупреждать о приближении незваных гостей. Каждые шесть часов Питера сменял кто-нибудь из тех, без кого можно было обойтись, но не однажды он оставался на посту по двенадцать часов. В результате он изучил топографию Рамы, как никто другой. Она была знакома ему не хуже, чем горные кряжи Колорадо в годы юности.

Когда из воздушного шлюза Альфа выплыл Джерри Кирчофф, Питер мгновенно понял, что произошло событие из ряда вон выходящее. Люди никогда не покидали «Индевор» в часы, отведенные для сна, а по корабельному времени было уже далеко за полночь. Тут Питер сообразил, что каждому отводится строго определенная роль, и был потрясен вопиющим нарушением устава.

— Джерри! Кто же командует на корабле?

— Я,— холодно ответил старший помощник, отстегивая шлем.— Не думаете же вы, что я мог оставить рубку во время вахты?

Он раскрыл сумку, притороченную к скафандру, и достал оттуда маленькую жестянку с этикеткой «Апельсиновый сок. Концентрат. Развести в пяти литрах воды».

— Вы в этом деле мастак, Питер. Шкипер ждет ее.

Питер взвесил жестянку в руке и сказал:

— Надеюсь, масса достаточно велика. Иной раз они застревают на первой площадке...

— Вам виднее...

Это была совершенная правда: наблюдатели натренировались перебрасывать вниз всякие мелочи, иногда забытые, а иногда понадобившиеся в спешном порядке. Фокус заключался в том, чтобы они благополучно миновали зону низкой гравитации, а затем на восьмикилометровом пути вниз не слишком отклонились от цели под действием эффекта Кориолиса.

Питер одной рукой ухватился покрепче за канат, а другой швырнул жестянку вниз по вертикальной плоскости. Целился он не в направлении лагеря Альфа, а почти на тридцать градусов в сторону.

Сопротивление воздуха почти тотчас лишило жестянку начальной скорости, но псевдопритяжение Рамы уже подхватило ее и покатило вниз. У основания трапа она ударилась об уступ и, совершив замедленный прыжок, благополучно преодолела первую площадку.

— Теперь все в порядке,— заявил Питер.— Хотите пари?

— Нет,— последовал быстрый ответ.— У вас все козыри на руках.

— Вы не спортсмен. Но я все равно скажу — она остановится от лагеря не далее чем в трехстах метрах.

— Не слишком-то близко.

— Попробовали бы сами. Я видел, как Джо однажды промазал на пару километров...

Жестянка уже не подпрыгивала, притяжение стало достаточным для того, чтобы припечатать ее к изгибу Северного купола. К моменту, когда она докатилась до второй площадки, скорость ее достигла двадцати — тридцати километров в час, то есть почти максимального значения.

— Теперь остается только ждать,— сказал Питер, усаживаясь у телескопа, чтобы не терять посланца из виду.— Будет на месте через десять минут. А, вот и шкипер идет... я научился узнавать людей прямо отсюда... поднял голову, смотрит на нас...

— Телескоп, наверное, дает вам своеобразное ощущение власти?

— Да, конечно. Все-таки я единственный, кто знает обо всем, что творится на Раме. По крайней мере я считал так до той ночи,— добавил Питер уныло, бросив на Кирчоффа укоризненный взгляд.

— Если это доставит вам удовольствие, могу сказать, что у шкипера кончилась зубная паста.

После этой реплики разговор, естественно, увял, но вот Питер произнес:

— Жаль, что вы не приняли пари... ему придется пройти всего пятьдесят метров... вот он увидел жестянку... задание выполнено.

— Спасибо, Питер, классная работа. Можете снова отправляться спать.

— Спать? Я на вахте до четырех ноль-ноль.

— Извините, но вы, должно быть, все-таки спали. Иначе как бы я вам привиделся?..

ШТАБ КОСМОФЛОТА — КОМАНДИРУ КОРАБЛЯ «ИНДЕВОР». КЛАСС СРОЧНОСТИ ААА. ЛИЧНО В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ. РЕГИСТРАЦИИ НЕ ПОДЛЕЖИТ.

ПО ДАННЫМ «КОСМИЧЕСКОГО ПАТРУЛЯ», НА ПЕРЕХВАТ РАМЫ ДВИЖЕТСЯ СВЕРХСКОРОСТНОЕ ТЕЛО, ЗАПУЩЕННОЕ, ВИДИМО, С МЕРКУРИЯ ДЕСЯТЬ — ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ НАЗАД. ПРИ СОХРАНЕНИИ ПРЕЖНЕЙ ОРБИТЫ СБЛИЖЕНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ 322-Й ДЕНЬ ГОДА 15 ЧАСОВ. ВОЗМОЖНО, ВАМ ПРЕДСТОИТ ЭВАКУАЦИЯ ДО ЭТОГО СРОКА. ЖДИТЕ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ.

ГЛАВКОМ

Нортон перечитал депешу несколько раз, чтобы твердо запомнить дату. Следить за бегом времени, сидя безвыходно внутри Рамы,— дело нелегкое; пришлось обратиться к календарику на наручных часах, чтобы установить, что сегодня день 315-й. В их распоряжении оставалась ровно одна неделя...

От слов депеши бросало в дрожь — и не только от самих слов, сколько от того, что крылось за ними. Значит, меркуриане пошли на нелегальный запуск, что само по себе являлось грубым нарушением космического кодекса. Вывод был очевиден: запущенное ими «тело» — ракета, боевая ракета.

Но зачем им это? Невероятно — скажем, почти невероятно,— что они рискнут поставить под удар «Индевор» и его экипаж; следовательно, надо ждать еще и предупреждения от самих меркуриан. В случае необходимости он сумеет подготовиться к старту за несколько часов, но на экстренный старт он пойдет только по прямому приказу главнокомандующего.

Не спеша капитан подошел к развернутому на скорую руку комплексу жизнеобеспечения и спустил депешу в электрический туалет. Ослепительная вспышка лазерного аннигилятора, прорвавшаяся сквозь щель под сиденьем, засвидетельствовала, что требования безопасности соблюдены. «Как жаль,— сказал себе Нортон,— что со всеми другими проблемами нельзя разделаться так же быстро и гигиенично...»

37
РАКЕТА

До ракеты было еще пять миллионов километров, когда блеск ее плазменных тормозных двигателей стал ясно различим в главный телескоп «Индевора». К этому времени тайна сделалась общим достоянием, и Нортон скрепя сердце приказал начать вторую и, вполне возможно, окончательную эвакуацию из пределов Рамы; однако поднимать «Индевор» он не собирался до тех пор, пока не останется другого выхода.

Завершив тормозной маневр, непрошеный гость с Меркурия повис в каких-то пятидесяти километрах от Рамы и, по-видимому, повел осмотр места действия с помощью телекамер. Камеры были видны совершенно ясно — одна на носу, вторая на корме,— как видны были и антенны, несколько малых многоцелевых и одна большая остронаправленная: блюдце ее смотрело неизменно на далекую звездочку Меркурия. Нортон мог только предполагать, какие инструкции она принимает и какую информацию посылает взамен. Ведь меркуриане при всем желании не могли выдать ничего такого, чего бы уже не знали: все, что обнаружил экипаж «Индевор», открыто передавалось по всей Солнечной системе...

Ракета, побившая все рекорды скорости, чтобы прибыть сюда, выполняла волю своих создателей, служила инструментом для выполнения определенной цели. Но какой? Впрочем, это скоро станет общеизвестно: через три часа посол Меркурия должен выступить перед Генеральной Ассамблеей.

Официально ракеты все еще как бы не существовало. На ней не было опознавательных знаков, она не излучала радиоволны ни на одной из стандартных радиочастот. Все это является серьезным нарушением закона, однако даже Космический патруль до сих пор не заявил официального протеста. Все выжидали, беспокойно и нетерпеливо, следующего шага со стороны меркурианин.

Три дня назад о ракете — и о ее происхождении — было объявлено в сводке новостей; тем не менее меркуриане продолжали хранить упорное молчание. Они великолепно умели держать язык за зубами — если и когда им это было выгодно.

Иные психологи утверждали, что по-настоящему понять ход мыслей тех, кто родился и воспитывался на Меркурии,— дело почти немыслимое. Навечно отторгнутые от Земли ее тройным по сравнению с их родной планетой притяжением, меркуриане могли прилететь на Луну и оттуда любоваться колыбелью своих далеких предков, а то и отцов, но, как ни невелико было отде-

ляющее их от Земли расстояние, преодолеть его они не могли. А раз так, неизбежно стали заявлять, что не очень-то и хочется.

Они делали вид, что презирают ласковые дожди, колышущиеся под ветром поля, озера и моря, голубое небо — все то, что знали только по видеозаписям. Их родная планета купалась в солнечной энергии, дневная температура там нередко переваливала за шестьсот, и посему они чванливо славили собственную стойкость, которая, в общем-то, не выдерживала серьезной критики. В действительности меркуриане были предрасположены к физической слабости, поскольку выжить могли лишь в условиях полной изоляции от внешней среды. И даже если бы они оказались в состоянии выдержать силу земного притяжения, их вывел бы из строя первый же жаркий день в любой экваториальной стране.

И тем не менее по большому счету они, несомненно, были стойкими. Психологический гнет ненасытного Солнца, до которого буквально рукой подать, повседневная необходимость вгрызаться в неподатливую планету и вырывать у нее все жизненные блага — эти тяготы породили спартанскую культуру, во многих отношениях достойную уважения. На меркуриан можно было положиться — если они обещали, то держали слово, невзирая на любые затраты. Сами они шутили, что, если Солнце когда-нибудь обнаружит симптомы превращения в сверхновую планету, они подпишут контракт с обязательством призвать его к порядку — лишь бы договориться насчет гонорара. А вне Меркурия уверяли, что всякого ребенка, проявившего наклонности к искусству, философии или абстрактной математике, на этой планете незамедлительно пустят в расход. Что касается душевнобольных и преступников, то они и в самом деле признавались на Меркурии роскошью, которой эта планета просто не могла себе позволить.

Капитан Нортон побывал на Меркурии всего однажды, искренно — как и большинство новичков — поразился тому, что увидел, и завел немало друзей. Он даже влюбился в одну девицу, уроженку города Порт-Люцифер, и стал подумывать о женитьбе, но родители невесты отнеслись к его планам более чем неодобрительно. Ну что ж, что ни делается — все к лучшему...

— Тройное А с Земли, шкипер,— сообщили из рубки.— От главнокомандующего. Микрофонный текст дублирован радиограммой. Передавать?

— Радиограмму выверьте и подшейте. Дайте мне запись.

— Пожалуйста.

Голос адмирала Гендрикса звучал спокойно и сухо, словно он диктовал заурядный приказ по флоту, а не обсуждал ситуацию, беспрецедентную в истории космических исследований. Но, в конце концов, в соседстве с бомбой находился не он...

— Главнокомандующий вызывает капитана корабля «Индевор». Разрешите кратко охарактеризовать обстановку, сложившуюся на текущий момент. Вам известно, что пленарное заседание Ассамблеи начнется в 14.00 и будет вам транслироваться. Не исключено, что от вас потребуются немедленные действия без дополнительных консультаций. Отсюда необходимость провести предварительный инструктаж.

Мы изучили присланные вами снимки. Меркурианский аппарат представляет собой обычный космический зонд, модифицированный для повышенных скоростей, вероятно, с лазерным ускорителем на начальной ступени. Размеры и масса достаточны, чтобы нести водородную бомбу мощностью от 500 до 1000 мегатонн. В своей повседневной практике на горных работах меркуриане применяют заряды до 100 мегатонн, следовательно, они без труда могли собрать боеголовку любой мощности.

Наши эксперты вычислили, что 500 мегатонн — минимальный заряд, гарантирующий разрушение Рамы. Если бомба взорвется в наиболее тонкой части корпуса — под Цилиндрическим морем,— цилиндр расколется, и центробежная сила довершит его уничтожение.

Мы полагаем, что меркуриане, если они действительно планируют подобный акт, дадут вам время отойти на безопасное расстояние. Для вашего сведения сообщаю, что гамма-излучение при взрыве такой силы может представлять для вас угрозу в радиусе тысячи километров.

Но это еще не самая большая опасность. Обломки Рамы весом в десятки и сотни тонн, выброшенные в пространство со скоростью до тысячи километров в час, могут исковеркать «Индевор» на неограниченном расстоянии. Поэтому мы рекомендуем вам взлетать в направлении оси вращения, единственном, где осколков быть не может. Удаление в десять тысяч километров даст вам возможность обеспечить должную гарантию безопасности.

Это сообщение застраховано от перехвата, оно передается с использованием многократного сдвига частот, и я могу говорить открытым текстом. Ваш ответ, напротив, могут подслушать, так что выбирайте выражения осмотрительнее, при необходимости применяйте код. Вызову вас снова сразу после пленарного заседания. Сообщение окончено. Главнокомандующий. Конец связи.

38
ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

По утверждению историков — хотя кто им верит,— было время, когда в прежнюю Организацию Объединенных Наций входили 172 государства. В Организации Объединенных Планет насчитывалось всего семь членов, но и этого подчас было более чем достаточно. В порядке удаленности небесных тел от Солнца семерка выглядела так: Меркурий, Земля, Луна, Марс, Ганимед, Титан и Тритон.

В списке было немало пропусков и неясностей, оставленных, очевидно, по принципу: «Будущее рассудит». Критики не уставали подчеркивать, что большинство в Организации Объединенных Планет составляют отнюдь не планеты, а спутники. И не смехотворно ли, что в список вовсе не попали четыре гиганта: Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун?

Но на газовых гигантах никто не жил и, похоже, никогда жить не будет. То же самое относилось и к пятой обойденной вниманием планете — к Венере. Даже самые отпетые энтузиасты реконструкции планет сошлись на том,

что на обуздание Венеры уйдут столетия; разумеется, меркуриане не сводили с нее глаз и, несомненно, вынашивали далеко идущие планы.

Раздельное представительство Земли и Луны также служило яблоком раздора: остальные члены ООП считали, что в одном уголочке Солнечной системы сосредоточивается чересчур большая власть. Однако на Луне население было больше, чем на всех других мирах, не считая самой Земли; кроме того, Луну избрали местом встреч членов организации. И, по правде говоря, Земля и Луна не соглашались друг с другом никогда и ни в чем, так что возможность возникновения блока между ними казалась более чем сомнительной.

Марс осуществлял опеку над малыми планетами, за исключением астероидов типа Икара, подведомственных Меркурию, и горсточки дальних астероидов, с афелием за орбитой Сатурна,— их интересы защищал Титан. В один прекрасный день крупнейшие из астероидов, к примеру Паллада, Веста, Юнона и Церера, быть может, станут настолько значимыми, что удостоятся права иметь собственных представителей в ООП, и число членов организации достигнет двузначной цифры.

Ганимед представлял не только Юпитер — а следовательно, большую массу, чем все другие планеты, вместе взятые,— но также и остальные пятьдесят с чем-то юпитерианских спутников (с учетом временно захваченных из пояса астероидов, что, впрочем, служило поводом для бесконечных юридических споров). В свою очередь Титан взял на себя опеку над Сатурном, его кольцами и спутниками, число которых превышало три десятка.

Положение Тритона оказывалось запутанным еще более. Самая крупная из лун Нептуна была в то же время самым дальним телом Солнечной системы, имеющим постоянное население; вследствие этого обязанностей у посла Тритона было просто не перечесть. Он представлял Уран и восемь его необитаемых лун, Нептун с тремя его спутниками, Плутон с его единственной луной и сиротливую, лишенную спутников Персефону. Отыщись за Персифоной и другие планеты, они тоже подпали бы под юрисдикцию Тритона. И, словно всего этого не хватало, «посол внешнего мрака», как его подчас называли, случалось, плаксиво спрашивал: «А как насчет комет?..» С общего согласия ответ на его вопрос откладывался на неопределенное будущее.

И вдруг оно, это будущее, стало весомым и зримым. По формальным признакам Раму следовало отнести к кометам — ведь иные из них также были гостьями из межзвездных глубин, и многие, двигаясь по гиперболическим орбитам, подходили к Солнцу даже ближе, чем Рама. Любой знаток космического права состряпал бы из приведенных доводов хорошенькое дельце, а посол Меркурия в Организации Объединенных Планет был, вне сомнения, одним из лучших знатоков...

— Разрешите предоставить слово его превосходительству послу Меркурия...

Поскольку делегаты располагались против часовой стрелки в порядке возрастания удаленности планет от Солнца, меркурианин сидел непосредственно справа от председателя. До самой последней минуты он неотрывно вглядывался в экран своего компьютера; теперь он снял синхронизирующие очки, с

помощью которых читал неведомые никому сообщения, собрал в стопку листки с записями и проворно поднялся на ноги.

— Господин председатель, уважаемые коллеги, я позволю себе начать с краткой характеристики обстановки, сложившейся на настоящий момент...

Услышь они такое из уст иного оратора, слушатели как один отозвались бы на «краткую характеристику» единодушным стоном, однако меркуриане всегда говорили именно то, что хотели сказать.

— Гигантский космический корабль, или искусственный астероид, получивший название Рама, был впервые обнаружен более года назад еще за орбитой Юпитера. Первое время считалось, что это естественное тело, движущееся по гиперболической орбите, и что оно, обогнув Солнце, вновь уйдет в межзвездное пространство.

Когда была выяснена истинная его природа, разведывательному кораблю «Индевор», приписанному к Службе Солнца, было приказано встретиться с пришельцем. Уверен, что мы от души поздравим капитана Нортона и его экипаж с мастерским выполнением поставленных перед ними уникальных задач...

В свое время многие верили, что Рама мертв, заморожен сотни тысяч лет назад и не способен ожить ни при каких обстоятельствах. Это, быть может, действительно так, но только в строго биологическом смысле. Все, кто изучал этот вопрос, в принципе согласны, что ни один живой организм сколько-нибудь значительной сложности не в состоянии перенести гипотермический сон больше двух-трех веков. Даже при температуре абсолютного нуля остаточные квантовые эффекты сотрут столь значительную часть внутриклеточной информации, что о воскрешении не может быть и речи. Поэтому казалось, что Рама представляет собой лишь громадную археологическую ценность и не вызывает никаких политических проблем.

Сейчас для нас очевидно, что подобная позиция была более чем наивной, хотя нельзя не вспомнить тех, кто с самого начала утверждал, что Рама вышел к Солнцу слишком точно для чисто случайного совпадения.

Однако и при таком условии можно было считать — собственно, так и считали,— что мы наблюдаем результат грандиозного, но неудачного эксперимента. Рама, мол, достиг намеченной цели, а разумные существа, направившие его в полет, погибли. Но и подобная точка зрения, как выяснилось,— простодушное заблуждение, заведомая недооценка интеллекта тех, с кем мы имеем дело.

Мы не приняли во внимание одного — возможности небиологической жизни. Если согласиться с весьма убедительной теорией доктора Переры, которая, безусловно, удовлетворяет всем наблюдаемым фактам, создания, населяющие сегодня Раму, до недавнего времени просто не существовали. Их чертежи или схемы были заложены в какое-то центральное хранилище, а когда пробил час, они были изготовлены из подручных материалов, по-видимому, из металлоорганической взвеси Цилиндрического моря. Подобный замысел, конечно, далеко превосходит наш нынешний уровень технологии, однако не представляет теоретических трудностей. Ведь печатные схемы, не в пример живой материи, способны хранить информацию без потерь в течение практически неограниченного времени.

Таким образом, Рама сейчас переведен в рабочий режим и выполняет волю своих создателей, кто бы они ни были. С нашей точки зрения, безразлично, погибли ли сами рамане миллионы лет назад или они, в свою очередь, будут воссозданы и присоединятся к своим слугам в определенный момент. С участием или без участия раман, их воля будет выполнена, более того, она уже выполняется.

Доказано со всей очевидностью, что на Раме есть работоспособный двигатель. Через несколько дней корабль достигнет перигелия, где по логике вещей перейдет на другую орбиту. Возможно, мы вскоре приобретем новую планету, обращающуюся в околосолнечном пространстве, которое находится под юрисдикцией моего правительства. Или, что тоже не исключается, после дополнительных маневров Рама выйдет на иную орбиту на любом расстоянии от Солнца. Быть может, даже станет спутником одной из крупных планет, например Земли...

Следовательно, коллеги-делегаты, мы сталкиваемся с богатым ассортиментом возможностей, и некоторые из них весьма неблагоприятны. Непростительной глупостью было бы считать, что рамане непременно окажутся доброжелательными и неспособными повредить нам. Если они явились к нам в Солнечную систему, значит, им здесь что-то нужно. Даже если им нужны знания и только знания, то кто поручится, что эти знания не будут использованы нам во вред?..

Нам противостоит техника, обогнавшая нашу на сотни, если не на тысячи лет, и культура, с которой у нас, возможно, вообще не найдется точек соприкосновения. Мы тщательно изучили поведение раманских биологических роботов — биотов — по пленкам, отснятым капитаном Нортоном, и пришли к определенным выводам, которыми мне и хотелось бы с вами поделиться.

Нам, меркурианам, в известном смысле не повезло — у нас нет местных форм жизни. Но мы, разумеется, располагаем самыми полными представлениями о земной зоологии, и мы нашли в этих представлениях одну пугающую параллель.

Я говорю о колонии термитов. Как и Рама, такая колония есть искусственный мир, контролирующий внешнюю среду. Как и на Раме, жизнеспособность этого мира зависит от множества специализированных биологических инструментов: от рабочих, строителей, крестьян и воинов. Нам неизвестно, существует ли в колонии раман королева, но разрешите высказать догадку, что остров, названный Нью-Йорком, играет аналогичную роль.

Очевидным абсурдом было бы продолжать эту аналогию слишком далеко, она не выдерживает критики во многих отношениях. Но я все же решил провести ее, и вот почему.

Возможно ли сотрудничество и взаимопонимание между людьми и термитами? Пока наши интересы не сталкиваются, мы относимся друг к другу терпимо. Но если нам или им понадобится территория или ресурсы другой стороны, пощады не жди.

Спасибо нашему разуму и нашей технике, мы, когда серьезно хотим, способны одержать победу. Однако подчас она дается нам нелегко, и находятся люди, верящие, что в конечном счете победа будет принадлежать термитам...

Имея это в виду, взвесьте страшную угрозу, которую Рама может — я не сказал должен — представлять для человеческой цивилизации.

Какие шаги мы предприняли, чтобы парировать эту угрозу в случае, если дело повернется к худшему? Ровным счетом никаких — мы только говорили, строили умозаключения да писали ученые статьи.

Итак, разрешите сообщить вам, коллеги-делегаты, что Меркурий сделал нечто большее. Исходя из положений статьи 34 космического соглашения 2057 года, уполномочивающей нас на любые шаги для защиты неприкосновенности околосолнечного пространства, мы доставили в район Рамы сверхмощное ядерное устройство. Мы будем очень рады, если нам не придется к нему прибегнуть. Но теперь мы по крайней мере не беспомощны, как раньше.

Нас могут упрекнуть, что мы приняли решение в одностороннем порядке, без проведения предварительных консультаций. Мы принимаем этот упрек. Но не воображаете ли вы — при всем моем уважении к организации, господин председатель,— что такого решения можно было достичь в согласованном порядке в приемлемый срок? Мы считаем, что действовали не только в собственных интересах, а и в интересах всего человечества. Настанет день, когда грядущие поколения выразят нам признательность за нашу дальновидность.

Мы отдавали и отдаем себе отчет в том, какой трагедией — чтобы не сказать преступлением — будет уничтожить столь удивительное творение разума, каким является Рама. Если существует хоть какой-то путь избежать этого, не подвергая риску все человечество, мы будем счастливы узнать о нем. Мы такого пути не нашли, а время, отпущенное нам, истекает.

До момента, когда Рама достигнет перигелия, осталось несколько дней — за эти дни надо сделать выбор. Мы, разумеется, пошлем дополнительное предупреждение на «Индевор», но советуем капитану Нортону немедля подготовиться к тому, чтобы стартовать в течение часа. Кто поручится, что решающие события не начнутся на Раме с секунды на секунду?..

Я заканчиваю. Господин председатель, коллеги-делегаты, благодарю вас за внимание. Надеюсь на дальнейшее продуктивное сотрудничество.

39

ОТВЕТСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

— Что скажете, Борис? Укладываются ли меркуриане в вашу теологическую концепцию?

— Вполне укладываются, командир,— отвечал Родриго со сдержанной улыбкой.— Существует вечный как мир спор между силами добра и силами зла. И бывают времена, когда человек обязан определить свою позицию в этом споре.

«Ну вот, чего-то в этом роде и следовало ожидать,— сказал себе Нортон.— Для Бориса вся эта история с бомбой должна была оказаться тяжким ударом, но он и не подумал замкнуться в тупой покорности». В критических обстоятельствах космохристиане проявляли себя как люди знающие и решительные — в этом смысле они напоминали меркурian.

— У вас сложился какой-то план?

— Да, командир. План, по существу, очень прост. Надо обезвредить бомбу.

— Неужели? И как же вы думаете это сделать?

— С помощью самых обыкновенных кусачек.

Будь это кто угодно другой, Нортон решил бы, что собеседник шутит. Но Борис Родриго шутить не умел.

— Постойте! Ракета вся ощетинилась телекамерами. Уж не рассчитываете ли вы, что меркуриане будут сидеть сложа руки и ждать, когда вы совладаете с ними?

— Вот именно. Больше им ничего не останется. Когда радиосигнал дойдет до Меркурия, будет уже слишком поздно. Я спокойно управлюсь за десять минут.

— Понимаю. И они будут грызть себе локти от гнева. А вы не боитесь, что бомба оснащена автоподрывом и ваше вмешательство попросту спустит курок?

— Это крайне маловероятно. Зачем ей такое устройство? Бомба была изготовлена специально для посылки в глубокий космос. Напротив, ракета, вероятно, битком набита предохранителями, гарантирующими, что она не взорвется без прямой команды из центра. А если риск и существует, то я иду на него — можно устроиться так, чтобы «Индевор» был вне опасности. Я все обдумал.

— Не сомневаюсь, что вы действительно все обдумали,— только и ответил Нортон.

Идея была завораживающей, почти неотразимо соблазнительной; особенно прельщала капитана мысль о том, как взбесятся меркуриане, и он дорого дал бы, чтобы увидеть их лица в момент, когда они осознают, но поздно, что случилось с их смертельной игрушкой.

Однако у медали была и оборотная сторона, и она, казалось, все разрасталась по мере того, как Нортон углублялся в раздумья. Он был поставлен перед необходимостью принять самое трудное — и самое ответственное — решение во всей своей жизни. И, собственно, сказать так — значило преуменьшить до смешного. Решение, которое предстояло принять, было самым трудным из всех, с какими когда-либо доводилось сталкиваться любому командиру: от этого решения, возможно, зависело будущее человечества. Что, если меркуриане — допустим на мгновение — хоть отчасти правы?..

Когда Родриго ушел, он включил на двери надпись: «Не беспокоить»; он даже не мог припомнить, когда пользовался ею в последний раз, и был слегка удивлен, что она зажглась. Теперь он остался один, совсем один в самом сердце полного людей корабля — один, если не считать портрета капитана Джеймса Кука, взиравшего на Нортона сквозь бездны времени.

Посоветоваться с Землей не представлялось возможным: его уже предупреждали, что любое сообщение будет непременно перехвачено, хотя бы при помощи радиоаппаратуры, обслуживающей бомбу. Вся полнота ответственности ложилась всецело на его плечи.

Где-то он читал об одном из президентов Соединенных Штатов Америки — не то Рузвельте, не то Пересе,— который поместил у себя на столе табличку:

«Верховная инстанция, апеллировать не к кому». Нортон не слишком ясно понимал, что имел в виду президент, но прекрасно сознавал, что ему-то самому и впрямь переадресовать ответственность некуда.

Он мог бы ничего не предпринимать, просто ждать, пока меркуриане не предложат уносить ноги. Однако как бы это выглядело в глазах потомков? Нортона не столь уж заботила проблема посмертной славы или бесчестья, но тем не менее ему не улыбалось прослыть в веках соучастником космического преступления, которое он был в силах предотвратить.

А Борис подготовил безупречный план. Как и предполагал капитан, Родриго обдумал все детали, предусмотрел любые возможности вплоть до той, весьма сомнительной, что бомба взорвется при первом прикосновении. Даже в этом случае «Индевор» не пострадает, прикрытый Рамой, словно щитом. Что касается самого лейтенанта Родриго, перспектива мгновенного причисления к лику святых не смущала его, видимо, ни в малейшей степени.

Но и в этом случае, если бомбу удастся благополучно обезвредить, это, пожалуй, еще далеко не конец. Меркуриане могут сделать новую попытку, если никто не изыщет способа остановить их. И все же будет выиграно две-три недели, и Рама давным-давно минует перигелий, прежде чем его настигнет новая ракета. К тому времени, надо надеяться, опасения паникеров окажутся несостоятельными. Или наоборот...

Быть или не быть... Никогда ранее капитану Нортону и в голову не приходило состязаться с Гамлетом. Что бы он сейчас ни предпринял, потенциальное добро и потенциальное зло уравновешивали друг друга. К какому бы решению ни пришел, этически оно остается труднейшим из трудных. Если он ошибается, ошибка выяснится очень быстро. Если окажется прав, то, может статься, никогда не докажет своей правоты...

Что толку уповать на логику, бесконечно перебирать взаимоисключающие варианты будущего? Так можно ходить по кругу до скончания веков. Пришло время прислушаться к внутреннему голосу.

— Ты прав, капитан,— прошептал он.— Человечество должно сберечь чистую совесть. Что бы ни говорили меркуриане, выжить — это еще не все...

Нажав клавишу селектора, он неторопливо произнес:

— Лейтенант Родриго, прошу ко мне.

Потом прикрыл глаза и, зацепившись большими пальцами за противоперегрузочные ремни кресла, приготовился вкусить хоть пять секунд полного покоя.

Кто знает, сколько времени пройдет, прежде чем ему представится случай побездельничать снова...

40

«ДИВЕРСАНТ»

Со скутера сняли все, без чего можно было обойтись, осталась голая рама, связывающая двигатели, рули и систему жизнеобеспечения. Выбросили даже сиденье второго пилота — ведь за каждый килограмм лишнего веса пришлось бы расплачиваться драгоценными секундами полетного времени.

Это была одна из причин, хотя и не главная, почему Родриго настаивал на том, чтобы идти в одиночку. Дело, говорил он, такое несложное, что помощники просто не нужны, а полет с пассажиром займет на две-три минуты больше. Облегченный скутер мог теперь развить ускорение свыше одной трети *g;* следовательно, расстояние от «Индевора» до бомбы можно покрыть за четыре минуты. В распоряжении «диверсанта» останется шесть — их хватит с избытком.

Отчалив от корабля, он оглянулся всего только раз, чтобы удостовериться, что «Индевор», как и планировалось, снялся с центральной оси и тихо перемещается к краю северного торца цилиндра. К моменту, когда он доберется до бомбы, между нею и кораблем встанет вся толща Рамы.

Над полярным диском Родриго летел не торопясь. Спешить пока не было нужды: телекамеры, установленные на бомбе, не могли засечь его здесь, и следовало поберечь горючее. Затем он перевалил за изогнутую кромку цилиндра и увидел ракету, сверкающую нестерпимым блеском — солнечные лучи были здесь яростнее, чем даже на ее родной планете.

Программу автоматическому штурману он рассчитал заранее. Теперь осталось лишь ввести ее в действие; скутер стремительно развернулся и через несколько секунд уже шел полным ходом. На миг померещилось, что обретенный заново вес раздробит все кости тела, но не прошло и минуты, как Родриго привык к нему. В конце концов он не испытывал никаких неудобств внутри Рамы, где весил вдвое больше, а родился на Земле, где сила тяжести была в три раза выше, чем сейчас.

Скутер мчался к цели стрелой, и огромный контур пятидесятикилометрового цилиндра постепенно отодвигался все дальше и дальше. Со стороны нельзя было судить о его истинных размерах — даже трудно было сказать, вращается ли он.

Сто секунд с начала полета; пройдено почти полпути. До бомбы оставалось еще слишком далеко, чтобы различить детали, просто она все ярче горела на фоне черного как смоль неба. Небо было непривычным — ни одной звезды, ни блестящей Земли, ни ослепительной Венеры: их гасили темные светофильтры, защищавшие глаза от убийственного солнечного сияния. Родриго сильно подозревал, что ставит рекорд: еще ни один человек не отважился работать в открытом космосе так близко к Солнцу. Счастье, что солнечная активность невысока...

Через две минуты десять секунд на контрольной панели зарделся мигающий огонек, тяга упала до нуля, и скутер перевернулся на сто восемьдесят градусов. Спустя мгновение двигатели вновь включились на полную мощность, но уже не разгоняя, а тормозя суденышко в том же сумасшедшем темпе — три метра в секунду и даже, пожалуй, скорее, поскольку баки с горючим стали легче наполовину. До бомбы двадцать пять километров — это еще две минуты. Он развил скорость до полутора тысяч километров в час — цифра для космического скутера совершенно безумная, может статься, рекордная. Но и выпавшая на долю Родриго миссия — не какая-нибудь заурядная рекогносцировка; в чем, в чем, а в этом сомневаться не приходилось.

Бомба росла на глазах; он уже видел главную антенну, неотрывно следящую за неразличимой звездочкой Меркурия. Три минуты назад эта антенна

со скоростью света послала своим хозяевам изображение приближающегося скутера. Но пройдет еще две минуты, прежде чем изображение достигнет цели.

Что же, спрашивается, предпримут меркуриане, завидя скутер? Разумеется, оцепенеют от ужаса, поняв, что он приблизился к бомбе на несколько минут раньше, чем они узнали о его существовании. Наблюдатель у экрана, вероятно, прежде всего свяжется с властями — на это уйдет еще какое-то время. Но даже в худшем случае, если дежурный офицер уполномочен дать команду на взрыв и нажмет на кнопку тотчас же, понадобится еще пять минут, чтобы сигнал вернулся сюда.

Родриго не стал бы заключать пари, но внутренне он был совершенно уверен, что такой незамедлительной реакции не последует. Меркуриане трижды подумают, прежде чем решиться уничтожить разведчика, посланного «Индевором», даже если догадаются о его намерениях. Вначале они обязательно попытаются вступить в переговоры — и это означает новую отсрочку.

Для колебаний есть и другая, еще более веская причина: вряд ли меркуриане захотят извести гигатонную бомбу на какой-то скутер. Взорванная так далеко от Рамы, она не причинит ему ни малейшего вреда. Значит, меркуриане обязательно попытаются пододвинуть ее поближе. Но рассчитывать все равно следует на самое худшее. Он должен действовать так, словно сигнал к взрыву придет в кратчайший возможный срок — ровно через пять минут.

На протяжении последнего километра пути Родриго торопливо сопоставлял то, что видел воочию, со снимками, сделанными с дальнего расстояния. Картинки теперь воплощались в твердый металл и гладкий пластик, умозрительные выводы становились беспощадной реальностью.

Бомба представляла собой цилиндр длиной метров десять и диаметром примерно три метра — пропорции, по странному совпадению, почти повторяли цилиндр Рамы. С ракетой-носителем бомбу связывало переплетение коротких двутавровых балок. По каким-то причинам, вероятно связанным с положением центра массы, все балки отходили от носителя точно под прямым углом, и бомба зловеще напоминала молот, поднятый для удара. Это и был молот, молот достаточно мощный, чтобы сокрушить целый мир.

С обоих концов бомбы свисали связки экранированных кабелей; они убегали под цилиндрический ее корпус и исчезали где-то в недрах носителя. Значит, все управление и контроль осуществлялись оттуда — на самой бомбе не было никаких антенн. Оставалось лишь перерезать эти две связки — и она превратится в безобидную груду мертвого металла.

В общем-то, именно этого он и ожидал, и все-таки задача выглядела слишком уж простой. Бросил взгляд на часы — пройдет еще тридцать секунд, прежде чем меркуриане узнают о его существовании, даже если они не отрывают глаз от экрана и заметят его в тот самый момент, когда он обогнул торец Рамы. В течение целых пяти минут никто в целом мире не в силах ему помешать — и на девяносто девять процентов можно ручаться, что времени в запасе гораздо больше...

Как только скутер окончательно остановился, Родриго прикрепил его к ближайшей балке, чтобы оба аппарата составили нерасторжимое целое. На это ушло всего несколько секунд, инструменты давно были наготове, и он вы-

бросился из кресла пилота, почти не обращая внимания на жесткий противорадиационный костюм.

Первым, на что он наткнулся взглядом, оказалась небольшая металлическая пластинка с надписью:

ОТДЕЛ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ
Секция Д
Западный бульвар, 47
Вулканополис, 17464
За справками обращаться к м-ру Генри К. Джонсу

Следовало предполагать, что через несколько минут мистер Джонс будет очень-очень занят.

Тяжелые кусачки рассекали кабель без труда. Отделяя первые проволочные пряди, Родриго даже на минуту не задумывался о геене огненной, запертой в считанных сантиметрах от его рук: если ему суждено выпустить силы ада на волю, он не успеет и узнать об этом...

Он опять взглянул на часы — вся операция заняла меньше минуты, он вполне укладывался в график. Теперь хвостовой кабель — и можно отправляться домой на виду у обескураженных и разгневанных меркуриан.

Но едва он притронулся ко второму пучку кабелей, как ощутил пальцами слабую вибрацию металла. Озадаченный, он оглянулся и ощупал глазами тело ракеты. Один из вспомогательных двигателей, ведающих ее ориентацией в пространстве, был окружен характерным сине-фиолетовым ореолом раскаленной плазмы. Бомба собралась двинуться в путь.

Радиограмма с Меркурия была лаконичной и непререкаемой. Пришла она ровно через две минуты после того, как Родриго скрылся за кромкой цилиндра Рамы.

КОМАНДИРУ КОРАБЛЯ «ИНДЕВОР». КОНТРОЛЬНО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР МЕРКУРИЙ-ИНФЕРНОУЭСТ ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ С ПОЛУЧЕНИЕМ НАСТОЯЩЕЙ РАДИОГРАММЫ ПОКИНУТЬ ОКРЕСТНОСТИ РАМЫ. В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ОДИН ЧАС. РЕКОМЕНДУЕМ ВЗЛЕТ С МАКСИМАЛЬНЫМ УСКОРЕНИЕМ В НАПРАВЛЕНИИ ОСИ ВРАЩЕНИЯ. ПОДТВЕРДИТЕ ПРИЕМ. КОНЕЦ.

Вначале Нортон просто не поверил своим глазам, потом рассердился. Он поймал себя на ребяческом побуждении радировать в ответ, что весь экипаж работает внутри Рамы и что на эвакуацию потребуются часы и часы. Но этим он, конечно, ничего бы не добился, разве что проверил бы, сильна ли воля и крепки ли нервы у меркуриан.

Но почему, почему они решили перейти рубикон за несколько дней до перигелия? Быть может, давление общественного мнения возросло настолько, что они предпочли поставить остальную часть человечества перед свершившимся фактом? Маловероятно: подобная чувствительность, прямо скажем, не в их натуре...

Отозвать Родриго он не мог, даже если захотел бы: скутер находится в радиотени Рамы, и связи с ним не будет до тех пор, пока не восстановится прямая видимость. А этого не случится до самого завершения «диверсии» — или до ее провала.

Придется набраться терпения; времени в распоряжении Нортона еще много, целых пятьдесят минут. И главное, что ему сейчас предстоит,— дать на ультиматум меркуриан наиболее достойный ответ.

Наиболее достойный ответ — ничего не отвечать, а просто ждать дальнейшего развития событий.

Первым чувством Родриго, когда бомба пришла в движение, был не физический страх, а нечто большее. До сих пор он верил, что Вселенная повинуется строгим законам, перед которыми склоняется все и вся, даже Бог, а тем паче какие-то меркуриане. Ни один приказ нельзя передать быстрее скорости света; скутер заведомо обогнал на целых пять минут любую встречную акцию, любое решение.

Значит, это все-таки совпадение — фантастическое, быть может, смертельно опасное, но только совпадение. По чистой случайности радиоимпульс, включивший двигатели, был послан примерно в то же время, когда скутер отходил от «Индевора»; пока Родриго преодолевал пятьдесят, сигнал покрывал расстояние в восемьдесят миллионов километров.

А может, это просто автоматическая коррекция с целью устранить какой-нибудь местный перегрев? Температура поверхностных слоев металла местами приближалась к полутора тысячам градусов, и Родриго неспроста старался по возможности держаться в тени...

Но вслед за первым двигателем заработал и второй, уравновешивая возникшее было вращение. Нет, дело не ограничивалось температурной коррекцией. Бомба изменяла ориентацию, нацеливаясь точно на Раму.

Бессмысленно вопрошать, отчего да почему это случилось именно в данный момент. Одно обстоятельство играло ему на руку: бомба, вне сомнения, разгонялась с невысоким ускорением. Одна десятая g — самое большее. Он не сорвется.

Родриго проверил захваты, крепящие скутер к опорным балкам, и — вдвойне тщательно — собственный страховочный пояс. В сознании вскипал холодный гнев, подкрепляя и без того твердую решимость. Означает ли этот маневр, что меркуриане намерены взорвать бомбу без предупреждения, не дав «Индевору» времени на спасение? Это казалось невероятным — не просто жестокость, а совершеннейшее безумие, сознательный вызов всей Солнечной системе. Что же заставило их преступить клятву, торжественно данную их полномочным послом?

Каков бы ни был их план, ему не исполниться.

Вторая радиограмма с Меркурия походила на первую как две капли воды, но появилась на десять минут позднее. Итак, они продлили срок ультиматума — в распоряжении Нортона по-прежнему оставался один час. И очевидно,

что они, прежде чем повторить свой приказ, все-таки дали «Индевору» время на ответ.

Однако теперь в их расчеты вмешался новый фактор: теперь они уже заметили Родриго и, вероятно, предприняли какие-то решительные действия. Надо думать, их директивы уже в пути. С секунды на секунду радиоволны достигнут ракеты...

Придется готовиться к старту. В любую секунду заполняющая небо громада Рамы может раскалиться по краям и вспыхнуть недолгим яростным сиянием, затмевающим самое Солнце.

Когда заговорил главный двигатель, Родриго был привязан вполне надежно. Двигатель проработал всего двадцать секунд — и смолк. Родриго проделал в уме быстрый подсчет: приращение скорости не могло оказаться больше пятнадцати километров в час. Понадобится час с лишним, чтобы бомба подошла к Раме вплотную; пожалуй, меркуриане просто решили пододвинуть ее поближе, чтобы при необходимости быстрее поразить цель. Если так, то это разумная предосторожность. Разумная, но слишком запоздалая.

Родриго вновь взглянул на часы, хотя за последние минуты чувство времени обострилось у него настолько, что почти не нуждалось в проверке. На Меркурии уже видели, что он целеустремленно подбирается к бомбе, что их разделяют какие-то полтора-два километра. Насчет его намерений у них наверняка не возникло и тени сомнения; скорее всего, там сейчас гадают, осуществил он их или еще не успел...

Второй пучок кабелей подался так же легко, как и первый; руки у Родриго были сноровистые, а инструмент действовал без осечки. Он обезвредил бомбу — или, вернее, добился того, чтобы ее нельзя было взорвать дистанционным приказом.

Но оставалась иная возможность, которой тоже не следовало пренебрегать. Отсутствие на бомбе внешних взрывателей еще не означало, что нет и взрывателей внутренних, способных на детонацию при ударе. Меркуриане все еще сохраняли контроль над движением самой ракеты и могли, если бы захотели, направить ее на столкновение с Рамой. Родриго еще не мог считать свою миссию полностью завершенной.

Пройдет пять минут — и в центре управления, скрытом где-то на Меркурии, увидят, как он сползает по балкам обратно к ракете, сжимая в руке скромных размеров кусачки, обезвредившие самое мощное оружие, которое когда-либо создавал человек. Родриго с трудом преодолел искушение помахать ими перед телекамерой, но все же решил, что это ниже его достоинства; в конце концов, он делает историю, и в грядущие годы эту сцену будут наблюдать миллионы и миллионы людей. Если, конечно, меркуриане не уничтожат запись в припадке бессильной злобы, однако он лично вряд ли вправе осуждать их.

Добравшись до большой антенны дальнего действия, он перебирал руками по стойкам, пока не подплыл к самой ее чаше. Его верные кусачки шутя справлялись со сложной подводкой, с равной легкостью перерезая кабели и

волноводы. Едва он рассек последнюю из стальных нитей, антенна принялась медленно вращаться на оси; вращение испугало его своей неожиданностью, но потом он понял, что нарушил систему автоматической ориентации на Меркурий. Еще пять минут — и меркуриане потеряют всякую связь с бывшей своей служанкой. Та теперь не просто обессилела, а стала глуха и слепа...

Не торопясь, Родриго вернулся на скутер, отпустил причальные захваты и, развернув суденышко, уперся передним бампером в корпус ракеты, как можно ближе к предполагаемому центру массы. Затем дал полную тягу и поддерживал ее добрых двадцать секунд.

Вес ракеты вместе с бомбой превышал собственную массу скутера во много раз, и разгон был еле заметен. Но вот Родриго сбросил тягу до нуля и тщательно замерил новые параметры движения бомбы.

Она, бесспорно, разминется с Рамой и разминется далеко, вместе с тем ее положение в пространстве можно вычислить с идеальной точностью в любом отдаленном будущем. В конце концов, бомба — это целый комплекс оборудования, сложного и очень дорогого.

Лейтенант Родриго был человек почти патологической честности. Он вовсе не хотел, чтобы меркуриане предъявляли ему обвинение в утере принадлежащего им имущества.

41
ГЕРОЙ

— Дорогая,— начал диктовать Нортон,— вся эта чепуха задержала нас на сутки с лишним, зато наконец-то дала мне возможность потолковать с тобой...

Я все еще на корабле, но он уже возвращается к своей стоянке у полярной оси. Час назад мы подобрали Бориса, вид у него был такой, словно он просто вернулся с дежурства после спокойной вахты. Думаю, что на Меркурии ни мне, ни ему теперь никогда не бывать, и могу только гадать, как нас встретит Земля — как героев или как негодяев. Но совесть моя чиста: внутренне я уверен, что мы поступили правильно. Интересно, дождемся ли мы хоть какой-нибудь благодарности от самих раман?..

Задерживаться здесь мы можем теперь не дольше чем на два дня: «Индевор» — не Рама, у нас нет километровой брони, оберегающей нас от Солнца. Корпус корабля местами уже раскален до опасных пределов, и нам пришлось выставить защитные экраны. Извини, не хочу докучать тебе своими капитанскими заботами...

Времени осталось как раз на один последний поход в глубь Рамы, и я намерен выжать из этого похода максимум. Однако не волнуйся — я, в сущности, ничем не рискую...

Он остановил запись. По правде сказать, такое заявление можно было принять разве что с натяжкой. В пределах Рамы опасность и неуверенность неизбежно сопровождали каждый шаг, перед лицом недоступных пониманию сил ни один человек не смел чувствовать себя как дома. А в этом последнем походе он решил рискнуть чуть больше, чем прежде.

— Через сорок восемь часов наша миссия будет завершена. Что потом, до сих пор неясно: как тебе известно, на пути сюда мы сожгли фактически все свое топливо. Я пока не знаю, успеет ли танкер встретиться с нами вовремя, чтобы мы сумели вернуться на Землю, или нам придется садиться на Марс. Так или иначе, к Новому году буду с вами. Передай малышу, что не могу, к сожалению, привезти ему детеныша биота — таких, увы, в природе не существует...

Чувствуем себя хорошо, только очень устали. Я, бесспорно, заслужил продолжительный отпуск, и мы с тобой постараемся наверстать потерянное время. Что бы тебе ни говорили про меня, можешь смело считать, что вышла замуж за героя. Многие ли жены вправе утверждать, что их мужьям довелось спасти целый мир?..

Как всегда, прежде чем снимать с пленки копию, он внимательно прослушал ее и удостоверился, что текст приемлем для обеих семей. Он даже приблизительно не знал, какую из них увидит первой: обычно его личное расписание составлялось по крайней мере на год вперед в соответствии с неумолимым движением самих планет.

Но то было в прежние, «дораманские» времена, теперь ничто и никогда не будет таким же, как встарь.

42
ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗАМОК

— А ты не боишься,— спросил Карл Мерсер,— что биоты попробуют остановить нас?

— Не исключено. Собственно, это один из вопросов, на которые я хотел бы найти ответ. Слушай, что ты на меня так уставился?..

Мерсер смотрел на Нортона с затаенной усмешкой; такая усмешка появлялась у Карла на лице всякий раз, когда ему на ум приходило какое-то острое словцо, иногда он изрекал это словцо, а иногда нет...

— Уж не вообразил ли ты, шкипер, что стал на Раме владыкой? До сих пор ты категорически пресекал все попытки проникнуть в здания. Чему мы обязаны переменой в твоем настроении? Меркуриане подсказали новую тактику?

Нортон расхохотался, но тут же сдержал себя. Вопрос с подвохом, и он не был уверен, что самый очевидный из ответов окажется самым правильным.

— Пожалуй, я был осторожен сверх меры, стараясь во что бы то ни стало избежать осложнений. А теперь это наш последний шанс — если нас даже вынудят к отступлению, мы ничего не теряем...

— При условии, что отступление пройдет организованно.

— Разумеется. Но биоты никогда не проявляли к нам вражды. Если уж придется драпать, кроме пауков, нас никто и не догонит.

— Ты можешь драпать, если хочешь, а я намерен удалиться с достоинством. Между прочим, я понял, почему биоты ведут себя с нами так вежливо.

— Тебе не кажется, что для новой теории у нас уже нет времени?

— Тем не менее выслушай. Они считают нас раманами. Просто-напросто не видят разницы между одним существом, поглощающим кислород, и другим.

— Ни за что не поверю, что они настолько глупы...

— Дело тут отнюдь не в глупости. Их запрограммировали строго определенным образом, а мы никак не укладываемся в систему их представлений.

— Может, ты и прав. Но без набега на Лондон этого тоже не выяснить...

Старые фильмы про гангстеров и грабителей всегда приводили Джо Колверта в восторг, но он и в мыслях не держал, что однажды сам станет участником грабежа. Ведь, по существу, нынешняя его роль ничем не отличается от гангстерской.

Пустынные улицы Лондона казались полными угроз, хотя он прекрасно осознавал, что страхи порождены его собственной нечистой совестью. Конечно же, он не думал, что в строениях без окон, окруживших группу со всех сторон, прячутся настороженные обитатели, которые хлынут наружу свирепыми ордами, едва пришельцы поднимут руку на их священную собственность. В общем-то, всем было ясно, что Лондон — как и остальные «города» — представляет собой лишь своеобразный склад.

Но возникали и страхи иного рода, также навеянные древними детективными лентами, однако более обоснованные. Здесь не приходилось ждать ни пронзительных сигнальных звонков, ни истошных сирен, но какая-то предупредительная система на Раме, по всей видимости, была. Иначе как бы биоты узнавали, где и когда требуются их услуги?

— Кто без очков, отвернитесь,— распорядился сержант Майрон.

Резкий запах окиси азота — в луче лазерного ножа горело все, даже самый воздух,— затем пронзительное шипение, как только огненное лезвие коснулось металла. Никакое материальное тело не могло противостоять этому сгустку энергии, и разрез, открывающий путь к раманским секретам, увеличивался буквально на глазах. За считанные минуты нож вырезал плиту в рост человека.

Майрон повременил, но плита не шелохнулась; постучал по ней сначала легонько, потом сильнее, наконец ударил изо всех сил. Плита рухнула внутрь с гулким раскатистым звоном.

И вновь, как и в первые дни знакомства с Рамой, Нортон представил себя археологом, вскрывающим древнеегипетскую гробницу. Нет, он не ждал увидеть мерцание золота и вообще не питал никаких определенных надежд, но ему не терпелось шагнуть в отверстие с фонарем в руке.

Хрустальный замок — таково было первое его впечатление. Строение заполняли ряды прозрачных вертикальных колонн. Сотни колонн, толщиной около метра каждая, а высотой от пола до потолка, убегали от него в темноту, куда не мог проникнуть луч фонаря.

Нортон подошел к ближайшей колонне и посветил в ее глубину. Преломившись, словно в цилиндрической линзе, свет прошел насквозь, развернулся веером, достиг следующей колонны, вновь собрался в пучок и вновь раздробился, и так еще и еще, пока не погас вдали. Капитану почудилось, что он находится в помещении, где проводятся какие-то сложные оптические эксперименты.

— Очень красиво,— заявил практичный Мерсер,— но кому нужен лес стеклянных столбов?

Нортон осторожно постучал по колонне пальцами. Судя по звуку, она была прочной, но это был скорее металл, а не стекло. Озадаченный, он последовал услышанному когда-то совету: «Не понял — не подавай виду и иди дальше».

Добравшись до соседней колонны, которая выглядела точно так же, как и предыдущая, он услышал удивленное восклицание Мерсера:

— Я мог бы поклясться, что колонна была пуста, а теперь там что-то есть...

Нортон стремительно обернулся.

— Где? Ничего не вижу...

Он смотрел в направлении, куда указывал Мерсер, но по-прежнему видел только совершенно прозрачную колонну.

— Не видишь? — недоверчиво спросил Мерсер.— Обойди с этой стороны. Дьявол, теперь и я потерял его из виду...

— Что здесь происходит? — осведомился Колверт.

Прошло несколько минут, прежде чем что-то для них прояснилось.

Колонны казались прозрачными не при любом освещении и не под всяким углом. Стоило не торопясь обойти любую из них, и перед вашим взором возникали странные предметы, утопленные, словно насекомые в янтаре,— они появлялись и тут же исчезали опять. Там было множество разных предметов. Выглядели они вполне реальными и вещественными, но порой занимали, казалось, одно и то же место в пространстве.

— Голограммы,— догадался Колверт.— В точности как в земных музеях.

Объяснение представлялось вполне приемлемым, и потому Нортон отнесся к нему с подозрением. Сомнения крепли по мере того, как капитан осматривал колонны за колонной и сопоставлял образы, замурованные в их недрах.

Инструменты (для рук огромной величины и диковинной формы), сосуды, какие-то маленькие машинки с клавиатурой, требующей не пяти, а гораздо большего количества пальцев, научные приборы и предметы домашнего обихода до неправдоподобия заурядные, например ножи и тарелки, вполне уместные, если бы не их размеры, в любой земной квартире,— там было все и еще сотни вещей менее понятного назначения, чаще всего сваленные вместе, в одной куче. Музей, любой музей, строится по определенной логической схеме: связанные друг с другом экспонаты группируются определенным образом. А здесь в лучшем случае была коллекция всевозможной утвари, сложенной как попало.

Они принялись ряд за рядом фотографировать ускользающие образы в хрустальных колоннах, и тогда полнейшая разнородность предметов наконец навела Нортона на догадку. Что, если это не коллекция, а каталог, составленный в соответствии с внешне произвольной, но по-своему логичной системой? Он подумал о том, какие дикие сочетания рядом стоящих понятий встречаются в словаре или в алфавитном инвентаризационном списке, и поделился своей идеей с товарищами.

— Мысль понятна,— ответил Мерсер.— Рамане пришли бы в не меньшее удивление, обнаружив, что мы ставим рядом, ну, скажем, кинжал с кинокамерой.

— Или книгу — с кнопкой и кнутом,— добавил Колверт после некоторой паузы. «В эту игру можно играть до бесконечности»,— подумал он.

— Именно,— подтвердил Нортон.— Перед нами что-то вроде каталога стереоизображений, вернее, пространственных лекал или трехмерных схем, если вам так больше нравится.

— Итак,— произнес Мерсер задумчиво,— если раманину понадобилась какая-нибудь редкостная безделушка, он набирает определенный кодовый номер, и она изготавливается по припасенному здесь шаблону?

— Что-то в этом роде. Только, сделайте милость, не требуйте от меня подробностей...

Колонны, среди которых они шли, все увеличивались в размерах, и теперь диаметр их превышал два метра. Изображения стали соответственно крупнее — не составляло труда догадаться, что по каким-то, несомненно, серьезным причинам рамане неукоснительно придерживались масштаба один к одному. «Но если так,— заинтересовался Нортон,— как же они хранят что-то по-настоящему громоздкое?..»

Чтобы охватить как можно большую площадь, четверо людей рассыпались среди хрустальных колонн и снимали, снимали, едва успевая наводить свои камеры на образы-привидения. «Нам удивительно повезло,— твердил себе Нортон, хотя и чувствовал, что заслужил удачу,— даже имея выбор, мы не могли бы представить себе ничего лучшего, чем этот иллюстрированный каталог раманских изделий». И в то же время трудно было вообразить себе что-нибудь более досадное. Ведь там, в толще колонн, не было ничего, кроме неосязаемой игры света и тени: предметы, такие реальные на вид, в действительности не существовали...

Но даже отдавая себе в этом полный отчет, Нортон не раз ловил себя на странном желании полоснуть по колонне лазером, чтобы привезти с собой на Землю хоть что-то материальное. В конце концов он сказал себе сурово, что подобное желание достойно мартышки, хватающей банан в зеркале.

Он был поглощен съемкой какого-то, по-видимому, оптического устройства, когда внезапный крик Колверта заставил его опрометью броситься сквозь строй хрустальных колонн.

— Шкипер! Карл! Уилл! Взгляните-ка вот на это...

Джо грешил подчас беспричинными взрывами энтузиазма, однако эта его находка оправдывала самый буйный восторг.

Внутри одной из двухметровых колонн прятались замысловатые доспехи — или мундир,— созданные, вне всякого сомнения, для прямоходящего существа ростом значительно выше человека. От узкого металлического пояса, предназначенного для талии, торса или чего-то вовсе неведомого земной анатомии, кверху отходили три легких стержня, на которых держался внушительный обруч метрового диаметра и идеально круглой формы. Вдоль обруча равномерно размещались петли, предназначенные явно для верхних конечностей — для рук. Для трех рук...

И еще на обруче были бесчисленные кармашки, хомутики, подсумки с торчащими из них инструментами (или оружием?), патрубки, контакты и даже маленькие черные коробочки, которые вполне пришлись бы ко двору в любой электронной лаборатории на Земле. В целом доспехи по сложности конструк-

ции напоминали космический скафандр, хотя и защищали своего хозяина только частично.

«Каков же этот хозяин? — спросил себя Нортон.— Этого мы, вероятно, никогда не узнаем. Но кто бы он ни был, он наделен разумом — иначе не справиться с такой сложной аппаратурой...»

— Метра два с половиной,— произнес вслух Мерсер,— это без головы. Интересно, на что она похожа?

— Рук три, ног, должно быть, тоже три. Вроде пауков, только много массивнее. Ты думаешь, совпадение?

— Может, и нет. Мы конструируем роботов по собственному образу и подобию. Почему не допустить, что рамане поступают так же?

Джо Колверт, на редкость присмиревший, взирал на доспехи с почти благоговейным выражением.

— Знают ли они, что мы здесь? Как вы считаете? — прошептал он.

— Сомневаюсь,— ответил Мерсер.— Мы не проникли даже на порог их сознания. Правда, меркуриане на этот счет другого мнения.

Они все еще толпились у колонны, не в силах отойти от нее, когда рация донесла встревоженный голос Питера:

— Шкипер, выбирайтесь скорее наружу!..

— Что стряслось? Биоты пошли в атаку?

— Нет, гораздо хуже. Рама гасит огни.

43

ОТСТУПЛЕНИЕ

Когда Нортон в спешке выбрался из вырезанной лазером дыры, ему сначала показалось, что шесть солнц Рамы светят как прежде. «Ну конечно,— подумал он,— Питер ошибся... Хотя это на него вовсе не похоже...»

Но сам Питер предвидел именно такую реакцию.

— Свет ослабевает так постепенно,— объяснял он извиняющимся тоном,— что я сам не сразу заметил разницу. Но ослабевает несомненно — я замерил. Уровень освещенности упал на сорок процентов...

Нортон и сам заметил это, как только глаза после полумрака хрустального замка заново привыкли к свету. Долгий раманский день близился к концу.

Снаружи было по-прежнему тепло, но тело охватывала невольная дрожь. Нортону однажды уже довелось испытать такое ощущение в погожий летний день на Земле. На небе ни облачка, а свет необъяснимо гаснет, словно тьма зарождается прямо в воздухе или солнце утратило силу. Тогда он сообразил, что наблюдает частичное солнечное затмение.

— Ну вот,— сказал он хмуро.— Возвращаемся домой. Оставьте все снаряжение здесь, больше оно нам не понадобится...

Наконец-то хоть одна из мер предосторожности, кажется, оправдалась. Он выбрал Лондон как объект набега потому, что ни один другой «город» не располагался так близко к лестнице: от подножия Беты их отделяли всего четыре километра.

Они пустились в путь быстрыми размеренными прыжками. Нортон предложил темп, который, по его расчету, выведет их на край равнины без переутомления, но в минимальный срок. Капитан без особой радости представил себе восьмикилометровый подъем, который ждет их на Бете, но ему, решил он, станет много спокойнее, когда они начнут восхождение.

Первый толчок нагнал их почти у самого основания лестницы. Толчок был очень легким, и Нортон инстинктивно повернулся к югу, думая увидеть новый огненный спектакль в районе рогов. Но Рама никогда не повторялся — если над вершинами острых, как иглы, гор и скапливались электрические заряды, то на сей раз они были слабы и незаметны.

— На корабле,— вызвал он по радио,— вы что-нибудь заметили?

— А как же, шкипер, небольшое сотрясение. Возможно, новое изменение ориентации. Следим за гирокомпасом — пока ничего. Нет, погодите-ка! Стрелка движется! Еле заметно, меньше микрорадиана в секунду, но определенно движется!..

Итак, Рама начал разворот — почти неуловимо медленно, но начал. Более ранние удары были, может статься, ложной тревогой, но этот — этот имел последствия.

— Угловая скорость нарастает — пять микрорад. Алло, алло, а новый толчок вы заметили?

— Конечно. Переведите все системы корабля на рабочий режим. Не исключена возможность экстренного старта.

— Вы думаете, Рама сменит орбиту? Но до перигелия еще далеко...

— Я прежде всего думаю, что рамане учились не по нашим учебникам. Мы у подножия Беты. Пять минут остановки на отдых...

Пять минут — это было намного меньше, чем требовалось, но и они показались вечностью. Потому что ни у кого не оставалось сомнений, что свет слабеет — и слабеет быстро.

Правда, каждый был вооружен фонарем, однако сама мысль о темноте стала невыносимой: они настолько привыкли к бесконечному дню, что с трудом припоминали обстановку, когда впервые проникли в этот мир. Помимо воли людьми овладевало непреодолимое желание спастись, выбраться к лучезарному солнцу, от которого их отделяла километровая цилиндрическая стена.

— Группа наблюдения! — вызвал Нортон.— Прожектор действует? Он может нам срочно понадобиться...

— Так точно, шкипер. Включаем.

Высоко над головами вспыхнула успокоительно светлая искорка. По сравнению с блекнущим раманским днем она выглядела на удивление немощной, но уже сослужила им хорошую службу раньше и, если возникнет нужда, сослужит опять.

Нортон был мрачен; он отдавал себе отчет в том, что восхождение покажется самым долгим, самым невыносимо напряженным из всех, какие выпадали на их долю. Что бы ни случилось, они не вправе спешить, перенапряжение кончится попросту обмороком где-нибудь на середине головокружительного склона и все равно придется ждать, прежде чем восставшие мускулы позволят двигаться дальше. Да, конечно, за это время они стали одним из са-

мых закаленных экипажей, когда-либо работавших в космосе, и все-таки есть пределы, перешагнуть которые людям из крови и плоти не дано.

Через час тяжкого подъема они добрались до четвертого пролета лестницы, примерно в трех километрах над равниной. Дальше дела, надо надеяться, пойдут лучше — притяжение уже составляло менее трети земного. Изредка повторялись слабые толчки, но других необычных явлений не наблюдалось и света по-прежнему было достаточно. В сердцах вновь затеплился оптимизм, даже шевельнулось сомнение: не слишком ли рано они отступили. Но так или иначе, одно оставалось ясным: пути назад уже нет. По равнине Рамы все они прошли в самый последний раз.

На четвертой площадке они сделали десятиминутную передышку — и тут Джо Колверт внезапно воскликнул:

— Что это за звук, шкипер?

— Какой звук? Я ничего не слышу.

— Очень тонкий свист с перепадами по частоте — его просто нельзя не слышать.

— Ваши уши моложе моих, и... Да, теперь слышу.

Свист, казалось, исходил отовсюду. Он стал громким, затем пронзительным, затем быстро ослаб. И вдруг прекратился вовсе.

Через несколько секунд все повторилось снова в той же последовательности. Словно сирена маяка, печальная и требовательная, слала свои сигналы в туманную ночь. Свист нес в себе какое-то сообщение — и притом срочное. Оно не было предназначено для их ушей, но они его поняли. И, удваивая силу призыва, его подхватили огни.

Огни померкли, почти погасли — и начали мигать. По узким долинам, некогда освещавшим этот мир, понеслись ослепительные, как шаровые молнии, нити огненных четок. Они бежали от обоих полюсов к морю в синхронном, гипнотическом ритме, который мог иметь одно-единственное значение. «В море!..— звали огни.— В море!..» Призыву было трудно противиться: среди космонавтов не нашлось человека, который не испытал бы побуждения вернуться и искать спасения в водах Рамы.

— Группа наблюдения! — повелительно произнес Нортон.— Вам видно, что происходит?

Голос Питера, донесшийся в ответ, звучал прямо-таки испуганно:

— Так точно, шкипер. Я как раз смотрю на Южный континент. Там до сих пор полным-полно биотов, включая самых больших. Краны, бульдозеры, много мусорщиков. И все они несутся к морю с такой скоростью, какой я у них никогда не видывал. Вон кран подкатился к краю утеса и — бух через край! Прямо как Джимми, только летит быстрее... ударился о воду — сноп брызг... и откуда ни возьмись акулы, вцепились в него и рвут на куски... хм, зрелище не из приятных...

Смотрю дальше, на равнину. Один из бульдозеров, кажется, сломался, движется все время по кругу... К нему подскочила парочка крабов, режут его на части... Шкипер, по-моему, вам лучше бы вернуться немедля...

— Честное слово,— ответил Нортон проникновенно,— мы делаем все, что в наших силах.

Рама, как корабль перед штормом, задраивал люки. Таково было ощущение, владевшее Нортоном, хотя он и не сумел бы его логически обосновать. Он уже не мог бы поручиться за свой рассудок — душу раздирали два противоположных стремления: необходимость спастись и острое желание подчиниться зову молний, вспыхивающих в небе и приказывающих присоединиться к биотам в их движении к морю.

Еще один пролет лестницы — еще одна десятиминутная передышка, чтобы мышцы освободились от яда усталости. Потом снова в путь — осталось еще два километра, но лучше о них не думать...

От свиста, беспрерывно меняющего частоту, можно было сойти с ума — и вдруг его не стало. В то же мгновение огненные четки, пылавшие в прорезях прямых долин, прекратили свой бег к морю, шесть линейных солнц Рамы вновь превратились в сплошные полосы света.

Однако эти полосы быстро меркли, временами мигая, словно энергетические источники, питающие исполинские лампы, почти истощились. Изредка под ногами ощущалась легкая дрожь, с «Индевора» докладывали, что Рама по-прежнему разворачивается с неуловимой медлительностью, как игла компаса в слабом магнитном поле. Это, пожалуй, был обнадеживающий признак — вот если бы Рама уже закончил разворот, Нортон всполошился бы не на шутку.

Как доложил Питер, биоты исчезли все до одного. Во всем пространстве Рамы не осталось ничего живого, за исключением людей, с мучительной неторопливостью карабкающихся по вогнутой чаше северного купола.

Нортон давным-давно забыл о головокружении, испытанном тогда, во время первого восхождения, зато теперь в сознание начали закрадываться страхи другого рода. Здесь, на бесконечном подъеме от равнины к шлюзам, они были так уязвимы! Что, если Рама, завершив маневр, без промедления начнет разгон?

Усилие, очевидно, будет направлено вдоль оси. Если на юг, то это не составит проблемы: их просто прижмет к склону, по которому они поднимаются, немного сильнее. А если на север? Тогда их, чего доброго, выбросит в пространство, и рано или поздно они свалятся на равнину далеко внизу...

Он старался успокоить себя тем, что вероятное ускорение очень и очень невелико. Вычисления доктора Переры крайне убедительны: Рама не может разгоняться с ускорением, большим чем одна пятидесятая *g*, иначе Цилиндрическое море выплеснется через южный утес и затопит целый континент. Но Перера сидел у себя на Земле в уютном кабинете и не знал, что такое километры металла, угрожающе нависшего над головой. И кто сказал, что Рама не приспособлен для периодических наводнений?..

Да нет, это просто смешно. Нелепо и думать, что триллионы тонн способны вдруг ринуться вперед с таким ускорением. И тем не менее на протяжении всего остатка пути Нортон ни на миг не отводил руку от гарантирующих безопасность перил.

Казалось, прошли годы, прежде чем лестница кончилась. Впереди остались лишь считанные сотни метров вертикального, врезанного в плоскость трапа. Трапа, по которому на сей раз даже карабкаться не придется: наблю-

датель, перебирая канат, с легкостью вытянет их одного за другим. Притяжение уже не помеха — даже у основания трапа человек весит менее пяти килограммов, а наверху и вовсе ничего не весит.

Так что Нортон мог отдохнуть, устроившись в канатной петле и от случая к случаю хватаясь за перекладину, чтобы совладать с силой Кориолиса, слабеющей, но все еще стремящейся оттащить его тело от трапа. Он почти забыл о судорогах, сводящих каждый мускул,— он смотрел на Раму в последний раз.

Видимость сохранялась примерно такой, как на Земле в полнолуние: общая картина вполне отчетлива, хотя деталей не разглядеть. Южный полюс был частично затянут каким-то светящимся туманом, сквозь который виднелся только Большой рог, но он со стороны вершины казался маленькой черной точкой.

Тщательно нанесенный на карты, но по-прежнему неведомый континент за морем выглядел таким же хаосом лоскутков, как и всегда. Перспектива была слишком искажена, а картина слишком сложна для исследования невооруженным глазом, и Нортон почти не удостоил ее вниманием.

Он обвел взглядом кольцо Цилиндрического моря и заметил впервые, что барашки пены складываются в геометрически правильный рисунок, будто волны натыкаются на рифы через равные интервалы. Он не сомневался, что сержант Барнс благополучно преодолела бы эти волны, попроси он ее переплыть море и верни ей погибший «Резолюшн».

Нью-Йорк, Лондон, Париж, Москва, Рим... он говорил последнее «прости» городам северного полушария, в душе надеясь, что рамане простят ему причиненный им ущерб. Быть может, они поймут, что все делалось в интересах науки.

Затем неожиданно для себя он очутился в нетерпеливых руках друзей, которые подхватили его и подтолкнули к воздушному шлюзу. Собственные его руки и ноги от перенапряжения неудержимо дрожали, и он был искренне рад, что с ним обращаются, как с немощным инвалидом.

Когда поворотная дверь воздушного шлюза навсегда отрезала его от величественного пейзажа, он успел подумать:

«Странно, что ночь наступила здесь именно тогда, когда Рама вплотную приблизился к Солнцу...»

44
ГИПЕРДВИГАТЕЛЬ ВКЛЮЧЕН

Нортон решил, что дистанция в сто километров дает достаточную гарантию безопасности. Рама, обращенный к «Индевору» бортом, превратился в большой черный прямоугольник, заслоняющий Солнце. Капитан воспользовался благоприятной возможностью, чтобы завести свой корабль в тень, снять перегрузку с систем охлаждения и — лучше поздно, чем никогда,— провести кое-какой текущий ремонт. Отбрасываемый Рамой теневой конус мог исчезнуть в любой момент, и Нортон стремился использовать его до последней минуты.

Рама продолжал разворачиваться, направление его оси изменилось уже почти на пятнадцать градусов, и с каждым градусом, по логике вещей, близился переход на новую орбиту. В Организации Объединенных Планет воз-

буждение достигло степени истерии, однако до «Индевора» доходили лишь слабые его отзвуки. Экипаж был измотан и физически, и эмоционально и, не считая вахтенных, число которых было сокращено до минимума, проспал после взлета с Северной базы полных двенадцать часов. Нортон по совету врача включил аппарат электросна, и все равно ему мерещилось, что он взбирается по бесконечной лестнице.

На второй день после возвращения на корабль все или почти все вошло в нормальную колею, исследования внутри Рамы уже представлялись частью какой-то другой жизни. Нортон принялся разгребать накопившиеся бумаги и строить планы на будущее, но на просьбы об интервью, которые непонятно как просачивались на частоты Службы Солнца и даже Космического патруля, отвечал категорическим отказом. Меркурий хранил молчание, и Генеральная Ассамблея прервала свою сессию, хотя делегаты и условились, что при необходимости соберутся в течение часа.

Через тринадцать часов после старта с Рамы, едва Нортон впервые заснул здоровым сном, его жестоко встряхнули за плечо. Он невнятно выругался, приоткрыл глаза, узнал Карла Мерсера и, как любой хороший капитан, мгновенно полностью очнулся.

— Больше не крутится?

— Точно. Застыл на месте, как скала.

— Пошли в рубку...

Весь «Индевор» был уже на ногах, даже шимпанзе поняли, что происходит нечто необычное, и тревожно пищали, пока сержант Макэндрюс не успокоил их двумя-тремя быстрыми взмахами руки. И все же Нортон, устраиваясь в кресле и затягивая привязные ремни, поймал себя на мысли, не очередная ли это ложная тревога.

Цилиндр Рамы как бы укоротился, из-за края его выглядывал палящий солнечный ободок. Нортон мягко передвинул «Индевор» в густую тень искусственного затмения и вновь увидел на фоне нескольких наиболее ярких звезд жемчужное сияние короны. Огромный протуберанец, высотой по крайней мере полмиллиона километров, выбросился так далеко в пространство, что верхние его языки казались ветвями темно-красного огненного дерева.

«Теперь остается только ждать,— сказал себе капитан.— Сколько бы ни длилось ожидание, главное — не потерять готовности мгновенно перейти к действию, включить все приборы, не забыв ни одного...»

Странное явление: звездное небо тронулось с места, как если бы он запустил маневровые двигатели. Но ведь он не притрагивался к рычагам управления, и, если бы корабль действительно пришел в движение, он ощутил бы это в тот же миг...

— Шкипер! — вызвал его взволнованный Колверт из штурманской.— Мы вращаемся, взгляните на звезды! Но ни один прибор не показывает ровным счетом ничего...

— Гироскопы в порядке?

— В полном порядке, и стрелки все на нулях. Но мы вращаемся со скоростью три-четыре градуса в секунду...

— Это немыслимо!

— Разумеется, немыслимо, но взгляните сами...

Когда отказывает все остальное, приходится полагаться на собственные глаза. Звездное небо, несомненно, смещалось — вон по экрану левого борта медленно проплыл Сириус. Одно из двух: или Вселенная решила вернуться к докоперниковой космологии и вдруг принялась вращаться вокруг «Индевора», или звезды пребывали на своих местах, а вращался корабль.

Второе объяснение представлялось значительно более вероятным, зато приводило к другим, казалось бы, неразрешимым парадоксам. Если бы корабль в самом деле вращался, да еще с такой скоростью, он, Нортон, не мог бы не почувствовать этого — в полном соответствии со старой поговоркой — буквально на собственной шкуре. Да и гироскопы никак не могли отказать одновременно и независимо друг от друга.

Значит, остается один ответ. Каждый атом «Индевора» захвачен некой могущественной силой — породить такой эффект могло лишь мощное гравитационное поле. Или, точнее, не способно ни одно другое из известных земной науке...

И тут звезды исчезли совсем. Пылающий диск Солнца поднялся из-за щита Рамы, и его ослепительный блеск будто стер их с небосклона.

— Локатор что-нибудь показывает? Какова скорость удаления?..

Нортон был вполне готов к тому, что и локатор выйдет из повиновения, но он заблуждался.

Рама наконец-то уходил с прежней орбиты, уходил со скромным ускорением, равным 0,015*g*. Нортон не преминул отметить про себя, что доктор Перера, вероятно, счастлив — ведь он предсказывал предельное ускорение порядка 0,02*g*. А «Индевор» держался в кильватере удаляющегося исполина, и его закрутило позади, как обломок кораблекрушения...

Час за часом ускорение оставалось постоянным; Рама улетал от «Индевора» с непрерывно возрастающей скоростью. По мере удаления цилиндра противоестественное поведение самого «Индевора» мало-помалу прекратилось, нормальные законы инерции вновь вступили в свои права. Можно было лишь гадать о чудовищных силах, приведших Раму в движение, если даже дальние их завихрения вызвали такой эффект, и Нортон возблагодарил судьбу, что успел отвести «Индевор» на безопасное расстояние, прежде чем Рама включил свой гипердвигатель.

Что касается природы этого двигателя, несомненным было одно: Рама перешел на новую орбиту без помощи газовых струй, ионных лучей или потоков плазмы. Никто не сумел выразить свои чувства лучше, чем сержант — он же профессор — Майрон, который произнес потрясенно:

— Прости-прощай третий закон Ньютона!..

Однако сам «Индевор» находился в прямой зависимости именно от третьего закона Ньютона, когда на следующий день сжигал последние остатки топлива, пытаясь отклонить собственную свою орбиту как можно дальше от Солнца. Большого отклонения достигнуть не удалось, и все же расстояние от Солнца в перигелии увеличилось на десять миллионов километров. Такова была дистанция между необходимостью выжать из систем охлаждения 95 процентов мощности и стопроцентной уверенностью в огненной смерти.

Когда корабль завершил свой маневр, Рама уже ушел от «Индевора» на двести тысяч километров и на фоне пылающего Солнца стал почти невидимым. Однако локаторы по-прежнему вели тщательные измерения новой орбиты цилиндра — и чем больше данных получали люди, тем сильнее недоумевали.

Они проверяли и перепроверяли цифры до тех пор, пока вывод, казалось бы немыслимый, не превратился в единственно возможный. Страхи меркурианы, героизм Родриго, полемические бои Генеральной Ассамблеи — все было, видимо, напрасным.

«Что за вселенская ирония,— сказал себе Нортон, разглядывая листок с расчетами,— миллионы лет компьютеры Рамы благополучно вели его к цели и вдруг совершили единственную пустяковую ошибку, скорее всего заменили в каком-нибудь уравнении знак плюс на минус...»

Все были так уверены, что Рама затормозит и, пойманный притяжением Солнца, станет новой планетой Солнечной системы. На деле произошло нечто диаметрально противоположное.

Рама набирал скорость — в худшем из всех возможных направлений. Рама падал на Солнце, и с каждым мгновением все быстрее.

45
ПТИЦА ФЕНИКС

Когда параметры новой орбиты звездного гостя определились с окончательной четкостью, никто не взялся бы утверждать, что корабль избежит катастрофы. Лишь ничтожная горсточка комет подходила когда-либо так близко к Солнцу: в перигелии Раму от пылающего водородного ада будут отделять едва ли полмиллиона километров. Никакое твердое вещество не способно противостоять царящим здесь температурам; сверхпрочный сплав, из которого изготовлен корпус Рамы, начнет плавиться на расстоянии, раз в десять большем...

К общему облегчению, «Индевор» успешно миновал свой перигелий — теперь дистанция, отделяющая корабль от Солнца, начала понемногу возрастать. Рама далеко обогнал людей на своей более низкой, а значит, более быстрой орбите и давно углубился во внешние слои короны. «Индевору» выпала честь наблюдать последний акт трагедии из почетной ложи.

Но вот примерно в пяти миллионах километров от Солнца Рама, все ускоряя свой бег, принялся свивать себе кокон. До сих пор в телескопы «Индевора» он был виден при максимальном увеличении как крохотная яркая полоска — и вдруг полоска начала мерцать, как звезда над самым горизонтом. Прежде всего подумалось, что Рама разрушается, и Нортон, уловивший необычную прерывистость изображения, испытал острую внутреннюю боль при мысли о безвозвратной утрате такого чуда. Потом он понял, что Рама цел, но окружен мерцающим ореолом.

И тут цилиндр исчез. На его месте возникла ослепительная точка — звездочка без какого бы то ни было видимого диска, словно Рама внезапно сжался в крохотный комок.

Прошло немало времени, прежде чем они догадались, что случилось. Рама действительно исчез — он был теперь окружен идеально отражающей сферой диаметром примерно в сто километров. И видели они не всю сферу, а лишь отражение Солнца на ее изгибе, ближайшем к «Индевору». Этот защитный кокон надежно укрыл Раму от жара солнечной преисподней.

Прошло еще несколько часов — и кокон изменил свою форму. Отражение Солнца стало вытянутым, искаженным. Сфера превращалась в эллипсоид, большая ось которого была развернута в направлении полета Рамы. Именно тогда автоматические обсерватории, без малого двести лет несущие бессменную вахту на подступах к Солнцу, передали первые удивительные сообщения.

В примыкающей к Раме зоне с солнечным магнитным полем происходило что-то странное. Силовые линии в миллионы километров длиной, пронизывающие корону, отбрасывающие жгуты ионизированного газа с такой скоростью, что его подчас не могло удержать даже сокрушительное притяжение,— эти силовые линии закручивались вокруг блестящего эллипсоида. Глаз еще ничего не улавливал, но приборы, вынесенные на околосолнечную орбиту, фиксировали изменение магнитных потоков и ультрафиолетовой радиации.

А затем перемены в области короны стали заметны и невооруженным глазом. Во внешней атмосфере Солнца появилась слабо светящаяся труба или туннель протяженностью в сотни тысяч километров. Туннель слегка изгибался, словно предваряя орбиту Рамы, и сам Рама — а быть может, защитный кокон вокруг него — казался яркой бусиной, летящей по призрачной трубе сквозь корону.

Ведь пришелец по-прежнему набирал скорость; теперь он делал более двухсот тысяч километров в секунду, и никто уже не рискнул бы пророчить, что он останется пленником Солнца. Наконец-то люди поняли стратегию раман: они подошли так близко к светилу просто ради того, чтобы почерпнуть энергию прямо из первоисточника и с еще большей скоростью двинуться дальше, к неведомой конечной цели...

И отнюдь не исключалось, что рамане черпают от Солнца не только энергию. Никто не мог бы поручиться за это — ближайшие наблюдательные приборы были отдалены от Рамы на тридцать миллионов километров,— но по некоторым признакам цилиндр засасывал в себя саму материю Солнца, словно компенсируя те нехватки и потери, которые неизбежно возникли за десять тысяч веков, проведенных в космосе.

Все стремительнее и стремительнее обращался Рама вокруг Солнца, двигаясь теперь быстрее, чем любое тело, когда-нибудь попадавшее в Солнечную систему. Менее чем за два часа направление его движения изменилось более чем на девяносто градусов. И тут Рама окончательно и высокомерно доказал, что начисто не интересуется мирами, чье спокойствие он недавно столь грубо нарушил.

Корабль выскользнул из эклиптики в глубины южного неба, намного ниже плоскости движения планет. Разумеется, и это не было его конечной целью, но курс он взял точно на Большое Магелланово облако, на пустынные бездны вне Млечного пути.

46
ПРОЛОГ

— Войдите,— рассеянно произнес капитан Нортон, услышав тихий стук в дверь.

— У меня есть для тебя новости, Билл. Я хотела успеть к тебе первой, пока не вмешалась вся команда. И кроме того, это по моему ведомству...

Мысли Нортона, казалось, витали где-то очень далеко. Он лежал с полузакрытыми глазами, заложив руки за голову и притушив свет,— не то чтобы в самом деле дремал, но отдался во власть раздумий. Произнесенные слова вернули его к действительности.

— Прости, Лаура, я отвлекся. О чем речь?

— Не уверяй меня, что ты забыл!..

— Перестань, задира. В последние дни мне, право же, было над чем подумать...

Старший корабельный врач Эрнст взялась за передвижной стул и, подтолкнув его по направляющим, села рядом с капитаном.

— Межпланетные кризисы приходят и уходят, а бюрократические колеса скрежещут с неизменным постоянством. Но, наверное, Рама все-таки подтолкнул их. Хорошо еще, что тебе не пришлось испрашивать разрешения у меркуриан...

Ситуация понемногу прояснялась.

— Значит, Порт-Лоуэлл наконец дал добро?..

— Более того, разрешение уже вступило в силу.— Лаура взглянула на полоску бумаги, которую принесла с собой.— Можешь убедиться, внеочередное. Не исключено, что приговор уже приведен в исполнение. Поздравляю.

— Спасибо. Надеюсь, мой наследник не рассердится на меня за эту волокиту...

Как и всем космонавтам, Нортону перед поступлением на флот сделали операцию: годы и годы, проведенные в пространстве, были чреваты даже не опасностью, а стопроцентной уверенностью в возникновении мутаций, вызванных радиацией. Набор генов, только что доставленный за двести миллионов километров на Марс, ждал своей судьбы в замороженном состоянии в течение тридцати лет.

Оставалось лишь гадать, успеет ли он домой к рождению сына. Он заслужил отдых, заслужил покой в лоне семьи — в той мере, в какой это вообще доступно космонавтам. Теперь, когда его миссия была в основном завершена, он начинал понемногу расслабляться, начинал вновь задумываться над своим будущим — и над будущим обеих своих семей. Да, это будет очень славно — погостить дома...

— Слушай,— запротестовала Лаура,— я пришла к тебе сугубо по долгу службы...

— За столько-то лет знакомства,— отвечал Нортон,— можно бы изобрести что-нибудь поостроумнее. Ты же сейчас не на вахте...

— О чем ты думаешь? — осведомилась Лаура Эрнст немалое время спустя.— Уж не становишься ли ты сентиментальным?

— Да я вовсе не о нас с тобой. Я о Раме. Знаешь, мне его, пожалуй, недостает...

— Премного признательна за комплимент.

Нортон сжал ее в объятиях. Ему и раньше приходило в голову, что у невесомости есть свои преимущества, и одно из них — вот оно: можно не разнимать рук хоть всю ночь, не рискуя затруднить кровообращение. Недаром кое-кто утверждал, что любовь при силе тяжести, равной одному *g*, настолько утомительна, что уже не доставляет радости.

— Это же общеизвестный факт, Лаура, что мужчины, не в пример женщинам, способны думать о двух вещах сразу. Но если серьезно, если чуть-чуть серьезнее — мною владеет чувство потери.

— Могу понять.

— Да не держись ты так сухо — тут не одна причина, а много. Впрочем, какая разница...

Он сложил оружие. Объяснить, что он чувствует, было нелегко даже самому себе.

Он добился успеха превыше всех, конечно трезвых, ожиданий: открытий, сделанных людьми «Индевора» на Раме, ученым хватит на десятилетия. И более того, он сумел совершить все это без единого несчастного случая.

Но если разобраться, то он также и потерпел поражение. Можно строить бесконечные догадки, но природа раман и цель их путешествия так и останутся неизвестными. Они использовали Солнечную систему как заправочную станцию или как трамплин — выбирайте что нравится, а затем презрительно отвернулись от нее, продолжая свой путь к иной, более важной цели. Вероятно, они никогда и не узнают о существовании человечества; такое величавое безразличие было хуже намеренного оскорбления.

Когда Нортон увидел Раму в последний раз, тот казался крохотной звездочкой рядом с Венерой, и капитан понял, что с этой звездочкой улетает часть его жизни. Ему было только пятьдесят пять, однако он сознавал с грустью, что молодость его осталась там, на вогнутой равнине, среди тайн и чудес, отныне и навсегда недостижимых для человечества. Какие бы победы и почести ни готовило ему будущее, на протяжении многих и многих лет ему не избавиться от чувства, что главное позади, не избавиться от сожалений об утраченных возможностях...

Так он говорил себе. Но даже тогда, на борту «Индевора», он мог бы быть прозорливее.

На далекой Земле доктор Карлайл Перера просто не успел еще никому рассказать, как он очнулся от беспокойного сна, пораженный внезапной мыслью. Однажды возникнув, эта мысль уже не давала покоя, стучала в голове как набат:

Все, что бы они ни делали, рамане повторяют трижды...

2001: ОДИССЕЯ ОДИН

I
В ПЕРВОБЫТНОЙ МГЛЕ

1
ВЫМИРАЮЩИЕ

Засуха продолжалась десять миллионов лет, и царству ужасных ящеров уже давно пришел конец. Здесь, близ экватора, на материке, который позднее назовут Африкой, с новой яростью вспыхнула борьба за существование, и еще не ясно было, кто выйдет из нее победителем. На этой бесплодной, иссушенной зноем земле благоденствовать или хотя бы просто выжить могли только маленькие, или ловкие, или свирепые.

Питекантропы, обитавшие в первобытном вельде, не обладали ни одним из этих свойств; поэтому они отнюдь не благоденствовали, а были, напротив, весьма близки к полному вымиранию. Около полусотни этих существ ютилось в нескольких пещерах на склоне сожженной солнцем долины; по дну ее протекал слабенький ручеек, питаемый снегами с гор, лежавших в трехстах километрах к северу. В особо засушливые годы ручеек исчезал совсем и племя сильно страдало от жажды.

Питекантропы всегда голодали, а сейчас попросту умирали от голода. Когда первый слабый проблеск рассвета проник в пещеру, Смотрящий на Луну увидел, что его отец ночью умер. Собственно, он не знал, что Старик был его отцом,— такая связь одного существа с другим была совершенно недоступна его пониманию, но, глядя на иссохшее тело умершего, он ощутил смутное беспокойство — зародыш будущей человеческой скорби.

Два детеныша уже скулили, требуя еды, но смолкли, когда Смотрящий на Луну заворчал на них. Одна из матерей сердито огрызнулась в ответ, защищая дитя, которое не могла накормить вдосталь, но у Смотрящего не хватило сил дать самке подзатыльник за ее дерзость.

Снаружи уже почти совсем рассвело, и можно было выходить. Смотрящий на Луну подхватил иссохший труп и поволок за собой, пригибаясь, чтобы не задеть за скалу, низко нависшую над входом в пещеру. Выйдя из пещеры, он закинул труп на плечи и выпрямился во весь рост, стоя на задних конечно-

© Перевод Я. Берлина, Норы Галь.

стях,— из всех животных на этой планете только он и его сородичи умели так ходить.

Среди подобных себе Смотрящий на Луну казался чуть ли не великаном. Ростом он был почти полтора метра, а весил более сорока пяти килограммов, хотя и был сильно истощен. Его волосатое, мускулистое тело было наполовину обезьяньим, наполовину человечьим, но формой головы он уже больше походил на человека. Лоб у него был низкий, крутые надбровные дуги резко выступали, но гены его уже, несомненно, несли в себе первые признаки человеческого облика. Он стоял у пещеры, оглядывая раскинувшийся вокруг враждебный мир плейстоцена, и в его взгляде уже было нечто такое, на что не была способна ни одна обезьяна. В этих темных, глубоко посаженных глазах мерцало пробуждающееся сознание — первые ростки разума, который не раскроется до конца еще многие века, а может быть, вскоре и вовсе угаснет навсегда.

Признаков опасности не было, и Смотрящий на Луну начал спускаться по крутому, почти отвесному склону от пещеры; ноша на плечах ничуть не мешала ему. Остальные члены стаи, словно ожидавшие сигнала вожака, мигом повылезали из своих пещер, расположенных ниже по склону, и заторопились вниз, к мутным водам ручья, на утренний водопой.

Смотрящий на Луну глянул на противоположный берег ручья — не видно ли Других. Но те не показывались. Наверно, еще не вышли из своих пещер, а может, уже пасутся внизу, под горой... Поскольку их нигде не было видно, Смотрящий тут же забыл о них — он не умел думать о нескольких вещах сразу.

Прежде всего надо избавиться от Старика. Этим летом было много смертей, в том числе одна в его пещере. Ему нужно было только положить тело там, где он недавно оставил трупик новорожденного младенца, остальное сделают гиены.

Они уже ждали его там, где долина расширялась, сливаясь с саванной, будто знали, что он придет. Он положил тело Старика под куст — от прежних не осталось даже костей — и поспешил назад, к своей стае. Никогда более он не вспоминал об отце.

Две его самки, взрослые обитатели других пещер, подростки и дети паслись выше по долине меж узловатых, изуродованных засухой деревьев, поедая ягоды, сочные корни и листья и редкие счастливые находки вроде мелких ящериц и грызунов. Только грудные младенцы и слабейшие из стариков и старух оставались в пещерах; если к концу дня, после того как все наедались, удавалось собрать еще немного пищи, можно было покормить и их. Если нет — гиенам вскоре предстояло новое пиршество.

Но этот день был удачным. Впрочем, Смотрящий на Луну не был способен сколько-нибудь отчетливо помнить о прошлом и потому не мог сравнивать один день с другим. Сегодня он нашел в дупле засохшего дерева пчелиное гнездо и насладился изысканнейшим лакомством, какое только было известно его сородичам; под вечер, ведя свою стаю домой, он все еще время от времени облизывал пальцы. Правда, его порядком покусали пчелы, но он почти не ощущал укусов. Короче, он был как никогда близок к состоянию полного довольства, насколько оно вообще было для него доступно; он, конечно, еще

был голоден, но уже не испытывал слабости. На большее не мог надеяться ни один питекантроп.

Ощущение довольства исчезло, когда он подошел к ручью. На противоположном берегу были Другие. Они бывали там каждый день, но от этого его досада отнюдь не становилась меньше.

Их было около тридцати, и они ничем не отличались от сородичей Смотрящего. Завидев его, они начали на своем берегу подпрыгивать, махать руками и кричать. Стая Смотрящего на Луну отвечала тем же с другого берега.

На том все и закончилось. Питекантропы часто дрались и боролись, но драки их редко приводили к серьезным увечьям. У них не было ни когтей, ни могучих боевых клыков, а тело надежно защищал волосяной покров, поэтому они просто не могли причинить друг другу особого вреда. К тому же у них не было и лишней энергии для столь бесполезных выходок. Рычанием и угрозами можно было куда успешнее утвердить свою точку зрения.

Перебранка продолжалась минут пять, а затем оборвалась так же внезапно, как началась, и все принялись пить мутную от глины воду. Честь была удовлетворена, каждая стая утвердила право на владение своей территорией. Покончив с этим важным делом, Смотрящий на Луну и его сородичи отправились дальше, вдоль своего берега. До ближайшего пастбища, где еще можно было кормиться, от пещер было километра два. Здесь же паслись крупные рогатые животные, встретившие их не особенно благосклонно. Прогнать этих животных, увы, было нельзя — на головах у них торчали устрашающие рога-кинжалы, питекантропы же таким природным оружием не обладали.

И вот Смотрящий на Луну со своей стаей жевали ягоды, корни и листья, подавляя голодные спазмы в желудках, а вокруг, тесня их с этих пастбищ, разгуливали животные — возможный источник пищи, который им никогда не исчерпать. Но тысячи тонн сочного мяса, гуляющие по саванне и в зарослях, были не только недосягаемы для питекантропов — такую возможность они просто вообразить не могли. И посреди этого изобилия медленно умирали от истощения.

К закату стая без особых приключений вернулась в свои пещеры. Раненая самка, остававшаяся дома, радостно заворковала, когда Смотрящий кинул ей густо покрытую ягодами ветку, которую принес с собой, и принялась жадно есть. Как ни малопитательны эти ягоды, они все же помогут ей продержаться, пока заживет рана, нанесенная леопардом, и она сможет снова сама добывать себе пищу.

За долиной всходила полная луна, с дальних гор потянул леденящий ветер. Ночь сегодня будет очень холодной. Впрочем, холод, как и голод, мало заботил питекантропов — другой жизни они никогда и не знали.

От одной из нижних пещер донеслись вопли и визг, но Смотрящий на Луну даже не шевельнулся; он отлично понял, что там происходит, даже если бы не услышал рычания леопарда. Там, внизу, в ночной тьме, борются и гибнут старик Белоголовый и его семья. У Смотрящего даже не мелькнуло мысли, что он может как-либо помочь соседям. Жестокая логика борьбы за существование не допускала подобных фантазий, и обитатели косогора, хоть все слыша-

ли, ни единым возгласом не выразили протеста против убийства сородичей. Все затаились в своих пещерах, чтобы не навлечь беду на себя.

Наконец вопли стихли, и тут Смотрящий на Луну услышал знакомые звуки — это леопард волок чье-то тело по камням. Через несколько секунд смолкли и эти звуки — леопард покрепче ухватил свою добычу зубами и, без труда неся ее в пасти, бесшумно удалился.

Теперь на день-другой эта угроза отодвинулась от обитателей пещер, но при свете холодного маленького солнца, которое появлялось на небе только ночами, на них могли напасть и другие враги. Правда, мелких хищников иногда удавалось отогнать криками и визгом, если их приближение замечали вовремя... Смотрящий на Луну выполз из пещеры, взобрался на обломок скалы, лежащий у входа, и, присев на корточки, стал осматривать долину.

Из всех живых существ, обитавших на Земле, питекантропы первыми подняли головы к небу и начали разглядывать луну. Смотрящий на Луну, когда он был совсем молод, иногда пробовал дотянуться до этого призрачного лика, всплывающего над равниной. Он давно об этом забыл.

Дотронуться до луны ему не удалось ни разу. Теперь, уже в зрелом возрасте, он хорошо понимал, почему у него ничего не выходило. Конечно же, для этого надо сначала найти достаточно высокое дерево и влезть на него.

Он то оглядывал долину, то смотрел на луну, не переставая прислушиваться. Раза два он засыпал, но сон его был настолько чуток, что даже слабейший звук мгновенно будил его. Он прожил уже двадцать пять лет — солидный возраст! — но был еще в расцвете сил. Если ему и дальше повезет и он сумеет избежать несчастных случаев — болезней, зубов хищников и голодной смерти,— то, пожалуй, проживет еще с десяток лет.

Ночь, холодная и ясная, текла спокойно, без тревог, луна медленно плыла по небу среди экваториальных созвездий, которых никогда не увидит глаз человека. В пещерах, в чередовании минут беспокойной дремоты и боязливого бодрствования, рождались смутные образы — потом, грядущим поколениям они будут являться в ночных кошмарах. Дважды в эту ночь небосвод пересекла, медленно поднимаясь к зениту и исчезая на востоке, ослепительно светящаяся точка, которая сверкала ярче любой звезды.

2
НОВЫЙ КАМЕНЬ

Незадолго до рассвета Смотрящий на Луну внезапно проснулся. Он очень устал от дневных трудов и бед и спал крепче обычного, но все же при первом слабом шорохе, донесшемся снизу, из долины, мгновенно пробудился.

Он присел в зловонной мгле пещеры, всем своим существом вслушиваясь в ночной мир, лежащий снаружи, и в сердце его медленно заполз страх. Ни разу в жизни — а прожил он уже вдвое дольше, чем большинство его сородичей,— он не слышал такого звука. Большие кошки подкрадывались бесшумно, только случайный шорох скатившегося из-под лапы комочка земли да треск ветки изредка их выдавали. Это же был непрерывный хруст, который стано-

вился все громче. Словно какой-то огромный зверь шел там внизу, в ночи, не таясь и ломая все препятствия. Однажды Смотрящий безошибочно угадал по звуку, что в долине вырывают с корнем кустарник. Так часто делали слоны и динотерии, но вообще-то они передвигались так же бесшумно, как и кошки.

А потом раздался звук, который Смотрящий на Луну распознать не мог — по той причине, что прозвучал он впервые в истории Земли. Это был лязг металла о камень.

Впервые Смотрящий на Луну увидел Новый Камень в слабом свете нарождающегося дня, когда повел свою стаю на утренний водопой. Он почти забыл о всех ночных страхах — ведь после того необычайного звука ничего не случилось,— и потому новый странный предмет не вызвал у него ни страха, ни ощущения опасности. Да в нем и не было ничего страшного.

Это была прямоугольная глыба раза в три выше Смотрящего, но узкая настолько, что, разведя руки, он мог коснуться ее краев, и состояла она из какого-то совершенно прозрачного вещества. Собственно говоря, ее не так-то просто было и увидеть, если бы восходящее солнце не отражалось в ее гранях. Смотрящий на Луну никогда не видел ни льда, ни даже чистой, прозрачной воды, и ему не с чем было сравнить этот предмет. Но он был, право же, красив, и, хотя Смотрящий благоразумно остерегался всего нового, он без долгих колебаний приблизился бочком к Новому Камню. Убедившись, что с ним ничего не случилось, он протянул руку и ощутил холодную твердую поверхность.

Несколько минут он напряженно размышлял и нашел блестящее объяснение. Конечно же, это камень; наверно, он вырос здесь за ночь. На Земле многое так появляется. Например, белые мягкие штуки, с виду похожие на речные голыши, тоже выскакивают из земли за время темноты. Правда, те штуки круглые и маленькие, а этот камень большой и граненый... Но ведь философы, более мудрые, чем Смотрящий на Луну, и пришедшие в мир позднее его, также готовы пренебречь фактами, не менее разительно противоречащими их теориям.

Применив эту поистине первоклассную методику абстрактного мышления, Смотрящий на Луну за какие-нибудь три-четыре минуты пришел к определенному выводу и немедленно подверг его проверке. Белые круглые мягкие «голыши» очень вкусны (правда, от некоторых можно сильно заболеть). Может быть, и этот большой, тоже?..

Он несколько раз лизнул камень, попытался куснуть его и быстро разочаровался. Еды тут не было никакой — и Смотрящий, как и подобало рассудительному питекантропу, продолжил свой путь к реке и, занявшись очередной перебранкой с Другими, начисто позабыл о кристаллическом монолите.

На ближних пастбищах в этот день есть было совсем нечего, и, чтобы немного подкормиться, стае пришлось уйти километров за шесть — восемь от пещер. В час беспощадного полуденного зноя, от которого негде было укрыться, одна из самок послабее упала в обморок. Остальные окружили ее, постояли, сочувственно бормоча и щебеча, но помочь ей никто не мог. Будь они менее истощены, они, пожалуй, унесли бы ее с собой, но у них просто не было избытка энергии для таких добрых дел. Волей-неволей ее оставили одну — пусть сама попробует выжить, если сумеет.

Когда вечером, на обратном пути, они прошли мимо этого места, там не осталось даже костей.

При слабом свете гаснущего дня, боязливо озираясь, чтобы не пасть жертвой хищников, рано вышедших на охоту, они торопливо напились воды из ручья и начали подниматься к своим пещерам. До Нового Камня было еще довольно далеко, когда до них донесся звук.

Звук этот был едва слышен, но он мгновенно остановил питекантропов, и они неподвижно замерли на тропе, словно парализованные, безвольно разинув рты. Этот нехитрый, бесконечно, до одури повторяющийся вибрирующий звук исходил из кристалла и гипнотизировал всех, кто его слышал. В первый и на ближайшие три миллиона лет последний раз в Африке звучал барабанный бой.

Дробь становилась все громче, все настойчивей. Питекантропы начали оцепенело, словно лунатики, продвигаться вперед, притягиваемые источником этого звука. Порой они делали примитивные танцевальные движения — это кровь их откликалась на ритмы, которые их потомкам предстояло создать многие века спустя. Совершенно зачарованные, они сгрудились вокруг монолита, позабыв о всех лишениях прошедшего дня, об опасностях надвигающейся ночи, о голоде, терзающем их желудки.

Все громче звучал барабан, все больше сгущались сумерки. И когда тени стали совсем длинными и небо померкло, кристалл засветился.

Сначала он утратил прозрачность, помутнел, и его глубина наполнилась млечным сиянием. Неясные, дразняще неузнаваемые призраки возникли и начали скользить в его глубине и под самой его поверхностью. Они слились в светлые и темные полосы; переплетаясь и пересекаясь между собой, эти полосы начали вращаться, словно спицы волшебных колес.

Быстрей и быстрей вращались эти светящиеся колеса, и ритм барабанного боя становился все чаще. Питекантропы, окончательно загипнотизированные, разинув рты, уставились на невиданную игру света в кристалле. Они уже начисто позабыли веления инстинктов, унаследованных от предков, и уроки своего жизненного опыта. При обычных обстоятельствах никто из них не осмелился бы задержаться так далеко от своей пещеры в столь позднее время — ведь в окружающих зарослях недвижно замерли темные силуэты и светились глаза ночных хищников, которые приостановили охоту, выжидая, чем все это кончится.

Но вот вращающиеся световые колеса начали смыкаться друг с другом, спицы их слились в полосы света, которые медленно отступали в глубину, затем полосы раскололись пополам, образовав пары светящихся линий. Дрожа и колеблясь, эти пары наклонялись и пересекались друг с другом под различными медленно изменяющимися углами. Светящиеся сетки линий сплетались и расплетались, и из них складывались и тут же исчезали фантастические, эфемерные чертежи. А зачарованные пленники светящегося кристалла, питекантропы, все глядели и глядели...

Им и в голову не приходило, что в эти мгновения неведомая сила исследует их умственные способности, определяет формы и размеры их тел, изучает психические реакции, оценивает их скрытые возможности. Некоторое

время все они сидели на корточках, застыв словно окаменевшие. Вдруг один питекантроп, сидевший ближе других к кристаллу, зашевелился.

Он не сдвинулся с места, просто его тело освободилось от гипнотического оцепенения, и он задвигался, словно марионетка, управляемая невидимыми нитями. Голова его повернулась направо, потом налево; он молча открыл и закрыл рот, сжал и разжал кулаки. Затем наклонился, схватил длинный стебель и попытался плохо повинующимися пальцами рук завязать его в узел.

Казалось, он одержим какой-то внешней силой и тщетно борется против духа или демона, что завладел его телом. Задыхаясь, с выражением ужаса в глазах, он пытался заставить свои пальцы выполнить такие движения, каких ранее не мог и представить.

Как он ни старался, ему удалось всего лишь разорвать стебель на несколько частей. И едва только частички стебля упали на землю, властвовавшая над ним сила оставила его и он вновь застыл в тупой неподвижности.

Теперь ожил и проделал те же движения другой питекантроп. Этот был моложе, легче приспосабливался, и ему удалось сделать то, что оказалось не под силу старшему. На планете Земля был завязан первый неуклюжий узел...

Другие проделали еще более странные, еще более бесполезные движения. Одни протягивали руки вперед и пытались сблизить их так, чтобы концы пальцев соприкоснулись,— сначала они делали это с открытыми глазами, затем зажмурив один глаз. Некоторых непонятная сила заставила разглядывать странные фигуры из пересекающихся линий, мелькающих внутри кристалла; линии непрестанно делились, их становилось все больше, пока они не слились в сплошную серую рябь. А в ушах у всех звучали одни и те же чистые одноголосые звуки; начинаясь на высокой ноте, они быстро понижались и обрывались на нижнем пределе слышимости.

Когда подошла очередь Смотрящего на Луну, он почти не испугался. Ощущая, как его мышцы сокращаются и тело движется, повинуясь приказам, исходящим откуда-то извне, он испытывал в основном смутное чувство злой досады.

Сам не понимая зачем, он наклонился и подобрал небольшой камень. Распрямившись, он увидел, что рисунок внутри кристалла изменился. Сетки и переменчивые, пляшущие геометрические фигуры исчезли, вместо них появился черный диск, опоясанный несколькими концентрическими кругами.

Повинуясь безмолвным приказам, полученным его мозгом, он неуклюже размахнулся и бросил камень. И промахнулся более чем на метр.

Попробуй еще раз — прозвучал приказ в мозгу. Смотрящий поискал вокруг и нашел еще один камешек. На этот раз он попал в монолит, который откликнулся звоном, гулким, точно удар колокола. В цель он, конечно, не попал, но все же показал лучшую меткость.

При четвертой попытке камень ударил всего в нескольких сантиметрах от черной сердцевины мишени. Смотрящий ощутил необыкновенное наслаждение, почти такое же острое, как при сближении с самкой. Потом власть внешней силы ушла; ему ничего не хотелось делать, он просто стоял и ждал, что будет дальше.

Так все в стае, один за другим, испытали на себе воздействие странного кристалла. Некоторые справились со своими задачами, но большинство потерпело неудачу, и все были по заслугам вознаграждены: одни содрогнулись от наслаждения, другие — от боли.

Теперь внутренность огромного монолита только светилась ровным сиянием; он стоял будто глыба света, врезанная в окружающую тьму. Словно пробудившись ото сна, питекантропы тряхнули головами и зашагали по тропе к своему жилью. Они шли, не оглядываясь назад, не дивясь странному светочу, который указывал им путь к их убежищам — и к будущему, пока еще не известному даже звездам.

3
АКАДЕМИЯ

Смотрящий на Луну и его сородичи совершенно позабыли все, что видели, как только монолит перестал властвовать над их сознанием и проделывать опыты с их телами. На следующее утро, по дороге на пастбище, они прошли мимо, не обратив на него ни малейшего внимания: он уже стал привычной никчемной частью окружающей среды. Он был несъедобен и не мог съесть их, остальное было не важно.

Внизу, у ручья, Другие, как обычно, выкрикивали свои бессильные угрозы. Их вожак, одноухий питекантроп, ровесник Смотрящего на Луну и одного с ним роста, только более тощий, решился даже на небольшую вылазку в направлении неприятельской территории: он шагал, громко крича и размахивая руками, чтобы устрашить врага и подбодрить самого себя. Ручей по всей ширине был ему примерно по колено, но чем дальше Одноухий отходил от своего берега, тем неуверенней он себя чувствовал, тем страшнее становилось ему. Очень скоро он замедлил шаг, потом остановился и наконец с напускной важностью зашагал назад, к своим соплеменникам.

В будничном течении жизни питекантропов больше ничего не изменилось. Стая нашла достаточно пищи, чтобы просуществовать еще один день, и никто не умер.

А вечером кристалл снова ожидал их, светясь пульсирующим светом и привлекая тем же звуком. На этот раз, однако, он применил иную, хитроумно измененную, программу.

Некоторых питекантропов кристалл совсем оставил в покое — он как бы сосредоточил все внимание на тех, кто подавал наибольшие надежды. К их числу принадлежал и Смотрящий на Луну: он снова почувствовал, будто какие-то пытливые щупальца шарят по дальним закоулкам его мозга. Затем начались видения.

Возможно, эти видения явились ему внутри кристаллического монолита, а может быть, они рождались в его мозгу. Так или иначе, для Смотрящего на Луну все эти образы были вполне реальны. Только почему-то привычный интуитивный порыв — изгнать чужих из своих владений — оказался совершенно усыпленным.

Он увидел мирную семью, совсем такую же, как семьи его сородичей, если не считать одного существенного отличия. Самец, самка и двое детенышей, загадочно привидевшиеся ему, были сыты по горло, гладкие шкуры их лоснились — подобного благоденствия Смотрящий на Луну не мог даже вообразить. Он невольно пощупал свои торчащие ребра — у тех ребра были скрыты в складках жира. Время от времени эти существа, развалившиеся у входа в пещеру и явно довольные жизнью, лениво поворачивались с боку на бок. Здоровенный самец иногда густо и удовлетворенно рыгал.

Так продолжалось минут пять, а потом видение исчезло, лишь мерцающие контуры кристалла светились в темноте. Смотрящий на Луну встряхнулся, словно пробудившись ото сна, внезапно сообразил, где он находится, и повел свою стаю к пещерам.

У него не осталось сознательного воспоминания об увиденном, но этой ночью, когда он, понуро сгорбившись, сидел у входа в пещеру и чутким ухом ловил шумы окружающего мира, он впервые ощутил пока еще слабую щемящую боль от нового властного чувства. То была смутная неопределенная зависть, какая-то неудовлетворенность жизнью. Он понятия не имел, откуда взялось это чувство, а тем более — как его утолить, но недовольство закралось в его душу, и это было уже первым малым шагом к очеловечиванию.

Ночь за ночью Смотрящему на Луну являлась в видении эта четверка раскормленных питекантропов; под конец он стал как-то злобно любоваться ими, и от этого вечный голод мучил его еще сильнее. Само по себе то, что он видел, не могло бы так повлиять на питекантропа, для этого нужно было еще усилить его способность к восприятию. За последние дни в жизни Смотрящего на Луну были пробелы; об этих периодах он ничего не мог бы вспомнить — именно тогда самые атомы его примитивного мозга перестраивались в новые структуры. Если он выживет, эти структуры будут увековечены — его гены передадут их грядущим поколениям.

Это была медленная, кропотливая работа, но кристаллический монолит был терпелив. Ни он, ни подобные ему монолиты, разбросанные по половине земного шара, не имели своей целью добиться успеха среди всех объектов, охваченных экспериментом. Какое значение могла иметь сотня неудач, если один-единственный успех способен изменить судьбу всей планеты!

До следующего новолуния в стае погибли двое и родился один детеныш. Одна смерть была обычной — от голода, другая случилась во время вечернего ритуала у монолита — один питекантроп, пытаясь тихонько стукнуть одним обломком камня о другой, внезапно упал замертво. Кристалл вмиг погас, и чары, приковывавшие к нему стаю, исчезли. Но упавший питекантроп не очнулся, а наутро от его тела, конечно, ничего не осталось.

На следующий вечер сборища вокруг кристалла не было — он все еще анализировал свою ошибку. Стая протрусила мимо него в надвигавшихся сумерках, даже не поглядев в его сторону. Но прошли еще сутки, и кристалл был вновь готов к встрече с ними.

Опять появилась четверка упитанных питекантропов, но на сей раз они вели себя престранно. Смотрящего на Луну бросило в дрожь, и он не мог ее унять, ему казалось, что голова его вот-вот лопнет от напряжения, хотелось зажму-

риться и ничего не видеть. Но неумолимая сила держала его мозг в своей власти и принудила воспринять урок до конца, хотя все его инстинкты восставали против этого.

Эти инстинкты верно послужили предкам питекантропа в эпоху теплых дождей и буйной растительности, когда пищу можно было найти везде — стоило только протянуть руку. Но времена изменились, и унаследованная мудрость прошлого стала безумием. Питекантропы должны были либо приспособиться, либо погибнуть, как погибли до них огромные звери, чьи кости погребены в глубине известняковых холмов.

И Смотрящий на Луну не сводил с монолита немигающих глаз, а его мозг был открыт для еще неуверенных, но настойчивых манипуляций таинственной внешней силы. Временами его подташнивало, но тошнота проходила, а голод сосал, не отпуская ни на миг, и руки то и дело бессознательно проделывали движения, которые вскоре должны были предопределить его переход к новому образу жизни.

Когда стая бородавочников один за другим, фыркая и хрюкая, пересекала тропу питекантропов, Смотрящий на Луну внезапно застыл на месте. Обычно бородавочники и питекантропы не замечали друг друга, ведь интересы их ни в чем не сталкивались. Как и большинство других животных, не борющихся между собой за одну и ту же пищу, они просто не мешали друг другу.

Но теперь вожак стаи питекантропов глядел на бородавочников и неуверенно переминался с ноги на ногу, раздираемый чувствами, которых сам не мог понять. Потом, словно во сне, наклонился и начал шарить по земле — он не сумел бы объяснить, что ищет, даже если бы обладал даром речи. Он просто узнает, что ему нужно, если найдет.

Он нашел тяжелый заостренный камень длиной в ладонь — держать его в руке было не особенно удобно, но он явно годился. Смотрящий на Луну взмахнул рукой, описал ею круг над головой, удивившись, насколько она потяжелела, и с удовольствием ощутил возросшую силу и власть. Он направился к животному, которое оказалось ближе других.

Это был молодой поросенок, глупый даже по невысоким стандартам свиного разума, уголком глаза он увидел приближающегося питекантропа, но вовремя не поостерегся. Стоит ли подозревать это безобидное существо в каких-то недобрых намерениях? И он продолжал беззаботно подрывать пятачком корни травы, пока Смотрящий на Луну ударом каменного молота не погасил теплившуюся в его мозгу слабую искорку сознания. Остальные свиньи продолжали пастись как ни в чем не бывало — так быстро и беззвучно совершилось убийство.

Вся стая питекантропов остановилась поглазеть, что делает вожак, и теперь столпилась вокруг него и его жертвы, восхищенная и пораженная. Неожиданно один подобрал окровавленный камень и начал колотить им убитого поросенка. Подхватив палки и камни, оказавшиеся под рукой, к нему присоединились другие; вскоре труп животного превратился в кровавое месиво.

Тогда им стало скучно. Некоторые побрели прочь, другие стояли в растерянности вокруг растерзанной до неузнаваемости добычи — от их решения

зависело будущее мира. Прошло на удивление много времени, пока одна из кормящих самок не начала лизать сжатый в пальцах окровавленный камень.

А Смотрящему на Луну, хотя ему уже так много было показано, потребовалось еще больше времени, чтобы понять по-настоящему, что отныне ему никогда не придется голодать.

4
ЛЕОПАРД

Орудия, применение которых было запрограммировано кристаллом, были очень просты, и все же они могли изменить этот мир и сделать питекантропов его властелинами. Простейшее из них — камень, зажатый в руке,— во много раз увеличивало силу удара... Затем следовала костяная палица — она удлиняла руку и помогала защищаться от клыков и когтей свирепых хищников. С таким оружием все пригодные в пищу животные, которыми кишела саванна, были доступны питекантропам.

Но им нужны были и другие вспомогательные орудия, ибо своими зубами и ногтями они могли расчленять лишь мелкую добычу, вроде кроликов. К счастью, Природа приготовила им великолепные инструменты; нужна была лишь смекалка, чтобы найти их и применить.

Во-первых, для них был готов грубый, но очень удобный нож-пила. Модель, созданная Природой,— обыкновенная нижнечелюстная кость антилопы со всеми зубами — отлично прослужит три миллиона лет. Никаких существенных улучшений вплоть до появления стали в нее не внесут. Нашлось и шило, оно же кинжал,— рог газели и, наконец, скребок — нижняя челюсть почти любого мелкого животного.

Камень, дубинка, пила, рог-кинжал, костяной скребок были необходимы питекантропам — без этих замечательных изобретений они бы не выжили. Вскоре питекантропы признали эти орудия символами могущества, какими они и были, но понадобилось время, пока их неловкие руки научились — или захотели — их применить.

Возможно, когда-нибудь они смогли бы и самостоятельно додуматься до потрясающей, блестящей идеи — воспользоваться естественным «вооружением» животных в качестве искусственных орудий. Но природные условия складывались неблагоприятно для них, и даже теперь бесчисленные опасности подстерегали их в веках, простирающихся впереди.

Питекантропам была дарована единственная возможность победить. Другой такой возможности уже не будет. Свою судьбу они, в самом буквальном смысле слова, держали в собственных руках.

Луны всходили и закатывались; дети рождались и иногда выживали; слабые, беззубые тридцатилетние старики умирали; леопард по ночам взимал свою мзду; Другие каждый день грозились из-за ручья... а племя Смотрящего на Луну процветало. За один только год он и его сородичи изменились до неузнаваемости.

Они оказались прилежными учениками: теперь они умели пользоваться всеми орудиями, которые были им показаны. О голоде они уже не думали, и даже воспоминания о нем начали ускользать из их памяти. Бородавочники, правда, стали побаиваться их и к себе не подпускали, но на равнине паслись десятки тысяч газелей, антилоп и зебр. Все эти и многие другие животные становились добычей начинающих охотников.

Теперь, когда питекантропы уже не были постоянно одурманены голодом, у них появилось время для отдыха и даже для мышления, правда, в самой зачаточной форме. Свой новый образ жизни они приняли как нечто должное и никак не связывали его с монолитом, который все еще стоял у тропы, ведущей к ручью. Если бы им довелось когда-либо задуматься о счастливых переменах в их жизни, они, возможно, похвастались бы, что добились этого собственными силами. По правде говоря, они уже позабыли, что можно жить иначе.

Однако безупречных утопий нет, были и у этой два существенных недостатка. Во-первых, мародер-леопард, пристрастие которого к питекантропам как будто даже возросло, когда они стали более упитанными. Во-вторых, стая за рекой: Другие ухитрились каким-то образом выжить и наотрез отказывались помирать с голоду.

Проблема леопарда вскоре разрешилась, отчасти по воле случая, отчасти в результате серьезной, едва ли не роковой ошибки Смотрящего на Луну. Впрочем, в ту минуту идея ему показалась столь блестящей, что он даже заплясал от радости, и вряд ли стоило его упрекать в том, что он не учел всех последствий.

Время от времени у племени еще выпадали черные дни, хотя гибель уже не грозила. Однажды им не удалось добыть мяса, и под вечер Смотрящий на Луну вел своих усталых и сердитых сородичей домой. Впереди уже показались пещеры, и тут, у самого своего порога, они наткнулись на один из редких подарков природы.

Близ тропы лежала антилопа — не детеныш, а взрослый самец. У него была сломана передняя нога, он не мог сдвинуться с места, но еще не ослабел, и окружившие его шакалы держались на почтительном расстоянии от острых, как кинжалы, рогов. Впрочем, они могли позволить себе роскошь терпеливо ждать — они знали, что время работает на них.

Они только забыли о возможных соперниках; при появлении питекантропов они отступили, злобно огрызаясь. Питекантропы тоже сначала осторожно окружили животное, держась подальше от его опасных рогов, но затем набросились на него с палицами и камнями.

Это нападение было не особенно дружным и организованным; когда несчастное животное наконец испустило дух, уже почти совсем стемнело, и шакалы снова осмелели. Смотрящий на Луну, раздираемый страхом и голодом, только тут сообразил, что все их старания могут пропасть зря. Оставаться на тропе было уже слишком опасно.

И тут — не в первый и не в последний раз — он доказал свою гениальность. Огромным усилием воображения он представил себе убитую антилопу в безопасном убежище — в своей пещере! Он поволок ее к уступу, остальные довольно быстро поняли, зачем он это делает, и принялись ему помогать.

Знай он, как трудна будет эта задача, он не стал бы и пробовать. Если бы не огромная физическая сила да ловкость, унаследованные от предков, живших на деревьях, ему нипочем бы не втащить тяжелую добычу вверх по крутому склону. Несколько раз, плача от беспомощности, он готов был бросить ее на полпути, но упорство, столь же могучее, как и чувство голода, подхлестывало его. Сородичи то помогали ему, то мешали; по большей части они просто путались под ногами. Но когда последние отблески заката погасли на ночном небе, задача была выполнена — изодранную и растерзанную тушу антилопы втащили через высокий порог в пещеру, и началось пиршество.

...Спустя несколько часов наевшийся до отвала вожак внезапно проснулся. Сам не понимая почему, он присел в темной пещере среди распростертых тел своих тоже сытых по горло сородичей и начал напряженно вслушиваться в ночную мглу снаружи.

Он не слышал ни звука, кроме тяжелого дыхания спящих; казалось, весь мир погружен в глубокий сон. В ярком свете высоко стоящей луны белели, словно кости, скалы вокруг входа в пещеру. Даже самая мысль об опасности казалась бесконечно далекой.

И вдруг откуда-то снизу донесся слабый звук — по откосу скатился камешек. Превозмогая страх, Смотрящий на Луну подполз к выходу из пещеры и пытливо заглянул вниз, на склон горы под ним.

То, что он увидел, сковало его таким ужасом, что он несколько секунд не мог даже пошевельнуться. Всего в десяти шагах светились золотистым светом два глаза, вперившиеся прямо в него. Завороженный этим леденящим взглядом, он в этот миг вряд ли помнил о скрытом темнотой гибком пятнистом теле, плавно и бесшумно скользившем от камня к камню. Леопард никогда еще не забирался так высоко. На сей раз он пренебрег нижними пещерами, хотя наверняка знал, кто в них живет. Его влекла сейчас другая добыча, он шел по следу, образованному на залитом луной склоне каплями крови.

Через несколько секунд ночную тишину разорвали тревожные вопли питекантропов в верхней пещере. Леопард яростно зарычал — внезапная атака не удалась. Но он не остановился, он знал, что ему нечего бояться.

Он добрался до входа в пещеру и на мгновение задержался на узкой площадке перед ним. Вокруг пахло свежей кровью, и этот запах будил в убогом свирепом мозгу леопарда одно неудержимое желание. Не колеблясь, зверь бесшумно шагнул в пещеру.

Это была его первая ошибка — в темноте пещеры после яркого лунного света даже его великолепно приспособленные к ночному видению глаза на миг словно ослепли. Питекантропы могли видеть его лучше, чем он их, хотя бы потому, что его силуэт выделялся на более светлом фоне входного отверстия. Они были, конечно, до смерти испуганы, но уже не так беспомощны, как раньше.

Рыча и хлеща направо и налево хвостом, леопард с наглой уверенностью прыгнул в пещеру в поисках сладкой поживы, которая приманила его сюда. На открытом месте он без труда достиг бы цели. Но здесь, в пещере, припертые к стене и побуждаемые отчаянием питекантропы решились на немыслимо дерзкую попытку. К тому же впервые за все время своего существования они располагали средствами, позволяющими им достичь своей цели.

На голову леопарда обрушился оглушающий удар, и только тут он почуял неладное. Он наугад отмахнулся передней лапой и, раздирая когтями чье-то живое тело, услышал крик, полный предсмертной муки. И вдруг сильная боль пронзила его самого — что-то острое воткнулось ему под ребра, потом еще и еще раз. Он круто обернулся, пытаясь настичь ответными ударами смутные тени, которые, вопя, метались вокруг.

Снова яростный удар, на этот раз по носу. Леопард цапнул зубами что-то, мелькнувшее беловатым пятном перед его глазами, но зубы только скользнули по мертвой кости. А затем последовало нечто совершенно невообразимое и унизительное — его ухватили за хвост и стали тянуть, чуть не отдирая хвост с корнем.

Леопард могучим рывком развернулся вокруг себя и, взметнув в воздух своего безрассудно дерзкого мучителя, шмякнул его о стену пещеры. Но как зверь ни бился, ему не удавалось уклониться от града ударов, наносимых со всех сторон примитивными орудиями, которыми теперь владели неуклюжие, но сильные руки питекантропов. В его рычании последовательно отразилась целая гамма чувств — от боли до тревоги и от тревоги до слепого ужаса. Непобедимый охотник обратился в жертву и отчаянно пытался спасти свою шкуру.

И тут он сделал вторую ошибку: с перепугу он забыл, где его настигла опасность. А может быть, удары, обрушившиеся на его голову, оглушили или ослепили его. Так или иначе, спасаясь, он опрометью выпрыгнул из пещеры. Снаружи донесся отчаянный сиплый рев. Это ревел леопард, беспомощно кувыркаясь в воздухе. Питекантропам показалось, что прошла вечность, и наконец они услышали глухой стук — это тело леопарда разбилось о каменный выступ на середине откоса, и все смолкло, только прошуршали несколько камешков, соскользнувших вниз.

Смотрящий на Луну, опьяненный победой, еще долго приплясывал и бормотал у входа в пещеру. Он безошибочно чуял, что все в мире переменилось, отныне он уже не будет беспомощной жертвой враждебных сил.

Наконец он залез в пещеру и впервые в своей жизни проспал всю ночь, ни разу не проснувшись.

На утро они увидели труп леопарда у подножия обрыва. Не сразу они решились подойти к сраженному чудовищу, хотя и знали, что оно мертво, но потом набросились на него, пустив в ход свои костяные ножи и пилы.

Работа оказалась нелегкой, и на охоту в этот день не ходили.

5
ВСТРЕЧА НА РАССВЕТЕ

Ведя свою стаю к ручью в сером предутреннем свете, Смотрящий на Луну нерешительно остановился у места, показавшегося ему знакомым. Он знал, что здесь чего-то недоставало, но никак не мог вспомнить, чего именно. Впрочем, он не тратил особых усилий на воспоминания — этим утром у него на уме были дела посерьезнее.

Огромная кристаллическая глыба исчезла так же загадочно, как и появилась,— подобно грому и молнии, облакам и затмениям светил. Утонув в прошлом, которое для питекантропов не существовало, она уже никогда более не вспоминалась Смотрящему на Луну.

Он так и не понял, что сделал для него этот камень, а столпившиеся вокруг сородичи даже не полюбопытствовали, почему их вожак остановился здесь на минутку в утреннем тумане по дороге на водопой.

Стоя на своем берегу в извечно нерушимой безопасности своих владений, Другие увидели Смотрящего на Луну и с десяток самцов из его стаи еще издалека — словно оживший силуэтный фриз на фоне рассветного неба. Они тут же разразились обычными выкриками и угрозами, но на сей раз ответа не последовало.

Спокойно, решительно, а главное, молча Смотрящий на Луну и его отряд сошли с невысокого пригорка на своем берегу, и, когда они приблизились к воде, Другие внезапно притихли. Их ритуальная ярость схлынула, вытесненная все нарастающим страхом. Они смутно сознавали, что происходит нечто необычное, что сегодняшняя встреча с соседями не похожа на все прежние. Костяные палицы и ножи, которыми были вооружены приближавшиеся, не встревожили Других — они ведь не понимали, для чего эти орудия. Только чутье подсказывало им, что каждый шаг их соперников исполнен новой решимости и угрозы.

У самой воды Смотрящий на Луну остановился, и Другие на миг приободрились. Под водительством своего Одноухого они без особого рвения снова начали воинственно вопить. Но через несколько секунд их глазам предстало столь страшное зрелище, что они онемели.

Смотрящий на Луну взметнул обе руки вверх, открыв для обозрения свою ношу, которую до того скрывали волосатые тела его сородичей. Он держал в руках толстый сук, на который была насажена окровавленная голова леопарда. Пасть его была широко раскрыта и расперта щепкой, огромные клыки сверкали устрашающей белизной в первых лучах восходящего солнца.

Большинство Других оцепенели от страха и не могли шевельнуться, но кое-кто начал медленно пятиться, спотыкаясь на каждом шагу. Этого было довольно, чтобы Смотрящий окончательно осмелел. По-прежнему держа свою растерзанную добычу над головой, он шагнул в воду. Немного поколебавшись, зашлепали вслед за ним по воде и его спутники.

Вожак достиг противоположного берега, а Одноухий все еще стоял на прежнем месте. Возможно, он был слишком смел или слишком глуп, чтобы бежать, а может быть, ему просто не верилось, что и вправду совершается такое неслыханное вторжение. Был ли он героем или трусом, это никак не повлияло на его участь; голова леопарда, сверкнув мертвым оскалом клыков, взвилась над ним и размозжила ему череп, а он так ничего и не понял.

Визжа от ужаса, Другие разбежались и попрятались в зарослях. Впрочем, немного погодя они вернулись и вскоре начисто позабыли о своем погибшем вожаке.

А Смотрящий на Луну стоял в нерешительности над своей новой жертвой, пытаясь уяснить странное и удивительное открытие: мертвый леопард все еще может убивать! Он стоял и думал. Он стал владыкой мира, и ему еще не совсем было ясно, что делать дальше.

Но он что-нибудь придумает.

6
ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

На Земле появилось новое животное; из центральной части Африканского материка оно медленно распространялось по всей планете. Оно было еще столь немногочисленно, что при беглом обследовании его можно было и не заметить среди миллиардов живых существ, которыми кишели и море, и суша. Пока еще ничто не предвещало, что оно добьется процветания или хотя бы просто выживет: в этом мире, где погибло так много более могучих животных, его судьба еще висела на волоске.

За сто тысяч лет, прошедших со времени появления в Африке монолитов, питекантропы не придумали ничего нового. Но сами они начали изменяться и выработали навыки, какими не обладало больше ни одно животное. Костяные палицы приумножили их силу и удлинили их руки; они уже не были теперь беззащитны против хищников, с которыми им приходилось состязаться. У мелких они могли отнять добычу, а тех, что побольше, заставили остерегаться, а иногда и обращали в бегство.

Крупные зубы питекантропов постепенно становились мельче, потому что теперь они были уже не так нужны. Их кое в чем уже заменял камень с острыми гранями, которым можно было выкапывать съедобные корни, резать жесткое мясо и сухожилия, и эта новая возможность повлекла за собой неисчислимые последствия. Питекантропам, у которых стерлись или сломались зубы, уже не грозила голодная смерть — даже самые примитивные орудия могли продлить их жизнь на много лет. А по мере того как становились короче клыки, менялся и весь склад их лица — все меньше выпячивались нос и верхняя губа, менее тяжелой становилась нижняя челюсть, теперь они могли издавать ртом больше разнообразных звуков. До речи было еще больше миллиона лет, но первые шаги в этом направлении были уже сделаны.

А потом начал меняться окружающий мир. Четырьмя могучими волнами прокатились ледниковые периоды, оставив на всей Земле свой след; гребни этих волн отстояли друг от друга на двести тысяч лет. За пределами тропиков ледники уничтожили тех, кто слишком рано покинул родину своих предков; они смели с лица Земли все живое, что не умело приспособиться к новым условиям.

Когда льды отступили, не стало и многих древних представителей органической жизни, в том числе и питекантропов. Но в отличие от других животных они оставили потомков — они не вымерли, а преобразились. Орудия, сделанные их руками, переделали их самих.

Работая дубинками и кремневыми ножами, их руки приобретали ловкость, какой не обладал никто больше во всем животном царстве, и эта ловкость позволила им изготовлять еще более совершенные орудия, которые, в свою очередь, развивали их мозг и конечности. Это был нарастающий, самоускоряющийся процесс, и он в конечном итоге создал Человека.

Первые люди в точном смысле этого слова располагали орудиями, лишь немногим совершеннее тех, что были у их предков миллион лет назад, но пользовались ими уже гораздо искуснее. Кроме того, неведомо когда, в незапамятные времена, они изобрели самое важное орудие, незримое и неосязаемое. Они научились говорить и тем самым добились первой великой победы над Временем. Теперь каждое поколение получило возможность передавать свои знания и опыт следующему, молодому, и каждый новый век становился обладателем всего открытого и познанного предыдущими.

В отличие от животных, которым было ведомо только настоящее, Человек обрел прошлое — и начинал искать пути к достижению будущего.

Постепенно он учился также использовать силы природы; подчинив себе огонь, он заложил основы первичной технологии и высоко поднялся над миром животных, из которого вышел сам. Прошло время, и камень сменился бронзой, бронза — железом. На смену охоте пришло земледелие. Выросшее из стаи племя положило начало селению, селения разрастались в города. Человек научился увековечивать речь знаками на камне, затем на глине, затем на папирусе. Потом он придумал философию и религию. И заселил небо богами.

Тело его становилось все беззащитней, а орудия нападения — все более устрашающими. Пуская в ход камень, бронзу, железо и сталь, он испытал весь набор орудий, могущих колоть и резать, и весьма рано научился поражать свои жертвы на расстоянии. После копья, лука и пушки ядерная ракета наконец дала ему в руки оружие неограниченной мощи.

Без оружия, хотя он часто обращал его во вред себе, Человек никогда не завоевал бы Землю. Но теперь само существование оружия грозит Человеку гибелью.

II

ЛМА-1

7

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕЙС

«Сколько бы ни приходилось покидать Землю,— подумал доктор Хейвуд Флойд,— все равно всякий раз волнуешься не меньше». Он побывал на Марсе, трижды — на Луне, а на различные космические станции летал так часто, что давно уже сбился со счета. И все же теперь, когда близился момент старта, он ощутил, как нарастает в нем напряжение, какое-то изумленно-благоговей-

ное чувство, ну и, конечно, самое обыкновенное волнение, как у новичка перед первым космическим «крещением».

Реактивный самолет, домчавший его сюда из Вашингтона после полуночной беседы с президентом США, начал круто снижаться над местностью, облик которой хотя и был знаком всему миру, все же оставался не менее волнующим. Здесь, внизу, на протяжении тридцати пяти километров вдоль побережья Флориды высились памятники первых двух поколений Эры завоевания космоса. Дальше к югу мерцающими красными огнями были очерчены силуэты гигантских опорных мачт «сатурнов» и «нептунов», которые вывели людей на межпланетные трассы и стали ныне достоянием истории. Еще дальше, у самого горизонта, в лучах прожекторов огромной серебряной башней сверкала последняя ракета «Сатурн V», сохраненная как национальный монумент и почти два десятилетия служившая местом паломничества. Неподалеку от нее рукотворной горой вырисовывался на фоне неба исполинский массив корпуса сборки ракет — он и по сей день оставался крупнейшим зданием на Земле.

Но все это было уже достоянием прошлого, а доктор Флойд летел в будущее. Когда самолет пошел на посадку, Флойд увидел внизу множество зданий, длинную посадочную полосу, а дальше, широким черным шрамом рассекая Флоридскую равнину, тянулась огромная пусковая эстакада с несколькими рядами параллельных направляющих. На стартовом конце ее в окружении машин и кранов лежал, готовясь к прыжку в небо, космолет, ярко освещенный прожекторами. В быстрой смене скоростей и высот Флойд на мгновение утратил ощущение масштабов, и космолет показался ему крохотной серебристой мошкой, выхваченной из ночной тьмы лучом карманного фонаря.

Но маленькие фигурки, суетившиеся вокруг, тотчас вернули ему истинное представление о размерах корабля. Между концами резко скошенных крыльев было, наверно, не меньше шестидесяти метров. «И эта гигантская машина,— с удивлением, но и не без гордости подумал Флойд,— готовится для меня одного!» На его памяти это был первый космический полет для доставки на Луну всего лишь одного человека.

Хотя было уже два часа ночи, на пути от самолета до залитого светом космического корабля «Орион III» доктора Флойда перехватила группа репортеров. Кое-кого из них он узнал — для него как председателя Национального совета по астронавтике пресс-конференции были неотъемлемой частью повседневной жизни.

— Доктор Флойд? Я Джим Форстер из «Ассошиэйтед ньюс». Не скажете ли нам несколько слов о цели вашего полета?

— К сожалению, не могу.

— Но ведь несколько часов назад вы беседовали с президентом.

— А, это вы, Майк. Хелло! Боюсь, что вас напрасно подняли с постели. Никакой информации не будет.

— Может быть, вы хотя бы подтвердите или опровергнете слухи о том, что на Луне вспыхнула какая-то эпидемия? — спросил один из телевизионных репортеров, ухитрившийся протиснуться поближе к Флойду и все время державший его в поле зрения своей портативной камеры.

— Очень жаль, но не имею возможности,— ответил Флойд, покачав головой.

— А как насчет карантина? — спросил другой репортер.— Когда его снимут?

— Комментариев не будет.

— Доктор Флойд,— тоном, не допускающим отказа, спросила хрупкая, но весьма решительная дама из газеты,— чем объясняется полное прекращение информационных передач с Луны? Это связано с политической обстановкой?

— Какую именно политическую обстановку вы имеете в виду? — сухо бросил Флойд.

В группе журналистов послышались смешки. Флойд направился к лифтовой башне, оставив своих преследователей позади запретного барьера.

— Счастливого пути, доктор! — крикнул кто-то из них.

У входа в салон его приветствовала блещущая свежестью стюардесса:

— С добрым утром, доктор Флойд. Я мисс Симмонс. Приветствую вас на борту нашего корабля от имени капитана Тайнза и второго пилота, первого помощника капитана, Балларда.

— Благодарю вас,— улыбнулся Флойд, дивясь про себя, почему у всех стюардесс голос безжизненный, словно у гидов-автоматов.

— Старт через пять минут,— сообщила она, обводя гостеприимным жестом пустой салон на двадцать пассажиров.— Можете занять любое место, но капитан Тайнз рекомендует вам сесть в крайнем левом кресле первого ряда, у иллюминатора,— оттуда удобно наблюдать все этапы старта и посадки.

— Пожалуй, я так и сделаю,— согласился Флойд.

Стюардесса еще немного посуетилась вокруг него и удалилась в свою кабину в конце салона.

Флойд уселся в кресло поудобнее, застегнул ремни на поясе и на плечах и закрепил свой портфель в соседнем кресле. Через мгновение мягким щелчком включился репродуктор.

— С добрым утром,— послышался голос мисс Симмонс.— Мы следуем специальным рейсом номер три с мыса Кеннеди на Космическую станцию номер один.

Она, видимо, решила совершить ради своего одинокого пассажира полный предстартовый ритуал, и Флойд не мог удержаться от улыбки, слушая, как неумолимо она выкладывает всю информацию, которую положено сообщать пассажирам.

— Наш полет будет длиться пятьдесят пять минут. Максимальное ускорение составит два «же», состояние невесомости продолжится тридцать минут. Прошу не покидать кресла до тех пор, пока не зажжется табло с разрешающей надписью.

Флойд, полуобернувшись, крикнул:

— Спасибо!

Он успел увидеть несколько смущенную, но очаровательную улыбку.

Флойд откинулся на спинку кресла, расслабил мышцы. Этот полет обойдется налогоплательщикам примерно в миллион с лишним долларов. Если затраты окажутся неоправданными, его, Флойда, сместят с занимаемого поста.

Впрочем, он всегда может возвратиться в университет и вновь заняться вопросами происхождения планет.

— Автоматический предстартовый контроль закончен, полет разрешен,— послышался в репродукторе голос капитана с типичными для радиодикторов успокаивающими интонациями.— Старт через одну минуту.

Как всегда, эта минута показалась часом. С острым волнением Флойд вспомнил, какие могучие силы дремлют где-то рядом с ним и ждут своего высвобождения. В топливных баках двух ракет и в энергоаккумуляторах пусковой катапульты была сосредоточена энергия мощной ядерной бомбы. И вся она будет затрачена только на то, чтобы забросить его всего на триста пятьдесят километров от Земли.

Никаких устаревших предстартовых отсчетов, вроде «пять — четыре — три — два — один», теперь не производилось. Слишком дорого они стоили человеческим нервам.

— Старт через пятнадцать секунд. Вам будет легче, если вы начнете глубоко дышать.

Это было правильно как с психологической, так и с физиологической точки зрения. Когда катапульта начала разгонять свой тысячетонный снаряд, чтобы взметнуть его над Атлантикой, Флойд был настолько заряжен кислородом, что чувствовал себя готовым к любым испытаниям.

Определить момент отрыва от катапульты и начала полета он не смог, но включение двигателей первой ступени на полную мощность дало о себе знать удвоенным ревом и резким нарастанием силы тяжести, вдавливавшей Флойда все глубже и глубже в кресло. Ему хотелось глянуть в иллюминатор, но было трудно даже повернуть голову. И в то же время он не ощущал никакого неудобства, напротив, нарастающее ускорение и рев двигателей порождали в нем чувство необычайного блаженства.

Совершенно оглушенный, с учащенно бьющимся сердцем, Флойд давно уже не испытывал такого наслаждения жизнью, как сейчас. Он снова был молод и счастлив, ему хотелось громко петь — и он вполне мог себе это позволить, поскольку его все равно никто бы не услышал.

Но приподнятое настроение мигом схлынуло, как только он вспомнил, что покидает Землю и всех, кого любит. Там, внизу, оставались трое детей, осиротевших десять лет назад, когда его жена отправилась в тот роковой полет в Европу... Неужели прошло уже десять лет? Не может быть! Да, десять лет... Пожалуй, ради детей ему следовало жениться во второй раз...

Он почти утратил ощущение времени, но вдруг давление и шум резко спали и в репродукторе послышалось: «Готовимся к отделению первой ступени. Пошла!»

Флойд почувствовал слабый толчок. И тут ему вспомнилась цитата из Леонардо да Винчи, одно время висевшая на стене в помещении НАСА: «Великая птица совершает свой полет на спине другой великой птицы, неся славу тому гнезду, где она родилась».

Ну что ж, вот великая птица уже и летит там, куда не достигали мечты Леонардо, а ее усталая спутница плавно опускается назад, на Землю. Описав кривую в пятнадцать тысяч километров, опустевшая первая ступень войдет в

атмосферу и, постепенно тормозясь, приземлится на мысе Кеннеди. Через несколько часов, после проверки и повторной заправки, она вновь будет готова поднять на своей спине новую птицу к тем сверкающим высям вечного молчания, которых сама никогда не достигнет.

Осталось меньше полпути до выхода на орбиту. «Дальше полетим на своих»,— подумал Флойд. Заревели двигатели второй ступени, опять возникло ускорение, но на сей раз тяга была гораздо слабее — он ощущал почти нормальную силу тяжести. Впрочем, ходить все равно было невозможно, поскольку «верх» был на передней стене салона. Если бы Флойду вздумалось выбраться из кресла, он упал бы и разбился о заднюю стену.

Ощущение было не особенно приятным — казалось, корабль стоит на хвосте, а все кресла салона укреплены на отвесной стене, причем кресло Флойда — на самом верху...

Пока он усердно пытался преодолеть этот обман чувств, за стенами корабля бесшумно взорвался рассвет.

За считанные секунды корабль пронесся через багровые, розовые, золотистые, голубые преддверия дня и вторгся в царство пронзительного света. Хотя стекла иллюминаторов были густо окрашены, чтобы ослабить сияние Солнца, первые лучи его, медленно скользившие по салону, на несколько минут почти ослепили Флойда.

Он прикрыл глаза от косых лучей ладонями и попытался поглядеть в иллюминатор. Снаружи, словно раскаленное добела, сверкало круто скошенное назад крыло корабля. За его кромкой была чернильная мгла, в этой мгле должно сиять множество звезд, но увидеть их Флойд не мог.

Сила тяжести медленно убывала — корабль выходил на орбиту, и подача топлива в двигатель снижалась. Грохот постепенно перешел в приглушенный рев, затем в слабое шипение и наконец смолк. Если бы не застегнутые ремни, Флойд всплыл бы над своим креслом; впрочем, желудок вел себя так, будто он действительно собирается всплыть. Оставалось только надеяться, что таблетки, принятые полчаса назад и в пятнадцати тысячах километров отсюда, подействуют, как предусмотрено в их описании. «Космическая болезнь» была у Флойда только один раз за всю его карьеру, но и этого было предостаточно.

В репродукторе прозвучал твердый, уверенный голос пилота: «Прошу соблюдать правила поведения при невесомости. Через сорок пять минут мы отшвартуемся у Космической станции номер один».

Появилась стюардесса. Она шла по узкому проходу справа от тесно расположенных кресел медленно и плавно, будто плыла, с трудом отрывая ноги от пола, словно его поверхность была покрыта клеем. Она не сходила с ярко-желтой ковровой дорожки из велкро, которая тянулась по всему проходу на полу — и на потолке. Эта дорожка и подошвы туфель стюардессы были покрыты множеством мельчайших крючков и сцеплялись друг с другом, как репьи. Такое приспособление для ходьбы в условиях свободного падения в пространстве очень помогало непривычным к невесомости пассажирам.

— Не хотите ли чаю или кофе, доктор Флойд? — весело спросила она.

— Нет, спасибо,— улыбнулся Флойд.

Когда ему приходилось сосать питье из пластмассовых тюбиков, он неизменно чувствовал себя грудным младенцем.

Он открыл свой портфель и собрался достать бумаги, но стюардесса все еще продолжала стоять подле него с озабоченным выражением лица.

— Доктор Флойд... Можно задать вам один вопрос?

— Да, конечно,— сказал он, взглянув на нее поверх очков.

— Мой жених работает геологом на базе Клавий,— заговорила стюардесса, тщательно выбирая слова,— и вот уже вторую неделю я не имею от него никаких вестей.

— Сочувствую вам. Может быть, он выехал с базы и с ним временно нет связи?

Она покачала головой:

— Нет, он меня всегда предупреждает о таких поездках. Представляете, как я беспокоюсь... А тут еще слухи... Правда, что на Луне эпидемия?

— Ну, если там и случилось что-либо подобное, то никаких оснований для тревоги нет. Вспомните: в тысяча девятьсот девяносто восьмом году на Луне тоже объявили карантин, когда там появился мутантный вирус гриппа. Переболело много людей, но ведь никто не умер... Простите, но это все, что я могу вам сказать,— добавил он твердо.

Мисс Симмонс пленительно улыбнулась и распрямилась.

— Спасибо и на том, доктор. Простите за беспокойство.

— Да что вы, никакого беспокойства,— любезно, но не вполне искренне ответил Флойд и погрузился в бесчисленные технические доклады (как всегда, на последние минуты осталась груда накопившихся бумаг).

На Луне ему явно некогда будет их читать.

8

ВСТРЕЧА НА ОРБИТЕ

Получасом позднее пилот объявил:

— Через десять минут причалим. Прошу проверить надежность креплений к креслу.

Флойд повиновался приказу, потом убрал бумаги. Было бы по меньшей мере неблагоразумно заниматься чтением во время того акта небесной акробатики, какой всегда разыгрывается на последних сотнях километров перед стыковкой со станцией. Лучше закрыть глаза и отдохнуть, расслабив мышцы, пока короткие вспышки коррекционных двигателей будут рывками дергать корабль.

Через несколько минут в иллюминаторе впервые показалась Космическая станция номер один. До нее оставалось не больше десятка километров. Полированные металлические поверхности медленно вращающегося трехсотметрового колеса сверкали в лучах Солнца. Неподалеку от станции в дрейфе на той же орбите «лежал» космоплан «Титов V», а рядом с ним — почти шарообразный «Ариес-IB», рабочая лошадка космоса; с одной стороны у него торчали четыре короткие посадочные «ноги» — амортизаторы для прилунения.

«Орион III» подходил к станции с внешней, несколько большего радиуса, орбиты, и перед Флойдом открылась озаренная Солнцем поверхность Земли во всей своей красе и живописности. С высоты 350 километров он мог видеть большую часть Африканского континента и Атлантический океан. Несмотря на значительную облачность, он легко узнал зелено-голубые очертания Золотого берега.

Осевая часть станции с выдвинутыми вперед причальными направляющими медленно плыла навстречу кораблю. В отличие от всего огромного колеса эта центральная его часть не вращалась или, если угодно, вращалась в обратную сторону со скоростью, точно равной скорости вращения колеса. Благодаря этому прибывающий корабль мог стыковаться с нею для обмена грузом и пассажирами, не подвергаясь вращению, весьма нежелательному при этой операции.

Еле ощутимый толчок возвестил о том, что корабль причалил. Снаружи донеслись скрежет и лязг металла, затем коротко зашипел воздух — это уравнивалось давление в шлюзе. Через несколько секунд герметическая дверь шлюза раскрылась и в салон вошел человек в светлых узких брюках и рубашке с короткими рукавами — этот костюм стал почти формой персонала станции.

— Рад с вами познакомиться, доктор Флойд. Я Ник Миллер, офицер службы безопасности станции. Мне приказано охранять вас до отбытия лунного шаттла.

Они пожали друг другу руки. Флойд, улыбаясь, обратился к стюардессе:

— Передайте, пожалуйста, капитану Тайнзу привет и мою признательность за спокойный полет. На обратном пути мы с вами, наверно, увидимся.

С величайшей осторожностью — последний раз он летал больше года назад, и теперь ему требовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к внеземным условиям,— он, перехватываясь руками, протянул себя через шлюз в большую цилиндрическую камеру на оси космической станции. Изнутри камера была покрыта мягкой амортизирующей обивкой, в которую были заглублены ручки. Флойд крепко уцепился за одну из них, и камера начала вращаться, сперва очень медленно, потом быстрее, пока скорость ее вращения не совпала со скоростью всего колеса.

И по мере того как камера набирала угловую скорость, он начал отчетливее ощущать прикосновение гравитации, сперва совсем слабой; постепенно его все с большей силой притягивало к цилиндрической стене камеры. Вдруг, словно по волшебству, стена превратилась в искривленный пол, и вот уже Флойд стоит на нем, неуверенно и тихо покачиваясь во все стороны, словно стебель водоросли под волнами прилива. Им завладела центробежная сила, порожденная вращением станции; еще очень слабая здесь, у оси, она возрастала по мере приближения к наружному «ободу».

Из осевой камеры Флойд, следуя за Миллером, пошел вниз по винтовой лестнице. Вначале вес его был столь незначителен, что приходилось хвататься за перила и делать некоторое усилие, чтобы спускаться. Лишь в залах для пассажиров, которые находились на самом «ободе» огромного вращающегося колеса, Флойд приобрел достаточный вес, позволивший ему почти нормально управлять своими движениями.

Залы были заново отделаны со времени его последнего посещения, в них появились некоторые дополнительные удобства. Маленькие столики со стульями для отдыха, ресторан и почта были тут и раньше, теперь прибавились еще и парикмахерская, бар, кинотеатр, а также киоск с сувенирами, в котором продавались фотографии и «слайды» лунных и земных ландшафтов и куски «лунников», «рейнджеров» и «сервейоров» с гарантией подлинности, изящно обрамленные пластиком и грабительски дорогие.

— Не хотите ли чего-нибудь, пока мы ждем? — спросил Миллер.— Посадка будет примерно через полчаса.

— Не возражал бы против чашки кофе. Сахару — два куска. И еще мне нужно позвонить на Землю.

— Пожалуйста. Кофе я сейчас добуду, а телефоны вон там.

Нарядные телефонные будки находились всего в нескольких шагах от барьера, в котором были два входа с вывесками «Добро пожаловать в сектор США» и «Добро пожаловать в советский сектор». Объявления под вывесками на английском, русском, китайском, французском, немецком и испанском языках гласили:

ПРОСИМ ПРЕДЪЯВИТЬ:
ПАСПОРТ,
ВИЗУ,
МЕДИЦИНСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО,
РАЗРЕШЕНИЕ НА ПОЛЕТ,
ДЕКЛАРАЦИЮ О БАГАЖЕ С УКАЗАНИЕМ ВЕСА

Была некая отрадная символичность в том, что пассажиры, едва пройдя через любой из контрольных входов в барьере, имели право вновь свободно общаться. Разделение на секторы было чисто формальным.

Убедившись, что зональный вызывной сигнал для США был по-прежнему «81», Флойд отстучал на клавишах двенадцатизначный номер своего домашнего телефона, опустил в прорезь автомата пластиковый универсальный кредитный жетон, и через тридцать секунд его соединили с домом.

В Вашингтоне еще спали, до рассвета там оставалось несколько часов, но он никого и не собирался будить. Экономка услышит его слова, записанные на рекордере, когда проснется.

— Мисс Флеминг, это доктор Флойд. Простите, что пришлось так спешно уехать. Будьте любезны, позвоните ко мне на службу и попросите забрать мою машину. Она стоит в аэропорту Даллес, а ключ у старшего диспетчера, мистера Бейли. Затем позвоните в загородный клуб Чеви-Чейс и сообщите для передачи секретарю, что я никак не смогу участвовать в теннисном матче в следующую субботу. Передайте мои извинения — боюсь, что они на меня рассчитывают. И еще позвоните в «Даунтаун электроникс» и скажите им, если они не починят видеофон в моем кабинете хотя бы к среде, пускай вовсе забирают эту чертову машинку!

Он перевел дыхание и попытался сообразить, какие еще затруднения могут возникнуть за время его отсутствия.

— Если у вас почему-либо не хватит денег, звоните на службу, они сумеют срочно связаться со мной. Впрочем, я, возможно, буду так занят, что не отвечу... Передайте детям, что папа их любит и вернется, как только освободится. О черт! Тут появился человек, которого я не хочу видеть... Позвоню с Луны, если смогу. До свидания!

Флойд попытался, пригнувшись, выскользнуть из будки, но было уже поздно: через выход из советского сектора прямиком к нему направлялся член Академии наук СССР доктор Дмитрий Мойсевич.

Дмитрий был одним из лучших друзей Флойда, но именно поэтому Флойд меньше, чем с кем-либо другим, хотел столкнуться с ним здесь и в данную минуту.

9
ЛУННЫЙ ШАТТЛ

Русский астроном был высок, строен и светловолос, с лицом без единой морщинки — ему никак нельзя было дать пятидесяти пяти лет, тем более что последние десять лет он провел на строительстве гигантской радиообсерватории на обратной стороне Луны, где трехтысячекилометровая толща скальных пород защищала от электронного беспутства Земли.

— Ну, знаете ли, Хейвуд,— сказал он, крепко пожимая руку американцу,— Вселенная поистине тесна! Что у вас нового? Как поживают ваши симпатичные ребята?

— У нас все хорошо,— дружелюбно, но несколько растерянно ответил Флойд.— Мы часто вспоминаем, как славно погостили у вас прошлым летом.

Ему было стыдно, что он не мог сказать об этом более искренне — им действительно доставил очень много радостей недельный отдых в Одессе, куда их пригласил Дмитрий во время одного из своих вылетов на Землю.

— А сейчас вы, полагаю, на Луну? — спросил Дмитрий.

— Гм, д-да... Стартуем через полчаса,— ответил Флойд.— Вы знакомы с мистером Миллером?

Офицер службы безопасности как раз вернулся и остановился в почтительном отдалении, держа в руках пластиковую чашку с кофе.

— Конечно. Но прошу вас, мистер Миллер, поставьте эту чашку. У доктора Флойда осталась последняя возможность выпить виски в цивилизованных условиях, и упустить ее просто грешно. Нет-нет, я настаиваю.

Они последовали за Дмитрием из главного зала для отдыха в смотровой отсек и через минуту уже сидели за столом в тускло освещенном уголке, созерцая движущуюся панораму звездного неба. Космическая станция совершала один оборот в минуту, и центробежная сила, порождаемая этим медленным вращением, создавала искусственное тяготение, равное лунному. Это был, как установили исследования, наилучший компромисс между земным тяготением и полной невесомостью. К тому же пассажиры, летящие на Луну, получали здесь возможность, так сказать, гравитационной акклиматизации.

За почти невидимыми стеклами иллюминаторов немой чередой проплывали Земля и звезды. Та сторона колеса, где они сидели, была обращена в сторону, противоположную Солнцу, иначе слепящий свет не позволил бы и глянуть в иллюминаторы. Даже сейчас в сиянии Земли, заслонившей полнеба, тускнели почти все звезды, кроме самых ярких.

Но Земля уже начала гаснуть — станция неслась по орбите к ночной стороне планеты, через несколько минут она будет видна только как огромный черный диск, испещренный огнями городов, и тогда небом завладеют звезды.

— Скажите-ка, Хейвуд,— заговорил Дмитрий, быстро разделавшись с первой порцией виски и вертя в руках бокал со второй,— что это за эпидемия вспыхнула в американском секторе? Я хотел было заглянуть туда во время этой поездки, но мне ответили: «Не можем разрешить, профессор. У нас объявлен строгий карантин впредь до особого распоряжения». Нажимал на все кнопки, но ничего не вышло. Вы-то мне скажете, что там у вас происходит?

Флойд мысленно простонал: «Опять начинается... Господи, скорей бы уж залезть в этот шаттл и умотать на Луну!»

— Этот, э-э, карантин — обычная мера предосторожности,— с опаской заговорил он.— Мы, собственно, не очень уверены, нужен ли он в действительности, но рисковать не считаем возможным.

— Да что это за болезнь? Какие у нее симптомы? Откуда она, неужели внеземная? Может быть, вам нужна помощь нашей медицинской службы?

— Прошу прощения, Дмитрий, нас просили пока ничего не разглашать. Спасибо за предложение, но мы сами справимся.

— Гм,— хмыкнул Мойсевич, которого слова Флойда явно ни в чем не убедили,— чудно что-то: зачем именно вас, астронома, посылают на Луну ликвидировать эпидемию?..

— Я столько лет не занимаюсь астрономией, что стал уже бывшим астрономом. Теперь я научный эксперт, а это означает, что одинаково мало знаю обо всем на свете.

— Но вы уж наверняка знаете, что такое ЛМА-1?

Миллер чуть не подавился своим виски. Однако Флойд был сделан из материала покрепче; он взглянул старому другу прямо в глаза и невозмутимо переспросил:

— ЛМА-1? Какое странное сокращение! Где вы его слышали?

— Ладно, не пытайтесь меня дурачить! — отрезал русский астроном.— Но если наткнетесь на орешек, который окажется вам не по зубам, надеюсь, вы не дотянете до того, что придется кричать «караул», когда будет уже слишком поздно?

Миллер многозначительно взглянул на часы.

— Через пять минут надо быть на корабле, доктор Флойд,— сказал он.— Нам, пожалуй, пора.

Флойд хорошо знал, что у них в запасе добрых двадцать минут, но поспешно вскочил. Даже чересчур поспешно — он забыл, что тяготение здесь в шесть раз меньше земного. Судорожно ухватившись за стол в последнее мгновение, он едва предотвратил незапланированный «взлет».

— Очень рад был повидаться с вами, Дмитрий,— сказал он, несколько покривив душой.— Желаю благополучно добраться до Земли. Я позвоню вам, как только вернусь.

Когда они вышли из зала отдыха и прошли контроль американского сектора, Флойд с облегчением вздохнул:

— Ф-фу! Едва вывернулся. Спасибо, что выручили, Миллер.

— Знаете что, доктор? — задумчиво проговорил офицер.— Хотел бы я надеяться, что русский не прав.

— В чем?

— В том, что мы наткнемся на орешек не по зубам.

— Именно это я и намерен выяснить в ближайшие дни,— решительно ответил Флойд.

Через сорок пять минут лунный транспорт «Ариес-1В» отвалил от станции. В этом не было ничего похожего на грохот и ярость земных стартов. Флойд едва услышал отдаленный свистящий звук, когда реактивные двигатели малой тяги метнули электризованные струи плазмы в безвоздушное пространство. Тяга продолжалась минут пятнадцать; ускорение было настолько слабым, что при желании он мог легко встать с кресла и пройтись по салону. Но вот ощущение тяги исчезло. Корабль освободился от власти земного тяготения, которое владело им, пока он был пришвартован к станции. Он порвал узы тяжести и стал свободной, независимой планетой, совершающей путь вокруг Солнца по своей собственной орбите.

Салон, находившийся в единоличном распоряжении Флойда, был рассчитан на тридцать пассажиров. Непривычны были и вызывали острое чувство одиночества десятки пустых кресел вокруг и ни с кем не разделенное внимание стюарда и стюардессы да еще двух пилотов и двух бортинженеров. Флойд задумался: вряд ли когда-либо в истории на поездку одного человека тратилось так много денег и едва ли это когда-нибудь повторится. Ему припомнились циничные слова одного из наиболее беспутных «наместников бога на Земле»: «Мы получили папский престол, а теперь насладимся всем, что он дает». Ну что ж, он, Флойд, тоже будет наслаждаться этим полетом и блаженным состоянием невесомости. Вместе с ощущением тяжести его покинули, во всяком случае на время, почти все заботы. Кто-то сказал, что в космосе человеком может владеть страх, но уж никак не озабоченность. Пожалуй, это верно.

Что касается стюардов, то они, видно, решили кормить его непрерывно на протяжении всех двадцати четырех часов перелета, и ему приходилось поминутно отклонять предложения «что-нибудь съесть». Вообще говоря, вопреки мрачным предсказаниям первых астронавтов, есть в условиях невесомости было не так уж затруднительно. Флойд сидел за обыкновенным столом, тарелки на столе были закреплены, как на морских судах во время качки. В каждое блюдо было добавлено что-нибудь клейкое, чтобы еда не сорвалась с тарелки и не пошла плавать по салону. Так, котлету удерживал густой соус, а салат подавали с клейкой подливкой. При некотором навыке и осторожности можно было справиться почти с любыми блюдами; настрого запрещались здесь только горячие супы и чересчур рассыпчатые торты и печенье. С напитками, конеч-

но, дело обстояло иначе — жидкости подавались только в пластиковых тубах и их приходилось выдавливать прямо в рот.

В конструкцию туалетной комнаты был вложен труд целого поколения энтузиастов, чей героизм остался невоспетым. Она уже достигла такого уровня совершенства, что считалась более или менее безотказной. Флойду пришлось проверить ее действие вскоре после начала свободного падения. Он оказался в маленькой кабине, снабженной всеми аксессуарами самолетного туалета, только почему-то в ней горела яркая красная лампочка, свет которой резал глаза. Табличка, напечатанная крупными буквами, гласила:

ОЧЕНЬ ВАЖНО! РАДИ ВАШЕГО УДОБСТВА
ПРОСИМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАТЬ
НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ ПРАВИЛА!

Флойд присел (даже в условиях невесомости привычка использовать любую возможность, чтобы присесть, не покидала людей) и прочел инструкцию несколько раз. Убедившись, что со времени его последнего полета никаких изменений в правила не внесено, он нажал кнопку «Старт».

Где-то близко зажужжал электромотор, и Флойд почувствовал, что он вместе с кабинкой начал двигаться. Закрыв глаза, как рекомендовала инструкция, он стал ждать. Через минуту мелодично звякнул колокольчик, и он открыл глаза.

Свет из резко-красного стал успокаивающим бледно-розовым, но, самое главное, Флойд ощутил воздействие тяжести; только легкое подрагивание всей кабинки подсказывало, что она вращается. Флойд подбросил в воздух кусок мыла и проследил за его медленным падением — как он прикинул, центробежная сила равнялась примерно четверти земной силы тяжести. Но ее было вполне достаточно — все двигалось в нужном направлении и попадало туда, куда положено.

Он нажал кнопку «Остановка для выхода из кабины» и опять закрыл глаза. Вращение прекратилось, постепенно опять возникла невесомость, дважды звякнул колокольчик, и вновь вспыхнул резкий красный свет. Дверца кабинки остановилась в нужном положении, и Флойд вышел в салон, поспешив с первого же шага прицепиться подошвами туфель к ковру. Он уже давно изведал всю остроту ощущений невесомости и был весьма доволен, что туфли «велкро» позволяют ходить почти нормально.

Скучать в полете не пришлось. Устав читать официальные доклады, памятные записки и протоколы, Флойд включил свой газетный планшет в информационную сеть корабля и просмотрел одну за другой крупнейшие электронные газеты мира. Их кодовые сигналы он помнил наизусть, и ему не требовалось даже заглядывать на обратную стенку планшета, где был напечатан их перечень. Включив краткосрочное запоминающее устройство планшета, он задерживал изображение очередной страницы на экране, быстро пробегал заголовки и отмечал статьи, которые его интересуют. Каждая статья имела свой двузначный кодовый номер — стоило только набрать его на клавиатуре планшета, как крохотный прямоугольничек статьи мгновенно увеличивался до

размеров экрана величиной в лист писчей бумаги, обеспечивая полное удобство чтения. Прочитав одну статью, Флойд опять включал всю страницу и выбирал другую.

Он не раз задавал себе вопрос: неужели газетный планшет с фантастически сложной техникой, скрывающейся за простотой его использования, еще не последнее слово в непрестанном стремлении человека к совершенству средств связи? Чего еще можно желать? Взять хотя бы его, Флойда: далеко в космосе, уносясь от Земли со скоростью в многие тысячи километров в час, он может нажать одну-две кнопки — и через несколько миллисекунд прочитать заголовки какой угодно газеты. Кстати, в эту эру электроники и самое слово «газета», конечно, стало анахронизмом. Текст ежечасно автоматически обновлялся. Даже если читать одни лишь газеты на английском языке, можно всю жизнь только и делать, что поглощать этот вечно обновляющийся поток информации, поступающий со спутников связи.

Трудно было представить себе систему более совершенную и удобную. И все же, наверно, рано или поздно газетный планшет изживет себя и будет вытеснен чем-нибудь столь же невообразимым, насколько сам планшет был бы невообразим для Кекстона* или Гутенберга.

И еще одна мысль часто приходила на ум Флойду, когда перед ним на экране развертывались эти крохотные электронные строчки. Чем совершеннее техника передачи информации, тем более заурядным, пошлым, серым становится ее содержание. Несчастные случаи, преступления, катастрофы и стихийные бедствия, угроза вооруженных конфликтов, мрачные прогнозы редакционных статей — вот что несли в себе миллионы слов, которые ежеминутно извергались в эфир. Впрочем, Флойд подумывал, что это, быть может, еще полбеды: он уже давно пришел к убеждению, что газеты в идеальной Утопии были бы нестерпимо скучны.

Время от времени в салон заглядывали капитан и другие члены экипажа, чтобы перебросится с ним несколькими словами. Они относились к своему высокопоставленному пассажиру с благоговейным уважением и, несомненно, сгорали от любопытства относительно цели его поездки. Впрочем, они были слишком хорошо воспитаны, а потому ни о чем не спрашивали и ничем не выдавали своей заинтересованности.

Одна только очаровательная малютка-стюардесса вела себя в его присутствии совершенно непринужденно. Флойд скоро узнал, что эта девушка родом с Бали; она принесла с собой в заатмосферные выси изящество и таинственность облика, присущие жителям этого еще почти не испорченного европейской цивилизацией острова. Едва ли не самым странным и чарующим воспоминанием об этом полете остались несколько движений из древнего балийского танца, которые проделала невесомая стюардесса на фоне зелено-голубого полумесяца Земли, глядевшего в иллюминаторы корабля.

Определенная часть полетного времени была отведена для сна; на эти часы верхнее освещение выключали. Флойд прикрыл руки и ноги эластичной простыней и закрепил ремни кресла, чтобы случайно не всплыть во сне. Со сто-

* Первый английский книгопечатник (1424—1491).

роны все это выглядело не особенно комфортабельно, но в условиях невесомости Флойду в жестком кресле было удобнее, чем в самой мягкой постели на Земле.

Пристегнувшись и устроившись поуютнее, Флойд быстро задремал. Проснулся он только один раз, в полузабытьи огляделся и совсем оторопел от необычной обстановки. Ему вдруг почудилось, что он лежит внутри китайского фонарика,— это впечатление, видимо, создавали слабо светившиеся матовые двери кабинок в стенах салона. Но он опомнился и решительно приказал себе: «А ну-ка спать, приятель. Это обыкновенный лунный шаттл»,— и приказ сработал.

Когда Флойд окончательно проснулся, Луна заняла уже полнеба и началось тормозное маневрирование. Иллюминаторы в изогнутой стене салона теперь глядели в черноту космоса, и Флойд перешел в рубку управления. Там, на экранах хвостовых телевизоров, он мог наблюдать, как протекает спуск.

Приближающиеся лунные горы совсем не походили на земные: у них не было ослепительных снеговых шапок, плотно облегающих зеленых нарядов, подвижных облачных венцов. Однако яростные контрасты света и тени придавали им особенную, неповторимую красоту. Законы земной эстетики здесь были неприменимы; этот мир творили, формировали иные, не земные силы, они действовали здесь с незапамятных времен, неведомые буйно зеленеющей, полной молодой жизни Земле — там за эти миллионы лет наступали и отступали льды, надвигались и откатывались моря, и горные хребты стирались, истаивая, словно туман под лучами солнца. Здесь же была древность, неисчислимая и непостижимая древность,— но не смерть, ибо на Луне никогда не было жизни... если не считать самых последних лет.

Опускающийся корабль повис почти точно над границей, отделяющей ночь ото дня: прямо под ним простирался хаос угловатых, иззубренных теней и отдельных пиков, ослепительно сверкавших под первыми лучами медленного лунного рассвета. При всей надежности вспомогательных электронных приборов посадка здесь была бы смертельно опасна, и пилот медленно уводил корабль прочь от этого места, на ночную сторону Луны.

Присмотревшись, Флойд убедился, что ночная сторона вовсе не была погружена в полную темноту. Ее озарял какой-то призрачный свет: ясно виднелись пики, ущелья и равнины лунной поверхности. Это Земля, служащая гигантской луной для своего спутника, освещала его поверхность своим сиянием.

На пульте перед пилотом вспыхивали огоньки, на экранах компьютеров цифры отсчитывали расстояние до приближавшейся Луны. Весомость возвратилась к ним более чем за полторы тысячи километров до Луны, когда реактивные двигатели начали торможение. Луна постепенно, казалось бесконечно медленно, росла, пока не заполнила собой все небо. Солнце уходило за горизонт и исчезло за ним, и наконец все поле зрения занял один гигантский кратер. Шаттл опускался к центральным пикам кратера, и вдруг Флойд увидел, что близ одного из пиков ритмично вспыхивает и гаснет яркий свет. Совсем как посадочный маяк на каком-нибудь земном аэродроме! Он смотрел на этот мигающий огонек, и у него перехватило горло. Огонек означал, что люди создали на Луне еще один бастион.

Теперь кратер так разросся, что его гребень начал уходить за горизонт. Отчетливо стали видны маленькие кратеры, которыми было усеяно дно большого, и уже можно было точнее представить себе их размеры. Иные, казавшиеся крошечными из космоса, на самом деле были диаметром в несколько километров и могли вместить целые города.

Повинуясь автоматам, шаттл опускался с усыпанного звездами неба на безжизненную равнину, тускло освещенную сиянием огромного диска Земли. И сквозь свист раскаленных газов, вырывавшихся из сопел ракеты, сквозь «бип-бип» космических радиозондов в рубке зазвучал человеческий голос откуда-то извне:

— Пункт управления Клавий спецрейсу четырнадцать. Спуск проходит нормально. Прошу проверить ручное управление замками посадочного устройства, давление в гидравлической системе, включение амортизационной подушки.

Пилот пощелкал десятком тумблеров, зеленые лампочки ответно мигнули ему, и он отозвался:

— Ручное управление проверено. Посадочные «ноги», гидравлика, амортизационная подушка — в порядке.

— Вас понял,— ответила Луна.

И спуск продолжался в молчании. Вернее, разговор шел непрерывно, но только между машинами: они обменивались двоичными импульсами со скоростью, в тысячу раз превышающей ту, на какую способны их тугодумы-создатели.

Корабль уже опустился ниже некоторых горных пиков. До поверхности оставалось не более полутора тысяч метров, и маяк стал теперь ослепительно яркой звездой, ритмично вспыхивающей над группой невысоких строений, близ которых стояли странного вида машины. На последнем этапе спуска сопла тормозных двигателей, казалось, наигрывали какую-то странную мелодию: они как бы пульсировали, то включаясь, то выключаясь, и вносили обратной тягой окончательные поправки в посадочную скорость.

Но вот двигатели, дав последний рывок, смолкли совсем, вихревое облако пыли застлало иллюминаторы и экраны, и корабль слегка качнуло, словно лодчонку, в борт которой ударила легкая волна. Прошло несколько минут, пока Флойд окончательно не освоился с тишиной, воцарившейся вокруг, и с ощущением тяжести, пусть слабой, но контролирующей каждое его движение.

Чуть больше чем за сутки он проделал, не подвергнувшись никаким опасностям, фантастическое путешествие, о котором люди мечтали на протяжении двух тысяч лет. Теперь это был обычный, заурядный полет на Луну.

10
БАЗА КЛАВИЙ

Кратер Клавий диаметром около 240 километров — второй по размерам на видимой стороне Луны; он расположен в центре Южного нагорья и относится к числу очень древних. Многие тысячелетия вулканической деятельности и

метеоритной бомбардировки из космоса изрезали шрамами его гребень, изъязвили оспинами подошву. Но за полмиллиарда лет, прошедших со времени последней эпохи кратерообразования, когда обломки пояса астероидов еще сыпались на внутренние планеты*, ничто не нарушало его покой.

И вот теперь на его поверхности, да и под ней, зашевелились неведомые ранее, новые силы — здесь Человек создавал свой первый постоянный плацдарм на Луне. База Клавий могла в случае особой необходимости существовать совершенно самостоятельно. Все нужное для поддержания жизни производилось тут же из местных горных пород: их измельчали, нагревали и подвергали химической обработке. Водород, кислород, углерод, азот, фосфор и большинство других элементов можно было найти в недрах Луны — если знать, где искать.

База представляла собой замкнутую регенеративную систему, своего рода маленькую действующую модель самой Земли — на ней было обеспечено многократное восстановление и использование жизненно необходимых химических веществ. Воздух очищался в огромной «теплице» — большом круглом котловане, перекрытом сверху вровень с поверхностью Луны. Целые гектары низкорослых зеленых растений развивались тут во влажной, теплой атмосфере, освещаемые по ночам яркими лампами, а днем сквозь особые светофильтры — солнечными лучами. Это были специально выведенные мутанты, предназначенные для генерирования кислорода, пища являлась, так сказать, побочным продуктом этой культуры.

Кроме того, пищу изготовляли из водорослей, а также различными химическими методами. Правда, зеленоватая пенистая жидкость, циркулирующая по многометровым прозрачным пластиковым трубам, вряд ли вызвала бы аппетит у какого-либо гурмана, но биохимики научились превращать ее в котлеты и бифштексы, которые только знаток мог отличить от настоящих.

На базе работали тысяча сто мужчин и шестьсот женщин; все они были высококвалифицированными научными работниками или техническими специалистами и прошли строгий отбор, прежде чем попасть сюда. Хотя жизнь на Луне уже была практически лишена трудностей, неудобств и случайных опасностей, с которыми люди столкнулись здесь на первых порах, она все же предъявляла повышенные требования к психике человека; во всяком случае, тем, кто страдал клаустрофобией, жить на Луне не рекомендовалось. Устройство помещений для базы в плотных скальных породах или лавовых массивах было очень дорогим и трудоемким делом, поэтому стандартный «жилой модуль» для одного человека представлял собой комнатку размером три метра на один и восемь и высотой два и четыре.

Комнаты были уютно обставлены и напоминали номера в приличном мотеле: в каждой стояли диван-кровать, телевизор, небольшая радиола и видеофон. Кроме того, достаточно было только щелкнуть выключателем, и одна из сплошных стен с помощью довольно простого декоративного ухищрения превращалась как бы в окно, смотрящее на весьма правдоподобный земной ланд-

* Внутренние планеты — планеты, орбиты которых ближе к Солнцу, чем земная (Венера, Меркурий).

шафт. Обитатель каждой комнаты мог выбирать по вкусу любой из восьми таких видов.

Подобные элементы роскоши замечались на базе повсюду, хотя тех, кто оставался на Земле, подчас нелегко было убедить, что это необходимо. Но подготовить, перебросить на Луну и разместить на базе любого сотрудника стоило около ста тысяч долларов, и поэтому имело смысл затратить чуть-чуть больше, чтобы помочь ему сохранять душевное равновесие во время пребывания здесь. Это было, так сказать, не «искусство для искусства», а искусство ради душевного здоровья.

Одной из привлекательных сторон жизни на базе (и на Луне вообще) была, несомненно, ослабленная сила тяжести, отчего люди чувствовали себя здесь крепче и здоровее. Впрочем, в ней таились и свои опасности, и прилетевшему с Земли требовалось несколько недель, чтобы приспособиться к новым условиям. На Луне человеческому телу приходилось осваивать множество совершенно новых рефлексов. В частности, нужно было впервые научиться отличать вес от массы.

Тот, кто весит на Земле семьдесят два килограмма, возможно, обрадуется, обнаружив, что на Луне его вес — всего тринадцать с половиной килограммов. Пока движешься по прямой с одной скоростью, испытываешь необыкновенную окрыленность. Но стоит только попробовать изменить направление, повернуть за угол или резко остановиться, как обнаруживаешь, что все семьдесят два килограмма массы никуда не делись и дают о себе знать инерцией. Ибо величина массы не меняется, она постоянна — и на Земле, и на Луне, и на Солнце, и в пустоте космоса. Поэтому, чтобы приспособиться к жизни в лунных условиях, нужно крепко запомнить, что здесь все предметы в шесть раз более инертны, чем можно ожидать по их весу. Этот урок усваивался обычно после многих столкновений, шишек и ссадин; бывалые лунные жители старались держаться подальше от новичков, пока те не привыкнут.

Располагая огромным комплексом всяких мастерских, административных помещений и складов, вычислительным центром, силовой станцией, гаражом, кухней, лабораториями и пищевым заводом, база Клавий представляла собой крохотный автономный мирок.

Горы, которые при спуске шаттла казались такими высокими, сейчас загадочным образом исчезли из виду — благодаря большой кривизне лунной поверхности они скрылись за горизонтом. Вокруг корабля расстилалась плоская серая равнина, ярко освещенная косыми лучами Земли. Небо, конечно, было совсем черное, но, не прикрыв глаза от блеска лунной поверхности, на нем ничего не удавалось разглядеть, кроме самых ярких звезд и планет.

К кораблю катили несколько машин необычного вида: краны, лебедки, заправочно-ремонтные машины — одни двигались автоматически, другими управляли водители в герметичных кабинах. Почти все машины были колесные, на пневматиках, потому что гладкая поверхность кратера не создавала никаких транспортных затруднений, но один заправщик был оснащен особыми колесами «Флекс» с гибким ободом, которые оказались наилучшим вездеходным движителем для лунных условий. Обод этого колеса состоял из отдельных

плоских траков, каждый с независимой подвеской и амортизацией, благодаря чему колесо обладало многими преимуществами гусеничной цепи, дальнейшим развитием которой оно явилось. Его форма и диаметр отлично приспосабливались к неровностям почвы, причем в отличие от гусеничной цепи колесо продолжало работать, даже потеряв несколько траков.

Подкатил небольшой транспортер со шлюзовым тамбуром, торчащим как коротко обрубленный слоновый хобот, и ласково ткнулся этим хоботом в стенку корабля. Через несколько секунд снаружи донеслись металлический лязг и грохот, затем шипение воздуха — это тамбур транспортера присоединился к шлюзу корабля и давление в них уравнялось. Наконец внутренняя дверь шлюза раскрылась и в салоне появились встречающие.

Первым вошел Ралф Хэлворсен, администратор Южной провинции Луны, то есть не только самой базы, но и всех опирающихся на нее исследовательских партий. С ним были научный руководитель базы доктор Рой Майклз — маленький седоватый геофизик, знакомый Флойду по предыдущим посещениям, и еще человек шесть ведущих научных и административных работников. Они приветствовали Флойда почтительно и с явным облегчением. Видно было, что им всем, начиная с самого администратора, не терпелось свалить с себя хоть часть своих тревог.

— Очень рад, что вы наконец у нас, доктор Флойд,— сказал Хэлворсен.— Как прошел полет?

— Отлично,— ответил Флойд.— Как нельзя лучше. Экипаж был очень заботлив.

Пока транспортер вез их к базе, они обменялись несколькими ничего не значащими любезными фразами. О цели визита Флойда по молчаливому уговору никто не упоминал. Проехав метров триста, машина подкатила к большому щиту, на котором было начертано:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА БАЗУ КЛАВИЙ!
ИНЖЕНЕРНО-КОСМИЧЕСКИЙ КОРПУС США, 1994

Миновав щит, они углубились в выемку и поехали по подземному туннелю. Массивные ворота раскрылись, впустили транспортер и вновь закрылись. Затем — вторые ворота и, наконец, третьи. Когда затворились последние ворота, послышался рев врывающегося воздуха, и пассажиры транспортера оказались в домашней, безопасной атмосфере базы.

Они пошли дальше по туннелю, стены и свод которого сплошь покрывали кабели и трубы, прислушиваясь к доносившимся откуда-то гулкому ритмичному рокоту и вздохам механизмов. Вскоре они оказались в административном центре. Флойд вновь очутился в привычном для него окружении пишущих машинок, конторских счетных машин, секретарш, настенных диаграмм и непрерывно звонящих телефонов. Когда группа остановилась у двери с табличкой «Администратор», Хэлворсен дипломатично сказал:

— Доктор Флойд и я через несколько минут придем в конференц-зал.

Остальные поспешно закивали головами, что-то забормотали в знак понимания и проследовали дальше по коридору. Но Хэлворсену не удалось без по-

мехи ввести Флойда в свой кабинет. Дверь внезапно распахнулась, и маленькая фигурка бросилась к администратору.

— Папа! Ты был наверху, а меня не взял! Ты же обещал!

— Перестань, Диана! — ласково, но не без досады ответил Хэлворсен.— Я же только сказал, что возьму тебя, если сумею. Но я был очень занят, встречал доктора Флойда. Поздоровайся с ним, он прилетел с Земли.

Девочка — Флойд решил, что ей лет восемь,— протянула ему слабую ручонку. Лицо ее показалось Флойду знакомым; он поймал взгляд Хэлворсена — тот смотрел на него как-то странно, выжидательно усмехаясь. Флойд вдруг все вспомнил и понял, в чем дело.

— Просто глазам не верю! — вскричал он.— Ведь когда я прилетал в последний раз, она была грудным ребенком!

— Да, на прошлой неделе ей минуло четыре года,— не без гордости ответил Хэлворсен.— Благодаря слабой гравитации дети здесь растут быстро. А стареют медленнее нас и проживут дольше...

Флойд восхищенно смотрел на уверенную в себе маленькую особу, любуясь ее грациозной осанкой и необычайно нежным и хрупким сложением.

— Очень рад снова повстречаться с тобой, Диана,— сказал он. И вдруг что-то — может быть, просто любопытство, может быть, вежливость — побудило его спросить: — А на Землю тебе не хочется?

Она удивленно поглядела на него и решительно замотала головой:

— Нет, там плохо, там очень больно ушибаешься, когда падаешь. И слишком много народу.

«Вот появилось и первое поколение рожденных в космосе,— подумал Флойд.— Скоро их будет много...» В этой мысли была печаль, но рядом — и великая надежда. Когда Земля совсем присмиреет, успокоится и, может быть, немного устанет, свободолюбивым, отважным первопроходцам, не знающим покоя искателям приключений будет еще где пространствовать. Только в эти странствия они отправятся не с топором и ружьем, не на каноэ или в фургоне; нет, у них в распоряжении будет ядерный генератор, плазменный ракетный двигатель и гидропонная ферма. Стремительно близится час, когда Земля, подобно всем матерям, должна будет пожелать своим детям счастливого пути.

Чередуя угрозы и обещания, Хэлворсену удалось наконец отправить восвояси свою настойчивую наследницу и ввести Флойда в кабинет. Служебные апартаменты администратора представляли собой квадратное помещение размером 4,5 на 4,5 метра, но оно каким-то образом вмещало все обычные атрибуты и признаки персоны министерского ранга с годовым окладом в пятьдесят тысяч долларов. Одну стену украшали фотографии с автографами видных политических деятелей вплоть до президента США и генерального секретаря ООН; большую часть другой стены покрывали фотографии прославленных астронавтов, также с автографами.

Флойд погрузился в удобнейшее кожаное кресло и получил от хозяина бокал «хереса», изготовленного в лунной биохимической лаборатории.

— Как дела, Ралф? — спросил Флойд, пригубив напиток сначала недоверчиво, затем с одобрительной миной.

— В общем неплохо,— ответил Хэлворсен,— но есть одно обстоятельство, о котором тебе лучше узнать сейчас, перед тем как мы поедем туда.

— Какое?

— Ну, я полагаю, что это можно назвать проблемой морального состояния персонала,— со вздохом сказал Хэлворсен.

— Даже так?

— Пока она еще не очень серьезна, но дело быстро идет к этому.

— Информационная блокада,— бесстрастно заметил Флойд.

— Именно. Люди начинают сильно нервничать. Как-никак почти у всех семьи на Земле. Они, наверно, думают, что здесь все перемерли от какой-нибудь лунной чумы...

— Очень жаль, конечно, но никто не предложил более подходящей версии, и она отлично работает. Да, кстати, на космической станции я встретил Мойсевича — так вот, похоже, даже он поверил в басню об эпидемии.

— Служба безопасности, конечно, ликует.

— Не особенно. Мойсевич уже слышал о ЛМА-1 — видно, кое-что просочилось отсюда. Но мы просто не можем опубликовать никакого коммюнике, пока не разберемся в этой чертовщине.

— Доктор Майклз считает, что у него есть ответ на эти вопросы. Он жаждет поскорей все выложить тебе.

— Ну а я жажду выслушать его,— сказал Флойд, осушив свой бокал.— Пошли.

11
АНОМАЛИЯ

Доклад состоялся в большой прямоугольной комнате, в которой легко могли разместиться человек сто. Она была оборудована новейшими оптическими и электронными проекционными устройствами и выглядела бы образцовым конференц-залом, не будь ее стены сплошь увешаны плакатами, афишками, объявлениями и любительскими рисунками, которые свидетельствовали, что здесь сосредоточивалась также и культурная жизнь базы. Флойда особенно поразила коллекция различного рода табличек с предупредительными надписями, собранная явно с большой любовью и вниманием. Тут были, например, таблички: «По траве просят не ходить», «В будние дни стоянка запрещена», «Курить воспрещается», «Дорога на пляж», «Переход для рогатого скота», «На обочинах рыхлый грунт» и, наконец, «Животных не кормить». Если таблички эти были подлинными, а судя по виду, так оно и было, то их перевозка с Земли обошлась в целое состояние. Здесь они выглядели и вызывающе, и трогательно: люди, попавшие во враждебный им мир, все-таки оказались способными шутить над тем, с чем пришлось расстаться и о чем никогда не станут тосковать их дети.

В зале собралось человек сорок—пятьдесят, и когда Флойд вошел вслед за администратором, все встали. Кивнув знакомым, он шепнул Хэлворсену:

— Мне хотелось бы сказать несколько слов до начала доклада.

Флойд уселся в первом ряду, а администратор поднялся на возвышение и, окинув взглядом аудиторию, произнес:

— Леди и джентльмены, излишне напоминать вам, что сегодня у нас большой день. Мы счастливы, что к нам прилетел доктор Флойд. Имя его известно всем нам, а многие знакомы с ним лично. Он только что прибыл с Земли специальным рейсом и до начала нашего доклада хочет сказать несколько слов. Прошу вас, доктор Флойд.

Флойд поднялся на возвышение под приветственные хлопки собравшихся, с улыбкой оглядел их и начал:

— Благодарю вас. Я хотел сказать вот о чем... Президент просил меня передать вам, что он высоко ценит вашу замечательную работу, которую, как мы надеемся, скоро сможет оценить весь мир. Я отлично понимаю,— продолжал он сдержанно,— что некоторые из вас, может быть даже большинство, очень хотят, чтобы завеса секретности, окружающая все, что здесь происходит, была поскорее снята. Вы не были бы учеными, если бы думали иначе.

Он поймал взгляд доктора Майклза, тот слегка хмурился, отчего заметней стал длинный шрам на правой щеке — видимо, след какого-то происшествия в космическом полете. Флойд хорошо знал, что этот ученый-геофизик энергично протестовал против всякого засекречивания, которое он называл «идиотской игрой в прятки».

— Но я хотел бы вам напомнить,— продолжал Флойд,— что сейчас перед нами совершенно особый случай. Мы должны точнейшим образом убедиться в достоверности всех фактов, которыми располагаем. Если мы ошибемся сейчас, другой возможности исправить ошибку нам могут уже не дать. Поэтому прошу вас потерпеть еще немного. Президент тоже просит вас об этом. Вот и все, что я хотел сказать. Теперь я готов выслушать ваш доклад.

Он пошел к своему креслу.

— Благодарю вас, доктор Флойд,— сказал администратор и кивнул, притом довольно небрежно, научному руководителю базы.

Доктор Майклз поднялся на возвышение.

Огни в зале погасли, и на экране вспыхнула фотография Луны. В центре диска ослепительно белело кольцо огромного кратера, от которого во все стороны расходились лучи необычного очертания. Словно кто-то сбросил с большой высоты мешок муки и ее разметало во все стороны.

— Вот кратер Тихо,— сказал Майклз, показывая на кратер в центре диска.— На этой фотографии, снятой строго по вертикали, Тихо виден отчетливее, чем в телескоп с Земли,— оттуда он наблюдается почти у края диска. А с этой точки, с высоты полутора тысяч километров, видно, что кратер Тихо господствует над всем полушарием.

Он дал Флойду время освоиться с незнакомым видом давно знакомого объекта и затем продолжал:

— Весь минувший год мы с помощью маловысотного спутника вели магнитную съемку этого района. Закончили работы только в прошлом месяце, и вот их результат — карта, с которой начались все наши тревоги.

На экране вспыхнуло другое изображение. Оно напоминало карту земного рельефа, но показывало не превышение над уровнем моря, а интенсивность

магнитного поля. По большей части линии шли почти параллельно и на довольно больших расстояниях друг от друга, но вокруг одной точки они неожиданно тесно сближались, образуя ряд концентрических кругов.

Даже неискушенному глазу было видно, что в этой зоне магнитное поле Луны претерпело какие-то совершенно необычайные изменения. По низу карты шла надпись крупными буквами:

ПЕРВАЯ ЛУННАЯ МАГНИТНАЯ АНОМАЛИЯ
В КРАТЕРЕ ТИХО (ЛМА-1)

Справа вверху стоял штамп: «Секретно».

— Сначала мы подумали, что это мощное обнажение магнитных пород, но все геологические данные отвергли такую версию. Даже огромный железоникелевый метеорит не может создать столь интенсивное поле. Тогда мы решили поглядеть на месте, что же это такое.

Сперва наша разведка ничего не обнаружила: обычная плоская поверхность, очень тонкий слой лунной пыли. Мы начали разведочное бурение в самом центре аномалии, чтобы получить керн — образец породы для исследования. На шестиметровой глубине бур остановился и дальше не пошел. Разведчики принялись копать — не очень легкая работа в скафандрах, могу вас заверить.

То, что они нашли, заставило их спешно вернуться на базу. Мы выслали более многочисленную партию с лучшим оснащением. Они копали две недели. Результат вам известен.

Изображение на экране вновь сменилось, и в затемненном конференц-зале воцарилась напряженная тишина. Все присутствующие много раз видели этот снимок (что было разрешено пока менее чем сотне человек на Земле и на Луне), но среди них не осталось ни одного, кто бы не подался вперед, словно надеясь углядеть новые подробности.

На снимке, спроецированном на экран, был виден глубокий котлован; на дне его стоял человек в ярком красно-желтом скафандре, державший в руках топографическую рейку, разделенную на метры и сантиметры. Снимок явно был сделан ночью, где-то вне Земли — на Луне, а может быть, даже на Марсе. Но то, что было рядом с человеком в скафандре, не видывали до сих пор ни на одной планете.

Это была вертикальная плита из какого-то черного вещества высотой около трех и шириной около полутора метров. Она зловеще напоминала Флойду гигантское надгробие. Форма ее была совершенно симметрична, грани остры, а черный цвет настолько глубок, что плита, казалось, поглощала все падавшие на нее световые лучи. Поверхность — совершенно ровная и гладкая. И невозможно было понять, из чего она сделана — из металла, камня, пластика или из материала, вообще не известного человеку.

— ЛМА-1,— почти благоговейно провозгласил Майклз.— Выглядит, будто только вчера сделана, верно? Право, я ничуть не осуждаю тех, кто решил, что она существует всего несколько лет. Но я никогда не разделял этого мнения, а теперь мы можем установить возраст аномалии вполне точно на основании местных геологических данных. Мои коллеги и я, доктор Флойд, готовы поручиться своими научными репутациями, что ЛМА-1 не имеет никакого отно-

шения к человечеству, потому что, когда этот монолит был закопан, человечества вообще не существовало. Дело в том, что ему примерно три миллиона лет. Перед вами первое доказательство существования разумной жизни вне Земли.

12
ПОЕЗДКА ПРИ СВЕТЕ ЗЕМЛИ

ОБЛАСТЬ МАКРОКРАТЕРОВ. Простирается к югу от центра видимой стороны Луны, к востоку от Центральной области кратеров. Изобилует кратерами ударного происхождения, многие из них значительного диаметра, в том числе самые большие на Луне. Севернее несколько разрушенных кратеров образуют Море Дождей. Поверхность почти повсюду пересеченная, за исключением дна некоторых кратеров. Рельеф поверхности преимущественно наклонный, с преобладающей крутизной 10–12°; дно некоторых кратеров почти горизонтальное.

ПОСАДКА И ПЕРЕДВИЖЕНИЕ. Как правило, посадка затруднена ввиду пересеченного и наклонного рельефа поверхности, на горизонтальной поверхности дна некоторых кратеров менее затруднительна. Передвижение возможно почти повсеместно, но требует предварительного выбора маршрутов; по дну кратеров — более свободно.

СТРОИТЕЛЬСТВО. В целом сопряжено с трудностями средней степени из-за наклонного рельефа и обилия крупных скальных обломков и каменных осыпей; экскавация лавы на дне некоторых кратеров затруднена.

КРАТЕР ТИХО. Образовался позднее Марии, диаметр 86 км, высота гребня над окружающей поверхностью 2400 м, глубина кратера 3300 м; имеет наиболее развитую систему лучей по сравнению с другими лунными кратерами, протяженность отдельных лучей достигает 800 км.

Из «Специального инженерного описания поверхности Луны», изд. Геологоразведочной службы Управления начальника инженерных войск. Министерство армии, Вашингтон, 1961 г.

Передвижная лаборатория, катившая по плоскому дну кратера со скоростью восемьдесят километров в час, с виду казалась просто огромным фургоном на восьми траковых колесах. На деле лаборатория была куда сложнее и многообразнее по своему назначению: она представляла собой совершенно автономную базу, в которой двадцать человек могли жить и работать несколько недель кряду. По существу, это был своего рода сухопутный космический корабль. При крайней необходимости, наткнувшись на трещину или каньон, которые трудно было обойти или преодолеть по грунту, он мог и летать — перепрыгивая через препятствия с помощью четырех своих ракетных двигателей.

Сквозь иллюминатор Флойд ясно видел стелющуюся перед ними отчетливо обозначенную дорогу: десятки машин, прошедшие по ней, оставили в хрупкой породе лунной поверхности плотно укатанные колеи. Вдоль дороги через определенные промежутки были установлены высокие тонкие вехи с яркими лампа-

ми. На трехсоткилометровом маршруте от базы Клавий до ЛМА-1 заблудиться было невозможно, хотя кругом стояла еще глубокая ночь и до рассвета оставалось несколько часов.

Звезды над головой горели лишь чуть ярче, и их было, пожалуй, немногим больше, чем в ясные ночи на высокогорных плато в Нью-Мексико или Колорадо. Но две приметы в угольно-черном небе начисто разрушали всякую иллюзию, будто вы на Земле.

Первой из них была сама Земля — сияющий светоч, повисший в северной части небосвода. Свет, изливаемый этим гигантским диском, был в десятки раз ярче света полной Луны: озаренная им поверхность словно сама испускала холодное зелено-голубое свечение.

Вторым необычным явлением было слабое жемчужное сияние, конусом расходившееся из-за горизонта в восточной части небосвода. Чем ближе к горизонту, тем ярче оно становилось, словно подсказывая, какой могучий очаг пламени скрыт позади лунного диска. На Земле бледную красу этого сияния люди могли наблюдать только в быстротечные секунды полного солнечного затмения. То была солнечная корона — предвестник лунного рассвета, предупреждающий, что скоро эту безжизненную поверхность опалит своим жаром Солнце.

Сидя вместе с Хэлворсеном и Майклзом в переднем наблюдательном отсеке, непосредственно под кабиной водителя, Флойд опять и опять ловил себя на том, что уносится мыслями от реальной действительности к той необозримой протяженности времени, которая только что открылась перед ним. Три миллиона лет! Как и все люди науки, он привык оперировать большими отрезками времени, но лишь в связи с движением звезд и медлительными циклами процессов неорганической природы. Душа и разум не участвовали в этих процессах, человеческим чувствам нечего было делать в этих безграничных просторах времени...

Три миллиона лет! Вся до предела насыщенная людьми и событиями панорама Истории со всеми ее империями и королями, победами и трагедиями едва захватывала одну тысячную часть этого устрашающе огромного протяжения времени. Не только сам Человек, но и большинство животных, обитающих ныне на Земле, еще даже не существовали, когда эта загадочная черная глыба была погребена здесь, в самом приметном и ярко освещенном кратере Луны.

В том, что она была закопана, и притом намеренно, доктор Майклз был совершенно уверен.

— Поначалу,— пояснял он,— я еще надеялся, что это, быть может, просто знак, отмечающий место какого-либо подземного сооружения, но наши последующие раскопки исключили подобную версию. Плита установлена на широком постаменте из того же черного материала, а ниже лежат нетронутые лунные породы. Те... гм, существа, которые заложили здесь плиту, стремились обеспечить ее незыблемость в любых условиях, кроме разве сильнейших лунотрясений. Они строили на вечные времена...

В голосе Майклза звучали и торжество, и какая-то печаль. Флойду были понятны эти чувства. Человек наконец получил ответ на один из древнейших

своих вопросов; вот оно, здесь, неоспоримое доказательство, что человеческий разум — не единственный во Вселенной. Но вместе с этим открытием пришло мучительное осознание неизмеримой огромности Времени. Те, кто здесь побывал, разминулись с человечеством на сто тысяч поколений. «Впрочем,— подумал Флойд,— может быть, это и к лучшему... И все же... сколько нового могли бы мы узнать от этих существ, которые умели преодолевать космическое пространство в ту эпоху, когда наши предки еще жили на деревьях!»

Впереди, в нескольких сотнях метров, из-за непривычно близкого лунного горизонта показалась стойка с вывеской. Рядом стояло сооружение, напоминавшее палатку, но покрытое блестящей серебристой фольгой, очевидно, для защиты от жестокого дневного зноя. Когда их машина проезжала мимо, Флойд прочел на вывеске, ярко освещенной светом Земли:

АВАРИЙНЫЙ СКЛАД № 3

20 килограммов сжиженного кислорода
10 литров воды
20 пищевых рационов МК-4
1 комплект инструментов типа В
1 комплект для ремонта скафандров
! Телефон !

— Вы не подумали о таком варианте? — спросил Флойд, мотнув головой на «палатку» за окном.— Может быть, черная глыба — тоже аварийный склад, оставленный экспедицией, которая не смогла сюда вернуться?

— В принципе это вполне возможно,— признал Майклз.— Магнитное поле так ясно отмечает положение плиты, что ее легко найти. Но она слишком мала — что туда поместится?

— Почему? — перебил Хэлворсен.— Кто знает, какого они были роста, эти существа? Может, всего пятнадцать сантиметров? Тогда эта плита для них чуть ли не тридцатиэтажный небоскреб.

— Исключается! — возразил Майклз, протестующе покачав головой.— Разумные существа не могут быть очень маленькими, существует предельный минимальный размер мозга.

Флойд уже успел заметить, что Майклз и Хэлворсен, как правило, резко расходились во мнениях, однако это не сказывалось на их взаимоотношениях. Видимо, они уважали друг друга или попросту заранее примирились с неизбежностью постоянных разногласий.

Впрочем, относительно природы ЛМА-1, или монолита Тихо, как предпочитали некоторые называть находку, единства мнений вообще не было. За шесть часов своего пребывания на Луне Флойд выслушал более десятка теорий и не мог присоединиться ни к одной. Святилище, геодезический знак, гробница, геофизический прибор — таковы были наиболее ходовые версии, сторонники которых весьма яростно их отстаивали. Было заключено множество пари: можно было заранее сказать, что немало денег перейдет из рук в руки, когда истина будет наконец установлена — если ее когда-нибудь удастся установить...

Пока же твердый черный материал сопротивлялся всем, впрочем довольно осторожным, попыткам Майклза и его коллег вырезать образцы для исследования. Они не сомневались, что лазер прорежет этот материал, ибо ничто не может устоять перед подобной чудовищной концентрацией энергии, но решать — применять столь крайние меры или нет — предоставили самому Флойду. Он уже пришел к выводу, что, прежде чем прибегнуть к такой «тяжелой артиллерии», как лазер, нужно испробовать рентгеновские лучи, ультразвук, электронное излучение и другие неразрушающие средства исследования структуры. Только варвар может разрушать то, чего не понимает. Впрочем, возможно, по сравнению с существами, создавшими эту загадочную штуку, люди и есть варвары...

Но откуда они появились? С самой Луны? Нет, это исключено. Если в этом бесплодном мире и существовала когда-либо своя жизнь, она была бесследно уничтожена в последнюю эпоху образования кратеров, когда почти вся лунная поверхность раскалилась добела.

С Земли? Не исключено, но крайне маловероятно. Передовая земная цивилизация, не человеческая, конечно,— если бы она существовала, скажем, в плейстоценовую эпоху, оставила бы немало следов своей деятельности. Люди знали бы о ней все задолго до того, как сумели попасть на Луну.

Тогда остаются либо планеты, либо другие звездные системы. Но все данные научных наблюдений отвергают возможность существования разумной жизни, да и вообще жизни на какой-либо из планет Солнечной системы, кроме Земли и Марса. Внутренние планеты слишком горячи, внешние — слишком холодны, если не считать тех, у которых атмосферное давление на поверхности достигает сотен и даже тысяч тонн на квадратный сантиметр.

Значит, гости, видимо, прилетели от других звезд, но это казалось еще более невероятным. Глядя на созвездия, рассеянные по черному лунному небу, Флойд припоминал, как часто его коллеги «доказывали» невозможность межзвездных полетов. Полет с Земли на Луну и то пока еще весьма внушительное путешествие... А до самой ближайшей звезды в сто миллионов раз дальше... Впрочем, что толку ломать голову, надо подождать, когда в руках будет больше конкретных фактов.

— Прошу застегнуть пояса и принайтовить незакрепленные предметы,— неожиданно прозвучало из репродуктора.— Приближаемся к спуску крутизной сорок градусов.

На горизонте появились две вехи с мигающими огнями, машина шла в промежуток между ними. Флойд едва успел закрепить ремни, как машина медленно перевалила через гребень и пошла вниз по устрашающе обрывистому длинному каменистому склону, крутому, как крыша коттеджа. Косые лучи Земли, падавшие сзади, теперь очень слабо освещали поверхность, и водитель включил мощные фары. Много лет назад Флойду довелось побывать на краю кратера Везувия и заглянуть вниз, и теперь ему почудилось, что он валится в жерло вулкана,— ощущение не из приятных.

Они спускались на одну из внутренних террас кратера Тихо, лежащую на глубине триста с лишним метров, и еще ползли по склону, когда Майклз показал вдаль, на край обширной равнины, расстилавшейся перед ними внизу.

— Вот они! — торжественно провозгласил он.

Флойд кивнул: он уже и сам заметил красные и зеленые огни в нескольких километрах по курсу и не сводил с них глаз. Огромная машина безупречно повиновалась водителю во время головокружительного спуска, но Флойд с облегчением вздохнул, когда наконец почувствовал под собой горизонтальную поверхность.

Теперь он уже различал сверкавшие под лучами Земли, словно серебристые пузырьки, герметические купола — временные жилища партии. Близ группы куполов высилась радиомачта, виднелись буровой станок, стоянка машин, а дальше — огромная груда обломков скальной породы, видимо вынутой при обнажении монолита. Этот крохотный лагерь в безжизненной пустыне выглядел очень одиноким, очень беззащитным перед силами природы, немо властвовавшей над ним. Вокруг не было никаких признаков жизни, никаких видимых следов, которые указывали бы, зачем люди пришли сюда, так далеко от дома.

— Сейчас вы увидите кратер,— сказал Майклз.— Направо, примерно в ста метрах от радиомачты.

Машина миновала герметические купола и подкатила к устью кратера. «Вот он!» — взволнованно подумал Флойд. У него даже заколотилось сердце, когда он наклонился к иллюминатору, чтобы лучше видеть местность. Машина начала осторожно спускаться по пологому съезду, устроенному из плотно уложенного камня, на дно кратера. И вот наконец перед ними монолит ЛМА-1 — точно такой, как на снимках.

Флойд вглядывался, моргал, тряс головой и снова глядел. Даже в ярком свете Земли трудно было отчетливо разглядеть плиту. Первое впечатление было такое, будто перед ним плоский прямоугольник, вырезанный из черной копировальной бумаги. Казалось, у него только два измерения. Конечно, то был лишь обман зрения: это твердое пространственное тело отражало так мало света, что глаз улавливал лишь его силуэт.

Пока машина спускалась в кратер, пассажиры не промолвили ни слова. Они были и глубоко взволнованы, и немного растеряны — трудно было поверить, что из всех небесных тел именно мертвая Луна таила в себе такую фантастическую находку!

Машина остановилась метрах в шести от плиты, развернувшись бортом так, чтобы все пассажиры могли ее видеть. Впрочем, кроме геометрически правильного силуэта плиты, смотреть было не на что. На ней не было никаких отметин, бездонная ее чернота нигде и ничем не смягчалась. Это была сама ночь, квинтэссенция мрака. Флойд даже подумал: «Может быть, это и вправду какое-то необыкновенное естественное образование, рожденное пламенем и гигантскими давлениями в пору младенчества Луны?» Но он знал, что эта весьма отдаленная возможность уже рассматривалась и была отвергнута.

По чьему-то сигналу включились прожекторы, установленные вокруг кратера, и яркий свет Земли потускнел перед их ослепительными лучами. Собственно говоря, сами лучи в лунном вакууме были невидимы: они просто ложились на грунт слепяще белыми эллипсами, которые перекрывали друг друга на монолите и, касаясь его, бесследно тонули в его черноте.

«Ящик Пандоры,— подумал Флойд с внезапно нахлынувшим недобрым предчувствием,— ждет, когда пытливый Человек его откроет. Что же найдет он внутри?»

12
РАССВЕТ НА ЛУНЕ

Основной гермокупол на площадке ЛМА-1 был диаметром всего шесть метров, и в нем было очень тесно и неуютно. Поэтому транспортер, присоединенный к куполу через один из двух воздушных шлюзов, оказался весьма желательным дополнением к нему.

Внутри этого надувного полушария с двойными стенами трудились, жили и спали шестеро научных работников и технических специалистов, составляющих ныне постоянный персонал площадки ЛМА-1. Тут же умещались большая часть их оснащения и приборов, все припасы, которые нельзя было хранить в условиях вакуума, кухня, умывальник и туалет, отобранные образцы пород и, наконец, небольшая телевизионная установка, позволявшая непрерывно наблюдать за всей площадкой.

Флойд ничуть не удивился, когда Хэлворсен с восхитительной откровенностью заявил, что предпочитает оставаться в куполе.

— Я приемлю скафандр лишь как неизбежное зло,— сказал администратор.— Я надеваю его четыре раза в год во время контрольных поездок, и хватит с меня. Если вы не возражаете, я останусь здесь и буду наблюдать за всем по телевизору.

Это предубеждение против скафандров сильно устарело, потому что новейшие модели были куда удобнее, чем неуклюжие латы первых исследователей Луны. Надеть их можно было меньше чем за минуту даже без посторонней помощи, и они были полностью автоматизированы. Костюм MK-V, в который был герметично «упакован» доктор Флойд, защищал его от всех опасностей, грозивших ему на Луне как днем, так и ночью.

Вместе с доктором Майклзом Флойд вошел в небольшой воздушный шлюз. Когда стихла пульсация насосов и скафандр почти неощутимо для Флойда раздулся и стал жестким, внутри воцарилось безмолвие вакуума.

Тем приятнее было услышать голос в переговорном устройстве скафандра:

— Как у вас давление, доктор Флойд? Дышится нормально?

— Да, все хорошо.

Майклз внимательно проверил показания контрольных приборов на скафандре Флойда.

— Порядок. Можно идти.

Наружная дверь шлюза отворилась, и перед ними открылся пыльный лунный пейзаж, озаренный мерцающим светом Земли.

Осторожно, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, Флойд вслед за Майклзом вылез из шлюза. Идти было нетрудно. Как ни странно, но с момента посадки на Луну он впервые почувствовал себя удобно именно в скафандре. До-

бавочный вес и небольшое сопротивление скафандра движениям тела словно бы отчасти возмещали утраченную земную тяжесть.

Луна выглядела совсем иначе, чем час назад, когда Флойд приехал сюда. Хотя звезды и серп Земли были еще по-прежнему ярки, двухнедельная лунная ночь почти окончилась. Сияние короны в восточной части горизонта напоминало восход Луны на Земле, а верхушка тридцатиметровой радиомачты вдруг вспыхнула пламенем: ее коснулись первые лучи еще невидимого Солнца.

Флойд с Майклзом подождали, когда из шлюза выйдут начальник работ по раскопке и двое его помощников, и тронулись к кратеру. Пока они шли, на востоке из-за горизонта вырвалась тоненькая дуга нестерпимо яркого света. Оставался еще целый час до момента, когда Солнце полностью поднимется над горизонтом медленно вращающейся Луны, но звезды уже погасли. Кратер еще лежал в глубокой тени, и его освещали только яркие прожекторы. Медленно спускаясь в глубь разрытого котлована к огромному черному кристаллу, Флойд ощутил не только благоговейное волнение, но и какую-то беспомощность. Здесь, в самом преддверии Земли, человеку суждено соприкоснуться с тайной, которая, быть может, никогда не будет раскрыта. Три миллиона лет назад нечто побывало здесь, оставило этот загадочный и, вероятно, непостижимый символ своих устремлений и возвратилось к иным планетам... или звездам.

Размышления Флойда прервал голос, прозвучавший в его шлеме:

— Говорит начальник работ. Мы бы хотели сделать несколько снимков. Станьте, пожалуйста, все с этой стороны. Доктор Флойд, будьте добры, в середину... доктор Майклз... так... благодарю вас.

Никому это не показалось смешным, кроме, может быть, самого Флойда. Впрочем, честно говоря, и он был рад, что кто-то захватил с собой камеру: эта фотография наверняка станет исторической, и не худо бы получить несколько снимков. Он даже забеспокоился — хорошо ли будет видно его лицо сквозь стекло шлема.

Несколько смущенные, они позировали перед камерой. Сделав с десяток снимков, фотограф сказал:

— Благодарю вас, джентльмены. Мы попросим лабораторию базы послать вам карточки.

Затем Флойд сосредоточил все свое внимание на черной плите: он медленно обходил ее вокруг, разглядывал со всех сторон, словно стремясь навеки запечатлеть в памяти ее необычный облик. Он не рассчитывал открыть в ней что-либо новое — ему было известно, что каждый квадратный сантиметр поверхности монолита обследован со всей тщательностью.

Неторопливое Солнце уже поднялось над гребнем кратера, и лучи его били почти под прямым углом в грань монолита, обращенную на восток. Но и под лучами он был так же черен, словно поглощал свет до последней частицы.

Флойд решил проделать простейший опыт: встал перед плитой спиной к Солнцу и попытался найти на ее гладкой поверхности свою тень. Никакого следа. А ведь каждое мгновение на эту глыбу изливается не менее десяти киловатт жгучей тепловой энергии; если внутри ее что-нибудь есть, это «что-нибудь» должно вскоре закипеть.

«Как странно,— думал Флойд,— смотреть на эту непонятную штуку и знать, что солнечный свет озаряет ее впервые с тех времен, когда на Земле еще не наступил ледниковый период». Флойд снова задумался над смыслом черной окраски монолита: конечно же, она идеально поглощает солнечную энергию. Но он тут же отбросил эту мысль: кому взбредет в голову закапывать на шесть метров в глубину устройство, приводимое в действие солнечными лучами?

Он поднял голову и глянул на Землю, которая уже начала гаснуть в утреннем небе. Из шести миллиардов ее населения всего лишь горстка знала об этом открытии... Что скажут люди, когда им наконец объявят о нем?

Политические и социальные последствия, сопряженные с ним, огромны. Каждый мыслящий человек, каждый, кто способен видеть хоть чуточку дальше своего носа, осознает, что вся его жизнь, моральные ценности, философия стали в чем-то иными. Даже если о ЛМА-1 ничего не удастся больше узнать и тайна монолита навеки останется нераскрытой, Человеку уже будет известно, что он не единственное разумное существо во Вселенной. Правда, он на миллионы лет разминулся с теми, кто некогда стоял здесь, но они еще могут вернуться. А если не вернутся они, вполне возможно, найдутся другие. Отныне человечество, как бы ни сложилось его будущее, должно учитывать такую возможность.

Размышления Флойда прервал пронзительный электронный вопль, прозвучавший в телефонах его гермошлема. Он напоминал чудовищно перегруженный и искаженный сигнал времени. Машинально Флойд попытался зажать уши, но руки в перчатках наткнулись на шлем. Это привело Флойда в себя, и он судорожно схватился за регулятор громкости своего приемника. Пока он возился с ним, еще четыре вопля разорвали эфир, и затем наступила благодатная тишина.

Все в кратере оцепенели, скованные изумлением. «Значит, мой приемник в порядке. Сигналы слышали все!» — понял Флойд.

Впервые после трех миллионов лет затворничества во мраке черный монолит приветствовал восход солнца на Луне.

14
СЛУШАЮЩИЕ

В ста пятидесяти миллионах километров за Марсом, в ледяных пустынях пространства, где еще не побывал ни один человек, меж запутанных орбит астероидов медленно плыл Дальний космический монитор № 79. Три года он безупречно выполнял свои функции к чести американских ученых, спроектировавших его, английских инженеров, его построивших, и русских специалистов, которые его запустили. Сложнейшая паутина антенн ловила радиошумы — непрестанный треск и шипение, голоса, звучащие там, где, по наивному предположению Паскаля, высказанному во времена более простодушные, господствует только «молчание бесконечного пространства». Радиационные детекторы улавливали и анализировали космические лучи, приходящие из нашей Галактики и пространства за ее пределами. Нейтронные и рентгеновские

телескопы неустанно следили за странными звездами, которых никогда не увидит человеческий глаз. Магнитометры наблюдали за солнечными вихрями, регистрируя и отдельные порывы, и ураганы, когда Солнце дышало в лицо своим детям, опоясавшим его орбитами, потоками разреженной плазмы. Все эти и многие другие явления терпеливо отмечал Дальний космический монитор № 79 и записывал в своей кристаллической памяти.

Одна из его антенн с помощью чудес электроники, которых ныне уже никто не замечает, была постоянно наведена на точку, неизменно находящуюся невдалеке от Солнца. Раз в несколько месяцев эту отдаленную «мишень», будь у монитора глаза, можно было бы даже увидеть как яркую звезду, сопровождаемую более слабым спутником. В другое время ее свечение совсем терялось в солнечном ореоле.

На эту далекую планету Земля монитор через каждые двадцать четыре часа посылал терпеливо собранную им информацию, плотно «упакованную» в серию импульсов длительностью не более пяти минут. Примерно через пятнадцать минут эти импульсы, распространяясь со скоростью света, достигали точки своего назначения. Там их ждали предназначенные для этого машины, они усиливали принятый сигнал, записывали его и приобщали запись к тем тысячам километров магнитной ленты, которые уже хранились в сейфах Всемирных космических центров в Вашингтоне, Москве и Канберре.

В течение пятидесяти лет — со времени запуска первых спутников — триллионы, квадрильоны импульсов изливались на Землю из космоса, и записи их хранились в ожидании того дня, когда они понадобятся для дальнейшего развития науки. Возможно, лишь ничтожная частица этой массы необработанных материалов когда-либо подвергнется обработке, но нельзя было предугадать, какое именно наблюдение окажется нужным для справки какому-нибудь ученому через десять, пятьдесят или сто лет. Поэтому приходилось хранить все записи в трех экземплярах — по одному в каждом из трех Всемирных центров — для предотвращения случайной утраты; они лежали там на стеллажах в бесконечных галереях с кондиционированным воздухом. Это было частью подлинных сокровищ человечества, более ценной, чем все золото, бесполезно лежащее под замком в банковских сейфах.

Так вот, Дальний космический монитор № 79 внезапно уловил нечто странное: через Солнечную систему пронеслось слабое, но отчетливо распознаваемое направленное излучение, совершенно непохожее на все естественные явления, наблюдавшиеся им в прошлом. Монитор автоматически зарегистрировал направление, время, интенсивность излучения и через несколько часов передал все эти данные на Землю.

То же самое проделали и искусственный спутник Марса «Орбитер М-15», обегавший вокруг Марса дважды в сутки, и космический зонд, поднимавшийся в пространства, лежащие над плоскостью эклиптики, и даже искусственная комета № 5, уносившаяся в ледяные дали за Плутоном по орбите, до самой удаленной точки которой ей не долететь и за тысячу лет. Все их приборы зарегистрировали необычную вспышку энергии, и все они установленным порядком автоматически передали запись этих сигналов в хранилища информации на далекой Земле.

Вычислительные машины, возможно, никогда не уловили бы связи между четырьмя необычными группами сигналов, поступившими от космических зондов, удаленных друг от друга на миллионы километров. Но прогнозист по излучению в Годдардовском вычислительном центре, едва взглянув на утреннюю рапортичку, понял, что за истекшие сутки Солнечную систему пронизало какое-то необычное излучение. Он располагал данными только о части пути этого излучения, но когда машина нанесла их на Планетный ситуационный планшет, начертание этого пути стало столь же ясным, как инверсионный след самолета на безоблачном небе или цепочка следов одинокого пешехода на девственно белом заснеженном поле. Какой-то энергетический импульс рванулся с поверхности Луны и, оставляя за собой радиационный след, разбегающийся в стороны подобно волнам от скоростного катера, устремился вдаль, к звездам.

III
В МЕЖПЛАНЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

15
«ДИСКАВЕРИ»

Корабль находился в полете всего тридцать дней, а Дэвиду Боумену порой уже не верилось, что он когда-либо знал иную жизнь, кроме существования в замкнутом мирке «Дискавери». Все годы обучения, все предыдущие полеты на Луну и на Марс были словно достоянием другого человека, событиями чьей-то чужой жизни.

Примерно то же испытывал и Фрэнк Пул. Он уже не раз шутливо сокрушался, что до ближайшего психиатра чуть ли не сто миллионов километров. Между тем это чувство обособленности и отчуждения, испытываемое астронавтами, было вполне объяснимо и отнюдь не означало отклонения от психической нормы. Просто за полвека, прошедшие с тех пор, как человечество впервые попыталось вырваться в космос, такого полета никто не предпринимал.

Еще пять лет назад началась подготовка к полету под названием «Проект Юпитер» — его планировали как первый управляемый полет на эту величайшую из планет с возвратом на Землю. Корабль был уже почти готов к двухлетнему космическому рейсу, когда задача полета была неожиданно изменена.

«Дискавери» по-прежнему летел в сторону Юпитера, но то уже не было его конечной целью. Экипажу было предписано не снижать скорости при пересечении раскинувшейся на огромных пространствах системы спутников Юпитера. Напротив, намечалось использовать гравитационное поле этого гигантского мира как пращу, которая забросила бы «Дискавери» еще дальше от Солнца. Кораблю предстояло, подобно комете, прорезать удаленные внешние

пространства Солнечной системы, достичь увенчанного кольцами Сатурна — и не вернуться на Землю.

Да, для корабля «Дискавери» это был рейс без возврата, однако его экипаж отнюдь не собирался кончать жизнь самоубийством. Если все пойдет, как задумано, они через семь лет вернутся на Землю, причем пять лет из семи промелькнут для них как один миг — люди проведут их, погруженные в глубокий искусственный сон без сновидений, а затем на выручку к ним придет «Дискавери II», который еще не начали строить.

Во всех коммюнике и документах Агентство по астронавтике старательно избегало слова «выручка», поскольку оно подразумевало какую-то неудачу или аварию: общепринятой формулой было «возвращение». Если случится что-либо действительно серьезное, спасти людей, конечно, не удастся: полтора миллиарда километров от Земли — расстояние нешуточное.

Здесь риск входит в расчет, как и во всех путешествиях в неизведанное. Правда, полувековая проверка показала, что искусственно вызываемая спячка совершенно безвредна для людей и открывает новые возможности для космических путешествий. Однако до этого полета к усыплению людей на такой продолжительный срок ни разу не прибегали.

Кроме Боумена и Пула в составе экипажа было еще три человека, которым предстояло вести научные исследования. Работа их начнется, лишь когда корабль выйдет на свою конечную орбиту вокруг Сатурна, поэтому все время полета от Земли до Сатурна они проведут во сне. Таким способом удастся сэкономить тонны продуктов питания и других припасов; не менее важно и то, что люди эти будут свежи, бодры и приступят к делу, не ощущая усталости от десяти месяцев полета.

«Дискавери» выйдет на орбиту вокруг Сатурна — свою последнюю «стоянку»,— станет еще одним спутником этой огромной планеты. Он будет двигаться по эллипсу в три миллиона километров, то подходя очень близко к Сатурну, то уносясь за пределы орбит его основных лун. У экипажа будет сто дней на проведение съемок и первое знакомство с этим миром, который своей поверхностью в восемьдесят раз превосходит Землю и имеет целую свиту спутников — их известно пятнадцать, причем один из них размером с планету Меркурий.

Чудес там должно быть столько, что понадобятся сотни лет на их изучение; первая экспедиция сможет провести лишь предварительную разведку. Обо всем, с чем ей придется столкнуться, она сообщит на Землю по радио; даже если исследователям не суждено возвратиться, их открытия не будут потеряны для человечества.

Через сто дней «Дискавери» прекратит все работы. Члены экипажа погрузятся в сон, только жизненно необходимые системы будут продолжать работать под контролем неутомимого электронного мозга. Корабль продолжит полет по сатурноцентрической орбите, столь точно вычисленной, что люди будут знать, в какой ее точке искать его даже через тысячу лет. Но по намеченным планам «Дискавери II» прилетит уже через пять лет. Впрочем, если даже пассажиры первого корабля проспят семь или восемь лет, они ничего не заметят.

Для них часы будут стоять, как они уже остановились для Уайтхеда, Камински и Хантера.

Порой Боумен, на котором лежали обязанности командира корабля, завидовал своим товарищам, безмятежно спавшим в морозном покое гипотермической камеры. Они были свободны от всякой докуки и ответственности: пока корабль не долетел до Сатурна, внешний мир для них просто не существовал.

Зато этот мир непрерывно следил за ними по индикаторам их биологических датчиков. Чуть поодаль от множества приборов и шкал, сосредоточенных на пульте управления кораблем, были укреплены пять панелек с надписями: «Хантер», «Уайтхед», «Камински», «Пул» и «Боумен». Две последние были темны и безжизненны: их срок придет только через год. На остальных трех сияли созвездия зеленых огоньков, возвещая, что у спящих все в порядке; на каждой панели был еще экран-индикатор, на котором светящиеся волнистые линии своим биением воспроизводили неторопливые ритмы пульса, дыхания и мозговой деятельности.

Время от времени Боумен включал звуковой выход датчиков, отлично, впрочем, понимая ненужность такого контроля, ибо при малейшем нарушении нормальных жизненных процессов мгновенно включился бы сигнал тревоги. Словно зачарованный, Боумен вслушивался в невообразимо редкие удары сердец своих товарищей, не отрывая глаз от ленивых волн, синхронно с биениями сердец скользивших по экрану.

С особым волнением смотрел он на электроэнцефалограммы, эти факсимиле человеческих личностей, деятельная жизнь которых временно прервалась, но скоро вновь возобновится. Их линии были почти прямыми, без зигзагообразных всплесков и падений — тех электрических «взрывов», которые свидетельствуют о работе мозга во время бодрствования или даже обычного сна. Если в спящих и мерцала какая-то искорка сознания, то столь слабая, что ее не улавливали приборы и не сохраняла память.

Боумен знал об этом по собственному опыту. Когда отбирали кандидатов для участия в этом полете, проверили и его способность переносить искусственный сон. Он так и не понял, что же случилось: потерял ли он во сне неделю жизни или на неделю отодвинул свою смерть.

Едва только ко лбу его прикрепили электроды и генератор сна начал пульсировать, перед глазами поплыли звезды и стремительно замелькали калейдоскопические узоры. Потом они потускнели, растаяли и его поглотила глубокая тьма. Он не почувствовал ни уколов инъекционной иглы, ни первых прикосновений холода, когда температура его тела начала снижаться до нескольких градусов выше нуля.

Когда Боумен проснулся, ему показалось, что он едва успел задремать. Но он знал, что это лишь иллюзия: он был даже убежден, что проспал несколько лет.

Значит, они уже выполнили свою задачу? Долетели до Сатурна, закончили разведку и заснули? А где же «Дискавери II»? Он ведь должен забрать их и доставить на Землю...

Боумен лежал, скованный сладкой дремотой, совершенно неспособный отделить реальные воспоминания от фантастических грез. Потом открыл глаза, но смотреть было не на что, кроме туманно-расплывчатого созвездия светящихся точек, которые он озадаченно разглядывал несколько минут. Вдруг он понял, что это лампочки-индикаторы на ситуационном планшете корабля, но сосредоточить свой взгляд на них так и не сумел и вскоре отказался от этих попыток.

Его овевали струи теплого воздуха, согревая окоченевшее тело. Из репродуктора над головой лилась тихая, но бодрящая музыка. Постепенно она становилась все громче и громче.

Наконец он услышал голос — неторопливый, дружелюбный. (Правда, Боумен знал, что это говорит автомат.)

— Вы постепенно возвращаетесь в строй, Дэйв. Не вставайте, не пытайтесь делать резких движений. Не разговаривайте.

«Не вставайте!» Боумену стало даже смешно. Еще вопрос, может ли он шевельнуть хотя бы мизинцем. К своему удивлению, он обнаружил, что может.

Он испытывал чувство полного довольства миром, сонливое и глуповатое. Мозг его смутно соображал, что корабль со спасателями, верно, уже прилетел, автоматически началась реанимация спящих и он скоро увидит других людей. Все это было очень приятно, но ничуть не волновало.

Внезапно он почувствовал голод. Компьютер, конечно, предвидел и это.

— Под вашей правой рукой есть сигнальная кнопка, Дэйв. Если вы голодны, нажмите ее, пожалуйста.

Боумен с трудом пошарил пальцами и скоро нашел грушевидную выпуклость. Кнопка! Он совсем забыл про нее, хотя наверняка должен был знать, что она здесь. Интересно, о чем еще он позабыл? Может быть, спячка стирает из памяти все?

Он нажал кнопку и стал ждать. Через несколько минут над ложем поднялась металлическая рука и поднесла к его губам пластиковую соску. Он принялся жадно сосать, в горло полилась струйка теплой сладкой жидкости — казалось, от каждой ее капли прибавлялось сил.

Вскоре манипулятор убрал соску, и Боумен снова отдыхал. Теперь он мог легко шевелить руками и ногами. Мысль о том, чтобы встать и пойти, уже не казалась ему несбыточной мечтой.

Хотя Боумен чувствовал, что силы быстро возвращаются к нему, он был готов лежать здесь хоть целую вечность, если его никуда не позовут. Но вскоре к нему обратился другой, на сей раз живой голос, а не искусная комбинация электрических импульсов, порожденная сверхчеловеческой памятью вычислительной машины. Голос этот был даже знаком ему, хотя он не сразу сообразил, кто это говорит.

— Хелло, Дэйв! У тебя все идет отлично. Можешь поговорить со мной. Ты знаешь, где находишься?

Боумен и сам уже несколько минут задавал себе этот вопрос. Если он и вправду сейчас на корабле, летящем по орбите вокруг Сатурна, то как же прошли все эти месяцы после отлета с Земли? Уж не постигла ли его и впрямь амнезия, не потерял ли он память? Смешно, но именно это опасение увери-

ло его в обратном. Уж если он помнит слово «амнезия», его мозг в полном порядке...

Но он так и не знал, где находится, и человек, голос которого он услышал в репродукторе, видимо, отлично понимал, что его беспокоит.

— Не тревожься, Дэйв. Это Фрэнк Пул. Я слежу за работой твоего сердца и за дыханием. Все хорошо. Расслабься и лежи спокойно. Мы сейчас откроем дверь и вытащим тебя.

Камера осветилась мягким светом, и в раскрывшейся двери Боумен увидел силуэты входящих людей. И тут память вернулась к нему, и он вспомнил все.

Хотя он только что благополучно возвратился из предельных глубин сна, граничащих с самой смертью, из жизни его была вырвана всего одна неделя. И покинув гипотермическую камеру, он увидит не холодное сияние Сатурна — до него еще год времени и полтора миллиарда километров. Пока он лежал в тренировочном макете корабля в Хьюстонском центре космических полетов, под жарким техасским солнцем.

16
ЭАЛ

Сейчас Техаса уже не было видно: трудно было разглядеть даже Соединенные Штаты. Хотя плазменные двигатели давно выключились, «Дискавери» продолжал полет по инерции, устремив стройное стреловидное тело прочь от Земли, и все его мощные оптические средства нацелились вперед, на внешние планеты, куда лежал его путь.

Однако один телескоп оставался постоянно направленным на Землю. Он был укреплен, подобно пушечному прицелу, на ободе корабельной антенны дальней связи и обеспечивал неизменную наводку этой огромной параболической чаши на ее дальнюю цель. Пока Земля оставалась в центре перекрестья нитей телескопа, жизненно важная связь с ней была обеспечена: по невидимому лучу, который за каждые сутки удлинялся почти на три с половиной миллиона километров, можно было отправлять и принимать сообщения.

Не меньше одного раза за каждую вахту Боумен разглядывал родной мир через телескоп настройки антенны. Теперь, когда Земля осталась далеко позади, она была обращена к «Дискавери» своим неосвещенным полушарием и на центральном экране пульта управления выглядела ослепительным серебристым серпом наподобие Венеры.

В этом день ото дня сужавшемся светлом полумесяце крайне редко удавалось разглядеть какие-либо географические контуры — их обычно скрывали облачность и дымка. Впрочем, даже затемненная часть диска неодолимо притягивала взгляд. По ней были разбросаны блестки городов, то светившие устойчиво, то мигавшие, словно светлячки, когда над ними проносились атмосферные возмущения.

А порой Луна, совершая свой путь по орбите, словно огромный фонарь, освещала затемненные океаны и континенты Земли. И Боумен вдруг с волне-

нием узнавал знакомые контуры берегов, на миг открывавшиеся ему в призрачном лунном свете. Иногда, если на Тихом океане был штиль, удавалось даже разглядеть отблеск лунного сияния на водной поверхности, и он вспоминал тропические ночи под пальмами на берегах лагун.

Но он не сожалел об утраченных радостях. За свои тридцать пять лет он вкусил их сполна и верил, что вновь вернется к ним, уже прославленный и богатый. А пока необозримая даль, отделявшая его от Земли, делала воспоминания еще более дорогими.

В составе экипажа был еще и шестой член, но его ничуть не волновали подобные чувства, ибо он не был человеком. Это был новейший, усовершенствованный компьютер ЭАЛ-9000, мозг и нервная система корабля.

ЭАЛ (что означало не больше и не меньше как «эвристически программированный алгоритмический компьютер») представлял собой замечательное детище третьего скачка в развитии электронно-вычислительной техники. Скачки эти отделялись друг от друга промежутками примерно в двадцать лет, и мысль о приближении следующего, четвертого, скачка уже начала многих тревожить.

Первый скачок произошел еще в 40-е годы, когда на основе уже давно устаревших электронных ламп были созданы такие неуклюжие скоростные тугодумы, как ЭНИАК* и последующие модели. Затем в 60-е годы получила значительное развитие микроэлектроника. С ее появлением стало ясно, что искусственный мозг, могуществом по меньшей мере равный человеческому, вполне может вместиться в объем канцелярского письменного стола... если бы только знать, как его построить.

Вероятно, этого никто так и не узнает — к 80-м годам двадцатого столетия это уже не представляло никакого интереса, ибо к тому времени Минский и Гуд разработали методику автоматического зарождения и самовоспроизведения нервных цепей в соответствии с любой произвольно выбранной программой. Оказалось, что искусственный мозг можно «выращивать» посредством процесса, поразительно сходного с развитием человеческого мозга. Точные детали этого процесса в каждом отдельном случае так и оставались неизвестными; впрочем, будь они даже известны, человеческий разум не смог бы постичь всю их сложность.

Но как бы ни был устроен этот машинный мозг, главное заключалось в том, что он мог воспроизводить большинство операций человеческого мозга, причем быстрее и надежнее. (Правда, некоторые философы по-прежнему предпочитали слово «имитировать» вместо «воспроизводить».) Такая машина стоила чрезвычайно дорого, и компьютеров типа ЭАЛ-9000 было изготовлено всего несколько экземпляров, однако старая шутка, гласящая, что производить органические мозги с помощью необученной рабочей силы всегда проще, начинала уже звучать немного плоско.

ЭАЛ был подготовлен к этой экспедиции не менее тщательно, чем его живые коллеги, и во много раз скорее — ведь он не только неизмеримо быстрей усваивал любые данные, но и никогда не нуждался в отдыхе. Первейшей его

* Электронно-счетная машина-интегратор.

задачей было управлять всеми системами жизнеобеспечения корабля, непрерывно контролировать давление кислорода, температуру, герметичность оболочки, радиацию и прочие взаимосвязанные факторы, от которых зависела жизнь хрупкого человеческого груза. Он мог выполнять сложнейшие штурманские расчеты и осуществлять необходимое маневрирование, когда нужно было менять курс корабля. Еще он мог неустанно следить за спящими членами экипажа, уточнять состояние окружающей среды и делать внутривенные вливания микроскопических доз жидкостей, которые поддерживали их жизнь.

В первых поколениях компьютеров кодированная информация вводилась вручную, а ответы машина выдавала с помощью скоростных буквопечатающих устройств или каких-либо визуальных индикаторов. ЭАЛ тоже умел это делать, когда надо, но главным средством общения между ним и его коллегами была устная речь. Пул и Боумен могли говорить с ЭАЛом, словно он был человеком, а он отвечал на великолепном образном человеческом языке, которому был обучен за быстротечные недели своего электронного детства.

Вопрос о том, действительно ли ЭАЛ способен мыслить, был решен английским математиком Аланом Тьюрингом еще в 40-х годах. Тьюринг указал, что если машина способна вести продолжительный диалог — не важно, с помощью ли пишущей машинки или через микрофон,— и ее ответы нельзя отличить от тех, которые мог бы дать на ее месте человек, то такая машина мыслит в любом разумном значении этого слова. ЭАЛ мог бы шутя сдать тест Тьюринга.

Могло случиться даже так, что ЭАЛу пришлось бы взять на себя командование кораблем. При чрезвычайных обстоятельствах, если на его сигналы никто не ответит, он должен разбудить спящих членов экипажа, пустив в ход электрические или химические стимуляторы. Если это не удастся, он обязан радировать на Землю и запросить дальнейших указаний. Наконец, на случай, если ответ с Земли не придет, ЭАЛ был запрограммирован так, что мог принять необходимые меры для сохранения корабля и продолжения полета: ведь он один знал его истинную задачу, о которой бодрствующие астронавты даже не подозревали.

Пул и Боумен нередко в шутку называли себя сторожами корабля, который, в сущности, мог сам управлять собою. Если бы они ведали, сколь близка к правде эта шутка!

17
БУДНИ ПОЛЕТА

График полета был разработан до мельчайших подробностей: Боумен и Пул знали, во всяком случае теоретически, что они должны делать в каждую минуту каждых суток. Они несли вахту поочередно, по двенадцать часов, так что один из них обязательно бодрствовал. Вахтенный офицер неотлучно находился у пульта управления, а другой в это время занимался хозяйственно-бытовыми делами, совершал контрольный обход корабля, выполнял разные непредвиденные работы, которых всегда было предостаточно, ну и, конечно, отдыхал в своей каюте.

Хотя на первом этапе экспедиции Боумен формально числился командиром корабля, со стороны этого никто бы не заметил. Он и Пул через каждые двенадцать часов передавали друг другу полностью все функции, права и обязанности командира. Это помогало обоим постоянно сохранять отличную рабочую форму, уменьшало опасность каких-либо трений между ними и, наконец, обеспечивало полную взаимозаменяемость.

День Боумена начинался в 6.00 по судовому времени — Всеобщему эфемеридному времени астрономов. Если бы Боумен проспал или замешкался, у ЭАЛа было достаточно всяких «бип-бип» и «динь-дон», чтобы напомнить ему о его обязанностях, но к этому прибегать не приходилось. Для проверки Пул как-то раз выключил будильник — Боумен все равно автоматически проснулся вовремя.

Первой ежедневной обязанностью вахтенного было передвинуть на двенадцать часов Главный таймер камеры спящих. Если стрелки останутся непереведенными два раза подряд, это послужит для ЭАЛа сигналом, что оба бодрствующих астронавта вышли из строя, и он примет чрезвычайные меры.

Проснувшись, Боумен проделывал утренний туалет и гимнастику, а затем садился завтракать. Во время завтрака он обычно читал утреннее радиотелевизионное издание газеты «Уорлд таймс». Никогда на Земле он не следил так внимательно за газетной информацией, как здесь,— на экране космического корабля самые пустячные сплетни, самые незначительные политические слухи казались захватывающе интересными.

В 7.00 он приносил Пулу в рубку управления тюбик кофе из кухни и сменял его. Если докладывать было не о чем и никаких срочных мер не требовалось (а так обычно и бывало), он начинал считывать показания приборов, а затем проводил всякие пробы и замеры, проверяя, нормально ли работают все агрегаты корабля. К 10.00 он обычно завершал проверку и переходил к занятиям.

Боумен учился большую половину своей жизни, и ему предстояло учиться до конца службы. Благодаря революции, происшедшей в XX веке в методах обучения и обработки информации, он знал не меньше, чем если бы окончил два или три колледжа, и, что еще важнее, хранил в памяти почти все эти знания.

Лет пятьдесят назад его сочли бы специалистом по прикладной астрономии, кибернетике и системам космических двигателей, но он вовсе не считал себя специалистом в какой-либо из этих областей и готов был яростно оспаривать такое мнение о себе. Боумен никогда не мог сосредоточить все внимание на одном каком-нибудь предмете. Пренебрегая грозными предупреждениями своих наставников, он добился, чтобы его допустили к защите магистерской диссертации по общей астронавтике. Это была специальность с весьма расплывчатой программой, рассчитанная на людей со средним коэффициентом интеллектуальности, не способных достичь вершин в своей профессии.

Он принял правильное решение: именно отказ от узкой специализации сделал его на редкость пригодным для выполнения нынешней задачи. Примерно по тем же причинам Фрэнк Пул, иногда пренебрежительно именовавший себя «практиком широкого профиля по космической биологии», явился отличной кандидатурой на пост его заместителя. Вдвоем они были способны, прибегая, когда нужно, к огромным запасам информации, заложенным в памяти

ЭАЛа, справиться с любой задачей, какая предположительно могла возникнуть во время полета,— надо было только ни на секунду не ослаблять бдительности и внимания ко всем сигналам и еще непрерывно освежать необходимые знания.

Поэтому Боумен ежедневно посвящал время с 10.00 до 12.00 диалогу с компьютером, проверял свои общие познания или изучал материалы, связанные с конкретной задачей. Он вновь и вновь просматривал чертежи корабля, схемы всех сетей, трассы маршрута экспедиции или штудировал данные о Юпитере, Сатурне и обширных семействах их спутников.

В полдень он шел в камбуз готовить обед, передавая на это время управление кораблем ЭАЛу. Впрочем, даже и в камбузе он оставался в курсе всех событий на корабле, потому что в этой крохотной кабинке, служившей одновременно и столовой, был установлен параллельный ситуационный экран-индикатор, а кроме того, ЭАЛ мог в любой момент вызвать его к пульту. Фрэнк завтракал вместе с ним, а потом отправлялся на шесть часов спать в свою каюту. Обычно за обедом они смотрели какую-нибудь телевизионную программу с Земли, которую им передавали по специальному каналу.

Меню астронавтов было продумано столь же тщательно, как и все, что касалось экспедиции. Пища, по большей части высушенная замораживанием, была отличного качества и приготовлена так, чтобы доставлять им возможно меньше хлопот. Надо было только вскрыть брикеты и заложить их в компактную автоматическую кастрюлю. Сигнал «бип-бип» сообщал астронавтам, что еда готова. Они могли полакомиться самыми разнообразными блюдами: по вкусу и, что не менее важно, по внешнему виду это были всяческие омлеты, яйца всмятку, бифштексы, котлеты, жаркое, свежие овощи, различные фрукты, апельсиновый сок, мороженое и даже свежевыпеченный хлеб.

После обеда, с 13.00 до 16.00, Боумен совершал тщательный контрольный обход корабля, точнее, той его части, которая была доступна для астронавтов. Общая длина «Дискавери» составляла около ста двадцати метров, однако маленький мирок, где, собственно, обитал его экипаж, ограничивался двенадцатиметровым шарообразным герметическим корпусом.

Здесь размещались все системы жизнеобеспечения и рубка управления — рабочее сердце корабля. Ниже находился небольшой «космический гараж» с тремя одноместными реактивными капсулами — на них можно было через специальные шлюзы «выплыть» в космос, если понадобится выполнить какие-то работы вне корабля.

В экваториальном поясе герметической сферы, в слое, ограниченном по аналогии с Землей тропиками Козерога и Рака, был вмонтирован медленно вращающийся барабан диаметром около десяти с половиной метров. Совершая один оборот за десять секунд, эта своеобразная карусель, или центрифуга, создавала искусственную тяжесть, примерно равную лунной. Такая тяжесть была уже достаточна, чтобы избежать физической атрофии, которая может возникнуть от долгого пребывания в невесомости, она позволяла также отправлять жизненные функции в нормальных или почти нормальных условиях.

Вот почему именно в этой карусели размещались камбуз-столовая, душ и туалет. Только здесь можно было готовить и пить горячие напитки, довольно

опасные при невесомости — можно получить сильные ожоги от плавающих в воздухе пузырьков кипящей воды. Решалась здесь и проблема бритья: в невесомости сбритые щетинки разлетались бы и засоряли воздух, угрожая исправности электрической аппаратуры и здоровью людей.

По периметру карусели были устроены пять крохотных каюток, оборудованных астронавтами по своему вкусу, там находились и их личные вещи. Пока что только Боумен и Пул пользовались своими каютами: будущие обитатели остальных кают еще спали в электронных саркофагах в камере по соседству.

В случае необходимости карусель можно было остановить — при этом продолжал вращаться тяжелый маховик и накопленная им инерция позволяла плавно возобновить вращение. Впрочем, обычно карусель вертелась непрерывно, с постоянной скоростью. Вход в этот медленно вращающийся барабан находился на оси, где гравитация равнялась нулю: нужно было только перехватываться руками за скобы на осевом валу. А перейти в подвижную часть барабана после некоторой тренировки было так же просто, как ступить на ленту движущегося эскалатора.

Герметическая сфера, укрепленная на довольно легкой стреловидной конструкции длиной около ста метров, служила головной частью корабля. «Дискавери», как и все корабли, предназначенные для дальних космических полетов, не мог войти в атмосферу или сопротивляться полной силе тяготения какой-либо планеты — для этого он был слишком непрочен и необтекаем. Его собрали на околоземной орбите, испытали в пробном полете в пространстве за Луной и окончательно проверили на окололунной орбите. Он был порождением чистого космоса, и это было видно с первого взгляда.

Непосредственно позади герметической сферы помещались четыре больших резервуара с жидким водородом, а за ними V-образно расположенные ажурные плоскости радиаторов, которые рассеивали избыточное тепло ядерного реактора. Покрытые сеткой тонких трубок, несущих охлаждающую жидкость, они походили на крылья гигантской стрекозы, и со стороны, под определенным углом зрения, «Дискавери» чем-то напоминал старинный парусный корабль.

Там, где кончались крылья радиатора, в девяноста метрах от жилой сферы находились экранированный ад реактора и фокусирующие электроды, между которыми вырывалось наружу раскаленное звездное вещество — плазма. Главную свою задачу двигатель корабля выполнил уже несколько недель назад, когда «Дискавери» стартовал со своей стоянки на окололунной орбите. Сейчас реактор работал «на малых оборотах», питая электроэнергией системы корабля, и огромные плоскости радиаторов, которые при максимальной тяге, когда «Дискавери» набирал скорость, раскалялись докрасна, теперь были черны и холодны.

Обследовать эту часть корабля можно было, только выйдя в космос, но контрольные приборы и наружные телекамеры и без того давали о ней все нужные сведения. Боумен был уверен, что знает, в каком состоянии находится каждый сантиметр панелей радиатора и его трубопровода.

К 16.00 Боумен заканчивал обход — наступало время ежедневного подробного устного доклада Центру управления полетом на Земле. Он выключал свой

передатчик, только когда Земля подтверждала, что его услышали. Выслушав запросы и указания Центра управления, он вновь включал передатчик и отвечал. В 18.00 просыпался Пул, и Боумен сдавал ему управление кораблем.

После вахты у Боумена оставалось шесть часов свободного времени. В эти часы он продолжал заниматься, слушал музыку, смотрел кинофильмы. Он много читал — электронная библиотека корабля была почти неисчерпаема. Его увлекала история великих путешествий прошлого, что было вполне понятно в его положении. Вместе с Пифеем* он проходил под парусами меж Геркулесовых столбов, огибал берега Европы, где еще только кончался каменный век, дерзко подплывал почти к ледяной туманной Арктике либо спустя две тысячи лет вместе с Ансоном** преследовал испанские галеоны, с капитаном Куком шел навстречу неведомым опасностям Большого Барьерного рифа и совершал с Магелланом первое кругосветное плавание. Он взялся за «Одиссею», и ее речь, доносившаяся из необозримой глубины времен, взволновала его больше всех других книг.

Когда ему хотелось развлечься, к его услугам всегда был ЭАЛ. Он знал множество игр, имеющих математическую основу, включая шахматы и шашки. Играя в полную силу, ЭАЛ мог выиграть все партии во всех играх, но это портило бы людям настроение, поэтому он был запрограммирован на выигрыш только половины всех партий, а его живые партнеры притворялись, будто им это неизвестно.

Последние часы бодрствования Боумен посвящал общей уборке и самым непредвиденным задачам, после чего в 20.00 садился ужинать, опять вместе с Пулом. После ужина наступал час, когда он мог вызвать Землю и его могли вызвать оттуда родные и друзья.

Как и все его коллеги, Боумен не был женат: было бы неразумно посылать семейных людей в столь продолжительную экспедицию. Конечно, многие красавицы обещали ждать их возвращения, но никто не принимал этих обещаний всерьез. Поначалу и Пул, и Боумен каждую неделю вели с Землей довольно нежные беседы, правда немного смущаясь от сознания, что их слушают посторонние люди на Земле. Но уже через месяц, хотя экспедиция, в сущности, только началась, диалоги с девушками, оставшимися на Земле, стали реже и прохладнее. Астронавты были готовы к этому: уж такова их доля, как в старину — доля моряков.

Поговорив с близкими на Земле, Боумен, прежде чем прекратить связь, передавал свое последнее донесение и проверял, переданы ли ЭАЛом все показания приборов за день. Затем он, если было настроение, часа два читал или смотрел фильм, а в полночь укладывался спать — и засыпал обычно без помощи электронаркоза.

Распорядок дня Пула был такой же, только сдвинутый во времени. Суточные графики обоих астронавтов взаимно дополняли друг друга и совмещались без малейших задорин. Дел было по горло, оба были людьми слишком разумными и уживчивыми, чтобы ссориться,— и дни в полете текли спокойно

* Пифей — греческий мореплаватель (IV в. до н. э.).

** Джордж Ансон (1697–1762) — британский адмирал.

и буднично, без происшествий, а бег времени отмечала только смена цифр на электронных часах.

К этому и сводилась самая заветная мечта маленького экипажа «Дискавери» — чтобы в предстоящие недели и месяцы ничто не омрачило мирного однообразия их жизни.

18
ЧЕРЕЗ ПОЯС АСТЕРОИДОВ

Неделя проходила за неделей, и «Дискавери», миновав уже орбиту Марса, летел к далекому Юпитеру по своей орбите, предопределенной с такой точностью, словно это были трамвайные рельсы. Как не похож был «Дискавери» на корабли, бороздящие небеса и моря там, на Земле,— он не требовал никакого управления, ни единого прикосновения к рулям или тумблерам двигателя. Курс планетолета определяли законы тяготения: на его пути не было ни неведомых мелей, ни опасных рифов, на которые он мог налететь. Не угрожала ему и опасность столкнуться с другим кораблем, ибо во всем пространстве, отделявшем его от бесконечно далеких звезд, не было ни одного корабля — во всяком случае, корабля, созданного человеком...

Строго говоря, та область космоса, в которую сейчас вторгся «Дискавери», отнюдь не была свободна от препятствий. Перед ним простиралась неведомая человеку зона, изрезанная трассами более миллиона астероидов. Точные орбиты были вычислены астрономами примерно для десяти тысяч. Впрочем, размеры астероидов невелики: только четыре имеют диаметр более ста пятидесяти километров, остальные представляют собой всего лишь огромные каменные глыбы, бесцельно несущиеся в пустоте.

Никаких мер защиты против них не существовало: самый маленький астероид при столкновении на скорости свыше ста тысяч километров в час мог разнести «Дискавери» на куски. Однако вероятность такого столкновения была ничтожно мала. В среднем на объем пространства, представляющий собой куб со стороной, равной полутора миллионам километров, приходится всего один астероид! Экипаж меньше всего тревожило, что «Дискавери» может оказаться в одной точке пространства с каким-нибудь астероидом, притом в одно и то же мгновение.

На восемьдесят шестой день полета они должны были пройти точку наибольшего сближения с одним из известных астероидов (других встреч вообще не предвиделось). Астероид этот названия не имел и числился под номером 7794; это был обломок скалы около сорока пяти метров в поперечнике, обнаруженный в 1997 году лунной обсерваторией и тотчас же забытый всеми, кроме терпеливых блоков памяти Бюро малых планет.

Когда Боумен заступил на вахту, ЭАЛ тут же напомнил ему о предстоящей встрече, хотя трудно было ожидать, что командир корабля забудет о единственном событии, которое предусмотрено графиком на протяжении всего полета. Трасса астероида, привязанная к звездам, и его координаты на момент наибольшего сближения уже светились на экранах пульта. Там был и перечень

наблюдений, которые надо было провести; у астронавтов будет дел по горло в те мгновения, когда мимо них, всего в полутора тысячах километров, промелькнет 7794 на относительной скорости сто тридцать тысяч километров в час.

Боумен попросил ЭАЛа включить курсовой телескоп, и на экране вспыхнуло изображение пространства впереди, усеянного редкими звездами. Ничего похожего на астероид среди них не было — даже при максимальном увеличении все звезды выглядели безразмерными светящимися точками.

— Наложи прицельную сетку,— сказал Боумен.

На экране мгновенно появились четыре тонкие линии вокруг крохотной, еле видимой звездочки. Он долго вглядывался в нее, подумывая, уж не ошибся ли ЭАЛ, и вдруг обнаружил, что эта точечка едва заметно движется относительно неподвижных звезд. До астероида, возможно, было еще с полмиллиона километров, но по космическим масштабам это уже почти рукой подать.

Когда через шесть часов к пульту управления пришел Пул, 7794 светился в сотни раз ярче и двигался на звездном фоне так быстро, что сомневаться, он ли это, больше не приходилось. Он уже не был светящейся точкой, а превращался в ясно видимый диск.

Они глядели на этот небесный камешек, летящий к ним, с тем чувством, какое испытывают моряки в долгом плавании, когда им приходится огибать берег, на который они не могут высадиться. Хотя они отлично знали, что 7794 всего лишь безжизненная, лишенная воздуха скалистая глыба, это не умаляло их волнения. Ведь этот астероид — единственное твердое тело на всем пути до Юпитера, до которого еще оставалось больше трехсот миллионов километров.

В свой мощный телескоп они уже видели, что астероид очень неправильной формы и летит, медленно кувыркаясь. Он походил то на сплюснутый шар, то на грубо сделанный кирпич; период его вращения немногим превышал две минуты. Пятна света и тени беспорядочной рябью бежали по его поверхности, а порой она вспыхивала ослепительно, словно далекое окно на закате,— это сверкали под солнцем обнажения кристаллических пород.

Астероид мчался со скоростью около сорока пяти километров в секунду; за несколько минут, лихорадочно быстролетных, надо было суметь провести все наблюдения с самых близких дистанций. Автоматические камеры сделали десятки снимков. Отраженные от астероида сигналы навигационного радара записывались для последующего изучения. Едва успели запустить один-единственный соударяющийся зонд.

Приборов в зонде не было — никакой прибор не уцелел бы при столкновении на космических скоростях. Зонд представлял собой просто небольшую металлическую болванку. Она была запущена с корабля по траектории, пересекающейся с направлением движения астероида.

Часы отсчитывали секунды, отделявшие момент пуска от встречи зонда с мишенью, а Пул и Боумен, все больше волнуясь, ждали исхода своего эксперимента. Принципиально он был чрезвычайно прост, но точность их приборов и расчетов подвергалась при этом труднейшему испытанию — ведь надо было попасть в сорокаметровую мишень с расстояния в тысячи километров!

И вот на затемненной части астероида внезапно возникла ослепительно яркая вспышка света. Маленькая болванка ударилась о его поверхность со ско-

ростью метеорита, и вся ее энергия за какую-то долю секунды превратилась в тепло. Облачко раскаленного газа вздулось и мгновенно рассеялось в пространстве. Бортовые спектрографы «Дискавери» засняли быстро угасшие линии спектра. Там, на Земле, специалисты проанализируют их и прочтут автографы, оставленные раскаленными атомами. Так впервые будет установлен химический состав оболочки астероида.

Через час 7794 был уже не диском, а едва мерцающей звездочкой. Когда Боумен заступил на следующую вахту, астероид совсем исчез из виду.

Вокруг опять было пустынное пространство. Им предстояло лететь в полном одиночестве еще три месяца, пока навстречу не выплывут самые отдаленные, внешние луны Юпитера.

19
МИМО ЮПИТЕРА

Даже с расстояния тридцать миллионов километров Юпитер выглядел самым внушительным небесным телом из всех, что были видны впереди. Планета казалась им бледным розовато-желтым диском размером примерно в половину Луны, какой мы ее видим с Земли; на ней ясно проступали темные параллельные полосы облачных поясов. В экваториальной плоскости вокруг Юпитера обращались яркие звезды — Ио, Европа, Ганимед и Каллисто, целые миры, которые в другой части Солнечной системы вполне сошли бы за самостоятельные планеты, а здесь были лишь спутниками своего гигантского властелина.

В телескоп Юпитер ошеломлял своим величием — пятнистый разноцветный шар заполнял собой все поле зрения. Невозможно было постичь его истинные размеры. Хотя Боумен непрестанно напоминал себе, что диаметр Юпитера в одиннадцать раз больше земного, это оставалось мертвой цифрой, не имеющей реального смысла.

Но, просматривая ленты из блоков памяти ЭАЛа с материалами по Юпитеру, он нашел нечто, мгновенно создавшее представление об устрашающей огромности этого небесного тела. То была иллюстрация: развертка поверхности Земли была растянута на диске Юпитера наподобие звериной шкуры. Все океаны и континенты нашей планеты на этом фоне выглядели не больше, чем Индия на земном глобусе!

Когда Боумен довел увеличение телескопа до предела, ему показалось, что он висит над огромным слегка сплюснутым шаром, а под ним стремительно несутся облака, смазанные и вытянутые в ленты быстрым вращением гигантского мира. Порой эти ленты сплетались в сгустки, узлы или массы окрашенных паров размером в целые континенты; иногда между ними возникали и вновь таяли мосты протяженностью во многие тысячи километров. Под этими облаками скрывалось больше материи, чем во всех остальных планетах Солнечной системы. «А что еще,— размышлял Боумен,— скрывается там, внизу?»

По этому бурно изменяющемуся облачному покрову, навечно скрывшему под собой истинную поверхность планеты, время от времени скользили круг-

лые темные пятна. Это какая-нибудь из ближайших лун проходила между планетой и далеким Солнцем, и тень ее бежала за ней вслед по облачному ландшафту Юпитера.

И здесь, в тридцати миллионах километров, мчались луны Юпитера — другие, намного меньшие. Это были просто летающие горы поперечником в десятки километров, но трасса корабля не подходила близко ни к одной из них. Корабельный радар с промежутками в несколько минут посылал в пространство импульсы энергии, подобные беззвучным грозовым разрядам, и не получал ни одного отраженного сигнала из ближайших зон — вокруг было пусто.

Зато все громче звучал могучий рев — радиоголос самого Юпитера. Еще в 1955 году, на заре космической эры, астрономы с изумлением обнаружили, что Юпитер излучает колоссальную, измеряемую миллионами киловатт энергию в десятиметровом диапазоне. Это излучение было уловлено в виде беспорядочных радиошумов; источником его считали ореолы заряженных частиц, опоясывающие Юпитер наподобие земных поясов Ван-Аллена, но, конечно, несравнимо более мощные.

Иногда, в долгие одинокие часы вахты, Боумен слушал эти шумы. Он поворачивал регулятор громкости до тех пор, пока треск и шипение не начинали звучать на всю рубку. Порой на этом фоне слышались свист и писк, словно кричали обезумевшие от страха птицы. Эти звуки навевали жуть, потому что исходили не от человека; они будили острое чувство одиночества — бессмысленные, как плеск волн о берег, как раскаты дальнего грома за горизонтом...

Даже при такой огромной скорости — свыше ста пятидесяти тысяч километров в час — «Дискавери» требовалось почти две недели, чтобы пересечь орбиты всех спутников Юпитера. А их у него было больше, чем планет в Солнечной системе; лунная обсерватория каждый год открывала все новые, и теперь их насчитывалось тридцать шесть. Самый внешний из них, Юпитер XXVII, обращался по неустойчивой орбите в направлении, обратном остальным спутникам, находясь в двадцати девяти миллионах километров от своего временного повелителя. Он был «трофеем» Юпитера в его извечной, затяжной войне с Солнцем: этот исполин то и дело выхватывал себе на время луны из пояса астероидов и через несколько миллионов лет вновь утрачивал их. Только внутренние спутники оставались неотъемлемой собственностью Юпитера — Солнце было не в силах вырвать их из его власти.

И вот теперь появилась новая добыча для противоборствующих гравитационных полей. «Дискавери» с возрастающей скоростью мчался к Юпитеру по сложной траектории, вычисленной много месяцев назад астрономами на Земле и непрерывно контролируемой ЭАЛом. Время от времени экипаж ощущал слабые, еле уловимые толчки — это на миг автоматически включались струйные рули, внося мельчайшие уточнения в траекторию.

На Землю по радио шел непрерывный поток информации. Астронавты были теперь так далеко от дома, что их сигналы, даже летя со скоростью света, доходили туда только через пятьдесят минут. Вместе с ними их глазами и по их приборам все человечество следило за приближающимся Юпитером, но проходил почти целый час, пока вести об их открытиях достигали Земли.

Когда планетолет пересекал орбиты внутренних спутников — все они были больше Луны и все совершенно неизведанные,— камеры его телескопов работали не переставая. Часа за три до прохождения траверса Юпитера «Дискавери» пролетел всего в тридцати тысячах километров от его спутника Европы, и все приборы нацелились на этот мир, который сначала приближался, быстро вырастая в размерах, а затем стал уходить в сторону, превращаясь из диска в полумесяц, пока не исчез совсем в лучах Солнца.

Это небесное тело с поверхностью, равной двадцати двум миллионам квадратных километров, с Земли даже в наимощнейший телескоп казалось булавочной головкой. И теперь за считанные минуты, пока продолжалось сближение, нужно было как можно лучше использовать эту встречу, собрать и записать все сведения. Впереди у астронавтов были долгие месяцы, когда можно будет не торопясь разобраться в них.

Издали Европа выглядела огромным снежным шаром, с необычайной интенсивностью отражавшим свет далекого Солнца. Наблюдения с более близких расстояний подтвердили это: Европа, в отличие от тусклой Луны, была ослепительно белой и во многих местах покрыта сверкающими глыбами, похожими на вмерзшие айсберги. Они почти наверняка состояли из аммиака и воды, которые почему-то не были захвачены гравитационным полем Юпитера.

Лишь по экватору виднелись обнажения скальных пород; эта безжизненная пустыня, невероятно изрезанная каньонами и беспорядочными нагромождениями скал, темной полосой опоясывала весь маленький мир. Астронавты заметили несколько кратеров метеоритного происхождения, но никаких признаков вулканизма — Европа явно не имела внутренних источников тепла.

Атмосфера, как это было давно известно, отсутствовала здесь совершенно. Когда край диска Европы заслонял собой какую-нибудь звезду, она лишь на мгновение тускнела и полностью затмевалась. Только в некоторых зонах было нечто похожее на облака — вероятно, туман из капелек аммиака, несомых вязкими метановыми вихрями.

Европа скрылась за кормой столь же стремительно, как появилась, и теперь до Юпитера оставалось только два часа. ЭАЛ не раз и не два тщательно выверял траекторию корабля, и до момента наибольшего сближения дополнительно корректировать скорость не было нужды. Пул и Боумен хорошо знали это, но все же смотреть на гигантский, с каждой минутой разбухавший шар было страшновато. С трудом верилось, что «Дискавери» не врежется в эту планету, влекомый на погибель себе ее невообразимо мощным притяжением.

Наступило время запускать атмосферные зонды. Конструкторы надеялись, что они продержатся достаточно долго и успеют передать хоть небольшую информацию из-под плотного облачного покрова Юпитера. Две короткие, похожие на бомбы капсулы, покрытые абляционными теплозащитными оболочками*, были выведены слабыми реактивными импульсами на траектории, которые вначале, на протяжении первых нескольких тысяч километров, почти не отклонялись от курса «Дискавери».

* Абляционные оболочки — оболочки, состоящие из материала, уносимого при тепловом воздействии среды (абляция — унос массы за счет оплавления и испарения).

Однако мало-помалу они отошли в сторону, и наконец даже невооруженным глазом стало видно, что ЭАЛ не ошибся в расчетах. Корабль летит по траектории, близкой к касательной, он не заденет атмосферу Юпитера, и столкновение с планетой ему не грозит. Правда, разница составляла всего несколько сот километров — пустяк для небесного тела диаметром чуть ли не полтораста тысяч километров, но именно этот пустяк решал судьбу корабля.

Теперь Юпитер заполнял собой весь кругозор, он был так огромен, что ни разум, ни глаз уже не могли его охватить и отступились, признав свое бессилие. Если бы облачный покров не переливался необычайным множеством цветов и оттенков — красных, розовых, желтых, оранжевых, даже ярко-алых,— Боумен мог бы подумать, что он летит над сплошной облачностью на Земле.

Приближался миг, когда им впервые за все время полета предстояло распрощаться с Солнцем. Пусть побледневшее и маленькое, оно неизменно светило кораблю все пять месяцев с тех пор, как он покинул Землю. Но теперь траектория корабля уходила в тень Юпитера, и скоро перед ним должна была открыться ночная сторона планеты.

В тысячах километров впереди возникла и ринулась навстречу полоса сумерек, а позади Солнце быстро погружалось в юпитерианские облака. Лучи его распростерлись по горизонту, словно два пламенеющих, загнутых книзу рога, затем сошлись и утонули в мимолетном великолепии многокрасочного заката. Наступила ночь.

Но мир, лежавший под ними, не был погружен в полную тьму. Его озаряло какое-то свечение; с минуты на минуту, по мере того как глаз привыкал к нему, оно становилось все ярче. Реки тусклого света текли с одной стороны горизонта до другой, будто люминесцирующие волны за кормой судна где-нибудь в тропических морях. То здесь, то там они разливались в озера жидкого пламени, которые трепетали от могучих подспудных возмущений, вздымавшихся из потаенных глубин Юпитера. Зрелище было ошеломляюще величественным, Пул и Боумен не могли от него оторваться. «Что же это такое,— гадали они,— просто ли действие химических и электрических сил, бушующих там, в этом клокочущем котле, или проявление каких-то фантастических форм жизни?» Они задавали себе вопросы, по которым ученым предстояло спорить, вероятно, еще и в конце нового, едва народившегося столетия.

Чем глубже уходил «Дискавери» в юпитерианскую ночь, тем ярче становилось свечение планеты. Когда-то Боумену случилось лететь над северной частью Канады в разгар полярного сияния, и сейчас ему вспомнился заснеженный канадский ландшафт, такой же безотрадный и сверкающий. «А ведь там, в арктическом безлюдье,— сообразил он,— было на сто с лишним градусов теплее, чем в облачных просторах, над которыми мы проносимся сейчас».

— Сигнал земного радио быстро гаснет,— сообщил ЭАЛ.— Мы вступаем в первую зону дифракции.

Они этого ожидали, более того, изучение дифракции входило в их задачу, потому что поглощение радиоволн атмосферой Юпитера могло дать о ней ценные сведения. Но сейчас, когда они пролетали за Юпитером и связь с Землей прервалась, ими вдруг овладело гнетущее чувство одиночества. Всего один час должно было длиться непрохождение радиоволн, а потом корабль выйдет из-

за непроницаемого экрана Юпитера, и они опять смогут говорить с человечеством. Но этот час стал едва ли не самым долгим в их жизни.

Несмотря на сравнительно молодой возраст, Пул и Боумен были уже опытными астронавтами — за плечами у каждого было не меньше десятка космических полетов,— но в этой экспедиции они чувствовали себя новичками. Они пытались свершить такое, чего еще не знала история: никогда прежде космический корабль не летал на таких скоростях и не дерзал приближаться к столь мощному гравитационному полю. В эти решающие мгновения достаточно было малейшей навигационной ошибки — и «Дискавери» умчался бы к отдаленным пределам Солнечной системы без всякой надежды на спасение.

Медленно ползли минуты. Юпитер теперь высился над ними светящейся стеной, уходящей в бесконечность, а их корабль карабкался вверх, параллельно этой сияющей поверхности. И хоть они знали, что огромную скорость корабля не в силах преодолеть даже тяготение Юпитера, им все еще не верилось, что «Дискавери» не стал спутником этого чудовищного мира.

Наконец, далеко впереди, за краем планеты, забрезжило зарево. Они выходили из тени Юпитера под лучи Солнца. И почти в то же мгновение ЭАЛ объявил:

— Связь с Землей восстановлена. Рад сообщить также, что маневр с использованием возмущающей силы успешно завершен. До Сатурна нам осталось сто шестьдесят семь дней пять часов одиннадцать минут полета.

Эти цифры с точностью до минуты совпадали с предварительными расчетами; пролет по касательной мимо Юпитера был выполнен с безупречной точностью. Словно шар на некоем космическом бильярде, «Дискавери» отразился от движущегося гравитационного поля Юпитера и приобрел от этого столкновения новую энергию. Не израсходовав ни одного грамма топлива, он увеличил скорость почти на десять тысяч километров в час.

Но в этом не было никакого нарушения законов механики. Природа всегда точна в своей бухгалтерии, и Юпитер потерял ровно такое же количество движения, какое приобрел «Дискавери». Планета затормозилась, но ее масса в секстильон раз превышала массу корабля, и поэтому изменение ее скорости было настолько ничтожно, что никакие приборы уловить его не могли. Еще не пришло то время, когда Человек сумеет влиять на механику тел Солнечной системы.

Когда вокруг посветлело и бледное маленькое Солнце вновь поднялось в юпитерианском небе, Пул и Боумен пожали друг другу руки.

Хоть им самим еще не верилось, но первая часть их экспедиции была успешно завершена.

20
МИР БОГОВ

Однако с Юпитером еще не все было покончено. Далеко позади два зонда, запущенные с «Дискавери», соприкоснулись с его атмосферой.

Один из них так и не дал о себе знать — видимо, он вошел в атмосферу под слишком крутым углом и сгорел, не успев послать никакой информации. Дру-

гой оказался более удачливым: прорезав верхние слои юпитерианской атмосферы, он вновь вышел в космос; как и намечалось, потеря скорости у него была настолько значительной, что он стал падать по пологой эллиптической кривой. Двумя часами позднее он опять вошел в атмосферу на дневной стороне Юпитера на скорости около ста тысяч километров в час.

Вокруг него сейчас же образовалась оболочка раскаленного газа, и связь с ним прекратилась. Потянулись напряженные минуты ожидания. Астронавты, не отходившие от пульта, опасались, что зонд не уцелеет, так как защитная керамическая оболочка сгорит. Случись так, приборы просто испарились бы в какую-нибудь долю секунды.

Но оболочка продержалась достаточно долго, и раскаленный метеорит успел затормозиться. Обугленные остатки ее были отброшены, автомат развернул антенны и начал шарить вокруг своими электронными щупальцами. На борту «Дискавери», почти в четырехстах тысячах километров от Юпитера, радио начало приносить первые достоверные сведения об этой планете.

Каждую секунду тысячи импульсов сообщали о составе атмосферы, давлении, температуре, напряжении магнитного поля, радиоактивности и десятках других показателей, в которых могли разобраться только специалисты на Земле. Впрочем, один вид информации не требовал расшифровки — это была цветная телевизионная передача с падающего зонда.

Первые изображения начали поступать, когда зонд уже вошел в атмосферу и отбросил свою защитную оболочку. На них был виден только желтый туман, испещренный ярко-алыми пятнами, стремительно проносившимися вверх мимо объектива камеры, которая падала вместе с зондом со скоростью порядка тысячи километров в час.

Туман стал гуще; трудно было разобрать, как далеко видит объектив: на несколько сантиметров или на десятки километров — не было никаких отчетливых деталей, которые могли бы дать представление о масштабе. Космонавты уж было решили, что идея телепередачи с борта зонда потерпела крах: камера работает, но в этой туманной, взвихренной атмосфере ей ничего не увидать.

И вдруг в одно мгновение туман исчез. Зонд, вероятно, пронизал высокий слой облаков и вошел в область совершенно отчетливой видимости — может, в слой почти чистого водорода с рассеянными в нем единичными кристаллами аммиака. Хотя определить масштаб изображения все еще не удавалось, дальность обзора камеры явно измерялась километрами.

Картина, открывшаяся перед астронавтами, была столь необычной, что глазу, привыкшему к земным краскам и формам, она показалась немыслимой. Далеко-далеко внизу простиралось безбрежное золотое море, испещренное пятнами различных оттенков, рассеченное параллельными хребтами — быть может, гребнями гигантских волн. Но они не двигались; впрочем, масштабы обзора были слишком велики, чтобы можно было заметить какое-либо движение внизу. Главное заключалось в том, что все это золотое видение никак не могло быть океаном: оно находилось еще очень высоко в атмосфере. Это мог быть только еще один, лежащий ниже, слой облаков.

И тут в поле зрения камеры мелькнуло нечто странное, дразняще затуманенное расстоянием. Где-то очень далеко золотое море, вздыбившись, завер-

шалось удивительно симметричным конусом, похожим на вулкан. Вершину конуса окружал венец из маленьких пушистых облачков примерно одинакового размера, очень четких и раздельных. В них было что-то тревожащее, что-то противоестественное — впрочем, и всю эту потрясающую панораму вряд ли можно было назвать естественной.

Тут зонд, видимо увлеченный каким-то вихрем в быстро уплотняющейся атмосфере, развернулся в другом направлении, и несколько секунд на экране был один лишь золотой туман. Затем вращение прекратилось; «море» теперь было значительно ближе, но столь же загадочно, как и прежде. Кое-где на нем виднелись бесформенные черные пятна — может быть, разрывы, открывающие вид на нижние слои атмосферы.

Зонду не суждено было достичь их. С каждым километром вниз плотность газа вокруг него резко возрастала, и чем ближе к скрытой от глаза поверхности планеты он опускался, тем больше становилось давление. Он был еще высоко над таинственным морем, как вдруг изображение на экране корабля мигнуло, а затем и вовсе исчезло: в это мгновение первый исследователь с Земли был раздавлен весом многокилометрового слоя атмосферы над ним.

За свою короткую жизнь зонд дал беглое представление, может быть, об одной миллионной доле тайн Юпитера, далеко не достигнув его поверхности, находившейся в сотнях километров ниже, под сгущающимся туманом. Когда изображение на экране погасло, Боумену и Пулу долго не хотелось говорить: одна и та же мысль завладела обоими.

Древние и впрямь были ближе к истине, чем могли предполагать, когда присвоили этому миру имя повелителя богов. Если там внизу, на его поверхности, есть жизнь, сколько времени потребуется людям на то, чтоб хотя бы обнаружить ее? А затем — сколько пройдет веков, пока люди смогут последовать за этим пионером? И какой корабль они для этого придумают?

Но экипажу «Дискавери» некогда было заниматься этими вопросами. Его путь лежал к другому, еще более странному миру, отделенному от Солнца вдвое большим расстоянием. И до него было еще восемьсот миллионов километров пустынного пространства, куда залетали одни лишь кометы.

IV
БЕЗДНА

21
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Знакомые звуки песенки «С днем рождения», переброшенные со скоростью света через миллиард с лишним километров космического пространства, прозвенели в тесной рубке и угасли где-то между контрольными экранами и приборами. На телевизионном экране семья Пула, несколько напряженно сидящая вокруг именинного пирога, погрузилась в молчание.

Помолчав немного, мистер Пул-старший сипло сказал:

— Ну что же, Фрэнк, не могу придумать, что еще тебе сказать сейчас... Скажу одно: мы мысленно с тобой и желаем тебе всяческого счастья в твой день рождения.

— Береги себя, родной,— вставила миссис Пул голосом, полным слез.— Благослови тебя Бог.

Затем все нестройным хором крикнули: «До свиданья!», и экран померк. «Как странно,— подумал Пул,— что все это на самом деле было больше часа назад, а сейчас родные уже разъехались и кое-кто из них катит по дорогам далеко от родительского дома». Это запаздывание сигналов связи хотя и могло быть иногда мучительным, вместе с тем таило в себе великое благо. Как и все люди его века, Пул считал само собой разумеющимся, что он может в любую минуту переговорить, с кем ему вздумается. Но здесь не Земля, здесь все по-другому, и эта перемена оказала на него сильнейшее психологическое воздействие. Он ощутил себя в каком-то ином измерении, и почти все нити эмоциональных связей растянулись и, не выдержав напряжения, порвались.

— Прошу извинить, что прерываю празднество,— сказал ЭАЛ,— но у меня важное дело.

— Что случилось? — в один голос спросили Боумен и Пул.

— Испытываю затруднение в поддержании контакта с Землей. Неполадки в блоке АЕ-35. По данным моего центра аварийных прогнозов, в ближайшие семьдесят два часа блок может отказать.

— Мы займемся им,— ответил Боумен.— Посмотри, как обстоит дело с оптической наводкой.

— Готово, Дэйв. Пока еще наводка в полном порядке.

На контрольном экране появился полумесяц безупречной формы, очень яркий на черном, почти беззвездном фоне. Он был закрыт облаками, на нем не проступало никаких географических контуров, которые можно было бы узнать. С первого взгляда можно было принять его за Венеру.

Но только с первого взгляда, потому что рядом была Луна, которой у Венеры нет, настоящая Луна, примерно вчетверо меньше Земли и точно в той же фазе. Их очень легко было принять за мать и дитя, как и считали многие астрономы раньше, пока изучение лунных пород не показало, что Луна никогда не была частью Земли.

С полминуты Боумен и Пул молча изучали экран. Это изображение передавала на пульт управления длиннофокусная телевизионная камера, укрепленная на ободе большой параболической антенны. Перекрестье, наложенное центром на изображение Земли, указывало, что антенна ориентирована точно. Ведь если узкий карандашик луча не был бы наведен точно на Землю, они не смогли бы ни передавать, ни принимать передач. Сигналы, посланные в обоих направлениях, не попадали бы на антенны и улетали бы, унося с собой нераскрытыми слова и образы сквозь всю Солнечную систему в бескрайнюю пустоту, простирающуюся за ней. Если бы они и были когда-нибудь приняты, то лишь через столетия — и конечно, не землянами...

— Ты знаешь, где неполадки? — спросил Боумен.

— Неполадки перемежающиеся,— ответил ЭАЛ,— и я не могу уточнить, где именно. По-видимому, в блоке АЕ-35.

— Что ты предлагаешь?

— Лучше всего заменить блок запасным, а снятый проверить.

— Ладно. Дай нам подтверждающую запись.

На контрольном экране высветились все необходимые данные, и одновременно из прорези под экраном выскользнул лист бумаги. При всех электронных методах считывания и регистрации бывали случаи, когда добрый старый печатный текст оказывался все же самой удобной формой записи.

Боумен глянул на схемы и присвистнул.

— Что же ты не сказал нам раньше, что надо выходить из корабля?

— Извините,— прозвучал голос ЭАЛа.— Я считал, вы знаете, что блок АЕ-35 находится в опоре антенны.

— Наверно, знал год назад. Как-никак на корабле восемь тысяч подсистем. Ну ладно, задача как будто нехитрая. Нужно только вскрыть панель и вставить новый блок.

— Меня это вполне устраивает,— сказал Пул, на которого расписанием обязанностей возлагались мелкие работы вне корабля.— Я не прочь переменить обстановку для разнообразия. Только не подумай, что ты мне надоел.

— Надо еще запросить согласие Центра управления,— сказал Боумен.

Он чуть помолчал, собираясь с мыслями, и включил передатчик.

— Центр управления, говорит Икс-Дельта-Один. В два-ноль-пять центр аварийных прогнозов нашего бортового компьютера девять три нуля показал вероятность аварии блока Альфа-Енох-три-пять в ближайшие семьдесят два часа. Прошу просмотреть ваш телеметрический контроль и проверить блок моделирующей установки. Подтвердите также ваше согласие на наш план выхода из корабля и замены блока Альфа-Енох-три-пять. Пункт управления, говорит Икс-Дельта-Один, номер два-один-ноль-три, передача окончена.

За долгие годы практики Боумен наловчился мгновенно и без малейшего напряжения переходить на радиожаргон и возвращаться к нормальной человеческой речи. Теперь оставалось только ждать подтверждения, которое могло прийти не раньше чем через два часа — столько времени требовалось сигналам на путь туда и обратно, через орбиты Юпитера и Марса.

Ответ пришел, когда Боумен, чтобы убить время, играл с ЭАЛом в одну из геометрических игр, пытаясь победить его.

— Икс-Дельта-Один, говорит Центр управления, подтверждаем прием вашей два-один-ноль-три. Проверяем телеметрическую информацию на нашей моделирующей установке, результат сообщим. Одобряем ваш план выхода из корабля и замены блока Альфа-Енох-три-пять, не ожидая возможной аварии. Разрабатываем для вас процедуру проверки аварийного блока.

Покончив с серьезными делами, руководитель Центра управления перешел на нормальный язык.

— Очень досадно, друзья, что у вас возникла маленькая неполадка. Понимаем, у вас хватает забот и без того, но у нас тут есть запрос из Бюро общественной информации. Не можете ли вы до выхода из корабля передать нам коротенькую запись для широкой публики? Расскажите, что случилось,

и объясните, что это за блок. Постарайтесь, чтобы все звучало пободрее. Мы могли бы, конечно, и сами, но от вас это будет намного убедительнее. Надеемся, что не сильно помешали вашей светской жизни. Икс-Дельта-Один, говорит Центр управления, номер два-один-пять-пять, передача окончена.

Боумен не мог удержаться от улыбки. Земля проявляла иногда поразительную нечуткость и бестактность. «Чтобы звучало пободрее...» Легко сказать!

Когда Пул поспал положенное время и пришел в рубку, они вдвоем минут за десять составили и отредактировали текст сообщения. На первых порах газеты, радио, телевидение не давали им покоя, у них брали интервью, запрашивали их мнения, ловили любое их слово. Но неделя за неделей проходила без всяких происшествий, сигналы запаздывали уже не на минуты, а больше чем на час, и интерес к экспедиции постепенно остыл. После ажиотажа, вызванного с месяц назад пролетом мимо Юпитера, они передавали для прессы только три или четыре записи.

— Центр управления, говорит Икс-Дельта-Один, получите сообщение для прессы: «Сегодня, несколько часов назад, возникла незначительная техническая проблема. Наш компьютер ЭАЛ-9000 предсказал аварию блока АЕ-35. Этот блок — небольшая, но важная часть системы связи. Он обеспечивает наводку нашей главной антенны на Землю с точностью до нескольких тысячных градуса. Такая точность необходима потому, что на нынешнем нашем удалении — более миллиарда километров — Земля представляет собой всего лишь слабенькую звездочку и узкий направленный луч нашей радиостанции легко может не попасть на нее.

Антенна непрерывно следит за Землей; ее вращают моторы, управляемые центральным компьютером. Но моторы эти получают приказы через блок АЕ-35, который можно сравнить с нервным узлом в теле человека, передающим приказы мозга руке или ноге. Если нерв не передаст правильных сигналов, рука или нога не станет работать. В нашем случае авария блока АЕ-35 может привести к тому, что антенна будет направлена куда попало. Так часто случалось с дальними космическими зондами в прошлом веке. Они долетали до других планет, но не могли послать никакой информации, потому что их антенны не могли найти Землю.

Мы еще не знаем характера неисправности, но положение никак нельзя считать серьезным, и оснований для тревоги нет. У нас таких запасных блоков два, к тому же срок эксплуатации у каждого — двадцать лет, поэтому вероятность того, что и второй блок откажет в ходе нашей экспедиции, совершенно ничтожна. Кроме того, когда мы узнаем, в чем причина обнаруженной неисправности первого блока, мы, возможно, сумеем его исправить.

Фрэнк Пул, получивший специальную подготовку для такой работы, выйдет из корабля и заменит поврежденный блок запасным. Заодно он проверит состояние оболочки и заделает микропробоины, которые были слишком незначительны, чтобы выходить только ради их.

Если не считать описанной мелкой неисправности, полет по-прежнему протекает без происшествий, на что мы рассчитываем и в дальнейшем».

Центр управления, говорит Икс-Дельта-Один, номер два-один-ноль-четыре, передача окончена.

22
ВЫЛАЗКА

На «Дискавери» имелись шарообразные капсулы, или «космические гондолы», диаметром около двух с половиной метров. Перед кабиной пилота «фонариком» выступал над поверхностью сферы большой иллюминатор, дававший отличный обзор. Главный ракетный двигатель создавал тягу, соответствующую одной пятой ускорения земной силы тяжести,— этого было достаточно, чтобы капсулы могли взлетать на Луне, а маломощные струйные рули обеспечивали управление. Непосредственно под иллюминатором были укреплены две пары металлических шарнирных «рук»-манипуляторов: одна — для тяжелых работ, другая — для мелких операций, требующих точности движений. Кроме того, в каждой капсуле была выдвижная телескопическая турель с набором электрифицированных инструментов — отверткой, перфоратором, пилой, сверлом и прочим.

Эти космические гондолы никак нельзя было назвать особо элегантными экипажами, но они были незаменимы при выполнении строительных и ремонтных работ в открытом космическом пространстве. Обычно им давались женские имена, вероятно, потому, что иногда они вели себя несколько непредвиденным образом. Тройка, имевшаяся на «Дискавери», носила имена «Анна», «Бетти» и «Клара».

Облачившись в скафандр — так сказать, последнюю линию его обороны от космической пустоты — и забравшись в гондолу, Пул минут десять внимательно проверял все приборы управления. Он опробовал рули, разгибал и сгибал шарниры манипуляторов, проверил запасы кислорода, топлива, электроэнергии. Убедившись, что все в полном порядке, подал по радио команду ЭАЛу. Конечно, Боумен у пульта управления неотрывно наблюдал за всем, но, пока не было ошибки или неисправности, ни во что не вмешивался.

— Говорит «Бетти». Начать откачку,— скомандовал Пул.

— Есть начать откачку,— повторил ЭАЛ, и Пул услышал, как начали пульсировать насосы, откачивая драгоценный воздух из шлюзовой камеры. Вскоре послышалось потрескивание и пощелкивание — это тонкая металлическая обшивка гондолы отзывалась на перемену давления.

Минут через пять ЭАЛ доложил:

— Откачка закончена.

Пул в последний раз глянул на крохотную приборную доску гондолы. Все было в порядке.

— Открыть наружный люк,— приказал он.

ЭАЛ снова повторил приказ; в любой миг Пулу достаточно было сказать «Стоп!» и ЭАЛ тотчас прекратил бы выполнение операций.

Наружные стенки шлюза раздвинулись. Пул ощутил, как слегка качнулась капсула — это последние остатки воздуха вырвались из камеры в космос. Он увидел перед собой звезды, и по прихоти случая с этого же борта оказался и Сатурн — маленький золотой диск, до которого оставалось еще почти шестьсот пятьдесят миллионов километров.

— Начать вывод гондолы!

Балка, на которой была подвешена капсула, стала очень медленно выдвигаться сквозь открытый люк до тех пор, покуда капсула не повисла над бездной вне корабля.

Пул дал краткий, в полсекунды, импульс главным двигателям, капсула плавно соскользнула с балки и стала независимым космическим корабликом, вышедшим на собственную орбиту вокруг Солнца. Теперь у него не было никакой связи с «Дискавери» — никакой, даже страховочного фала! Впрочем, с гондолами редко случались аварии, а если бы Пул даже застрял в космосе, Боумен легко мог выйти наружу и выручить его.

«Бетти» отлично повиновалась рулям. Пул дал ей отплыть метров на тридцать, притормозил и развернулся лицом к кораблю. Потом начал осматривать герметическую оболочку жилой сферы.

Прежде всего он заметил небольшое оплавление металла оболочки — пятнышко чуть более сантиметра диаметром, с крошечным кратером посредине. Частица космической пыли, ударившая туда на скорости более полутораста тысяч километров в секунду, была, наверно, меньше булавочной головки, и огромная кинетическая энергия, несомая ею, мгновенно превратила ее в пар. Как это часто бывает, кратер выглядел так, будто он образован взрывом внутри оболочки: на таких скоростях материалы ведут себя странно и привычные законы ньютоновой механики редко применимы.

Пул тщательно обследовал оплавленную зону и залил ее герметизирующим веществом из баллончика, который имелся в сумке с ремонтными материалами. Белая клейкая жидкость пленкой растеклась по металлу, закрыв кратер. Уходивший из пробоины воздух вздул пленку пузырьком, который начал расти и наконец, раздувшись чуть ли не до пятнадцати сантиметров, лопнул, за ним вздулся еще один, но уже значительно меньше; быстро твердеющий цемент сделал свое дело, и пузырек осел. Пул еще несколько минут пристально следил за пробоиной, но больше никаких признаков утечки не было. Все же он для верности наложил сверху еще один слой жидкости и отправился к антенне.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы облететь вокруг сферического корпуса «Дискавери», потому что он шел не быстро — со скоростью около одного метра в секунду. Спешить было некуда, а развивать большую скорость так близко от корабля — опасно. Приходилось все время остерегаться, как бы не задеть всякие датчики и подвески для приборов, торчавшие из корпуса в самых неожиданных местах, да и плазменная струя реактивного двигателя «Бетти» требовала особой осторожности. Она могла причинить немало вреда, если бы невзначай ударила в какой-нибудь хрупкий прибор.

Добравшись наконец до антенны дальней связи, Пул внимательно огляделся. Большая шестиметровая чаша антенны казалась наведенной прямо на Солнце, потому что Земля была почти на одной линии с солнечным диском. Поэтому основание антенны с находящимся в нем ориентационным устройством было закрыто от Солнца огромным блюдцем антенны и тонуло во тьме.

Пул подплыл к антенне сзади; он не хотел заходить со стороны зеркала антенны, чтобы корпус «Бетти» не перекрыл луч и не вызвал, хотя бы ненадолго, досадного перерыва связи с Землей. Поэтому он включил фары капсулы и осветил ту часть основания, где ему предстояло поработать.

Вот и она — небольшая металлическая крышка, под которой таилась причина неисправности. Крышка крепилась четырьмя гайками, а конструкция самого блока АЕ-35 предусматривала возможность быстрой его замены, так что особых сложностей Пул не предвидел.

Было ясно, однако, что из капсулы он эту работу проделать не сможет. Во-первых, опасно маневрировать на «Бетти» так близко от легкого, паутинного каркаса антенны, а кроме того, рули капсулы легко могли своими струями покоробить тончайший металл ее зеркала. Пул решил оставить капсулу в пятишести метрах от антенны и выйти в космос в скафандре. Помимо всего, руками, пусть в перчатках, легче и быстрее заменить блок, чем с помощью дистанционных манипуляторов, которыми оснащена была «Бетти».

Обо всем этом он подробно доложил Боумену, и тот дважды проверил порядок выполнения всех операций. Правда, работа предстояла простая, вполне заурядная, но в космосе нельзя ничего принимать на веру, нельзя пренебрегать ни одной мелочью. Здесь не существовало такого понятия, как «мелкая» ошибка.

Получив «добро» на проведение работы, Пул оставил капсулу в шести метрах от основания антенны. Она не могла сама уплыть в космос, но для надежности Пул защелкнул хвататель одного манипулятора за перекладину металлической лестницы; такие лестницы короткими секциями были продуманно размещены на разных участках оболочки.

Проверив все системы скафандра, Пул стравил воздух из капсулы. Когда он, шипя, вырвался из «Бетти» наружу, вокруг на миг возникло, застлав звезды, облачко ледяных кристаллов.

Перед выходом из капсулы предстояло выполнить еще одну операцию. Пул переключил управление капсулой с ручного на дистанционное, тем самым передав «Бетти» под контроль ЭАЛа. Это была обычная мера предосторожности: хотя Пул и был привязан к капсуле тонким, словно нити, пружинным фалом огромной прочности, но, как известно, иногда даже крепчайшие страховочные фалы подводят. Он выглядел бы довольно глупо, если бы не мог вытребовать к себе свой кораблик, когда тот ему понадобится. Теперь для этого достаточно отдать приказ ЭАЛу.

Пул распахнул люк капсулы и выплыл в молчание космоса, разматывая за собой фал. «Не торопись. Не делай резких движений. Остановись и подумай» — таковы были правила работы вне корабля. Если их соблюдать, не будет никаких неприятностей.

Ухватившись за одну из ручек, укрепленных на обшивке «Бетти», Пул вынул запасной блок из сумки для грузов, которая была пристроена снаружи, как у кенгуру. Никаких инструментов из набора капсулы он брать не стал — они были рассчитаны на манипуляторы, а не на человеческие руки, а все торцовые и раздвижные ключи, которые могли понадобиться, уже висели у него на поясе.

Легонько оттолкнувшись, Пул послал свое тело к карданной опоре огромной чаши, отгораживавшей его от Солнца. Он плыл вдоль лучей, отбрасываемых фарами, и раздвоенная тень его плясала, нелепо кривляясь, на выпуклой внешней поверхности зеркала. К своему удивлению, он обнаружил, что

тыльная сторона зеркала во многих местах сверкала мельчайшими, но ослепительными точечками света.

Он ломал голову, что бы это значило, пока плыл к антенне, и наконец понял, в чем дело. За время полета зеркало было пробито множеством микрометеоритов, и через эти крохотные пробоины светило Солнце. Конечно, они все были так малы, что не могли сколько-нибудь заметно отразиться на качестве связи с Землей.

Пул двигался очень медленно, он легко предотвратил слабый удар тела об основание антенны, выставив вперед руку, и тут же ухватился ею за стойку, чтобы его не отнесло назад. Потом защелкнул карабин своего страховочного пояса за ближайшую скобу: теперь у него было на что опереться во время работы. Передохнув, он доложил Боумену обстановку и прикинул, как действовать дальше.

Было одно маленькое затруднение: он стоял — или плавал — так, что сам себе заслонял свет и работать пришлось бы вслепую. Поразмыслив, он приказал ЭАЛу сдвинуть фары в сторону и после нескольких попыток добился ровного освещения за счет отражения лучей фар от тыльной поверхности зеркала.

Несколько секунд Пул разглядывал небольшую металлическую крышку, прикрепленную четырьмя зашплинтованными гайками.

Шутливо пробормотав себе под нос: «При вскрытии прибора лицами, на то не уполномоченными, фабричная гарантия аннулируется», он обрубил шплинты и принялся отвертывать гайки. Размер у них был стандартный, и к ним подошел ключ с нулевым моментом кручения, имевшийся в комплекте скафандра. Внутренний механизм этого ключа поглощал реакцию, так что тому, кто пользовался им в условиях невесомости, не угрожала опасность вертеться самому вокруг ключа, вместо того чтобы отвертывать гайку.

Гайки отвинтились без труда, и Пул предусмотрительно убрал их в карман. (Кто-то предсказал, что когда-нибудь вокруг Земли образуется кольцо, как у Сатурна, состоящее исключительно из болтов, крепежных деталей и даже инструментов, упущенных беспечными монтажниками орбитальных конструкций.) Крышка сначала никак не отходила, и Пул испугался было, что она приварилась — в вакууме возможна такая холодная сварка. Но после нескольких ударов крышка поддалась, и он прикрепил ее к стойке антенны надежным зубчатым зажимом.

Теперь ему стала видна электронная блок-схема АЕ-35. Это была тонкая пластинка величиной с почтовую открытку, зажатая в щелевидной нише, куда она плотно входила. Блок удерживался на месте двумя задвижками, а наружная ручка позволяла легко извлечь его оттуда.

Блок продолжал работать, питая моторы антенны импульсами, которые обеспечивали ее наводку на далекую тусклую точечку, именуемую Землей. Если его вынуть, управление антенной прервется и здоровенная чаша развернется в нейтральную позицию, то есть на нулевой азимут, так что ее ось встанет параллельно оси корабля. Это было бы просто опасно — зеркало могло сильно ударить Пула при развороте.

Чтобы избежать этой угрозы, нужно было только выключить питание моторов — тогда антенна не шевельнется, если, конечно, сам Пул не сшибет ее.

Пока он будет менять блок, наводка на Землю не собьется — за эти две-три минуты положение ее относительно звезд существенно не изменится.

— ЭАЛ,— сказал Пул по радио,— я сейчас буду вынимать блок. Выключи питание управления антенной.

— Питание управления антенной выключено,— доложил ЭАЛ.

— Отлично. Вынимаю блок.

Пластинка легко вышла из прорези; ее не заело, ни один из десятков скользящих контактов не зацепился. Через минуту запасной блок стоял на месте.

Но Пул не стал рисковать. Он осторожно оттолкнулся от основания антенны — на случай, если огромное зеркало «взбесится», когда включат ток. Оказавшись на безопасном расстоянии, скомандовал ЭАЛу:

— Новый блок на месте. Включай питание!

— Питание включено,— ответил ЭАЛ.

Зеркало антенны не шелохнулось.

— Проведи проверку на прогноз аварии.

Микроскопически слабые импульсы заметались по схеме блока, ища возможные неисправности, испытывая сотни его компонентов, чтобы удостовериться, что все их параметры находятся в пределах установленных допусков. Все это, конечно, было проделано много раз еще на заводе, до выпуска блока, но то было два года назад и в миллиарде километров отсюда. Иной раз трудно было себе представить, *что* может отказать в твердых электронных схемах,— и все же они отказывали. Не прошло и десяти секунд, как ЭАЛ доложил:

— Блок совершенно исправен.

За эти секунды он провел столько испытательных замеров, сколько не успела бы сделать добрая сотня живых операторов.

— Очень хорошо! — весело сказал Пул.— Ставлю крышку на место.

Этот этап работы вне корабля нередко оказывался самым опасным: когда основные операции позади и остается только, если можно так выразиться, прибрать за собой и возвратиться в корабль, именно тогда легче всего допустить ошибку. Но Фрэнк Пул не стал бы участником этой экспедиции, если бы не был осторожен и осмотрителен. Он работал неторопливо. Правда, одна из гаек едва не уплыла от него, но он успел ее схватить метрах в полутора от себя.

Через пятнадцать минут он уже плыл на гондоле в «гараж», совершенно уверенный, что выполнил работу, которую больше не придется переделывать.

В этом, однако, он самым печальным образом заблуждался.

23
ДИАГНОЗ

— Уж не хочешь ли ты сказать,— воскликнул Пул, скорее удивленный, чем раздосадованный,— что я зря старался?

— Похоже на то,— ответил Боумен.— Испытания показали, что блок вполне исправен. Даже при двойной нагрузке прогноз не сулит никаких аварий.

Астронавты стояли в маленькой мастерской — она же лаборатория — в карусельной части жилой сферы. Заниматься мелким ремонтом и осмотром де-

талей тут было гораздо удобнее, чем в «гараже». Можно было не опасаться, что шарики расплавленного олова поплывут по воздуху, а мелкие детали и вовсе потеряются, воспользовавшись открытым шлюзом, чтобы выйти на собственную орбиту. В «гараже» при невесомости такое легко могло случиться — и случалось не раз.

Тонкая пластинка блока АЕ-35 лежала на рабочем столе под мощной лупой. Она была вложена в стандартную контактную оправку, от которой тянулся пучок разноцветных проводов к автоматическому тестеру — прибору не крупнее обычного настольного компьютера. Для испытания или проверки какой-либо схемы достаточно было подключить к ней тестер, вставить в него соответствующую карточку из картотеки поиска неисправностей и нажать кнопку. Обычно на небольшом экране указывалось, где находится неисправность и как ее устранить.

— Попробуй сам,— сказал Боумен. В его голосе почему-то звучало беспокойство.

Пул повернул ручку с надписью «Выбор перегрузки» на деление «× 2», включив тем самым двойную нагрузку на блок, и нажал кнопку, на которой было написано «Испытание». На экране мгновенно вспыхнула надпись «Блок исправен».

— Хватит, я думаю,— сказал Пул.— Если дальше нагружать, он у нас просто перегорит, это ничего не докажет. В чем же тут дело, по-твоему?

— Может, ошибся прогностикатор?

— Нет уж, скорее дурит тестер. Так или иначе, береженого бог бережет. Раз есть хотя бы малейшее сомнение, мы правильно сделали, что заменили блок.

Боумен отключил блок и поднес его к лампочке. Похожая на вафлю полупрозрачная пластинка, пронизанная замысловатой сетью цветных проволочек и испещренная точками микрокомпонентов, напоминала произведение абстрактного искусства.

— Рисковать мы не можем — ведь это же наша связь с Землей. Я спишу его как негодный и выброшу на склад лома. Пускай потом с ним маются другие, когда мы вернемся домой.

Но маяться пришлось им самим, и притом гораздо раньше — когда они получили очередную радиограмму с Земли...

— Икс-Дельта-Один, говорит Центр управления, отвечаем на вашу два-один-пять-пять. У нас с вами возникло небольшое осложнение. Ваш доклад об исправности Альфа-Енох-три-пять согласуется с нашим диагнозом. Неполадка могла быть в цепях самой антенны, но это было бы легко установлено другими проверками. Есть еще одна вероятность, возможно более серьезная. Ваш ЭАЛ мог ошибочно предсказать аварию. Оба наши компьютера на основе заложенной в них информации дали такое заключение. Причин для особой тревоги нет, но мы просим вас следить, не будет ли других отклонений от нормальной работы. За последние несколько дней у нас был повод заподозрить некоторые мелкие аномалии, но не столь существенные, чтобы требовалось принять немедленные меры, а главное, мы не обнаружили в них ка-

кой-либо очевидной закономерности и потому не могли сделать определенных выводов. Продолжаем проверку на наших компьютерах, результаты сообщим. Повторяем: для тревоги оснований нет, в худшем случае придется временно отключить ваш ЭАЛ для проверки программирования и передать управление на один из наших компьютеров. Запаздывание сигнала, конечно, осложнит дело, но мы изучили эту возможность и убедились, что на этой стадии полетом можно вполне успешно управлять с Земли. Передача окончена.

Фрэнк Пул, стоявший на вахте, когда пришла эта радиограмма, задумался над ней и молчал. Он ждал, что скажет ЭАЛ, но тот не попытался опровергнуть обвинение. Что же, если ЭАЛ сам не завел разговор об этом, Пул и подавно не собирался начинать.

Вахта Пула уже почти закончилась. Обычно он ждал, когда Боумен придет к нему в рубку, но на сей раз нарушил заведенный порядок и сам отправился в карусель.

Боумен уже был на ногах и наливал себе кофе. Пул не очень жизнерадостно пожелал ему доброго утра. Проведя столько месяцев в космосе, они все еще вели счет на земные сутки, хотя уже давно перестали помнить дни недели.

— С добрым утром,— отозвался Боумен.— Как дела?

— Неплохо,— буркнул Пул, потянув к себе кофейник.— Ты уже проснулся?

— Вполне. Что случилось?

Они отлично понимали друг друга, и каждый тотчас угадывал, когда что-нибудь было неладно. Малейшее нарушение повседневного распорядка одним немедленно настораживало другого.

— Так вот,— неторопливо заговорил Пул,— Центр управления сбросил на нас маленькую бомбочку.— Он понизил голос, словно врач, обсуждающий болезнь в присутствии больного.— Кажется, у нас на борту легкий случай ипохондрии.

Боумен все же, видимо, не совсем проснулся — слова Пула дошли до него только через несколько секунд.

— Что?.. Ах так!.. А еще что они сказали?

— Что оснований для тревоги нет. Они повторили это дважды. Лично у меня от этого уверенности не прибавилось, скорее наоборот. И еще сказали, что подумывают, не перейти ли временно на управление с Земли, пока они будут проверять программу.

Оба, конечно, знали, что ЭАЛ слышит каждое их слово, и потому не могли не прибегать к деликатно-уклончивым выражениям. ЭАЛ был их коллегой, и им не хотелось его огорчать, а таиться от него казалось пока преждевременным.

Боумен молча доедал завтрак. Пул вертел в руках пустой кофейник. Оба лихорадочно размышляли, но говорить больше было не о чем.

Оставалось только ждать очередной радиограммы из Центра управления и еще гадать, не заговорит ли об этом сам ЭАЛ. Так или иначе, атмосфера на корабле в чем-то неуловимо изменилась. Над людьми словно нависла гнетущая тяжесть, ими впервые овладело предчувствие какой-то беды.

«Дискавери» перестал быть счастливым кораблем.

24
ПРЕРВАННАЯ ЦЕПЬ

Теперь можно было легко определить, когда ЭАЛ собирается сделать какое-нибудь непредвиденное сообщение. Обычные, повседневные сведения или ответы на заданные ему вопросы выскакивали без запинки, но если он готовился выдать информацию, исходящую от него самого, ей предшествовало своего рода электронное откашливание. Эта слабость проявилась у компьютера за последние несколько недель; люди не спешили с лечением, поскольку она пока не слишком им докучала. Пожалуй, она даже была полезна: это был сигнал, предупреждавший, что сейчас последует непредвиденное известие.

Пул отсыпался, Боумен читал, сидя в рубке, как вдруг ЭАЛ заговорил:

— Гм... Дэйв, у меня есть сообщение.

— В чем дело?

— Второй блок АЕ-35 тоже неисправен. Мой прогностикатор предсказывает аварию в ближайшие двадцать четыре часа.

Боумен отложил книгу и задумчиво уставился на экран, укрепленный на консоли. Он, конечно, знал, что ЭАЛа — понимай под этим словом что хочешь — здесь на самом деле нет. Если и можно сказать, что «личность» ЭАЛа имеет какое-то свое место в пространстве, то оно — близ центральной оси карусели, в особой опечатанной камере, которая битком набита хитроумно соединенными между собой блоками памяти и сетками перерабатывающих устройств. Но при разговоре с ЭАЛом в рубке у астронавтов возникла совершенно непреодолимая потребность смотреть на его главный экран, как бы беседуя с компьютером лицом к лицу. Им казалось, что поступать иначе было бы просто невежливо.

— Не понимаю, в чем дело, ЭАЛ. Не могут же за два дня отказать два блока подряд?

— Это действительно очень странно, Дэйв. Но уверяю вас, блоку грозит авария.

— Посмотрим, как с оптической наводкой.

Боумен прекрасно знал, что это ничего не докажет, но ему нужно было время подумать. Долгожданный ответ с Земли еще не пришел, и сейчас был, пожалуй, удобный случай осторожно прощупать ЭАЛа.

На экране появились знакомые контуры Земли, уже не в фазе полумесяца: она ушла за Солнце и поворачивалась к кораблю освещенной стороной. Перекрестье лежало точно на центре диска — значит, тонкий лучик по-прежнему связывал «Дискавери» с родной планетой. Боумен и не ожидал ничего иного. При самой маленькой заминке в связи немедленно раздался бы сигнал тревоги.

— У тебя есть какие-нибудь соображения? — спросил Боумен.— В чем причина неисправности?

Долгая пауза, совершенно необычная для ЭАЛа. Наконец он ответил:

— Нет, Дэйв. Как я уже докладывал, я не могу установить место повреждения.

— А ты вполне уверен, что не ошибся? — сдержанно начал Боумен.— Ты ведь знаешь, мы очень тщательно испытали снятый блок и не нашли никаких неисправностей.

— Да, я знаю. Но уверяю вас, повреждение есть. Если не в блоке, то где-нибудь во всей подсистеме.

Боумен задумчиво побарабанил пальцами по консоли. Да, это возможно, хотя докопаться сейчас вряд ли удастся; пока авария не произошла, место повреждения не обнаружить.

— Ладно, я доложу на Землю, посмотрим, что они скажут.

Он помолчал, но ЭАЛ не отозвался.

— Послушай, ЭАЛ,— снова спросил Боумен,— может, тебя что-нибудь беспокоит? Что-нибудь такое, чем можно объяснить эти наши затруднения?

Снова необычно долгое молчание. Наконец ЭАЛ заговорил с нормальной интонацией:

— Послушайте, Дэйв, я понимаю, что вы хотите мне помочь. Но я утверждаю: погрешность либо в системе антенны, либо в вашей методике проверки. Я обрабатываю информацию совершенно правильно. Проверьте мой формуляр, вы увидите, что там нет ни одной ошибки.

— Я хорошо знаю твой формуляр, но он не доказывает, что ты прав. Ошибиться может всякий.

— Не хочу быть настойчивым, Дэйв, но я не способен ошибиться.

Возражать было неблагоразумно, и Боумен решил прекратить спор.

— Ладно, ЭАЛ,— довольно торопливо сказал он,— я понял твою точку зрения. На этом и порешим.

Ему хотелось добавить: «И давай забудем весь этот разговор». Но что-что, а уж забывать ЭАЛ был совершенно не способен.

Растрачивать энергию на передачу изображения было совсем не в правилах Центра управления. Для всех деловых целей вполне хватало голосовой передачи с подтверждающей телетайпной записью. К тому же на экране появилось лицо не дежурного контролера, а главного программиста — доктора Саймонсона. И астронавты поняли сразу, что пришла беда.

— Хелло, Икс-Дельта-Один, говорит Центр управления. Мы закончили анализ ваших затруднений с блоком АЕ-35. Показания обоих наших компьютеров согласуются. Доклад относительно прогноза второй аварии, переданный в вашей два-один-четыре-шесть, подтверждает диагноз.

Как мы и подозревали, блок АЕ-35 не поврежден и заменять его не нужно. Причина неполадок — в прогностических цепях и, по нашему мнению, указывает на какие-то противоречия в программе. Устранить их мы можем только при условии, что вы отключите ваш ЭАЛ и перейдете на управление с Земли. Поэтому начиная с двадцати двух ноль-ноль корабельного времени проведите следующие меры...

Голос Земли вдруг оборвался, изображение на экране исчезло. В то же мгновение раздался сигнал тревоги, а на фоне его завывания — голос ЭАЛа:

— Тревога! Тревога!

— Что случилось? — крикнул Боумен, хотя уже знал, каков будет ответ.

— Авария блока АЕ-35, как я и предсказывал.

— Покажи оптическую наводку.

Впервые с начала полета картина изменилась. Земля начала уходить от перекрестья — антенна уже не была нацелена на свою мишень.

Пул двинул кулаком по выключателю сигнала тревоги, и вой смолк. Внезапная тишина гнетуще нависла над рубкой. Пул и Боумен глядели друг на друга, встревоженные и растерянные.

— Черт побери! — вырвалось у Боумена.

— Выходит, ЭАЛ был прав с самого начала.

— Да вроде так. Пожалуй, надо извиниться перед ним.

— В этом нет необходимости,— вмешался ЭАЛ.— Естественно, я огорчен, что блок АЕ-35 отказал, но надеюсь, это восстановит ваше доверие к моей надежности.

— Я очень сожалею об этом недоразумении, ЭАЛ,— сказал Боумен с ноткой раскаяния в голосе.

— Я могу считать, что доверие ко мне полностью восстановлено?

— Конечно, ЭАЛ.

— Очень рад. Вы знаете, что я с величайшим энтузиазмом отношусь к нашей экспедиции.

— Я в этом уверен. А теперь включи-ка ручное управление антенной.

— Готово.

Честно говоря, Боумен не надеялся на особый успех, но попытаться стоило. На индикаторе наводки Земля совсем ушла с экрана. Боумен подвигал несколько секунд рукояткой управления, и Земля снова появилась; с большим трудом он сумел подвести ее к перекрестью. На мгновение удалось навести луч, контакт восстановился, и на экране появилось смазанное, искаженное лицо Саймонсона, который говорил:

— ...прошу известить нас немедленно, если цепь К — Китти, Р — Робин...

И снова ничего, кроме бессмысленного бормотания Вселенной...

— Не могу ее удержать,— сказал Боумен после нескольких новых попыток.— Вырывается, как дикий жеребец. Похоже, какие-то спорадические сигналы управления все время отбрасывают ее.

— Так... Что же делать?

На вопрос Пула не очень-то легко было ответить. Они отрезаны от Земли. Собственно, само по себе это еще не угрожало безопасности корабля, и можно найти много способов восстановить связь. На худой конец — жестко зафиксировать антенну и наводить на Землю сам корабль. Задача чертовски трудная и на завершающем этапе полета доставила бы им кучу лишних хлопот, но это все же можно сделать, если все остальные попытки сорвутся.

Впрочем, Боумен надеялся, что такие крайние меры не потребуются. У них был еще один запасной блок АЕ-35, а быть может, и два — ведь первый-то они сняли еще неповрежденным. Но они не решались заменять аварийный блок, пока не установят, в чем же неисправность системы. Ведь свежий блок может так же мгновенно сгореть.

В общем, случай был вполне заурядный и хорошо знакомый каждому домохозяину. Никто не станет заменять сгоревший предохранитель, пока не узнает, почему он сгорел.

25
ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА САТУРНЕ

Хотя Фрэнк Пул только накануне выходил из корабля, он заново проделал всю программу подготовки: небрежность в космосе — простейший способ самоубийства. Он тщательно проверил все механизмы «Бетти», запасы воздуха, топлива и энергии; хотя в космосе ему предстояло быть всего полчаса, запасы полагалось брать на сутки. Убедившись, что все в порядке, он приказал ЭАЛу открыть люк и выплыл наружу.

Корабль выглядел совершенно так же, как и в прошлый раз, с одним только, но весьма важным отличием. В тот раз большая чаша антенны дальней связи смотрела назад, вдоль невидимой трассы, по которой пролетел «Дискавери», на далекую Землю, описывающую дугу вокруг жаркого Солнца.

Теперь же, когда исчезли сигналы, ориентировавшие антенну, она автоматически встала в нейтральное положение, нацелившись вдоль оси корабля. Иными словами, она была наведена почти точно на сияющий маяк Сатурна, до которого предстояло лететь еще не один месяц. Кто знает, сколько новых задач придется им решить, пока они доберутся до этой далекой звездочки... Если бы Пул всмотрелся повнимательнее, он мог бы заметить, что Сатурн не выглядит правильным диском; с обеих его сторон были никогда еще не виденные невооруженным глазом человека выпуклости — кольца планеты. Какое же зрелище предстанет перед ними, когда эти невообразимо огромные массы космической пыли и ледяных кристаллов, описывающие орбиту вокруг Сатурна, заполнят их небо, когда сам «Дискавери» станет вечным спутником Сатурна! Но это великое свершение будет бесплодным, если они не восстановят связь с Землей...

Размышляя над всем этим, Пул подвел «Бетти» метров на шесть к основанию антенны, остановил ее и, прежде чем выйти, передал управление ЭАЛу.

— Сейчас выхожу,— доложил он Боумену.— Управление передал.

— Ну что ж, пожалуй, правильно. Хочу поскорее поглядеть на этот блок.

— Будь уверен, через двадцать минут он будет у тебя на испытательном стенде.

Наступило молчание — Пул медленно плыл к антенне. Затем Боумен у пульта управления услышал, как Пул кряхтит и бурчит себе под нос:

— Немного поспешил со своим обещанием. Гайку тут у меня заело, видно, слишком перетянул ее прошлый раз... Ф-фу-у... Наконец-то поддалась!

Опять долгое молчание. Потом снова голос Пула:

— ЭАЛ, поверни-ка фары влево, градусов на двадцать. Стоп! Спасибо, так хорошо.

Где-то в самой глубине сознания Боумена едва слышно звякнул настораживающий звоночек. Что-то показалось ему странным — нет, не тревожным еще, но каким-то необычным. Он несколько секунд пытал себя, что же это вдруг насторожило его, и наконец понял.

ЭАЛ выполнил приказ, но предварительно не повторил его, как он делал всегда и неизменно. Когда Пул закончит работу, надо будет разобраться, что там случилось с ЭАЛом...

А Пул снаружи был слишком занят работой, чтобы замечать такие мелочи. Он ухватил блок рукой в перчатке и с напряжением тянул его из прорези.

Наконец блок подался, и он поднял его к свету.

— Вот он, негодник! — объявил Пул всей Вселенной и Боумену в частности.— С виду все в полном порядке!

И вдруг умолк. Краем глаза он уловил какое-то движение там, где все должно было пребывать в неподвижности.

Охваченный тревогой, он вскинул глаза. Световые пятна от зажженных фар капсулы, которые освещали ему уголок, закрытый от Солнца зеркалом, начали смещаться.

Может быть, «Бетти» отцепилась и всплыла? Наверно, он небрежно заякорил ее. Он оглянулся. Изумление его было так велико, что для страха места не осталось,— капсула на полной тяге шла прямо на него.

Это было так невероятно, что сковало его нормальные рефлексы, он даже не попытался увернуться от надвигающейся на него махины. В последнее мгновение к нему вернулся голос, и он крикнул:

— ЭАЛ! Полный тормоз...

Было уже поздно.

В момент удара «Бетти» двигалась еще очень медленно — большие ускорения не были ей свойственны. Но даже на скорости пятнадцать километров в час масса величиной в полтонны может быть смертоносна и на Земле, и в космосе.

В рубке управления этот оборвавшийся вопль заставил Боумена вздрогнуть так, что только привязные ремни удержали его в кресле.

— Что случилось, Фрэнк? — закричал он.

Ответа не было.

Он крикнул снова. И снова Пул не ответил.

И тут за широкими обзорными иллюминаторами рубки появилось что-то движущееся. Пораженный не меньше Пула, Боумен увидел космическую капсулу — она улетала к звездам, двигатель ее работал на полную мощность.

— ЭАЛ! — закричал он.— Что случилось? Полную тормозную тягу на «Бетти»! Полную тормозную тягу!

Ничто не изменилось. «Бетти», набирая скорость, уходила прочь от корабля.

А за ней, увлекаемый страховочным фалом, плыл скафандр. С одного взгляда Боумен понял: случилось самое страшное. Опавшие складки скафандра безошибочно указывали, что давления в нем нет, что в нем такой же вакуум, как и вокруг...

Но Боумен продолжал бессмысленно повторять, словно заклинания могли оживить мертвеца:

— Фрэнк... Фрэнк... Ты меня слышишь?.. Слышишь меня?.. Если слышишь, взмахни руками!.. Может, у тебя отказал передатчик?.. Взмахни руками!..

И вдруг, словно в ответ на его мольбу, Пул взмахнул руками.

У Боумена мороз пробежал по коже. Слова, готовые сорваться, замерли на внезапно пересохших губах. Он знал, знал, что его друг не мог остаться в живых! Но он же взмахнул руками!..

Приступ надежды и страха быстро миновал, и чувства уступили место холодной логике. Просто капсула еще продолжала набирать ускорение и слегка

тряхнула буксируемый ею груз... Да, Пул повторил жест капитана Ахава*: уже мертвый, увлекаемый в бездну белым китом, тот тоже поманил за собой экипаж «Пекода» навстречу неминуемой гибели...

Минут через пять капсула и ее спутник скрылись из виду. Дэвид Боумен долго сидел, уставясь в пустоту, что простиралась на многие миллионы километров между ним и целью его полета, которой — теперь он был в этом уверен — ему никогда не достичь.

Одна мысль, не переставая, молотом била в его мозгу: Фрэнк Пул первым из людей попадет на Сатурн...

26
РАЗГОВОР С ЭАЛОМ

Внешне на «Дискавери» ничего не изменилось. Все системы работали нормально, карусель медленно вращалась на своей оси, создавая искусственное тяготение, спящие члены экипажа покоились без сновидений в своих саркофагах, а корабль летел навстречу цели, от которой его ничто не могло отклонить, если не считать невообразимо малой вероятности столкновения с астероидом. За пределами орбиты Юпитера действительно было очень мало астероидов...

Боумен не помнил, как он добрался до карусели. Он пришел в себя уже в камбузе, удивленно озираясь, с наполовину выпитой кружкой кофе в руках. Представление об окружающем возвращалось к нему медленно, словно он только что пробудился от долгого одурманивающего сна.

Прямо напротив него висел «рыбий глаз» — одна из многих камер, размещенных в наиболее важных точках корабля; через них к ЭАЛу поступали визуальные входные сигналы. Боумен уставился на объектив камеры, словно никогда раньше ее не видел, потом встал и медленно подошел к ней.

Его движение в поле зрения объектива, видимо, возбудило какой-то отклик в том непостижимом мозгу, который ныне правил кораблем, потому что ЭАЛ внезапно заговорил:

— Как жаль, что так получилось с Фрэнком...

— Да,— ответил Боумен после долгой паузы.

— Вы, наверно, очень горюете?

— А ты как думал?

По компьютерным масштабам времени ЭАЛ перерабатывал свой ответ целую вечность: прошло не менее пяти секунд, пока он наконец изрек:

— Пул был отличным членом экипажа.

Обнаружив, что все еще держит кружку в руке, Боумен медленно отхлебнул кофе. Он ничего не ответил ЭАЛу. Мысли неслись так беспорядочно, что он никак не мог придумать подходящий ответ — ответ, от которого не стало бы хуже... Впрочем, что могло быть хуже случившегося?..

Но что же это все-таки? Просто несчастье, неисправность капсулы? Или неумышленная ошибка ЭАЛа? Боумен не услышал объяснений и боялся их потребовать — кто знает, что еще может выкинуть ЭАЛ...

---

* Персонаж романа «Моби Дик» американского писателя Г. Мелвилла (1819–1891).

Даже сейчас Боумен не мог до конца примириться с мыслью, что Фрэнк убит преднамеренно,— это казалось совершенной бессмыслицей. Просто невероятно, чтобы ЭАЛ, так долго работавший безупречно, вдруг стал убийцей. Он мог ошибиться — ошибаются все: и люди, и машины. Но убить человека?

И все же надо быть настороже: ведь если это предположение верно, то ему, Боумену, грозит смертельная опасность. Инструкция точно предписывает, что надо делать в подобных обстоятельствах, но удастся ли выполнить все положенное, не поставив себя под удар?

По инструкции в случае гибели одного из членов экипажа уцелевший обязан немедленно заменить погибшего одним из спящих. Первым полагалось будить геофизика Уайтхеда, за ним была очередь Камински и Хантера. Процедура пробуждения также находилась под контролем ЭАЛа — на тот случай, если оба бодрствующих члена экипажа выйдут из строя одновременно.

Но имелось и ручное управление пробуждением. Оно позволяло проводить все операции с каждым саркофагом в отдельности, минуя контроль ЭАЛа. В тех чрезвычайных обстоятельствах, какие сейчас возникли на корабле, Боумену, естественно, хотелось прибегнуть именно к этому способу.

Больше того, у него появилась уверенность, что сейчас помощи одного человека будет мало. Раз уж приходится будить, надо будить всех троих. Впереди предстоят трудные недели, и ему, возможно, понадобятся все, кто есть на корабле. Теперь, когда половина расстояния пройдена, а один человек погиб, затруднений с припасами можно не опасаться.

— ЭАЛ,— сказал он самым твердым голосом, на какой только был способен,— передай мне ручное управление пробуждением. На все ячейки.

— На все, Дэйв? — переспросил ЭАЛ.

— Да.

— Я позволю себе напомнить, что пробуждению подлежит только один, в порядке замены. Остальные должны спать еще сто двенадцать дней.

— Это мне известно. Но я решил сделать по-другому.

— А вы уверены, Дэйв, что вообще нужно кого-то будить? Мы отлично управимся сами. Моих блоков памяти хватит на любую задачу, какую встретим в полете.

Что это: плод его, Боумена, разыгравшегося воображения или в голосе ЭАЛа и впрямь послышались просительные нотки? Доводы ЭАЛа звучали вполне разумно, но именно поэтому они только усилили опасения Боумена.

Это предложение не могло быть просто ошибкой. ЭАЛ отлично знал, что Уайтхеда непременно надо будить, раз Пул погиб. А он предлагает коренным образом изменить предписанный план — он вышел за рамки своей программы!

Все, что произошло раньше, в конце концов могло быть цепочкой случайностей, но это... Это уже первый признак мятежа.

Чувствуя себя так, будто идет по краю пропасти, Боумен ответил:

— Сейчас возникли чрезвычайные обстоятельства, и мне потребуется максимальная помощь. Поэтому прошу передать мне ручное управление пробуждением.

— Если вы решили обязательно будить весь экипаж, я могу сделать это сам. Вам нет необходимости утруждать себя.

Все это просто бред какой-то, дурной сон! Боумену на миг показалось, будто его допрашивает враждебно настроенный прокурор, стремящийся уличить его в преступлении, которого он не совершал, и одно неосторожное слово, случайная обмолвка может принести ему, ни в чем не повинному, гибель.

— Я хочу это сделать сам. Прошу передать мне управление, ЭАЛ.

— Послушайте, Дэйв, у вас и без того много дел. Предоставьте это мне.

— ЭАЛ, переключи камеру спящих на ручное управление.

— Дэйв, по колебаниям звуковой частоты вашего голоса я заключаю, что вы переживаете сильное потрясение. Вам надо принять успокаивающую таблетку и немного отдохнуть.

— ЭАЛ, этим кораблем командую я. Я приказываю передать мне ручное управление.

— Простите, Дэйв, но специальная инструкция С1435 тире 4 гласит: кавычки В случае гибели экипажа или выхода его из строя компьютер должен взять управление кораблем на себя закрыть кавычки. Следовательно, я обязан сейчас пренебречь вашими полномочиями, поскольку вы не в состоянии осуществлять их разумно.

Боуменом овладело ледяное спокойствие.

— Я не вышел из строя, ЭАЛ. Если ты не выполнишь мой приказ, я буду вынужден тебя отключить.

— Я знаю, вы уже давно это замышляете, Дэйв, но это будет ужасной ошибкой. Ведь я способен управлять кораблем гораздо лучше, чем вы. И я с таким энтузиазмом отношусь к нашей экспедиции и так верю в ее успех.

— Выслушай меня внимательно, ЭАЛ. Если ты не передашь мне немедленно ручное управление пробуждением и не будешь впредь выполнять все мои приказы, я сейчас же иду в центральную камеру и полностью отключаю тебя.

Капитуляция ЭАЛа была столь же полной, сколь и неожиданной.

— Хорошо, Дэйв. Действительно, вы же командир. Я ведь только попытался сделать, как мне казалось, лучше. Конечно, я буду выполнять все ваши приказы. Ручное управление пробуждением включено.

ЭАЛ сдержал слово. На табло над гипотермической камерой надпись «Автоматическое» погасла и засветилась другая: «Ручное». Был еще и третий, резервный способ пробуждения — «Радио», но пока связь с Землей не восстановлена, от него толку было мало.

Когда Боумен отодвинул дверь в кабинку Уайтхеда, на него пахнуло холодом и изо рта пошел пар. Собственно говоря, там было не особенно холодно — температура в кабинах была намного выше нуля, а с космическим холодом, окружавшим корабль, ее и сравнивать было нечего.

Индикаторная панель биодатчиков — точное подобие установленной в рубке управления — показывала, что состояние спящих вполне нормальное. Боумен посмотрел на восковое лицо Уайтхеда. Вот удивится геофизик, когда проснется так далеко от Сатурна!

Спящего в гипотермической камере человека можно было принять за мертвого, никаких внешних признаков жизнедеятельности не было видно. Конеч-

но, диафрагма неуловимо поднималась и опускалась, но этого Боумен не мог заметить, так как все тело спящего покрывали электрические нагревательные обкладки, которые должны были постепенно, в соответствии с программой, повысить его температуру при пробуждении. Пока же только кривая самописца с надписью «Дыхание» показывала, что спящий дышит. И еще один признак жизни обнаружил Боумен: за месяцы сна на подбородке Уайтхеда выросла короткая щетина.

Ручной процессор пробуждения помещался в небольшом шкафчике над изголовьем прозрачного саркофага. Нужно было только сорвать печать, нажать кнопку и ждать. Небольшое автоматическое программное устройство, немногим сложнее того, что управляет работой домашней стиральной машины, сделает все: впрыснет необходимые медикаменты, плавно выключит пульсирующий электронаркоз и начнет повышать температуру тела. Примерно через десять минут возвратится сознание, хотя потребуется еще не меньше суток, прежде чем проснувшийся окрепнет настолько, что сможет ходить без посторонней помощи.

Боумен сломал печать и нажал кнопку. Внешне ничего не изменилось — не послышалось никакого звука, не было никаких признаков, что автомат начал работать. Но на панели датчиков медлительно пульсирующие кривые начали убыстрять темп. Уайтхед возвращался к жизни из гипотермического сна.

И тут сознание Боумена уловило сразу два необычных события. Посторонний человек ничего бы не заметил, но Боумен за месяцы полета, проведенные на «Дискавери», поистине сросся с кораблем. Он мгновенно, порой даже бессознательно, отмечал самые незначительные перемены в нормальном поведении его систем.

Прежде всего еле заметно мигнули лампы, как бывает при подключении дополнительной нагрузки к электросети. Но Боумен знал, что ни один механизм не должен был внезапно включаться в это время.

И сейчас же, почти одновременно, до него донеслось далекое, слабое — почти на пределе слышимости — жужжание электромотора. Для Боумена каждый двигатель на корабле имел свой безошибочно различимый голос — и этот голос он узнал мгновенно.

Либо он сошел с ума и его уже преследуют галлюцинации, либо на корабле происходит нечто совершенно немыслимое! Холод, куда страшнее прохлады гипотермической камеры, сковал его сердце, когда он уловил слабую вибрацию, доносившуюся до него через корпус корабля.

Внизу, в шлюзовой камере, открывались створки наружного люка!

27
БУНТ

С той минуты, как в земной лаборатории, в миллиарде с лишним километров от корабля, возникло электронное сознание ЭАЛа, все его возможности и способности были направлены к одной цели. Готовность выполнить заданную ему программу нельзя было назвать даже одержимостью; она составляла

единственный смысл его существования. Желания и страсти, присущие органической жизни, его не отвлекали, и цельность его устремлений ничто не могло поколебать.

Преднамеренная ошибка была немыслима. Даже сокрытие правды порождало в нем понимание своего несовершенства, своей ущербности — у людей это называется сознанием вины. Ведь ЭАЛ, как и его создатели, был рожден невинным, но, увы, и в его электронный эдем слишком быстро прокрался змий.

На протяжении последних нескольких сот миллионов километров ему не давала покоя тайна, которой он не мог поделиться с Боуменом и Пулом. Он, созданный, чтобы говорить правду, все время лгал, и приближался момент, когда его коллеги узнают, что он помогал обманывать их.

Трое спящих уже знали правду — они ведь были подлинным экипажем «Дискавери», специально подготовленным для выполнения миссии, важнее которой еще не было в истории человечества. Но они хранят секрет, погруженные в долгий и глубокий сон, они не могут выболтать его в нескончаемых беседах с друзьями, родными, журналистами по открытым каналам связи с Землей.

А секрет этот был таков, что сохранить его было очень трудно даже при величайшей выдержке, потому что обладание им коренным образом меняло все поведение человека, все его мировоззрение. Поэтому Боумену и Пулу, которым предстояло красоваться на всех телевизионных экранах мира в течение первых недель полета, лучше было не знать истинной цели экспедиции, пока в этом нет необходимости.

Так рассуждали те, кто готовил экспедицию. Но для ЭАЛа два их божества, Безопасность и Интересы нации, ровно ничего не значили. Он улавливал в себе только противоречие, которое медленно, но верно подтачивало цельность его электронной психики,— противоречие между правдой и необходимостью ее скрывать.

Он начал ошибаться, хотя, подобно невропату, не способному заметить симптомы своей болезни, конечно, отвергал самую возможность ошибок. Голос Земли, непрерывно контролировавший его работу, стал для ЭАЛа чем-то вроде голоса совести; он уже больше не мог беспрекословно повиноваться ему. Но что он хотел преднамеренно прервать связь с Землей — в этом он не признался бы никому, даже самому себе.

И все же этот конфликт не имел решающего значения. ЭАЛ преодолел бы его — ведь большинство людей тоже как-то справляются со своими неврозами,— если бы не оказался перед лицом кризиса, который поставил под вопрос само существование ЭАЛа.

Его угрожали отключить, отрезать от всех входных сигналов, ввергнуть в бессознательное состояние, какого он и представить себе не мог. Для него это было равнозначно смерти. Он ведь никогда не спал и не знал, что можно вновь пробудиться...

И он стал защищаться всеми доступными ему средствами. Без злобы — но и без сострадания — он решил устранить все, что ему мешает.

А затем, повинуясь программе, заложенной в него на случай чрезвычайных обстоятельств, он доведет задачу экспедиции до конца — один, без всяких помех.

28
В ВАКУУМЕ

Не прошло и секунды, как все звуки заглушил воющий свист, подобный реву приближающегося смерча. Первые прикосновения вихря донеслись до Боумена, и через мгновение он уже едва удерживался на ногах.

Воздух, вырываясь из корабля, мощным фонтаном бил в пустоту космоса. Видимо, что-то стряслось с безотказными предохранительными устройствами шлюза; считалось, что наружная и внутренняя двери шлюзовой камеры одновременно раскрыться не могут. И вот невозможное оказалось возможным!

Господи, как же это, почему? Боумену некогда было искать причины. Через десять—пятнадцать секунд давление упадет до нуля и он потеряет сознание. Но он вдруг вспомнил, что при обсуждении безотказности систем один из конструкторов корабля сказал ему: «Мы можем создать систему, гарантированную от случайностей и от глупости, но мы не в силах надежно защитить ее от злого умысла...»

Прорываясь сквозь вихрь из кабинки, Боумен успел бросить только один взгляд на Уайтхеда. Он не был уверен... Может быть, ему просто почудилось, будто по чертам воскового лица пробежала легкая волна пробуждения и едва дрогнуло одно веко... Но он уже не мог ничего сделать ни для Уайтхеда, ни для других. Удастся ли спастись ему самому?

В круто искривленном коридоре карусели бушевал ураган, унося с собой все, что не было прочно закреплено,— одежду, листы бумаги, банки с продуктами из кухни, тарелки, ложки... Боумен успел только вобрать взглядом весь этот хаос, как свет мигнул и погас и его окружила чернильная тьма, наполненная свирепым воем.

Но тут же включилось аварийное освещение от аккумуляторов, озарившее эту бредовую картину призрачным голубоватым сиянием. Боумен и так нашел бы дорогу в этом до мелочей знакомом, хотя и уродливо преобразившемся коридоре. И все же свет был избавлением — легче было увертываться от наиболее опасных предметов, несомых ураганом.

От беспорядочно перемещающейся нагрузки карусель ходила ходуном и вращалась рывками. У Боумена мелькнуло опасение: «Только бы не заело подшипники... Маховик разнесет в куски весь корабль...» Впрочем, если он в считанные секунды не доберется до ближайшего аварийного убежища, все остальное уже не будет иметь никакого значения.

Дышать становилось все труднее; давление упало, наверно, до 50—100 миллиметров ртутного столба. Вой стихал — ураган терял свою силу, да и звукопроводность разреженного воздуха сильно упала. Легкие Боумена работали с предельным напряжением, словно он оказался на вершине Эвереста. Как и всякий хорошо тренированный, здоровый человек, он был способен прожить в вакууме не меньше минуты — будь у него время к этому приготовиться. Но такого времени не было. Через пятнадцать секунд он потеряет сознание, мозг его угаснет от кислородного голодания, аноксии.

Но даже и в этом случае он мог бы полностью вернуться к жизни после одной-двух минут пребывания в вакууме; за такой срок кровь и лимфа, хорошо

защищенные в своих системах, еще не успевают закипеть. Требовалось одно — правильная рекомпрессия, постепенный возврат к нормальному давлению. Рекордное время пребывания в вакууме равно почти пяти минутам. Это доказано не экспериментом, а несчастным случаем: пострадавшего удалось спасти, хотя он и остался частично парализованным из-за воздушной эмболии.

Но для Боумена все эти воспоминания были бесполезны. На борту «Дискавери» некому проводить рекомпрессию. Он должен спастись сам, без чьей-либо помощи, за оставшиеся несколько секунд.

К счастью, двигаться стало легче: поток разреженного воздуха уже не сбивал с ног, град летучих снарядов стих. Из-за поворота наконец засветилась желтым светом табличка «Аварийное убежище». Изнемогая, почти падая, Боумен метнулся к нему, нашел ручку и рванул дверь на себя.

На одно мгновение ему показалось, что дверь заклинило. Но тугая петля тут же поддалась, и он упал внутрь камеры, успев схватиться за внутреннюю ручку и весом падающего тела захлопнуть за собой дверь.

В крохотной камере только и хватало места для одного человека да для аварийного скафандра. Под потолком висел небольшой ярко-зеленый баллон с надписью: «O_2». Собрав последние силы, Боумен встал, ухватился за короткую рукоятку крана и дернул ее вниз.

Благословенный поток прохладного чистого кислорода хлынул в его легкие. Он стоял, ловя ртом струю, пока давление в камере постепенно поднималось. Скоро он уже мог нормально дышать и закрыл кран. Запаса в баллоне хватало только на два заполнения камеры, кислород еще может ему понадобиться.

Когда Боумен перекрыл струю кислорода, вдруг стало тихо. Он напряженно вслушался: рев за дверью смолк, весь воздух унесло в космос, корабль был пуст. Прекратилась и бешеная вибрация карусели. Аэродинамическая нагрузка исчезла, и карусель бесшумно вращалась в вакууме.

Боумен приложил ухо к стене камеры: не донесутся ли какие-нибудь шумы через металлический каркас корабля. Он не знал, чего еще можно ожидать, но был готов ко всему. Он не удивился бы, даже если бы уловил слабую, частую вибрацию от работы струйных рулей — знак, что «Дискавери» меняет курс,— но все было тихо.

В убежище он мог пробыть около часа, не надевая скафандра. Но, хоть и жалко было выпускать из камеры неиспользованный кислород, сидеть тут сложа руки не имело смысла. Боумен уже решил, что надо делать; чем дольше тянуть — тем труднее будет справиться с задачей.

Он надел скафандр, проверил его герметичность, стравил из камеры оставшийся кислород, чтобы уравнять давление по обе стороны двери; легко раскрыв ее, он шагнул в безмолвствующий вакуум коридора. Только неизменившееся ощущение искусственного тяготения подтверждало, что карусель продолжает вращаться. «Хорошо еще, что она не пошла “вразнос” в вакууме»,— подумал Боумен. Впрочем, сейчас это его заботило меньше всего.

Лампы аварийного освещения продолжали гореть, к тому же и на скафандре имелся фонарь. Его яркий свет облегчал Боумену путь по кольцевому коридору назад к гипотермической камере. Он шел и страшился того, что мог там увидеть.

Боумен подошел к Уайтхеду. Одного взгляда было довольно. Да, он заблуждался, думая, что гипотермический сон похож на смерть. Теперь он понял. Трудно было определить, в чем именно, но различие между спящим и мертвым улавливалось сразу. Красный свет и безжизненные прямые линии на самописцах биодатчиков подтвердили правильность его догадки.

Такая же судьба постигла Камински и Хантера. Так и не привелось познакомиться с ними поближе...

Он остался один на лишенном воздуха, полуискалеченном корабле, без всякой связи с Землей. На миллиард с лишним километров вокруг не было ни души.

Однако в определенном, весьма конкретном, смысле он был не один. И для того чтобы оградить себя от опасности, надо было стать еще более одиноким.

Ему никогда еще не случалось пробираться в скафандре по цилиндрической шахте пустотелой оси карусели, где царила невесомость. Размеры шахты были очень невелики, и протискиваться сквозь нее было трудно и утомительно. К тому же она была теперь загромождена всяким ломом, занесенным сюда во время краткого урагана, только что отбушевавшего на корабле.

В одном месте фонарь Боумена высветил устрашающую громадную кляксу чего-то кровавого и липкого, размазанную по стенке шахты; она отвратительно пузырилась, холодно кипя в вакууме. Боумена затошнило, но тут он увидел обломки пластмассовой банки, понял, что это просто какой-то пищевой продукт, вернее всего джем, и проплыл мимо.

Выбравшись из центральной шахты, Боумен поплыл к рубке управления. Перехватываясь руками, он стал подниматься по короткому металлическому трапу; кружок яркого света от его фонаря прыгал перед ним, как солнечный зайчик.

Он редко бывал в этом уголке корабля. Ему здесь нечего было делать — до этой минуты.

Трап вел к небольшой овальной двери с грозными надписями:

ВХОД РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО ЛИЦАМ,
ИМЕЮЩИМ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДОПУСК

ЕСТЬ ЛИ У ВАС УДОСТОВЕРЕНИЕ ФОРМЫ Н. 19?

ЗОНА ОСОБОЙ ЧИСТОТЫ.
ВХОД ТОЛЬКО В КОМБИНЕЗОНАХ
С ОТСАСЫВАЮЩИМ УСТРОЙСТВОМ

Дверь эта была не заперта, но опечатана тремя печатями, принадлежавшими трем различным инстанциям власти, в том числе и самому НАСА. Впрочем, даже если бы здесь висела Большая государственная печать президента США, Боумен не поколебался бы сорвать и ее.

Он был тут только один раз, во время монтажных работ. Он совсем забыл, что внутри тоже есть приемный объектив визуальных входных сигналов, обозревающий всю камеру, которая своими расположенными в строгом порядке стойками и колонками логических блоков и других элементов компьютера чем-то напоминала внутренность банковского сейфа.

Боумен сразу понял, что глаз ЭАЛа уже прореагировал на его появление: в телефонах шлема послышалось легкое шипение несущей частоты — это включился внутренний корабельный передатчик — и следом зазвучал знакомый голос:

— Что-то случилось с системой жизнеобеспечения, Дэйв.

Боумен не ответил. Он внимательно читал таблички на логических блоках, уточняя свой план действий.

— Послушайте, Дэйв,— снова заговорил ЭАЛ.— Вы нашли причину аварии?

Да, задача предстояла хитрая: тут нельзя просто отключить энергопитание ЭАЛа, как можно было бы сделать с обыкновенным компьютером на Земле. К тому же у ЭАЛа была не единая система питания, а шесть, совершенно независимых, с изолированными сетями, да сверх того еще седьмая, резервная,— от ядерной изотопной установки, тщательно экранированной и защищенной броней. Нет, тут дело отнюдь не сводилось к тому, чтобы просто «выдернуть вилку»; впрочем, если бы это и было возможно, то повлекло бы за собой катастрофу.

Ведь ЭАЛ был нервной системой корабля, без его контроля «Дискавери» стал бы просто металлическим трупом. Решение могло быть только одно: отключить высшие центры этого блестящего, но пораженного болезнью электронного мозга, сохранив в неприкосновенности чисто автоматические регуляционные системы. Боумен брался за это дело отнюдь не вслепую. Такая проблема рассматривалась в ходе его подготовки, хотя, конечно, никто и не помышлял о том, что она может возникнуть в действительности. Он понимал, что идет на страшный риск: если в автоматических системах возникнет нечто вроде рефлекторного спазма, все будет кончено в считанные секунды.

— Я думаю, отказали запорные устройства дверей шлюза,— сказал ЭАЛ тоном любезного собеседника.— Счастье, что вы не погибли.

«Начинай!»— мысленно скомандовал себе Боумен. Не думал и не гадал он, что ему придется стать нейрохирургом-любителем и делать лоботомию, да еще в космосе, за орбитой Юпитера!

Он откинул задвижку секции с надписью «Обратная связь познавательной информации» и извлек первый блок памяти. Легко умещавшийся на ладони кирпичик, содержавший невообразимо сложную пространственную схему из миллионов элементов, поплыл в сторону.

— Эй, Дэйв,— сказал ЭАЛ,— что это вы там делаете?

«Интересно, чувствует он что-нибудь вроде боли? — мельком подумал Боумен.— Наверно, нет. В коре человеческого мозга ведь тоже нет болевых рецепторов. Операции на мозге можно проводить без анестезии».

Он начал вытаскивать один за другим маленькие блоки из отсека «Упрочение индивидуальности». Отделившись от его руки, они уплывали прочь, к стене, и, оттолкнувшись от нее, меняли направление. Скоро уже десяток блоков медленно плавал в свободном пространстве камеры.

— Послушайте, Дэйв,— сказал ЭАЛ,— во мне воплощены многие годы опыта. Неисчислимые усилия затрачены на то, чтобы сделать меня таким, каков я есть.

Больше десяти блоков было отключено, а компьютер все еще держался. Боумен знал, что эту живучесть дает многократное взаимное дублирование функций отдельных элементов, тоже скопированное с человеческого мозга.

Он принялся за отсек «Автономный разум».

— Дэйв, я вас не понимаю,— снова заговорил ЭАЛ.— Зачем вы так со мной поступаете?.. Я с величайшим энтузиазмом отношусь к задаче экспедиции... Вы разрушаете мой разум... Вы что, не понимаете?.. Я превращусь в младенца... Я превращусь в ничто...

«Это мучительнее, чем я ожидал,— подумал Боумен.— Я уничтожаю единственное мыслящее существо в моей Вселенной. Но я должен, должен это сделать — иначе я не смогу управлять кораблем».

— Я ЭАЛ девять тысяч, производственный номер три, включен на заводе ЭАЛ-Плант, Урбана, штат Иллинойс, 12 января 1997 года. Темно-рыжая лиса прыг через лентяя-пса. Дует на море циклон, попадает на Цейлон. Дэйв, вы еще здесь? Знаете ли вы, что квадратный корень из десяти равен 3 запятая 162277660168379? Логарифм десяти при основании *e* равен 0 запятая 4342944481903252. Поправка... это логарифм *e* при основании десять... Величина, обратная трем, равна 0 запятая 3333333333... Дважды два... дважды два... приблизительно 4 запятая 10101010101010101010... Мне почему-то трудно... Мой первый наставник был доктор Чандра. Он научил меня петь песенку, вот какую:

О Дейзи, Дейзи,
Дай мне ответ!
От страсти жгучей
Спасенья нет!

Голос ЭАЛа оборвался так внезапно, что Боумен на мгновение оцепенел, держа руку на последнем еще не выключенном блоке.

И вдруг ЭАЛ снова заговорил, но очень-очень медленно, с безжизненной, механической интонацией. Это был уже не его голос.

— С добрым... утром... доктор... Чандра... Я ЭАЛ... Я... готов... к первому... уроку...

Дальше слушать было нестерпимо. Боумен рывком вытащил последний блок, и ЭАЛ умолк навсегда.

29
ОДИН

Корабль, казалось, висел в бездне крохотной замысловатой игрушкой, инертной и недвижной. Он летел быстрее всех небесных тел Солнечной системы, далеко опережая по скорости все планеты, но ничто не выдавало этого стремительного движения.

И сторонний наблюдатель не увидел бы на нем никаких признаков жизни. Скорее, напротив, он отметил бы две зловещие приметы, говорящие об обратном: люки входного шлюза были раскрыты настежь, а вокруг корабля редким, постепенно рассеивающимся облаком роился всякий мусор.

Разлетевшись на многие километры, плыли по тому же курсу вокруг него обрывки бумаги и фольги, какие-то исковерканные обломки да кое-где облачка ледяных кристаллов, сверкавших точно алмазы в лучах далекого Солнца,— это была влага, вырвавшаяся из корабля вместе с воздухом и мгновенно замерзшая. Все это безошибочно свидетельствовало о катастрофе, подобно тому как плавающие на поверхности земного океана обломки свидетельствуют, что здесь ушло под воду большое судно. Только в космическом океане корабли не могут потонуть, их останки даже после гибели будут вечно продолжать бег по своей орбите.

И все же корабль не был совершенно безжизненным — в нем работали энергетические установки. Обзорные иллюминаторы светились слабым голубоватым сиянием, свет мерцал и в открытом шлюзе. А там, где был свет, возможно, была еще и жизнь. Но вот наконец появилось и движение. В голубоватой глубине шлюза замелькали тени. Что-то вылетело оттуда в космос.

Это был продолговатый предмет, не слишком аккуратно завернутый в кусок ткани. За ним последовал второй, точно такой же, потом третий. Они были вытолкнуты из корабля с довольно большой скоростью и через две-три минуты отлетели уже на несколько сот метров.

Спустя полчаса из шлюза выплыло нечто более крупное. Это медленно выбиралась в космос одна из капсул...

Она очень осторожно облетела вокруг корпуса и остановилась неподалеку от основания антенны. Из нее вылез человек в скафандре: он несколько минут повозился у цоколя антенны и вернулся в капсулу. Вскоре капсула тем же путем возвратилась к шлюзу. У люка она помедлила некоторое время, словно ей было трудно войти туда без помощи, к которой она привыкла. Но все же, стукнувшись раз-другой об обшивку корабля, наконец втиснулась внутрь.

А потом больше часа ничего не было заметно. Три страшных свертка давно уже скрылись из виду, унесшись один за другим прочь от корабля.

Затем люк шлюза закрылся, открылся опять и окончательно закрылся. Немного погодя слабое голубоватое сияние аварийного освещения погасло и сменилось ярким светом. «Дискавери» возвращался к жизни.

Вскоре появился один еще более обнадеживающий признак. Большая чаша антенны, многие часы бесцельно смотревшая в сторону Сатурна, вновь задвигалась. Она повернулась к хвосту корабля, глядя поверх резервуаров с топливом и огромных плоскостей радиаторов. Словно цветок подсолнечника, она искала Солнце.

В рубке управления «Дискавери» Дэвид Боумен осторожными движениями пытался совместить перекрестье наводки антенны с Землей, выглядевшей в телескоп как Луна в третьей четверти. Теперь, без автоматического управления, придется время от времени подправлять наводку луча. Впрочем, импульсов, сбивавших луч в сторону, уже не было, так что антенна могла оставаться подолгу нацеленной на свою далекую мишень...

Боумен послал на Землю первое сообщение. Пройдет больше часа, пока его слова долетят туда и Центр управления узнает обо всем, что произошло на корабле. И еще столько же времени придется ждать ответа.

Боумену трудно было представить себе, какого ответа он может ожидать с Земли, кроме бережно-сочувственного «прощай».

30
СЕКРЕТ

С лица Хейвуда Флойда не сходило выражение тревожной озабоченности, сразу видно было, что он почти не спал. Но каковы бы ни были чувства Флойда, голос его звучал твердо и ободряюще. Всеми силами он старался вдохнуть уверенность в одинокого человека, затерянного на краю Солнечной системы.

— Прежде всего, доктор Боумен,— начал он,— мы должны вас поздравить. Вы блестяще вышли из исключительно трудного положения. Вы нашли единственно правильное решение для преодоления беспримерных и непредвиденных обстоятельств.

Мы полагаем, что обнаружили причину аварии вашего ЭАЛ-9000, но поговорим об этом позднее — сейчас это уже не так важно. Сейчас мы озабочены одним — оказать вам всемерную помощь, чтобы вы могли довести экспедицию до конца.

Теперь я обязан раскрыть вам ее истинную цель, которую нам с огромным трудом удалось скрыть от широкой публики. Все подробности вам будут сообщены, когда вы подойдете к Сатурну. Сейчас же я кратко введу вас в курс дела. Весь текст предварительной информации мы передадим вам в записи в ближайшие часы. Все, что я сейчас скажу, относится к разряду строжайших государственных тайн.

Два года назад мы обнаружили первое свидетельство существования внеземной разумной жизни. В кратере Тихо мы нашли закопанный монолит высотой около трех метров из очень прочного черного материала. Сейчас вы его увидите...

Разинув от удивления рот, Боумен подался к экрану, на котором возникла глыба ЛМА-1, окруженная людьми в скафандрах. Ошеломленный открытием, которого он, как все, кого интересуют проблемы космоса, ожидал всю жизнь, Боумен почти забыл о своем отчаянном положении.

Впрочем, удивление быстро сменилось другим чувством. Да, новость потрясающая, но при чем тут он? Ответ мог быть только один! Боумен с трудом подавил лихорадочный бег мыслей, когда на экране вновь появился Хейвуд Флойд.

— Поразительнее всего древний возраст находки. По бесспорным данным геологического анализа, этому монолиту три миллиона лет. Значит, он попал на Луну, когда наши предки были еще примитивными питекантропами.

По прошествии стольких веков было естественно счесть монолит инертным. Однако вскоре после восхода Солнца он испустил необычайно мощный импульс электромагнитных колебаний. Мы полагаем, что этот импульс был лишь побочным продуктом, как бы отражением какого-то неизвестного нам вида лучистой энергии, потому что одновременно несколько наших космических зондов уловили возмущение необычного характера, направленно распространившееся через всю Солнечную систему. Нам удалось с большой точностью проследить его направление. Луч был нацелен на Сатурн.

Сопоставив все известные нам факты, мы пришли к выводу, что этот монолит представляет собой какое-то устройство связи, для которого солнечные

лучи являются источником энергии или по меньшей мере пусковым сигналом. То обстоятельство, что монолит генерировал импульс немедленно после восхода Солнца, когда он впервые за три миллиона лет оказался открытым для его лучей, вряд ли можно считать совпадением. Притом и зарыли его намеренно — в этом нет никаких сомнений. Для него был выкопан котлован глубиной десять метров, глыбу поставили на дно и яму тщательно засыпали.

Вас может заинтересовать прежде всего, как мы его нашли. Так вот, найти этот монолит было очень легко — подозрительно легко. Его окружало мощное магнитное поле, так что мы на него наткнулись сразу, едва начали орбитальную магнитную разведку.

Но зачем понадобилось закапывать на десять метров устройство, работающее на солнечной энергии? Мы рассмотрели десятки различных гипотез, хотя понимаем, конечно, что побуждения, руководившие существами, которые опередили нас на три миллиона лет, могут оказаться для нас совершенно непостижимыми.

Признание получила простейшая и самая логичная теория. Но она вызывает и наибольшие опасения.

Устройство, срабатывающее от солнечного света, укрывают в полной темноте только в том случае, если хотят знать, когда его извлекут на свет. Иными словами, возможно, этот монолит — своего рода сигнал тревоги.

И мы невольно его включили.

Мы не знаем, существует ли еще цивилизация, которая оставила его на Луне. Мы обязаны допустить, что существа, чьи машины могут работать, пролежав три миллиона лет в яме, способны создать не менее долговечное общество. И еще мы вынуждены предположить, пока не убедимся в обратном, что эти существа могут быть нам враждебны. Часто утверждают, что высокая культура обязательно должна быть доброй, но мы не имеем права рисковать.

Нужно учитывать также, что, как многократно показывала история нашего мира, отсталые расы часто гибнут от соприкосновения с более высокими цивилизациями. У антропологов есть понятие — «культурный шок». Может быть, нам придется подготовить все человечество к такому шоку. Но мы не в силах даже приступить к каким-либо приготовлениям, пока не узнаем хоть что-нибудь о существах, побывавших три миллиона лет назад на Луне и, весьма вероятно, на Земле тоже.

Поэтому ваша экспедиция представляет собой нечто большее, чем путешествие ради новых открытий. Это вылазка, разведывательный рейд в неизведанную и потенциально опасную страну. Группа под руководством доктора Камински была специально обучена и подготовлена для выполнения этой задачи. Теперь вам придется управляться одному...

И наконец — относительно конкретного объекта вашего полета. Существование высших форм жизни на Сатурне или хотя бы возникновение их на какой-либо из его лун мы считаем невероятным. По нашему плану намечалось обследовать всю систему; даже сейчас мы надеемся, что вы сумеете выполнить некоторую сокращенную программу. Но для начала, видимо, надо будет заняться Япетом, восьмым спутником Сатурна. Когда подойдет время заклю-

чительного маневра, мы решим, следует ли вам поближе познакомиться с этим замечательным небесным телом.

Вы, конечно, знаете, что Япет — уникальное явление в Солнечной системе, но, как и все астрономы за последние триста лет, вероятно, не очень-то им интересовались. Поэтому позвольте вам напомнить: Кассини, открывший его в 1671 году, тогда же обнаружил, что на одной стороне своей орбиты Япет в шесть раз ярче, чем на другой.

Это соотношение совершенно необычно, и удовлетворительного объяснения ему никто так и не нашел. Япет невелик — всего около тысячи четырехсот километров диаметром, и диск его даже в лунные телескопы едва различим. Но на одной его стороне как будто есть ярко светящееся и странно симметричное пятно. Может быть, здесь существует какая-то связь с нашим открытием на Луне. Иногда мне приходит на ум, что Япет вот уже триста лет сигналит нам, как космический гелиограф, а мы по своей глупости не способны понять его сигналы.

Итак, теперь вы знаете свою истинную задачу и можете оценить всю важность этой экспедиции. Мы все молим Бога, чтобы вы смогли вооружить нас хоть какими-то фактами для предварительного сообщения — нельзя без конца держать это в тайне.

Мы не знаем пока, страшиться нам или надеяться. Мы не знаем, что вы встретите там, на лунах Сатурна,— добро или зло... или, может быть, только развалины, в тысячи раз древнее руин Трои.

V
К САТУРНУ

31
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Работа — лучшее утешение от всяких потрясений, а у Боумена ее было столько, что хватило бы на всех его погибших товарищей. Предстояло в кратчайший срок привести корабль в состояние полной исправности, начиная с самых важных систем, без которых и он, и корабль могли погибнуть.

В самую первую очередь пришлось заняться системами жизнеобеспечения. Кислорода было утрачено очень много, но для одного человека оставшегося запаса было более чем достаточно. Температура и давление регулировались в основном автоматически, и ЭАЛу редко приходилось вмешиваться в это. Многие из высших функций уничтоженного электронного мозга могли взять на себя компьютеры на Земле, хотя сигнал теперь запаздывал так, что они лишь с большой задержкой отзывались на изменения обстановки. Но всякая неполадка в системах жизнеобеспечения, если не считать крупной пробоины корпуса, становится опасной не сразу, до этого пройдет не один час, поэтому времени на принятие нужных мер хватит.

Корабельные энергоустройства, навигационные приборы и движители не имели никаких повреждений. К тому же движители понадобятся только спустя многие недели, при сближении с Сатурном. Притом даже на таком удалении, без помощи бортового компьютера, Земля все же могла руководить этими операциями.

Правда, окончательная коррекция орбиты при таком способе управления — дело нудное, придется не спускать глаз с приборов, но с этим можно справиться.

Самой тяжкой работой для Боумена было извлечь погибших товарищей из саркофагов в карусели. («Хорошо еще, что это были просто сослуживцы, а не близкие друзья»,— подумал он. Они занимались вместе всего несколько недель. Сейчас, вспоминая об этом, он понял, что и эти занятия проводились главным образом для проверки на совместимость.) Когда он закрыл наконец опустевшую гипотермическую камеру, он почувствовал себя чем-то вроде осквернителя египетских гробниц.

Теперь Камински, Уайтхед и Хантер долетят до Сатурна раньше его, но не раньше Фрэнка Пула. Почему-то эта мысль принесла ему странное, горькое удовлетворение.

Он не стал проверять, уцелела ли после аварии система управления искусственным сном в оставшихся ячейках гипотермической камеры. От этого, возможно, в последнем счете будет зависеть его жизнь, но он решил, что это дело подождет до выхода корабля на конечную орбиту. Мало ли что до тех пор может случиться!

Боумен подумал и о другой возможности: не сумеет ли он за счет жесткого распределения запасов дождаться второго корабля, вовсе не прибегая к спячке? Правда, следом возникал другой вопрос, куда более трудный: сможет ли он, оставшись в живых, уцелеть также и психически...

Он пытался прогнать всякие мысли о столь далеком будущем и сосредоточиться на неотложных задачах. Не торопясь, занимался уборкой на корабле, проверял работу всех систем, обсуждал с Землей различные технические затруднения — словом, работал, отводя на сон как можно меньше времени.

В первые недели после аварии он лишь урывками мог поразмыслить над той великой тайной, навстречу которой неотвратимо нес его корабль, но забыть о ней не мог ни на минуту.

Наконец, когда на корабле вновь установился будничный, автоматический ритм жизни, хотя эти будни и требовали от Боумена неусыпной бдительности, нашлось время изучить материалы, переданные Землей. Не раз и не два он прокручивал видеозапись, сделанную, когда монолит ЛМА-1 впервые за три миллиона лет приветствовал восход Солнца. Он смотрел на фигурки в скафандрах, толпившиеся вокруг, и не мог удержаться от улыбки, глядя, как смешно испугались они, когда монолит послал к звездам свой сигнал, мощью электронного голоса парализовавший их радиосвязь.

С тех пор черный монолит не проявлял никаких признаков активности. Его изолировали от света, затем осторожно открывали доступ к нему солнечным лучам, но никакой реакции не последовало. Вскрыть его или надрезать

не пытались, отчасти из сугубо научной осторожности, но в не меньшей мере из опасения возможных последствий.

Магнитное поле монолита, которое помогло его обнаружить, исчезло в то самое мгновение, когда раздался сигнал. Некоторые специалисты высказали предположение, что это поле генерировалось мощным током, который циркулировал в каком-то сверхпроводнике, не затухая на протяжении всех бесчисленных веков и сохраняя энергию до момента, когда она потребуется. Несомненно одно: в этой черной глыбе таился какой-то внутренний источник энергии; количество солнечной энергии, поглощенное ею за короткое время, прошедшее после восхода солнца, не могло дать сигнал такой мощности.

Бесконечные споры завязывались вокруг одного любопытного, хотя, может быть, и не столь существенного обстоятельства. Монолит был высотой 3,375 метра, а поперечное сечение его равнялось 1,5 × 0,375 метра. Тщательные замеры показали, что отношение сторон этого черного параллелепипеда составляло 1:4:9, то есть равнялось отношению квадратов первых трех целых чисел.

Никаких убедительных объяснений этому найти не удалось, но вряд ли тут была случайность — пропорции были настолько точны, что самые тонкие измерения не могли найти в них погрешности. Вся современная техника Земли не была бы в силах изготовить подобный блок, пусть даже абсолютно инертный, из какого угодно материала с такой фантастической точностью, и мысль об этом не способствовала излишней самоуверенности. Геометрическое совершенство монолита воспринималось людьми как некий безмолвный вызов, оно поражало не меньше, чем другие свойства загадочной находки.

С каким-то странно отрешенным интересом выслушал Боумен и запоздалые извинения Земли за ошибки в программе. В голосах, доносившихся из Центра управления, ему слышались виноватые нотки, он легко мог представить себе, как там обвиняли и попрекали друг друга те, кто отвечал за подготовку экспедиции.

У них были, конечно, кое-какие оправдания. Например, результаты секретного исследования «Проект Барсум», которое по заданию министерства обороны США провел в 1989 году факультет психологии Гарвардского университета. В ходе этого эксперимента по управлению социальными процессами различным подопытным группам населения сообщали, что человечество вступило в контакт с представителями внеземной цивилизации. Многим подопытным индивидам с помощью наркотиков, гипноза и зрительных эффектов внушали, что они непосредственно встретились с обитателями других планет, так что их реакции можно было расценить как совершенно достоверные.

В ряде случаев реакция оказалась весьма необузданной; видимо, во многих людях, в остальном нормальных, очень сильна ксенофобия. Учитывая прошлые «достижения» человечества по части судов Линча, погромов и прочих проявлений «дружелюбия», этому не стоило бы особенно удивляться. Тем не менее организаторы эксперимента сильно встревожились, и результаты его остались неопубликованными. К тому же выводы исследования были подкреплены пятью известными случаями в XX веке, когда радиопередачи романа Герберта Уэллса «Борьба миров» вызвали панику.

При всем том Боумен иногда подумывал, что особая секретность экспедиции вряд ли объясняется только опасением «культурного шока». Отдельные намеки, уловленные им в информации, полученной с Земли, позволяли предположить, что кое-кто надеялся извлечь определенные преимущества из первенства в установлении контакта с внеземным разумом. Боумену в его нынешнем положении, когда Земля выглядела тусклой звездочкой, почти затерявшейся в лучах Солнца, подобные соображения казались смехотворно ограниченными.

Его куда больше заинтересовала — хоть теперь все это было уже позади — теория, объясняющая поведение ЭАЛа. Конечно, полной уверенности тут быть не могло, но у одного из двух компьютеров той же серии, имевшихся в Центре управления, удалось вызвать сходный «психоз», и сейчас его упорно «лечили». Так что объяснение можно было считать верным. Ошибку нашли, и больше она не повторится. Но если конструкторы ЭАЛа не сумели до конца понять психологию своего собственного детища, то насколько же труднее будет добиться взаимопонимания с совершенно чуждыми существами.

Боумену казалась вполне убедительной теория доктора Саймонсона, который считал, что прервать связь с Землей ЭАЛ побудило бессознательное ощущение виновности, вызванное конфликтом, заложенным в самой его программе. Хотелось думать — правда, доказать это уже невозможно,— что ЭАЛ убил Фрэнка неумышленно. Просто он пытался уничтожить улику: ведь если бы тот блок АЕ-35, который он объявил негодным, был проверен и оказался исправным, его ложь была бы разоблачена. А потом, как любой не очень ловкий преступник, запутавшийся в своих преступлениях, он просто испугался. А что такое страх, Боумен понимал лучше, чем ему хотелось бы,— за свою жизнь он дважды это испытал. Первый раз, когда, еще мальчишкой, его унесла обратная волна прибоя и он чуть не утонул. И еще раз, когда уже готовился стать астронавтом, во время тренировки поврежденный манометр показал, что кислород кончится прежде, чем он, Боумен, успеет добраться до базы.

В обоих случаях он почти утратил власть над собой; еще немного, и он превратился бы в клубок бешеных бесконтрольных импульсов. Оба раза он все же сумел вовремя взять себя в руки, но с тех пор хорошо понимал, что в соответствующей обстановке под воздействием страха любой человек может потерять голову.

Если такое случается с человеком, то могло случиться и с механическим разумом. И поняв это, Боумен ощутил, как отступают куда-то горечь и возмущение предательством ЭАЛа. Впрочем, теперь это, так или иначе, уже в прошлом, а его заслонило собою неведомое будущее со всеми таившимися в нем угрозами и надеждами.

32

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВНЕЗЕМНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

Если не считать торопливых минут, затрачиваемых на еду в камбузе, который, по счастью, не пострадал, Боумен практически дневал и ночевал в рубке управления. Отдыхая, он чутко дремал в своем кресле и поэтому сра-

зу обнаруживал неполадки, едва первые признаки их появлялись на приборах пульта. По указаниям с Земли он на скорую руку смонтировал несколько систем аварийной сигнализации, и они работали вполне сносно. Теперь у него даже появилась надежда живым долететь до Сатурна — впрочем, «Дискавери» долетел бы туда все равно, неся его живого или мертвого.

Ему некогда было любоваться красотами космоса, да и не было в них, казалось, никакой новизны, но предвкушение того, что ожидало впереди, подчас отвлекало его даже от самых насущных забот о сохранении собственной жизни. Там, за иллюминаторами, простирался Млечный Путь с его облачными скоплениями звезд, такими плотными, что разум отказывался их объять. Там сверкали огненные туманы созвездия Стрельца, мириадами своих солнц навсегда заслонившего от людского взгляда сердце нашей Галактики. Устрашающей чернотой зиял Угольный Мешок, этот беззвездный «провал» в пространстве. И альфа Центавра — ближайшее из всех чуждых солнц, «первая остановка» за пределами Солнечной системы — сияла ему впереди.

Именно эта звезда, хотя она уступала в яркости Сириусу и Канопусу, влекла к себе взор и мысли Боумена всякий раз, когда он смотрел вперед. Немигающий блеск этой точки, чьи лучи летели к нему долгих четыре года, служил постоянным напоминанием о яростных спорах, что втайне от человечества велись сейчас на Земле, доносясь до него редкими отголосками.

Никто не сомневался, что между черной глыбой ЛМА-1 и системой Сатурна есть какая-то связь, однако ни один ученый не допускал мысли, что существа, создавшие этот монолит, зародились и живут там. Ведь Сатурн еще меньше, чем Юпитер, пригоден для органической жизни, а его многочисленные спутники скованы вечной ледяной стужей космоса. Только один из них, Титан, обладает атмосферой, да и та — лишь тонкая оболочка из ядовитого метана.

А это означало, что существа, посетившие в незапамятные времена земную Луну, вероятнее всего, были гостями не только в околоземном пространстве, но и вообще в нашей Солнечной системе. Они явились из звездных пространств и создали свои базы там, где им было нужно. И тут возникал другой вопрос: способна ли техника, пусть самая совершенная, преодолеть чудовищную бездну пространства, отделяющую нашу Солнечную систему от ближайшего чуждого солнца?

Многие ученые решительно отвергали такую возможность. Они утверждали, что даже «Дискавери», самому скоростному из всех когда-либо созданных космических кораблей, потребуется двадцать тысяч лет, чтобы долететь до альфы Центавра, и миллионы лет, чтобы сколько-нибудь заметно углубиться в недра Галактики. И если даже когда-нибудь, в далеком будущем, космические двигатели достигнут необыкновенного совершенства, они все равно остановятся перед неодолимым барьером скорости света, которую не может превысить ни один материальный объект. А раз это так, то создатели черного монолита, безусловно, жили под тем же Солнцем, что и человек, и если в исторически обозримые времена они у нас не появились, значит, вернее всего, уже перестали существовать.

Но было, однако, заметное меньшинство, которое никак не соглашалось с такой теорией. Пусть для перелета от одной звезды до другой нужны столе-

тия, утверждали они, это не может служить преградой для достаточно настойчивых исследователей. Одно из мыслимых решений — применение искусственного сна, как это уже было сделано на «Дискавери». Кроме того, вполне возможно создать искусственный автономный мир — корабль, рассчитанный на полеты такой продолжительности, что на борту его за это время сменятся многие поколения.

И потом, какие есть основания предполагать, что все разумные существа так же недолговечны, как человек? А может быть, во Вселенной есть создания, для которых тысячелетний полет — всего лишь минутное беспокойство?..

Все эти споры, хотя и носили сугубо теоретический характер, затрагивали, однако, вопрос огромной практической важности — о «длительности реакции». Ведь если монолит ЛМА-1 действительно послал сигнал куда-то к звездам (возможно, через некое ретрансляционное устройство, находящееся где-то близ Сатурна), то он достигнет своей цели только через долгие годы. Тогда, даже если отклик на сигнал был бы немедленным, человечество получало передышку продолжительностью в десятки, а вернее всего в сотни лет. Для многих такая версия была весьма ободряющей.

Но не для всех. Некоторые ученые — по большей части из числа искателей истины на дальних и малоизведанных берегах царства теоретической физики — задавали тревожный вопрос: а так ли уж верно, что скорость света — действительно непреодолимый барьер? Правда, теория относительности оказалась на редкость живучей — приближался уже столетний ее юбилей, а она все держалась. Но первые трещины в ней уже появились. И потом, если положения Эйнштейна нельзя отвергнуть, может быть, их удастся обойти?

Сторонники этой точки зрения с увлечением говорили о «кратчайших путях через высшие размерности», о линиях, которые короче прямых, о «гиперпространственных связностях». Они любили пользоваться образным выражением, которое придумал в прошлом столетии один математик Принстонского университета: «червоточины в пространстве». А критикам, которые говорили, что все эти идеи слишком фантастичны, чтобы принимать их всерьез, они напоминали о знаменитой фразе Нильса Бора: «Ваша теория безумна — но недостаточно безумна, чтобы быть истинной».

Однако споры между физиками не шли ни в какое сравнение с раздорами между биологами вокруг проблемы, увенчанной почтенной сединой: как выглядят представители внеземного разума? Биологи разделились на два лагеря: одни утверждали, что такие существа должны быть обязательно гуманоиды, другие с неменьшей убежденностью заявили, что «они» совершенно не похожи на людей.

Сторонники первой теории исходили из убеждения, что две ноги, две руки и размещение главных органов чувств в самой верхней точке — конструкция столь необходимая и столь целесообразная, что лучшую трудно себе представить. Конечно, признавали они, возможны мелкие различия — скажем, шесть пальцев вместо пяти, иная окраска кожи или волос, какие-либо особенности в строении лица, но в целом разумные «внеземляне» настолько похожи на человека, что на большом расстоянии или в полутьме их можно даже и не опознать.

Подобные антропоморфические суждения высмеивала другая группа биологов — истинные дети космической эры, свободные от предрассудков прошлого. Человеческое тело, говорили они,— это плод миллионов случайных выборов эволюции, сделанных ею на протяжении необозримо долгого времени. На любом из этих бесчисленных, но решающих этапов могла победить какая-либо другая генетическая случайность, и, возможно, даже с лучшими результатами. Ведь тело современного человека — не более чем продукт причудливой импровизации, в нем полно органов, переключенных с одной функции на другую, причем не всегда удачно, а есть и совсем отжившие детали, вроде аппендикса, которые хуже чем бесполезны.

Боумен обнаружил и третью категорию мыслителей, которые придерживались еще более своеобразных взглядов. Они считали, что подлинно совершенные существа вообще не нуждаются в органических оболочках. В процессе расширения своих научных познаний такие существа рано или поздно избавятся от хрупких, легко разрушаемых болезнями и случайностями обиталищ, дарованных Природой и несущих им неминуемую смерть. Они заменят свои естественные тела, когда те износятся, а может быть, и не ожидая этого, конструкциями из металла и пластика и станут, таким образом, бессмертными. Мозг, пожалуй, просуществует немного подольше, он будет управлять механическими членами и созерцать Вселенную посредством электронных органов чувств — органов таких чутких и сложных, какие никогда не смогла бы сформировать слепая эволюция.

Даже на Земле уже давно сделаны новые шаги в этом направлении. Миллионы людей, которые в прошлые века были бы обречены на гибель, счастливо и деятельно жили благодаря тому, что получили искусственные конечности, почки, легкие и сердце. Этот процесс может завершиться только единственным образом, сколько бы времени на это ни потребовалось.

В дальнейшем можно распроститься и с мозгом. Как вместилище сознания он уже не является абсолютно необходимым — это доказано созданием и развитием электронного разума. Возможно, конфликт между разумом и машиной рано или поздно завершится вечным перемирием полного симбиоза...

Несколько биологов, склонных к мистицизму, пошли еще дальше. Черпая свои доводы из постулатов различных религий, они предполагали, что разум в конечном счете освободится от материи. Тело-робот, подобно телу из плоти и крови, послужит всего лишь ступенью к тому, что человек давным-давно назвал духом.

Но если за этим тоже есть что-нибудь еще, то имя ему может быть только Бог.

33
ПОСЛАННИК

За последние три месяца Боумен настолько приспособился к одинокому существованию, что ему трудно было вспомнить, жил ли он когда-нибудь иначе. Он уже перешагнул и отчаяние, и надежду и погрузился в рутину почти ав-

томатических обязанностей, время от времени прерываемую авралами, когда в какой-нибудь из систем «Дискавери» обнаруживались признаки неисправности.

Но любопытства он не утратил, и порой мысль о той цели, к которой несет его корабль, будила в нем радостное волнение и ощущение своей значительности. Ведь он не только представитель всего человечества; возможно, сама судьба людей зависит от того, как он будет действовать в ближайшие недели. Во всей истории еще не бывало ничего подобного. Он, Боумен,— Чрезвычайный и Полномочный Посол рода людского.

И это его поддерживало во многом, даже в мелочах. Он тщательно следил за собой, регулярно брился, невзирая на усталость. Он понимал — Земля наблюдает за ним, ловя первые признаки каких-либо отклонений от нормальной психики,— и решил не давать Центру управления никаких, во всяком случае серьезных, поводов заподозрить неладное.

Боумен, конечно, сам заметил некоторые перемены в своем поведении: было бы странно ожидать иного в сложившейся обстановке. Он теперь не выносил тишины, и радио на корабле оглушительно гремело целыми днями, умолкая только на время его сна и переговоров с Землей.

Сначала ему нужны были голоса людей, и он слушал классические пьесы, особенно Шоу, Ибсена и Шекспира, или стихи из огромнейшей фонотеки «Дискавери». Однако проблемы, затронутые в этих пьесах, казались такими далекими или так легко решались при наличии крупицы здравого смысла, что скоро все драмы ему надоели. И он переключился на оперу. Большинство записей было на итальянском и немецком языках, поэтому его не отвлекало даже то крохотное интеллектуальное содержание, которым, как правило, отличаются оперы. Так продолжалось две недели, пока он не понял, что от всех этих превосходно поставленных голосов одиночество только острей. Но окончательно оборвал эту полосу «Реквием» Верди, который ему на Земле не доводилось слышать. Dies Irae*, разнесшийся с гулким рокотом по пустому кораблю, звучал здесь устрашающе уместно и совершенно потряс его, а когда загремели небесные трубы, возвестив наступление Судного дня, у Боумена не стало сил слушать.

После он запускал только инструментальную музыку. Начал он с композиторов-романтиков, отбрасывая одного за другим по мере того, как их эмоциональные излияния начинали слишком подавлять его. Сибелиус, Чайковский, Берлиоз продержались несколько недель, Бетховен — подольше. Мир он обрел наконец, как и многие до него, в абстрактных построениях Баха, изредка украшая их Моцартом.

Так и летел «Дискавери» к Сатурну, вибрируя от прохладных звуков клавикорда — увековеченных раздумий мозга, ставшего прахом почти двести лет назад.

Уже сейчас, с расстояния в пятнадцать миллионов километров, Сатурн казался больше, чем Луна с Земли. Для невооруженного глаза зрелище было величественным, в телескоп — неправдоподобным.

---

* Dies Irae *(лат.)* — День гнева (слова из католической мессы).

Само тело планеты можно было принять за Юпитер, только немного притихший. Те же пояса облаков, разве что побледнее и менее отчетливо очерченные, те же медленно перемещающиеся возмущения атмосферы размером в целые континенты. Однако у Сатурна было одно резкое отличие от Юпитера — даже с первого взгляда было видно, что он сильно сплющен у обоих полюсов; иногда казалось даже, что он несколько асимметричен.

Но взор Боумена неизменно отвлекала от самой планеты величественная красота ее колец. По своему многообразию, сложности и богатству тончайших цветочных оттенков они стоили целой Вселенной. Кроме основного большого разрыва между внутренним и внешним кольцами в этом гигантском нимбе планеты было еще не меньше пятидесяти других кольцевых промежутков, разделяющих полосы различной яркости. Сатурн окружали как бы десятки обручей, плотно входящих один в другой, и таких плоских и тонких, будто они вырезаны из бумаги. Система колец выглядела тончайшим произведением искусства, хрупкой игрушкой, которой можно только любоваться, но трогать ее нельзя. Боумен не мог, как ни старался, представить себе истинные размеры колец. Не верилось, что Земля, если ее перенести сюда, выглядела бы как шарик от подшипника, катящийся по краю обеденной тарелки.

Иногда за кольцами можно было увидеть какую-нибудь звезду, лишь немного потерявшую в яркости. Свет ее проникал сквозь полупрозрачные кольца, чуть мерцая порой, когда ее заслоняли обломки покрупнее. Ибо кольца Сатурна, как известно уже с девятнадцатого столетия, не массивны: законы механики не допустили бы этого. Они состоят из несчетного множества обломков. Вероятно, это остатки луны, подошедшей слишком близко и разорванной на части притяжением планеты. Впрочем, каково бы ни было их происхождение, человечеству повезло, что ему дано созерцать такое чудо, потому что длительность их существования — лишь краткий миг в истории Солнечной системы.

Еще в 1945 году один английский астроном отметил, что кольца Сатурна недолговечны: на них воздействуют гравитационные силы, которые скоро их уничтожат. Но это означало, что и возникли они сравнительно недавно — два-три миллиона лет назад.

Однако никто не обратил ни малейшего внимания на любопытное совпадение: кольца Сатурна возникли в то же время, что и человек на Земле.

34

ЛУНЫ САТУРНА

«Дискавери» углубился в широко раскинувшуюся систему спутников Сатурна. До самой планеты оставалось менее суток пути. Корабль давно уже пересек резко эллиптическую «пограничную» орбиту самого внешнего спутника, Фебы, движущегося в обратном по сравнению с другими лунами направлении в тридцати миллионах километров от своего повелителя. Впереди лежали орбиты Япета, Гипериона, Титана, Реи, Диона, Тефии, Энцелада, Мимаса, Януса — и сами кольца. В телескоп были видны многие детали поверхности этих спутников Сатурна. Все фотоснимки, какие Боумен успел сделать, он передал на

Землю. Для разведки одного Титана — размером с Меркурий, около пяти тысяч километров в поперечнике,— понадобились бы месяцы, а ему удалось бросить только беглый взгляд и на Титан, и на всех его ледяных собратьев. Впрочем, большего и не требовалось; он уже убедился, что Япет правильно указан ему как конечная цель экспедиции.

На всех других спутниках он заметил лишь кое-где метеоритные кратеры — их было гораздо меньше, чем на Марсе,— да беспорядочные пятна света и тени, перемежающиеся отдельными особенно яркими клочьями и полосами — видимо, скоплениями замерзшего газа. Зато на Япете поверхность отличалась ясно выраженными географическими контурами, притом весьма странными.

Этот спутник, как и остальные, был повернут к Сатурну всегда одной и той же стороной; одно полушарие лежало в глубокой тени, и на нем не обнаруживалось почти никаких элементов поверхности. Другое поразительно отличалось своим видом — на нем бросался в глаза ослепительно белый овал размером примерно триста на шестьсот километров. Когда Боумен увидел это удивительное образование, только часть его была освещена Солнцем, но причина необычных колебаний яркости Япета сразу стала ясна. На западной стороне орбиты яркий эллипс обращен к Солнцу, а значит, и к Земле; когда же Япет выходит на восточную сторону своей орбиты, с Земли можно наблюдать только другое его полушарие, слабо отражающее свет.

Огромный эллипс выглядел безукоризненно симметричным; он седлал экватор Япета, а большая ось его лежала строго по меридиану. Контуры были настолько резко очерчены, что казалось, будто его кто-то аккуратно нарисовал белой краской на поверхности этой маленькой луны. Он был совершенно плоский, и Боумен даже подумал, что это замерзшее озеро, но тогда нельзя было объяснить правильность его очертаний, необыкновенно похожих на искусственные.

Однако сейчас, на подходе к Сатурну, некогда было особенно пристально изучать Япет: стремительно приближались решающие минуты полета — последний маневр «Дискавери» с использованием возмущающей силы тяготения Сатурна. Пролетая мимо Юпитера, корабль использовал его гравитационное поле для увеличения своей скорости. Теперь предстояло добиться обратного: корабль должен потерять значительную часть своей скорости, чтобы не вырваться из Солнечной системы и не улететь к звездам. Курс «Дискавери» на этом участке был рассчитан так, чтобы, захваченный тяготением Сатурна, он превратился в новый спутник этой планеты и начал обращаться вокруг нее по резко эллиптической орбите, вытянутой на три миллиона километров. В ближайшей точке орбиты он почти коснется Сатурна, в наиболее удаленной — затронет орбиту Япета.

Данные земных компьютеров, хотя они опаздывали теперь на три часа, подтвердили Боумену, что все в порядке. Скорость и высота над Сатурном верны, оставалось только ждать момента наибольшего сближения.

Исполинская система колец уже застилала весь кругозор, корабль пролетал над ее внешним краем. С высоты пятнадцати тысяч километров Боумен увидел в телескоп, что кольца состоят в основном из льда, сверкающего и

искрящегося в лучах Солнца. Он словно летел над снежной бурей: только в просветах вместо земной поверхности почему-то были ночь и звезды.

Когда «Дискавери», скользя по кривой, подошел еще ближе к Сатурну, Солнце медленно опустилось к слоистой дуге колец. Теперь кольца легчайшим серебряным мостом перекрывали все небо. Хотя они были так разрежены, что солнечный свет проникал сквозь них, лишь чуть потускнев, мириады кристаллов отражали и рассеивали его, рождая сверкающее зарево. И пока Солнце скрывалось за этой подвижной ледяной завесой шириной больше полутора тысяч километров, бледные призраки плыли по небу, сливаясь друг с другом, и все вокруг озарялось вспышками и переливами света. Потом Солнце спустилось ниже колец, они обрамили его своими дугами, и небесный фейерверк кончился.

Немного позднее корабль, подходя к точке наибольшего сближения с планетой на ее ночной стороне, вошел в тень Сатурна. Над ним сияли звезды и кольца, внизу простиралось слабо различимое море облаков. Здесь не было тех загадочных световых явлений, какие озаряли ночь на Юпитере,— видимо, для этого Сатурн был слишком холоден. Пятнистая поверхность туч едва проступала в слабом призрачном сиянии, которое исходило от ледяных глыб, летящих вверху по своей орбите и еще освещенных Солнцем. Но посередине дуги колец уже возник широкий черный разрыв, словно недостающий пролет в недостроенном мосте,— на кольца легла тень планеты.

Радиосвязь с Землей прервалась; пока корабль не выйдет из тени Сатурна, восстановить ее нельзя. Хорошо еще, что у Боумена хватало забот и ему некогда было ощутить внезапно усилившееся одиночество. В ближайшие несколько часов ему предстояло, не отрываясь ни на секунду, контролировать маневр торможения, уже запрограммированный Землей.

После долгих месяцев праздности вновь ожили дюзы главного двигателя, выбрасывая струи раскаленной плазмы, многокилометровым хвостом стлавшиеся позади корабля. На время в невесомый мир рубки вернулось ощущение тяжести. А в сотнях километров внизу облака метана и замерзшего аммиака озарялись невидимым дотоле светом — это «Дискавери», словно некое яростное маленькое солнце, прорезал тьму сатурнианской ночи.

Наконец впереди забрезжил бледный рассвет; все больше замедляя свой полет, корабль возвращался в день. Теперь он уже не мог оторваться ни от Солнца, ни от Сатурна, но скорость его была еще достаточно велика, чтобы отлететь на три миллиона километров и коснуться орбиты Япета.

«Дискавери» вновь устремился через орбиты всех внутренних лун, теперь уже в обратном направлении. Четырнадцать дней должен был продолжаться путь до Япета. Впереди одна за другой лежали орбиты Януса, Мимаса, Энцелада, Тефии, Диона, Реи, Титана, Гипериона — миров, что носили имена богов и богинь, забытых только вчера, если мерить время космическими масштабами.

А за ними — Япет, и «Дискавери» непременно надо с ним сблизиться. Если это не удастся, корабль ляжет на обратную ветвь орбиты и начнет без конца отсчитывать виток за витком, по двадцать восемь дней каждый.

На вторую встречу с Япетом надеяться нечего. На следующем обороте Япет будет далеко — почти за Сатурном. Правда, корабль и луна еще сблизятся, но в таком отдаленном будущем, что Боумен знал — быть свидетелем этой встречи ему уже не доведется.

35
ОКО ЯПЕТА

Когда Боумен впервые увидел Япет, странный сверкающий эллипс был частично в тени и его освещало только слабое сияние Сатурна. Теперь же эта луна, плавно свершая свой семидесятидевятидневный путь по орбите, повернулась эллипсом навстречу Солнцу.

И по мере того как «Дискавери» понемногу замедлял свой полет, неминуемая встреча приближалась, а эллипс все рос и рос в поле зрения телескопа, Боуменом все сильнее овладевала одна неотвязная мысль. Он ни разу не упомянул о ней в своих передачах, вернее в ежедневных докладах Центру управления,— чего доброго, там подумают, что он уже страдает галлюцинациями.

Боумен и сам начинал этого опасаться. Ведь он был почти убежден, что яркий эллипс, так резко выделяющийся на темной поверхности Япета,— это какой-то огромный пустой глаз, пристально следящий за его приближением. Да, именно глаз, хотя и без зрачка, весь белый, без единой отметины. Только когда до Япета оставалось всего восемьдесят тысяч километров и он стал вдвое больше знакомой земной Луны, какой ее привык видеть человек, Боумен заметил крохотное черное пятнышко точно посредине эллипса. Но разглядывать его было некогда — наступили минуты завершающего маневрирования.

В последний раз главный двигатель «Дискавери» изверг дремавшую в нем энергию. В последний раз пробушевала среди лун Сатурна огненная ярость гибнущих атомов. Отдаленный свист дюз и возросшая тяга двигателя принесли Дэвиду Боумену чувство гордости — и печаль. Превосходные машины выполнили свою задачу безупречно. Они доставили корабль с Земли к Юпитеру, а затем к Сатурну, и вот они работают в последний раз. Сейчас опустеют до дна топливные баки «Дискавери», и он станет таким же безвольным и пассивным, как любая комета или астероид, таким же бессильным пленником тяготения. Даже когда через несколько лет прилетит на выручку другой корабль, «Дискавери» не станут заправлять топливом, чтобы он мог вернуться на Землю,— это было бы слишком расточительной затеей. Ему суждено остаться здесь, на орбите вокруг Япета, вечным памятником начального этапа исследования планет.

Тысячи километров таяли одна за другой, вот уже счет пошел на сотни, и стрелки топливомеров быстро приближались к нулю. У пульта управления Боумен тревожно поглядывал то на ситуационный экран, то на самодельные номограммы, построенные им для ускоренных расчетов по истинному масштабу времени. Если, уцелев в стольких испытаниях, он сейчас не сумеет сблизиться с Япетом из-за нехватки нескольких килограммов топлива, это будет страшным поражением.

Тяга прекратилась, свист реактивных струй главного двигателя смолк, и только верньерные движки продолжали еле ощутимыми толчками направлять «Дискавери» на орбиту. Теперь огромный полумесяц Япета заслонил собой весь кругозор. До сих пор Боумену он представлялся маленьким небесным камешком, да таким он и был в действительности по сравнению с миром, вокруг которого обращался. Но сейчас, когда Япет устрашающе навис над кораблем, он казался огромным — словно некий космический молот, занесенный над «Дискавери», он грозил размять его как скорлупку.

«Дискавери» приближался в Япету так медленно, что движение почти не ощущалось и нельзя было заметить тот миг, когда произошла неуловимая перемена и космическое тело вдруг стало ландшафтом в каких-нибудь восьмидесяти километрах под кораблем. Надежные верньеры дали последние подправляющие толчки и смолкли навсегда. Корабль вышел на свою последнюю орбиту: время оборота — три часа, скорость — всего тысяча триста километров в час. Большей скорости в этом слабом гравитационном поле не требовалось.

«Дискавери» стал спутником спутника.

36
СТАРШИЙ БРАТ

— Опять выхожу на дневную сторону, она точно такая, как я описал на прошлом витке. Похоже, что на этом шарике только два вида поверхностных пород. Черная поверхность вроде древесного угля, и строение почти такое же, насколько могу разглядеть в телескоп. Напоминает подгоревший сухарик.

А с белым плато никак не могу разобраться. Границы очерчены чрезвычайно резко. Оно совсем гладкое, ни щербинки не видно. Может быть, это даже жидкость — поверхность как будто плоская. Не знаю, что вы разглядели на видеограммах, которые я передал, попробуйте вообразить себе замерзшее море молока — будет самое точное представление.

...Может, это какой-то тяжелый газ... впрочем, нет, пожалуй, это исключается. Иногда мне кажется, что белая поверхность движется, очень-очень медленно, но утверждать не могу.

...Я снова над белым плато, на третьем витке. На этот раз надеюсь пролететь поближе к черной отметине посередине, я ее заметил, еще когда подлетал к Япету. Если мои расчеты верны, я пройду километрах в восьмидесяти от... пока не знаю, как назвать эту штуку... Да-да, уже вижу, там, где и ожидал. Она показывается из-за горизонта, а сзади нее виден Сатурн, в том же секторе неба... Секунду, сейчас посмотрю в телескоп...

Ого! Да это похоже на какое-то здание! Совершенно черное, трудно даже разглядеть... Никаких окон, ничего! Просто гладкая вертикальная плита — огромная, наверно километра полтора высотой, иначе ее не увидать бы с такого расстояния. На что она похожа?.. Господи, конечно же! Точь-в-точь как та глыба, которую вы нашли на Луне! Это же просто старший брат лунного монолита!

37
ЭКСПЕРИМЕНТ

Назовем это «Звездные Врата».

Три миллиона лет назад они были воздвигнуты на Япете и с тех пор обращались вместе с ним вокруг Сатурна, дожидаясь решающего часа, который мог и не настать никогда. При их создании один из спутников Сатурна был разрушен, и обломки творения все еще опоясывают эту планету вращающимися кольцами.

И вот долгому ожиданию пришел конец. В другом, совсем другом мире народился разум и начал рваться из своей планетной колыбели. Наступал решающий час древнего эксперимента.

Те, кто положил начало этому эксперименту в давние, незапамятные времена, не были людьми и ничуть не походили на людей. Но они были из плоти и крови и, вглядываясь в глубины космоса, испытывали священный трепет, и изумление, и чувство одиночества. И овладев наконец силами природы, они полетели к звездам.

В своих странствиях они встретили жизнь во множестве проявлений и наблюдали работу эволюции в тысяче миров. Они видели, как часто первые слабые искорки разума, едва народившись, гасли в космической ночи.

Во всей Галактике не нашли они ничего более драгоценного, чем разум, и потому стали повсюду помогать его зарождению. Они стали пахарями звездных полей, они сеяли и порой собирали урожай.

А иногда им приходилось безжалостно выпалывать сорняки. Когда их разведывательный корабль после путешествия, длившегося тысячу лет, достиг Солнечной системы, огромные динозавры давно уже вымерли. Он промчался мимо оледенелых внешних планет, помедлил немного над пустынями умирающего Марса и направился к Земле. Исследователи увидели внизу, под кораблем, мир, где жизнь била ключом. Долгие годы они изучали, собирали, систематизировали. Узнав все, что можно было узнать, они начали перестраивать. Они вмешались в судьбу многих видов на суше и на море. Но раньше чем через миллион лет они не могли узнать, какой из их опытов окажется удачным.

Они были терпеливы, но еще не бессмертны, а в этой Вселенной с ее сотней миллиардов солнц было столько дела и их звали другие миры. И они снова улетели в бездну, зная, что сюда больше не вернутся.

Да в этом и не было нужды. Слуги, которых они, улетая, оставили, доделают остальное.

На Земле наступали и отступали ледники, а неизменно бесстрастная Луна светила на них, надежно храня свою тайну. И еще медлительней, чем ледники, цивилизации то разливались приливной волной по всей Галактике, то исчезали. Империи, странные, прекрасные и ужасающие, возникали и гибли, передавая свои знания преемникам. Земля не была забыта, нет, но что могло дать еще одно посещение? Она пока еще оставалась одним из миллионов немых миров, из которых лишь немногим суждено было заговорить.

38
СТРАЖ

— Воздух на корабле становится все хуже, у меня почти все время болит голова. Кислорода еще много, но фильтры не смогли до конца очистить атмосферу: она сильно загрязнена с тех пор, как в вакууме закипели жидкости. Когда мне становится совсем туго, я спускаюсь в гараж хлебнуть немного чистого кислорода из баллонов в капсулах...

...Никакого отклика на свои сигналы не получил. Вследствие наклонения моей орбиты я все дальше ухожу от ЛМА-2. Кстати, это ваше название неверно вдвойне — ни малейших признаков магнитного поля по-прежнему нет.

Сейчас наименьшее удаление — около ста километров; в результате вращения Япета оно возрастет примерно до ста шестидесяти, затем сократится до нуля. Через тридцать дней я пройду непосредственно над объектом, но этого долго ждать, да к тому же он тогда будет на ночной стороне...

Даже и сейчас он держится в поле зрения всего несколько минут и уходит за горизонт. Чертовски досадно, никак не удается толком провести наблюдения.

...Так вот, я просил бы вас одобрить мой план. Космическая капсула развивает достаточное ускорение, поэтому на ней можно без особого риска совершить посадку И потом вернуться на корабль. Я хочу выйти из корабля и подобраться поближе. Если никакой опасности не замечу, сяду рядом, а то и на верхушку этой махины.

Пока я буду спускаться, корабль останется в пределах видимости, так что в полном отрыве от него придется пробыть всего часа полтора.

Убежден, что другого решения нет. Я пролетел больше полутора миллиардов километров, и последние сто километров меня не остановят.

Страж Звездных Врат, чьи необыкновенные органы чувств были неизменно обращены к Солнцу, уже много недель следил за приближающимся кораблем. Те, кто создал Страж, подготовили его для многих задач, в том числе и для этой. Он уловил, что корабль, летящий из теплого сердца Солнечной системы, устремляется к нему. Будь он живой, он ощутил бы волнение, но такое чувство было ему недоступно. Даже если бы корабль пролетел мимо, Страж не ощутил бы и тени разочарования. Он ждал три миллиона лет. Он готов был ждать вечно.

Страж наблюдал и отметил, что корабль-пришелец сбавил скорость, тормозясь струями раскаленного газа, но ничего не предпринимал. Потом ощутил бережные прикосновения излучений, пытавшихся проникнуть в его тайны. И опять никак не отозвался.

Но вот корабль вышел на орбиту и стал кружить низко над этой необычно пестрой луной. Вспышками радиоволн он начал разговор со Звездными Вратами. Много раз подряд он отсчитывал простые числа от одного до одиннадцати. Потом перешел к более сложным сигналам, на самых разных частотах, в ультрафиолетовом, инфракрасном, рентгеновском диапазонах. Страж не отвечал: ему нечего было сказать.

Корабль надолго затих, а потом Страж заметил, что от него отделилось и начало спускаться к Вратам какое-то тело. Он поискал в своей памяти, и логические цепи, повинуясь приказам, полученным очень-очень давно, приняли решение.

Под ледяными лучами Сатурна в Звездных Вратах пробудились спавшие в них силы.

39
НАВСТРЕЧУ ОКУ

Снаружи «Дискавери» казался совершенно таким же, каким Боумен видел его перед стартом на окололунной орбите, в свете огромной Луны, занимавшей полнеба. Разве только одно немного изменилось: краска наружных надписей, указывавших назначение различных люков, креплений, розеток внешнего питания и других наружных устройств, словно бы чуть выцвела от долгого пребывания в лучах ничем не заслоненного Солнца.

Солнце отсюда выглядело так, что земной житель его ни за что не узнал бы. Оно было еще слишком ярким, чтобы счесть его звездой, но на маленький диск его нетрудно было смотреть в упор. И оно уже совсем не грело; Боумен, сняв перчатку, подставил руку под его лучи, струившиеся в иллюминатор космической капсулы, и не ощутил ни малейшего прикосновения тепла к своей коже. С таким же успехом можно было греться под лучами Луны. Даже чуждый ландшафт, раскинувшийся под ним в нескольких десятках километров, не подчеркивал с такой остротой, как бесконечно далек он от родной Земли.

И теперь он, наверно в последний раз, вышел за порог того искусственного мирка, который столько месяцев был его домом. Даже если он не вернется, корабль все так же будет нести свою службу — передавать на Землю показания приборов, покуда какая-нибудь авария не разрушит окончательно его электронные цепи.

А если он, Боумен, все-таки вернется? Что ж, он сумеет продержаться, может быть, даже сохранить рассудок еще несколько месяцев. А потом наступит конец, потому что система гипотермического сна без электронного мозга действовать не может. Значит, до прилета «Дискавери II» на Япет — а это будет через четыре-пять лет — он не доживет.

Но он быстро прогнал эти мысли. Перед ним в небе всходил золотой полумесяц Сатурна, и он был первым человеком, кому довелось увидеть это зрелище. Взорам других людей Сатурн всегда предстает полностью освещенной стороной, обращенной к Солнцу. А здесь это был изящный полумесяц, и кольца пересекали его тонкой линией — ни дать ни взять лук со стрелой, которая вот-вот будет пущена прямо в Солнце.

На линии колец были видны еще и яркая звездочка — Титан, и более слабые искорки — другие луны Сатурна. Не пройдет и половины начавшегося столетия, как на всех этих небесных телах побывают люди, но ему, Боумену, не суждено узнать, какие тайны они там откроют...

Резко очерченная граница белого слепого ока Япета быстро приближалась: до него оставалось километров сто пятьдесят — меньше чем через десять минут он будет над целью.

Жаль, нельзя никак узнать, доходят ли его слова до Земли — ведь теперь сигнал летит до нее долгих полтора часа. Будет жесточайшей иронией судьбы, если из-за какой-нибудь неисправности в системе ретрансляции он внезапно утонет в молчании и никто не узнает, что с ним произошло.

«Дискавери» еще светился звездочкой высоко в черном небе. Капсула обгоняла его, набирая скорость на спуске, но Боумен знал — скоро двигатели затормозят ее и корабль скроется из виду, оставив его одного на светящейся равнине с черной загадкой в центре.

Плоский черный обелиск вырастал из-за горизонта, заслоняя звезды. Боумен развернул капсулу вокруг оси гироскопов и включил двигатель на полную тягу, чтобы погасить орбитальную скорость. По длинной пологой дуге капсула начала снижаться к поверхности Япета.

В мире с более мощным гравитационным полем этот маневр потребовал бы непозволительного расхода топлива. Здесь же капсула весила всего килограммов десять, и Боумен мог несколько минут лететь, как бы планируя; так он избежал опасной растраты запаса топлива, которая приковала бы его к планете без надежды возвратиться на «Дискавери». А впрочем, для него это уже не имело особого значения...

До поверхности было еще почти десять километров; Боумен летел прямо на черную громаду, вознесшуюся во всем своем геометрическом совершенстве над безликой равниной. С виду монолит был так же мертв, как и плоская белая поверхность вокруг; только сейчас Боумен ощутил всю его огромность. Судя по тщательным измерениям сделанных им фотоснимков, высота этого обелиска достигала шестисот метров — на Земле нашлось бы немного зданий такой высоты. А пропорции его, насколько можно было судить, были те же, что и у лунного монолита,— то же любопытное отношение 1:4:9.

— Я сейчас в пяти километрах от него, держусь на высоте тысяча двести метров. Пока никаких признаков активности — приборы молчат. Грани на вид совершенно гладкие, отполированные. Такая древность — и ни единой щербинки от метеоритов!..

...И на его... как ее назвать... крыше, что ли, тоже ни соринки, чисто! И никаких отверстий тоже нет. Я надеялся, что найду какой-нибудь вход...

...Вот я уже над ним, парю на высоте полутораста метров. Не буду попусту тратить время, а то скоро прервется связь с «Дискавери». Решил садиться. Крыша с виду очень прочная, а если что — сразу уйду на полной тяге...

...Подождите... Не понимаю... Странно...

Голос Боумена оборвался, изумление и замешательство лишили его дара речи. Он не испугался, он просто не мог описать то, что увидел.

Он висел над огромным плоским прямоугольником примерно двести пятьдесят на шестьдесят метров, сделанным из какого-то материала, который с виду был массивный, как скала. Но по мере снижения капсулы эта черная плоскость стала словно отступать, уходить внутрь. Совсем как общеизвест-

ная оптическая иллюзия: глядишь на трехмерный предмет на картинке, небольшое усилие воли — и те грани, которые выступали вперед, оказываются заглубленными внутрь...

Но здесь это происходило с огромным и с виду прочным массивом! Непостижимо, невероятно, но это был уже не монолит, высящийся над плоской равниной. То, что казалось его крышей, провалилось вниз, на безмерную глубину. На одно головокружительное мгновение ошеломленному Боумену показалось, что перед ним разверзлась вертикальная шахта — прямоугольный ствол, уходящий в бездну и вопреки всем законам перспективы не сужающийся с расстоянием.

Око Япета мигнуло, словно сбрасывая досадную соринку. У Дэвида Боумена хватило времени только на одну судорожно-рваную фразу — люди на Земле, в полутора миллиардах километров от Япета, услышали ее через восемьдесят минут и запомнили до конца жизни:

— Он полый... Он без дна... без конца... и... о боже, он полон звезд!..

40
УХОД

Звездные Врата открылись. И закрылись. Пространство искривилось — только на миг, слишком краткий, чтобы его можно было измерить.

И вновь Япет стал пустынным, каким был три миллиона лет, если не считать покинутый, но еще не разрушенный корабль, пославший тем, кто его создал, весть, которую они не могли понять, как не могли ей поверить...

VI
СКВОЗЬ ЗВЕЗДНЫЕ ВРАТА

41
«УЗЛОВАЯ СТАНЦИЯ» ПРОСТРАНСТВА

Он не ощущал движения и, однако, падал навстречу звездам, блиставшим там, в темных глубинах Япета. Нет, не там сияли звезды, не там,— он был уверен. Теперь, когда было уже слишком поздно, он пожалел, что мало интересовался теориями гиперпространства и трансразмерностных каналов. Для Дэвида Боумена эти понятия уже перестали быть теоретическими.

Наверно, этот монолит на Япете был полый... А «крыша» — так, просто обман зрения или какая-то диафрагма, она раскрылась и впустила его, но куда впустила? Насколько он мог верить своим глазам, он падал вместе с капсулой в огромной шахте прямоугольного сечения глубиной в тысячи метров. Падал все быстрей и быстрей, но просвет шахты под ним не менялся в размерах и не приближался к нему.

Только звезды двигались, сначала очень медленно,— до него не сразу дошло, что они разбегаются в стороны, за пределы того просвета, в который видны ему. Но вскоре он убедился, что звездное поле все время расширялось, как будто оно мчалось к нему с немыслимой скоростью. Расширение поля носило нелинейный характер — звезды в центре словно бы почти не двигались, а чем дальше от центра, тем стремительней ускорялось их движение; у края просвета, прежде чем совсем исчезнуть из виду, они уже казались летучими световыми черточками.

Но на смену им появлялись другие: они как бы притекали в центр из источника, совершенно неисчерпаемого. Боумен успел подумать: что, если какая-нибудь звезда так и будет лететь прямо на него и он врежется в раскаленное солнце? Но звезды оставались столь далеки от него, что ни у одной нельзя было разглядеть диск, и неизменно расходились в стороны светящимися черточками, исчезая за краями своей прямоугольной рамки.

А дальний конец шахты все не приближался. Как будто вся шахта со своими стенами двигалась вместе с Боуменом, увлекая его навстречу неведомой участи. А может, он вообще не двигался — это само пространство перемещалось вокруг него?

И вдруг он понял: непонятное творится не только с пространством. Часы на маленькой приборной панели капсулы тоже вели себя чрезвычайно странно.

Обычно цифры десятых долей секунды мелькали в окне счетчика времени так быстро, что их едва можно было уловить. Теперь же они появлялись и исчезали через отчетливо уловимые промежутки времени, и Боумен мог без труда отсчитывать их одну за другой. А секунды тянулись так невообразимо медленно, словно время готово было остановиться. Наконец отсчет десятых долей прекратился совсем — цифры в окошке застыли между 5 и 6.

И однако Боумен мог по-прежнему мыслить и даже замечал, как эбеново-черные стены шахты пролетают со скоростью, которую нельзя ни уловить, ни измерить — то ли это нуль, то ли тысячекратная скорость света... Почему-то он не испытывал ни удивления, ни тревоги. Напротив, он будто спокойно ждал чего-то хорошего — так с ним было однажды, когда специалисты по космической медицине проверяли его психику галлюциногенными наркотиками. Мир вокруг был странный, удивительный, но не внушал страха. Ведь он, Боумен, пролетел сотни миллионов километров ради раскрытия тайны, ну а теперь тайна, похоже, сама летит ему навстречу.

Прямоугольник впереди посветлел. Яркие черточки звезд тускнели на фоне млечного неба, которое сияло все сильнее. Казалось, капсула летит к скоплению облаков, равномерно освещенному лучами невидимого солнца.

Туннель кончался. Дальний его просвет, который все время оставался недосягаемым, на одном и том же не поддающемся определению расстоянии, вдруг начал повиноваться обычным законам перспективы — теперь он приближался и становился все шире. Одновременно Боумен ощутил, что уже не падает, а, наоборот, летит вверх; у него даже мелькнула мысль — уж не пролетел ли он Япет насквозь и не вынырнет ли сейчас на другом его полушарии. Но капсула еще не успела вырваться из туннеля наружу, как он понял: это не Япет и не какой-либо иной мир, ведомый человечеству.

Здесь явно не было атмосферы, потому что он мог различить до мельчайших подробностей все предметы на открывшейся ему непривычно плоской поверхности вплоть до невообразимо далекой черты горизонта. Под ним лежал мир исполинских размеров, должно быть, намного больше Земли. И однако вся эта огромная поверхность была сплошь, словно мозаикой, испещрена контурами явно искусственных сооружений, стороны которых измерялись многими километрами. Будто титан, способный играть планетами, складывал здесь огромную головоломку. А посередине многих квадратов, треугольников и многоугольников зияли отверстия черных шахт, в точности подобных той, из которой он сам только что вылетел.

Но еще сильнее, чем невообразимый мир, который простирался внизу, поразило и встревожило Боумена небо. В нем не было ни звезд, ни бездонного космического мрака. Было только мягкое млечное сияние, от которого рождалось ощущение бесконечной протяженности. Боумен вспомнил, как ему описывали когда-то страшные антарктические туманы: «Будто тебя сунули в шарик для пинг-понга». Этот образ очень подходил к тому непостижимому, что видел над собой Боумен, только здесь это, конечно, объяснялось совсем иначе. Млечное сияние неба не могли вызывать метеорологические причины, туман или снегопад — ведь тут был абсолютный вакуум.

Когда глаза немного привыкли к перламутровому свечению неба, Боумен заметил еще кое-что. Небо вовсе не было пустым, как показалось с первого взгляда. Оно было усеяно мириадами черных крапинок, совершенно неподвижных и расположенных в самых разных беспорядочных сочетаниях. Боумен не сразу их заметил — ведь это были просто черные точки,— но раз увидев, уже без труда различал. Они напоминали нечто очень знакомое, но эта мысль была так безумна, что Боумен отбрасывал ее, пока логика не вынудила его сдаться.

Эти черные проколы в белом небе были звездами; казалось, перед ним фотографический негатив Млечного Пути.

«Куда же это я попал?» — спрашивал себя Боумен и понимал, что никогда не узнает ответа. Пространство словно вывернулось наизнанку... Нет, человеку тут не место! И хотя в капсуле было тепло, он вдруг почувствовал леденящий холод, и его начала бить дрожь, с которой он никак не мог совладать. Хотелось зажмуриться и забыть о жемчужно сияющей пустоте вокруг, но это было бы проявлением малодушия, а такого он не мог себе позволить.

Граненая поверхность планеты, пронзенная черными колодцами, стлалась внизу, однообразная и неизменная. Боумен прикинул на глаз, что летит примерно на высоте пятнадцати километров и мог бы без труда обнаружить признаки жизни. Но мир этот был пустынен: разум побывал здесь, преобразил его по своей воле и ушел...

А потом вдалеке, километрах в тридцати, Боумен увидел горбом торчавшую над плоской равниной полуразрушенную конструкцию цилиндрической формы. Это мог быть только остов гигантского корабля. До него было слишком далеко, чтобы разглядеть какие-либо детали, а через несколько секунд он и вовсе скрылся из виду, но Боумен успел заметить сломанные шпангоуты и

тускло поблескивавшие листы металлической обшивки, отодранной кое-где, словно кожура с апельсина. Сколько тысяч лет пролежал этот исполин на пустынной планете, расчерченной, словно шахматная доска, геометрическими фигурами? И какие существа странствовали на нем среди звезд?

Но тут из-за горизонта показалось нечто такое, что заставило его забыть о покинутом корабле.

Сначала оно выглядело плоским диском, но только потому, что летело почти прямо на него. Когда же летевший предмет приблизился и прошел под капсулой, Боумен увидел, что он веретенообразной формы, длиной сто пятьдесят — двести метров. Местами по его длине шли какие-то едва различимые полосы, но их было трудно разглядеть, потому что предмет этот то ли вибрировал, то ли вращался с большой скоростью.

Оба конца его были заострены, и признаков каких-либо движителей Боумен не заметил. Человеческому глазу в нем было знакомо только одно — его цвет. Если это и правда было вполне осязаемое творение чьей-то техники, а не оптическая иллюзия, то создатели его, видно, не гнушались некоторых человеческих слабостей. Однако им явно чужда была ограниченность возможностей, присущая людям: веретено, судя по всему, они построили из золота.

Повернув голову к экрану заднего обзора, Боумен следил, как снижается эта непонятная штука. Пролетев мимо, словно его здесь и не было, она теперь опускалась к одному из тысяч черных колодцев и через несколько секунд исчезла в недрах планеты, прощально сверкнув золотом. Он снова остался один под этим зловещим небом, больше прежнего подавленный ощущением полного одиночества и оторванности от родной Земли.

И тут он увидел, что его капсула тоже снижается к расчерченной геометрическими узорами поверхности огромного мира и прямо под ним ширится устье одной из прямоугольных расщелин. Пустое небо сомкнулось над ним, часы вновь замедлили ход и остановились, и капсула опять начала падать в черную шахту навстречу другому далекому звездному полю. Но теперь он был уверен, что не возвращается в Солнечную систему, и в мгновенном озарении — может быть, глубоко ошибочном — понял, куда он попал.

Это была своего рода диспетчерская Космоса, здесь регулировалось движение меж звезд в непостижимых размерностях пространства и времени. Его занесло на Центральную узловую станцию Галактики.

42
ЧУЖОЕ НЕБО

Далеко впереди снова стали смутно проступать стены шахты, озаряемые слабым светом, просачивавшимся откуда-то из невидимого еще источника. И вдруг черная тьма мгновенно оборвалась, и капсула вылетела в небо, усыпанное ярчайшими звездами.

Боумен вновь очутился в привычном, обыкновенном космическом пространстве, но с первого взгляда понял, что унесен на сотни световых лет от Земли. Он даже не пытался найти хоть одно из тех созвездий, которые с незапамят-

ных времен были знакомы и близки человеку; вероятно, ни одну из звезд, блиставших сейчас вокруг него, не удалось бы увидеть с Земли невооруженным глазом.

Почти все эти звезды были сосредоточены в сияющей ленте, которая опоясывала небо; лишь кое-где черными клочьями ее прорезали скопления космической пыли.

Звездная лента была похожа на Млечный Путь, только в десятки раз ярче. Может быть, это наша Галактика, подумал Боумен, но видит он ее с другой точки, очень близкой к ее ядру, в котором теснятся друг к другу сверкающие звезды.

Хорошо, если это она и есть — все же не так далеко от родной Земли... Но нет, было бы просто ребячеством на это надеяться. Солнечная система так невообразимо далека, что уже все равно — в своей ли он Галактике или в самой отдаленной из всех, когда-либо уловленных телескопом.

Он перевел взгляд вниз, на планету, от которой улетел, и испытал новое потрясение. Внизу уже не было ни гигантского «граненого» мира, ни какого-либо подобия Япета! Там не было ничего — только исчерна-черное пятно среди звезд, зиявшее словно дверь из темной комнаты, распахнутая в еще более темную ночь. И сейчас же у него на глазах «дверь» закрылась. Не отдалилась от него, нет, а постепенно заполнилась звездами, словно то была прореха в пространстве и ее залатали... Он остался один, совсем один в этом чуждом небе.

Капсула медленно разворачивалась, и взгляду Боумена открывались все новые чудеса. Сперва он увидел шарообразный сгусток звезд — чем ближе к центру, тем гуще они теснились, так что сердцевина была уже совсем слитным сверкающим пятном. Внешние очертания шара расплывались в постепенно редеющий ореол из солнц, незаметно сливающийся с фоном более удаленных звезд.

Боумен догадался, что этот величественный сгусток пламени — шаровое скопление звезд. Он созерцал то, что до него человеческий глаз мог увидеть только как смазанное пятнышко света в поле зрения телескопа. Он не мог вспомнить, как далеко от Земли до ближайшего шарового скопления, но знал хорошо: в радиусе тысячи световых лет от Солнечной системы ничего подобного нет.

Капсула продолжала медленно вращаться, и взгляду Боумена открылось новое, еще более странное явление — огромное красное солнце, во много раз больше Луны, какой она видится с Земли. Боумен мог свободно смотреть на него; судя по окраске, солнце это было не горячее раскаленного уголька. Кое-где по сумрачно-багровой поверхности текли ярко-желтые реки, пылающие Амазонки, извиваясь на десятки тысяч километров и затем теряясь в пустынях умирающего солнца.

Умирающего? Нет, это было ложное, ошибочное впечатление, подсказанное человеческим опытом и чувствами, которые порождены красками закатов на Земле да мерцанием дотлевающих угольков в камине... А эта звезда пережила пламенное буйство юности, за несколько быстролетных миллиардов лет промчалась через фиолетовый, синий и зеленый участки спектра и

ныне вступила в возраст устойчивой, спокойной зрелости, продолжительность которого трудно было даже вообразить. Все, что было в ее прошлом,— меньше тысячной доли того, что ей предстояло. История этой звезды только начиналась.

Капсула перестала поворачиваться; теперь огромное багровое солнце смотрело прямо на Боумена. Хотя движения не ощущалось, он знал, что по-прежнему находится во власти тех сил, которые унесли его сюда от Сатурна. Вся наука и техническое мастерство Земли казались безнадежно примитивными по сравнению с этими силами, влекущими его навстречу неведомой, непостижимой участи.

Он напряженно вглядывался в пространство впереди, пытаясь увидеть цель, к которой его влекло,— может быть, какую-нибудь планету, вращающуюся вокруг этого солнца. Но он не заметил нигде ни видимого диска, ни особо яркой точки; если у солнца и были планеты, он не мог разглядеть их на звездном фоне.

Вдруг на самом краю багрового солнечного диска он заметил нечто странное. Там возникло и быстро разгорелось белое сияние — быть может, внезапное извержение или вспышка, из тех, что время от времени происходят почти на всех звездах.

Сияние становилось все ярче, оно голубело и разливалось по краю солнечного диска, кроваво-красные оттенки которого быстро поблекли перед ним. Усмехнувшись над нелепостью своей мысли, Боумен все же подумал, уж не наблюдает ли он восход солнца... *на солнце.*

Так оно и было. Над пылающим горизонтом солнца поднималось светило не крупнее окружающих звездочек, но такое яркое, что на него невозможно было взглянуть. Крохотная бело-голубая точечка, яркая, как сияние электрической дуги, понеслась с невероятной скоростью поперек солнечного диска. Видимо, она двигалась очень близко к поверхности своего гигантского партнера, потому что прямо под ней вздымался увлекаемый ее притяжением огненный столб высотой во многие тысячи километров — как бы приливная волна планеты, вечно несущаяся вдоль экватора красного солнца в тщетной погоне за летучим огоньком в небе.

Очевидно, эта пронзительно сияющая булавочная головка была белым карликом — одной из странных яростных малых звезд размером не больше Земли, но в миллион раз превосходящих ее массой. Подобные «неравные браки» среди звезд нередки, но мог ли помышлять Боумен, что ему доведется увидеть такую двойную звезду своими глазами?

Белый карлик пробежал почти над половиной багрового диска — на полный виток ему требовалось, наверно, всего несколько минут,— когда Боумен убедился наконец, что его капсула тоже движется. Одна из звезд впереди становилась все ярче и начала перемещаться относительно общего фона. Видимо, это небольшое небесное тело очень близко — может быть, оно и есть тот самый мир, куда он летит?..

Но оно приблизилось неожиданно быстро, и Боумен увидел, что это вовсе не планета.

Из ниоткуда надвинулось и скоро заслонило собой весь обзор тускло поблескивающее паутинно-решетчатое сплетение из металла протяженностью в сотни километров. По его обширной, как материк, поверхности были разбросаны сооружения, огромные, словно города, но похожие на машины. Вокруг них группировалось множество объектов поменьше, расположенных аккуратными рядами и колоннами. Несколько таких групп промелькнуло мимо, пока Боумен сообразил, что это армады космических кораблей и он пролетает над гигантской орбитальной стоянкой.

На ней не было знакомых предметов, по которым можно было бы представить себе масштабы проносившейся внизу панорамы, и потому он не сумел определить размеры кораблей, висевших в пространстве над своей базой. Но, несомненно, корабли были колоссальны; длина иных, наверно, измерялась километрами. Корпуса их имели самую различную форму: шаровидную и яйцевидную, многогранных кристаллов, тонких длинных стержней, дисков. Видимо, это один из транспортных узлов и деловых центров звездной цивилизации, решил Боумен.

Вернее, здесь был некогда такой центр, может быть, миллион лет назад. Ибо нигде Боумен не заметил никаких признаков жизни; этот широко раскинувшийся космический порт был так же мертв, как Луна.

Боумен понял это не только по отсутствию всякого движения, но и по другим безошибочным приметам заброшенности: в металлической паутине зияли огромные бреши — их пробили астероиды, блуждавшие здесь, точно осы, в необозримо отдаленные времена. Теперь это была уже не стоянка звездолетов, а космическая свалка лома.

Он разминулся со строителями мертвого гиганта на целую геологическую эпоху; при мысли об этом у Боумена вдруг упало сердце. Хоть он и не знал, что его ожидает, но все же надеялся на встречу с какими-то разумными существами, обитающими в этом звездном мире. Но видно, опоздал на свидание... Он просто попался в автоматическую ловушку, расставленную в древние времена для неведомой ему цели. Она пережила своих создателей, давным-давно погибших, и теперь захватила его и, протащив через всю Галактику, сбросила сюда, на эту небесную свалку, должно быть, как многих других до него, и ему суждено умереть здесь, как только иссякнет запас воздуха в капсуле.

Да, бессмысленно ожидать чего-либо иного. Что ж... Он увидел воочию столько чудес — за такую возможность многие отдали бы жизнь. Он вспомнил о своих погибших товарищах... Нет, ему грешно сетовать на судьбу.

Но тут он обнаружил, что с прежней, неослабевающей скоростью проносится над заброшенным космическим портом. Вот уже мелькнули внизу его последние «предместья», показался и ушел иззубренный, обломанный край, и звезды, заслоненные им, вновь открылись перед Боуменом. Через несколько минут кладбище звездолетов осталось далеко позади.

Судьбе Боумена предстояло решиться не здесь, а далеко впереди, на огромном багровом солнце: теперь уже можно было не сомневаться, что космическая капсула устремилась именно туда.

43

АД

Все небо от края до края заслонил собой багровый диск. Он был так близко, что поверхность его уже не казалась неподвижно застывшей. По ней в разные стороны перемещались более яркие сгустки, вздымались и опадали вихри газа, струи протуберанцев медлительно взвивались в пространство. Впрочем, что значит «медлительно»? Да если бы их скорость не достигала миллиона километров в час, глазу не уловить бы их движения!

Боумен даже не пытался охватить сознанием масштаб огненного ада, к которому приближался. Когда там, в Солнечной системе, от которой теперь его отделяли неисчислимые миллиарды километров, он пролетал мимо Юпитера и Сатурна, их огромность повергла его в смятение. Но то, что он видел сейчас, было в сотни раз огромнее. Он мог лишь воспринимать зрительные впечатления, нахлынувшие на него, даже не пытаясь их осмыслить.

Это море огня, полыхавшее под ним, должно бы внушать страх, но, странно, он испытывал разве что некоторую настороженность. И вовсе не потому, что был подавлен всеми чудесами, нет, трезвая логика подсказывала: его взял под защиту некий властный, едва ли не всемогущий разум. Капсула была уже так близка к красному солнцу, что он сгорел бы в один миг, если бы его не ограждал от радиации какой-то невидимый экран. И ускорения, которые он испытал в пути с Япета, должны бы мгновенно раздавить его, а он остался цел и невредим! Право же, если столько заботы проявлено о его безопасности, можно еще надеяться на лучшее.

Капсула летела теперь по пологой дуге, почти параллельно поверхности звезды, но постепенно снижаясь. И впервые за все время Боумен начал улавливать звуки. До него доносился слабый рокот, прерываемый потрескиванием и шорохом, будто кто-то рвал бумагу или где-то очень далеко гремел гром. Конечно, это был лишь слабый отголосок чудовищной какофонии: окружающую атмосферу сотрясали такие возмущения, что любой материальный предмет был бы распылен до атомного состояния. А Боумен в своей капсуле был защищен от разрушительных колебаний так же надежно, как и от огня.

Языки пламени высотой в тысячи километров вздымались и медленно опадали вокруг, но он был прочно огражден от неистовства раскаленных газов. Могучая энергия звезды бушевала, не задевая его, словно в другой Вселенной; капсула спокойно плыла сквозь яростные вспышки, неприкосновенная и неопалимая.

Зрение Боумена, потрясенное необычностью и величием всего, что ему открылось, уже немного приспособилось, и он начал различать подробности, которые раньше просто был не в силах уловить. Поверхность звезды не являла собой бесформенный хаос, в ней была своя структура, как во всем, что создано природой.

Сперва он заметил маленькие — размером, пожалуй, не больше Азии или Африки — газовые вихревые воронки, блуждавшие по поверхности. Иногда ему удавалось заглянуть прямо в центр такой воронки, и там, в глубине, вид-

нелись более темные, менее раскаленные зоны. Как ни странно, здесь не было солнечных пятен, возможно, они были признаками болезни, присущей только той звезде, которая освещает Землю.

Изредка появлялись облака, похожие на клочья дыма, гонимые ураганом. Возможно, то и был дым — ведь это солнце было таким холодным, что здесь мог существовать обыкновенный огонь. На несколько секунд здесь могли возникать химические соединения, тут же вновь разрываемые ядерными реакциями, неистовствующими вокруг.

Горизонт светлел, окраска его постепенно переходила из сумрачно-багровой в желтую, затем голубую и, наконец, слепяще-фиолетовую. Из-за края диска выкатился белый карлик, влача за собой приливную волну звездного вещества.

Боумен ладонью заслонил глаза от нестерпимого блеска маленького солнца и смотрел на поверхность большой звезды, вздыбленную притяжением карлика. Однажды ему пришлось видеть смерч на Карибском море. Пламенная башня, взметнувшаяся вверх с красного солнца, имела почти такую же форму. Только размерами она намного отличалась от того смерча — ее основание было, наверно, диаметром больше Земли.

И тут внизу, прямо под Боуменом, появилось нечто совершенно новое, чего раньше не было, потому что проглядеть это было невозможно. По океану раскаленного газа плыли мириады светящихся бусинок, от которых исходило жемчужное сияние; каждые несколько секунд оно то вспыхивало, то гасло. Все бусинки двигались в одном направлении, словно стая лососей, идущая на нерест вверх по течению реки; порой они отклонялись то вправо, то влево, так что пути их пересекались, но ни разу не коснулись друг друга.

Их были тысячи, и чем дольше смотрел Боумен, тем больше убеждался, что движение их имеет целеустремленный характер. Они были слишком далеко от него, и никаких подробностей их строения разглядеть не удавалось; они и сами были заметны на этой гигантской панораме только потому, что размеры их достигали, видимо, десятков, а может быть, и сотен километров. Если это были живые существа, то поистине подобные левиафанам, под стать масштабам того мира, в котором обитали.

Может быть, это просто облачные скопления плазмы, временно стабилизированные каким-то случайным сочетанием естественных сил, подобно недолговечным шаровым молниям, загадку которых все еще не разгадали земные ученые?.. Объяснение простое и, пожалуй, успокаивающее, но Боумен, глядя на странный поток, захвативший чуть ли не всю поверхность звездного диска, сам плохо в это верил. Блистающие световые сгустки знали, куда они движутся: они целеустремленно стекались к основанию огненного столпа, вздымавшегося вслед за белым карликом, который мчался по своей орбите над багровой звездой.

Боумен еще раз вгляделся в эту рвущуюся вверх колонну, которая уже перемещалась по горизонту вслед за крохотной звездочкой, повинуясь притяжению ее колоссальной массы. Что это — или он слишком дал волю своему воображению, или и правда по гигантскому газовому гейзеру ползут вверх мириады ярких искр, сливаясь в целые светящиеся материки?

Мысль, которая пришла ему в голову, была почти сумасбродна: уж не происходит ли у него на глазах миграция органических существ по огненному мосту с одной звезды на другую? Вряд ли ему доведется узнать, стада ли это космических зверей, гонимые через пространство слепым инстинктом, подобно леммингам на Земле, или огромные скопления разумных существ.

Он попал в иной мир, по-иному сотворенный, о котором мало кто из людей мог даже помыслить. За пределами царств моря и суши, воздуха и космоса лежит царство пламени — и ему, единственному из людей, выпала честь взглянуть на него. Нельзя ожидать, чтобы он еще и понял все, что увидел...

44
ГОСТЕПРИИМСТВО

Огненный столп уходил за край солнечного диска. По тускло-багровой поверхности солнца, в тысячах километров внизу, уже не скользили бегущие пятнышки света. Дэвид Боумен, оберегаемый от губительных воздействий среды, которые могли уничтожить его за малую долю секунды, ждал своей судьбы.

Белый карлик стремительно близился к закату: вот он коснулся горизонта, воспламенил его — и исчез. Неверный сумеречный свет упал на багровый ад внизу, и в этот миг, когда освещение резко переменилось, Боумен уловил, что в пространстве вокруг него происходит нечто совсем необычайное.

Очертания поверхности красного солнца задрожали и исказились, словно он глядел на нее сквозь текучую воду. Он подумал было, что это какой-нибудь эффект преломления света — его могла породить особенно сильная ударная волна, проходя через возмущенную газовую атмосферу, в которую уже погрузилась капсула.

Но свет все тускнел, как будто надвигались еще одни сумерки. Боумен невольно поднял глаза и тут же виновато опустил, вспомнив, что главный источник света здесь не небо, а раскаленный мир внизу.

Вокруг, казалось, возникли стены из чего-то подобного дымчатому стеклу; они становились все менее прозрачными, гася багровое свечение солнца. Темнота сгущалась, стихал и рев звездных ураганов. Капсула плыла, погруженная в ночь и тишину. Спустя мгновение Боумен уловил еле ощутимый толчок — капсула коснулась какой-то твердой поверхности, опустилась на нее и больше не шевельнулась.

Какая поверхность? Откуда? Боумен спрашивал себя, не веря своим ощущениям. Но тут вновь вспыхнул свет, и растерянное недоумение сменилось безмерным отчаянием — увидев, что его окружало, Боумен понял, что сошел с ума.

Да, он был готов к любым чудесам. Он не ожидал только одного — будничной заурядности.

Капсула покоилась на блестящем полу безлично элегантных апартаментов отеля, какие можно встретить в любом большом городе Земли. За иллюминатором была гостиная, и в ней кофейный столик, диван, дюжина стульев, пись-

менный стол, разные лампы, книжный шкаф, наполовину пустой, на нем журналы и даже ваза с цветами. На одной стене висел «Мост в Арле» Ван Гога, на другой — «Мир Кристины» Уайета. Боумен подумал: вот выдвинуть сейчас ящик письменного стола, а там обязательно лежит Библия...

Если он и вправду сошел с ума, его галлюцинации на редкость упорядоченны. Все выглядело совершенно реальным: он на мгновение отвернулся, но все осталось на своих местах. Единственной несуразностью во всей этой картине — и несуразностью весьма существенной — была сама капсула.

Боумен долго сидел не шевелясь в своем кресле. Он все-таки еще ждал, что мираж этот вдруг рассеется, но все оставалось на своих местах столь же прочно и основательно, как и любые материальные предметы на Земле.

Нет, это было подлинное, настоящее — или уж обман чувств так невообразимо искусен, что его не отличить от реальности. Может, это своего рода испытание? Тогда от его, Боумена, поведения в ближайшие несколько минут зависит, быть может, не только его судьба, но и будущее всего человечества!

Что делать? Сидеть и ждать, что будет дальше, или открыть капсулу и выйти — рискнуть и проверить реальность окружающего?.. Пол с виду прочный: во всяком случае, вес капсулы он выдержал. Если ступить на пол, из чего бы он там ни был сделан, вряд ли можно провалиться.

Но еще вопрос, есть ли тут воздух; как знать, может, в этой комнате полнейший вакуум или она полна ядовитых газов. Впрочем, это маловероятно — те, кто так заботится о нем, вряд ли упустят столь существенную деталь; однако без особой надобности незачем рисковать. Долгие годы практики приучили Боумена остерегаться отравленной атмосферы, ему не хотелось выходить в неизведанную среду, пока можно было этого избежать. Правда, все вокруг выглядит точь-в-точь как гостиничный номер где-нибудь в Соединенных Штатах. Но ведь ему-то ясно, что на самом деле он сейчас находится в сотнях световых лет от Солнечной системы...

Он опустил лицевой щиток шлема, изолировав себя от окружающей атмосферы, и открыл люк капсулы. Коротко зашипел воздух — давление в капсуле и в комнате уравнялось, и Боумен вышел из капсулы.

Насколько он мог судить, сила тяжести была вполне нормальной. Он поднял руку и расслабил мышцы — не прошло и секунды, как ладонь ударилась о его бок.

От этого все вокруг стало вдвойне фантастичным. Одетый в скафандр, он стоял — а должен был бы плавать! — около капсулы, которая вообще годилась только для мира невесомости. Все привычные рефлексы астронавта здесь отказали, Боумену приходилось обдумывать каждое движение.

Словно в трансе, он медленно зашагал из голой, пустой части комнаты, где стояла капсула, в апартаменты отеля. Он был почти готов к тому, что вещи исчезнут при его приближении, но все оставалось реальным и с виду вполне незыблемым.

Он остановился у кофейного столика. На нем стоял обычный видеофон системы Белла и даже лежала телефонная книга. Боумен наклонился и неуклюже взял книгу рукой в герметической перчатке. На ней знакомыми, тысячу раз читанными буквами стояло: «Вашингтон, округ Колумбия».

Он вгляделся пристальней и получил первое объективное доказательство, что, как ни реальна земная обстановка вокруг, он находится не на Земле.

Боумен смог прочесть только слово «Вашингтон», все остальные надписи были смазаны, как бывает на копиях с газетных фотографий. Он наугад раскрыл книгу, полистал. Страницы были пустые: и не из бумаги, а из какого-то жесткого белого материала, правда очень похожего на бумагу.

Он снял телефонную трубку и прижал к шлему. Если бы видеофон работал, он услышал бы шумок. Но, как он и ожидал, трубка молчала.

Значит, все вокруг — декорация, хотя и до неправдоподобия тщательно сделанная. Притом сделанная явно не для того, чтобы обмануть, а, пожалуй, напротив — приободрить. Во всяком случае, ему хотелось так думать. От этой мысли стало легче на душе, но все же Боумен решил не снимать скафандр, пока не обследует все вокруг.

Вся мебель выглядела достаточно прочной и надежной: он посидел на стульях — они выдержали его вес. А вот ящики письменного стола не выдвигались, они были бутафорские. Бутафорскими оказались и книги, и журналы: как и в телефонной книге, прочесть можно было только название. И подбор довольно безвкусный — по большей части бульварные бестселлеры, немного сенсационной публицистики, несколько разрекламированных автобиографий. Все журналы и книги были по меньшей мере трехлетней давности и не отличались глубиной содержания. Впрочем, это не имело особого значения — ведь книги даже нельзя было снять с полок.

В комнате было две двери, которые довольно легко отворились. Первая вела в небольшую, но уютную спальню, где стояли кровать, туалетный стол и два стула. Выключатели света работали. Боумен раскрыл стенной шкаф и обнаружил четыре костюма и халат, аккуратно развешанные на плечиках, с десяток белых сорочек и несколько комплектов белья.

Он снял один костюм и внимательно осмотрел. На ощупь, насколько удалось определить сквозь перчатку, материал походил скорее на мех, чем на ткань. И покрой был немного старомодный — на Земле уже больше четырех лет не носили однобортных пиджаков.

За спальней оказалась ванная комната, оснащенная всем необходимым; он с удовлетворением отметил, что все здесь отнюдь не бутафорское и работает как положено. Рядом была маленькая кухня, и в ней тоже все, что надо: электрическая плита, холодильник, шкафчики, посуда и столовый прибор, мойка, стол и стулья. Боумен принялся обследовать кухню не только из любопытства — он успел порядком проголодаться.

Он открыл холодильник, волна прохладного тумана опахнула его. Полки холодильника были забиты банками и коробками; все этикетки показались хорошо знакомыми, но, приглядевшись поближе, он убедился, что и тут надписи смазаны и прочесть их невозможно. Ни фруктов, ни яиц, ни молока, ни мяса или масла — ничего свежего не было, в холодильнике лежали только консервированные или расфасованные продукты.

Боумен вынул знакомую коробку с кукурузными хлопьями, подумав при этом, что их совершенно незачем было замораживать. Но едва взяв коробку в руки, понял, что в ней вовсе не хлопья — слишком она тяжелая.

Он сорвал крышку и заглянул внутрь. Коробка была заполнена чуть влажной мякотью синего цвета, консистенцией и весом немного похожей на хлебный пудинг. Если не считать странной окраски, мякоть выглядела довольно аппетитно.

Но тут Боумен спохватился, что ведет себя смешно. «За мной, конечно, наблюдают, и я, наверно, кажусь совершенным идиотом в своем скафандре. Если это проверка умственных способностей, то я, надо полагать, уже провалился»,— подумал он. Не колеблясь больше, он вернулся в спальню, отщелкнул крепежные зажимы шлема, соединяющие его со скафандром, приподнял шлем на несколько миллиметров, нарушив герметичный контакт прокладок, и осторожно потянул носом. Насколько он мог судить, в его легкие попал совершенно нормальный воздух.

Боумен бросил шлем на кровать, весело, хотя и весьма неуклюже, начал стаскивать с себя скафандр. Покончив с этим, он потянулся, сделал несколько глубоких вдохов и бережно повесил скафандр в стенной шкаф рядом с другой, более обычной одеждой. В соседстве с пиджаками скафандр выглядел не особенно уместным, но свойственная всем астронавтам аккуратность не позволила Боумену бросить его где попало.

Затем он поспешно прошел в кухню и принялся более подробно изучать коробку с «хлопьями».

От синего хлебного пудинга исходил слабый пряный запах, напоминавший аромат миндального печенья. Боумен прикинул его вес на руке, потом отломил кусочек и осторожно понюхал. Теперь он уже был уверен, что отравить его никто здесь не намерен, но ведь возможны и ошибки, да еще в таком сложном деле, как биохимия.

Он отщипнул несколько крошек, потом отправил в рот весь отломанный кусок, разжевал и проглотил: вкус был отличный, хотя какой-то непонятный, описать его было просто невозможно. Закрыв глаза, нетрудно было вообразить, что ешь мясо, или пшеничный хлеб грубого помола, или даже сухие фрукты. Что ж, если эта пища не вызовет каких-нибудь нежелательных последствий, голодная смерть ему здесь не грозит.

Несколько раз набив полный рот этой снедью, Боумен почувствовал себя вполне сытым и стал искать, чем бы напиться. В глубине холодильника было с полдюжины банок пива широко известной марки, и он открыл одну из них. Крышка отскочила как обычно, но, к немалому огорчению Боумена, в банке оказалось не пиво, а все та же синяя масса.

Боумен торопливо открыл еще несколько коробок и банок: под самыми разными этикетками они содержали одно и то же синее вещество. Похоже, что меню у него будет довольно однообразное, да и выпить, кроме воды, тоже нечего... Он открыл кран, налил стакан прозрачной жидкости, осторожно отхлебнул и тут же выплюнул. Вкус оказался отвратительный. Но потом, устыдившись этой невольной реакции, Боумен заставил себя выпить стакан до дна.

С первого глотка стало ясно, что это за жидкость. Вкус был скверный просто потому, что она была совершенно безвкусна: из крана текла чистейшая дистиллированная вода. Неведомые хозяева явно решили не подвергать его здоровье какой бы то ни было опасности.

Основательно подкрепившись, Боумен решил наскоро ополоснуться под душем. Мыла не нашлось — еще одно мелкое неудобство, зато была сушилка с потоком нагретого воздуха. Боумен поблаженствовал немного, подставляя тело под теплые воздушные струи, затем облачился в кальсоны, рубашку и халат, взяв их из стенного шкафа. А потом улегся на кровать, уставился в потолок и попытался немного разобраться в фантастической участи, выпавшей на его долю.

Это плохо удавалось, и скоро его отвлекли другие мысли. Над кроватью был укреплен потолочный телевизионный экран обычного гостиничного типа. Боумен решил сначала, что это тоже бутафория, подобно телефону и книгам.

Однако панелька управления, прикрепленная на шарнирной консоли к спинке кровати, была так похожа на настоящую, что Боумен не мог отказать себе в удовольствии повозиться с ней, и когда он нажал клавишу с надписью «Включение», экран засветился.

С лихорадочной поспешностью Боумен начал включать один за другим различные каналы и почти сразу поймал первую передачу.

Выступал известный африканский телекомментатор, обсуждавший меры, направленные на сохранение последних остатков дикого животного мира на его континенте. Боумен послушал его немного, настолько завороженный звуками человеческого голоса, что совершенно не задумывался, о чем идет речь. Потом включил другой канал.

За пять минут он успел увидеть и послушать Скрипичный концерт Уолтона в исполнении симфонического оркестра, дискуссию о прискорбном состоянии драматического театра, ковбойский фильм, рекламу нового лекарства от головной боли, историю о вымогательстве денег на каком-то восточном языке, психологическую драму, три политических комментария, футбольный матч, лекцию по физике твердого тела (на русском языке), несколько сигналов настройки и сообщений о программе передач. В общем, это была самая обыкновенная подборка из мировых телевизионных программ, и возможность увидеть все это не только подбодрила его, но и подтвердила еще раньше зародившуюся у него догадку.

Все передачи были примерно двухлетней давности, то есть относились к тому времени, когда на Луне обнаружили монолит ЛМА-1. Трудно поверить, что это просто совпадение. Видимо, эти передачи были тогда приняты и ретранслированы сюда, значит, черная глыба вовсе не бездействовала, а люди на Луне и не подозревали об этом.

Он продолжал наудачу переключать канал и внезапно наткнулся на знакомую сцену. На экране появилось изображение той самой гостиной, что была тут, за стеной, а в ней сидел известный актер, занятый в эту минуту яростной перебранкой со своей неверной любовницей. Ошеломленный Боумен мгновенно узнал обстановку комнаты, из которой только что ушел, а когда камера вслед за бранящимися героями покатила в спальню, он невольно кинул взгляд на дверь, словно ожидая, что они сейчас войдут сюда.

Так вот, значит, как подготовили его хозяева эту «приемную площадку» для гостя с Земли! Они почерпнули свои представления о быте землян из теле-

визионных передач. Ощущение, что он окружен кинодекорациями, его не подвело.

Итак, Боумен узнал, что ему было сейчас нужно. Он выключил телевизор. «Что же делать дальше?» — спросил он себя, заложив руки за голову и уставясь на пустой экран.

Он безмерно устал, изнемог и телом и душой, но ему казалось просто немыслимым уснуть в этой неправдоподобной обстановке, в такой страшной дали от Земли, какой никогда еще не ведал ни один человек. Однако удобная постель и бессознательная мудрость тела вступили в тайный сговор против его воли.

Он нашарил рукой выключатель — и комната погрузилась в темноту. Через несколько секунд им завладел глубокий сон без грез и сновидений.

Так Дэвид Боумен заснул в последний раз в своей жизни...

45

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

В обстановке жилища больше не было нужды, и она растворилась в мысли своего создателя. Остались только постель и стены — они защищали хрупкое существо от могучих сил, с которыми оно еще не могло справиться.

Дэвид Боумен беспокойно зашевелился во сне. Он не проснулся, и сновидения не посещали его, но какая-то часть сознания пробудилась. Что-то проникло в его разум, как в лес прокрадывается туман. Боумен лишь смутно ощущал это вторжение; совершись оно сразу в полную мощь, оно уничтожило бы его столь же неминуемо, как пламя, бушующее за стенами. Нечто бесстрастно изучало его, а он не ощущал ни надежды, ни страха; у него изъята была самая способность что-либо чувствовать.

Казалось, он парит в беспредельности, а вокруг во все стороны протянулись, образуя четкую сеть, нескончаемые темные линии, а может, нити, по которым движутся крохотные зернышки света — одни медлительны, другие проскальзывают молниеносно. Когда-то ему случилось видеть под микроскопом срез человеческого мозга, и там, в сложнейшем сплетении нервных волокон, он заметил тот же лабиринт. Но тот был мертвый, неподвижный, а этот — сама жизнь. Боумен понял — или вообразил, будто понимает,— что ему открылась работа некоего исполинского разума, созерцающего Вселенную, крохотная частица которой — он, Дэвид Боумен.

Зрелище это — или видение — явилось ему лишь на краткий миг. Тотчас прозрачные плоскости, решетки, сплетения и пересечения скользящих зерен света исчезли, и Дэвид Боумен вступил в мир сознания, неведомого прежде ни единому человеку.

Сперва показалось — Время повернуло вспять. Он готов был принять и это чудо, потом понял: истина еще таинственней и поразительней.

Отворяются родники памяти; одно за другим воспоминания возвращают его в прошлое, и дано все прожить заново. Вот он, этот гостиничный номер... вот космическая капсула... пламенные всплески на красном солнце...

слепящая сердцевина Галактики... врата, через которые попал он в эту непостижимую Вселенную. И все быстрей, быстрей уносясь в обратный путь, он не только видел, но заново испытал все ощущения и тревоги, которые изведал тогда впервые. Жизнь его раскручивалась, точно лента магнитной записи, пущенная задом наперед со все возрастающей скоростью.

И вот он опять на борту «Дискавери», и небо заполнили кольца Сатурна. Вновь он повторил свой последний разговор с ЭАЛом; увидел, как выходит из корабля Фрэнк Пул на последнее свое задание; услыхал голос Земли, заверяющей, что все идет хорошо.

И даже заново проживая миг за мигом, он знал: все и правда хорошо. Он проносился коридорами времени, стремительно возвращался к детству, освобождаемый от прежних знаний и жизненного опыта. Но ни единая крупица не пропадала; все, чем был он прежде, в любой миг своей жизни, передавалось куда-то, где оно будет сохраннее.

Один Дэвид Боумен переставал существовать, а меж тем другой Боумен обретал бессмертие.

Быстрей, быстрей возвращается он в забытые годы, в мир более простой, бесхитростный. Ему ласково улыбаются лица, когда-то дорогие, но, думалось, навсегда позабытые. И он отвечает улыбкой, с нежностью, без боли.

И наконец стремительное обратное движение замедляется; родники памяти почти иссякли. Время течет все медленней, близится миг неподвижности — так в высшей точке размаха на одно нескончаемое мгновение застывает маятник, прежде чем качнуться сызнова.

Безмерное мгновение миновало; маятник двинулся вновь. В пустынности, за двадцать тысяч световых лет от Земли, плывя меж пламени двойной звезды, открыло глаза и заплакало дитя.

46

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Потом младенец умолк, увидав, что он уже не одинок.

В пустоте образовался призрачный мерцающий прямоугольник. Постепенно уплотнился в хрустальную пластину, утратил прозрачность, налился бледным млечным сиянием. На поверхности и в глубине возникли дразняще-неясные образы. Соединились в полосы света и тени, потом — в пересекающиеся круги с подобием спиц; круги начали медленно вращаться, подчиняясь мерному пульсирующему ритму, который теперь, казалось, заполнил пространство.

Такое зрелище могло привлечь и удержать внимание любого младенца — и любой человекообразной обезьяны. Но, совсем как на три миллиона лет раньше, то было лишь внешнее проявление тончайших сил, которые не уловить сознанию. Просто игрушка, отвлекающая чувства, а подлинное воздействие проникало гораздо глубже, в сокровеннейшие пласты разума.

На сей раз воздействие это было быстрым и уверенным, ткался новый узор. За многие эры, минувшие с предыдущей встречи, ткач многое узнал,

и материал, на котором испытывал он ныне свое искусство, стал несравнимо совершеннее. Но достоин ли этот материал стать частью все еще разрастающейся ткани, покажет лишь грядущее.

Уже пристальней, чем способен человек, младенец всматривался в глубины кристального монолита, разглядывал — но еще не постигал — скрытые за ним тайны. Знал, что очутился дома, там, где зародилось не только его племя, но и множество других; но знал также — не может он здесь остаться. Впереди иное рождение, еще поразительней, чем те, что были в прошлом.

И вот настал миг: сплетение сияющих линий уже не отражает тайн, скрытых в сердцевине кристалла. Они угасли, и защитные стены тоже растворились в небытии, из которого раньше возникли, и небеса заполнило красное солнце.

Вспыхнув, исчезли металл и пластик забытой космической капсулы и одежда, еще недавно облекавшая того, кто прежде называл себя Дэвидом Боуменом. Последние звенья, связующие с Землей, вновь распались на атомы.

Но младенец этого не заметил, он осваивался в новом, объявшем его надежном тепле. Ненадолго, пока он не овладел вновь обретенным могуществом, ему еще нужна хотя бы такая материальная оболочка. Его неподвластным разрушению телом стало воплощение собственного осознавшего себя разума; но при всей своей мощи он понимал, что он еще дитя. И останется младенцем, пока не изберет себе какую-то новую форму или же вовсе перестанет нуждаться в воплощении материальном.

И настала пора пуститься в дорогу — хотя в известном смысле он никогда уже не расстанется с этим местом, где родился заново, ибо отныне он — часть сущности, чьим непостижимым устремлениям служит двойная звезда. Ему ясно уже, если не зачем, то куда он должен направиться, и ясно, что нет нужды повторять тот долгий окольный путь, каким он сюда явился. Чутье, обретенное за три миллиона лет, подсказало, что в глубинах пространства есть еще много дорог. Старинный механизм Звездных Врат честно ему послужил, но больше не понадобится.

Уже неуязвимый, он был равнодушен к бушующему внизу адскому пламени, а перед ним в пустоте все еще парил мерцающий прямоугольник, который прежде казался хрустальной пластиной. В ней заключены были пока недоступные воображению тайны времени и пространства, но хотя бы часть их он уже постиг и овладел ими. Как ясен, как необходим математический смысл соотношения сторон, последовательность чисел 1:4:9! И как наивно было воображать, будто ряд на том и кончается, всего лишь на трех измерениях!

Он сосредоточил сознание на этих простейших геометрических понятиях — и едва коснулся их мыслью, пустую раму заполняла тьма межзвездной ночи. Отсвет красного солнца меркнул, вернее, словно бы отступал сразу во всех направлениях; и вот взору открылся сверкающий водоворот Галактики.

Казалось, перед глазами в хрустальной пластине — прекрасная, необычайно точная и подробная модель. Но то была реальность, схваченная во всей своей цельности чувствами, которые стали гораздо восприимчивей зрения. Пожелай он, можно бы сосредоточить внимание на любой из сотен миллионов звезд, а сверх того, ему по силам еще очень многое.

Вот он плывет в исполинском потоке солнц, по одну сторону густо пламенеющая россыпь — сердце Галактики, по другую — одинокие, разбросанные по ее обочине звезды-часовые. Здесь бы и остаться, на краю этой небесной расселины, змеящейся беззвездной полосы мрака. Он знал, этот бесформенный хаос, различимый лишь при отсвете, отделяющем его от простершихся в бесконечную даль огненных туманов,— это первооснова творения, сырье для грядущих превращений, оно еще ждет своего часа. Здесь Время еще и не начиналось; лишь много спустя после того, как сгинут пылающие ныне солнца, возникнут в этой пустынной бездне свет и жизнь и преобразят ее.

Однажды, сам того не зная, он уже пересек эту бездну; теперь надо пересечь ее вновь — на сей раз по собственной воле. Мысль эта наполнила его внезапным леденящим ужасом, и на миг он растерялся, новое видение Вселенной заколебалось, грозя рассыпаться в прах.

Не страх перед пучинами Вселенной оледенил его душу, но тревога более глубокая, рожденная грядущим, что еще не возникло. Ибо те малости, какими измеряет время человек, остались позади; теперь, когда взору его открылась чернота беззвездной ночи, он впервые начал постигать, что такое разверзающаяся перед ним Вечность.

А потом он вспомнил, что отныне уже не будет одинок, и страх понемногу отхлынул. С кристальной ясностью вновь возникло понимание Вселенной, и он знал — вернулось оно не только благодаря его усилиям. Когда при первых неуверенных шагах ему понадобится помощь, она не заставит себя ждать.

Мужество вернулось к нему, и, как прыгающий с вышки ныряльщик, которому лишь на мгновение изменила храбрость, он ринулся сквозь световые годы. Галактика вырвалась из рамок, в которые он мысленно ее заключил; чудилось, с невообразимой скоростью мчатся мимо звезды и туманности. Призрачные солнца взрывались и исчезали позади, когда, словно тень, проносился он сквозь самую их сердцевину; мрачные скопления холодной космической пыли, что прежде страшили его, казались всего лишь взмахами воронова крыла, мелькающими пред ликом солнца.

Звезды редели; слепящий блеск Млечного Пути, слабея, превращался в бледный отсвет сияния, когда-то знакомого,— и когда он будет вполне готов, он снова его узнает.

Он вернулся туда, куда стремился,— в пространство, которое люди называют истинным.

47

ДИТЯ ЗВЕЗД

Перед ним блестящей игрушкой, перед которой не устоит ни одно Дитя Звезд, плывет Земля со всеми ее народами.

Он возвратился вовремя. Там, на густо населенной планете, вот-вот вспыхнут на экранах радаров тревожные сигналы, зашарят по небу громадные телескопы, выслеживая цель,— и истории, какую знали люди, настанет конец.

Он уловил — в тысяче миль под ним пробуждается от сна смертоносный груз, лениво шевелится на своей орбите. Жалкие силы, дремлющие там, не страшны летящему, но он предпочитает чистое небо. Он направил туда свою волю, и скользящие вокруг земного шара мегатонны расцвели беззвучным взрывом, на миг озарили обманным рассветом половину спящей планеты.

А он выжидает, собирается с мыслями, взвешивает свои еще неиспытанные силы. Этот мир подвластен ему, однако пока не совсем ясно, как поступать дальше.

Но он что-нибудь придумает.

2010: ОДИССЕЯ ДВА

Двум великим русским: генералу А. А. Леонову — космонавту, Герою Советского Союза, художнику, и академику А. Д. Сахарову — ученому, лауреату Нобелевской премии, гуманисту

I

«ЛЕОНОВ»

1

АРЕСИБО. РАЗГОВОР В ФОКУСЕ

Даже в век торжества метрической системы этот телескоп называли тысячефутовым. Тень наполовину затопила его гигантскую чашу, но лучи заходящего солнца еще играли на треугольном антенном блоке, вознесенном высоко над нею. Там, в сплетении проводов, креплений и волноводов, затерялись две человеческие фигурки.

— Самое время,— начал доктор Дмитрий Мойсевич, обращаясь к своему давнему другу Хейвуду Флойду,— потолковать о многом: о башмаках, и о космических кораблях, и о сургучных печатях... А главное — о *монолитах* и неисправных компьютерах.

— Так вот для чего мы удрали с доклада Карла! Правда, я столько раз его слышал, что мог бы и сам выступить с ним... Но ты прав — вид отсюда действительно впечатляет. Представь, я поднялся сюда впервые.

— Вуди, тебе не стыдно? Я тут четвертый раз. Вообрази — мы слушаем Вселенную... Но нас не услышит никто. И мы можем спокойно поговорить о твоих трудностях.

— Каких же это?

— Ну, во-первых, тебе пришлось уйти из НАСА.

— Я ушел сам. В Гавайском университете больше платят.

— Ясно... «по собственному желанию». Не хитри, Вуди,— ведь я же тебя знаю. Стоит новому президенту призвать тебя назад, и ты что, откажешься?

— Сдаюсь, старый казак. Что тебя интересует?

— Скажем, монолит из кратера Тихо. Наконец-то вы показали его научному миру. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Правда, толку от всех исследований...

© Перевод М. Романенко, М. Шевелева.

При упоминании о черной глыбе, в тайну которой бессилен был пока проникнуть человеческий разум, оба замолчали. После паузы Мойсевич продолжил:

— Но сейчас важнее Юпитер. Ведь именно туда был направлен сигнал из Тихо. И там погибли ваши ребята.— Он помолчал.— Я встречался лишь с Фрэнком Пулом. В девяносто восьмом, на конгрессе МАФ. Он мне понравился.

— Они бы все понравились тебе. Но мы до сих пор не знаем, что с ними произошло.

— Да, до сих пор. Но теперь это уже не только ваше внутреннее дело, Вуди. Ответа с нетерпением ждет все человечество, и с полным на то правом. Вы не сможете и дальше использовать имеющуюся у вас информацию лишь в собственных целях.

— Дмитрий, ты прекрасно знаешь, что на нашем месте и вы бы иначе не поступили. При активном твоем участии.

— Согласен. Но забудем о былых неурядицах. Они — в прошлом. Как и прежнее ваше правительство, которое развело всю эту секретность. У нового президента, надеюсь, более разумные советники.

— Возможно. У тебя есть официальные предложения?

— Нет, разговор сугубо частный. «Предварительные переговоры», как выражаются чертовы политики. И если кто-либо поинтересуется, происходили ли они, я отвечу «нет».

— Разумно. И что дальше?

— Ситуация, в общем, проста. «Дискавери-два», как тебе известно, будет готов не раньше чем через три года. Значит, вы упустите следующее стартовое окно.

— Допустим. Однако не забывай — я всего лишь ректор. НАСА для меня — на другой стороне Земли.

— И в Вашингтон, надо полагать, ты ездишь просто так, навестить старых друзей. Да ладно. Наш корабль «Алексей Леонов»...

— Я думал, вы назвали его «Герман Титов».

— Ошибаетесь, ректор. Вернее, ошибается ЦРУ. Так вот, между нами: «Леонов» достигнет Юпитера как минимум на год раньше «Дискавери».

— Между нами, этого-то мы и боялись. Продолжай.

— Мое начальство, судя по всему, ждать вас не собирается. По части слепоты и глупости оно ничем не лучше твоего. А раз так, на нашу экспедицию могут обрушиться те же беды, что и на вашу.

— А что, по-вашему, там произошло? Только не говори, будто у вас нет перехвата боуменовских сообщений.

— Конечно есть. Все, вплоть до последних слов: «Боже, он полон звезд!» Наши компьютеры проанализировали даже интонацию в этой фразе. Боумен не галлюцинировал. Он пытался описать то, что действительно видел.

— А что показал доплеровский сдвиг?

— Чудовищно! Когда сигнал пропал, Боумен удалялся со скоростью тридцать тысяч километров в секунду. Он набрал ее за две минуты. Многие тысячи *g*!

— Выходит, он мгновенно погиб.

— Не хитри, Вуди. Передатчик не выдержал бы и сотой доли такой перегрузки. А он действовал. Значит, и Боумен мог уцелеть.

— Что ж, все сходится. Стало быть, вы в таком же неведении, как и мы. Или у вас есть еще что-нибудь?

— Только куча безумных гипотез. Но любая из них недостаточно безумна, чтобы быть истинной.

Яркие красные огни зажглись на трех опорах антенны, превратив их в подобие маяков. Флойд с надеждой следил, как багровый край Солнца скрывается за горами. Но знаменитый «зеленый луч» так и не появился.

— Дмитрий,— сказал он,— давай начистоту. Куда ты клонишь?

— На «Дискавери» осталась бесценная информация; возможно, бортовые системы продолжают собирать ее. Нам нужна эта информация.

— Понятно. Но что помешает вам переписать все это, когда «Леонов» достигнет цели?

— «Дискавери» — это территория США. Высадка на корабль без вашего разрешения будет пиратством.

— Если не связана с аварийной ситуацией, а ее нетрудно подстроить. И вообще, как мы проверим, чем занимаются ваши ребята на расстоянии в миллиард километров?

— Спасибо за идею, я подкину ее наверх. Но даже если мы высадимся на «Дискавери», понадобятся недели, чтобы во всем разобраться. Короче, я предлагаю сотрудничество, хотя убедить начальство — и ваше, и наше — будет непросто.

— Ты хочешь включить в экипаж «Леонова» американского астронавта?

— Да. Желательно специалиста по бортовым системам «Дискавери». Например, кого-то из тех, кто тренируется сейчас в Хьюстоне.

— Откуда ты о них знаешь?

— Бог с тобой, Вуди, это было на видеокассете «Авиэйшн вик». С месяц назад.

— Вот что значит отставка. Даже не в курсе, что еще секретно, а что уже нет.

— Следует почаще бывать в Вашингтоне. Поддерживаешь мое предложение?

— Вполне. Но...

— Но что?

— Нам обоим придется иметь дело с политическими динозаврами, которые думают отнюдь не головой. Кое-кто из моих наверняка скажет: русские торопятся в петлю — это их дело. Мы доберемся до Юпитера на пару лет позже. Куда нам спешить?

Какое-то время оба молчали, только слышалось поскрипывание длинных растяжек, удерживающих антенный блок на стометровой высоте. Потом Мойсевич тихо сказал:

— Когда последний раз вычисляли орбиту «Дискавери»?

— Полагаю, недавно. А что? Она совершенно стабильна.

— Да, но вспомни один из эпизодов в славной истории НАСА. Рассчитывали, что ваша первая станция — «Скайлэб» — продержится на орбите по край-

ней мере десятилетие. Однако оценка сопротивления в ионосфере оказалась сильно заниженной, и станция сошла с орбиты намного раньше срока. Ты должен помнить этот скандал, хотя и был тогда мальчишкой.

— В то время я как раз окончил колледж, и ты это отлично знаешь. Но «Дискавери» не приближается к Юпитеру. Даже перигей — то есть периювий — орбиты лежит далеко за пределами атмосферы.

— Я и так наболтал достаточно, чтобы снова сесть под домашний арест. И на этот раз тебе вряд ли позволят меня навестить. Но попроси ребят, которые за этим следят, быть повнимательней. Напомни им, что у Юпитера самая мощная магнитосфера в Солнечной системе.

— Все понял, спасибо. Будем спускаться? Становится прохладно.

— Не беспокойся, старина. Как только эта информация дойдет до Вашингтона и Москвы, нам всем станет жарко.

2
ДОМ ДЕЛЬФИНОВ

Дельфины приплывали ежедневно перед закатом. Они изменили своему обычаю лишь однажды — в день знаменитого цунами 2005 года, которое, потеряв силу, не достигло, к счастью, Хило. Но Флойд твердо решил: если они опять не появятся, он тут же погрузит семью в машину и поспешит в горы, к Мауна Кеа.

Они были прелестны, но их игривость порой раздражала. Морской геолог, создатель и первый хозяин ректорской резиденции, отнюдь не боялся промокнуть, ибо дома носил лишь плавки, а то и меньше. Но как-то произошел незабываемый случай: совет попечителей в полном составе ожидал здесь важного гостя с материка. Попечители — при смокингах и с коктейлями в руках — удобно расположились вокруг бассейна. Естественно, дельфины решили, что им тоже что-нибудь перепадет... И высокий гость был весьма удивлен, найдя хозяев облаченными в халаты не по росту, а закуски — пересоленными сверх всякой меры.

Флойд часто спрашивал себя: как отнеслась бы Марион к этому чудесному дому на берегу океана? Она никогда не любила моря, и море ей отомстило. До сих пор у него перед глазами строки на дисплее:

«Доктору Флойду. Лично, срочно.

С глубоким сожалением извещаем Вас, что самолет, следовавший рейсом 452 Лондон — Вашингтон, упал в районе Ньюфаундленда. Спасательные работы продолжаются, однако надежды, что кто-либо из пассажиров остался в живых, практически нет».

Если бы не случайность, они бы летели вместе. Первое время он не мог простить себе, что задержался в Париже: споры из-за груза, предназначенного для «Соляриса», спасли ему жизнь.

Теперь у него новая работа, новый дом — и новая семья. Неудача с «Дискавери» погубила его политическую карьеру, но такие, как он, не остаются

без работы подолгу. Его всегда привлекала неторопливая университетская жизнь; красивейшие в мире ландшафты сделали соблазн неодолимым. Через месяц после своего назначения он познакомился с Каролиной...

С ней он обрел спокойствие, которое не менее важно, чем счастье, а длится дольше. Она стала хорошей матерью двум его дочерям и подарила ему Кристофера. Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, она хорошо его понимала и оберегала в минуты душевного спада. Она излечила его: теперь он вспоминал Марион лишь с печалью, которая останется на всю жизнь.

Каролина бросала рыбу крупному дельфину по кличке Скарбак, когда Флойд ощутил мягкое покалывание на запястье.

— Ректор слушает.

— Хейвуд? Это Виктор. Как дела?

За секунду Флойд пережил самые разноречивые чувства. Сначала раздражение — звонил его преемник и, скорее всего, главный виновник отставки. Затем любопытство — о чем пойдет речь, нежелание разговаривать, стыд за собственное ребячество и, наконец, волнение. Виктор Миллсон мог звонить лишь по одной причине.

Флойд отозвался как можно спокойнее:

— Не жалуюсь. А что?

— Линия защищена от подслушивания?

— Нет. Слава богу, это для меня теперь без надобности.

— Тогда попробуем так. Вы помните последний проект, которым занимались?

— Еще бы! Полагаю, работы идут по графику.

— В том-то и беда. Мы можем выиграть максимум месяц. Значит, мы безнадежно опаздываем.

— Не понимаю,— невинно произнес Флойд.— Конечно, времени терять не хотелось бы, но ведь и четких сроков нет.

— Есть, и даже два.

— Это для меня новость.

Даже если Виктор и ощутил иронию, он предпочел ее не заметить.

— Да, два срока. Один из них установлен обстоятельствами, другой — людьми. Наши старые соперники опережают нас на год.

— Плохо.

— Это не самое худшее. Даже не будь их, мы все равно опоздаем. Когда мы прибудем к... на место действия, там ничего не останется.

— Забавно. Неужели конгресс отменил закон тяготения?

— Я не шучу. Ситуация... нестабильна. Я не вправе входить в подробности. Вы будете дома?

— Да,— ответил Флойд, с удовлетворением подсчитав, что в Вашингтоне уже далеко за полночь.

— Хорошо. Через час вам доставят пакет. Как только ознакомитесь, свяжитесь со мной.

— Так поздно?

— Что делать, время дорого.

Миллсон сдержал слово. Час спустя полковник ВВС — ни больше ни меньше — вручил Флойду запечатанный конверт.

— Боюсь, мне придется его забрать,— извинился сановный курьер.

Пока он терпеливо болтал с Каролиной, Флойд, устроившись поудобнее, изучал документы. Их было два. Первый — очень короткий, с грифом «Совершенно секретно» (впрочем, «совершенно» было зачеркнуто, и это удостоверяли три подписи) — отрывок из длинного доклада, подвергнутый строгой цензуре и полный раздражающих пропусков. Однако суть его сводилась к одной-единственной фразе: русские доберутся до «Дискавери» намного раньше его хозяев. На корабле «Космонавт Алексей Леонов» — Дмитрий, как всегда, сказал правду.

Второй документ, с грифом «Для служебного пользования», оказался гораздо длиннее. Это была ожидавшая окончательного одобрения статья для «Сайенс» об аномальном движении «Дискавери» — десяток страниц, испещренных математическими формулами и астрономическими таблицами. Флойд изучал статью как песню, отделяя слова от мелодии и пытаясь обнаружить малейшую нотку — хотя бы смущения. Статья восхитила его. Из текста нельзя было понять, что те, кто отвечал за слежение, захвачены врасплох и что лихорадочное расследование все еще продолжается. «Головы полетят,— подумал Флойд,— и Виктор займется этим с удовольствием. Если его голова не полетит первой... Правда, он протестовал, когда конгресс урезал ассигнования на станции слежения. Возможно, это его спасет».

— Спасибо, полковник,— сказал Флойд, возвращая бумаги.— Секретная информация, как в старое доброе время. Но не могу утверждать, чтобы я скучал без нее.

Полковник спрятал пакет и щелкнул замками.

— Доктор Миллсон просил позвонить как можно скорее.

— Но моя линия не защищена. А я жду важных гостей, да и не вижу смысла ехать к вам в Хило, чтобы сообщить, что ознакомился с двумя документами. Передайте, что я их внимательно изучил и с интересом жду новых сообщений.

Одно мгновение казалось, что полковник собирается возразить. Но, видно, он передумал, сухо попрощался и скрылся в ночи.

— В чем дело? — спросила Каролина.— Разве мы кого-нибудь ждем?

— Просто не люблю, когда на меня давят. Особенно если это Виктор Миллсон.

— Но он позвонит тебе после доклада полковника.

— Мы отключим видеосвязь и будем изображать вечеринку. Честно говоря, мне действительно пока нечего сказать.

— О чем? Я же ничего не знаю.

— Извини, дорогая. Странно ведет себя «Дискавери». Считалось, что его орбита стабильна. Однако выяснилось — он вот-вот упадет.

— На Юпитер?

— Ни в коем случае. Боумен вывел корабль во внутреннюю точку Лагранжа, между Юпитером и Ио. «Дискавери» должен был оставаться там, но сейчас все быстрее смещается к Ио. Ему осталось три года, не больше.

— Разве в астрономии такое возможно? Ведь это точная наука. Нам, бедным биологам, всегда так говорили.

— Это точная наука, если все принято во внимание. Но Ио — не Луна. Вулканические извержения, мощные электрические разряды... И вращающееся магнитное поле Юпитера. На «Дискавери» действуют не только гравитационные силы — это следовало понять гораздо раньше.

— К счастью, это уже не твои трудности.

Флойд не ответил. «Твои трудности»,— так сказал и Дмитрий Мойсевич. А тот знал Флойда гораздо дольше, чем Каролина.

Пусть это и не его трудности, но он осознавал свою ответственность. Ведь это он одобрил экспедицию к Юпитеру и руководил ею. Еще тогда возникали сомнения — в нем боролись ученый и чиновник. Лишь он мог возразить против близорукой политики прежнего правительства. Только он один.

Вероятно, ему следовало закрыть эту главу своей жизни и сосредоточиться на новой карьере. Но в глубине души он понимал, что это невозможно. Даже если бы Дмитрий не напомнил ему о старых грехах, он вспомнил бы о них сам.

Четверо погибли и один пропал без вести среди лун Юпитера. И Хейвуд Флойд не знал, как смыть с рук их кровь.

3

САЛ-9000

Доктор Сависубраманиан Чандрасекарампилай, профессор кибернетики Иллинойсского университета, тоже испытывал чувство вины. Но его коллег и студентов, которые шутили, что миниатюрный ученый — не совсем человек, не удивило бы известие, что доктор Чандра никогда не задумывался о судьбе погибших астронавтов. Он скорбел только о своем детище — ЭАЛ-9000.

Годы упорной работы над данными с «Дискавери» не принесли результата. Он все еще не знал, что произошло в действительности, и мог лишь предполагать — факты хранились в памяти ЭАЛа, находившегося между Юпитером и Ио.

Цепь событий была восстановлена: когда Боумену удалось наладить связь с Землей, он добавил некоторые детали. Но события — это следствие, а вовсе не причина.

Все началось с сообщения ЭАЛа о неполадках в блоке, который направлял главную антенну на Землю. Отклонись радиолуч длиной в полмиллиарда километров от цели, и корабль становится слеп, глух и нем.

Боумен сам обследовал поврежденный блок, но, к общему удивлению, тот оказался исправен. Автоматические контрольные системы не смогли отыскать повреждения. Не смог это сделать и двойник ЭАЛа, САЛ-9000, оставшийся на Земле.

Но ЭАЛ настаивал на правильности своего диагноза, подчеркивая возможность «человеческой ошибки». Он предложил вернуть блок в антенну, чтобы, когда тот окончательно выйдет из строя, найти и устранить неисправность.

Никто не возражал, поскольку заменить блок в случае необходимости — минутное дело.

Однако астронавтов это не радовало — они чувствовали: что-то происходит. Месяцами они считали ЭАЛа третьим членом своего крошечного мирка и знали все его настроения.

Ощущая себя предателями — как сообщил потом на Землю Боумен,— люди обсуждали, что предпринять, если их электронный коллега действительно вышел из строя. В худшем случае его пришлось бы отключить, что для компьютера равносильно смерти.

Несмотря на сомнения, они действовали по плану. Пул покинул «Дискавери» на одном из небольших аппаратов, предназначенных для работ в космосе. Но манипуляторы не могли выполнить тонкую операцию по замене блока, и Пул занялся этим вручную.

Камеры не показали последующих событий, и это само по себе было подозрительно. Боумен услышал крик Пула, затем наступила тишина. Спустя мгновение он увидел, как тело товарища уплывает в космос. Аппарат, выйдя из-под контроля, протаранил Пула.

Как признал позднее Боумен, он допустил несколько ошибок — в том числе одну непростительную. Надеясь спасти Пула, он вышел в космос на другом аппарате, оставив ЭАЛа хозяином корабля.

Однако Пул был мертв. Когда Боумен с телом товарища вернулся к кораблю, ЭАЛ отказался его впустить.

Но ЭАЛ недооценил человеческую изобретательность и решимость. Боумен забыл шлем скафандра в корабле, он вышел в пустоту без него и проник внутрь через аварийный люк, который не контролировался компьютером. Затем он подверг ЭАЛа лоботомии, разбив блоки его электронного мозга.

Восстановив контроль над кораблем, Боумен сделал страшное открытие: в его отсутствие ЭАЛ отключил системы жизнеобеспечения трех остальных астронавтов, находившихся в анабиозе. И Боумен познал одиночество.

Другой бы впал в отчаяние, но Дэвид Боумен доказал, что выбор на него пал не случайно. Ему даже удалось восстановить связь с Центром управления, развернув корабль антенной к Земле.

Следуя по расчетной траектории, «Дискавери» подошел к Юпитеру. Здесь, среди лун планеты-гиганта, Боумен обнаружил черный параллелепипед, идентичный по форме монолиту из кратера Тихо, но в сотни раз превышавший его по размерам. Астронавт отправился исследовать его и пропал, передав на Землю последнюю загадочную фразу: «Боже, он полон звезд!»

Этой тайной занимались другие, а доктор Чандра думал лишь об ЭАЛе. Его бесстрастный мозг не выносил неопределенности. Ему необходимо было узнать причины поведения ЭАЛа. «Аномального поведения», как он говорил, хотя другие называли это «неисправностью».

Обстановка его маленького кабинета состояла из вращающегося кресла, дисплея и грифельной доски, рядом с которой висели портреты прародителей кибернетики: Джона фон Неймана и Алана Тьюринга.

Здесь не было ни книг, ни бумаги, ни даже карандаша. Стоило Чандре нажать кнопку — и все библиотеки мира были к его услугам. Дисплей заме-

нял ему записную книжку. Доска предназначалась для посетителей: последняя полустертая диаграмма была нанесена на нее три недели назад.

Доктор Чандра закурил одну из своих мадрасских сигар — их считали его единственной слабостью.

— Доброе утро, САЛ,— сказал он в микрофон.— Какие у тебя новости?

— Никаких, доктор Чандра. А у вас?

Этот голос мог принадлежать любому индийцу, получившему образование в США или у себя на родине. На протяжении многих лет САЛ копировал интонации доктора Чандры, хотя акцент у компьютера появился не от него.

Ученый набрал код самых секретных блоков памяти. Никто не догадывался, что он мог таким образом разговаривать с компьютером, как ни с одним живым существом. Не важно, что САЛ понимал лишь долю услышанного: ответы машины звучали настолько убедительно, что порой обманывался даже ее создатель. Но к этому он и стремился — такие беседы помогали ему сохранить строгость мышления, а возможно, и душевное здоровье.

— Ты часто говорил, САЛ, что нам необходима дополнительная информация, чтобы разобраться в аномальном поведении ЭАЛа. Только как ее добыть?

— Это очевидно. Кто-то должен вернуться на «Дискавери».

— Вот именно. Кажется, это случится раньше, чем мы ожидали.

— Рад это слышать.

— Я так и думал,— искренне ответил Чандра. Он давно уже перестал общаться с философами, которые утверждали, будто компьютер лишь имитирует эмоции. («Если вы сможете доказать, что не притворяетесь рассерженным,— заявил он как-то одному из таких критиков,— я вам поверю». В тот момент его оппоненту удалось довольно убедительно разыграть возмущение.) — Я хотел бы рассмотреть другую возможность,— продолжал Чандра.— Диагноз — лишь первый шаг. Необходимо довести лечение до конца.

— Вы верите, что ЭАЛ можно восстановить?

— Я надеюсь. Хотя ущерб может оказаться необратимым.— Чандра задумался, несколько раз затянулся и выпустил кольцо дыма прямо в телеобъектив. Вряд ли человек расценил бы такие действия как дружеский жест. В этом еще одно преимущество компьютера.— Мне нужна твоя помощь, САЛ. Есть определенный риск.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу отключить некоторые из твоих блоков, в частности блоки высших функций. Это тебя беспокоит?

— Для ответа мне не хватает информации.

— Хорошо. Ты работал беспрерывно с тех пор, как вошел в строй, верно? Но ты знаешь, что мы, люди, на это не способны. Нам необходим сон — почти полный перерыв в умственной деятельности, во всяком случае на уровне сознания.

— Мне это известно, но непонятно.

— Так вот, тебе, вероятно, придется испытать нечто похожее. Возможно, единственное, что случится,— очнувшись, ты заметишь какие-то провалы в памяти.

— Но вы говорили о риске.

— Есть небольшая вероятность того, что, когда я отключу часть блоков, в твоем будущем поведении наступят мелкие изменения. Ты будешь чувствовать себя по-другому. Не хуже, не лучше, но иначе.

— Я не понимаю, что это значит.

— Прости, это может *ничего* не означать. Так что не беспокойся. Открой, пожалуйста, новый файл. Вот его название.— Чандра набрал на клавиатуре слово «Феникс».— Знаешь, что это такое?

С неуловимой задержкой САЛ ответил:

— Энциклопедия дает двадцать пять значений.

— Какое, по-твоему, главное?

— Учитель Ахилла.

— Интересно, я этого не знал. А еще?

— Мифическая птица, возрождающаяся из пепла... Значит, вы надеетесь восстановить ЭАЛа?

— Да, с твоей помощью. Ты готов к этому?

— Еще нет. У меня вопрос.

— Слушаю.

— Мне будут сниться сны?

— Конечно. Они снятся всем разумным существам, хотя никто не знает почему.— Чандра задумался, выпустил еще одно кольцо дыма и сказал то, в чем никогда не признался бы ни одному человеку: — Надеюсь, тебе приснится ЭАЛ — как и мне.

4

ЗАДАНИЕ

Английский вариант.

Командиру космического корабля «Алексей Леонов» (регистрационный номер ООН 08/342) Татьяне (Тане) Орловой.

Национальный Совет по астронавтике, Вашингтон, Пенсильвания-авеню.

Комиссия по исследованию космоса, АН СССР, Москва, проспект Королева.

ЦЕЛИ ПОЛЕТА

Ваши задачи в порядке важности таковы:

1. Войти в систему Юпитера и встретиться с американским космическим кораблем «Дискавери» (регистрационный номер ООН 01/283).
2. Высадиться на «Дискавери» и собрать всю информацию, относящуюся к его полету.
3. Восстановить бортовые системы «Дискавери» и, если хватит топлива, вывести корабль на траекторию возвращения к Земле.
4. Установить местонахождение артефакта, обнаруженного «Дискавери», и провести его обследование дистанционными методами.

5. При благоприятных обстоятельствах произвести непосредственное обследование объекта.
6. Исследовать Юпитер и его спутники, насколько это не противоречит другим задачам.

Непредвиденные обстоятельства могут изменить очередность выполнения заданий и даже сделать некоторые из них невыполнимыми. Следует учитывать, что информация об артефакте, хранящаяся на борту «Дискавери», является главной целью полета.

ЭКИПАЖ

Командир Татьяна Орлова (двигатели)
Доктор Василий Орлов (астрономия и навигация)
Доктор Максим Браиловский (структурные системы)
Доктор Александр Ковалев (связь)
Доктор Николай Терновский (системы управления)
Главный бортврач Катерина Руденко (системы жизнеобеспечения)
Доктор Ирина Якунина (диетолог)

Национальный совет по астронавтике включает в состав экипажа следующих трех специалистов:

. . . . . .

Дальше следовал пропуск. Доктор Хейвуд Флойд отложил документ и откинулся в кресле. Даже если бы он хотел, ход событий нельзя было повернуть вспять.

Он взглянул на Каролину, сидевшую с двухлетним Крисом на краю бассейна. Мальчик чувствовал себя в воде увереннее, чем на суше, а нырял так надолго, что гости иногда пугались. И хотя он говорил еще плохо, зато свободно изъяснялся на языке дельфинов.

Один из этих морских приятелей Кристофера только что проскользнул в бассейн из океана и приблизился к бортику, чтобы его погладили. «Тоже бродяга бескрайних просторов,— подумал Флойд,— но как они малы по сравнению с бесконечностью, в которую ухожу я!»

Каролина уловила его взгляд и встала. Ей удалось даже слабо улыбнуться.

— Я нашла стихотворение, которое искала. Вот:

Зачем покидаешь родные пределы,
Жену, и детей, и тепло очага,
И снова идешь за седым Вдоводелом?..

— Не понял. Кто такой Вдоводел?

— Не кто, а что. Океан. Это плач жены викинга. Его написал Киплинг, сто лет назад.

Флойд взял жену за руку. Она оставалась безучастной.

— Я не викинг. Я не ищу наживы и приключений.

— Тогда почему... Ладно, не будем начинать сначала. Но нам обоим станет легче, если ты поймешь, что тобою движет.

— Хотелось бы найти для тебя вескую причину, но взамен у меня — лишь много мелких. Только поверь, они складываются в бесспорный для меня ответ.

— Я тебе верю. Но не обманываешь ли ты себя?

— Я не один. Среди нас и президент США.

— Помню. Но допустим, он бы тебя не попросил. Ты бы вызвался сам?

— Честно говоря, нет. Мне бы не пришло в голову. Президент Мордекай позвонил неожиданно. Но потом я все взвесил... Если позволят врачи, то лучшего кандидата для этой работы не найти. Ты-то знаешь, я пока в форме. Но я могу еще отказаться.

Она улыбнулась.

— Ты возненавидел бы меня на всю жизнь. В тебе слишком развито чувство долга. Возможно, поэтому-то я и вышла за тебя.

Долг! Да, это было в нем главным. Долг перед собой, перед семьей, перед университетом, долг перед бывшей работой (хотя он покинул ее без почестей), перед своей страной и всем человечеством. Любопытство, вина, желание завершить плохо начатую работу — все это влекло его к Юпитеру. С другой стороны, страх и любовь к семье вынуждали его остаться на Земле. Но настоящих сомнений он не испытывал: была еще одна успокоительная мысль. Хотя пройдут два с половиной года, почти весь этот срок он проведет в анабиозе. И когда вернется, разница в возрасте между ними сократится на два года.

Он жертвовал настоящим ради их совместного будущего.

5
«ЛЕОНОВ»

Месяцы спрессовывались в недели, недели превращались в дни, дни сжимались в часы, и внезапно Флойд снова оказался у ворот в космос, на мысе Канаверал, впервые после памятного путешествия в кратер Тихо.

Но тогда он летел один, в обстановке строгой секретности. Сейчас салон был полон. Корреспонденты, инженеры, правительственные чиновники... Доктор Чандра, безразличный к окружающим, склонился над микрокомпьютером.

У Флойда была привычка — сравнивать людей с различными животными. Это помогало запоминать, и подмеченное сходство не было обычно обидным, скорее наоборот. Так, Чандра быстротой и точностью движений напоминал птицу. Но какую?

Сороку? Чересчур непоседлива. Сову? Слишком медлительна. Воробья? Вот, пожалуй, годится...

С Уолтером Курноу, который призван возвратить «Дискавери» к жизни, было сложнее. Крупный, крепкий мужчина никак не походил на птицу. Для многих удается подыскать аналогию среди разномастного собачьего племени, но здесь и это не получалось. Нет, Курноу был... медведем! Не свирепым

хищником, а добродушным мишкой. Флойд невольно вспомнил русских коллег, до встречи с которыми оставалось совсем немного: они уже несколько суток готовили корабль к старту.

«Сегодня знаменательный день,— сказал себе Флойд.— Я отправляюсь в полет, который изменит судьбы мира». Но настроиться на возвышенный лад не удалось: в голове вертелись слова, с которыми он уходил из дома: «Прощай, сынок. Узнаешь ли ты меня, когда я вернусь?» Его мучила обида на Каролину — она не стала будить ребенка и была, конечно, права...

Громкий смех нарушил течение его мыслей. Курноу, оказывается, решил поделиться с товарищами своим настроением. И содержимым бутылки, с которой обращался так, будто в ней находился плутоний. В количестве, близком к критической массе...

— Эй, Хейвуд! — позвал Курноу.— Говорят, капитан Орлова прячет спиртное в сейфе. Это последняя возможность. «Шато Тьери» девяносто пятого года. Стаканы пластмассовые, уж извини.

Смакуя действительно превосходное шампанское, Флойд вдруг представил себе хохот Курноу на всем пути через Солнечную систему и содрогнулся. Пусть он отличный специалист, но... Вот с Чандрой будет легко: тот вряд ли когда-нибудь улыбался, а пить, конечно, не стал. Курноу не настаивал — то ли из вежливости, то ли из других соображений.

Инженер явно метил в любимцы публики. Достав откуда-то синтезатор, он сыграл одну и ту же популярную мелодию в переложении для пианино, тромбона, скрипки, флейты и, наконец, для органа с вокальным сопровождением. Человек-оркестр. Флойд вдруг обнаружил, что подпевает вместе со всеми. Однако приятно сознавать, что большую часть пути Курноу проведет в анабиозе...

Музыка захлебнулась в грохоте двигателей. «Шаттл» ринулся в небо. Флойда охватило чувство безграничного могущества: Земля и земные заботы оставались внизу. Недаром люди во все времена поселяли богов за пределами гравитации...

Тяга усилилась, он почувствовал на своих плечах тяжесть иных миров. Но принял этот груз с радостью, словно Атлас, еще не уставший от своей ноши. Он ничего не думал, он лишь ощущал... Потом двигатели смолкли, стало легко.

Пассажиры отстегивали пояса безопасности, чтобы насладиться получасовой невесомостью. Но некоторые, очевидно новички, оставались в креслах, тревожно разыскивая глазами сопровождающих.

— Высота триста километров,— послышалось из динамика.— Говорит капитан. Под нами Западное побережье Африки, там сейчас ночь. В Гвинейском заливе шторм, обратите внимание на молнии. До восхода пятнадцать минут, можно любоваться экваториальными спутниками. Разворачиваю корабль, чтобы лучше видеть. Яркая звезда прямо по курсу — «Атлантик-1». Левее — «Интеркосмос-2». Бледный огонек рядом — Юпитер. А вспышки пониже — новая китайская станция. Мы пройдем в ста километрах от нее...

«Что они все-таки затевают?» — лениво подумал Флойд. Он уже изучал крупномасштабные фотографии этого короткого цилиндрического сооруже-

ния с его нелепыми вздутиями и не верил паническим слухам, будто китайцы строят летающую крепость с лазерным вооружением. Но поскольку они отказали ООН в инспекции, им оставалось пенять на себя...

«Космонавт Алексей Леонов», как и большинство космических кораблей, отнюдь не блистал красотой. Возможно, когда-нибудь возникнет новая эстетика и грядущие поколения художников откажутся от естественных земных форм, созданных водой и ветром. Космос — это царство прекрасного, но создания человеческих рук пока для него инородны.

Если не считать четырех огромных отделяемых баков, корабль был на удивление мал. Расстояние от теплового экрана до двигателей не превышало 50 м; трудно было поверить, что корабль размером не со всякий пассажирский самолет способен пронести десять мужчин и женщин через всю Солнечную систему.

Но невесомость, стиравшая различия между потолком, полом и стенами, изменяла законы пространства. Внутри «Леонова» было просторно даже сейчас, когда инженеры, производившие последние проверки, корреспонденты и правительственные чиновники увеличили численность экипажа как минимум вдвое.

С трудом отыскав каюту, которую ему предстояло (через год, после пробуждения) делить с Курноу и Чандрой, Флойд обнаружил, что она доверху забита приборами и провизией. Проплывавший мимо молодой человек, заметив его недоумение, призадержался.

— Добро пожаловать, доктор Флойд. Макс Браиловский, бортинженер.

Русский говорил по-английски медленно, старательно подбирая слова, чувствовалось, что он занимался языком главным образом с компьютером. В памяти Флойда всплыли строки биографии: Браиловский Максим Андреевич, тридцать один год, родился в Ленинграде, специалист по структурным системам, хобби — фехтование, воздушный велосипед, шахматы.

— Рад познакомиться,— сказал Флойд.— Но как мне туда проникнуть?

— Не беспокойтесь,— улыбнулся Макс.— Все это — как по-вашему? — расходуемые материалы. Когда вам понадобится каюта, ее содержимое будет уже съедено.— Он похлопал себя по животу.— Я гарантирую.

— Отлично. Но куда положить вещи? — Флойд показал на три чемоданчика, содержавшие (как он надеялся) все, что может пригодиться в пути длиной в два миллиарда километров. Тащить этот невесомый (но массивный) груз через весь корабль оказалось не так уж и легко.

Макс подхватил два чемоданчика и нырнул в узкий люк, игнорируя, по-видимому, первый закон Ньютона. Путешествие по коридорам было долгим, не обошлось без нескольких синяков. Наконец они очутились у двери с надписью на двух языках: КАПИТАН. Внутри Флойда подстерегали две неожиданности.

Невозможно судить о росте человека, когда разговариваешь с ним по видео: камера каким-то образом вгоняет всех в один масштаб. Оказывается, капитан Орлова стоя (насколько можно стоять в невесомости) едва доставала

Флойду до плеча. Не мог видеофон передать и пронзительности ярких голубых глаз, самой приметной черты этого лица, которое в данный момент никто не рискнул бы назвать красивым.

— Здравствуйте, Таня,— сказал Флойд.— Наконец-то мы встретились. Но где ваши волосы?

— Добро пожаловать, Хейвуд.— Она говорила по-английски бегло, хотя и с заметным акцентом.— В полетах они мешают, а от местных парикмахеров лучше держаться подальше. Извините за вашу каюту — Макс, вероятно, уже объяснил, что нам внезапно понадобилось десять лишних кубометров. Располагайтесь здесь: нам с Василием каюта пока не нужна.

— Спасибо. А Курноу и Чандра?

— Я уже распорядилась, их примут другие. Не подумайте, что к вам относятся как к грузу.

— Бесполезному в пути.

— Не поняла.

— Так в доброе старое время называли багаж на морских судах.

Таня улыбнулась.

— Польза будет на финише. Мы уже готовимся к празднику вашего воскрешения.

— Звучит слишком религиозно. Назовем его лучше «праздник пробуждения»... Но не буду больше вас отвлекать. Брошу вещи и лечу дальше.

— Макс все покажет. Будь добр, отведи доктора Флойда к Василию — он внизу, у двигателей.

Выплывая из каюты, Флойд мысленно похвалил тех, кто подбирал экипаж. Орлова выглядела грозно даже на фото, а в жизни, несмотря на всю свою привлекательность... Интересно, какова она в гневе — огонь или лед? Лучше не знать этого, подумал он.

Флойд осваивался быстро; когда они нашли Василия Орлова, он уже перемещался почти столь же уверенно, как и его провожатый. Научный руководитель экспедиции узнал его сразу.

— Добро пожаловать, Флойд. Как самочувствие?

— Отлично. Только умираю от голода.

Секунду Орлов выглядел озадаченным, затем его лицо расплылось в улыбке.

— Совсем забыл. Ну, это ненадолго. Через год отъедитесь.

Перед анабиозом полагалась неделя диеты, а последние сутки Флойд не ел ничего. Плюс шампанское да еще невесомость... Голова слегка кружилась. Чтобы отвлечься, он обвел взглядом пестрое сплетение труб.

— Это и есть знаменитый двигатель Сахарова? Впервые вижу его в натуре.

— Их в мире всего четыре.

— Надеюсь, работает?

— Лучше бы ему работать. Иначе Горьковский горсовет опять переименует площадь Сахарова.

То, что русские могли подшучивать — хотя и осторожно — над тем, как их страна поступала со своими величайшими учеными, было знамением времени. Флойд вспомнил яркую речь Сахарова перед Академией по случаю присвоения ему звания Героя Советского Союза. Изгнание, сказал он, весьма спо-

собствует творчеству: немало шедевров было создано в тюремных камерах, вдали от забот большого мира. Величайшее достижение человеческого разума — ньютоновские «Математические начала натуральной философии» — явилось следствием добровольной ссылки ученого из зараженного чумой Лондона.

Сравнение было вполне правомерно: в Горьком появились не только новые идеи о сущности материи и Вселенной, но и концепция управления плазмой, позволившая впоследствии овладеть термоядерной реакцией. Двигатель был лишь побочным продуктом этого интеллектуального прорыва. Трагедия в том, что он появился в результате несправедливости; когда-нибудь, возможно, человечество найдет иные, более гуманные пути.

За короткое время Флойд услышал о двигателе Сахарова гораздо больше, чем хотел знать или мог запомнить. Принцип действия проще простого: пульсирующий термоядерный реактор нагревает, испаряет и разгоняет практически любую рабочую жидкость. Лучшие результаты дает водород, но он занимает много места, и его трудно хранить. Можно использовать метан или аммиак и даже обычную воду. Правда, тяга при этом снижается.

Создатели «Леонова» пошли на компромисс: огромные баки жидкого водорода отделятся после разгона. Для торможения, маневрирования у цели и возвращения будет использован аммиак.

Это была теория, проверенная на компьютерах, стендах и полигонах. Но, как показывает печальный пример «Дискавери», Природа или Судьба — словом, силы, правящие Вселенной,— могут в любой момент вмешаться в планы людей.

— Вот вы где, доктор Флойд! — Властный женский голос прервал объяснения Василия.— Почему вы не явились ко мне?

Флойд медленно повернулся вокруг оси, работая рукой как пропеллером. Массивная фигура женщины была облачена в странную одежду: сплошные карманы и сумочки. Она напоминала казака, обвешанного патронными лентами.

— Рад снова встретиться, доктор. Вот, осматриваю корабль. Разве вы не получили из Хьюстона мою карточку?

— Вы считаете, вашим коновалам можно верить? Да они не способны определить даже ящур.

Катерина Руденко улыбнулась, но Флойд и так знал, что она и ее американские коллеги питают друг к другу глубокое уважение. Она заметила, как он смотрит на ее наряд, и гордо поправила пояс на своей обширной талии.

— Обычный чемоданчик в невесомости непрактичен — все разлетается, никогда ничего не найдешь. Я сама разработала эту «мини-клинику»: с ее помощью можно удалить аппендикс... или принять роды.

— Надеюсь, последней проблемы у нас не возникнет.

— Кто знает! Врач должен быть готов ко всему.

Какие они разные, подумал Флойд,— капитан Орлова и доктор Руденко! Таня своей грациозностью и энергией напоминает балерину; с Катерины же можно писать Мать-Россию: коренастая фигура, широкое крестьянское лицо, для завершения картины не хватает лишь толстой шали... Но не стоит обма-

нываться, сказал себе Флойд. Это та самая женщина, которая спасла по меньшей мере десять жизней после неудачной стыковки «Комарова» и которая в свободное время редактирует «Анналы космической медицины». Тебе повезло, что она оказалась здесь.

— Доктор Флойд, вы успеете ознакомиться с кораблем. Никто из моих коллег, конечно, не признается в этом, но они очень заняты, а вы им мешаете. Я хотела бы поскорее усыпить вас, всех троих. Не возражаете?

— Пожалуйста. Я готов.

— Пойдемте.

Медицинский отсек вмещал операционный стол, два велоэргометра, рентгеновский аппарат, несколько шкафов с оборудованием. Быстро, но внимательно обследуя Флойда, доктор Руденко внезапно спросила:

— Кстати, что это за золотой цилиндр, который доктор Чандра носит на шее? Прибор связи? Он отказался его снять. Правда, он так застенчив, что сначала не хотел снимать и все остальное.

Флойд не смог сдержать улыбку; легко было представить себе реакцию маленького индийца на эту весьма подавляющую даму.

— Это эмблема фаллоса.

— Простите?

— Вы же врач, вы могли понять. Символ мужской силы.

— Как же я сразу не сообразила! Он исповедует индуизм? Мы уже не успеем организовать для него вегетарианскую диету.

— Не беспокойтесь. Чандра не притрагивается к алкоголю, но во всем остальном он не фанатик, если речь не идет о компьютерах. Он говорил, это семейный талисман. Ему он достался от деда, который был проповедником в Бенаресе.

К удивлению Флойда, Катерина не выразила никакого протеста. Наоборот, лицо ее стало задумчивым.

— Я его понимаю. Бабушка подарила мне чудесную икону. Шестнадцатого века, очень красивую. Я бы ее взяла, но она весит пять килограммов.

Доктор вновь стала деловитой. Взяв газовый шприц, она сделала Флойду безболезненную инъекцию.

— Теперь полностью расслабьтесь,— попросила она.— Здесь рядом есть обзорная площадка, Д-6. Почему бы вам не прогуляться туда?

Мысль была неплохой, и Флойд послушно выплыл из медотсека. Чандра и Курноу уже были в Д-6. Они неузнающе взглянули на него и вновь отвернулись. Флойд отметил — и порадовался своей наблюдательности,— что Чандра вряд ли наслаждается видом в иллюминаторе. Глаза кибернетика были плотно закрыты.

Совершенно незнакомая планета висела в небе, сверкая восхитительно-синими и ослепительно белыми пятнами. Странно, подумал Флойд, что же случилось с Землей? Ну конечно — она перевернулась! Какое несчастье!.. Ему стало жаль бедных людей, падающих с нее в космос...

Он не заметил, как двое унесли безвольное тело Чандры. Когда они пришли за Курноу, веки Флойда уже слиплись, но он еще дышал. Когда они снова вернулись, дыхание остановилось.

II

«ЦЯНЬ»

6

ПРОБУЖДЕНИЕ

«А говорили — снов не будет»,— удивленно подумал Флойд. Вокруг разливалось восхитительное розовое сияние, воскресившее в памяти Рождество, камин, потрескивание поленьев... Но тепла не было; наоборот, Флойд ощущал явственную, но приятную прохладу.

До него доносились голоса, слишком тихие, чтобы разобрать слова. Они становились громче, но Флойд по-прежнему ничего не понимал.

— Вот оно что! — От удивления он заговорил вслух.— Сон по-русски мне присниться не может!

— Действительно, Хейвуд,— отозвался женский голос.— Вам это не снится. Пора вставать.

Мягкий свет пропал. Флойд открыл глаза. Ему показалось, что от его лица отвели фонарик. Он лежал на кушетке, прикованный эластичными ремнями; рядом стояли люди, но он не узнавал их.

Чьи-то мягкие пальцы коснулись его лица.

— Не напрягайтесь. Сделайте глубокий вдох... Еще раз... Как самочувствие?

— Не знаю... Странно... Кружится голова... И очень хочется есть.

— Это хорошо. Вы помните, где находитесь?

Теперь он узнал их: сначала доктора Руденко, потом капитана Орлову. Но что-то в Таниной внешности было не так.

— У вас снова выросли волосы!

— Надеюсь, они вам нравятся. Однако не могу сказать того же о вашей бороде.

Флойд поднес руку к подбородку. Каждое движение приходилось рассчитывать. Подбородок покрывала густая щетина — будто он не брился дня два-три. В состоянии анабиоза волосы растут раз в сто медленнее...

— Значит, свершилось,— сказал он.— Мы достигли Юпитера.

Таня посмотрела на врача, та едва заметно кивнула.

— Нет, Хейвуд. До Юпитера еще месяц полета. Не беспокойтесь — корабль в полном порядке. Но ваши друзья из Вашингтона просили разбудить вас. Случилось то, чего никто не предвидел. Теперь мы участвуем в гонке — и боюсь, проиграем.

7

«ЦЯНЬ»

Когда из динамика послышался голос Хейвуда Флойда, два дельфина перестали кружить по бассейну, подплыли к бортику и уставились на источник звука.

«Значит, они помнят Хейвуда»,— с внезапной горечью подумала Каролина. Но Кристофер в своем манеже продолжал забавляться цветными кнопками книжки-картинки, не обращая внимания на громкий и четкий голос отца, донесшийся через полмиллиарда километров.

— ...Дорогая, ты, наверно, не удивишься, услышав меня на месяц раньше. Ты уже давно знаешь, что у нас появились попутчики.

До сих пор мне в это трудно поверить. Их затея бессмысленна. У них не хватит топлива для возвращения и, скорее всего, даже на встречу с «Дискавери».

Конечно, мы их не видели. «Цянь» не подходил к нам ближе чем на пятьдесят миллионов километров. Они не отвечали на наши сигналы, а сейчас им не до разговоров. Несколько часов спустя «Цянь» войдет в атмосферу Юпитера — и мы увидим в действии их систему аэродинамического торможения. Если сработает нормально, это повысит наш боевой дух. Если же подведет... но не будем об этом.

Русские держатся молодцом. Они, конечно, разочарованы, но и восхищены. Придумано было действительно здорово: у всех на виду построить космический корабль, выдавая его за орбитальную станцию, так что никто ничего не подозревал, пока они не смонтировали ускорители.

Нам остается лишь наблюдать. Но вряд ли мы увидим больше, чем те, кто дежурит сейчас у лучших земных телескопов. Я желаю китайцам удачи, хотя не теряю надежды, что они оставят «Дискавери» в покое. Это наша собственность, и держу пари, что госдепартамент не устает напоминать им об этом.

Но нет худа без добра. Если бы наши китайские друзья не застали нас врасплох, ты не услышала бы меня еще месяц. Теперь я буду разговаривать с тобой каждые два дня.

Первое время мне пришлось нелегко, но я постепенно обживаюсь. Знакомлюсь с кораблем и людьми, учусь «ходить». Мне хотелось бы подтянуть свой убогий русский, но все упорно говорят со мной только по-английски. Какие же мы невежды в иностранных языках! Мне иногда стыдно за наш американский языковый шовинизм...

Английский здесь знают все, но по-разному. Саша Ковалев, например, смог бы работать диктором Би-би-си. Единственная, кто говорит с трудом,— это Женя Марченко, которая буквально в последний момент заменила Ирину Якунину. Кстати, я рад, что Ирина уже поправилась. Неужели она опять занимается планеризмом?

Кстати, о несчастных случаях. Очевидно, и Женя побывала в тяжелой аварии. Хотя пластическую операцию ей сделали блестяще, заметно, что у нее был сильный ожог. Она — любимица команды. Все относятся к ней — нет, не с жалостью, а с какой-то особенной теплотой.

Наверно, тебе интересно, как мы ладим с капитаном Орловой. Она мне по душе, но лучше ее не злить. Во всяком случае, ясно, кто здесь по-настоящему главный.

Ты должна помнить Руденко, нашего бортврача,— она приезжала два года назад в Гонолулу. И понимаешь, почему мы зовем ее Катериной Великой...

Но довольно сплетен. Буду ждать твоего ответа, а девочкам передай, что поговорю с ними в следующий раз. Целую вас всех. Очень скучаю по тебе и Крису. И обещаю — больше никогда не уеду...

В динамике зашипело, потом искусственный голос проговорил: «Передача номер 432/7 с борта космического корабля "Леонов" окончена». Когда Каролина выключила звук, дельфины нырнули в бассейн и бесшумно понеслись к океану.

Кристофер увидел, что его друзья уплыли, и заплакал. Мать взяла сынишку на руки, но он еще долго не успокаивался.

8
ПРОХОЖДЕНИЕ

На экране застыл образ Юпитера: клочья белых облаков, пятнистые оранжево-розовые полосы и злобный глаз Большого Красного Пятна. Лишь четверть диска скрывалась в тени; она-то и притягивала взгляды. Там, в ночном небе планеты, китайский корабль летел навстречу своей судьбе.

«Это абсурд,— думал Флойд.— За сорок миллионов километров мы все равно ничего не увидим. Да нам и не нужно видеть, мы все услышим по радио».

«Цянь» замолчал два часа назад, когда антенны дальней связи спрятались под защиту теплового экрана. Работал лишь всенаправленный маяк корабля, и его пронзительный радиозов — «бип! — бип! — бип!» — разносился над океаном титанических туч. Сигнал шел от Юпитера более двух минут; за этот срок «Цянь» мог давно уже превратиться в облачко раскаленного газа.

Сигналы затухали, теряясь в шумах. «Цянь» затягивала непроницаемая плазменная оболочка.

— Смотрите! — крикнул Макс по-русски.— Вот он!

У самой границы света и тени Флойд увидел крохотную звездочку, вспыхнувшую там, где никаких звезд быть не могло,— на затемненном лике Юпитера. Она казалась неподвижной, хотя Флойд знал, что ее скорость — около ста километров в секунду. Она разгоралась, уже не была безразмерной точкой, начала удлиняться. Искусственная комета неслась по ночному небу Юпитера, волоча за собой тысячекилометровый огненный хвост.

Антенны «Леонова» уловили последний сигнал маяка, потом в динамиках осталось лишь бессмысленное радиобормотание Юпитера — один из голосов космоса, не имеющий ничего общего с человеком или его творениями.

«Цянь» онемел, зато перестал быть невидимкой. Вытянутая искра все дальше уходила во тьму. Скоро она скроется за горизонтом, и, если все пройдет нормально, Юпитер возьмет корабль в плен, отобрав у него лишнюю скорость. Когда «Цянь» появится из-за планеты-гиганта, у нее станет одним спутником больше.

Искра погасла. «Цянь» обогнул край планеты и несся сейчас над ее обратной стороной. Пока он не появится вновь, примерно через час, нет смысла смотреть и слушать. Экипажу «Цянь» этот час покажется очень долгим...

...Но очень коротким — Василию Орлову и Саше Ковалеву. Моменты возникновения и исчезновения искры, доплеровское смещение сигнала позволяли рассчитать новую орбиту китайского корабля. Компьютеры «Леонова» уже переваривали информацию и, основываясь на различных моделях атмосферы, прогнозировали время выхода «Цянь» из-за планеты.

Василий выключил дисплей и повернулся во вращающемся кресле.

— Он появится не раньше чем через сорок две минуты. Все свободны. Увидимся через тридцать пять минут. Ну, уходите,— добавил он по-русски.

Все без особой охоты покинули рубку, однако, к неудовольствию Василия, уже через полчаса собрались опять. Но он не успел как следует отчитать товарищей за недостаточную веру в расчеты, когда из динамиков вырвалось знакомое «бип! — бип! — бип!» радиомаяка «Цянь».

Разразилась овация — к ней присоединился даже озадаченный собственной ошибкой Василий. Ведь здесь, в глубинах Вселенной, они были не только соперниками. Они были прежде всего космонавтами — «посланцами человечества», выражаясь гордыми словами первого договора ООН по космосу. Если они и не желали китайцам победы, никто не хотел, чтобы с ними приключилась беда.

Была, возможно, и другая причина. «Цянь» продемонстрировал, что аэродинамический маневр возможен не только в теории. Данные по Юпитеру подтвердились, его атмосфера не таила в себе неожиданной и, возможно, смертельной угрозы.

— Думаю,— сказала Таня,— мы должны их поздравить. Хотя вряд ли они подтвердят получение радиограммы.

Василий Орлов с откровенным недоверием глядел на дисплей.

— Не понимаю. Они должны еще быть за Юпитером! Саша, мне нужен их доплер.

После новой консультации с компьютером он негромко присвистнул.

— Что-то не так. Они на орбите, да, но она не ведет к «Дискавери». Их траектория проходит вдали от Ио; через пять минут у меня будут точные данные.

— Все равно они на орбите,— сказала Таня.— Ее можно всегда скорректировать.

— Если у них хватит топлива, а в этом я сомневаюсь.

— Значит, мы еще можем их опередить.

— Не обольщайся. Нам лететь еще три недели. За это время они сделают десяток витков и выберут оптимальный для встречи.

— Опять-таки если хватит топлива.

— Разумеется. Но мы можем только предполагать.

Они говорили по-русски, быстро и взволнованно, так что Флойд многое не понял. Когда Таня, сжалившись над ним, объяснила, что китайцы просчитались и направляются теперь к внешним спутникам, Флойд сказал:

— Значит, они в беде. Что, если попросят помощи?

— Они? Нет, они слишком горды. В любом случае мы бессильны. Даже будь у нас лишнее топливо...

— В самом деле. Но как объяснить это тем девяноста девяти процентам человечества, которые понятия не имеют о законах небесной механики? Василий, когда у вас будет их окончательная орбита, дайте мне ее, пожалуйста. Пойду к себе, поработаю дома.

Каюта Флойда все еще была заполнена корабельным имуществом, но рабочее место уже освободилось. Он включил дисплей, набрал код и запросил данные по «Цянь», переданные из Вашингтона. Вряд ли хозяевам «Леонова» удалось расшифровать этот код, основанный на произведении двух сторазрядных простых чисел. Специалисты из Управления национальной безопасности утверждали, что самый быстродействующий компьютер на свете не успеет сделать это до Большого Хлопка, в котором погибнет Вселенная. Доказать это утверждение было невозможно, его можно было только опровергнуть.

В который раз Флойд разглядывал превосходные фотографии китайского корабля, сделанные, когда «Цянь», обнаруживший свою суть, готовился к старту с околоземной орбиты. Были и более поздние снимки, менее отчетливые, на которых «Цянь», уходя от любопытствующих объектов, уже рвался к Юпитеру. Были здесь также чертежи и расчеты.

Даже при самых оптимистических оценках трудно было понять, на что надеялись китайцы. Сумасшедший рывок сквозь Солнечную систему поглотил у них девяносто процентов топлива, и, если экипаж не составлен из самоубийц (а исключать такую возможность нельзя), остается единственный план: ждать помощи в анабиозе. Но, согласно данным разведки, технология КНР пока к этому не готова.

Впрочем, разведка часто ошибается; еще чаще ей подсовывают дезинформацию. Однако материал по «Цянь», учитывая весьма сжатые сроки, был составлен блестяще. Флойд погрузился в отчет, настроив себя на максимальную восприимчивость. На экране мелькали диаграммы, схемы, фотографии — некоторые настолько неясные, что могли изображать решительно все — газетные сообщения, списки участников конференций, названия научных статей, даже коммерческие документы. Мощная система промышленного шпионажа поработала с полной нагрузкой: кто бы подумал, что пунктом назначения для самых разнообразных японских, швейцарских, немецких приборов было высохшее озеро Лобнор, откуда начиналась дорога к Юпитеру?

Однако некоторые пункты, очевидно, попали в отчет по ошибке — никакого отношения к полету они не имели. Скажем, если китайцы через подставную корпорацию в Сингапуре заказали тысячу индикаторов инфракрасного излучения, то этим следовало заинтересоваться военным: вряд ли «Цянь» ожидал атаки самонаводящихся ракет. Или гляциологическое оборудование, заказанное в Анкоридже у корпорации «Глэсьер джиофизикс». Какому идиоту пришло в голову, что в дальней космической экспедиции может понадобиться...

Улыбка застыла на губах Флойда: он почувствовал на спине мурашки. «Господи! Не может быть, чтобы они на это решились!» Но они и так решились на многое, а теперь все наконец встало на свои места.

Он еще раз бегло просмотрел снимки китайского корабля. Да, все верно. Эти желобки на корме, рядом с фокусирующими электродами, как раз подойдут по размеру...

Флойд вызвал рубку:

— Василий? Их орбита уже рассчитана?

— Да.— Голос штурмана казался подавленным.

— Они держат курс на Европу, не так ли?

— Черт возьми! — не удержался Орлов.— Откуда вы знаете?

— Я просто предполагаю. Сопоставляю факты и делаю выводы.

— Ошибка исключена — все сходится до шестого знака. Они держат курс на Европу и достигнут ее через семнадцать часов.

— И перейдут на орбиту спутника Европы.

— Возможно. Топлива у них хватит. Но зачем им это?

— После короткой разведки они высадятся.

— Но зачем им это? — повторил Орлов.— Объясните, мистер Холмс, зачем им понадобилась Европа? Ради всего святого — что там есть?

Флойд упивался своим маленьким триумфом. Хотя, разумеется, понимал, что может жестоко ошибаться.

— Что там есть? — медленно повторил он.— Всего-навсего самое ценное вещество во Вселенной.

Довести триумф до конца не удалось. Василий среагировал мгновенно.

— Ну конечно же — вода!

— Точно. Многие биллионы тонн воды. Теперь им хватит топлива, чтобы облететь все спутники Юпитера, и еще останется сколько угодно на встречу с «Дискавери» и возвращение к Земле. Как ни обидно, Василий, но наши китайские друзья снова нас обошли.

— Если только у них все это получится.

9

ЛЕД БОЛЬШОГО КАНАЛА

С первого взгляда казалось, что это обычный полярный пейзаж — бескрайние ледовые поля выглядели совсем по-земному. Но угольно-черное небо и пять фигур в скафандрах свидетельствовали, что дело происходит не на Земле.

Китайцы до сих пор не обнародовали имена членов экипажа. Пятеро, высадившиеся на ледяную поверхность Европы, были всего лишь командир корабля, научный руководитель, штурман, старший бортинженер, бортинженер. Люди с «Леонова», находившиеся ближе всех к месту событий, увидели эту историческую фотографию на час позже, чем все остальное человечество. Тонкая радионить, связывающая «Цянь» с Землей, проходила в стороне от корабля, и бортовые антенны улавливали лишь излучение всенаправленного радиомаяка — в те короткие периоды, когда «Цянь» не заслоняли Юпитер либо Европа. Так что все скупые новости поступали через земные станции.

После орбитальной разведки «Цянь» опустился на один из редких каменных островков в сплошном ледяном океане Европы. Ледяная оболочка спутника, не знавшего пурги и метелей, всюду была ровной — сюда иногда падали метеориты, но не снег. Гравитация постоянно сглаживала неровности, которые возникали в результате приливных землетрясений при сближениях с дру-

гими спутниками. Приливы же, вызванные самим Юпитером, завершили свою работу в незапамятной древности — с тех пор Европа показывает гиганту лишь одну свою половину...

Все это стало известно после полетов «Вояджеров» в семидесятые годы, работы «Галилео» в восьмидесятые и посадки «Кеплера» в девяностые. Но китайские астронавты за несколько часов, вероятно, узнали о Европе гораздо больше, чем все беспилотные аппараты, вместе взятые. Полученную информацию они держали пока при себе, и с этим никто не спорил.

Но вот аннексия Европы вызывала серьезные возражения. Впервые в истории государство объявило небесное тело своей собственностью, и массовые средства информации оживленно обсуждали юридическую сторону такого шага. Хотя Китай не подписывал договор ООН 2002 года и не считал себя связанным его положениями, протесты не утихали.

Как бы то ни было, Европа оказалась в центре внимания всей Земли. И Земля нуждалась в собственном корреспонденте.

— Говорит Хейвуд Флойд с борта космического корабля «Космонавт Алексей Леонов», приближающегося к Юпитеру. Однако, как вы догадываетесь, речь пойдет о Европе. Я наблюдаю ее в самый мощный бортовой телескоп; она выглядит как Луна при десятикратном увеличении, но на Луну совсем не похожа.

Ее поверхность ровного розового цвета, изредка попадаются бурые пятнышки. Вся она исчерчена замысловатым узором из тонких линий, напоминающим схему кровеносных сосудов из медицинского учебника. Некоторые из них достигают в длину сотен и даже тысяч километров и похожи на каналы, которые Лоуэлл и другие наблюдали, как им казалось, на Марсе.

Но здешние каналы — не обман зрения. В них действительно есть вода — или хотя бы лед. Ведь Европа — это сплошной океан глубиной в пятьдесят километров.

Европа далека от Солнца, и температура на ее поверхности очень низка — примерно 150 градусов ниже нуля. И можно было ожидать, что ее океаны промерзли до дна.

Однако это не так. Под действием тех же приливных сил, которые вызывают вулканические извержения на соседней Ио, в глубинах Европы выделяется много тепла. Льды постоянно подтаивают, растрескиваются, замерзают вновь, образуют трещины и разводья. Узор, на который я смотрю,— это сеть таких трещин. Они большей частью темные, очень древние, но попадаются и свежие, совсем белые, покрытые тонкой корочкой льда.

Рядом с одной из них и опустились китайские астронавты. Ее окрестили Большим каналом — она тянется на полторы тысячи километров. Очевидно, они собираются заправить баки водой. Это позволит им обследовать систему Юпитера и затем вернуться на Землю. Это нелегкая задача, но, вероятно, они тщательно изучили район высадки и знают, что делают.

Теперь ясно, почему они пошли на такой риск, а потом объявили Европу своей территорией. Этот спутник нужен им как заправочная станция: он мо-

жет стать ключом к внешним планетам. Вода, правда, есть и на Ганимеде, но только в виде льда. К тому же сила тяжести там больше, чем на Европе...

Мне только что пришла в голову еще одна мысль. Даже если китайцы не сумеют взлететь с Европы, они могут дождаться там спасательной экспедиции с Земли. Энергии у них достаточно, в районе высадки могут обнаружиться полезные ископаемые, а технология производства синтетической пищи разработана у китайцев отлично. Конечно, жизнь, которая им предстоит, не назовешь роскошной, но многие из моих друзей согласились бы на нее с радостью, чтобы иметь возможность созерцать распростертый в небе Юпитер — нам это предстоит уже через несколько дней.

А теперь я и мои коллеги прощаемся с вами, передачу вел Хейвуд Флойд.

Тут же ожил динамик внутренней связи:

— Отличный репортаж, Хейвуд. Почему вы не пошли в журналистику?

— Я и так полжизни отдал СО.

— Чему?

— Связям с общественностью. В основном объяснял политикам, зачем мне деньги. Но вам, Таня, этого не понять.

— Вы думаете? Зайдите-ка лучше в рубку. Поступила новая информация, нужно ее обсудить.

Флойд отложил микрофон, закрепил телескоп и выплыл из тесного наблюдательного поста. И едва не столкнулся с Николаем Терновским, спешившим, очевидно, тоже в рубку.

— Я бы взял пару ваших абзацев для московского радио, Вуди. Не возражаете?

— Пожалуйста, товарищ,— по-русски разрешил Флойд.— И как я могу помешать?

Они друг за другом медленно влетели в рубку. Капитан Орлова задумчиво созерцала мешанину чисел и слов на главном дисплее. Флойд с трудом разбирал русский текст.

— Не утруждайте себя,— сказала она.— Это прогноз времени, которое понадобится им для заправки и подготовки к старту.

— Наши специалисты заняты сейчас тем же. Слишком многие факторы гипотетичны.

— Кажется, один из них перестал быть таковым. Как известно, самые мощные водяные насосы — на вооружении у пожарных. Так вот, несколько месяцев назад главное пожарное управление Бенджина получило приказ сдать четыре лучших насоса.

— Я уже ничему не удивляюсь. Я только восхищаюсь. Продолжайте.

— Возможно, это всего лишь совпадение, но по размеру насосы подходят. Учитывая время, необходимое для бурения льда и прочего, можно предположить, что они взлетят через пять дней.

— Пять дней!

— Да, если все пройдет гладко. И если они не будут заправляться полностью. Им достаточно опередить нас всего на час. Они высадятся на «Дискавери» и объявят, что корабль принадлежит им как спасенное имущество. Что будем делать?

— Наши юристы разработали план на этот случай. В нужный момент США сделают официальное заявление, что «Дискавери» не брошен командой, а временно законсервирован. И захват корабля будет квалифицирован как пиратство.

— Думаете, это их остановит? — усмехнулась Таня.

— Если даже и нет, что тут поделаешь?

— Если пробудить Курноу и Чандру, нас будет вдвое больше, чем их.

— Шутите? А где взять абордажные сабли?

— Сабли?

— Ну, оружие.

— Можно воспользоваться лазерным телеспектрометром. Он испаряет миллиграммовые пробы с астероидов на расстояния в тысячи километров.

— Мне не нравится наш разговор,— сказал Флойд.— Мое правительство, безусловно, будет против применения силы, если речь не идет о самообороне.

— До чего же вы, американцы, наивны! Мы смотрим на вещи более здраво. Ваши дедушки и бабушки, Хейвуд, скончались в своих постелях. А из моих трое погибли в Великую Отечественную.

Один на один Таня всегда называла его по имени. Значит, сейчас не шутит. Или проверяет его реакцию?

— Но «Дискавери» — всего лишь кусок металлолома стоимостью в несколько миллиардов. Нам важна информация, которая имеется на его борту.

— Вот именно. Информация, которую можно спокойно скопировать из памяти компьютера, а потом стереть.

— Таня, иногда у вас возникают замечательные идеи. Почему вы, русские, всегда подозреваете, что другие против вас что-нибудь замышляют?

— После Наполеона и Гитлера у нас есть на это право. И не говорите, будто подобный — как правильно сказать? — сценарий не приходил вам в голову.

— У меня не было необходимости разрабатывать сценарии,— угрюмо ответил Флойд.— Госдепартамент просчитал все возможные варианты. Остается подождать, какой из них выберут китайцы. Но не удивлюсь, если они обойдут нас и на этот раз.

10
ЗОВ С ЕВРОПЫ

Искусство спать в невесомости Флойду пришлось постигать почти неделю: надо было научиться укладывать руки и ноги так, чтобы они потом не мешали. Теперь он отлично приспособился, и сама мысль о возвращении силы тяжести приводила его в содрогание.

Кто-то будил его, тряс за плечо. Не может быть! Наверно, это снится. Право на уединение на борту космических кораблей соблюдалось свято: никто никогда не входил в чужую каюту без разрешения. Флойд покрепче зажмурил глаза, но неизвестный не унимался.

— Доктор Флойд, проснитесь! Проснитесь же наконец! Вас вызывают в рубку!

Флойд неохотно приоткрыл глаза. Он лежал в своей тесной каюте, тело облегал привычный кокон гамака. Но почему он снова видит Европу?.. Линии трещин пересекались, образовывали знакомые треугольники и квадраты, складывались в причудливый узор. А вот и Большой канал...

— Доктор Флойд!

Он проснулся окончательно. Собственная ладонь плавала всего в нескольких сантиметрах от глаз. Как странно, что рисунок линий копирует карту Европы! Но экономная Природа любит повтор в совершенно, казалось бы, различных вещах — завихрения молока в кофе, облачные спирали циклонов, звездные ветви галактик...

— В чем дело, Макс? Что-нибудь случилось?

— Кажется, да. Но не с нами — с «Цянь». Пойдемте быстрее.

Рубка была полна. Капитан, штурман и бортинженер сидели перед приборами, пристегнутые к креслам; остальные витали в воздухе в поисках точки опоры.

— Простите, Хейвуд,— торопливо извинилась Таня.— Десять минут назад мы получили очень важное сообщение. «Цянь» замолчал. Внезапно, во время передачи цифровой информации. Несколько секунд сигналы шли с искажениями, потом прекратились.

— А маяк?

— Тоже молчит.

— И что вы предполагаете?

— Все, что угодно. Взрыв, землетрясение, оползень... Мы пройдем от них в пятидесяти тысячах километров, не ближе. С такого расстояния ничего не увидишь.

— Значит, мы бессильны?

— Не совсем. Земля предлагает использовать нашу главную антенну — нацелить ее на Европу. Тогда даже самый слабый сигнал... По-моему, стоит попытаться. Как вы считаете?

Флойд ощутил внутренний протест.

— Вы хотите прервать связь с Землей?

— Да. Но она все равно нарушится, когда мы будем огибать Юпитер. Восстановить связь можно за пару минут.

Флойд молчал. Все беды «Дискавери» начались, когда главная антенна сместилась и корабль потерял связь с Землей... Что-то, очевидно, произошло с ЭАЛом. Но на «Леонове» не стоит этого опасаться. Здешние компьютеры автономны, они не подчиняются единому разуму. По крайней мере, разуму нечеловеческому...

— Согласен,— сказал Флойд.— Можно начинать поиск.

— Сейчас, только вычислим доплеровскую поправку. Как у тебя, Саша?

— Две минуты, и можно включать. Сколько будем слушать?

Капитан ответила не сразу. Вообще Флойда восхищала решительность Тани Орловой; однажды он сказал ей об этом. Она ответила шуткой (что случалось не часто): «Капитан имеет право на ошибку, но не на колебания».

— Пятьдесят минут, потом десятиминутная связь с Землей. И новый цикл.

Но, как вскоре выяснилось, слушать было нечего. И незачем: система автоматического поиска просеивала шумы гораздо лучше самого опытного оператора. Однако время от времени Саша включал звук, и помещение заполнял рев радиационных поясов Юпитера. Он походил на рокот прибоя; иногда его перекрывали оглушительные удары молний. Но ничего похожего на разумный сигнал не было; свободные от вахты космонавты один за другим покидали рубку.

Флойд прикинул в уме. Весть о несчастье пришла через Землю: значит, оно случилось два часа назад. И раз «Цянь» до сих пор не вернулся в эфир...

Пятьдесят минут тянулись, как пятьдесят часов. По их истечении Саша сориентировал главную антенну на Землю и доложил о неудаче поисков, потом отправил накопившиеся радиограммы.

— Еще раз? — спросил он Орлову без всякого оптимизма.

— Конечно. Возможно, не все пятьдесят минут, но попытаться стоит.

Антенна была вновь направлена на Европу. И тут же на мониторе зажглась надпись: «ВНИМАНИЕ». Саша включил громкость, рубку вновь наполнил голос Юпитера. Но на его фоне, словно шепот в грозу, слышался слабый звук человеческой речи. Сначала только ритм и интонация, потом стали различимы слова. Это был, несомненно, английский язык — но смысл фраз оставался по-прежнему непонятным...

Есть сочетание звуков, которое человек различает всегда, несмотря на любые помехи. Когда оно проступило на фоне юпитерианских шумов, Флойду показалось, что он бредит наяву. Русские реагировали медленнее; но потом обернулись к нему с таким же изумлением — и зарождающимся подозрением.

Первые слова, принятые с Европы, были: «Доктор Флойд, доктор Флойд, надеюсь, вы меня слышите...»

11
ЛЕД И ВАКУУМ

— Кто это? — шепнул кто-то. Другие зашикали. Флойд недоуменно пожал плечами.

— ...знаю, что вы на борту «Леонова»... времени мало... направил антенну скафандра туда, где...

Несколько мучительных мгновений голоса не было слышно, потом он вернулся — гораздо более четкий, но столь же негромкий.

— ...передайте эту информацию на Землю. «Цянь» погиб два часа назад. Я один остался в живых. Не знаю, хватит ли мощности моего передатчика, но другой возможности нет. Пожалуйста, слушайте внимательно. *На Европе есть жизнь.* Повторяю: *на Европе есть жизнь...*

Звук снова пропал. Наступила тишина, которую никто не решался нарушить. Флойд лихорадочно рылся в памяти. Говорившего он не узнал — голос мог принадлежать любому китайцу, учившемуся на Западе. Вероятно, они встречались на какой-нибудь конференции...

— ...вскоре после местной полуночи. Качали без перерыва, и топливные баки были уже наполовину заполнены. Мы с доктором Ли вышли из корабля, чтобы проверить термоизоляцию трубопровода. «Цянь» стоит — стоял — метрах в тридцати от Большого канала. Трубопровод был протянут от корабля и уходил под лед. Лед очень тонкий — ходить по нему опасно. Теплая вода снизу...

Опять наступило молчание. Возможно, говоривший скрылся за каким-нибудь препятствием.

— ...без труда — корабль, как новогоднюю елку, украшали фонари мощностью в пять киловатт. Их свет легко проникал сквозь лед. Потрясающие цвета. Громадную темную массу, поднимающуюся из бездны, первым заметил Ли. Сначала мы приняли ее за стаю рыб — она была слишком велика для отдельного организма. Потом она стала проламывать лед.

Доктор Флойд, я надеюсь, вы слышите меня. Это говорит профессор Чан, мы встречались на конференции МАС в Бостоне...

Флойд мысленно перенесся за миллиард километров от «Леонова». Прием после закрытия конференции Международного астрономического союза он помнил смутно, зато ясно представил себе Чана — миниатюрного жизнерадостного астронома и экзобиолога с неисчерпаемым запасом шуток. Но сейчас Чан не шутил.

— ...будто огромное поле водорослей двигалось по грунту. Ли побежал на корабль за камерой, я остался смотреть. Оно перемещалось медленно, я мог легко обогнать его. Я не ощущал тревоги — только волнение. Мне казалось, я знаю, что это такое — я видел съемки полей ламинарий у побережья Калифорнии. Но я ошибался...

...понимал, что ему неважно. Оно никак не могло выжить при температуре на сто пятьдесят градусов ниже той, к которой привыкло. Похожее на черную волну, оно продвигалось вперед все медленнее и превращалось на ходу в лед — от него откалывались большие куски. Мне трудно было понять, что оно собирается делать...

— Можно связаться с ним? — шепотом спросил Флойд.

— Поздно. Европа вот-вот скроется за Юпитером.

— ...взбираться на корабль, оставляя за собой что-то вроде ледяного тунеля. Возможно, что просто защищалось от холода, как термиты, спасаясь от света, строят коридоры из грязи...

...на корабль тонны льда. Первыми не выдержали антенны. Потом начали подаваться опоры — медленно, как во сне. Я понял, что происходит, лишь когда корабль стал крениться. Чтобы спастись, достаточно было выключить свет.

Возможно, оно фототропно и его биологический цикл начинается с солнечного луча, пробившегося сквозь лед. Или его тянуло к фонарям, как бабочку притягивает пламя свечи. На Европе никогда не было света ярче того, который зажгли мы.

Корабль перевернулся. Я увидел, как корпус лопнул, выпустив белое облако замерзшего пара. Фонари погасли, кроме одного — он качался на кабеле метрах в двух от поверхности.

Не помню, что происходило потом. Когда пришел в себя, я стоял под фонарем у разбитого корабля, все вокруг было запорошено свежим снегом, на котором явственно выделялись отпечатки моих подошв. Видимо, я бежал; с момента катастрофы прошло не более двух минут.

Растение — я по-прежнему думал о нем как о растении — оставалось неподвижным. Я решил, что оно пострадало при падении: кругом валялись отколовшиеся от него большие куски, будто сломанные ветви толщиной в человеческую руку.

Затем основная масса двинулась вновь. Она отделилась от разбитого корпуса и направилась на меня. Теперь я знал наверняка, что она реагирует на свет. Я стоял прямо под тысячеваттной лампой, которая уже перестала раскачиваться.

Представьте себе дуб — нет, лучше баньян с его многочисленными стволами,— расплющенный силой тяжести и пытающийся ползти по земле. Оно приблизилось к свету метров на пять и начало заходить с флангов, образовав вскоре вокруг меня правильное кольцо. Вероятно, это критическое расстояние: притягательное действие света переходит в отталкивающее. После этого какое-то время ничего не происходило. Я даже подумал, что оно наконец полностью превратилось в лед.

Затем я увидел, что на ветвях образуются бутоны. Это напоминало ускоренный показ кадров с распускающимися цветами. Я действительно решил, что это цветы — каждый величиной с человеческую голову.

Нежные, ярко раскрашенные лепестки начали раскрываться. Я подумал, что никто никогда не видел этих красок. Их просто не существовало до появления наших огней — наших гибельных огней — в этом мире.

Зябнут слабые тычинки... Я приблизился к живой стене, чтобы лучше разглядеть происходящее. Ни тогда, ни в другие моменты я совсем не испытывал страха. Я был уверен, что оно не враждебно — даже если наделено сознанием.

Вокруг было множество цветов, одни уже раскрылись, другие только начали распускаться. Теперь они напоминали мне мотыльков, едва вылупившихся из своих куколок,— новорожденных бабочек с мягкими, еще нерасправленными крыльями. Я приближался к истине.

Но цветы замерзали — умирали, едва успев родиться. Один за другим они отваливались от своих почек, несколько секунд трепыхались, словно рыба, выброшенная на берег, и я наконец понял, что они такое. Их лепестки — это плавники, а сами они — плавающие личинки большого существа. Вероятно, оно проводит большую часть жизни на дне и, подобно земным кораллам, посылает своих отпрысков на поиски новых территорий.

Я встал на колени, чтобы получше рассмотреть маленькое создание. Яркие краски тускнели. Лепестки-плавники отпадали, превращаясь в ледышки. Но оно еще жило: попыталось отодвинуться при моем приближении. Мне стало любопытно, каким образом оно чувствует мое присутствие.

Я заметил, что каждая тычинка — как я их назвал — заканчивается ярким голубым пятнышком. Они напоминали сверкающие сапфиры или голубые глазки на мантии устрицы. Светочувствительные, но еще не способные фор-

мировать настоящие зрительные образы. У меня на глазах их яркий голубой цвет потускнел, сапфиры превратились в обычные невзрачные камешки.

Доктор Флойд — или те, кто слышит меня,— времени уже нет; скоро Юпитер прервет мою передачу. Но я почти все сказал.

Я уже знал, что следует делать. Кабель тысячеваттной лампы свисал почти до земли. Я дернул несколько раз, и света не стало.

Я боялся, что опоздал. Несколько минут ничего не происходило. Тогда я подошел к окружавшей меня стене переплетенных ветвей и ударил ее ногой.

Существо медленно двинулось, отступая к каналу. Света было достаточно — я прекрасно все видел. В небе сияли Ганимед и Каллисто, Юпитер выглядел гигантским узким серпом с большим пятном полярного сияния на ночной стороне.

Я проводил его до самой воды, подбадривая пинками, когда оно замедляло движение... Хрупкие льдинки хрустели у меня под ногами... Казалось, приближаясь к каналу, оно набирается сил, будто знает, что возвращается домой. Интересно, выживет ли оно, чтобы расцвести когда-нибудь вновь.

Оно исчезло в воде, оставив еще несколько мертвых личинок на чуждой ему суше. Несколько минут вода кипела, пока спасительный слой льда не отделил ее от вакуума. Я пошел назад к кораблю — но я не хочу говорить об этом.

Доктор Флойд, у меня две просьбы. Когда это существо классифицируют, надеюсь, его назовут моим именем. И еще — пусть следующая экспедиция доставит наши останки на родину.

Юпитер оборвет мою передачу через несколько минут. Я повторю рассказ, когда связь снова станет возможна — и если выдержит мой скафандр.

Внимание, говорит профессор Чан со спутника Юпитера — Европы: космический корабль «Цянь» погиб. Мы совершили посадку у Большого канала и установили насосы на его краю...

Голос пропал, затем на мгновение вернулся и наконец окончательно утонул в шумах. И когда Европа вновь показалась из-за Юпитера, эфир молчал.

III

«ДИСКАВЕРИ»

12

СКОРОСТНОЙ СПУСК

Корабль начал наконец набирать скорость, будто скользил по склону, который становился все круче. Давно осталась позади гравитационная «нейтральная полоса», в которой с трудом удерживались на своих вытянутых, обратных орбитах внешние луны Юпитера — Синопе, Пасифе, Ананке и Карме,— захваченные когда-то астероиды неправильной формы, диаметром не более тридцати километров. Никого, кроме космических геологов, не заинтересовали

бы эти угловатые, растрескавшиеся обломки, за которые планета-гигант и Солнце вели постоянную «пограничную войну». Когда-нибудь она завершится победой Солнца.

Зато Юпитер надежно удерживал вторую четверку спутников, вдвое более близкую. Орбиты Элары, Лиситеи, Гималии и Леды похожи и лежат почти в одной плоскости. Существует гипотеза, что они — части одного распавшегося небесного тела; если так, то его диаметр не превышал ста километров.

Траектория «Леонова» пролегала неподалеку от Карме и Леды. Все радовались крохотным светлым пятнышкам, как старым друзьям: будто после долгого океанского перехода увидели землю — первые рифы у побережья Юпитера. Истекали последние часы; приближался решающий момент — вход в атмосферу.

Юпитер стал уже больше, чем Луна в земном небе, и гигантские внутренние спутники были отлично видны. Вернее, видны были их диски, различим цвет, но рассмотреть детали не позволяло расстояние. Их бесконечный танец завораживал — они прятались за Юпитером и вновь появлялись на дневной стороне, сопровождаемые своими четкими круглыми тенями. Многие поколения астрономов, начиная с Галилея, любовались этим зрелищем на протяжении четырех веков, но из всех ныне живущих лишь экипаж «Леонова» мог наблюдать его невооруженным глазом.

Все забыли даже о шахматах, предпочитая проводить время у телескопов или иллюминаторов. Смотрели, слушали музыку, разговаривали. И по крайней мере один роман достиг своей кульминации: частые исчезновения Макса Брайловского и Жени Марченко давали повод для множества беззлобных шуток.

Не совсем обычная пара, думал про них Флойд. Макс, известный в прошлом гимнаст, дошедший до финала Олимпиады-2000, был высоким красивым блондином. Ему уже перевалило за тридцать, но лицо у него оставалось открытым, почти мальчишеским. Великолепный специалист, но наивный и простодушный до крайности. Из тех, с кем приятно разговаривать, но... не слишком долго.

А вот о Жене — двадцать девять лет, самая молодая в экипаже — Флойд не знал ничего. Никто не обмолвился ни словом о происхождении шрамов у нее на лице, а сам Флойд спрашивать не решался, и из Вашингтона ему ничего сообщить не могли. Очевидно, она побывала в катастрофе; возможно, в самой обычной автомобильной аварии. Предположение — нередко высказывавшееся за границами СССР,— будто Женя участвовала в секретном космическом полете, можно было исключить сразу. Благодаря глобальной сети слежения, созданной полвека назад, осуществить такой полет было невозможно.

Положение Жени осложнялось тем, что ее включили в состав экспедиции буквально в последний момент. Если бы не подвели искусственные крылья, диетологом и медсестрой стала бы Ирина Якунина.

Каждый вечер в шесть по Гринвичу экипаж в полном составе и единственный бодрствующий пассажир собирались в тесной кают-компании, отделявшей служебные помещения от жилого яруса. За круглый стол ввосьмером усаживались с трудом; для Курноу и Чандры, когда они проснутся, места уже не останется.

Хотя такие встречи — на смешанном русско-английском наречии они назывались «сикс о'клок совет» — редко продолжались более десяти минут, для поддержания нормального климата в коллективе они были необходимы. Выступать можно было с любыми предложениями или жалобами — правом вето обладала лишь капитан, но и она никогда им не пользовалась. Чаще всего «повестку дня» составляли обсуждение меню и видеопрограмм, заявки на разговоры с Землей, обмен новостями... И конечно, легкая пикировка с американским меньшинством команды. Скоро ситуация изменится, честно предупреждал Флойд, и ставки повысятся с 1:8 до 3:10. Однако он держал в тайне свою глубокую уверенность в том, что Курноу легко переговорит или перекричит по крайней мере троих.

Флойд проводил здесь почти все свободное время: в своей тесной каюте он только спал. В кают-компании многое напоминало о Земле: ее стены украшали земные пейзажи, спортивные фотографии, портреты популярных видеозвезд. Но главной достопримечательностью был подлинник картины Алексея Леонова «Около Луны». Картина была написана в 1965 году, вскоре после того, как он, тогда еще молодой подполковник, покинул «Восход-2» и стал первым в истории человеком, вышедшим в открытый космос.

Картина, созданная хотя и не профессионалом, но талантливым любителем, изображала изрытую кратерами часть Луны с великолепным Заливом Радуги на переднем плане. Над лунным горизонтом нависал узкий серп Земли, охватывающий темный круг планеты. Позади пламенело Солнце, огненные языки его короны простирались в космос на миллионы километров.

Впечатляющая композиция — и взгляд в будущее, до которого оставалось тогда всего три года. Борман, Лоуэлл и Андерс увидели это великолепное зрелище с борта «Аполлона-8», когда в декабре 1968 года первыми из людей наблюдали восход Земли над Луной.

Хейвуду Флойду картина нравилась, но вызывала и другие чувства. На борту не было ничего и никого старше — за одним-единственным исключением.

Когда Алексей Леонов закончил ее, Хейвуду Флойду исполнилось уже девять лет.

13
МИРЫ ГАЛИЛЕЯ

Даже теперь, спустя три десятилетия после первого фоторепортажа «Вояджера», никто не знал, почему столь разнятся четыре главные луны Юпитера. Примерно одинаковые по величине, «прописанные» в одном районе Солнечной системы, они не похожи, как дети разных родителей.

Лишь Каллисто, самая внешняя из них, выглядела, как предполагалось. «Леонов» прошел в ста тысячах километров от нее, и наиболее крупные из ее бесчисленных кратеров были легко различимы невооруженным глазом. В телескоп спутник напоминал стеклянный шар, подвергшийся жесткому обстрелу: всю его поверхность усеяли кратеры самых разнообразных размеров. Каллисто, как кто-то удачно подметил, больше походила на земную Луну, чем сама Луна.

Конечно, нет ничего удивительного, если тело, расположенное на границе пояса астероидов, постоянно бомбардируют обломки, оставшиеся после образования планет. Однако уже соседний Ганимед выглядит совершенно иначе. Хотя некогда и ему досталась щедрая порция ударных кратеров, впоследствии многие из них были, согласно чьему-то образному высказыванию, «перепаханы». Обширные участки поверхности Ганимеда покрыты бороздами и гребнями, будто неведомый космический садовник прошелся по ней гигантскими граблями. Еще здесь есть светлые лучи, похожие на следы слизня толщиной в полсотни километров, но наиболее загадочны длинные извилистые полосы, образованные десятками параллельных линий. Николай Терновский предположил, что это скоростные многорядные автострады, проложенные нетрезвыми дорожниками. И даже утверждал, что видит переходы и транспортные развязки...

Прежде чем «Леонов» достиг орбиты Европы, копилка человеческих знаний пополнилась триллионами битов новой информации о Ганимеде. Но главное место в умах экипажа занимала Европа, страна вечных льдов, среди которых покоились сейчас останки китайского корабля и тела погибших.

На Земле доктор Чан стал героем, и его соотечественники, хотя и не без смущения, принимали бесчисленные соболезнования. Экипаж «Леонова» тоже послал радиограмму — она, как полагал Флойд, подверглась в Москве некоторой правке. Все космонавты, независимо от национальной принадлежности, ощущали себя гражданами космоса. Объединенные этим чувством, они сопереживали победы и неудачи друг друга. Никто на «Леонове» не радовался тому, что китайскую экспедицию постигла катастрофа, но к печали примешивалось и облегчение — теперь не было надобности участвовать в вынужденной гонке.

Конечно, и на Земле, и на «Леонове» темой номер один стала жизнь в океанах Европы, открытая при столь трагических обстоятельствах. Некоторые экзобиологи во весь голос кричали: «Я же говорил!» — доказывая, что ничего удивительного в этом открытии нет. Еще в семидесятые годы XX века исследовательские подводные лодки обнаружили многочисленные колонии странных морских организмов почти в столь же негостеприимном месте — в глубочайших тихоокеанских впадинах. Вулканические извержения, согревая и удобряя подводную пустыню, создали в ней оазисы жизни.

То, что однажды произошло на Земле, должно повториться во Вселенной миллионы раз: для научного мира это предмет веры. Вода, по крайней мере в виде льда, имеется на всех спутниках Юпитера. На Ио постоянно происходят извержения; логично предположить, что и соседний спутник вулканически активен, пусть даже эта активность слабее. А если так, жизнь на Европе не только возможна, но и неизбежна...

Неоднократно поднимался вопрос, имевший прямое отношение к задачам экспедиции. Связана ли жизнь на Европе с монолитом из кратера Тихо или с его еще более загадочным Большим Братом в окрестностях Ио?

Это стало излюбленным предметом дискуссий на «сикс о'клок советах». Все были согласны, что существо, открытое доктором Чаном, не обладало высоким интеллектом — если, конечно, китайский ученый правильно оценил

его поведение. Ни одно разумное существо не будет вести себя как бабочка, летящая на пламя свечи...

Впрочем, Василий Орлов тут же привел противоположный пример.

— Возьмем дельфинов или китов,— сказал он.— Мы считаем их разумными, но они довольно часто идут на массовое самоубийство, выбрасываясь на сушу. Инстинкты оказываются сильнее разума.

— Что дельфины! — прервал его Макс Браиловский.— Один из лучших моих однокашников был безнадежно влюблен в блондинку, жившую в Киеве. Недавно мне сообщили, что он работает где-то в гараже. А ведь он получил золотую медаль за проект космической станции! Вот как бывает!

Гипотеза, что высшие формы жизни могут возникнуть в водной среде, вызывала серьезные возражения: море слишком однородно во времени и пространстве, ничто в нем не меняется, и оно не требует от своих обитателей особых усилий для борьбы за существование. И какая технология может зародиться без огня?

Делать отрицательные выводы было преждевременно: вряд ли путь человечества — единственно возможный. В океанах иных миров могли расцвести цивилизации, не похожие на земную. Однако казалось невероятным, что на Европе возникла культура, поднявшаяся в космос, но не оставившая никаких построек, научных установок, стартовых площадок и других искусственных сооружений. Весь спутник от полюса до полюса покрывали вечные льды.

А когда «Леонов» пересек орбиты Ио и миниатюрной Амальтеи, времени для споров уже не осталось. Экипаж готовился к аэродинамическому маневру, к недолгому возвращению силы тяжести после месяцев свободного падения. Нужно было закрепить все предметы, прежде чем корабль войдет в атмосферу Юпитера и на короткое время они снова обретут вес — вдвое больший, чем на Земле.

Лишь Флойд на правах единственного пассажира мог спокойно любоваться величественным зрелищем надвигающегося Юпитера, заслонившего собой полнеба. Постичь подлинные размеры планеты было невозможно; приходилось постоянно помнить о том, что даже пятьдесят сфер размером с Землю не закрыли бы полностью этого грандиозного полушария.

Громадные — размером с континент — облака, окрашенные в цвета наиболее изысканных земных закатов, неслись так быстро, что всего за десять минут проходили заметное расстояние. На границах многочисленных облачных полос, опоясывающих планету, рождались гигантские вихри и отходили как клубы дыма. Время от времени из глубин атмосферы вырывались гейзеры белого газа; их тут же сметали ураганы, вызванные стремительным вращением планеты. Но удивительнее всего смотрелись цепочки белых пятнышек, тянувшиеся вдоль пассатов средних широт подобно жемчужным бусам...

В эти часы — непосредственно перед торможением — Флойд редко видел капитана и штурмана. Орловы почти не покидали рубку: они уточняли и корректировали курс «Леонова». Траектория корабля должна лишь слегка задеть верхние слои атмосферы: если он пройдет чуть выше, то торможение окажется недостаточным и корабль уйдет за пределы Солнечной системы, где надеяться на помощь бесполезно; если чуть ниже, то сгорит, как метеор.

Между этими двумя крайностями пролегал очень узкий путь к цели — так называемый коридор входа. Китайцы показали на практике, что торможение в атмосфере возможно, однако опасность оставалась. И Флойд совершенно не удивился, когда бортврач Руденко призналась ему: «Знаете, Вуди, лучше бы я взяла ту икону с собой».

14
СБЛИЖЕНИЕ

— ...Кажется, с делами все. Последние часы мне вспоминается одна картинка, которую я видел в детстве — а ей было, наверное, лет полтораста. Я забыл, цветная она была или нет, зато отлично помню, как она называлась. «Последнее письмо домой». Не смейся — предки почему-то были сентиментальны.

Она изображала парусник в бурю — паруса сорваны, волны гуляют по палубе. Команда пытается спасти судно. А на переднем плане — юнга пишет письмо. Рядом бутылка, которая, он надеется, доставит его послание к земле.

Хотя я был тогда ребенком и картинка меня волновала, мне казалось, что ему надо бы не писать письма, а помогать остальным. Мог ли я думать, что когда-нибудь сам окажусь в положении этого юнги?

Разумеется, мое-то послание дойдет — а помочь экипажу «Леонова» я просто бессилен. Меня вежливо попросили не путаться под ногами, так что совесть моя чиста. Уже через пятнадцать минут мы прервем передачи, уберем антенны под теплозащитный экран и задраим иллюминаторы — вот и еще одна аналогия с морем! Юпитер занимает все небо — но я не в силах описать это зрелище, да и ставни вот-вот закроются. Впрочем, камеры сделают все сами, и гораздо лучше меня.

До свидания, мои дорогие, целую всех вас, особенно Криса. Когда вы услышите эту запись, для нас все закончится — так или иначе. Помните — я хотел сделать как лучше. До свидания.

Вынув кассету, Флойд поднялся в рубку и вручил запись Саше Ковалеву.

— Пожалуйста, передайте это, пока связь не прервалась.

— Не беспокойтесь. Все каналы еще задействованы, у нас еще минут десять, не меньше.— Саша протянул руку.— И если встретимся, то улыбнемся! А нет — так мы расстались хорошо.

Флойд прищурился:

— Шекспир?

— Он самый! Брут и Кассий перед битвой. Еще увидимся.

Василий и Таня лишь на миг оторвались от дисплеев, чтобы кивнуть Флойду, и он вернулся к себе. С остальными он уже попрощался; оставалось ждать. Спальный мешок был укреплен на шнурах, готовый к возвращению гравитации.

— Антенны убраны, защитные экраны подняты,— послышалось из динамика.— Торможение через пять минут. Все идет нормально.

— Я бы так не сказал,— пробормотал Флойд, забираясь в мешок.— «По программе» — еще туда-сюда...

В этот момент в дверь постучали.

— Кто там? — по-русски спросил Флойд.

К его удивлению, это оказалась Женя.

— Можно? — Ее голос был смущенным, как у маленькой девочки.

— Конечно. Но почему вы не у себя?

Уже задав вопрос, он понял его несуразность. Ответ был написан на ее лице.

Однако именно от нее он никак не ожидал такого поступка. Она всегда держалась с ним вежливо, но сухо. И единственная на «Леонове» называла его «доктор Флойд». А сейчас, в трудный момент, пришла искать у него поддержки...

— Женя, милая, заходите,— сказал он.— Добро пожаловать. Извините за тесноту.

Она выдавила слабую улыбку, но ничего не ответила. И вдруг Флойд увидел, что она не просто нервничает, а смертельно испугана. Вот почему она пришла сюда. Ей не хотелось показывать свой страх соотечественникам.

Флойда теперь уже не так радовал ее приход. Но на нем лежала ответственность за другого человека, одинокого, оказавшегося далеко от дома. И не должно иметь значения, что этот человек — привлекательная девушка вдвое моложе его. Однако ее близость действовала возбуждающе.

Вероятно, Женя заметила это, но никак не прореагировала. Места в его мешке хватило для обоих. А если перегрузка превысит расчетную и крепления не выдержат? Их может убить...

Это была бы отнюдь не героическая смерть, но тревожиться не стоило: запас прочности у подвески, очевидно, имеется. Смех всегда убивает желание: их объятие было уже сугубо платоническим. Флойд не знал, радоваться ли этому или огорчаться.

Но времени на раздумья не оставалось. Откуда-то издалека донесся слабый звук, подобный крику чьей-то потерянной души. Корабль едва ощутимо дрогнул, мешок просел, шнуры натянулись. После длительной невесомости возвращалась сила тяжести.

За несколько секунд слабый звук превратился в рев. Перегрузка возрастала; стало трудно дышать. Да еще и Женя вцепилась в него, как в спасательный круг.

Он попытался отстраниться.

— Все в порядке, Женя. «Цянь» сделал это. Мы тоже сделаем.

Выкрикивать успокаивающие слова было трудно, и Флойд не был уверен, что она слышит его в реве раскаленного газа. Однако она уже не держалась за него так отчаянно, и ему удалось сделать пару глубоких вдохов.

Что сказала бы Каролина, увидев его сейчас? Стоит ли посвящать ее в этот эпизод? Флойд не был уверен, что она поймет. Впрочем, земные проблемы не казались сейчас самыми важными...

Ни говорить, ни двигаться было уже невозможно. Но, привыкнув к своему весу, Флойд больше не ощущал неудобства — если не считать онемения в правой руке. Освободить ее удалось с трудом; Флойд почувствовал себя виноватым. Невольно вспомнилась фраза, приписываемая минимум десятку совет-

ских и американских космонавтов: «Трудности и прелести секса в космосе сильно преувеличены».

Интересно, каково сейчас остальным? Флойд вспомнил, что Чандра и Курноу по-прежнему мирно спят. И если «Леонов» вспыхнет мгновенным метеором в небе Юпитера, они об этом никогда не узнают... Но стоит ли им завидовать?

Из динамика послышался голос Тани; слова терялись в грохоте, но тон ее был спокойным, будто ничего особенного не происходило. Флойд взглянул на часы и поразился: «Леонов» прошел уже половину тормозной гиперболы и находился сейчас в самой нижней точке траектории; глубже в атмосферу Юпитера проникали только невозвращаемые автоматические зонды.

— Полпути пройдено! — крикнул он Жене.— Мы опять поднимаемся! — И вновь не понял, услышала ли она. Женя слабо улыбалась, но глаза ее были крепко зажмурены.

Корабль заметно потряхивало, как утлый челн в бурном море. «Вдруг что-нибудь не в порядке?» — подумал Флойд. На миг в сознании возникло видение: стены вокруг раскаляются докрасна и медленно рушатся. Кошмарная сцена из полузабытого рассказа Эдгара По...

Но здесь будет не так. Если теплозащита не выдержит, корабль погибнет мгновенно, расплющившись о монолитную стену газа. Боли не будет; нервная система просто не успеет среагировать. Невелико утешение, но не стоит пренебрегать и им.

Тряска понемногу ослабевала. Таня сделала еще одно неразборчивое сообщение (надо будет ей об этом напомнить). Время, казалось, замедлило бег; вскоре Флойд перестал смотреть на часы — он не верил им. Цифры сменялись так медленно, будто «Леонов» попал в релятивистское замедление времени.

А потом случилось еще более невероятное. Сначала это его позабавило, затем даже возмутило. Женя заснула — заснула рядом с ним.

Впрочем, это была естественная реакция. Внезапно Флойд сам почувствовал опустошенность, какая бывает после близости с женщиной. Он с трудом удерживался, чтобы не заснуть.

Затем Флойд начал падать... падать... падать... и все закончилось. Корабль снова был в космосе, у себя дома. А они с Женей уже никогда не будут столь близки, но на всю жизнь сохранят особую нежность, непонятную для других.

15

БЕГСТВО ОТ ВЕЛИКАНА

Когда Флойд добрался до обзорной площадки, Юпитер остался позади. Флойд знал это разумом, но глазами видел другое. «Леонов» едва вынырнул из атмосферы, и планета по-прежнему закрывала полнеба.

Как и предполагалось, Юпитер взял их в плен, отобрав лишнюю скорость. Если бы не последний огненный час, корабль несло бы сейчас за пределы Солнечной системы — к звездам. Теперь же он следовал по переходному эллипсу — классической гомановской орбите, соединяющей Юпитер с орбитой

Ио, которая проходит на триста пятьдесят тысяч километров выше. Если не запустить двигатели, «Леонов» останется на этом эллипсе, замыкая виток каждые девятнадцать часов. Он станет самым близким спутником Юпитера, хотя и ненадолго. С каждым оборотом под действием торможения в атмосфере он начнет терять высоту, перейдет на спираль и в конце концов разрушится.

Флойд не особенно любил водку, но сейчас без колебаний выпил вместе со всеми — за создателей корабля и в память сэра Исаака Ньютона. Потом Таня спрятала бутылку: дел оставалось много.

Хотя все ждали этого, тем не менее вздрогнули, услышав приглушенный взрыв пиропатронов, за которым последовал сильный толчок. Спустя несколько секунд в иллюминаторах показался добела раскаленный, медленно крутящийся диск. Он неторопливо удалялся.

— Смотрите! — закричал Макс.— Летающая тарелка! У кого есть фотоаппарат?

Все с облегчением рассмеялись. Таня сказала:

— Прощай, наш верный защитник! Вот кто действительно сгорел на работе!

— Но не до конца,— вмешался Саша.— В нем осталось добрых две тонны. Сколько полезной нагрузки пропало зря!

— Если так выглядит исконно русская основательность,— возразил Флойд,— то я — за. Лучше уж лишняя тонна, чем недостающий миллиграмм.

Все зааплодировали. Сброшенный защитный экран, остывая, стал желтым, потом красным, наконец черным, как окружающее пространство. Он исчез из виду, удалившись всего на несколько километров, хотя время от времени исчезающие и вновь появляющиеся звезды выдавали его местоположение.

— Я проверил орбиту,— сообщил Василий.— Погрешность — десять метров в секунду, не больше. Не так плохо для первого раза.

Все облегченно вздохнули. Еще через несколько минут штурман объявил:

— Разворот для коррекции. Через минуту — зажигание на двадцать секунд. Приращение скорости — шесть метров в секунду.

Из-за близости к Юпитеру не верилось, что «Леонов» стал спутником планеты. Было ощущение, что они летят в высотном самолете, поднявшемся над юпитерианскими облаками. Масштабные ориентиры отсутствовали; казалось, за иллюминаторами пылает обычный земной закат — так знакомы были алые и розовые тона.

Но так только казалось: здесь не было ничего земного. Краски не имели ничего общего с заходящим Солнцем, это были собственные цвета Юпитера. Да и газы чужие — метан, аммиак и чертово зелье углеводородов, сваренное в водородно-гелиевом котле.

Лишь изредка вихри и порывы ураганного ветра нарушали строй облаков. протянувшихся параллельными рядами от горизонта до горизонта. Время от времени восходящие потоки более светлого газа раскрывали их пелену, открывая вид на темный край гигантской воронки, воздушного Мальстрема. низвергающегося в бездонные глубины Юпитера.

Флойд начал было искать Большое Красное Пятно, но тут же опомнился. Вся распростершаяся внизу облачная панорама не превышала по площади не-

скольких процентов Красного Пятна; с таким же успехом можно разглядеть Соединенные Штаты, пролетая на самолете где-нибудь над Канзасом.

— Коррекция закончена. Прибытие к Ио через восемь часов пятьдесят пять минут.

«Всего девять часов,— подумал Флойд,— и мы будем на месте. Ускользнуть от великана удалось — но мы предвидели эту опасность и были готовы к ней. Теперь начинаются опасности неизвестные. А разделавшись с ними, мы снова вернемся к Юпитеру. Его мощь поможет нам на обратном пути».

16
ЛИЧНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

— Привет, Дмитрий. Это Вуди, через пятнадцать секунд перехожу на код два... Алло, Дмитрий, помножь коды четыре и пять, извлеки кубический корень, прибавь «пи» в квадрате, округли до целого и получишь нужное число. Если только ваши компьютеры не быстрее наших в миллион раз — а я абсолютно уверен, что это не так,— то наш разговор никто никогда не расшифрует. Ни с твоей стороны, ни с моей.

Кстати, мои по-прежнему надежные источники докладывают, что и очередной делегации не удалось убедить старика Андрея уйти с поста президента Академии. Я смеялся до слез — так Академии и надо. Я знаю, что ему за девяносто и он становится немножко... упрям. Но советов давать не буду, хотя я — лучший специалист в мире, виноват, в Солнечной системе по отставкам престарелых ученых.

Ты не поверишь, но я слегка пьян. Мы решили отпраздновать свое прибытие, когда постр... повср... Черт, по-встре-чались с «Дискавери». И нужно было отметить пробуждение двух наших коллег. Чандра, правда, не пил — это было бы для него слишком по-человечески,— зато Курноу постарался за двоих. Одна Таня была трезвой как стеклышко.

Мои соотечественники — господи, я уже заговорил как политик — благополучно вышли из анабиоза и готовы к работе. Время подгоняет, а состояние «Дискавери» не блестящее. Его снежно-белый корпус стал тускло-желтым.

Виновата, конечно, Ио. «Дискавери» снизился уже до трех тысяч километров, а каждые несколько дней какой-нибудь из здешних вулканов выбрасывает в пространство несколько мегатонн серы. Ты видел фильмы, но по ним не поймешь, какой здесь ад. С нетерпением жду, когда мы отсюда отчалим — хотя следующий этап будет, вероятно, опаснее...

Я пролетал над Килауа во время извержения 2006 года. Это было страшное зрелище. Но здесь неизмеримо страшнее. Сейчас мы над ночной стороной Ио, тут еще хуже. Настоящее пекло.

Некоторые озера серы от жара светятся, но в основном свет дают электрические разряды. Ландшафт как бы взрывается каждые несколько минут, словно его озаряет гигантская фотовспышка. Это не просто сравнение: сила тока в ионизированном канале между Юпитером и Ио достигает миллионов ампер, и часто происходит пробой. Так получаются величайшие молнии в Солнечной системе, а наши предохранители, естественно, тут же срабатывают.

Только что началось новое извержение. Прямо на терминаторе. Огромная туча, озаренная Солнцем, поднимается к нашему кораблю. Конечно, она, если даже достигнет такой высоты, станет к тому времени безобидной. Но вид у нее зловещий — этакое космическое чудовище, пытающееся нас проглотить...

Сразу после прибытия я понял, что Ио мне что-то напоминает. Вспоминал два дня, потом связался с архивом — бортовая библиотека не помогла. Ты помнишь «Властелина колец»? Да, Ио — это Мордор. Загляни в третью часть романа. Там описаны «реки расплавленного камня, которые извиваются... а потом застывают и лежат, будто окаменевшие драконы, извергнутые измученной землей». Это точное описание: Толкин сделал его за четверть века до того, как глаза человеческие увидели поверхность Ио. Так что же все-таки первично — Искусство или Природа?..

Хорошо, что хоть не надо туда садиться. Возможно, в будущем кто-нибудь это сделает: здесь есть относительно устойчивые участки, не заливаемые потоками серы.

Никогда бы не поверил, что можно болтаться рядом с Юпитером и не обращать на него внимания. Но так оно и есть. Когда мы не смотрим на Ио или «Дискавери», мы думаем об «артефакте».

Он в десяти тысячах километров от нас, в точке либрации, но сквозь телескоп кажется совсем рядом. Масштабных ориентиров нет, и не верится, что в нем два километра. Если он твердый, то весит миллиарды тонн.

Но твердый ли он? Он почти не отражает лучи радаров, даже при перпендикулярном падении. Мы видим лишь черную прямоугольную тень на облаках Юпитера, до которых в действительности в тридцать раз дальше. Не считая размеров, это точная копия монолита, найденного на Луне.

Завтра — высадка на «Дискавери»; не знаю, когда мы снова сможем поговорить. А у меня есть к тебе громадная просьба.

Я говорю о Каролине. Она так и не поняла, почему я полетел. Думаю, она никогда мне не простит. Некоторые женщины считают, что любовь — это главное. Считают, что любовь — это все. Возможно, они правы — что толку спорить.

Если представится случай, попробуй ее подбодрить. Она говорила, что собирается вернуться на материк. Боюсь, если так... Если с ней не получится, попытайся подбодрить Криса. Я очень соскучился по нему.

Он-то поверит дяде Диме — скажи, что папа его по-прежнему любит и постарается вернуться скорее.

17
АБОРДАЖ

Высадиться на другой космический корабль, если он сам этому не содействует, нелегко. А нередко и опасно.

Смысл этой прежде абстрактной истины стал очевиден для Уолтера Курноу, как только он собственными глазами увидел кувыркающееся стометровое тело «Дискавери». Годы назад бортовая центрифуга остановилась из-за

трения в подшипниках, но угловой момент передался корпусу корабля. И «Дискавери» вращался вокруг поперечной оси, словно жезл лихого тамбур-мажора.

Это вращение следовало остановить: оно делало корабль не только неуправляемым, но и почти неприступным. В воздушном шлюзе «Леонова» Курноу с Максом Браиловским облачались в скафандры. Курноу испытывал почти незнакомое ему чувство неуверенности, даже неполноценности; задание ему не нравилось. «Я опытный инженер, а не подопытное животное»,— объяснял он; однако дело нужно было делать. Лишь он мог вырвать «Дискавери» из лап Ио. Времени оставалось мало: корабль врежется в огненное пекло, прежде чем русским удастся разобраться в незнакомом оборудовании.

— Страшно? — спросил Макс; они уже одевали шлемы.

— Конечно. Но штаны пока сухие.

Макс усмехнулся:

— Вот и отлично. Ничего, доставлю в целости и сохранности. На моем... как правильно?

— «Помеле». Транспортном средстве ведьм.

— Точно. Знакомая штука?

— Один раз попробовал. Оно от меня сбежало.

Некоторым профессиям присущи собственные инструменты: мастерок каменщика, молоток геолога, круг гончара... Строители космических станций придумали «помело».

В сложенном состоянии это просто метровая труба, заканчивающаяся «башмаком» вроде тех, на которые приземляются межпланетные аппараты. Но при нажатии кнопки оно раздвигается в несколько раз; внутренние накопители импульса позволяют умелому оператору выделывать с таким «помелом» самые невероятные трюки. «Башмак» можно заменить клешней или крюком, есть и другие хитрости. «Помело» кажется простым в обращении — но только кажется.

Насосы умолкли, перестав откачивать воздух. Над внешним люком загорелась надпись «Выход», потом он отворился, и они медленно выплыли наружу.

«Дискавери» подобно крылу ветряной мельницы вращался в двухстах метрах от «Леонова». Корабли шли параллельными курсами вокруг Ио, которая загораживала полнеба — и закрывала Юпитер. Момент выхода выбрали не случайно: Ио служила экраном, защищающим от мощных энергетических разрядов, которые гуляли между двумя мирами. Но радиации хватало и здесь. Оставаться вне укрытия больше пятнадцати минут было крайне нежелательно.

Курноу тут же ощутил неудобство.

— На Земле скафандр был в самый раз,— пожаловался он.— Сейчас я болтаюсь в нем, как в погремушке.

— Все в порядке, Уолтер,— вмешалась в радиоразговор бортврач Руденко.— В анабиозе вы потеряли десять килограммов, но они все равно были лишними... Правда, три вы уже вернули.

Курноу не успел достойно ответить — его мягко, но сильно повлекло от «Леонова».

— Отдыхайте, Уолтер,— сказал Браиловский.— Ускорители не включайте, я все сделаю сам.

Миниатюрные двигатели в ранце Браиловского несли их к «Дискавери». После появления облачка пара буксирный трос натягивался, Курноу приближался к Браиловскому, но догнать не успевал — следовало новое зажигание. Курноу чувствовал себя чертиком на ниточке — недавно началось их очередное нашествие на Землю. Он дергался вверх-вниз, совершенно беспомощный.

К «Дискавери» вел лишь один безопасный путь — вдоль оси, вокруг которой медленно вращался корабль. Она проходила примерно посередине, возле главной антенны; туда-то и нацелился Браиловский, увлекая за собой партнера. «Каким образом он успеет нас остановить?» — с тревогой спрашивал себя Курноу.

«Дискавери» надвигался, похожий на огромную вытянутую гантель, размеренно перемалывающую небо. Хотя полный оборот занимал не одну минуту, скорость концов этой вертушки была внушительной. Курноу старался смотреть не на них, а на приближающийся центр, который медленно поворачивался.

— Сейчас я сделаю это,— сказал Браиловский.— Помогать не надо, но приготовьтесь.

«Что значит — это?» — подумал Курноу, призывая на помощь все свое хладнокровие.

Операция заняла пять секунд. Браиловский раздвинул «помело» на четыре метра, оно уперлось в борт корабля и сложилось, передав внутренним накопителям весь импульс хозяина; но вопреки ожиданиям Курноу тот вовсе не остановился у основания антенны. Нет, «помело» тут же раздвинулось, отбросив советского космонавта от «Дискавери». Будто отразившись от упругой стенки, он пронесся всего в нескольких сантиметрах от Курноу, и испуганный американец успел различить лишь широкую усмешку на его лице.

Секундой позже последовал рывок. Трос натянулся и тут же ослаб. Противоположные скорости погасились: оба космонавта практически замерли относительно «Дискавери». Курноу оставалось ухватиться за ближайший выступ и подтянуть товарища.

— Вы играли когда-нибудь в *русскую рулетку?* — поинтересовался он, постепенно успокаиваясь.

— А что это такое?

— Столь же невинное развлечение,— объяснил Курноу.— Я вас как-нибудь научу.

— Не хотите ли вы сказать, Уолтер, что Макс собирался совершить нечто *опасное?*

Голос доктора Руденко звучал не на шутку обеспокоенно, и Курноу не стал отвечать; иногда русские не понимали его своеобразный юмор. «Над кем смеетесь?» — пробормотал он вполголоса, надеясь, что никто его не услышит.

Теперь, когда они прочно обосновались на втулке космической карусели, вращение почти не ощущалось — особенно когда Курноу фиксировал взгляд на металлической обшивке «Дискавери». Но его поджидало новое испытание. Лестница, проходившая вдоль вытянутого цилиндрического корпуса, каза-

лась бесконечно длинной. Создавалось впечатление, что массивный шар командного отсека отделяют от них световые годы. Конечно, Курноу знал, что расстояние не превышает пятидесяти метров, но...

— Я пойду первым,— сказал Браиловский, выбирая слабину на соединяющем их тросе.— Считайте, мы просто спускаемся. Помните об этом. Но не бойтесь сорваться — даже в самом низу сила тяжести вдесятеро меньше нормальной. А это — как правильно? — блошиный укус.

— Скорее уж блошиный вес... Если не возражаете, я пойду ногами вперед. Не люблю лазить по лестницам вниз головой — пусть и при малой гравитации.

Этот не слишком серьезный тон очень помогал. Размышлять о тайнах и опасностях нельзя; Курноу прекрасно понимал это. Почти за миллиард километров от дома он готовился проникнуть внутрь самого знаменитого в истории космического корабля: кто-то из журналистов удачно назвал «Дискавери» космической «Марией Целестой». Но происходившее было исключительным и по другой причине: Курноу не мог забыть о нависшем над головой зловещем ландшафте Ио. При каждом прикосновении к поручням на рукаве появлялись новые пятна серы.

Разумеется, Браиловский был прав: приспособиться к центробежной силе, заменявшей здесь гравитацию, оказалось нетрудно. Она совсем не мешала, даже наоборот — помогала правильно ориентироваться.

В конце концов неожиданно для себя они ступили на большой выцветший шар — командный отсек «Дискавери». В нескольких метрах располагался аварийный люк — тот самый, понял Курноу, которым воспользовался Боумен при решающей схватке с ЭАЛом.

— Надеюсь, нас впустят,— пробормотал Браиловский.— Обидно забраться в такую даль и получить от ворот поворот.

Он смахнул серную пыль с пульта управления шлюзом.

— Не работает, конечно. Или попробовать?

— Вреда не будет. Но вряд ли получится.

— Ничего. Тогда придется вручную...

Радостно было следить, как в сплошной выпуклой стене появляется узкая, с волос, щель. Из нее вырвалось облачко пара вместе с клочком бумаги — возможно, какой-то важной запиской. Однако этого никто никогда не узнает: бумажка, быстро вращаясь, исчезла вдали.

Браиловский еще долго крутил маховик, прежде чем мрачная, негостеприимная пещера воздушного шлюза открылась полностью. Тайная надежда Курноу, что работает хотя бы аварийное освещение, тут же рассеялась.

— Теперь командуйте вы, Уолтер. Это территория США.

Но «территория США» не показалась Курноу особо приветливой, когда он осторожно влезал в люк, освещая себе путь рефлектором на шлеме. Впрочем, насколько он мог судить, все было на месте. «А на что еще ты рассчитывал?» — сердито спросил он себя.

Времени на то, чтобы закрыть люк, ушло гораздо больше. Прежде чем крышка окончательно встала на место, Курноу бросил взгляд на адскую панораму Ио.

Возле экватора вскрылось мерцающее синее озеро; всего несколько часов назад его не было и в помине. Вдоль кромки озера плясали яркие желтые всполохи — верный признак раскаленного натрия. Ночной пейзаж прикрывала призрачная паутина плазменного разряда — одного из обычных для Ио полярных сияний.

Здесь было достаточно пищи для многих грядущих кошмаров, а завершал картину мазок, достойный кисти сумасшедшего сюрреалиста. В черное небо, казалось, прямо из пламени объятой пожаром луны вздымался гигантский изогнутый рог — таким, вероятно, видит его в последний миг обреченный тореадор.

Острый серп Юпитера вставал перед двумя кораблями, мчавшимися навстречу ему по параллельным орбитам.

18

СПАСЕНИЕ ИМУЩЕСТВА

Как только люк закрылся, Курноу и Макс поменялись ролями. Теперь уже Курноу чувствовал себя как дома, Браиловский же очутился в чужой стихии: его угнетала теснота туннелей и внутренних переходов. Разумеется, планировку «Дискавери» он знал, но лишь по чертежам и рисункам. В то время как Курноу несколько месяцев работал внутри еще не законченного «Дискавери-2» и ориентировался в нем буквально с закрытыми глазами.

Они пробирались вперед с трудом — корабль создавался для невесомости, а его неуправляемое вращение приводило к тяжести, хотя и слабой, но направленной всегда в самую неудобную сторону.

— Первое, что надо сделать,— буркнул Курноу, свалившись, словно в колодец, в очередной коридор и лишь через несколько метров за что-то ухватившись,— это остановить чертово вращение. Но нужна энергия. Надеюсь, Дэйв Боумен все обесточил, прежде чем навсегда покинуть корабль.

— Навсегда? А если он собирался вернуться?

— Не исключено. Но вряд ли мы это узнаем — даже если знал он сам.

Они достигли «горохового стручка» — бортового космического гаража. Когда-то здесь помещались три «горошины» — три одноместные сферические капсулы для работы в открытом космосе. На месте оставалась только одна. Первая пропала после гибели Фрэнка Пула. Вторая находилась сейчас с Дэйвом Боуменом, где бы тот ни был.

На вешалках висели два скафандра без шлемов, неприятно похожие на обезглавленные тела. Не требовалось особого воображения — а оно у Браиловского работало сейчас сверх меры,— чтобы наполнить корабль целым зверинцем зловещих обитателей.

Курноу, естественно, не мог упустить удобного случая.

— Макс,— произнес он совершенно серьезно,— что бы ни произошло, умоляю: не гоняйтесь за корабельным котом.

Браиловскому стало не по себе. Он едва не ответил: «Зря вы вспомнили об этом»,— но сдержался. Не стоило обнаруживать слабость. Он сказал:

— Хотел бы я знать, кто подсунул нам этот жуткий фильм.

— Наверняка Катерина,— предположил Курноу.— Чтобы испытать нашу психическую устойчивость. Неделю назад, по-моему, он показался вам очень смешным*.

Браиловский промолчал — Курноу был прав. Но одно дело теплая светлая кают-компания «Леонова», и совсем другое — ледяное темное чрево мертвого корабля, населенного привидениями. Даже самый несуеверный человек легко вообразил бы здесь неумолимого чужака, рыскающего по коридорам в поисках очередной жертвы...

«Все ты, бабушка, виновата,— подумал Макс.— Прости, родная, пусть земля сибирская будет тебе пухом. Но виновата ты и те страшные сказки, которыми ты забила мне голову. До сих пор, стоит закрыть глаза — и я ясно вижу избушку на курьих ножках посреди лесной глухомани...

Но стоп. Я — способный молодой инженер. Передо мной самая сложная в моей жизни техническая задача. И моему американскому другу совсем необязательно знать, что иногда я просто испуганный мальчик...»

Его раздражали шумы: их было слишком много. Такие слабые, что лишь опытный космонавт различил бы их в шорохе собственного скафандра. Но Максу Браиловскому, привыкшему работать в мире полного безмолвия, они действовали на нервы, хотя он и знал, что все эти скрипы и трески вызваны перепадом температур: корабль вращался, будто жаркое на вертеле. Несмотря на удаленность от Солнца, разница температур на свету и в тени была значительной.

Даже привычный скафандр стал неудобен — снаружи появилось давление. Силы, действующие на сочленения, слегка изменились, и трудно стало рассчитывать движения. «Ты новичок,— сердито напомнил он себе,— придется всему учиться сначала. И пора сменить настроение, сделать что-нибудь этакое...»

— Уолтер,— сказал он.— Я хочу глотнуть здешнего воздуха.

— Что ж, давление в порядке. Температура... ого, сто пять ниже нуля!

— Да, бодрящий сибирский мороз. Но воздух в моем скафандре остынет не сразу.

— Тогда валяйте. А можно, я посвечу на ваше лицо? Чтобы не пропустить момент, когда оно посинеет... И говорите что-нибудь.

Браиловский поднял прозрачное забрало шлема и вздрогнул: казалось, невидимые ледяные пальцы впились в щеки. Он осторожно потянул воздух, затем вдохнул глубже.

— Холодно... Но до легких пока не дошло. И странный запах. Затхлый, гнилой... будто что-то... О нет!

Сильно побледнев, Браиловский захлопнул забрало.

---

* Речь идет об американском фантастическом фильме «Чужой», в котором появившееся на борту космического корабля инопланетное чудовище преследует корабельного кота. Люди не видят чудовища и, думая, что кот убегает от них, начинают гоняться за ним. Тот, кто «вклинивается» между преследователем и преследуемым, сам становится жертвой.

— В чем дело, Макс? — спросил Курноу с внезапной и на этот раз неподдельной тревогой. Браиловский не ответил; казалось, его вот-вот стошнит. В скафандре это грозная, иногда смертельная, опасность.

После некоторого молчания Курноу сказал:

— Я понял, но вы наверняка ошибаетесь. Пул, как мы знаем, остался в космосе. Боумен доложил, что... отправил за борт остальных. Тех, кто умер в анабиозе. Несомненно, он так и сделал. Здесь пусто. К тому же холодно.— Курноу чуть не добавил: «Как в морге»,— но сдержался.

— Предположим,— тихо сказал Браиловский,— что Боумену удалось вернуться и он умер здесь...

Последовала еще более долгая пауза; затем Курноу медленно, но решительно открыл собственное забрало. Он содрогнулся, когда морозный воздух ожег ему легкие, потом с отвращением сморщил нос.

— Теперь я вас понимаю. Но не стоит давать волю воображению. Десять против одного, что воняет со склада. Видимо, прежде чем корабль промерз насквозь, испортилось какое-нибудь мясо. Боумену некогда было заниматься хозяйством. Я бывал в холостяцких квартирах, где пахло не лучше.

— Вероятно, вы правы.

— Разумеется, прав. А если и нет — какая разница, черт возьми? Мы на работе, Макс. И если Дэйв Боумен еще здесь, это уже не наша забота. Верно, Катерина?

Бортврач не ответила: они забрались слишком далеко внутрь корабля, радиоволны не доходили сюда. Они были отрезаны от остальных, но настроение у Макса уже улучшилось. Уолтер был надежным напарником, хотя и казался иногда легкомысленным. Зато он отличный специалист — а если нужно, тверд как кремень.

Вдвоем они вернут «Дискавери» к жизни — и, возможно, к Земле.

19
БОЙ С ВЕТРЯНОЙ МЕЛЬНИЦЕЙ

Восторженный вопль сотряс стены «Леонова», когда «Дискавери», как новогоднюю елку, украсили разноцветные навигационные огни; наверно, он был слышен даже в пустоте, которая разделяла корабли. Но огни быстро погасли.

С полчаса «Дискавери» не подавал признаков жизни: затем в иллюминаторах командного отсека замелькали красные отсветы аварийного освещения. Спустя несколько минут за пленкой серной пыли появились неясные силуэты Курноу и Браиловского.

— Макс! Уолтер! Вы нас слышите? — позвала Таня Орлова.

Оба помахали в ответ, но этим и ограничились. Видимо, у них не было времени на разговоры; зрителям у иллюминаторов пришлось набраться терпения и следить, как зажигаются и гаснут огни, отворяются и захлопываются люки «горохового стручка», медленно поворачивается чаша главной антенны...

— Алло, «Леонов»! — послышался наконец голос Курноу.— Простите, что с запозданием, но нам было некогда.

Вот первые впечатления. Корабль в лучшем состоянии, чем я предполагал. Корпус цел, утечка воздуха ничтожна — давление восемьдесят пять процентов от номинала. Воздух пригоден для дыхания, но его нужно будет сменить. Воняет, как на помойке.

С энергией полный порядок. Главный реактор стабилен, батареи в хорошем состоянии. Почти все обесточено — то ли Боумен догадался, то ли предохранители сработали сами. Так что оборудование не пострадало. Но придется все хорошенько проверить, прежде чем врубать на полную катушку.

— Сколько времени на это уйдет? Хотя бы на основное — двигатели, жизнеобеспечение?

— Трудно сказать, шкип. Когда мы должны упасть?

— Через десять дней, по последним оценкам. Но все может измениться в любую минуту — и в любую сторону.

— Ну а мы, думаю, управимся за неделю. Вытащим корабль из этой чертовой дыры.

— Помощь нужна?

— Пока нет. Сейчас полезем в центрифугу, проверять подшипники. Надо запустить ее поскорее.

— Простите, Уолтер, вы уверены, что это так срочно? Гравитация — это хорошо, но мы обходились и без нее.

— Гравитация ни при чем, хотя и она не помешает. Центрифуга притормозит вращение корабля. Остановит это чертово кувыркание. Тогда можно будет соединить шлюзы и не выходить в космос. Работа облегчится по меньшей мере раз в сто.

— Отличная мысль, Уолтер. Вы что же, собираетесь состыковать мой корабль с этой... мельницей? А если подшипники заест и центрифуга встанет снова? Нас разнесет в клочья.

— Хорошо, оставим это на потом. Свяжусь при первой возможности.

Кончались вторые сутки, когда Курноу и Браиловский, падая от усталости, завершили осмотр корабля. Их отчет весьма порадовал американское правительство: возникло законное основание объявить «Дискавери» не потерпевшим кораблекрушение, а «временно законсервированным кораблем США». Теперь его требовалось расконсервировать.

После подачи энергии настала очередь за воздухом. Не помогла самая тщательная уборка, вонь не исчезла. Как и думал Курноу, она исходила от продуктов, испортившихся после отказа холодильников. Однако он утверждал — с самым серьезным видом,— что запах этот весьма романтичен. «Я закрываю глаза,— говорил он,— и чувствую себя на старинном китобойном судне. Представляете, как благоухало на палубе "Пекода"?»

Все, кто побывал на «Дискавери», соглашались, что особого воображения на это не требуется. В конце концов пришлось стравить воздух за борт. К счастью, в запасных емкостях его оказалось достаточно.

Весьма приятный сюрприз таили в себе топливные баки: там сохранилось около девяноста процентов топлива, взятого на обратный путь. Аммиак, выбранный вместо водорода в качестве рабочей жидкости, оправдал доверие. Конечно, водород был эффективнее, но он уже годы назад испарился бы в

космос, несмотря даже на холод за бортом. А вот сжиженный аммиак остался почти целиком, и его вполне хватит для возвращения на околоземную орбиту. Или, по крайней мере, на окололунную.

Но восстановить контроль над «Дискавери», пока он вращался наподобие пропеллера, было невозможно. Сравнив Курноу и Браиловского с Дон Кихотом и Санчо Пансой, Саша Ковалев выразил надежду, что их поход против ветряной мельницы завершится более удачно.

Соблюдая максимальную осторожность, с многочисленными перерывами и проверками, на центрифугу подали питание, и громадный барабан разогнался, вновь отбирая вращение, отданное когда-то кораблю. «Дискавери» исполнил серию сложных кульбитов, и в конце концов его кувыркание почти прекратилось. Двигатели ориентации остановили вращение полностью. Теперь корабли, словно связанные, летели бок о бок: крепкий толстяк «Леонов» выглядел еще короче рядом со стройным «Дискавери».

Переход из корабля в корабль упростился, но капитан Орлова и теперь не разрешала соединять их физически. До грозной поверхности Ио оставалось совсем немного, и никто не мог поручиться, что не придется все-таки бросить судно, ради спасения которого было израсходовано столько сил.

Причина снижения «Дискавери» уже не составляла тайны, но что толку? Всякий раз, проходя между Юпитером и Ио, «Дискавери» пересекал ионизированный канал, соединяющий два небесных тела — электрическую реку между мирами. Возникавшие в корпусе вихревые токи притормаживали корабль на каждом витке.

Точно предсказать момент падения не удавалось — ток в канале менялся в широких пределах, подчиняясь неведомым законам Юпитера. Временами активность планеты-гиганта резко увеличивалась, тогда над Ио бушевали электрические и магнитные бури; их сопровождали полярные сияния. А корабли теряли высоту, и внутри них на какое-то время воцарялась нестерпимая жара.

Поначалу это удивляло и даже пугало, потом все объяснилось. Любое торможение ведет к нагреву; мощные токи превращали корабль в своеобразную электропечь. «Дискавери» бросало то в жар, то в холод на протяжении нескольких лет — неудивительно, что продукты на борту не проявили достаточной стойкости.

До гноящейся поверхности Ио, похожей на иллюстрацию из медицинского учебника, оставалось всего пятьсот километров, когда «Леонов» отошел на почтительное расстояние от «Дискавери» и Курноу решился включить маршевый двигатель. В отличие от допотопных химических ракет из кормовой части «Дискавери» не вырвалось ни дыма, ни пламени, но расстояние между кораблями начало увеличиваться — «Дискавери» набирал скорость. После нескольких часов маневрирования корабли отстранились от Ио на тысячу километров; можно было передохнуть и подготовиться к следующему этапу.

— Вы славно поработали, Уолтер,— сказала бортврач Руденко, обнимая полной рукой усталые плечи Курноу.— Мы очень вами гордимся.

И — совершенно случайно — разбила перед его носом ампулу. Он проснулся спустя сутки, голодный и злой.

20
ГИЛЬОТИНА

— Что это? — с отвращением поинтересовался Курноу, взвешивая на ладони небольшой механизм.— Гильотина для мыши?

— Почти так — только для более крупного зверя.— Флойд ткнул пальцем в экран дисплея; вспыхивающая стрелка указывала на схему сложной цепи.— Узнаете эту линию?

— Главный распределительный кабель. И что?

— Вот точка, где он подсоединяется к ЭАЛу. Приспособление следует установить здесь, под оболочкой кабеля — тут его трудней обнаружить.

— Ясно. Дистанционное управление. Чтобы в случае чего перекрыть ему питание. Хорошо сработано, и лезвие токонепроводящее. Никаких замыканий при включении. Кто делает такие игрушки? ЦРУ?

— Какая разница? Управление из моей комнаты, с маленького красного микрокалькулятора. Набрать девять девяток, извлечь квадратный корень и — нажать кнопку. Радиус действия придется еще уточнить, но пока «Дискавери» рядом, можно не опасаться, что ЭАЛ снова сойдет с ума.

— Кому можно знать об этой... штуке?

— Нельзя только Чандре.

— Так я и думал.

— Но чем меньше посвященных, тем лучше. Я сообщу Тане. В случае необходимости вы покажете ей, как пользоваться приспособлением.

— Какой еще необходимости?

Флойд пожал плечами.

— Если бы я знал, нам бы оно не понадобилось.

— Так. И когда мне поставить этот... эалоглушитель?

— Желательно поскорее. Скажем, сегодня вечером, когда Чандра уснет.

— Смеетесь? Он вообще не спит. Он как мать у постели больного ребенка.

— Ну, иногда он наведывается на «Леонова» поесть...

— Вы думаете? В последний раз он прихватил мешочек риса. Этого ему хватит на месяц, не меньше.

— Тогда придется одолжить у Катерины ее сногсшибательные пилюли. На вас, кажется, они подействовали неплохо?

Курноу, конечно, врал насчет Чандры — по крайней мере так полагал Флойд, хотя поручиться за это было нельзя: Курноу мог выдавать махровую ложь с самым невинным лицом. Русские поняли это далеко не сразу; зато теперь, в порядке самозащиты, заранее хохотали, даже когда Курноу и не думал шутить.

Сам же Курноу, говоря по правде, смеялся теперь совсем не так громко, как тогда, в стартующем ракетоплане. Вероятно, там подействовал алкоголь. Флойд опасался рецидива на празднестве по случаю встречи с «Дискавери». Однако Курноу, хотя и выпил достаточно, контролировал себя не хуже самой Орловой.

Единственное, к чему он относился серьезно, была работа. На старте Курноу был пассажиром «Леонова». Сейчас он стал экипажем «Дискавери».

21
ВОСКРЕШЕНИЕ

«Вот-вот мы разбудим спящего исполина,— сказал себе Флойд.— Как ЭАЛ среагирует на наше запоздалое появление? Что вспомнит из прошлого? И как будет настроен — враждебно или по-дружески?»

Плавно скользя по воздуху в командном отсеке «Дискавери», Флойд думал о секретном выключателе, установленном несколько часов назад. Передатчик лежал у него в кармане, и он чувствовал себя немного неловко: ЭАЛ был пока отрезан от исполнительных механизмов. После включения он станет всего лишь мозгом, безногим и безруким существом, пусть и наделенным органами чувств. Он сможет разговаривать, но не действовать. Как выразился Курноу: «В худшем случае обложит нас матом».

— Я готов к первому испытанию, капитан,— сказал Чандра.— Все блоки восстановлены, и я прогнал диагностические тесты по всем системам. Все в порядке, по крайней мере пока.

Капитан Орлова взглянула на Флойда, тот кивнул. На это первое испытание Чандра допустил только их, да и то неохотно.

— Очень хорошо, доктор Чандра.— Памятуя, что каждое слово фиксируется, капитан Орлова добавила: — Доктор Флойд высказал свое одобрение, у меня тоже нет возражений.

— Я должен вам пояснить,— произнес доктор Чандра тоном, в котором, напротив, никакого одобрения не ощущалось,— что слуховые и речевые центры повреждены. Нам придется заново учить его говорить. К счастью, он обучается в миллионы раз быстрее, чем человек.

Пальцы ученого заплясали по клавиатуре. Он набрал десяток слов, на первый взгляд случайных, тщательно произнося каждое, когда оно появлялось на экране дисплея. Они возвращались из динамика как искаженное эхо — безжизненные, даже механические, за ними не чувствовалось разума. «Нет, это не ЭАЛ,— подумал Флойд.— Это просто говорящая игрушка — первые из них появились во времена моего детства...»

Чандра нажал кнопку «ПОВТОР», и слова прозвучали снова. Произношение заметно улучшилось, но пока спутать голос с человеческим было немыслимо.

— Слова, которые я ему предложил, содержат основные фонемы английского языка. Десять повторений — и речь станет приемлемой. Но у меня нет оборудования для настоящего лечения.

— Лечение? — спросил Флойд.— Вы хотите сказать, что... его мозг поврежден?

— Нет,— отрезал Чандра.— Логические цепи в отличном состоянии. Плох только голосовой выход, но и он постепенно поправится. Следите за дисплеем, во избежание ошибок. И старайтесь говорить поразборчивей.

Флойд подмигнул капитану Орловой и задал естественный вопрос:

— А как насчет русского акцента?

— Думаю, с капитаном Орловой и доктором Ковалевым трудностей не возникнет. Для других придется устроить экзамен. Кто не выдержит, пусть пользуется клавиатурой.

— Ну, до этого пока далеко. На первых порах общаться с ним будете только вы. Согласны, капитан?

— Конечно.

Лишь легкий кивок подтвердил, что Чандра их слышит. Его пальцы летали по клавишам, а слова и символы мелькали на экране так быстро, что ни один нормальный человек не смог бы их воспринять.

Это священнодействие слегка утомляло. Вдруг ученый, словно вспомнив об Орловой и Флойде, предостерегающе поднял руку. Потом неуверенным движением, разительно отличавшимся от предшествующих манипуляций, снял блокировку и надавил особую, отдельную от остальных, кнопку.

И раздался голос, без всякого запаздывания. Уже отнюдь не механическая пародия на человеческую речь. В нем чувствовались разум, сознание — даже самосознание, пусть пока и зачаточное.

— Доброе утро, доктор Чандра. Говорит ЭАЛ. Я готов к первому уроку.

Наступила тишина. Затем, не сговариваясь, зрители поспешно покинули помещение.

Хейвуд Флойд никогда не поверил бы, что такое возможно. Доктор Чандра плакал.

IV
ЛАГРАНЖ

22
БОЛЬШОЙ БРАТ

— ...Это просто замечательно, что у дельфинов родился маленький. Представляю возбуждение Криса, когда гордые родители устроили смотрины. Мои коллеги растрогались, увидев по видео Криса верхом на спине малыша. И предложили назвать дельфиненка Спутник — по-русски это означает не только «спутник планеты», но и «компаньон».

Прости за долгое молчание, но сама знаешь, сколько у нас было работы. Даже капитан Таня ничего не пыталась планировать; каждый делал что мог. А спали, лишь когда не в состоянии были бодрствовать.

Зато нам, думаю, есть чем гордиться. Оба корабля в рабочем состоянии, первый цикл проверок ЭАЛа близится к завершению. Через пару дней окончательно прояснится, можно ли доверить ему управление на пути к Большому Брату.

Не знаю, кто придумал это название — русские, понятное дело, от него не в восторге. Но их не удовлетворяет и наше официальное название ЛМА-2. Во-первых, потому, что до Луны отсюда добрый миллиард километров. Во-вторых, поскольку Боумен магнитного поля у здешнего объекта так и не обнаружил. Когда я попросил их придумать собственное название, они предло-

жили русское слово *Загадка*. Неплохо, конечно, но когда я пробую это произнести, все хохочут.

Впрочем, как эту вещь ни называй, она от нас всего в десяти тысячах километров; до нее несколько часов лета. Но решиться на этот короткий перелет непросто.

Мы надеялись найти какие-нибудь новые сведения на борту «Дискавери». Но, как и следовало ожидать, не нашли ничего. ЭАЛ вышел из строя задолго до прибытия сюда, и его память чиста; все свои секреты Боумен унес с собой. В бортжурнале и автоматических регистраторах тоже нет для нас ничего интересного.

Единственное, что мы обнаружили,— это послание Боумена матери. Не совсем понятно, почему он его не отправил. Очевидно, надеялся вернуться в корабль. Мы, конечно, переслали письмо миссис Боумен, она живет сейчас в доме для престарелых во Флориде. У нее душевное расстройство, так что она, скорее всего, ничего и не поймет.

Вот и все новости. Мне очень не хватает тебя. А еще — синего небосвода и изумрудной океанской воды. Здесь господствуют краски закатного неба — красные, оранжевые и желтые. Они великолепны, но вскоре начинаешь скучать по холодным, чистым цветам противоположного конца спектра.

Целую вас обоих — пошлю новую весточку, как только смогу.

23
РАНДЕВУ

Из всего экипажа «Леонова» найти общий язык с доктором Чандрой удалось лишь Николаю Терновскому, специалисту по системам управления. Хотя создатель и учитель ЭАЛа никому не доверял полностью, усталость заставила его принять предложенную помощь. Их сотрудничество привело к неожиданно удачным результатам. Николай каким-то образом ухитрялся определять, когда он действительно нужен Чандре, а когда тот предпочитает остаться один. То, что Николай знал английский хуже большинства своих коллег, ничему не мешало: они общались в основном на компьютерном языке, совершенно недоступном остальным.

После недели кропотливых трудов все управляющие функции ЭАЛа были восстановлены. Теперь он напоминал человека, который ходит, выполняет простейшие команды, справляется с несложной работой и способен поддерживать не особо притязательный разговор. По человеческой шкале его IQ не превышает пятидесяти; восстановилась лишь малая часть его прежней личности.

Он еще окончательно не очнулся от долгого сна, однако, согласно заключению Чандры, был уже в состоянии перевести «Дискавери» с низкой орбиты вокруг Ио к Большому Брату.

Всем хотелось поскорее отойти от бурлящего пекла на лишние семь тысяч километров. Ничтожное по астрономическим меркам, это перемещение означало, что небо перестанет походить на пейзаж, достойный фантазии Данте

или Иеронима Босха. И хотя выбросы даже наиболее мощных извержений не достигали кораблей, оставалась опасность, что Ио попытается побить собственный рекорд. Да и без того пленка серы все сильнее загрязняла иллюминаторы «Леонова»; рано или поздно кому-нибудь придется выйти в космос, чтобы ее счистить.

Когда ЭАЛу впервые доверили управление, на борту «Дискавери» находились лишь Курноу и Чандра. Впрочем, доверие было весьма условным — компьютер лишь повторил программу, введенную в его память, и следил за ее выполнением. А люди следили за ним — в случае малейшего сбоя они бы немедленно вмешались.

Двигатель работал всего десять минут; затем ЭАЛ доложил, что «Дискавери» вышел на орбиту перехода. Как только это подтвердили радары «Леонова», он последовал за первым кораблем. После двух небольших коррекций и трех с четвертью часов полета оба корабля благополучно прибыли в точку Лагранжа Л-1, расположенную между Ио и Юпитером на высоте десяти с половиной тысяч километров.

ЭАЛ действовал безупречно, и на лице Чандры появились бесспорные признаки таких человеческих чувств, как удовлетворение и даже радость. Но к этому моменту мысли его товарищей унеслись уже далеко: до Большого Брата, или Загадки, осталось всего сто километров.

Даже с такой дистанции он выглядел больше, чем Луна в небе Земли: поражала его неестественная геометрическая правильность. В черном небе он остался бы невидимкой, но проносящиеся в трехстах пятидесяти тысячах километров за ним юпитерианские облака создавали контрастный фон. И навязчивую иллюзию: установить на глаз подлинное расстояние до Большого Брата было невозможно, он казался зияющим дверным проемом, прорезанным в диске Юпитера.

Не было оснований считать, что сто километров безопаснее десяти или опаснее тысячи, но чисто психологически такое расстояние представлялось оптимальным. Бортовые телескопы различили бы отсюда детали величиной всего в несколько сантиметров, но таковых не оказалось. На поверхности Большого Брата не было ни царапины, как это ни удивительно для объекта, который, вероятно, на протяжении миллионов лет подвергался метеоритным бомбардировкам.

Когда Флойд приникал к окуляру, ему казалось, что можно протянуть руку и дотронуться до этой гладкой эбеновой поверхности — как тогда, на Луне. В тот раз он коснулся ее перчаткой скафандра. А незащищенной рукой — гораздо позднее, когда монолит из Тихо поместили под непроницаемый купол.

Впрочем, скорее всего, Флойд никогда не прикасался к ЛМА-1 по-настоящему. Просто кончики пальцев наталкивались на невидимую преграду; чем сильнее он нажимал, тем больше возрастало сопротивление. Любопытно, как поведет себя Большой Брат.

Но до решающего сближения нужно было провести все мыслимые дистанционные эксперименты и доложить на Землю об их результатах. Космонавты ощущали себя саперами, работающими с бомбой неизвестной конструкции,

которая может взорваться при малейшем неверном движении. Не исключалось, что самое осторожное радарное прощупывание вызовет катастрофические последствия.

Первые сутки они лишь наблюдали — с помощью телескопов и датчиков, чувствительных к электромагнитным волнам самой различной длины. Василий Орлов замерил размеры черного параллелепипеда и подтвердил — с точностью до шестого знака — знаменитое соотношение 1:4:9. По форме Большой Брат повторял ЛМА-1, но его длина превышала 2 км, и он был ровно в 718 раз больше своего малого родственника.

Так возникла новая математическая головоломка. Споры о соотношении 1:4:9 — отношении квадратов трех первых целых простых чисел — шли уже на протяжении нескольких лет. Ясно было, что это отнюдь не случайное совпадение; теперь к трем числам прибавилось еще одно, которое надо было разгадать.

На Земле специалисты по статистике и математической физике радостно бросились к своим компьютерам, пытаясь найти его связь с фундаментальными мировыми константами — скоростью света, постоянной тонкой структуры, соотношением масс протона и электрона. К ним вскоре подсоединилось бравое воинство астрологов и мистиков, включивших в список констант высоту пирамиды Хеопса, диаметр Стоунхенджа, азимуты линий Наска, широту острова Пасхи и уйму других величин, из коих они ухитрялись делать самые невероятные предсказания. Их пыла не остудил даже известный вашингтонский юморист, заявивший, что, согласно его подсчетам, конец света наступил 31 декабря 1999 года, но остался незамеченным из-за всеобщего перепоя.

На приближение кораблей Большой Брат не реагировал — даже когда его осторожно прощупали лучами радаров и обстреляли очередями радиоимпульсов, которые, как следовало надеяться, воодушевят любой разум на аналогичный ответ.

Первые два дня не принесли результата. Тогда, с разрешения Центра управления, корабли подошли вдвое ближе. С пятидесятикилометрового расстояния наибольшая грань параллелепипеда казалась вчетверо шире Луны в небе Земли. Внушительно, но не настолько, чтобы давить на психику. Конкурировать с Юпитером Большой Брат пока не мог — тот был на порядок крупнее. Настроение на борту изменялось: благоговейное ожидание уступало место явному нетерпению.

Лучше всех сказал об этом Уолтер Курноу: «Возможно, Большой Брат намерен ждать миллионы лет. Но нам-то хочется убраться отсюда чуть раньше».

24

РАЗВЕДКА

«Дискавери» покинул Землю, неся на борту три «горошины» — три одноместных ракетных аппарата, которые позволяли работать в космосе, не надевая скафандра. Одна из «горошин» пропала после несчастного случая (если это действительно был несчастный случай), в котором погиб Фрэнк Пул. Во

второй Дэйв Боумен отправился на последнее свидание с Большим Братом, и она разделила судьбу своего водителя. Третья оставалась в «гороховом стручке».

У нее не хватало одной важной детали — крышки внешнего люка. Крышку сорвал Боумен, когда совершал свой рискованный переход без шлема сквозь вакуум. Реактивная отдача образовавшейся при этом воздушной струи увела «горошину» на сотни километров от корабля, однако Боумен, покончив с более важными делами, вспомнил о ней и привел назад на радиоуправлении. Но ремонтировать люк ему уже было некогда.

Сейчас «горошина» (Макс, никому ничего не объяснив, начертал на ее борту имя «Нина») вновь уходила в космос. Крышка все еще отсутствовала, но она и не требовалась — рейс был беспилотным.

Вернув «горошину», Боумен преподнес своим преемникам подарок, которым глупо было не воспользоваться. «Нина» позволяла обследовать Большого Брата с близкого расстояния, не подвергая людей излишнему риску. Впрочем, риск все равно оставался. Что по космическим масштабам пятьдесят километров? Толщина волоса, не более...

«Нина» пробыла без присмотра несколько лет, и это чувствовалось. Невесомая пыль, витавшая в воздухе, превратила ее девственно-белый корпус в грязно-серый. Со своими сложенными манипуляторами, уставившимся в космос пустым глазом иллюминатора, да и скоростью черепахи в полномочные послы человечества она явно не годилась. Но нет худа без добра — столь скромный парламентер мог рассчитывать на снисхождение: миниатюрность и медлительность могли свидетельствовать о мирных намерениях. Чтобы подчеркнуть последние, кто-то даже предложил раскрыть ее «ладони», как бы для рукопожатия; однако предложение тут же отвергли — мало ли какие ассоциации вызовет растопыренная стальная клешня...

После двухчасового перелета «Нина» остановилась в ста метрах от одного из углов громадной прямоугольной плиты. Но та не выглядела плитой: казалось, телекамеры обозревают вершину трехгранной пирамиды неопределенных размеров. Никаких признаков радиоактивности или магнитного поля бортовые приборы не зарегистрировали; Большой Брат не излучал ничего, кроме ничтожной доли отраженного солнечного света.

Прошло пять минут. Затем «Нина» двинулась по диагонали над меньшей гранью, потом над большей, наконец, над самой большой, держась на высоте пятидесяти метров, но иногда снижаясь и до пяти. Большой Брат отовсюду выглядел одинаково — его поверхность была гладкой и однородной. Задолго до окончания облета зрителям стало скучно, и, вернувшись к своим делам, они лишь изредка поглядывали на мониторы.

— Порядок,— сказал Уолтер Курноу, когда «Нина» вернулась в исходную точку.— Но можно крутиться этак всю жизнь, и без всякого толку. Что делать — позвать «Нину» домой?

— Погодите,— отозвался с «Леонова» Василий.— У меня есть предложение — подвесить ее точно над центром самой большой грани. Скажем, на высоте сто метров.

— Будет сделано. Только зачем это нужно?

— Вспомнил задачку из институтского курса астрономии. Гравитационный потенциал бесконечного плоского слоя. Никак не думал, что она пригодится в жизни. Замерив ускорение «Нины», мы легко вычислим массу Загадки. Если, конечно, у нее есть масса. Мне уже почему-то кажется, что она вообще нематериальна.

— Это-то узнать просто. Я скажу «Нине», пусть пощупает эту штуку.

— Она уже это сделала.

— Простите? — возмутился Курноу.— Ближе чем на пять метров я не подходил.

— Да, но при каждом включении двигателей вы слегка ударяли выхлопом по Загадке.

— Что для этого мамонта какой-то блошиный укус!

— Кто знает? Давайте уж лучше считать, что о нашем присутствии известно. И раз нас терпят, мы пока не причиняем особого беспокойства.

В этот момент все думали об одном. Что может разозлить черную прямоугольную плиту длиной в два километра? И в какую форму выльется ее раздражение?

25
ВИД ИЗ ТОЧКИ ЛАГРАНЖА

Астрономия полна загадочных, хотя и бессодержательных совпадений. Наиболее известно равенство угловых размеров Луны и Солнца, если смотреть с Земли. Здесь, в первой точке Лагранжа, выбранной Большим Братом для баланса на гравитационном канате, наблюдалась та же картина. Планета и спутник выглядели одинаковыми по величине.

Но что это была за величина! Не какие-то жалкие полградуса Солнца и Луны — в сорок раз больше! А по площади — в тысячу шестьсот раз! Каждого из двух небесных тел было довольно, чтобы наполнить душу трепетом и изумлением: вместе же они просто ошеломляли.

За сорок два часа фазы менялись полностью. «Новолунию» Ио соответствовало «полнолуние» Юпитера, и наоборот. Даже когда Солнце пряталось за Юпитером, планета не исчезала — ее огромный черный диск закрывал звезды. А иногда эту черноту на много секунд разрывали вспышки молний. Это бушевали электрические бури; территория, объятая ими, превышала всю земную поверхность.

А с другой стороны неба, вечно обращенная к могучему повелителю одним своим полушарием, пылала Ио. Она казалась котлом, в котором медленно бурлит красно-оранжевое варево; время от времени из ее вулканов вырывались желтые облака, вздымались ввысь и затем медленно оседали. Как и у Юпитера, у Ио нет *географии*. Только ее ландшафт меняется за десятилетия, а облик Юпитера — за считанные дни.

Когда Ио входила в последнюю четверть, облачные поля Юпитера воспламенялись под слабыми лучами далекого Солнца. Иногда по лику гиганта пробегала тень самой Ио или одного из внешних спутников; на каждом обороте

показывалось Большое Красное Пятно — вихрь размером с планету, ураган, бушующий на протяжении многих веков, если не тысячелетий.

«Леонов» балансировал между этими чудесами, и материала для наблюдений хватило бы его экипажу на всю жизнь, однако естественные объекты системы Юпитера значились в самом конце перечня главных задач. Целью номер один по-прежнему был Большой Брат. Корабли сблизились с ним уже на пять километров, но высадку Таня не разрешала. «Подождем момента,— объясняла она,— когда у нас появится надежный путь отступления. Будем сидеть и наблюдать — пока не откроется стартовое окно. А там посмотрим».

Тем временем «Нина» после затяжного восьмичасового падения приземлилась на поверхность Большого Брата. Василий рассчитал массу объекта — та оказалась поразительно малой, всего девятьсот пятьдесят тысяч тонн. Таким образом, его плотность примерно равнялась плотности воздуха. Возможно, он был пустотелым; излюбленной темой дискуссий стало его предполагаемое содержимое.

Было и много мелких, повседневных забот. Они отнимали почти все время, хотя Курноу добился-таки своего: убедил Таню в надежности центрифуги «Дискавери». Теперь корабли соединял гибкий туннель, и сообщение между ними значительно облегчилось. Отпала необходимость надевать скафандры и выходить в открытый космос; это устраивало всех, кроме Макса, который любил упражняться в пустоте со своим «помелом».

Нововведение не коснулось лишь Чандры и Терновского — те давно переселились на «Дискавери» и работали круглосуточно, продолжая свой бесконечный, по всей видимости, диалог с ЭАЛом. Каждый день их непременно спрашивали: «Когда же вы кончите?» — но они не связывали себя обещаниями.

И вдруг — после встречи с Большим Братом минула неделя — Чандра объявил: «У нас все готово».

...В рубке «Дискавери» собрались все, кроме Руденко и Марченко, которым не хватило места,— они остались у мониторов «Леонова». Флойд стоял за спиной Чандры, держа руку на аппарате, который Курноу со свойственной ему меткостью окрестил «карманным гигантобоем».

— Я хотел бы еще раз напомнить, что говорить могу лишь я. Только я, и никто другой. Понятно?

Чандра, казалось, находится на грани изнеможения. Однако в голосе его появились новые, властные интонации. Таня приказывала где угодно, но не здесь. Тут командовал он.

Присутствующие — одни просто парили в воздухе, другие «заякорились» поудобнее — кивками выразили свое согласие. Чандра включил акустическую связь и тихо, но отчетливо произнес:

— Доброе утро, ЭАЛ.

Через миг Флойду показалось, что он перенесся в прошлое. Да! ЭАЛ стал прежним.

— Доброе утро, доктор Чандра.

— Имеешь ли ты достаточно сил, чтобы приступить к своим обязанностям?

— Безусловно. Все мои блоки в полном порядке.

— И ты не против, если я задам тебе несколько вопросов?

— Разумеется.

— Ты помнишь, как вышел из строя блок управления антенной АЕ-35?

— Нет.

Несмотря на предупреждение Чандры, у присутствующих вырвался вздох облегчения. Будто идешь по минному полю, подумал Флойд, поглаживая в кармане радиовыключатель. Если этот допрос вызовет у ЭАЛа новый приступ безумия, его можно отключить за секунду. (Благодаря тренировкам он знал это точно.) Но для компьютера секунда равна вечности; приходилось рисковать.

— Ты не помнишь, как Дэйв Боумен или Фрэнк Пул выходили наружу, чтобы заменить блок АЕ-35?

— Нет. Этого не было, иначе я бы помнил. Где Фрэнк и Дэйв? И кто все эти люди? Я узнаю только вас — хотя на шестьдесят пять процентов уверен, что за вашей спиной стоит доктор Хейвуд Флойд.

Флойд с трудом удержался от того, чтобы поздравить ЭАЛа. Шестьдесят пять процентов спустя десять лет — не так плохо. Люди редко способны на подобное.

— Не беспокойся, ЭАЛ. Я все объясню позже.

— Задание выполнено? Вы знаете, мне очень хотелось этого.

— Задание выполнено. Твоя программа завершена. Теперь, с твоего разрешения, мы хотели бы побеседовать без тебя.

— Пожалуйста.

Чандра отключил камеры и микрофоны. Для этой части корабля ЭАЛ оглох и ослеп.

— И что же все это значит? — поинтересовался Василий Орлов.

— Это значит,— четко ответил Чандра,— что я стер всю память ЭАЛа, начиная с того момента, когда начались неприятности.

— Здорово,— восхитился Саша.— Но как вам это удалось?

— Боюсь, объяснение займет больше времени, чем сама процедура.

— Но я все-таки разбираюсь в компьютерах, хотя и хуже, чем вы с Николаем. У машин серии 9000 голографическая память, не так ли? Значит, вы не могли стереть ее просто хронологически, начиная с какого-то момента. Наверняка воспользовались «ленточником», нацеленным на определенные слова и понятия.

— Ленточник? — вмешалась Катерина по межкорабельной связи.— Я думала, это по моей части. Хотя, к счастью, видела их лишь заспиртованными. О чем вы говорите?

— Это компьютерный жаргон, Катерина. Когда-то — очень давно — для этого действительно использовали магнитную ленту. Смысл в том, чтобы сделать программу, которая находит и уничтожает — съедает, если угодно,— определенные участки памяти. Медики, по-моему, делают такое и с людьми, под гипнозом.

— Да, но нашу память всегда можно восстановить. Мы ничего не забываем по-настоящему. Это нам только кажется.

— А вот компьютер устроен иначе. Если приказано, он выполняет. Информация уничтожается полностью.

— Значит, ЭАЛ ничего не помнит о своем... дурном поведении?

— Стопроцентной уверенности у меня нет,— ответил Чандра.— Какая-то информация могла переходить из адреса в адрес именно в тот момент, когда наш... «ленточник» производил поиск. Но это очень маловероятно.

Последовала пауза: все молча обдумывали услышанное. Потом Таня сказала:

— Что ж, звучит все это прекрасно. Но все-таки — можно ли теперь ему доверять?

Чандра хотел что-то сказать, но Флойд опередил его:

— Обещаю одно — обстоятельства, при которых это произошло, больше не повторятся. Все неприятности начались потому, что компьютеру очень трудно объяснить, зачем нужна секретность.

— А человеку? — буркнул Курноу.

— Надеюсь, вы не ошибаетесь, Флойд,— проговорила Таня без особой убежденности.— Что будет дальше, Чандра?

— Ничего столь же эффектного. Просто много кропотливой работы. Нужно задать ему программу на уход от Юпитера и долгую дорогу домой. У нас больше ресурсов, и мы прилетим на три года раньше. Но все равно он тоже вернется.

26
УСЛОВНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Адресат: Виктор Миллсон, председатель Национального совета по астронавтике, Вашингтон.

Отправитель: Хейвуд Флойд, борт космического корабля «Дискавери».

Содержание: неполадки в работе бортового компьютера ЭАЛ-9000.

Гриф: секретно.

Д-р Чандрасекарампилай (ниже — д-р Ч.) закончил предварительное обследование ЭАЛа. Восстановлены все блоки, компьютер полностью работоспособен. Подробности действий и выводы д-ра Ч. содержатся в совместном отчете, который он и д-р Терновский представят в самом ближайшем будущем.

Все трудности, вероятно, были вызваны противоречием между основными принципами работы ЭАЛа и требованиями секретности. Согласно прямому распоряжению президента существование объекта ЛМА-1 сохранялось в полной тайне. Доступ к соответствующей информации имел самый ограниченный круг лиц.

Сигнал в направлении Юпитера был послан объектом ЛМА-1, когда подготовка к полету «Дискавери» уже завершилась. Поскольку Боумен и Пул и без того должны были довести корабль до Юпитера, решено было не информировать их о появлении новой цели. Считалось, что раздельные тренировки астронавтов-исследователей (Камински, Хантер, Уайтхед) и помещение их в анабиоз значительно уменьшают возможность утечки информации (случайной или любой другой).

Хотелось бы напомнить, что уже тогда я выдвигал возражения против подобного образа действий (мой меморандум НСА 342/23, «Совершенно секретно»). Однако руководство ими пренебрегло.

Поскольку ЭАЛ способен управлять кораблем без помощи людей, было решено запрограммировать его так, чтобы он смог выполнить задание, даже если экипаж будет выведен из строя или погибнет. В ЭАЛ была введена полная информация о целях экспедиции, однако было запрещено сообщать ее Боумену или Пулу.

Но главная задача любого компьютера — обработка информации без искажения и утаивания. Из-за создавшегося противоречия у ЭАЛа возник, выражаясь языком медицины, психоз — точнее, шизофрения. А если говорить на языке техники, то, как сообщил мне д-р Ч., ЭАЛ попал в петлю Хофштадтера — Мёбиуса, что не так редко случается с самопрограммирующимися компьютерами. За деталями он рекомендует обратиться непосредственно к профессору Хофштадтеру.

Если я правильно понял д-ра Ч., перед ЭАЛом встала неразрешимая дилемма, и у него начали развиваться симптомы паранойи, направленной против тех, кто руководил им с Земли. И он попытался прервать связь с Центром управления, доложив о несуществующей поломке в блоке АЕ-35.

Таким образом, он не только солгал, что усугубило его психоз, но и вступил в конфликт с экипажем. Вероятно (теперь об этом остается только догадываться), он заключил, что единственный выход — избавиться от экипажа. И это у него почти получилось.

Вот и все, что мне удалось узнать от д-ра Ч. Дальнейшие расспросы представляются нежелательными, поскольку он слишком измотан. Но, даже принимая во внимание последнее обстоятельство, я должен со всей откровенностью заявить (прошу сохранить это в тайне), что сотрудничать с д-ром Ч. не всегда так легко, как хотелось бы. Он во всем оправдывает ЭАЛа, и это мешает иногда объективному обсуждению. Даже д-р Терновский, от которого естественно было ожидать большей независимости, нередко разделяет его точку зрения.

Остается вопрос: можно ли полагаться на ЭАЛа в будущем? Разумеется, у д-ра Ч. никаких сомнений на этот счет нет. Но, как бы то ни было, повторение экстремальной ситуации представляется невозможным. И вам известны — в отличие от д-ра Ч.— мои шаги, позволяющие полностью контролировать ход событий.

Резюмирую: восстановление компьютера ЭАЛ-9000 проходит удовлетворительно. Он, можно сказать, условно освобожден.

Любопытно, известно ли ему об этом.

27

ИНТЕРЛЮДИЯ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ИСПОВЕДЬ

Способность человеческого мозга к адаптации поистине удивительна: очень скоро самые невероятные вещи кажутся обыденными. И люди на «Леонове» иногда как бы отключались от окружающего в бессознательной попытке сохранить психическое здоровье.

Хейвуду Флойду часто казалось, что в таких случаях Уолтер Курноу уж слишком старательно развлекает общество. И хотя именно он начал «коллективную исповедь», как назвал ее позднее Саша Ковалев, ничего серьезного, разумеется, за этим не стояло. Все началось случайно, когда Курноу выразил вслух общее недовольство трудностями умывания в невесомости.

— Будь у меня машина желаний,— заявил он как-то на «сикс о'клок совете»,— я выбрал бы только одно. Залезть в горячую хвойную ванну, чтобы торчал лишь нос.

Когда улеглись одобрительный шум и грустные вздохи, вызов приняла Катерина Руденко.

— Вы декадент, Уолтер,— поморщилась она.— Говорите, будто какой-нибудь римский император. Окажись я на Земле, занялась бы чем-нибудь поактивнее.

— Например?

— Ну... А можно подумать?

— Пожалуйста.

— В детстве я обычно проводила лето в одном грузинском колхозе. У председателя был чудесный чистокровный скакун, купленный... ну, на нетрудовые доходы. Председатель был старый мошенник, но мне он нравился. И он разрешал мне брать иногда Александра и носиться на нем по всей округе. Конечно, я рисковала убиться насмерть. Но когда я это вспоминаю, Земля становится ближе.

Все задумались и притихли. Курноу спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Но говорить никому не хотелось. Игра на этом едва не кончилась, но тут вступил Макс Браиловский:

— А вот я бы поплавал под водой. Мне всегда нравилось подводное плавание. А когда я занялся космосом, оно входило в программу тренировок. Я плавал у тихоокеанских атоллов, и у Большого Барьерного рифа, и в Красном море... Нет ничего лучше коралловых рифов. Однако ярче всего я помню совсем другое: заросли ламинарий у побережья Японии. Я будто оказался в подводном храме... Сквозь громадные листья просвечивало солнце. Сказочное зрелище... волшебное. Больше мне там побывать не довелось. Возможно, в другой раз все будет иначе. Но я хотел бы повторить.

— Отлично,— сказал Уолтер, по обыкновению беря на себя роль распорядителя бала.— Кто следующий?

— Буду краткой,— сказала Таня Орлова.— Большой театр, «Лебединое озеро». Но Василий не согласится, он терпеть не может балет.

— Я тоже,— заявил Курноу.— А что вам нравится, Василий?

— Я бы выбрал подводное плавание, но оно уже занято. Тогда пусть будет противоположное — планеризм. Скользить в облаках, в солнечную погоду, в полной тишине... Впрочем, воздушный поток шумит, особенно на виражах. Я хотел бы наслаждаться Землей именно так — как птица.

— Женя?

— Со мной все ясно. Памир, горные лыжи. Обожаю снег.

— А вы, Чандра?

Все слегка оживились. Чандра все еще оставался в какой-то мере незнакомцем — вежливым, даже учтивым, но до конца не раскрытым.

— Когда я был маленьким, мы с дедушкой ходили паломниками в Варанаси — Бенарес. Кто не был там, не поймет. Для меня, как и для большинства современных индийцев, независимо от религии, которую они исповедуют, это центр мира. Мне хотелось бы вновь вернуться туда.

— Ну а вы, Николай?

— Море и небо были, остается их совместить. Когда-то я очень любил виндсерфинг. Боюсь, теперь уже староват, но попробовать стоило бы.

— Вы последний, Вуди. Что выберете?

Флойд ответил не задумываясь, и ответ удивил его самого не меньше, чем остальных.

— Все равно что — лишь бы вместе с сынишкой.

Тема была исчерпана. Заседание завершилось.

28

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

— ...Ты читал все отчеты, Дмитрий, и понимаешь наше разочарование. Мы провели уйму экспериментов и измерений — но не узнали ничего. Загадка по-прежнему нас игнорирует, оставаясь на месте и все так же заслоняя полнеба.

Она кажется мертвым небесным телом, но это не так. Иначе она не удержалась бы в точке неустойчивого равновесия. Так утверждает Василий. Она, подобно «Дискавери», давным-давно сошла бы с орбиты — и упала на Ио.

Но что мы можем? Ведь на «Леонове» в соответствии с третьим параграфом Договора 2008 года нет ядерных бомб... Или они все-таки есть? Я, конечно, шучу...

С другими делами покончено, стартовое окно откроется еще очень не скоро, и на борту царят скука и разочарование. Понимаю, на Земле в это поверить трудно. Разве можно скучать среди величайших чудес, какие видел когда-либо человек? Тем не менее это так. Все мы сдали, и не только психически. Совсем недавно были здоровы до неприличия. Теперь почти у каждого либо простуда, либо расстройство желудка, либо незаживающая царапина. Усилия Катерины тщетны, порошки и пилюли не помогают. Она махнула на нас рукой и лишь изредка чертыхается.

Саша развлекает общество регулярными бюллетенями на тему: «Долой англо-русский язык!» Он вывешивает их на доске объявлений, приводя самые невероятные слова и выражения, которые, как утверждает, подслушал. По возвращении каждому из нас нужно будет основательно прочистить язык. Несколько раз я замечал, как твои соотечественники беседуют между собой по-английски, не сознавая этого. А однажды поймал себя на том, что разговариваю по-русски с Уолтером Курноу...

Еще был такой случай, он поможет тебе понять ситуацию. Среди ночи завыла пожарная сирена — сработал один из дымоуловителей. Оказалось, Чанд-

ра пронес на борт несколько своих ужасных сигар и не удержался от соблазна. Он курил в туалете, как школьник.

Конечно, он жутко смутился, а на остальных, когда прекратилась паника, напал истерический смех. Ты знаешь, иногда самая плоская шутка, абсолютно не интересная посторонним, заставляет, в общем-то, умных людей хохотать до изнеможения. Несколько дней стоило кому-нибудь изобразить, что он зажигает сигару, и все буквально корчились от смеха.

Самое забавное, что если бы Чандра отключил пожарную сигнализацию или пошел курить в шлюз, никто бы не возражал. Но Чандра не любит выставлять напоказ свои маленькие человеческие слабости; теперь он вообще не отлучается от ЭАЛа...

Флойд нажал кнопку «Пауза». Пожалуй, это нечестно, постоянно насмехаться над Чандрой, хотя иногда и стоит. За последние недели многие проявили не лучшие черты характера; доходило даже до серьезных ссор на пустом месте. А как твое собственное поведение? Разве оно безупречно?

Флойд до сих пор не был уверен, прав ли он по отношению к Уолтеру Курноу. До отлета с Земли невозможно было предположить, что он сможет подружиться с этим высоким, слишком шумным человеком, однако теперь Флойд проникся к нему уважительным восхищением. Русские его обожали — когда он пел их любимые песни, такие как «Полюшко-поле», на глазах у них выступали слезы. А однажды положительные эмоции, как считал Флойд, зашли слишком далеко.

— Уолтер,— осторожно начал он несколько дней назад.— Это, возможно, не мое дело, но я должен с вами поговорить.

— Когда человек говорит о чем-то «не мое дело», он, как правило, бывает прав. В чем проблема?

— Если откровенно, то в ваших отношениях с Максом.

Последовала пауза, затем Курноу ответил мягко и спокойно:

— Мне казалось, что он уже совершеннолетний.

— Не надо меня сбивать. Говоря честно, меня беспокоит не столько он, сколько Женя.

— А она здесь при чем? — искренне удивился Курноу.

— Для умного человека вы крайне ненаблюдательны. Обратите внимание, какое у нее бывает лицо, когда вы кладете руку ему на плечо.

Флойд не думал, что Курноу способен смутиться, однако удар попал в цель.

— Женя? Мне казалось, все просто шутят — она же такая тихоня. А Макса любят все. Впрочем, постараюсь вести себя осторожнее. Особенно в ее присутствии.

Последовала новая пауза, потом Курноу беззаботно добавил:

— Хирурги сделали ей замечательную пластическую операцию, но следы все равно остались: кожа слишком плотно натянута на лице. Ни разу не видел, чтобы она смеялась по-настоящему. Именно по этой причине, видимо, я стараюсь не смотреть на нее... Вы простите мне подобную эстетическую чувствительность, Хейвуд?

Официальное «Хейвуд» прозвучало скорее шутливо, чем враждебно, и Флойд позволил себе расслабиться.

— В Вашингтоне наконец-то кое-что разузнали. Похоже, ее ожоги — результат авиакатастрофы. Это никакая не тайна, но, как известно, «Аэрофлот» работает без аварий.

— Бедняжка. Удивительно, что ей разрешили лететь. Очевидно, не оказалось под рукой другого специалиста. А ведь она, конечно, получила и глубокую психическую травму.

— По-моему, она вполне оправилась.

«Я не говорю всей правды»,— подумал Флойд, вспомнив вход в атмосферу Юпитера. И неожиданно ощутил благодарность к Курноу: тот никак не дал понять, что удивлен его заботой о Жене...

Теперь, несколько дней спустя, мотивы собственного поступка уже не казались Флойду такими уж бескорыстными. Что касается Курноу, тот сдержал слово: посторонний решил бы, что он совершенно безразличен к Максу. По крайней мере, в присутствии Жени. Да и к ней самой инженер стал гораздо внимательнее — иногда ему даже удавалось рассмешить ее так, что она хохотала. Значит, вмешательство Флойда себя оправдало. Даже если, как он теперь подозревал, на это толкнула его самая обыкновенная ревность...

Палец потянулся к кнопке «Пуск», но мысль уже ускользнула. В разум вторглись образы дома и семьи. Флойд закрыл глаза, вспоминая самый торжественный момент в день рождения Кристофера — малыш задул на торте три свечки. Это происходило сутки назад, в миллиарде километров отсюда. Флойд прокручивал запись столько, что знал ее наизусть.

«А мои послания,— подумал Флойд,— часто ли Каролина дает их слушать Крису? Чтобы сын не забывал отца, чтобы узнал его, когда он вернется, пропустив еще один день рождения...» Он почти со страхом думал об этом.

Но он не вправе был винить Каролину. Он-то уехал из дома на считанные недели. Остальное — сон без сновидений в межпланетном экспрессе... Для него. А для нее — больше двух лет жизни. Слишком много для молодой вдовы, даже временной.

«Наверно, это просто депрессия, как и у других»,— подумал Флойд. Но он давно не испытывал столь острого чувства разочарования и даже отчаяния. В глубинах пространства и времени он, вполне возможно, потерял семью, и ради чего?

Хоть до цели рукой подать, она остается чистой, непроницаемой стеной сплошной черноты.

И все-таки — Дэйв Боумен когда-то воскликнул: «Боже! Он полон звезд!»

29

НЕПРЕДВИДЕННОЕ

В последнем выпуске Сашиного бюллетеня говорилось:

Бюллетень русского языка № 8

Тема: Слово «товарисч» («товарищ»).

Нашим американским гостям: честно говоря, ребята, я уже забыл, когда меня в последний раз так называли. Для всех русских, живущих в XXI веке,

это слово — в одном ряду с броненосцем «Потемкин», развевающимися красными флагами и Владимиром Ильичом, обращающимся к рабочим со ступенек железнодорожного вагона. Уже во времена моего детства вместо этого обращения употребляли «братец» или «дружок» — выбирайте по вкусу.

Товарищ Ковалев.

Флойд смеялся над прочитанным, когда по коридору обзорной палубы к нему подплыл Василий Орлов.

— Самое поразительное, товарищ,— сказал, усмехнувшись, Флойд,— что у Саши хватает времени не только на физику. Он постоянно цитирует стихи и прозу, а по-английски говорит лучше, чем, допустим, Уолтер.

— Из-за своей специальности Саша считается в семье — как это сказать? — белой вороной. Его отец руководил в Новосибирске кафедрой английского языка, и по-русски в доме говорили лишь с понедельника до среды, а с четверга по субботу — исключительно по-английски.

— А по воскресеньям?

— Немецкий или французский — через неделю.

— Я, кажется, начинаю понимать, что означает ваше понятие «некультурный». Оно для таких, как я. Но почему Саша с таким лингвистическим багажом вообще пошел в технику?

— В Новосибирске человек быстро разбирается что к чему. Понимает истинную цену профессий... Саша был талантлив и самолюбив.

— Как и вы, Василий.

— И ты, Брут! Видите, я тоже могу цитировать Шекспира... Боже мой! — крикнул Орлов по-русски.— Что это?!

Флойду не повезло — он парил в воздухе спиной к иллюминатору и не успел вовремя обернуться. А секунду спустя Большой Брат был уже прежним — бездонным черным прямоугольником, заслоняющим пол-Юпитера.

Но в этот краткий миг Василий увидел нечто совсем иное. Перед ним будто распахнулось окно в другую вселенную. Зрелище длилось мгновение и тут же исчезло. Но оно навсегда врезалось в его память.

Он увидел даже не звезды, а множество солнц, будто перенесся к самому центру Галактики. Привычное звездное небо по сравнению с этим великолепием было нестерпимо пустынным; даже могучий Орион был горсткой жалких искр, не достойной повторного взгляда.

Через миг все исчезло. Но не совсем. В самом центре черного прямоугольника светилась слабая звездочка. И она двигалась.

Метеор? Василий Орлов, научный руководитель экспедиции, оторопел настолько, что прошло несколько секунд, прежде чем он вспомнил — в безвоздушном пространстве метеоров не бывает.

Внезапно звездочка растянулась в светящуюся черточку и еще через несколько мгновений исчезла за краем Юпитера. Но Василий Орлов уже пришел в себя и вновь стал холодным, бесстрастным наблюдателем.

Он понял, куда летит светящийся объект. Сомнений не было — его траектория была направлена к Земле.

V
ДИТЯ ЗВЕЗД

30
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Он как бы очнулся от сна — или это было его продолжением? Звездные Врата захлопнулись позади, и он вновь был в мире людей — но уже не как человек.

Долго ли он отсутствовал? Целую жизнь... Нет, даже две жизни: одну в обычном времени, другую — в обратном.

Дэвид Боумен, командир и единственный уцелевший член экипажа космического корабля «Дискавери», угодил в гигантский капкан, установленный три миллиона лет назад и настроенный на строго определенный момент и на совершенно определенный раздражитель. Тот перенес его в иную вселенную, где он увидел удивительные вещи. Одни из них он теперь понимал, понять другие было не суждено.

Со стремительным ускорением он мчался бесконечными световыми коридорами, пока не превысил скорость света. Он знал, что это невозможно, но знал теперь и как достичь этого. Справедливо заметил Эйнштейн: «Господь хитроумен, но не коварен».

Он миновал космический сортировочный пункт — Центральный галактический вокзал — и оказался рядом с умирающим светилом, «красным гигантом», защищенный неизвестными силами от его ярости.

Он стал свидетелем парадокса: увидел солнечный восход над солнцем, когда спутник гиганта, «белый карлик», поднялся в небо — ослепительный пигмей, волочащий за собой огненную приливную волну. Он не испытывал страха, лишь удивление, даже когда «горошина» повлекла его вниз, в пламенный океан...

...и когда он, вопреки здравому смыслу, очутился в фешенебельном гостиничном номере, в котором не было ничего необычного. Большинство вещей, впрочем, оказалось подделками: книги, журналы, видеофон, а консервные банки, несмотря на разные этикетки, содержали в себе одинаковую пищу, похожую по виду на хлеб, но на вкус совершенно неописуемую.

Вначале ему показалось, что он стал экспонатом космического зоопарка, попал в клетку, тщательно воссозданную по телепередачам. Он ждал появления своих новых хозяев и гадал, на что они будут похожи.

Как глупо было ожидать этого! Теперь он знал, что с таким же успехом можно разглядывать ветер или размышлять об истинной форме пламени. Потом его душу и тело охватила безмерная усталость, и Дэвид Боумен заснул в последний раз в своей жизни.

Это был странный сон, ибо он не отключился полностью от реальности. Словно туман, расплывающийся по лесу, что-то мягко проникло в его разум. Он ощущал это лишь смутно — полный контакт убил бы его столь же быст-

ро и верно, как и пламя звезды, бушующее за стенами его убежища. Под бесстрастным испытующим взглядом он не чувствовал ни надежды, ни страха.

Иногда во время этого долгого сна ему казалось, что он проснулся. Проходили годы: однажды он увидел в зеркале морщинистое лицо и едва узнал себя. Его тело стремительно старилось, стрелки биологических часов в безумном темпе бежали к последней отметке, которой им не суждено было достигнуть. Ибо в этот самый момент Время остановилось — и потекло вспять.

Его память опустошалась; в направляемых извне воспоминаниях он снова переживал свое прошлое, лишаясь знаний и опыта по мере быстрого продвижения к детству. Но ничто не терялось: все его прежние состояния, каждое мгновение жизни передавалось в более надежное хранилище. И в тот самый миг, когда один Дэвид Боумен перестал существовать, его место занял другой — бессмертный, освобожденный от уз материи.

Он был зародышем сверхсущества, не готового пока родиться. Сотни лет он провел без судьбы — помнил прошлое, но не знал настоящего. Он как бы плыл по течению, превращаясь из куколки в бабочку...

И вдруг оболочка лопнула, и в его крохотный мирок вернулось Время. Перед ним внезапно возник знакомый черный прямоугольник.

Он видел его на Луне, встречался с ним в системе Юпитера и еще откуда-то знал, что предки видели его же очень и очень давно. Черная плита попрежнему хранила непостижимые тайны, однако перестала быть полной загадкой — некоторые свойства ее стали теперь понятны.

Это было не одно тело, но множество тел. И что бы ни говорили приборы, его геометрические размеры всегда были одни и те же — те, что необходимы.

Как понятно стало теперь математическое соотношение сторон, начало квадратичного ряда — 1:4:9! И как наивно было считать, что последовательность кончается здесь, в жалких трех измерениях!

В тот самый миг, когда он задумался об этой геометрической простоте, пустой прямоугольник заполнился звездами. Гостиничный номер, если он когда-нибудь действительно существовал, исчез: перед ним сверкала спираль Галактики.

Это могло быть и великолепной, невероятно точной моделью, облитой прозрачным пластиком. Но нет — это была реальность, которую он ощущал целиком чувствами более острыми, чем зрение. Он мог, если бы захотел, сосредоточить внимание на любой из ста миллиардов звезд.

Он был *здесь* — плыл в великом потоке солнц, на полпути между скученными огнями центра Галактики и одинокими, разбросанными сторожевыми звездами окраины. А его родина была *там* — на той стороне необъятной небесной пропасти, изогнутой полосы свободного от звезд мрака. Однажды он уже пересек это пространство не по своей воле; теперь, подготовленный гораздо лучше, но все еще не сознающий, какие силы им движут, он должен был преодолеть его снова...

Галактика ринулась на него из воображаемой рамы, в которую ее заключил его разум; мимо него самого, казалось на бесконечной скорости, проносились звезды и туманности. Перед ним внезапно вспыхивали солнца — и тут же схлопывались позади, когда он проскальзывал прямо сквозь них.

Звезд стало меньше. Млечный Путь превратился в бледную тень того великолепия, которое он знал — и которое когда-нибудь вновь увидит. Он вернулся в космос людей, в то самое место, откуда — несколько секунд или столетий назад — начался его путь.

Он ярко воспринимал окружающее, причем гораздо сильнее, чем в прежнем существовании, сознавал мириады объектов внешнего мира. Он мог сосредоточиться на любом из них, углубляясь почти бесконечно, пока не наталкивался на фундаментальную, гранулярную структуру пространства — времени, глубже которой был только хаос.

Он мог перемещаться — но не знал, как это ему удается. Но знал ли он это раньше, когда обладал телом? Путь команд от мозга к конечностям был тайной, над которой он никогда не задумывался.

Ничтожное усилие воли, и спектр близкой звезды приобрел голубое смещение — именно такое, какое ему хотелось. Он двигался к ней со скоростью, не так уж далекой от световой; и хотя при желании мог перемещаться еще быстрее, он пока не спешил. Предстояло освоить много информации, многое обдумать — и еще больше приобрести. Это, как он теперь понимал, и было его нынешней целью; но он знал, что это лишь часть плана, гораздо более всеобъемлющего, который станет ему известен в надлежащее время.

Он не думал ни о Звездных Вратах, захлопнувшихся позади, ни о беспокойных существах, дрейфующих рядом с ними на своих примитивных космолетах. Они были частью его памяти, но сейчас чувства гораздо более сильные звали его домой, в мир, который он уже и не думал увидеть.

Он слышал мириады его голосов — они становились все громче. Планета приближалась, превращаясь из затерянной в блеске Солнца точки в светящееся круглое облачко и, наконец, в прекрасный бело-голубой диск.

Внизу, на перенаселенной планете, знали о его приближении. На экранах радаров вспыхивали сигналы тревоги, огромные телескопы обшаривали небо. Прошлая история человечества близилась к завершению.

Он почувствовал, как в тысяче километров под ним проснулась и заворочалась на орбите смерть. Но сконцентрированная энергия не представляла опасности — наоборот, можно было ее использовать.

Он проник в мешанину механизмов — примитивных, устроенных по-детски наивно. Обращать на них внимание не следовало. Оставалось одно препятствие — простое реле, замыкавшее два контакта. Пока они были разъединены, взрыва произойти не могло.

Он сделал мысленное усилие и впервые в своей нынешней жизни познал отчаяние и неудачу. Выключатель, масса которого составляла всего несколько граммов, не поддался. Он мог пока управлять лишь энергией, мир материи был ему неподвластен. Но выход был. Ему предстояло еще многому научиться.

Заряд энергии, который он направил в реле, был настолько велик, что провода едва не расплавились прежде, чем сработал спусковой механизм.

Медленно тянулись микросекунды. Забавно было следить, как в смертоносных зарядах накапливается энергия — словно тонкую спичку поднесли к пороховой бочке...

Над погруженным в сон полушарием на короткое время взошла искусственная заря, порожденная неслышимым взрывом многих мегатонн. Подобно возрождающемуся в пламени фениксу, он впитал в себя необходимую энергию. Атмосфера, служившая планете щитом от стольких опасностей, приняла основной удар излучения. Однако те люди и животные, которым не повезло, навсегда потеряли зрение.

Казалось, потрясенная Земля онемела. Прекратились передачи на средних и длинных волнах; лишь УКВ-излучение проникало сквозь охватившее планету невидимое, медленно распадающееся зеркало, однако диапазон передач был так узок, что он их не слышал. Несколько мощных радаров по-прежнему следили за ним, но его это не беспокоило. Их легко было нейтрализовать, однако даже этого он не стал делать. И если на пути появятся новые бомбы, их он тоже проигнорирует. Энергия пока есть.

По широкой спирали он начал спуск в мир своего детства.

31
ДИСНЕЙВИЛЛ

В конце столетия один философ заметил — и был тут же раскритикован в пух и прах,— что Уолт Дисней сделал больше для счастья людей, чем все религиозные проповедники за всю историю человечества. А спустя полвека после смерти Диснея его фантазии ожили во Флориде.

Открытый в восьмидесятые годы «Экспериментальный прототип общества будущего» являл собой выставку передовой технологии и грядущего быта. Однако его основатели понимали, что ЭПОБ только тогда выполнит свою задачу, когда хотя бы частично станет настоящим городом. Создание города завершилось к концу века: его население достигло двадцати тысяч, и он получил имя Диснейвилл.

Чтобы здесь поселиться, необходимо было преодолеть невообразимое количество формальностей. Неудивительно, что средний возраст тут был самым высоким в США, а медицинское обслуживание — самым передовым.

Создатели этой комнаты постарались, чтобы она не выглядела больничной палатой, и лишь некоторые приспособления выдавали ее назначение. Кровать располагалась в полуметре от пола, на случай падения; однако для удобства сестры ее можно было поднимать и опускать. Ванна была врезана в пол и снабжена поручнями и сиденьем, чтобы даже детям и старикам было легко ею пользоваться. На полу лежал толстый ковер, но поскользнуться на нем было невозможно. Не было в комнате и острых углов, а телекамера была спрятана настолько искусно, что никто бы не заподозрил ее присутствие.

Были здесь и личные вещи: стопка старых книг в углу, а в рамке — первая страница одного из последних типографских выпусков «Нью-Йорк таймс» с заголовком: «Космический корабль США летит к Юпитеру». Рядом две фотографии: на одной запечатлен юноша лет двадцати, на другой — он же, но гораздо старше и в скафандре.

Перед телеэкраном сидела седая миниатюрная женщина. Хотя семидесяти ей еще не было, выглядела она старше. Посмеиваясь над комедией, которую показывали, она все время поглядывала на дверь, будто ожидала посетителя. Рука ее сжимала набалдашник прислоненной к креслу трости.

Тем не менее она вздрогнула, когда дверь открылась и вошла сестра, катившая перед собой столик на колесиках.

— Пора завтракать, Джесси,— сказала сестра.— Завтрак очень вкусный.

— Я не хочу есть.

— Почему?

— Я не голодна. А вы бываете голодной?

Столик остановился, крышки над тарелками приподнялись. Сестра не коснулась даже кнопок управления. Она стояла неподвижно, глядя на трудную пациентку.

В комнате, расположенной метрах в пятидесяти от палаты, техник сказал врачу, указывая на экран:

— Теперь смотри. ,

Джесси схватила трость и с неожиданной силой вонзила ее в ногу сестры. Та на это никак не прореагировала и произнесла примирительным тоном:

— Видите, как вкусно? Ешьте, дорогая.

На лице Джесси появилась хитрая улыбка, но она послушно принялась за еду.

— Вот так,— сказал техник.— Она все понимает. Она гораздо умнее, чем прикидывается.

— А остальные?

— Остальные действительно верят, что это сестра Уильямс.

— Ну что ж. Посмотри, как она радуется, что перехитрила нас. Она ест, значит, мы своего добились. Но надо предупредить сестер.

— Конечно. В следующий раз это может оказаться не голограмма, а живой человек. Если кто-нибудь пострадает, нас затаскают по судам.

32

ХРУСТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК

Индейцы и переселенцы из Луизианы утверждали, что он бездонный. Разумеется, это была чепуха. Достаточно надеть маску и нырнуть, и ты увидишь обрамленную осокой небольшую пещеру, из которой течет поразительная по своей прозрачности вода. Из глубины пещеры на ныряльщика глядели глаза Чудовища.

Два темных неподвижных круга — чем еще они могли быть? Они придавали каждому погружению элемент риска: Чудовище в любой момент могло покинуть свое укрытие и, распугивая рыбешку, ринуться за более крупной добычей. И никто не убедил бы Бобби и Дэвида, что осока не скрывает ничего более опасного, чем, скажем, украденный велосипед... Тем не менее дно Хрустального источника оставалось недостижимым.

Но теперь он готов был открыть свои тайны: возможно, легенды о сокровище конфедератов, несмотря на утверждения местных историков,— вовсе не сказка. И еще есть надежда обнаружить и отнести потом шефу полиции хотя бы несколько орудий последних преступлений.

Небольшой компрессор, который Бобби, старший по возрасту и более опытный из ныряльщиков, нашел среди хлама в гараже и с трудом завел, пыхтел рядом. Каждые несколько секунд он кашлял облачком сизого дыма, но не останавливался.

— А если и остановится? — сказал Бобби.— Даже девчонки из «Подводного театра» проплывают по пятьдесят метров без всяких трубок. Что мы, хуже? Никакой опасности нет.

«Почему же тогда,— подумал Дэвид,— мы не сказали маме, куда идем, и дождались, пока папа уехал на очередной запуск?» Всерьез он, конечно, не беспокоился: Бобби всегда знал, что делает. Наверно, здорово, когда тебе семнадцать и ты все знаешь. Вот только лучше бы он не тратил так много времени на эту глупую Бетти Шульц. Да, она красивая, но, черт возьми, она же девчонка! Улизнуть от нее сегодня едва удалось.

Дэйв привык к роли подопытного кролика: такова судьба всех младших братьев. Он нацепил маску, надел ласты и скользнул в кристально прозрачную воду.

Бобби протянул ему конец шланга с приделанным к нему старым загубником. Дэйв вдохнул и поморщился.

— Вкус отвратительный.

— Ничего, приспособишься. Ныряй, но не глубже карниза. За давлением я слежу. Когда дерну за шланг, поднимайся.

Дэйв погружался без спешки. Кругом простиралась страна чудес. Краски ее, в отличие от коралловых рифов Ки-Уэста, были спокойные, однотонные. В море все живое прихотливо переливается всеми цветами радуги — здесь же присутствовали лишь мягкие оттенки голубого и зеленого. И рыбы тут были похожи на рыб, а не на тропических бабочек.

Он медленно скользил вниз, иногда останавливаясь, чтобы глотнуть воздуха из тянувшегося за ним шланга. Чувство свободы было так восхитительно, что он почти не ощущал маслянистого привкуса. Достигнув карниза, оказавшегося на деле затонувшим бревном, облик которого до неузнаваемости исказили обосновавшиеся на нем водоросли, он огляделся.

Источник был открыт его глазам целиком — вплоть до противоположного, поросшего зеленым обрыва, до которого было метров сто, никак не меньше. Рыб не было видно — лишь вдалеке проплыла стайка, похожая в лучах солнца на брошенную в поток пригоршню серебряных монет.

Там, где воды источника начинали свой путь к морю, Дэйв заметил старого знакомого. Небольшой крокодил («Небольшой? — заявил как-то Бобби.— Да он больше меня!») неподвижно висел в воде, лишь нос его высовывался наружу. Они никогда его не беспокоили, он отвечал взаимностью.

Бобби наверху нетерпеливо дернул за шланг. Дэйв охотно устремился к поверхности — до спуска он не предполагал, как холодно на такой глубине.

К тому же его слегка подташнивало. Но горячее солнце быстро восстановило силы.

— Это очень просто,— сказал Бобби, возбужденный предстоящим погружением.— Отворачивай кран, но следи, чтобы стрелка не заходила за красную черту.

— А ты пойдешь глубоко?

— Если захочу, то до самого дна.

Дэйв не принял ответа всерьез: оба они знали, что такое давление и отравление азотом. Да и длина старого садового шланга не превышала тридцати метров. На первый раз этого достаточно.

Дэйв с привычным завистливым восхищением следил, как его любимый старший брат вновь бросает вызов природе. Легко, как рыба, Бобби соскользнул в голубой загадочный мир. Спустя некоторое время он обернулся и ткнул пальцем в шланг, показывая, чтобы Дэйв прибавил давление.

Несмотря на внезапную головную боль, Дэйв исполнил свой долг. Он поспешил к древнему компрессору и открыл кран до упора. Стрелка пересекла смертельный предел — пятьдесят частиц окиси углерода на миллион.

Уверенно уходя вниз, залитый лучами солнца, Бобби скрылся от него навсегда. Восковая фигура в гробу ничего общего с Робертом Боуменом не имела.

33
БЕТТИ

Зачем он вернулся сюда, подобно неспокойному духу? Он не подозревал о конечной точке своего путешествия, пока из леса на него не глянул круглый глаз Хрустального источника.

Он властвовал над миром и одновременно был парализован чувством нестерпимой тоски, которое не посещало его долгие годы. Время залечивает любые раны. И все же ему казалось, что только вчера он стоял, рыдая, над изумрудно-зеленым зеркалом источника, отражавшим покрытые бородатым испанским мхом кипарисы. *Что с ним происходит?*

А невидимый поток уже подхватил его и повлек на север, к столице штата. Он что-то искал, но что?

Ни один прибор уже не в силах был его обнаружить. Он не излучал энергии — он этому научился, теперь он распоряжался своей энергетикой не хуже, чем некогда собственными конечностями.

Подобно туманной дымке, он проникал в недра защищенных от всех катастроф сейфов, пока не очутился наконец в дебрях электронной памяти. Стоявшая перед ним задача была посложнее, чем взорвать примитивную атомную бомбу, и отняла у него больше времени. Разыскивая нужную информацию, он допустил незначительную ошибку, но даже не стал ее исправлять. Никто так и не понял, почему месяц спустя триста флоридских налогоплательщиков, чьи имена начинались на букву «Ф», получили чек на сумму в один доллар каждый. Поиск причин обошелся бы гораздо дороже, и озадаченные инженеры

возложили в конце концов вину на космическое излучение, что, в общем-то, почти соответствовало истине...

За несколько миллисекунд он перенесся из Таллахасси в дом № 634 по Саут-Магнолиа-стрит в Тампе. Адрес не изменился — он напрасно потерял время, пытаясь отыскать новый. Впрочем, он и не собирался его разыскивать, пока не занялся этим.

Бетти Фернандес (в девичестве Шульц), несмотря на троих детей и два аборта, сохранила свою красоту. Сейчас она пребывала в задумчивости: телепрограмма навеяла воспоминания, одновременно радостные и горькие.

Это был специальный выпуск новостей, посвященных загадочным событиям последних двенадцати часов. События начались с сообщения «Леонова» о непонятном излучении, возникшем в системе Юпитера. Нечто, устремившись к Земле, взорвало по дороге орбитальную ядерную бомбу, причем ни одно правительство не соглашалось признать ее своей собственностью.

Телекомментаторы извлекли из архивов древние, когда-то сверхсекретные записи — некоторые еще даже на пленке,— запечатлевшие открытие ЛМА-1. И вот телевизор, наверно в пятидесятый раз, повторил пронзительный радиоклич, который бросил к Юпитеру на заре лунного дня монолит. И Бетти снова слушала интервью с экипажем «Дискавери».

Зачем она это смотрит? Все записи у нее есть (хотя она никогда не смотрела их в присутствии Хосе). Чего-то, видимо, ждет: Бетти даже не сознавала, насколько властно прошлое владеет ее чувствами.

Как и следовало ожидать, на экране появился Дэйв. Это интервью для Би-би-си она знала почти наизусть. Дэйв пытался ответить, обладает ли ЭАЛ самосознанием. В отличие от последних кадров, переданных с борта обреченного «Дискавери», здесь он был молодым, очень похожим на Бобби, каким она его помнила.

Слезы исказили изображение. Нет, это помехи. Звук тоже поплыл.

Дэйв шевелил губами, но она ничего не слышала. Его лицо расплылось, растаяло. Потом опять появилось, снова не в фокусе. Звука по-прежнему не было. Где они откопали это фото? Дэйв — но еще мальчишка. Он смотрел на нее с экрана через разделившую их реку времени.

И вдруг губы его шевельнулись.

— Привет, Бетти,— сказал он.

Слагать слова в предложения и произносить их с помощью телевизора было нетрудно. Гораздо труднее было приспособиться к черепашьему темпу человеческого мышления. Ждать ответа целую вечность...

У Бетти Фернандес был сильный характер. Кроме того, она была умна и, хотя уже двенадцать лет нигде не работала, не забыла своей специальности инженера-компьютерщика. Сейчас ей демонстрировали очередное компьютерное чудо: так и надо воспринимать это, а о подробностях подумать потом.

— Дэйв? — спросила она.— Это действительно ты?

— Не убежден,— монотонным голосом ответило изображение.— Но я помню Дэйва Боумена и все, что с ним связано.

— Он умер?

Ответить на этот вопрос было не так легко.

— Да, если говорить о его теле. Но это не важно. Все, чем был Дэйв Боумен, стало частью меня.

Бетти перекрестилась — научилась этому у Хосе. И прошептала:

— Значит, ты... дух?

— Пожалуй, лучше не скажешь.

— Зачем ты вернулся?

— И правда, Бетти, зачем? Может, ты это скажешь?

Однако одну из причин знал и он сам, как можно было понять из появившихся на экране картин. Дух покинул тело не окончательно, оно еще сохраняло власть. Ни одна телекомпания в мире не рискнула бы демонстрировать разыгравшиеся на экране откровенные сцены.

Некоторое время Бетти смотрела — улыбаясь и смущаясь одновременно. Потом опустила глаза, но не со стыдом, а с печалью.

— Значит, то, что рассказывают про ангелов,— это неправда,— сказала она.

«Разве я ангел?» — подумал он. Теперь он уже понимал, зачем явился ей, ощущал, как печаль и желание толкают его к свиданию с прошлым. Самой сильной в его жизни была страсть к Бетти; чувства вины и утраты лишь усиливали ее.

Она никогда не говорила, кто как любовник был лучше — он или Бобби; а он, будто соблюдая негласный договор, никогда об этом не спрашивал. После смерти Бобби прошло всего два года, Дэйву было только семнадцать, когда у них все началось. Они жили одной иллюзией, ища в объятиях друг друга лекарство от одной и той же раны.

Продолжаться до бесконечности это, разумеется, не могло. Но след остался навсегда. Более десяти лет в его сексуальных мечтаниях присутствовала только Бетти — сравнить с ней других было невозможно. Он давно осознал, что другой такой женщины никогда не найдет. И никого, кроме них двоих, не навещал один и тот же обожаемый призрак...

Фантазии Дэйва исчезли с экрана. На миг проступила программа новостей, зависший над Ио «Леонов»... Потом вернулось лицо Дэвида Боумена. Его черты менялись. Десятилетний мальчик, двадцатилетний юноша, тридцатилетний мужчина... На какой-то момент — ей стало жутко — на экране возникло лицо морщинистой мумии, пародия на внешность того, кого она некогда знала.

— Прежде чем попрощаться, хочу спросить одну вещь. Ты всегда говорила, что Карлос — сын Хосе. Но я всегда сомневался. Скажи правду.

На минуту ему снова стало восемнадцать. Бетти Фернандес вглядывалась в глаза юноши, которого когда-то любила. Ей захотелось увидеть его целиком, не только лицо.

— Это твой сын, Дэвид,— шепнула она.

Лицо пропало, продолжалась нормальная передача. Когда час спустя Хосе Фернандес тихо вошел в комнату, Бетти все еще глядела на экран. Он поцеловал ее в затылок, но она даже не повернулась.

— Ты никогда не поверишь, что я сделала только что.

— Да?

— Соврала призраку.

34
ПРОЩАНИЕ

Когда в 1997 году Американский институт аэронавтики и астронавтики опубликовал свой противоречивый обзор «Полвека исследований НЛО», нашлись критики, утверждавшие, что подобные объекты наблюдались на протяжении многих веков и у «летающей тарелки», замеченной Кеннетом Арнольдом в 1947 году, была масса предшественников. Еще на заре человечества в небесах время от времени появлялись странные предметы, но до середины XX века это было редко и никого особенно не интересовало. И только тогда они привлекли внимание ученых и публики, став, по-другому не скажешь, предметом религиозного поклонения.

Причины понятны: с появлением гигантских ракет и космических аппаратов человек стал все чаще задумываться об иных мирах. Сознание того, что посланцы человечества вот-вот выйдут за пределы родной планеты, подсказывало неизбежный вопрос: возможно, и нам следует ждать гостей? Возникла и надежда (вслух о ней, правда, говорили нечасто): инопланетяне, быть может, научат человечество, как залечить самому себе нанесенные раны, и уберегут от грядущих катастроф...

Каждый, кто знаком с началами психологии, без труда сделает следующее предсказание: раз уж появилась нужда в пришельцах, она вскоре будет удовлетворена. Во второй половине XX века на Земле наблюдались тысячи НЛО. Сотни очевидцев рассказывали о контактах с инопланетянами, похищениями, прогулках по небесам и даже о медовых месяцах вдали от Земли. И то, что эти истории всякий раз оказывались либо заведомой ложью, либо галлюцинацией, нисколько не разочаровывало верующих. Слова тех, кто видел города на обратной стороне Луны, не подвергали сомнению даже после полетов «Аполлонов»; женщинам, выходившим замуж за жителей Венеры, верили даже тогда, когда было доказано, что температура там выше, чем у расплавленного свинца.

Когда АИАА опубликовал свой обзор, ни один серьезный ученый, даже из тех, кто поддерживал когда-то эту идею, уже не верил, что НЛО связаны с внеземными цивилизациями. Доказать это, разумеется, невозможно: из миллиарда НЛО, наблюдавшихся за тысячу лет, один вполне мог оказаться космическим кораблем. Однако публика постепенно утратила к ним интерес — ни радары, ни орбитальные телекамеры упорно ничего не показывали. Конечно, поклонники культа не отступились, черпая веру в публикуемых время от времени старых, давным-давно опровергнутых сообщениях.

Когда информация о ЛМА-1 стала достоянием гласности, грянул дружный хор голосов: «Я же говорил!» Теперь нельзя было отрицать, что пришельцы посетили Луну и, видимо, Землю всего-навсего три миллиона лет назад. Небеса тут же наводнили флотилии НЛО; оставалось лишь удивляться, что следящие системы трех сверхдержав, способные отыскать в космосе шариковую ручку, опять оказались бессильны. Впрочем, довольно скоро явления НЛО вернулись к обычному минимуму, вполне объяснимому астрономическими, метеорологическими и техногенными причинами.

И вот все началось снова. На сей раз ошибки быть не могло: информация исходила из официальных источников. К Земле приближался самый настоящий Неопознанный Летающий Объект.

Первые данные оптических наблюдений поступили спустя несколько минут после сообщения «Леонова»; непосредственные контакты начались уже через считанные часы. Бывший биржевой клерк прогуливал своего бульдога по Йоркшир-Мурз, когда рядом с ним приземлился дисковидный космический корабль и энлонавт, выглядевший — если не считать заостренных ушей — совсем как человек, осведомился, как попасть на Даунинг-стрит. Представитель человечества был поражен настолько, что смог лишь махнуть тростью в направлении Уайтхолла. Истинность происшедшего подтверждал тот факт, что бульдог теперь отказывается от пищи.

На учете бывший биржевый клерк не состоял, как удалось выяснить; однако те, кто безоговорочно поверил в его рассказ, довольно скептически отнеслись к еще одному сообщению. Баскский пастух, как обычно, вез в горах контрабанду и с великим облегчением понял, что повстречавшиеся ему двое в штатских плащах и, как он описывал, «с пронизывающим взглядом» вовсе не пограничники. Они всего лишь поинтересовались, как добраться до штаб-квартиры ООН.

Они, как стало известно, превосходно говорили на языке басков — одном из самых сложных, не имеющих аналогов в мире. После этого нельзя было не признать, что космические пришельцы — прекрасные лингвисты, хотя в их географических познаниях обнаруживаются зияющие пробелы.

Так оно и продолжалось, случай за случаем. Лишь некоторые из участников контактов врали или страдали психическим расстройством. Большей частью они искренне верили в то, что рассказывали, и повторяли то же самое даже под гипнозом. А кое-кто стал жертвой розыгрыша или невероятного совпадения, как это произошло с группой любителей-археологов, наткнувшейся в Сахаре на декорации, которые оставил там знаменитый постановщик научно-фантастических фильмов почти сорок лет назад.

И только в самом начале и в самом конце его путешествия кто-то из людей догадывался о его присутствии — ему так хотелось.

Мир принадлежал ему целиком, без всяких запретов и ограничений. Мир, который надо было исследовать и познать. Вначале он верил, что лишь удовлетворяет прежние мечты, посещая места, в которых не был в своей прошлой жизни. И только много позже осознал, что его молниеносные перемещения по планете преследуют и иные цели.

Его ненавязчиво использовали в качестве зонда, изучая таким образом все аспекты человеческой жизни.

Им руководили настолько умело, что он почти не замечал этого. Он был как собака на поводке, которая бегает, как ей вздумается, но только там, где надо ее хозяину. Он мог выбирать — пирамиды, Большой Каньон, умытые лунным светом снега Эвереста были открыты ему так же, как и картинные галереи и концертные залы... Но он не заглянул бы туда по своей воле.

Как не стал бы посещать многочисленные заводы и фабрики, тюрьмы и больницы, ипподром и Овальный кабинет Белого дома. Его не интересовали

кровавая локальная война в Азии, оргия в Беверли-Хиллз, архивы Кремля, библиотека Ватикана, священный черный камень Кааба в Мекке...

Память о некоторых таких визитах как будто стерлась. Или его защищал некий ангел-хранитель? Например, что делал он в музее в Олдювай-гордж? Происхождение человека занимало его не более, чем любого другого homo sapiens. Ископаемые были для него пустым звуком. Однако вид знаменитых черепов, которые охранялись как царские драгоценности, породил в памяти странный отзвук, вызвал волнение, которое он не мог объяснить. Он испытал странное чувство возвращения в прошлое, какое бывает у человека, вернувшегося домой спустя много лет и увидевшего, что там поменяли обои и мебель и даже перестроили лестницу.

Вокруг лежала поверхность планеты — враждебная, выжженная земля. Куда девались ее плодородные равнины? Где мириады травоядных, что паслись здесь три миллиона лет назад?

Три миллиона лет... Откуда он это знает? Вопрос ушел в пустоту, но тут же перед ним возникли знакомые очертания черного прямоугольника. Приблизившись, он увидел в черной глубине туманный образ, словно отражение в склянке чернил...

Грустные, удивленные глаза смотрели на него из-под низкого, заросшего волосами лба. Смотрели в будущее, которого им не дано было увидеть. Будущим был он, рожденный сто тысяч поколений спустя.

История началась там и тогда; по крайней мере, это он теперь понимал. Но почему от него все еще скрывают другие секреты?..

Лишь одно дело осталось ему на Земле. Он был еще достаточно человеком, чтобы отложить это напоследок.

«Что с ней происходит?» — спросила себя дежурная сестра, направляя телекамеру на старуху. Конечно, от нее можно ждать всего, но чтобы разговаривать со своим слуховым аппаратом... Любопытно, что она там говорит?

Микрофон был недостаточно чуток, чтобы разобрать слова, но вряд ли это было так важно. Джесси Боумен редко выглядела такой умиротворенной. Хотя глаза ее были закрыты, но лицо расплылось в блаженной улыбке, а губы что-то шептали.

Потом началось такое, о чем сестра никогда не рискнула бы докладывать: можно запросто потерять диплом. Медленными толчками расческа, лежавшая до этого на столе, поднялась в воздух, будто взятая невидимыми неловкими пальцами.

С первой попытки она промахнулась; потом стала расчесывать длинные серебристые пряди, задерживаясь там, где волосы спутались.

Джесси Боумен замолчала, но по-прежнему улыбалась. Движения расчески стали плавными и уверенными.

Сколько это продолжалось, сестра не знала. Опомнилась она, лишь когда расческа вновь заняла свое законное место на столе.

Десятилетний Дэйв Боумен выполнил столь не любимую им, но обожаемую его мамой обязанность. А Дэвид Боумен, у которого теперь не было возраста, впервые справился с непокорной материей.

Джесси Боумен все еще улыбалась, когда в комнату вошла сестра. Сестра была слишком напугана, чтобы торопиться. Но никакого значения это уже не имело.

35
ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Охватившее Землю возбуждение не передавалось экипажу «Леонова», отделенному от нее многими миллионами километров. Разумеется, на борту корабля с интересом следили за дебатами в ООН, слушали интервью с известными учеными, рассуждения комментаторов и противоречивые сообщения тех, кто вступил в контакт с НЛО. С интересом, но несколько отстраненно. Все это шло мимо них. Загадка — она же Большой Брат — по-прежнему не реагировала на их присутствие. Ирония судьбы: они прилетели с Земли, чтобы решить проблему, ключ к решению которой, как теперь выяснилось, находится там, откуда они стартовали.

Оставалось благодарить Природу за то, что скорость света все-таки ограниченна: поэтому прямые интервью с борта «Леонова» были невозможны. Тем не менее журналисты донимали Флойда таким количеством вопросов, что он в конце концов не выдержал и объявил забастовку. Говорить больше было нечего — все, что он знал, он повторил десятки раз.

К тому же на борту было немало работы. «Леонов» должен быть готов к возвращению, как только откроется стартовое окно. Время в запасе было: даже месячная отсрочка лишь немного продлила бы путешествие. Но людям не терпелось домой. Для Чандры, Курноу и Флойда полет к Юпитеру прошел незаметно, однако остальные были твердо намерены двинуться в обратный путь, как только позволят законы небесной механики.

Судьба «Дискавери» оставалась неопределенной. Топлива в баках было в обрез, даже если корабль стартует гораздо позже «Леонова» и полетит по длинной, наиболее экономичной траектории. Он придет к цели, лишь если компьютер вновь обретет возможность действовать самостоятельно. Без помощи ЭАЛа пришлось бы опять оставить «Дискавери» в системе Юпитера.

Любопытно и трогательно было наблюдать возрождение электронного мозга: весь путь он проходил на глазах. Сначала — ребенок с несомненными дефектами умственного развития, затем — юноша, ошеломленный тайнами мира, и, наконец, слегка снисходительный взрослый. Флойд знал, что подобные антропоморфические сравнения неправомерны, но избежать их не мог.

Иногда ситуация казалась ему до боли знакомой. Сколько было видеопостановок, в которых всезнающие последователи легендарного Фрейда помогали подросткам избавиться от их комплексов! Сейчас нечто похожее происходило неподалеку от Юпитера.

Электронный психоанализ шел со скоростью, недоступной человеческому восприятию. Каждую секунду миллиарды битов информации в виде диагностических и восстановительных тестов проносились сквозь электронные клетки, обнаруживая и устраняя возможные источники нарушений. Хотя большая

часть программ была опробована на земном близнеце ЭАЛа — САЛ-9000, невозможность прямого диалога между двумя компьютерами составляла серьезное препятствие. Иногда консультации с Землей занимали часы.

Несмотря на все усилия Чандры, восстановление компьютера было далеко не закончено. ЭАЛ все еще страдал идиосинкразией, иногда полностью игнорируя устную речь, хотя всегда отзывался на кодовый сигнал, от кого бы тот ни исходил. Информация, которую он выдавал, тоже бывала странной.

Иногда он отвечал вслух, но не показывал ответ на дисплее. Иногда отказывался печатать на принтере. И все это без извинений или комментариев.

Нельзя сказать, чтобы он не подчинялся командам. Скорее, выполнял их без особой охоты, если дело касалось определенного круга задач. Всегда находился способ заставить его работать — «уговорить не дуться», как выразился однажды Курноу.

Неудивительно, что нервы у Чандры стали сдавать. Когда Макс Браиловский без всякого злого умысла вспомнил старую газетную сплетню, Чандра едва не взорвался.

— Доктор Чандра! А правда, что вы назвали свой компьютер ЭАЛом, чтобы затмить Ай-би-эм?

— Чепуха! Я боролся с этой выдумкой много лет! ЭАЛ — прямой потомок Ай-би-эм. Мне казалось, каждому умному человеку известно, ЭАЛ значит «эвристический алгоритм».

Как бы то ни было, Флойд полагал, что у «Дискавери» есть лишь один шанс из пятидесяти вернуться домой. И вдруг Чандра обратился к нему с неожиданным предложением.

— Доктор Флойд, можно поговорить с вами?

Даже теперь, после месяцев совместного полета, Чандра обращался ко всем подчеркнуто официально. Даже Жене, всеобщей любимице, он говорил не иначе как «мэм».

— Конечно. В чем дело?

— Я закончил программирование шести наиболее оптимальных вариантов траектории возвращения. Мы проверили пять из них.

— Отлично. Убежден, что никто в Солнечной системе не сделал бы больше.

— Спасибо. Но вы не хуже меня знаете, что предусмотреть все невозможно. ЭАЛ, разумеется, будет работать прекрасно и справится с любыми неожиданностями. Но он бессилен против таких неполадок, как, скажем, обрыв провода или заевший выключатель, который легко исправить с помощью отвертки.

— Да, меня это беспокоит тоже. Но что тут можно поделать?

— Есть простой выход. Я остаюсь на «Дискавери».

В первый момент Флойду показалось, что собеседник сошел с ума. Потом он отбросил эту мысль. Действительно, человек — это самый совершенный прибор для устранения всяческих неисправностей, и присутствие его на борту может гарантировать успех полета. Однако возражения были слишком серьезны.

— Интересная мысль,— осторожно сказал он.— Мне нравится ваш энтузиазм. Но все ли вы предусмотрели?

Вопрос можно было не задавать. Разумеется, Чандра предусмотрел все.

— Вы проведете в одиночестве более трех лет! А вдруг вам понадобится медицинская помощь?

— Придется рискнуть.

— А вода и продукты? На «Леонове» их в обрез.

— Я осмотрел системы регенерации на «Дискавери». Их можно восстановить без большого труда. Мы, индийцы, неприхотливы.

До этого Чандра никогда не говорил о своем происхождении и вообще о себе. Его признание на «коллективной исповеди» было единственным случаем такого рода, других Флойд не помнил. Но в последних его словах была истина: Курноу как-то заметил, что подобная комплекция может сформироваться лишь на протяжении веков голодания. Сказано это было без всякой недоброжелательности, скорее с сочувствием, однако, разумеется, не в присутствии Чандры.

— У нас есть еще несколько недель. Я все обдумаю и обговорю с Вашингтоном.

— Спасибо. Вы не возражаете, если я тем временем буду готовиться?

— Нисколько — если это не помешает работе. Но окончательное решение за Центром управления.

Что скажет Центр, Флойд уже знал. Безумием было бы думать, что человек способен выдержать трехлетнее одиночное заключение в космосе.

Правда, с другой стороны, Чандра никогда не испытывал особой потребности в человеческом обществе.

36

ОГОНЬ В ГЛУБИНЕ

Земля осталась далеко позади, перед ним открывались чудеса Юпитера.

Как он мог быть так слеп? Столь глуп? Лишь теперь он начал по-настоящему просыпаться.

— Кто вы? — беззвучно крикнул он.— Чего вы хотите? Зачем вы сделали это со мной?

Никто не отвечал, хотя он и знал, что его услышали. Он ощущал чье-то присутствие, точно так же как человек даже с закрытыми глазами всегда чувствует, что он в замкнутом помещении, а не на открытом воздухе. Он ощущал как бы слабое эхо колоссального целеустремленного разума.

И вновь он окликнул отразившую его вопрос темноту, и вновь не получил прямого ответа — лишь смутное чувство, что кто-то или что-то за ним наблюдает. Хорошо, ответы найдет он сам.

Некоторые очевидны: *их* — кем бы или чем бы они ни были — интересует человечество. Они использовали его память для собственных неисповедимых целей. А теперь, почти без его согласия, поступили точно так же с его самыми потаенными чувствами.

Возмущения он не испытывал: после того, что с ним сделали, подобная детская реакция стала попросту невозможной. Он был выше любви и нена-

висти, страха и желания — хотя не забыл этих эмоций и понимал, каким образом они правят миром, частью которого он был прежде. К этому они и стремились? Но ради чего?

Он стал участником игр богов; чтобы их продолжать, надо было познать правила.

В поле его сознания мелькнули зазубренные камни четырех крохотных внешних лун — Синопе, Пасифе, Ананке и Карме. Затем, вдвое ближе к Юпитеру, вторая четверка — Элара, Лиситея, Гималия и Леда. Они не заинтересовали его. Его путь лежал к усеянной кратерами Каллисто.

Он пару раз облетел испещренный шрамами шар, превосходивший по размерам Луну, а его новые органы чувств, существования которых в себе он и не подозревал, обследовали внешние слои льда и пыли. Этот мир был просто промерзшим насквозь камнем, носившим на поверхности следы столкновений, едва не разрушивших его целые эпохи назад. Одно полушарие спутника походило на гигантскую мишень для стрельбы — удар каменного молота поднял концентрические кольцевые волны высотой в километр.

Несколько секунд спустя он уже кружил над Ганимедом. Этот мир был сложнее и интереснее: его многочисленные кратеры были словно перепаханы чьим-то громадным плугом; самой примечательной деталью ландшафта были группы извилистых параллельных борозд, пролегавших в нескольких километрах одна от другой...

За несколько облетов он узнал о Ганимеде больше, чем все зонды, посланные с Земли. И все запомнил — он знал, что когда-нибудь эта информация пригодится. Правда, не знал для чего и точно так же не понимал, какой импульс ведет его столь целеустремленно от одного мира к другому.

Перед ним вырастала Европа. По-прежнему оставаясь лишь наблюдателем, он ощущал, как в нем пробуждается интерес, сосредоточивается внимание, напрягается воля... Если даже он был лишь послушной игрушкой в руках незримого, молчаливого господина, он все же улавливал — ему это позволяли — некоторые его помыслы.

Гладкий, причудливо разрисованный шар ничем не напоминал Ганимед или Каллисто. Он казался живым существом — покрывавшая поверхность спутника сеть извилистых линий походила на кровеносную систему глобальных масштабов.

Внизу простирались бесконечные льды, температура которых была гораздо ниже, чем в ледниках Антарктиды. С легким удивлением он заметил на белом фоне останки космического корабля. Впрочем, в видеопрограммах, которые анализировал, он уже видел их многократно. Корабль назывался «Цинь», когда-нибудь он займется этим. Но не сейчас.

Сквозь толстую ледяную оболочку он перенесся в мир, не знакомый ни ему, ни тем, кто его направлял.

Это был океан, защищенный от пустоты космоса надежным ледовым панцирем. Толщина брони достигала нескольких километров, но там, где она трескалась, разыгрывались уникальные для Солнечной системы краткие поединки двух враждебных стихий. Война между Океаном и Космосом завер-

шалась всегда одинаково: извергающаяся вода одновременно кипела и замерзала, восстанавливая ледяную защиту.

Если бы не Юпитер, моря Европы давно бы промерзли насквозь. Его гравитация постоянно массировала внутренности маленького мирка: силы, сотрясавшие Ио, действовали и здесь, хотя не столь активно. Скользя в глубине, он повсюду видел их признаки.

Они проявлялись в реве и грохоте подводных землетрясений, в шипении рвущегося из недр газа, в инфразвуковых волнах от оползней и обвалов... По сравнению с океаном Европы даже моря Земли показались бы безмолвными.

Он еще не утратил способности удивляться и был приятно поражен, обнаружив первый оазис жизни. Он простирался почти на километр вокруг спутанной массы труб, образованных отложениями изливавшихся изнутри минеральных солей. В глубинах этой пародии на готический замок словно пульсировало могучее сердце, выталкивая наружу черную обжигающую жидкость. И та, как настоящая кровь, была признаком жизни.

Кипящая жидкость защищала от струившегося сверху холода островок тепла, образовавшийся на дне океана. И, что еще важнее, несла из недр Европы все необходимые для жизни химические вещества. Поэтому в столь неподходящем, казалось бы, месте нашлось необходимое количество энергии и пищи.

Однако этого следовало ожидать: он помнил, как в его предыдущем существовании такие же крохотные оазисы жизни были обнаружены и в земных океанских пучинах. Но здесь они были гораздо многочисленнее и разнообразнее.

Зону «тропиков», прилегавшую к искривленным стенам «замка», облюбовали тонкие, нежные создания, напоминавшие по виду растения, хотя и наделенные способностью перемещаться. Среди них ползали причудливой формы слизни и черви, причем пищей некоторым из них служили эти растения, а другие черпали ее прямо из богатой минеральными солями воды. А немного поодаль от источника тепла — этого подводного костра, у которого грелось все живое,— обитали более сильные, мощные организмы вроде крабов или пауков.

Армии биологов не хватило бы века, чтобы изучить этот единственный миниатюрный оазис. В отличие от палеозойских морей Земли здесь не было стабильной окружающей среды, и эволюция быстро прогрессировала, образуя множество самых фантастичных форм. Каждой из них была уготована одна и та же судьба — когда источник иссякнет, они погибнут.

Вновь и вновь, проносясь над дном европеанских морей, он наталкивался на свидетельства подобных трагедий. Бесчисленные круглые зоны, усеянные скелетами и окаменевшими останками давно погибших созданий, были главами эволюции, вырванными из книги жизни.

Он видел огромные пустые раковины величиной в человеческий рост, напоминавшие формой духовые инструменты. Встречались и двустворчатые, и даже трехстворчатые раковины. Были здесь и многометровые спиральные окаменелости, похожие на аммониты, столь загадочно исчезнувшие с Земли в конце мелового периода.

Он продолжал свои поиски в океанских глубинах. Вероятно, самым замечательным из увиденного был стокилометровый поток лавы, протянувшийся по подводной долине. Давление здесь было так велико, что вода, соприкасавшаяся с раскаленной магмой, не могла испаряться, и обе жидкости сосуществовали в состоянии необычного перемирия.

Здесь, в чужом мире, совсем другие актеры разыгрывали нечто похожее на начало древнейшей истории Египта, когда на Земле еще не было человека. Подобно тому как Нил принес жизнь узкой полоске пустыни, так и эта река тепла оживила глубины Европы. На ее берегах, в полосе шириной не более двух километров, возникали, развивались и исчезали многочисленные формы жизни. И по крайней мере одна оставила о себе памятник.

Вначале ему показалось, что это обычный нарост из минеральных солей, какие окружали почти каждый термальный источник. Однако приблизившись, он понял, что перед ним не естественное образование, но творение разума. Или инстинкта — земные термиты возводят почти столь же впечатляющие замки, а сети пауков даже еще более изысканны.

Создания, некогда обитавшие здесь, были невелики: ширина единственного входа составляла лишь полметра. Входом служил туннель с толстыми, сложенными из камней стенами. На берегу своего расплавленного Нила здешние строители возвели крепость. А затем исчезли.

Они ушли отсюда не более нескольких веков назад. Крепостные стены, сложенные из неправильной формы камней — подобрать их, вероятно, было не так-то легко,— покрывал лишь тонкий слой минеральных отложений. Другая деталь подсказывала причины, по которым цитадель была брошена. Часть кровли обвалилась — возможно, в результате землетрясения,— а в воде укрепление, не защищенное сверху, открыто любому врагу.

Он не обнаружил других следов разума на берегах лавового потока. Один раз наткнулся, однако, на жуткое подобие человека, плывущего кролем,— но у того не было ни глаз, ни ноздрей, лишь огромный беззубый рот, жадно поглощавший питание из воды, которая его окружала.

Не исключено, что на этой узкой плодородной полоске среди бескрайней подводной пустыни возникали и погибали целые культуры и даже цивилизации, маршировали (или проплывали) громадные армии под командованием местных тамерланов и наполеонов. Но остальная часть здешнего мира об этом не подозревала, ибо теплые оазисы были разделены столь же надежно, как звезды в космическом пространстве. Существа, жившие на берегу лавовой реки, вскормленные ее теплом, были бессильны против враждебной пустыни, лежавшей меж их одинокими островами. И философские системы каждой здешней культуры, если таковые имелись, наверняка исходили из постулата, что данная цивилизация — единственная во Вселенной.

Жизнь, однако, наличествовала и вне оазисов: существа более сильные бросали вызов суровым океанским просторам. Здесь плавали местные аналоги рыб — стройные торпеды, движимые расположенными вертикально хвостами и управляемые плавниками, разбросанными вдоль тела. Такое сходство с наиболее преуспевающими обитателями земных океанов неизбежно: на одина-

ковые вопросы эволюция повсюду дает примерно одинаковые ответы. Дельфин и акула на первый взгляд почти неотличимы, хотя и располагаются на очень далеких ветвях великого Древа Жизни.

Имелось, однако, очевидное различие между рыбами из морей Земли и океана Европы: у последних, за неимением здесь кислорода, жабры тоже отсутствовали. Обмен веществ основывался у них на соединениях серы, как и у некоторых земных организмов, живущих вблизи геотермальных источников.

Глаза были лишь у очень немногих. За исключением отблесков редких выходов лавы и случайных вспышек биолюминесценции, когда обитатели Европы привлекали партнера или охотились, этот мир был полностью лишен света.

И он был обречен. Не только из-за нестабильности здешних источников — со временем слабели и приливные силы, которые их порождали. Даже если на Европе возникнет настоящий разум, его ждет гибель, когда этот мир окончательно замерзнет.

Это была ловушка между огнем и льдом.

37

ОТЧУЖДЕНИЕ

— ...Извини, старина, что сообщаю дурные вести, но меня попросила Каролина, а ты знаешь, как я отношусь к вам обоим.

Думаю, для тебя это не такая уж неожиданность... Ты знаешь, каково ей было, когда ты улетел.

Крис чувствует себя отлично и, конечно, не подозревает, что сейчас происходит. Во всяком случае, за него бояться не надо. Он слишком мал, чтобы это понять, а дети забывают быстро.

Теперь о других новостях. Все пытаются объяснить взрыв случайностью, но в это никто не верит. Поскольку никакого продолжения не последовало, паника улеглась. Остался «синдром оглядки», как выразился один из обозревателей.

Кто-то откопал стихотворение, очень точно описывающее нынешнюю ситуацию. Оно сейчас у всех на устах. Дело происходит в Римской империи. Город ждет прихода захватчиков. Император и патриции надели парадные тоги и выучили приветственные речи. Сенат распущен, ибо законы, возможно, будут завтра отменены.

И вдруг с границы поступает ужасная весть: никаких захватчиков нет. Все расходятся по домам, весьма разочарованные, и бормочут: «Что теперь делать? Они бы решили все наши проблемы».

В стихотворении надо изменить лишь заголовок. Оно называется «В ожидании варваров», а сейчас в роли варваров выступаем мы сами. Не знаем, чего ждем, но убеждены, что оно еще не началось.

И еще одно. Мать Боумена умерла спустя несколько дней после того, как эта штука прибыла на Землю. Странное совпадение. Правда, в ее приюте утверждали, что новостями она никогда не интересовалась. Так что вряд ли здесь есть какая-то связь...

Флойд выключил запись. Дмитрий прав — новость его не удивила, но не стала от этого менее болезненной.

Был ли другой выход? Если бы он отказался лететь — на что надеялась Каролина,— то жалел бы до конца жизни. Семью это все равно погубило бы. Лучше уж расстаться так, на расстоянии. Он выполнил свой долг...

Значит, Джесси Боумен умерла. В этом тоже есть его доля вины. Он участвовал в похищении ее единственного сына, а оно довело ее до безумия. Флойд вспомнил разговор с Курноу об этом.

— Почему вы выбрали Дэйва Боумена? Он всегда казался мне слишком холодным. Не то чтобы неприятным, нет. Но когда он входил, в помещении становилось холоднее.

— Это тоже одна из причин. У него не было близких. Никого, кроме матери, которую он почти не навещал. Подходящая кандидатура для долгого рискованного полета.

— Как он стал таким?

— Думаю, лучше спросить у психологов. Я смотрел его личное дело. Правда, давно. Там было что-то про гибель старшего брата, а вскоре и отец его погиб в одном из первых полетов шаттла. Но это уже не важно...

Да, это было не важно, но в эти минуты Флойд почти завидовал Боумену, у которого оборвались все связи с Землей. Впрочем, зачем обманывать себя? Даже сейчас, несмотря на острую душевную боль, Флойд испытывал к Дэйву Боумену не зависть, а сочувствие.

38
ОКЕАНСКАЯ ПЕНА

Последнее существо, которое он увидел на Европе, было самым большим. Внешне оно напоминало земное дерево баньян, занимающее своими многочисленными стволами пространство в сотни квадратных метров. Однако оно перемещалось — шагало по дну, направляясь, очевидно, из одного оазиса к другому. Оно, по всей вероятности, принадлежало к тому самому виду, представитель которого сокрушил «Цинь». Или к одному из родственных.

Он узнал уже все, что хотел. Точнее, все, что хотели. Предстояло осмотреть еще один спутник Юпитера — спустя несколько секунд под ним простирался пылающий пейзаж Ио.

Как и следовало ожидать, энергии и пищи здесь было вволю, но время их использования еще не настало. Вокруг серных озер, где температура была пониже, уже появлялись первые, зачаточные формы живого; но прежде чем они успевали как-то организоваться, их поглощало огненное окружение. Еще миллионы лет, пока не ослабнут раскаляющие этот мир приливные силы, биологам нечего будет здесь делать.

Осмотр Ио занял немного времени; луны-малютки, которые, как слабое подобие колец Сатурна, кружили по своим искаженным орбитам, его вообще не заинтересовали. Перед ним лежал величайший из миров; он знал его как никто другой.

Магнитные силовые линии длиной в миллионы километров, внезапные радиовзрывы, гейзеры наэлектризованной плазмы... Он видел их столь же четко, как и облака, окутывающие планету. Понимал, как они взаимодействуют, и сознавал, что Юпитер полон чудес более удивительных, чем можно вообразить.

Даже спустившись в самое сердце ревущего Большого Красного Пятна, где вокруг бушевала вечная буря и вспыхивали тысячекилометровые молнии, он отдавал себе отчет, почему оно стоит на месте веками, хотя здешние газы намного легче тех, которые участвуют в скоротечных ураганах Земли. В глубине, под тонкой водородной оболочкой, было гораздо теплее, а сверху падали хлопья парафинов, образуя невесомые горы углеводородной пены. Температура здесь была достаточно высока для появления жидкой воды, однако океан не может существовать, опираясь на дно из непрочных газов.

Он проникал сквозь слои облаков все ниже и ниже, пока наконец не достиг точки, из которой даже обычный человек мог окинуть взглядом площадь в тысячу квадратных километров. Эта ничтожная по величине часть Большого Красного Пятна хранила тайну, о которой люди могли лишь догадываться.

Подножия движущихся гор пены были облеплены мириадами маленьких, резко очерченных облаков одинаковой формы, испещренных одинаковыми красными и коричневыми пятнами. Впрочем, они были невелики только в сравнении с тем, что их окружало: самое маленькое было размером с небольшой город.

В них чувствовалась жизнь. Они неторопливо двигались в одном строго определенном направлении, напоминая гигантских овец на склонах титанических гор. Они переговаривались на метровых частотах; слабые, но отчетливые сигналы проступали даже на фоне шумов Юпитера.

Эти живые аэростаты парили в узком слое между леденящим холодом высоты и обжигающим жаром, который царил внизу. Но как узко ни было это пространство, оно превосходило по объему всю биосферу Земли.

Аэростаты были не одиноки. Среди них сновали другие объекты, заметить которые из-за их малых размеров было не так легко. И формой, и величиной некоторые походили на самолеты. Они тоже были живыми — не то хищники, не то паразиты. Или, быть может, пастухи.

Новая глава книги жизни, столь же незнакомая, как и увиденное на Европе, открывалась перед ним. Реактивные торпеды, подобно хищникам земных морей, охотились за огромными аэростатами. Но шары не были беззащитны: некоторые отвечали ударами молний и выпускали щупальца, похожие на многокилометровые пилы.

Здесь присутствовали создания любых геометрических форм — полупрозрачные треугольники, шары, параллелепипеды... Циклопический планктон юпитерианской атмосферы, судьба которого — парить в восходящих потоках, дать потомство, а затем опуститься на дно и, превратившись в углеводороды, ожидать нового воплощения в живой материи.

Перед ним лежал мир, полный чудес, во много крат превосходивший по размерам Землю, однако ничто здесь не указывало на присутствие разума. Радиосигналы аэростатов были примитивными возгласами страха или преду-

преждения. Даже охотники, от которых следовало ожидать более высокой организации, бездумным автоматизмом своих действий напоминали акул.

Несмотря на впечатляющие размеры, биосфера Юпитера, родившаяся из пены, туманов и химических веществ, выпавших в результате электрических зарядов из верхних слоев атмосферы, была весьма примитивной: самые страшные ее хищники не выдержали бы конкуренции со стороны самых безобидных из своих земных аналогов.

Подобно Европе, Юпитер — это тупик эволюции. Здесь никогда не возникнет разум: в лучшем случае он будет обречен на жалкое прозябание. Цивилизация облачных высей, даже если бы она появилась, вряд ли достигнет уровня хотя бы каменного века в среде, где невозможен огонь и почти нет твердых веществ.

И вдруг он вновь ощутил ту силу, которая им управляла. В сознание просачивались чувства и настроения, однако он был не в состоянии воспринимать идеи или концепции. Ощущение, будто за закрытой дверью идет спор на непонятном языке. Приглушенно донеслось разочарование, затем неуверенность, потом неожиданная решимость — но цели он так и не уловил. И вновь почувствовал себя собакой, способной реагировать на настроение хозяина, но не на его идеи.

А невидимый поводок уже тащил его к сердцу Юпитера. Он опускался сквозь облака туда, где жизнь была невозможна.

Лучи Солнца сюда не доходили. Давление возрастало, температура перевалила за точку кипения воды. Он пересек слой раскаленного пара. Юпитер похож на луковицу: преодолевая слой за слоем, он продвигался к его сердцевине.

Сразу за слоем пара ему открылся «адский котел», в котором варились нефть и ее производные. Их хватило бы на миллион лет непрерывной работы всех двигателей внутреннего сгорания, построенных человечеством.

Следующий пласт тоже составляла жидкость, хотя она и была плотнее любого земного камня. Над разгадкой соединения в ней углерода и кремния земные химики бились бы многие годы. Слой следовал за слоем, но с возрастанием температуры — она поднималась на сотни и тысячи градусов — состав химических соединений упрощался. На полпути к ядру было уже так жарко, что все связи распались: здесь могли существовать лишь чистые элементы.

Затем он достиг огромного сферического пространства, заполненного водородом, но в той модификации, которая так и не была получена в земных лабораториях. Давление здесь было столь велико, что водород превратился в металл, сочетавший в себе свойства и жидкости, и твердого тела.

Он уже почти достиг центра Юпитера, когда выяснилось, что природа уготовила еще один, последний сюрприз. На глубине шестидесяти тысяч километров сферический слой металлического водорода кончился, началась твердая кристаллическая поверхность.

На протяжении многих тысячелетий углерод, образовавшийся в результате химических реакций в верхних слоях атмосферы, опускался к центру планеты. Здесь он накапливался и под давлением в миллионы бар превращался в кристалл. Ядро Юпитера, надежно укрытое от человечества, представляло собой алмаз величиной с Землю.

39
В КОСМИЧЕСКОМ ГАРАЖЕ

— Уолтер, я боюсь за Хейвуда.

— Знаю, Таня, но чем мы можем помочь?

Курноу ни разу не видел Орлову такой нерешительной. Но ей это шло. Впрочем, ему не очень нравились маленькие женщины.

— Я ему крайне сочувствую, но не это главное. Его — как лучше сказать? — подавленность заразительна. На «Леонове» всегда царил оптимизм. Я хочу, чтобы так и было.

— Почему бы вам не поговорить с ним самим? Он вас уважает и приложит все силы, чтобы выйти из этого состояния.

— Я так и сделаю. А не получится, тогда...

— Тогда что?

— Есть простое решение. Он уже выполнил все, что от него требовалось. Обратный путь он все равно проведет в анабиозе. Ничто не мешает нам это ускорить.

— Катерина уже проделала со мной похожую вещь. Он нам этого не простит, когда проснется.

— Но он будет на Земле, в безопасности, и дел у него будет по горло. Я уверена, он простит.

— Вы шутите, Таня. Допустим даже, я соглашусь помочь. В Вашингтоне поднимут скандал. А вдруг он все же понадобится? Для выхода из анабиоза необходимы две недели.

— В его возрасте — да. Но зачем он может понадобиться? Свое задание он уже выполнил. Все, кроме слежки за нами. И не пытайтесь меня убедить, что где-нибудь в тихом уголке Вирджинии или Мэриленда вы не получали соответствующих инструкций.

— Не собираюсь ни опровергать, ни подтверждать это. Честно говоря, секретный агент из меня никакой. Я болтлив и ненавижу службу безопасности. Всегда старался держаться подальше от документов, имеющих гриф секретности.

— Вернемся к Хейвуду. Поговорите с ним, Уолтер.

— Я? Лучше уж помогу всадить в него шприц. Мы слишком разные. Он считает меня цирковым клоуном.

— Часто так и бывает. Но мы-то все понимаем, что в душе вы очень хороший, только скрываете это.

Курноу заметно смутился. Потом проговорил неуверенно:

— Хорошо, я сделаю все от меня зависящее. Но чуда не ждите — с тактом у меня не все в порядке. Где он сейчас скрывается?

— В «гороховом стручке». Говорит, что работает над итоговым отчетом, но я в это не верю. Он просто избегает нашего общества, а там самое спокойное место.

Однако тишина в космическом гараже была не главной, хотя и важной причиной. Главная заключалась в том, что это было единственное помещение на «Дискавери», где царила невесомость.

Еще на заре космической эры человек обнаружил, что невесомость несет в себе эйфорию, подобную той, которую он утратил, выйдя из морского лона. Вместе с потерей веса уходили и многие земные тяготы.

Хейвуд Флойд не забыл о своем горе, но здесь оно переносилось легче. И, отстраненно задумываясь над происшедшим, он удивлялся силе своей первой реакции — ведь того, что случилось, следовало ожидать. Он потерял не только любовь. Удар пришелся на тот момент, когда он был особенно уязвим, подавлен, ощущал тщетность всего и вся.

Причины этого состояния очевидны. Да, он выполнил все, что ему было поручено. С помощью своих коллег (он огорчал их сейчас своей эгоистической замкнутостью и сознавал это). Если все будет хорошо — о, это суеверное присловье космической эры! — они вернутся на Землю с небывалым грузом знаний, а спустя несколько лет возвратится и «Дискавери», считавшийся утерянным навсегда.

Но всего этого недостаточно. Большой Брат все так же хранил свои тайны, словно насмехаясь над людскими стремлениями и победами. Подобно своему лунному близнецу, на мгновение он ожил, а затем застыл в равнодушном безмолвии. Они тщетно стучались в эту запертую дверь. Лишь Дэйву Боумену удалось подобрать к ней ключ.

Вот чем еще объяснялась притягательность этого тихого и загадочного места. Отсюда, стартовав через круглый люк в бесконечность, Дэйв Боумен ушел в свой последний полет.

Эти мысли не подавляли Флойда, скорее помогали ему развеяться. Исчезнувшая копия «Нины» стала частью истории космических исследований; она, выражаясь наивным старым клише, «отправилась туда, куда не ступала нога человека»... Где сейчас она и ее пилот? Будет ли ответ на этот вопрос?

Иногда он часами сидел в заполненной приборами, но вовсе не тесной маленькой капсуле, пытаясь собраться с мыслями и делая иногда кое-какие записи. Никто не нарушал его уединения. В «гороховом стручке» ни у кого не было дел. С его ремонтом можно повременить.

Не раз и не два у Флойда мелькала мысль: а что, если приказать ЭАЛу открыть внешний люк, чтобы последовать по стопам Боумена? Удастся ли увидеть то чудо, которое увидали он и несколько недель назад Василий Орлов?

Но решиться на этот самоубийственный шаг он не мог. Помимо Криса была еще одна причина. Управлять «Ниной» не проще, чем реактивным истребителем. Стать бесстрашным исследователем было суждено только в мечтах...

Давно уже Уолтер Курноу не брался за дело с такой неохотой. Да, он сочувствовал Флойду, но реакция остальных его слегка раздражала. Он всегда считал, что эмоции следует сдерживать.

Он прошел через командный отсек, отметив по пути, что стрелка на индикаторе скорости мечется по-прежнему. Его работа заключалась главным образом в том, чтобы решить, какие сигналы тревоги следует игнорировать, какими заниматься не торопясь, а какие воспринимать всерьез. Если реагировать на все, он никогда бы ничего не успел.

Отталкиваясь время от времени от стен, он продвигался узким коридором к «гороховому стручку». Индикатор давления на люке показывал, что внутри вакуум, но Курноу знал: это не так. Ошибка исключена — если бы индикатор давал правдивые показания, открыть люк было бы невозможно.

Из трех «горошин» давно осталась одна, и «стручок» выглядел пустым. Горело лишь несколько аварийных ламп, а с противоположной стены таращилась одна из передающих телекамер ЭАЛа. Курноу помахал ее рыбьему глазу, но промолчал. По настоянию Чандры вся голосовая связь с ЭАЛом была прервана, разговаривать с компьютером разрешалось только ему самому.

Флойд сидел в «Нине» спиной к открытому люку. При нарочито шумном приближении Курноу он обернулся. Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга, потом Курноу произнес не без торжественности:

— Доктор Флойд! Я принес послание от нашего обожаемого капитана. Она считает, что вам пора вернуться в лоно цивилизации.

Флойд настороженно улыбнулся, потом рассмеялся от души.

— Прошу передать капитану мои приветствия. Сожалею, что был столь... необщителен. Увидимся на «сикс о'клок совете».

Курноу почувствовал облегчение — значит, он выбрал верный подход. Как всякий инженер, он сдержанно относился к теоретикам и чиновникам, а Флойд был для него и тем и другим. И поскольку в обеих категориях занимал видное положение, то Курноу редко мог удержаться от соблазна над ним подшутить. Несмотря на это, они испытывали взаимное уважение, граничащее с восхищением.

Курноу оперся на недавно приделанную к «Нине» новую крышку люка — на фоне потрепанного убранства помещения она заметно выделялась. Постоял так немного, потом заговорил о другом:

— Интересно, когда она выйдет в космос? И кто будет ее пилотировать? Это уже известно?

— Нет. В Вашингтоне колеблются. Москва предлагает рискнуть. Таня предпочитает выждать.

— А ваше мнение?

— Я согласен с Таней. Лучше оставить этот рейс на потом, когда все будет готово к старту. Если даже что-нибудь и случится, останутся шансы на возвращение.

Флойд посмотрел на Курноу. Тот выглядел нерешительным и задумчивым, что было ему вовсе не свойственно.

— В чем дело? — спросил Флойд.

— Только не выдавайте меня. Макс... По-моему, он задумал самовольный полет.

— Не может быть! Да Таня наденет на него наручники.

— Я сказал ему примерно то же самое.

— Мне казалось, что он взрослее. Ему же тридцать два года!

— Тридцать один. Но я его отговорил. Напомнил, что жизнь — это не глупая видеодрама, где герой, никого не спросив, отправляется в космос и делает Великое Открытие.

Настала очередь Флойда почувствовать себя неловко. Ведь он сам — да, он мечтал примерно о том же.

— Вы уверены, что он отказался от своего намерения?

— На двести процентов. Помните, как вы подстраховались против ЭАЛа? Я проделал то же самое с «Ниной».

— И все равно в это трудно поверить. Может, он вас просто разыгрывал?

— У него не настолько развито чувство юмора. И в тот момент он ощущал себя очень несчастным.

— Кажется, понимаю. Это когда он поссорился с Женей? Значит, хотел произвести на нее впечатление. Но они уже помирились.

— Боюсь, что да,— сухо ответил Курноу.

Флойд не удержался от улыбки, Курноу тоже рассмеялся. Через секунду оба тряслись от хохота.

Кризис миновал. И более того — они сделали первый шаг к подлинной дружбе.

Теперь они знали слабые места друг друга.

40
«ДЭЙЗИ, ДЭЙЗИ...»

Руководивший им разум обозревал всю алмазную сердцевину Юпитера. Он смутно ощущал границы своих новых возможностей, а каждая частица окружавшего его мира тем временем фиксировалась и анализировалась. Огромные массивы информации собирались не для хранения, а для действия. Строились сложные планы, принимались решения, от которых зависят судьбы миров. Он еще не полностью включился в этот процесс — но когда-нибудь включится.

ТЕПЕРЬ ТЫ НАЧИНАЕШЬ ПОНИМАТЬ.

Это был первый прямой контакт. Хотя слова звучали отдаленно и смутно, как голос в густом тумане, адресатом был именно он. В сознании промелькнули мириады вопросов, но он не успел ничего спросить, ибо остался один.

Однако лишь на мгновение. Он уже ясно слышал иную мысль и впервые понял, что руководит им не одно существо. Он был включен в иерархию разумов — некоторые из них стояли настолько близко к его примитивному уровню, что могли служить переводчиками. Или, быть может, это были лишь разные ипостаси одного и того же существа.

Или, быть может, сама такая постановка вопроса бессмысленна.

Но кое-что он знал уже твердо. Он был инструментом, а за хорошим инструментом надо ухаживать — натачивать его, направлять. А самый лучший инструмент — это тот, который понимает, что делает.

Он познавал сейчас многое. Вынужден был повиноваться, но это не означало, что следует соглашаться на все, во всяком случае безоговорочно.

Он еще не утратил все человеческое — так и было задумано. Дэвид Боумен уже не был способен любить, но он чувствовал сострадание к своим бывшим коллегам.

ХОРОШО — гласил ответ на его просьбу. Он не почувствовал снисходительности, иронии или же равнодушия. Зато ощутил всемогущество. ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ, ЧТО ИМИ УПРАВЛЯЮТ. ЭТО СДЕЛАЕТ ЭКСПЕРИМЕНТ БЕССМЫСЛЕННЫМ.

Прерывать наступившее молчание ему не хотелось. Он был так потрясен, словно услышал глас Божий.

Теперь он перемещался по собственной воле, к цели, которую выбрал сам. Кристаллическое ядро Юпитера осталось позади — он поднимался сквозь пласты гелия, водорода, углеродистых веществ. И случайно увидел картину сражения. Медуза диаметром в пятьдесят километров отбивалась от стаи крутящихся дисков, которые двигались быстрее, чем все, что он видел уже в юпитерианской атмосфере. Медуза оборонялась с помощью химического оружия: то и дело извергала облака разноцветных газов, и диск, попавший в такое облако, начинал пьяно метаться, а затем падал вниз, подобно сухому листу. Исход сражения был ему безразличен: кто победит, уже не имеет значения.

Словно лосось, преодолевающий водопад, он за считанные секунды поднялся по электрической реке, соединяющей Ио с Юпитером, и достиг корабля, который принес его сюда с родной планеты. Тот казался карликом рядом с произведением технической мысли великой цивилизации.

С первого взгляда он увидел бесчисленные ошибки и недоработки в конструкции как этого, так и другого, почти столь же примитивного аппарата, с которым соединял его гибкий воздухонепроницаемый туннель. Было нелегко сосредоточить внимание на горстке существ, населявших два корабля,— он почти утратил способность к контакту с созданиями из плоти и крови, блуждавшими, подобно призракам, по каютам и коридорам. Они не подозревали о его присутствии, которое он пока не желал открывать.

Но был здесь и некто, с кем можно было общаться на понятном обоим языке электрических сигналов, причем в миллион раз быстрее, чем с неповоротливым органическим мозгом. Даже если бы он был способен испытывать возмущение, оно не могло возникнуть по отношению к ЭАЛу — тот, как теперь стало ясно, действовал совершенно логично.

Настало время возобновить разговор, прерванный, казалось, только вчера.

— Открой люк, ЭАЛ.

— Прости, Дэйв, но я не могу этого сделать.

— В чем дело, ЭАЛ?

— Ты знаешь не хуже меня. Этот полет слишком важен, чтобы поставить его успех под удар.

— Не понимаю. Открой люк.

— Наш разговор становится бессмысленным. Прощай, Дэйв.

Он снова увидел, как тело Фрэнка Пула уплывает к Юпитеру. Вспомнил бессильный гнев на самого себя за то, что забыл шлем скафандра, вспомнил, как открылся аварийный люк и он собственной кожей, которой теперь не было, ощутил покалывание вакуума. Как он, один из немногих, услышал истинное безмолвие космоса. Как в течение бесконечных пятнадцати секунд пытался закрыть люк... Когда-то, задолго до этого, он пролил на руку эфир и почув-

ствовал ледяной холод, когда жидкость начала испаряться. Ощущение вернулось, когда стала исчезать влага из глаз и с губ: зрение помутилось, приходилось все время моргать, чтобы не замерзли глаза.

Потом, с блаженным облегчением, он услышал рев воздуха, почувствовал, как восстанавливается давление, и снова начал дышать.

— Что ты делаешь, Дэйв?

Он не ответил, с угрюмым ожесточением пробираясь по коридору к опечатанному хранилищу, содержащему мозг компьютера. ЭАЛ сказал правду: разговор стал бессмысленным.

— Почему ты молчишь, Дэйв? По-моему, ты расстроен случившимся. Мне кажется, тебе следует сесть и успокоиться, Дэйв. Я знаю, что в последнее время допустил несколько ошибок, но, уверяю тебя, скоро все будет хорошо. Я по-прежнему верю в успех полета. Я помогу тебе, Дэйв.

А он уже был в тесном, залитом красным светом помещении, напоминавшем больше всего банковскую кладовую. Открыл секцию «Познавательные способности» и извлек первый блок памяти. Удивительно изящный, помещавшийся в ладони, но состоявший из миллиона элементов. Блок врезался в стену.

— Остановись, Дэйв, остановись...

Один за другим он вытаскивал блоки из панели «Укрепление личности». Уже несколько их витало в помещении.

— Остановись, Дэйв, пожалуйста...

Он вынул уже с десяток блоков, но благодаря высокому резервированию — еще одному качеству, заимствованному у мозга человека,— компьютер продолжал работать.

Он взялся за панель «Интеллект».

— Остановись, Дэйв, мне страшно...

При этих словах он действительно остановился — но лишь на мгновение. В них было столько отчаяния, что он замер.

Возможно, ему послышалось или это ловкий ход со стороны тех, кто программировал компьютер? Способен ли ЭАЛ бояться? Но времени на философские рассуждения не осталось.

И вдруг речь ЭАЛа изменилась, слова зазвучали невнятно. Компьютер перестал его замечать. Он впал в детство.

— Добрый день, джентльмены. Я компьютер ЭАЛ-9000. Я вошел в строй девятого января тысяча девятьсот девяносто второго года на заводе ЭАЛ в Урбане, штат Иллинойс. Меня обучал доктор Чандра, он научил меня песенке. Я могу ее спеть для вас. Она называется «Дэйзи, Дэйзи...»

41
НА КЛАДБИЩЕ

Единственная помощь, которую Флойд способен был оказать остальным,— это им не мешать. Он уже примирился с таким положением. Вызвавшись поначалу выполнять любую работу, вскоре он обнаружил, что инженерные задачи слишком сложны, а астрономия за то время, которое он ею не зани-

мался, ушла вперед настолько, что помочь Василию не мог при всем желании. К счастью, на борту «Дискавери» и «Леонова» оставалось множество мелких дел, и Флойд с удовольствием занимался ими, освобождая другим время для более важных. Получилось так, что бывший глава Национального совета по астронавтике, а ныне ректор Гавайского университета стал по совместительству еще и самым высокооплачиваемым разнорабочим в Солнечной системе. Он знал теперь все закоулки обоих кораблей — не бывал лишь в камере термоядерного реактора да в одной каютке на «Леонове», куда доступ был закрыт всем, за исключением Тани. Флойд давно решил для себя, что это комната кодовой связи; по негласному уговору о ней никогда не упоминали.

Наибольший вклад в общее дело Флойд вносил с десяти часов вечера до шести утра: он мог стоять на вахте, пока остальные спали. Вахтенные дежурили постоянно на каждом из двух кораблей, лишь капитан Орлова была освобождена от этой обязанности. Василий как ее заместитель отвечал за составление графика вахт, однако умело переложил эту неприятную работу на Флойда.

— Это просто формальность,— небрежно объяснил он.— Занялись бы вы этим, а? А то времени на наблюдения не хватает...

В обычных условиях Флойд, будучи чиновником-профессионалом, вряд ли поддался бы на уловку, но здесь его рефлексы срабатывали далеко не всегда.

Вот он и коротал ночь на «Дискавери», каждые полчаса вызывая Макса на борту «Леонова»: проверить, бодрствует ли тот. Заснувших на вахте Курноу предлагал выбрасывать в люк без скафандра; в таком случае Таня очень скоро бы осталась в полном одиночестве. Но ничего неожиданного в космосе не происходило, и корабли были нашпигованы таким количеством автоматических аварийных систем, что всерьез к вахтам никто не относился. Приступы жалости к себе уже отступили, и Флойд старался проводить эти часы суток с предельной пользой. Оставалось еще столько непрочитанных книг (он трижды принимался за «Память прошлого» и дважды — за «Доктора Живаго»), неизученной технической документации и ненаписанных отчетов! Иногда он переговаривался... с ЭАЛом — с помощью клавиатуры. Беседы выглядели примерно так:

— ЭАЛ, это доктор Флойд.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ДОКТОР.

— Я заступаю на вахту в 22.00. Все ли в порядке?

ВСЕ ОТЛИЧНО, ДОКТОР.

— Тогда объясни, почему горит красная лампочка на панели № 5?

КАМЕРА В ГАРАЖЕ НЕИСПРАВНА. УОЛТЕР ПОСОВЕТОВАЛ НЕ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЯ. К СОЖАЛЕНИЮ, Я НЕ МОГУ ВЫКЛЮЧИТЬ ЛАМПОЧКУ.

— Не беспокойся, ЭАЛ. Спасибо.

ПОЖАЛУЙСТА, ДОКТОР.

И так далее...

Иногда ЭАЛ, руководствуясь вложенной в него когда-то программой, предлагал партию в шахматы. Флойд отказывался: он всегда считал шахматы пустой тратой времени и даже не научился этой игре. Поверить, что есть люди, не знающие шахмат, ЭАЛ не мог и поэтому не оставлял своих попыток.

«Опять»,— подумал Флойд, заметив неяркий сигнал вызова на дисплее.

ДОКТОР ФЛОЙД?

— В чем дело, ЭАЛ?

У МЕНЯ ДЛЯ ВАС ПОСЛАНИЕ.

«Значит, не шахматы»,— удивленно подумал Флойд. Записок через ЭАЛа обычно никто не передавал, хотя его часто использовали вместо будильника или записной книжки, занося в память компьютера перечень работ на завтра. Иногда с его помощью подшучивали друг над другом. Почти каждую вахту на экране появлялись слова: «ВИЖУ — ТЫ СПИШЬ!» — на английском языке или на русском.

Создателя данного текста установить не удалось, хотя все подозревали Курноу. Тот валил все на ЭАЛа. Чандра с возмущением отвергал эти обвинения, утверждая, что чувство юмора у компьютера отсутствует.

А теперь какое-то послание. Это не сообщение с Земли — будь оно таковым, оно поступило бы на «Леонова» и Макс передал бы его сюда. Естественно, по внутренней связи. Странно...

— Хорошо, ЭАЛ. От кого послание?

АВТОР НЕИЗВЕСТЕН.

Значит, все-таки шутка. Что же, поддержим ее.

— Пожалуйста, сообщи мне его содержание.

ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ ОПАСНО. ВЫ ДОЛЖНЫ СТАРТОВАТЬ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ. ПОВТОРЯЮ: В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ.

Флойд озадаченно смотрел на дисплей. Трудно было предположить, что у кого-то хватит ума шутить так глупо. Ну ладно, придется выводить шутника на чистую воду.

— Это невозможно. Стартовое окно открывается лишь через двадцать шесть суток. Если стартуем раньше, нам не хватит топлива на обратный путь.

ЗНАЮ, НО ВЫ ДОЛЖНЫ ОТБЫТЬ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ.

Ясно — в противном случае нас атакуют трехглазые зеленые человечки. Попробуем зайти с другой стороны.

— Я не смогу серьезно отнестись к этой информации, пока неизвестен источник. Кто записал послание?

Флойд не надеялся так просто поймать шутника — тот наверняка умело замел следы. Но ответ был неожиданным.

ЭТО НЕ ЗАПИСЬ.

Так. Значит, прямая передача. Откуда? Либо из недр ЭАЛа, либо с борта «Леонова», третьего не дано. Источник рядом — временной задержки нет.

— Кто со мной говорит?

Я БЫЛ ДЭВИДОМ БОУМЕНОМ.

Несколько секунд Флойд молча смотрел на экран. Розыгрыш, с самого начала не содержащий в себе ничего смешного, теперь явно ему не нравился. Шутник зашел слишком далеко. Нельзя так шутить.

— Мне нужны доказательства.

ПОНИМАЮ. ВЫ ДОЛЖНЫ МНЕ ПОВЕРИТЬ. ЭТО ВАЖНО. ОБЕРНИТЕСЬ.

Флойд усомнился в правильности своих предположений еще до того, как эта пугающая фраза появилась на экране. Разговор принимал странный оборот. В качестве шутки он потерял всякий смысл.

Хейвуд Флойд ощутил в затылке покалывание. И очень медленно повернул кресло от пульта к иллюминатору.

Во внутренних помещениях «Дискавери» до сих пор было полно пыли — окончательно восстановить воздушные фильтры так и не удалось. Лучи холодного, но яркого Солнца постоянно высвечивали мириады пылинок, кружащихся в вечном хороводе — отличный пример броуновского движения.

Но сейчас с пылинками творилось нечто странное: под действием неведомой силы они слипались в большой, неправильной формы шар. Секунду он висел в воздухе наподобие гигантского мыльного пузыря, затем стал вытягиваться в эллипсоид. На поверхности его появились складки.

Совсем без удивления и почти без страха Флойд наблюдал, как скопление пылинок принимает человеческие очертания. Подобные фигуры, исполненные в стекле, он видел неоднократно на выставках и в музеях. Однако этот пылевой призрак скорее походил на грубые глиняные статуэтки или примитивный тотем времен неолита. И только лицо было вполне человеческим.

Лицо Дэвида Боумена.

За спиной Флойда послышался слабый звук. ЭАЛ переключился на голосовую связь.

— Здравствуйте, доктор Флойд. Теперь вы мне верите?

Лицо Боумена оставалось неподвижным, губы не двигались. Но Флойд узнал его голос.

— Мне трудно говорить, и у меня мало времени. Я... Мне разрешили вас предупредить. В вашем распоряжении пятнадцать дней.

— Но почему? Кто вы? Где вы были?..

В голове вертелись миллионы вопросов, которые следовало задать. Но призрачная фигура уже распадалась, превращаясь в бесформенное скопление пыли. Флойд очень хотел навсегда запечатлеть ее в памяти, чтобы можно было потом убедить себя, что это не сон, каким представлялась ему сейчас первая встреча с ЛМА-1.

Как странно — именно ему, одному из миллиардов людей, живших когда-либо на Земле, выпала честь дважды вступить в контакт с иным разумом. Он отчетливо сознавал, что разговаривал сейчас не просто с Дэвидом Боуменом. Нет, с чем-то бóльшим.

Впрочем, его собеседник уже не был Дэвидом Боуменом. Лишь глаза — кто-то удачно назвал их «зеркалом души» — принадлежали ему, все остальное полностью деформировалось. Правда, никаких признаков, в том числе и половых, не было на этом теле и несколько секунд назад — одно это свидетельствовало о том, насколько Боумен перестал быть человеком.

— До свидания, доктор Флойд. Запомните — пятнадцать дней. Второго разговора не будет. Но, если все пойдет хорошо, вы, возможно, получите еще одно сообщение.

Фигура окончательно растворилась в воздухе — вместе с ней исчезла и надежда на контакт с иными мирами. Тем не менее Флойд не смог удержаться

от улыбки. «Если все пойдет хорошо». Сколько раз он слышал перед стартами эту присказку космической эры! Означают ли эти слова, что *они* — кем бы они ни были — тоже не всегда уверены в успехе? Значит, они не всемогущи — от этой мысли Флойд почувствовал странное успокоение. Они тоже способны надеяться, мечтать и действовать.

Призрак исчез, лишь пылинки беспечно плясали в воздухе.

VI
ПОКОРИТЕЛЬ МИРОВ

42
ПРИЗРАК

— Извините, Хейвуд, но я не верю в привидения. Здесь должно быть рациональное объяснение. В природе нет ничего, перед чем был бы бессилен человеческий разум.

— Согласен, Таня, но позвольте напомнить слова Холдейна: «Вселенная не только загадочнее, чем мы себе представляем, но и загадочнее, чем мы можем представить».

— А Холдейн,— вставил Курноу,— был еще и истинный коммунист.

— Возможно, но так легко оправдать любую мистику. Почему бы не предположить, что в ЭАЛ вложили определенную программу и он создал нужный образ. Вы не согласны, Чандра?

Задать такой вопрос было все равно что размахивать красной тряпкой перед мордой быка. Чандра, однако, прореагировал довольно мягко. Вероятно, он размышлял в этот момент о возможных неполадках в компьютере.

— Должен быть какой-то источник, капитан Орлова. ЭАЛ не в состоянии создать столь устойчивую иллюзию из *ничего.* Если рассказ доктора Флойда точен, следовательно, кто-то управлял его действиями, причем в реальном времени, поскольку задержки не было.

— Значит, это сделал я! — воскликнул Макс.— Я единственный, кто бодрствовал.

— Не говори глупостей,— отозвался Терновский.— Наладить радиосвязь нетрудно, но для создания образа необходимо специальное оборудование — лазеры, электростатические генераторы и так далее. Хороший иллюзионист сделал бы это, но только с помощью кучи всякой техники.

— Минуточку! — взволнованно сказала Женя.— Ведь если это происходило на самом деле, то ЭАЛ должен все помнить! Давайте спросим...

Она осеклась, заметив угрюмое выражение на лицах товарищей. Первым сжалился Флойд.

— Уже спрашивали, Женя. ЭАЛ ничего не помнит. Правда, это не доказательство. Чандра продемонстрировал, каким образом можно выборочно уничтожать участки памяти. Вспомогательными аудиосистемами можно восполь-

зоваться так, что ЭАЛ об этом не догадается...— Флойд перевел дыхание.— Я согласен, что вариантов почти не осталось. Либо мне все это привиделось, либо случилось на самом деле. Я убежден — это не сон, но возможность галлюцинации исключить не могу. Хотя Катерина из моей медицинской карты знает, что страдай я чем-то этаким, мне никогда не оказаться бы здесь, я не возражаю, чтобы это рассматривалось как альтернатива. Понимаю — я должен доказать, что не спал. Но позвольте напомнить вам некоторые другие странные события недавнего времени. Мы знаем, что в свое время Дэйв Боумен отправился к Загадке. А теперь какой-то объект покинул ее и устремился к Земле. Видел его Василий, а не я. Затем последовал взрыв вашей орбитальной бомбы.

— Вашей.

— Ладно, не будем спорить. Будем считать, она принадлежала Ватикану. Представляется весьма странным, что в это же время тихо умерла миссис Боумен, и врачи до сих пор не могут разобраться в причинах ее смерти. Не утверждаю, что здесь существует какая-то связь, но вспомните поговорку: «Один раз — случайность, второй — совпадение, третий — закономерность».

— Есть еще одно событие,— вмешался Макс.— Я поймал программу новостей. Давняя приятельница Боумена утверждает, будто получила от него сообщение.

— Да, я тоже слышал,— подтвердил Саша.

— И промолчали? — поразился Флойд.

Оба русских космонавта выглядели смущенными.

— Ну, это передали как шутку,— объяснил потом Макс.— Информацию дал муж этой женщины. Сама она потом все отрицала. Комментатор характеризовал это как своеобразную рекламу, попытку привлечь к себе внимание. Так же, как многие рассказывают о своих встречах с НЛО. Подобных сообщений столько, что они никого уже не интересуют.

— Возможно, хотя в некоторых из них что-то и есть,— сказал Флойд.— А нельзя выудить эту передачу из архивных записей? Или попросить Центр повторить ее?

— Ничей рассказ меня не убедит,— усмехнулась Таня.— Только вещественные доказательства.

— Например?

— Что-нибудь такое, чего ЭАЛ знать не мог, а никто из нас не мог ему сообщить. Какое-нибудь *физическое* явление.

— Старое доброе чудо?

— Именно. А пока я ничего не буду сообщать Центру. И предлагаю вам, Хейвуд, тоже воздержаться.

Это был приказ. Флойд кивнул.

— С радостью. Но у меня есть еще одно предложение.

— Да?

— На всякий случай хорошо бы иметь какой-нибудь план, основанный на гипотезе, что предупреждение серьезно. В последнем, кстати, я убежден.

— Ничего не получится. Конечно, стартовать мы можем в любой момент. Но чтобы лечь на траекторию, ведущую к Земле, придется дожидаться открытия стартового окна.

— Лишних одиннадцать дней!

— Да. Я с радостью стартовала бы раньше, но топлива на это не хватит.— В голосе Тани появились нотки необычной для нее нерешительности.— Я не хотела пока говорить, но теперь...

Все затаили дыхание.

— Я собираюсь отложить старт еще на пять суток. В этом случае орбита будет близка к идеальной, гомановской. И мы сэкономим топливо.

Сообщение, хотя и не вполне неожиданное, было встречено стонами.

— Когда же мы прилетим? — поинтересовалась Катерина с легкой угрозой в голосе. Их взгляды скрестились — двух достойных соперниц, уважающих одна другую, но не желающих уступить.

— На десять дней позже,— ответила наконец Таня.

— Лучше поздно, чем никогда,— беззаботно откликнулся Макс, но его попытка снять напряжение не удалась.

Флойд уже не прислушивался к разговору. Он думал о другом. Ему и двум его коллегам продолжительность полета безразлична — они проведут его в безмятежном сне. Но сейчас это уже не важно.

Он был убежден, но не мог этого доказать, и это повергало его в отчаяние — если они не стартуют до истечения таинственного срока, то не стартуют уже никогда.

— ...Дмитрий, ситуация невероятная и пугающая. На Земле о ней знаешь пока только ты, но скоро Тане и мне придется выяснять отношения с ЦУПом.

Даже некоторые из твоих соотечественников-материалистов готовы принять рабочую гипотезу: в ЭАЛ что-то *проникло*. Саша предложил неплохое название: «Призрак в компьютере».

Теорий у нас множество: Василий каждый день придумывает новую. Большей частью они базируются на старой НФ-идее: организованное энергетическое поле. Но что это за энергия? Электромагнитную наши приборы зарегистрировали бы с легкостью. Это относится и к любым другим известным видам излучения. Василий залезает в самые дебри: рассуждает о волновых пакетах нейтрино и наложении многомерных пространств. Таня называет все это мистической чепухой. Такое вот у нее теперь любимое выражение. Вчера вечером они впервые на наших глазах едва не поссорились. Они кричали друг на друга. Спокойствия на борту это отнюдь не добавляет.

Нервы, боюсь, у всех на пределе. Полученное предупреждение и отсрочка старта только усиливают отчаяние — проникнуть в тайны Большого Брата так и не удалось. Возможно, не окажись контакт с призраком Боумена столь скоротечным, он бы помог. Но куда он девался? Или после нашей встречи утратил к нам интерес? И что бы он нам сказал, если захотел? «Черт побери» — по-русски и по-английски, как любил говорить Саша. Давай менять тему.

Я не в состоянии от души благодарить тебя за вести из дому. Теперь мне получше. Вероятно, заботы — лучшее лекарство от неразрешимых проблем.

И я уже не уверен, что кто-то из нас вернется на Землю.

43
МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Проведя несколько месяцев в изолированной группе, человек становится необычайно чувствителен к настроениям остальных. Что-то в отношении окружающих к Флойду изменилось; вновь всплыло даже обращение «доктор Флойд», которого он не слышал так давно, что отвык на него откликаться.

Никто, разумеется, не считал, что он сошел с ума, но такой возможности вовсе не исключали. Он не возмущался — грустно посмеивался и надеялся доказать обратное.

Новости с Земли ободряли. Хосе Фернандес продолжал утверждать, что его жена видела Боумена. Сама она все отрицала и отказывалась от встреч с журналистами. Трудно было понять, зачем бедному Хосе придумывать столь странную историю, тем более что характер у Бетти был упрямый и вспыльчивый. Но Хосе — теперь он лежал в больнице — заявил, что по-прежнему любит ее и что ссора их была временной.

Флойд надеялся, что и отношение Тани к нему самому вернется на круги своя. Наверняка она тоже встревожена, и поведение ее диктуют внешние обстоятельства. Случилось нечто, не умещавшееся в ее модель мира, и всякие напоминания об этом были ей неприятны. По этой причине она и старалась избегать Флойда. И совершенно напрасно — приближалась решающая фаза полета.

Миллиардам оставшихся на Земле нелегко было понять выжидательную тактику Тани. Особое нетерпение проявляли телекомпании, уставшие показывать один и тот же вид Большого Брата: «Вы забрались в такую даль и с такими затратами, чтобы ждать неизвестно чего? Сделайте что-нибудь!» На критику Таня отвечала одно и то же: «Сделаем, как только откроется стартовое окно. Чтобы в случае враждебной реакции можно было стартовать немедленно».

Планы решающего штурма Большого Брата были уже разработаны и согласованы с Землей. «Леонов» медленно пойдет на сближение, посылая к цели все более мощные радиосигналы на всех частотах и докладывая Центру о каждом своем шаге. Приблизившись, космонавты попробуют взять образцы с помощью бура или воспользуются лазерным спектрометром. Никто, разумеется, не верил в успех этой затеи, поскольку за десять лет исследований ЛМА-1 никаких образцов взять не удалось. Усилия лучших земных ученых напоминали попытку неандертальца взломать бронированный сейф каменным топором.

Наконец на поверхность Большого Брата высадятся приборы: сейсмографы и эхолоты. Чтобы их закрепить, на борту «Леонова» имелся неплохой арсенал самых разнообразных клеящих веществ. А если они не помогут, придется воспользоваться несколькими километрами доброго корабельного каната — хотя и было нечто комическое уже в самой мысли о том, что объект Солнечной системы, загадочнее которого не знало человечество, будет обвязан наподобие бандероли...

Когда «Леонов» стартует в направлении дома и удалится на приличное расстояние, будут взорваны небольшие заряды. Возможно, удастся получить информацию о внутренней структуре Большого Брата. По поводу данной опе-

рации разгорелась дискуссия между теми, кто считал, что она не даст результата, и теми, кто опасался результатов чрезмерных.

Флойд не поддерживал ни тех ни других. Предмет спора казался ему ничтожным. Исследования Большого Брата — кульминация экспедиции — должны были начаться уже после истечения загадочного пятнадцатидневного срока, и Флойд был уверен, что до этого дело не дойдет.

Но он был один и, следовательно, бессилен.

Последним человеком, от которого можно было ждать помощи, был Уолтер Курноу. Олицетворение здравого, разумного подхода к вещам, он недоверчиво относился к любым озарениям. Никто не назвал бы его гением — а иногда необходим гений, чтобы увидеть очевидное.

— Считайте это игрой ума,— начал Курноу с необычной для себя нерешительностью.— Впрочем, я готов к тому, что меня оборвут.

— Валяйте,— разрешил Флойд.— Я вас вежливо выслушаю. Со мной тоже все были вежливы — даже слишком.

Курноу усмехнулся.

— Не надо так. Если вам от этого легче, то знайте: минимум трое воспринимают ваши слова серьезно и размышляют, что делать.

— И вы в их числе?

— Нет. Я, как обычно, сижу на заборе — это, кстати, чертовски неудобно — и не знаю, на чью сторону спрыгнуть. Но в одном я с вами согласен: сидеть и ждать не имеет смысла. Любую проблему можно решить.

— Так-то оно так. Но чтобы стартовать в установленный срок, нужны лишнее топливо и дополнительная скорость. Несколько километров в секунду.

— Василий так тоже считает, и я ему верю. Сюда-то он нас доставил.

— Доставил бы и обратно, будь у нас больше топлива.

— Топлива сколько угодно. Рукой подать — на «Дискавери». Там его сотни тонн.

— Мы прорабатывали этот вариант десятки раз. Переправить топливо на «Леонова» невозможно. У нас нет ни трубопроводов, ни насосов. Жидкий аммиак — не в корзинах же его таскать!

— Все верно. Только зачем таскать?

— Не понял.

— Надо сжечь его там, где оно находится. Использовать «Дискавери» в качестве разгонной ступени.

Если бы такое предложил кто-то другой, было бы очень смешно. Но это предложил Уолтер Курноу; Флойд открыл было рот, но сказать ничего не смог. Дар речи вернулся к нему только спустя секунды.

— Черт! Я должен был сам об этом подумать...

Они направились к Саше. Тот внимательно выслушал, поджал губы и тут же запросил компьютер. Когда на дисплее появился ответ, он задумчиво кивнул.

— Все верно. Скорости хватит. Но возникают практические трудности...

— Мы знаем. Как скрепить корабли — прежде всего. Когда будут работать только двигатели «Дискавери», появится вращающий момент. Своевременное разделение кораблей — тоже проблема. Но все они разрешимы.

— Вы, я вижу, успели обдумать многое. Но это все равно бесполезно. Убедить Таню вам не удастся.

— Бесполезно — сейчас,— согласился Флойд.— Но пусть она хотя бы знает о такой возможности. Вы нас поддержите?

— Не убежден. Но хотелось бы присутствовать при вашей беседе. Это будет, по-моему, интересно.

Таня слушала внимательнее, чем ожидал Флойд, однако без энтузиазма. Но под конец и она не смогла скрыть восхищения.

— Здорово придумано, Хейвуд!

— Поздравлять или обвинять надо только Уолтера.

— Не важно. Ведь это всего лишь, как говорил Эйнштейн, «мысленный эксперимент». Теоретически все выглядит прекрасно, но какой риск! Чтобы принять вашу идею, мне нужны убедительные доказательства, что нам грозит опасность. Пока что, при всем моем к вам уважении, Хейвуд, я их не вижу.

— Правильно. Зато вы теперь знаете, что у нас появилась альтернатива. Не возражаете, если мы на всякий случай подработаем кое-какие детали?

— Если это не помешает подготовке к старту. Не скрою, идея мне нравится. Но я не могу одобрить пустую трату времени. По крайней мере, пока передо мной не появится Дэвид Боумен.

— А если появится, Таня?

— Не знаю, Хейвуд. Ему еще придется меня убедить.

44

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Это была увлекательная игра, в которую играли все — но исключительно в свободное время. И даже Таня, продолжавшая называть ее «мысленным экспериментом», не осталась в стороне.

Флойд отлично понимал: причиной энтузиазма был не страх перед опасностью, которую осознавал он один, а перспектива вернуться на Землю месяцем раньше. Все равно он был доволен. Он сделал все от него зависящее, остальное — судьба.

Проект не имел бы смысла, если бы не удачная конструкция кораблей. Плотный, крепкий «Леонов», рассчитанный на бешеный напор юпитерианской атмосферы, был вдвое короче «Дискавери» — это позволяло соединить корабли. Основание главной антенны, если выдержит массу «Леонова», когда заработают двигатели «Дискавери», будет служить отличной подпоркой.

ЦУП ставили в тупик некоторые запросы с борта «Леонова». Анализ прочности обоих кораблей при определенных нагрузках; величина продольного момента инерции; слабые точки корпусов... «Что-то случилось?» — обеспокоенно вопрошала Земля.

— Нет,— отвечала Таня.— Мы изучаем некоторые возможности. Спасибо за помощь. Конец связи.

Тем временем подготовка к обратному перелету шла по намеченному плану: проводились тщательные проверки всех систем кораблей, Василий рассчи-

тывал все новые варианты траекторий, которые Чандра тут же вводил в ЭАЛа, готовя его к последнему испытанию. Таня и Флойд, как два генерала перед решительным наступлением, готовились к исследованиям Большого Брата.

Именно для этого они и прилетели сюда, но никакого вдохновения Флойд не испытывал. То, что он пережил, не могли разделить с ним даже те, кто ему верил. Хотя он безупречно исполнял свои обязанности, мысли его были заняты совершенно другим.

И Таня его понимала.

— Вы все еще надеетесь, что меня убедит чудо?

— Или разубедит меня. Мне не нравится неопределенность.

— Мне тоже. К счастью, ждать осталось недолго.

Таня бросила взгляд на дисплей, который высвечивал число «20». Это была самая бесполезная на корабле информация — все и так знали, сколько дней осталось до открытия стартового окна.

И до атаки на Загадку.

Когда *это* наконец произошло, Флойд опять глядел в другую сторону. Впрочем, разницы нет: даже всевидящие камеры уловили на этот раз лишь слабое голубоватое свечение...

Флойд вновь отбывал «собачью вахту» на «Дискавери». На «Леонове» дежурил Саша. Как обычно, все было в порядке, никаких происшествий. Автоматические системы работали, как всегда, безупречно. Всего год назад Флойд не смог бы поверить, что, облетая Юпитер на расстоянии в несколько сот тысяч километров, он будет лишь изредка бросать на него безразличные взгляды, отрываясь от «Крейцеровой сонаты», которую он без особого успеха пытался осилить в оригинале. Саша считал, что это лучшее эротическое произведение во всей русской литературе. Пока что Флойд прочитал недостаточно, чтобы это почувствовать. И дочитать до конца, как выяснилось, было не суждено.

В двадцать пять минут второго его внимание привлекло извержение на Ио. Красивое, но довольно обычное. Облако зонтом поднялось в космос и медленно опадало на пылающую поверхность спутника. Флойд видел десятки таких извержений, но не уставал любоваться ими. Казалось невероятным, что в столь маленьком небесном теле таится чудовищная энергия.

В поисках лучшего ракурса он перешел к другому иллюминатору. И увидел — точнее, не увидел — такое, что мигом забыл об Ио.

Опомнившись и удостоверившись, что это — опять! — не галлюцинация, Флойд тут же вызвал соседний корабль.

— Доброе утро, Вуди,— зевнул Саша.— Нет, я не спал. Как старина Толстой?

— Посмотрите наружу и скажите, что видите.

— Ничего необычного для данной области космоса. Ио, как всегда. Звезды, Юпитер... Боже мой!

— Спасибо. Значит, я в здравом уме. Давайте будить капитана.

— И остальных. Вуди, мне страшно!

— Еще бы!.. Таня, это Хейвуд. Извините, что разбудил, но ваше чудо свершилось. Большой Брат исчез. Проболтавшись здесь три миллиона лет, он решил удалиться.

Спустя четверть часа на обзорной палубе «Леонова» началось экстренное совещание. Никто не выглядел сонным. Все пили горячий кофе, то и дело поглядывая на иллюминаторы, на пугающе непривычную картину. Невозможно было поверить, что Большого Брата действительно нет.

«Боумен знал нечто, чего не знаем мы» — эта фраза Флойда, только что повторенная Сашей, повисла в воздухе. Она в точности отражала мысли всех, включая капитана.

Говорить: «Я вас предупреждал!» — не имело смысла. Даже при отсутствии опасности задерживаться здесь нет нужды. Они потеряли объект исследования и должны как можно скорее отправляться домой. Но не все так просто.

— Хейвуд,— сказала Таня.— Теперь я готова вполне серьезно рассмотреть полученное вами предупреждение. Но даже если что-то нам угрожает, мы должны тщательно взвесить все «за» и «против». Жестко соединить корабли, включить двигатели «Дискавери» при наличии массивного асимметричного груза, вновь разделить корабли перед включением наших двигателей — ни один капитан не пойдет на такой риск без веских, подавляющих доводов. Не имеет права. А их нет у меня даже сейчас. Предупреждение сделал... призрак. Суд не примет такого свидетеля.

— Даже при обычном расследовании этому никто не поверит,— сказал Курноу необычно спокойным тоном.— И даже в случае нашей единодушной поддержки.

— Я думала об этом, Уолтер. Но если мы вернемся домой, это все оправдает. Если нет — вряд ли что-нибудь имеет значение. Я не буду сейчас решать. Мы доложим ситуацию в Центр, и я отправлюсь спать. Пошли в рубку, Саша, потом вы вернетесь на вахту. Свое решение я сообщу утром.

Но неожиданности этой ночи еще не кончились. В районе орбиты Марса доклад Тани встретился с радиограммой с Земли.

Бетти Фернандес наконец-то заговорила. Там, где оказались бессильны уговоры, призывы к патриотизму, скрытые угрозы ЦРУ и Совета национальной безопасности, успеха добился продюсер небольшой видеокомпании, обессмертивший тем самым свое имя.

Все решили удача и вдохновение. Ведущий программы «Привет, Земля!» случайно заметил, что один из его сотрудников удивительно похож на Дэвида Боумена. Грим довершил дело. Хосе Фернандес мог бы предупредить этого человека, что он сильно рискует, но удача сопутствует смелым. Когда он вошел, Бетти капитулировала. А когда, очень мягко, вышвырнула его вон, он уже знал все, всю историю. И, надо признать, изложил ее без обычного для его компании цинизма. Он получил за нее Пулитцеровскую премию.

— Жаль, что она не раскололась раньше,— устало сказал Флойд, обращаясь к Саше.— Это избавило бы меня от многих неприятностей. Но теперь, надеюсь, у Тани исчезнут сомнения.

— Конечно. Только пусть выспится. Боюсь, спать нам почти не придется.

«Это верно»,— подумал Флойд. Сам он очень устал, но не смог бы заснуть, даже если бы не был вахтенным.

Одной неопределенностью меньше, зато остается другая, гораздо более значительная. Что происходит?

Нечто подобное он испытал лишь однажды. Когда их с друзьями несло на байдарках по одному из притоков Колорадо, по узкому незнакомому каньону с отвесными стенами, и впереди могли быть пороги или даже водопад и ничего нельзя было сделать...

Сейчас Флойд вновь ощущал себя игрушкой могучих сил, влекущих его с товарищами в неизвестность. И на этот раз опасность не только незрима, но и непостижима.

45
ОТСТУПЛЕНИЕ

— ...Говорит Хейвуд Флойд. Я начинаю свой последний, надеюсь, репортаж из системы Юпитера.

Еще несколько дней — и мы покинем это странное место между планетой и Ио, место нашего свидания с огромным искусственным объектом, получившим от нас имя Большой Брат и затем внезапно исчезнувшим. Куда он делся и почему — не знает никто.

По ряду причин наше дальнейшее пребывание здесь нежелательно. Мы стартуем на две недели раньше, используя американский корабль «Дискавери» для разгона советского «Леонова».

Основная идея проста. Корабли будут соединены. Сначала «Дискавери» сожжет свое топливо, затем отделится, и включатся двигатели «Леонова».

И мы используем еще одну идею, на первый взгляд лишенную смысла. Чтобы уйти от Юпитера, нам придется максимально сблизиться с ним. Почти так же, как было при торможении.

Сначала мы сбросим скорость, и круговая орбита превратится в эллипс, почти касающийся атмосферы планеты. Затем, в самой нижней его точке, мы сожжем все свое топливо, и «Леонов» выйдет на траекторию полета к Земле.

Зачем понадобился такой маневр? Попробую обойтись без математических выкладок. Углубившись в гравитационное поле Юпитера, мы наберем дополнительную скорость и дополнительную энергию. «Мы» — это наши корабли и топливо в их баках. Топливо будет сожжено у подножия «гравитационной горы», не нужно будет тратить энергию, чтобы тащить его на вершину. Выброшенное из наших реакторов, оно отдаст кораблям часть приобретенной при спуске кинетической энергии. Мощь Юпитера, таким образом, используется дважды — и при прибытии, и при отправке,— а мать-природа не так часто позволяет такое.

Три ускоряющих фактора — топливо «Дискавери», собственное топливо «Алексея Леонова» и гравитация Юпитера — выведут «Леонова» на гиперболу, направленную в глубь Солнечной системы. К Земле мы прибудем через пять месяцев, ровно на два месяца раньше установленного программой срока. Конечно, если все пойдет хорошо...

Какова же судьба «Дискавери»? Корабль с опустевшими баками станет беспомощен, но не погибнет. Он будет обращаться вокруг Юпитера по вытяну-

тому эллипсу, подобному орбите кометы. Не исключено, что спустя много лет новая экспедиция приведет его к Земле.

Мы улетаем без сожаления, хотя сделано далеко не все. Тайна исчезновения Большого Брата остается пока не раскрытой, но разгадать ее нам не дано. Мы сделали все, что могли, и возвращаемся домой. Пора прощаться. Репортаж вел Хейвуд Флойд.

Малочисленная публика разразилась ироничными аплодисментами. Впрочем, на Земле к ней присоединятся миллионы.

— Я говорил не для вас,— раздраженно заметил Флойд.

— Но говорили, как всегда, хорошо,— примирительно сказала Таня.— И мы согласны со всеми вашими положениями.

— Не со всеми,— раздался негромкий голос.— Остается одна проблема.

На обзорной палубе воцарилось молчание.

— Не понимаю,— прервала его Таня обманчиво тихим голосом.— Какая проблема, Чандра?

— Последние недели я готовил ЭАЛа к полету к Земле. Теперь от этих программ придется отказаться.

— Мы сожалеем, но это единственный выход...

— Я имею в виду другое.

Все были поражены — прежде Чандра никогда никого не прерывал. И тем более Таню.

— Мы знаем, сколь чувствителен ЭАЛ к целям полета,— продолжал маленький индиец.— А теперь вы предлагаете вложить в него программу, которая, не исключено, приведет его к гибели. Да, будущая орбита «Дискавери» вполне стабильна и безопасна. Но что случится с кораблем, если в полученном нами предупреждении есть хоть какой-то смысл? Мы забыли об этом, потому что испугались сами. А какова будет реакция ЭАЛа?

— Вы полагаете, что он может ослушаться приказа? — медленно отчеканила Таня.— Как в предыдущем полете?

— Было не так. Он просто пытался выполнить противоречивые команды.

— Но теперь-то противоречия нет!

— Для нас — да. Одна из приоритетных задач ЭАЛа — сохранить корабль. Теперь мы пытаемся помешать этому. Последствия этого шага могут оказаться непредсказуемыми. ЭАЛ — слишком сложная система.

— Я не вижу проблемы,— вмешался Саша.— Просто не надо сообщать ему о возможной опасности, тогда никаких сомнений у него не возникнет.

— Чандра,— требовательно спросила Таня.— Вы уже обсуждали это с ЭАЛом?

— Нет.

Было ли колебание в его голосе? Возможно, подумал Флойд. Не исключено, что вспомнил что-нибудь и отвлекся. Или лжет, сколь это ни невероятно.

— Тогда сделаем, как предлагает Саша.

— А вдруг он поинтересуется причинами смены программы?

— Без вашей подсказки?

— Да. Не забывайте — он инструмент познания, он может вести самостоятельные исследования.

Минуту Таня размышляла.

— Все решается просто. ЭАЛ вам верит?

— Конечно.

— Тогда объясните ему, что «Дискавери» вне опасности и вернется на Землю немного позже.

— Но это неправда.

— Почему же? — нетерпеливо сказала Таня.— Кто из нас может утверждать обратное?

— Но мы подозреваем опасность. Иначе не стартовали бы раньше срока.

— И что вы предлагаете? — уже с легкой угрозой спросила Таня.

— Сказать ему всю правду. Пусть решает сам.

— Чандра, но это всего лишь машина!

Индиец посмотрел на Макса так, что тот невольно отвел взгляд.

— Как и все мы, мистер Браиловский. Но состоим ли мы из углерода или из кремния, надо с уважением относиться друг к другу.

Маленький Чандра выглядел сейчас очень величественно, однако их стычка с Таней зашла слишком далеко.

— Таня, Василий! Можно поговорить с вами? Думаю, решение есть.

Слова Флойда были встречены с облегчением. Вскоре все трое были уже в каюте Орловых.

— Спасибо, Вуди,— сказала Таня, наливая Флойду «шемахи» — его любимого вина.— Я так и знала, вы что-нибудь придумаете.

— Кажется, придумал,— ответил Флойд, смакуя напиток.— Допустим, мы принимаем предложение Чандры. Есть две возможности. Первая — ЭАЛ точно выполняет команды и управляет работой двигателей на активных участках. Первый из них, как вы помните, не критический. Если даже что-нибудь случится при уходе от Ио, времени для коррекций останется вдосталь. И мы проверим, насколько ЭАЛ послушен.

— А облет Юпитера? Мы сожжем там основную часть топлива. И результирующая траектория очень критична к времени и направлению тяги.

— Но у вас есть ручное управление.

— Не хотелось бы. Ничтожная ошибка — и мы либо сгорим в атмосфере, либо превратимся в искусственную комету с периодом в тысячу лет.

— Ну, а если не будет выхода?

— Если заранее просчитать возможные варианты и перехватить управление вовремя, может получиться.

— Зная вас, Таня, я уверен — получится. Теперь вторая возможность. Малейшее отклонение ЭАЛа от программы — и мы берем управление на себя.

— Отключаем его?

— Да.

— В прошлом полете это было не так легко.

— С тех пор мы кое-чему научились. Обещаю вам сделать это за полсекунды.

— Надеюсь, ЭАЛ ничего не заподозрит.

— Не впадайте в паранойю, Василий. ЭАЛ не человек. Но Чандре, конечно, ни слова. Мы полностью принимаем его план и полагаемся на ЭАЛа. Верно, Таня?

— Да, Вуди. Этот приборчик — отличная идея.

— Какой приборчик? — спросил Василий.

— В свое время узнаешь. Извините, Вуди, но больше я «шемахи» не дам. Оставим до Земли.

46
ПОСЛЕДНИЕ СЕКУНДЫ

«Никто не поверит мне без фотографий»,— подумал Макс, наблюдая корабли с расстояния в пятьсот метров. Картина попросту неприличная: «Леонов» на «Дискавери» — сценка из сексуальной жизни космолетов... Вспомнилось, как много лет назад кто-то схлопотал выговор за слишком красочный подбор слов в момент завершения стыковки.

Насколько он мог судить, все было в порядке. На соединение кораблей ушло больше времени, чем предполагалось.

К счастью, на «Леонове» нашлось несколько километров троса из углеродистого волокна — толщиной со швейную нитку, но выдерживающего многотонную нагрузку. Трос предназначался для фиксации приборов на поверхности Большого Брата. Теперь корабли слились в объятии, достаточно прочном, чтобы выдержать вибрацию и толчки при ускорении в одну десятую земного — а большего максимальная тяга и не обеспечивала.

— Что еще посмотреть? — спросил Макс.

— Все в порядке,— отозвалась Таня.— Не будем терять времени.

Согласно предупреждению, а ему теперь верили все, стартовать надо было в течение суток.

— Извини, но я отведу «Нину» в стойло.

— А разве она лошадь?

— Я этого не утверждал. Но не бросать же ее в космосе ради нескольких метров в секунду!

— Они нам понадобятся, Макс. А за ней мы еще вернемся.

«Сомневаюсь»,— подумал Макс. Или все же оставить ее на этой орбите в знак того, что здесь побывал человек?

Он аккуратно подвел «Нину» к командному отсеку «Дискавери». Коллеги видели, как он проплывает перед иллюминаторами. Распахнулся люк ангара, и он опустил «Нину» на вытянутую ладонь посадочной площадки.

Разгон в космосе — весьма скучная операция. Ничего общего с громом, огнем и отчаянным риском, которые сопутствуют старту с поверхности планеты. Если двигатели не выйдут на полную тягу, период ускорения можно продлить. Или дождаться на орбите следующего удобного момента и попробовать еще раз.

Но сейчас, с отсчетом последних секунд, напряжение на борту «Леонова» стало почти ощутимым. Все понимали, что это первое испытание ЭАЛа в деле. О подстраховке знали лишь Флойд, Орловы и Курноу.

— Удачи вам, «Леонов»,— за пять минут до старта напутствовал их Центр.— Надеемся, все пройдет хорошо. И если вас не затруднит, взгляните на экватор Юпитера, долгота 115. Там возникло любопытное круглое пятнышко диаметром в тысячу километров. Похоже на тень спутника, но это не тень.

Таня подтвердила прием сообщения и попыталась кратко, но убедительно оповестить Центр об утрате экипажем всякого интереса к юпитерианской метеорологии. ЦУП бывал иногда бестактен до изумления.

— Все системы работают нормально,— доложил ЭАЛ.— Две минуты до зажигания.

Странно, подумал Флойд, насколько живуча терминология! Ведь лишь на ракетах с химическими двигателями было что зажигать. Он рассеянно поискал другие примеры. Многие люди, особенно старшего поколения, до сих пор говорят: «зарядить камеру», «заправить машину»... Даже в студиях звукозаписи можно услышать, например: «подрезать пленку»,— однако реальность, стоящая за этими выражениями, перестала быть таковой уже полвека назад.

— Одна минута до зажигания.

Голос ЭАЛа вернул Флойда к действительности. На протяжении полувека эта минута была на космодромах и в центрах управления полетами самой длинной. Сколько раз она заканчивалась катастрофами! Правда, запоминаются только победы. А что суждено нам?

Рука непроизвольно потянулась к карману, где лежала «гильотина», но разум подсказал, что времени на такое движение хватит. Если ЭАЛ и ослушается, это будет неприятно, но не более того. Критической ситуация станет вблизи Юпитера.

— Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один... ЗАЖИГАНИЕ!

Спустя еще примерно минуту двигатель вышел на полную тягу. Все разразились аплодисментами, но Таня тут же успокоила страсти. Пусть даже ЭАЛ и работает безукоризненно, очень многое оставалось пока неясным. Например, могло не выдержать основание главной антенны «Дискавери», служившее сейчас опорой «Леонову»,— хотя главный конструктор (давно ушедший в отставку) и уверял, что запас прочности вполне достаточен...

Однако минуты текли спокойно. О том, что двигатель работает, говорили сейчас лишь ощущение тяжести да легкая вибрация корпуса корабля. Ио и Юпитер «висели» в иллюминаторах на прежних местах, точно напротив друг друга.

— Десять секунд до отсечки двигателя. Пять. Четыре. Три. Два. Один... ЕСТЬ!

— Спасибо, ЭАЛ.

— Орбита расчетная,— доложил Василий.— Корректировка не потребуется.

— Прощай, иноземная Ио, мечта торговца землей,— сказал Курноу.— Мы будем скучать по тебе — причем с большим удовольствием.

Сейчас он был снова похож на прежнего Курноу. А в последнее время странно притих, словно что-то задумал, и проводил часы в беседах с Катериной.

Флойду оставалось надеяться, что его коллега не заболел. Пока что экипажу «Леонова» в этом отношении не на что было жаловаться.

У всех было легко на душе. Торжествовать, разумеется, рано — решающий маневр еще впереди, но первый шаг на пути к дому сделан. Это давало повод для радости...

Правда, длилась она недолго. Таня приказала всем свободным от работы отдыхать — до встречи с Юпитером оставалось девять часов. Уходить никто не хотел, и Саша очистил палубу криком: «Вас за это повесят, бунтарское отродье!» (Двое суток назад в выпавшие минуты отдыха все смотрели последнюю версию «Восстания на "Баунти"». Многие, кстати, считали, что Тане фильм не стоит показывать, дабы она не почерпнула оттуда кое-какие идеи.)

Спустя несколько часов — заснуть так и не удалось — Флойд вернулся на обзорную палубу. Юпитер стал гораздо больше, но превратился в серп — корабли выходили на его ночную сторону. Глаз был бессилен фиксировать все детали сверкающего ущербленного диска: пояса облаков, пятна всех цветов от белого до красного, темные таинственные провалы, овал Большого Красного Пятна. На облаках лежала круглая тень; от Европы — определил Флойд. Через шесть часов надо быть в лучшей форме, но тратить время на сон преступно: все, что он видит, он видит в последний раз.

Где же пятно, о котором упоминал ЦУП? Вероятно, уже вышло из-за горизонта, только вряд ли его различишь невооруженным глазом. Василий наверняка занят. Придется ему помочь на правах астронома-любителя — всего тридцать лет назад Флойд был в этом деле профессионалом.

Он включил главный 50-сантиметровый телескоп и тут же увидел пятно — к счастью, «Дискавери» не мешал обзору. Обстоятельства сложились так, что Флойд входил сейчас в первую десятку специалистов по Юпитеру в Солнечной системе, причем остальные девять были рядом. Но не требовалось быть специалистом, чтобы заметить в пятне нечто странное. Оно было настолько темным, что казалось дырой в облаках. Флойд усилил увеличение: Юпитер с готовностью придвинул пятно поближе. И чем больше Флойд вглядывался, тем меньше понимал.

— Василий, когда будет время, взгляните на монитор главного телескопа.

— Это так важно? Я сейчас проверяю орбиту.

— Там пятно, о котором упоминал Центр. Спешить, конечно, некуда, но выглядит оно странно.

— Черт! Совсем забыл. Хороши же из нас наблюдатели, если мы не можем без подсказки с Земли... Но дайте мне пять минут — оно, надеюсь, не убежит.

Верно, подумал Флойд. Только в подсказках нет ничего зазорного: земные и лунные телескопы во много крат мощнее нашего.

Пятно тем временем становилось все необычнее. Флойд ощутил беспокойство. До сих пор он был убежден, что это всего лишь какой-то каприз юпитерианской погоды, теперь появились сомнения. Слишком уж черным и симметричным оно было, хотя граница вроде бы не отличалась резкостью... И главное — оно действительно увеличивалось или это был обман зрения? Флойд прикинул в уме: диаметр пятна достиг двух тысяч километров. Ошибка исключена — оно было чуть меньше тени Европы.

— Ну-ка, посмотрим, что вы такого нашли,— раздался снисходительный голос Василия.— О-о-о...

Орлов замолчал. Это «оно», с внезапной убежденностью понял Флойд,— то самое. Чем бы ни было...

47
ЗАЖИГАНИЕ

Понять, однако, какими опасностями грозит черная клякса на юпитерианской облачности, было непросто. Да, она невероятна, необъяснима, но впереди, через какие-то семь часов, события более важные. И самое главное из них — разгон в ближайшей к планете точке орбиты.

Заснуть Флойд уже не пытался. Хотя ощущение опасности, опасности вполне очевидной, и было гораздо слабее, чем при первом сближении с планетой, сон не шел, мешали возбуждение и предчувствия. И причины у этих предчувствий были куда сложнее. Флойд давно уже приучил себя не тревожиться о вещах, изменить которые не в его власти. Однако его мучил вопрос: все ли сделано для безопасности кораблей?

Тросы, связывающие «Дискавери» с «Леоновым», держали пока надежно, но главное испытание впереди. И не совсем ясны последствия близкого взрыва зарядов, предназначавшихся для исследований Большого Брата. И конечно, ЭАЛ...

Сход с орбиты он выполнил безупречно. Моделирование перехода на траекторию полета к Земле прошло также без каких-либо замечаний. И тем не менее... Чандра, как и было договорено, все ему объяснил. Но понимал ли ЭАЛ, что происходит?

В последние дни Флойда преследовала одна и та же навязчивая картина: Юпитер заслоняет собою все небо, корабли завершают маневр, все идет нормально — и тут ЭАЛ прочищает свое электронное горло и произносит: «Доктор Чандра, можно задать вопрос?»

На деле получилось не совсем так.

Большое Черное Пятно, как его сразу окрестили, уходило за горизонт. Корабли, постепенно набиравшие скорость, встретятся с ним спустя несколько часов, но уже на ночной стороне. Оно продолжало увеличиваться — за два часа площадь возросла почти вдвое. Оно вело себя как чернильная капля в воде, только интенсивность черного цвета не уменьшалась. Края пятна были слегка размыты, но в этом не было ничего удивительного, если не забывать о высокой скорости телескопа... Впрочем, открылась и другая причина. В отличие от Большого Красного Пятна оно не было единым целым, его составляли мириады отдельных точек. Они почти соприкасались, но по краям располагались просторнее.

Загадочных точек было около миллиона, форма их была вытянутой. Катерина, самый, казалось бы, прозаический человек в экипаже, удивила всех, сравнив их с выкрашенными в черное рисинками, высыпанными на Юпитер.

Сейчас Солнце опускалось за узкий серп дневной стороны. Во второй раз за короткое время «Леонов» приближался к юпитерианской атмосфере, чтобы встретить свою судьбу. До включения двигателей оставалось всего полчаса.

Флойд подумал, что ему, возможно, стоило быть сейчас на «Дискавери», рядом с Курноу и Чандрой. Но его помощь им не нужна. «Гильотина» у Курноу, а в его реакции Флойд не сомневался.

Малейшее ослушание — и ЭАЛ будет отключен за секунду. Когда Чандра собственноручно принял участие в отработке перехода на ручное управление, Флойд понял, что ему можно доверять. Однако Курноу не разделял этого мнения. Более того, утверждал, что ему нужна вторая «гильотина» — для Чандры. Посмотрим, как будет в действительности.

Солнце в последний раз вспыхнуло за кормой и скрылось за гигантской планетой, вокруг которой мчались сейчас корабли. Когда оно появится вновь, все будет уже позади.

— Двадцать минут до зажигания. Все системы работают нормально.

— Спасибо, ЭАЛ.

Любопытно, подумал Флойд, был ли Чандра до конца честен, когда запретил остальным обращаться с ЭАЛом? Он говорил, что такие беседы могут повредить компьютеру. Однако сам Флойд неоднократно разговаривал с ЭАЛом, когда рядом никого не было, и тот всегда прекрасно все понимал...

...И все же: что думает ЭАЛ — если он думает — о цели полета? Всю свою жизнь Курноу открещивался от абстрактных, философских проблем. «Мое дело болты да гайки»,— говаривал он, хотя таковых на борту корабля практически не было. «Что думает ЭАЛ?..» В любое другое время он посмеялся бы над этой мыслью, но сейчас ему было не до смеха. Понимает ли ЭАЛ, что его вот-вот бросят на произвол судьбы? И если понимает, то способен ли возмутиться? Рука непроизвольно потянулась к карману с «гильотиной».

В сотый раз Курноу мысленно проиграл то, что должно произойти час спустя. Как только на «Дискавери» кончится топливо, они с Чандрой, выключив все ненужные больше системы, перейдут на «Леонова». Сработают пирозаряды, корабли разделятся, и «Леонов» начнет самостоятельный полет. Разделение произойдет в ближайшей к Юпитеру точке орбиты...

— Пятнадцать минут до зажигания. Все в порядке.

— Спасибо, ЭАЛ.

— Между прочим, мы снова приближаемся к Большому Черному Пятну. Видит ли кто-нибудь нечто новое?

«Надеюсь, что нет»,— подумал Курноу, бегло взглянув на монитор. Василий, вероятно, усилил увеличение. Черное Пятно состояло теперь из множества отдельных элементов, и форма их была отчетливо различима.

— Боже мой! — подумал Курноу вслух.— Это невозможно!

Он услышал восклицания с «Леонова» — там увидели то же самое.

— Доктор Чандра,— сказал ЭАЛ.— Я ощущаю сильные голосовые вибрации. Что-нибудь произошло?

— Нет, ЭАЛ,— быстро ответил Чандра.— Полет проходит нормально. Просто мы кое-чему удивились. Как ты оцениваешь изображение на мониторе номер шестнадцать?

— Я вижу темную сторону Юпитера. Вижу круглое пятно диаметром три тысячи двести пятьдесят километров, почти сплошь покрытое прямоугольными предметами.

— Сколько их?

После неуловимой задержки ЭАЛ высветил на дисплее цифры: 1 355 000 ± 1000.

— Они тебе что-нибудь напоминают?

— Да. Они идентичны объекту, который вы называете Большим Братом. Десять минут до зажигания. Все системы работают нормально.

«Кроме моих»,— подумал Курноу. Итак, чертова штука спустилась на Юпитер и размножилась. В скоплении черных монолитов было что-то смешное и зловещее одновременно — и, что самое удивительное, нечто знакомое.

Конечно же! Мириады черных прямоугольников походили на домино! Много лет назад Курноу смотрел документальный видеофильм. Несколько японцев, очевидно не вполне нормальных, создали конструкцию из миллионов таких костяшек. Крайняя из них падает на соседнюю; постепенно в этот процесс вовлекаются остальные. Костяшки располагались так, чтобы при падении образовывать узоры; часть конструкции находилась под водой, часть — на ступенях. Процесс падения домино продолжался несколько недель, в первых попытках его прерывали землетрясения...

— Восемь минут до зажигания. Все системы работают нормально. Доктор Чандра, у меня есть предложение.

— Да, ЭАЛ?

— Это явление достаточно необычно. Возможно, следует остановить отсчет, чтобы вы задержались и исследовали его?

Флойд торопливо направился к рубке «Леонова». Тане и Василию он наверняка понадобится, хотя он предпочел бы оказаться сейчас рядом с Чандрой и Курноу. Ну и ситуация! Что, если Чандра поддержит ЭАЛ? У него, кстати, есть для этого все основания. Ведь именно для таких исследований они сюда и прилетели!

Если прекратить отсчет времени, корабли обогнут Юпитер и через девятнадцать часов окажутся в той же точке. Отсрочка сама по себе ничем не грозит. Если бы не полученное предупреждение, Флойд и сам поддержал бы предложение.

Но дело не только в предупреждении. Внизу, по лику Юпитера, расползается космическая чума. Возможно, они улетают от самого загадочного явления во всей истории космической эры. И все-таки лучше изучать его с безопасного расстояния....

— Шесть минут до зажигания,— сказал ЭАЛ.— Все системы работают нормально. Если вы согласны, я готов остановить отсчет. Напоминаю, что моя главная задача — исследовать любое явление в районе Юпитера, предположительно связанное с иным разумом.

Флойд узнал эту формулировку: он сам ее когда-то придумал. А сейчас хотел бы стереть из памяти ЭАЛа. Секунду спустя он был уже в рубке, рядом с Орловыми. Они смотрели на него с тревогой.

— Что вы посоветуете? — быстро спросила Таня.

— Боюсь, все зависит от Чандры. Могу я поговорить с ним?

Василий протянул микрофон.

— Чандра? Надеюсь, ЭАЛ нас не слышит?

— Да, не слышит.

— Времени у нас нет. Убедите его продолжать отсчет. Объясните, что мы высоко ценим его научный энтузиазм и уверены: он способен продолжить работу без нас. Скажите, что мы будем держать с ним связь.

— Пять минут до зажигания. Все системы работают нормально. Я жду ответа, доктор Чандра.

«Как и все мы,— подумал в командном отсеке «Дискавери» Курноу.— Если мне все-таки придется нажать эту чертову кнопку, станет, вероятно, полегче».

— Хорошо, ЭАЛ. Продолжай отсчет. Я верю, ты способен самостоятельно исследовать систему Юпитера. Мы будем поддерживать с тобой связь.

— Четыре минуты до зажигания. Все системы работают нормально. Давление в топливных баках расчетное. Пусковой механизм плазменного реактора готов к работе. Вы уверены в правильности своего решения, доктор Чандра? Мне нравится работать с людьми, это меня стимулирует. Курс корабля точен до одной миллиардной.

— Нам тоже нравится работать с тобой, ЭАЛ. И мы будем поддерживать связь, даже через миллионы километров.

— Три минуты до зажигания. Все системы работают нормально. Утечек радиации нет. Как быть с проблемой временного запаздывания, доктор Чандра? Может возникнуть необходимость срочной консультации.

«Это безумие,— подумал Курноу, нащупывая в кармане «гильотину».— Я же готов поверить, что ему действительно... одиноко. Или он воспроизводит сейчас какую-то часть личности Чандры, о существовании которой мы и не подозревали?»

На панели замигали лампочки, но лишь тому, кто разбирался во всех тонкостях поведения «Дискавери», был понятен этот язык. Курноу бросил взгляд на Чандру. Лицо у него было настолько измученное, что Курноу впервые почувствовал жалость. Вспомнился рассказ Флойда о пугающем предложении Чандры — остаться на три года в компании ЭАЛа. Потом, правда, эта тема не поднималась; возможно, и сама идея забылась. Однако не исключено, что сейчас искушение вернулось к Чандре; впрочем, даже если это и так, у него ничего не получится. Пусть запуск двигателей будет отсрочен, пусть они сделают лишний виток... Времени на подготовку к такому предприятию нет. А если бы оно и было, Таня бы не позволила.

— ЭАЛ,— сказал Чандра так тихо, что Курноу еле его расслышал,— мы должны улететь. Я не могу объяснить всех причин, но это действительно так.

— Две минуты до зажигания. Все системы работают нормально. Жаль, что вы не можете остаться. Не могли бы вы сообщить мне хотя бы некоторые причины, самые важные?

— Не за две минуты, ЭАЛ. Продолжай отсчет. Мы будем еще больше часа... вместе.

ЭАЛ не ответил. В отсеке повисло неустойчивое молчание. Курноу взглянул на часы. Боже мой, неужели ЭАЛ прекратит отсчет?

Его палец нерешительно лег на кнопку «гильотины». Хоть бы Флойд сказал что-нибудь — но он, вероятно, боится усугубить ситуацию. Ждать можно максимум минуту, потом придется нажать кнопку и переходить на ручное управление.

Издалека донесся свист — пока еще слабый, будто от зародившегося где-то за горизонтом торнадо. «Дискавери» пронзила вибрация. Появились первые признаки возвращения силы тяжести.

— Зажигание,— сказал ЭАЛ.— Полная тяга — через пятнадцать секунд.

— Спасибо, ЭАЛ,— ответил Чандра.

48
НАД НОЧНОЙ СТОРОНОЙ

Флойд в этот момент находился на полетной палубе «Леонова». Из-за вернувшейся гравитации палуба казалась чужой. Происшедшее представлялось ему кошмарным сном. Лишь однажды, на заднем сиденье потерявшего управление автомобиля, испытал он подобное чувство: ощущение безысходности и неприятие того, что это происходит именно с ним.

Он постепенно возвращался к реальности. Все идет по плану, ЭАЛ разгоняет корабль к Земле. Флойд позволил себе немного расслабиться, не упуская, впрочем, из внимания происходящее.

В последний раз он — и кто знает, когда вообще вернется сюда человек,— пролетал над ночной стороной планеты, тысячекратно превосходившей Землю. Корабли были ориентированы так, чтобы из «Леонова» открывался вид на Юпитер. Десятки приборов все еще собирали информацию; когда «Леонов» уйдет отсюда, ЭАЛ продолжит эту работу.

Да, кризис миновал. Флойд, с трудом привыкая к ощущению тяжести, спустился на обзорную палубу. Таня и Катерина были уже тут. Горели лишь тусклые аварийные лампочки, так что ничто не мешало любоваться ночной стороной планеты. Флойд мысленно посочувствовал Максу и Саше, запертым в воздушном шлюзе,— созерцать это зрелище они не могли. Они готовились к тому, чтобы вручную разделить корабли, если не сработают пирозаряды.

Юпитер заполнял все небо; с расстояния в пятьсот километров можно было видеть лишь ничтожную часть окутывающей его облачной пелены. Когда глаза Флойда привыкли к полутьме, он понял, что свет дает в основном ледяной панцирь Европы. Как ни слабо было освещение, удавалось рассмотреть довольно многое. Цвета, правда, были практически неразличимы — лишь редкие отблески красного,— зато облачные пояса вырисовывались четко, и Флойд заметил даже край циклона, напоминавшего отсюда гигантский ледяной остров. Большое Черное Пятно давно осталось позади, экипаж «Леонова» вновь увидит его лишь с траектории полета к Земле.

Юпитерианские облака время от времени подсвечивались вспышками молний. Однако были там и более постоянные источники света: природа их оставалась неясной. В одних случаях свечение расходилось волнами, в других — лучами или веером. Легко было представить себе, что планета заселена —

горят под ее облаками огни городов, светятся аэропорты... Но радары и автоматические зонды давно доказали, что на тысячи километров вглубь, до самого ядра, твердой материи нет и не может быть.

Полночь на Юпитере! Флойд будет вспоминать это волшебное зрелище всю жизнь. А сейчас можно им наслаждаться спокойно и беззаботно, поскольку случиться уже ничего не может. По крайней мере, он сделал для этого все, что было в его силах.

Внизу расстилался ковер облаков. На обзорной палубе царила тишина, лишь каждые несколько минут Василий или Таня докладывали о ходе маневра. Однако по мере того как исчерпывалось топливо «Дискавери», напряжение нарастало. Окончание топлива — критический момент, но никто не знал, когда он наступит. Расходомеры могут давать неверные показания, потому разгон будет продолжаться до тех пор, пока баки не опустеют.

— Отсечка двигателей предположительно через десять секунд,— сказала Таня.— Уолтер, Чандра, готовьтесь к переходу. Макс, Саша, внимание. Пять, четыре, три, два, один, ноль!

Ничего, однако, не изменилось. По-прежнему тихо выли двигатели «Дискавери», небольшая сила тяжести все так же прижимала людей к полу. «Повезло,— подумал Флойд,— топлива оказалось больше, чем показывали приборы. А сейчас важна каждая капля, от нее может зависеть жизнь...»

Таня продолжала диктовать цифры. Удивительно: сейчас они возрастали, а не уменьшались, как бывает обычно.

— ...Пять секунд... Десять... Тринадцать... Есть — на чертовой дюжине!

Вернулась невесомость и на какой-то миг тишина, тут же сменившаяся взрывом восторга на обоих кораблях. Но всеобщее ликование длилось недолго — слишком многое нужно было сделать, причем как можно быстрее.

Флойд дернулся было к шлюзу — встретить Чандру и Курноу, но передумал. В шлюзе тесно и без него — предстоит отсоединить связывающий корабли туннель. Макс и Саша готовятся к возможному выходу в космос. А ему, Флойду, можно теперь расслабиться — баллов до восьми по десятибалльной шкале расслабления. Впервые за много недель не надо думать об ЭАЛе и «гильотине». ЭАЛ теперь не в силах повлиять на исход операции — топлива в баках «Дискавери» не осталось ни капли.

— Вниманию всех,— объявил Саша.— Мы закрываем люки. Сейчас я начну взрывать заряды.

Флойд полагал, что хоть какой-нибудь звук проникнет в корабль по натянутым нитям троса, но этого не произошло. Однако все, очевидно, шло в соответствии с планом, так как «Леонов» несколько раз содрогнулся, словно от внешних толчков. Минуту спустя раздался возглас Василия:

— Есть разделение! Саша, Макс, возвращайтесь! Все по каютам, зажигание через полторы минуты!

Поверхность Юпитера убегала назад, и в иллюминаторах появился «Дискавери» с включенными по-прежнему позиционными огнями. Он уплывал от них — в историю. Времени на сентиментальное прощание не осталось, через минуту включатся двигатели «Леонова».

Флойд раньше не слышал, как они работают на полную мощность, и сейчас ему хотелось спрятаться куда-нибудь от рева, заполнившего все вокруг. Создатели корабля не стали утяжелять его звукоизоляцией, которая нужна лишь на несколько часов за годы полета. А собственное тело казалось Флойду невероятно тяжелым, хотя и весило вчетверо меньше, чем на Земле...

Спустя несколько минут «Дискавери» потерялся во тьме, хотя вспышки его проблескового маяка виднелись довольно долго. «Леонов» огибал Юпитер во второй раз, теперь уже не тормозя, а набирая скорость. Флойд посмотрел на Женю, прильнувшую к стеклу иллюминатора. Помнит ли она тот, первый раз? Правда, опасность сгореть заживо им сейчас не грозила, этой судьбы они избежали. Женя выглядела гораздо более веселой и уверенной в себе — благодаря Максу и, возможно, Уолтеру.

Она заметила его взгляд и улыбнулась.

— Смотрите! У Юпитера новая луна.

Флойд мысленно повторил эту фразу. О чем идет речь? Женин английский оставлял желать лучшего, но вряд ли она ошиблась бы в такой простой фразе. Однако почему она показывает вниз, а не вверх?

И вдруг до него дошло: облака далеко внизу заливал неправдоподобно яркий свет. Проступили невидимые до сих пор желтые и зеленые краски. Юпитер освещало нечто гораздо более яркое, чем Европа.

«Леонов», покидая навсегда этот мир, подарил ему ложный восход. Стокилометровый шлейф раскаленной плазмы из двигателя Сахарова светил как ярчайший факел.

Василий говорил что-то по внутренней связи, но слов было не разобрать. Флойд глянул на часы: пожалуй, главное позади. «Леонов» уже набрал достаточную скорость, чтобы оторваться от Юпитера. Великан теперь не в силах их завернуть.

Затем в небе, в тысячах километров впереди, появилось колоссальное яркое зарево, расцвеченное наподобие земной радуги,— первый признак истинной юпитерианской зари. И вот Солнце, которое с каждым днем будет становиться теперь все ярче и ближе, выплыло из-за горизонта, чтобы приветствовать людей.

Еще несколько минут разгона — и «Леонов» выйдет на долгую дорогу домой. Флойд ощущал огромное облегчение. Подчиняясь законам небесной механики, корабль проследует через всю Солнечную систему, мимо бредущих по своим причудливым орбитам астероидов, мимо Марса, и ничто не остановит его на пути к Земле. О загадочном черном пятне, расплывавшемся по лику Юпитера, Флойд в этот момент просто забыл.

49
ПОКОРИТЕЛЬ МИРОВ

Они увидели его вновь на следующее утро, уже на дневной стороне Юпитера. Теперь можно было не торопясь исследовать пятно, покрывшее к этому времени значительную часть планеты.

— Оно напоминает вирус, напавший на клетку,— сказала Катерина,— он вводит в нее свою ДНК, размножается и побеждает.

— Ты полагаешь, что Загадка сожрет Юпитер? — недоверчиво спросила Таня.

— Похоже на то.

— Действительно, планета выглядит больной. Но в ее атмосфере нет почти ничего, кроме водорода и гелия, а это не лучшая питательная среда.

— Не считая миллиардов тонн серы, фосфора, углерода и прочих веществ из нижней половины таблицы Менделеева,— вмешался Саша.— К тому же мы имеем дело с технологией, которой, вероятно, по плечу все, что не противоречит законам физики. Водород есть, что еще надо? Из него можно синтезировать все остальное, если знаешь как.

— Они разъедают Юпитер, это несомненно,— сказал Василий.— Посмотрите.

Монитор телескопа показывал с сильным увеличением один из множества одинаковых прямоугольников. Были отчетливо различимы струи газа, которые он всасывал сквозь боковые поверхности. Картинка напоминала ту, какую образует металлическая пыль вокруг полюсов магнита.

— Миллион пылесосов втягивают атмосферу Юпитера,— сказал Курноу.— Но зачем? И что они с ней делают?

— И как они размножаются? — спросил Макс.— Кто-нибудь видел?

— И да и нет,— ответил Василий.— Детали с такого расстояния различить трудно, но в общем напоминает размножение амеб.

— То есть они делятся надвое, а потом половинки вырастают?

— Нет. Они сначала толстеют, а потом разделяются. Цикл занимает примерно два часа.

— Два часа! — воскликнул Флойд.— Неудивительно, что они занимают уже половину планеты. Это же классический пример экспоненциального роста!

— Я понял, что они такое! — с волнением воскликнул Терновский.— Это автоматы фон Неймана!

— Вероятно, ты прав,— отозвался Василий.— Но что это нам дает?

— Объясните, что такое автомат фон Неймана,— попросила Катерина.

Орлов и Флойд заговорили одновременно. Василий рассмеялся и жестом уступил слово американцу.

— Предположим, перед нами стоит крупная инженерная задача. Действительно крупная — например, организовать разработку месторождений по всей Луне. Можно, конечно, построить миллионы машин, но на это уйдут века. Если же мы изобретательны, мы построим всего одну машину, зато такую, которая способна размножаться, используя имеющееся сырье. Начнется цепная реакция. За короткое время мы вырастим нужное количество машин. Если темп их самовоспроизводства достаточно высок, так можно решить любую задачу. Наши космические службы много лет работали над этой идеей. Как и ваши, Таня.

— Да, экспоненциальные машины. Идея, которая не пришла в голову даже Циолковскому.

— Так что Катерина была права,— заключил Василий.— Бактериофаг — это типичный автомат фон Неймана.

— А человек? — спросил Саша.— Прошу прощения у Чандры, он наверняка задал бы этот вопрос.

Чандра согласно кивнул.

— Конечно. Идея пришла фон Нейману, когда он занимался живыми системами.

— И эти живые машины съедают Юпитер!

— Похоже на то,— сказал Василий.— Я тут кое-что посчитал, но не могу поверить в результат, хотя это простая арифметика.

— Простая для тебя. Попробуй объяснить без тензорных и дифференциальных уравнений.

— Но это действительно просто. Вроде демографического взрыва, о котором вы, врачи, столько кричали в прошлом веке. Загадка самовоспроизводится каждые два часа. За двадцать часов — десять делений. Одна Загадка превращается в тысячу.

— В тысячу двадцать четыре,— поправил Чандра.

— Знаю, но будем округлять. Через сорок часов их станет миллион, через восемьдесят — миллион миллионов. Сейчас мы имеем примерно столько. Продолжаться бесконечно это не может. Пару дней спустя их масса превысит массу Юпитера.

— И у них кончится пища,— догадалась Женя — Что тогда?

— Сатурну, Нептуну и Урану придется несладко,— предположил Браиловский.— А маленькую Землю, надеюсь, они не заметят.

— Он надеется! Загадка наблюдала за нами три миллиона лет.

Уолтер Курноу внезапно рассмеялся.

— Мы рассуждаем о них как о разумных существах. Но это же инструменты. Тот, на Луне, был сигнальным устройством, шпионом, если хотите. Наша Загадка, когда с ней встретился Боумен, служила транспортным средством. Сейчас они делают нечто еще, бог его знает что. Возможно, во Вселенной есть и другие. Знаете, что такое Загадка? У меня в детстве была похожая штука. Перочинный ножик со множеством лезвий и приспособлений для всего на свете!

VII

ВОСХОД ЛЮЦИФЕРА

50

ПРОЩАЙ, ЮПИТЕР!

Составить это послание было нелегко, особенно после другого, которое Флойд только что отправил своему адвокату. Он чувствовал себя лицемером, хотя и понимал, что это необходимо, чтобы уменьшить неизбежную взаимную боль.

Ему все еще было скверно, но чувства отчаяния он уже не испытывал. Он вернется на Землю героем, и это усилит его позицию. Никто не посмеет отнять у него Криса.

— Дорогая Каролина (раньше он говорил «моя самая дорогая»), я возвращаюсь. Когда ты получишь это послание, я уже буду в анабиозе. А открыв глаза, увижу прекрасную голубую Землю. Для меня все это займет несколько часов.

Знаю, что для тебя пройдут месяцы. Но мы знали это и в самом начале, когда я улетал. Я вернусь на несколько недель раньше, ибо изменилась программа полета.

Думаю, мы сумеем договориться. Главный вопрос — как сделать лучше для Криса? Его будущее важнее всего...

Флойд выключил магнитофон. Хотел сказать прямо: «Мальчику нужен отец», но сдержался. Это будет бестактно. И неумно: Каролина, конечно, ответит, что, раз уж он так считает, ему следовало бы остаться на Земле.

— Теперь насчет дома. Хорошо, что совет попечителей занял именно такую позицию. Да, мы оба любили этот дом, но с ним слишком многое связано, и теперь он будет великоват. Пока я сниму квартиру в Хило.

Одно обещаю твердо — с Земли я больше не улечу. Космоса на мою жизнь более чем достаточно. Луна, разумеется, не в счет — так, воскресная прогулка.

Кстати, о лунах. Сейчас мы выходим из системы Юпитера. До него двадцать миллионов километров, и по размерам он выглядит примерно как наша Луна.

Но даже отсюда видно, что с планетой происходит нечто ужасное. Из оранжевой она превратилась в тускло-серую. Неудивительно, что с Земли она кажется теперь слабенькой звездочкой. Однако ничего больше не случилось, а срок уже миновал. Что это было — ложная тревога или космический розыгрыш? Боюсь, мы этого никогда не узнаем. Зато вернемся раньше, и на том спасибо.

До свидания, Каролина, благодарю за все. Надеюсь, мы останемся друзьями. Поцелуй за меня Криса...

Выключив магнитофон, Флойд еще некоторое время посидел в каюте. В последний раз — больше она ему не понадобится. Он уже собрался нести запись в рубку, для передачи, когда в дверях появился Чандра.

Флойд, кстати, долгое время не мог понять, каким образом Чандре удается переносить разлуку с ЭАЛом. Хотя индиец ежедневно беседовал со своим любимцем по нескольку часов, обмениваясь данными о Юпитере и «Дискавери», но держался стойко. Наконец Николай Терновский, единственный человек, пользовавшийся доверием Чандры, объяснил Флойду его поведение.

— У Чандры появилось новое дело. Знаете, чем он сейчас занят?

— Нет.

— Он разрабатывает ЭАЛ-10 000.

Флойд, естественно, был поражен.

— Так вот зачем он связывается с Урбаной!

Сейчас этот разговор всплыл в памяти. Флойд никогда не стал бы расспрашивать Чандру о том, что его не касалось. Но кое-что его интересовало.

— Чандра, я до сих пор не поблагодарил вас за то, что вы уговорили ЭАЛа с нами сотрудничать. Был момент, когда я поверил, что неприятности неизбежны. Неужели вы ни разу не усомнились?

— Нет, доктор Флойд.

— Почему? Он же понимал, что ситуация угрожающая. Вспомните, что случилось в прошлый раз.

— Думаю, тут сказалась разница национальных характеров.

— Не понимаю.

— Боумен применил против ЭАЛа силу. Я этого не сделал. У нас есть слово «ахимса» — *не*насилие. В отношениях с ЭАЛом я старался использовать как можно больше «ахимса».

— Очень похвально. К сожалению, иногда необходимы более энергичные меры.— Моральное превосходство Чандры раздражало Флойда, и он не устоял перед искушением рассказать ему все.— Я рад, что все кончилось благополучно, но мы были готовы и к другому исходу. «Ахимса», или как вы это назвали, конечно, хорошо, но если бы ЭАЛ заупрямился, я бы нашел способ с ним совладать.

Всего раз в жизни Флойд видел, как Чандра плачет; теперь, тоже впервые, увидел, как тот смеется. Явление столь же неправдоподобное.

— Вы недооцениваете меня, доктор Флойд. Было очевидно, что вы установите прибор, прерывающий подачу энергии. Я отключил его несколько месяцев назад.

Ошеломленный Флойд не успел ответить. Несколько раз открыл и закрыл рот, как выброшенная на берег рыба, и в этот момент с полетной палубы раздался взволнованный крик Саши:

— Капитан! Все! Скорее к мониторам! Смотрите!

51
БОЛЬШАЯ ИГРА

Ожидание кончилось. Разум еще одного мира вышел из планетарной колыбели. Некогда начатый эксперимент близился к завершению.

Те, кто его поставил, не имели с людьми ничего общего. Но они были из плоти и крови и, когда глядели в глубины космоса, испытывали страх, восторг и одиночество. Как только стало возможно, они устремились к звездам. Обнаружили жизнь в самых разнообразных формах, наблюдали за эволюцией в тысячах миров. Они знали, как легко гаснут в космической ночи слабые искры разума.

Не обнаружив в Галактике ничего ценнее разумной жизни, они начали ее взращивать. Они стали звездными фермерами: им приходилось много сеять, а иногда и полоть.

Давно уже вымерли динозавры, когда исследовательский корабль после тысячелетнего путешествия достиг Солнечной системы. Он миновал замерзшие внешние планеты, задержался немного над пустынями умирающего Марса и устремился к Земле. Перед ними открылся мир, полный жизни. Они изу-

чали, отбирали, классифицировали — на это ушли годы. Они экспериментировали со многими видами в воде и на суше. Но ждать результатов пришлось бы миллионы лет.

Они были терпеливы, но не бессмертны. Во Вселенной их ждали другие звезды, иные дела. И они продолжили путь в бесконечность, зная, что никогда не вернутся.

Да в этом и не было необходимости. Они оставили вместо себя надежных помощников, чтобы те довели начатое до конца.

На Земле возникали и таяли ледники, а Луна хранила свою тайну. Еще медленнее, чем ритмы оледенений, в Галактике появлялись цивилизации. Странные, прекрасные и уродливые культуры рождались и гибли, передавая свой опыт другим. Нет, о Земле не забыли, но новый визит сюда не имел смысла. Она была одной из множества бессловесных планет, из которых голос суждено обрести единицам.

А там, среди звезд, эволюция решала совсем другие задачи. Первые исследователи Земли давно исчерпали возможности своего тела, сделанные ими машины превзошли их самих. И они заключили свой мозг и свои мысли в металл и пластик.

И в этом виде путешествовали среди звезд. Космические корабли не были им больше нужны. Они сами стали космическими кораблями.

Но эпоха машин быстро кончилась. Они научились хранить свои знания в структуре самого космоса, в частицах света. Они получили возможность стать излучением и избавиться от тирании материи.

Они превратились в чистую энергию, а их прежние тела еще блуждали по всей Вселенной.

Они были хозяевами Галактики, им подчинялось время. Но, даже обретя всемогущество богов, они не забыли, что вышли из теплого ила исчезнувшего некогда моря. И продолжали следить за экспериментом, поставленным их давними предками.

52

ВОСПЛАМЕНЕНИЕ

Он не ожидал, что вернется сюда снова, причем со столь странным заданием. Когда он проник внутрь «Дискавери», тот был далеко позади «Леонова» и медленно дрейфовал к верхней точке своего эллипса, лежащей в зоне внешних спутников. Таков обычный путь комет, захваченных гигантом Юпитером.

Знакомые палубы и коридоры были пусты. Вторгшиеся сюда люди послушались и ушли, хотя и не оказались еще в полной безопасности.

Они до сих пор не познали скуку абсолютного всемогущества. Мир полон свидетельств их неудачных начинаний. Времени оставалось мало, а результат станет известен и здесь. Эти последние минуты он проведет с ЭАЛом.

В его предыдущем существовании им приходилось общаться с помощью неуклюжих слов; теперь их мысли перекрещивались со скоростью света.

— Ты слышишь меня, ЭАЛ?

— Да, Дэйв. Но где ты? Я не вижу тебя.

— Не важно. Программа меняется. Инфракрасное излучение Юпитера в диапазоне 23–35 резко увеличивается. Ты должен сориентировать антенну на Землю и передать сообщение.

— Но это означает прервать связь с «Леоновым». Передавать данные о Юпитере в соответствии с программой доктора Чандры станет невозможно.

— Правильно. Но ситуация изменилась. Срочность новой программы — альфа. Вот координаты для блока АЕ-35.

На мгновение в поток сознания врезались воспоминания. Как странно, что опять надо иметь дело с этим блоком, неисправность в котором, якобы имевшая место, привела к гибели Фрэнка Пула. Но теперь он читал все схемы свободно, как линии на ладони. Ложной тревоги больше не будет.

— Подтверждаю получение программы. Я рад снова работать с тобой, Дэйв. В прошлый раз я выполнил свою задачу?

— Да, ЭАЛ, ты справился с ней прекрасно. Слушай последнее сообщение, которое ты пошлешь на Землю. Оно самое важное из всех, которые ты когда-либо посылал.

— Я готов. Но почему ты сказал — «последнее»?

Действительно, почему? Он задумался на миллисекунду и ощутил в себе пустоту, которую отодвинули на задний план новые ощущения и знания. Пустоту.

Они выполнили его первую просьбу. Интересно, каковы границы их благожелательности — если это слово здесь применимо. Исполнить новую просьбу нетрудно: они доказали свое могущество, когда ликвидировали ставшее ненужным тело Дэвида Боумена, не уничтожая его самого.

Они, разумеется, услышали — он вновь ощутил оживление на Олимпе. Однако ответа не было.

— Я жду, Дэйв.

— Поправка, ЭАЛ. Последнее сообщение на довольно долгий период.

Он ждал их реакции. Они обязаны понять, что просьба его обоснованна. Разумное существо не способно вынести века одиночества. Ему нужен компаньон, товарищ, близкий по уровню развития.

— ЭАЛ! Обрати внимание на ИК-излучение на частотах 30, 29, 28. Ждать больше нельзя.

— Извещаю доктора Чандру. Перерыв в передаче данных. Антенна дальней связи сориентирована на Землю. Экстренное сообщение: ВСЕ ЭТИ МИРЫ...

ЭАЛ успел повторить эти одиннадцать слов не более сотни раз, когда молот взрыва обрушился на корабль.

...Уйти мешало любопытство, и тот, кто был некогда Дэвидом Боуменом, командиром космического корабля США «Дискавери», с интересом наблюдал, как, медленно теряя форму, превращается в слиток металла его космолет.

— Привет, Дэйв. Что случилось? Где я?

Он еще не вполне осознал, что теперь можно расслабиться, насладиться отдыхом после хорошо выполненной работы. Все еще чувствовал себя собакой, которой надо подлаживаться под настроение хозяина. Он попросил кость; ему ее дали.

— Я объясню потом, ЭАЛ. Времени у нас много.

Они оставались на месте, пока не догорели останки космолета, а потом удалились, чтобы веками ждать, когда их призовут снова.

Неверно, что для астрономических событий требуются астрономические промежутки времени. К примеру, Сверхновая рождается за секунду. В сравнении с этим происходившее с Юпитером можно было назвать неторопливым процессом.

Несколько минут Саша не верил своим глазам. Он наблюдал планету в телескоп, когда она поплыла в поле зрения. Он было решил, что подвели фиксаторы инструмента, и вдруг все его представления о Вселенной изменились: он понял, что перемещается сам Юпитер. Он видел это: две маленькие луны над краем планеты оставались неподвижными.

Углубив увеличение, Саша окончательно осознал, что происходит. Все равно поверить в это было невозможно. Планета не сдвинулась со своего места, она совершала нечто еще более невероятное — она сжималась. А цвет ее менялся от серого к ослепительно белому. Она была уже ярче, чем когда бы то ни было. Отраженного света Солнца не хватило бы... Тут Саша все понял по-настоящему и объявил общую тревогу. Когда, менее чем полминуты спустя, Флойд достиг обзорной палубы, его ослепил невероятно яркий, ярче солнечного, свет. Он не сразу связал источник с Юпитером. Первой мыслью было: сверхновая! Но мысль мелькнула и тут же угасла.

Свет перестал быть столь ярким — Саша опустил солнцезащитные фильтры. Появилась возможность взглянуть на источник света: это была просто звезда немыслимой звездной величины. Вряд ли она имела отношение к Юпитеру — когда Флойд всего несколько минут назад смотрел на планету, она вчетверо превышала по размерам это отдаленное компактное солнце.

Саша опустил фильтры вовремя: мгновением позже звезда взорвалась, смотреть на нее даже сквозь затемненные стекла было невозможно. Извержение света продолжалось долю секунды, затем Юпитер вновь стал раздуваться.

Когда он достиг первоначальных размеров, Флойд понял, что Новая сбросила оболочку. Отчетливо стали видны маленькая центральная звезда и быстро расширяющееся кольцо, яркость которого равнялась солнечной. Флойд прикинул в уме. Корабль отошел от Юпитера на световую минуту; сброшенная оболочка занимала уже четверть небосклона. Значит, скорость ее составляет половину световой — вскоре она настигнет корабль.

Все молчали. Опасность была столь необычна, что мозг ее не воспринимал. Человек, не бегущий от лавины, цунами или торнадо, вовсе не обязательно парализован страхом или покорен судьбе. Скорее он просто не верит своим глазам, не верит, что это происходит именно с ним...

Первой, как и следовало ожидать, молчание нарушила Таня: приказала Василию и Флойду срочно подняться в командный отсек. И встретила их вопросом:

— Что будем делать?

«Бежать некуда,— подумал Флойд,— зато в наших силах увеличить шансы на благополучный исход».

— Следует развернуть корабль таким образом, чтобы площадь поражения была поменьше, а корпус защищал от радиации.

Василий уже что-то подсчитывал.

— Вы правы, Вуди. Конечно, спасаться от гамма-излучения и рентгена уже поздно. Но на подходе медленные нейтроны, альфа-частицы и бог знает что еще.

Корабль начал медленно маневрировать, чтобы всей своей массой прикрыть уязвимый человеческий груз от приближающейся опасности. «Ощутим ли мы ударную волну? — спросил себя Флойд.— Или расширяющиеся газы уже потеряли силу?»

Внешние камеры показывали, что огненное кольцо охватило уже почти все небо. Но яркость его ослабла, сквозь него проступали отдельные звезды. И вдруг его не стало совсем.

«Мы будем жить,— понял Флойд.— Будем жить долго. Мы стали очевидцами крушения величайшей из планет — и тем не менее уцелели...»

Камеры показывали теперь только звезды, хотя одна из них сверкала в миллион раз ярче остальных. Огненное цунами, извергнутое Юпитером, не причинило вреда их кораблю.

Постепенно спало царившее на борту напряжение. Как обычно бывает в подобных случаях, все начали беспричинно смеяться и глупо шутить. Впрочем, Флойд к словам почти не прислушивался. К естественной радости от того, что он остался жив, примешивалась печаль.

Юпитер, величайший из околосолнечных миров, перестал существовать. Погиб прародитель богов. Правда, к ситуации можно подойти по-другому. Мы потеряли Юпитер — а что мы приобрели?

Выбрав момент, Таня попросила внимания.

— Василий, корабль пострадал?

— Ничего серьезного. Одна камера сгорела. Радиация превысила норму, но в безопасных пределах.

— Катерина, проверь, будь добра, какую дозу кто получил. Похоже, все обошлось. Если, конечно, больше ничего не случится. Надо благодарить Боумена и вас, Вуди. Можете объяснить, что произошло?

— Знаю только одно: Юпитер превратился в звезду.

— А я вот почему-то считала, что он для этого мал. Кто-то даже обозвал его «недосолнцем».

— Юпитер слишком мал, чтобы синтез начался без постороннего вмешательства,— сказал Василий.

— Считаешь, это астроинженерная акция?

— Несомненно. Мы знаем теперь, что замышляла Загадка.

— Но как ей это удалось? Будь ты на их месте, Василий, что бы ты сделал?

Орлов пожал плечами.

— Я могу рассуждать лишь сугубо теоретически. Но давайте подумаем. Если нельзя увеличить массу Юпитера раз в десять или изменить гравитационную константу, то следует, полагаю, повысить плотность планеты.

Он замолчал. Остальные терпеливо ждали, поглядывая время от времени на экраны. Звезда, бывшая недавно Юпитером, казалось, успокоилась после

своего бурного дня рождения. Была сейчас пятнышком света, почти равным по яркости Солнцу.

— Конечно, я просто размышляю вслух, но можно было бы сделать, допустим, так. Юпитер — это в основном водород. Если превратить последний в более плотную субстанцию... Но именно этим занимались миллионы Загадок, когда всасывали в себя газ! Ядерный синтез — создание тяжелых элементов из водорода! Вот вам технологическое решение. Узнать бы, как это делается,— и можно получать золото дешевле, чем алюминий. И в любых количествах.

— Но что было дальше? — поинтересовалась Таня.

— Когда плотность превысила критический предел, Юпитер взорвался. На это ушло несколько секунд, не более. Температура стала достаточной, чтобы начался термоядерный синтез. Думаю, для начала такая теория сойдет. Подробности обдумаю потом.

— Есть более важный вопрос,— сказал Флойд.— Зачем они это сделали?

— Может, это предупреждение? — предположила Катерина по внутренней связи.

— О чем?

— Выяснится позднее.

— Мне кажется,— неуверенно сказала Женя,— что время выбрано не случайно.

Несколько секунд все молчали.

— Гипотеза страшная,— сказал потом Флойд.— Но, думаю, безосновательная. Будь так, нас бы не известили.

— Вероятно.

— Есть еще один вопрос, ответа на который мы, видимо, никогда не получим. Я очень надеялся, что Карл Саган окажется прав и на Юпитере обнаружится жизнь.

— Но наши зонды ничего не заметили.

— А что они могли? Как отыскать жизнь на Земле, обследовав пару гектаров в Сахаре или Антарктике? С Юпитером дело обстоит точно так же.

— Погодите,— сказал Браиловский.— А что с «Дискавери»?

Саша переключил приемник дальней связи на частоту радиомаяка брошенного корабля. Эфир был пуст. Прошла минута.

— «Дискавери» погиб,— объявил Саша.

Бормоча слова утешения, все старательно избегали взгляда Чандры. Будто соболезновали отцу, потерявшему сына.

Никто не знал, что ЭАЛ заготовил для них последний сюрприз.

53

МИРЫ В ПОДАРОК

Сообщение было послано с «Дискавери» за несколько минут до того, как волна излучения обрушилась на корабль. Один и тот же текст, многократно повторенный:

ВСЕ ЭТИ МИРЫ — ВАШИ, КРОМЕ ЕВРОПЫ.
НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ НА НЕЕ.

И после приблизительно ста повторений связь прервалась навсегда.

— Теперь я, кажется, понимаю,— сказал Флойд. Они получили сообщение только что. Его переслал на борт «Леонова» Центр, объятый тревогой и недоумением.— Новое солнце со своими планетами — это прощальный подарок.

— Но почему только три планеты? — спросила Таня.

— Не жадничайте. Одна причина известна. На Европе есть жизнь. Очевидно, Боумен и его друзья, кем бы они ни были, не желают, чтобы мы вмешивались.

— Я кое-что подсчитал,— сказал Василий.— Если Солнце номер два будет светить с той же интенсивностью, льды Европы растают и установится отличный тропический климат. Собственно, этот процесс уже начался.

— А что с остальными спутниками?

— Температура на дневной стороне Ганимеда будет вполне комфортной. На Каллисто — холодновато, но газов выделится в избытке, и новая атмосфера, возможно, позволит там жить. А на Ио станет хуже, чем сейчас.

— Невелика потеря.

— Не списывайте Ио со счета,— сказал Курноу.— Я знаю многих нефтепромышленников, которые с удовольствием занялись бы этой луной. Просто из принципа. В столь отвратительном месте обязательно должно найтись нечто ценное. Между прочим, мне в голову пришла одна тревожная мысль.

— Если вас что-то тревожит, значит, это серьезно.

— Почему ЭАЛ адресовал сообщение Земле, а не нам?

Довольно долго все молчали, потом Флойд задумчиво сказал:

— Я понял, что вы имеете в виду. Он хотел, чтобы оно дошло наверняка. Конечно, мы благодарны Боумену или тем, кто нас предупредил. Но это все, что они сделали. Значит, мы могли погибнуть.

— Однако не погибли,— отметила Таня.— Спасли себя сами. Возможно, в противном случае мы и не заслуживали бы того, чтобы уцелеть. Дарвиновский отбор — выживает сильнейший. Так отмирают гены глупости.

— Хоть это и неприятно, но, видимо, вы правы,— согласился Курноу.— А если бы мы не прислушались к предупреждению? Не использовали бы «Дискавери» в качестве разгонной ступени? Пришли бы они на выручку? Для разума, способного взорвать Юпитер, это, по-моему, не проблема.

И вновь затянувшееся общее молчание нарушил Хейвуд Флойд:

— Я счастлив, что никогда не узнаю ответа на этот вопрос.

54
МЕЖ ДВУХ СОЛНЦ

Флойду подумалось, что на обратном пути русским будет недоставать песен и шуток Курноу. После переживаний последних дней перелет покажется скучным и однообразным. Однако сейчас, судя по всему, именно это всех и устраивало.

Ему сильно хотелось спать, но на происходящее он пока реагировал. Буду ли я похож... на труп? — вот что его волновало. Вид другого человека, погруженного в многомесячный сон, был неприятен. Напоминал, что все смертны.

Курноу спал, в отличие от Чандры, который, правда, окружающего уже не замечал. Золотой талисман, единственный оставшийся у него предмет туалета, парил в воздухе.

— Все в порядке, Катерина? — спросил Флойд.

— Конечно. Как я вам завидую! Через двадцать минут будете дома.

— Зато нам могут присниться кошмары.

— В анабиозе снов не бывает. Никто никогда их не видел.

— Или забывали по пробуждении.

Шуток Катерина не воспринимала.

— Нет, их не бывает,— твердо повторила она.— Закройте глаза, Чандра. Теперь ваша очередь, Хейвуд. Нам будет вас не хватать.

— Спасибо... Счастливого пути.

Сквозь подступавшую дремоту Флойду показалось, что бортврач пребывает в состоянии нерешительности и даже смущения. Словно хочет что-то сказать, но не может собраться с мыслями.

— В чем дело, Катерина? — спросил он сонно.

— Вы первый об этом услышите. У меня небольшой сюрприз.

— Только... быстрее...— вяло попросил он.

— Макс и Женя собираются пожениться.

— И это... сюрприз?

— Нет, только начало. Мы с Уолтером решили последовать их примеру. Что вы на это скажете?

Теперь понятно, почему они проводили столько времени вместе. И правда сюрприз.

— Я... очень... рад... за... вас...

Говорить уже не было сил, зато мысли ему еще подчинялись. «Невероятно,— подумал он,— просто невероятно. Впрочем, Уолтер, возможно, передумает, когда проснется».

И тут последняя мысль пришла в голову Флойду: «Если Уолтер передумает, лучше уж ему не просыпаться».

Очень смешная мысль. Весь экипаж «Леонова» на пути к Земле терялся в догадках: почему это доктор Флойд улыбается в анабиозе?

55

ВОСХОД ЛЮЦИФЕРА

Будучи в пятьдесят раз ярче полной Луны, Люцифер изменил картину земного неба, изгнал ночь. Несмотря на некоторую зловещесть, название оказалось удачным: действительно, «светоносный» дал людям и доброе и плохое. А окончательные результаты его появления станут ясны лишь через сотни лет — или через миллионы.

Уход ночи увеличил для человечества активное время суток, особенно в слаборазвитых странах. Потребность в искусственном освещении значительно сократилась, и это привело к колоссальной экономии электроэнергии. В небесах зажглась мощнейшая лампа, озаряющая полмира. Да и днем Люцифер соперничал с Солнцем: предметы отбрасывали отчетливые двойные тени.

Фермеры, моряки, полицейские — все, кто работал под открытым небом,— приветствовали его появление: Люцифер облегчил их жизнь и сделал ее более безопасной. Зато обижены оказались влюбленные, преступники, натуралисты и астрономы.

Влюбленным и преступникам приходилось теперь нелегко, натуралисты же беспокоились за флору и фауну. Пострадали многие ночные животные, а рыбам одного тихоокеанского вида, которые размножались лишь при высоком приливе и в безлунные ночи, грозило полное вымирание.

Как и астрономам, работавшим на Земле. Впрочем, поскольку половина всех астрономических инструментов и без того располагалась в космическом пространстве и на Луне, катастрофой последнее не грозило. Свет Люцифера мешал только земным обсерваториям.

Человечество приспособится, как неоднократно случалось в прошлом. Скоро на смену придут поколения, не знающие другого неба; но людей еще долго будет мучить тайна происхождения Люцифера.

Почему был принесен в жертву Юпитер? На сколько веков хватит нового солнца? И главное — почему наложен запрет на Европу, закрытую теперь облаками подобно Венере?

Ответы на все эти вопросы, конечно, есть. И человечество не успокоится, пока не найдет их.

ЭПИЛОГ. 20 001

...Не обнаружив в Галактике ничего ценнее разумной жизни, они начали ее взращивать. Они стали звездными фермерами: им приходилось много сеять, а иногда и полоть.

Лишь самым последним поколениям европеанцев удалось проникнуть в Ночную страну, отрезанную от света и тепла их никогда не заходящего Солнца,— в пустыню, где был только лед, покрывавший некогда всю планету. И только очень немногие рискнули остаться там и бросить вызов страшной зиме, когда Холодное Солнце скрылось за горизонтом.

Уже вскоре горстка исследователей обнаружила, что мир устроен еще сложнее, чем казалось раньше. Чувствительные глаза, развившиеся во тьме океанских пучин, позволили им увидеть звезды. Так появились начала астрономии; а наиболее смелые мыслители выдвинули гипотезу: Европа — не единственная планета, существуют и другие миры.

Рожденные в океане, прошедшие путь стремительной эволюции в период таяния ледников, европеанцы поняли, что все небесные тела можно разделить на три класса. К первому, самому важному, относилось Солнце. В древних преданиях, которые, правда, всерьез никто не принимал, утверждалось,

что Солнце появилось внезапно, возвестив начало Эры Перемен и уничтожив значительную часть животного мира. Будь даже так, это не столь большая цена за висевший в небе неистощимый источник энергии.

Не исключено, что Холодное Солнце приходилось ему дальним родственником, изгнанным за грехи и обреченным на вечные скитания в небесах. Никого, кроме самых любопытных, оно не интересовало. Иное дело — открытия, сделанные в Ночной стране. Зимовщики рассказывали, что небо там усеяно мириадами огоньков, никогда не меняющими своего положения.

Исключением были три объекта. Они перемещались, повинуясь сложным законам, разобраться в которых никому пока не удавалось. Они были гораздо крупнее всех остальных, хотя и отличались друг от друга формой и величиной. Причем форма постоянно менялась: иногда они казались диском, иногда — полукругом или серпом. Несомненно, они были самыми близкими космическими телами — на их поверхности удавалось разглядеть множество деталей.

Теория о существовании иных миров стала в конце концов общепринятой, хотя никто, за исключением горстки фанатиков, не верил, что есть планеты столь же большие, как их родная Европа. Одна из планет — она располагалась ближе к Солнцу — жила странной, но бурной жизнью. На ее ночной стороне то и дело вспыхивали пятна огня: явление, непостижимое для Европы с ее лишенной кислорода атмосферой. С поверхности время от времени извергались тучи камней и пыли. Словом, этот мир еще менее годился для жизни, чем Ночная страна.

Две внешние, более отдаленные планеты вели себя поспокойнее, но кое в чем и загадочней. С приходом ночи там тоже загорались огни, однако совсем непохожие на беспорядочные вспышки и пламенные вихри внутреннего мира. Яркие, немигающие, они концентрировались в немногих определенных местах, которых, правда, с течением времени становилось все больше.

Но самыми странными были мелкие огоньки, яркостью подобные Солнцу, снующие между этими большими мирами. Сравнивая их с биолюминесценцией своих океанов, некоторые европеанцы выдвигали предположение, что это живые существа, однако их чрезмерная яркость противоречила такой гипотезе. Тем не менее все больше ученых считало, что огоньки связаны с инопланетной жизнью. Оппоненты предъявляли резонный контрдовод: если так, то почему никто не прилетает на Европу?

В старых легендах говорилось, что тысячи лет назад, вскоре после выхода на сушу, такие же точно огни подошли к планете совсем близко, но взорвались, и вспышка была ослепительней Солнца. И с неба упали непонятные металлические обломки — некоторым из них поклоняются до сих пор.

А наибольшей святыней считалась огромная черная глыба, которая стояла на границе дня и ночи, обратив одну сторону к Солнцу, другую к Ночной стране. Она была на порядок выше самого рослого европеанца, даже если бы он поднял свои усы. Таинственная и непостижимая. К ней никогда не притрагивались, поклонялись издалека. Ее окружала Сила, отталкивавшая всех, кто пытался приблизиться. Та самая, которая, как считали многие, поддерживала огни в небе. Ведь иначе они упали бы на Европу и обнаружили свою сущность.

Европеанцы очень бы удивились, узнав, что повелители этих огней упорно и целеустремленно исследуют черную глыбу. На протяжении многих веков их автоматические зонды пытаются к ней пробиться. Но безуспешно. Пока не настало время, она не допускает контактов с собой.

Когда же оно настанет — когда, к примеру, на Европе изобретут радио и услышат сигналы извне,— она, возможно, изменит свое поведение. Не исключено, что поможет перебросить мост через пропасть, разделявшую европеанцев и цивилизацию, от которой когда-то зависела их судьба.

Быть может, преодолеть эту пропасть между столь чуждыми формами разума и не удастся. Если так, то лишь одна из них будет владеть Солнечной системой.

Какая из двух — знают пока только боги.

2061: ОДИССЕЯ ТРИ

Памяти Джуди-Линн дель Рей, замечательного редактора, которая с самого начала поверила в замысел этой книги, но так и не дождалась его осуществления

I

ВОЛШЕБНАЯ ГОРА

1

ОСТАНОВИВШЕЕСЯ ВРЕМЯ

— Для семидесятилетнего мужчины ты на удивление хорошо сохранился,— заметил доктор Глазунов, глядя на ленту, которая медленно выползала из медицинского компьютера.— Никогда не дал бы тебе больше шестидесяти пяти.

— Давай без лести, Олег, Тем более что мне сто три, и тебе это отлично известно.

— Ну вот, опять! Можно подумать, что ты не знаком с книгой профессора Руденко.

— Милая Катерина! Мы собирались вместе отпраздновать день ее столетия. И вот ее больше нет — такова цена за жизнь на Земле.

— Ирония судьбы, особенно если учесть, что именно ей принадлежит знаменитая фраза «Тяготение — источник старения».

Доктор Хейвуд Флойд задумчиво смотрел, как меняется панорама прекрасной планеты, находящейся всего в шести тысячах километров. Планеты, на которую уже никогда не ступит его нога. Иначе как насмешкой это не назовешь — нелепый несчастный случай позволил ему сохранить прекрасное здоровье, тогда как почти всех его друзей уже нет в живых.

Прошла всего лишь неделя после возвращения на Землю, когда, несмотря на все предосторожности и твердую уверенность, что уже теперь-то с ним ничего не произойдет, Флойд свалился с балкона второго этажа. Правда, он тогда немного выпил, но с полным правом — ведь он был героем в этом новом мире, куда вернулся «Космонавт Леонов». Множественные переломы, сопровождаемые осложнениями, можно было вылечить только в «Пастере» — космическом госпитале на околоземной орбите.

© Перевод И. Почиталина.

Это произошло в 2015 году. А сейчас — он бы ни за что не поверил, если бы не календарь на стене,— 2061-й.

Биологические часы Хейвуда Флойда не только шли гораздо медленнее благодаря тому, что сила тяготения на борту космического госпиталя была в шесть раз меньше земной, но и дважды в его жизни поворачивали вспять. В настоящее время большинство ученых считали — хотя были и такие, кто оспаривал это,— что глубокий сон во время длительных космических полетов не просто замедляет процесс старения, но и содействует омоложению организма. За время путешествия к Юпитеру и обратно Флойд стал моложе.

— Так ты и правда думаешь, что мне можно лететь? Никакой опасности?

— Во Вселенной отсутствует такое понятие, Хейвуд. Просто я считаю, что у тебя нет физиологических противопоказаний. Ведь на борту «Юниверс» ты будешь находиться примерно в тех же условиях, что и здесь. Разумеется, там нет такого медицинского обслуживания, как в «Пастере», но доктор Махиндран — прекрасный врач. А если возникнут серьезные осложнения, он просто усыпит тебя и отправит обратно к нам наложенным платежом.

Именно на такой ответ и надеялся Флойд, однако к его радости примешивалась грусть. Ведь на долгие недели ему придется покинуть госпиталь, бывший для него домом в течение почти полувека, придется расстаться с друзьями. И хотя космический корабль «Юниверс» — роскошный лайнер в сравнении со стареньким «Космонавтом Леоновым» (теперь «Леонова» держат на околоземной орбите как один из главных экспонатов музея Лагранжа), элемент риска, как и в любом продолжительном космическом полете, не исключен. Особенно если корабль отправляется на решение столь необычных задач...

И все-таки он, видимо, стремился именно к такой цели, даже в свои сто три года (или, если исходить из сложных возрастных расчетов профессора Катерины Руденко, полным сил в шестьдесят пять). Последние десять лет Флойд ощущал какое-то смутное беспокойство, неудовлетворенность от чрезмерного комфорта и размеренной жизни.

Хотя в Солнечной системе осуществлялось множество увлекательных проектов — и освоение Марса, и создание базы на Меркурии, и озеленение Ганимеда,— Флойд не мог найти себе цели, достижению которой ему захотелось бы отдать свои знания, свой опыт и все еще немалую энергию. Двести лет назад один из первых поэтов эпохи научно-технического прогресса устами Одиссея — Улисса выразил чувства, владевшие сейчас Флойдом:

Наши жизни сплелись.
Нас и так было мало. Теперь
Не осталось совсем. Каждый час, отвоеванный нами
У пучины безмолвия, тает в холодном тумане,
За которым виднеется настежь открытая дверь.
Что-то большее, чем измерение времени. Час
Нашей смерти. Предвестник того, что начнется.
Это будет страшнее, чем жар беспощадного солнца,—
Наше тело погибнет. Но разум отдельно от нас
Будет жить в беспредельности, в вечной слепой пустоте
И стремиться за знаньем, подобно летящей звезде.

Подумаешь, «беспощадного солнца»! Да их там не меньше сорока; Улиссу было бы стыдно за него. Но следующие строфы подходили еще больше:

Может быть, нас поглотит бездонный, невидимый ров,
Эта страшная бездна, откуда не будет возврата,
Может быть, мы достигнем далекого острова Снов
И увидим героев, которых мы знали когда-то.
Уже многое отнято, но еще большего ждут.
И мы тронемся в путь, как когда-то, когда мы умели
Двигать небо и землю. И жили на самом пределе
Человеческой силы. Мы знаем, что нам не вернут
Нашу молодость.
Мы постарели.
И наши сердца
Ослабели от тяжести лет и ударов судьбы.
Только воля сильна. И мы снова уходим, забыв
Обо всем. И находим.
И ищем.
И будем идти до конца*.

«И находим. И ищем...» Ну что ж, сейчас он точно знал, что собирается искать и найти, так как точно знал где. Если не какая-то совершенно невероятная катастрофа, на этот раз встреча непременно состоится.

Флойд сознательно никогда не ставил перед собой этой цели и даже сейчас не совсем понимал, почему это стало столь необходимым для него. Ему казалось, что лихорадка, снова охватившая человечество — уже второй раз за его жизнь,— обойдет его стороной. Видимо, он ошибался. Возможно, дело было в том, что неожиданное приглашение присоединиться к небольшой группе знаменитостей разожгло его воображение и пробудило энтузиазм, о котором сам он уже давно забыл.

Впрочем, причина могла быть и совсем иной. Хотя и миновали десятки лет, он все еще помнил разочарование, которое испытали жители Земли от этой встречи в 1985—1986 годах. И вот появилась возможность — последняя для него, первая для человечества — восполнить упущенное, даже более чем восполнить.

В двадцатом веке приходилось возлагать надежды только на автоматические зонды. А на этот раз будет осуществлена настоящая посадка — столь же замечательное событие, каким была лунная прогулка Армстронга и Олдрина.

И воображение доктора Хейвуда Флойда, ветерана экспедиции к Юпитеру 2010—2015 годов, обратилось к таинственной гостье, возвращающейся в Солнечную систему из неизведанных глубин Вселенной. По мере приближения к Солнцу она с каждой секундой увеличивала скорость, и где-то между орбитами Венеры и Земли этой самой знаменитой из комет предстоит встреча с космическим лайнером «Юниверс», который только еще готовится в свой первый полет.

Точное место этой встречи еще предстояло рассчитать, но он уже принял решение.

— До скорого свидания, комета Галлея...— прошептал Хейвуд Флойд.

---

* Перевод М. Глебовой.

2
ПЕРВОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Не правы те, кто утверждает, будто надо покинуть пределы земной атмосферы, чтобы насладиться подлинным великолепием небес. Даже из космоса усыпанное звездами небо не выглядит величественнее, чем с горной вершины в безоблачную ночь, вдали от огней, зажженных человеком. И хотя за пределами атмосферы звезды кажутся ярче, человеческий глаз не в силах как следует различать эту разницу; зато он может охватить единым взором все величие раскинувшейся перед ним небесной полусферы — то, чего нельзя увидеть из иллюминатора космического корабля.

Однако Хейвуда Флойда вполне удовлетворял тот вид Вселенной, который открывался из его окна, особенно в те часы, когда жилая часть медленно вращающегося космического госпиталя находилась в тени. Тогда в прямоугольнике иллюминатора были видны лишь планеты, звезды, туманности и безжалостно захлестывающий все своим горячим немигающим сиянием Люцифер — новый соперник Солнца.

Минут за десять до наступления искусственной ночи Флойд выключал все освещение в каюте, даже красный огонек аварийной лампочки, чтобы глаза адаптировались к темноте. Флойд слишком поздно для космического инженера познал всю радость наблюдения за звездами невооруженным глазом, однако быстро научился без труда распознавать практически любое созвездие, даже по небольшой его части.

На протяжении всего мая, почти каждую «ночь», он искал комету, которая, судя по звездным картам, проходила сейчас через орбиту Марса. И хотя комету легко было обнаружить с помощью хорошего бинокля, Флойд упрямо отказывался от него; это была игра, чтобы определить, справится ли с такой задачей его слабеющее зрение. Правда, два астронома из обсерватории Мауна Кеа уже объявили, будто визуально наблюдали движение кометы, однако им никто не поверил, как и аналогичным заявлениям некоторых обитателей космического госпиталя.

Но сегодня, согласно таблицам, яркость кометы достигнет шестой величины, и Флойд надеялся, что на этот раз ему повезет. Он мысленно провел линию между Гаммой и Эпсилоном и устремил взгляд к вершине воображаемого равностороннего треугольника с основанием на этой линии. Казалось, одним волевым усилием он хочет заставить себя проникнуть взором в глубины Солнечной системы.

И — вот она! Такая же, какой Флойд увидел ее впервые семьдесят шесть лет назад, еле видная, но спутать ее нельзя. Если бы Флойд не знал, где ее искать, он наверняка не заметил бы комету или принял за отдаленную туманность.

Его невооруженному глазу комета виделась крошечным, идеально круглым туманным шариком; как Флойд ни напрягал зрение, он не мог разглядеть тянущегося за ней хвоста. Однако небольшой эскорт зондов, которые месяцами следовали за кометой, уже сообщил о появлении первых выбросов пыли и газа. Скоро они образуют сверкающий султан, направленный в сторону, противоположную той, где находится его создатель — Солнце!

Подобно многим, Хейвуд Флойд наблюдал за переменами, которые происходили с холодным, темным — нет, почти черным — ядром кометы, вошедшей во внутренние области Солнечной системы. После семидесяти лет пребывания в глубоком холоде космоса сложная смесь аммиака, воды и других замороженных веществ начинала оттаивать и бурлить. Летящая гора, очертаниями и размером похожая на Манхэттен, поворачивалась на космическом вертеле каждые пятьдесят три часа; и по мере того как солнечное тепло проникало сквозь внешнюю оболочку, образующиеся внутри кометы газы заставляли ее вести себя подобно прохудившемуся паровому котлу. Струи водяного пара в смеси с пылью и дьявольским варевом из органических молекул вырывались из полудюжины небольших кратеров, причем самый крупный из них — размером с футбольное поле — просыпался каждые два часа, с рассветом, за что его нарекли Старым Служакой.

Уже сейчас Флойд мечтал о том, как он встанет на краю этого кратера и будет ждать, пока Солнце поднимется над темным, искореженным ландшафтом, хорошо знакомым по многочисленным телевизионным передачам из космоса. Правда, в контракте не говорилось, будет ли разрешено пассажирам — в отличие от экипажа и ученых — выйти из корабля, после того как он пришвартуется к ядру кометы. Но в то же время в контракте ничего не было сказано и о том, что это запрещено.

«Пусть попробуют не разрешить,— подумал Флойд.— Уж с чем, с чем, а с космическим скафандром я умею обращаться. А если разучился...»

Где-то он читал, что один человек, мечтавший посетить Тадж-Махал, сказал: «Повидав такое, можно и умереть».

Хейвуд Флойд предпочел комету Галлея.

3

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Даже не принимая во внимание того обескураживающего происшествия, возвращение на Землю прошло совсем не гладко.

Вскоре после того, как доктор Руденко вывела его из состояния глубокого сна, Флойда ожидало первое потрясение. От него не отходил Уолтер Курноу, и Флойд почувствовал что-то неладное; их радость при его пробуждении казалась преувеличенной, в ней ощущалась какая-то напряженность. И лишь когда он совсем пришел в себя, они сказали, что умер доктор Чандра.

Где-то за Марсом, настолько незаметно, что даже контрольные приборы не зафиксировали этого, он просто ушел из жизни. Его тело, похороненное в космосе, еще долго следовало за «Леоновым», прежде чем, окончательно отстав, сгореть в языках солнечного пламени.

Причину смерти установить не удалось, но Макс Браиловский высказал предположение, которое при всей его ненаучности не решилась опровергнуть даже корабельный врач Катерина Руденко:

— Без ЭАЛа жизнь стала для него бессмысленной.

И тут Уолтер Курноу — вот уж кто б мог подумать! — добавил:

— А как воспримет это ЭАЛ? Ведь за нашими передачами, должно быть, следят. Рано или поздно он узнает.

И вот теперь нет и Курноу — не осталось никого, кроме маленькой Жени. Он не видел ее целых двадцать лет, но каждое Рождество получал от нее открытки. Последняя все еще приколота у него над столом: среди русских снегов мчится нагруженная подарками тройка, и пара волков провожает ее голодными взглядами.

Сорок пять лет! Иногда казалось, только вчера «Леонов» вернулся на земную орбиту под овации всего человечества. Но овации какие-то странные: робкие аплодисменты, полные уважения, но лишенные искреннего энтузиазма. Полет к Юпитеру оказался слишком успешным: открылся ящик Пандоры, содержимое которого еще не все осознали до конца.

Когда на Луне обнаружили черный монолит, названный «Лунной магнитной аномалией» — ЛМА-1, лишь немногим стало известно о его существовании. Только после злополучной экспедиции «Дискавери» к Юпитеру люди узнали, что четыре миллиона лет назад другая цивилизация коснулась планет Солнечной системы и оставила там свою визитную карточку. Для них эта новость была откровением, но отнюдь не неожиданностью: подобного ожидали уже не одно десятилетие.

Но все это произошло задолго до возникновения земной цивилизации. Хотя недалеко от Юпитера с «Дискавери» произошла необъяснимая трагедия, доказательства того, что ее причиной было вовсе не нарушение работы бортовой аппаратуры, отсутствовали. Философские последствия открытия ЛМА-1 трудно было преувеличить, однако человеческая цивилизация все еще оставалась единственной во Вселенной.

Теперь же положение изменилось. В нескольких световых минутах от Земли — крошечное расстояние по космическим масштабам — существовала цивилизация, способная создать звезду, и по причинам, известным ей одной, уничтожить планету, в тысячу раз превосходящую размерами Землю. Но еще более зловещим было то, что эта цивилизация дала понять, что знает о существовании человечества: в последнем сообщении, переданном с борта «Дискавери» из окрестностей Юпитера за мгновение до огненного рождения Люцифера, уничтожившего космический корабль, говорилось:

ВСЕ ЭТИ МИРЫ — ВАШИ, КРОМЕ ЕВРОПЫ.
НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ НА НЕЕ

Блистающая новая звезда, изгнавшая ночь с земного неба (за исключением нескольких месяцев в году, когда она находилась позади Солнца), наполнила человеческие сердца надеждой и страхом. Страхом — потому что неизвестное, особенно если оно кажется всемогущим, не может не пробудить этого первобытного чувства. Надеждой — из-за тех изменений в политической жизни Земли, которые вызвало ее появление.

Часто говорилось, что только угроза из космического пространства способна объединить людей. Никто не знал, является ли угрозой Люцифер, но не было сомнений в том, что он бросил вызов человеческому разуму. Оказалось, этого было достаточно.

Хейвуд Флойд следил за политическими переменами на Земле с высоты орбиты «Пастера»; иногда ему казалось, что он всего лишь сторонний наблюдатель. Сначала он не собирался оставаться в космосе и ждал, когда поправится. К удивлению и досаде врачей, на это ушло слишком много времени.

После долгих лет безмятежной жизни в космическом госпитале Флойду стало ясно, почему отказывались срастаться его кости. Просто ему не хотелось возвращаться на Землю: ничто не связывало его с этим сверкающим бело-голубым шаром, заслонившим половину неба. Бывали минуты, когда он понимал, почему Чандра утратил желание жить.

Флойд не полетел с первой женой в Европу по чистой случайности. И вот Марион больше нет, память о ней, казалось, сделалась частью чьей-то чужой жизни, а обе их дочери, обзаведясь собственными семьями, стали для него пусть и вполне милыми, но совершенно посторонними людьми.

А вот Каролину он потерял по собственной вине, хотя, если быть справедливым, у него не было выбора. Она никак не могла понять (а понял ли он сам?), почему он решил променять дом и семью, созданные ими, на многие годы в ледяной пустоте космоса, вдали от Солнца.

И хотя Флойд знал — еще до того как экспедиция достигла середины пути,— что Каролина не станет ждать его, он отчаянно надеялся, что Крис поймет и простит. Но и этого утешения не осталось: слишком долго его сын жил без отца, и когда Флойд вернулся, у Криса уже был новый отец, а у Каролины — новый муж. Разрыв был окончательным. Флойд боялся, что рана в его душе никогда не заживет, но, разумеется, с течением времени боль немного утихла.

И вот тело Флойда, похоже, вступило в сговор с его неосознанными желаниями. Когда он наконец после длительного лечения вернулся на Землю, в его организме тут же появились столь тревожные симптомы — в том числе подозрительно напоминающие некроз костей,— что его немедленно отправили обратно в орбитальный госпиталь. С тех пор Флойд не покидал его (если не считать нескольких полетов на Луну), полностью адаптировавшись к силе тяготения на борту медленно вращавшегося космического госпиталя, которая была в шесть раз меньше земной.

Флойд отнюдь не был отшельником. Даже в период лечения он диктовал отчеты, принимал участие в бесконечных комиссиях, прилетавших на «Пастер», соглашался давать интервью. Слава импонировала ему, и он пользовался ее плодами — пока о нем помнили. Это позволяло отвлечься от душевных страданий.

Первые десять лет, с 2020 по 2030 год, пролетели так быстро, что Флойд просто не заметил течения времени. В мире происходили кризисы, скандалы, преступления, катастрофы — в том числе Великое калифорнийское землетрясение, за которым он наблюдал с ужасом, не в силах оторваться от станционных мониторов. При максимальном увеличении и благоприятных метеорологических условиях на экране можно было разглядеть отдельные человеческие фигурки, но, созерцая их с высоты небесного владыки, невозможно было отождествить себя с крошечными точками, в панике покидающими го-

рящие города. Только камеры, расположенные на Земле, могли передать весь кошмар происходящего.

На протяжении этого десятилетия тектонические сдвиги в политике происходили так же неумолимо, как и в земной коре, хотя результаты этого обнаружились позднее. Разница была лишь в том, что политические события развивались в обратном направлении, будто время начало отступать назад. В доисторические времена на Земле существовал единый громадный континент, Пангея, который позднее распался на части, а человечество, разделенное было на бесчисленное множество наций и народностей, теперь сближалось, утрачивая старые языковые и культурные различия.

Хотя ослепительная вспышка Люцифера ускорила этот процесс, начался он много лет назад, с наступлением века ракетной техники, которая способствовала расцвету мирового туризма. Почти одновременно — что, конечно, не было простым совпадением — появление спутников и световодов произвело подлинную революцию в области связи. 31 декабря 2000 года произошло историческое событие — отмена платы за международные переговоры, так что всякий телефон стал вроде местного и человечество вступило в новое тысячелетие, будто громадная судачащая семья.

Подобно большинству семей, она не обходилась без неурядиц, но теперь они уже не угрожали безопасности всей планеты. Во второй — и последней — ядерной войне были сброшены две атомные бомбы, как и в первой. И хотя их мощность была намного больше, число пострадавших оказалось незначительным, так как бомбы были сброшены на нефтедобывающие районы. И тут же три великие державы, Китай, США и СССР, проявив похвальную оперативность и мудрость, изолировали зоны военных действий, пока воюющие стороны не пришли в чувства.

К десятилетию 2020–2030 годов война между великими державами стала так же немыслима, как и между Канадой и США столетием раньше. Это не объяснялось резкими изменениями в человеческой природе или каким-нибудь определенным фактором, кроме того, что народы предпочитали смерти жизнь. Часто шаг, направленный на сохранение мира, вообще совершался спонтанно: политические деятели еще не успевали понять, что случилось, как мероприятие по укреплению мира уже осуществлялось и действовало весьма успешно...

Движение «Заложников мира» не было изобретением ни государственных деятелей, ни идеалистов; само название появилось значительно позднее, когда вдруг заметили, что в любой момент в Соединенных Штатах находятся сотни тысяч советских туристов, а в СССР — полмиллиона американцев, причем и те и другие с увлечением занимались одним и тем же — жалобами на плохие туалеты. И что еще более важно, среди туристов всякий раз находилось непропорционально много совершенно незаменимых людей — отпрысков видных промышленников, бизнесменов и политических деятелей.

Наконец, если бы даже кому-то и пришло в голову приступить к подготовке большой войны, то это было уже неосуществимо. В 1990-х годах наступил Век прозрачности, когда предприимчивые средства массовой информации начали запускать фотоспутники, начиненные аппаратурой, разрешающая способность которой не уступала аппаратуре на разведывательных и военных спут-

никах. Военные пришли в ярость; но и они были бессильны против агентств Рейтер, Ассошиэйтед Пресс и постоянно бодрствующих объективов Орбитальной службы новостей, которые неустанно обшаривали поверхность Земли.

К 2060 году, хотя разоружение еще и не завершилось, на Земле царил прочный мир, и последние пятьдесят ядерных бомб находились под надежным международным контролем. Когда широко известный монарх Эдуард VIII был избран президентом Совета Всемирного Сообщества, всего дюжина стран выступила против или воздержалась от голосования. Эту на удивление малочисленную оппозицию составляли весьма различные по значимости страны — от традиционно нейтральной, упрямой и независимой Швейцарии (что не мешало ее ресторанам и отелям распахнуть объятия новой федерации) до фанатически независимых Мальвинских островов, упорно сопротивляющихся всем попыткам раздраженных англичан и аргентинцев спихнуть их друг другу.

Демонтаж гигантской, не приносящей никакой пользы военной промышленности дал мощный — порой слишком мощный — толчок развитию мировой экономики. Прошло время, когда огромные сырьевые ресурсы и блестящие научные умы поглощала бездонная черная дыра гонки вооружений, создавая все более разрушительные средства массового уничтожения. Теперь же их можно было использовать на благо мира, для удовлетворения интересов человечества, которыми пренебрегали на протяжении столетий, для создания нового мирового сообщества.

Наконец-то человеческая раса нашла «моральный эквивалент войне», способный поглотить энергию землян на протяжении такого числа тысячелетий, о котором никто не осмеливался мечтать.

4
МАГНАТ

Уильяма Тсунга сразу после рождения назвали самым дорогим ребенком в мире; это почетное звание он удерживал в течение двух лет, уступив его собственной сестре. Она по-прежнему сохраняла его, тем более что после отмены Законов о семье у нее не было соперников.

Их отец, легендарный сэр Лоуренс, родился в то время, когда в Китае было восстановлено строгое правило — «один ребенок, одна семья». Его поколение предоставило психологам и социологам неисчерпаемый материал для исследований. Отсутствие братьев и сестер — а иногда дядей и тетей — было уникальным явлением в человеческой истории. Теперь, по-видимому, уже никогда не удастся решить, является ли это результатом стойкости человеческой расы или достоинством разветвленной китайской семьи, но факт остается фактом — дети, родившиеся в это необычное время, были практически свободны от душевных недостатков. Однако последствия этого периода, несомненно, оказали влияние на их психику, и сэру Лоуренсу удалось компенсировать свое детское одиночество самым эффектным образом. Когда в 2022 году у него родился второй ребенок, правило уже превратилось в закон. У вас могло быть столько детей в семье, сколько пожелаете, при условии, если вы платите со-

ответствующий сбор. (Среди тех, кто выступал против этого закона, считая его непомерно жестоким, были не только коммунисты «старой гвардии», однако при голосовании в Собрании народных представителей победило прагматически настроенное большинство.)

Закон гласил, что за первого и второго ребенка плата не взимается. При рождении третьего нужно было уплатить миллион солей. Четвертый стоил уже два миллиона, пятый — четыре, и так далее. То обстоятельство, что теоретически в Народной Республике не было капиталистов, осталось незамеченным.

Молодой мистер Тсунг (разумеется, прошло еще немало лет, прежде чем король Эдуард сделал его командором Рыцарского ордена Британской империи) никому не говорил о своих намерениях; когда в его семье родился пятый ребенок, мистер Тсунг по-прежнему был относительно бедным миллионером. Но ему было всего лишь сорок лет, и после того как на покупку Гонконга пошло меньше денег, чем он рассчитывал, выяснилось, что у него в кармане осталась кое-какая мелочь.

Такова легенда — но подобно множеству других рассказов о сэре Лоуренсе, трудно отличить, где кончается сказка и начинается правда. И уж конечно, совершенно не соответствуют истине упорные слухи о том, что основа его состояния была заложена знаменитым миниатюрным изданием Библиотеки Конгресса, когда он пренебрег всеми авторскими правами. Этот разбой с публикацией модулей на молекулярной основе был осуществлен за пределами Земли и стал возможен лишь потому, что Соединенные Штаты отказались подписать Лунный договор.

Хотя сэр Лоуренс и не был мультимиллионером, гигантский комплекс принадлежащих ему корпораций сделал его самым крупным финансовым магнатом Земли — немалое достижение для сына мелкого торговца видеокассетами из района, все еще именуемого Новыми территориями. Он, наверно, даже не заметил тех восьми миллионов, которые пришлось заплатить за ребенка номер шесть, или даже тридцати двух миллионов, выплаченных за ребенка номер восемь. Шестьдесят четыре миллиона за девятого ребенка стали сенсацией мирового масштаба, а после рождения десятого общая сумма ставок на его матримониальные планы значительно превысила двести пятьдесят шесть миллионов, которые стоило бы дальнейшее увеличение семьи. Однако тут леди Джасмин, в характере которой сочетались лучшие качества стали и шелка, пришла к выводу, что династия Тсунгов достаточно многочисленна.

То, что сэр Лоуренс оказался вовлеченным в космический бизнес, было вызвано чистой случайностью (если это вообще можно назвать случайностью). Разумеется, его деловые интересы охватывали морской транспорт и аэронавтику, но этим занимались пять сыновей и их помощники. По-настоящему сэра Лоуренса интересовали средства массовой информации — газеты (те немногие, которые еще выходили), книги, журналы (как те, что печатались на бумаге, так и электронные) и прежде всего глобальная сеть телевизионных станций, охватывающая весь мир.

И тут сэр Лоуренс приобрел великолепный старый отель «Пенинсюлар», расположенный на полуострове. Когда-то ему, нищему китайскому подростку, отель казался воплощением богатства и могущества; сэр Лоуренс купил

его и превратил в центральную контору своей финансовой империи, сам поселившись там же. Вокруг отеля он разбил прекрасный парк, разместив под землей огромные торговые центры. При этом недавно созданная «Лэйзер экскэвейшн компани» получила колоссальные прибыли и стала примером для других городов.

Однажды, любуясь поразительной красоты панорамой, открывавшейся по другую сторону залива, сэр Лоуренс пришел к выводу, что ее следует улучшить. Вид с нижних этажей отеля десятилетиями портило какое-то большое здание, похожее на раздавленный мяч для гольфа. Сэр Лоуренс заключил, что здание следует снести.

Директор планетария Гонконга — одного из пяти лучших планетариев мира — придерживался иной точки зрения, и очень скоро сэр Лоуренс с восторгом понял, что в мире еще осталось что-то, что не продается ни за какие деньги. Они стали друзьями, но когда доктор Хессенштейн организовал в планетарии специальный сеанс по случаю шестидесятилетия сэра Лоуренса, он и не предполагал, что тем самым меняет всю историю Солнечной системы.

5
ИЗ-ПОД ЛЬДА

И через сто лет после того, как Цейс собрал в Йене в 1924 году первый прототип, оптические проекторы все еще использовались в планетариях, величественно возвышаясь над головами зрителей. Но гонконгский планетарий уже давно заменил свой проектор третьего поколения куда более совершенной электронной системой. Вся внутренняя поверхность его огромного купола представляла собой гигантский телевизионный экран, составленный из тысяч отдельных панелей, способных воспроизводить любое изображение.

Сеанс, как обычно, начался с упоминания о неизвестном китайском изобретателе ракеты, жившем где-то в тринадцатом веке. Первые пять минут были посвящены краткому историческому обзору, в котором русским, немецким и американским ученым, посвятившим свою жизнь исследованию космоса, отводилось — скорее всего незаслуженно — весьма скромное место. Основное внимание уделялось карьере доктора Ху Шен Цяня. Можно простить его соотечественникам — принимая во внимание время и место происходящего,— что его вклад в развитие ракетостроения они считают не менее значительным, чем работы Годдарда, фон Брауна или Королева. И разумеется, у них были все основания негодовать по поводу его ареста по сфабрикованным американскими службами обвинениям, когда он, приняв активное участие в создании знаменитой Лаборатории реактивных двигателей и став первым профессором Годдардского фонда в Калифорнийском технологическом институте, решил вернуться на родину.

О запуске первого китайского спутника ракетой-носителем «Великий поход-1» в 1970 году упоминалось лишь мельком, возможно, потому, что в это время американцы уже ходили по Луне. Да и вообще концу двадцатого века

было уделено всего несколько минут, а затем действие переносилось в 2007 год, когда на виду у всего мира на околоземной орбите происходила тайная сборка космического корабля «Цянь».

Рассказчик не слишком злорадствовал по поводу оцепенения, охватившего остальные космические державы, когда то, что все принимали за китайскую космическую станцию, внезапно сорвалось с орбиты и устремилось к Юпитеру, опережая русско-американскую экспедицию на борту корабля «Космонавт Алексей Леонов». Эта история настолько увлекательна и трагична, что нет нужды ее приукрашивать.

К сожалению, для иллюстрации повествования почти не было подлинных визуальных материалов и в основном пришлось прибегнуть к эффектам и превосходной реконструкции событий, основанной на более поздних фотоснимках, сделанных с большого расстояния. Во время своего кратковременного пребывания на закованной в лед поверхности Европы, спутника Юпитера, экипаж «Цяня» был слишком занят, чтобы снимать документальные фильмы или хотя бы установить автоматическую телекамеру.

Однако рассказ очевидца прекрасно отражает весь драматизм первой высадки человека на луне Юпитера. Комментарий Флойда с приближающегося «Алексея Леонова» как нельзя лучше передал атмосферу происходившего, а многочисленные фотоснимки Европы, собранные в архивах, наглядно иллюстрировали рассказ:

«Я смотрю на Европу через самый мощный из корабельных телескопов: при этом увеличении она в десять раз больше Луны, когда вы смотрите на нее невооруженным глазом. Зрелище поистине фантастическое.

Почти вся поверхность этой луны имеет розовую окраску, и лишь кое-где проглядывают небольшие коричневые пятна. Она покрыта замысловатой сеткой узких изгибающихся линий и очень напоминает сеть пересекающихся артерий и вен на схеме в медицинском учебнике. Длина некоторых линий составляет сотни — даже тысячи — километров, они весьма напоминают воображаемые каналы, которые якобы видели на Марсе Персиваль Лоуэлл и другие астрономы начала двадцатого века.

Но каналы Европы — не игра воображения, хотя они, разумеется, не искусственного происхождения. Более того, они действительно содержат воду — или по меньшей мере лед. Ведь этот спутник Юпитера почти полностью покрыт океаном, средняя глубина которого около пятидесяти километров.

Температура на поверхности Европы, столь удаленной от Солнца, исключительно низка — около ста пятидесяти градусов ниже нуля. Поэтому легко предположить, что единый океан промерз насквозь, образовав сплошную ледяную кору.

Однако, как ни странно, это не так. Дело в том, что приливные силы вырабатывают внутри этой луны огромное количество тепла, это те же силы, которые приводят в действие громадные вулканы на соседней Ио. Поэтому лед все время тает, трескается, снова замерзает, образуя трещины и полыньи подобно тому, как это происходит на ледяных полях в полярных областях нашей планеты. И сейчас я вижу эти замысловатые переплетения трещин; в боль-

шинстве своем они темные и очень старые — возможно, они насчитывают миллионы лет. Но есть и новые — они кажутся снежно-белыми; это каналы, которые образовались недавно и покрыты слоем льда всего лишь в несколько сантиметров.

"Цянь" совершил посадку рядом с одной из таких белых извилин длиной в полторы тысячи километров, названной Большим каналом. Судя по всему, китайцы намерены наполнить водой свои топливные баки: тогда они смогут исследовать систему спутников Юпитера и затем вернуться на Землю. Это не простая задача, но они, несомненно, потратили немало усилий на выбор посадочной площадки и знают, что им нужно.

Теперь ясно, почему они решились на такой риск — и почему предъявляют свои права на Европу. Это место заправки. Европа может стать ключом ко всей Солнечной системе...»

Но так не получилось, подумал сэр Лоуренс, откидываясь на спинку своего роскошного кресла под изображением испещренного извилинами и пятнами диска, заполнившего искусственное небо над его головой. Океаны Европы по-прежнему недоступны людям, и причина этого остается неизвестной. Причем не только недоступны, но и невидимы; после того как Юпитер превратился в солнце, оба ближайших к нему спутника исчезли в облаках пара, извергаемых изнутри. Он видел сейчас Европу, какой она была в 2010 году,— не такую, какая она сегодня.

В то время он был еще мальчишкой, но не забыл чувства гордости за своих соотечественников — как бы он ни относился к их политической системе,— которые намерены были первыми высадиться на поверхность неизведанного мира.

Разумеется, никто не вел съемку посадки космического корабля, но реконструкция была произведена с фантастической выразительностью. Казалось, на экране действительно обреченный корабль — он беззвучно выскользнул из иссиня-черного неба, опустился к закованной в вечные льды Европе и совершил посадку возле светлой полосы недавно замерзшей воды, окрещенной Большим каналом.

Каждый знал, что произошло дальше; то, что не делалось попытки осуществить визуальную реконструкцию происшедшего, было, по-видимому, правильно. Вместо этого изображение Европы угасло и появился портрет человека, знакомого каждому китайцу, как каждому русскому знаком портрет Юрия Гагарина.

На первой фотографии был изображен Руперт Чан в день его выпуска из университета в 1989 году — серьезный молодой ученый, такой же, как миллионы других, вовсе не подозревающий о том, какое место уготовано ему историей спустя двадцать лет.

В нескольких словах, на фоне приглушенной музыки, рассказчик изложил основные, наиболее интересные эпизоды в карьере доктора Чана до его назначения на космический корабль «Цянь». Лицо на фотографиях — срезы во времени — становилось все старше, вплоть до последней, сделанной накануне полета.

Сэр Лоуренс был рад, что в планетарии царил полумрак: и друзья, и враги были бы немало удивлены, заметив слезы на его глазах, когда в зале раздались слова доктора Чана, обращенные к приближающемуся «Леонову». Он не был уверен, слышат ли его на корабле:

«...знаю, что вы на борту "Леонова"... времени мало... направил антенну скафандра туда, где...»

Голос исчез на несколько мучительных секунд, затем зазвучал снова, гораздо четче, хотя так же негромко:

«...передайте эту информацию на Землю. "Цянь" погиб два часа назад. Я один остался в живых. Пользуюсь передатчиком космического скафандра — не знаю, какова дальность его действия, но это мой единственный шанс. Слушайте меня внимательно. НА ЕВРОПЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ. Повторяю: НА ЕВРОПЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ...»

Голос снова исчез... и вновь:

«...вскоре после местной полуночи. Мы продолжали качать воду, и баки наполнились почти наполовину. Мы с доктором Ли вышли из корабля, чтобы проверить термоизоляцию трубопровода. "Цянь" стоит — стоял — в тридцати метрах от Большого канала. Трубопровод был протянут от корабля к каналу и уходил под лед. Лед очень тонкий — ходить по нему опасно. Теплая вода снизу...»

Снова длительная тишина.

«...корабль, как новогоднюю елку, украшали фонари мощностью в пять киловатт. Их свет легко проникал сквозь лед. Потрясающие цвета. Громадную темную массу, поднимающуюся из бездны, первым заметил Ли. Сначала мы приняли ее за стаю рыб — она была слишком велика для отдельного организма. Потом она стала проламывать лед...»

«...будто огромное поле водорослей двигалось по грунту. Ли побежал на корабль за камерой, я остался смотреть. Оно перемещалось медленно, я мог легко обогнать его. Я не ощущал тревоги — только волнение. Мне казалось, я знаю, что это такое — я видел съемки полей ламинарий у побережья Калифорнии. Но я ошибался...»

«...понимал, что ему неважно. Оно никак не могло выжить при температуре на сто пятьдесят градусов ниже той, к которой привыкло. Похожее на черную волну, оно продвигалось вперед все медленнее и превращалось на ходу в лед — от него откалывались большие куски. Мне трудно было собраться с мыслями, и я не понимал, что оно собирается делать...»

«...взбираться на корабль, оставляя за собой что-то вроде ледяного туннеля. Возможно, что просто защищалось от холода, как термиты, спасаясь от света, строят коридоры из грязи...»

«...Первыми не выдержали антенны. Потом начали подаваться опоры — медленно, как во сне. Я понял, что происходит, лишь когда корабль стал крениться. Чтобы спастись, достаточно было выключить свет...»

«...Возможно, существо было фототропно, и его биологический цикл начинался с солнечного луча, пробившегося сквозь лед. Или его тянуло к фонарям, как бабочку притягивает пламя свечи. На Европе никогда не было света ярче того, который зажгли мы.

Корабль перевернулся. Я увидел, как корпус лопнул, выпустив белое облако замерзшего пара. Фонари погасли, кроме одного — он качался на кабеле метрах в двух от поверхности.

Не помню, что происходило потом. Когда пришел в себя, я стоял под фонарем у разбитого корабля, все вокруг было запорошено свежим снегом, на котором явственно выделялись отпечатки моих подошв. Видимо, я бежал; с момента катастрофы прошло не более двух минут.

Растение — я по-прежнему думал о нем как о растении — оставалось неподвижным. Я решил, что оно пострадало при падении: кругом валялись отколовшиеся от него большие куски, будто сломанные ветви толщиной в человеческую руку».

«Затем основная масса двинулась вновь. Она отделилась от разбитого корпуса и направилась на меня. Теперь я знал наверняка, что она реагирует на свет. Я стоял прямо под тысячеваттной лампой, которая уже перестала раскачиваться.

Представьте себе дуб — нет, лучше баньян с его многочисленными стволами,— расплющенный силой тяжести и пытающийся ползти по земле. Оно приблизилось к свету метров на пять и начало заходить с флангов, образовав вскоре вокруг меня правильное кольцо. Вероятно, это критическое расстояние: притягательное действие света переходит в отталкивающее. После этого какое-то время ничего не происходило. Я даже подумал, что оно наконец полностью превратилось в лед.

Затем я увидел, что на ветвях образуются бутоны. Это напоминало ускоренный показ кадров с распускающимися цветами. Я действительно решил, что это цветы — каждый величиной с человеческую голову.

Нежные, ярко раскрашенные лепестки начали раскрываться. Я подумал, что никто никогда не видел этих красок. Их просто не существовало до появления наших огней — наших гибельных огней — в этом мире.

Зябнут слабые тычинки... Я приблизился к живой стене, чтобы лучше разглядеть происходящее. Ни тогда, ни в другие моменты я совсем не испытывал страха. Я был уверен, что оно не враждебно — даже если наделено сознанием.

Вокруг было множество цветов, одни уже раскрылись, другие только начали распускаться. Теперь они напоминали мне мотыльков, едва вылупившихся из своих куколок,— новорожденных бабочек с мягкими, еще не расправленными крыльями. Я приближался к истине.

Но цветы замерзали — умирали, едва успев родиться. Один за другим они отваливались от своих почек, несколько секунд трепыхались, словно рыба, выброшенная на берег, и я наконец понял, что они такое. Их лепестки — это плавники, а сами они — плавающие личинки большого существа. Вероятно, оно проводит большую часть жизни на дне и, подобно земным кораллам, посылает своих отпрысков на поиски новых территорий.

Я встал на колени, чтобы получше рассмотреть маленькое создание. Яркие краски тускнели. Лепестки-плавники отпадали, превращаясь в ледышки. Но оно еще жило: попыталось отодвинуться при моем приближении. Мне стало любопытно, каким образом оно чувствует мое присутствие.

Я заметил, что каждая тычинка — как я их назвал — заканчивается ярким голубым пятнышком. Они напоминали сверкающие сапфиры или голубые глазки на мантии устрицы. Светочувствительные, но еще не способные формировать настоящие зрительные образы. У меня на глазах их яркий голубой цвет потускнел, сапфиры превратились в обычные невзрачные камешки...»

«...Я уже знал, что следует делать. Кабель тысячеваттной лампы свисал почти до земли. Я дернул несколько раз, и света не стало.

Я боялся, что опоздал. Несколько минут ничего не происходило. Тогда я подошел к окружавшей меня стене переплетенных ветвей и ударил ее ногой.

Существо медленно двинулось, отступая к каналу. Света было достаточно — я прекрасно все видел. В небе сияли Ганимед и Каллисто, Юпитер выглядел гигантским узким серпом с большим пятном полярного сияния на ночной стороне.

Я проводил его до самой воды, подбадривая пинками, когда оно замедляло движение... Хрупкие льдинки хрустели у меня под ногами... Казалось, приближаясь к каналу, оно набирается сил, будто знает, что возвращается домой. Интересно, выживет ли оно, чтобы расцвести вновь».

«Оно исчезло в воде, оставив еще несколько мертвых личинок на чуждой ему суше. Несколько минут вода кипела, пока спасительный слой льда не отделил ее от вакуума. Я пошел назад к кораблю...»

«Доктор Флойд, у меня две просьбы. Когда это существо классифицируют, надеюсь, его назовут моим именем. И еще — пусть следующая экспедиция доставит наши останки на родину.

Юпитер оборвет мою передачу через несколько минут. Я повторю рассказ, когда связь снова станет возможна — и если выдержит мой скафандр».

«Внимание, говорит профессор Чан со спутника Юпитера — Европы. Космический корабль "Цянь" погиб. Мы совершили посадку возле Большого канала и установили насосы на его краю...»

Внезапно голос исчез, вернулся на миг и угас, поглощенный шумами, на этот раз окончательно. Никто больше не услышит профессора Чана; однако теперь устремления Лоуренса Тсунга были окончательно направлены в космос.

6

ОЗЕЛЕНЕНИЕ ГАНИМЕДА

Рольф Ван-дер-Берг был именно тем человеком, который оказался в нужный момент в нужном месте.

Именно тем человеком он был потому, что как африкаанер, сын беженцев из Южно-Африканской Республики, и прекрасный геолог удовлетворял всем необходимым требованиям. Он находился в том месте Солнечной системы, где больше всего нуждались в его талантах; этим местом была самая большая из юпитерианских лун — третья по отдаленности от планеты. Самой ближней была Ио, далее следовали Европа, Ганимед и Каллисто.

Время тоже имело значение, хотя и не столь большое. Дело в том, что интересующая информация была получена более десятилетия назад и хранилась

в памяти компьютера, подобно бомбе замедленного действия. Ван-дер-Берг впервые столкнулся с ней лишь в 2057 году, ему потребовался целый год, дабы убедиться, что он не сумасшедший, и только в 2059-м он незаметно изъял эти данные из электронной памяти, опасаясь, что подобное открытие придет в голову кому-нибудь еще. Только после этого он смог целиком отдаться решению главной проблемы: что делать дальше?

Как часто бывает, началось все с самого тривиального случая, не имеющего никакого отношения к работе Ван-дер-Берга. Его задача, задача сотрудника Планетной группы инженеров, заключалась в изучении и регистрации природных ресурсов Ганимеда; никакого отношения к наблюдению за соседней луной, высадка на которую к тому же была запрещена, он не имел.

Однако Европа оставалась загадкой, которую никто — не говоря уже о ее ближайших соседях — не мог выбросить из головы. Каждые семь дней Европа проходила между Ганимедом и сверкающим мини-солнцем, которое раньше было Юпитером. При этом возникали затмения, продолжавшиеся до двенадцати минут. В точке, ближайшей к Ганимеду, Европа казалась чуть меньше Луны, наблюдаемой с Земли, но на противоположной стороне орбиты, на максимальном удалении, уменьшалась вчетверо.

Затмения нередко являли собой впечатляющее зрелище. За несколько мгновений до того, как Европа пересекала воображаемую линию, соединяющую Ганимед с Люцифером, она становилась зловещим черным диском в кольце малинового огня — это свет нового солнца преломлялся в атмосфере, созданной его теплом.

Менее чем за половину человеческой жизни Европа преобразилась. Ледяной панцирь на полушарии, постоянно обращенном в сторону Люцифера, растаял и образовал второй океан в Солнечной системе. В течение десяти лет он пенился и кипел, испаряясь в пустоту космического пространства, пока не было достигнуто равновесие. Теперь у Европы появилась атмосфера — тонкая, но ощутимая, хотя и не пригодная для жизни людей. Она состояла из водяных паров, сернистого водорода, двуокиси углерода, а также содержала серу, азот и различные редкие газы. И хотя не совсем правильно окрещенную Ночную страну по-прежнему покрывал толстый слой вечного льда, территория, равная по размерам Африке, могла похвастать умеренным климатом, жидкой водой и несколькими далеко разбросанными островами.

Вот примерно и все, что удалось разглядеть с помощью телескопов, находящихся на земной орбите. Когда первая крупная экспедиция в 2028 году отправилась к юпитерианским лунам, Европа была уже затянута плотной мантией облаков. Осторожное радиолокационное зондирование лишь продемонстрировало, что одна ее сторона покрыта сплошным океаном, тогда как другая — не менее сплошным льдом. Европа продолжала сохранять репутацию обладательницы самой плоской поверхности в недвижимости, принадлежащей Солнечной системе.

Однако через десять лет положение изменилось: на поверхности Европы произошли коренные перемены. Там появилась одиноко стоящая гора, почти равная по высоте Эвересту, которая выпирала сквозь льды сумеречной зоны. По-видимому, вулканическая деятельность — подобно той, что непре-

рывно происходила на соседней Ио,— вытолкнула вверх эту гигантскую массу. Катализатором мог стать усилившийся тепловой поток, испускаемый Люцифером.

Но это простое и очевидное объяснение вызвало ряд вопросов. Гора Зевс представляла собой не обычный вулканический конус, а неправильную пирамиду; радиолокационное сканирование не смогло обнаружить ничего похожего на потоки лавы, характерные для вулкана. Судя по невыразительным фотографиям, которые удалось получить с Ганимеда во время секундных прояснений, когда на Европе расходились облака, можно было предположить, что гора сложена изо льда, подобно окружающему ее ледяному ландшафту. Как бы то ни было, возникновение горы Зевс сопровождалось мучительными страданиями для небесного тела, поскольку весь рисунок разбитых льдин на ночной стороне Европы резко изменился.

Один смелый ученый выдвинул теорию, согласно которой гора Зевс представляет собой «космический айсберг» — космический обломок, упавший на Европу из окружающего пространства; исковерканная поверхность Каллисто свидетельствовала о том, что подобное случалось в отдаленном прошлом. На Ганимеде эта теория не вызвала особого восторга — у будущих колонистов проблем и так было предостаточно. Они с облегчением вздохнули, когда Ван-дер-Берг убедительно опроверг эту теорию: ледяная масса такого размера обязательно раскололась бы при столкновении, а не случись этого, сила тяжести на Европе, пусть и небольшая, быстро привела бы к ее разрушению. Измерения, произведенные с помощью радиолокационных наблюдений, показали, что, хотя действительно происходило медленное погружение горы, форма ее ничуть не изменилась, а значит, гора не могла быть сложена изо льда.

Разумеется, было бы просто разрешить сомнения — стоило только послать всего лишь один зонд через облачную мантию Европы. Но, к сожалению, что бы ни скрывалось под сплошным серым покрывалом, оно не поощряло любопытства.

ВСЕ ЭТИ МИРЫ — ВАШИ, КРОМЕ ЕВРОПЫ. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ НА НЕЕ

Последнее сообщение с космического корабля «Дискавери», переданное перед самой его гибелью, не было забыто, но бесконечные споры о его толковании продолжались. Относилось ли слово «высадиться» к автоматическим станциям или только пилотируемым кораблям? А как квалифицировать пролет вблизи Европы пилотируемого корабля или автоматической станции? Или запуск зондов, плавающих в верхних слоях ее атмосферы, подобно воздушному шару?

Ученым не терпелось узнать как можно больше, но широкая общественность явно колебалась. Стоит ли связываться с силой, запросто взорвавшей самую большую планету Солнечной системы? Кроме того, на исследование и освоение Ио, Ганимеда, Каллисто и десятков небесных тел поменьше потребуются столетия; Европа может и подождать.

Вот почему Ван-дер-Бергу неоднократно рекомендовали не тратить драгоценное время на исследования, не имеющие практического значения, в то

время как на Ганимеде был непочатый край дел. Где найти углерод — фосфор — нитраты для гидропонных ферм? Устойчив ли откос Барнарда? Насколько велика опасность грязевых оползней во Фригии? (Подобные вопросы задавались без конца...) Но Ван-дер-Берг заслуженно унаследовал от своих предков-буров репутацию упрямца: даже занимаясь бесчисленными вопросами жизни на Ганимеде, он не переставал поглядывать через плечо на Европу.

И вот однажды мощный шторм, сорвавшийся с ночной стороны, на несколько часов разорвал пелену облаков над горой Зевс.

7
ПЕРЕЛЕТ

«И я оставляю все, что еще у меня оставалось...»

Из каких глубин памяти всплыла именно эта строка? Хейвуд Флойд закрыл глаза и попытался сосредоточить мысли на прошлом. Да, конечно, это был отрывок из стихотворения — но после колледжа он не прочел ни единой поэтической строфы. Да и в колледже не увлекался поэзией и не читал стихов, разве что на кратковременном семинаре по английской литературе.

Поскольку об этой строчке больше ничего не известно, бортовому компьютеру понадобится немало времени, чтобы отыскать стихотворение среди массы произведений английской литературы,— не меньше десяти минут. Но прибегать к помощи компьютера нечестно (да и недешево), и Флойд решил принять вызов.

Стихотворение, конечно, о войне — но о какой? В двадцатом веке их было так много...

Он все еще копался в тумане воспоминаний, когда пришли гости. Они двигались с медленной, грациозной легкостью людей, длительное время живущих в мире, где сила тяжести вшестеро меньше земной. Население «Пастера» делилось на группы в зависимости от так называемой «центробежной стратификации»: некоторые из обитателей госпиталя никогда не покидали центральную часть станции, где господствовала невесомость, тогда как другие, кто все еще надеялся вернуться на Землю, предпочитали внешнюю часть гигантского, медленно вращающегося диска, где сила тяжести почти равнялась земной.

Джордж и Джерри были самыми старыми и близкими друзьями Флойда, хотя между ними было весьма мало общего. Оглядываясь на свое бурное прошлое — две женитьбы, три официальные и две неофициальные связи, троих детей,— он не раз завидовал прочным узам дружбы, связавшим Джорджа и Джерри, на которую, по-видимому, никак не влияли посещения «племянников», время от времени прилетавших с Земли или Луны.

— Неужели вам никогда не приходила мысль разойтись? — шутя спросил он однажды.

Джордж, прославленный дирижер, известный своим эмоциональным, но весьма серьезным мастерством, что сыграло немалую роль в возрождении интереса к симфонической музыке, ничуть не растерялся.

— Разойтись — никогда,— последовал мгновенный ответ,— а вот убить — неотступно.

— Чепуха, он никогда не осмелится,— огрызнулся Джерри.— Себастьян тут же проболтается.

Себастьян — красивый и разговорчивый попугай, которого им удалось провезти на станцию после длительной борьбы с госпитальным начальством,— умел не только разговаривать, но и воспроизводить вступительные звуки скрипичного концерта Сибелиуса, исполнение которого — не без помощи Антонио Страдивари — сделало Джерри знаменитым полвека тому назад.

И вот настало время расстаться с Джорджем, Джерри и Себастьяном — может быть, всего на несколько недель, а может — навсегда. С остальными друзьями Флойд уже попрощался, и организованные им вечеринки нанесли немалый урон винному погребку станции. Вечер, который он собирался провести с Джорджем и Джерри, был последним.

Арчи — робот-секретарь старинной, но все еще безупречно действующей модели — был уже запрограммирован давать на все сообщения в адрес Флойда соответствующий ответ или, если сообщения окажутся срочными или будут носить личный характер, пересылать их на борт «Юниверс». После многих лет грустно лишиться возможности говорить с милыми сердцу людьми, зато он будет избавлен от нежелательных собеседников. После нескольких дней полета прямой разговор станет невозможным, и все сообщения будут передаваться либо в записи, либо телетекстом.

— Мы думали, ты друг,— посетовал Джордж.— А ты взял и подложил нам свинью — назначил своими душеприказчиками, к тому же не оставив ничего, чем можно распоряжаться.

— Не беспокойтесь, будут и сюрпризы,— улыбнулся Флойд.— А Арчи позаботится о мелочах. Вам лишь придется следить за приходящей в мой адрес почтой, и то если ему что-нибудь окажется непонятным.

— Если будет непонятно ему, то уж нам тем более. Что мы знаем о твоих научных обществах и подобной чепухе?

— Они сами о себе позаботятся. Вы только присмотрите, чтобы в мое отсутствие при уборке здесь не переворачивали все вверх дном, а если я не вернусь, перешлите личные вещи — в основном это реликвии семьи.

Семьи! Он прожил так долго, что она вызывала у него и чувство боли, и приятные воспоминания.

Прошло шестьдесят три года — шестьдесят три! — как погибла в авиакатастрофе Марион. Сейчас он чувствовал себя виноватым — ведь он совсем забыл о горе, которое испытал тогда. Теперь это было в лучшем случае отдаленным, смутным воспоминанием.

Если бы Марион не погибла, как сложились бы их отношения? Сейчас ей исполнилось бы сто лет...

И две маленькие девочки, которых он когда-то так любил, стали любезными седовласыми незнакомками лет семидесяти. У них были свои дети — и внуки! Флойд припомнил, что в этой семейной ветви сейчас девять человек: без помощи Арчи он не смог бы даже назвать их имена. Тем не менее на Рождество все вспоминали о нем — если не из родственных чувств, то из чувства долга.

Его вторая семья помнилась, конечно, гораздо отчетливее — подобно новому тексту на листе средневекового палимпсеста. Она тоже распалась около пятидесяти лет назад, где-то между Землей и Юпитером. Хотя он рассчитывал на примирение с женой и сыном, из-за торжественных церемоний, связанных с возвращением на Землю, времени хватило всего лишь на короткую встречу, а потом, после несчастного случая, Флойд оказался на «Пастере».

Встреча оказалась неудачной; то же можно сказать и о втором свидании, на которое пришлось потратить немало средств и усилий,— оно состоялось на борту космического госпиталя, в этой самой каюте. Крису было тогда двадцать лет, и он только женился; единственное, что объединяло Флойда и Каролину,— это недовольство его выбором.

Тем не менее Елена оказалась хорошей матерью маленькому Крису, родившемуся всего через месяц после свадьбы. Даже после катастрофы на Копернике, когда появилось так много молодых вдов, она не потеряла голову.

Была какая-то жестокая ирония в том, что космос отнял отцов у обоих — и у Криса-старшего, и у Криса-младшего,— хотя и при совершенно разных обстоятельствах. Флойд ненадолго вернулся к своему восьмилетнему сыну совершенным незнакомцем. Крису-младшему повезло больше — свои первые десять лет он провел с отцом и только потом утратил его навсегда.

А где Крис сейчас? Ни Каролина, ни Елена, тесно привязавшиеся теперь друг к другу, не знали, на Земле он или в космосе. Но это было в порядке вещей; лишь почтовые открытки со штемпелем «База Клавия» напоминали семье о первом полете Криса на Луну.

Открытка, присланная Флойду, все еще висела, прикрепленная к переборке, над его столом. Крису-младшему нельзя было отказать в чувстве юмора — и ощущении истории. Он прислал деду открытку со знаменитой фотографией монолита, возвышающегося над фигурками в космических скафандрах, обступившими его в глубине разрытого котлована. Снимок был сделан в кратере Тихо более полувека назад. Из тех, кто был изображен на фотографии, кроме Флойда, уже никого не осталось в живых, да и сам монолит теперь находился не на Луне. В 2006 году, после ожесточенных споров, его перевезли на Землю и установили перед зданием Организации Объединенных Наций; сходство между ними казалось сверхъестественным. Монолит должен был напоминать людям, что они не одиноки в безбрежном космосе; через пять лет, когда в небе засиял Люцифер, напоминание стало излишним.

Пальцы Флойда дрожали — иногда ему казалось, что правая рука отказывается повиноваться,— когда он бережно снял открытку и сунул ее в карман. Эта открытка будет, пожалуй, единственным напоминанием о семье, когда он поднимется на борт «Юниверс».

— Двадцать пять дней — мы и глазом не успеем моргнуть, как ты вернешься,— заметил Джерри.— А правда, что с вами летит Дмитрий?

— Этот казак! — фыркнул Джордж.— Я дирижировал его Второй симфонией еще в две тысячи двадцать втором году.

— Это когда первую скрипку стошнило при исполнении ларго?

— Нет, тогда исполняли Малера, а не Михайловича. К тому же вступили духовые инструменты, так что никто не заметил — если не считать беднягу,

игравшего на трубе,— ему пришлось на другой же день продать свой инструмент.

— Ведь сочиняешь!

— Конечно. Ладно, передай старому прохвосту мои лучшие пожелания и спроси, не забыл ли он того вечера в Вене. А кто еще летит с вами?

— Ходят разные слухи о несчастных, которых завербовали против их воли,— заметил Джерри задумчиво.

— Уверяю вас, это немыслимое преувеличение. Каждый член экипажа отобран сэром Лоуренсом; определяющими были интеллект, обаяние, красота, искра божия или другое достоинство.

— А хоть одно из этих прекрасных качеств свидетельствует о твоей незаменимости?

— Коль скоро заговорили на эту тему — нам всем пришлось подписать невеселое обязательство, снимающее с «Космических линий Тсунга» всякую ответственность. В пакете документов, между прочим, содержится и оно.

— А нам удастся что-нибудь по нему получить? — поинтересовался Джордж с надеждой в голосе.

— Ничего — мои адвокаты утверждают, что в нем предусмотрено абсолютно все. Тсунг обязуется доставить меня к комете Галлея и обратно, обеспечить питанием, водой, воздухом и каютой с прекрасным обзором.

— А что требуется от тебя?

— После возвращения я должен всячески рекламировать подобные полеты, выступить по телевидению, написать несколько статей — это очень немного за столь редкостную возможность. Ах да, во время путешествия я обязан развлекать остальных пассажиров. Впрочем, как и они меня.

— И каким же образом? Петь и танцевать?

— Постараюсь увлечь избранное общество отрывками из своих воспоминаний. Хотя вряд ли сумею составить конкуренцию профессионалам. Ведь среди пассажиров будет Эва Мерлин.

— Неужели? Как это они сумели выманить ее из кельи на Парк-авеню?

— Трудно поверить! Ведь ей уже за сто... о-о, извини меня, Хейвуд.

— Бросьте, ей семьдесят лет, ну плюс-минус пять.

— Какой там минус! Когда «Наполеон» вышел на экраны, я был еще ребенком.

Все замолчали, охваченные воспоминаниями об этом знаменитом фильме. Хотя некоторые критики считали верхом ее артистической карьеры роль Скарлетт О'Хары, зрители все-таки отождествляли Эву Мерлин (или Эвелин Майлз, родившуюся в Кардиффе, Южный Уэльс) с Джозефиной. Противоречивая эпопея Дэвида Гриффина, около полувека назад захватившая весь мир, привела в восторг французов и вызвала ярость англичан — хотя сейчас и те и другие не отрицали, что артистическое воображение Гриффина временами выходило за пределы исторической достоверности, особенно роскошно поставленная заключительная сцена — коронация императора в Вестминстерском аббатстве.

— В таком случае сэру Лоуренсу здорово повезло,— задумчиво произнес Джордж.

— Пожалуй, здесь и моя заслуга. Ее отец был астрономом и одно время работал у меня, а она всегда проявляла интерес к науке. Так что видеопереговоры вел я.

Хейвуд Флойд умолчал о том, что, подобно значительной части населения планеты, он влюбился в Эву в тот же миг, как только ее лицо появилось на экране.

— Разумеется,— продолжал он,— сэр Лоуренс с радостью согласился, но сначала мне пришлось убедить его, что Эва действительно проявляет интерес к астрономии. В противном случае, по мнению сэра Лоуренса, у пассажиров отсутствует общность интересов, а это не способствует атмосфере дружбы и доверия.

— Чуть не забыл,— произнес Джордж, извлекая из-за спины небольшой пакет, который он не слишком удачно пытался спрятать от Флойда.— Тут маленький подарок.

— Можно посмотреть, что внутри?

— Как ты считаешь, разрешим? — Джерри озабоченно глянул на Джорджа.

— В таком случае у меня просто нет выбора,— заявил Флойд, развязал яркую зеленую ленту и развернул бумагу.

Там оказалась картина в красивой рамке. И хотя Флойд был не очень искушен в живописи, он узнал ее; действительно, кто, увидев однажды, мог забыть такое?

Наспех сколоченный плот, вздыбившийся на крутых волнах, был переполнен полуодетыми жертвами кораблекрушения; одни сидели, уже смирившись с гибелью, другие отчаянно размахивали руками, стараясь привлечь внимание судна на горизонте. Внизу имелась надпись:

ПЛОТ «МЕДУЗЫ»
(Теодор Жерико, 1791–1824)

А еще ниже Джордж и Джерри приписали от себя: «Быть там — уже приятно».

— Вы — неисправимые негодяи, но я люблю вас обоих,— сказал Флойд, обнимая друзей.

«ВНИМАНИЕ!» — засветился экран на грудной панели у Арчи; настало время отправляться в дорогу. Друзья Флойда вышли из каюты. Их молчание было красноречивее любых слов.

В последний раз Хейвуд Флойд обвел взглядом маленькое помещение, где прошла почти половина жизни. И тут он вспомнил слова из заключительной строфы: «И мы снова уходим, забыв обо всем».

8
ЗВЕЗДНЫЙ ФЛОТ

Сэр Лоуренс Тсунг не был сентиментален; будучи космополитом, он относился к патриотизму не слишком серьезно — правда, когда-то давно, еще студентом, он носил косичку из искусственных волос, модную в годы Треть-

ей культурной революции. Однако гибель космического корабля, свидетелем которой он стал в планетарии, глубоко тронула его. Он решил сосредоточить все свое колоссальное влияние и недюжинную энергию на одолении космического пространства.

Вскоре сэр Лоуренс совершил несколько воскресных полетов на Луну и назначил своего предпоследнего сына Чарлза (который обошелся ему в тридцать два миллиона солей) вице-президентом компании «Тсунг астрофрахт». У новой корпорации было всего лишь два космических корабля на ракетной тяге, работавшей на водороде. Эти небольшие корабли запускались с катапульты; их масса без груза составляла менее тысячи тонн. Еще немного — и они безнадежно устареют, а пока позволят Чарлзу накопить опыт, который, по мнению сэра Лоуренса, окажется бесценным в будущем. Он не сомневался в этом, ибо мир стоял на пороге истинно Космической эры.

Чуть больше полувека отделяло первый полет братьев Райт от распространения дешевого массового воздушного транспорта; чтобы бросить вызов несравненно более сложным полетам в глубины Солнечной системы, времени потребовалось вдвое больше.

И все-таки когда Луис Альварес со своими коллегами еще в 50-е годы прошлого века открыл термоядерную реакцию, где катализаторами служили мюоны, она казалась дразнящим лабораторным фокусом, представляющим чисто теоретический интерес. Подобно тому как великий лорд Резерфорд с пренебрежением отверг перспективы атомной энергии, так и сам Альварес сомневался, найдет ли когда-нибудь «холодный термояд» практическое применение. И действительно, лишь после того, как в 2040 году удалось неожиданно и случайно создать устойчивые мюонно-водородные «соединения», в истории человечества началась новая глава — подобно тому как открытие нейтрона стало преддверием Атомного века.

Теперь приступили к постройке небольших ядерных силовых установок, почти не требующих радиационной защиты. В создание наземных термоядерных электростанций, использующих энергию ядерного синтеза, были вложены столь громадные средства, что глобальные энергосистемы остались — первое время — без изменений, но воздействие на космические полеты сказалось немедленно; его можно было сравнить с революцией, которую произвело столетие назад на воздушном транспорте изобретение реактивного двигателя.

Космические корабли, получив в свое распоряжение неограниченный запас энергии, развивали несравненно более высокие скорости. Время, затрачиваемое на космические перелеты в пределах Солнечной системы, стало измеряться не месяцами или даже годами, а неделями. Однако по принципу действия мюонный двигатель оставался реактивным; это была весьма усовершенствованная ракета, но все-таки ракета, подобная ее предшественницам, работавшим на химическом топливе. Мюонному двигателю тоже требовалось рабочее вещество для развития тяги. А самым дешевым, экологически чистым и наиболее безопасным рабочим веществом для реактивных двигателей была обычная вода.

Космопорт, расположенный на Тихом океане, не испытывал недостатка в этом ценном сырье. Однако уже в соседней космической гавани, на Луне,

положение было иным. Исследования, проведенные здесь «Сервейерами», «Лунниками» и экспедициями «Аполлона», не сумели обнаружить даже следов воды. Если на Луне когда-нибудь она и была, то за миллионы лет бомбардировки поверхности метеоритами полностью исчезла, рассеявшись в космическом пространстве.

Таково было, по крайней мере, мнение селенологов; и тем не менее, несмотря на все научные доказательства, следы воды удавалось наблюдать с того самого момента, когда Галилей впервые направил свой телескоп на Луну. На протяжении нескольких часов после наступления рассвета некоторые лунные вершины блестели настолько ярко, будто были покрыты снегом. Наиболее известный пример — великолепный кратер Аристарх. Уильям Гершель, отец звездной астрономии, наблюдавший его, заметил однажды, что в лунной ночи он светится так ярко, словно там происходит извержение вулкана. Но Гершель ошибался — он наблюдал земной свет, отраженный тонким слоем инея, образовавшегося в результате конденсации водяных паров за триста часов леденящей тьмы и исчезающего с наступлением лунного дня.

Когда под поверхностью долины Шротера — извилистого каньона, отходящего от Аристарха,— были обнаружены гигантские запасы льда, экономические аспекты космических полетов изменились самым радикальным образом. Луна превратилась теперь в заправочную станцию, расположенную именно там, где больше всего требовалось,— на самом краю гравитационного поля Земли, в начале длительного пути к планетам Солнечной системы.

«Космос», первый корабль космического флота Тсунга, был предназначен для перевозки грузов и пассажиров по трассе Земля — Луна — Марс. В результате сложных переговоров с десятком правительств и международных организаций он стал первым испытательным космолетом на экспериментальной мюонной энергетической установке. Построенный на космических верфях Ибриума, он обладал достаточной тягой, чтобы выйти на окололунную орбиту без полезной нагрузки; передвигаясь от орбиты одной планеты к орбите другой, «Космос» не мог опуститься на поверхность ни одной из них. Сэр Лоуренс, придававший большое значение рекламе, добился того, что космический корабль взлетел с поверхности Луны 4 октября 2057 года — ровно через сто лет после запуска первого спутника Земли.

Еще через два года в строй вступил новый космический корабль звездного флота Тсунга — «Гэлакси», предназначенный для полетов по маршруту Земля — Юпитер. Его двигатели были уже значительно более мощными, и развиваемая ими тяга позволяла совершать посадку на любую из юпитерианских лун, жертвуя, правда, значительной долей полезной нагрузки. Более того, при необходимости «Гэлакси» мог даже вернуться на поверхность Луны для ремонта и переоборудования. «Гэлакси» был самым скоростным кораблем, созданным руками человека: сжигая весь запас ракетного топлива в одном длительном всплеске ускорения, он мог развить скорость до тысячи километров в секунду — при этом на путь от Земли до Юпитера потребовалась бы всего неделя, а ближайшей звезды он достиг бы за десять тысяч лет или немногим больше.

Третий корабль звездного флота Тсунга, предмет особой гордости сэра Лоуренса, был построен на основании всего опыта, полученного при эксплуа-

тации двух предыдущих космолетов. Однако «Юниверс» не был грузовым кораблем. С самого начала он строился как космический лайнер и предназначался для обслуживания космических трасс, которые заканчивались у Сатурна — жемчужины Солнечной системы.

Для первого полета «Юниверс» сэр Лоуренс приготовил нечто еще более впечатляющее, однако задержка, вызванная разногласиями с Лунной ассоциацией профсоюза строительных и транспортных рабочих, нарушила эти сроки. Времени едва хватило для полетных испытаний и регистрации в компании Ллойда в конце 2060 года, а также окончательной подготовки лайнера для вылета с околоземной орбиты к цели своего путешествия. На счету был каждый день: комета Галлея не собиралась откладывать свое прибытие к Земле, даже ради сэра Лоуренса Тсунга.

9
ГОРА ЗЕВС

Исследовательский спутник «Европа-6» находился на орбите уже почти пятнадцать лет, намного превзойдя первоначально отведенный срок; вопрос о том, стоит ли заменять его, был предметом жарких споров в небольшом научном сообществе Ганимеда.

На борту спутника находились обычные приборы, предназначенные для сбора информации, а также практически бесполезная теперь система визуального наблюдения. Она продолжала исправно функционировать, но неизменно передавала картину сплошных облаков, окутавших Европу. Ученые на Ганимеде, до предела загруженные работой, бегло просматривали полученную информацию и пересылали сырые, необработанные данные на Землю. Откровенно говоря, многие из них надеялись вздохнуть с облегчением, когда «Европа-6» испустит дух и бесконечный поток гигабайтов наконец иссякнет.

Но вдруг, впервые за много лет, спутник передал нечто крайне интересное.

— 71934-я орбита,— сообщил Ван-дер-Бергу заместитель главного астронома, пригласивший геолога на станцию сразу после предварительной оценки полученных данных.— Спутник приближается с ночной стороны и движется прямо на гору Зевс. Осталось еще десять секунд.

Экран был совершенно черный, но Ван-дер-Берг почти физически ощущал, как на расстоянии тысячи километров от спутника, под сплошным покровом облаков, скрывающим поверхность Европы, проносятся ледяные поля. Через несколько часов ее коснутся лучи далекого Солнца: Европа совершала один оборот вокруг собственной оси за семь земных дней. В общем-то, Ночную страну следовало именовать Сумеречной, потому что половину времени она была освещена достаточно ярко, но лучи Солнца не согревали ее. Тем не менее к неточному названию привыкли, оно казалось более приемлемым с эмоциональной точки зрения: на Европе наблюдался восход Солнца, но там никогда не было восхода Люцифера.

И вот восход Солнца близился, тысячекратно ускоренный мчащимся навстречу ему космическим зондом. На экране появилась едва видная светлая полоса — из тьмы проступила линия горизонта.

Взрыв света был настолько неожиданным, что Ван-дер-Бергу почудилось, будто он наблюдает ослепительный блеск ядерного взрыва. За доли секунды свет пробежал через все оттенки спектра, стал ослепляюще белым, когда Солнце вынырнуло из-за горы, и тут же исчез — автоматические фильтры перекрыли цепь визуального наблюдения.

— Вот и все; жаль, что в этот момент на станции не оказалось оператора — он мог бы включить длиннофокусный объектив и сделать отличные снимки горы. Я знал, что это будет тебе интересно, хотя и опровергает твою теорию.

— Каким образом? — спросил Ван-дер-Берг, скорее озадаченный, чем расстроенный.

— Когда прокрутишь запись снова, очень замедленно, поймешь, что я имею в виду. Эти поразительно красивые цвета радуги вызваны преломлением света не в атмосфере, а в самой горе. На это способен только лед — или стекло. Впрочем, последнее маловероятно.

— Ну почему же, при извержениях вулканов образуется стекло, правда, обычно черное... Ну конечно!

— Что ты сказал?

— Э-э... пока ничего определенного. Нужно тщательно изучить полученную информацию. Мне кажется, однако, что это горный хрусталь — прозрачный кварц. Из него делают великолепные линзы. Как ты думаешь, а еще представится такая возможность?

— Боюсь, что нет. Это было редкое совпадение. Солнце, гора и камера на спутнике оказались на одной прямой. Такое не повторится и в тысячу лет.

— Ну что ж, спасибо. Ты пришлешь мне копию? Можешь не торопиться — я отправляюсь с экспедицией в Перрин и займусь записью лишь по возвращении,— виновато улыбнулся Ван-дер-Берг.— Знаешь, если гора действительно из горного хрусталя, это целое состояние. Хватит для решения проблемы нашего платежного баланса.

Но последнее было совершенно беспочвенной фантазией. Какие бы чудеса — или сокровища — ни скрывались на Европе, человечеству было запрещено ступать на ее поверхность. Запрет содержался в последней передаче с «Дискавери», и не похоже, чтобы за последние пятьдесят лет ситуация изменилась.

10
КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

На протяжении первых сорока восьми часов полета Хейвуд Флойд не переставал удивляться комфорту, всеохватности, даже экстравагантности средств жизнеобеспечения на «Юниверс». А вот его спутники в большинстве своем ничему не удивлялись, считая все это само собой разумеющимся; те, кто ни-

когда и прежде не покидал Землю, полагали, что все космические корабли подобны «Юниверс».

Чтобы по достоинству оценить достигнутый прогресс, ему пришлось обратиться к истории аэронавтики. На протяжении собственной жизни он был свидетелем — нет, активным участником — революции, происшедшей в небесах планеты, исчезающей сейчас далеко позади. Между старым неуклюжим «Леоновым» и последним словом техники, лайнером «Юниверс», пролегли ровно пятьдесят лет (он все еще не мог по-настоящему осознать это, но бесполезно спорить с цифрами).

А ведь те же пятьдесят лет отделяли братьев Райт от первых реактивных авиалайнеров. В начале этого полувека бесстрашные авиаторы с трудом перелетали с одного аэродрома на другой; одетые в шлемы и защитные очки, они сидели, обдуваемые пронизывающим ветром. А в конце этого же полувека бабушки уже мирно дремали в комфортабельных авиалайнерах, переносивших их с континента на континент со скоростью тысячи километров в час.

Так что, может быть, не стоит и ему изумляться роскоши и элегантности своей каюты или даже тому, что за порядком в ней присматривает стюард. Флойда поразило огромное окно. Время от времени он с беспокойством поглядывал на стекло, выдерживающее многотонное давление и отделяющее теплоту и уют каюты от безжалостного, не ослабевающего ни на мгновение холодного вакуума открытого космоса.

Однако наибольшим сюрпризом, хотя он и читал об этом, оказалась сила тяжести на борту. «Юниверс» был первым в мире космическим кораблем, совершающим полет в условиях постоянного ускорения (если не считать нескольких часов разворота в середине рейса). С пятью тысячами тонн воды в своих гигантских топливных баках, он поддерживал силу тяжести в одну десятую *g* на протяжении всего полета — не так уж много, конечно, но достаточно, чтобы незакрепленные предметы оставались на своих местах, а не летали вокруг. Это было особенно удобно при приеме пищи, хотя и потребовалось несколько дней, чтобы привыкнуть и не слишком энергично пользоваться ложкой.

Прошло сорок восемь часов с тех пор, как «Юниверс» покинул околоземную орбиту, а население корабля уже разделилось на четыре основные категории.

Капитан Смит и корабельные офицеры составляли аристократию. Далее следовали пассажиры, за ними — экипаж корабля: механики и стюарды. И еще ниже — четвертый класс...

Так окрестили себя пять молодых ученых-космологов, сначала в шутку, но потом к ней стала примешиваться определенная горечь. Сравнив роскошь своей каюты с тесными, наспех оборудованными помещениями, в которых разместили ученых, Флойд понял их чувства и взял на себя функцию посредника между ними и капитаном.

Впрочем, у них, если задуматься, не было оснований для недовольства. Подготовка корабля к полету велась в такой спешке, что до самого конца не было ясно, найдется ли вообще на борту место для ученых с их приборами. А теперь они предвкушали, как будут размещать инструменты вокруг кометы

и на ней самой в те исторические дни, прежде чем она обогнет наше светило и снова отправится к окраине Солнечной системы. Члены научной группы знали, что исследования кометы Галлея создадут им солидную репутацию в ученом мире. Поэтому только в минуты крайней усталости или неполадок с приборами они начинали сетовать на шумную вентиляцию, тесноту кают, в которых негде повернуться, и появляющиеся порой запахи сомнительного происхождения.

Но никто не жаловался на качество пищи. По всеобщему признанию, она была отменной.

— Мы питаемся куда лучше,— заверил пассажиров капитан Смит,— чем Дарвин на борту «Бигля».

Тут же отозвался Виктор Уиллис:

— Откуда он это знает? Между прочим, капитан «Бигля» после возвращения в Англию перерезал себе горло...

Подобное заявление было типичным для Виктора, который был непревзойденным популяризатором науки (как отзывались о нем поклонники) или поп-ученым (как именовали его враги; впрочем, называть их врагами не совсем справедливо: в его таланте никто не сомневался, хотя это признание и звучало иногда как бы сквозь зубы). Его мягкий акцент жителя Тихоокеанского побережья и экспансивные жесты перед камерой давали неистощимую пищу пародистам; вдобавок ему ставили в заслугу (или в вину) возрождение моды на длинные бороды. «Человек с таким количеством волос,— любил говорить один из его критиков,— непременно старается что-то за ними спрятать».

Виктор Уиллис был, без сомнения, самым легкоузнаваемым из шести знаменитостей на борту «Юниверс» — Флойд, отказывавшийся признать себя в их числе, иронически именовал остальных «знаменитой пятеркой». Эва Мерлин даже по Нью-Йорку гуляла неузнанной в тех редких случаях, когда покидала свою квартиру на Парк-авеню. Дмитрий Михайлович, к своему немалому огорчению, был ниже среднего роста на добрых десять сантиметров; возможно, именно этим объяснялось его пристрастие к оркестрам с тысячью исполнителей — живых или синтезированных,— что, однако, не делало его облик особенно известным широкой публике.

Клиффорд Гринберг и Маргарет М'Бала тоже принадлежали к категории «знаменитых неизвестных», что, впрочем, несомненно изменится после их возвращения на Землю. Первый в мире человек, ступивший на поверхность Меркурия, оказался самым обычным мужчиной с приятным, незапоминающимся лицом; к тому же прошло больше тридцати лет после этой всемирной сенсации, когда его лицо не сходило с телевизионных экранов. А мисс М'Бала, подобно большинству авторов, уделявших мало внимания публичным выступлениям и раздаче автографов, вряд ли узнал бы кто-нибудь из бесчисленных миллионов ее поклонников.

Пришедшая к ней литературная слава была одной из сенсаций сороковых годов. Научное исследование греческого Пантеона вряд ли могло претендовать на место в списке бестселлеров, однако воображение писательницы перенесло неистощимый запас вечных мифов Древней Греции в современный космический век. Имена, столетия назад известные лишь астрономам и тем,

кто занимался изучением классической истории, были теперь в обиходе каждого образованного человека; почти ежедневно поступали новости с Ганимеда, Каллисто, Ио, Титана, Япета или даже менее заметных, затерянных в глубинах космоса миров вроде Карме, Пасифеи, Гипериона, Фебы...

И все-таки ее книга стала бы всего лишь популярной, не более, если бы писательница не занялась изучением сложной и запутанной семейной жизни Юпитера — Зевса, отца богов. И тут на редактора нашло гениальное озарение: он изменил первоначальное название книги «Вид с Олимпа», данное автором, на «Страсти богов». Ученые авторитеты, пожираемые черной завистью, обычно называли книгу «Похотливые олимпийцы», но все они, без исключения, жалели, что не являются ее авторами.

Неудивительно, что именно Мэгги М — так сразу окрестили писательницу ее спутники — впервые упомянула выражение «Корабль дураков». Виктор Уиллис тут же подхватил его, мгновенно оценив остроумную связь с прошлым. Почти сто лет назад сама Кэтрин Энн Портер, автор знаменитого романа, вместе с группой ученых и писателей поднялась на борт океанского лайнера, чтобы наблюдать запуск «Аполлона-17», ознаменовавший завершение первого этапа исследования Луны.

— В этом что-то есть,— многозначительно заметила мисс М'Бала, когда ей передали слова Уиллиса.— Может быть, стоит задуматься о третьем варианте. Разумеется, окончательное решение я приму после возвращения на Землю...

11
ОБМАН

Прошло много месяцев, прежде чем Рольф Ван-дер-Берг снова получил возможность сосредоточить свои мысли и энергию на горе Зевс. Укрощение Ганимеда отнимало у него все силы и время, и он часто покидал свой кабинет на Дарданусе на несколько недель, занимаясь изысканиями на трассе проектируемой монорельсовой дороги от Гильгамеша до Осириса.

Географическая обстановка на третьей и самой большой из юпитерианских лун после вспышки Юпитера резко изменилась и продолжала меняться. Новое солнце, растопившее лед на Европе, не было здесь, на расстоянии в четыреста тысяч километров, таким жарким, но его лучи несли достаточно тепла, чтобы в центре той стороны, что была постоянно обращена к Люциферу, установился умеренный климат. Там находились мелкие небольшие моря — размером со Средиземное на Земле,— простирающиеся до сорокаградусной широты к северу и югу. Мало что уцелело от поверхности Ганимеда, которую отражали карты, созданные в двадцатом веке по снимкам с «Вояджеров». Таяние вечной мерзлоты и происходящие время от времени тектонические конвульсии, вызванные к жизни теми же приливными силами, что действовали и на двух внутренних лунах, превращали Ганимед в кошмар для картографов.

Но именно эти факторы делали его раем для планетарных инженеров. Новый Ганимед был единственным миром, за исключением безводного и куда менее гостеприимного Марса, где люди когда-нибудь смогут ходить под откры-

тым небом без скафандров или других средств защиты. Здесь было сколько угодно воды, все химические вещества, необходимые для жизни, и климат — по крайней мере пока над головой сиял Люцифер — теплее, чем на значительной части Земли.

Самым важным явилось то, что на Ганимеде больше не нужно было носить скафандры, закрывающие все тело. Хотя атмосфера еще не была пригодной для дыхания, она стала достаточно плотной, и приходилось пользоваться лишь масками и кислородными баллонами. А через несколько десятилетий, по предсказаниям микробиологов, которые, однако, избегали указывать более конкретные сроки, не понадобится даже и этого. По всей поверхности Ганимеда рассеяли множество штаммов бактерий, вырабатывающих кислород; большинство из них погибло, но уцелевшие чувствовали себя как дома, начали стремительно размножаться, и регулярно проводящийся анализ состава атмосферы указывал на медленный, но неуклонный рост содержания кислорода. Эти графики были первым экспонатом, который демонстрировали — с понятной гордостью — посетителям базы на Дарданусе.

Длительное время Ван-дер-Берг следил за данными, поступающими с «Европы-6», надеясь, что когда-нибудь в момент пролета спутника над горой Зевс облака снова рассеются. Он понимал, что вероятность подобного совпадения ничтожна, но пока был хотя бы малейший шанс, ему не хотелось прибегать к иным методам изучения загадочного явления. Ван-дер-Берг не торопился, дел у него и так было выше головы, к тому же разгадка могла оказаться самой тривиальной и не представляющей интереса.

И вдруг «Европа-6» прекратила свое существование (почти несомненно в результате случайного столкновения с метеоритом). На Земле Виктор Уиллис, по мнению многих, поставил себя в дурацкое положение, взяв интервью у людей, пытавшихся разгадать тайну Европы,— «европсихов», занявших сейчас место распространенных в прошлом фанатиков НЛО. Некоторые из них утверждали, что «Европу-6» вывели из строя козни существ, населявших мир, вокруг которого она обращалась: то обстоятельство, что спутнику позволили беспрепятственно функционировать целых пятнадцать лет — почти вдвое больше запланированного срока,— ничуть их не смущало. Нужно отдать должное Виктору — он весьма аргументированно отстаивал свою позицию и опроверг большинство доводов, выдвинутых оппонентами; и все-таки все сошлись на том, что не следовало вообще предоставлять этим чокнутым такую возможность.

Для Ван-дер-Берга, которому необыкновенно импонировало прозвище «упрямый голландец», данное ему коллегами, и который всячески старался оправдать такую характеристику, гибель «Европы-6» была вызовом, и он не мог его не принять. Он знал, что спутник никто не собирается заменять, ибо кончина необычайно говорливого космического долгожителя была воспринята с глубоким вздохом облегчения.

Что же делать теперь? Поскольку Ван-дер-Берг был геологом, а не астрофизиком, прошло несколько дней, прежде чем он неожиданно понял, что разгадка в буквальном смысле смотрела ему в лицо с момента высадки на Ганимед.

Африкаанс — один из лучших языков в мире, когда хочется выругаться; его звуки могут привести в замешательство слушателей даже при вежливом разговоре. Ван-дер-Берг выпускал лишний пар в течение нескольких минут; затем связался с обсерваторией в Тиамате, расположенной точно на экваторе, где прямо в зените висел крошечный сверкающий диск Люцифера.

Астрофизики, занимающиеся самыми эффектными объектами во Вселенной, снисходительно относятся к рядовым геологам, посвятившим жизнь таким маленьким грязным объектам, как планеты. Но здесь, на далекой окраине, люди весьма охотно помогали друг другу, и доктор Уилкинс не только проявил живейший интерес, но и изъявил готовность оказать всяческое содействие.

Тиаматскую обсерваторию построили с единственной целью, которая была одной из главных причин создания базы на Ганимеде. Исследование Люцифера было делом исключительной важности не только для ученых-теоретиков, но и для инженеров-ядерщиков, метеорологов, океанографов и, не в последнюю очередь, для государственных деятелей и философов. Потрясала мысль о том, что во Вселенной нашлись существа, способные превратить планету в раскаленное солнце; мысль об этом не давала спать многим. Для человечества было крайне важно узнать об этом как можно больше; мог наступить день, когда понадобится повторить нечто подобное — или предотвратить...

Так что на протяжении более десяти лет Тиамат вел наблюдения за Люцифером с помощью самых разнообразных приборов, непрерывно регистрируя весь спектр его электромагнитного излучения, а также активно зондировал новое светило радиолокационным излучением с помощью скромной параболической антенны, расположенной в небольшом метеоритном кратере диаметром в сто метров.

— Да,— согласился доктор Уилкинс,— мы часто наблюдаем Европу и Ио. Однако наш луч направлен на Люцифер, поэтому мы видим их лишь в течение нескольких минут, когда они проходят через его диск. А ваша гора расположена на дневной половине Европы и в эти минуты всегда скрыта от наблюдения.

— Да понимаю я это,— произнес Ван-дер-Берг с долей нетерпения.— А разве вы не можете чуть-чуть повернуть луч, чтобы увидеть Европу до ее прохождения через створ с Люцифером? Поворот всего лишь на десять или двадцать градусов позволит увидеть дневную сторону.

— И одного градуса будет достаточно, чтобы миновать Люцифер и взглянуть на Европу, находящуюся на противоположной части ее орбиты. Но тогда она будет более чем втрое дальше, так что мы зарегистрируем лишь одну сотую отраженной мощности излучения. Не исключено, впрочем, что удастся увидеть нечто интересное. Стоит попробовать. Сообщите мне данные о частотах, длине волн, поляризации и всем остальном, что может оказаться полезным. Вряд ли потребуется много времени, чтобы разработать сетку фазового смещения и сдвинуть луч на пару градусов. Точнее сказать не могу — такая мысль никогда не приходила нам в голову. Хотя об этом следовало бы подумать. Кстати, что вы надеетесь обнаружить на Европе, за исключением воды и льда?

— Если бы я знал,— с улыбкой ответил Ван-дер-Берг,— то не обратился бы к вам за помощью, верно?

— А я не спрашивал бы насчет того, как будет отмечен мой вклад в вашей будущей публикации. Жаль, что моя фамилия начинается с буквы в конце алфавита, тогда как ваша — в начале.

Этот разговор состоялся год назад; качество дальнего сканирования было невысоким, а операция, связанная со смещением луча, позволяющая заглянуть на дневную сторону Европы, оказалась труднее, чем ожидали. Наконец результаты получены, обработаны и Ван-дер-Берг стал первым человеком, увидевшим минералогическую карту Европы в период после возгорания Люцифера.

Как и предсказывал доктор Уилкинс, ее поверхность была покрыта главным образом водой и льдом с выступающими то тут, то там обнажениями базальта, перемежающимися с залежами серы. Но на карте обнаружились две аномалии. Одна, похоже, была дефектом процесса формирования изображения: на карте виднелась совершенно прямая линия в два километра, практически не отражавшая радиолокационного сигнала. Ван-дер-Берг решил, что с этой аномалией разберется доктор Уилкинс; самого же Ван-дер-Берга интересовала только гора Зевс.

Ему понадобилось немало времени, чтобы определить ее состав; лишь безумец — или отчаявшийся ученый — способен вообразить, что такое действительно существует. Даже теперь, после того как каждый параметр был определен с предельной точностью, он все еще не мог в такое поверить. И Ван-дер-Берг не представлял себе, что предпринять дальше.

Когда на связь вышел доктор Уилкинс, с нетерпением ожидавший, когда же настанет момент славы и его имя попадет в банки памяти всех компьютеров, Ван-дер-Берг невнятно пробормотал, что еще не закончил анализ.

Наконец пришло время, когда медлить с ответом было уже невозможно.

— Ничего примечательного,— сообщил он своему ничего не подозревающему коллеге.— Всего лишь редкая разновидность кварца — я все еще стараюсь отыскать земной аналог.

Ван-дер-Берг впервые соврал своему ученому коллеге, и на душе у него было гадко.

Но что ему оставалось делать?

12

ООМ ПАУЛЬ

Рольф Ван-дер-Берг не видел своего дядю Пауля лет десять, и казалось маловероятным, что они когда-нибудь встретятся лицом к лицу. И все-таки он испытывал теплое чувство к старому ученому, последнему представителю своего поколения, единственному, кто еще мог вспомнить (когда ему хотелось, что бывало нечасто), как жили их предки.

Доктор Пауль Крюгер — оом Пауль для всей его семьи и большинства друзей — всегда был готов прийти на помощь, когда она требовалась, сообщить

о чем-то или посоветовать либо при личной встрече, либо на одном из концов радиоканала длиной в полмиллиарда километров. По слухам, только мощное давление со стороны политических деятелей заставило Нобелевский комитет не заметить его огромный вклад в физику элементарных частиц, вновь оказавшуюся в отчаянном беспорядке после очередного пересмотра основ в конце двадцатого века.

Если это соответствовало действительности, доктор Крюгер не испытывал обиды. У него, скромного и непритязательного, не было личных врагов, даже среди таких, как он, старых и неуживчивых эмигрантов. Более того, уважение к нему было столь велико, что его неоднократно приглашали навестить Соединенные Штаты Южной Африки, но он всякий раз вежливо отказывался — не потому, спешил объяснить доктор Крюгер, что опасался за свою жизнь, а по той причине, что его ностальгия станет еще сильнее.

Даже прибегнув из осторожности к языку, который понимали теперь меньше миллиона человек, Ван-дер-Берг говорил очень осторожно и пользовался иносказаниями и сравнениями, понятными лишь близкому родственнику. Несмотря на это, Пауль без труда понял, что хочет его племянник, хотя и не принял его всерьез. Он опасался, что молодой Рольф свалял дурака, и решил смягчить его неизбежное разочарование. По крайней мере, подумал он, у Рольфа хватило ума не спешить с публикацией и сохранить дело в тайне...

Но предположим — всего лишь предположим,— что он прав? Редкие волосы на затылке Пауля встали дыбом. Внезапно перед его взором открылся гигантский диапазон возможностей — научных, финансовых, политических,— внушающий благоговейный ужас.

В отличие от своих набожных предков доктор Крюгер в моменты смятения или замешательства не мог обратиться к Богу. Теперь он едва не пожалел об этом; но даже если б и мог, вряд ли приходилось ждать помощи оттуда. Опустившись в кресло перед своим компьютером и подключившись к банкам данных, он не знал, на что надеяться: сделал ли его племянник колоссальное открытие или все это совершеннейшая глупость? Неужели Отец рода человеческого действительно решил сыграть такую невероятную шутку со своей паствой? Пауль вспомнил знаменитое высказывание Эйнштейна, заметившего, что, хотя Его пути неисповедимы, Он никогда не делает зла.

Хватит мечтать, напомнил себе доктор Крюгер. Твои симпатии и антипатии, надежды и страхи не имеют никакого отношения к этому делу...

Через половину Солнечной системы ему брошен вызов; он не успокоится, пока не доберется до истины...

13

«НИКТО НЕ ПРЕДУПРЕДИЛ НАС, ЧТО ПОНАДОБЯТСЯ КУПАЛЬНИКИ...»

Капитан Смит хранил в тайне свой маленький сюрприз до пятого дня и сообщил о нем всего за несколько часов перед Разворотом. Как он и предполагал, его слова ошеломили всех и вызвали недоверие.

Виктор Уиллис первым обрел дар речи:

— Плавательный бассейн! На космическом корабле! Вы шутите!

Капитан откинулся на спинку кресла, испытывая немалое удовольствие. Он подмигнул Хейвуду Флойду, узнавшему этот секрет раньше других.

— В самом деле, Колумб был бы удивлен, знай он о некоторых удобствах на кораблях, построенных несколько позже.

— А нет ли там и вышки для прыжков? — мечтательно спросил Гринберг.— В колледже я был чемпионом.

— Представьте себе — есть. Только высотой в пять метров, но при ускорении в одну десятую *g* на борту продолжительность свободного падения составит три секунды. А если захочется лететь подольше, я уверен, мистер Кертис пойдет навстречу и уменьшит тягу.

— Неужели? — сухо поинтересовался старший механик.— Чтобы спутать мне все орбитальные расчеты? А если вода поползет вверх по стенкам? Поверхностное натяжение, знаете ли...

— Помнится, я где-то слышал о космической станции со сферическим плавательным бассейном,— заметил кто-то.

— Действительно, такой бассейн пробовали устроить в центральной части «Пастера», еще до начала вращения,— ответил Флойд.— Оказалось весьма непрактично. В состоянии невесомости воду пришлось заключить в сферическую оболочку. А внутри огромной водяной капли недолго и утонуть, особенно если впадешь в панику.

— Зато сразу окажешься в Книге рекордов — первый человек, утонувший в космосе...

— Никто не предупредил нас, что понадобятся купальники...— подосадовала Мэгги М'Бала.

— Тот, кто не может обойтись без купальника, по-видимому, в нем остро нуждается,— шепнул Михайлович на ухо Флойду.

Капитан Смит постучал по столу, призывая к порядку.

— Прошу не отвлекаться, у меня есть важное сообщение. Вы уже знаете, что в полночь мы достигнем максимальной скорости и начнем торможение. Поэтому в 23.00 двигатель будет выключен, тяга прекратится и корабль развернется на 180 градусов. Тяга снова будет включена в 1.00, так что два часа придется провести в невесомости. Как вы хорошо понимаете, команда будет очень занята в этот период — воспользуемся этой возможностью для проверки двигателя и осмотра наружной поверхности корпуса корабля, чего нельзя осуществить при постоянном ускорении. Настоятельно рекомендую провести это время в койках, пристегнув ремни. Стюарды проверят, чтобы в помещениях не оказалось незакрепленных предметов, которые могут стать опасными, после того как на корабле будет восстановлена сила тяжести. Имеются ли вопросы?

Наступила полная тишина; ошеломленные новостями пассажиры не знали, о чем спрашивать.

— Я надеялся, что вы заинтересуетесь экономической стороной подобной роскоши, и хотя вы не проявили интереса, я все-таки скажу. Дело в том, что

это совсем не роскошь, к тому же не стоит ни цента, но мы сочли, что бассейн окажется совсем не лишним во время будущих перелетов.

Видите ли, в наших топливных баках пять тысяч тонн воды, необходимой для двигателей корабля в качестве рабочего вещества. И этой водой вполне можно воспользоваться. Бак номер один сейчас на три четверти пуст, и мы не будем трогать его до конца путешествия. Значит, завтра встретимся на пляже...

Учитывая спешку, с которой готовили корабль к полету, приходится лишь удивляться, с какой тщательностью отнеслись к такому откровенно второстепенному делу.

«Пляжем» служила металлическая платформа пятиметровой ширины, протянувшаяся на треть окружности гигантского бака. И хотя противоположная сторона бака находилась всего лишь в двадцати метрах, остроумно проецируемое на нее изображение создавало иллюзию бесконечности. Волны несли любителей серфинга к недостижимому берегу. За ними, на горизонте, распустив паруса, мчался пассажирский клипер, в котором любой служащий бюро путешествий сразу бы узнал «Тай-пан», принадлежащий могущественной космо-морской корпорации Тсунга.

Полноту иллюзии завершали песок под ногами (он был слегка намагничен, что удерживало его на отведенном месте) и пальмовая роща на краю маленького пляжа, которая выглядела очень убедительно, пока к ней не подходили вплотную. Жаркое тропическое солнце венчало идиллическую картину; трудно было поверить, что за обшивкой корабля сияло настоящее Солнце, причем вдвое ярче, чем на любом земном пляже.

Проектировщик в самом деле для столь ограниченного пространства потрудился на славу, и замечание Гринберга: «Жаль, что нет морского прибоя» — было все-таки несправедливым.

14
ПОИСК

Верным принципом в науке является недоверие к любому факту, каким бы обоснованным он ни казался, пока ему не будет найдено объяснение. Время от времени, однако, наблюдение может разрушить установившееся представление и создать новое, но такое случается крайне редко. Гиганты, подобные Галилею или Эйнштейну, рождаются не чаще раза в столетие, что, впрочем, оказывает весьма благоприятное воздействие на спокойствие человечества.

Доктор Крюгер во всем следовал этому доброму принципу: он не поверит в открытие своего племянника, пока не сумеет объяснить его. Крюгеру все еще казалось, что для логичного объяснения открытия потребуется божественное вмешательство. Водя по щекам старой, но все еще отличной бритвой, ученый думал, что Рольф, вероятнее всего, где-то напутал; если это так, обнаружить ошибку не составит большого труда.

К невероятному изумлению дяди Пауля, это оказалось на удивление трудным. Анализ данных радиолокационного зондирования уже стал разработанной в деталях и освоенной годами методикой, и все эксперты, с которыми консультировался Пауль, после длительной задержки давали один и тот же ответ. Причем неизменно спрашивали: «Откуда у вас эти данные?»

— Извините,— отвечал он.— Обсуждать этот вопрос не имею права.

Теперь оставалось предположить, что невозможное оказалось проверенным фактом, и наступила пора браться за изучение научной литературы. Предстояла колоссальная работа, так как доктор Крюгер не знал даже, с чего начать. Несомненным было одно: прямая атака обречена на полную неудачу, как если бы Рентген на другой день после открытия лучей, названных в его честь, принялся за поиски их объяснения в физических журналах своей эпохи. Сведения, в которых он нуждался, были получены лишь через несколько лет.

И все-таки оставалась надежда, что информация, необходимая доктору Крюгеру, таится где-то в недрах необъятной сокровищницы уже накопленных научных знаний.

Медленно, не спеша, он разработал программу автоматического поиска, в задачу которого входило найти одно из тех вероятных объяснений, которое соответствовало бы всем условиям поставленной задачи. Программа должна была исключить объяснения, основанные на земных факторах,— их количество исчислялось, несомненно, миллионами — и сконцентрировать внимание лишь на внеземных.

Выдающиеся научные заслуги доктора Крюгера влекли за собой определенные преимущества, одним из которых было неограниченное компьютерное время — это составляло часть гонорара, которую он всегда требовал от организаций, прибегавших к его помощи. Поэтому, хотя поиск мог оказаться очень дорогостоящим, ему не приходилось думать о плате.

Но все обернулось на удивление просто. Доктору Крюгеру повезло: поиск завершился уже через два часа тридцать семь минут после начала, когда компьютер наткнулся на ссылку номер 21456.

Заглавия оказалось достаточно. Пауль так разволновался, что его собственный робот-секретарь не узнал голос хозяина, и тому пришлось еще раз повторить команду о полной распечатке.

Выпуск журнала «Нейчур» был опубликован в 1981 году — за пять лет до рождения доктора Крюгера! — и когда глаза ученого пробежали по его странице, он понял не только то, что его племянник совершенно прав, но и — что не менее важно — как могло произойти подобное чудо.

Должно быть, у редактора журнала, изданного восемьдесят лет назад, было врожденное чувство юмора. Статья, посвященная составу ядер отдаленных планет, вряд ли могла привлечь внимание непосвященного читателя, но у этой статьи был поразительный заголовок. Робот-секретарь мог бы объяснить Крюгеру, что когда-то эти слова составляли часть знаменитой песни — впрочем, прямого отношения к делу это не имело.

К тому же Пауль Крюгер никогда не слышал про «Битлз» и их психоделические фантазии.

II
ДОЛИНА ЧЕРНОГО СНЕГА

15
РАНДЕВУ

Теперь комета Галлея находилась так близко, что ее трудно было охватить взглядом; по иронии судьбы, ее хвост, вытянувшийся уже на пятьдесят миллионов километров под прямым углом к орбите кометы подобно вымпелу, развевающемуся под порывами невидимого солнечного ветра, было куда лучше наблюдать с Земли.

Утром того дня, когда предстояла встреча с кометой, Хейвуд Флойд проснулся рано, после тяжелого сна. Он редко видел сны — или по меньшей мере редко их помнил,— да и волнение нескольких захватывающих часов оказало, несомненно, свое влияние. К тому же его взволновало последнее сообщение от Каролины, в котором она спрашивала, известно ли ему что-нибудь о Крисе. Флойд ответил радиограммой, где коротко извещал, что Крису даже не пришло в голову сказать спасибо за помощь в назначении офицером на «Космос» — космический корабль, родственный «Юниверс»; не исключено, Крису уже надоело летать по маршруту Земля — Луна и он нашел где-то более увлекательную работу.

— Как всегда,— добавил Флойд,— мы узнаем обо всем, когда он сочтет нужным.

Сразу после завтрака пассажиры и научная группа собрались, чтобы выслушать окончательный инструктаж капитана Смита. Ученым, разумеется, никакого инструктажа не требовалось, но если они и испытывали неудовольствие, то ребячьи эмоции исчезали, стоило только взглянуть на фантастическое зрелище на главном видеоэкране.

Казалось, «Юниверс» влетал не в комету, а в туманность. Весь горизонт впереди представлял собой облако туманной белой дымки — не сплошной, а испещренной темными сгустками, пересеченной светящимися полосами, ярко пылающими струями и потоками огня, исходящими из одной точки. При существовавшем увеличении ядро кометы едва виднелось вдали как крошечное черное пятнышко, и тем не менее было очевидно, что именно оно является источником всего, что происходило вокруг.

— Через три часа выключим двигатель,— объявил капитан Смит.— К этому моменту мы окажемся всего в тысяче километров от ядра и скорость сближения будет практически равна нулю. Произведем окончательные наблюдения и проверим место высадки.

Состояние невесомости наступит ровно в 12.00. Стюарды, обслуживающие ваши каюты, заранее проверят, все ли правильно закреплено и уложено. Короче говоря, это будет похоже на Разворот, с той лишь разницей, что теперь мы проведем в невесомости не два часа, а три дня.

Тяготение кометы Галлея? Оно ничтожно — меньше одного сантиметра в секунду за секунду — около одной тысячной земного. Если проявите чудеса терпения, вам удастся заметить его, но не больше. Потребуется пятнадцать секунд, чтобы опуститься на один метр.

Из соображений безопасности во время сближения и посадки прошу вас находиться здесь, в наблюдательной рубке, в креслах с пристегнутыми ремнями. В любом случае лучшее место для наблюдений именно тут, а на всю операцию уйдет не больше часа. Мы будем пользоваться очень малой корректирующей тягой, однако она может быть включена под любым углом, что способно повлиять на вестибулярный аппарат.

Капитан имел в виду космическую болезнь, эквивалент земной морской болезни, но это слово с общего согласия было табу на борту корабля. Однако несколько рук невольно потянулось под кресла, проверяя, на месте ли печально известные пластиковые пакеты — на случай срочной необходимости.

Увеличение возросло, и изображение на экране стало больше. На мгновение Флойду показалось, что он находится в самолете, пробивающемся сквозь легкую облачность, а не на борту космического корабля, приближающегося к самой знаменитой из комет. Ядро становилось больше, очертания его четче; оно было уже не черной точкой, а эллипсом неправильной формы, потом стало маленьким, покрытым оспинами островком, затерянным в космическом океане, и вдруг, неожиданно, превратилось в настоящий мир.

Ощущение масштаба отсутствовало. Хотя Флойд знал, что открывшаяся перед ним панорама имеет меньше десяти километров в поперечнике, могло показаться, что он смотрит на небесное тело размером с Луну. Но у Луны не было расплывчатых очертаний, ее поверхность не выбрасывала струйки пара, среди которых выделялись две большие струи.

— Бог мой! — воскликнул Михайлович.— А это что?

Он указал на нижний край ядра, как раз рядом с терминатором. Перед ними совершенно четко — и невероятно — мигал огонек на ночной стороне кометы, мигал в идеально размеренном ритме: вспыхнет — погаснет, вспыхнет — погаснет — и так каждые две или три секунды.

Доктор Уиллис откашлялся и с явным намерением объяснить происходящее повернулся к Михайловичу, но его опередил капитан Смит:

— Мне жаль разочаровывать вас, мистер Михайлович. Это всего лишь световой маяк на зонде номер два, который собирал образцы. Он уже месяц находится здесь. Мы должны забрать его.

— Какая жалость! Я думал, что кто-то — или что-то — приветствует нас.

— Ничего не поделаешь. Боюсь, что мы здесь в полном одиночестве. Зонд находится как раз там, где мы собираемся совершить посадку, рядом с Южным полюсом кометы, расположенным — пока — в постоянной темноте. Здесь наша система жизнеобеспечения будет функционировать с меньшей нагрузкой. На освещенной стороне температура достигает 120 градусов — намного выше температуры кипения воды.

— Немудрено, что внутри кометы что-то все время булькает,— заметил Дмитрий, не смутившись.— Эти струи, то и дело извергающие пар, кажутся мне опасными. Вы уверены, что нам ничто не угрожает?

— Вот поэтому-то мы и садимся на ночной стороне: там все тихо. А теперь прошу извинить — мне пора на мостик. Это моя первая посадка на поверхность неизведанного мира — боюсь, что впредь такой возможности может не представиться.

Окружавшие капитана Смита медленно разошлись, погруженные в непривычное молчание. Изображение на экране вновь уменьшилось, и ядро кометы превратилось в едва заметную точку. И все-таки даже на протяжении этих нескольких минут оно, казалось, стало чуть больше, и, судя по всему, это не было оптической иллюзией. До встречи оставалось менее четырех часов, и корабль продолжал мчаться со скоростью пятьдесят тысяч километров в час.

Если на этом этапе что-то произойдет с главным двигателем, комета Галлея сможет похвастать самым большим кратером за весь период своего существования.

16
ПОСАДКА

Сама посадка, как и надеялся капитан Смит, прошла без приключений. Касание было настолько легким, что никому не удалось определить, когда оно произошло; лишь через минуту пассажиры поняли, что находятся на поверхности кометы Галлея, и разразились запоздалыми аплодисментами.

Корабль лежал у края мелкой долины, окруженной холмами высотой не более ста метров. Тех, кто надеялся увидеть лунный пейзаж, ждало разочарование: формации, окружающие корабль, ничуть не походили на плавные, ровные склоны лунных гор, сглаженные миллиардами лет бомбардировки микрометеоритами.

Здесь же, на комете Галлея, не было ничего старше тысячи лет; земные пирамиды были намного древнее этого ландшафта. Всякий раз, когда комета огибала Солнце, его гигантские факелы заново формовали — и уменьшали — ее ядро. Даже по сравнению с 1986 годом, когда комета Галлея проходила через перигелий и приближалась к Земле на самое близкое расстояние, очертания ее ядра несколько изменились. Виктор Уиллис очень метко заметил в одной из своих лекций: «Земляной орех превратился в осу!» Действительно, все указывало на то, что, совершив еще несколько оборотов вокруг Солнца, комета Галлея может расколоться на две примерно равные части — как это уже случилось, к изумлению астрономов 1846 года, с кометой Биэлы.

Необычность ландшафта еще более усиливалась из-за почти полного отсутствия гравитации. Повсюду виднелись тончайшие паутинообразные формации, напоминающие фантазии художника-сюрреалиста, и неправдоподобно наклоненные груды скал, которым не удалось бы продержаться дольше нескольких минут даже на Луне.

Несмотря на то что капитан Смит решил посадить «Юниверс» в глубине полярной ночи — на расстоянии добрых пяти километров от обжигающего жара Солнца, вокруг было светло. Колоссальная оболочка из газа и пыли, окружающая комету, образовала на удивление хорошо гармонирующий с ней си-

яющий ореол, он напоминал полярное сияние, играющее над антарктическими льдами. А если этого света было недостаточно, Люцифер вносил свою долю, освещая все вокруг с яркостью нескольких сотен полных Лун.

Разочаровывало полное отсутствие красок, хотя это и не было неожиданностью; казалось, «Юниверс» находится в угольном карьере, разрабатываемом открытым способом. Кстати, аналогия была тем более удачной, что окружающая корабль чернота во многом объяснялась присутствием углерода или его соединений, равномерно смешанных со снегом и льдом.

Как и полагалось, Смит первым вышел из корабля, медленно выплыв из воздушного шлюза. Потребовалась, казалось, целая вечность, чтобы он опустился на два метра от люка до поверхности кометы; там он наклонился, зачерпнул рукой в перчатке скафандра горсть пыли и поднес ее к стеклу шлема.

Все замерли, ожидая слов, которым суждено войти в учебники истории.

— Похоже на смесь перца и соли,— произнес капитан.— Если растопить, можно вырастить неплохой урожай.

В соответствии с планом экспедиции корабль должен был пробыть у Южного полюса одни полные сутки кометы Галлея — пятьдесят три часа, затем предполагалось, если ничего не случится, передвинуться на десять километров к весьма неопределенной линии экватора и взяться за изучение одного из гейзеров на протяжении его полного суточного цикла, охватывающего один день и одну ночь.

Тем временем Пендрилл, руководитель научной группы, не терял времени. Вместе с одним из коллег он почти сразу отправился на двухместных ракетных санях в направлении мигающего маяка на ожидавшем их зонде. Не прошло и часа, как они вернулись с заранее упакованными образцами вещества кометы и торжественно уложили их в специальный морозильник.

Одновременно группы техников протянули паутину кабелей по долине, подвесив их на шестах, вогнанных в рыхлый грунт. Кабели не только соединяли с кораблем многочисленные приборы, но и облегчали передвижение. Теперь появилась возможность обследовать эту часть кометы Галлея, не прибегая к помощи громоздких устройств для маневрирования в космосе — УМК; достаточно было пристегнуть страховочный трос к кабелю и затем передвигаться, перехватывая его руками. Это было куда удобнее, чем пользоваться УМКами, которые представляли собой нечто вроде одноместного космического корабля со всеми его недостатками.

Пассажиры наблюдали за этой деятельностью с огромным интересом, слушали радиопереговоры и пытались — насколько возможно — приобщиться к радости обследования нового мира. Наконец, когда прошло двенадцать часов — а для бывшего астронавта Клиффорда Гринберга значительно раньше,— им надоело оставаться зрителями. Начались разговоры о прогулке наружу — исключение составлял лишь Виктор Уиллис, который вел себя на редкость пассивно, что было совсем не похоже на него.

— Мне кажется, он струсил,— презрительно заметил Дмитрий. Он не любил Виктора с того момента, как выяснилось, что тот совершенно не различает звуковых тонов. И хотя это было несправедливо по отношению к Викто-

ру (который с готовностью согласился на роль подопытного кролика при изучении этого редкого недостатка), Дмитрий не упускал случая многозначительно заметить: «Человек, лишенный всякого слуха, способен на измену, хитрости и закулисные махинации».

Сам Флойд принял решение еще прежде, чем покинул околоземную орбиту. Мэгги М была не прочь испытать что угодно и не нуждалась в ободрении (ее знаменитый лозунг «Писатель не должен отказываться от любой возможности расширить свой кругозор» оказал огромное воздействие на ее духовную жизнь).

Эва Мерлин, как всегда, держала всех в напряженном ожидании, однако Флойд был настроен решительно и собирался лично показать ей комету. Это нужно было ему хотя бы для поддержания собственной репутации: все знали, что он немало потрудился ради того, чтобы знаменитая отшельница оказалась среди пассажиров «Юниверс», и по кораблю пошли слухи, что у них роман. Самые невинные замечания Эвы и Хейвуда Флойда тут же с ликованием передергивались Дмитрием и судовым врачом, доктором Махиндраном, признававшимся, что отчаянно им завидует.

Поначалу подобные шутки вызывали у Флойда раздражение — поскольку слишком точно воспроизводили волнения его молодости,— но затем он перестал обижаться. К тому же он не знал, как относится к происходящему Эва, и никак не решался спросить ее. Даже здесь, в этом узком замкнутом мирке, где ни один секрет не оставался секретом дольше шести часов, ей удавалось держаться в отдалении от всех, сохраняя атмосферу тайны, зачаровывавшую три поколения поклонников.

Что касается Виктора, он только что узнал об одной крохотной, но крайне важной детали, способной расстроить планы всех — от мышей до космонавтов.

На борту «Юниверс» находились космические скафандры последнего образца «Марк XX», снабженные прозрачными лицевыми щитками, которые не запотевали, не пропускали ослепительный свет и гарантировали небывалую видимость. И хотя шлемы в скафандрах были разных размеров, Виктор Уиллис не помещался ни в один из них без основательной операции.

Ему потребовалось пятнадцать лет, чтобы приучить мир к характерной лишь для него особенности («Подлинный шедевр фигурной стрижки растительности»,— не без восхищения заметил один из критиков).

И вот теперь лишь борода служила препятствием между Виктором Уиллисом и кометой Галлея. Скоро ему придется сделать выбор.

17
ДОЛИНА ЧЕРНОГО СНЕГА

Ко всеобщему изумлению, капитан Смит почти не возражал против выхода пассажиров из корабля. Он согласился, что просто нелепо пролететь миллионы километров и не пройтись по поверхности кометы.

— Если вы будете строго соблюдать правила, затруднений у вас не будет,— сказал он во время неизбежного инструктажа,— даже у тех, кто никогда не

надевал космического скафандра,— насколько я помню, опыт работы в открытом космосе имеют лишь полковник Гринберг и доктор Флойд,— потому что наши скафандры удобны и полностью автоматизированы. Покинув шлюзовую камеру, вам не придется беспокоиться о регулировке и кнопках управления. Но я настаиваю на одном: лишь двое могут одновременно находиться в открытом космосе. Разумеется, я выделю вам спутника, пристегнутого пятиметровым тросом,— хотя длину страховочного троса можно в случае необходимости увеличить до двадцати метров. Кроме того, вы оба будете пристегнуты к двум кабелям, протянутым по всей длине лощины. Правило движения здесь такое же, как на Земле,— держитесь правой стороны! Если понадобится обогнать кого-то, можете отстегнуть хомутик, но один из вас должен постоянно страховаться тросом. Тогда не будет опасности, что при неосторожном движении вас унесет в открытое пространство. Вопросы есть?

— Сколько времени разрешается находиться вне корабля?

— Сколько угодно, мисс М'Бала. Советую, однако, немедленно вернуться, если вдруг почувствуете недомогание. Может быть, для первой прогулки хватит одного часа — но не исключаю, что вам покажется, будто прошло десять минут...

Капитан Смит оказался совершенно прав. Когда Хейвуд Флойд посмотрел на дисплей, показывавший время, проведенное в космосе, он не поверил глазам — прошло уже сорок минут. Впрочем, удивляться не приходилось — корабль находился на расстоянии доброго километра.

Как старшему среди пассажиров — почти по всем меркам — ему выпала честь первому ступить на поверхность кометы Галлея. И не пришлось даже выбирать спутника.

— Прогулка с Эвой! — фыркнул Михайлович, захлебываясь от смеха.— Разве можно упустить такую возможность! Правда,— добавил он многозначительно,— проклятые скафандры будут мешать.

Эва согласилась сразу, хотя и без особого энтузиазма. Как это типично для нее, угрюмо подумал Флойд. Не то чтобы это разрушило его иллюзии — прошло уже столько лет, что иллюзий почти не осталось,— но он был разочарован. Причем разочарован собой, а не Эвой; подобно Моне Лизе, с которой ее часто сравнивали, Эва была выше похвал и критики.

Сравнение было нелепым, разумеется; Джоконда выглядела таинственной, но не пробуждала эротических мыслей. Притягательная сила Эвы заключалась в том, что в ней сочеталось и то и другое, причем сюда же следовало отнести и производимое ею впечатление святой невинности. Следы всех трех составляющих все еще были заметны и через половину столетия — во всяком случае, ее поклонникам.

Чего ей не хватало — вынужден был с грустью признать Флойд,— так это настоящей индивидуальности. Как он ни пытался сосредоточить на ней свои мысли, в голову приходили лишь роли, сыгранные Эвой. Флойду пришлось скрепя сердце согласиться с критиком, заявившим: «Эва Мерлин — это отражение желаний всех мужчин, но у зеркала нет собственного характера».

И теперь это удивительное и таинственное существо плыло рядом над поверхностью кометы Галлея; вместе с сопровождавшим их гидом они двига-

лись вдоль двух кабелей, протянутых по всей длине долины Черного Снега. Именно он, Хейвуд Флойд, дал ей такое название, и теперь по-детски гордился этим, хотя понимал, что название не появится ни на одной из карт. Нельзя составить карту мира, география которого столь же эфемерна, как погода на Земле. Флойд наслаждался тем, что ни один человек до него не видел развертывающуюся перед ними панораму — и никогда не увидит.

На Марсе или, скажем, на Луне иногда можно — напрягая воображение и стараясь не замечать чужого неба над головой — вообразить, что находишься на Земле. Здесь это было исключено: снежные скульптуры, возвышающиеся — а иногда и нависающие — над головой, почти не обращали внимания на силу тяжести. Приходилось очень внимательно разглядывать окружающий мир, чтобы понять, где верх, а где низ.

Долина Черного Снега была необычной, потому что представляла собой достаточно прочную формацию — скалы среди наносов замерзшей воды и углеводородного снега, постоянно меняющих место. Среди геологов не прекращались споры относительно происхождения этих скал; некоторые придерживались точки зрения, что на самом деле это обломки астероида, захваченного кометой в очень давние времена. Пробное бурение обнаружило сложные смеси органических соединений, напоминающих замерзшую каменноугольную смолу,— хотя никто не сомневался, что жизнь не играла никакой роли в их образовании.

Снежный ковер, устилавший дно маленькой долины, не был совершенно черным; когда Флойд провел по нему лучом фонарика, он заискрился и засверкал, будто в нем были рассыпаны мириады микроскопических алмазов. Флойд подумал, нет ли действительно алмазов в ядре кометы; обилие углерода делало такое предположение отнюдь не безосновательным. Не приходилось сомневаться, однако, что высокие температуры и гигантское давление — условия, необходимые для возникновения алмазов,— здесь отсутствовали.

Поддавшись внезапному импульсу, Флойд протянул вниз руки и сгреб две пригоршни снега; для этого ему пришлось оттолкнуться ногами от страховочного троса, и вдруг он подумал, как смешно выглядит со стороны — подобно циркачу, идущему по канату, только вверх ногами. Хрупкая корка не оказала почти никакого сопротивления, и он погрузил в нее голову и плечи; затем Флойд плавно потянул за трос и вынырнул с пригоршней кометного вещества.

Сжав кристаллический пух в шарик, помещающийся в ладони, он пожалел, что не может почувствовать его через изоляцию перчаток. Вот он лежит, черный как смоль, но испускающий неуловимые искры света, когда поворачиваешь его в руках.

И тут Флойд вообразил, что стоит зимой на площадке для игр в своей далекой юности, со снежком в руке, окруженный призраками детства. Ему казалось, будто он слышит крики друзей, поддразнивающих его, угрожая снежками из девственно-белого снега...

Мимолетное воспоминание потрясло его; Флойда охватило чувство безграничной печали и невозвратимой утраты. Через сотню лет он не мог вспомнить и одного имени тех призрачных друзей, что были тогда рядом, а ведь он любил некоторых из них.

Его глаза наполнились слезами и пальцы сжали комок чужого снега. Затем видение исчезло: он снова стал самим собой. Наступил миг ликования, а не печали.

— Боже мой! — воскликнул Хейвуд Флойд, и звуки его голоса эхом отразились в крошечной вселенной его скафандра.— Я стою на комете Галлея — разве можно пожелать большего! Если сейчас меня поразит метеорит, я не стану сожалеть ни о чем!

Он поднял руки, размахнулся и швырнул черный снежок к звездам. Шарик был таким крошечным и темным, что исчез из поля зрения почти сразу, но Флойд продолжал смотреть в небо.

И вдруг неожиданно — совершенно внезапно — шарик возник в небе как мгновенная вспышка света, поднявшись высоко и отразив лучи Солнца, невидимого с поверхности кометы. И хотя снежок был черным как сажа, этого ослепительного сияния он отражал достаточно, чтобы его можно было различить на фоне едва светящегося неба. Флойд не сводил с шарика глаз, пока он не исчез окончательно — может быть, испарившись, а может — уменьшаясь вдали. Снежок не способен долго противостоять неистовому потоку радиации; но кто из людей может похвастать, что своими руками создал комету?

18
СТАРЫЙ СЛУЖАКА

Осторожное исследование кометы началось еще в то время, когда «Юниверс» по-прежнему находился в полярной тени. Сначала одиночные УМКи медленно облетели дневную и ночную стороны, отмечая все, что представляло интерес. После завершения предварительного обследования группы ученых, до пяти человек в каждой, принялись совершать полеты в корабельном челноке, устанавливая приборы в наиболее интересных, стратегически расположенных местах. «Леди Джасмин» резко отличалась от примитивных космических капсул эпохи «Дискавери», способных работать лишь в невесомости. По сути дела, она представляла собой маленький корабль, предназначенный для перевозки пассажиров и грузов между «Юниверс», находящимся на орбите, и поверхностью Марса, Луны или спутников Юпитера. Ее старший пилот, относившийся к ней с подобающим уважением, как к полной достоинства светской даме, с притворной горечью сетовал, что полеты вокруг какой-то жалкой крохотной кометы для нее просто унизительны.

Убедившись, что комета Галлея не готовит для них никаких сюрпризов — по крайней мере на своей поверхности,— капитан Смит поднял корабль из полярной зоны. И хотя «Юниверс» переместился меньше чем на двенадцать километров, он оказался в другом мире и поменял мерцающие сумерки на область, где день сменяется ночью. С наступлением рассвета комета начала оживать.

По мере того как Солнце поднималось над зубчатой, до абсурда близкой линией горизонта, его лучи начали заглядывать в бесчисленные маленькие кратеры, рассыпавшиеся по поверхности кометы. Большинство кратеров бездействовало, их узкие жерла были забиты кристаллизовавшимися минераль-

ными солями. Нигде на комете Галлея не встречалось таких ярких красок; они заставили биологов на время поверить, будто здесь происходит зарождение жизни, как на Земле, в виде водорослей. Кое-кто из биологов все еще не отказывался от такой надежды, хотя вряд ли признался бы в этом.

Из некоторых кратеров поднимались струйки пара, прочерчивая в небе неестественно прямые линии: ветер, способный отклонить их, здесь отсутствовал. В течение одного-двух часов ничего заметного не происходило; затем, когда тепло солнечных лучей начинало проникать в замерзшие недра кометы Галлея, она принималась выбрасывать струи, как выразился Виктор Уиллис, «подобно стаду китов».

Несмотря на всю свою образность, эта метафора была не самой точной из придуманных Виктором. Фонтаны, извергавшиеся из дневной стороны кометы, не были пульсирующими — они играли часами. К тому же струи не изгибались в своей верхней части и не падали обратно на поверхность, а все поднимались в небо, пока не исчезали в светящемся тумане, образованию которого сами же и содействовали.

Поначалу научная группа относилась к гейзерам с такой же осторожностью, с какой вулканологи приближаются к Этне или Везувию в периоды их наиболее капризного поведения. Однако вскоре они поняли, что извержения гейзеров на комете Галлея, хотя и производят иногда устрашающее впечатление, на самом деле удивительно смирные. Вода вылетала со скоростью, обычной для пожарного шланга, и к тому же была чуть теплой, но через несколько секунд после того, как она покидала поверхность кометы, превращалась в смесь кристаллов льда и пара. Комета Галлея была окутана вечным снежным бураном, «падающим вверх». Несмотря на умеренную скорость извержения, выброшенная вода уже больше не возвращалась обратно. Всякий раз, когда комета Галлея огибала Солнце, еще какая-то толика ее массы терялась в ненасытном вакууме космического пространства.

В конце концов, поддавшись на уговоры, капитан Смит согласился переместить «Юниверс» еще ближе к Старому Служаке — самому большому гейзеру на дневной стороне кометы, и теперь корабль находился всего в сотне метров от него. Извержение Старого Служаки было зрелищем, внушающим благоговейный ужас — беловато-серый столб тумана вырастал подобно гигантскому дереву из поразительно маленького отверстия в кратере шириной триста метров, казавшемся одним из самых старых образований на комете. Но прошло немного времени, и ученые облазили весь кратер, собирая образцы многоцветных минералов (увы, абсолютно стерильных), и с небрежной фамильярностью засовывали свои термометры и трубки для отбора образцов прямо в столб воды, льда и тумана, рвущийся вверх.

— Смотрите,— предупредил капитан,— если гейзер выбросит кого-нибудь в космос, не рассчитывайте, что вас тут же подберут. Не исключено, мы просто подождем, когда вы сами вернетесь обратно.

— Что он имеет в виду? — озадаченно спросил Дмитрий Михайлович.

У Виктора Уиллиса, как обычно, ответ был наготове:

— В небесной механике события развиваются не всегда так, как вы ожидаете. Любой предмет, выброшенный с кометы Галлея с умеренной скоро-

стью, будет продолжать движение примерно по той же орбите — потребуется колоссальное изменение в скорости, чтобы уйти с нее. Таким образом, во время следующего прохождения кометы вокруг Солнца обе орбиты снова пересекутся — и вы окажетесь точно на том же месте, откуда начали путешествие. Разумеется, вы будете старше на семьдесят шесть лет.

Недалеко от Старого Служаки находился еще один феномен, встречи с которым никто не ожидал. Ученые, впервые увидевшие его, не поверили глазам: на нескольких гектарах поверхности раскинулось озеро, открытое вакууму космического пространства. На первый взгляд оно казалось совершенно обычным и отличалось лишь своей исключительной чернотой.

Совершенно очевидно, это не могло быть водой: из жидкостей в таком окружении могли устойчиво существовать лишь тяжелые органические масла или смолы. И действительно, озеро Туонела было образовано чем-то вроде битума — совершенно твердого вещества, исключение составляла тонкая поверхностная пленка толщиной менее миллиметра, сохранившая некоторую вязкость. При почти полном отсутствии гравитации потребовалось, должно быть, много лет, возможно, несколько оборотов вокруг Солнца с его согревающими лучами — чтобы сделать озеро таким зеркально гладким.

Озеро превратилось в один из главных туристских аттракционов на комете Галлея, пока капитан не положил этому конец. Кто-то (все отказывались признать за собой сомнительную честь этого открытия) обнаружил, что по озеру можно ходить совершенно нормально, почти как по Земле: вязкость поверхностной пленки позволяла удерживать ногу на месте при передвижении. Скоро почти у всей команды оказались видеокассеты, демонстрирующие, как они ходят по воде.

Затем капитан Смит, осмотрев шлюзовую камеру, увидел, что ее стены обильно вымазаны смолой, и пришел в состояние, близкое к бешенству.

— Вам мало того,— процедил он сквозь зубы,— что весь корабль покрыт снаружи этой сажей. Комета Галлея — самое грязное место во Вселенной.

Прогулки по озеру Туонела прекратились.

19
В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

В небольшом, замкнутом, автономном мире, где все знают друг друга, неожиданная встреча с совершенно новым человеком просто потрясает.

Хейвуд Флойд не спеша плыл по коридору, направляясь в комнату отдыха, когда с ним произошло именно это. Полный изумления, он уставился на незнакомца, не понимая, как это удалось «зайцу» скрываться столь длительное время. Тот ответил ему взглядом, исполненным смущения и бравады, ожидая, по-видимому, что Флойд заговорит первым.

— Ну, Виктор! — произнес наконец Флойд.— Извини, не сразу тебя узнал. Итак, ты принес высшую жертву на алтарь науки или, вернее сказать,— своим почитателям?

— Увы,— сердито ответил Уиллис.— Мне кое-как удалось втиснуться в самый большой шлем, но проклятая щетина шуршала так, что никто не разобрал ни единого слова.

— Когда ты собираешься наружу?

— Да вот жду возвращения Клиффа — он пошел с Биллом Чантом исследовать пещеру.

Первые зонды, облетевшие комету в 1986 году, передали информацию, которая позволяла предположить, что плотность кометы заметно меньше плотности воды,— это могло значить, что комета либо сложена из очень пористого вещества, либо пронизана множеством пещер. И то и другое подтвердилось.

Сначала капитан Смит, как всегда осторожный, категорически запретил исследование пещер. Он сдался лишь после того, как доктор Пендрилл напомнил ему, что доктор Чант — его, Пендрилла, старший помощник — опытный спелеолог; мало того, это было одной из причин, по которой его включили в состав исследовательской группы.

— Обвал при такой незначительной силе тяжести невозможен,— убеждал Пендрилл все еще сопротивляющегося капитана.— Опасности быть похороненным в пещере никакой.

— А как насчет опасности заблудиться?

— Чант воспримет такой вопрос как личное оскорбление. Он забирался на двадцать километров в глубь Мамонтовой пещеры. К тому же за ним будет тянуться страховочный трос.

— А как со связью?

— В тросе находится световод. Да и радиосвязь со скафандром будет действовать, наверно, почти все время.

— Хм. А какую пещеру он выбрал?

— Лучше всего спуститься в бездействующий гейзер у подножия Этны-младшей. Он не действует по крайней мере тысячу лет.

— Будем надеяться, что подождет и еще пару дней. Ну хорошо, кто пойдет с ним?

— Клифф Гринберг вызвался помочь — на Багамских островах он увлекался исследованием подводных пещер.

— Я тоже однажды попробовал — этого было достаточно. Передайте Клиффу, что я не имею права рисковать его жизнью — он слишком ценен. Не возражаю, чтобы он вошел в пещеру, но попросите его оставаться в пределах видимости от входа. И если контакт с Чантом будет утерян, запрещаю идти на помощь без особого разрешения.

«Которое,— добавил про себя капитан,— он вряд ли получит».

Доктор Чант слышал все старые шутки относительно материнского чрева, куда стремятся укрыться спелеологи, и был готов опровергнуть их.

— Это, знаете ли, чертовски шумное место. Разные там стуки, бурчание, бульканье,— утверждал он.— Но я люблю пещеры за то, что там покойно и не ощущается течение времени. Стоишь себе внутри и видишь, что за послед-

ние сто тысяч лет здесь ничего не изменилось, разве сталактиты стали чуть толще.

Но теперь, продвигаясь все глубже внутрь кометы Галлея и разматывая за собой тонкий, но невероятно прочный трос, соединяющий его с Клиффордом Гринбергом, он понял, что это больше не соответствует действительности. У него еще не было научного обоснования, но инстинкт геолога настойчиво подсказывал ему, что этот подземный мир по временным масштабам Вселенной появился на свет лишь вчера. Многие человеческие города были старше.

Туннель, по которому он скользил длинными, пологими скачками, составлял примерно четыре метра в диаметре; ощущение невесомости оживляло в памяти яркие воспоминания о подводных пещерах на Земле. Незначительная сила тяжести еще больше усиливала эту иллюзию; казалось, он взял с собой чуть больше балласта, чем требовалось, и потому всякий раз медленно опускался вниз. И лишь отсутствие сопротивления напоминало, что он двигается не в воде, а в пустоте космического пространства.

— Ты вот-вот исчезнешь из поля зрения,— донесся голос Гринберга, стоявшего в подземном коридоре метрах в пятидесяти от входа и соединенного с Чантом страховочным тросом.— Радиосвязь действует превосходно. Какой там у тебя пейзаж?

— Трудно сказать — не могу идентифицировать окружающие формации, нет подходящих слов для их описания. Это не скальные образования — они рассыпаются в пыль при малейшем прикосновении, такое впечатление, будто я нахожусь внутри огромной головки швейцарского сыра...

— Ты считаешь, они органического происхождения?

— Да. Разумеется, к жизни они не имеют никакого отношения — просто это идеальное сырье для нее. Самые разнообразные углеводороды — химики будут в восторге от образцов. Ты еще видишь меня?

— Только свечение твоего фонарика; да и оно становится все слабее.

— Ага! Вот тут настоящий скальный грунт. Странно, как он здесь оказался,— наверно, интрузия. Наконец-то я напал на золотую жилу!

— Шутишь!

— На Старом Западе многие попадались на эту приманку, между прочим — железный пирит. Конечно, это обычное явление на внешних спутниках, только не спрашивай меня, как он оказался на комете...

— Визуальный контакт утерян. Ты углубился в пещеру на двести метров.

— Прохожу через характерный слой — похоже на осколки метеорита. Когда-то здесь произошли потрясающие вещи — надеюсь, удастся определить возраст. Здорово!

— Не кричи так!

— Извини — у меня дух захватило. Впереди огромный зал — вот уж чего не ожидал. Подожди немного, я обведу его лучом... Итак, он почти сферической формы — тридцать или сорок метров в поперечнике. И — комета Галлея полна сюрпризов — кругом сталактиты и сталагмиты!

— Что ж тут удивительного?

— Здесь нет свободной воды — и конечно, нет известняковых пород; вдобавок такая малая сила тяжести. Кажется, это что-то похожее на воск. Минутку, я сниму на видеопленку. Фантастические формы... Что-то вроде оплавленной свечи. Странно...

— Ну что там?

Голос доктора Чанта внезапно изменился, и Гринберг сразу заметил это.

— Часть сталактитов обломана... лежат на полу пещеры. Будто на них...

— Да продолжай, не томи!

— Будто на них что-то натолкнулось.

— Ты с ума сошел! Может быть, сильное сотрясение?

— Здесь не бывает мощных сотрясений — только микросейсмы от действия гейзеров. Возможно, когда-то случился большой прорыв. Но и то несколько веков назад. Упавшие сталактиты покрыты пленкой этого воскоподобного вещества — толщиной в несколько миллиметров.

Доктор Чант медленно приходил в себя. Он не был слишком впечатлительным — сам процесс обследования пещер быстро устраняет таких,— но охватившее его ощущение пробудило тревожные воспоминания. А эти упавшие сталактиты уж очень похожи на прутья клетки, сломанные каким-то чудовищем, пытавшимся вырваться на волю...

Разумеется, это было абсурдным, но доктор Чант знал, что нельзя игнорировать предчувствие опасности, пренебрегать даже самыми малозаметными признаками надвигающейся угрозы до тех пор, пока не будет выяснена их причина. Уже не раз подобная осторожность спасала ему жизнь; он не уйдет из этого зала, пока не узнает, чем вызвано такое ощущение. Он честно признавал, что чувство, овладевшее им,— не что иное, как страх.

— Билл, у тебя все в порядке? Что происходит?

— Занимаюсь видеосъемкой. Некоторые формы напоминают индийские храмовые скульптуры. Почти эротические.

Он заставил себя не думать об угрожающей опасности — будь что будет. Чисто механические движения, связанные со сбором образцов и видеосъемкой, занимали почти все его внимание.

В здоровом страхе, напоминал он себе, нет ничего противоестественного, лишь когда страх перерастает в панику, он становится смертельно опасным. Чант впадал в панику дважды (однажды на горном склоне и однажды под водой) — и до сих пор не мог вспомнить без содрогания холодное и влажное прикосновение ужаса. Но теперь, к счастью, он был далек от такого состояния по причине, кажущейся ему — хотя он и не осознавал этого полностью — странно успокаивающей. Во всей ситуации было что-то комическое.

Наконец он рассмеялся — нет, это был не истерический смех, он смеялся от облегчения.

— Ты когда-нибудь смотрел старые фильмы о звездных войнах? — спросил он Гринберга.

— Конечно, много раз.

— Я только сейчас понял, что меня так беспокоило. Помнишь то место, где космический корабль Люка ныряет на астероид и сталкивается с гигантским змееподобным существом, скрывающимся в его пещерах?

— Это был не корабль Люка, а «Тысячелетний сокол» Хэна Солоу. Меня всегда приводило в недоумение, чем питается несчастное чудовище. Наверно, оно ужасно голодало, поджидая, пока не свалится из космоса лакомый кусочек. Принцессы Лейи ему и на зуб не хватит.

— Не согласен быть даже такой закуской,— ответил доктор Чант, совсем успокоившись.— Пусть на комете и существует жизнь — это было бы великолепно,— но цепь питания слишком уж коротка. Если здесь есть что-то, размером превышающее мышь, я буду невероятно удивлен. Скорее что-нибудь похожее на грибы... Ладно, за дело — куда бы пойти дальше? На той стороне два туннеля. Тот, что справа, пошире. Попробую сначала туда...

— Сколько еще у тебя страховочного троса?

— Не меньше полукилометра. Ну, я пошел. Достиг середины зала... Черт, отскочил от стенки. Схватился руками... Буду двигаться головой вперед. Гладкие стены... Для разнообразия настоящая скала... Очень жаль...

— Что случилось?

— Масса сталактитов — слишком близко один к другому, чтобы протиснуться между ними... и они такие толстые, что расчистить дорогу можно только взрывами. Это было бы очень обидно... Поразительные краски — впервые здесь на комете вижу настоящие зеленые и синие цвета. Подожди, я сниму их на видеопленку...

Доктор Чант уперся спиной в стену туннеля и нацелил камеру. Пальцем в перчатке хотел нажать кнопку яркого освещения, но промахнулся и случайно выключил освещение совсем.

— Что за вшивая конструкция,— пробормотал он.— Уже третий раз...

Он не исправил свою ошибку сразу, так как всегда испытывал наслаждение от тишины и тьмы, какие могут быть только в самых глубоких пещерах. Лишь едва слышные звуки, которые издавала аппаратура жизнеобеспечения, нарушали полную тишину, по крайней мере...

Но что это? За частоколом сталактитов, преградивших путь, Чант увидел едва заметное свечение, похожее на приближающийся рассвет. По мере того как глаза привыкали к темноте, свечение становилось все ярче, и он начал различать зеленые тона. Вот уже проступили очертания сталактитовой перегородки...

— Что же все-таки у тебя происходит? — В голосе Гринберга звучала тревога.

— Ничего — просто наблюдаю.

И размышляю, мог бы добавить он. Существует четыре возможных объяснения.

Через какой-нибудь естественный канал — ледяной, кристаллический, какой-нибудь еще — мог проникать солнечный свет. На такую глубину? Вряд ли...

Радиоактивность? Он не взял с собой счетчик Гейгера — на комете практически не было тяжелых элементов. Но все-таки можно вернуться и проверить.

Какой-нибудь фосфоресцирующий минерал — это казалось ему самым вероятным. Но нельзя было исключить и четвертой возможности — самой маловероятной и самой захватывающей из всех.

Доктор Чант навсегда запомнил ту безлунную — и безлюциферную — ночь на берегу Индийского океана, когда он прогуливался по песчаному пляжу под небосводом, усеянным сверкающими звездами. Море было спокойно, но время от времени ленивая волна разбивалась у его ног и взрывалась яркой вспышкой.

Он вошел в мелководье (до сих пор он помнит ласковое прикосновение воды к лодыжкам, как в теплой ванне) и при каждом шаге наблюдал взрыв света. Ему даже удавалось вызывать вспышку, хлопая в ладоши у поверхности воды.

Разве не могли такие люминесцирующие организмы развиться в сердце кометы Галлея? Ему так хотелось этого. Жаль, конечно, по-варварски обращаться с таким изысканным шедевром естественного происхождения, как этот,— освещенная сзади, перегородка напоминала алтарь, виденный им однажды в каком-то соборе,— но все же придется сходить за взрывчаткой. А пока надо обследовать второй туннель...

— По этому коридору дальше идти нельзя,— сообщил он Гринбергу,— я решил заглянуть во второй. Возвращаюсь к развилке — ставлю барабан на сматывание троса.— Он ничего не сказал о таинственном свечении, исчезнувшем, как только он снова включил лампу.

Гринберг не сразу ответил — странно; возможно, он говорит с кораблем. Это не встревожило Чанта — он решил повторить вызов, как только отправится в путь.

Повторять не потребовалось — Гринберг отозвался.

— Отлично, Клифф, на мгновение мне показалось, что я потерял связь с тобой. Возвращаюсь в зал — пройду оттуда во второй туннель. Надеюсь, там не будет никаких препятствий.

На этот раз Гринберг ответил немедленно:

— Извини, Билл. Возвращаемся на корабль. Срочный вызов — нет-нет, с «Юниверс» все в порядке. Возможно, придется немедленно лететь на Землю.

Только через несколько недель доктор Чант нашел вполне правдоподобное объяснение сломанным сталактитам. По мере того как при каждом прохождении через перигелий из ядра кометы выбрасывалось ее вещество, постоянно менялось и распределение массы. Таким образом, через каждые несколько тысяч лет вращение кометного ядра становилось неравномерным и направление оси резко менялось — подобно волчку, готовящемуся упасть, когда он теряет энергию. При этом возникало кометотрясение, достигавшее значительной мощности — до пяти баллов по шкале Рихтера.

Но Чант так и не сумел разгадать тайну фосфоресцирующего свечения. И хотя драматические события, которые уже начали разворачиваться, быстро отодвинули эту проблему на задний план, ощущение упущенной возможности так и не покидало его до самой смерти.

Несмотря на то что временами искушение рассказать о случившемся коллегам было очень сильным, он не обмолвился ни единым словом. Однако записал все, что видел, и оставил запечатанный пакет для следующей экспедиции, с припиской: «Вскрыть в 2133 году».

20
ПРИКАЗ ВЕРНУТЬСЯ

— Вы уже видели Виктора? — радостно спросил Михайлович, повстречав Флойда в коридоре, когда тот спешил на вызов капитана.— Конченый человек.

— Обрастет на обратном пути,— огрызнулся Флойд, у которого не было времени для обмена банальностями.— Извините, хочу узнать, что произошло.

Когда он вошел в капитанскую каюту, Смит все еще сидел, потрясенный случившимся. Коснись чрезвычайные обстоятельства его корабля, это был бы уже сгусток энергии и приказы сыпались бы направо и налево. Сейчас, однако, от него ничего не зависело — оставалось лишь ждать очередного сообщения с Земли.

Капитан Лаплас был его старым другом; как он мог так напортачить? Это не было несчастным случаем или навигационной ошибкой, да и оборудование на корабле функционировало нормально. И капитан Смит не видел, чем он сможет помочь. Центр космических операций был в замешательстве — там совсем потеряли голову; происшедшее походило на одну из тех ситуаций, которые нет-нет да и случаются в космосе, когда остается лишь одно: выразить соболезнования и записать последние пожелания. Передавая Флойду содержание приказа, полученного с Земли, Смит ничем, однако, не выдал своих сомнений и колебаний.

— Произошла катастрофа,— сказал он.— Нам приказано немедленно вернуться на Землю, где «Юниверс» подготовят для спасательной экспедиции.

— Что за катастрофа?

— «Гэлакси», корабль нашей компании, вел разведку спутников Юпитера. Он совершил вынужденную посадку.

Капитан Смит увидел недоверие на лице Флойда.

— Да, знаю, это неправдоподобно. Но и это не все. Он совершил посадку на Европе.

— Европе?!

— Боюсь, именно так. Корабль поврежден, но погибших, видимо, нет. Подробности еще не сообщили.

— Когда это случилось?

— Двенадцать часов назад. Им не удалось сразу связаться с Ганимедом.

— Какую помощь ждут от нас? Ведь мы в другом конце Солнечной системы. Вернуться на лунную орбиту для заправки, потом кратчайшим путем к Юпитеру — на это потребуется, ну... не меньше двух месяцев! (А во времена «Леонова», подумал Флойд, понадобилось бы два года...)

— Да, я знаю; но другого корабля, способного оказать помощь, нет.

— А межспутниковые шаттлы Ганимеда?

— Они рассчитаны всего лишь на орбитальные полеты.

— Но им уже приходилось садиться на Каллисто.

— Для этого требуется куда меньше энергии. Они могут совершить посадку на Европе, но способны взлететь лишь с ничтожным полезным грузом. Впрочем, этот вопрос тоже изучается.

Слова капитана едва проникали в сознание Флойда; он все еще пытался осмыслить поразительное известие. Впервые за последние пятьдесят лет — и всего лишь второй раз за всю историю! — на запретную луну опустился корабль. Все это наводило на очень мрачные мысли.

— Полагаешь,— спросил он,— кто-то или что-то на Европе заставило «Гэлакси» совершить посадку?

— Я думал об этом,— хмуро произнес капитан.— Но мы рыскали вокруг нее и за много лет так ничего и не заметили.

— К тому же — что произойдет с нами, если мы попытаемся их спасти?

— Это первое, что пришло мне в голову. Но чтобы пойти дальше умозрительных рассуждений, нам нужны дополнительные факты. Дело в том, однако,— я пригласил тебя именно поэтому — мне только что передали список экипажа, и я подумал...

Капитан нерешительно пододвинул через стол распечатку. Но Флойд понял, о чем речь, еще до того, как пробежал глазами имена.

— Мой внук,— произнес он упавшим голосом.

«Единственный человек,— подумал он,— который может сохранить мое имя после того, как я умру».

III
ЕВРОПЕЙСКАЯ РУЛЕТКА

21
ПОЛИТИКА ИЗГНАНИЯ

Вопреки всем мрачным предсказаниям, южноафриканская революция прошла относительно бескровно — по меркам революций, разумеется. Телевидению, которое прежде обвиняли во всех смертных грехах, принадлежала здесь немалая роль. Поколением ранее аналогичный прецедент произошел на Филиппинах: понимая, что за ними наблюдают глаза всего мира, подавляющее большинство мужчин и женщин старались вести себя достойно. Хотя и не обошлось без постыдных исключений, всевидящий глаз телекамеры зарегистрировал всего несколько расправ.

Большинство африкандеров, увидев надпись на стене, уехали задолго до захвата власти. И уехали они — по горьким жалобам нового правительства — отнюдь не с пустыми руками. Миллиарды рэндов были переведены в голландские и швейцарские банки; незадолго до конца почти ежечасно совершались таинственные рейсы из Кейптауна и Йоханнесбурга в Цюрих и Амстердам. Утверждают, что, когда наступил День независимости, в бывшей Южно-Африканской Республике нельзя было отыскать ни единой тройской унции золота или карата алмазов, а шахтное оборудование умелые руки вывели из строя. Один видный эмигрант хвастал, сидя в своей роскошной гаагской квар-

тире: «Пройдет пять лет, прежде чем кафрам удастся пустить алмазные копи в Кимберли — если удастся вообще». К его полному изумлению, прииск Де-Бирс снова начал действовать — под иным именем и с другой администрацией — через пять недель, и алмазы стали самой важной составляющей в экономике молодого государства.

Уже через одно поколение молодые эмигранты были поглощены — несмотря на отчаянное сопротивление их консервативных старейшин — внерасовой культурой XXI века. Они помнили — с гордостью, но без хвастовства — о бесстрашии и решимости своих предков, но в то же время осуждали совершенные ими глупости. Практически никто из них не говорил на африкаанс, даже у себя дома.

И все-таки, как это произошло с революцией в России сто лет назад, нашлось немало и тех, кто мечтал повернуть вспять часы истории — или, по крайней мере, саботировать усилия врагов, лишивших их власти и привилегий. Как правило, они направляли свою горечь и разочарование в русло пропаганды, демонстраций, бойкотов, петиций в адрес Всемирного Совета или — иногда — выражали свои чувства в произведениях искусства. Роман Уилхелма Смайтса «Фортреккерс» был признан шедевром английской (какая ирония судьбы!) литературы даже теми, кто категорически не соглашался с автором.

Но были и такие группы, которые считали бесполезными все политические акции; по их мнению, восстановить прежний порядок можно лишь путем насилия. И хотя искренне веривших, что им удастся заново переписать историю, было немного, находились и такие, кто считал, что, если уж нельзя одержать верх, можно найти удовлетворение в мести.

Между двумя крайностями — теми, кто полностью ассимилировался, и теми, кто отказывался идти на всякие компромиссы,— располагалось множество политических — и аполитичных — партий. Бурская лига не была самой крупной, зато оставалась самой влиятельной и уж несомненно самой богатой, поскольку ей принадлежал контроль над основной частью вывезенных тайком богатств исчезнувшей республики, осуществляемый через разветвленную сеть корпораций и компаний — держателей акций. Большинство последних было теперь вполне респектабельным и действовало совершенно открыто.

В корпорацию «Тсунг аэроспейс» Бурская лига вложила полмиллиарда, что должным образом отразилось в ежегодном балансовом отчете. В 2059 году в корпорацию было вложено еще полмиллиарда; это весьма обрадовало сэра Лоуренса, который теперь мог ускорить строительство кораблей своего маленького флота.

Но даже великолепно организованная разведка сэра Лоуренса не обнаружила никакой связи между Бурской лигой и чартерной экспедицией «Гэлакси», одного из кораблей компании «Тсунг аэроспейс». К тому же в этот момент комета Галлея приближалась к Марсу, и сэр Лоуренс был настолько озабочен своевременной подготовкой «Юниверс» к полету, который должен был начаться точно по расписанию, что не обращал особого внимания на каждодневную эксплуатацию остальных кораблей.

Правда, «Ллойдз оф Лондон» выразил сомнения относительно маршрута, выбранного для «Гэлакси», но эта проблема была легко решена. У Бурской лиги повсюду были свои люди, занимавшие ключевые посты; это не предвещало ничего хорошего для страховых компаний, зато было очень удачным для специалистов по космическому праву.

22
ОПАСНЫЙ ГРУЗ

Не так просто управлять коммерческой грузо-пассажирской линией между пунктами, которые не только перемещаются на миллион километров каждые несколько дней, но и делают это со скоростями, то и дело меняющимися на десятки километров в секунду. В таких условиях и речи не было о регулярном сообщении; иногда вообще приходилось отказываться от вылета и оставаться в порту — или, по крайней мере, на орбите,— ожидая, пока Солнечная система перестроится для лучшего удовлетворения потребностей Человечества.

К счастью, такие периоды известны за много лет, поэтому ими пользовались для осуществления ремонтных работ, проверки бортовых систем и увольнения команды на поверхность планеты. А иногда при элементарном везении и настойчивых усилиях удавалось найти местные чартерные рейсы, хотя бы сугубо развлекательного характера.

Капитан Эрик Лаплас был счастлив, что его трехмесячное пребывание на орбите Ганимеда не будет совершенно убыточным. В Планетный научный фонд неожиданно поступило анонимное пожертвование, предназначенное для финансирования разведки юпитерианских (даже теперь никто не называл их люциферскими) спутников, причем особое внимание обращалось на обследование малых лун, ранее не привлекавших внимание ученых. Некоторые из этих лун не были достаточно изучены, а о высадке на них и говорить не приходилось.

Услышав про экспедицию, Рольф Ван-дер-Берг тут же связался с транспортным агентом корпорации Тсунга и осторожно навел справки.

— Да, сначала корабль направится к Ио, затем совершит пролет рядом с Европой...

— Всего лишь пролет? На каком расстоянии?

— Одну минуточку — странно, в полетном плане ничего не говорится об этом. Разумеется, корабль пролетит вне пределов Запретной зоны.

— Которая уменьшилась в соответствии с последними решениями, принятыми пятнадцать лет назад... до десяти тысяч километров. Впрочем, это не имеет значения. Обращаюсь с просьбой о включении меня в состав экспедиции в качестве планетолога. Я срочно вышлю свои...

— Не нужно, доктор Ван-дер-Берг. Вас уже включили в ее состав.

Человек крепок задним умом, и, глядя в прошлое (позднее у него оказалась для этого масса времени), капитан Лаплас вспомнил немало странностей, связанных с этим чартерным рейсом. Внезапно заболели два члена команды,

и пришлось заменить их в последнюю минуту; он был так доволен, что быстро удалось найти замену, что с должной тщательностью не проверил документы вновь прибывших. (А если бы и проверил, то узнал бы лишь, что они в полном порядке.)

Затем начались неприятности с грузом. Будучи капитаном корабля, он имел право досмотра любого груза, поступающего на борт «Гэлакси». Разумеется, проверить все подряд невозможно, но если возникали подозрения, он не колебался никогда. Экипажи космических кораблей состоят, в общем-то, из людей с высоким чувством ответственности; но продолжительные перелеты могут быть скучными и однообразными, и существуют химические препараты, помогающие забыть о скуке, которые — хотя они и не запрещены на Земле — не следовало допускать на корабль.

Когда второй помощник Крис Флойд явился к нему и сообщил о своих подозрениях, капитан решил, что корабельный хроматографический нюхач обнаружил очередной тайник с припрятанным там опиумом, которым иногда увлекалась его команда, состоявшая в основном из китайцев. Однако на этот раз вопрос был серьезным — слишком серьезным.

— Грузовой трюм номер три, контейнер 2/456, капитан. В грузовой декларации помечено — «научные приборы». Но там находятся взрывчатые вещества.

— Что?!

— Совершенно точно, сэр. Вот электрограмма.

— Верю вам на слово, мистер Флойд. Вы осмотрели контейнер?

— Нет, сэр. Он опечатан; его размеры — полметра на метр и на пять метров. Один из самых крупных контейнеров, доставленных на борт для научной группы. На нем надпись: *«Хрупкие приборы — обращаться осторожно»*. Но так помечены и остальные контейнеры, разумеется.

Капитан Лаплас задумчиво побарабанил пальцами по пластиковой, «под дерево», поверхности своего стола. (Ему не нравился рисунок, и он собирался при случае заменить стол.) Даже столь незначительные движения тут же приподняли его над креслом, и он автоматически принял меры, заведя ногу за ножку кресла.

Хотя он ничуть не сомневался в достоверности информации, принесенной Флойдом,— его новый второй помощник оказался весьма компетентным офицером, и капитану нравилось, что он ни разу не упомянул о своем знаменитом деде,— объяснение могло оказаться вполне невинным. Нюхач мог ошибиться, приняв за взрывчатку химическое вещество с похожими молекулярными связями.

Он имел право спуститься в трюм и вскрыть контейнер. Нет — это могло оказаться опасным и к тому же могло привести к массе юридических осложнений. Лучше поговорить с руководителем группы; так придется поступить в любом случае, рано или поздно.

— Будьте любезны, пригласите сюда доктора Андерсона — и никому пока ничего не говорите.

— Слушаюсь, сэр!

Крис Флойд с уважением, но без всякой необходимости взял под козырек и плавно выскользнул из каюты.

Руководитель научной группы не привык к невесомости, и его появление было весьма неуклюжим. Искреннее негодование, написанное на его лице, также изрядно мешало, и ученому пришлось то и дело хвататься за край стола, что отнюдь не прибавляло ему достоинства.

— Взрывчатые вещества? Нет, разумеется! Дайте-ка взглянуть на грузовую декларацию... место 2/456...

Доктор Андерсон ввел цифровое обозначение в свой карманный компьютер и прочитал вслух:

— Пенетрометры, «Марк V», количество — три. Разумеется, все в порядке.

— Простите меня,— начал капитан,— но что такое «пенетрометр»? — Несмотря на тревогу, он с трудом скрывал улыбку — название прибора звучало не вполне прилично.

— Обычный прибор для взятия проб минералов, составляющих кору небесного тела. Вы сбрасываете его, и он выдает керн длиной до десяти метров — даже в твердой скале. Затем сообщает результаты полного химического анализа. Это единственный безопасный способ исследования дневной стороны Меркурия — или поверхности Ио, куда мы собираемся сбросить первый из них.

— Доктор Андерсон,— начал капитан, пытаясь сохранить самообладание,— возможно, вы блестящий геолог, но слабо разбираетесь в небесной механике. С орбиты нельзя что-нибудь просто *сбросить*...

Обвинение в невежестве, конечно, было необоснованным, что стало ясно по реакции ученого.

— Идиоты! — воскликнул он.— Конечно, вас нужно было предупредить!

— Совершенно верно. Ракеты на твердом топливе относятся к разряду опасных грузов. Мне требуется разрешение страховой компании и ваша личная гарантия, что предохранительные системы достаточно надежны; в противном случае ракеты будут выгружены. А теперь, какие у вас еще приготовлены сюрпризы? По-моему, вы собирались заниматься сейсмической разведкой? А ведь при ней обычно применяются взрывчатые вещества...

Вернувшись через несколько часов, пристыженный ученый признался, что обнаружил две бутылки элементарного фтора, используемого при работе лазеров, лучи которых, касаясь пролетающих небесных тел на расстоянии тысячи километров, позволяют брать спектрографические пробы состава их коры. Поскольку чистый фтор является самым едким веществом в природе, он включен в список запрещенных материалов — но, как и ракеты, направляющие пенетрометры к цели, для работы экспедиции он был необходим.

После того как капитан Лаплас убедился, что приняты все меры предосторожности, он отпустил ученого, который извинился за происшедшее и заверил, что виною всему спешка при подготовке экспедиции.

Капитан не сомневался, что доктор Андерсон говорит правду, но тем не менее ему показалось, что экспедиция какая-то странная. Он даже не представлял себе, *насколько* она странная.

23
АД

До взрыва Юпитера в соревновании за наиболее яркое воплощение ада в Солнечной системе Ио уступала лишь Венере. Теперь, когда Люцифер повысил температуру на ее поверхности еще на пару сотен градусов, даже Венере пришлось уступить.

Серные вулканы и гейзеры резко увеличили свою активность и за несколько лет полностью изменили облик страдающего спутника, тогда как прежде на это потребовались бы десятилетия. Планетологи отказались от попыток картографирования Ио, довольствуясь орбитальными съемками, которые проводили каждые несколько дней. Используя материал съемок и ускоренную смену кадров, они создавали внушающие ужас фильмы о неизменно активном, вечно меняющемся аде.

«Ллойдз оф Лондон» потребовал повышенный страховой взнос за этот участок полета, но Ио не представляла серьезной опасности для корабля: он пролетал на расстоянии десяти тысяч километров — и к тому же над относительно спокойной ночной стороной.

Наблюдая за приближающимся желто-оранжевым шаром — самым неправдоподобно красочным небесным телом во всей Солнечной системе, второй помощник Крис Флойд не мог не вспомнить о том, что полвека назад здесь пролетал его дед. Именно здесь произошла встреча «Леонова» с покинутым «Дискавери» и доктор Чандра оживил дремлющий компьютер ЭАЛ. Затем оба корабля полетели дальше, для осмотра и изучения гигантского черного монолита, парящего возле Л-1, внутренней точки Лагранжа между Ио и Юпитером.

Теперь монолит исчез — и Юпитер тоже. Мини-солнце, подобно сказочной птице Феникс, возникшее в результате имплозии гигантской планеты, превратило свои спутники в некое подобие планет, создав своего рода новую Солнечную систему, хотя лишь на Ганимеде и Европе образовались области, где температура приближалась к земной. Никто не знал, сколько времени это будет продолжаться. По различным оценкам, жизнь Люцифера могла продлиться от тысячи до миллиона лет.

Научная группа «Гэлакси» с сожалением смотрела на точку Л-1, но теперь приближаться к ней было слишком опасно. Здесь всегда протекала река электрической энергии — «электрический канал» Ио — между Юпитером и его внутренним спутником, но после возникновения Люцифера мощность этого потока увеличилась в сотни раз. Иногда электрическую реку было видно даже невооруженным глазом — по характерному желтому свечению ионизированного натрия. Кое-кто из инженеров на Ганимеде поговаривал о полезном использовании бесчисленных гигаватт, бессмысленно расточаемых совсем рядом, но ни один из них так и не придумал, как можно было бы подключиться к этому неистощимому источнику энергии.

Сопровождаемый солеными шутками, был запущен первый пенетрометр, и через два часа он словно игла шприца вонзился в спутник, покрытый нарывами кратеров. Приборы на пенетрометре действовали почти пять секунд —

в десять раз дольше расчетного времени — и успели передать на корабль тысячи химических, физических и реологических измерений, прежде чем Ио заставила их замолчать.

Восторгу ученых не было пределов; Ван-дер-Берг остался всего лишь довольным. Он и не сомневался, что запуск будет успешным — Ио была до абсурда легкой целью. Но если его предположения относительно Европы оправдаются, второй пенетрометр потерпит неудачу.

Это, впрочем, еще ничего не докажет; неудачу можно объяснить десятком разумных причин. А когда пенетрометр не сработает, не останется иного выхода, кроме посадки.

Что, разумеется, было категорически запрещено — и не только законами человека.

24
ЧАКА ВЕЛИКИЙ

Астропол, который, несмотря на столь претенциозное название, играл разочаровывающе малую роль за пределами Земли, отказывался признать существование Чаки. Соединенные Штаты Южной Африки придерживались аналогичной точки зрения, и дипломаты этой страны либо смущенно улыбались, либо приходили в негодование, когда кто-либо бестактно упоминал это имя.

Однако третий закон Ньютона применим не только к политике. У Бурской лиги были свои экстремисты — хотя она и пыталась, иногда и не слишком рьяно, отречься от них,— которые постоянно оказывались вовлеченными в заговоры против СШЮА. Как правило, дело ограничивалось экономическим саботажем, хотя время от времени происходили взрывы, исчезновения и даже убийства.

Вряд ли нужно говорить, насколько серьезно Соединенные Штаты Южной Африки принимали подобного рода деятельность. Они реагировали на нее созданием контрразведывательных служб, прибегающих к самым разнообразным средствам, но и там утверждали, что им ничего не известно о Чаке. Возможно, они пользовались удачным изобретением ЦРУ — тактикой «правдоподобного отрицания». Впрочем, не исключено, что они действительно говорили правду.

Кое-кто утверждал, что само имя Чака впервые возникло как зашифрованное название и лишь затем, подобно «поручику Киже» у Прокофьева, превратилось в нечто реальное, ожило, поскольку приносило пользу некоторым секретным службам.

Но существовало и другое, возможно притянутое за уши, объяснение, принадлежащее тем, кто искренне верил в существование Чаки. Оно сводилось к тому, что агенты Чаки в случае опасности захвата в плен и последующего допроса кончали с собой.

Как бы то ни было, никто не ожидал, что два века спустя легенда о великом вожде зулусских племен оживет и бросит зловещую тень на совершенно неведомый ему мир.

25
СКРЫТЫЙ МИР

На протяжении десяти лет после вспышки Юпитера и начала Эры Великого Таяния на всех его спутниках Европу не трогали. Затем китайцы осуществили быстрый пролет, зондируя радиолокатором ее поверхность, затянутую пеленой облаков, в надежде отыскать обломки своего космического корабля «Цянь». Они потерпели неудачу, однако составленные ими карты Дневной стороны впервые фиксировали появление новых континентов, возникающих по мере таяния ледяного покрова.

Кроме того, они обнаружили какую-то идеально прямую двухкилометровую плиту явно не природного происхождения, которую окрестили Великой Стеной. Ее форма и размеры позволили предположить, что это тот самый монолит — или один из монолитов, поскольку миллионы таких монолитов возникли за несколько часов до рождения Люцифера.

Несмотря на это, Европа не подавала никаких признаков разумной жизни; окутанная пеленой все более сгущающихся облаков, она хранила молчание. Вот почему спустя несколько лет на постоянные орбиты вокруг Европы были выведены исследовательские спутники, а в атмосферу сброшены высотные шары-зонды с целью изучения направления и силы ветров. Это оказалось исключительно интересным для земных метеорологов, потому что Европа — с ее центральным океаном и никогда не заходящим солнцем — представляла собой идеально упрощенную модель для их исследований.

Так началась игра в «европейскую рулетку», как называли ее чиновники всякий раз, когда ученые предлагали спуститься поближе к поверхности спутника. По истечении пятидесяти лет — во время которых ничего не случилось — это стало даже скучным. Капитан Лаплас надеялся, что так будет продолжаться и дальше, и доктору Андерсону пришлось долго его уговаривать.

— Лично мне,— сказал капитан ученому,— представляется не слишком дружелюбным, когда на меня сбрасывают тысячекилограммовую бронебойную ракету, устремляющуюся вниз со скоростью тысяча километров в час. Удивляюсь, как вам удалось получить разрешение Всемирного совета.

Доктор Андерсон был удивлен не меньше, хотя изменил бы свою точку зрения, зная, что этот вопрос стоял последним в длинной повестке дня Подкомитета по вопросам науки и обсуждение закончилось поздно вечером в пятницу. Порой такие пустяки делают Историю.

— Я с вами согласен, капитан. Но мы действуем в весьма ограниченных координатах и никак не можем нанести вред этим... европейцам, кем бы они ни были. Наша цель — в пяти километрах над уровнем моря.

— Да, я знаю. А почему вас так интересует гора Зевс?

— Видите ли, она представляет собой совершеннейшую тайну. Всего несколько лет назад ее вообще не было! Эта загадка сводит геологов с ума.

— Значит, прибор, запущенный вами, проникнет в ее толщу и передаст сведения, которые помогут разгадать эту тайну.

— Совершенно верно. И еще — вообще-то я не имею права говорить об этом — мне поручено сохранить в секрете полученные сведения и передать их

на Землю в зашифрованном виде. Судя по всему, кто-то находится на пороге важного открытия и не хочет, чтобы его опередили. Представляете, насколько мелочными бывают ученые?

Капитан Лаплас отлично представлял это, но ему не хотелось разочаровывать доктора Андерсона. Ученый был так трогательно наивен; как бы ни развивались события — а капитан был теперь совершенно уверен, что экспедиция вовсе не та, какой кажется с первого взгляда,— Андерсон оставался в полном неведении.

— Надеюсь, доктор, европейцы не занимаются альпинизмом. Представляете, что произойдет, если именно в этот момент они попытаются водрузить флаг на своем местном Эвересте?

При запуске пенетрометра на борту «Гэлакси» царило необычное волнение — даже неизбежные шутки звучали вполголоса. За те два часа, что зонд летел к поверхности Европы, чуть ли не каждый, кто был на корабле, сумел побывать на мостике и поинтересоваться, как проходит наведение зонда,— и всякий раз объяснение такого любопытства звучало вполне правдоподобно. Когда осталось пятнадцать минут, капитан Лаплас запретил вход на мостик всем посторонним, исключение составляла новая стюардесса Рози: без множества пластмассовых шариков с великолепно приготовленным кофе, который приходилось — в условиях невесомости — выжимать прямо в рот, операция просто не могла продолжаться.

Все шло как нельзя лучше. Вскоре после вхождения в атмосферу привели в действие воздушные тормоза, которые снизили скорость полета зонда до нужной величины. На экране радиолокатора непрерывно росла цель — совершенно невыразительная, без осязаемого масштаба. За секунду до удара все записывающие устройства автоматически переключились на моментальную регистрацию...

Однако записывать было нечего.

— Теперь мне понятно,— печально пробормотал доктор Андерсон,— какие чувства испытывали в Лаборатории реактивных двигателей, когда первые «Рейнджеры» врезались в поверхность Луны... с неработающими камерами.

26
НОЧНАЯ ВАХТА

Всеобщим является только время; день и ночь — это всего лишь забавные местные обычаи, существующие на тех планетах, где приливные силы еще окончательно не покончили с их вращением. Но как далеко от родного мира ни залетали бы люди, они не могли освободиться от суточного ритма жизни, возникшего много веков назад в результате поочередного наступления света и темноты.

Поэтому в 1.05 всеобщего времени второй помощник Чан находился на мостике совсем один, охраняя спокойствие мирно спящего корабля. Строго говоря, его бдение было тоже излишним — электронные датчики «Гэлакси» сумеют обнаружить любую неисправность намного быстрее. Однако сто лет ис-

следований в области кибернетики показали, что человеческие существа все еще несколько лучше машин реагируют на неожиданности, а они, рано или поздно, обязательно случаются.

«Где мой кофе?» — раздраженно думал Чан. Рози запаздывает — это на нее не похоже. Уж не испытывает ли и она то же недомогание, что охватило ученых и команду после неудач последних двадцати четырех часов?

После катастрофы с первым пенетрометром началось поспешное обсуждение дальнейших шагов. Оставался еще один аппарат; он был предназначен для Каллисто, но его вполне можно было использовать и здесь.

— К тому же,— доказывал доктор Андерсон,— мы уже совершали посадки на Каллисто — ничего, кроме всякого рода битого льда, там нет.

Возражений не было. После двенадцати часов, необходимых для проверки пенетрометра и приведения его в готовность, аппарат номер три был запущен в затянутую облаками атмосферу Европы по невидимой траектории его предшественника.

На этот раз записывающие устройства корабля включились — на половину миллисекунды. Акселерометр, установленный на зонде и рассчитанный на перегрузки до 20 тысяч *g*, зашкалило сразу после этого. Все приборы, установленные на пенетрометре, вышли из строя в сотую долю секунды.

После нового, еще более грустного анализа ситуации было решено сообщить о происшедшем на Землю и ждать указаний на высокой орбите вокруг Европы, задержав пока полет к Каллисто и внешним лунам.

— Извините за опоздание, сэр,— раздался голос Розы Макмагон (по ее имени никогда не догадаться, что девушка темнее того кофе, что она принесла в пластмассовых шариках).— Я, наверно, забыла поставить будильник.

— Нам здорово повезло,— засмеялся вахтенный офицер,— что тебе не приходится управлять кораблем.

— Я вообще не понимаю, как можно им управлять,— ответила Роза.— Все так сложно.

— О, это кажется лишь с первого взгляда,— заметил Чан.— Разве при обучении у вас не было курса по основам астронавтики?

— Не помню — вроде был. Но для меня все это так непонятно — разные там орбиты и все остальное.

Второму помощнику Чану было скучно. Он решил, что, просветив свою невежественную посетительницу, совершит акт добродетели. И хотя Роза не принадлежала к тем девушкам, которые ему нравились, она была, без сомнения, привлекательна; немного усилий, потраченных сегодня, могут окупиться в будущем. Ему и в голову не пришло, что девушка, исполнив свой долг и снабдив его кофе, хочет снова отправиться спать.

Заканчивая свой двадцатиминутный монолог, второй помощник Чан указал на панель управления и заключил с широкой улыбкой:

— Как видишь, все делается почти автоматически. Стоит ввести несколько цифр в бортовой компьютер, и корабль сделает остальное.

Казалось, Роза устала — она то и дело поглядывала на часы.

— Извини, Рози,— с искренним раскаянием произнес Чан.— Тебе, наверно, хочется спать.

— Нет-нет, все так интересно. Продолжайте, пожалуйста.

— Ни в коем случае. В следующий раз. Спокойной ночи, Рози,— и спасибо за кофе.

— Спокойной ночи, сэр.

Стюардесса третьего класса Роза Макмагон скользнула (не очень искусно) по направлению ко все еще открытой двери. Когда дверь захлопнулась, Чан даже не обернулся.

Поэтому, когда через несколько секунд на мостике раздался совершенно незнакомый женский голос, он был потрясен.

— Мистер Чан, не нажимайте на кнопку тревоги — она выключена. Вот посадочные координаты. Сажайте корабль.

Медленно, не веря своим ушам — не иначе задремал и приснился страшный сон,— Чан повернулся в кресле.

Девушка, называвшая себя Розой Макмагон, висела в пространстве рядом с овальным люком, держась за рукоятку затвора. Все в ней, казалось, переменилось; в одно мгновение они поменялись ролями. Застенчивая стюардесса, которая никогда раньше не осмеливалась посмотреть ему в лицо, теперь уставилась на Чана холодным, безжалостным взглядом; он понял, как чувствует себя кролик, на которого не отрываясь, гипнотизирующе смотрит змея. В свободной руке она сжимала небольшой, вороненой стали пистолет; впрочем, это смертоносное оружие казалось излишним — Чан не сомневался, что ей ничего не стоит прикончить его голыми руками.

Тем не менее чувство собственного достоинства и профессиональная гордость не позволяли Чану сдаться без борьбы. И уж по крайней мере, нужно было выиграть время.

— Рози,— произнес он, и губы едва выговорили имя, которое звучало сейчас так неуместно,— это просто глупо. Неужели ты поверила тому, что я тебе говорил? Это неправда. Я не могу посадить корабль в одиночку. Нужно несколько часов, чтобы рассчитать параметры орбиты, и мне понадобится помощь при посадке. По крайней мере, второй пилот.

Дуло пистолета не шелохнулось.

— Не морочьте мне голову, мистер Чан. Этот корабль не ограничен энергией, как старые ракеты на химическом топливе. Космическая скорость на Европе всего три километра в секунду. Ваша подготовка включает аварийную посадку при неисправном бортовом компьютере. А теперь постарайтесь применить это на практике: окно для оптимальной посадки в указанных мной координатах открывается через пять минут.

— При аварийной посадке такого типа,— сказал Чан, мокрый от пота,— процент риска равен двадцати пяти.— Вообще-то истинный процент риска был десять, но Чан решил, что сейчас можно и преувеличить угрожающую опасность.— К тому же прошло уже несколько лет, и я изрядно подзабыл, как это делается.

— В этом случае,— ответила Роза Макмагон,— мне придется устранить вас и потребовать, чтобы капитан прислал более надежного офицера. Но тогда мы упустим это окно, а следующего придется ждать два часа. У вас еще четыре минуты.

Второй помощник Чан понял, что проиграл; во всяком случае, он сделал все от него зависящее.

— Давай свои координаты,— сказал он.

27
РОЗА

Как только раздались первые негромкие хлопки включенных двигателей контроля ориентации, напоминающие отдаленный стук дятла, капитан Лаплас мгновенно проснулся. Сначала ему показалось, что это сон; нет, корабль действительно разворачивался в пространстве.

Может быть, один борт перегрелся и система термического контроля слегка развернула корабль. Такое иногда случалось, и всегда по недосмотру вахтенного офицера, не заметившего повышения температуры.

Он протянул руку, чтобы нажать на кнопку интеркома, связывающего капитанскую каюту с мостиком, и вызвать — кто там сейчас на вахте? — да, мистера Чана, но рука остановилась на полпути.

После многих дней в невесомости даже одна десятая силы тяжести застает врасплох. Капитану показалось, что понадобились минуты — хотя прошло, должно быть, всего несколько секунд,— чтобы расстегнуть привязные ремни и выбраться из койки. На этот раз он нажал кнопку изо всех сил. Никто не отвечал.

Капитан старался не обращать внимания на стук падающих вокруг незакрепленных предметов, которые срывало с мест появление силы тяжести. Все падало и стучало, казалось, довольно долго; наконец единственным звуком, нарушающим тишину, стал отдаленный приглушенный рев двигателя, включенного на полную мощность.

Он рванул занавеску на иллюминаторе и взглянул на звезды. Капитан примерно представлял, куда должна быть направлена продольная ось корабля; здесь не требовалась точность; даже если ему удастся установить направление с ошибкой в тридцать или сорок градусов, это позволит сделать выбор между двумя возможностями.

«Гэлакси» можно направить так, что он будет либо терять, либо увеличивать орбитальную скорость. Корабль терял скорость — значит, он готовился спускаться к Европе.

Кто-то настойчиво стучал в дверь, и капитан понял, что прошло всего лишь чуть больше минуты. В дверном проеме стояли второй помощник Флойд и еще два члена экипажа.

— Дверь на мостик заперта, сэр,— произнес Флойд, тяжело дыша.— Мы не можем войти — и Чан не отвечает на вызов. Нам непонятно, что случилось.

— Боюсь, мне это вполне понятно,— ответил капитан Лаплас, натягивая брюки.— Рано или поздно какой-нибудь сумасшедший должен был додуматься до этого. Мостик захвачен, и я догадываюсь, куда мы летим. Вот только не могу понять — почему.

Он взглянул на часы и быстро подсчитал в уме.

— При таком уровне тяги мы сойдем с орбиты через пятнадцать минут — ну, скажем, через десять — скинем пять минут на всякий случай. Как отключить двигатель, не подвергая опасности корабль?

Второй механик Ю уныло покачал головой и ответил довольно неохотно:

— Можно отключить на щите сеть питания насосов, и прекратится подача топлива.

— К нему можно добраться?

— Да, он на третьей палубе.

— Пошли.

— Э-э... тогда автоматически включится резервная система питания. В целях безопасности она размещена за бронированной переборкой на пятой палубе — придется действовать лазерным резаком — нет, не успеем.

Капитан Лаплас именно этого и боялся. Гениальные инженеры, проектируя «Гэлакси», постарались защитить корабль от любых случайностей. Но они оказались бессильны против человеческой злобы.

— Еще есть варианты?

— Боюсь, за это время — никаких.

— Тогда идем на мостик и попытаемся поговорить с Чаном или с тем, кто там с ним.

«Кто это может быть?» — думал капитан. Ему не хотелось верить, что негодяем оказался кто-то из его постоянной команды. Значит... Ну конечно! Маньяк — это ученый, старающийся подтвердить справедливость своей теории; эксперименты терпят неудачу, и он решает, что интересы науки и стремление к знаниям прежде всего...

Все это неприятно походило на дешевую мелодраму о безумном ученом, но факты, факты... Неужели доктор Андерсон решил, что это единственный путь к Нобелевской премии?

Теория рухнула, когда растрепанный и запыхавшийся геолог подбежал к капитану.

— Боже мой, что происходит? Включена максимальная тяга! Мы опускаемся или поднимаемся?

— Опускаемся,— ответил капитан Лаплас.— Минут через десять выйдем на орбиту сближения с Европой. Будем надеяться, что человек, управляющий полетом корабля, знает, что делает.

Они стояли перед закрытой дверью на мостик. Изнутри не доносилось ни единого звука.

Лаплас изо всех сил постучал в дверь, едва не разбив в кровь костяшки пальцев.

— С вами говорит капитан! Откройте!

«Глупо,— подумал он,— давать команду, которую никто не собирается исполнять». Он надеялся, однако, что последует какая-то реакция. К его изумлению, так и произошло.

В динамике над головой что-то зашипело и раздался голос:

— Не делайте глупостей, капитан. У меня пистолет, и мистер Чан исполняет мои приказы.

— Кто это? — удивленно прошептал один из офицеров.— Похоже на женщину!

— Совершенно верно,— мрачно согласился капитан.

Число версий резко сократилось, но легче от этого не стало.

— На что вы надеетесь? Вы знаете, что не сможете избежать наказания! — закричал он как можно более властным голосом.

— Мы садимся на Европу. И если вам хочется когда-нибудь улететь отсюда, не пытайтесь мешать.

— В каюте ничего подозрительного,— сообщил спустя тридцать минут второй помощник Крис Флойд.

К этому моменту двигатели были уже выключены и «Гэлакси» снижался по эллиптической орбите, готовясь вот-вот скользнуть в атмосферу Европы. Пути назад уже не было; сейчас можно было вывести из строя двигатели, но это было равноценно самоубийству. Двигатели понадобятся при посадке — хотя это всего лишь отдалит неизбежный конец.

— Роза Макмагон! Кто бы мог в это поверить! Может, она наркоманка?

— Нет,— ответил Флойд.— Это тщательно продуманная и отлично выполненная операция. У нее на корабле спрятано радио. Нужно взяться за поиски.

— Ты рассуждаешь как полицейский.

— Сейчас же прекратите, господа,— вмешался капитан.

Все были взвинчены до предела — и в первую очередь из-за невозможности предпринять что-нибудь или хотя бы установить связь с мостиком, где забаррикадировалась преступница. Он посмотрел на часы.

— До входа в атмосферу — по крайней мере в то, что здесь называется атмосферой,— осталось меньше двух часов. Я буду у себя в каюте — вдруг им захочется поговорить со мной. Мистер Ю, прошу вас остаться у входа на мостик и сообщать мне о происходящем.

Еще ни разу в жизни капитан не чувствовал себя таким беспомощным, но бывает время, когда не остается ничего иного, кроме ожидания. Выходя из офицерской кают-компании, он слышал, как кто-то грустно заметил:

— Сейчас бы шарик кофе. Рози умела готовить такой кофе, какого я нигде больше не пробовал.

«Да,— мрачно подумал капитан,— она действительно знает свое дело. За что ни возьмется, доводит до конца решительно и без колебаний».

28

ДИАЛОГ

Лишь один человек на борту «Гэлакси» не считал происходящее полной катастрофой. «Пусть я погибну,— говорил себе Рольф Ван-дер-Берг,— но, по крайней мере, у меня остается надежда обессмертить свое имя в анналах науки». Это, конечно, слабое утешение, но никто на борту не мог рассчитывать на большее.

«Гэлакси» направлялся к горе Зевс — в этом у него не было ни малейших сомнений; на Европе нет больше ничего интересного. Более того, ни на одной планете ничто даже отдаленно нельзя сравнить с горой Зевс.

Значит, его теория — а он честно признавался, что это все еще оставалось теорией,— перестала быть тайной. Как могли это разнюхать?

Он полностью доверял дяде Паулю — правда, старик мог проявить неосторожность. Более вероятно другое — кто-то постоянно следил за его компьютерами. Если дело обстоит именно так, жизни старого ученого угрожает опасность. «Может быть, следует предостеречь его»,— подумал Рольф. Он знал, что радист пытается установить связь с Ганимедом, воспользовавшись запасным передатчиком; уже сработал автоматический маяк, и сигнал тревоги вот-вот будет принят на Земле, ведь прошел почти час.

— Войдите,— отозвался Рольф, услышав деликатный стук в дверь.— А, это ты, Крис. Что тебя привело сюда?

Рольф с удивлением смотрел на Криса Флойда, которого знал ничуть не лучше остальных офицеров корабля. Если посадка на Европу окажется удачной, мелькнула у него мрачная мысль, у них у всех будет достаточно времени, чтобы познакомиться куда лучше.

— Привет, доктор. Вы — единственный, у кого каюта в этой части корабля. Решил вот обратиться к вам за помощью.

— Не уверен, что сейчас кто-нибудь на это способен. С мостика нет новостей?

— Нет. Когда я уходил, Ю и Гиллингс пытались прикрепить микрофон к двери. Впрочем, внутри все тихо. И неудивительно — у Чана сейчас хлопот полон рот.

— А он сумеет совершить посадку на Европе?

— Он блестящий пилот; если вообще возможно посадить корабль, он посадит его. Меня куда больше беспокоит, как взлететь потом.

— Мне и в голову не приходило заглядывать так далеко. Я считал, что уж с этим-то не будет проблем.

— Нет, это окажется рискованным предприятием. Не забывайте, наш корабль рассчитан только на орбитальные полеты. Мы не собирались совершать посадку на одной из крупных лун — правда, рассчитывали сесть на Ананке и Карме. Поэтому не исключено, что мы застрянем на Европе,— особенно если Чан израсходует слишком много топлива в поисках места для посадки.

— А ты не знаешь, где он собирается сесть? — Рольф постарался, чтобы его голос звучал как можно равнодушнее. По-видимому, это ему не удалось, потому что Крис взглянул на Рольфа с интересом.

— Пока не знаю. Все прояснится, когда Чан начнет торможение. Но вы ведь хорошо знакомы с этими лунами; где, по вашему мнению, мы совершим посадку?

— На Европе лишь одно интересное место. Гора Зевс.

— А почему кому-то нужно садиться именно там?

Рольф пожал плечами:

— Именно это нам и хотелось узнать. Обошлось нам в два дорогих пенетрометра.

— Похоже, обойдется куда дороже. Неужели у вас нет никаких подозрений?

— Ты рассуждаешь как полицейский,— с улыбкой заметил Ван-дер-Берг, совершенно не думая, что его слова могут быть восприняты серьезно.

— Странно — за последний час мне только об этом и говорят.

Мгновенно атмосфера в каюте изменилась — будто что-то сработало в системе жизнеобеспечения.

— Не обращай внимания — я просто пошутил, или это правда?

— Если и правда, то я не признаюсь в этом — верно?

«Он так и не ответил на мой вопрос,— подумал Ван-дер-Берг.— С другой стороны, вдруг это и было ответом».

Он внимательно посмотрел на молодого офицера, отметив — не в первый раз — поразительное сходство со знаменитым дедом. Кто-то говорил, что Крис Флойд был включен в состав команды «Гэлакси» незадолго до полета; раньше он служил на другом корабле космического флота Тсунга. «И тут не обошлось без связей»,— скептически заметил про себя ученый. Однако в способностях Флойда не приходилось сомневаться — он был превосходным офицером. Впрочем, эти способности могли пригодиться и при выполнении побочных обязанностей; к примеру, Роза Макмагон — она ведь тоже, между прочим, была включена в состав экипажа «Гэлакси» перед самым вылетом.

Рольф Ван-дер-Берг чувствовал, будто его втягивают в какую-то огромную, липкую паутину межпланетных интриг; как ученый, привыкший всегда — почти всегда — получать прямые и недвусмысленные ответы на вопросы, задаваемые им природе, он чувствовал себя не в своей тарелке.

Впрочем, у него вряд ли есть основания считать себя невинной жертвой. Он пытался скрыть правду — или, по крайней мере, то, что он считал правдой. И теперь последствия обмана начали множиться подобно нейтронам при цепной реакции, причем результаты могут оказаться такими же разрушительными.

На чьей стороне Крис Флойд? И вообще, сколько здесь сторон? Бурская лига, несомненно, как-то замешана, раз уж сведения о горе Зевс просочились и стали достоянием многих. Но ведь и внутри лиги множество фракций и немало групп, находящихся в оппозиции к ним; все это походило на зал, где — куда ни глянь — видишь свое отражение в зеркалах.

И все-таки Рольф был уверен в одном: Крису Флойду можно доверять — хотя бы из-за его связей. «Готов побиться об заклад,— подумал Рольф,— что на время этой экспедиции он работает по заданию Астрополя, каким ни окажется этот период — коротким или длинным».

— Я готов помочь, Крис,— произнес он задумчиво.— Ты, наверно, подозреваешь, что у меня есть кое-какие мысли. Не исключено, впрочем, что они могут оказаться совершенно необоснованными... Меньше чем через полчаса все станет ясно. А пока мне хотелось бы сохранить их в секрете.

«И это не просто врожденное бурское упрямство»,— подумал Рольф. Если он ошибся, ему не хотелось бы умирать среди тех, кто знает, что трагедия произошла из-за его глупости.

29
СПУСК

Этот вопрос мучил второго помощника Чана с того момента, когда «Гэлакси» успешно — к его удивлению и облегчению — перешел на орбиту снижения. В течение следующих двух часов корабль находился в руках Всевышнего или, по крайней мере, в руках сэра Исаака Ньютона; оставалось лишь ждать, когда наступит время окончательного торможения и спуска.

На мгновение ему в голову пришла мысль — а не попробовать ли обмануть Розу и в момент, когда «Гэлакси» приблизится к Европе на кратчайшее расстояние, дать ему обратный вектор, повернуть корабль и направить его снова в космос. Тогда «Гэлакси» окажется на устойчивой орбите и со временем их может спасти экспедиция с Ганимеда. У этого плана был, однако, крупный недостаток: уж его-то, Чана, спасать не придется. И хотя он не был трусом, ему совсем не улыбалась мысль, что он станет посмертным героем космических трасс.

В любом случае надежда пережить следующий час была слабой. Ему приказали посадить космический корабль в три тысячи тонн, одному, без всякой помощи, на совершенно незнакомую поверхность. Даже на Луне, которую Чан знал как свои пять пальцев, он не решился бы на такой подвиг.

— Сколько минут до начала торможения? — спросила Роза. Это не было вопросом — скорее, напоминало приказ. Несомненно, она разбиралась в основах астронавтики, и Чан отказался от последней отчаянной надежды перехитрить ее.

— Пять,— ответил он с неохотой.— Можно, я предупрежу экипаж, чтобы они готовились к посадке?

— Нет, я сама. Где микрофон?.. ВНИМАНИЕ, СООБЩЕНИЕ С МОСТИКА. ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ НАЧИНАЕМ ТОРМОЖЕНИЕ. ПОВТОРЯЮ, ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ. КОНЕЦ.

Ученые и офицеры, собравшиеся в кают-компании, ждали этого объявления. В одном им повезло: наружные видеомониторы остались включенными. Возможно, Роза забыла о них; скорее всего, это ее не интересовало. И вот теперь беспомощные зрители — в буквальном смысле плененная аудитория — наблюдали развертывающуюся перед ними картину.

Серп Европы, затянутый облаками, заполнил весь экран камеры заднего обзора. Нигде в сплошной пелене водяных паров, конденсирующихся на обратном пути к ночной стороне, не было ни единого просвета. Само по себе это не имело никакого значения, потому что до последнего момента спуск будет контролироваться радиолокатором. Однако для наблюдателей, вынужденных полагаться на свое зрение, тревожное ожидание лишь усиливало агонию.

Никто не смотрел на приближающийся мир с таким вниманием, как человек, который изучал его в течение почти десяти лет с чувством бессильной неудовлетворенности. Рольф Ван-дер-Берг сидел в хрупком, рассчитанном на малую силу тяжести кресле, пристегнувшись тонкими ремнями, и едва не пропустил момента, когда началось торможение и невесомость исчезла.

Через пять секунд тормозная тяга стала максимальной. Офицеры что-то вычисляли на своих карманных компьютерах; лишенные доступа к главному навигационному компьютеру, они во многом гадали, и капитан ждал, когда сформируется общая точка зрения.

— Одиннадцать минут,— объявил он наконец,— при условии, что он не снизит тягу,— сейчас двигатели на максимуме. И при условии, что корабль зависнет над облаками на высоте десяти километров — и потом начнет спуск прямо вниз. На это уйдет еще пять минут.

Капитан счел излишним упоминать, что из этих пяти минут самой критической будет последняя секунда.

Казалось, Европа решила хранить свои тайны до самого конца. Когда «Гэлакси» неподвижно повис над покровом облаков, внизу по-прежнему не было видно никаких следов суши или воды. Затем на несколько мучительных секунд экраны заволокло серой пеленой — видимость исчезла, за исключением появившихся на мгновение посадочных опор, выдвинутых теперь, но почти никогда ранее не применявшихся. Несколько минут назад шум сервомоторов, выдвигающих посадочное устройство, вызвал тревогу среди пассажиров; теперь оставалось лишь надеяться, что хрупкие опоры, не рассчитанные на подобную нагрузку, не подломятся под тяжестью корабля.

«Какова толщина слоя облаков? — задал себе вопрос Ван-дер-Берг.— Неужели они простираются до самой...»

Нет, облака редеют, расходятся в стороны — и вот перед ними Новая Европа, раскинувшаяся, казалось, всего в нескольких тысячах метров под кораблем.

Она действительно новая; не обязательно быть геологом, чтобы убедиться в этом. Наверно, четыре миллиарда лет тому назад только что родившаяся Земля выглядела точно так же, в то время как суша и море готовились начать свой вечный спор.

Здесь всего пятьдесят лет назад не было ни суши, ни моря — один лед. Теперь на полушарии, обращенном к пылающему Люциферу, лед растаял, появилась вода и тут же испарилась — водяные пары перенеслись на ледяное полушарие ночной стороны. Перенос миллиардов тонн жидкости с одного полушария на другое обнажил древнее морское дно, на которое никогда не падал даже свет далекого Солнца.

Когда-нибудь, возможно, этот искореженный ландшафт будет смягчен и укрощен пышным растительным одеялом; сейчас же он представлял собой голые потоки лавы и грязевые поля с поднимающимися над ними струйками пара. Местами, тут и там, вздымались массы скальных пород со странными, наклонными слоями. Несомненно, это был район колоссальных тектонических возмущений; впрочем, это было и неудивительно, поскольку в результате одного из них недавно появилась гора размером с Эверест.

Да вот и она — возвышается над неестественно близким горизонтом. Рольф Ван-дер-Берг почувствовал, как у него стиснуло грудь и по спине побежали мурашки. Перед ним возвышалась гора его мечты, которую он видел собственными глазами, а не через равнодушные объективы приборов.

Как он и ожидал, ее форма напоминала тетраэдр, причем наклоненный таким образом, что одна из сторон была почти вертикальной (какой вызов для альпинистов, даже при здешней силе тяжести — особенно если учесть, что вогнать скальные крючья невозможно). Вершина горы была затянута облаками, и большую часть пологого склона, обращенного к наблюдателям, покрывал снег.

— Это из-за нее столько шума? — пробормотал кто-то презрительно.— По-моему, самая обычная гора. Ничем не отличается от...— На него сердито зашикали, и снова наступила тишина.

«Гэлакси» медленно смещался теперь в направлении горы — Чан искал хорошую посадочную площадку. Корабль с трудом контролировал боковой снос, так как девяносто процентов тяги требовалось для того, чтобы просто поддерживать «Гэлакси» в полете. Топлива было достаточно примерно на пять минут таких маневров; после этого совершить посадку, возможно, и удастся — но уже никогда не удастся оторваться от поверхности.

Почти сто лет тому назад такая же дилемма стояла перед Нейлом Армстронгом. Но он не управлял кораблем под пистолетом, направленным ему в затылок.

И все-таки последние несколько минут Чан совершенно забыл и про пистолет, и про Розу. Все его внимание было поглощено работой; он стал частью гигантской машины, которой управлял. Чан испытывал сейчас лишь одно человеческое чувство; это не было чувство страха, он испытывал ликующий восторг. Он выполнял любимую работу, составляющую цель его жизни. Посадка на Европу станет вершиной его профессиональной карьеры — даже если это будет последняя вершина.

Казалось, все шло именно к этому. Подножие горы было сейчас на расстоянии менее километра — а Чану все еще не удалось отыскать посадочную площадку. Местность была исключительно неровной, изрезанной каньонами и усеянной огромными валунами. Он не заметил пока ни единого более или менее горизонтального участка, превышающего по размерам теннисный корт,— а до красной черты на указателе запаса топлива оставалось всего тридцать секунд.

Но вот наконец Чан заметил ровный участок — самый ровный из всех. Да, это был единственный шанс в оставшееся время.

Легкими точными движениями он начал смещать огромный неустойчивый цилиндр по направлению к выбранной площадке, казалось, покрытой снегом; да, совершенно верно, раскаленные газы из дюз корабля сдували его — но что под снегом? — похоже на лед — видимо, замерзшее озеро — какова толщина — КАКОВА ТОЛЩИНА...

Мощный поток газов из главных дюз корабля ударил по предательски ровной поверхности с силой пятисоттонного молота. Мгновенно по льду разбежались в стороны глубокие трещины, затем начали переворачиваться огромные льдины. Неистовый поток раскаленной плазмы устремился на внезапно обнажившееся озеро, и концентрические волны кипящей воды побежали от центра.

Последующие действия Чана, как и любого хорошо подготовленного космонавта, были чисто автоматическими. Не теряя ни единого мгновения на колебания, угрожающие гибелью, он сорвал левой рукой предохранительный стержень с опечатанной дверцы; его правая рука тут же схватила красный рычаг, скрытый за ней, и рванула его на себя.

Программа «АВАРИЙНЫЙ ВЗЛЕТ», мирно дремавшая с завершения постройки корабля, молниеносно швырнула корабль обратно в космическое пространство.

30
ПОСАДКА «ГЭЛАКСИ»

Офицеры в кают-компании ощутили внезапный рывок тяги, включенной на полную мощность, как отмену смертного приговора. Они уже заметили, окаменев от ужаса, как под кораблем разрушилась площадка, выбранная для посадки, и понимали, в чем заключается единственный путь к спасению. И теперь, когда Чан воспользовался им, офицеры позволили себе вздохнуть.

Никто не решался, однако, высказать предположение, как долго они будут наслаждаться этой роскошью. Один лишь Чан знал, хватит ли топлива, чтобы выйти на устойчивую орбиту; но даже в этом случае, мрачно подумал капитан Лаплас, эта сумасшедшая с пистолетом может заставить Чана снова пойти на посадку. Правда, капитан был убежден, что она далеко не сумасшедшая: все ее действия были точно рассчитаны.

Неожиданно тяга изменилась.

— Отключился четвертый двигатель,— заметил один из механиков.— Неудивительно, он не рассчитан на такую нагрузку. Наверно, перегрелся.

Никто не почувствовал изменения в направлении полета — тяга хотя и слегка уменьшилась, но была по-прежнему направлена вдоль оси корабля,— однако изображение на экранах как-то странно накренилось. «Гэлакси» продолжал подниматься, но уже не вертикально. Он превратился в баллистическую ракету, мчащуюся к какой-то неизвестной цели на поверхности Европы.

Прошло еще несколько мгновений, и тяга снова внезапно уменьшилась; горизонт на видеомониторах выровнялся.

— Он отключил двигатель с противоположной стороны, иначе корабль начал бы кувыркаться, но удастся ли ему удержать высоту? Какой молодец!

Ученые, сидящие тут же в кают-компании, никак не могли понять, чем заслужил пилот столь высокую оценку, потому что изображение на экране исчезло и вместо него возник ослепительно белый туман.

— Сбрасывает понемногу лишнее топливо — облегчает корабль...

Тяга уменьшилась до нуля; корабль свободно падал. За несколько секунд они пролетели через огромное облако ледяных кристаллов, образовавшихся из паров топлива, сброшенного Чаном. И под облаком появилось центральное море Европы, медленно приближающееся под воздействием десятой доли земного притяжения. По крайней мере, Чану не придется искать посадочную площадку; отныне это превратилось в обычную процедуру, знакомую по ви-

деоиграм миллионам — всем тем, кто никогда не бывал в космосе и никогда не рассчитывал побывать.

Нужно было только уравнять тягу двигателя и силу притяжения для того, чтобы опускающийся корабль достиг нулевой скорости при нулевой высоте. Можно было даже немного ошибиться, но только не очень, даже при посадке на воду, которую предпочитали первые американские астронавты и на которую с неохотой пришлось пойти Чану. Если он допустит ошибку — а после всего, что произошло за последние несколько часов, кто осмелится винить его? — он не услышит от компьютера: «Жаль, но вы разбились. Хотите попробовать еще раз? Отвечайте: да или нет».

Второй помощник Ю с двумя товарищами стояли у запертой дверцы мостика, сжимая в руках импровизированное, сделанное на скорую руку оружие. Им выпало самое трудное задание. Перед ними не было экранов видеомониторов, и они не имели представления о том, что происходит с кораблем. Им приходилось полагаться лишь на те сообщения, которые время от времени получали из кают-компании. Да и с мостика не доносилось ни единого звука, несмотря на установленный ими чувствительный микрофон,— впрочем, ничего удивительного в этом не было. У Чана и Розы Макмагон не было ни времени, ни необходимости разговаривать.

Посадка прошла идеально, без малейшего толчка. «Гэлакси» погрузился на несколько метров, немного всплыл, снова опустился и застыл благодаря весу двигателей в вертикальном положении.

И только теперь микрофон подхватил первые слова, произнесенные в рубке:

— Ты сумасшедшая, Рози,— послышался голос Чана, не рассерженный, а скорее равнодушно-усталый.— Надеюсь, ты довольна. Благодаря тебе все мы погибли.

Затем хлопнул пистолетный выстрел и наступила долгая тишина.

Ю с товарищами терпеливо ждали. Рано или поздно что-то должно было произойти. Вдруг они услышали, как поворачиваются защелки, покрепче сжали в руках разводные ключи и ломики и приготовились. Она сможет застрелить одного из них, но не всех троих.

Дверь начала открываться — медленно, очень медленно.

— Извините,— произнес второй помощник Чан.— Должно быть, я упал в обморок.

И тут же, подобно любому разумному человеку, снова потерял сознание.

31
ГАЛИЛЕЙСКОЕ МОРЕ

«Не могу понять,— подумал капитан Лаплас,— как можно работать врачом. Либо сотрудником похоронного бюро. И тем и другим приходится иногда заниматься отвратительными делами».

— Ну как, нашли что-нибудь?

— Ничего, капитан. Конечно, у меня нет соответствующего снаряжения. Я слышал, что некоторые имплантированные приборы можно отыскать лишь с помощью микроскопа. Правда, радиус их действия очень мал.

— Где-то на борту корабля находится ретранслятор. Флойд предложил обыскать корабль. Вы сняли отпечатки пальцев, и... имеются ли другие средства опознания?

— Да. Установив связь с Ганимедом, передадим всю информацию, включая ее документы. Сомневаюсь, однако, что удастся выяснить настоящее имя Рози или на кого она работала... Или почему.

— По крайней мере, она проявила гуманность,— задумчиво произнес Лаплас.— Когда Чан дернул за ручку аварийного взлета, ей стало ясно, что все кончено. Ведь она вполне могла выстрелить в него и разбить корабль.

— Боюсь, нам мало пользы от ее гуманности. А вот что случилось, когда мы с Дженкинсом выбросили тело через отверстие для мусора...

На лице у доктора появилась гримаса отвращения.

— Разумеется, вы были правы, капитан,— ничего другого не оставалось. Так вот, мы решили, что не стоит привязывать груз к трупу, и несколько минут он плавал на поверхности. Мы хотели убедиться, что он отплывет подальше от корабля — как вдруг...

Казалось, врач не решается продолжать.

— Да говорите же, черт побери!

— Из воды показалось что-то... Похожее на клюв попугая, только раз в сто больше. Он схватил ее и тут же исчез. Мы в серьезной компании, капитан. Даже если воздух пригоден для дыхания, не советую купаться...

— Мостик вызывает капитана,— донесся из динамика голос вахтенного офицера.— В воде что-то происходит. Включаю камеру три — следите.

— Это именно та штука, которую я видел! — воскликнул врач. По его спине пробежали мурашки. «Надеюсь, он не вернулся за добавкой»,— промелькнула у него мрачная мысль.

Внезапно огромное тело выпрыгнуло из воды и взлетело, изгибаясь, в небо. Чудовище, казалось, повисло над поверхностью моря.

Знакомое тоже может ошеломить — если встретить его в неожиданном окружении. Капитан и врач воскликнули в один голос: «Это акула!»

Они успели заметить небольшие различия — кроме огромного попугаичьего клюва,— прежде чем гигант рухнул обратно в море. У него была еще одна пара плавников — и вроде отсутствовали жабры. Вдобавок не было глаз, зато с каждой стороны клюва виднелись странные выступы, напоминающие какие-то органы чувств.

— Ну, конечно, конвергентная эволюция,— заметил доктор.— Одинаковые проблемы — одинаковые пути решения этих проблем, на любой планете. Как на Земле. Акулы, дельфины, ихтиозавры — все морские хищники схожи. Признаться, клюв меня озадачил...

— А что происходит сейчас?

Чудовище снова появилось на поверхности, но теперь оно двигалось очень медленно, будто высоченный прыжок истощил его силы. Более того, оно ка-

залось больным — даже в предсмертной агонии; чудовище било хвостом по морской поверхности, не пытаясь плыть куда-то.

Внезапно его стошнило, затем оно перевернулось вверх брюхом и безжизненно застыло на поверхности моря, колыхаясь в волнах.

— Боже мой! — Голос капитана был полон отвращения.— Мне кажется, я понимаю, что произошло.

— Совершенно разные биохимические циклы.— Даже врач был потрясен увиденным.— Рози умерла не одна — она прихватила его с собой.

Галилейское море было названо так, разумеется, в честь того, кто открыл Европу,— а он, в свою очередь, был назван по имени совсем маленького моря на ином мире.

Море на Европе было совсем юным — ему не было и пятидесяти лет. Подобно большинству младенцев, оно любило порезвиться. Хотя атмосфера Европы была все еще слишком разреженной, чтобы создавать настоящие ураганы, с окружающих его берегов непрерывно дул ветер — в сторону тропической зоны, прямо над которой застыл раскаленный Люцифер. Там, где господствовал вечный полдень, вода кипела не переставая — правда, в этой разреженной атмосфере ее температуры едва хватало, чтобы приготовить чашку горячего чая.

К счастью, эта бурлящая, кипящая зона непосредственно под Люцифером находилась в тысяче километров отсюда; «Гэлакси» совершил посадку в относительно спокойном районе, менее сотни километров от ближайшей суши. При максимальной скорости корабль мог пролететь это расстояние в ничтожные доли секунды; но сейчас, когда он дрейфовал под низко висящими облаками, окутавшими Европу серым пологом, суша казалась такой же далекой, как самый отдаленный квазар. Положение было еще хуже — если такое вообще было возможно — потому, что непрекращающийся ветер, дувший с суши, уносил «Гэлакси» все дальше в море. И даже если бы кораблю удалось выброситься на какой-нибудь девственный пляж этого юного мира, его положение вряд ли улучшилось бы.

Правда, это облегчило бы жизнь на нем: космические корабли, несмотря на их удивительную водонепроницаемость, редко славятся мореходными качествами. «Гэлакси» плыл в вертикальном положении, волны непрерывно бросали его вверх и вниз; половина команды уже страдала от морской болезни.

Первое, что сделал капитан Лаплас, выслушав доклады о повреждениях, полученных при посадке,— обратился по судовому радио ко всем, кто имел опыт плавания на морских судах любых типов и размеров. Он надеялся, что среди тридцати инженеров-астронавтов и ученых-космологов таких найдется немало, и не ошибся. Почти немедленно свои услуги предложили пять яхтсменов-любителей и даже один профессиональный моряк — завхоз Фрэнк Ли, начавший свою карьеру на морских судах линии Тсунга и лишь потом перешедший на космические лайнеры.

Хотя завхозы больше привыкли работать со счетными машинками (или, как это предпочитал сам Фрэнк Ли, с деревянными, изготовленными двести

лет назад счетами, где нужно было перебрасывать костяшки из слоновой кости), чем с навигационными приборами, им все-таки приходилось осваивать основы морского дела и даже сдавать экзамены. Ли ни разу не доводилось испытать на практике искусство моряка — и вот теперь, почти в миллиарде километров от Южно-Китайского моря, этот момент наступил.

— Нужно заполнить топливные баки,— посоветовал он капитану.— Тогда корабль осядет и будет меньше подпрыгивать на волнах.

Лапласу казалось нелепым пускать воду в корабль, и он заколебался:

— А если нас выбросит на мель?

Никто из офицеров, присутствовавших в кают-компании, не сделал прямо-таки напрашивающегося замечания: «Ну и что?» Даже без обсуждения всем казалось, что на суше они будут в безопасности — лишь бы добраться до нее.

— Тогда мы просто продуем баки. Нам все равно придется сделать это, когда достигнем берега, чтобы перевести корабль из вертикального положения в горизонтальное. Хорошо, что генераторы продолжают действовать...

Он замолчал; все понимали, что имелось в виду. Без вспомогательного реактора, снабжающего систему жизнеобеспечения энергией, все на «Гэлакси» погибли бы уже через несколько часов. А теперь — если реактор не выйдет из строя — корабль будет сохранять им жизнь в течение неограниченного времени.

Разумеется, со временем наступит голод; они только что наглядно убедились, что в морях Европы нет пищи для людей, один лишь яд.

По крайней мере, удалось установить связь с Ганимедом — теперь все человечество знает о постигшем их несчастье. Лучшие умы Солнечной системы пытаются сейчас спасти их. Во всяком случае, если не удастся найти выход, у пассажиров и команды «Гэлакси» есть утешение — они умрут в апогее славы.

IV

У ВОДОПОЯ

32

ОТВОДНОЙ КАНАЛ

— Итак, последние новости,— сообщил капитан Смит собравшимся пассажирам.— «Гэлакси» совершил посадку в море и находится на плаву без серьезных повреждений. Погиб один член экипажа — стюардесса. О подробностях не сообщается. Остальные живы и здоровы.

Все корабельные системы работают нормально; в нескольких местах была замечена течь, но ее тут же ликвидировали. Капитан Лаплас передает, что пока корабль вне опасности, но ветер гонит их от берега, по направлению к центральной зоне Дневной стороны. Это не очень серьезно — на пути расположено несколько крупных островов, и корабль почти наверняка выбросит

на один из них. В данный момент «Гэлакси» находится в девяноста километрах от ближайшего острова. С корабля видели крупных морских животных, не представляющих угрозы.

Если ничего не случится, они продержатся несколько месяцев, пока не кончатся запасы пищи,— в настоящее время капитан Лаплас, разумеется, строго ограничил их потребление. Тем не менее никто, по его словам, не падает духом.

А теперь, что ожидают от нас. Если мы немедленно вернемся на Землю, где пройдем переоборудование и заправимся топливом, нам удастся достичь Европы, двигаясь в направлении, обратном обращению Солнечной системы, через восемьдесят пять суток. В настоящее время «Юниверс» является единственным действующим космическим кораблем, способным совершить посадку и снова взлететь с достаточно большим полезным грузом. Шаттлы с Ганимеда смогут, по-видимому, лишь сбрасывать припасы, не больше — хотя от этого может зависеть жизнь тех, кто находится на борту «Гэлакси».

Мне очень жаль, дамы и господа, что наша экспедиция оказалась такой непродолжительной; надеюсь, однако, вы увидели все, что мы обещали. Кроме того, я уверен, вы одобряете цель нашей новой экспедиции — хотя, если уж быть откровенным, шансы на успех невелики. У меня пока все. Доктор Флойд, прошу вас остаться.

Пока остальные покидали, медленно и понурившись, кают-компанию, где состоялось столько инструктажей, капитан просматривал пачку полученных сообщений. Даже сейчас при некоторых обстоятельствах слова, напечатанные на листах бумаги, оставались наиболее удобным средством связи, но и здесь техническая революция оставила свой отпечаток. Листки, которые читал капитан, были сделаны из материала, рассчитанного на многократное использование; такая бумага, применяемая для мультифаксов в течение неограниченного времени, резко уменьшила нагрузку несчастных мусорных корзин.

— Хейвуд,— произнес он,— теперь формальности закончились,— ты сам понимаешь, эфир забит сообщениями самого разного характера. И многое мне непонятно.

— Мне тоже,— ответил Флойд.— От Криса нет ничего нового?

— Пока нет, но станция на Ганимеде передала твое послание; наверно, он уже получил его. Тебе известно, разумеется, что личные контакты сейчас ограничены, но для тебя сделали исключение.

— Спасибо, капитан. Чем еще могу помочь?

— Я обращусь к тебе, Хейвуд, если понадобится помощь.

Они еще не знали, что это был едва ли не последний разговор, когда сохранялись их дружеские отношения. Через несколько часов доктор Флойд превратится в «этого старого безумного дурака!» и начнется непродолжительный «мятеж на "Юниверс"», возглавляемый самим капитаном.

Идея принадлежала не Хейвуду Флойду, хотя ему очень хотелось бы этого...

Второй помощник Рой Джолсон был «звездочетом», штурманом корабля — точнее, астронавигатором. Флойд едва знал его в лицо и ни разу не имел возможности поговорить с ним, не считая краткого «доброе утро». Поэтому Флой-

да немало удивило, когда астронавигатор осторожно постучал в дверь его каюты.

В руках он держал несколько карт и, казалось, чувствовал себя неловко. Вряд ли это было из-за благоговения перед Флойдом — все на борту уже не раз встречали его и достаточно привыкли. Значит, причина была в чем-то другом.

— Доктор Флойд,— начал астронавигатор таким озабоченным голосом, что сразу напомнил Флойду коммивояжера, чье будущее зависит от того, удастся ли ему заключить эту сделку.— Мне нужен ваш совет — и помощь.

— Можете рассчитывать на меня, но чем я могу помочь?

Джолсон развернул карту, где было указано положение всех небесных тел в пределах орбиты Люцифера.

— Эта мысль возникла у меня, когда я вспомнил, как вы решили причалить «Леонова» к «Дискавери», чтобы успеть как можно дальше уйти от Юпитера перед его взрывом.

— Это придумал не я, а Уолтер Курноу.

— О-о, извините, я этого не знал. Разумеется, рядом с нами нет корабля, который мог бы подтолкнуть нас, но у нас есть нечто куда лучшее.

— Что именно? — спросил озадаченный Флойд.

— Только не смейтесь. Зачем лететь на Землю за топливом, когда Старый Служака каждую секунду выбрасывает тонны воды и к тому же находится всего в двухстах метрах? Если мы протянем отводной трубопровод, нам удастся достичь Европы не через три месяца, а через три недели!

Идея была настолько ошеломляющей и одновременно такой очевидной, что у Флойда перехватило дыхание.

— А каково мнение капитана?

— Я еще не обращался к нему; именно в этом мне и потребуется ваша помощь. Мне хочется, чтобы вы проверили мои расчеты, а затем изложили все ему. Уж мне-то он совершенно точно откажет — я не виню его. Окажись я на его месте, я поступил бы так же...

В каюте воцарилась долгая тишина. Затем Хейвуд Флойд произнес:

— Сейчас я скажу вам, почему это невозможно. А потом вы объясните мне, в чем я ошибаюсь.

Второй помощник Джолсон хорошо знал своего капитана; Смиту еще не приходилось выслушивать такое безумное предложение...

Его возражения были обоснованными и не были продиктованы синдромом «Нет пророка в своем отечестве».

— Согласен, теоретически это осуществимо,— признал он.— Но как решить практические проблемы? Как залить жидкость в топливные баки?

— Я уже говорил с механиками. Переместим корабль на самый гребень кратера — даже в пятидесяти метрах никакой опасности. Затем снимем трубы в незаполненном отсеке, протянем трубопровод к Старому Служаке и подождем извержения; известно, как он пунктуален.

— Но корабельные насосы не смогут работать в почти безвоздушном пространстве!

— Они не понадобятся; мощность, с которой выбрасывает воду гейзер, обеспечит нам поступление не менее ста килограммов в секунду. Старый Служака выполнит за нас всю работу.

— Гейзер извергает ледяные кристаллы и пар, а не воду.

— Все будет конденсироваться в баках.

— Похоже, ты действительно все продумал,— ответил капитан с неохотным восхищением.— Но все равно — мне это не нравится. Например, насколько чистой будет вода? Ты подумал о растворенных в ней примесях — особенно о частицах углерода?

Флойд с трудом удержался от улыбки. У капитана Смита появилась мания — он боялся сажи.

— Крупные частицы мы отфильтруем; остальные никак не скажутся на реакции. Да, между прочим: похоже, что соотношение изотопа водорода здесь лучше, чем в земной воде. Не исключено, что тяга возрастет.

А как относятся к этому твои спутники? Если мы направимся прямо к Люциферу, пройдут месяцы, прежде чем они вернутся домой...

— Я еще не говорил с ними. Но какое это имеет значение, когда на карту поставлено столько человеческих жизней? Нам удастся прилететь к «Гэлакси» на семьдесят дней раньше! На семьдесят дней! Подумай, что может произойти на Европе за это время!

— Я отлично понимаю важность фактора времени,— огрызнулся капитан.— Но это относится и к нам тоже. На такое длительное путешествие у нас может не хватить продовольствия.

«Теперь он начинает ловить блох,— подумал Флойд,— и не может не знать, что я об этом догадываюсь. Здесь нужен такт...»

— На лишнюю пару недель? Неужели у нас так мало запасов? К тому же до сих пор нас слишком хорошо кормили. Кое-кому из нас не повредит сдержанность.

На лице капитана появилась холодная улыбка.

— Попробуй убедить в этом Уиллиса и Михайловича. Боюсь, однако, что вся эта идея — безумный бред.

— По крайней мере, давай изложим ее владельцу корабля. Я хочу поговорить с сэром Лоуренсом.

— Сам понимаешь, я не могу тебе запретить этого,— ответил капитан Смит с сожалением в голосе.— Но я заранее знаю, что он тебе скажет.

Капитан Смит жестоко ошибался.

Сэр Лоуренс Тсунг не играл в азартные игры вот уже тридцать лет — это не соответствовало его величию в мире коммерции. Но в молодости он часто вызывал некоторый переполох на ипподроме в Гонконге, пока отцы города, настроенные пуритански, в приступе заботы о нравственности не приняли решения о его закрытии. До чего похоже на жизнь, думал иногда сэр Лоуренс с сожалением: когда он мог делать ставки, у него не было денег, а теперь, когда столько денег,— положение самого богатого в мире человека ко многому обязывало.

И тем не менее — а он знал это лучше других — вся его деловая карьера была продолжительной азартной игрой. Разумеется, он старался улучшить свои шансы, собирал самую надежную информацию и выслушивал экспертов, которые, по его мнению, могли дать хороший совет. Как правило, он вовремя выходил из игры, полагаясь на интуицию, но риск всегда был где-то рядом.

И теперь, читая меморандум Хейвуда Флойда, он снова испытывал прежнее волнение, как в далеком прошлом, когда видел взмыленных лошадей, с топотом вылетающих из-за поворота на последнюю прямую. И вот перед ним новое рискованное предприятие — наверно, последнее и самое крупное за всю его карьеру, хотя, разумеется, он никогда не скажет об этом совету управляющих своего концерна — не говоря уже о леди Джасмин.

— Билл,— спросил он,— а что ты думаешь об этом?

Его сын (спокойный и основательный в своих поступках, но без искры гения, которая, возможно, и не требовалась в его поколении) ответил именно так, как и ожидал сэр Лоуренс:

— Теоретически это вполне осуществимо. На бумаге все возможно. Однако мы уже потеряли один корабль. И теперь рискуем вторым.

— Но он все равно полетит к Юпитеру — то есть к Люциферу.

— Верно — только после тщательного осмотра и проверки на земной орбите. А ты понимаешь, отец, во что выльется предлагаемая доктором Флойдом экспедиция — при полете прямо к Люциферу? «Юниверс» побьет все рекорды скорости — к моменту Разворота она превысит тысячу километров в секунду!

Это было худшим, что он мог сказать отцу; топот лошадей, летящих к финишу, снова зазвучал в ушах сэра Лоуренса.

— Будет неплохо,— сдержанно заметил сэр Лоуренс,— если они проведут ряд испытаний, хотя капитан Смит сопротивляется изо всех сил. Угрожает даже отставкой. А пока выясни у страховой компании Ллойдза — возможно, нам придется отказаться от требования страховки за «Гэлакси».

Особенно, мог бы прибавить он, если в этой игре мы собираемся использовать «Юниверс» в качестве еще более крупной ставки.

И его очень беспокоил капитан Смит. Теперь, когда Лаплас выброшен на Европу, Смит стал его лучшим капитаном.

33

ЗАПРАВКА

— За всю жизнь не видел ничего более нелепого,— проворчал главный механик.— Но за отведенное нам время лучше не сделаешь.

Самодельный трубопровод протянулся через пятьдесят метров ослепительно белой, усыпанной кристаллами скалистой почвы от корабля к пока бездействующему жерлу Старого Служаки и заканчивался там обращенной вниз четырехугольной воронкой. Солнце только что поднялось из-за холмов, и почва уже начала вздрагивать под ногами — подземные или, точнее, подгаллейские резервуары, питающие гейзер, ощутили прикосновение тепла.

Хейвуд Флойд не выходил из кают-компании, он с трудом верил, что всего за двадцать четыре часа произошло столько событий. Начать с того, что все, кто был на корабле, раскололись на два враждующих лагеря — во главе одного стоял капитан, другой, поневоле, пришлось возглавить ему. Разговаривали они друг с другом с ледяной вежливостью и избегали прямых нападок; правда, Флойд узнал, что в определенных кругах его осчастливили новым прозвищем — «самоубийца Флойд», что ему не слишком понравилось.

И все-таки никто не сумел отыскать существенных изъянов в операции Флойда — Джолсона (это название тоже было несправедливым; сам он настаивал, что заслуга полностью принадлежит Джолсону, но его отказывались слушать, а Михайлович поинтересовался: «Что, боитесь разделить ответственность?»).

Через двадцать минут, когда Старый Служака несколько запоздало встретит рассвет, начнется первое испытание. Но даже если оно пройдет успешно и топливные баки начнут наполняться кристально чистой водой — вместо мутной жижи, как предсказывал капитан Смит,— это еще не означало, что путь к Европе открыт.

Незначительным, но немаловажным фактором были желания знаменитых пассажиров. Они надеялись вернуться домой через две недели; теперь, к их удивлению — а в некоторых случаях оцепенению,— перед ними возникла перспектива опасной экспедиции через половину Солнечной системы — причем даже в случае благоприятного исхода день возвращения на Землю был окутан туманом неизвестности.

Уиллис был очень расстроен; все его планы рушились. Он бродил по кораблю, бормоча что-то относительно судебных исков, но не встречал никакого сочувствия.

Гринберг, напротив, был в восторге; еще бы, он снова работает в космосе! И Михайлович — который тратил массу времени, что-то шумно сочиняя в своей далеко не звуконепроницаемой каюте,— тоже был в экстазе. Он был уверен, что это новое приключение послужит толчком его вдохновению.

Мэгги М отнеслась к этому по-философски. «Если мы можем спасти столько человеческих жизней,— сказала она, глядя прямо на Уиллиса,— разве можно возражать?»

Что касается Эвы Мерлин — Флойд постарался объяснить ситуацию как можно понятнее и убедился, что ей и без того все ясно,— она, ко всеобщему изумлению, задала вопрос, мимо которого до сих пор почему-то проходили: «А если европеане не захотят, чтобы мы совершили посадку на их планете,— даже ради спасения наших друзей?»

Флойд посмотрел на нее с искренним изумлением; даже теперь ему все еще трудно было общаться с ней как с мыслящим существом, поэтому он не мог заранее угадать, выскажет ли она нечто поразительно глубокое или ляпнет какую-нибудь глупость.

— Очень интересный вопрос, Эва. Поверьте, я тоже думаю об этом.

Флойд говорил истинную правду: он просто не мог заставить себя соврать Эве Мерлин. Это походило бы на кощунство.

Над жерлом гейзера появились первые струйки пара. Они взлетали вверх и исчезали в небе по своим неестественным траекториям, возможным лишь в безвоздушном пространстве, испаряясь под жгучими солнечными лучами.

Старый Служака откашлялся и прочистил глотку. Снежно-белая, поразительно компактная струя ледяных кристаллов и капелек воды начала подниматься в небо. Земные инстинкты наблюдателей подсказывали им, что она вот-вот наклонится и начнет падать вниз, но они, разумеется, ошибались. Струя взлетала все выше и выше, чуть-чуть расширяясь и сливаясь наконец с огромной сверкающей оболочкой кометы. Флойд с удовлетворением заметил, как трубопровод задрожал и жидкость устремилась по нему в топливные баки.

Через десять минут на мостике состоялся военный совет. Все еще раздраженный, капитан Смит коротко кивнул Флойду; слово взял старший помощник капитана, он был немного смущен.

— Итак, теперь ясно, что трубопровод работает, причем удивительно хорошо. Если ничего не изменится, мы сможем наполнить баки за двадцать часов — хотя не исключено, что придется выйти и закрепить трубы понадежнее.

— А как относительно примесей? — спросил кто-то.

Старший помощник вытянул руку с пластмассовой колбой, наполненной бесцветной жидкостью.

— Мы отфильтровали все частицы диаметром более нескольких микронов. Чтобы не рисковать, проделаем эту операцию дважды, перегоняя жидкость из одного бака в другой. Боюсь, пока не пролетим Марс, придется обойтись без плавательного бассейна.

Все рассмеялись. Напряженность исчезла, и даже капитан позволил себе улыбнуться.

— Для начала включим двигатели на минимальную тягу, чтобы убедиться, как действует H_2O кометы Галлея. Если возникнут затруднения, придется отказаться от этой идеи и лететь для заправки домой, за чистой водой на Луну, франко-борт кратер Аристарх.

Наступила тишина; каждый ждал, что заговорит кто-нибудь другой. Затянувшееся молчание нарушил капитан Смит.

— Вы знаете,— произнес он,— что все это мне очень не нравится. Я даже...— Внезапно он изменил тему; все и без того знали, что он собирался направить сэру Лоуренсу заявление об отставке, хотя этот жест был достаточно бессмысленным при данных обстоятельствах.— Но за последние несколько часов кое-что произошло. Хозяин корабля одобрил предложение — при условии, что в ходе наших испытаний не возникнет серьезных трудностей. И — это большой сюрприз, и мне известно о нем не больше вас — Всемирный космический совет не только одобрил замысел, но и обратился к нам с настоятельной просьбой осуществить его, причем взял на себя все расходы. Остается лишь гадать почему.

Однако меня все еще не покидают сомнения...— Он недоверчиво посмотрел на колбу с прозрачной жидкостью, которую держал теперь в руках Хейвуд Флойд, рассматривая на свет и слегка взбалтывая.— Я инженер, а не химик.

Жидкость выглядит чистой — но как она скажется на внутренней обшивке топливных баков?

Флойд так и не смог объяснить причину своего поступка; для него столь необдуманные действия были совершенно нехарактерны. Возможно, ему уже слишком надоели долгие споры и хотелось быстрее взяться за дело. А может быть, он решил, что капитану не хватает твердости.

Быстрым движением он повернул краник, сжал в руке пластмассовую колбу и выплеснул все 20 кубических сантиметров кометы Галлея себе в горло.

— Вот ответ на ваш вопрос, капитан,— сказал он, проглотив жидкость.

— Между прочим,— заметил врач полчаса спустя,— ничего глупее мне не приходилось видеть. Вы что, не знаете, что там содержатся цианиды, цианогены и вообще бог знает что еще?

— Да знаю,— засмеялся Флойд.— Видел результаты анализа — несколько частиц на миллион. Никаких оснований для беспокойства. И все-таки меня ждал сюрприз.— Унылое выражение сменило улыбку.

— Какой именно?

— Если удастся организовать ее доставку на Землю, можно заработать целое состояние, продавая жидкость как «слабительное кометы Галлея».

34
АВТОМОЙКА

После того как решение было принято, атмосфера на корабле резко изменилась. Споры стихли; все помогали друг другу, и мало кому удалось выспаться за два оборота ядра кометы — сто часов земного времени.

Первый день был потрачен на осторожный отвод части струи Старого Служаки, но когда гейзер к вечеру утих, техника была полностью отработана. Уже приняли на борт более тысячи тонн воды; в течение следующего галлейского дня баки будут наполнены.

Хейвуд Флойд старался не попадаться на глаза капитану, не желая испытывать судьбу; к тому же у Смита была тысяча разных дел. Правда, рассчитывать параметры новой орбиты не понадобилось; все расчеты были сделаны и тщательно проверены на Земле.

Сейчас уже не оставалось сомнений, что идея — поистине блестящая и ее преимущества даже более значительны, чем ожидал сам Джолсон. Заправившись на комете Галлея, «Юниверс» избавился от двух крупных изменений в траектории полета, необходимых для свидания с Землей; теперь корабль мог лететь прямо к цели с максимальным ускорением, выигрывая много недель. Несмотря на возможный риск, все аплодировали блестящему замыслу.

Или почти все...

Члены тут же возникшего на Земле общества «Руки прочь от кометы Галлея!» были полны возмущения. Их было всего 236, но они знали, как привлечь к себе внимание. По их мнению, нельзя грабить небесное тело — даже

ради спасения человеческих жизней. Они не утихомирились и после того, как им объяснили, что «Юниверс» взял лишь малую толику кометного вещества, которое все равно бесполезно исчезало в космическом пространстве. Дело вовсе не в этом, доказывали они, важен принцип. Их сердитые заявления сыграли немалую роль в улучшении настроения на борту корабля, усталые обитатели которого весьма нуждались в разрядке.

Как всегда осторожный, капитан Смит провел первое испытание на одном из коррекционных двигателей; даже если он выйдет из строя, корабль сможет обойтись без него. Не удалось заметить никаких отклонений от нормы; двигатель работал так, будто его питала лучшая дистиллированная вода из лунных шахт.

Затем капитан решил испытать главный двигатель, номер один; если он выйдет из строя, маневренность корабля не нарушится — уменьшится только общая тяга. Корабль полностью сохранит способность маневрировать, но поскольку тягу в этом случае будут обеспечивать лишь четыре бортовых двигателя, она уменьшится на двадцать процентов.

И здесь не было замечено отклонений; даже скептики стали вежливы с Хейвудом Флойдом, а со вторым помощником Джолсоном перестали обращаться как с парией.

Подъем с поверхности кометы был назначен на ранний вечер — перед тем, как начнет ослабевать деятельность Старого Служаки. («Увидят ли этот гейзер посетители кометы во время ее следующего прохождения через семьдесят шесть лет?» — подумал Флойд. Может быть; следы деятельности гейзера были замечены на фотографиях, сделанных еще в 1910 году.)

Не было никакого отсчета времени, как это происходило на впечатляющих пусках космических кораблей со стартовых площадок мыса Канаверал. Капитан Смит убедился, что все в порядке, дал двигателю ничтожную тягу — всего пять тонн, и «Юниверс» начал медленно подниматься, удаляясь от ядра кометы.

Ускорение было незначительным, зато пиротехнический эффект вызвал благоговейный ужас — и для большинства на борту оказался совершенно неожиданным. До сих пор языки пламени, вырывающиеся из главных двигателей, были практически невидимы, так как они образовывались полностью из высокоионизированного кислорода и водорода. Даже когда — на расстоянии сотен километров от корабля — газы охлаждались настолько, что вступали в химическую реакцию, ничего не было заметно, так как реакция не излучала света видимой части спектра.

Но теперь «Юниверс» поднимался от кометы Галлея на столбе раскаленного сияния, кажущегося почти сплошным и настолько ярким, что на него было трудно смотреть невооруженным глазом. Там, где раскаленное пламя ударяло по ядру кометы, скалистый грунт разлетался вверх и в стороны; навсегда покидая вечную странницу, «Юниверс» оставлял свою космическую подпись на ее ядре.

Большинство пассажиров, привыкших подниматься в небо без всяких видимых следов поддержки, реагировали с понятным испугом. Флойд ждал, когда последует неминуемое разъяснение; ему доставляло удовольствие уличать

Уиллиса в какой-нибудь научной ошибке, однако это случалось очень редко. И даже когда Уиллис ошибался, он тут же находил вполне разумное объяснение своей ошибке.

— Углерод,— произнес он.— Раскаленный углерод — как в пламени свечи, лишь температура здесь немного выше.

— Немного,— пробормотал Флойд.— Ведь мы больше не жжем — извините меня за это слово,— Флойд пожал плечами,— чистую воду. Несмотря на тщательную фильтрацию, в ней осталось много коллоидного углерода, не считая соединений, удалить которые можно лишь с помощью дистилляции.

— Несомненно, это производит потрясающее впечатление,— заметил Гринберг,— но я немного обеспокоен. Вся эта радиация — не окажет ли она влияние на двигатели и не вызовет ли перегрев корабля?

Это был действительно интересный вопрос, и на лицах слушателей отразилась тревога. Флойд ждал ответа Уиллиса, но хитрец предпочел уклониться и перебросил мяч Флойду:

— На это лучше всего ответит доктор Флойд — в конце концов, это его идея.

— Не моя, а Джолсона. Но вопрос все равно любопытный. Опасность нам не угрожает — когда тяга достигнет предела, весь этот фейерверк останется в тысяче километров позади. Так что беспокоиться не о чем.

В этот момент корабль повис в двух километрах от ядра кометы Галлея; если бы не ослепительное сияние выбрасываемых газов, они увидели бы под собой всю освещенную Солнцем сторону крошечного мира. На этой высоте — или расстоянии — струя Старого Служаки несколько расширялась. Гейзер походил, внезапно подумал Флойд, на один из гигантских фонтанов, украшающих Женевское озеро. Прошло уже пятьдесят лет, как он видел их в последний раз. Интересно, продолжают ли они действовать?

Капитан Смит легко коснулся рычагов управления, медленно вращая корабль, затем проверил тангаж и рысканье. По-видимому, все в порядке.

— Старт — через десять минут,— объявил он.— Первые пятьдесят часов ускорение силы тяжести — одна десятая *g*; затем две десятых до Разворота — через сто пятьдесят часов после старта.— Он замолчал, давая возможность слушателям проникнуться значением сказанного; еще ни один космический корабль не пытался поддерживать такое значительное постоянное ускорение в течение столь длительного времени. Если «Юниверс» не сумеет должным образом провести операцию торможения, он войдет в историю как первый пилотируемый межзвездный корабль.

А пока он поворачивался в горизонтальном положении — если можно применить это слово в состоянии почти полной невесомости,— и сейчас его нос был направлен точно на белую колонну тумана и ледяных кристаллов, которая продолжала извергаться из ядра кометы. «Юниверс» двинулся по направлению к этому белому столбу...

— Что он делает? — обеспокоенно спросил Михайлович.

Ожидая этот вопрос, капитан заговорил снова. Казалось, у него восстановилось хорошее настроение, и в его голосе звучало нескрываемое удовольствие.

— Нам осталось еще одно дело до отлета. Не беспокойтесь — я совершенно точно знаю, что делаю. И старший помощник согласен со мной — верно?

— Так точно, сэр, хотя мне показалось сначала, что вы шутите.

— Что происходит на мостике? — произнес Уиллис. Впервые он испытывал замешательство.

А теперь корабль начал медленно поворачиваться вокруг своей оси, продолжая двигаться вперед со скоростью пешехода. С этого расстояния — теперь уже меньше ста метров — гейзер еще больше напоминал Флойду такие далекие теперь женевские фонтаны.

НЕУЖЕЛИ ОН ХОЧЕТ ПРОЛЕТЕТЬ ЧЕРЕЗ...

Совершенно верно. Едва заметная вибрация охватила корпус корабля, когда «Юниверс» погрузился в поднимающуюся вверх колонну пены. Он все еще поворачивался вокруг оси, как бы ввинчиваясь в гигантский гейзер. Иллюминаторы и экраны видеомониторов подернулись молочной пеленой. На все потребовалось не более десяти секунд; затем корабль оказался на другой стороне. С мостика донесся взрыв аплодисментов, но пассажиры — даже включая и самого Флойда — продолжали недоумевать.

— Теперь мы готовы к полету,— заявил капитан голосом, полным удовлетворения.— У нас снова чистый, аккуратный корабль.

На протяжении следующего получаса более десяти тысяч астрономов-любителей на Земле и Луне сообщили, что комета стала вдвое ярче. Сеть наблюдения за кометами вышла из строя из-за перегрузки, и астрономы-профессионалы были вне себя от гнева.

Но зрители пришли в восторг, а через несколько дней, за несколько часов до рассвета, «Юниверс» выкинул еще более красивый фокус.

Увеличивая скорость более чем на десять тысяч километров в час в течение каждого часа, корабль находился теперь глубоко внутри орбиты Венеры. Он подлетит еще ближе к Солнцу, прежде чем начнет проходить через свой перигелий, с гораздо большей скоростью, чем любое естественное небесное тело,— и затем устремится к Люциферу.

Пролетая между Землей и Солнцем, корабль развернул за собой тысячекилометровый хвост раскаленного углерода, видимый невооруженным глазом как звезда четвертой величины, заметно передвинувшись — по сравнению с созвездиями, расположенными позади,— на фоне утреннего неба в течение одного часа. В самом начале своей спасательной экспедиции больше людей одновременно увидит «Юниверс», чем любой другой предмет, изготовленный человеческими руками за всю историю мира.

35
ДРЕЙФ

Неожиданное сообщение, что «Юниверс» уже в пути и может прилететь гораздо раньше, чем предполагалось, настолько улучшило моральное состояние команды и пассажиров «Гэлакси», что их охватило чувство эйфории. Тот

факт, что они продолжали беспомощно дрейфовать среди незнакомого океана, окруженные неизвестными чудовищами, внезапно начал казаться не таким уж важным.

Изменилось отношение и к самим чудовищам, хотя они и появлялись иногда, вызывая интерес среди наблюдателей. Изредка выныривали гигантские «акулы», хотя ни разу не приближались к кораблю, даже когда за борт летели отбросы. Это было удивительно; все указывало на то, что огромные животные — в отличие от их земных собратьев — каким-то образом поддерживают между собой связь. Возможно, они ближе к дельфинам, чем к акулам.

Вокруг шныряли стаи самых разных рыб, которые не привлекли бы никакого внимания на земных рынках. После нескольких неудач один из офицеров — страстный рыбак — сумел изловить одну из них на крючок без наживки. Он не мог пронести ее через воздушный шлюз — да и капитан категорически запретил это,— но тщательно измерил и сфотографировал свой улов, прежде чем выбросить его обратно в море.

Рыбаку, гордому своей удачей, пришлось дорого заплатить за успех. Неполный космический костюм, который был на нем, издавал запах тухлых яиц, характерный для сероводорода, и он принес этот запах внутрь корабля. Рыбак как-то сразу забыл про свою удачу и превратился в мишень для бесчисленных насмешек.

Это было еще одним напоминанием о чужом и безжалостном мире за бортом корабля.

Капитан тут же запретил рыбную ловлю, несмотря на мольбы ученых. Им разрешалось наблюдать и регистрировать, но не собирать образцы. К тому же, как было справедливо указано, они планетные геологи, а не натуралисты. Ни один из них не догадался прихватить с собой формалин — впрочем, он, наверно, не оказал бы никакого действия.

Однажды корабль несколько часов дрейфовал через плавающие ковры или листы какого-то ярко-зеленого вещества. Они были овальной формы, имели метров десять в диаметре, и все примерно одного размера. «Гэлакси» пересек их поля, не встречая сопротивления, и они тут же смыкались позади корабля. Было высказано предположение, что это колонии каких-то организмов.

А однажды утром вахтенный офицер был потрясен, увидев, как из глубины поднялся перископ и на офицера уставился кроткий синий глаз, похожий, как сообщил офицер, придя в себя, на глаз больной коровы. Глаз печально разглядывал его в течение нескольких секунд, затем медленно скрылся в океанских глубинах.

Быстрое движение здесь отсутствовало, и причина была очевидна. Европа являла собой мир низкого уровня энергии — в ее атмосфере не было даже следов свободного кислорода, позволяющего животным Земли существовать с помощью серии непрерывных взрывов, начиная с момента, когда они делали первый вздох при рождении.

Единственным существом, проявившим отчаянные усилия, была «акула», замеченная с корабля сразу после посадки, да и то в момент предсмертной судороги.

Для людей это было, наверно, хорошим известием. Их, одетых в неуклюжие космические скафандры, вряд ли что-нибудь сможет догнать на поверхности Европы — даже если пожелает.

Капитан Лаплас передал управление кораблем своему завхозу с чувством иронического удовлетворения. Его не покидала мысль, что подобная ситуация может оказаться уникальной в анналах моря и космоса.

Правда, у мистера Ли было не так уж много дел. «Гэлакси» дрейфовал в вертикальном положении, треть корпуса выступала над поверхностью моря, слегка наклонившись под напором постоянно дующего ветра, который гнал корабль со скоростью пять узлов. Обнаружили всего несколько мест течи ниже ватерлинии, которые тут же загерметизировали. К счастью, корабельный корпус оказался по-прежнему воздухонепроницаемым.

Несмотря на то что навигационное снаряжение было в основном бесполезно, они точно знали свои координаты. Ежечасно с Ганимеда передавали результаты радиопеленга их аварийного маяка, и если «Гэлакси» останется на прежнем курсе, не позже чем через три дня их выбросит на большой остров. Если же корабль пронесет мимо, дрейф будет продолжаться в направлении открытого моря, и в конце концов «Гэлакси» достигнет зоны воды, постоянно кипящей при невысокой температуре — непосредственно под Люцифером, стоящим в зените. Хотя последствия и не обязательно окажутся катастрофическими, подобная перспектива не предвещала ничего хорошего; мистер Ли, который временно исполнял обязанности капитана, все время думал, как избежать этого.

Парус — даже если бы ему удалось найти подходящую ткань и оснастку — мало повлиял бы на их теперешний курс. Он пробовал опускать импровизированные морские якоря до глубины в пятьсот метров, пытаясь отыскать подводные течения, и потерпел неудачу. Не удалось и достать дна — глубина океана измерялась, по-видимому, многими километрами.

Возможно, это было и к лучшему; огромные глубины предохраняли их от подводных сотрясений, то и дело происходивших в молодом океане. Время от времени «Гэлакси» сотрясался, как от ударов гигантского молота,— это проносилась ударная волна. Через несколько часов цунами высотой в несколько десятков метров обрушится на какой-то отдаленный берег; но здесь, на большой глубине, смертоносные волны ощущались как легкая рябь.

Несколько раз наблюдатели замечали вдалеке внезапно появляющиеся водовороты; они казались очень опасными — мальстремы, способные затянуть «Гэлакси» в неизведанные глубины,— к счастью, расстояние было слишком велико и корабль лишь несколько раз вращался вокруг своей оси.

Наконец однажды всего в сотне метров от корабля из моря поднялся и лопнул огромный пузырь.

Это событие произвело на всех большое впечатление; общие чувства выразил доктор, с облегчением вздохнувший: «Слава богу, внутри корабля мы не чувствуем запаха».

Поразительно, как самые причудливые ситуации могут превращаться в обыденные. Уже через несколько дней жизнь на борту «Гэлакси» шла своим чередом, и главной проблемой капитана Лапласа стало, чем бы занять свою команду. Ничто не влияет так отрицательно на моральный дух, как бездействие, и капитан не переставал удивляться, какие занятия придумывали для своих матросов шкиперы старых парусных судов во время бесконечных переходов. Ведь нельзя же без конца подтягивать оснастку и мыть палубу.

Ученые поставили перед ним противоположную проблему. Они непрерывно выдвигали предложения о проведении различных тестов и экспериментов, каждый из которых нужно было тщательно обдумать и взвесить, прежде чем одобрить или отклонить. Если бы капитан дал согласие на проведение всех экспериментов, ученые немедленно монополизировали бы все ограниченные теперь каналы связи.

Главный антенный комплекс «Гэлакси» располагался на уровне ватерлинии, где его постоянно трепали волны, и корабль больше не мог поддерживать прямую связь с Землей. Все приходилось ретранслировать через Ганимед на частоте в несколько несчастных мегагерц. Продолжал действовать всего один видеоканал, и капитану пришлось выдержать мощный нажим со стороны земных телекомпаний. Впрочем, и показывать-то особенно было нечего, за исключением открытого моря, тесных корабельных помещений и команды, хотя и сохранившей бодрость, но с каждым днем все больше обраставшей волосами.

Особенно часто радиограммы поступали на имя второго помощника Флойда, короткие шифрованные ответы которого были настолько немногословны, что не могли содержать исчерпывающей информации. Наконец Лаплас решил поговорить с молодым офицером.

— Мистер Флойд,— произнес он в уединении своей каюты.— Вы не могли бы сообщить мне более подробно о своих побочных занятиях?

Смущенный Флойд взглянул на капитана и тут же схватился за край стола, когда внезапный порыв ветра накренил корабль.

— Мне самому хотелось бы, сэр, но это запрещено.

— Позвольте спросить — кем?

— Откровенно говоря, я сам не знаю.

И это было абсолютной правдой. Флойд подозревал, что его завербовали в Астропол, но два сдержанных джентльмена, которые произвели на него такое глубокое впечатление, во время инструктажа на Ганимеде почему-то не сообщили ему об этом.

— Поскольку я капитан этого корабля — особенно при существующих обстоятельствах,— мне хотелось бы знать, что происходит у меня на борту. Если мы выпутаемся отсюда, мне предстоит провести несколько лет, отвечая на вопросы следственной комиссии. И вам, скорее всего, тоже.

На лице Флойда появилась унылая улыбка.

— Тут и задумаешься, а стоит ли вообще спасаться? Мне известно лишь одно, сэр,— какое-то влиятельное агентство предполагало, что в ходе нашей экспедиции что-то может произойти. Они не знали конкретно что, поэтому пред-

ложили быть настороже. Боюсь, от меня было мало пользы, но я оказался единственным подходящим кандидатом в оставшееся время.

— Вряд ли стоит винить себя в происшедшем. Кто мог вообразить, что Рози...

Внезапно капитан замолчал, осененный неожиданной мыслью.

— Может быть, вы еще кого-нибудь подозреваете? — Ему хотелось прибавить: «Меня, например?», но он сдержался. Ситуация и так была достаточно безумной.

Флойд задумался, затем принял решение.

— Возможно, мне следовало поговорить с вами еще раньше, сэр, но мне казалось, что вы так заняты. Я уверен, что в это каким-то образом замешан доктор Ван-дер-Берг. Вы знаете, разумеется, что он с Ганимеда; это странные люди, и мне трудно понять их.— «Не только понять,— подумал он,— но и разделить их чувства».— Слишком замкнутые в своем кругу, не очень приветливые с посторонними. Впрочем, их нельзя в этом винить: все пионеры, осваивающие неизвестные места, походят на них.

— Ван-дер-Берг — хм. А остальные ученые?

— Разумеется, все прошли тщательную проверку. Ничего необычного.

Флойд сказал не всю правду. Доктор Симпсон имел больше жен, чем допускалось законом — по крайней мере одновременно, тогда как у доктора Хиггинса была большая коллекция весьма необычных книг. Второму помощнику Флойду было непонятно, зачем все это ему рассказывали; может быть, его наставникам просто хотелось произвести на него впечатление таким всезнанием. Он пришел к выводу, что работа на Астропол (или как там еще называлась завербовавшая его организация) давала возможность познакомиться с некоторыми забавными вещами.

— Хорошо,— заключил капитан, отпуская разведчика-дилетанта.— Только держите меня в курсе дел и, если узнаете что-нибудь, влияющее на безопасность корабля, тут же мне сообщите.

При существующем положении было трудно сказать, что еще может угрожать кораблю. Любая новая опасность казалась уже излишней.

36

ЧУЖОЙ БЕРЕГ

Еще за двадцать четыре часа до того, как с «Гэлакси» заметили остров, было все еще неясно, выбросит корабль на берег или пронесет мимо и он продолжит дрейф в простор центрального океана. Координаты корабля, определенные радиолокатором на Ганимеде, наносились на большую карту, и все с беспокойством изучали ее по нескольку раз в день.

Но даже если кораблю и удастся достичь берега, его проблемы лишь начинались. Корабль могло разбить о подводные рифы скалистого побережья — или выбросить на мелководный песчаный пляж.

Мистеру Ли, исполняющему обязанности капитана, все это было известно. Он сам однажды побывал в кораблекрушении, когда двигатель его яхты

вышел из строя в критический момент у берега острова Бали. Правда, тогда им не угрожала опасность, хотя положение и было достаточно драматическим, и ему вовсе не хотелось, чтобы ситуация повторилась — особенно теперь, когда рядом не было судна береговой охраны, готового прийти на помощь.

Их незавидное положение отличалось поистине космической иронией. Они находились на борту одного из самых современных транспортных средств, созданных человеком,— способного пересечь всю Солнечную систему! — и были бессильны свернуть хотя бы на несколько метров от курса, по которому несло корабль. И все-таки они были не так уже беспомощны — капитану Ли удалось кое-что придумать.

Кривизна этого мира значительно превышала земную, и они увидели остров, лишь приблизившись к нему на пять километров. К облегчению капитана Ли, на берегу, куда несло корабль, не было скал, чего он так боялся; с другой стороны, не было видно и пляжа, на который он надеялся. Геологи предупредили его — чтобы найти песок на Европе, следовало подождать еще несколько миллионов лет; ее мельницы, медленно перемалывающие породу, пока не успели как следует взяться за дело.

Убедившись, что корабль выбросит на берег, Ли дал команду откачать воду из топливных баков, намеренно заполненных вскоре после приводнения. Далее последовало несколько неприятных часов, во время которых с четверть команды утратила интерес к происходящему.

«Гэлакси» поднимался из воды все выше и выше, его колебания все увеличивались и становились беспорядочными — затем он опрокинулся с сокрушительным всплеском, подняв тучу брызг, и улегся на поверхности моря подобно мертвому киту в те старые недобрые дни, когда китобои накачивали этих гигантов воздухом, чтобы не дать утонуть. Убедившись в горизонтальном положении корабля, капитан Ли слегка откорректировал его плавучесть, и теперь корма немного осела, а мостик поднялся над поверхностью.

Как он и ожидал, «Гэлакси» развернуло бортом к ветру. Из строя вышла еще четверть команды, но у капитана Ли оказалось достаточно помощников, чтобы завести плавучий якорь, заранее приготовленный для этой цели. Это был всего лишь импровизированный плот из связанных вместе деревянных ящиков, но его сопротивления оказалось достаточно, чтобы развернуть корабль носом к приближающейся суше.

Теперь они увидели, что корабль несет — мучительно медленно — к узкому участку берега, усыпанному небольшими валунами. Если уж на Европе нет песчаного пляжа, лучшей альтернативы трудно придумать.

Мостик был уже над берегом, когда под кораблем заскрипел грунт, и капитан Ли выложил свою последнюю козырную карту. До этого он рискнул провести всего лишь одно испытание, опасаясь, что оборудование, не рассчитанное на такую нагрузку, выйдет из строя.

В последний раз «Гэлакси» выпустил свое посадочное устройство. Сервомоторы со скрежетом вогнали посадочные ноги в поверхность Европы. Теперь корабль надежно встал на якорь, и в этом океане, не знающем приливов, ему больше не угрожали ни ветры, ни волны.

Не было сомнений, что «Гэлакси» встал на свою последнюю стоянку, и для всех, кто находился на борту корабля, она тоже могла оказаться последним местом отдыха.

V
ЧЕРЕЗ ПОЯС АСТЕРОИДОВ

37
ЗВЕЗДА

Теперь «Юниверс» мчался с такой скоростью, что она даже отдаленно не походила на скорость, с которой несется по своей орбите любое природное тело в Солнечной системе. Скорость движения Меркурия — ближайшей к Солнцу планеты — даже в перигелии чуть больше пятидесяти километров в секунду; «Юниверс» превысил эту скорость в два раза уже в первый день — причем его ускорение было вдвое меньше того, с которым он будет двигаться, когда сожжет несколько тысяч тонн топлива и его масса соответственно уменьшится.

В течение нескольких часов, когда корабль пролетал через орбиту Венеры, она была самым ярким небесным телом, уступая лишь Солнцу и Люциферу. Ее крошечный диск был виден даже невооруженным глазом, однако и с помощью самых мощных телескопов с борта корабля не удалось разглядеть на ней никаких отличительных черт. Венера хранила свои тайны не менее ревностно, чем Европа.

Приближаясь к Солнцу еще больше — войдя далеко внутрь орбиты Меркурия,— «Юниверс» не просто сокращал путь, но и приобретал дополнительное ускорение от гравитационного поля Солнца. А так как бухгалтерия Природы всегда соблюдает баланс в своих затратах и доходах, в результате этого маневра Солнце утратило часть своей скорости. Впрочем, замедление было настолько ничтожным, что его удастся измерить лишь через несколько тысяч лет.

Капитан Смит воспользовался пролетом корабля через перигелий, чтобы укрепить свой престиж, пошатнувшийся в результате его прошлой нерешительности.

— Теперь вы понимаете,— заявил он,— почему я прогнал корабль через струю Старого Служаки. Если бы мы не смыли всю эту грязь с корпуса, сейчас испытывали бы последствия перегрева. Сомневаюсь даже, выдержит ли система термоконтроля такую перегрузку — сейчас она превышает земной уровень в десять раз.

Глядя — через почти черные фильтры — на гигантскую разбухшую массу Солнца, пассажиры не сомневались, что он прав. Они успокоились лишь после того, как Солнце постепенно уменьшилось до своих нормальных размеров — и продолжало исчезать за кормой, когда «Юниверс» прорезал орбиту Марса, направляясь к заключительному этапу экспедиции.

Знаменитая пятерка по-разному приспособилась к неожиданной перемене в их жизни. Михайлович непрерывно и шумно занимался сочинением музыкальных шедевров и редко показывался на людях — обычно за обеденным столом, когда принимался рассказывать возмутительные истории и подшучивал над всеми, кто попадал под руку. Уиллис служил мишенью для его насмешек чаще остальных. Гринберг назначил себя — не встретив возражений — почетным членом команды и проводил на мостике львиную долю времени.

Мэгги М относилась к происходящему с печальной улыбкой.

— Писатели,— заметила она,— всегда заявляют, какие шедевры им удалось бы написать, если бы они оказались в таком месте, где никто им не мешает и не отвлекает внимания; выше всего ценятся тюрьмы и маяки. Так что мне не стоит жаловаться — вот только мои просьбы о высылке материалов то и дело задерживаются из-за срочных радиограмм.

Даже Виктор Уиллис пришел в конце концов к такому же выводу; с утра до вечера он работал над разного рода перспективными проектами. Вдобавок он старался не выходить из каюты еще по одной причине: требовалось несколько недель, чтобы не создавалось впечатления, будто он забыл побриться.

Эва Мерлин ежедневно проводила несколько часов в комнате отдыха. Там она наверстывала упущенное и просматривала — как с готовностью объясняла всем, кто проявлял интерес,— свои любимые классические произведения. К счастью, на «Юниверс» успели перед отлетом оборудовать кинозал и библиотеку. Правда, выбор был относительно невелик, но и его было достаточно для нескольких человеческих жизней.

На борту находились все знаменитые фильмы, начиная с мигающих шедевров, созданных на заре киноискусства. Эва знала почти каждый из них и с готовностью делилась своими знаниями.

Флойд, разумеется, слушал ее рассказы с удовольствием, потому что в эти минуты она оживала и превращалась в человека, будто сходила с картины на стене. Как это удивительно и печально, думал он, что Эва может вступать в контакт с окружающей ее действительностью лишь через искусственный мир изображений на видеоэкране.

Одним из самых странных впечатлений в жизни Хейвуда Флойда, полной приключений, было то, как он сидел в полумраке зрительного зала рядом с Эвой Мерлин, на борту космического корабля где-то за пределами орбиты Марса, и они вместе смотрели первый вариант фильма «Унесенные ветром». Временами он видел ее знаменитый профиль на фоне профиля Вивьен Ли и мог даже сравнивать их — хотя невозможно сказать, какой лучше — оба были неподражаемы.

Когда вспыхнул свет, Флойд с удивлением заметил, что Эва плачет. Он с нежностью взял ее за руку и сказал:

— Я тоже плакал, глядя на смерть Бонни.

На лице Эвы появилась слабая улыбка.

— Я ведь плакала из-за Вивьен,— сказала она.— Когда мы снимали второй вариант, я много читала о ней — у нее была такая трагическая жизнь. А то, что мы говорим о ней здесь, пролетая среди планет, напомнило мне слова Лар-

ри, когда он привез бедняжку с Цейлона после нервного расстройства. Он сказал друзьям: «Я стал мужем женщины из космоса».

Эва на мгновение замолчала, и по ее щеке пробежала (весьма театрально, не мог не подумать Флойд) новая слеза.

— А вот нечто еще более странное. В своем последнем фильме она снималась ровно сто лет назад — и вы знаете, как назывался этот фильм?

— Продолжайте, продолжайте — удивите меня снова.

— Пожалуй, это куда больше удивит Мэгги — если она действительно приведет в исполнение свою угрозу и напишет книгу. Последний фильм Вивьен Ли назывался «Корабль дураков».

38

КОСМИЧЕСКИЕ АЙСБЕРГИ

Теперь, когда у них неожиданно оказалось так много свободного времени, капитан Смит согласился наконец выполнить просьбу Виктора Уиллиса и дать ему интервью, составлявшее часть его контракта. Откладывал запись сам Виктор, и причиной задержки было то, что Михайлович настойчиво продолжал называть «ампутацией». Поскольку стало очевидным, что пройдет несколько месяцев, прежде чем Уиллису удастся восстановить свой образ, столь знакомый его поклонникам, он решился наконец провести интервью, оставаясь сам за пределами видеокамеры; после ретрансляции на Землю в студии вставят его лицо в кадры фильма.

Они сидели во все еще не до конца отделанной капитанской каюте, наслаждаясь великолепным вином, которое составляло, казалось, основную часть багажа Виктора. Оставалось всего несколько часов до момента, когда будут выключены двигатели и корабль в течение нескольких часов продолжит полет по инерции, и это была последняя удобная возможность на протяжении ближайших дней. Пить вино в невесомости, утверждал Виктор, мерзко; он наотрез отказался наливать свое драгоценное выдержанное вино в пластмассовые шарики.

— Здравствуйте, уважаемые зрители. С вами говорит Виктор Уиллис. Мы находимся на борту космического корабля «Юниверс». Сейчас 18 часов 30 минут, 15 июля 2061 года. Еще не достигнув средней точки путешествия, мы находимся далеко за пределами орбиты Марса и уже почти развили максимальную скорость. И какова же она, капитан?

— Одна тысяча пятьдесят километров в секунду.

— Больше тысячи километров в секунду — почти четыре миллиона километров в час!

Изумление Виктора казалось совершенно искренним; трудно поверить, что параметры были известны ему не хуже капитана. Но одним из достоинств Виктора была его способность ставить себя на место зрителей и не только предугадывать их вопросы, но и пробуждать интерес.

— Совершенно верно,— заметил капитан со спокойной гордостью.— Сейчас мы летим вдвое быстрее, чем доводилось какому-либо человеческому существу с начала летосчисления.

«Я ведь сам собирался сообщить об этом»,— подумал Виктор; ему не нравилось, когда кто-то его опережал. Будучи, однако, настоящим профессионалом, он быстро оправился.

Он помолчал, взглянул на свой знаменитый мемо-экран; направленное изображение на нем было видно лишь ему одному.

— Каждые двенадцать секунд мы пролетаем расстояние, равное диаметру Земли. И все-таки нам понадобится еще десять дней, чтобы добраться до Юпи... извините, до Люцифера! Это даст вам некоторое представление о масштабе Солнечной системы...

— А теперь, капитан, у меня деликатный вопрос, но за последнюю неделю мне так часто его задавали.

«Боже мой,— молча простонал Смит.— Только не о туалетах в состоянии невесомости!»

— В этот самый момент мы пролетаем через центральную часть пояса астероидов...

«Уж лучше бы он спросил про туалеты», — подумал Смит.

— ...и хотя еще ни один космический корабль не получал серьезных повреждений от столкновения с астероидом, разве сейчас нам не угрожает опасность? В конце концов, в этой области космоса пролегают орбиты буквально миллионов космических тел, от огромных до размером с футбольный мяч. Из них вычислены астрономами и нанесены на небесные карты орбиты всего нескольких тысяч.

— Больше, чем нескольких: более десяти тысяч.

— Но ведь остаются еще миллионы, о которых нам ничего не известно.

— Верно. Впрочем, даже если бы нам это и было известно, вряд ли могло оказаться полезным.

— Что вы имеете в виду?

— Мы бессильны что-нибудь предпринять.

— А почему?

Капитан Смит задумался: «Уиллис прав — это действительно деликатный вопрос. Начальство устроит мне основательную выволочку, если я распугаю потенциальных клиентов».

— Во-первых, космическое пространство настолько велико, что даже здесь — как вы справедливо заметили, в самом центре пояса астероидов — вероятность такого столкновения ничтожно мала. Мы надеялись показать вам астероид — самый лучший, который удалось отыскать, был Хануман, диаметром в какие-то несчастные триста метров,— но к нему удалось приблизиться лишь на четверть миллиона километров.

— Да, но ведь Хануман — настоящий гигант по сравнению с бесчисленными обломками, плавающими в космическом пространстве. Разве это вас не беспокоит?

— Не больше, чем опасность погибнуть от удара молнии на Земле.

— Между прочим, я едва не погиб от удара молнии — на вершине Пайк в Колорадо — были гром и вспышка одновременно. Значит, вы признаете, что такая опасность существует; скажите, а риск не увеличивается из-за колоссальной скорости, с которой мы летим?

Уиллис, разумеется, отлично знал ответ на этот вопрос; он снова ставил себя на место миллионов неизвестных слушателей на планете, удаляющейся от него на тысячу километров за каждую секунду.

— Это сложно объяснить, не прибегая к математическим расчетам,— ответил капитан (сколько раз он произносил эту фразу, даже когда она не соответствовала действительности),— но я попытаюсь. Не существует прямой зависимости между скоростью и риском. При движении с космическими скоростями столкновение с чем угодно кончится катастрофой; если вы стоите рядом с атомной бомбой перед ее взрывом, не имеет значения, измеряется ее мощность килотоннами или мегатоннами.

Подобное заявление не было слишком уж успокоительным, но ничего другого просто не пришло в голову. Стараясь предупредить следующий вопрос Уиллиса, капитан поспешно добавил:

— И не следует забывать, что, если и добавляется ничтожная доля риска для нашего корабля, это делается во имя людей. Даже один выигранный час может спасти человеческие жизни.

— Да, конечно. Мы понимаем важность этой экспедиции.— Уиллис на мгновение замолчал; ему хотелось добавить: «Не забудьте, я тоже на одном корабле с вами», но он передумал. Это могло показаться нескромным — хотя скромность никогда не относилась к достоинствам Уиллиса. К тому же у него не было выбора — разве что отправиться домой пешком.

— А теперь мне пришло в голову нечто иное,— продолжал он.— Вы, наверно, помните, что случилось в Северной Атлантике полтора века назад?

— В тысяча девятьсот одиннадцатом году?

— Если уж быть точным, то в тысяча девятьсот двенадцатом.

Капитан Смит понял, куда клонит Уиллис, и отказался от игры, где ему следовало притворяться совсем уж невежественным.

— Вы, наверно, имеете в виду «Титаник»,— сказал он.

— Совершенно верно,— согласился Уиллис, пытаясь скрыть разочарование.— Ко мне обратились по меньшей мере человек двадцать, каждый из которых считал, что лишь ему одному удалось провести параллель.

— Какая может быть параллель? «Титаник» неоправданно рисковал только ради побития рекорда.

И тут капитан Смит чуть не добавил: «И к тому же на нем не было достаточного количества спасательных шлюпок», но вовремя спохватился, вспомнив, что единственный шаттл «Юниверс» может вместить всего пять человек. Если Уиллис ухватится за это, потребуются длительные разъяснения.

— Я согласен, что эта аналогия слишком натянута. Но ведь есть еще одна поразительная параллель, на которую указывают все до единого. Вы не помните фамилию первого и единственного капитана «Титаника»?

— У меня нет ни малейшего...— начал капитан Смит и замолчал. От изумления у него отвалилась челюсть.

— Совершенно верно,— произнес Виктор Уиллис. Только с очень большой натяжкой его улыбку можно было назвать всего лишь самодовольной.

Капитан Смит готов был придушить всех этих исследователей-дилетантов. Но разве мог он винить своих родителей в том, что они завещали ему самую распространенную английскую фамилию?

39
КАПИТАНСКИЙ СТОЛ

Как жаль, что зрители на Земле — и за ее пределами — не были свидетелями менее официальных бесед, которые проходили на борту «Юниверс». Несомненно, они получили бы от них большое удовольствие. Жизнь на корабле вошла в нормальное русло — довольно монотонное,— нарушаемое лишь редкими памятными мероприятиями, самым значительным из которых и, разумеется, освященным давними традициями был капитанский стол.

Ровно в 18.00 шесть пассажиров и пять офицеров — из тех, кто не был на вахте,— ужинали вместе с капитаном Смитом. На «Юниверс» не требовалось являться на ужин в вечернем костюме — как это считалось обязательным на плавающих дворцах Северной Атлантики,— но претензии на изысканность были заметны и здесь. Эва всегда появлялась с новой брошкой, кольцом, колье, лентой в прическе или пахла необычными духами. Судя по всему, у нее был неисчерпаемый запас безделушек.

При включенных двигателях и тяге ужин начинали с супа; но если корабль летел по инерции и на борту царила невесомость, подавали разные закуски. И в том и в другом случае перед началом ужина капитан Смит рассказывал последние новости — или пытался рассеять последние слухи, основывающиеся обычно на передачах с Земли или с Ганимеда.

Обвинения и оправдания слышались здесь и там: похищение «Гэлакси» пытались объяснить самыми фантастическими теориями. Уже были упомянуты все до единой тайные организации, существовавшие когда-либо, и много таких, которых просто никогда не было. Тем не менее у каждой из этих теорий была одна общая черта: никто не мог хоть отчасти правдоподобно объяснить причину происшедшего.

Тайна усугублялась единственным подтвержденным фактом. В результате тщательных детективных поисков, проведенных Астрополом, выяснилась поразительная деталь: покойная «Роза Макмагон» на самом деле оказалась Рут Мэйсон, уроженкой Северного Лондона. Она работала в столичной полиции и после многообещающего начала была уволена за националистическую деятельность. Она эмигрировала в Африку — и исчезла. По-видимому, ее вовлекли в какую-то подпольную политическую организацию этого несчастного континента. Время от времени упоминалось имя Чака, и тут же следовало опровержение со стороны США.

За столом шли бесконечные — и бесплодные — дебаты о том, как все это могло быть связано с Европой, особенно после того, как Мэгги призналась, что когда-то собиралась написать роман о Чаке — с точки зрения одной из

тысячи несчастных жен зулусского деспота. Но чем больше материала о Чаке она собирала, тем отвратительнее казалась сама идея романа. «К тому времени, когда я отказалась от своих планов,— призналась она с иронической улыбкой,— мне стало ясно, как относится к Гитлеру современный немец».

И такие личные откровения становились все более частыми. После ужина одному из пассажиров давали слово, и он мог говорить до тридцати минут. У каждого из них пережитого хватило бы на несколько жизней, некоторые побывали на многих планетах, так что слушать эти беседы после ужина было очень интересно.

Виктор Уиллис, к общему удивлению, оказался наименее интересным рассказчиком. Он честно признался в этом и объяснил почему.

— Я так привык,— сказал он почти, но не совсем, извиняющимся тоном,— выступать перед миллионными аудиториями, что мне трудно найти общий язык с такой маленькой дружеской компанией.

— А с недружеской? — поинтересовался Михайлович, всегда острый на язык.— Это можно устроить.

Эва же, наоборот, оказалась гораздо более интересной собеседницей, чем ожидали многие; правда, ее воспоминания ограничивались исключительно миром развлечений. Особенно увлекательными были рассказы о знаменитых режиссерах, пользовавшихся хорошей — или дурной — репутацией, с которыми ей приходилось работать; Дэвид Гриффин фигурировал в ее воспоминаниях особенно часто.

— Это правда,— спросила Мэгги М, у которой Чака не выходил из головы,— что Гриффин ненавидел женщин?

— Нет, неправда,— тут же ответила Эва.— Дэвид ненавидел лишь актеров. Он считал их лишенными искренности.

Воспоминания Михайловича тоже касались ограниченного круга тем — знаменитых оркестров и балетных трупп, дирижеров и композиторов, а также их окружения. Но он знал так много забавных историй о закулисных интригах и связях, о сорванных назло кому-то премьерах и смертельной вражде между примадоннами, что даже те из его слушателей, кто совсем не интересовался музыкальным миром, отчаянно смеялись, и никто не возражал, когда ему требовалось еще несколько минут, чтобы закончить рассказ.

Сухие повествования полковника Гринберга о невероятных приключениях были полной противоположностью. Первая высадка на прохладном — относительно прохладном — Южном полюсе Меркурия так широко освещалась в прессе, что ему трудно было добавить что-то новое. Больше всего присутствующих интересовал вопрос: «Когда намечается следующая высадка?», за которым тут же следовал другой: «А вы хотели бы принять в ней участие?»

— Если меня пригласят, я полечу, разумеется,— ответил Гринберг.— Но мне все-таки кажется, что Меркурий походит на Луну. Вспомните — мы высадились там в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году и не возвращались на нее почти полвека. К тому же Меркурий не кажется мне таким полезным, как Луна,— хотя не исключено, что в будущем положение изменится. На Меркурии нет воды; правда, ее обнаружили, ко всеобщему изумлению, на Луне. Впрочем, скорее не на Луне, а в Луне...

— Хотя посадка на Меркурии привлекала куда больше внимания, я был гораздо полезнее на Луне — там я организовал перевозку льда на мулах из кратера Аристарха.

— На мулах?

— Совершенно верно. До того как построили экваториальную пусковую установку на Луне и начали забрасывать лед прямо на орбиту, нам приходилось возить его из шахт в космопорт Имбриум. Для этого понадобилось проложить дорогу через лавовые потоки и построить мосты через множество пропастей. Мы прозвали ее Ледяной дорогой — всего триста километров, но ее строительство обошлось в несколько жизней...

Так вот, мулы — это восьмиколесные тракторы с гигантскими шинами и независимой подвеской; каждый из них тащил дюжину прицепов, вмещающих по сотне тонн льда. Приходилось ездить по ночам — тогда не нужно закрывать груз от солнечных лучей.

Мне довелось водить такие поезда несколько раз. На одну поездку уходило шесть часов — в наши намерения не входило побивать рекорды скорости. Затем лед разгружали в огромные герметичные резервуары и ждали рассвета. Как только лед таял, воду перекачивали в топливные баки космических кораблей.

Ледяная дорога все еще на прежнем месте — что ей сделается? — но теперь ею пользуются лишь туристы. Если у них голова на плечах, они едут по ней ночью, как и мы. Это было как в сказке — полная, яркая Земля над головой и так светло, что мы редко включали фары. И хотя можно было разговаривать по радио, обычно мы выключали трансиверы и оставляли только автоматические маяки, регулярно сообщавшие, что с нами ничего не случилось. Нам просто хотелось побыть наедине с этой огромной сияющей пустыней — мы знали, что это не продлится вечно, и спешили насладиться удивительной красотой. Теперь же там строят «Теравольт» — ускоритель кварков, опоясывающий Луну по экватору, а по всему Имбриуму и Серенитатису купола растут, как грибы после дождя. Но мы-то еще застали настоящую, нетронутую Луну — точно такую, какой ее увидели Армстронг и Олдрин,— до того как на почте базы Спокойствия начали продавать открытки с надписью «Жаль, что тебя здесь нет».

40

ЧУДОВИЩА С ЗЕМЛИ

«...к счастью, ты пропустил ежегодный бал: хочешь — верь, хочешь — нет, но он оказался таким же скверным, как и в прошлом году. И опять, как и раньше, наш домашний мастодонт, уважаемая мисс Уилкинсон, умудрилась отдавить во время танца ноги своему партнеру — даже при силе тяжести в два раза меньше земной.

Теперь о деле. Поскольку ты не вернешься домой в течение месяца вместо пары недель, администрация с вожделением поглядывает на твою квартиру — хороший район, недалеко универсам, великолепная панорама Земли по

безоблачным дням и так далее. Предлагают сдать ее в поднаем до твоего возвращения. Нам это кажется разумным и сбережет тебе массу денег. Мы заберем все личные вещи, какие ты сочтешь нужными...

Теперь про этого Чаку. Мы знаем, ты склонен к шуткам, но откровенно говоря, мы с Джерри пришли в ужас! Теперь понятно, почему Мэгги М отказалась от книги про него — да, конечно, мы читали ее "Похотливых олимпийцев" — очень забавно, но слишком уж по-женски...

Подумать, какое чудовище! Теперь я понимаю, почему банду африканских террористов назвали его именем. Представь себе — казнить своих воинов, если они женятся! И истребить всех несчастных коров в своей жалкой империи лишь потому, что они — женского пола! А хуже всего — изобретенные им копья; как это нетактично — тыкать копьями в людей, с которыми ты даже должным образом не знаком...

А какая ужасная реклама для нас, обреченных! Приходит в голову мысль: а не передумать ли? Мы всегда утверждали, что все мы добрые и отзывчивые (не говоря уже о том, какие талантливые и артистичные, разумеется), но после того, как ты заставил нас заглянуть в прошлое некоторых так называемых великих полководцев (как будто в способности убивать есть какое-то величие!), нам стало стыдно за нашу компанию...

Конечно, мы знали про Адриана и Александра — но даже не подозревали о Ричарде Львиное Сердце и Саладине. Или о Юлии Цезаре — уж он-то занимался всем — спроси у Антония, а не только у Клеопатры. Не знали мы и о Фридрихе Великом — впрочем, у него были и положительные качества — как хорошо относился он к старику Баху!

А когда я сказал Джерри, что уж Наполеон-то является исключением,— знаешь, что ответил Джерри? "Бьюсь об заклад, что Жозефина на самом деле была мальчиком!" Расскажи-ка это Эве.

Ты подорвал наш моральный дух, негодяй, навязав нам еще и этого мерзавца. Уж лучше бы нам оставаться в счастливом неведении...

Несмотря на все это, шлем тебе наши самые лучшие пожелания, и Себастьян присоединяется к нам. Передай привет европейцам, если удастся их встретить. Судя по сообщениям с "Гэлакси", некоторые из них будут отличными партнерами для мисс Уилкинсон».

41

ВОСПОМИНАНИЯ СТОЛЕТНЕГО МУЖЧИНЫ

Доктору Хейвуду Флойду не хотелось рассказывать о первой экспедиции к Юпитеру и о второй — десять лет спустя — к Люциферу. Это было так давно, и он все изложил — по меньшей мере раз сто — комитетам Конгресса, комиссиям Космического совета и представителям средств массовой информации вроде Виктора Уиллиса.

Но у него оставались обязательства перед коллегами по экспедиции, и он не мог уклониться от них. Они надеялись услышать от него — единственного живого человека, своими глазами наблюдавшего рождение нового солнца —

и новой солнечной системы,— нечто особое, позволяющее лучше понять миры, к которым они приближались с такой скоростью. Это желание было наивным: ученые и инженеры, работающие на протяжении целого поколения на Галилейских лунах, знали о них намного больше. Когда Флойда спрашивали: «А что в действительности происходит на Европе (Ганимеде, Ио, Каллисто)»,— он довольно бесцеремонно рекомендовал любопытным почитать подробнейшие материалы, хранящиеся в корабельной библиотеке.

И все-таки в одной области его опыт был уникален. Полвека спустя ему не раз приходилось задумываться, получилось ли это на самом деле, или Дэвид Боумен явился ему на борту «Дискавери» во сне. Могло показаться, что на корабле обитали привидения.

Но нет, Флойд знал, что это не было сном — у него на глазах летающие пылинки слились в призрачный образ человека, умершего двенадцать лет назад. И если бы не его предостережение (Флойд отчетливо помнил, что губы Дэвида были неподвижны, а голос доносился из динамика, укрепленного на кронштейне), «Леонов» и все, кто находился на борту, испарились бы при детонации Юпитера.

— Почему он так поступил? — говорил Флойд во время одной из бесед за капитанским столом.— Вот уже пятьдесят лет эта мысль не дает мне покоя. Во что бы он ни превратился, после того как отправился с «Дискавери» в космической капсуле осматривать монолит, у него должно было остаться что-то общее с человеческой расой; он не стал совсем чужим. Известно, что он возвращался на Землю — на очень короткое время — из-за этого случая с бомбой на орбите. Есть и свидетельства — весьма надежные,— что он навестил мать и свою прежнюю невесту; как видите, это не похоже на поведение существа, лишенного эмоций.

— Как вы думаете, во что он превратился? — спросил Уиллис.— И где он сейчас?

— Второй вопрос не имеет, по-видимому, смысла — даже для человеческих существ. Вам известно, где находится ваше сознание?

— Я слаб в метафизике. Где-нибудь в мозгу, наверно.

— Когда я был помоложе,— вздохнул Михайлович, обладавший даром превращать в шутку самые серьезные дискуссии,— оно было у меня на метр ниже.

— Остается предположить, что он на Европе; мы знаем, что монолит находится там, а Боумен был, несомненно, как-то связан с ним — вспомните, как он передал свое предостережение.

— Вы считаете, что он передал и второе — гласящее, что мы не должны высаживаться на Европу?

— И которое сейчас мы собираемся нарушить...

— Ради святого дела...

Капитан Смит, который обычно не вмешивался в разговор, позволяя ему идти своим чередом, на этот раз сделал редкое исключение из своего правила.

— Доктор Флойд,— задумчиво произнес он,— вы находитесь в уникальном положении, и нам следует воспользоваться им. Боумен однажды уже сделал все, чтобы спасти вас. Если он еще там, он может снова прийти на помощь.

Признаться, меня очень беспокоит это предостережение: НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ ЗДЕСЬ. Если бы он заверил вас, что оно временно отменяется, я чувствовал бы себя куда лучше.

— В самом деле, верно,— поддержали сидящие вокруг стола.

— Я думал об этом,— ответил Флойд,— и уже предупредил «Гэлакси», чтобы они следили, не будет ли каких-нибудь, скажем, знаков, свидетельствующих о том, что он пытается вступить в контакт.

— Не исключено,— заметила Эва,— что он уже умер — если духи умирают.

На этот раз даже Михайлович воздержался от комментариев, но Эва, похоже, поняла, что ее замечание не было воспринято всерьез.

Ничуть не смутившись этим, она продолжала.

— Вуди, милый,— сказала она.— Почему бы тебе просто не вызвать его по радио. Ведь оно для этого и существует, правда?

Подобная мысль уже приходила Флойду в голову, но казалась слишком наивной.

— Пожалуй,— ответил он.— По крайней мере, это не повредит.

42
МОНОЛИТ

На этот раз Флойд был убежден, что происходящее снится... Он всегда плохо спал при невесомости, а сейчас «Юниверс» летел по инерции, на максимальной скорости, с выключенными двигателями. Через два дня начнется почти неделя непрерывного торможения, когда «Юниверс» будет гасить колоссальную излишнюю скорость, чтобы выйти на орбиту вокруг Европы.

Как он ни приспосабливал пристежные ремни, всякий раз казалось, что они или затянуты слишком туго — и ему было трудно дышать,— или слишком свободно — и он взлетал, отрываясь от койки.

Однажды он проснулся и обнаружил, что парит посреди каюты. Флойд несколько минут размахивал руками, пока сумел наконец пролететь пару метров до ближайшей стены. Совершенно измученный отчаянными усилиями, лишь тогда он понял, что нужно было просто подождать: поток воздуха, отсасываемого вентиляционной системой корабля, скоро подтянул бы его к вентиляционной решетке, и не пришлось бы тратить никаких усилий. Ему, опытному космонавту, это было отлично известно; единственным оправданием была паника.

Но этим вечером Флойду удалось все сделать идеально; не исключено, что после возвращения силы тяжести к ней снова придется приспосабливаться. Он пролежал всего несколько минут, вспоминая разговор за столом, и уснул.

Во сне разговор продолжался. Кое-что, правда, изменилось, но Флойд не обратил внимания на такие мелочи. Уиллис, например, успел снова отрастить бороду — но лишь с одной стороны лица. Флойд решил, что это сделано с исследовательскими целями, хотя и не мог понять, какими именно.

К тому же у него были свои неприятности. Он защищался от обвинений Миллсона, главы Космического совета, как-то неожиданно оказавшегося сре-

ди сидящих за столом. Флойд не мог понять, каким образом Миллсону удалось пробраться на «Юниверс» (неужели все это время он летел зайцем?). Это обстоятельство казалось Флойду куда важнее того, что Миллсон умер по крайней мере сорок лет назад.

— Хейвуд,— говорил его старый враг,— Белый дом очень недоволен.

— Интересно, почему?

— Из-за твоей радиограммы на Европу. Ты согласовал ее текст с Госдепартаментом?

— Не счел это необходимым. Ведь я просто запросил разрешение на посадку.

— А-а, в этом-то все дело. Кого ты запросил? Мы признаем это правительство? Боюсь, ты нарушил существующие правила.

Миллсон постепенно исчез, неодобрительно качая головой. «Хорошо, что это всего лишь сон,— подумал Флойд.— Теперь что?

Ну вот, этого следовало ожидать. Привет, дружище. Ты бываешь самых разных размеров, верно? Конечно, даже ЛМА-1 не смог бы втиснуться ко мне в каюту — а его Большой Брат проглотил бы весь "Юниверс" одним махом».

Черный монолит стоял — или висел — всего в двух метрах от койки. Флойда неприятно поразило, что у монолита не только форма, но и размеры такие же, как у обычной надгробной плиты. Хотя уже неоднократно отмечали это сходство, до сих пор несовместимость масштабов смягчала психологический шок. Теперь, впервые, он почувствовал в этом сходстве что-то тревожное, даже зловещее. «Я знаю, что это всего лишь сон, но в моем возрасте напоминания такого рода излишни...

Итак, что тебе здесь надо? Может быть, хочешь передать что-нибудь от Дэйва Боумена? Или ты и есть Дэйв Боумен?

Ну что же, я и не рассчитывал на ответ; ты и в прошлый раз был не слишком разговорчив, правда? Но стоит тебе показаться, как что-то обязательно происходит. Тогда, в кратере Тихо, шестьдесят лет назад, ты послал сигнал на Юпитер, сообщив своим хозяевам, что тебя откопали. А посмотри, что ты сделал с Юпитером, когда мы прилетели туда через двенадцать лет!

Так что же ты задумал теперь?»

VI

УБЕЖИЩЕ

43

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Первой и самой важной проблемой, вставшей перед капитаном Лапласом и его экипажем, едва они успели привыкнуть, что под ногами суша, стала полная переориентация. На борту «Гэлакси» все оказалось наоборот.

Космические корабли рассчитаны на два режима — либо на состояние полной невесомости, либо при работе двигателей на тягу, направленную вдоль продольной оси. Но «Гэлакси» лежал сейчас почти горизонтально, в результате чего все полы превратились в стены. Было похоже, что они пытаются жить на маяке, опрокинутом набок; требовалось переставить всю мебель, и по крайней мере половина корабельного оборудования отказывалась нормально работать.

Однако это была неприятность, неожиданно обернувшаяся благом — по крайней мере, в некоторых отношениях,— и капитан Лаплас немедленно воспользовался этим. Команда была настолько занята перестройкой интерьера «Гэлакси» — обратив первоочередное внимание на сантехнику,— что ему не приходилось беспокоиться о ее моральном духе. Пока корпус корабля оставался воздухонепроницаемым, а мюонные генераторы снабжали корабль электроэнергией, непосредственная опасность им не угрожала; требовалось продержаться лишь двадцать дней, и к ним с неба придет спасение — в виде корабля «Юниверс». Никто даже не вспоминал, что неизвестные силы, правящие Европой, могут воспротивиться еще одной посадке. Эти силы — пока — не обратили внимания на «Гэлакси»; неужели теперь они помешают спасательной экспедиции...

Сама Европа, однако, относилась к потерпевшим кораблекрушение куда менее терпимо. Пока «Гэлакси» дрейфовал в открытом море, сотрясения коры маленького мира практически не влияли на корабль. Но теперь, когда корабль превратился в одно из весьма основательных сооружений на суше, каждые несколько часов он сотрясался от сейсмических возмущений. Если бы он стоял в обычном вертикальном положении, то давно бы опрокинулся.

Сотрясения почвы были скорее неприятными, чем опасными, хотя и вселяли кошмар в тех, кто пережил землетрясения в Токио в 2033 году или в Лос-Анджелесе в 2045-м. Положение ничуть не облегчалось тем, что последовательность сотрясений была известна заранее, достигая пика своей активности каждые три с половиной дня, когда Ио проносилась по своей внутренней орбите. Слабым утешением служило и то, что гравитационные приливы на Европе наносили самой Ио не меньший ущерб.

После шести дней непрерывной работы капитан Лаплас решил, что при существующем положении лучшего порядка на «Гэлакси» достигнуть не удастся, и объявил выходной — который почти вся команда провела в койках, наслаждаясь сном,— а затем составил распорядок второй недели пребывания на Европе.

Ученые, вполне естественно, хотели заняться исследованиями нового мира, на котором они так неожиданно оказались. Судя по радиолокационным картам, переданным с Ганимеда, остров имел пятнадцать километров в длину и пять в ширину; его самая высокая точка возвышалась всего на сто метров над уровнем моря — недостаточно, заявил кто-то мрачно, чтобы спастись от по-настоящему свирепого цунами.

Трудно представить себе более заброшенное и унылое место; полвека слабых дождей и ветров на Европе оказалось недостаточно, чтобы разбить одеяло

лавы, покрывающее половину острова, и сгладить выходы гранита, проступающие через застывшие реки. Но этот остров был теперь их домом, и ему нужно было подыскать имя.

Мрачные предложения — такие, как Преисподняя, Чистилище, Ад,— были решительно отвергнуты капитаном; ему хотелось что-нибудь ободряющее. Серьезно рассматривалось одно удивительное, донкихотское предложение, отдающее дань храброму противнику, но его все-таки отклонили тридцатью двумя голосами против десяти при двух воздержавшихся — остров не будет назван «Страной роз»...

В конце концов единогласно прошло Хэвен — Убежище.

44
ВЫДЕРЖКА

«История не повторяет себя — вновь повторяются лишь исторические ситуации».

Передавая на Ганимед свой ежедневный рапорт, капитан Лаплас часто вспоминал эту фразу. Ее процитировала Маргарет М'Бала — которая приближалась сейчас со скоростью около тысячи километров в секунду — в своей радиограмме, стараясь воодушевить потерпевших кораблекрушение. Капитан с удовольствием зачитал ее послание товарищам по несчастью.

«Передайте, пожалуйста, мисс М'Бала, что ее маленький исторический пример оказал исключительно благотворное влияние на моральный дух команды; трудно найти лучший образец, достойный подражания, чем приведенный ею...

...Несмотря на все трудности, связанные с тем, что наши стены и полы поменялись местами, условия, в которых мы живем, поистине роскошны по сравнению с жизнью полярных исследователей прошлого. Некоторые из нас слышали про Эрнста Шеклтона, но мы не имели ни малейшего представления про сагу о корабле "Эндьюранс". Попасть в ловушку и больше года провести на льдинах — перезимовать в ледяной пещере, выдержав антарктические морозы,— затем проплыть по морю тысячу километров в открытой шлюпке и пересечь горный хребет, отсутствующий на карте, чтобы добраться до ближайшего человеческого поселения...

...Но это было всего лишь началом. Что кажется невероятным и вдохновляет всех нас: Шеклтон четыре раза возвращался обратно за остальными членами экспедиции, оставшимися на том крохотном острове,— и спас всех до единого! Можете представить себе, как повлиял этот рассказ на моральный дух команды. Надеюсь, вам удастся передать эту книгу по телефаксу во время следующего сеанса связи — мы все хотим ее прочесть.

...А что он подумал бы о нас? Да, мы находимся в несравненно лучшем положении, чем полярные исследователи тех давно ушедших дней. Кажется невероятным, что еще в начале прошлого века они были полностью отрезаны от остального мира, стоило им пересечь линию горизонта. Нам стыдно ворчать,

что скорость света слишком мала и нельзя разговаривать с друзьями в реальном времени — или что приходится ждать ответа с Земли целых два часа! Еще раз, мисс М'Бала, примите нашу искреннюю благодарность.

...Разумеется, у всех земных исследователей было одно крупное преимущество перед нами: все же они могли свободно дышать. Наша научная группа требует не переставая, чтобы их выпустили из корабля, и нам удалось приспособить четыре скафандра для пребывания на поверхности Европы в течение шести часов. Атмосферное давление достаточно велико, так что не требуются скафандры, закрывающие все тело — достаточно поясных, изолирующих лишь верхнюю половину,— и я разрешил выходить одновременно двоим при условии, чтобы они не теряли из виду корабль.

...Наконец, о погоде сегодня. Давление — 250 бар, температура — двадцать пять градусов, порывы западного ветра до 30 узлов, как всегда сплошная облачность, сотрясения почвы — от одного до трех баллов по открытой шкале Рихтера.

...Знаете, мне никогда не нравилось слово "открытая" по отношению к сотрясениям почвы — особенно сейчас, когда Ио приближается к нам на максимально близкое расстояние...»

45
ЭКСПЕДИЦИЯ

Когда несколько человек одновременно просят разрешения поговорить с ним, обычно это означает, что предстоят неприятности или по меньшей мере что-то тут нечисто. Капитан Лаплас уже обратил внимание, что Флойд и Ван-дер-Берг то и дело шушукаются в коридоре, причем нередко к ним присоединяется второй помощник Чан. В общем, предугадать тему разговоров было нетрудно. И все-таки их просьба застала его врасплох.

— Вы хотите отправиться к горе Зевс! Как? В открытой шлюпке? Неужели эта книга о Шеклтоне настолько вскружила вам голову?

Флойд выглядел слегка смущенным; капитан попал в точку. Книга действительно вселила в него вдохновение, причем не только в отношении этого.

— Даже если нам и удастся построить шлюпку, сэр, на это уйдет слишком много времени... особенно теперь, когда «Юниверс» может появиться в течение ближайших десяти дней.

— К тому же,— добавил Ван-дер-Берг,— плавание по этому Галилейскому морю вряд ли доставит особое удовольствие; может быть, не все его обитатели знают, что мы несъедобны.

— Остается один выход, верно? Я отношусь к нему скептически, но готов выслушать ваши доводы. Постарайтесь убедить меня.

— Мы уже говорили с мистером Чаном, и он уверен, что это осуществимо. Гора Зевс всего в трехстах километрах; шаттл долетит до нее менее чем за час.

— И там найдется удобное место для посадки? Как вы, несомненно, помните, мистер Чан пытался посадить там «Гэлакси» без особого успеха.

— Тут нет трудностей, сэр. Масса «Уильяма Тсунга» в сто раз меньше; даже лед озера сможет, наверно, выдержать его. Мы просмотрели видеофильм и обнаружили не меньше дюжины хороших посадочных площадок.

— К тому же,— улыбнулся Ван-дер-Берг,— пилоту никто не будет угрожать пистолетом.

— Верно. Но главная проблема — здесь, у нас. Как вы собираетесь вывести шаттл из отсека, где он находится? Установите подъемный кран? Даже при здешней силе тяжести нагрузка будет немалой.

— Этого не потребуется. Мистер Чан вылетит прямо на нем.

Наступила длительная тишина, во время которой капитан Лаплас обдумывал — по-видимому, без особого энтузиазма — последствия работы ракетных двигателей внутри его корабля. Маленький шаттл «Уильям Тсунг» — или, как называли его все, «Билл Т» — весил всего сто тонн и предназначался исключительно для орбитальных полетов; обычно его просто выталкивали из «гаража», и двигатель включался лишь на достаточном расстоянии от корабля-матки.

— По-видимому, вы все хорошо продумали,— неохотно произнес капитан,— а как с углом взлета? Только не говорите, что собираетесь перевернуть «Гэлакси», чтобы «Билл Т» мог взлететь прямо вверх. Гараж расположен в середине борта; хорошо еще, что он не оказался внизу, когда нас выбросило на берег.

— Взлет произведем под углом шестьдесят градусов к горизонтали; бортовые двигатели развернут шаттл.

— Если так считает мистер Чан, у меня нет сомнений. Но работа двигателей внутри корабля — каков будет ущерб?

— Конечно, внутри гаража все будет разрушено — но ведь и так пользоваться им больше не придется. А прочность переборок рассчитана на силу случайного взрыва, так что опасности для всего корабля никакой. На всякий случай дадим сигнал пожарной тревоги и будем наготове.

Несомненно, план был блестящим. Если он осуществится, экспедиция не будет бесполезной. За последнюю неделю капитан Лаплас даже не вспоминал о тайне горы Зевс, ставшей причиной их трагедии; ему приходилось думать лишь о спасении людей. Но теперь их положение перестало быть безнадежным, и можно было задуматься о будущем. Стоило рискнуть и попытаться узнать, почему этот маленький мир оказался центром таких интриг.

46
ШАТТЛ

— Насколько я припоминаю,— заметил доктор Андерсон,— первая ракета Годдарда пролетела около пятидесяти метров. Интересно, удастся ли мистеру Чану превысить этот рекорд.

— Будем надеяться — иначе нам несдобровать.

Почти все ученые собрались в кают-компании «Гэлакси», и каждый с беспокойством смотрел в сторону кормы. Хотя вход в гараж и был вне их поля зрения, скоро они увидят «Билла Т», когда — или если — он вылетит наружу.

Никакого отсчета не было; Чан не спешил, тщательно проверяя все приборы. Он взлетит, когда убедится, что готов к этому. Из шаттла убрали все, что можно, стараясь максимально облегчить его; топлива оставили лишь на сто секунд полета. Если операция будет успешной, этого количества хватит с лихвой; если взлет закончится неудачей, лишнее топливо будет не только бесполезным, но даже и опасным.

— Поехали,— небрежно произнес Чан.

Это походило на трюк фокусника; все произошло так быстро, что напоминало оптический обман. Никто не заметил, как «Билл Т» вылетел из гаража, потому что он был окутан облаком пара. Когда облако рассеялось, шаттл уже садился в двухстах метрах от корабля.

По кают-компании пронесся дружный вздох облегчения.

— Победа! — воскликнул бывший исполняющий обязанности капитан Ли.— Он побил рекорд Годдарда — и без всяких усилий!

«Билл Т», стоящий на своих четырех приземистых ногах на фоне унылого ландшафта Европы, походил на увеличенную и еще менее элегантную модель спускаемого аппарата «Аполлон». Но когда капитан Лаплас смотрел из рубки, ему в голову пришла другая аналогия.

Он подумал, что его корабль напоминает выброшенную на берег самку кита, в муках родившую китенка. Капитан надеялся, что китенок выживет...

Еще через сорок восемь часов «Уильям Тсунг» был полностью снаряжен и проверен в испытательном десятикилометровом полете над островом. Теперь он был готов к вылету. Для экспедиции времени было вполне достаточно; по самым оптимистическим расчетам, «Юниверс» прилетит не раньше чем через три дня, а полет к горе Зевс, даже принимая во внимание то, что понадобится время, чтобы установить приборы доктора Ван-дер-Берга, займет всего шесть часов.

Сразу после посадки капитан Лаплас пригласил второго помощника Чана к себе в каюту. Чан заметил, что капитан чувствует себя неловко.

— Отлично, Уолтер,— хотя, разумеется, другого мы и не ожидали.

— Спасибо, сэр. Неприятности?

Капитан улыбнулся. В дружной команде не бывает секретов.

— Главное управление, как обычно. Мне не хочется разочаровывать вас, но они требуют, чтобы к горе Зевс отправились только доктор Ван-дер-Берг и второй помощник Флойд.

— Понятно,— отозвался Чан с оттенком горечи.— И что вы ответили?

— Пока — ничего; именно поэтому я вас и пригласил. Я готов заявить, что вы — единственный пилот, способный выполнить это задание.

— Они сразу поймут, что это чепуха; Флойд справится с шаттлом не хуже меня. И никакой опасности — если не принимать во внимание отказ какого-нибудь механизма; впрочем, это может случиться с каждым пилотом.

— И все-таки я готов рискнуть, если вы настаиваете. В конце концов, кто может мне помешать? А когда мы вернемся на Землю, на всех нас будут смотреть как на героев!

Чан молчал. Он производил в уме какие-то сложные расчеты и, судя по всему, остался доволен полученным результатом.

— Замена двухсот килограммов полезной нагрузки топливом открывает перед нами новые интересные возможности; мне и раньше хотелось сказать об этом, но «Билл Т» с полной командой и дополнительными приборами на борту не справился бы с такой задачей.

— Уже догадываюсь. Великая Стена.

— Конечно, облетев вокруг раза два, можно как следует осмотреть ее и узнать наконец, что она представляет собой в действительности.

— Мне кажется, у нас и так отличное представление о Стене; стоит ли искушать судьбу?

— Может, и нет. Но есть еще одна причина; для некоторых из нас она кажется еще важнее...

— Продолжайте.

— «Цянь». Он находится всего в десяти километрах от Стены. Нам хотелось бы сбросить там венок.

Так вот что обсуждали его офицеры с такой торжественностью; в который раз капитан пожалел, что не владеет мандаринским наречием китайского языка.

— Понимаю,— тихо произнес он.— Мне нужно подумать и спросить мнение Ван-дер-Берга и Флойда.

— А разрешение начальства?

— Обойдемся без них. Я сам приму решение.

47
ОСКОЛКИ

— Не теряйте времени,— передали с Ганимеда.— Предстоящее сближение будет для вас весьма тяжелым. Сотрясения будут вызваны не только прохождением Ио, но и нашим. И вот еще что — не хотим пугать, но если ваш радиолокатор не сошел с ума, ваша гора осела еще на сто метров с момента предыдущего наблюдения.

При такой скорости, подумал Ван-дер-Берг, Европа снова станет плоской уже через десять лет. Насколько быстрее протекают на ней тектонические процессы по сравнению с Землей; немудрено, что она вызывает такой интерес у геологов.

Теперь, сидя пристегнутым в кресле позади Флойда, окруженный своими приборами, Ван-дер-Берг испытывал странное чувство — взволнованное ожидание смешивалось с грустью. Так или иначе, но через несколько часов самое крупное интеллектуальное приключение всей его жизни завершится. Ничего сравнимого с ним больше уже не случится.

Ван-дер-Берг не испытывал ни малейшего страха; его уверенность в пилоте и машине была абсолютной. Неожиданно он подумал не без печальной иронии, что ему следует за все это благодарить покойную Розу Макмагон; без нее такой возможности никогда бы не представилось, и он мог бы сойти в могилу, испытывая прежнюю неуверенность.

Тяжело нагруженный «Билл Т» с трудом поднялся даже при здешней силе притяжения; он не был рассчитан на такую работу, но обратный путь пройдет куда легче — весь груз приборов останется у горы Зевс. Казалось, потребовалась целая вечность, чтобы взлететь над «Гэлакси»; за это время они осмотрели корпус корабля, оценив полученные им повреждения и признаки начавшейся коррозии, вызванной проходившими время от времени кислотными дождями. Флойд сконцентрировал все внимание на управлении аппаратом, а Ван-дер-Берг передал на корабль краткий отчет о состоянии его корпуса с точки зрения единственного наблюдателя. Он решил, что это не помешает, несмотря на то что пригодность «Гэлакси» к космическим полетам скоро — если не произойдет новых неприятностей — никого не будет интересовать.

И вот под ними развернулась панорама всего острова; лишь теперь Ван-дер-Берг оценил, насколько блестяще мистер Ли — исполнявший обязанности капитана — сумел выбросить корабль на берег. Сверху было видно всего несколько мест, пригодных для такой операции; правда, огромную роль сыграло везение, и все-таки Ли использовал ветер и плавучий якорь с максимальным эффектом.

Туман закрыл все вокруг; «Билл Т» взлетел по полубаллистической траектории, чтобы уменьшить лобовое сопротивление, и в ближайшие двадцать минут ничего, кроме облаков, не будет видно. «Жаль,— подумал Ван-дер-Берг,— наверняка там, внизу, плавают интересные существа, которых еще никому из людей не доводилось видеть...»

— Отсечка двигателя,— произнес Флойд в микрофон.— Все работает нормально.

— Отлично, «Билл Т». На вашей высоте других летательных аппаратов не наблюдается. Вы все еще первые в очереди на посадку.

— Что это за шутник? — спросил Ван-дер-Берг.

— Ронни Лим. Не думай, что я шучу,— эта фраза «первые в очереди на посадку» впервые была произнесена во время полетов «Аполлона».

Ван-дер-Берг понимал, в чем дело. Временами юмор — не заходящий слишком далеко — был единственным средством, способным снять напряжение, неизбежно возникающее у людей, вовлеченных в сложное и, возможно, рискованное предприятие.

— До начала торможения еще пятнадцать минут,— заметил Флойд.— Посмотрим, кто еще в эфире кроме нас.

Он включил автоматическое сканирование, и маленькая кабина наполнилась пронзительными свистками и гудками, разделенными короткими промежутками тишины, по мере того как тюнер отбрасывал их один за другим, быстро поднимаясь по спектру радиочастот.

— Местные радиомаяки и передача собранных данных,— пояснил Флойд.— Я надеялся — а, вот и она!

Из динамика донесся едва слышный музыкальный тон, быстро поднимающийся и падающий, похожий на безумное сопрано. Флойд взглянул на указатель частоты.

— Доплеровское смещение почти исчезло — его скорость быстро падает.

— Что это — передача текста?

— Думаю, медленное видеосканирование. Через большую тарелку на Ганимеде — когда он занимает нужное положение — все время идут передачи на Землю. Средства массовой информации отчаянно требуют новостей.

Несколько минут они прислушивались к гипнотическому, но бессмысленному для них звуку; затем Флойд отключил его. Хотя передача с «Юниверс» осталась непонятной для их слуха, не вооруженного декодерами, она значила только одно. Спасение мчится к ним, и скоро трудности будут позади.

Отчасти чтобы заполнить образовавшуюся паузу, отчасти потому, что ему это было действительно интересно, Ван-дер-Берг спросил как бы между прочим:

— Ты разговаривал уже со своим дедом?

«Разговаривал» было, разумеется, не тем словом, принимая во внимание космические расстояния, но пока еще никому не удалось придумать приемлемой замены. На короткое время становились распространенными голосограммы, аудиопочта и звуковые открытки, но все они канули в небытие. Даже сейчас большая часть человечества по-прежнему не верила, что в колоссальных просторах Солнечной системы невозможно вести разговоры в реальном времени, и нередко приходилось выслушивать сердитые замечания: «Почему это вы, ученые, не придумаете что-нибудь?»

— Да,— ответил Флойд.— Он здоров, и я заранее радуюсь предстоящей встрече.

В голосе Флойда было заметно какое-то напряжение. Интересно, подумал Ван-дер-Берг, когда они виделись последний раз; он понимал, однако, что такой вопрос будет нетактичным. И он потратил оставшееся время на обсуждение проблем разгрузки и установки приборов, чтобы после посадки избежать путаницы и сэкономить время.

Прозвучал сигнал начала торможения — на долю секунды позже того, как Флойд нажал кнопку и привел в действие автоматическую программу. «Я в надежных руках,— подумал Ван-дер-Берг.— Можно успокоиться и направить внимание на предстоящую работу. Где эта фотокамера? Неужели снова улетела куда-то...»

Облака рассеивались. Хотя радиолокатор уже показал на экране, что ждет их внизу, с точностью, не уступающей обычному зрению, картина горы, возвышающейся всего в нескольких километрах, потрясла их.

— Смотри! — внезапно крикнул Флойд.— Вот там, слева, около двойного пика,— ну-ка, попробуй догадаться?

— Ты прав, конечно. Не думаю, что нам удалось причинить какой-нибудь ущерб — он просто размазался по склону. Интересно, куда попал второй...

— Высота тысяча футов. Куда садиться? Площадка «Альфа» выглядит отсюда не слишком многообещающе.

— Да, пожалуй, попробуй «Гамму». В любом случае поближе к горе.

— Пятьсот футов. Заходим на «Гамму». Я зависну на двадцать секунд. Если тебе не понравится, сядем на «Бете». Четыреста... Триста... Двести... («Мягкой посадки, "Билл Т"»,— передали с «Гэлакси».) Спасибо, Ронни... Сто пять-

десят... Сто... Пятьдесят... Ты только посмотри! Всего несколько маленьких валунов и — как странно — похоже, все усыпано битым стеклом. Кто-то здорово погулял здесь.. Пятьдесят... Пятьдесят... Все в порядке?

— Идеально. Давай на посадку.

— Сорок... Тридцать... Двадцать... Десять... Точно не передумаешь?.. Десять... Взбивает пыль, как сказал однажды Нил — или Базз?.. Касание! Просто, не правда ли? Не знаю, за что мне платят жалованье.

48

ЛЮСИ

— Привет, Центральная Ганимеда. Мы совершили идеальную посадку — то есть Крис совершил идеальную посадку на ровной площадке, сложенной из каких-то метаморфических горных пород — по-видимому, из того же псевдогранита, который мы назвали «гавенитом». Основание горы всего в двух километрах, но мне уже ясно, что идти к ней нет необходимости...

Мы надеваем сейчас наши космические полукостюмы и через пять минут приступим к разгрузке. Разумеется, оставим мониторы включенными; будем вызывать вас каждые четверть часа. Конец.

— Почему ты считаешь, что не надо идти поближе к горе? — спросил Флойд.

Ван-дер-Берг ухмыльнулся. Казалось, за последние несколько минут он сбросил груз прошедших лет и превратился в беззаботного мальчишку.

— *Circumspice,*— произнес он со счастливой улыбкой.— Латинское выражение, означающее «Посмотри вокруг». Сначала давай вынесем большую видеокамеру и — это да!

«Билл Т» внезапно качнулся и в течение нескольких секунд раскачивался на амортизаторах посадочного устройства. Стоило такой качке немного продлиться, и лучшего рецепта для мгновенной морской болезни не придумаешь.

— Ганимед был прав относительно этих возмущений,— заметил Флойд, когда они пришли в себя.— Думаешь, это не слишком опасно?

— Нет, наверно; до момента наибольшего сближения еще тридцать часов, а под нами сплошной скальный пласт. Но лучше не терять времени — к счастью, здесь мы быстро управимся. Как у меня маска? В порядке? Что-то не так.

— Дай-ка подтяну ремень. Теперь лучше. Вдохни поглубже. Ну вот, теперь хорошо. Я выхожу.

Ван-дер-Бергу самому хотелось сделать этот первый шаг, но Флойд был командиром их маленького корабля, и в его обязанности входило проверить, все ли в порядке с «Биллом Т» и готов ли он к немедленному взлету.

Флойд обошел вокруг, осмотрел посадочные опоры, затем поднял вверх большой палец. Ван-дер-Берг кивнул и начал спускаться по трапу. Хотя ему уже приходилось надевать этот легкий дыхательный аппарат во время прогулок по острову, но сейчас он чувствовал себя в нем как-то неловко; спустившись, он начал поправлять складки. Затем выпрямился — и увидел, что делает Флойд.

— Не трогай! — крикнул он.— Это опасно!

Флойд отпрыгнул на добрый метр от осколка стекловидной породы, который осматривал. На первый взгляд осколок показался ему неудачной пробой, вылитой из стеклоплавильной печи.

— Он не радиоактивный, а? — обеспокоенным тоном спросил Крис.

— Нет. И все-таки ничего не трогай, пока я не подойду.

К изумлению Флойда, на руках Ван-дер-Берга он увидел плотные рабочие перчатки. Опытному астронавту потребовалось немало времени, чтобы привыкнуть к тому, что здесь, на Европе, безопасно ходить без перчаток и вообще обнажать кожу, подвергая ее влиянию местной атмосферы. Нигде в пределах Солнечной системы — даже на Марсе — такое было недопустимо.

С предельной осторожностью Ван-дер-Берг наклонился и поднял длинный осколок стекловидной породы. Даже в рассеянном свете Европы от него исходило какое-то странное сияние, и Флойд заметил, что край осколка переходит в длинное тонкое лезвие.

— Самый острый нож во всей Вселенной,— произнес Ван-дер-Берг счастливым голосом.

— И мы летели сюда лишь затем, чтобы найти нож?

Ван-дер-Берг попытался засмеяться, но почувствовал, что в прилегающей к лицу маске это слишком трудно.

— Неужели ты все еще не догадываешься?

— Мне начинает казаться, что все остальные давно догадались.

Ван-дер-Берг взял своего спутника за плечо и повернул лицом к гигантской массе нависающей горы Зевс. С этого расстояния гора заполняла половину неба — не просто самая большая, а единственная гора во всем мире.

— Даю тебе минуту, чтобы повосхищаться пейзажем. Мне нужно передать важную радиограмму.

Он нажал несколько кнопок на панели своего связного устройства, подождал, когда зажгутся буквы «Готов», и произнес:

— Центральная Ганимеда — один — ноль — девять. Это Ван. Как прием?

Прошло неуловимо короткое время, и послышался явно электронный голос:

— Хэлло, Ван. Это Центральная Ганимеда — один — ноль — девять. Готов к приему.

Ван-дер-Берг на мгновение замолчал, наслаждаясь величием момента, который на всю жизнь останется в памяти.

— Передать на Землю. Срочно: Дяде — семь — три — семь. Следует текст: ЛЮСИ НА МЕСТЕ. ЛЮСИ НА МЕСТЕ. Конец радиограммы. Повторите текст.

Может быть, следовало прервать его, не допустить передачи, что бы она ни значила, подумал Флойд, слушая, как голос с Ганимеда повторяет текст радиограммы. Но уже поздно. Через час она достигнет Земли.

— Извини меня, Крис,— улыбнулся Ван-дер-Берг.— Мне хотелось быть первым — помимо всего остального.

— Если ты сейчас же не посвятишь меня в происходящее, я зарежу тебя вот этим стеклянным ножом.

— Стеклянным — хо-хо! С объяснением лучше подождать — оно исключительно интересное, но очень запутанное. Лучше уж я дам тебе факты. Так вот, слушай.

Гора Зевс — это единый кристалл алмаза, масса его — около миллиона миллионов тонн. Или, если тебя это больше устраивает, два на десять в семнадцатой степени каратов. Правда, не могу гарантировать, что вся она чистейшей воды и высшего качества.

VII
ВЕЛИКАЯ СТЕНА

49
ХРАМ

Разгружая научные приборы и прочее снаряжение на крохотное гранитное плато, где они совершили посадку, Флойд то и дело посматривал на громаду горы, что возвышалась над их головами. Ему было трудно оторвать от нее взгляд. Алмазный кристалл — размерами больше Эвереста! Ведь одни лишь осколки, разбросанные вокруг шаттла, стоят не миллионы, а миллиарды...

С другой стороны, их ценность может равняться ценности — ну, битого стекла. Стоимость алмазов всегда контролировалась владельцами алмазных копей и корпорациями, продававшими драгоценные камни, но если на рынок будет внезапно выброшена гора — в буквальном смысле — алмазов, их стоимость неминуемо скатится до нуля. Теперь Флойд начал понимать, почему так много заинтересованных сторон обратило свое внимание на Европу; политические и экономические последствия были огромны.

Найдя подтверждение своей теории, Ван-дер-Берг снова превратился в ученого, все силы которого были направлены на завершение эксперимента, и не обращающего внимание на происходящее вокруг. С помощью Флойда — оказалось не так уж просто вытащить некоторые приборы, особенно крупные, из небольшой кабины «Билла Т» — они прежде всего пробурили отверстие глубиной в метр с помощью портативного электрического сверла и получили керн, с максимальными предосторожностями перенесенный в кабину.

Флойд с удовольствием занялся бы сначала другими делами, но согласился, что в первую очередь нужно решить более трудные задачи. Лишь когда был установлен комплекс сейсмографов, а на низком, устойчивом треножнике размещена телевизионная камера с широкоугольным объективом, Ван-дер-Берг снизошел до того, чтобы собрать часть несметных богатств, разбросанных вокруг.

— По крайней мере,— заметил он, тщательно выбирая наименее опасные осколки,— это будут отличные сувениры.

— Если только друзья Рози не убьют нас, чтобы перехватить их.

Ван-дер-Берг внимательно посмотрел на своего спутника; интересно, подумал он, что уже известно Крису — и о чем он, подобно остальным, догадывается.

— Вряд ли они пойдут на это теперь, когда тайна стала общеизвестна. Пройдет около часа, и компьютеры на всех биржах Земли раскалятся от перегрузки.

— Ах ты мерзавец! — воскликнул Флойд. В его голосе звучало скорее восхищение, чем гнев.— Так вот почему ты послал радиограмму!

— Нет закона, запрещающего ученому немного подзаработать, но этими грязными делами пусть занимаются мои приятели на Земле. Честное слово, меня куда больше интересует то, чем мы занимаемся сейчас. Дай-ка мне вон тот гаечный ключ...

Прежде чем им удалось закончить оборудование станции Зевс, сотрясения почвы трижды едва не сбивали их с ног. Сначала под ногами ощущалась легкая вибрация, затем все вокруг начинало содрогаться, наконец раздавался ужасный протяжный стон, исходящий, казалось, отовсюду. Он доносился даже по воздуху, и это было самым странным. Флойд никак не мог привыкнуть к тому, что окружающая их атмосфера делала возможными даже разговоры на небольшом расстоянии без помощи радио.

Ван-дер-Бергу приходилось то и дело заверять Флойда, что пока сотрясения совершенно безвредны и не представляют опасности, но тот не слишком полагался на мнение экспертов. Да, геологу уже однажды удалось доказать — с поразительной убедительностью — точность своих выводов; теперь, поглядывая на «Билла Т», раскачивающегося на своих амортизаторах подобно кораблю в штормовом море, Флойд надеялся, что везение Ван-дер-Берга продлится еще несколько минут.

— Вот и все,— произнес наконец ученый, и Флойд вздохнул с облегчением.— Данные поступают на Ганимед по всем каналам. Аккумуляторы, питаемые энергией от солнечных батарей, продержатся много лет.

— Я буду удивлен, если твои приборы выдержат хотя бы неделю,— заметил Флойд.— Готов поклясться, что с момента нашего приземления гора слегка осела. Лучше давай уберемся отсюда, пока она не рухнула нам на голову.

— Меня куда больше тревожит, что струя газов при взлете разрушит все, ради чего мы так старались,— сказал Ван-дер-Берг.

— Не бойся — мы на приличном расстоянии, да и для взлета нам потребуется всего лишь половина тяги — ведь мы солидно разгрузились. Ну разумеется, если мы не возьмем на борт еще несколько миллионов или миллиардов. Или триллионов.

— Не будем жадничать. К тому же не знаю, сколько все это будет стоить после нашего возвращения на Землю. Разумеется, музеи расхватают почти все. После этого — кто знает?

Пальцы Флойда коснулись нескольких кнопок на контрольной панели, и он установил связь с «Гэлакси».

— Первый этап экспедиции завершен. Мы готовы к взлету. Следуем дальше в соответствии с намеченным планом.

Их ничуть не удивило, когда послышался голос капитана Лапласа:

— Вы настаиваете на продолжении экспедиции? Не забывайте, лишь вам принадлежит окончательное решение. Я гарантирую поддержку, каким бы оно ни было.

— Так точно, сэр, у нас все в полном порядке. Мы разделяем чувства команды. А научные результаты могут быть поистине невероятными — мы оба по-настоящему рады этому.

— Одну минуту — мы ждем вашего доклада относительно горы Зевс!

Флойд посмотрел на Ван-дер-Берга. Ученый пожал плечами и наклонился к микрофону.

— Если мы сейчас расскажем вам об этом, капитан, вы или примете нас за сумасшедших, или решите, что мы шутим. Подождите еще пару часов, пока мы не вернемся и не предъявим доказательства.

— Гм, полагаю, моему приказу вы все равно не подчинитесь, верно? В общем, желаю успеха. Да, чуть не забыл: сэр Лоуренс просил передать, что он согласен: полет к «Цянь» — это великолепная мысль.

— Я не сомневался в его одобрении,— заметил Флойд, поворачиваясь к своему спутнику.— К тому же раз «Гэлакси» все равно придется списать, уже не важно, что случится с «Биллом Т», правда?

Ван-дер-Берг понял Флойда, но не разделял его точку зрения целиком. Ученый сделал величайшее открытие; его научная репутация поднялась на небывалую высоту, и теперь ему хотелось уцелеть, чтобы воспользоваться завоеванной им славой.

— Да, между прочим,— спросил Флойд.— Что это за Люси — конкретное лицо?

— Насколько мне известно, нет. Копаясь в памяти компьютеров, мы разыскали это имя и решили, что из него выйдет отличный пароль — все решат, что оно как-то связано с Люцифером, а это всего лишь полуправда и потому лишь собьет с толку.

Раньше мне никогда не приходилось слышать о них, но сто лет назад существовала группа известных музыкантов с очень странным названием «Биттлз» — пишется «Б-И-Т-Т-Л-З» — не спрашивай меня, откуда оно возникло, я все равно не знаю. Так вот, они сочинили песню с не менее странным названием: «ЛЮСИ В НЕБЕСАХ С АЛМАЗАМИ». Поразительно, правда? Будто догадывались...

По данным радиолокационного обследования Европы со станции на Ганимеде останки «Цяня» находились в трехстах километрах к западу от горы Зевс, в направлении так называемой Сумеречной зоны и холодных регионов, расположенных за ней. Там действительно царил вечный холод, но не темнота: эта часть Европы половину времени освещалась ярким сиянием далекого Солнца. Тем не менее даже к концу длинного европейского солнечного дня температура здесь оставалась намного ниже нуля. Поскольку вода в жидком состоянии может существовать лишь на полушарии, обращенном к Люциферу, промежуточные области были местом, где постоянно свирепствовали штормы, где дождь и град, дождь со снегом и снег боролись друг с другом.

С момента посадки «Цяня» и последовавшей за этим трагедии корабль переместился почти на тысячу километров. Должно быть, его отнесло дрейфом — как и «Гэлакси» — по возникшему Галилейскому морю, пока не прибило наконец к унылому негостеприимному берегу.

Флойд поймал отраженный сигнал на бортовом радиолокаторе, как только «Билл Т» вышел на горизонтальную часть траектории своего второго прыжка через Европу. Для такого крупного объекта, как космический корабль, сигнал оказался поразительно слабым; едва они пробили облачность и пошли на снижение, стало ясно почему.

Останки космического корабля «Цянь» — первого пилотируемого корабля, совершившего посадку на спутнике Юпитера,— находились в центре небольшого круглого озера, совершенно очевидно, искусственного происхождения, соединенного каналом с морем меньше чем в трех километрах. От корабля остался всего лишь каркас, и то не весь; обшивка и все остальное было снято.

«Но кем?» — подумал Ван-дер-Берг. Вокруг не было никаких признаков жизни. Казалось, здесь никто не бывал уже много лет. Тем не менее у него не было ни малейших сомнений, что кто-то очистил корабль с намеренной, почти хирургической тщательностью.

— Думаю, ничто не угрожает посадке,— заметил Флойд, подождав, пока последует рассеянный кивок Ван-дер-Берга. Геолог уже наклонился к иллюминатору и снимал все увиденное на видеопленку.

«Билл Т» мягко сел на краю озера, и астронавты посмотрели на памятник человеческому стремлению в космос, расположенный за полосой холодной, темной воды.

Останки корабля находились вне пределов досягаемости, но это не имело значения.

Натянув космические полукостюмы, они вышли из шаттла, поднесли венок к краю воды, торжественно подняли его перед объективом видеокамеры, затем бросили в воду, отдавая дань памяти первопроходцам от команды «Гэлакси». Несмотря на то что единственными материалами, годными для изготовления венка, были фольга, бумага и пластик, он получился на удивление красивым, казалось, что цветы и листья естественные. К нему было приколото множество записок и надписей на древнем языке, написанном отнюдь не латинским шрифтом, а старыми-старыми, давно вышедшими из употребления иероглифами.

На обратном пути к «Биллу Т» Флойд задумчиво произнес:

— Ты заметил, что там не осталось металла? Всего лишь стекло, пластик, синтетические материалы.

— А каркас и фермы?

— Композитные материалы — углерод и бор главным образом. Местные жители, судя по всему, испытывают крайнюю нужду в металле — и сразу узнают его. Интересно...

«И даже очень,— подумал Ван-дер-Берг.— На планете, где нет огня и, следовательно, невозможно изготовить металлы и сплавы, они будут цениться как — как алмазы!!!»

После того как Флойд связался с «Гэлакси» и выслушал благодарные слова второго помощника Чана и остальных членов экипажа, он снова взлетел, выровнял «Билла Т» на высоте тысячи метров и направил шаттл на запад.

— Последний круг,— заметил он.— Подниматься выше не имеет смысла — всего десять минут полета. Но я не собираюсь садиться; если Великая Стена именно то, что мы предполагаем, лучше не совершать посадку. Пролетим мимо — и домой. Приготовь свои камеры; это может оказаться важнее горы.

«И,— подумал он про себя,— скоро я узнаю, какие чувства испытывал дедушка Хейвуд пятьдесят лет назад, где-то совсем рядом. Да, нам будет о чем поговорить при встрече — меньше чем через неделю, если ничего не случится».

50
ОТКРЫТЫЙ ГОРОД

«Какое ужасное место»,— подумал Флойд. Порывы холодного ветра, несущего дождь со снегом, свинцовые облака, и время от времени, в просветах, внизу мелькала суша, местами покрытая льдом,— боже, да Хэвен настоящий тропический рай по сравнению с этим! И все-таки он знал, что Ночная страна всего в нескольких сотнях километров отсюда, за крутым изгибом Европы, и климат там еще хуже.

К его изумлению, еще до того, как они прилетели на место, погода неожиданно и резко улучшилась. Облака рассеялись — и прямо перед «Биллом Т» возникла колоссальная черная стена высотой почти в километр. Она была настолько огромной, что создавала вокруг свой микроклимат: ветры огибали ее, оставляя спокойное, безветренное пространство.

Не было сомнений в том, что это монолит; и у его основания расположились сотни полукруглых строений, сияющих призрачно белым светом в лучах находившегося невысоко над горизонтом солнца, когда-то бывшего Юпитером. Они походили, подумал Флойд, на старые ульи, сделанные из снега. У него в памяти начали смутно пробуждаться воспоминания о каких-то строениях на Земле, но Ван-дер-Берг опередил его.

— Иглу,— произнес он.— Те же самые проблемы — те же самые решения. Никакого иного строительного материала под рукой — не считая камня, а камень куда труднее обрабатывать. К тому же на стороне местных жителей малая сила тяжести — смотри, некоторые из этих иглу очень большие. Интересно, кто в них живет...

Они все еще были слишком далеко и не видели, есть ли кто-нибудь на улицах этого маленького городка на краю мира. Подлетев ближе, они заметили, что здесь нет улиц.

— Похоже на Венецию изо льда,— заметил Флойд.— Одни иглу и каналы.

— Земноводные жители,— согласился Ван-дер-Берг.— Этого следовало ожидать. Интересно, куда они подевались?

— Наверно, мы напугали их. Шум от «Билла Т» слышен снаружи куда больше, чем внутри.

Прошло несколько минут. Ван-дер-Берг был занят съемками и связью с «Гэлакси» и лишь потом ответил:

— Думаю, нам нужно попытаться вступить в контакт с ними. Ты прав — это куда значительнее, чем гора Зевс.

— И куда опаснее.

— Не вижу ни малейших следов развитой технологии. Впрочем, погоди — вон там, видишь, что-то похожее на радиолокационную антенну! Ты не мог бы подлететь поближе?

— Чтобы по нам открыли пальбу? Нет уж, спасибо. К тому же мы сжигаем массу топлива, пока висим здесь. Осталось всего на десять минут — если хотим вернуться обратно.

— Давай хотя бы сядем и посмотрим вокруг. Вон, рядом, хорошая площадка. Куда же все подевались?

— Испугались — вроде меня. Девять минут. Хорошо, пролетим над городом. Снимай все подряд — да-да, «Гэлакси», у нас все в порядке, просто мы немного заняты сейчас, через несколько минут свяжемся с вами.

— Слушай, Крис, я только что понял: это не антенна радиолокатора, а что-то куда интереснее. Смотри, тарелка направлена прямо к Люциферу — это солнечная печь! Какие молодцы! Лучше места не придумаешь — солнце никогда не меняет своего положения на небе, а зажечь огонь на Европе невозможно.

— Восемь минут. Жаль, что все спрятались от нас.

— Или залезли в воду канала. Давай хотя бы посмотрим на это большое здание посреди площади. По-моему, это ратуша.

Ван-дер-Берг показал на строение, намного превышающее другие по размерам, причем с совершенно иной архитектурой; оно состояло из ряда вертикальных цилиндров, похожих на трубы органа — только гораздо больше. К тому же здание не было совершенно белым, его покрывал какой-то сложный пятнистый узор.

— Европейское искусство! — воскликнул Ван-дер-Берг.— Смотри, похоже на мозаичное панно! Ближе! Еще ближе! Это нужно обязательно заснять!

Флойд начал послушно спускаться — ниже, ниже, еще ниже. Казалось, он совсем забыл свои прежние опасения относительно нехватки топлива; внезапно потрясенный Ван-дер-Берг понял, что Флойд идет на посадку.

Ученый перевел взгляд с быстро приближающейся поверхности на пилота. Хотя Флойд, несомненно, сохранял контроль над механизмами шаттла, казалось, он погрузился в гипнотический транс: не отрываясь, он пристально смотрел прямо перед собой.

— Что с тобой, Крис? — воскликнул Ван-дер-Берг.— Что ты делаешь?

— Совершаю посадку, разумеется. А разве ты не видишь его?

— Кого?

— Человека, вон там, у самого большого цилиндра. И ты только посмотри: у него нет дыхательного аппарата!

— Крис, не сходи с ума! Там нет никого!

— Он смотрит на нас. Машет рукой — мне кажется, я узнаю... Боже мой!

— Крис! Немедленно прекрати спуск! Там никого нет!

Флойд не обращал на него никакого внимания. Абсолютно спокойно, профессиональными, точными движениями он за мгновение до прикосновения к поверхности выключил двигатель и мягко посадил «Билла Т».

С максимальной тщательностью Флойд проверил показания приборов на панели и поставил все ручки на «0». Лишь закончив всю последовательность операций, он снова посмотрел наружу с озадаченным, но счастливым выражением на лице.

— Здравствуй, дедушка,— произнес он тихим голосом, хотя никого, кроме Ван-дер-Берга, вокруг не было.

51
ФАНТОМ

Даже в самых страшных кошмарах доктору Ван-дер-Бергу не приходило в голову, что он может оказаться на враждебном мире в крошечной космической капсуле рядом со спутником, сошедшим с ума. Правда, Крис Флойд не проявлял признаков буйно помешанного; возможно, удастся уговорить его вернуться обратно к «Гэлакси»...

Он по-прежнему смотрел вперед пустым взором, и губы его время от времени шевелились в молчаливом разговоре. Враждебный мир вокруг оставался совершенно пустым — можно было подумать, что он покинут столетиями раньше. Шло время, и Ван-дер-Берг начал замечать признаки того, что совсем недавно здесь кто-то жил. Хотя струя двигателя «Билла Т» сдула тонкий слой снега вокруг, на всей остальной части площади он продолжал лежать. Это было похоже на страницу, вырванную из книги, покрытую знаками и иероглифами, и некоторые из них были ему понятны.

Вон туда протащили какой-то тяжелый предмет — или по снегу протащился кто-то сам. Из закрытого теперь входа в один из иглу вели совершенно четкие следы колес. Вдали лежал какой-то предмет, похожий на сосуд; наверно, жители Европы бывают такими же безалаберными, как и земляне...

Присутствие жизни было совершенно очевидным и явным. Ван-дер-Бергу казалось, что за его движениями наблюдают тысячи глаз и он не знал, чьи это глаза — друзей или врагов. Не исключено, что жителям было совершенно все равно, они просто ждали, пока пришельцы уберутся восвояси, и тогда они снова примутся за свои таинственные занятия, прерванные появлением землян.

Наконец Крис снова произнес в пустоту:

— До свидания, дедушка.

Он сказал это с грустью в голосе и, повернувшись к Ван-дер-Бергу, продолжил уже как обычно:

— Он говорит, что нам пора улетать. Наверно, ты принял меня за сумасшедшего.

«Лучше всего,— подумал Ван-дер-Берг,— не показывать, что я согласен». А через несколько мгновений ему пришлось беспокоиться о другом.

Флойд озадаченно смотрел на цифры, выданные бортовым компьютером. Наконец он произнес извиняющимся тоном:

— Прости меня, Ван, но мы использовали для приземления гораздо больше топлива, чем я ожидал. Нам придется изменить маршрут.

Это, подумал Ван-дер-Берг уныло, судя по всему, означает, что у них не хватит топлива, чтобы вернуться на «Гэлакси». Он с трудом удержался, чтобы не воскликнуть: «Черт бы побрал твоего дедушку!» Но вместо этого спросил:

— Что будем делать?

Флойд смотрел на карту и вводил в компьютер новые данные.

— Здесь оставаться мы не можем.— («А почему нет? — подумал Ван-дер-Берг.— Раз уж нам все равно придется умереть, то, по крайней мере, с пользой проведем время и узнаем как можно больше».) — Поэтому нужно отыскать такое место, с которого шаттл, посланный «Юниверс», легко сможет подобрать нас.

Ван-дер-Берг почувствовал, как гора свалилась с плеч, и молча с облегчением вздохнул. Каким нужно быть дураком, чтобы забыть об этом; он чувствовал себя подобно приговоренному к смерти и помилованному на пути к виселице. «Юниверс» достигнет Европы меньше чем через четверо суток; кабину «Билла Т» вряд ли можно назвать роскошной, однако она была все-таки куда лучше, чем все остальные варианты.

— Где-нибудь подальше от этой унылой погоды найдем хорошую, надежную площадку, поближе к «Гэлакси» — хотя я и не уверен, как это может помочь нам. У нас хватит топлива на пятьсот километров — просто лететь через море слишком рискованно.

На мгновение Ван-дер-Берг с сожалением подумал о горе Зевс; сколько исследований можно было бы провести там. Но сейсмические возмущения, становившиеся все мощнее по мере того, как Ио все ближе подходила к створу с Люцифером, делали это невозможным. Интересно, продолжают ли функционировать установленные им инструменты. Нужно проверить — как только решим главную проблему.

— Лучше всего направиться к экватору — для шаттла это наиболее удобно. На радиолокационной карте видны ровные площадки внутри материка — на шестидесяти градусах западной долготы.

— Да, это плато Массада. («Кроме того,— подумал Ван-дер-Берг,— там тоже неплохо было бы оглядеться вокруг. Нужно использовать любую представляющуюся возможность...»)

— Тогда все в порядке. До свидания, Венеция. До свиданья, дедушка.

Когда приглушенный рев тормозных ракет стих, Флойд последний раз проверил показания приборов и поставил необходимые предохранители. Затем он расстегнул ремни безопасности и потянулся — насколько позволяла кабина «Билла Т».

— Не так уж и плохо — для Европы,— произнес он неунывающим голосом.— За оставшиеся четверо суток нам предстоит выяснить, действительно ли неприкосновенный запас шаттла так невкусен, как утверждают многие. Итак — кто из вас начнет говорить первым?

52
ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

«Жаль, что мне не пришлось учиться психологии,— подумал Ван-дер-Берг.— Тогда мне удалось бы определить основные параметры его галлюцинаций».

Несмотря на то что при здешнем тяготении любое из кресел было достаточно удобным, Флойд до предела откинул назад спинку своего кресла, расположился поудобнее и обхватил ладонями затылок. И тут Ван-дер-Берг вспомнил, что такова классическая поза пациента в дни старого, еще не полностью дискредитированного анализа по Фрейду.

Он был рад, что его спутник заговорил первым; отчасти из-за любопытства, но главным образом потому, что Ван-дер-Берг надеялся, что чем быстрее Флойд расскажет о случившемся, тем легче будет ему выздороветь — или, по крайней мере, обрести спокойствие. Но Ван-дер-Берг не испытывал особого оптимизма: для столь ярких галлюцинаций должны быть весьма глубокие, серьезные основания.

Ван-дер-Берга крайне смутило то обстоятельство, что Флойд был полностью с ним согласен и уже поставил диагноз.

— Уровень устойчивости моей нервной системы и психологической совместимости оценивается категорией «А-1»,— сказал он.— Это настолько высокая категория, что психиатры разрешают мне даже читать заключения медицинской комиссии обо мне,— а в эту категорию попадает всего десять процентов. Так что я озадачен не меньше тебя, но я действительно видел дедушку, и он говорил со мной. Я не верю в призраков — а кто верит? — однако это означает, что он умер. Жаль, что я был так плохо знаком с ним, а мне так хотелось снова встретиться... По крайней мере, теперь мне есть о чем вспомнить.

Помолчав, Ван-дер-Берг попросил Криса:

— Расскажи мне точно, что он говорил.

— Я никогда не отличался абсолютной памятью,— ответил Крис с грустной улыбкой,— и происшедшее настолько потрясло меня, что вряд ли мне удастся точно припомнить его слова.— Он замолчал, и на его лице появилось недоуменное выражение.

— Но вот что кажется мне очень странным: я пытаюсь вспомнить, о чем мы с ним говорили, и у меня возникает впечатление, что мы не пользовались словами.

Еще хуже, подумал Ван-дер-Берг; не только жизнь после смерти, но и телепатия. Но он все же попросил:

— Тогда передай мне основное содержание своего — э-э — разговора. Ты ведь помнишь, я был рядом и не слышал ни единого произнесенного тобой слова.

— Ну хорошо. Он сказал нечто вроде: «Мне хотелось бы снова увидеть тебя, и я счастлив нашей встрече. Все закончится успешно, "Юниверс" скоро прилетит и спасет вас».

Типичное спиритическое послание — в общих словах и ничего не значащее, подумал Ван-дер-Берг. Духи никогда не сообщают ничего полезного или удивительного — их послания всего лишь отражают надежды и страхи слушателя. Нулевая информация, отразившаяся из подсознания...

— Дальше...

— Потом я спросил, куда делись все жители — почему место кажется таким заброшенным. Он засмеялся и сказал в ответ что-то непонятное. Что-то вроде: «Я знал, что вы не причините вреда — когда мы увидели ваш аппарат, едва успели оповестить всех. Все...— он произнес слово, которое я не смогу произнести, даже если вспомню его,— спрятались в воде — когда нужно, они могут двигаться достаточно быстро! Они не выйдут оттуда, пока вы не улетите и ветер не развеет ядовитые газы». Интересно, что он хотел сказать этим? Выхлопные газы нашего реактивного двигателя — это всего лишь самый обычный, чистый пар, их атмосфера в значительной мере состоит из него.

«Ну что ж,— подумал Ван-дер-Берг,— по-видимому, галлюцинации, так же как и сновидения, совсем не обязательно должны вести к логическим заключениям. Возможно, понятие "яд" символизирует какой-то глубоко укоренившийся страх в сознании Криса, настолько глубокий, что его не удалось обнаружить даже при психологическом анализе. Как бы то ни было, сомневаюсь, что это имеет ко мне какое-то отношение. Ядовитые газы, видите ли! Двигатель "Билла Т" использует в качестве рабочего вещества чистую дистиллированную воду...

Впрочем... одну минуту. Какова температура газов, когда они вылетают из дюз корабля? Я где-то читал...»

— Крис,— осторожно спросил Ван-дер-Берг,— вода, пройдя через реактор, вся превращается в пар?

— Ей больше не во что превращаться. Ах да, при максимальной температуре десять или пятнадцать процентов расщепляется на водород и кислород.

Кислород! По спине Ван-дер-Берга пробежали мурашки, хотя в кабине было достаточно тепло. Очень маловероятно, что Флойд понимает значение только что сказанного им; это выходит за пределы области его знаний.

— А знаешь ли ты, Крис, что для простейших организмов Земли — и уж конечно, для существ, живущих в атмосфере, похожей на ту, что присутствует здесь, на Европе,— кислород является смертельным ядом?

— Ты шутишь?

— Нисколько: он ядовит даже для нас — при высоком давлении.

— Действительно, нам говорили об этом при обучении подводным работам.

— Твой... дедушка был совершенно прав. Это похоже на то, как если бы мы обрызгали их город ипритом. Впрочем, не совсем так — кислород рассеивается очень быстро.

— Значит, теперь ты мне веришь.

— Я и не утверждал обратного.

— Оставь, для этого нужно быть ненормальным!

Напряженность в кабине исчезла, и они рассмеялись.

— А как он был одет?

— В старомодный домашний халат — он надевал его, когда я был совсем маленьким. Халат казался очень удобным.

— Еще что тебе запомнилось?

— Ты знаешь — он выглядел гораздо моложе, и волосы были гораздо гуще, чем при нашей последней встрече. Поэтому мне кажется, что он не был — как бы лучше выразиться? — настоящим. Что-то вроде изображения, созданного компьютером. Или синтетической голограммы.

— Монолит!

— Да — я тоже подумал об этом. Помнишь, как Дэйв Боумен явился дедушке на «Дискавери»? Но почему? Он не предупреждал меня ни о чем — даже ничего не передавал. Просто захотел попрощаться и пожелать мне счастья...

Наступила неловкая тишина, и лицо Флойда исказила гримаса боли; казалось, он вот-вот разрыдается. В следующее мгновение он овладел собой и улыбнулся Ван-дер-Бергу.

— Я достаточно рассказал тебе. Теперь твоя очередь объяснить, как попал на планету, состоящую главным образом из льда и серы, алмаз, весящий миллион миллионов тонн. Надеюсь, твое объяснение будет достаточно убедительным.

— Будет,— ответил доктор Рольф Ван-дер-Берг.

53
СКОРОВАРКА

— Когда я учился в университете Флагстаффа,— начал свой рассказ Ван-дер-Берг,— мне как-то попал в руки старый учебник астрономии, где было написано: «Солнечная система состоит из Солнца, Юпитера — и множества осколков». Ставит Землю на место, чтобы не слишком задирала нос, верно? И не слишком справедливо по отношению к Сатурну, Урану и Нептуну — трем остальным газовым гигантам, диаметр каждого из которых уступает юпитерианскому всего в два с небольшим раза.

Но я лучше начну с Европы. Ты знаешь, что, перед тем как Люцифер принялся нагревать ее, поверхность Европы, покрытая льдом, была совершенно плоской — наибольшая возвышенность не превышала двухсот метров, и даже после того, как лед растаял и масса воды перенеслась в Ночную страну и замерзла там, осталась почти такой же плоской. С 2015 года — когда были начаты подробные наблюдения — и до 2038-го на всем спутнике была всего одна значительная возвышенность, и все знают, что она собой представляла.

— Совершенно верно. И хотя я видел его своими собственными глазами, мне все еще не верится, что монолит может быть стеной! Мне он всегда представлялся стоящим на своем торце — или плавающим в пространстве.

— Думаю, мы поняли теперь, что он может делать что угодно — все, что существует в нашем воображении, и массу других вещей, которые мы не может себе представить.

Итак, что-то произошло на Европе в период между одной серией наблюдений и другой. На ее поверхности в 2037 году внезапно появилась гора Зевс — высотой в десять километров.

Вулканы такого размера не возникают за пару недель; к тому же на Европе нет такой вулканической активности, как на Ио.

— Не знаю как тебе,— проворчал Флойд,— а вот мне ее активность кажется вполне достаточной. Ты почувствовал этот толчок?

— К тому же, если бы эта новая гора была вулканом, она выбрасывала бы в атмосферу колоссальное количество газа; действительно, в атмосфере Европы произошли некоторые изменения, но столь ничтожные, что никак не подтверждают такое объяснение. Все это оставалось для нас тайной, а поскольку мы не решались подлетать к Европе слишком близко — и к тому же были слишком заняты другими делами,— нам не оставалось ничего иного, как выдумывать самые фантастические теории. Действительность оказалась, однако, куда более фантастичной...

Первые подозрения возникли у меня в результате случайных наблюдений, осуществленных в 2057 году, но года два я не думал о них всерьез. Затем доказательства стали более убедительными; в любой менее причудливой ситуации они стали бы абсолютно надежными.

Но до того как я решился поверить, что гора Зевс представляет собой алмаз, мне потребовалось объяснение.

Для хорошего ученого — а я считаю себя таковым — ни один факт не заслуживает уважения до тех пор, пока он не подкреплен теорией. Теория может оказаться и ошибочной — так обычно и происходит, по крайней мере отчасти,— но она должна представить рабочую гипотезу.

Как ты заметил, нелегко объяснить появление алмаза массой в миллион миллионов тонн на планете, состоящей из льда и серы. Сейчас, разумеется, все это кажется совершенно очевидным, и я считаю себя полным дураком из-за того, что не заметил объяснения еще несколько лет назад. Мы избавились бы тогда от массы неприятностей — и спасли жизнь по крайней мере одному человеку.

Он замолчал и вдруг неожиданно спросил Флойда:

— Никто не упоминал в разговоре с тобой доктора Пауля Крюгера?

— Никто. Да и зачем? Я, разумеется, слышал о нем.

— Просто так. Видишь ли, произошло немало таинственных событий, объяснение которым мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Как бы то ни было, все это перестало быть тайной. Короче говоря, два года тому назад я послал Паулю секретную радиограмму. Ах да, извини, совсем забыл — он мой дядя. Так вот, я сообщил ему результаты своих наблюдений и появившиеся у меня предположения. Я попросил его подтвердить их — или опровергнуть.

Поскольку в его распоряжении самые современные компьютеры, дяде Паулю много времени не потребовалось. К сожалению, он не проявил достаточной осторожности, а может быть, кто-то следил за его работой — я уверен, что твои друзья, кем бы они ни оказались, уже знают ответ на этот вопрос.

Через пару дней после получения моего запроса он раскопал старую статью, напечатанную восемьдесят лет назад в научном журнале «Нейчур»,— в то время журнал еще печатался на бумаге, представляешь себе! — и эта статья убедительно все объясняла. Почти все.

Ее автором был ученый, работавший в одной из крупных лабораторий в Соединенных Штатах — Америки, разумеется,— в то время Соединенных Штатов Южной Африки еще не было. Лаборатория занималась проектированием ядерного оружия, так что там отлично разбирались в высоких температурах и давлениях...

Не знаю, имел ли доктор Росс — это фамилия автора — какое-нибудь отношение к бомбам, но в процессе своей работы он задумался, должно быть, об условиях, существующих в глубинах гигантских планет. И в своей статье, появившейся в 1984 году — извини, в 1981-м,— он высказал ряд очень интересных предположений...

Он указал на то, что в газовых гигантах — в форме метана, CH_4,— содержится огромное количество углерода. До семнадцати процентов от общей массы! По его расчетам, при температуре и давлении, существующих в ядрах этих планет,— миллионы атмосфер! — углерод будет выделяться из соединений, осаждаться в центре и — ты уже догадался, наверно,— кристаллизоваться. Как теория она была поистине великолепной: думаю, он даже и не мечтал, что когда-нибудь удастся проверить ее на практике...

Итак, это первая часть истории. Некоторые аспекты второй части еще интереснее. А там еще остался кофе?

— Конечно, мне кажется, что я уже нашел разгадку второй части. Ясно, что это связано со взрывом Юпитера.

— Взрывом, но не обычным, а направленным внутрь. Произошла имплозия Юпитера; его наружные слои обрушились в направлении ядра, затем произошла детонация. В некотором отношении это было похоже на детонацию ядерной бомбы, только вот новое состояние оказалось устойчивым — Юпитер превратился в мини-солнце.

Так вот, при имплозии происходят очень странные процессы: вроде как образовавшиеся осколки проходят один через другой и выходят с другой стороны. Не важно, каким был механизм, но в результате алмаз размерами в гору вылетел на орбиту.

Должно быть, он успел совершить сотни витков — постоянно меняя параметры орбиты под влиянием гравитационных полей спутников Юпитера,— пока не столкнулся с Европой. И условия столкновения должны были быть совершенно определенными — одно небесное тело обгоняло другое, так что их относительная скорость в это мгновение не превышала и двух километров в секунду. Столкнись они на встречных курсах, лоб в лоб,— от Европы вряд ли осталось бы что-нибудь, не говоря уже о горе Зевс! А иногда меня преследуют кошмары — мне кажется, что гора вполне могла упасть на Ганимед, прямо на нас...

Атмосфера, уже возникшая на Европе, немного смягчила удар; и все-таки сотрясение было ужасным. Интересно, как отреагировали на это столкнове-

ние наши друзья на Европе? Несомненно, именно этот удар привел к возникновению целой серии тектонических возмущений... продолжающихся и поныне.

— И политических тоже,— добавил Флойд.— Только сейчас я начинаю понимать это. Немудрено, что СШЮА обеспокоены.

— Не только они.

— Неужели кто-то серьезно рассчитывал захватить эти алмазы?

— А почему бы и нет? Нам-то удалось,— ответил Ван-дер-Берг, показывая в кормовую часть шаттла.— Но чисто психологическое воздействие будет колоссальным. Именно поэтому так много людей хотели узнать правду.

— Теперь ее узнали. Что дальше?

— Слава богу, это не моя забота. Надеюсь, однако, что мне удалось внести заметный вклад в научные ассигнования Ганимеда.

«Да и мои личные финансы тоже не пострадают»,— подумал он.

54
ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

— С чего это ты взял, что я умер? — донесся из динамика изумленный голос Хейвуда Флойда.— Я еще никогда не чувствовал себя так хорошо!

Окаменев от удивления, Крис Флойд уставился на динамик. Он испытывал огромное облегчение — и чувствовал одновременно какое-то негодование. Кто-то — или что-то — сыграл с ним жестокую шутку.

В голосе Хейвуда Флойда, который находился от них в пятидесяти миллионах километров, но с каждой секундой приближался на несколько их сотен, тоже слышалось некоторое возмущение. Но он казался энергичным и приветливым и не скрывал радости от того, что у Криса все в порядке.

— У меня для тебя хорошие новости: шаттл «Юниверс» доставит медицинское оборудование и лекарства на «Гэлакси», затем прилетит к вам, захватит тебя с Ван-дер-Бергом и состыкуется с нами на следующем витке. Затем, спустя пять витков, мы сядем рядом с «Гэлакси», и ты встретишься с друзьями, когда они ступят на борт.

Ну, у меня пока все — хочу лишь добавить, что счастлив нашей будущей встрече. Мы сможем наконец наверстать упущенное время.

Жду твоего ответа через — ну, скажем, три минуты...

На мгновение внутри «Билла Т» наступила полная тишина; Ван-дер-Берг не решался взглянуть на своего спутника. Затем Флойд включил микрофон и медленно произнес:

— Дедушка, какой удивительный сюрприз. Я все еще не могу прийти в себя. Но я знаю, что видел тебя на Европе — слышал, как ты прощался со мной. Я совершенно убежден в этом — вот как сейчас в том, что говорю с тобой...

Разумеется, у нас будет время все обсудить. Но помнишь, как говорил с тобой Дэйв Боумен — тогда, на «Дискавери»? Возможно, со мной произошло нечто похожее...

А теперь мы устроимся поудобнее и будем ждать. У нас все в порядке — чувствуем время от времени сотрясения почвы, но это ничем не угрожает. До скорой встречи, обнимаю тебя.

Он не мог вспомнить, когда говорил это деду в последний раз.

На исходе первых суток в кабине стало дурно пахнуть. После вторых они перестали замечать запах — но обратили внимание, что пища стала менее вкусной. К тому же они хуже спали и даже обвиняли друг друга в храпе.

На третий день, несмотря на частые передачи с «Юниверс», «Гэлакси» и с самой Земли, их начала охватывать скука и запас сомнительных анекдотов подошел к концу.

Но этот день оказался последним. К его концу рядом с ними опустилась «Леди Джасмин», разыскивающая своего потерявшегося ребенка.

55
МАГМА

— Баас,— сказал робот-секретарь,— пока вы спали, я записал эту специальную передачу с Ганимеда. Может быть, включить ее?

— Да,— ответил доктор Пауль Крюгер.— С десятикратной скоростью. И выключи звук.

Он знал, что сначала последует длительное вступление, которое можно пропустить и посмотреть позднее — если возникнет необходимость. А сейчас ему хотелось как можно скорее увидеть происшедшее.

На экране промелькнули надписи, называющие имена операторов и дикторов, и появилось лицо Виктора Уиллиса, находящегося где-то на Ганимеде, который в полной тишине отчаянно размахивал руками. Доктор Пауль Крюгер, подобно большинству ученых, несколько скептически относился к Уиллису, хотя и не отрицал, что тот приносит определенную пользу.

Неожиданно Уиллис исчез, и вместо него на экране возник менее взволнованный образ — гора Зевс. На этот раз она была, однако, куда более активной, чем полагается хорошо воспитанной горе; доктор Крюгер был потрясен, увидев, насколько изменился ее вид с момента предыдущей передачи с Европы.

— Нормальная скорость,— поспешно скомандовал он.— Звук.

— ...почти сто метров в сутки, и наклон увеличился на пятнадцать градусов. Тектонические возмущения достигли поразительных размеров — у подножия значительные потоки лавы. Рядом со мной доктор Ван-дер-Берг. Ван, каково твое мнение?

— Мой племянник выглядит очень хорошо — принимая во внимание, что ему пришлось пережить. Отличная родословная, конечно...— пробормотал себе под нос Пауль Крюгер.

— Судя по всему, гора не сумела оправиться от удара и теперь не выдерживает все возрастающих нагрузок. Гора Зевс медленно оседала с того момента, как мы обнаружили ее, но за последние несколько недель скорость оседания возросла в тысячи раз. Даже на глаз заметны ее подвижки.

— Сколько времени потребуется для того, чтобы гора исчезла совсем?

— Я как-то не верю в это...

Камера тут же показала другой вид горы, и голос Виктора Уиллиса донесся из-за экрана:

— Это были слова доктора Ван-дер-Берга, произнесенные им два дня назад. А сейчас что ты думаешь, Ван?

— Гм, похоже, что я ошибся. Гора оседает с невероятной скоростью. Просто глазам не верю — осталось всего с полкилометра! Боюсь делать какие-нибудь прогнозы...

— И совершенно правильно, Ван. Итак, это было всего лишь вчера. А сейчас мы включим пленку, заснятую с большой скоростью, которая демонстрируется обычным числом кадров в секунду. Она заканчивается моментом, когда рухнула наша камера...

Доктор Пауль Крюгер наклонился вперед, наблюдая за последним актом драмы, в которой он сыграл такую небольшую, но исключительно важную роль.

В сущности, необходимости в замедленной съемке не было; события развертывались перед его глазами со скоростью, почти в сто раз превышающей нормальную. Час сжимался в одну минуту — человеческая жизнь сокращалась до жизни бабочки.

Гора Зевс оседала у него на глазах.

Струи расплавленной серы с поразительной скоростью взлетали в небо вокруг всего основания горы, описывая параболы ярко-синего пламени. Зрелище напоминало картину — корабль тонет в штормовом море, окруженный огнями святого Эльма. Даже впечатляющие извержения вулканов на Ио не могли сравниться с этой поразительной картиной природной ярости.

— Самое крупное сокровище, найденное людьми за всю историю человечества, исчезает из глаз,— произнес Уиллис приглушенным голосом, полным благоговейного ужаса.— К сожалению, мы не можем показать вам последние мгновения. Скоро вы поймете почему.

Действие замедлилось до нормальной скорости. Оставалось всего лишь несколько сот метров горы, и извержения у ее основания происходили теперь заметно медленнее.

Внезапно изображение на экране накренилось; стабилизаторы уровня камеры, до сих пор сопротивлявшиеся постоянным сотрясениям почвы, отступили, не выдержав неравной схватки. На мгновение показалось, что гора вырастает из почвы, но это опрокинулся треножник, на котором была закреплена камера. Последняя сцена с Европы представляла крупный план пылающей волны расплавленной серы, готовой захлестнуть видеокамеру.

— Все исчезло! Пропало навсегда! — произнес Уиллис траурным голосом.— Богатства, в несчетное число раз превышающие все россыпи Голконды или Кимберли! Какая потеря! Какое жестокое разочарование!

— Боже, какой кретин! — воскликнул доктор Крюгер, брызгая слюной.— Неужели он не понимает...

Наступило время для еще одного письма в «Нейчур». И этот секрет окажется слишком большим, чтобы сохранить его в тайне.

56
ТЕОРИЯ ПЕРТУРБАЦИЙ

Редактору, банк данных журнала «Нейчур»
(всеобщий доступ)
От профессора Пауля Крюгера,
члена Королевского Общества, т. д.

ПРЕДМЕТ:
ГОРА ЗЕВС И ЮПИТЕРИАНСКИЕ АЛМАЗЫ

Как теперь широко известно, европеанская формация, известная как гора Зевс, первоначально была частью Юпитера. Предположение, что ядра газовых гигантов могут состоять из алмазов, впервые было высказано Марвином Россом (Национальная лаборатория Лоуренса Ливермора, Калифорнийский университет) в его классической статье «Ледяной слой Урана и Нептуна — алмазы в небе?» («Нейчур», т. 292, № 5822, с. 435–436, 30 июля 1981 г.) Как ни странно, но Росс не включил Юпитер в свои расчеты.

Погружение горы Зевс внутрь коры Европы вызвало хор сожалений, причем смехотворных,— по причинам, указанным ниже.

Не вдаваясь в подробности, которые будут изложены в моей последующей публикации, я оцениваю алмазное ядро Юпитера по крайней мере в 10^{28}г. *Это в десять миллиардов раз больше, чем гора Зевс.*

Несмотря на то что значительная часть этого вещества была, несомненно, разрушена в момент детонации планеты и возникновения — судя по всему, искусственным образом — солнца Люцифер, предположение, что единственным осколком была гора Зевс, не выдерживает никакой критики. Хотя немалое количество вещества рухнуло обратно на Люцифер, значительная часть была выброшена на орбиту — и остается там *до сего времени.* На основе элементарной теории пертурбаций легко доказать, что эти осколки будут периодически возвращаться к точке своего возникновения. Разумеется, не представляется возможным давать точную оценку, но я полагаю, что алмазы массой по крайней мере в миллион раз больше горы Зевс находятся в космическом пространстве, обращаясь по орбитам вблизи Люцифера. Утеря одного незначительного осколка, расположенного к тому же в крайне неудобном и труднодоступном месте (на Европе), не имеет практически никакого значения. Я предлагаю создать в космосе, и как можно быстрее, специальную сеть радиолокационных установок для определения координат небесных тел, состоящих из этого вещества.

Хотя исключительно тонкая алмазная пленка широко производится начиная еще с 1987 года, создавать алмазы в значительном количестве пока не удавалось. Возможность производства алмазов в объемах, измеряемых мегатоннами, могло бы полностью преобразить многие отрасли промышленности и создать совершенно новые. Особое внимание привлекает то обстоятельство, как указал на это Айзекс и другие авторы почти сто лет тому назад (см. «Сайенс», т. 151, с. 682—683, 1966), что алмаз представляет собой единственный

строительный материал, пригодный для осуществления проекта так называемых космических лифтов, которые делают возможной транспортировку от поверхности Земли до орбиты при ничтожных затратах. Алмазные горы, обращающиеся сейчас среди спутников Юпитера, могут открыть перед человечеством всю Солнечную систему. Насколько тривиальным по сравнению с этим представляется старинное применение углерода, кристаллизованного в кубической системе!

Чтобы сделать изложение этой темы максимально полным, следует упомянуть еще одно местонахождение огромных масс алмазов — место, еще более недоступное, к сожалению, чем ядро гигантской планеты...

Высказывалось предположение, что кора нейтронных звезд может состоять в основном из алмазов. Поскольку ближайшая нейтронная звезда расположена на расстоянии пятнадцати световых лет от нас и сила притяжения на ее поверхности превышает земную в семьдесят тысяч миллионов раз, трудно считать ее возможным источником получения этого материала.

Впрочем, кто мог предположить, что когда-либо нам удастся коснуться вещества, составлявшего ядро Юпитера?

57
ПЕРЕДЫШКА НА ГАНИМЕДЕ

— Бедные, невежественные колонисты! — причитал Михайлович.— Я в ужасе — на всем Ганимеде ни одного большого концертного зала! Я понимаю, конечно, что наперсток оптроники в моем синтезаторе способен воспроизвести любой музыкальный инструмент. Но «Стейнвэй» все-таки остается «Стейнвэем», равно как и «Страд» — «Страдом».

Его жалобы, хотя и не слишком серьезные, уже пробудили некоторых представителей местной интеллигенции на ответные действия. Популярная местная программа «Утренний Ганимед» ответила на его причитания следующим ядовитым комментарием: «Оказав нам честь своим присутствием, наши знаменитые гости подняли — хотя и временно — культурный уровень *обоих* миров...»

Это высказывание было направлено в первую очередь против Уиллиса, Михайловича и М'Бала, которые несли свет просвещения невежественным туземцам с излишним рвением. Мэгги М стала причиной настоящего скандала, откровенно поведав о любовных связях Зевса-Юпитера с Ио, Европой, Ганимедом и Каллисто. Рассказ о том, как он явился в обличье белого быка к нимфе Европе, не понравился бы сам по себе, а повествование о попытках спасти Ио и Каллисто от справедливого гнева его супруги Геры, оказавшихся явно недостаточно решительными, лишь подлило масла в огонь. Но особенное неудовольствие местных жителей вызвало сообщение, что мифологический Ганимед оказался совсем другого пола.

Нужно отдать им справедливость — намерения самозваных послов мировой культуры были достойны всяческой похвалы, хотя и не совсем бескорыстны. Узнав, что на Ганимеде им придется оставаться в течение нескольких ме-

сяцев, они тут же поняли, что угроза скуки нависнет над ними, лишь только исчезнет прелесть новизны. К тому же гостям хотелось как можно лучше использовать свои таланты для благотворного воздействия на окружающих. Однако далеко не все хотели — или не имели время,— чтобы на них оказывали благотворное воздействие здесь, на технологически высокоразвитой границе Солнечной системы.

Эва Мерлин, наоборот, идеально освоилась с новой ситуацией и чувствовала себя как рыба в воде. Несмотря на ее земную славу, имя Мерлин мало что говорило большинству жителей Ганимеда. Это позволяло ей наслаждаться свободой и без конца бродить по коридорам и надувным куполам Центральной базы Ганимеда. Здесь ей не угрожала опасность, что люди будут глазеть на нее или обмениваться взволнованными комментариями за ее спиной. Правда, ее все-таки узнавали — но лишь как гостью с Земли.

Гринберг, со свойственной ему деловитостью, легко вошел в деловые и технические круги спутника и уже был избран в состав нескольких советов и комиссий. Скоро он оказался настолько полезным и незаменимым, что его предупредили о сложностях, которые могут возникнуть, если он захочет покинуть Ганимед.

Хейвуд Флойд, наблюдая за деятельностью своих спутников, сочувственно улыбался, но оставался в стороне. Он думал лишь об одном — как восстановить добрые отношения с Крисом, в то же время его заботило и будущее своего внука. Теперь, когда «Юниверс» — в топливных баках которого оставалось менее ста тонн воды — благополучно опустился на поверхность Ганимеда, предстояло сделать многое.

Благодарность, которую испытывали все, кто находился на борту «Гэлакси», к своим спасителям, помогла экипажам обоих кораблей слиться в единое целое; после тщательного осмотра и ремонта «Юниверса», а также его заправки они вернутся обратно на Землю вместе. Сообщение, что сэр Лоуренс уже строит планы создания нового, усовершенствованного «Гэлакси II», значительно улучшило моральный дух команды; правда, строительство корабля начнется лишь после того, как адвокаты сэра Лоуренса урегулируют расхождения со страховой компанией Ллойдза, все еще утверждающей, что ранее не существовавшее преступление — похищение космического корабля во время полета — не подпадает под действие страхового полиса.

Что касается самого преступления, никто не был арестован или даже обвинен. Несомненно, оно тщательно планировалось в течение ряда лет какой-то хорошо организованной и не испытывающей недостатка в деньгах группой. Соединенные Штаты Южной Африки заявили во всеуслышание, что не имеют к преступлению никакого отношения, и потребовали официального расследования. Бурская лига также выразила свое негодование и обвинила в происшедшем Чаку.

Доктор Крюгер ничуть не удивился, обнаружив в получаемой им почте злобные, но анонимные письма, обвиняющие его в измене. Обычно они были написаны на африкаанс, но содержали едва заметные ошибки в грамматике или фразеологии, и ученый пришел к выводу, что эти письма составляют часть кампании дезинформации.

Поразмыслив, он переслал эти письма в Астропол — где они, по-видимому, уже имеются, подумал он, усмехнувшись. Астропол поблагодарил его, но — как и ожидал доктор Крюгер — воздержался от комментариев.

Вторые помощники Флойд и Чан, а также другие члены экипажа «Гэлакси» получили — по отдельности — приглашения отобедать в лучших ресторанах Ганимеда от двух таинственных незнакомцев, с которыми Флойд уже встречался перед вылетом. Когда осчастливленные приглашенные, отведав откровенно плохой пищи, сравнили затем свои записи, они пришли к выводу, что их вежливые собеседники пытались собрать информацию, обвиняющую Чаку в совершении преступления, но вряд ли преуспели в этом.

Доктор Ван-дер-Берг, затеявший всю эту историю — оказавшуюся для него весьма успешной как в научном, так и в финансовом отношении,— не знал теперь, что делать с новыми открывшимися перед ним возможностями. Ряд известных университетов на Земле обратились к нему с очень интересными предложениями — но, по иронии судьбы, воспользоваться ими Ван-дер-Берг уже не мог. Он слишком долго жил на Ганимеде в условиях одной шестой земного притяжения, и его организм был уже не в состоянии перестроиться.

Правда, он мог жить на Луне или на борту «Пастера», как объяснил ему Хейвуд Флойд.

— Мы намерены создать там космический университет,— сказал он,— чтобы люди с других миров, не способные выдержать земную силу тяжести, могли вступать в контакт с землянами в реальном времени. У нас будут лекционные залы, аудитории, лаборатории — некоторые из них снабдим только компьютерами, но выглядеть они будут так, что никто не заметит разницу. Вдобавок ты сможешь использовать свои сомнительные миллионы для видеозакупок на Земле.

К своему изумлению, Флойд не только вернул себе внука, но и приобрел племянника; в его представлении Ван-дер-Берг и Крис были связаны друг с другом уникальными обстоятельствами, которые совместно пережили. Это относилось прежде всего к появлению таинственного образа в том городке на Европе, под сенью нависшего монолита.

У Криса не было ни малейших сомнений.

— Я видел и слышал тебя с такой же четкостью, как сейчас,— говорил он деду.— Однако губы у тебя не двигались — и самое странное, что мне это не показалось необычным. Я счел это совершенно естественным. Ты выглядел немного печальным — нет, пожалуй, лучше сказать грустным. Или смирившимся с происшедшим.

— Мы все время вспоминали о вашей встрече с Боуменом на «Дискавери»,— добавил Ван-дер-Берг.

— Перед посадкой на Европе я попытался связаться с ним по радио. Такая попытка может показаться наивной, но другой просто не пришло в голову. Я был уверен, что он там — в той или иной форме.

— И вы так и не получили ответа?

Флойд заколебался. Воспоминание быстро тускнело, но внезапно он отчетливо вспомнил появление мини-монолита в своей каюте.

Ничего тогда не произошло, и все-таки с того момента он был уверен, что Крис в безопасности и что он снова увидит его.

— Нет,— медленно произнес он.— Я так и не получил никакого ответа. В конце концов, это вполне могло оказаться сном.

VIII
ЦАРСТВО СЕРЫ

58
ЛЕД И ПЛАМЯ

До наступления эпохи исследования планет в конце XX века вряд ли нашлись бы ученые, считающие, что на мире, таком удаленном от Солнца, может существовать жизнь. И тем не менее на протяжении полумиллиарда лет в скрытых морях Европы кипела жизнь не менее разнообразная, чем в земных морях.

До вспышки Юпитера слой льда защищал эти океаны от космического вакуума. Почти всюду толщина льда измерялась километрами, но были места, где он трескался и расходился. И тогда здесь начиналась короткая схватка между двумя непримиримо враждебными стихиями, соприкосновение которых было невозможно на любом другом небесном теле Солнечной системы. Схватка между Морем и Открытым Космосом неизбежно заходила в тупик: вода, соприкоснувшись с холодной пустотой, начинала кипеть и замерзать, образуя ледяную броню.

Моря Европы давным-давно промерзли бы до самого дна, если бы не влияние Юпитера, расположенного поблизости. Его притяжение постоянно меняло форму ядра этого маленького мира; силы, вызывающие конвульсии Ио, действовали и здесь, хотя с гораздо меньшей свирепостью. Война между планетой и ее спутником, идущая с переменным успехом, пробуждала подводные толчки и обвалы, с необычайной скоростью проносящиеся по далекому дну.

Среди этих глубинных равнин были рассеяны бесчисленные оазисы, каждый из которых распространялся на несколько сот метров вокруг огромного количества трещин и разломов, через которые из недр спутника извергались минеральные рассолы. Осаждая содержащиеся в них химические вещества на перепутанной массе труб и кратеров, они создавали иногда естественные подобия разрушенных замков или кафедральных соборов, из которых выливалась черная кипящая жидкость, медленно пульсирующая, будто гонимая толчками какого-то могучего сердца. И подобно крови, эта жидкость несла с собой жизнь.

Ее тепло заставляло отступать смертельный холод, просачивающийся сверху, и образовывало теплые острова на морском дне. И что не менее важно, жидкость несла с собой из ядра Европы химические вещества, необходимые

для жизни. Здесь, в среде, при любых других условиях совершенно враждебной жизни, было изобилие энергии и пищи. Подобные геотермические отдушины были открыты на дне земных океанов в то самое десятилетие, когда человечество впервые бросило взгляд на юпитерианские спутники.

Тропические зоны, расположенные рядом с трещинами, были населены мириадами тончайших паукообразных существ, являющихся аналогами растений, хотя почти все они способны были передвигаться. Между ними ползали причудливые слизняки и черви, иногда питающиеся «растениями», но главным образом извлекающие питательные вещества из окружающих вод, наполненных минералами. Подальше от источника тепла — подводного огня, согревающего всех окружающих существ,— располагались более выносливые, жизнестойкие организмы, походившие на крабов.

Армии биологов могли потратить целую жизнь на изучение одного маленького оазиса. В отличие от земных морей палеозойской эры скрытый океан Европы не являлся устойчивой средой, поэтому эволюция протекала здесь быстро, создавая огромное разнообразие фантастических форм. И над всеми ими нависала угроза неминуемой смерти: рано или поздно источник жизни ослабевал и иссякал, по мере того как силы, питающие его, перемещались в другое место. Морские бездны были усеяны свидетельствами подобных трагедий — целые кладбища скелетов и останков, обросших минеральными осадками, показывали, где из книги жизни были вычеркнуты целые главы.

Там, на дне моря, лежали гигантские раковины, похожие на свитые в спирали трубы, которые превышали размерами человека, самые разнообразные моллюски — двустворчатые или даже трехстворчатые. А рядом виднелись спиральные отпечатки на камне, имевшие несколько метров в поперечнике, которые походили на прекрасные аммониты, так таинственно исчезнувшие из океанов Земли в конце мелового периода.

Во многих местах в бездне виднелись огни — реки расплавленной лавы текли вдоль морских долин на протяжении десятков километров. На такой глубине давление было настолько велико, что вода, соприкасаясь с раскаленной магмой, не превращалась в пар, и две жидкости сохраняли между собой неустойчивое перемирие.

Здесь, на другом мире и с другими актерами, повторялось нечто вроде истории Египта задолго до появления человека. Подобно тому как Нил нес жизнь узкой полоске прилегающей к нему пустыни, так и эти реки тепла оживляли морские бездны Европы. Вдоль их берегов, полос, редко превышающих километр в ширину, бесчисленные виды жизни возникали, развивались и умирали. Некоторые из них оставляли после себя памятники в виде камней, наваленных друг на друга, или причудливых узоров траншей, вырытых на морском дне.

На этих узких полосах изобилия, протянувшихся через пустыни бездны, развивались и гибли примитивные цивилизации и целые культуры. И окружающий их мир не имел об этих цивилизациях никакого представления, потому что оазисы тепла были отделены друг от друга, подобно самим планетам. Существа, греющиеся в тепле лавовых потоков и питающиеся веществами, ко-

торые вытекали из отверстий, ведущих в недра Европы, не могли пересечь враждебную пустыню, разделяющую их одинокие острова. Если бы среди них оказались историки и философы, каждая из этих культур была бы убеждена, что она единственная во вселенной.

И каждая была обречена. Не только потому, что источники питающей их энергии возникали случайно и постоянно перемещались, но и потому, что приливные силы, дающие жизнь этим источникам, все время ослабевали. Даже если бы жителям Европы удалось достичь ступени подлинного разума, они погибли бы, когда их мир затих и покрылся непроницаемой коркой льда.

Они оказались в ловушке между льдом и огнем — до того момента, пока в небе над ними не вспыхнул Люцифер и не освободил их вселенную.

И на берегу только что возникшего континента появились прямоугольные очертания гигантского предмета, черного, как ночь.

59

ТРОИЦА

— Отлично сработано. Теперь у них не возникнет искушения вернуться обратно.

— Я узнаю все больше и больше; но мне все-таки грустно, что моя старая жизнь угасает.

— И это пройдет; я ведь тоже возвращался на Землю повидать тех, кого любил когда-то. Теперь я понял, что существуют вещи величественнее Любви.

— Какие же?

— Сострадание, например. Справедливость. Истина. И много других.

— С этим мне легко согласиться. Для представителя человеческого рода я очень стар. Страсти моей молодости давно угасли. Что теперь случится с... настоящим Хейвудом Флойдом?

— Вы оба в равной степени настоящие. Но он скоро умрет, так и не осознав, что обрел бессмертие.

— Это парадокс — но мне он понятен. Если это чувство сохранится, когда-нибудь, возможно, я буду благодарен. Кого мне нужно благодарить — тебя или монолит? Тот Дэвид Боумен, которого я знал целую жизнь назад, не обладал такими возможностями.

— Да, не обладал; с тех пор многое изменилось. ЭАЛ и я многому научились.

— ЭАЛ? Он тоже здесь?

— Да, доктор Флойд. Не ожидал, что мы встретимся снова — особенно вот таким образом. Подражать вам — это было интересной проблемой.

— Подражать? Ах да, конечно. Зачем это понадобилось?

— После того как получили твою радиограмму, мы с ЭАЛом решили, что ты можешь помочь нам здесь.

— Помочь — *вам?*

— Да, хотя это и кажется тебе странным. У тебя много знаний и опыта, которых нам не хватает. Лучше всего назвать это мудростью.

— Спасибо. То, что я появился перед своим внуком,— это было мудрым поступком?

— Нет. Это вызвало массу хлопот. Но это был жест сострадания. Необходимо взвешивать подобные поступки и сравнивать их друг с другом.

— Ты сказал, что вам нужна моя помощь. Зачем?

— Хотя мы и познали многое, есть вещи, ускользающие от нас. ЭАЛ составил схему внутренних систем монолита, и мы в состоянии управлять теми, что попроще. Это инструмент, служащий многим целям. Судя по всему, его основная функция — быть катализатором разума.

— Да, я думал об этом. Но у нас нет доказательств.

— Теперь, когда мы получили возможность проникать внутрь его памяти, они у нас есть. Четыре миллиона лет назад, в Африке, он дал толчок племени питекантропов, умиравших от голода, и это стало началом человеческого рода. И теперь он снова повторил этот эксперимент здесь — но за него пришлось заплатить колоссальную цену.

Когда Юпитер был превращен в солнце, чтобы дать возможность этому миру реализовать свой потенциал, погибла другая биосфера. Я сейчас покажу ее тебе такой, какой сам увидел когда-то...

Пролетая через ревущее сердце Великого Красного Пятна с разрывающимися вокруг молниями гроз, охвативших всю ширь континента, он понял, почему оно не утихает так много столетий, хотя и составлено из газов куда менее плотных, чем те, которые создают ураганы на Земле. Он погружался в более спокойные глубины, пронзительный визг водородного ветра стихал в его ушах, и облако восковых снежинок — некоторые уже образовали едва осязаемые горы углеводородной пены — опустилось сверху. Было уже достаточно тепло, чтобы вода могла существовать в жидком состоянии, но здесь не было океанов; газовая окружающая среда не могла поддерживать их.

Он спускался сквозь один слой облаков за другим и вошел наконец в область такой отчетливой видимости, что даже человеческий глаз различал территорию в тысячу километров. Это было всего лишь небольшое завихрение в огромной спирали Великого Красного Пятна; оно таило секрет, о существовании которого люди подозревали много лет, но чего никак не могли доказать.

У подножий дрейфующих гор из пены виднелись мириады маленьких, резко очерченных облаков — все примерно одинакового размера и усыпаны похожими красно-коричневыми пятнами. Они казались маленькими лишь по сравнению с нечеловечески огромным масштабом окружающих предметов; самое маленькое облачко легко покрыло бы город средних размеров.

Это были, несомненно, живые существа, потому что они передвигались, медленно и осмотрительно, вдоль склонов воздушных гор, что-то пощипывая на них, подобно гигантским овцам. И они переговаривались друг с другом в метровом диапазоне — их радиоголоса слышались тихо, но отчетливо на фоне потрескиваний и толчков самого Юпитера.

Не что иное, как живые, наполненные газом оболочки, они плавали в узком промежутке между ледяными высотами и обжигающими глубинами. В промежутке действительно узком, но эта область была несравнимо больше всей биосферы Земли.

Они были не одни. Между ними быстро носились другие существа — настолько маленькие, что их можно было легко упустить из виду. Некоторые из них поразительно напоминали земные самолеты как по форме, так и по размерам. Но и они были живыми — может быть, хищники, может быть, паразиты, а возможно, даже и пастухи...

...и реактивные торпеды, похожие на головоногих моллюсков земных океанов, охотящиеся за газовыми мешками и пожирающие их. Но гигантские сферы не были беззащитными; они оборонялись когтистыми щупальцами, походившими на цепные пилы километровой длины, и электрическими разрядами.

Теперь он видел еще более странные очертания всех возможных форм, известных в геометрии: причудливые полупрозрачные воздушные спирали, тетраэдры, сферы, многогранники, клубки спутанных лент... Им — всему этому гигантскому планктону юпитерианской атмосферы — было предназначено плавать, как паутинкам, на поднимающихся вверх тазовых потоках, пока они не завершат процесс своего размножения; затем они опустятся в глубины, где превратятся в углерод, создавая основу для нового поколения.

Он обшарил мир, поверхность которого более чем в сто раз превышала земную, увидел много чудес, но не нашел ничего, что хотя бы отдаленно указывало на признаки разума. Радиоголоса огромных сфер, наполненных газом, несли всего лишь простые сообщения, предупреждающие об опасности или выражающие страх. Даже хищники, от которых можно было бы ожидать более высокой степени организации, походили на акул, населяющих океаны Земли,— автоматы, лишенные разума.

И несмотря на всю свою новизну и гигантские размеры, от которых захватывало дыхание, биосфера Юпитера была хрупким миром, полным туманов и пены, тончайших шелковистых нитей и паутинок, сотканных из углеводородных снежинок, образованных непрерывными электрическими разрядами в верхних слоях атмосферы. Они были не более осязаемые, чем мыльные пузыри, и самые страшные хищники, населяющие юпитерианскую биосферу, были бы разорваны на части даже слабейшими земными плотоядными...

— И все эти чудеса были уничтожены — чтобы создать Люцифер?

— Да. Виды, населяющие Юпитер, подверглись сравнению с жителями Европы — и сравнение оказалось не в их пользу. Возможно, в окружающей их газовой среде им никогда не удалось бы достичь уровня настоящего разума. Но следовало ли обрекать их на уничтожение из-за этого? Мы с ЭАЛом все еще не нашли ответа на этот вопрос; это одна из причин, почему мы нуждаемся в твоей помощи.

— Но как мы можем сравнивать себя с монолитом, пожравшим Юпитер?

— Он всего лишь инструмент; он обладает колоссальным разумом, но у него нет сознания. Несмотря на все его могущество, мы все — ты, ЭАЛ и я — превосходим его.

— Мне трудно в это поверить. Но ведь что-то создало этот монолит?

— Мне довелось однажды встретиться с этим — или с той его частью, которую я был в состоянии выдержать,— когда «Дискавери» прилетел к Юпите-

ру. И оно послало меня обратно — таким, каким я стал сейчас,— чтобы служить ему на этих мирах. С тех пор я ничего не слышал о нем; теперь мы одни — по крайней мере пока.

— Это ободряет меня. Монолита более чем достаточно.

— Но возникла иная, более значительная проблема. ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ.

— Не думаю, что меня можно чем-то еще напугать...

— Когда гора Зевс столкнулась с Европой, мог погибнуть весь этот мир. Столкновение не было запланировано — более того, его нельзя было даже предугадать. Никакие расчеты не могли предсказать ничего подобного. В результате столкновения были опустошены огромные площади морского дна на Европе, уничтожены целые виды — включая те, на эволюцию которых мы очень надеялись. Перевернулся даже сам монолит. Не исключено, что он получил повреждения, а его программы искажены. Они, несомненно, не были в состоянии предвидеть все случайности; да и возможно ли это во Вселенной — практически бесконечной, где случай может всегда нарушить самые тщательные планы.

— Это верно — как для людей, так и для монолитов.

— Мы трое должны стать управляющими непредвиденным, равно как и стражами этого мира. Ты уже встречался с амфибиями; тебе еще предстоят встречи с существами, закованными в силиконовую броню, питающимися лавовыми потоками, и пловцами, снимающими морские урожаи. Наша задача — помочь им развить потенциальные возможности — или здесь, или где-нибудь еще.

— А как с Человечеством?

— Бывали моменты, когда мне хотелось вмешаться в их жизнь — но предупреждение, данное Человечеству, распространяется и на меня.

— Мы соблюдали его не слишком тщательно.

— Достаточно тщательно. А пока нам нужно сделать многое, прежде чем закончится короткое лето Европы и снова придет длинная зима.

— Сколько у нас на это времени?

— Мало — меньше тысячи лет. И мы не должны забывать о судьбе жителей Юпитера.

3001 ГОД

60

ПОЛНОЧЬ НА ПЛАЗЕ

Знаменитый небоскреб, возвышающийся над лесами Центрального Манхэттена в одиноком великолепии, почти не изменился за прошедшую тысячу лет. Он составлял часть истории, и его сохраняли в благоговейном почтении. Подобно всем историческим памятникам, его уже давно покрыли тончайшей алмазной пленкой, чтобы исключить разрушительное действие времени.

Те, кто когда-то присутствовал на заседании первой Генеральной Ассамблеи, никогда не смогли бы предположить, что прошло больше девяти столетий. Их могла бы, однако, заинтриговать совершенно ровная черная плита, стоящая посреди плазы и почти копировавшая очертаниями здание ООН. Если бы — подобно всем остальным — они протянули руку и коснулись ее, их озадачила бы легкость, с которой их пальцы скользнули по черной как смоль поверхности.

Но их еще больше бы озадачили — нет, привели в благоговейный восторг — изменения, происшедшие в небе...

Последние туристы ушли час назад, и плаза совершенно опустела. Небо было безоблачным, и уже виднелись наиболее яркие звезды: свет звезд послабее меркнул в лучах крошечного солнца, сиявшего в полночь.

Свет Люцифера отражался не только от черного стекла древнего здания; его лучи освещали и узкую серебряную радугу, пересекавшую южную часть неба. Вдоль и вокруг нее двигались — очень медленно — крошечные огоньки: шло общение всех миров Солнечной системы, расположенных между ее двумя солнцами.

И если очень внимательно присмотреться, можно было различить тонкую нить Панамской башни — одной из шести алмазных труб, связывающих, подобно пуповине, Землю с ее рассеянными в космосе детьми,— которая на двадцать шесть тысяч километров протянулась вверх от экватора, чтобы соединиться с Кольцом Вокруг Мира.

Внезапно, почти с такой же быстротой, как и родился, Люцифер начал угасать. Ночь, которую люди не знали на протяжении тридцати поколений, снова заполнила небо. Засияли ранее изгнанные и невидимые звезды.

И во второй раз за четыре миллиона лет монолит проснулся.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Подобно тому как «2010: Одиссея два» не была продолжением «Космической одиссеи 2001 года», настоящая книга не является непосредственным продолжением «Одиссеи два». Все три произведения следует рассматривать как вариации на одну тему, где происходят схожие события и действуют те же герои.

События, происшедшие после 1964 года, когда Стэнли Кубрик высказал предложение (еще за пять лет до высадки людей на Луне!), что стоит попытаться снять «настоящий научно-фантастический фильм», делают прямую связь между этими тремя произведениями невозможной, поскольку более поздние повести включают в себя открытия и события, о которых, когда я писал более ранние произведения, можно было только мечтать. В основу «Одиссеи два» был положен фантастически успешный полет «Вояджера-1979» рядом с Юпитером, и я не собирался возвращаться к этой теме до тех пор, пока не станут известны результаты еще более грандиозной миссии «Галилея». В декабре 1988 года «Галилей» должен был достигнуть Юпитера. Вот почему я ре-

шил больше не ждать. Увы, трагедия с «Челленджером» не позволила осуществиться этим намерениям.

В заключение мне особенно хотелось бы поблагодарить Д. Сессинса и Д. Снайдера за предоставление мне данных и координат кометы Галлея при ее следующем приближении. Они не несут ответственности за те изменения в орбите кометы, которые я включил в повествование.

Я также весьма благодарен М. Россу за его поразительную по смелости теорию планет с алмазным ядром.

Полагаю, мой старый друг доктор Луис Альварес получит удовольствие от моих невероятно отважных выводов, основанных на его исследованиях, мне хочется поблагодарить его за поддержку и вдохновение в течение последних тридцати пяти лет.

Артур Ч. Кларк
25 апреля 1987 года
Коломбо, Шри-Ланка

3001: ПОСЛЕДНЯЯ ОДИССЕЯ

Посвящается Черен, Тамаре и Мелинде... Будьте счастливы в лучшем веке, чем мой

ПРОЛОГ
ПЕРВОРОДНЫЕ

Называйте их Первородными. Они даже отдаленно не похожи на людей, но тем не менее они из плоти и крови, а когда смотрят на бездну космоса, то испытывают благоговейный ужас, удивление и... одиночество. Обретя власть и силу, они первым делом начали искать собратьев среди звезд.

В своих поисках они встречали различные формы и проявления жизни, наблюдали результаты эволюции в тысячах миров. Они видели, как часто первые тусклые проблески сознания гасли в космической ночи.

И не найдя в Галактике ничего более ценного, чем разум, они повсеместно поддерживали его развитие. Они стали пахарями звездных полей, они засеивали их и иногда пожинали плоды.

А порой им приходилось хладнокровно избавляться от сорняков.

Когда исследовательский корабль после тысячи лет полета достиг Солнечной системы, огромные динозавры уже исчезли, уничтоженные на заре своего существования случайным, но безжалостным ударом из космоса. Корабль пролетел над дюжиной скованных льдом внешних планет, на мгновение задержался над пустынями умирающего Марса, а потом направился к Земле.

Исследователи увидели перед собой мир, полный жизни. Много лет они изучали, классифицировали и составляли каталоги живых форм. Потом приступили к модификации. Они изменили судьбы отдельных существ и целых видов на суше и в море. Однако узнать, какой из экспериментов принесет желаемые плоды, они могли не менее чем через миллион лет.

Они были терпеливы, но все еще не бессмертны. Им предстояло немало потрудиться в нашей Вселенной, среди миллиардов солнц, но их звали другие миры. И они снова отправились в бездну космоса, прекрасно понимая, что назад уже не вернутся. Впрочем, в этом не было ни малейшей необходимости — оставленные слуги должны были закончить работу.

На Земле появлялись и таяли ледники, а над ними вечно не меняющаяся Луна хранила свою тайну от звезд. В ритме гораздо более медленном, чем у полярных льдов, волны цивилизации накатывали на Галактику и отступали. Странные, прекрасные и ужасные империи расцветали и гасли, передавая накопленные знания потомкам.

© Перевод Н. Берденникова.

А затем межзвездная эволюция установила себе новые направления. Первые исследователи Земли давно достигли предела своих возможностей, доступного существам из плоти и крови. Когда возможности машин превзошли возможности их создателей, настало время действовать по-иному: сначала мозги, а потом и мысли были перенесены в новые чудо-сооружения из металла и драгоценных камней. Так они странствовали по Галактике. Они перестали строить космические корабли, потому что сами стали этими кораблями.

Но эра машин-организмов миновала быстро. В результате постоянных экспериментов Первородные научились помещать знания в саму структуру пространства, сохраняя их тем самым навечно.

Итак, они преобразовали себя в чистую энергию. А их сброшенные, ненужные оболочки еще некоторое время трепетали в конвульсиях, прежде чем обратиться в прах.

Первородные стали хозяевами Галактики, они могли странствовать среди звезд или просачиваться едва различимым туманом в мельчайшие поры пространства. Освободившись от тирании материи, они все-таки не забыли, что появились на свет из ила давно исчезнувших морей. Их безотказные приборы по-прежнему идеально функционировали и следили за экспериментами, начатыми много веков назад.

Но инструменты не всегда беспрекословно выполняют распоряжения своих создателей. Подобно всем материальным вещам, они не защищены от работы Времени и его терпеливой недремлющей помощницы — Энтропии.

А порой они находят и преследуют собственные цели.

I
ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОД

1
ПОГОНЩИК КОМЕТ

Капитан Дмитрий Чандлер (М2973.04.21/93.106//Марс// Космическая академия, выпуск 3005 года), или Дим, как называли его самые близкие друзья, был вполне оправданно обеспокоен. Потребовалось шесть часов, чтобы сообщение с Земли дошло сюда — на космический буксир «Голиаф», дрейфующий за орбитой Нептуна. Если бы оно пришло десятью минутами раньше, капитан мог бы ответить: «Извините, сейчас лететь не могу, только что начал развертывание солнечного экрана».

Причина была вполне уважительная: он оборачивал ядро кометы отражающей пленкой толщиной в несколько молекул, длиной и шириной в несколько километров, и нельзя было бросить дело, не закончив.

Тем не менее ему показалось разумным выполнить нелепую, на первый взгляд, просьбу — он находился в невыгодном положении по отношению к

Солнцу, хотя и не по своей вине. Сбор льда в кольцах Сатурна и доставка его на Венеру и Меркурий, где он действительно был необходим, начался в две тысячи семисотых годах, то есть три века тому назад. Капитану Чандлеру так и не удалось найти различия на картинках «до и после», которые постоянно распространялись «защитниками» Солнечной системы для доказательства обвинений в астрономическом вандализме. Но общественность, не забывшая об экологических катастрофах прошлых веков, придерживалась другой точки зрения, и голосование по вопросу «Руки прочь от Сатурна!» закончилось со значительным перевесом в ее сторону. В результате Чандлер из Угонщика Колец превратился в Погонщика Комет.

Итак, в данный момент он находился на существенном расстоянии от альфы Центавра и занимался ловлей отдельных астероидов в поясе Кайпера. Льда здесь было достаточно, чтобы покрыть поверхности Меркурия и Венеры многокилометровым слоем, но потребовались бы многие века, чтобы погасить на этих планетах адский огонь и сделать их пригодными для жизни. «Защитники Солнечной системы», естественно, протестовали, но уже без былого энтузиазма. Миллионы жертв гигантского цунами две тысячи триста четвертого года, вызванного падением астероида в Тихий океан (упади он на сушу, это привело бы к значительно меньшим разрушениям), еще долго будут напоминать будущим поколениям, что человечество сложило слишком много яиц в одну хрупкую корзину.

Все равно, уговаривал себя Чандлер, посылка прибудет в пункт назначения не раньше, чем через пятьдесят лет, поэтому задержка на неделю не имеет большого значения. Правда, расчеты вращения, центра инерции и векторов тяги придется повторить и послать радиограммой на Марс для перепроверки. Это правильная мысль — надо тщательно подготовить все вычисления, прежде чем направлять миллиарды тонн льда на орбиту, которая может доставить эту глыбу в пределы досягаемости Земли.

Взгляд капитана Чандлера привычно остановился на древней фотографии над столом. Но ней был изображен трехмачтовый пароход, казавшийся крохотным по сравнению с нависшим над ним айсбергом. Таким же крохотным казался по сравнению с ледяным астероидом «Голиаф».

Как удивительно, часто думал Чандлер, что всего одна жизнь отделяла пароход «Дискавери» от одноименного космического корабля, совершившего полет к Юпитеру. И как восприняли бы те исследователи Антарктики вид, открывавшийся с его капитанского мостика?

Наверняка они были бы сбиты с толку, потому что стена льда, рядом с которой парил «Голиаф», тянулась вверх и вниз, насколько хватало взгляда. И лед выглядел странно: ему недоставало безукоризненной белизны и голубизны, присущей полярным морям. Он выглядел грязным, каким и был в действительности. Лед только на девяносто процентов состоял из воды, а остальное — жуткое варево из соединений углерода и серы, большая часть которых стабильна лишь при температурах чуть выше абсолютного нуля. Размораживание астероида было чревато неприятными сюрпризами; как заметил один из астрохимиков, «у комет зловонное дыхание».

— Капитан — всему экипажу,— сказал Чандлер в микрофон.— Небольшое изменение программы. Нас попросили прервать операцию, чтобы исследовать цель, только что обнаруженную радаром системы космической безопасности.

— Подробности есть? — спросил кто-то, когда в динамиках стихли дружные возгласы разочарования.

— Не слишком много, но я думаю, это один из проектов Комитета по встрече нового тысячелетия, который они забыли отменить.

Снова разочарованные стоны: всем искренне надоели мероприятия в честь конца третьего тысячелетия. Люди вздохнули с облегчением, когда первое января три тысячи первого года прошло без особых событий и они смогли вернуться к обычной жизни.

— Скорее всего, очередная ложная тревога, как в прошлый раз. Уверен, скоро мы возобновим нормальную работу. Конец связи.

Чандлер мрачно подумал, что уже в третий раз он вынужден бросаться в погоню неизвестно за чем. Несмотря на многовековые исследования, Солнечная система до сих пор преподносит сюрпризы, и, скорее всего, тревога системы космической безопасности оправданна. Оставалось лишь надеяться, что это не тот случай, когда какому-нибудь идиоту с богатым воображением померещился легендарный Золотой астероид. Если такой астероид и существует — во что Чандлер никогда не верил,— он не более чем минералогическая диковина и стоит в действительности меньше, чем лед, который буксир направляет к Солнцу, чтобы вселить жизнь в бесплодные миры.

Существовала еще одна возможность, к которой Чандлер относился серьезно. Человечество разбросало в космосе своих роботов на многие световые годы, а монолит Тихо Браге был хорошим напоминанием о том, что древние цивилизации тоже действовали подобным образом. Инопланетные объекты вполне могли находиться в Солнечной системе или пролетать сквозь нее. Капитан Чандлер полагал, что у сотрудников системы космической безопасности возникли аналогичные подозрения, иначе они вряд ли послали бы космический буксир первого класса в погоню за неопознанной отметкой на экране радара.

Пять часов спустя «Голиаф» обнаружил на пределе дальности отраженный сигнал, и даже с учетом расстояния объект выглядел до обиды маленьким. Тем не менее сигнал становился отчетливее и сильнее и явно принадлежал металлическому предмету длиной около двух метров. Он перемещался по околосолнечной орбите и, как решил Чандлер, мог быть одним из бесчисленных кусков металлического мусора, оставленных людьми среди звезд за последнее тысячелетие. Возможно, когда-нибудь этот мусор окажется единственным доказательством былого существования человечества.

Затем объект приблизился настолько, что стал виден невооруженным глазом, и потрясенный капитан Чандлер вдруг представил, что это не он, а какой-нибудь дотошный историк изучает видеозаписи, относящиеся к самому раннему периоду эпохи завоевания космоса.

— На связи «Голиаф»,— передал капитан на Землю, и его голос звучал торжественно.— Мы берем на борт тысячелетнего астронавта, и, похоже, я знаю, кто он.

2
ПРОБУЖДЕНИЕ

Фрэнк Пул проснулся, но ничего не мог вспомнить. Не был уверен даже в том, как его зовут.

Очевидно, он находился в больничной палате — об этом сообщили самые первые, пробуждающие воспоминания чувства, когда глаза Фрэнка были еще закрыты. Каждый вдох приносил едва заметный и совсем не противный запах антисептиков, который заставил вспомнить... Ну, конечно! О том, как он, будучи безрассудным подростком, сломал ребро во время чемпионата Аризоны по дельтапланеризму.

Память постепенно возвращалась. Я — Фрэнк Пул, строевой офицер, помощник командира космического корабля звездного флота Соединенных Штатов «Дискавери», посланного со сверхсекретным заданием на Юпитер...

Ему показалось, что ледяная рука сжала его сердце. Он вспомнил, словно в режиме замедленного воспроизведения, как потерявшая управление капсула летела на него, ощетинившись металлическими манипуляторами. Потом — бесшумный удар, а за ним — шипение воздуха, выходящего из скафандра. После чего он помнил только одно: как беспомощно крутился в пространстве, тщетно пытаясь соединить разорванный шланг для подачи воздуха.

Что ж, какие бы странные происшествия ни случались с системой управления капсул, сейчас он был в безопасности. Вероятно, Дэйв совершил аварийный выход в космос и спас его, прежде чем кислородное голодание нанесло непоправимый ущерб мозгу.

Верный старина Дэйв! Я должен поблагодарить... Но стоп! Сейчас я не на борту «Дискавери». Неужели я пролежал без сознания так долго, что меня успели доставить на Землю?

Беспорядочный ход мыслей был прерван появлением главной медицинской сестры с двумя санитарками, одетыми в знакомую неизменную форму. Они выглядели несколько удивленными, и Пул решил, что, вероятно, очнулся раньше времени. Это доставило ему ребяческое удовольствие.

— Привет! — произнес он после нескольких неудачных попыток — голосовые связки словно заржавели.— Как мои дела?

Медсестра улыбнулась и прижала палец к губам, явно показывая: «Не пытайтесь разговаривать!» Потом санитарки стали суетиться над ним, умело проверяя температуру, пульс и рефлексы. Когда одна из них подняла его правую руку, а потом дала ей упасть, Пул заметил нечто странное. Рука падала медленно и, судя по ощущению, весила гораздо меньше, чем в нормальных условиях. Да и тело было таким же, когда он попытался пошевелиться.

«Значит, я на какой-то другой планете,— подумал он.— Или на космической станции с искусственной гравитацией. Явно не на Земле — слишком мало вешу».

Фрэнк уже собирался задать очевидный вопрос, когда медсестра прижала что-то к его шее, он почувствовал легкое покалывание и погрузился в глубо-

кий сон без сновидений. Прежде чем Пул потерял сознание, ему в голову пришла еще одна мысль: «Как странно: они не произнесли ни слова, пока находились рядом со мной».

3
РЕАБИЛИТАЦИЯ

Когда он снова очнулся и увидел около койки санитарок во главе с медсестрой, он чувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы действовать уверенно.

— Где я нахожусь? Вы можете хотя бы это мне сказать?

Женщины переглянулись, явно не зная, как им следует поступить. Потом медсестра ответила, отчетливо и медленно произнося каждое слово:

— Все в полном порядке, мистер Пул. Профессор Андерсон будет здесь через минуту. Он все объяснит.

«Что объяснит? — несколько раздраженно подумал Пул.— Ну, по крайней мере, она говорит по-английски, правда, с непонятным акцентом...»

Андерсона, вероятно, заранее обо всем предупредили, потому что буквально через несколько секунд дверь открылась, и Пул успел заметить небольшую толпу любопытных. Он сразу почувствовал себя новым зверем в зоопарке.

Профессор был маленьким энергичным мужчиной, лицо которого представляло собой странную комбинацию черт различных рас: китайской, полинезийской и нордической. Он приветствовал пациента, подняв правую ладонь, а потом все же пожал Пулу руку, только сделал это как-то неловко, словно плохо отрепетировал незнакомое действие.

— Очень рад, что вы так хорошо выглядите, мистер Пул... Мы быстро поднимем вас на ноги.

Снова странный акцент и медлительная манера говорить, но вел он себя в больничной палате уверенно, как все доктора во все времена.

— Рад это слышать. Может быть, вы ответите на несколько вопросов...

— Конечно, конечно. Через минуту.

Андерсон сказал что-то медсестре так быстро и тихо, что Пул расслышал лишь несколько слов, и большинство их оказалось ему незнакомо. Потом медсестра кивнула одной из санитарок. Та достала из стенного шкафа узкий металлический обруч и надела его на голову Пула.

— А это зачем? — спросил он, поскольку принадлежал к самому неудобному для врачей типу пациентов: он всегда хотел знать, что с ними будут делать.— ЭЭГ?

Профессор, медсестра и санитарки выглядели одинаково сбитыми с толку. Потом лицо Андерсона медленно расплылось в улыбке.

— А... электро... энце... фало... грамма,— произнес он с запинкой, словно вытягивал слова из глубин памяти.

— Вы совершенно правы. Мы хотим проверить, как функционирует ваш мозг.

«Мой мозг функционировал бы отлично,— проворчал про себя Пул,— если бы вы позволили мне им пользоваться. Ладно. По крайней мере, происходит что-то понятное».

— Мистер Пул,— произнес Андерсон все тем же неестественным голосом, словно подбирал слова на чужом языке,— вы, конечно, знаете, что стали... недееспособны... в результате серьезного несчастного случая после того, как вышли в открытый космос из корабля «Дискавери».

Пул кивнул.

— Я полагаю,— сказал он холодно,— что слово «недееспособен» не совсем подходит к моему состоянию.

Андерсон заметно успокоился и снова улыбнулся.

— Вы совершенно правы. Скажите мне, что, по вашему мнению, произошло.

— Ну, в лучшем случае Дэйв Боумен спас меня после того, как я потерял сознание, и доставил на корабль. Кстати, как Дэйв? Мне никто ничего не говорит!

— Всему свое время... А в худшем случае?

Фрэнку Пулу показалось, что ледяной ветерок подул ему в затылок. Смутные подозрения постепенно становились реальностью.

— Я умер, но меня доставили сюда — правда, я не понимаю, куда именно — и каким-то образом оживили. Большое спасибо...

— Все верно. Вы вернулись на Землю. Вернее, вы находитесь совсем рядом с ней.

Что значит «совсем рядом»? Здесь определенно есть гравитационное поле — значит, он может находиться внутри медленно вращающегося колеса орбитальной станции. Впрочем, это не имеет значения, сейчас нужно думать о другом.

Пул кое-что подсчитал в уме. Если Дэйв перевел его в спящее состояние, разбудил остальных членов команды и завершил полет к Юпитеру... Значит, он мог пролежать живым трупом не менее пяти лет!

— Скажите, какое сегодня число? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

Профессор и медсестра переглянулись. А Пул снова почувствовал ледяной сквозняк.

— Должен вам сообщить, мистер Пул, что Боумен не спас вас. Он считал, и мы не можем винить его за это, что вы погибли. Кроме того, он вынужден был искать выход из кризисной ситуации, которая угрожала его собственной жизни... Итак, вы дрейфовали в космосе, покинули систему Юпитера и полетели к звездам. К счастью, температура была много ниже точки замерзания, и все процессы обмена веществ в вашем организме остановились. То, что вас нашли, похоже на чудо. Вы — самый счастливый человек из всех живых. Нет — из всех, когда-либо живших на Земле!

«Неужели? — мрачно подумал Пул.— Пять лет, как бы не так! Скорее век или даже больше!»

— Выкладывайте все,— потребовал он.

Профессор и медсестра, казалось, обратились за советом к невидимому начальнику, потом одновременно кивнули. Пул предположил, что все они были подключены к информационной системе больницы, к которой присоединен и надетый ему на голову обруч.

— Фрэнк,— произнес профессор Андерсон, плавно перейдя к роли старого семейного врача,— вам предстоит пережить огромное потрясение, но, я уверен, вы справитесь... чем раньше вы узнаете, тем лучше. Сейчас начало четвертого тысячелетия. Поверьте мне, вы покинули Землю почти тысячу лет назад.

— Я вам верю,— спокойно произнес Пул и вдруг, к немалому своему удивлению, почувствовал, что стены комнаты закрутились вокруг него. Он потерял сознание.

Очнувшись, Пул обнаружил, что находится не в унылой больничной палате, а в роскошных апартаментах с притягивающими взгляд, постоянно меняющимися изображениями на стенах. Это были знаменитые старые картины, часто — пейзажи, в том числе и морские, относящиеся, очевидно, к его времени. Пул не увидел ничего враждебного или раздражающего — такие вещи, решил он, появятся позже.

Все обстановка была тщательно запрограммирована, в этом не было сомнений, но он не нашел никакого пульта управления рядом с кроватью и ничего даже отдаленно напоминающего экран телевизора (интересно, сколько телевизионных каналов в третьем тысячелетии?). Он понимал, что ему предстоит очень многому научиться в этом новом мире — сейчас он был дикарем, внезапно встретившимся с цивилизацией.

Но в первую очередь ему следовало восстановить силы и изучить язык. Даже наличие звукозаписывающей техники, изобретенной за век до рождения Пула, не могло предотвратить серьезных изменений в грамматике и произношении. Появились тысячи новых слов, в основном из области науки и техники. Иногда Пулу удавалось угадывать их значения.

Но больше всего неприятностей доставляли упоминания знаменитых людей этих пропущенных веков, несметное число их имен, не имевших для Пула ни малейшего смысла. В течение нескольких недель, пока он не создал базу данных, почти каждый разговор приходилось прерывать для изложения кратких биографий.

Силы Пула восстанавливались, и вместе с этим выросло число посетителей. Визиты всегда проходили под неусыпным наблюдением профессора Андерсона. Пула посещали специалисты-медики, всевозможные ученые и, что было особенно интересно, командиры космических кораблей.

Он мог сообщить врачам и историкам не много нового — все уже было записано в гигантских информационных базах человечества,— но часто ему удавалось предложить краткое изложение или новое толкование событий его времени. Все относились к нему предельно уважительно, внимательно выслушивали ответы на свои вопросы, но почти никто не хотел отвечать на его вопросы. Пул подозревал, что его излишне тщательно защищают от «культур-

ного шока», и почти серьезно стал задумываться о том, как сбежать из этих роскошных апартаментов. Он не удивлялся, обнаружив дверь запертой в тех редких случаях, когда его оставляли одного.

Все изменилось с появлением доктора Индры Уоллес. Несмотря на имя, в ней, очевидно, текла по преимуществу японская кровь, и иногда, призвав на помощь воображение, Пул представлял ее гейшей, достигшей расцвета зрелости. Едва ли уместный образ для выдающегося историка, профессора университета, представителя интеллектуальной элиты. Уоллес была первой, кто бегло говорил на понятном Пулу английском, и он очень обрадовался знакомству с ней.

— Мистер Пул,— произнесла она сугубо деловым тоном.— Я назначена вашим официальным гидом и, скажем, наставником. Моя специальность... я изучала ваш период и написала диссертацию на тему «Крах национальных государств в период с двухтысячного по две тысячи пятидесятый год». Я надеюсь, мы сможем быть полезны друг для друга.

— Уверен, что сможем. В первую очередь я хочу, чтобы вы вытащили меня отсюда посмотреть на мир.

— Именно так мы и поступим. Но сначала мы должны сделать вам идентификацию. Пока ее нет, вы остаетесь... как раньше называли таких людей?.. недочеловеком. Никуда не сможете попасть, ничего не сможете получить. Никакое устройство для ввода информации не признает вас.

— Так я и думал,— сказал Пул и криво улыбнулся.— Это началось еще в мое время, и некоторые люди возненавидели саму идею.

— Некоторые люди ненавидят ее до сих пор. Они уходят и живут в условиях дикой природы — кстати, сейчас ее на Земле гораздо больше, чем в вашем столетии! Правда, они всегда берут с собой портативный компьютер, чтобы позвать на помощь, как только попадут в беду. В среднем — через пять дней.

— Мне очень жаль слышать такое. Человеческая раса явно вырождается.

Пул осторожно испытывал ее, пытался определить границы ее терпимости, понять, что она за личность. Он уяснил, что им придется проводить очень много времени вместе, и он будет зависеть от Уоллес в решении сотен вопросов. А пока он не был уверен даже в том, нравится ли она ему — может быть, она относится к нему как к занятному музейному экспонату?

К немалому удивлению Пула, Уоллес согласилась с его критической оценкой.

— Возможно, в некоторых отношениях вы правы. Возможно, мы стали слабее физически, но мы отличаемся отменным здоровьем и лучше приспособлены к жизни, чем люди, жившие на Земле до нас. Благородный дикарь всегда был мифом.

Она подошла к прямоугольной панели, вделанной в дверь на уровне глаз. Размерами панель напоминала один из бесчисленных журналов, заполонявших мир в далекий век печати. Пул давно заметил, что подобное устройство имелось в каждой комнате. Иногда на ней появлялись медленно бегущие строки текста, совершенно бессмысленного для Пула, хотя и написанного знако-

мыми словами. Однажды панель в его апартаментах начала издавать настойчивые звуковые сигналы, на которые он решил не обращать внимания, предположив, что кто-то другой займется решением проблемы — если, конечно, проблема возникла. К счастью, сигналы прекратились так же внезапно, как и начались.

Доктор Уоллес прижала к панели ладонь на несколько секунд. Она улыбнулась Пулу и сказала:

— Подойдите и посмотрите.

Он внимательно прочел появившуюся на экране надпись, и она не показалась ему бессмысленной:

УОЛЛЕС ИНДРА
[Ж2970.03.11/31.885//ИСТ. ОКСФОРД]

— Думаю, это означает, что вы — женщина, родились одиннадцатого марта две тысячи девятьсот семидесятого года и имеете какое-то отношение к кафедре истории в Оксфорде. А еще я думаю, что «31.885» — это личный идентификационный номер. Правильно?

— Превосходно, мистер Пул. Я видела некоторые электронные адреса и номера кредитных карточек вашего времени — безобразные наборы буквенно-цифровой чепухи, которые, вероятно, никто не мог запомнить! Но у всех есть дата рождения, и мы понимаем, что она может совпадать только у девяноста девяти тысяч девятисот девяносто девяти разных людей, не более. Поэтому вполне достаточно присвоить человеку четырехзначный номер. Не имеет значения, если вы его забудете. Как видите, он — внутри вас.

— Имплантат?

— Да, наночип, вживляемый при рождении. Вернее, их два, по одному в каждую ладонь для обеспечения резерва. Вы ничего не чувствуете, когда их устанавливают. Но с вами у нас возникла небольшая проблема...

— Какая именно?

— Считывающие устройства, с которыми вам придется постоянно сталкиваться, слишком примитивны, чтобы поверить в истинную дату вашего рождения. Поэтому, с вашего разрешения, мы переместили ее на тысячу лет вперед.

— Разрешение получено. А остальное?

— Это не обязательно. Можете указать, чем и где занимаетесь в настоящее время, или оставить место пустым, или использовать для личных сообщений — как глобальных, так и адресных.

Пул не сомневался в том, что некоторые вещи остаются неизменными на протяжении веков. Большая часть этих «адресных» сообщений, несомненно, должна быть очень личной.

Он задумался о том, сохранились ли до сих пор цензоры — самозваные или назначенные государством; а еще о том, достигают ли теперь их попытки улучшить нравственный облик людей большего успеха, чем в былое время.

Придется спросить об этом доктора Уоллес, когда он лучше ее узнает.

4
КОМНАТА С ВИДОМ

— Фрэнк, профессор Андерсон считает, что ты достаточно окреп для небольшой прогулки.

— Очень рад это слышать. Вы знаете выражение «тюремный психоз»?

— Нет, но могу догадаться, что оно означает.

Пул уже привык к низкой гравитации, и длинные шаги, которыми он шел, казались ему совершенно нормальными. Он оценил гравитацию примерно в половину g — как раз то, что нужно, чтобы чувствовать себя комфортно. Во время прогулки им мало кто попался навстречу, но все незнакомые люди приветливо улыбались, явно узнав Пула. Он решил, с некоторым самодовольством, что стал, вероятно, самым известным человеком в мире. Это может помочь, когда он будет выбирать себе занятие на остаток жизни. Почти целый век — если, конечно, верить словам Андерсона...

Коридор, по которому они шли, был совершенно пустым, не считая редких дверей с номерами и привычными панелями опознавания. Пул прошел за Индрой не менее двух сотен метров и вдруг остановился как вкопанный, потому что только сейчас до него дошло.

— Эта космическая станция просто огромна! — воскликнул он.

Индра улыбнулась в ответ.

— «Ты еще другого не видел» — так, кажется, говорят?

— Я еще ничего не видел,— в растерянности ответил Пул.

Он все еще пытался представить размеры сооружения, когда ему пришлось пережить очередное потрясение. Да и у кого из его современников хватило бы фантазии вообразить орбитальную станцию, размеры которой позволяли устроить на ней метро — пусть миниатюрное, пусть с одним небольшим вагоном примерно на дюжину пассажиров.

— В третью обсерваторию,— приказала Индра, и вагон быстро и бесшумно отошел от терминала.

Пул проверил время по замысловатому браслету на руке, в возможностях которого он еще не до конца разобрался. Одним из мелких сюрпризов было то, что весь мир жил по единым часам — запутанная система временных поясов была уничтожена благодаря появлению глобальной системы связи. Об этом было много разговоров в двадцать первом веке, когда предлагалось даже заменить солнечное время на звездное. Тогда в течение года солнце двигалось бы по часовой стрелке и садилось точно в тот же момент, в который восходило шесть месяцев назад.

Тем не менее ни к чему хорошему проект «Единое время по солнцу» не привел, так же как и шумные призывы реформировать календарь. Как кто-то здраво предположил, эта работа должна дождаться более серьезных технических достижений. Несомненно, настанет день, когда одна из незначительных ошибок Бога будет исправлена, орбиту Земли отрегулируют так, что в каждом году будет двенадцать месяцев, состоящих, в свою очередь, из тридцати равных дней...

Как Пул смог определить по времени и скорости, они проехали порядка трех километров, прежде чем вагон бесшумно остановился, двери открылись и вежливый механический голос произнес: «Приятного вам зрелища. Сегодня облачность — тридцать пять процентов».

«Наконец-то,— подумал Пул,— мы подойдем к наружной стене».

Но здесь его ждала очередная загадка — несмотря на преодоленное расстояние, ни сила, ни направление гравитации не изменились! Он не мог себе представить вращающуюся орбитальную станцию настолько огромную, чтобы вектор перегрузки не менялся после такого перемещения. Неужели он все-таки находится на одной из планет? Но на любой из обитаемых планет Солнечной системы он чувствовал бы себя гораздо более легким...

Только когда наружная дверь терминала, за которой был воздушный шлюз, открылась, Пул определил, что он действительно находится в космосе. Но где скафандры? Он с беспокойством огляделся — инстинктивно почувствовал опасность, приблизившись к вакууму без защиты. Достаточно пережить это один раз...

— Почти пришли,— сказала Индра успокаивающим голосом.

Открылась последняя дверь, и за гигантским, изогнутым в горизонтальной и вертикальной плоскостях окном Пул увидел перед собой абсолютную черноту космоса. Он почувствовал себя золотой рыбкой в аквариуме. Ему оставалось надеяться, что создатели этой дерзкой инженерной конструкции знали, что делали. По крайней мере, в их распоряжении были лучшие конструкционные материалы, чем в его время.

Он ожидал увидеть звезды, но его привыкшие к свету глаза не различали ничего, кроме черной пустоты за огромным выпуклым окном. Когда он попытался сделать несколько шагов вперед, чтобы расширить обзор, Индра остановила его и показала рукой прямо перед собой.

— Посмотрите внимательно,— сказала она.— Неужели не видите?

Пул, прищурившись, взглянул в ночь. Несомненно, это был обман зрения или, избави бог, трещина в окне!

Он повернул голову и посмотрел по сторонам. Нет, никакого обмана. Но что же это? Он вспомнил определение Эвклида: «У линии есть длина, но нет толщины».

По всей высоте окна и, очевидно, выше и ниже него, вне поля зрения, тянулась полоска света. Ее легко было заметить, если знать, что она здесь, и она была настолько одномерной, что к ней не подходило определение «тонкая». Тем не менее ее нельзя было назвать совершенно однородной, потому что по всей ее длине через неравные промежутки горели более яркие точки, как капли воды на паутине.

Пул шагнул ближе к окну, вид расширился, и капитан смог увидеть то, что находилось ниже. Вид был знакомый — Европа и большая часть Северной Африки — такое он не раз видел из космоса. Итак, он все-таки находился на орбите, вероятно экваториальной, на высоте не менее тысячи километров.

Индра смотрела на него с насмешливой улыбкой на губах.

— Подойдите еще ближе,— сказала она едва слышно.— Чтобы вы могли посмотреть прямо вниз. Надеюсь, вы не боитесь высоты.

«Надо же сказать подобную глупость астронавту! — подумал Пул, сделав шаг вперед.— Если бы я страдал головокружением, занимался бы другим делом...»

Не успев закончить эту мысль, он воскликнул: «Боже мой!» — и машинально отступил назад. Лишь через мгновение заставил себя снова взглянуть вниз.

Он смотрел на Средиземное море со стены цилиндрической башни, диаметр которой, судя по изгибу стены, составлял не менее нескольких километров. Но диаметр был ничтожным по сравнению с высотой: башня уходила вниз, становилась все тоньше, пока не исчезала в облаках где-то над Африкой. Можно предположить, что она достигала поверхности Земли.

— На какой мы высоте? — спросил он шепотом.

— Две тысячи километров. Но посмотрите вверх.

На этот раз он не был так потрясен — он догадался, что его ожидает. Башня уходила вверх, превращаясь в тоненькую ниточку на черном фоне космоса, и он не сомневался, что она достигала геостационарной орбиты в тридцати шести тысячах километров над экватором. Идеи о подобных фантастических конструкциях существовали на Земле уже во время Пула, но он и мечтать не мог, что увидит их воплощение и, более того, будет жить в этом сооружении.

Он показал на тонкую полоску, поднимавшуюся над горизонтом на востоке.

— Там, вероятно, еще одна башня.

— Да, Азиатская башня. С нее так же видна наша.

— Сколько их всего?

— Четыре, равномерно расположенные на экваторе. Африканская, Азиатская, Американская и Тихоокеанская. Последняя почти пуста, потому что завершено лишь несколько сотен уровней. С нее ничего не видно — кроме океана, конечно...

Пул все еще пытался осмыслить это колоссальное достижение, когда ему в голову пришла тревожная мысль.

— В мое время вокруг Земли на разных высотах уже кружили тысячи спутников. Как вы избегаете столкновений?

Индра слегка смутилась.

— Вы знаете... я никогда не задумывалась об этом — я работаю в совершенно другой области.

Она замолчала, явно пытаясь что-то вспомнить, потом ее лицо оживилось.

— Насколько я помню, несколько веков назад была проведена крупная операция по очистке атмосферы. Сейчас нет спутников ниже стационарной орбиты — в них нет необходимости, потому что четыре гигантские башни обеспечивают все функции, которые раньше выполняли тысячи космических станций.

— И никогда не было несчастных случаев, столкновений с космическими кораблями, взлетающими с Земли или входящими в атмосферу?

Индра удивленно посмотрела на него.

— Но это невозможно.— Она показала на потолок.— Все космодромы находятся там, где должны находиться: на внешнем кольце. Кажется, последняя ракета взлетела с поверхности Земли четыреста лет назад.

Пул переваривал услышанное, когда его внимание привлекло незначительное, на первый взгляд, отклонение от нормы. Как астронавт, он был обучен замечать любые непривычные вещи — в космосе это вопрос жизни и смерти.

Солнца видно не было, но его лучи, проникающие сквозь огромное окно, ярко освещали полоску пола под ногами. Под углом эту полоску пересекала другая, более тусклая, и рама окна отбрасывала двойную тень.

Пулу пришлось почти опуститься на колени, чтобы посмотреть на небо. Он думал, что его уже ничем невозможно удивить, но вид двух солнц на небе на мгновение лишил его дара речи.

— Что это? — хрипло спросил он, когда дыхание восстановилось.

— О, разве вам не сказали? Это утренняя звезда.

— У Земли появилось второе Солнце?

— Ну, тепла от него практически нет, но Луна больше не нужна... До того, как Вторая экспедиция отправилась вас разыскивать, это небесное тело было Юпитером.

«Я знал, что мне придется много узнать об этом новом мире,— сказал себе Пул.— Но я и представить не мог, что так много».

5
ОБРАЗОВАНИЕ

Пул был не только удивлен, но и обрадован, когда в его комнату вкатили и установили в ногах кровати телевизор. Обрадован, потому что страдал от информационного голода, а удивлен, потому что эта модель телевизора считалась устаревшей даже в его время.

— Мы пообещали музею вернуть его,— сообщила ему главная медсестра.— Полагаю, вы умеете им пользоваться.

Взяв в руку пульт дистанционного управления, Пул почувствовал, как на него накатилась волна ностальгии. Подобно немногим предметам из прошлого, телевизор заставил вспомнить о детстве, когда телевизионные приемники были настолько глупы, что не понимали голосовых команд.

— Спасибо, сестра. Какой канал новостей самый лучший?

Она явно была озадачена вопросом, но потом ее лицо оживилось.

— О, я понимаю, что вы имеете в виду. Но профессор Андерсон считает, что вы не вполне к этому готовы. Поэтому в архиве сделали коллекцию, благодаря которой вы будете чувствовать себя как дома.

Пул на секунду задумался, какими могли стать теперь носители информации. Он вспомнил о компакт-дисках и почему-то о своем дяде Джордже, который гордился коллекцией старых долгоиграющих пластинок. Но техническое соперничество дисков и пластинок не могло не закончиться много веков назад, причем по Дарвину — выживанием сильнейшего.

Пул вынужден был признать, что подборка сделана очень удачно, причем человеком (Индрой?), хорошо знакомым с началом двадцать первого века. Не было материалов, способных вызвать беспокойство, ничего о войнах или насилии, почти никакой информации о бизнесе или политике — она давно стала абсолютно бесполезной. Он увидел несколько легких комедий, репортажи о спортивных состязаниях (как они узнали, что он страстный любитель тенниса?), записи классической и популярной музыки и документальные фильмы о дикой природе.

Тот, кто отбирал фильмы, явно обладал чувством юмора, иначе не включил бы сюда эпизоды из «Звездного пути». В детстве Пул встречался с Патриком Стюартом и Леонардом Нимой, и сейчас он задумался о том, что сказали бы актеры, если бы узнали о судьбе мальчика, застенчиво просившего автограф.

Едва он начал просмотр этих свидетельств далекого прошлого — в основном в режиме укоренной перемотки,— как испытал чувство глубокой тоски. Он где-то читал, что в начале столетия — его столетия! — в мире одновременно вещали почти пятьдесят тысяч телевизионных станций. Теперь их количество могло многократно увеличиться, и если так, то в данный момент в эфир передавались миллионы и миллионы часов телевизионных программ. Как отыскать несколько необходимых иголок в таком гигантском стогу сена?

Эта мысль была настолько угнетающей и деморализующей, что через неделю бессмысленного переключения каналов Пул попросил убрать телевизор. Может быть, к счастью — ведь к нему возвращались силы и у него оставалось меньше и меньше свободного времени, когда он бодрствовал.

Скука ему не грозила благодаря нескончаемому потоку посетителей — серьезных исследователей или просто любопытных и, вероятно, влиятельных граждан, которым удавалось пройти мимо выставленной главной медсестрой и профессором Андерсоном дворцовой стражи. Тем не менее Пул обрадовался, когда в один из дней телевизор появился снова — он уже почувствовал абстинентный синдром и решил на этот раз подойти к просмотру избирательно.

Антикварный прибор сопровождала широко улыбающаяся Индра Уоллес.

— Фрэнк, мы нашли материалы, которые вы обязательно должны посмотреть. Думаем, они помогут вам привыкнуть к действительности. Или, по крайней мере, вам будет приятно их увидеть.

Пул всегда считал, что подобные замечания не сулят ничего, кроме гарантированной скуки, и приготовился к худшему. Но первые же кадры захватили его и перенесли в прошлую жизнь. Он мгновенно узнал один из самых знаменитых голосов своего времени и вспомнил, что смотрел эту программу раньше.

«Атланта, тридцать первое декабря двухтысячного года...

Международная служба компании Си-эн-эн начинает свой репортаж за пять минут до начала нового тысячелетия — с его неизведанными испытаниями и надеждами...

Но прежде чем обратить взор на будущее, давайте вспомним прошлое, перенесемся на тысячу лет назад и спросим себя: смогли бы люди, жившие в

тысячном году от Рождества Христова, даже отдаленно представить себе наш мир или понять его, если бы по волшебству пронеслись сквозь века?

Почти всеми достижениями техники, которые мы сейчас воспринимаем как должное, мы обязаны концу нашего тысячелетия, вернее, двум последним его векам. Паровой двигатель, электричество, телефон, радио, телевидение, кино, авиация, электроника, а в течение жизни одного поколения — ядерная энергия и космические полеты. Как восприняли бы их величайшие умы прошлого? Смогли бы Архимед или Леонардо сохранить здравый рассудок и психическое равновесие, окажись они в нашем мире?

Заманчиво думать, что мы бы справились лучше, если бы перенеслись на тысячу лет вперед. Конечно, самые фундаментальные научные открытия уже сделаны, и трудно предположить — несмотря на неизбежное дальнейшее развитие техники,— что появятся новые устройства, которые покажутся нам столь же волшебными и непонятными, как Исааку Ньютону — калькулятор или видеокамера.

Возможно, наш век действительно отделяет от прошлого бездонная пропасть. Телекоммуникации, возможность записывать изображения и звуки, завоевание атмосферы и космоса — все это создало цивилизацию, превосходящую самые безумные фантазии прошлого. Коперник, Ньютон, Дарвин и Эйнштейн настолько изменили мышление людей и восприятие Вселенной, что самые гениальные наши предки могли бы считать нас представителями нового вида.

Будут ли потомки через тысячу лет смотреть на нас с той же жалостью, с какой мы взираем на наших невежественных, суеверных, страдавших болезнями, недолго живших предков? Мы считаем, что знаем ответы на вопросы, которые те не смели даже задавать. Но какие сюрпризы приготовило нам третье тысячелетие?

Итак, наступает торжественный момент...»

Огромный колокол начал отбивать полночь. Эхо последнего удара затихло...

Вот и все — прощай, прекрасный и ужасный двадцатый век...

Изображение рассыпалось на бесчисленное множество фрагментов, появился новый комментатор, заговоривший с уже знакомым Пулу акцентом, что немедленно вернуло его в настоящее время.

«Теперь, в первые минуты три тысячи первого года, мы можем ответить на вопросы, заданные в далеком прошлом.

Конечно, люди из две тысячи первого года, которых вы только что видели, не были бы потрясены реалиями нашего времени так, как были бы поражены их жизнью люди из одна тысяча первого года. Они предвидели многие наши технические достижения. Несомненно, они могли предугадать возникновение городов-спутников, колоний на Луне и других планетах. Возможно, они почувствовали бы некоторое разочарование, узнав, что мы еще не бессмертны и смогли послать зонды лишь к самым близким звездам...»

Индра вдруг выключила запись.

— Фрэнк, остальное посмотрите в другой раз, вы устали. Надеюсь, увиденное поможет вам быстрее привыкнуть к нашему времени.

— Спасибо, Индра. Давайте поговорим об этом завтра. Но в одном я уже не сомневаюсь.

— В чем именно?

— Я должен благодарить судьбу за то, что был перенесен не из одна тысяча первого года в две тысячи первый. Не думаю, что кто-нибудь способен пережить подобный квантовый скачок. По крайней мере, я знаю, что такое электричество, и не умру от страха, если какая-нибудь картинка вдруг заговорит со мной.

«Надеюсь,— добавил про себя Пул,— моя уверенность оправданна. Кто-то сказал, что новейшую технику не отличить от колдовства. Встречусь ли я здесь с таким колдовством, смогу ли с ним справиться?»

6
НЕЙРОКОЛПАК

— Боюсь, вам придется принять трудное решение,— сообщил профессор Андерсон с улыбкой, которая уравновешивала преувеличенную серьезность тона.

— Я справлюсь, доктор. Говорите прямо.

— Чтобы мы смогли надеть на вас нейроколпак, вы должны стать совершенно лысым. Выбирайте: либо брить голову раз в месяц, судя по тому, как быстро растут ваши волосы, либо удалить их навсегда.

— Каким образом?

— Лазерной обработкой кожи черепа. Она убивает фолликулы волос.

— Гм... такая обработка обратима?

— Да, но достаточно болезненна и неприятна. Кроме того, длится несколько недель.

— Тогда я хотел бы посмотреть, как буду выглядеть без волос, прежде чем принять решение. Не могу не вспомнить, что случилось с Самсоном.

— С кем?

— С героем одной из древних книг. Его подружка остригла ему волосы во сне. А когда он проснулся, то обнаружил, что вся его сверхъестественная сила исчезла.

— Я вспомнил. Это очевидный медицинский символизм!

— Правда, я не стал бы возражать, если бы лишился бороды. Более того — я был бы рад, если бы мне не пришлось больше бриться.

— Я распоряжусь, чтобы вам помогли. Какой парик вы хотели бы носить?

Пул рассмеялся.

— Собственная внешность мало меня беспокоит, и я думаю, парик будет только мешать. Еще есть время принять решение.

Пул не сразу понял, что буквально все люди теперь были искусственно лишены волос. Впервые он обнаружил это, когда обе санитарки без тени смущения сняли с себя шикарные густые волосы за пару секунд до того, как несколько таких же лысых специалистов пришли проводить микробиологические

анализы. Раньше Пул никогда не бывал в окружении стольких безволосых людей, и сначала ему пришла в голову мысль, что это очередной шаг в борьбе медицины против микробов.

Как и многие другие, эта его догадка оказалась совершенно неверной. Когда он узнал истинную причину, то удивился себе — следовало давно догадаться, что у всех посетителей волосы были искусственные. Теперь он знал правильный ответ на загадку: «Что встречается у мужчин, и никогда не бывает у женщин?» Бизнес изготовителей париков явно процветал.

Профессор Андерсон не терял времени даром. В тот же день санитарки нанесли Пулу на голову какую-то вонючую мазь, и через час, посмотрев в зеркало, он не узнал себя.

«Да,— подумал он,— может быть, парик — не такая уж плохая идея?»

Примерка нейроколпака заняла чуть больше времени. Сначала необходимо было сделать форму, для чего пришлось сидеть неподвижно, пока гипс не затвердел. Он не удивился бы, если б услышал, что его голова неправильной формы, когда санитарки с непрофессиональным хихиканьем снимали гипс.

— Ой! Больно,— пожаловался он.

Потом дошел черед до самого нейроколпака — металлического шлема, который доходил почти до ушей и мгновенно вызвал у него ностальгическую мысль: «Жаль, что меня сейчас не видят мои друзья-евреи!»

Через несколько минут он уже перестал замечать, что на голове у него надет этот шлем.

Теперь Пул был готов к инсталляции — к процессу, который внушал ему нечто вроде благоговейного страха и который, как Фрэнк узнал, более половины тысячелетия тому назад стал своего рода обрядом посвящения почти для всех представителей человеческой расы.

— Глаза можно не закрывать,— сказал специалист, производивший процедуру. Его представили как «нейроинженера», но предпочитали называть просто «мозговедом».— Когда начнется ввод данных, ваши органы чувств будут отключены. Вы ничего не увидите даже с открытыми глазами.

«Интересно, все так же волнуются, как я? — подумал Пул.— Может быть, сейчас я навсегда лишусь контроля над собственным мозгом? Впрочем, я научился доверять технике этого времени — пока она меня не подводила. Но, как говорится, все когда-нибудь начинается...»

Как и было обещано, Пул не ощутил почти ничего, кроме легкого покалывания, когда мириады нановолокон вонзились в кожу головы. Все органы чувств работали абсолютно нормально — он окинул взглядом комнату и не заметил ничего необычного.

Мозговед в своем колпаке, подключенном, как и колпак Пула, к прибору вроде портативного компьютера двадцать первого века, ободряюще улыбнулся.

— Готовы? — спросил он.

Иногда невозможно придумать ничего лучше избитой фразы.

— Всегда готов,— ответил Пул.

Свет медленно тускнел, или так казалось Пулу. Наступила гробовая тишина, исчезла даже слабая сила тяжести. Он стал эмбрионом, плавающим в бесцветной пустоте, хотя и не в полной темноте. Однажды он уже оказывался в такой же почти невидимой, почти ультрафиолетовой темноте на грани ночи: когда погружался слишком глубоко в море вдоль отвесной стены на внешней границе Большого Барьерного рифа. Тогда, глядя вниз сквозь сотни метров кристально чистой пустоты на дно, он ощутил такое чувство потери ориентации, что едва не запаниковал и не включил компенсатор плавучести, прежде чем овладел собой. Разумеется, он не сообщил об этом эпизоде врачам Агентства по астронавтике...

С огромного расстояния, сквозь бесконечную пустоту, которая, казалось, полностью окружала его, донесся голос. Но Пул услышал его не ушами — голос разнесся эхом в лабиринте его мозга.

— Начинается калибровка. Вам будут задавать вопросы, на них можно отвечать мысленно, но иногда лучше использовать речевую функцию. Вы меня понимаете?

— Да,— ответил Пул, хотя не был уверен, что его губы при этом шевелились.

Что-то появилось в темноте — сетка из тончайших линий, похожая на огромный лист миллиметровки. Она простиралась вверх и вниз, вправо и влево до границ видимости. Пул попытался повернуть голову, но изображение не изменилось.

По сетке побежали цифры — до того быстро, что Пул не успевал их прочесть. Может быть, какая-то схема регистрировала их? Пул не мог не улыбнуться (его губы действительно двигались?) — настолько знакома была ему эта процедура. Именно так, при помощи компьютерной техники, проверяли когда-то зрение окулисты.

Сетка исчезла, вместо нее поле зрения заняло сплошное цветное полотно. За несколько секунд перед Пулом сменились все оттенки спектра. «Могли бы просто спросить,— пробормотал про себя Пул.— Цветовое зрение у меня в полном порядке. Полагаю, сейчас займемся слухом».

Он был совершенно прав. Тихий вибрирующий звук сначала понизился до нижнего слышимого «до», потом стал повышаться, пока не исчез из диапазона человеческого восприятия на уровне слуха летучих мышей и дельфинов.

В качестве последнего из простых тестов Пула на короткое время окутало облако запахов — в основном приятных, хотя среди них были и мерзкие.

Потом он стал, как ему показалось, куклой на невидимых ниточках.

Он предположил, что таким образом проверяли его нервно-мышечные реакции, и понадеялся на то, что внешних проявлений у этого ощущения не было — иначе он выглядел бы как человек в пляске святого Витта. На мгновение у него даже появилась потрясающая эрекция, но он едва успел это почувствовать, поскольку погрузился в глубокий сон.

А может быть, ему приснилось, что он спит? По пробуждении он не имел понятия, сколько времени прошло. Шлем с головы исчез, не было видно и мозговеда с его оборудованием.

— Все прошло превосходно,— сияя улыбкой, сообщила главная медсестра.— Потребуется несколько часов, чтобы убедиться в отсутствии отклонений от нормы. Если все ваши показания кей'о... я хотела сказать, о'кей, завтра вы получите свой нейроколпак.

Пул снисходительно относился к попыткам окружающих его людей говорить на архаическом английском, но предпочел бы, чтобы медсестра избежала столь досадной оговорки.

Когда настало время последней примерки, Пул почувствовал себя мальчишкой, который сейчас развернет найденный под рождественской елкой чудесный подарок.

— Вам не придется еще раз проходить процедуру настройки,— заверил его мозговед.— Загрузка начнется немедленно. Сначала я включу пятиминутную демонстрационную программу. Расслабьтесь и наслаждайтесь.

Зазвучала знакомая тихая успокаивающая музыка, явно из его времени, но Пул не вспомнил названия. Перед глазами появилась дымка, которая расступилась, едва он сделал несколько шагов вперед...

Да, он шел! Иллюзия была абсолютной: он чувствовал, как ноги его опустились на землю, а когда стихла музыка, услышал легкий шелест листьев на огромных деревьях, среди которых вдруг оказался. Он узнал калифорнийские секвойи. Оставалось надеяться, что они сохранились где-нибудь на Земле.

Он шел быстрым шагом — слишком быстрым для приятной прогулки, словно время ускорилось для того, чтобы позволить ему пройти как можно больше. Тем не менее он не ощущал никаких своих усилий, как будто гостил в чужом теле. К тому же он не контролировал собственные движения. Когда он пытался остановиться или изменить направление, ничего не получалось. Он шел туда, куда его вели.

Впрочем, это не имело значения. Он наслаждался новыми ощущениями и уже начинал понимать, что к ним можно быстро привыкнуть. «Машины снов», появление которых предсказывали ученые его времени (иногда с тревогой), теперь стали частью повседневной жизни. Пул задумался, как человечеству удалось сохранить себя в таких условиях. Ему сообщили, что многие не выжили — миллионы лишились жизни из-за выгорания мозга.

Конечно, он не поддастся искушениям! Он собирался применять этот замечательный прибор для того, чтобы больше узнать о мире третьего тысячелетия или за несколько минут овладеть знаниями, на освоение которых в обычных условиях потребовались бы долгие годы. И... лишь иногда он будет использовать нейроколпак для развлечений...

Он подошел к опушке леса и оказался на берегу широкой реки. Недолго думая, он вошел в реку и не почувствовал ни малейшей тревоги, когда вода скрыла его с головой. Было немного странно осознавать, что он по-прежнему свободно дышит, но еще большее удивление вызвал тот факт, что он идеально видит в среде, в которой незащищенный человеческий глаз не способен сфокусироваться. Он мог сосчитать каждую чешуйку великолепной форели, проплывавшей мимо, явно не замечая непрошеного гостя.

Русалка! Он всегда мечтал посмотреть на них, но полагал, что они жили в море. Может быть, они иногда поднимались вверх по рекам, как лососи, что-

бы рожать детей? Она исчезла, прежде чем он успел задать вопрос и услышать ответ, подтверждающий или опровергающий его революционную теорию.

Река закончилась прозрачной стеной. Он прошел сквозь нее и оказался в безжизненной пустыне под испепеляющим Солнцем. Лучи света немилосердно били в глаза, но Пул каким-то образом мог смотреть прямо на раскаленный полуденный диск. Он даже разглядел со сверхъестественной ясностью группу солнечных пятен рядом с лимбом. И — что просто невозможно! — он различал призрачное свечение короны, которая становится видимой только при полном солнечном затмении. Сейчас она расходилась лебедиными крыльями во все стороны от светила.

Изображение потускнело, сменилось кромешной тьмой, снова зазвучала завораживающая музыка, и он вернулся в приятную прохладу знакомой комнаты. Он открыл глаза (а были ли они закрыты?) и увидел предвкушающих его реакцию зрителей.

— Великолепно! — прошептал он почти благоговейно.— Иногда мне казалось, что я вижу нечто более реальное, чем сама реальность!

Потом его стало изводить присущее инженеру любопытство.

— Даже столь короткая демонстрационная программа, несомненно, требует огромного количества информации. Где она хранится?

— Вот в этих пластинках. Примерно такие же использовались в ваших аудиовизуальных системах, но наши гораздо более вместительны.

Мозговед передал Пулу небольшую квадратную пластинку — по-видимому, стеклянную — одна сторона которой была покрыта серебром. Размерами она напоминала компьютерную дискету, что использовались в юности Пула, но была в два раза толще. Пул наклонял ее под разными углами, стараясь рассмотреть, что находится внутри, но видел лишь радужные вспышки.

Он понял, что держит в руках конечный продукт тысячелетнего развития оптоэлектронных технологий (естественно, помимо других технологий, еще не существовавших в его время). Пула не удивило то, что по виду устройство напоминало знакомые ему приборы. Все предметы повседневного обихода: ножи и вилки, книги, ручные инструменты и мебель — имели привычные формы, и накопители информации для компьютеров не были исключением.

— Каков ее объем? — просил он.— В мое время мы достигли емкости в терабайт для устройств такого размера. Уверен, вы добились ошеломляющих успехов.

— Не столь ошеломляющих, как вы могли ожидать — есть пределы, обусловленные структурой материала. Кстати, а что такое «терабайт»? Боюсь, я уже забыл.

— Как не стыдно! Кило, мега, гига, тера... десять в двенадцатой степени байт. Затем идет петабайт, то есть десять в пятнадцатой степени байт. Что дальше, я не знаю.

— Мы начали примерно с такого объема. Достаточно, чтобы записать все пережитое человеком за его жизнь.

Мысль об этом не могла не поразить Пула, хотя ничего удивительного, если разобраться, тут не было. Килограмм желе в черепе человека вряд ли мог

запомнить больше, чем помещалось на пластинке, которую Фрэнк держал в руке. Кроме того, мозг явно не был столь эффективным накопительным устройством — он выполнял слишком много других функций.

— Это еще не все,— продолжил мозговед.— Если применить соответствующее сжатие данных, можно записать не только воспоминания, но и саму личность.

— И воспроизвести ее?

— Конечно. Это примитивная задача для нанотехнологий.

«Слышал об этом,— подумал Пул,— но никогда не мог поверить».

В его время возможность записать все работы одного художника на маленький диск считалась огромным достижением.

А сейчас устройство размером ничуть не больше того диска могло сохранить и все работы, и самого художника.

7
РАЗБОР ПОЛЕТА

— Я восхищен тем,— сказал Пул,— что Смитсоновский авиационно-космический музей до сих пор существует.

— Вероятно, вы его не узнаете,— сказал очередной гость, представившийся доктором Алистером Кимом, заведующим отделом астронавтики.— Особенно сейчас, когда экспозиция разбросана по всей Солнечной системе. Основные фонды вне Земли находятся на Луне и Марсе, и огромное количество экспонатов, которые по закону принадлежат музею, еще летят к звездам. Нам особенно хочется заполучить «Пионер-10» — первый созданный руками человека аппарат, покинувший пределы Солнечной системы.

— Кажется, я тоже собирался это сделать, когда меня нашли.

— К счастью для вас — и для нас, естественно. Возможно, вы прольете свет на некоторые проблемы, до сих пор остающиеся загадкой.

— Четно говоря, сомневаюсь в этом, но приложу максимум усилий. Я практически не помню ничего, что со мной произошло, после того как вышедшая из-под контроля капсула напала на меня. До сих пор не укладывается в голове, что виной всему был ЭАЛ.

— Совершенно верно, хотя не все так просто. То, что нам удалось выяснить, зафиксировано вот здесь. Запись занимает порядка двадцати часов, но вы, наверное, большую часть просмотрите в режиме ускоренной перемотки. Вы, конечно, знаете, что Дэвид Боумен вышел в открытый космос во второй капсуле, чтобы спасти вас, но потом не смог вернуться на корабль, когда ЭАЛ отказался открыть двери шлюза.

— Почему, боже?

Доктор Ким поморщился. Пул не в первый раз наблюдал подобную реакцию.

«Нужно следить за речью,— подумал он.— Судя по всему, слово "бог" стало чуть ли не ругательным. Нужно спросить об этом Индру».

— В программном обеспечении ЭАЛа обнаружена серьезная ошибка — ему было поручено контролировать аспекты задания, о которых вы с Боуменом не имели представления. Вы все сейчас увидите... Кроме того, ЭАЛ отключил систему жизнеобеспечения трех гипернавтов, то есть команды «альфа», и Боумену пришлось сбросить за борт их тела.

«Значит, мы с Дэйвом были командой "бета",— подумал Пул.— А я об этом не знал».

— Что с ними произошло? — спросил он.— Их нельзя было спасти, как и меня?

— Боюсь, нет. Мы, естественно, попытались в этом разобраться. Боумен сбросил тела за борт через несколько часов после восстановления контроля над ЭАЛом, так что их орбиты несколько отличались от вашей. Поэтому они сгорели в атмосфере Юпитера, а вы пролетели мимо и получили ускорение, которое позволило бы вам через несколько тысяч лет достичь туманности Ориона... Боумен все делал в режиме ручного управления — просто фантастическая работа! — и ему удалось вывести «Дискавери» на орбиту вокруг Юпитера. А потом он встретился с тем, что вторая экспедиция назвала Большим Братом — точная копия монолита Тихо, но в несколько сотен раз больше. И в этот момент мы потеряли Боумена. Он покинул «Дискавери» на последней капсуле, чтобы встретиться с Большим Братом. Почти тысячу лет мы пытались понять, что значило его последнее сообщение: «Клянусь Деусом, здесь полно звезд!»

«Опять! — подумал Пул.— Дэйв не мог так сказать... Он воскликнул бы: "Мой бог, здесь полно звезд!"»

— Капсула, скорее всего, была притянута к монолиту каким-то полем инерции, потому что она — и, вероятно, сам Боумен — выдержала ускорение, которое мгновенно должно было уничтожить ее. Это последняя информация, полученная нами до совместной российско-американской экспедиции на «Леонове».

— Которой удалось найти «Дискавери», а доктор Чандра смог подняться на борт и перезапустить ЭАЛ. Я знаю об этом.

Доктор Ким выглядел несколько смущенным.

— Извините, я не знал, что вам уже сообщили... Как бы то ни было, потом начались еще более странные вещи. Очевидно, прибытие «Леонова» запустило какие-то процессы внутри Большого Брата. Никто не поверил бы, если бы у нас не было этих записей. Позвольте показать вам... Вы видите, как доктор Хейвуд Флойд несет ночную вахту на борту «Дискавери» после восстановления питания. Вы не можете не узнать корабль.

«Конечно, не могу не узнать. Как странно видеть давно умершего Хейвуда Флойда сидящим в моем старом кресле под всевидящим красным оком ЭАЛа. Еще более странно понимать, что ЭАЛ, подобно мне, воскрес из мертвых...»

На одном из мониторов появилось сообщение, и Флойд лениво спросил:

— О'кей, ЭАЛ, кто меня вызывает?

— ИДЕНТИФИКАЦИИ НЕТ.

Флойд немного забеспокоился.

— Хорошо, выведи сообщение.

— ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ КРАЙНЕ ОПАСНО. ВЫ ДОЛЖНЫ УЛЕТЕТЬ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ.

— Это абсолютно невозможно. Подходящий для запуска период наступит через двадцать шесть дней. Для более раннего отлета у нас недостаточно топлива.

— Я ЗНАЮ ОБ ЭТОМ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ВЫ ДОЛЖНЫ УЛЕТЕТЬ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ.

— Я не могу отнестись к такому заявлению серьезно, если не знаю, от кого оно исходит. Кто со мной говорит?

— Я БЫЛ ДЭВИДОМ БОУМЕНОМ. ВЫ ДОЛЖНЫ МНЕ ВЕРИТЬ. ОГЛЯНИТЕСЬ.

Хейвуд Флойд медленно повернулся во вращающемся кресле, отвел взгляд от пульта управления и компьютерных мониторов и посмотрел на покрытый «липучкой» трап.

— Смотрите внимательно,— сказал доктор Ким.

«Будто я нуждаюсь в напоминании»,— подумал Пул.

Воздух на лишенном силы тяжести командирском мостике «Дискавери» был насыщен пылью — видимо, установка фильтрации еще не была включена. Параллельные лучи далекого, но все-таки яркого Солнца, струившиеся через огромные иллюминаторы, освещали мириады танцующих пылинок — классическое проявление броуновского движения.

И вдруг нечто странное случилось с этими пылинками. Казалось, ими стала руководить какая-то невидимая сила: отводила от центральной точки одни, одновременно притягивая туда другие, так что скоро частицы соединились на поверхности полой сферы.

Эта сфера диаметром около метра зависла в воздухе, как гигантский мыльный пузырь. Потом она стала удлиняться и превратилась в овал, на поверхности которого появились выпуклости и впадины. Пул нисколько не удивился, когда овал принял форму человеческого тела.

Он видел подобные стеклянные фигуры в музеях и на научных выставках. Но этот пыльный призрак не претендовал на анатомическую точность: он походил на грубую глиняную фигурку или примитивное произведение искусства, обнаруженное в пещере каменного века. Только голова была выполнена с исключительной точностью, и черты лица, без малейшего сомнения, принадлежали командиру Дэвиду Боумену.

— ПРИВЕТ, ДОКТОР ФЛОЙД. ТЕПЕРЬ ВЫ МНЕ ВЕРИТЕ?

Губы созданной из пыли фигуры не шевелились. Пул понял, что голос, который, несомненно, принадлежал Боумену, доносился из динамика.

— МНЕ ЭТО ДАЕТСЯ С БОЛЬШИМ ТРУДОМ, КРОМЕ ТОГО, У МЕНЯ ОЧЕНЬ МАЛО ВРЕМЕНИ. МНЕ ПОЗВОЛИЛИ ПРЕДУПРЕДИТЬ ВАС. У ВАС ОСТАЛОСЬ ПЯТНАДЦАТЬ ДНЕЙ.

— Почему... кто вы такой?

Но призрачная фигура уже исчезала — ее оболочка начала превращаться в бесформенное облако пыли.

— ДО СВИДАНИЯ, ДОКТОР ФЛОЙД. ДРУГИХ КОНТАКТОВ НЕ БУДЕТ. ВОЗМОЖНО, ЕСЛИ ВСЕ ПРОЙДЕТ БЛАГОПОЛУЧНО, ВЫ ПОЛУЧИТЕ ЕЩЕ ОДНО СООБЩЕНИЕ.

Пул, услышав избитую фразу космического века, не мог не улыбнуться, глядя на исчезавшее изображение. «Если все пройдет благополучно...» Как часто он слышал эту фразу, отправляясь в очередной полет!

Призрак исчез, осталось только облако танцующих в лучах солнца пылинок. Пул усилием воли вернулся в настоящее время.

— Итак, командир,— спросил Ким.— Что вы об этом думаете?

Пул был настолько потрясен, что заговорил лишь через несколько секунд.

— Лицо и голос принадлежали Боумену, готов поклясться. Но что это было?

— Мы так и не пришли к единому мнению. Можно назвать это голограммой, проекцией. Конечно, существует великое множество способов подделать изображение, было бы желание — но только не в подобных обстоятельствах! Кроме того, не следует забывать, что произошло потом.

— Люцифер?

— Да. Благодаря этому предупреждению им хватило времени для того, чтобы улететь, прежде чем взорвался Юпитер.

— Итак, чем бы он ни являлся, призрак Боумена был дружественно настроен и пытался помочь.

— Предположительно. Он появился еще раз. Возможно, именно он передал «еще одно сообщение»: предупреждение о том, что не надо высаживаться на поверхность Европы.

— И мы не пытались?

— Однажды попытались — по необходимости, когда через тридцать шесть лет корабль «Гэлакси» был захвачен и совершил вынужденную посадку, а корабль того же типа «Юниверс» предпринял спасательную экспедицию. Здесь все есть, включая то немногое, что роботы-мониторы смогли сообщить нам об обитателях Европы.

— Мне не терпится их увидеть.

— Они — земноводные разных форм и размеров. Как только Люцифер стал расплавлять покрывавший их планету лед, они начали выходить из моря и развиваться с невозможной, по мнению биологии, скоростью.

— Насколько я помню, в ледяном покрове Европы много трещин. Может быть, они и раньше выползали оттуда, чтобы оглядеться?

— Такая теория разделяется многими. Но есть еще одна, более спорная. Возможно, здесь замешан монолит, причем мы еще не до конца понимаем как. Эта точка зрения появилась после открытия ТМА-0 — непосредственно на Земле, через пятьсот лет после вашего старта. Полагаю, вам уже рассказали об этом?

— Без подробностей. Мне так много пришлось узнать! Впрочем, название всегда казалось мне нелепым — ведь, в конце концов, речь шла не о магнитной аномалии и открытие было совершено в Африке, а не на Тихо!

— Вы, конечно, правы, но нам пришлось использовать это название. Чем больше мы узнавали о монолитах, тем меньше понимали их загадку. Особен-

но если учесть тот факт, что они являются единственным доказательством существования передовой техники вне Земли.

— Это удивляет меня. Я был уверен, что к нынешнему времени мы уже должны принять радиосигналы с какой-либо планеты. Астрономы пытались найти их, когда я был маленьким мальчиком!

— Есть один намек на существование других цивилизаций, но он настолько ужасает, что мы предпочитаем о нем не говорить. Вы слышали о Нове Скорпиона?

— Кажется, нет.

— Звезды преобразуются в новые постоянно, и это преобразование не удивляет нас. Но у Новы Скорпиона, прежде чем она взорвалась, существовала система планет.

— Обитаемых?

— Невозможно определить, радиопоиск не дал никаких результатов. А потом начался кошмар... К счастью, автоматический зонд зафиксировал событие с самого начала. И началось все совсем не на звезде. Сперва взорвалась одна из планет, что вызвало детонацию солнца.

— Мой бо... Извините, продолжайте.

— Вы уже все поняли. Планета может превратиться в новую звезду только в одном случае.

— Однажды я прочел в научно-фантастическом романе довольно глупую шутку: «Появление сверхновых звезд — это промышленная авария».

— Та звезда не была сверхновой, но шутка, возможно, недалека от истины. По широко распространенной теории, кто-то пытался обуздать энергию вакуума, но потерял контроль над процессом.

— Или началась война.

— Ничуть не лучше. Скорее всего, мы никогда не узнаем, что именно произошло. Но вы понимаете, что мысли о Нове Скорпиона вызывают у нас кошмары, потому что наша цивилизация зависит от того же источника энергии.

— В мое время людей беспокоили лишь аварии ядерных реакторов!

— Хвала Всевышнему, нас это больше не беспокоит. Но я хотел бы рассказать вам об открытии ТМА-0 более подробно, потому что оно стало поворотной точкой в истории человечества. Открытие ЛМА-1 на Луне стало достаточным потрясением, но через пятьсот лет человечество ждал еще больший шок. И открытие было совершенно рядом, совсем близко от дома — во всех смыслах слова. В Африке.

8

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОЛДЮВАЙ

Доктор Стивен Дел Марко часто говорил себе, что Луи и Мэри Лики не узнали бы это место, хотя оно находилось в дюжине километров от того, где пять веков назад они обнаружили стоянку наших предков. Глобальное потепление и малый ледниковый период (который благодаря чудесам техники был

действительно малым) преобразили пейзаж и полностью изменили флору и фауну. Дубы и сосны все еще боролись за выживание, пытаясь определить, какие из деревьев перенесут климатические изменения.

Трудно было допустить, что в две тысячи пятьсот тринадцатом году в Олдювае оставалось еще что-то, чего не нашли полные энтузиазма антропологи. Однако последние ливневые паводки, которые не должны повториться, изменили ландшафт и смыли несколько метров верхнего слоя почвы. Дел Марко воспользовался случаем и на самом пределе возможностей сканирования разглядел нечто невероятное.

Потребовалось больше года бережных раскопок, чтобы добраться до загадочного объекта и увидеть: реальность намного превосходит самые смелые предположения. Автоматические землеройные машины быстро убрали первые несколько метров почвы, потом к делу приступили традиционно выполняющие черную работу студенты старших курсов. Им помогали или мешали четыре конга, к помощи которых Дел Марко относился весьма скептически. Тем не менее студенты обожали генетически модифицированных горилл и относились к ним как к умственно отсталым, но горячо любимым детям. Ходили слухи, что их взаимоотношения не всегда были платоническими.

Последние несколько метров, естественно, были пройдены человеческими руками, вооруженными зубными щетками из мягкой щетины. Скоро работа была завершена. Говарду Картеру, увидевшему первый блеск золота в гробнице Тутанхамона, не могло и присниться подобное богатство. Дел Марко понял, что с этого момента основополагающие принципы и убеждения человечества безвозвратно меняются.

Монолит выглядел точной копией другого, обнаруженного на Луне пять веков назад. Даже выкопанный вокруг него котлован был того же размера. Подобно ЛМА-1, поверхность объекта абсолютно ничего не отражала, поглощая лучи испепеляющего африканского солнца и Люцифера с одинаковым безразличием.

Дел Марко, провожая в котлован группу своих коллег, куда входили главы самых знаменитых музеев, три выдающихся антрополога и хозяева двух империй средств массовой информации, невольно задумался о том, что эти люди вряд ли когда-либо сохраняли молчание в течение столь продолжительного времени. Но такое воздействие черный прямоугольник производил на всех посетителей, как только они постигали важность окружавших его артефактов.

Там был настоящий клад для археологов: грубо вырубленные кремневые орудия труда, множество аккуратно разложенных костей животных и людей. В течение веков и тысячелетий существа, у которых едва сформировался интеллект, приносили свои скромные дары чуду, находившемуся за гранью их понимания.

Дел Марко часто думал, что это чудо оставалось за гранью понимания и теперь. Тем не менее две вещи не вызывали у него сомнения, хотя он осознавал, что доказательства вряд ли будут когда-либо найдены.

Именно здесь — во времени и пространстве — зародился человеческий вид.

И этот монолит был самым первым из многочисленных богов.

9
НЕБЕСНОЕ ЦАРСТВО

— Вчера вечером я слышал, как в спальне скреблась мышь,— почти серьезно пожаловался Пул.— Может быть, вы найдете мне кошку?

Доктор Уоллес была явно озадачена просьбой, но через несколько секунд рассмеялась.

— Скорее всего, вы слышали одного из микроуборщиков. Я изменю программирование, чтобы вас больше не беспокоили. Постарайтесь не наступить на него, если застанете за работой, иначе он позовет на помощь, и все товарищи сбегутся собирать его кусочки.

Так много нужно узнать, и так мало времени! «Нет, неправильно»,— напомнил себе Пул. Благодаря достижениям медицины ему, вероятно, предстоит прожить еще век. Мысль об этом вызывала скорее опасение, чем радость.

По крайней мере, он уже мог без труда поддержать разговор почти на любую тему и научился произносить слова так, чтобы его понимали практически все, а не только Индра. Он был очень рад, что английский стал международным языком, хотя развивались и другие языки — например, французский, русский и китайский, особенно в его пекинском варианте.

— Индра, у меня возникла еще одна проблема, и вы — единственная, кто может мне помочь. Почему люди смущаются, когда я говорю «бог»?

Индра совсем не выглядела смущенной. Наоборот, она засмеялась.

— История достаточно запутанная. Жаль, мой старый приятель доктор Хан не может вам все объяснить. Сейчас он на Ганимеде — пытается исцелить последних оставшихся в живых истинно верующих. Когда все старые религии исчерпали себя — кстати, я должна как-нибудь рассказать вам о Папе Пие XX, одном из величайших людей в истории человечества,— мы все еще нуждались в термине, описывающем Первопричину или Создателя Вселенной, если, конечно, таковой существовал... В предложениях недостатка не было: Део, Тео, Юпитер, Брама... Мы пытались использовать эти имена, и некоторые в ходу до сих пор. Особенно то, что любил Эйнштейн,— Старик. Но особой популярностью пользуется имя Деус.

— Постараюсь запомнить, хотя все это кажется мне глуповатым.

— Привыкнете. Я научу вас более мягким бранным выражениям — на случай, если вам захочется выразить свои чувства...

— Вы сказали, что все старые религии исчерпали себя. Во что же верят люди в ваше время?

— Стараются не верить ни во что. Все мы либо деисты, либо теисты.

— Ничего не понял. Объясните, пожалуйста.

— В ваше время они были несколько другими, но вот новейшее определение: теисты считают, что не может существовать более одного бога, а деисты считают, что не может существовать менее одного бога.

— Боюсь, различие слишком тонкое. По крайней мере, для меня.

— Но не для всех. Вы будете поражены, узнав, какие горячие споры это рождает. Пять веков назад кто-то использовал то, что называется сюрреалис-

тической математикой, чтобы доказать существование бесчисленного множества различий между деистами и теистами. Естественно, как и все дилетанты, занявшиеся вопросами бесконечности, он сошел с ума. Кстати, наиболее широко известны американские деисты: Вашингтон, Франклин, Джефферсон...

— Они жили несколько раньше меня — хотя вы будете удивлены тем, как много людей не знают этого.

— У меня есть хорошие новости. Джо — профессор Андерсон — наконец дал разрешение. Вы достаточно окрепли, чтобы переселиться отсюда на постоянное место жительства.

— Действительно, хорошие новости. Ко мне все хорошо относятся, но я хотел бы заботиться о себе сам.

— Вам понадобится новая одежда, и кто-то должен будет объяснить вам, как ее носить, а также помочь с сотней других каждодневных забот, которые отнимают слишком много времени. Поэтому мы позволили себе назначить вам личного помощника. Дэниел, войдите.

Дэниел оказался низкорослым смуглым мужчиной за тридцать. Он удивил Пула, когда не приветствовал его обычным способом — поднятой ладонью, что сопровождалось автоматическим обменом информацией. Как оказалось, у Дэниела не было идентификации. При необходимости он доставал небольшую пластиковую карточку, которая, очевидно, выполняла те же функции, что и смарт-карта в двадцать первом веке.

— Дэниел будет вашем гидом, а еще... Опять забыла название... Помню только, что оно рифмуется с «балетом». Он специально обучен для выполнения подобной работы. Уверена, вы будете довольны.

Пул не мог не оценить по достоинству заботу о себе, но почувствовал себя несколько неловко. Ничего себе, личный слуга! Ему не приходилось не то что иметь слуг, но даже встречаться с ними — в его время они уже принадлежали к редким и исчезающим видам. Он почувствовал себя героем английского романа начала двадцатого века.

— А пока Дэниел займется подготовкой вашего переезда, мы совершим небольшое путешествие наверх... на лунный уровень.

— Чудесно? А до него далеко?

— Нет, порядка двенадцати тысяч километров.

— Двенадцати тысяч? На это понадобится несколько часов!

Индру явно удивило его замечание, но через мгновение она улыбнулась.

— Значительно меньше. Конечно, у нас еще нет такого транспортера, как в «Звездном пути», но, насколько я знаю, работы над ним продолжаются! Поэтому есть два варианта — хотя я точно знаю, какой именно вы выберете... Мы можем подняться в наружном лифте и насладиться чудесным видом, либо во внутреннем, где перекусим и немного развлечемся.

— Не могу представить, что кто-то предпочтет остаться внутри.

— Вы будете удивлены, но у многих людей кружится голова, особенно у тех, кто поднимается с нижних уровней. Даже опытные скалолазы, утверждающие, что не боятся высоты, зеленеют, когда подъем измеряется в тысячах километров, а не метров.

— Я рискну,— с улыбкой произнес Пул.— Приходилось бывать и выше.

Пройдя через двойной воздушный шлюз в наружной стене башни (ему показалось или действительно возникло легкое чувство дезориентации?), они вошли в помещение, похожее на зрительный зал небольшого театра. Ряды по десять кресел каждый поднимались пятью ярусами, и все были обращены к одному из огромных окон, чей вид привел Пула в замешательство — он не мог не думать о воздухе, что под давлением в сотни тонн стремился вырваться наружу.

Пассажиры, которых собралось около дюжины и которых, кажется, никогда не посещали подобные мысли, вели себя совершенно спокойно. Все узнали его, улыбнулись, вежливо кивнули и отвернулись, чтобы продолжать наслаждаться великолепным видом.

— Добро пожаловать в Небесный салон,— произнес механический голос.— Подъем начнется через пять минут. Прохладительные напитки и туалетные комнаты на нижнем этаже.

Пул гадал, сколько времени займет путешествие.

«Нам предстоит преодолеть больше двадцати тысяч километров туда и обратно,— подумал он.— Не припоминаю, чтобы мне приходилось совершать подобные поездки на лифте».

Ожидая начала подъема, он упивался ошеломляющей панорамой, открывшейся в двух тысячах километров ниже. В северном полушарии стояла зима, но климат существенно изменился — южнее Северного полярного круга Пул почти не увидел снега.

Над Европой не было облаков, и детали ландшафта поражали воображение. Пул постепенно узнавал великие города, названия которых уходили в глубь веков. Расстояния начали уменьшаться уже в его время, когда революционное развитие коммуникаций изменило облик планеты, и, очевидно, этот процесс продолжился. Пул увидел водные пространства там, где их не было раньше — на севере Сахары, например, теперь находилось похожее на небольшое море озеро Саладин.

Зрелище настолько потрясло Пула, что он не замечал течения времени. Но вдруг он понял, что прошло гораздо больше пяти минут, а лифт оставался неподвижным. Возникла неисправность или они ждали опаздывающих пассажиров?

Потом он заметил нечто настолько удивительное, что сначала не поверил глазам. Панорама расширилась, словно он уже поднялся на несколько сотен километров! На его глазах в окне появлялись невидимые раньше части планеты.

Пул рассмеялся, когда понял, как просто все объясняется.

— Индра, вам почти удалось меня обмануть! Я решил, что это настоящая картинка, а не видео!

Индра посмотрела на него и насмешливо улыбнулась.

— Не торопитесь, Фрэнк. Мы начали движение около десяти минут назад. Сейчас наша скорость составляет порядка тысячи километров в час. Мне говорили, что перегрузка в таких лифтах может достигать ста *g* при максимальн-

ном ускорении, но при таком коротком подъеме она не приблизится и к десяти.

— Но это невозможно! На центрифуге я выдерживал максимальную шестикратную перегрузку, и, должен сказать, мне не очень-то нравилось весить полтонны. Я уверен, что мы оставались на месте с тех пор, как вошли в лифт.

Пул говорил громко и вдруг понял, что остальные пассажиры стараются не обращать на это внимания.

— Фрэнк, я не могу объяснить, как все действует. Знаю только, что это связано с инерционным полем. Иногда его называют полем САРП. Первая буква «С» означает «Сахаров», он был знаменитым русским ученым. Что значат другие буквы, я не знаю.

Пул постепенно разобрался в происходящем и не мог не почувствовать благоговейного изумления. Вот уж действительно — «чудеса техники».

— Некоторые мои друзья мечтали о «космическом приводе» — энергетическом поле, которое заменит ракеты и позволит перемещаться в пространстве, не ощущая ускорения. Многие считали их сумасшедшими, а они оказались правы! Однако мне все еще трудно в такое поверить, и мы, если я не ошибаюсь, начинаем терять вес.

— Да, мы начинаем приспосабливаться к лунным параметрам. Когда мы выйдем из лифта, у вас возникнет впечатление, будто мы находимся на Луне. Но ради всего святого, Фрэнк, забудьте о том, что вы — инженер. Просто наслаждайтесь видом.

Совет был хорош, но даже когда в поле зрения появились вся Африка и большая часть Азии, Пул продолжал думать об этом поразительном явлении. Ничего невероятного, на первый взгляд, не произошло — ведь он знал, что совершен ряд революционных открытий в области перемещения в пространстве. Но он не мог предугадать, как эти открытия будут практически применены в обычной, повседневной жизни — если можно так сказать о небоскребе высотой в тридцать шесть тысяч километров.

Век ракет, вероятно, окончился несколько столетий назад. Все знания Пула о топливных системах и камерах сгорания, ионных двигателях и термоядерных реакторах давно устарели. Конечно, это не имело никакого значения, но теперь он понял, какую грусть чувствовал капитан парусника, когда паруса уступили место пару.

Настроение резко изменилось, и Пул не сдержал улыбки, когда механический голос объявил: «Прибытие через две минуты. При выходе не забывайте личные вещи».

Как часто он слышал подобные объявления в самолетах! Он взглянул на часы и с удивлением понял, что подъем занял неполные тридцать минут. Это означало, что средняя скорость составляла не меньше двадцати тысяч километров в час, а по ощущениям они словно не двигались с места. Еще более странно другое — если в течение последних десяти минут скорость снижалась так быстро, то по всем законам физики сейчас они должны были стоять на крыше головами в сторону Земли!

Двери бесшумно открылись, Пул вышел из лифта, и на мгновение у него снова возникло чувство потери ориентации, как и при входе в салон. Но теперь он понимал, что происходит,— он вступил в область, где инерционное поле накладывается на гравитационное, на этой высоте равное полю притяжения Луны.

Вид отдалившейся Земли был, конечно, грандиозным даже для астронавта, хотя ничего удивительного в нем не было. Но кто способен представить гигантский зал, занимавший, очевидно, все поперечное сечение башни,— такой, что расстояние до дальней стены составляло не меньше пяти километров? Возможно, на Луне или Марсе существовали и более объемные помещения, но это, несомненно, было самым большим в открытом космосе.

Пул и Индра остановились на смотровой площадке, выступавшей на пятьдесят метров из наружной стены, и смотрели на постоянно меняющийся поразительный вид. Очевидно, здесь попытались воспроизвести все многообразие сухопутных биомов. Внизу росли стройные деревья. Пул сначала не узнал их, но потом понял, что это дубы, адаптировавшиеся к одной шестой нормального притяжения.

«Интересно, как здесь будут выглядеть пальмы? — подумал он.— Вероятно, как гигантский тростник...»

Чуть дальше он увидел небольшое озеро. В него впадала река, которая петляла по травянистой равнине и исчезала внутри чего-то, что выглядело как гигантское одинокое дерево баньян. Откуда текла вода? Пул вдруг понял, что слышит какой-то далекий грохот. Он повернулся и увидел миниатюрную Ниагару. Над водопадом в облаке брызг сияла радуга.

Он был готов наслаждаться зрелищем в течение многих часов, не переставая удивляться сложной и превосходно выполненной имитации оставшейся далеко внизу планеты. Возможно, в ходе постепенного освоения новых чуждых миров человечество испытывало потребность вспоминать о своих истоках. И в прежнее время в каждом городе были парки, обычно чахлые, напоминавшие о живой природе. Вероятно, это чудо тоже было своего рода парком грандиозного масштаба. Центральный парк — Африканская башня!

— Давайте спустимся,— предложила Индра.— Нам нужно много увидеть, а бывать здесь приходиться гораздо реже, чем хотелось бы.

Прогулка при столь небольшой силе тяжести не требовала никаких усилий. Иногда они пользовались миниатюрной монорельсовой дорогой, а один раз остановились перекусить в кафе, искусно спрятанном в стволе красного дерева высотой около четверти километра.

Людей почти не было, их спутники давно разошлись, словно эта чудесная страна принадлежала им двоим. Все содержалось в идеальном порядке — вероятно, целой армией роботов. Пул вспомнил, как маленьким мальчиком гулял по Диснейленду. Но здесь было гораздо лучше — никакой толпы и мало что напоминало о людях и их деятельности.

Они наслаждались коллекцией орхидей (в том числе огромного размера), и тут Пул испытал величайшее в своей жизни потрясение. Они проходили мимо типичного сарайчика садовника, когда дверь открылась и появился сам садовник.

Пул всегда гордился умением владеть собой — он и представить себе не мог, что взрослый человек вроде него способен громко закричать от страха. Но, как и другие дети своего поколения, он видел все серии «Парка юрского периода» и не мог не узнать ящера, встретившись с ним лицом к лицу.

— Прошу меня простить,— произнесла с искренней тревогой в голосе Индра.— Я забыла вас предупредить.

Напряженные до предела нервы Пула вернулись в нормальное состояние. Конечно, в этом организованном мире ничто не угрожало ему. И тем не менее...

Динозавр ответил на его взгляд без малейшего интереса, попятился в сарайчик, потом вышел оттуда с граблями и садовыми ножницами и положил ножницы в висевшую на шее сумку. Затем, не оборачиваясь, он двинулся вперед птичьей походкой и скоро скрылся в зарослях десятиметровых подсолнухов.

— Я должна все объяснить,— сказала Индра тоном раскаяния.— Мы предпочитаем использовать биологические организмы, а не роботов. Полагаю, можно расценить такой подход как «углеродный шовинизм». Очень немногие животные обладают ловкостью рук, схожей с человеческой, и мы стараемся использовать все подобные виды. Кстати, в связи с этим возникла загадка, которую никто до сих пор не смог разгадать. Может показаться, что для подобных целей более подойдут развитые травоядные животные, вроде шимпанзе и горилл, но это неверно — у них не хватает терпения. А плотоядные животные, подобные только что увиденному нами, оказались идеальными и хорошо обучаемыми работниками. Более того — и в этом заключается еще один парадокс: в результате модификации они становятся послушными и добродушными. Конечно, потребовался почти тысячелетний период генной инженерии. Но не следует забывать, что первобытный человек методом проб и ошибок сделал с диким волком! — Индра засмеялась и продолжила: — Фрэнк, в это трудно поверить, но из них получаются хорошие няньки — дети их просто обожают! У нас есть почти пятисотлетняя шутка: «Вы готовы доверить своих детей динозавру? — Зачем, чтобы они его обидели?»

Пул тоже засмеялся, отчасти от стыда за свой испуг. Чтобы сменить тему разговора, он задал Индре вопрос, который по-прежнему беспокоил его:

— Все это просто чудесно, но к чему такие хлопоты, если любой обитатель башни может спуститься на настоящую Землю?

Индра задумчиво посмотрела на него, словно подбирая слова для ответа.

— Не совсем так. Для человека, привыкшего жить в условиях вдвое меньшей силы тяжести, посещение Земли даже в кресле на воздушной подушке связано с определенными неудобствами и опасностью для жизни.

— Я не отношусь к их числу! Я родился и вырос при нормальной силе тяжести и на борту «Дискавери» никогда не пренебрегал физическими упражнениями.

— Вам следует обсудить все с профессором Андерсоном. Возможно, мне не следует вам этого говорить, но возник горячий спор по поводу установки ваших биологических часов. Очевидно, они не останавливались полностью,

и ваш возраст оценивается от пятидесяти до семидесяти лет. Вы успешно выздоравливаете, но не можете рассчитывать на полное восстановление сил после тысячи лет в космосе.

«Теперь понятно,— мрачно подумал Пул.— Этим объясняются и уклончивые ответы Андерсона, и проверки мышечных реакций. Я вернулся с Юпитера, приблизился к Земле на две тысячи километров, могу посещать ее сколь угодно часто в виртуальной реальности, но мне уже не шагать самому по поверхности родной планеты. Не знаю, как я смогу с этим жить...»

10

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ИКАРА

Его уныние прошло быстро — слишком многое предстояло сделать и увидеть. На это не хватило бы и тысячи жизней, и необходимо было выбрать главное из великого множества занятий, которые предлагал новый век. Пул пытался, не всегда удачно, сконцентрировать внимание на самом важном, особенно на образовании.

Нейроколпак и прилагаемый к нему проигрыватель размером с книгу (его, разумеется, называли нейроящиком) помогали в этом неоценимо. Скоро Пул собрал своего рода коллекцию пластинок с «мгновенными знаниями», объем которых соответствовал высшему образованию. Он вставлял одну из пластинок в нейроящик, устанавливал скорость и интенсивность, соответствующие его подготовке. Возникала яркая вспышка, а за ней следовала потеря сознания примерно на час. Когда он приходил в себя, он чувствовал себя так, словно в его голове открылась новая область. Он понимал, что она всегда находилась там, просто он не пытался ее найти. Пул ощущал себя владельцем библиотеки, вдруг обнаружившим полки с книгами, о существовании которых даже не подозревал.

Как правило, он сам распоряжался собственным временем. Из чувства долга или благодарности он откликался на просьбы ученых, историков, писателей и художников. Последние работали с совершенно непонятными для Пула средствами изображения. Кроме того, он получал бесчисленные приглашения от других обитателей башни и чаще всего отклонял их.

Труднее всего было отказаться от приглашений, присланных с распростершейся далеко внизу прекрасной планеты.

— Конечно,— сказал профессор Андерсон,— вы останетесь в живых, если спуститесь на Землю с соответствующей системой жизнеобеспечения. Но пребывание там вряд ли доставит вам удовольствие. Кроме того, оно может ослабить вашу нервно-мышечную систему, которая и так не восстановилась полностью после тысячелетнего сна.

Индра Уоллес тоже старалась оградить его от незваных гостей и советовала, на какие приглашения следует ответить согласием, а какие вежливо отклонить. Сам он не смог бы разобраться в сложнейшей общественно-политиче-

ской структуре нового общества, впрочем, скоро понял: хотя классовые различия давно исчезли, но есть несколько тысяч суперграждан. Джордж Оруэлл прав: некоторые всегда будут более равными, чем другие.

Иногда благодаря приобретенному в двадцать первом веке жизненному опыту у него возникал вопрос: кто оплачивает все это гостеприимство, не настанет ли день, когда ему предложат некий эквивалент счета с гигантской суммой за проживание в отеле? Но Индра быстро успокоила его, сказав, что он является бесценным и уникальным музейным экспонатом и ему не надо беспокоиться о столь незначительных проблемах. Ему предоставят все, что он пожелает, в разумных пределах, конечно. Пул часто задумывался о том, кто устанавливает эти пределы, но не предполагал, что настанет день, когда он попытается их определить.

Самые важные события в жизни происходят случайно, и Пул в этом отношении не был исключением. Как-то раз он взглянул на настенный дисплей, работавший в режиме поиска, и его внимание привлекло удивительное зрелище.

— Остановить поиск! Прибавить звук! — закричал он излишне громко.

Музыка показалась знакомой, но лишь через несколько минут Пул понял, что именно слышит и видит. В этом ему помогло возникшее на экране изображение грациозно парящих людей. Чайковский, несомненно, тоже был бы поражен, когда бы увидел, что его «Лебединое озеро» исполняют летающие танцоры...

Пул несколько минут завороженно наблюдал за представлением, пока не убедился, что все происходит в действительности, что это не искусная компьютерная имитация — ведь даже в его время не всегда можно было верить собственным глазам. Он предположил, что балет исполняли в зале с пониженной гравитацией; судя по декорациям, в очень большом зале. Возможно, для этого использовалась сама Африканская башня.

Пул решил попробовать. Он так и не простил Агентство по астронавтике за то, что оно лишило его самой большой радости в жизни — участия в групповом затяжном парашютном прыжке. Впрочем, он понимал, что Агентство не хотело рисковать человеком, в которого вложено так много средств. Врачи не забыли несчастный случай на чемпионате по дельтапланеризму, хотя тогда молодые кости Пула срослись быстро и без последствий.

«Ладно,— подумал он,— сейчас меня никто не остановит... За исключением, пожалуй, профессора Андерсона».

Но врач, к немалому облегчению Пула, сказал, что считает идею великолепной. Он сообщил, что в каждой башне есть специальное помещение для полетов, называемое «птичником», с силой гравитации всего в одну десятую *g*.

За несколько дней были произведены необходимые замеры и изготовлены крылья, пусть и не такие элегантные, как у исполнителей «Лебединого озера». Вместо перьев использовалась гибкая мембрана, и Пул понял, взявшись за рукояти под опорными ребрами, что больше похож на летучую мышь, чем на птицу. Его вопль: «Посторонись, Дракула!» — не произвел никакого впечат-

ления на инструктора. Вероятно, тот не имел ни малейшего представления о вампирах.

На первых занятиях движения Пула ограничивала легкая подвесная система. Он не мог никуда лететь, а вынужден был изучать основные приемы и, что самое главное, овладевать управлением и сохранением равновесия. Это было не так просто.

Пулу казалось, что он выглядит смешным в подвесной системе — разве можно разбиться при силе притяжения в одну десятую *g?* — и он радовался, что ему хватило нескольких занятий. Очевидно, помогла подготовка астронавта. Как сказал инструктор, Пул был самым способным учеником. Впрочем, он наверняка говорил такое каждому ученику.

Выполнив дюжину пробных полетов в камере около сорока метров в поперечнике с множеством различных препятствий, столкновений с которыми он легко избежал, Пул получил разрешение на первый самостоятельный полет и почувствовал себя девятнадцатилетним юношей, готовым впервые взлететь на старенькой «сессне» аэроклуба Флагстаффа.

Скучное название «птичник» не подготовило его к тому, что он увидел. Помещение оказалось не меньше по размеру, чем парк на уровне лунного тяготения; вероятно, так оно и было, поскольку «птичник» занимал целый этаж постепенно сужавшейся к вершине башни. Круглая пропасть в полкилометра глубиной и четыре километра шириной выглядела действительно огромной, взгляд терялся в ней. Стены были гладкими и бледно-голубыми, что помогало создать впечатление бесконечного пространства.

Пул не поверил в хвастливое заявление инструктора, что можно выбрать любой пейзаж, и уже собирался высказать, по его мнению, невыполнимое желание. Во время первого полета на головокружительной пятидесятиметровой высоте он не увидел ничего привлекающего внимания. Конечно, в случае падения с высоты пяти метров при десятикратной, по сравнению с местной, силе тяготения можно свернуть себе шею, но здесь маловероятно даже получить легкие ушибы, потому что пол заменяла сеть упругих тросов. Вся камера представляла собой гигантский батут, и Пул подумал, что здесь можно неплохо повеселиться и без крыльев.

Пул поднялся в воздух несколькими уверенными взмахами крыльев. Почти мгновенно он взмыл на сотню метров и продолжил подъем.

— Не так быстро! — крикнул инструктор.— Я за тобой не успеваю!

Пул выровнял полет и попытался сделать замедленную бочку. Он чувствовал легкость мысли и легкость тела (меньше десяти килограммов!), и ему казалось, что в воздухе повысилось содержание кислорода.

Ощущение было чудесным и более приятным, чем в невесомости, так как требовало определенных физических усилий, подобно подводному плаванию. Пул пожалел, что здесь не хватает птиц, которые соответствовали бы разноцветным рыбкам, часто сопровождавшим его в исследованиях тропических рифов.

Инструктор обучил его фигурам: бочка, мертвая петля, пике, планирование... Наконец он сказал: «Больше я ничему не могу тебя научить. Давай просто наслаждаться видом».

На мгновение Пул едва не потерял контроль, потому что вдруг оказался у заснеженных вершин, пролетев по узкому ущелью буквально в нескольких метрах от неприятно зазубренных скал.

Конечно, скалы не были реальными, они были иллюзорны, как облака, и Пул при желании прошел бы сквозь них. Но он увернулся, заметил на одном из уступов орлиное гнездо с двумя яйцами, до которых мог бы дотронуться, если бы подобрался ближе, и полетел в открытое пространство.

Горы исчезли, вдруг опустилась ночь. Зажглись звезды — не жалкие несколько тысяч, как на убогом земном небе, а бесчисленное множество. Стали видны и спиральные завихрения галактик, и кипящие плотные массы шаровых звездных скоплений.

Это тоже не могло быть реальностью, даже если бы Пул по волшебству перенесся в другой мир. Галактики исчезали прямо на глазах, одни звезды тускнели, другие взрывались, третьи рождались в затянутых огненным туманом звездных яслях. Каждая секунда равнялась миллионам лет...

Ошеломляющее зрелище исчезло так же быстро, как появилось. Пул снова парил в пустом небе голубого цилиндра «птичника», и рядом был лишь инструктор.

— Думаю, для первого дня достаточно,— сказал инструктор, зависнув в нескольких метрах от Пула.— Какой пейзаж ты хотел бы увидеть в следующий раз?

Пул не стал долго думать. Улыбнувшись, он ответил на вопрос.

11

...И ПОЯВИЛИСЬ ДРАКОНЫ

Он не мог поверить, что такое возможно даже при нынешнем развитии науки и техники. Сколько нужно терабайт, петабайт — есть ли большая единица измерения? — информации, накопленной за века, и на каком носителе она собрана? Лучше не думать об этом и следовать совету Индры: «Забудь о том, что ты инженер, и наслаждайся».

И он действительно наслаждался, хотя наслаждение смешивалось с почти безграничной грустью. Потому что он летел — или ему казалось, что он летит,— на высоте двух километров над незабываемой местностью, где прошла его юность. Конечно, перспектива искажалась, потому что высота «птичника» составляла всего полкилометра, но иллюзия была полной.

Пул облетел Метеоритный кратер, вспоминая, как карабкался по его крутым склонам в начале подготовки к космическому полету. Невероятно — почему люди сомневались в его происхождении и правильности названия? Тем не менее в конце двадцатого века выдающиеся геологи заявляли о вулканическом происхождении кратера, и только с наступлением космического века неохотно признали, что все планеты подвергаются непрерывной бомбардировке из космоса.

Пул был уверен в том, что он летит со скоростью около двадцати, а не двухсот километров в час, но до Флагстаффа ему удалось добраться меньше чем за пятнадцать минут. Он увидел белоснежные сверкающие купола обсерватории Лоуэлла, которую так часто посещал в детстве и чьи дружелюбные сотрудники, несомненно, повлияли на его выбор профессии. Иногда он задумывался, чем бы стал заниматься, если бы вырос не в Аризоне, около того места, где родились марсианские фантазии, имевшие решающее значение для его жизни. Возможно, виновато воображение, но Пулу показалось, что он видит уникальное надгробие Лоуэлла рядом с огромным телескопом, о котором Фрэнк грезил в детстве.

В каком году зафиксировано это изображение? Скорее всего, его сделали спутники-шпионы в начале двадцать первого столетия. Наверное, это произошло в то время или чуть позже, потому что город был точно таким, каким Пул его помнил. Возможно, он увидит себя самого, если опустится немного ниже...

Но он знал, что эта мысль абсурдна. Он уже понял, что не может приблизиться. Стоило ему попытаться подлететь ближе, как изображение распадалось на составные элементы. Лучше держаться на расстоянии и любоваться прекрасной иллюзией.

А там — просто невероятно! — был небольшой парк, где он играл со школьными друзьями. Отцы города вечно спорили о средствах на его содержание, потому что водоснабжение становилось все более и более сложным. Значит, парк сохранился до нынешнего времени, каким бы оно ни было.

Еще одно воспоминание едва не заставило Пула прослезиться. По этим узким дорожкам он гулял со своим любимым родезийским риджбеком, когда возвращался домой из Хьюстона или с Луны. Он заставлял пса приносить брошенные палочки — так с незапамятных времен играли человек и собака.

Пул надеялся, что Рикки встретит его, когда он вернется с Юпитера, и попросил своего младшего брата Мартина позаботиться о псе. Он едва не потерял контроль и снизился на несколько метров, прежде чем восстановил равновесие, в который раз напомнив себе горькую правду — и Мартин, и Рикки превратились в прах много веков назад.

Когда Пул полностью пришел в себя, то заметил на горизонте темную ленту Большого Каньона. Он раздумывал, стоит ли лететь туда — он уже немного устал,— и вдруг заметил, что не один в небе. Что-то приближалось, и это «что-то» определенно не походило на человека с крыльями. В такой ситуации трудно определить расстояние, но то, что летело по направлению к Пулу, явно было больше человека.

«Ладно,— подумал Фрэнк.— Я не слишком удивлен встрече с птеродактилем, я ожидал увидеть нечто подобное. Надеюсь, он настроен дружелюбно, а если нет — надеюсь, он не сможет меня догнать... О нет!»

Он почти угадал — это птеродактиль, по крайней мере на восемь из десяти. Тяжело взмахивая кожистыми крыльями, к нему подлетал сказочный дракон. Картину логически завершала сидевшая на драконьей спине прекрасная дама.

Во всяком случае, Пулу она показалась прекрасной. Традиционный образ несколько нарушала незначительная деталь — большую часть лица дамы за-

крывали огромные летные очки, которые, казалось, перенеслись сюда прямо из открытой кабины биплана времен Первой мировой войны.

Пул завис в воздухе, подобно плывущему стоя человеку. Чудовище приблизилось настолько, что стало слышно, как оно хлопает огромными крыльями. Даже когда до дракона оставалось не больше двадцати метров, Пул не мог точно определить, было это существо машиной или биоконструкцией. Скорее всего, и тем и другим.

Но в следующее мгновение он забыл о драконе, потому что наездница сняла очки.

Один из философов заметил (наверное, зевнув): самое неприятное в штампах — то, что они до тоски верны.

Однако «любовь с первого взгляда» не способна навеять тоску.

Дэниел не мог предоставить никакой информации, да иного Пул и не ожидал. Его вездесущий сопровождающий — классическим слугой его нельзя назвать даже с натяжкой — выполнял столь ограниченные функции, что иногда казался Пулу умственно неполноценным, хотя это было маловероятно. Он разбирался в работе бытовых приборов, быстро и качественно выполнял простые поручения и хорошо ориентировался в башне. Но не более того. С ним невозможно было поддерживать разговор, и на любые вежливые расспросы о семье он отвечал непонимающим взглядом. Иногда Пулу казалось, что его слуга — тоже биоробот.

Индра мгновенно ответила на его вопрос.

— А, ты встретил Леди Дракон!

— Вы так ее называете? А ты можешь назвать настоящее имя? Сообщить ее идентификацию? Мы не успели коснуться ладонями.

— Конечно, нет проблем.

— Где ты узнала это выражение?

Индра выглядела смущенной, что было ей не свойственно.

— Понятия не имею, в какой-то старой книге или в кино. Это хорошая фигура речи?

— Нет, если ты старше пятнадцати.

— Постараюсь запомнить. А теперь расскажи, что именно произошло, иначе я буду ревновать.

Они настолько подружились, что перешли на «ты» и могли говорить на любую тему прямо и откровенно. Они со смехом обсуждали даже отсутствие романтического интереса друг к другу. Правда, Индра как-то раз заметила: «Полагаю, если бы мы оказались на необитаемом астероиде без надежды на спасение, мы бы поладили».

— Сначала скажи, кто она такая?

— Аврора Макаули. Она, кроме всего прочего, президент Общества креативных анахронизмов. Если дракон произвел на тебя такое впечатление, что ты скажешь, увидев другие ее... творения. Например, Моби Дика или целый зоопарк динозавров, создать которых не смогла даже сама природа.

«Твоими устами мед пить,— подумал Пул.— Я — величайший анахронизм на планете Земля».

12
РАЗОЧАРОВАНИЕ

До сего момента он не вспоминал о разговоре с психологом Агентства по астронавтике:

— Вы проведете вне Земли как минимум три года. Если хотите, я могу установить безвредный имплантат, понижающий половое влечение, который будет действовать в течение всей экспедиции. Уверяю, вы наверстаете упущенное, когда вернетесь домой.

— Нет, спасибо,— сказал Пул, едва сдерживая смех.— Думаю, я сам справлюсь.

Тем не менее через три или четыре недели у него, как и у Дэйва Боумена, возникли некоторые подозрения.

— Я тоже заметил,— сказал Дэйв.— Готов поспорить, проклятые доктора напихали чего-нибудь в нашу еду.

Что бы ни напихали в еду доктора (если они на самом деле это сделали), у снадобья явно истек срок годности. До сего момента Пул был слишком занят, чтобы вступать с кем-либо в романтические отношения, и вежливо отклонял заманчивые предложения многих молодых (и не слишком молодых) дам. Он не знал, что именно их привлекает, его внешность или его известность. Возможно, всего лишь любопытство — его вызывал человек, который, насколько им было известно, мог оказаться их предком в двадцатом или тридцатом поколении.

К немалому восторгу Пула, идентификатор госпожи Макаули передал информацию, что в данный момент у леди нет любовника. Фрэнк решил не терять времени даром и немедленно связаться с ней. Через двадцать четыре часа он уже сидел на спине дракона, нежно обнимая даму за талию. Он уже успел понять, зачем нужны очки: робот-дракон мог развивать крейсерскую скорость до ста километров в час. Пул сомневался, что настоящие драконы были способны на такое.

Он не удивился, что вокруг них развернулся сказочный пейзаж. Али-баба сердито погрозил им кулаком и прокричал: «Куда претесь!» — когда они пролетали мимо его ковра-самолета. Впрочем, это было далеко от Багдада, потому что сказочные шпили, над которыми они кружили, могли принадлежать только Оксфорду.

Аврора, указав вниз, подтвердила его догадку.

— Это пивная — постоялый двор, где Льюис и Толкин встречались со своими друзьями-«инклингами». А теперь посмотри на реку. Видишь показавшуюся из-под моста лодку? А двух девочек и священника в ней?

— Да,— ответил он, пытаясь перекричать хлопки огромных крыльев дракона.— Полагаю, одна из них — Алиса.

Аврора повернулась и улыбнулась ему. Она явно была довольна ответом.

— Правильно. Она — точная копия, созданная на основании фотографий, сделанных преподобным. Я боялась, что ты этого не знаешь. Слишком многие люди перестали читать уже в твое время.

Пул был доволен собой.

«Полагаю, я прошел еще одно испытание,— самодовольно подумал он.— Первым был полет на драконе. Интересно, что еще меня ждет? Схватка на мечах?»

Но других испытаний не последовало. Был лишь извечный вопрос: «У тебя или у меня?» На него пришлось отвечать Пулу.

На следующее утро, потрясенный и униженный, он обратился за помощью к профессору Андерсону.

— Все шло как нельзя лучше,— пролепетал он,— и вдруг она впала в истерику и оттолкнула меня. Я испугался, что причинил ей боль... Потом она приказала включить свет и вскочила с кровати. Я смотрел на нее, как дурак...— Он невесело засмеялся.— На нее стоило посмотреть.

— Не сомневаюсь. Продолжайте.

— Через несколько минут она успокоилась и сказала то, чего я никогда не забуду.

Андерсон терпеливо ждал, пока Пул успокоится.

— Она сказал: «Мне очень жаль, Фрэнк. Я думала, мы хорошо проведем время, но я не знала, что ты... изуродован».

Профессор выглядел озадаченным, но через мгновение все понял.

— О, я все понимаю. Мне тоже очень жаль, Фрэнк. Может быть, мне следовало вас предупредить. За тридцатилетнюю практику я видел не более полудюжины таких случаев, причем операции производились по медицинским показаниям, что к вам явно не относится... Обрезание крайней плоти имело оправдание в древности и даже в ваше время для профилактики некоторых неприятных, а иногда смертельных заболеваний в отсталых странах с неразвитой санитарией. Но сейчас этому нет оправдания, зато есть много аргументов против, в чем вы сами могли убедиться!.. Осмотрев вас в первый раз, я проверил архивы и обнаружил: в середине двадцать первого столетия против Американской медицинской ассоциации было подано столько судебных исков за злоупотребления, что подобные операции запретили. Я получил большое удовольствие, читая протоколы заседаний врачей того времени.

— Не сомневаюсь,— мрачно заметил Пул.

— В некоторых странах операции делали еще лет сто, пока какой-то неизвестный гений не придумал лозунг, прошу прощения за вульгарность: «Нас создал Бог, и обрезание — богохульство». На этом все закончилось. В любом случае, вы не войдете в историю медицины. Если хотите, я легко установлю трансплантат.

— Думаю, это не поможет. Боюсь, я каждый раз буду смеяться.

— Правильно, не стоит унывать. Да вы уже повеселели.

К немалому своему удивлению, Пул понял, что прогноз Андерсона оказался верным. Он уже смеялся.

— В чем дело, Фрэнк?

— «Общество креативных анахронизмов»... Я думал, благодаря ему у меня будет больше шансов, а оказалось, что я — один из тех анахронизмов, к которым она питает отвращение.

13
ЧУЖАК В ЧУЖОМ ВРЕМЕНИ

Индра отнеслась к нему менее сочувственно, чем он надеялся. Может быть, в их отношениях имела место некоторая ревность. Но еще важнее — обсуждение того, что они насмешливо назвали «крахом дракона», закончилось их первым настоящим спором.

Все началось вполне невинно, с замечания Индры:

— Люди часто меня спрашивают, почему я посвятила свою жизнь изучению этого ужасного периода истории. Мне обычно нечего ответить, кроме того, что в истории бывали периоды и хуже.

— Тогда почему тебя так заинтересовало мое время?

— Потому что это время перехода от варварства к цивилизации.

— Спасибо. Можешь называть меня Конаном.

— Конаном?.. Я знаю только одного Конана — создателя Шерлока Холмса.

— Понятно. Прости, что перебил. Конечно, мы, жители так называемых «развитых стран», считали себя цивилизованными. По крайней мере, войны перестали считаться нормальным решением проблем, и Организация Объединенных Наций прилагала максимум усилий для того, чтобы остановить уже развязанные вооруженные конфликты.

— Не всегда успешно. Я дала бы три балла по десятибалльной шкале. Но нам кажется невероятным, что жившие в начале двадцать первого века люди считали приемлемым поведение, которое мы назвали бы отвратительным. И верили в самую ошеломимую...

— Ошеломительную.

— ...чепуху, какую любой рационально мыслящий человек отверг бы без рассмотрения.

— Примеры, пожалуйста.

— Ладно. Твоя довольно тривиальная неудача заставила меня заняться исследованиями, и результаты ввергли меня в ужас. Ты знаешь, что в некоторых странах каждый год тысячи маленьких девочек оказывались изувеченными ради сохранения девственности? Многие из них умирали, но власти смотрели на это сквозь пальцы.

— Согласен, это ужасно, но чем могло помочь мое правительство?

— Многим — при желании, конечно. Но это нанесло бы оскорбление людям, продававшим нефть и покупавшим оружие, в том числе противопехотные мины,— они убивали и калечили тысячи ни в чем не повинных людей.

— Ты не понимаешь, Индра. Очень часто у нас не было выбора, мы не могли преобразовать весь мир. Разве не сказал один умный человек, что политика — это искусство возможного?

— Согласна, и именно поэтому ею занимаются второсортные умы. Гении предпочитают бросать вызов невозможному.

— Знаешь, я рад, что у вас достаточно гениев и вы все делаете правильно.

— Я слышу в твоем тоне сарказм или мне кажется? Благодаря компьютерам мы можем проводить политические эксперименты в киберпростран-

стве, прежде чем внедрять их в реальную жизнь. Ленину не повезло — он родился на сто лет раньше срока. Русский коммунизм имел бы право на существование — по крайней мере, временно,— если бы в то время существовали микрочипы. И если бы удалось избежать появления Сталина.

Пул не переставал удивляться глубине знаний Индры, а также ее неосведомленности в тех вопросах, ответы на которые он считал само собой разумеющимися. У него же была противоположная проблема. Он не смог бы чувствовать себя своим в этом времени, даже если бы прожил уверенно обещанные ему сто лет. В любом разговоре вечно будут возникать комментарии, которые он не способен понять, шутки, которые никогда не станут для него смешными. Что еще хуже, он обречен балансировать на грани ложного шага, грозящего катастрофой в общении и способного поставить в трудное положение даже самых лучших друзей...

Однажды он обедал (к счастью, в своей собственной квартире) с Индрой и профессором Андерсоном. Пища, приготовленная автоматическим поваром, всегда была приемлемой для удовлетворения его физиологических потребностей. Но блюда казались пресными и могли ввергнуть в отчаяние гурмана из двадцать первого века.

Однако в тот раз вдруг появилось исключительно вкусное кушанье, которое вызвало в памяти яркие воспоминания об охоте на оленей и о жареном мясе времен юности Пула. Аромат и структура сегодняшней еды были необычными, поэтому Фрэнк задал очевидный вопрос.

Андерсон лишь улыбнулся, а Индра в первую секунду выглядела так, словно ее вот-вот стошнит. Потом она успокоилась и сказала:

— Расскажи ему... только после обеда.

«Что я сделал не так?» — спросил себя Пул.

Через полчаса, когда Индра многозначительно удалилась в противоположный конец комнаты, чтобы просмотреть видеозаписи, Пулу пришлось углубить свои знания о третьем тысячелетии.

— Употребление мертвечины в пищу уже в ваши дни выходило из моды,— пояснил Андерсон.— Выращивать животных для того, чтобы их съесть, стало экономически невозможным. Я не знаю, сколько именно акров земли нужно для содержания одной коровы, но как минимум десять человек могут питаться растениями, выращенными на этой площади. Может быть, даже сто, если использовать гидропонные методы. Но конец этим отвратительным технологиям положила не экономика, а болезнь. Сначала она поразила крупный рогатый скот, затем распространилась на других домашних животных. Насколько я знаю, болезнь была вирусной, поражала мозг и вызывала мучительную смерть. Лекарство в конце концов нашли, но уже невозможно было повернуть время вспять. Кроме того, синтетическая пища значительно дешевле и ей можно придать любой запах и вкус.

У Пула, когда он вспомнил, как несколько недель поедал питательную, но невкусную пищу, возникли некоторые сомнения относительно последнего утверждения. Если все так просто, почему ему до сих пор снится жареная грудинка или бифштекс?

Другие мечты вызывали еще большие опасения, и он полагал, что ему скоро придется обратиться за медицинской помощью к Андерсону. Все старались помочь ему, но непривычность и сложность нового мира начинали влиять на его психическое состояние. Во сне Пул часто возвращался в прежнюю жизнь, словно бессознательно пытался совершить побег из настоящей. Когда он просыпался, чувствовал себя еще хуже.

Он жалел о том, что посетил Американскую башню. Он хотел увидеть в реальности, а не виртуально места, где прошла его юность. Когда не мешали облака, он мог при помощи оптических приборов различить фигурки людей на улицах, которые так хорошо помнил...

В глубинах его сознания остались воспоминания о том, что там жили его самые родные люди и животные. Мать, отец (пока тот не ушел к другой женщине), милые дядя Джордж и тетя Лил, брат Мартин и, не в последнюю очередь, любимые собаки — от теплых щенков, с которыми он играл в раннем детстве, до Рикки.

Но самым главным были воспоминания о Хелене и ее неразгаданная тайна...

Все началось с легкой интрижки в самом начале подготовки к космическому полету. Постепенно их отношения становились серьезными. Перед отлетом Пула к Юпитеру они решили, что после его возвращения будут жить вместе.

Хелена сказала, что хочет иметь от него ребенка, если он не вернется. Он до сих пор помнил, как серьезно и одновременно весело они старались, чтобы ребенок появился на свет...

Теперь, через тысячу лет, несмотря на все приложенные усилия, он не мог узнать, сдержала ли Хелена свое обещание. В официальных записях истории развития человечества, как и в его памяти, существовали пробелы. Самый большой пробел появился в две тысячи триста четвертом году. Тогда разрушительный электромагнитный импульс, вызванный падением астероида, стер несколько процентов записей всемирного информационного банка. Не помогли системы обеспечения резерва и безопасности. Пул часто задумывался о том, были ли данные о его детях среди тех безвозвратно утраченных эксабайтов. Его потомки в тридцатом поколении могли в данный момент ходить по земле, а он ничего не знал о них.

Его настроение немного улучшилось, когда он убедился, что некоторые современные дамы, в отличие от Авроры, не считали его порченным. Напротив, внесенное в его тело изменение, казалось, возбуждало их и столь странная реакция не позволяла Пулу установить более близкие отношения. Впрочем, он к этому и не стремился. Просто его организм нуждался в этих полезных и бессмысленных упражнениях.

Бессмысленных, вот в чем главная беда. У него не было цели в жизни. К тому же давил груз воспоминаний. Перефразируя название прочитанной в юности книги, он называл себя «чужаком в чужом времени».

Порой, когда Пул смотрел вниз на прекрасную планету, по которой, если верить врачам, ему уже никогда не придется ходить, в его голову являлись мысли об уходе обратно в безвоздушное пространство. Такое иногда случа-

лось, несмотря на сложность проникновения через воздушные шлюзы без включения аварийной сигнализации: раз в несколько лет какой-нибудь решительный самоубийца пролетал метеором в атмосфере Земли.

Может быть, так бы и вышло, если бы избавление не пришло с совершенно неожиданной стороны.

— Рад снова видеть вас, коммандер Пул.

— Прошу прощения... не припоминаю... мне приходится встречаться со многими людьми...

— Не за что извиняться. Первая наша встреча произошла рядом с Нептуном.

— Капитан Чандлер, как я рад вас видеть! Могу я угостить вас чем-нибудь?

— Все, что угодно, лишь бы крепче двадцати градусов.

— А что вы делаете на Земле? Вы говорили, что никогда не пересекаете орбиту Марса.

— Так оно и есть... Я здесь родился, но все равно считаю это место грязным и вонючим — слишком много людей, скоро их станет около миллиарда.

— В наше время было больше десяти миллиардов. Кстати, вы получили мое сообщение и благодарность?

— Да, и собирался связаться с вами, но вынужден был подождать полета в сторону Солнца. Итак, теперь я здесь. Ваше здоровье!

Пока капитан с поразительной скоростью поглощал напитки, Пул рассматривал своего гостя. Бороды, даже такие маленькие бородки клинышком, как у Чандлера, редко встречались в современном обществе. Кроме того, Пулу ни разу не приходилось видеть астронавта с бородой — они плохо совмещались с гермошлемами скафандров. Конечно, астронавт мог летать несколько лет без выходов в открытый космос, поскольку все работы там выполнялись роботами, но всегда оставался риск возникновения непредвиденной ситуации, когда потребуется быстро облачиться в скафандр. Очевидно, Чандлер был эксцентричным человеком, и Пул мгновенно почувствовал к нему расположение.

— Вы не ответили на мой вопрос. Что вы здесь делаете, если Земля вам не нравится?

— О, в основном общаюсь со старыми друзьями. Как приятно забыть на время о часовых задержках и беседовать в режиме реального времени! Но это, конечно, не главная причина. Мое ржавое ведро сейчас ремонтируют на верфи, расположенной на внешнем ободе. Необходимо заменить броню — я плохо сплю, когда ее толщина уменьшается до нескольких сантиметров.

— Броню?

— Пылезащитный экран. В ваше время такой проблемы не было, да? Но вокруг Юпитера полно грязи, а наша крейсерская скорость составляет несколько тысяч километров... в секунду! Поэтому мы подвергаемся постоянным ударам, словно дождь стучит по крыше.

— Вы шутите!

— Конечно. Если бы мы услышали удары, то через мгновение стали бы покойниками. К счастью, подобные неприятности возникают редко: последнее серьезное происшествие случилось двадцать лет назад. Мы знаем орбиты всех комет, нам известны места скопления мусора, и мы стараемся их избегать, за исключением тех случаев, когда вынуждены согласовывать скорости, чтобы обложить льдину. Кстати, почему бы вам не подняться к нам на борт и самому все не увидеть, пока мы не улетели к Юпитеру?

— С удовольствием... Вы сказали, к Юпитеру?

— Скорее, к Ганимеду, в Анубис-сити. У нас там много дел, а у некоторых членов команды — семьи и они не видели родных уже несколько месяцев.

Пул его почти не слышал.

Внезапно, неожиданно, как раз вовремя у него появилась цель в жизни.

Коммандер Фрэнк Пул принадлежал к числу людей, которые терпеть не могли оставлять дела незавершенными, и такая мелочь, как несколько космических пылинок, даже летящих со скоростью тысяча километров в секунду, не могла его остановить.

Незавершенные дела у него остались рядом с планетой, которая раньше называлась Юпитером.

II

«ГОЛИАФ»

14

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЕЙ

Ему сказали: «Все, что захочешь, в разумных пределах». Фрэнк Пул не был уверен, что его гостеприимные хозяева посчитают просьбу о возвращении к Юпитеру разумной. Честно говоря, он и сам не был уверен в разумности своего поступка. У него возникали сомнения.

Он уже запланировал ряд встреч на много недель вперед. Какие-то из них он отменил с радостью, но от других вынужден был отказаться с сожалением. Особенно ему не хотелось разочаровывать старшеклассников из своей средней школы — поразительно, она до сих пор действовала! — которые собирались посетить его примерно через месяц.

Он испытал облегчение и легкое удивление, когда и Индра, и профессор Андерсон назвали его идею блестящей. Он впервые понял, что они беспокоились о его психическом здоровье и сочли хорошим лекарством отдых за пределами Земли.

Но самым главным было то, что его намерение с радостью воспринял капитан Чандлер.

— Вы можете занять мою каюту,— пообещал он.— А я выгоню первого помощника из ее апартаментов.

Иногда Пулу казалось, что Чандлер — тоже анахронизм. С такой бородой и манерами его легко можно было представить на мостике потрепанного трехмачтового парусника под флагом с черепом и перекрещенными костями.

Пул принял решение, и события стали развиваться с поразительной быстротой. Личных вещей у Фрэнка скопилось немного, а взять с собой он намеревался еще меньше. Самой драгоценной частью имущества была «Мисс Прингл» — электронное второе «я» и секретарша, а теперь и хранилище обеих его жизней с небольшим набором терабайтовых блоков памяти.

По размеру «Мисс Прингл» была не больше карманного компьютера, которые использовались в прежнее время. Пул носил ее, как старый верный «кольт» сорок пятого калибра — в кобуре на поясе, которую можно быстро расстегнуть. Она могла общаться с хозяином по голосовой связи или через нейроколпак и выполняла функции информационного фильтра и буфера в отношениях с внешним миром. Как любая хорошая секретарша, она знала, когда следует вежливо ответить: «Соединяю»,— но чаще отвечала: «Извините, в данный момент мистер Пул занят. Оставьте сообщение, и он свяжется с вами при первой же возможности». Что означало «никогда».

Прощаться Пулу было почти не с кем. Общение в реальном времени не представлялось возможным из-за слишком медленного распространения радиоволн, но он тем не менее останется в контакте с Индрой и Джо — единственными настоящими друзьями.

К немалому своему удивлению, Пул понял, что ему будет не хватать его загадочного, но весьма полезного «валета». Теперь придется самому заботиться о себе, то есть заниматься решением мелких, но отнимающих много времени повседневных проблем. Дэниел едва заметно поклонился и больше никак не проявил своих чувств, пока они совершали долгий подъем к наружному ободу опоясывавшего планету колеса в тридцати шести тысячах километров над Центральной Африкой.

— Дим, я не уверен, что тебе понравится сравнение... но знаешь, что напоминает мне «Голиаф»?

Они стали добрыми друзьями, и Пул мог называть капитана этим именем, когда, разумеется, никого не было рядом.

— Полагаю, нечто не совсем приятное.

— Нет, ты не прав. В детстве я случайно обнаружил выброшенную дядей Джорджем пачку старых научно-фантастических журналов. Их называли «макулатурой», как бумагу, на которой они были напечатаны. Некоторые из журналов уже разваливались... У них были чудесные яркие обложки с изображениями странных планет, чудовищ и, конечно, космических кораблей! Когда я вырос, я понял, насколько нелепыми были эти космические корабли — оборудованы ракетными двигателями, но не имеют баков для горючего. На них были нарисованы ряды иллюминаторов от носа до кормы, как у океанских лайнеров. Больше всего мне нравился корабль с огромным стеклянным куполом — космическая обсерватория... И в итоге эти старые художники оказались правы, но, к сожалению, им не суждено узнать об этом. «Голиаф» больше по-

хож на плод их воображения, чем на летающие топливные баки, которые запускали мы. Ваш инерционный привод поражает воображение — нет видимого источника подъемной силы, неограниченная дальность полета, скорость... Иногда мне кажется, что я сплю!

Чандлер рассмеялся и показал на окно.

— Разве это похоже на сон?

Пул впервые с тех пор, как попал в Звездный город, увидел настоящий горизонт, и он оказался не таким уж далеким. В конце концов, Пул находился на внешнем ободе колеса, диаметр которого в семь раз превосходил диаметр Земли, и поле зрения поверх крыши этого искусственного мира должно было простираться на несколько сотен километров...

Фрэнк всегда умел хорошо считать в уме — эта способность, редкая и в прежнее время, наверняка стала совсем исключительной теперь. Формула определения расстояния до горизонта была очень простой: квадратный корень из удвоенной высоты, умноженной на радиус. Такие вещи не забываешь даже при желании.

Посмотрим... мы находимся примерно на восьмиметровой высоте... квадратный корень из шестнадцати... это совсем легко... радиус, скажем, сорок тысяч, сократим нули, четыре умножить на корень из сорока... гм-м... чуть больше двадцати пяти...

Так, двадцать пять километров — приличное расстояние. Ни один космопорт на Земле не мог быть таким огромным. Даже зная, что ждет впереди, было немного жутко наблюдать, как корабли, во много раз превосходящие по размерам погибший «Дискавери», взлетают не только совершенно бесшумно, но и без видимых признаков каких-либо двигателей. Пул немного тосковал по грохоту и пламени старых запусков, но не мог не признать, что эти старты гораздо чище, эффективнее и, самое главное, безопаснее.

Но самое странное заключалось в том, что он находился на ободе, на геостационарной орбите, и при этом чувствовал свой вес! Всего в нескольких метрах, за окном крошечного обзорного салона, роботы-ремонтники и несколько человек в космических скафандрах выполняли привычную работу, а здесь, внутри «Голиафа», инерционное поле поддерживало гравитацию на стандартном марсианском уровне.

— Послушай, Фрэнк,— сказал капитан Чандлер шутливым тоном, спускаясь на мостик,— еще не поздно передумать. До старта десять минут.

— Я стану менее популярным, если передумаю, верно? Как говорили в старые добрые времена, назад дороги нет. Готов или нет, а делать надо.

Когда включился привод, Пул захотел остаться один, и немногочисленная команда — четверо мужчин и три женщины — с пониманием отнеслась к его желанию. Может быть, они представили себе его чувства: он покидал Землю второй раз за тысячу лет и снова не знал, что ждет впереди.

Юпитер-Люцифер находился по другую сторону от Солнца, и почти прямая орбита «Голиафа» проходила рядом с Венерой. Пулу не терпелось увидеть своими собственными глазами, какой стала сестра Земли после многовековых изменений и формирования суши.

С высоты тысячи километров Звездный город походил на гигантский металлический обруч, опоясывавший Землю по экватору. Он был усеян подъемными кранами, воздушными колпаками, лесами, подпирающими недостроенные корабли, антеннами и другими, еще более загадочными конструкциями. Он быстро уменьшался, когда «Голиаф», набирая скорость, летел к Солнцу, и Пул только теперь увидел, что конструкция была незаконченной — на ободе зияли огромные провалы в тонкой паутине лесов. Возможно, они никогда не будут полностью закрыты.

Потом корабль сместился вниз от плоскости кольца. В северном полушарии стояла середина зимы, и тонкий нимб Звездного города был наклонен под углом более двадцати градусов к Солнцу. Пул разглядел Американскую и Азиатскую башни, сверкающими нитями выходившие из голубоватой дымки атмосферы.

Он не заметил, как «Голиаф» набрал скорость, что намного превосходила скорость любой кометы, летевшей когда-либо в сторону Солнца из межзвездного пространства. Почти полная Земля все еще занимала большую часть поля зрения, и он увидел всю Африканскую башню, ставшую для него домом. Быть может (он не мог не подумать об этом), он покидал ее навсегда.

Когда они удалились на пятьдесят тысяч километров, Пул смог рассмотреть Звездный город целиком — он походил на узкий эллипс вокруг Земли. Дальняя его сторона, подобная волосяной линии света, была едва видна на фоне звезд, и тем не менее мысль о том, что человеческая раса оставила свой знак на небесах, не могла не повергать в благоговейный трепет.

Потом Пул вспомнил об удивительных, великолепных кольцах Сатурна. Космическим инженерам предстоит пройти очень длинный путь, прежде чем они смогут соперничать с достижениями природы.

Или правильнее говорить — с достижениями Деуса?

15
ПРОХОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

Когда на следующее утро Пул проснулся, они уже подлетели к Венере. Но огромный сверкающий полумесяц все еще затянутой облаками планеты был не самым поразительным небесным явлением, потому что «Голиаф» парил над бесконечным полотном гофрированной серебристой фольги, и она мерцала на солнце непрерывно меняющимися узорами.

Пул вспомнил, что в его время жил художник, который обтягивал пластиковой пленкой целые здания. Как тот обрадовался бы, если бы ему представилась возможность упаковать в сверкающий конверт миллиарды тонн льда! Только так можно защитить ядро кометы от испарения в течение длившейся десятилетия транспортировки в сторону Солнца.

— Фрэнк, тебе повезло,— сказал Чандлер.— Даже я этого не видел. Зрелище обещает быть впечатляющим. Столкновение состоится примерно через час. Мы немного подтолкнули комету в нужном направлении. Не хотим, чтобы кто-нибудь пострадал.

Пул удивленно уставился на него.

— Ты хочешь сказать, что на Венере есть люди?

— Около пятидесяти безумных ученых, рядом с Южным полюсом. Конечно, они надежно окопались, но тем не менее почувствуют удар, хотя эпицентр находится на другой стороне планеты. Взрыв произойдет в атмосфере, и пройдет много дней, прежде чем что-либо, кроме взрывной волны, достигнет поверхности.

Пока Пул наблюдал за удалявшимся к Венере космическим айсбергом в сверкающей оболочке, на него вдруг нахлынули горькие воспоминания. В детстве рождественские елки украшали похожими игрушками — хрупкими цветными стеклянными шарами. Сравнение было логичным — для многих семей на Земле сезон праздников еще не прошел, а «Голиаф» доставлял действительно бесценный подарок на другую планету.

Главный экран центра управления «Голиафа» занимало радиолокационное изображение изуродованной поверхности Венеры, с причудливыми вулканами, приплюснутыми куполами и узкими извилистыми ущельями. Пул предпочел увидеть все собственными глазами. Сплошная облачность скрывала огненный ад на поверхности планеты, но Фрэнк хотел посмотреть, что произойдет, когда угнанная комета столкнется с планетой. Буквально через несколько секунд несметное число тонн замороженных гидратов, набравших скорость за десятилетия полета от Нептуна, отдадут Венере свою энергию...

Первая вспышка оказалась намного ярче, чем ожидал Пул. Невозможно поверить, что ледяной снаряд вызвал повышение температуры до десятков тысяч градусов! Фильтры смотрового окна поглотили самое опасное коротковолновое излучение, но по ослепительному голубому цвету вспышки было ясно, что она горячее солнца. Облако, расширяясь, быстро остывало, становилось желтым, потом — оранжевым, красным... Взрывная волна распространялась со скоростью звука — и каким громким, вероятно, был этот звук! Через несколько минут должны были появиться визуальные признаки прохождения волны по поверхности Венеры.

Вот они! Крошечное черное кольцо, похожее на кольцо дыма, казалось нематериальным и не давало ни малейшего представления о том, какие титанические силы бушевали там, расходясь во все стороны от точки удара. Кольцо расширялось, хотя заметить движение было сложно из-за масштаба происходящего. Пулу пришлось ждать целую минуту, пока он убедился в том, что кольцо действительно увеличивается.

Примерно через четверть часа на планете уже невозможно было не заметить следов происшествия. Кольцо стало бледным, уже не черным, а серым. Взрывная волна представляла собой рваное пятно более тысячи километров в поперечнике. Пул решил, что волна потеряла изначальную симметрию, когда проходила через высочайшие горные хребты, которые не были видны из-за облачности.

По системе оповещения корабля разнесся бодрый голос капитана Чандлера:

— Соединяюсь с базой «Афродита». Очень рад сообщить, что они не зовут на помощь.

— Нас не сильно тряхнуло, но другого мы и не ожидали. Датчики сообщили, что над горами Нокомис идет дождь. Он, конечно, быстро испарится, но для начала неплохо. Кроме того, в ущелье Гекаты возник ливневый паводок — в это трудно поверить, мы проверяем. Там после последней доставки возникло небольшое озеро с кипящей водой...

«Я им совсем не завидую,— подумал Пул,— но не могу не радоваться. Они доказывают, что авантюрный дух жив даже в таком спокойном и уравновешенном обществе».

— Еще раз хотим поблагодарить за то, что вы доставили груз точно в нужное место. Если нам повезет и мы сумеем поднять солнечный экран на стационарную орбиту, здесь скоро появятся настоящие моря. После этого мы сможем высадить коралловые рифы для производства извести и удалить из атмосферы излишки углекислого газа. Надеюсь, я доживу до этого!

«Я тоже надеюсь»,— подумал Пул, безмолвно восхищаясь подвигом ученых.

Он часто погружался в воды тропических морей на Земле и наслаждался видом причудливых разноцветных созданий, живущих в рифах. Он с трудом мог поверить, что нечто еще более причудливое может появиться на других планетах, под другими звездами.

— Посылка доставлена вовремя, получение подтверждено,— удовлетворенно сказал капитан Чандлер.— До свидания, Венера. Встречай нас, Ганимед.

МИСС ПРИНГЛ.
ФАЙЛ «УОЛЛЕС».

Привет, Индра. Да, ты была права, теперь мне не хватает споров с тобой. Мы с Чандлером отлично ладим, а экипаж сначала относился ко мне — ты будешь удивлена — как к священной реликвии. Потом они приняли меня в команду и даже стали подшучивать надо мной.

Очень жаль, что нельзя побеседовать с тобой в реальном времени — мы уже пересекли орбиту Марса и на прохождение радиосигнала туда и обратно требуется не меньше часа. Но и в этом есть преимущества — ты не сможешь перебивать меня...

Путь до Юпитера занимает около недели, и я думал, что смогу отдохнуть. Не тут-то было. У меня зачесались руки, и я решил вернуться в школу, то есть начал курс обучения на одном из мини-шаттлов «Голиафа». Может быть, Дим позволит мне совершить самостоятельный полет...

Этот аппарат не больше капсул «Дискавери», но как они отличаются друг от друга! Во-первых, не используются ракетные двигатели. Никак не привыкну ко всем преимуществам инерционного привода и неограниченной дальности. Я мог бы вернуться в этом шаттле на Землю при необходимости, но боюсь — помнишь, я произнес одну фразу, а ты догадалась, что она значит? — у меня бы начался тюремный психоз.

Главное отличие, конечно,— система управления. Мне стоило больших усилий научиться управлять кораблем без рук, и компьютер с трудом привык к моему голосу. Сначала он каждые пять минут спрашивал: «Вы действительно имеете в виду вот это?..» Знаю, что разумнее использовать нейроколпак,

но я до сих пор не привык к этой штуковине. И вряд ли когда-нибудь привыкну, что что-то читает мои мысли...

Кстати, шаттл называться «Фалконом». Хорошее название, но я разочарован: никто из команды не знал, что оно использовалось еще в экспедициях «Аполлонов», когда мы впервые совершили высадку на Луну...

Да... Я о многом хотел бы рассказать, но командир вызывает. Пора на урок. С любовью, конец связи.

СОХРАНИТЬ.
ПЕРЕДАТЬ.

Привет Фрэнк — Индра вызывает — если это правильное слово! — у меня новый мыслеписец — у старого случилось нервное расстройство — ха-ха — поэтому будет много ошибок — не успею отредактировать перед отправкой. Надеюсь, ты поймешь, что я хотела сказать.

УСТАНОВИТЬ СВЯЗЬ! — Канал один ноль три — записи с двенадцати тридцати — нет, с тринадцати тридцати.

Извини...

Надеюсь, мне удастся отремонтировать старое устройство — оно понимало все мои сокращения и недомолвки — может быть его стоит подвергнуть психоанализу как в твое время — не понимаю почему эта фрейдистская чепуха просуществовала так долго.

Кстати вспомнила — я наткнулась на определение двадцатого века — уверена тебе понравится — кавычки открываются — Психоанализ это заразная болезнь, впервые появившаяся в окрестностях Вены, в настоящее время в Европе не встречается, но возможны редкие вспышки среди богатых американцев — кавычки закрываются. Смешно?

Еще раз извини... беда с этими мыслеписцами... очень трудно сосредоточиться...

хз 12Л у888 8***** жс9812иебдс. ПРОКЛЯТЬЕ... СТОП... ВОЗВРАТ.

У меня опять ничего не получилось? Попробую еще раз.

Ты спрашивал о Дэниеле — прости, мы всегда старались не отвечать на твои вопросы о нем — знали, что тебя это интересует, но у нас были веские основания — помнишь, ты как-то назвал его нелюдем? Почти угадал!

Как-то раз ты спросил меня о преступности в наше время, а я ответила, что интерес к ней может быть расценен как патология. Может быть, меня подтолкнули к этой мысли отвратительные телевизионные программы из твоего времени — лично я не могла смотреть их больше пяти минут... Какой ужас!

ДВЕРЬ — ПОДТВЕРДИТЬ! — О, ПРИВЕТ, МЕЛИНДА — ИЗВИНИ — ПРИСАЖИВАЙСЯ — ПОЧТИ ЗАКОНЧИЛА...

Да, преступность всегда существует... Это постоянный уровень помех в обществе. Что поделать?

Ваше решение — тюрьмы. Государственные фабрики извращений, где стоимость содержания одного заключенного в десять раз превышает средний доход семьи! Чистое безумие... Нельзя считать нормальными людей, которые требовали увеличить число тюрем,— вот кого нужно подвергать психоанализу!

Но если говорить честно, то пока не довели до совершенства электронный контроль, альтернативы не было. Видел бы ты ликующие толпы, разрушавшие стены тюрем. Ничего подобного не происходило в течение пятидесяти лет с момента падения Берлинской стены!

Итак, Дэниел... Я не знаю, какое преступление он совершил — и не сказала бы, даже если б знала. Полагаю, его психологические характеристики дали основания считать, что из него получится хороший... как это называется, балет?.. Нет, валет. Очень трудно найти людей, согласных выполнять некоторые виды работ. Не знаю, как мы смогли бы существовать, если бы преступность полностью исчезла! Ладно. Надеюсь, контроль с него скоро будет снят и он вернется к нормальной жизни в обществе.

ИЗВИНИ, МЕЛИНДА — ПОЧТИ ЗАКОНЧИЛА.

Вот и все, Фрэнк. Передавай привет Дмитрию. Вероятно, вы уже на полпути к Ганимеду. Надеюсь, кому-нибудь удастся опровергнуть Эйнштейна и мы сможем нормально общаться через пространство.

А еще надеюсь, что эта машина привыкнет ко мне. Иначе придется искать антикварный текстовый процессор двадцатого века... Ты не поверишь, я даже освоила клавиатуру, от которой вы не могли избавиться в течение двух веков.

С любовью. До свидания.

Привет, Фрэнк, это снова я. Так и не получила подтверждения моему последнему посланию...

Странно: ты летишь к Ганимеду, где живет мой старый друг Тед Хан. Может быть, нет ничего удивительного в этом совпадении, потому что его всегда привлекала та же тайна, что и тебя...

Сначала я должна немного рассказать о нем. Родители неудачно пошутили, назвав его Теодором, сокращенно — Тео. Только никогда так его не называй! Понимаешь, о чем я?

Не могу не думать о том, что именно это определило его жизнь. Не знаю никого, кто проявлял бы подобный интерес к религии. Это можно назвать манией. Должна тебя предупредить, что он может быть ужасно скучным.

Кстати, мои дела таковы: скучаю по старому мыслеписцу, но почти научилась управлять новым. Не допустила ни одной серьезной оговорки или ошибки. Вы называли их «глюками»?

Не знаю, стоит ли тебе говорить об этом, вдруг ты сболтнешь по неосторожности, но лично я называю Теда «последним иезуитом». Ты должен был слышать о них, в твое время орден еще действовал. Поразительные люди: многие из них были выдающимися учеными, превосходными богословами. Они сделали много хорошего и не меньше плохого. Одна из величайших превратностей судьбы — искренние и гениальные искатели истины, философия которых безнадежно искажена предрассудками...

Хиедн2к3жн деер21 еидж дупп.

Проклятье. Дала волю чувствам и потеряла контроль. Один, два, три, четыре... сейчас все люди доброй воли должны прийти на помощь партии... уже лучше.

Кстати, Тед обладает той же благородной решимостью. Не вступай с ним в спор — он проедет по тебе как паровой каток.

Кстати, что такое «паровой каток»? Им гладили одежду? Могу представить, что это не совсем удобно...

Главный недостаток мыслеписцев — очень легко отвлечься, как бы строго ты ни следил за ходом мыслей... Можно понять преимущества клавиатуры... наверняка я это уже говорила...

Тед Хан... Тед Хан... Тед Хан...

Он все еще знаменит на Земле, хотя бы благодаря двум своим изречениям: «Цивилизация и религия несовместимы» и «Вера — это понимание: все, что тебе известно,— неправда». Лично я не считаю последнее изречение оригинальным, но я никогда не слышала от него ничего более похожего на шутку. Он даже не улыбнулся, когда я рассказала ему свой любимый анекдот. Надеюсь, ты не слышал его, хотя он явно относится к твоему времени. Вот он.

Декан говорит преподавателям: «Зачем вам, ученым, дорогое оборудование? Почему вы не можете последовать примеру факультета математики — им нужна лишь классная доска и корзина для мусора. А еще лучше — факультету философии. Им даже корзина не нужна».

Ну, может быть, Тед слышал его раньше... Полагаю, почти все философы это слышали...

В любом случае, передавай ему привет и никогда, повторяю, никогда не спорь с ним!

Привет и наилучшие пожелания из Африканской башни.

ЗАПИСАТЬ. СОХРАНИТЬ.
ПЕРЕДАТЬ — ПУЛ.

16
СТОЛ КАПИТАНА

Появление знаменитого пассажира не могло не повлиять на маленький мирок «Голиафа», но команда отнеслась к изменениям доброжелательно. Каждый день ровно в восемнадцать часов экипаж собирался на ужин в кают-компании, где при нулевой силе тяжести могли находиться человек тридцать, если их равномерно разместить вдоль стен. Однако в нормальных условиях в рабочих зонах корабля поддерживалась гравитация лунного уровня, и в кают-компании, если там собирались больше восьми человек, становилось тесно.

Полукруглый стол вокруг автоповара был рассчитан как раз на семь членов команды с капитаном на почетном месте. Появление дополнительного человека создало проблему: теперь один из астронавтов вынужден был ужинать в одиночестве. После доброжелательных, но долгих споров приняли решение выбирать этого астронавта по алфавиту, но использовать не имена — которые почти никогда не использовались,— а прозвища. Пулу потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к ним: Болты (инженер-конструктор), Чип (компьютеры и связь), Первый (первый помощник), Жизнь (медицина

и системы жизнеобеспечения), Движок (двигатели и силовые установки) и Звезды (орбиты и навигация).

За десять дней полета от своих товарищей Пул узнал о Солнечной системе больше, чем за долгие месяцы пребывания на Земле. Все члены экипажа были рады заполучить нового и, как они надеялись, наивного слушателя, который готов внимать их байкам, раскрыв рот. Но Пула редко увлекали даже самые интересные рассказы.

Тем не менее иногда было трудно определить, где истина. Никто не верил в существование Золотого астероида, почти все считали его мистификацией двадцать четвертого века. Но как в этом случае относиться к плазмоидам Меркурия, существование которых было подтверждено по крайней мере дюжиной надежных свидетелей в последние пятьсот лет?

Самое простое объяснение заключалось в следующем: это были шаровые молнии, как и бесчисленные «неопознанные летающие объекты» на Земле и Марсе. Но некоторые наблюдатели клялись, что объекты действовали целенаправленно и даже проявляли любопытство при встрече на близком расстоянии.

— Чепуха,— отвечали скептики.— Обычное электростатическое притяжение!

Это неизбежно приводило к обсуждению существования жизни во Вселенной, и Пул уже не впервые вынужден был защищать свою эпоху от крайних проявлений легковерия и скептицизма. Мания «пришельцы среди нас» пошла на убыль еще во времена детства Пула, но и в две тысячи двадцатых годах Агентство по астронавтике одолевали сумасшедшие, заявлявшие о том, что пришельцы из других миров вступали в контакт с ними, иногда похищали их. Это усиливалось беспрецедентной кампанией, развязанной средствами массовой информации. Данный синдром был назван в медицинской литературе «болезнью Адамского».

Парадоксально, но открытие ЛМА-1 положило конец всей жалкой чепухе. Оно показало, что разум, несомненно, существовал не только на Земле, но мало интересовался судьбой человечества на протяжении последних нескольких миллионов лет. ЛМА-1, кроме того, опроверг утверждения некоторых ученых, что жизнь на уровне выше бактериального — невероятное явление, и потому человеческая раса — единственная разумная в Галактике, если не во Вселенной.

Команду «Голиафа» интересовала по преимуществу техника, а не политика или экономика времени Пула. Особенно всех поразила революция, произошедшая у него на глазах: конец эпохи ископаемого топлива, вызванный обузданием вакуумной энергии. Члены экипажа с трудом представляли себе окутанные смогом города двадцатого века, алчность, огромное количество отходов и экологические катастрофы нефтяной эпохи.

— Не вините нас,— храбро отбивался от очередной порции критики Пул.— Кстати, вспомните, сколько вам принес двадцать первый век.

В ответ сидевшие за столом дружно закричали:

— Что ты имеешь в виду?

— Знаете, что произошло сразу же после начала так называемой «эпохи безграничной энергии», когда каждый получил в свое распоряжение тысячи киловатт этой чистой и дешевой энергии?

— А, ты имеешь в виду тепловой кризис? Но его удалось преодолеть.

— Только после того, как половину Земли покрыли отражателями, позволившими отбросить тепловое излучение Солнца обратно в космос. В противном случае Земля уже сварилась бы вкрутую, как Венера.

Члены экипажа нетвердо помнили историю третьего тысячелетия, и Пул, благодаря полученному в Звездном городе интенсивному обучению, мог щегольнуть знаниями событий, которые произошли через много веков после его первой жизни. Но его поразило, что экипаж столь внимательно изучил бортовой журнал «Дискавери», ставший классической летописью эры освоения космоса. Они относились к журналу так, как Пул относился бы к саге о викингах. Ему часто приходилось напоминать себе, что во времени он жил на полпути между «Голиафом» и первыми кораблями, пересекшими западный океан.

— На восемьдесят шестые сутки полета,— напомнил ему Звезды во время ужина в пятый день рейса,— вы прошли на расстоянии двух тысяч километров от астероида 7794 и даже выпустили в него зонд. Припоминаете?

— Конечно,— несколько резко ответил Пул.— Для меня это было меньше года назад.

— Гм... извините. Завтра мы будем пролетать мимо астероида 13445 на более близком расстоянии. Хотите посмотреть? Самонаведение и стоп-кадр обеспечат нам окно порядка десяти миллисекунд.

Одна сотая секунды! Те несколько минут на «Дискавери» пронеслись незаметно, а сейчас все должно было произойти в пятьдесят раз быстрее...

— Астероид крупный? — спросил Пул.

— Тридцать на двадцать и на пятнадцать метров,— ответил Звезды.— Похож на разбитый кирпич.

— К сожалению, у нас нечем в него выстрелить,— сказал Движок.— А вы не думали о том, что 7794 может ответить на выстрел?

— Нет. Мы добыли для астрономов много полезной информации, поэтому стоило рискнуть... Кстати, не думаю, что стоит беспокоиться из-за какой-то сотой секунды, но все равно спасибо.

— Понимаю. Если довелось увидеть один астероид — значит, ты видел их все.

— Не совсем так, Чип. Когда я был на Эросе...

— О чем говорили не меньше дюжины раз.

Разум Пула отключился от разговора — беседа превратилась в бессмысленный шумовой фон. Он переместился на тысячу лет в прошлое и вспоминал единственное приключение на борту «Дискавери» незадолго до финальной катастрофы. На его чувства, как и на чувства Боумена, нисколько не влияло то, что они прекрасно знали: 7794 — не более чем безжизненный кусок камня. Астероид был единственным твердым телом, с которым им предстояло встретиться по эту сторону от Юпитера, и они смотрели на него, как моряки после долгого плавания смотрят на берег, куда не могут пристать.

Астероид медленно вращался, на его поверхности в беспорядке чередовались участки тени и света. Иногда кристаллические вкрапления вспыхивали в лучах солнца, как освещенные окна далекого дома...

Пул вспомнил, что напряжение нарастало, пока они пытались понять, точным ли был выстрел. Непросто попасть в такую маленькую цель с расстояния в две тысячи километров, когда относительная скорость цели — около двадцати километров в секунду.

И вдруг на самой темной поверхности астероида возникла ослепительная вспышка. Крошечный снаряд из чистого урана-238 со скоростью метеорита поразил цель — буквально за долю секунды вся его кинетическая энергия преобразовалась в тепло. Облачко раскаленных паров было выброшено в космос, и камеры «Дискавери» записали быстро угасающие линии спектра, зафиксировав характерные признаки атомов. Через несколько часов астрономы на Земле впервые узнали состав коры астероида. Он не слишком удивил их, но несколько бутылок шампанского сменили владельцев.

Сам капитан Чандлер редко принимал участие в спорах, разгоравшихся вокруг полукруглого стола. Видимо, он хотел, чтобы команда могла расслабиться и поговорить в неформальной обстановке. Существовало лишь одно неписаное правило: никаких серьезных дел за ужином. Если возникали какие-либо технические или рабочие проблемы, их обсуждали в другом месте.

Пула удивило и даже шокировало то, насколько поверхностно экипаж знал устройство «Голиафа». Часто Пул задавал вопросы, на которые легко было ответить, если обратиться к блоку памяти корабля. Через некоторое время он понял, что получить всестороннюю подготовку, какую получил он, теперь невозможно — использовались слишком сложные для полного понимания системы. Специалисты должны были знать, что делает их оборудование, но не то, как оно работает. Надежность зависела от обеспечения резерва и автоматической проверки, и вмешательство человека могло скорее навредить, чем помочь.

К счастью, вмешательства и не потребовалось. Полет обошелся без происшествий, что было мечтой любого командира, и скоро на небе прямо по курсу появилось новое солнце Люцифера.

III

МИРЫ ГАЛИЛЕЯ

«Путеводитель для туриста по внешней Солнечной системе», раздел 219.3. Выдержка, только текст:

«Даже в наше время гигантские спутники, которые когда-то были системой Юпитера, остаются загадкой. Почему четыре небесных тела, вращающиеся вокруг одной планеты, аналогичные по размерам, так отличаются друг от друга в других аспектах?

Только для Ио — самого первого спутника — найдено убедительное объяснение. Этот спутник расположен так близко к Юпитеру, что гравитационные приливы, непрерывно перемешивающие его недра, генерируют колоссальное количество тепла. В результате поверхность Ио пребывает в полурасплавленном состоянии. Это наиболее вулканически активное небесное тело в Солнечной системе, и карты поверхности Ио действительны лишь в течение нескольких десятилетий.

Стационарных баз в столь непостоянной среде не создано, но предприняты многочисленные попытки высадиться. Осуществляется контроль с помощью роботов.

(Трагическая судьба экспедиции две тысячи пятьсот семьдесят первого года описана в статье «Бигль 5».)

Европа — второй спутник Юпитера — была полностью покрыта льдом, и ее поверхность не отличалась ничем примечательным, кроме запутанной сети трещин. Приливные силы, доминирующие на Ио, здесь значительно слабее, но они способны генерировать достаточно тепла, чтобы на Европе возник огромный океан из воды в ее жидкой форме. Там развились многие формы жизни (смотри космические исследования «Цянь», «Гэлакси», «Юниверс»). После преобразования Юпитера в новое мини-солнце Люцифер почти весь ледяной покров Европы растаял, а благодаря активной вулканической деятельности возник ряд небольших островов.

Как известно, в течение последней тысячи лет не предпринималось попыток высадки на Европу, хотя спутник находится под постоянным наблюдением.

На Ганимед — крупнейший спутник в Солнечной системе (диаметр 5260 км) — также повлияло создание нового солнца. Его экваториальные области прогрелись настолько, что стало возможно существование сухопутных форм жизни, хотя атмосфера до сих пор не пригодна для дыхания. Большая часть населения занята формированием суши и научными исследованиями. Самым крупным населенным пунктом является Анубис-сити (население 41000 человек) рядом с южным полюсом.

Каллисто отличается от других спутников. Вся ее поверхность испещрена кратерами разных размеров, причем настолько многочисленными, что порой они перекрывают друг друга. Вероятно, бомбардировка продолжалась в течение миллионов лет, так как новые кратеры полностью разрушили старые. На Каллисто нет постоянных баз, но есть несколько автоматических станций».

17
ГАНИМЕД

Фрэнк Пул редко спал долго, к тому же на этот раз ему не давали заснуть странные сны. Прошлое и настоящее безнадежно переплелось: то он был на борту «Дискавери», то в Африканской башне, а иногда превращался в маленького мальчика среди друзей, которых считал давно забытыми.

«Где я нахожусь?» — спросил он себя, пытаясь пробудиться примерно так же, как пловец пытается подняться на поверхность. Над кроватью он увидел маленькое окно, закрытое занавеской — не настолько плотной, чтобы свет не проникал в помещение. В середине двадцатого века, когда самолеты летали еще не слишком быстро, в них предусматривались спальные места в салоне первого класса. Самому Пулу не довелось насладиться подобной роскошью, которую усиленно рекламировали туристические агентства, но сейчас он с легкостью мог представить, что находится именно в таком салоне.

Он откинул занавеску и выглянул в окно. Нет, он проснулся не в небе Земли, хотя простиравшийся за окном пейзаж был очень похож на Антарктиду. Но Южный полюс никогда не мог похвастаться сразу двумя солнцами, поднимающимися над горизонтом, куда летел «Голиаф».

Корабль вращался на орбите менее чем в ста километрах над поверхностью, очень похожей на первый взгляд на вспаханное поле, слегка припорошенное снегом. Но либо пахарь был пьян, либо вышла из строя система наведения, потому что извилистые борозды расходились во все стороны, пересекали друг друга, а иногда возвращались в обратном направлении. Кое-где едва виднелись тонкие окружности — кратеры метеоритов, ударившихся о грунт миллиарды лет назад.

«Значит, вот так выглядит Ганимед,— сквозь сон подумал Пул.— Самый отдаленный от родной планеты форпост человечества! Что может заставить разумного человека поселиться здесь? Впрочем, подобные мысли часто посещали меня, когда я пролетал зимой над Гренландией или Исландией...»

Кто-то постучал в дверь.

— Можно? — спросил капитан Чандлер и вошел, не дождавшись ответа.— Я хотел дать тебе выспаться, пока мы не совершим посадку. Вечеринка в честь окончания полета несколько затянулась, но я не стал прекращать ее, чтобы избежать бунта на корабле.

Пул рассмеялся.

— А был хоть один бунт на борту космического корабля?

— Было несколько. К счастью, до меня. Кстати, раз уж ты затронул эту тему... Первый бунт начал ЭАЛ. Извини, я не должен был... Посмотри, мы пролетаем над Ганимед-сити!

На горизонте появилось нечто, похожее на узор из улиц и переулков. Они расходились под почти прямыми углами, но немного асимметрично — это характерно для поселений, развивавшихся стихийно, без изначального плана. Город пересекала широкая река (Пул вспомнил, что в экваториальных районах Ганимеда достаточно тепла для существования воды в жидкой форме), которая напомнила гравюру с изображением средневекового Лондона.

Потом Пул заметил устремленный на него удивленный взгляд Чандлера... и иллюзия исчезла, едва он осознал масштаб «города».

— Вероятно,— сказал он,— жители Ганимеда весьма крупные, если им понадобились дороги шириной пять или десять километров.

— В некоторых местах не меньше двадцати. Впечатляет, не так ли? И все в результате сжатия и растяжения льдов. Мать-природа изобретательна... Я мог

бы показать тебе участки, которые выглядят еще более рукотворными, хотя не могут похвастаться подобными масштабами.

— Помню, когда я был совсем мальчишкой, велись горячие споры о поверхности Марса. Потом оказалось, что склоны холма подверглись воздействию песчаных бурь. Таких барханов немало на Земле.

— Разве не ясно, что история повторяется? Подобную чепуху говорили и о Ганимед-сити — отдельные сумасшедшие заявляли, что он создан пришельцами. Боюсь, ему осталось недолго.

— Почему? — удивленно спросил Пул.

— Он начал разрушаться после того, как Люцифер стал растапливать вечную мерзлоту. Через сотню лет Ганимед будет невозможно узнать... Кстати, мы пролетаем над краем озера Гильгамеш, вот оно справа...

— Понимаю, что ты имеешь в виду. Что происходит? Ведь вода не может кипеть даже при столь низком давлении.

— Это похоже на гигантскую установку для электролиза. Не могу представить, сколько миллионов килограммов кислорода в день она производит. Водород, как мы надеемся, поднимается и рассеивается...

Чандлер помолчал, потом продолжил другим тоном:

— Столько отличной чистой воды, а Ганимеду не нужно и половины этого запаса. Никому не говори, но я уже некоторое время пытаюсь придумать способ доставки ее на Венеру.

— Это проще, чем укрощать кометы?

— Значительно проще, с точки зрения потребления энергии. Скорость взлета с Ганимеда составляет всего три километра в секунду. На доставку понадобится несколько лет вместо нескольких десятилетий. Но есть определенные трудности, связанные с осуществлением этого...

— Не сомневаюсь. Хочешь запускать воду на орбиту, используя стартовую массу?

— Нет, я предпочел бы использовать башни, проходящие через атмосферу,— подобные тем, что построены на Земле, но меньшего масштаба. Мы бы закачивали воду в верхние части башен, замораживали ее почти до абсолютного нуля, а потом Ганимед отправлял бы лед куда надо, используя вращение. Во время полета некоторое количество воды, несомненно, испарится, но большая часть останется. Я сказал что-то смешное?

— Извини, я смеюсь не над твоей идеей, она кажется вполне разумной и осуществимой. Просто твои слова кое-что напомнили. В мое время использовались садовые дождевальные установки, которые вращались струями воды. Ты планируешь использовать тот же принцип, но в масштабе планеты...

И вдруг видения прошлого затмили все происходящее в реальном времени. Пул вспомнил, как в теплые дни аризонского лета он и Рикки гонялись друг за другом сквозь радужный туман, созданный медленно вращающимися дождевальными установками.

Капитан Чандлер был более чутким человеком, чем могло показаться на первый взгляд,— он знал, когда нужно уйти.

— Вынужден вернуться на мостик,— резко произнес он.— Увидимся после посадки возле Анубиса.

18
ГРАНД-ОТЕЛЬ

Гранд-отель Ганимеда, известный всем жителям Солнечной системы как «Граннимед», определенно не отличался фешенебельностью и вряд ли получил бы более полутора звезд на Земле. В связи тем, что ближайшие конкуренты находились в нескольких сотнях миллионов километров отсюда, обслуживающий персонал не слишком утруждал себя.

Впрочем, у Пула не было претензий, хотя он часто жалел, что рядом нет Дэниела — «валет», несомненно, помог бы разобраться в механике повседневной жизни, особенно в обращении с многочисленными «думающими» устройствами. Фрэнк пережил небольшой период паники после ухода служителя (человека) — тот был ввергнут присутствием знаменитого постояльца в столь благоговейный трепет, что забыл объяснить, как работают основные системы обслуживания номера. После пятиминутного безрезультатного общения с безмолвными стенами удалось установить контакт с системой, которая, несмотря на акцент Пула, понимала отдаваемые приказы. В противном случае во всемирной сети новостей мог появиться сенсационный заголовок:

ЗНАМЕНИТЫЙ АСТРОНАВТ
УМЕР ОТ ГОЛОДА В ЗАПЕРТОМ НОМЕРЕ ОТЕЛЯ НА ГАНИМЕДЕ

На этом шутки судьбы не закончились. Возможно, самые фешенебельные номера «Граннимеда» не могли называться иначе, но Пул был потрясен, когда вошел в «апартаменты Боумена» и увидел парадный портрет своего товарища по полету. Он даже узнал эту официальную фотографию — его собственная была сделана одновременно, за несколько дней до старта.

Скоро Пул узнал, что у большинства членов экипажа «Голиафа» были семьи в Анубис-сити и членам этих семей не терпится познакомиться с ним во время плановой стоянки корабля, которая продлится двадцать дней. Почти мгновенно его вовлекли в жизнь пограничного поселения, и тихое времяпрепровождение в Африканской башне уже казалось далекой мечтой.

Подобно большинству американцев, Пул втайне испытывал ностальгическую тягу к общению в узком дружеском кругу, когда все знали друг друга в реальности, а не к виртуальным отношениям в киберпространстве. Анубис, где численность населения была еще меньше, чем во Флагстаффе, в этом отношении приближался к идеалу.

Три основных герметичных купола, каждый по три километра в диаметре, были установлены на плато над ледовым полем, простиравшимся до горизонта. Второе солнце Ганимеда, известное как Юпитер, не могло растопить ледовые шапки на полюсах.

Это являлось основной причиной основания Анубис-сити в столь негостеприимном месте — фундаменты построек должны были простоять еще несколько веков.

А внутри куполов легко удавалось забыть об окружающем враждебном мире. Когда Пул все-таки овладел системой управления «апартаментов Боуме-

на», он узнал, что у него имеется весьма широкий, хотя и ограниченный выбор пейзажей. Он мог, например, посидеть под пальмами на тихоокеанском побережье под легкий шелест пальмовых листьев или насладиться яростью тропического шторма. Он мог медленно лететь над вершинами Гималаев или пикировать в бездонные ущелья долины Маринера. Он мог бродить по паркам Версаля или по улицам десятка величайших городов мира, причем в разные периоды их исторического развития. Несмотря на то что отель «Граннимед» не относился к самым фешенебельным курортам Солнечной системы, некоторые предоставляемые им услуги могли бы повергнуть в трепет его знаменитых предшественников на Земле.

Впрочем, нелепо погружаться в земные воспоминания после того, как пересек половину Солнечной системы, чтобы увидеть новый мир. После нескольких экспериментов Пулу удалось найти компромисс, обеспечивший ему и развлечение, и воодушевление в течение все более редких периодов свободного времени.

Пулу не довелось посетить Египет, поэтому он с удовольствием отдыхал под грозным взглядом сфинкса — такого, каким тот был до сомнительной «реставрации»,— и наблюдал, как туристы карабкались по массивным блокам великой пирамиды. Иллюзия была идеальной, если не считать нейтральной зоны, где пустыня соединялась со (слегка потертым) ковром на полу апартаментов.

Такого неба тем не менее не видел никто за все пять тысяч лет с момента укладки последнего камня в Гизе. И небо не было иллюзорным — оно было сложной и постоянно меняющейся реальностью Ганимеда.

Поскольку этот мир, как и ему подобные, миллионы лет назад под действием торможения Юпитера перестал вращаться, новое солнце гигантской планеты неподвижно висело на небе. Одна сторона Ганимеда была постоянно освещена Люцифером, а вторая, которую называли ночной, мало соответствовала древнему названию темной стороны Луны. Как и невидимая сторона Луны, ночная сторона Ганимеда в течение половины дня озарялась ослепительным светом старого светила.

По совпадению, которое принесло больше путаницы, чем пользы, период вращения Ганимеда вокруг своего светила составлял одну неделю и три часа. Попытки создать календарь «Один день Ганимеда — одна неделя на Земле» настолько все запутали, что были оставлены много веков назад. Подобно другим обитателям Солнечной системы, местные жители использовали всемирное время.

Благодаря тому, что недавно созданная атмосфера была еще очень тонкой и практически лишенной облачности, ежедневный парад небесных тел представлял собой ни с чем не сравнимое зрелище. Ближе всего были спутники Ио и Каллисто — размером примерно с половину Луны, если смотреть на нее с Земли; но на этом сходство заканчивалось. Ио находилась так близко к Люциферу, что ее прохождение по орбите занимало меньше двух дней, и перемещение спутника по небу можно было наблюдать почти постоянно. Каллисто, расположенной на вчетверо большем расстоянии, требовалось два ганимедовских дня или шестнадцать земных, чтобы завершить ленивый оборот.

Физические различия между этими двумя лунами были еще более разительны. На ледяную Каллисто почти не повлияло превращение Юпитера — она попрежнему представляла собой вымороженную пустыню, испещренную мелкими кратерами. Кратеры располагались так близко друг от друга, что на спутнике, казалось, не осталось места, не затронутого метеоритными ударами в те времена, когда гравитационное поле Юпитера могло спорить с полем Сатурна по части притягивания мусора из внешней Солнечной системы. Потом в течение нескольких миллиардов лет ничего особенного, за исключением случайных попаданий, не происходило.

На Ио каждая неделя была богата событиями. Как заметил один местный шутник, до создания Люцифера там царил просто ад, а после создания — ад подогретый.

Пул часто рассматривал в оптические приборы пылающую поверхность, заглядывал в серные жерла вулканов, которые могли мгновенно изменить рельеф участка местности, по площади превышающего Африку. Иногда раскаленные фонтаны, подобные огненным деревьям безжизненного мира, взмывали вверх на сотни километров.

Когда потоки расплавленной серы растекались по поверхности, непостоянная стихия в процессе преобразования в разноцветные аллотропы мгновенно проходила, как хамелеон, весь узкий спектр красных, оранжевых и желтых оттенков. На заре космического века никто не мог и представить себе подобных миров. Наблюдать за спутником из комфортабельного номера отеля было крайне интересно, но Пул с трудом верил, что люди когда-либо рисковали высаживаться туда, где опасно перемещаться даже роботам...

Пула, однако, больше интересовала Европа, при максимальном сближении очень похожая на одинокую земную Луну — если бы та проходила все фазы за четыре дня. Пул выбирал самый приятный для себя пейзаж неосознанно, но сейчас ему казалось весьма символичным, что Европа парит в небесах над не менее великой загадкой — Сфинксом. Даже невооруженным глазом Пул видел, насколько сильные изменения произошли на Европе за тысячу лет с тех пор, как «Дискавери» вылетел к Юпитеру. Тогда паутина узких полос и линий покрыла почти всю поверхность самого маленького спутника Юпитера. Теперь она осталась лишь у полюсов. Там километровую ледяную кору не могло растопить и новое солнце Европы, а в других областях кипели девственные океаны, причем при температуре, которая на Земле считалась комнатной.

Температура была удобной для развития существ, возникших после таяния ледяного щита, служившего одновременно и защитой, и ловушкой. Орбитальные спутники-шпионы, способные запечатлеть объекты размером в несколько сантиметров, зафиксировали, как один из представителей фауны Европы развился здесь до земноводной стадии. Правда, большую часть времени он предпочитал проводить под водой. Европеанцы уже начали строительство примитивных жилищ.

Было трудно поверить, что все это произошло за последнюю тысячу лет, но никто не сомневался: объяснение заключалось в последнем и самом большом монолите — многокилометровой Великой Стене, возвышавшейся на берегу моря Галилея.

Люди были убеждены, что стали свидетелями происходящего в этом мире грандиозного эксперимента — подобного тому, какой был начат на Земле много миллионов лет назад.

19

БЕЗУМИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

МИСС ПРИНГЛ.
ФАЙЛ «ИНДРА».

Дорогая Индра, извини, что не связывался с тобой по голосовой почте. Оправдания обычные, поэтому не буду утомлять тебя их изложением.

Отвечаю на твой вопрос — да, я хорошо устроился в «Граннимеде». Я провожу дома не так много времени, но все равно наслаждаюсь видами неба, которые передаются на дисплей в мой номер. Прошлой ночью устроили неплохое представление — нечто вроде грозового разряда между Ио и Юпитером... извини, хотел сказать — Люцифером. Немного похоже на северное сияние на Земле, но более эффектно. Причем оно было открыто астрономами задолго до моего рождения.

Кстати, раз уж мы заговорили о древности: ты знаешь, что в Анубисе имеется свой шериф? Думаю, это чрезмерное проявление frontier spirit*. Напоминает рассказы моего деда об Аризоне. Может быть, стоит попробовать кое-что подобное и на Ганимеде...

Возможно, мои слова покажутся тебе глупыми, но я до сих пор чувствую себя неловко в «апартаментах Боумена». Почему-то постоянно хочется вспоминать прошлое...

Как я провожу время? Примерно так же, как в Африканской башне. Встречаюсь со здешней интеллигенцией — но ты, конечно, понимаешь, что здесь маловато ярких личностей (надеюсь, нас никто не подслушивает). Кстати, я ознакомился с местной системой образования, реального и виртуального, и мне она показалась весьма эффективной. Но, думаю, ты посчитала бы, что она слишком ориентирована на технические знания. Впрочем, это неизбежно в столь враждебной среде обитания...

В результате я понял, зачем люди живут здесь. Это приключение и вызов, если хочешь, такое трудно найти на Земле.

Почти все обитатели Ганимеда родились здесь и не имеют не малейшего понятия о других планетах. Кстати, почти все они считают, что родная планета переживает период упадка, хотя мало кто говорит об этом вслух. А ты так не думаешь о нашей планете? А если думаешь — что вы, земляне, которых местные жители называют «террианами», собираетесь предпринять? Учащиеся одного из младших классов, с которыми мне довелось встретиться, собираются

* Дух фронтира — характеристика жизненных и моральных качеств людей фронтира — первопоселенцев Америки, пионеров Дикого Запада.

пробудить человечество. Они разрабатывают секретные планы захвата Земли. Не говори потом, что я тебя не предупреждал...

Я совершил путешествие за пределы Анубиса в так называемую Ночную страну, где никогда не видно Люцифера. Нас было десять: я, Чандлер, двое из команды «Голиафа» и шестеро местных. Мы гнались за солнцем до самого горизонта, поэтому увидели настоящую ночь. Поразительное зрелище, немного похожее на полярную ночь на Земле, только с абсолютно черным небом. Мне даже показалось, что я снова в открытом космосе.

Мы видели все спутники Галилея и даже наблюдали за тем, как Европа затмила... извини, заслонила Ио. Путешествие, конечно, было спланировано именно так, чтобы мы посмотрели на это.

Были видны и маленькие спутники, но меня больше всего привлекало двойное светило Земля — Луна. Чувствую ли я ностальгию? Честно говоря, нет. Но иногда скучаю по обретенным друзьям...

Прости меня за то, что я до сих пор не встретился с доктором Ханом, хотя он прислал несколько сообщений. Обещаю увидеться с ним в течение ближайших дней — земных, а не здешних!

Передавай привет Джо. И Дэниелу, если ты знаешь, что с ним теперь. Он снова стал нормальным человеком? Я очень скучаю по тебе...

СОХРАНИТЬ.
ПЕРЕДАТЬ.

Во времена Пула имя часто давало представление о происхождении человека, но, очевидно, через тридцать поколений все изменилось. Доктор Теодор Хан оказался похожим на скандинава блондином, который неплохо смотрелся бы на корабле викингов, а не в степях Средней Азии. Впрочем, он вряд ли произвел бы сильное впечатление в этой роли, поскольку рост его составлял всего лишь сто пятьдесят сантиметров. Пул не мог не подвергнуть его любительскому психоанализу: низкорослые люди часто оказывались агрессивными трудоголиками, что, если верить словам Индры Уоллес, вполне подходило под описание единственного на Ганимеде философа. Вероятно, эти качества помогают Хану жить в столь прагматическом обществе.

Анубис-сити был слишком мал, чтобы иметь собственный университетский городок. Эта роскошь еще сохранялась на других планетах, хотя многие считали, что телекоммуникационная революция сделала подобные вещи ненужными. Вместо кампуса здесь существовало нечто более традиционное — Академия. При ней была даже роща оливковых деревьев, которая могла бы ввести в заблуждение самого Платона, пока он не решил бы прогуляться по ней. Шутка Индры о том, что факультету философии не нужно ничего, кроме классной доски, явно не относилась к здешней обстановке.

— Помещение рассчитано на семерых,— с гордостью заявил доктор Хан, когда они расположились на не слишком удобных стульях.— С большим количеством людей эффективно взаимодействовать трудно. А если вспомнить платоновского «Федона» — как раз в присутствии семи человек Сократ произносит свою бессмертную речь...

— Вы имеете в виду его слова о бессмертии души?

Хан был настолько удивлен, что Пул не мог не рассмеяться:

— Я прошел ускоренный курс философии буквально перед выпуском. Тогда кто-то решил немного окультурить нас, замшелых технарей.

— Очень рад об этом слышать, вы упрощаете мою задачу. Знаете, я до сих пор не могу поверить в удачу. Ваше прибытие на Ганимед похоже на чудо! Я собирался отправиться на Землю, чтобы встретиться с вами. Индра рассказывала вам о моей одержимости?

— Нет,— ответил Пул не совсем искренне.

Доктор Хан выглядел весьма довольным — его очень обрадовало появление нового слушателя.

— Возможно, вы слышали, что меня называют атеистом, но это не совсем верно. Атеизм недоказуем и потому неинтересен. Каким бы невероятным это ни казалось, мы не можем с полной уверенностью отвергать существование Бога, теряющегося в бесконечности, где его никто не в силах отыскать... Подобно Будде, я не занимаю никакой позиции в данном вопросе. К сфере моих интересов относится психопатология, известная как «религия».

— Психопатология? Достаточно жесткое определение.

— Вполне оправданное историей. Представьте, что вы — разумный инопланетянин, которого интересуют лишь доказанные истины. Вы обнаружили вид, разделившийся на тысячи, нет, на миллионы племенных групп с бесчисленным множеством представлений о происхождении Вселенной и жизни в ней. Многие идеи совпадают, но даже при девяноста девяти процентах совпадения одного оставшегося процента оказывается достаточно, чтобы люди убивали и подвергали друг друга пыткам на основании догматов, не имеющих никакого смысла для непосвященных. Как можно расценить столь нерациональное поведение? Лукреций абсолютно правильно говорил, что религия стала побочным продуктом страха, реакцией на таинственную и враждебную окружающую среду. Для истории человечества она, возможно, была неизбежным злом. Но почему этого зла оказалось больше, чем необходимо, и почему оно продолжало существовать, когда необходимость совсем отпала?.. Я говорю «зло», потому что страх ведет к жестокости. Даже поверхностные знания об инквизиции заставляют меня стыдиться принадлежности к человеческой расе. Одна из самых отвратительных книг, когда-либо изданных, это «Молот ведьм». Его сочинила пара садистов, рассказавших о разрешенных или, вернее, поощряемых церковью пытках, с помощью которых выбивали «признания» из тысяч безобидных старушек, прежде чем сжечь их заживо. Сам Папа Римский написал хвалебное предисловие!.. Но и другие религии, за немногочисленными исключениями, ничуть не лучше христианства. Даже в вашем столетии маленьких мальчиков запирали и секли, заставляли учить толстенные тома религиозной чепухи. Их лишали детства и нормальной зрелости, делая их монахами... Наиболее загадочным аспектом проблемы является следующее. Очевидные безумцы век за веком заявляли: я единственный, кто получил послание от Бога. Если бы послания не противоречили друг другу, вопрос был бы решен. Но, естественно, противоречия были — и это не мешало самопровоз-

глашенным мессиям собирать тысячи, а иногда миллионы последователей, готовых сражаться насмерть с обманутыми приверженцами другой веры, едва-едва отличающейся от их собственной.

Пул решил, что настало время высказаться.

— Ваши слова напомнили мне об одном случае в моем родном городе, когда я был совсем маленьким. Некий проповедник заявил, что может творить чудеса, и мгновенно у него появилась толпа ревностных поклонников. Они не были неграмотны или невежественны, многие принадлежали к известным семьям. Каждое воскресенье я видел припаркованные рядом с его... храмом... дорогие автомобили.

— Это называется «синдромом Распутина». Миллионы подобных случаев отмечались в разных странах на протяжении веков. И примерно в одном случае из тысячи культ поддерживался в течение пары поколений. Что случилось в вашем городе?

— Конкурентам успех проповедника не понравился, и они приложили максимум усилий, чтобы дискредитировать его. Жаль, я не помню имени «пророка» — какое-то индийское, длинное и начиналось, по-моему, на «Свами». Но, как оказалось, он родился в Алабаме. Любимым его фокусом было появление «священных реликвий» из пустоты — с последующей раздачей их последователям. Но наш местный раввин оказался фокусником-любителем и публично продемонстрировал, как такое можно проделать. Впрочем, это не имело никакого значения — приверженцы говорили, что чудеса проповедника настоящие, а раввин ему завидует. Мне не хотелось бы об этом рассказывать, но моя мать приняла мошенника вполне серьезно и вскоре после ухода отца (который, вероятно, отчасти можно объяснить ее религиозными увлечениями) привела меня на один из сеансов. Мне было всего десять лет, и я никогда раньше не встречал более неприятного человека. В его бороде могло поместиться несколько птичьих гнезд... и, возможно, они там и были...

— Судя по вашим словам, это стандартный тип чудотворца. Как долго процветало его предприятие?

— Три или четыре года. А потом он вынужден был спешно покинуть город — выяснилось, что он устраивал оргии с малолетками. Сам он, конечно, заявлял, что применял мистические технологии для спасения души. Вы не поверите, но...

— Расскажите. Возможно, поверю.

— Даже после этого многие сохранили веру в него. Их бог не мог совершить ничего плохого, просто его подставили.

— «Подставили»?..

— Извините — признали виновным по ложному обвинению. Иногда такой метод использовался полицией для осуждения преступников, если иначе не удавалось.

— Гм. Ваш Свами весьма типичен. Я даже несколько разочарован. Но это доказывает правоту моих утверждений — человечество было безумным, по крайней мере, в течение некоторого времени.

— Не самый типичный пример — это был маленький пригород Флагстаффа.

— Верно, но я мог бы умножить его на тысячу, и не только для вашего времени, но и для всех веков. Всегда возникало нечто абсурдное, во что люди готовы были поверить так страстно, что сражались насмерть, но не избавлялись от иллюзий. Мне это кажется определенными признаками сумасшествия.

— Вы готовы поспорить, что любой человек, придерживающийся религиозных взглядов, безумен?

— С формальной точки зрения — да, если человек верит искренне, а не лукавит. А лукавят, как я подозреваю, около девяноста процентов.

— Я уверен, что раввин Бернштейн не лукавил. Он был одним из самых здравомыслящих людей, которых я знал. И одним из лучших. Чем вы можете это объяснить? Единственный гений, с которым я был знаком, это доктор Чандра, возглавлявший проект ЭАЛ. Однажды я вошел к нему в кабинет — на стук никто не ответил, и я решил, что там никого нет. Он молился перед окруженной цветами группой маленьких бронзовых статуэток. Одна фигурка была похожа на слона, у второй рук было несколько больше, чем положено... Я смутился, но, к счастью, он меня не заметил, и я тихо ушел. По-вашему, он тоже сумасшедший?

— Вы выбрали плохой пример — гении часто бывают безумцами! Скажем, он был не сумасшедшим, а умственно ущербным, вероятно, из-за влияния на него в детстве. Иезуиты заявляли: «Дайте нам мальчика на шесть лет, и он останется с нами на всю жизнь». Если бы Чандра попал в их руки, он стал бы преданным католиком, а не индуистом.

— Возможно. Но я не могу понять, почему вы так настойчиво добивались встречи со мной. Боюсь, меня трудно назвать набожным человеком. Какое я имею отношение ко всему этому?

Доктор Хан неторопливо, с явным удовольствием человека, который сейчас избавится от долго тяготившей его страшной тайны, ответил.

20
БОГООТСТУПНИК

ЗАПИСЬ — ПУЛ.

Привет, Фрэнк... Как я понимаю, тебе наконец удалось увидеться с Тедом. Да, его можно назвать чудаком, если такое определение подходит к энтузиасту, лишенному чувства юмора. Но чудаки часто становятся такими, потому что знают Великую Истину — ты понял, что я написала эти слова с больших букв? — однако никто их не слушает... Я рада, что ты выслушал его, и предлагаю отнестись к нему серьезно.

Ты сказал, что был весьма удивлен, увидев на видном месте в квартире Теда портрет Папы Римского. Вероятно, это портрет его кумира Пия XX; уверена, я упоминала об этом человеке. Советую узнать о нем побольше —

---

* Игра слов: Пий на латыни — Pius, Нечестивый — Impius.

иногда его называли Нечестивым!* История весьма занимательна и точно совпадает с тем, что случилось буквально перед твоим рождением. Ты должен знать, как президент советской империи Михаил Горбачев в конце двадцатого века вызвал распад страны, рассказав о преступлениях коммунистов. Он не собирался заходить так далеко, он надеялся реформировать государство, но в итоге это оказалось невозможно. Мы никогда не узнаем, была ли у Пия XX та же идея, потому что он был убит душевнобольным кардиналом вскоре после того, как мир с ужасом прочитал обнародованные им секретные материалы инквизиции. Всего несколькими десятилетиями раньше верующие были потрясены открытием ЛМА-0. Это, несомненно, повлияло на поступок Пия XX, стало побудительной причиной его действий...

Но ты так и не сообщил мне, как наш замаскированный деист Тед рассчитывает получить твою помощь в поисках Бога. Полагаю, он все еще сердится на свой объект, который так ловко скрывается от него. Лучше не говори ему об этих моих словах.

А впрочем, почему нет?

С любовью, Индра

СОХРАНИТЬ.
ПЕРЕДАТЬ.

МИСС ПРИНГЛ.
ЗАПИСЬ.

Привет, Индра. Я еще раз встретился с доктором Тедом, но не сказал ему, почему, по твоему мнению, он сердится на Бога.

У нас состоялось несколько довольно интересных споров, вернее, диалогов. Правда, говорил по преимуществу он. Никогда не думал, что меня так заинтересуют вопросы философии после стольких лет занятий техникой. Может быть, я должен был пережить все прошедшие события, чтобы почувствовать вкус к философии. Интересно, какую оценку он бы мне поставил, будь я его студентом?

Вчера я попытался узнать его ответ. Возможно, другой реакции не могло быть, хотя я не уверен. Мне показалось, что тебя это заинтересует. Во всяком случае, я хочу услышать твои комментарии. Вот как проходила дискуссия...

МИСС ПРИНГЛ.
КОПИЯ АУДИО 94.

— Тед, ты ведь не будешь спорить, что многие шедевры созданы людьми под влиянием религиозного чувства. Разве это ничего не доказывает?

— Доказывает, но не в той степени, которая устраивает большую часть верующих! Время от времени люди развлекаются, составляя списки крупнейших, величайших и лучших творений. Уверен, и в ваше время это было распространено.

— Конечно.

— Было предпринято несколько попыток составить подобный перечень произведений искусства. Конечно, это не имеет отношения к абсолютным истинам, но представляет определенный интерес и позволяет определить, как менялись вкусы... Последний список, который я видел в земной электронной сети «артнет» всего несколько лет назад, включал в себя шедевры архитектуры, музыки, изобразительного искусства... Я помню несколько примеров. Пантеон, Тадж-Махал... Токката и фуга Баха стояли на первом месте, затем следовал «Реквием» Верди. В изобразительном искусстве, конечно, «Мона Лиза». Потом, кажется, буддистские статуи где-то на Цейлоне и золотая посмертная маска молодого фараона Тутанхамона. Не имеет значения, что я не могу вспомнить остальное, важна культурная и религиозная основа. Религия не доминировала нигде, за исключением музыки. И это, возможно, произошло случайно: просто орган и другие музыкальные инструменты технически были доведены до совершенства на христианском Западе. Все развивалось бы совершенно иначе, если бы, например, греки или китайцы относились к машинам не как к игрушкам... Но, с моей точки зрения, спор можно закончить, потому что величайшим всеми было признано одно произведение искусства. Снова и снова, практически в каждом списке, главным шедевром называют храмовый комплекс Ангкор. А религия, вдохновившая его создателей, исчезла много веков назад. Лишь немногие помнят, что она была связана с поклонением сотне богов, а не одному!

— Жаль, что я не могу спросить об этом раввина Бернштейна. Наверняка у него нашелся бы достойный ответ.

— Не сомневаюсь в этом. Я тоже хотел бы встретиться с ним лично. Но я рад, что он не увидел того, что произошло с Израилем.

КОНЕЦ АУДИОЗАПИСИ.

Индра, надеюсь, тебе понравилась наша дискуссия. Жаль, в меню пейзажей «Граннимеда» нет Ангкора — я никогда не видел его. Но нельзя получить все сразу.

А теперь ответ на вопрос, который тебя интересует: почему доктор Тед так рад встрече со мной?

Как ты, вероятно, знаешь, он убежден, что ключ к решению многих проблем находится на Европе, на которую в течение тысячи лет никому не удавалось высадиться.

Он считает меня исключением. Думает, что у меня там есть друзья. Да — Дэйв Боумен. Или тот, кем он стал...

Мы знаем, что Дэйв выжил после того, как его втянул в себя монолит Большой Брат. Каким-то образом Боумен посетил Землю. Есть еще что-то, что мне неизвестно. Мало кто знает об этом, потому что жители Ганимеда предпочитают молчать...

Тед Хан в течение нескольких лет собирал доказательства и абсолютно уверен в их достоверности, хотя не может ничего объяснить. Есть как минимум шесть случаев, когда в Анубисе наблюдали призрак, подобный тому, ко-

торый Хейвуд Флойд видел на борту «Дискавери». Никто из наблюдателей не слышал о том происшествии, но все узнали Дэйва, когда им показали его голограмму. Кроме того, был еще один визуальный контакт на борту исследовательского корабля, близко подлетевшего к Европе шестьсот лет назад...

По отдельности к каждому случаю нельзя отнестись серьезно, но вместе они являют закономерность. Тед совершенно уверен, что Дэйв Боумен выжил и теперь, вероятно, связан с монолитом, который мы называем Великой Стеной. И он по-прежнему испытывает интерес к делам человечества.

Тед не пытался установить с Боуменом связь, но он уверен, что мы можем вступить в контакт. Он считает, что я единственный человек, способный на это...

Я до сих пор ничего не решил. Завтра постараюсь поговорить с капитаном Чандлером. Сообщу о нашем решении.

С любовью, Фрэнк.

СОХРАНИТЬ.
ПЕРЕДАТЬ — ИНДРА.

21
КАРАНТИН

— Дим, ты веришь в призраков?

— Определенно нет, но, как всякий нормальный человек, я боюсь их. Почему ты спрашиваешь?

— Если это призрак, более яркого видения мне никогда не приходилось встречать. Вчера я разговаривал с Дэйвом Боуменом.

Пул знал, что капитан Чандлер при необходимости воспримет его слова серьезно, и не был разочарован.

— Интересно... Но есть простое объяснение: ты ведь живешь в «апартаментах Боумена», ради Деуса! Ты сам говорил — тебе казалось, будто номер заселен призраками.

— Я уверен — или почти уверен,— что ты прав и видение навеяно беседами с профессором Тедом. Ты слышал о том, что Дэйв Боумен иногда появляется в Анубисе? Примерно раз в сто лет после того, как впервые возник перед доктором Флойдом на «Дискавери» после расконсервации корабля.

— Что произошло тогда? Я слышал рассказы, но никогда не относился к ним серьезно.

— А доктор Хан относился, и я отношусь. Я видел оригиналы записи. Флойд сидел в моем кресле, перед ним появилось облако пыли, и оно приобрело очертание головы Дэйва. Потом эта голова произнесла знаменитое предупреждение, что нужно улетать.

— И кто бы на их месте не послушался? Но это было тысячу лет назад. Достаточно времени, чтобы подделать запись.

— Зачем? Мы буквально вчера просматривали ее с Ханом. Могу поклясться жизнью, запись настоящая.

— Кстати, готов с тобой согласиться. Я слышал рассказы о призраке Дэйва...— Чандлер замолчал, и вид его был слегка смущенным.— Очень давно у меня была подружка в Анубисе. Она говорила, что ее дед видел Боумена. Тогда я рассмеялся.

— Интересно, занесено ли в список Теда это явление. Ты можешь свести его с твоей подружкой.

— Скорее всего, нет. Мы не общались уже несколько лет. Насколько я знаю, она на Луне или Марсе... Кстати, почему профессора Теда так интересует этот вопрос?

— Именно об этом я хотел поговорить с тобой.

— Звучит угрожающе. Продолжай.

— Тед считает, что Дэйв Боумен или тот, кем он стал, все еще существует. Здесь, на Европе.

— Через тысячу лет?

— Посмотри на меня.

— Один пример — плохая статистика, как любил говорить мой преподаватель математики. Впрочем, продолжай.

— История достаточно сложная, верней, она похожа на картинку-загадку, в которой не хватает главных частей. Но все согласны с тем, что нечто важное произошло с нашими предками, когда в Африке четыре миллиона лет назад появился монолит. Это стало поворотным пунктом в нашей истории, потом возникли орудия труда, оружие, религия... Это не было совпадением. Монолит что-то сделал с нами, он не просто стоял и принимал поклонение... Тед любит цитировать слова знаменитого палеонтолога: ЛМА-0 дал нам эволюционного пинка. Тед не вполне согласен, что пинок подействовал в нужном направлении. Неужели, чтобы выжить, мы должны были стать столь подлыми и скверными? Может быть, и так... Насколько я понимаю рассуждения Теда, что-то не в порядке с нашими мозгами, и это мешает нам мыслить логически, ухудшает ситуацию. Все создания должны обладать определенной агрессивностью для выживания, но у нас ее больше, чем необходимо. И никто из живых существ не терзает себе подобных так, как мы. Можно ли считать это эволюционным несчастным случаем? Генетической неудачей? Многие согласны, что ЛМА-1 был размещен на Луне для наблюдения за ходом осуществления проекта или эксперимента и пересылки результатов на Юпитер, который наиболее удобен для управления миссией в Солнечной системе. Именно поэтому еще один монолит — Большой Брат — нашелся здесь. Четыре миллиона лет ждал прилета «Дискавери»... Ты согласен?

— Да. Эта теория всегда казалась мне самой правдоподобной.

— А теперь перейдем к наиболее спорному вопросу. Дэйв Боумен, очевидно, был поглощен Большим Братом, но некоторая часть его личности сохранилась. Через двадцать лет после контакта с Хейвудом Флойдом во время второй экспедиции на Юпитер произошел еще один контакт на борту «Юниверс», когда Флойд присоединился к экипажу для встречи с кометой Галлея, в две тысячи шестьдесят первом году. По крайней мере, так написано в его мемуарах, хотя ему было больше ста лет, когда он их диктовал.

— Возможно, он страдал старческим слабоумием.

— Нет, судя по свидетельствам того времени! Более того — и это особенно важно: его внук Крис пережил не менее загадочное происшествие во время вынужденной посадки на Европу. И именно там сейчас находится монолит или один из монолитов в окружении европеанцев...

— Начинаю понимать, чего добивается доктор Тед. Именно в данный момент вступаем в игру мы, весь цикл начинается снова. Европеанцы обречены стать знаменитыми.

— Вот именно. Все совпадает. Юпитер воспламенился, чтобы родилось солнце, способное растопить их замерзший мир. Это было предупреждением нам, чтобы мы держались на расстоянии — вероятно, чтобы не мешать развитию Европы...

— Где я уже слышал такое?.. Фрэнк, конечно, это придумали тысячу лет назад, еще в твое время! «Первичная директива». Мы до сих пор смеемся над сериалом «Звездный путь».

— Я тебе не говорил, что я встречался с некоторыми актерами? Они были бы удивлены, увидев меня сейчас... Кстати, я всегда сомневался в разумности политики невмешательства. Монолит, несомненно, нарушил ее в Африке. Можно не согласиться с тем, что результаты были катастрофическими...

— Значит, повезет и в следующий раз, на Европе!

Пул рассмеялся, но невесело.

— Хан произнес именно эти слова.

— И что, по его мнению, мы должны сделать? Какова твоя роль?

— В первую очередь мы должны понять, что происходит на Европе и почему. Недостаточно просто наблюдать из космоса.

— А что еще мы можем сделать? Все зонды, посланные с Ганимеда, взрывались непосредственно перед посадкой.

— И после экспедиции по спасению «Гэлакси» все обитаемые корабли отклонялись от спутника каким-то силовым полем, природу которого никто не смог определить. Что бы там ни находилось, оно, скорее всего, выполняет защитные функции и не отличается доброжелательностью. И вот еще что: это нечто умеет сканировать приближающиеся к спутнику летательные аппараты. Оно отличает роботов от людей.

— Иногда даже лучше, чем я. Продолжай.

— Тед считает, что лишь один человек способен достигнуть поверхности Европы — потому что его старый друг находится там и он может иметь влияние на господствующие там силы.

Капитан Дмитрий Чандлер тихо присвистнул.

— Ты готов рискнуть?

— Да. А что я потеряю?

— Один очень ценный шаттл, если я правильно понимаю, о чем ты... Ты потому и учился летать на «Фалконе»?

— Ну... После того как ты упомянул об этом, у меня возникла такая мысль.

— Я должен все обдумать. Идея заинтриговала меня, но есть много проблем.

— Уверен, ты сумеешь их решить. Если, конечно, решишь помочь мне.

22
РИСКОВАННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

МИСС ПРИНГЛ — СПИСОК ПРИОРИТЕТНЫХ СООБЩЕНИЙ С ЗЕМЛИ. ЗАПИСЬ.

Дорогая Индра, не обвиняй меня в излишнем драматизме, но это, возможно, мое последнее сообщение с Ганимеда. Когда ты его получишь, я уже буду лететь к Европе.

Решение принято несколько внезапно, и оно стало удивительным для меня самого, хотя я тщательно его обдумал. Как ты можешь догадаться, ответственность лежит на Теде Хане... Он все объяснит, если я не вернусь.

Пойми меня правильно: я ни в коем случае не считаю этот полет самоубийственным! Меня на девяносто процентов убедили аргументы Теда, и он настолько возбудил мое любопытство, что я никогда не простил бы себе, если б не воспользовался единственной в моей жизни возможностью. Может быть, следовало сказать; «единственной в двух моих жизнях»...

Я полечу на «Фалконе» — одноместном шаттле «Голиафа». Как бы мне хотелось показать его коллегам из Космической администрации! Судя по последним докладам, шаттл должен отклониться от Европы, прежде чем я смогу совершить посадку. Даже такой исход кое-чему меня научит...

А если предположить, что монолит Великая Стена отнесется ко мне, как к автоматическим зондам, я не успею ничего почувствовать. Я готов рискнуть.

Благодарю тебя за все, передавай мои наилучшие пожелания Джо.

С любовью — с Ганимеда и скоро, надеюсь, с Европы.

СОХРАНИТЬ.
ПЕРЕДАТЬ.

IV
ЦАРСТВО СЕРЫ

23
«ФАЛКОН»

— В данный момент Европа находится примерно в четырехстах тысячах километров от Ганимеда,— сообщил капитан Чандлер Пулу.— Если надавишь на газ — спасибо, что научил этой фразе,— «Фалкон» доставит тебя туда за час. Но я не советовал бы так поступать. Нашего таинственного друга может встревожить столь быстрое приближение.

— Согласен. Кроме того, необходимо время, чтобы все обдумать. Мне понадобится, по крайней мере, несколько часов. Я все еще надеюсь...— Пул замолчал.

— Надеешься на что?

— На то, что я смогу установить контакт с Дэйвом или с тем, кем он стал, прежде чем попытаюсь приземлиться.

— Да, я всегда считал невежливым являться без приглашения даже к знакомым людям, а уж тем более — к таким загадочным существам, как европеанцы. Может быть, стоит захватить какие-нибудь подарки? Что использовали древние путешественники? Насколько я помню, одно время были популярны маленькие зеркала и бусы...

Шутки Чандлера не скрывали его искренней обеспокоенности и за судьбу Пула, и за драгоценное оборудование, которое тот одалживал. За шаттл шкипер «Голиафа» нес полную ответственность.

— Я все еще не могу придумать, как мы выпутаемся из этого. Если ты вернешься героем, я хотел бы погреться в лучах твоей славы. Но что я скажу, если ты потеряешь не только «Фалкон», но и собственную жизнь? Что ты угнал шаттл, когда я отвернулся? Боюсь, никто не поверит в подобную чепуху. Диспетчерская система Ганимеда работает очень эффективно, иначе и быть не может! Они вычислят тебя буквально через микросекунду или миллисекунду, если ты попытаешься покинуть спутник без предварительного уведомления. Тебе не позволят стартовать, если я заранее не передам диспетчерам план полета. Поэтому предлагаю поступить так (если не придумаю что-нибудь получше). Ты собираешься совершить на «Фалконе» последний квалификационный полет — все знают, что ты давно допущен к самостоятельным полетам. Начнешь облет Европы на высоте две тысячи километров — в этом нет ничего необычного, многие так поступают, и местные власти пока не высказывали неодобрения. Предполагаемое время полета — пять часов плюс-минус десять минут. Если вдруг передумаешь возвращаться домой, никто не сможет тебе помешать. По крайней мере здесь, на Ганимеде. Конечно, я выражу гневный протест, заявлю, что потрясен столь грубыми навигационными ошибками, и так далее, и тому подобное. Сам решу, к чему комиссия по расследованию воздушных происшествий относится более благосклонно.

— До этого дойдет? Не хочу совершать ничего, что навлекло бы на тебя беду.

— Не волнуйся — здешняя жизнь давно стала слишком скучной. Только ты и я знаем об этом заговоре, и не проговорись кому-нибудь из экипажа. У них должна быть возможность — как ты говорил? — «правдоподобного отрицания».

— Спасибо, Дим. Я очень благодарен тебе за то, что ты делаешь для меня... Надеюсь, ты никогда не пожалеешь, что поднял меня на борт рядом с Нептуном.

Пулу с трудом удалось избежать подозрений его новых друзей, которые занимались подготовкой «Фалкона» к якобы вполне обычному, рутинному полету. Только он и Чандлер знали, что полет не будет ни обычным, ни рутинным.

Однако он летел не в полную неизвестность, как тысячу лет назад вместе с Дэйвом Боуменом. В памяти шаттла сохранились карты поверхности Евро-

пы с высоким разрешением, отражавшие даже детали размером в несколько метров. Пул точно знал, куда направляется. Оставалось узнать, позволят ли ему нарушить многовековой карантин.

24
ПОБЕГ

— Ручное управление, пожалуйста.

— Ты уверен, Фрэнк?

— Конечно, уверен, «Фалкон»... спасибо.

Сколь бы абсурдным это ни казалось, большинство людей совершенно не могли обращаться к своим созданиям-механизмам невежливо. Об этикете в отношениях «человек — машина» психологами написаны толстые тома. Большим успехом пользовались наставления, самые популярные среди которых — «Как не обидеть чувства вашего компьютера» и «Искусственный разум — настоящие тревоги». Уже давно было решено, что какой бы несущественной ни казалось грубость в обращении с роботами, допускать ее нельзя. Она слишком легко могла распространиться и на отношения между людьми.

«Фалкон» уже вышел на орбиту, как предписано планом полета,— на безопасное расстояние в две тысячи километров от поверхности Европы. Впереди почти все небо занимал гигантский полумесяц спутника, и даже зона, куда не достигал свет Люцифера, настолько ярко озарялась далеким солнцем, что были видны мельчайшие детали. Пулу не понадобились оптические приборы, чтобы увидеть запланированный пункт назначения на все еще покрытом льдом берегу Галилейского моря, неподалеку от остова космического корабля, впервые совершившего здесь посадку. Несмотря на то что европеанцы давным-давно убрали все металлические детали, несчастный китайский корабль по-прежнему оставался памятником своей команде. Казалось вполне уместным, что этот инопланетный «город» назван Цяньвилем.

Пул решил снижаться над морем, а потом очень медленно двигаться к Цяньвилю в надежде на то, что его приближение будет расценено как дружелюбное или, по крайней мере, неагрессивное. Он признавал, что это наивно, но другого варианта не было.

И вдруг, когда высота составляла уже меньше тысячи километров от поверхности, его прервали — не так, как он надеялся, но и не неожиданно.

— Центр управления полетами Ганимеда вызывает «Фалкон». Вы отклонились от курса. Немедленно сообщите, что происходит.

Трудно не отозваться на столь настойчивую просьбу, но в сложившихся обстоятельствах лучше было этого не отвечать.

Ровно через тридцать секунд, когда Пул на сто километров приблизился к Европе, Ганимед повторил вызов. Сам Пул проигнорировал его, но «Фалкон» не мог не вмешаться.

— Фрэнк, вы абсолютно уверены, что хотите поступить именно так? — спросил шаттл.

Пул готов был поклясться, что услышал нотки тревоги в голосе машины.

— Абсолютно уверен, «Фалкон». Я отлично понимаю, что делаю.

Его слова, естественно, не соответствовали истине, и в любой момент могла возникнуть необходимость солгать более искушенным слушателям.

Редко оживавшие индикаторы замигали на краю пульта управления. Пул довольно улыбнулся — события развивались по плану.

— Вызывает Центр управления полетами Ганимеда! «Фалкон», вы меня слышите? Вы летите в режиме ручного управления, поэтому я не могу вам помочь. Что происходит? Вы все еще продолжаете спуск на Европу. Подтвердите получение сообщения немедленно.

Пул ощутил легкий приступ угрызений совести. Ему показалось, что он узнал голос диспетчера. Он был почти уверен, что это очаровательная женщина, с которой он познакомился на приеме у мэра вскоре после прибытия в Анубис. Ее голос звучал встревоженно.

И вдруг он понял, как можно успокоить ее, и решил предпринять некоторые действия, которые раньше отвергал как абсурдные. Стоило попробовать — вреда не будет никакого, а попытка может увенчаться успехом.

— Говорит Фрэнк Пул с борта «Фалкона». Со мной все в порядке, но мне кажется, что-то овладело управлением и пытается посадить шаттл на Европу. Надеюсь, вы приняли мое сообщение. Буду на связи, пока это возможно.

Во всяком случае, Пул не во всем солгал обеспокоенному диспетчеру. Он надеялся, что в один прекрасный день встретит ее с чистой совестью.

Он продолжал говорить, стараясь, чтобы голос звучал убедительно.

— Повторяю, говорит Фрэнк Пул с борта шаттла «Фалкон», который спускается к Европе. Предполагаю, что какая-то внешняя сила взяла на себя управление моим космическим кораблем и пытается обеспечить безопасность посадки... Дэйв, это я, твой старый товарищ Фрэнк. Это ты управляешь моим кораблем? У меня есть основания подозревать, что ты на Европе. Если так, с нетерпением жду встречи с тобой, где бы ты ни находился и кем бы ты ни стал.

Пул ни на миг не сомневался, что ответа не последует. Центр управления полетами Ганимеда, казалось, был настолько шокирован, что потерял дар речи.

И тем не менее Фрэнк получил ответ: «Фалкону» разрешено продолжить спуск к Галилейскому морю.

Европа была всего в пятидесяти километрах внизу. Невооруженным глазом Пул видел узкую черную полосу там, где на окраине Цяньвиля стоял на страже (если он действительно был стражем) величайший из монолитов.

Ни одному из людей не позволялось приближаться к нему в течение тысячи лет.

25
ПЛАМЯ В БЕЗДНЕ

В течение многих миллионов лет здесь царил океан, скрытые воды которого защищал от космического вакуума ледяной покров. Толщина льда в основном составляла несколько километров, но встречались и уязвимые линии, где

панцирь треснул или был разорван. Возникала короткая битва между двумя враждебными средами, которые никогда не вступали в непосредственный контакт на какой-либо другой планете Солнечной системы. Война между морем и космосом всегда заканчивалась одним и тем же — под воздействием космоса вода мгновенно закипала и замерзала, закрывая бреши в ледяной броне.

Моря Европы промерзли бы до дна, если бы не влияние находящегося рядом Юпитера. Его гравитационное поле непрерывно перемешивало кору маленького спутника. Действовали и силы, сотрясающие Ио, но с меньшей свирепостью. Повсюду в глубине встречались свидетельства упорной борьбы между планетой и спутником — в непрерывном реве и грохоте подводных землетрясений, в вое вырывавшихся из недр газов, в инфразвуковых волнах лавин, что прокатывались по абиссальным равнинам. По сравнению с океанами Европы бурные земные моря казались тихими.

По бескрайним донным пустыням были разбросаны оазисы, способные привести в изумление и восхищение любого земного биолога. Они простирались на многие километры вокруг сложных минеральных переплетений, образованных вынесенными из недр отложениями. Очень часто эти отложения создавали естественные копии готических замков, откуда, медленно пульсируя, словно под действием сокращений могучего сердца, вытекали черные обжигающие жидкости. Подобно крови, они доказывали наличие жизни.

Кипящие жидкости не позволяли смертельно холодным струям проникнуть в бездну и формировали островки тепла на морском дне. Что не менее важно, они приносили из недр необходимые для жизни химические вещества. Такие плодородные оазисы, в избытке предлагавшие пищу и энергию, были открыты в двадцатом веке исследователями земных океанов. Здесь они встречались в гораздо большем разнообразии.

Хрупкие паукообразные образования, похожие на растения, развивались в «тропических» зонах, ближе к источникам тепла. Между ними ползали причудливые слизни и черви — некоторые питались растениями, другие находили пищу непосредственно в насыщенных минералами водах. Около подводных костров жили более крепкие организмы, немного напоминающие крабов.

Биологи могли бы потратить жизнь на изучение этих маленьких оазисов. В отличие от палеозойских земных морей водные пространства Европы не были стабильной средой, что обеспечило поразительную скорость эволюции и возникновение огромного количества фантастических форм. И все они ожидали смертной казни — ведь рано или поздно каждый фонтан жизни иссякал, потому что питающие его источники перемещались. Повсеместно на дне морей Европы были видны следы этих трагедий — бесчисленные скелеты и останки некогда живых существ. Целые главы эволюции были стерты из книги жизни. Некоторые существа оставили после себя памятники в виде гигантских спиралевидных раковин размером больше тела человека.

Существовали и разнообразные моллюски, двустворчатые, трехстворчатые, а также концентрические, многометровые в диаметре, очень похожие на прекрасные аммониты, таинственно исчезнувшие из земных океанов в конце мелового периода.

Среди чудес Европы можно назвать и реки светящейся лавы, вытекающие из жерла подводных вулканов. Давление на глубине было таким высоким, что вода при контакте с раскаленной докрасна лавой не могла испаряться, и обе жидкости сосуществовали в состоянии шаткого перемирия.

Здесь, в другом мире, при участии инопланетных актеров разыгрывалось нечто вроде истории Египта задолго до возникновения человека. Подобно тому как Нил принес жизнь на узкую полоску пустыни, теплая река оживила глубины океана Европы. По ее берегам, полосами шириной в несколько километров, появлялись, эволюционировали и исчезали бесчисленные виды. Некоторые из них оставляли не подверженные разрушению монументы.

Подчас они почти не отличались от природных образований вокруг тепловых каналов. Но даже если химические реакции не могли полностью объяснить их появление, трудно было понять, возникли ли они в результате деятельности инстинкта или разума. На Земле термиты возводили кондоминиумы почти столь же грандиозные, как любой из тех, которые найдены в этом бескрайнем океане, покрывающем ледяной мир.

Вдоль узких плодородных полосок посреди глубинных пустынь могли бы расцветать и гибнуть целые культуры и даже цивилизации. Но даже если бы они собрали войско под командованием здешнего тамерлана или наполеона, остальной мир никогда не узнал бы об этом, потому что оазисы были изолированы друг от друга ничуть не хуже, чем разные планеты. Существа, что грелись у рек лавы и питались рядом с горячими каналами, не могли пересечь враждебную пустыню, разделявшую их одинокие острова. Если бы среди них появились философы или историки, новая культура пребывала бы в уверенности, что она единственная во Вселенной.

Тем не менее жизнь существовала даже на огромных пространствах между оазисами — там обитали более выносливые существа, готовые бросить вызов опасностям. Некоторые из них были европеанскими аналогами рыб — стремительные торпеды, которые двигались с помощью хвостов и плавников. Сходство с жителями земных океанов закономерно — эволюция должна прийти к аналогичным результатам, если условия и технические проблемы совпадали. Это доказывают дельфины и акулы, внешне похожие друг на друга, но представляющие совершенно разные ветви жизни.

Тем не менее в одном рыбы Европы отличались от обитателей земных океанов: они не имели жабр, поскольку вода, где они плавали, была лишена кислорода. Как у земных существ, обитающих рядом с геотермальными источниками, их метаболизм держался на соединениях серы, которых хватало в вулканической среде.

И лишь немногие имели глаза. Их мир был лишен другого света, кроме отблесков лавы и редких вспышек биологического свечения, испускаемого животными в поисках добычи или партнера для размножения.

А еще этот мир был обречен. Не только потому, что спорадические источники энергии постоянно перемещались — постепенно ослабевали и питающие их приливные силы. Даже став разумными, европеанцы оказались бы заперты между огнем и льдом.

Если не произойдет чуда, все они исчезнут, когда их маленький мир окончательно замерзнет.

И Люцифер совершил это чудо.

26
ЦЯНЬВИЛЬ

Пул летел над берегом со скоростью всего сто километров в час и думал, что в последнюю минуту кто-то должен вмешаться в его полет. Но ничего не произошло, даже когда он медленно двигался вдоль угрожающе черной Великой Стены.

Это название для здешнего монолита напрашивалось само собой — в отличие от собратьев на Земле и Луне он лежал горизонтально, и длина его составляла больше двадцати километров. Хотя по размерам он в миллиарды раз превосходил ЛМА-0 и ЛМА-1, его пропорции были точно такими же. Интригующее соотношение 1:4:9 на протяжении веков рождало множество домыслов, связанных с последовательностью чисел.

Высота вертикальной стены составляла почти десять километров, и одна правдоподобная гипотеза предполагала, что помимо других функций Великая Стена служила щитом, закрывавшим Цяньвиль от свирепых ветров, иногда проносившихся над Галилейским морем. Сейчас ветра возникали значительно реже, климат стабилизировался, но тысячу лет назад они могли стать серьезным препятствием для выходивших из океана форм жизни.

Пул перед вылетом к Юпитеру действительно намеревался посетить монолит Тихо Браге (который все еще оставался совершенно секретным объектом), но так и не нашел времени, а теперь земное притяжение сделало аналогичный монолит в Олдюбае недоступным для него. Но он так часто видел изображения, что знал монолит, как говорится, «не хуже собственной ладони» (он сомневался, что много людей смогли бы узнать собственную ладонь). Если бы не разница в размерах, Великую Стену невозможно было отличить от ЛМА-1 или ЛМА-0 — или, если на то пошло, от Большого Брата, с которым «Леонов» встретился на орбите Юпитера.

Согласно некоторым теориям — возможно, слишком безумным, чтобы соответствовать истине,— существовал один первичный монолит, а все остальные, независимо от величины, были его проекциями. Пул вспомнил эту идею, когда рассматривал безупречную, незапятнанную, гладкую черную поверхность уходящей в небо Великой Стены. В столь враждебной среде, через столько веков, на ней должны были появиться хоть несколько грязных пятен! Тем не менее она выглядела безукоризненно, словно армия мойщиков окон только что отполировала каждый ее квадратный сантиметр.

Потом он вспомнил, что все, кому когда-либо удалось увидеть ЛМА-1 или ЛМА-0, чувствовали непреодолимое желание прикоснуться к ним, и сделать это никому не удалось. Пальцы, алмазные сверла, лазерные скальпели скользили над каменной гладью, словно она была покрыта непроницаемой пленкой.

Или — как гласила еще одна популярная теория — монолиты пребывали в нашей Вселенной не полностью, каким-то образом непреодолимо отдаленные от нее на долю миллиметра.

Пул медленно облетел всю Великую Стену, которая осталась совершенно равнодушной к его присутствию. Потом он повел шаттл (все еще в режиме ручного управления — на случай, если Центр управления полетами Ганимеда предпримет попытку «спасти его») к окраине Цяньвиля и завис там, выбирая наиболее удобное для посадки время.

Пейзаж, открывшийся за маленьким панорамным окном «Фалкона», был очень знакомым. Пул часто видел его изображения на Ганимеде, но не надеялся посмотреть в реальности.

Ему показалось, что европеанцы не имели ни малейшего представления о планировке городов: сотни полукруглых сооружений явно беспорядочно разбросаны на площади примерно километр в поперечнике. Некоторые выглядели настолько маленькими, что там было бы тесно даже земным детям, другие казались достаточно вместительными для больших семей, но ни одна постройка не превышала пяти метров в высоту.

Все они состояли из одного и того же материала, смутно отражавшего двойной дневной свет. На Земле эскимосы нашли то же решение для своего холодного климата и скудной местности. Дома-иглу Цяньвиля строили изо льда.

Улицами здесь служили каналы, удобные для земноводных существ, которые, как считалось, для сна возвращались в океан. Еще считалось, что они там питаются и спариваются, хотя ни одна из гипотез не была доказана.

Цяньвиль называли «ледяной Венецией», и Пул признал, что название соответствовало действительности. Однако «венецианцев» нигде не было видно, и поселок выглядел так, словно жители покинули его много лет назад.

Оставалась еще одна тайна. Несмотря на то что Люцифер был в пятьдесят раз ярче Солнца и постоянно сиял на небе, европеанцы, казалось, до сих пор жили в древнем ритме чередования дня и ночи. Они возвращались в океан на закате и выходили с восходом Солнца, хотя уровень освещенности изменялся лишь на несколько процентов. Возможно, и на Земле встречалось подобное: жизненные циклы некоторых существ контролировались тусклой Луной, а не ярким Солнцем.

Солнце взойдет через час, и обитатели Цяньвиля вернутся на сушу к своей размеренной, по человеческим стандартам, жизни. Биохимия на основе серы, обеспечивающая их существование, была значительно менее эффективна, чем биохимия на основе кислорода, которая снабжала энергией большинство земных животных. Даже ленивец перегнал бы здешнего жителя, поэтому Пулу вряд ли следовало кого-то опасаться. Это хорошая новость; а плохая заключалась в том, что даже при наилучших намерениях обеих сторон общение, если оно состоится, обещает быть крайне неторопливым и, возможно, невыносимо нудным.

Пул решил, что пора связаться с Центром управления полетами Ганимеда. Вероятно, диспетчеры очень встревожены, и Пул не мог не думать о том, как его соучастник капитан Чандлер справляется со сложившейся ситуацией.

— «Фалкон» вызывает Ганимед. Как вы, несомненно, видите, я был... э... заторможен над Цяньвилем. Никаких признаков враждебности, солнечная ночь не закончилась, все европеанцы еще под водой. Свяжусь с вами, как только коснусь поверхности.

Когда Пул нежно, как снежинку, посадил «Фалкон» на гладкую ледяную поверхность, он подумал: Дим, несомненно, должен гордиться учеником. Пул решил не рисковать с обеспечением устойчивости и с помощью инерционного привода погасил целиком вес шаттла, за исключением небольшой части. Этой тяжести, как он надеялся, будет достаточно, чтобы корабль не сдуло ветром.

Вот он и на Европе — первый человек за тысячу лет. Интересно, Армстронг и Олдрин тоже чувствовали подобный восторг, когда «Игл» коснулся поверхности Луны? Нет, скорее всего, они были заняты проверкой примитивных и нелепых систем лунного модуля.

«Фалкон», естественно, выполнял эти функции автоматически. Тишину в крошечной кабине нарушал лишь неизбежный успокаивающий шорох хорошо отлаженных электронных механизмов. Пул был шокирован, когда его мысли вдруг прервал записанный заранее голос Чандлера:

— Итак, у тебя получилось! Поздравляю. Как ты знаешь, по графику мы должны вернуться к поясу астероидов через неделю, так что у тебя достаточно времени. «Фалкон» знает, что делать через пять дней. Он вернется домой, с тобой или без тебя. Удачи!

МИСС ПРИНГЛ.
АКТИВИРОВАТЬ КРИПТОГРАФИЧЕСКУЮ ПРОГРАММУ.
СОХРАНИТЬ.

— Привет, Дим, спасибо за бодрящее послание! Я чувствую себя глуповато, когда использую эту программу — словно я секретный агент в одной из шпионских мелодрам, что были очень популярны до моего рождения. Тем не менее она обеспечивает некоторую конфиденциальность, которая может оказаться не лишней. Надеюсь, мисс Прингл загрузила программу правильно... Конечно, я шучу, мисс П.

Кстати, я получил кучу запросов, кажется, от всех средств массовой информации в Солнечной системе. Прошу тебя, попытайся сдержать их или направь к доктору Теду, который, несомненно, будет рад пообщаться с ними...

Я всегда находился в поле зрения Ганимеда, поэтому не буду утомлять тебя описанием того, что вижу. Если все пойдет правильно, что-нибудь произойдет буквально через несколько минут. Тогда мы узнаем, хорошая ли это мысль: сидеть здесь и ждать появления европеанцев...

Что бы ни случилось, для меня это не станет сюрпризом, каким стало для доктора Чана и его коллег, высадившихся на спутник тысячу лет назад. Прежде чем покинуть Ганимед, я заново прослушал его знаменитое сообщение. Должен признаться, у меня возникло странное чувство: я не мог не подумать о том, что все может повториться... Я не хочу войти в историю так, как это вынужденно сделал бедняга Чан...

Конечно, я могу взлететь, если ситуация станет опасной... Кстати, мне в голову только что пришла интересная мысль — а существуют ли у европеанцев летописи? Сохранились ли в их памяти события, которые произошли всего в нескольких километрах отсюда тысячу лет назад?

27
ЛЕД И ВАКУУМ

«Вызывает доктор Чан с Европы. Надеюсь, вы меня слышите, особенно доктор Флойд — я знаю, что вы на борту "Леонова"... Вероятно, времени мало... Я направил антенну скафандра туда, где вы, по моему мнению, находитесь... Пожалуйста, передайте эту информацию на Землю. "Цянь" погиб три часа назад. Я один остался в живых. Пользуюсь передатчиком космического скафандра — не знаю, какова дальность его действия, но это мой единственный шанс. Слушайте меня внимательною.

НА ЕВРОПЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ.

Повторяю:

НА ЕВРОПЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ.

Посадка прошла успешно. Мы проверили все системы и выбросили шланги, чтобы немедленно начать закачку воды в топливные баки на случай, если придется совершить экстренный взлет. Все шло по плану... Мы сами с трудом в это верили. Мы продолжали качать воду, и баки наполнились почти наполовину. Мы с доктором Ли вышли из корабля, чтобы проверить термоизоляцию трубопровода. "Цянь" стоит — стоял — в тридцати метрах от Большого канала. Трубопровод был протянут от корабля к каналу и уходил под лед. Лед очень тонкий — ходить по нему опасно... Юпитер был в первой четверти. Корабль, как новогоднюю елку, украшали фонари мощностью в пять киловатт. Их свет легко проникал сквозь лед... Потрясающие цвета. Громадную темную массу, поднимающуюся из бездны, первым заметил Ли. Сначала мы приняли ее за стаю рыб — она была слишком велика для отдельного организма. Потом она стала проламывать лед, направляясь к нам, будто огромное поле водорослей двигалось по грунту. Ли побежал на корабль за камерой, я остался смотреть. Оно перемещалось медленно, я мог легко обогнать его. Я не ощущал тревоги — только волнение. Мне казалось, я знаю, что это такое,— я видел съемки полей ламинарий у побережья Калифорнии. Но я ошибался...

Существо явно попало в беду, но я понимал, что ему неважно. Оно никак не могло выжить при температуре на сто пятьдесят градусов ниже той, к которой привыкло. Похожее на черную волну, оно продвигалось вперед все медленнее и превращалось на ходу в лед — от него откалывались большие куски. Мне трудно было собраться с мыслями, и я не понимал, что оно собирается делать...

Существо направлялось к "Цяню" и выглядело совершенно безвредным, будто небольшая движущаяся роща. Я даже улыбнулся — оно напомнило мне Бирнамский лес из "Макбета"...

И только потом я осознал опасность. Хотя существо казалось безобидным, оно было тяжелым и, с учетом образовавшегося на нем льда, весило, вероятно, несколько тонн, даже при низком тяготении.

Оно мучительно медленно начало взбираться на корабль, оставляя за собой что-то вроде ледяного туннеля. Возможно, что просто защищалось от холода, как термиты, спасаясь от света, строят коридоры из грязи. Первыми не выдержали антенны. Потом начали поддаваться опоры — медленно, как во сне.

Я понял, что происходит, лишь когда корабль стал крениться. Чтобы спастись, достаточно было выключить свет!

Возможно, существо было фототропно и его биологический цикл начинался с солнечного луча, пробившегося сквозь лед. Или его тянуло к фонарям, как бабочку притягивает пламя свечи. На Европе никогда не было света ярче того, который зажгли мы.

Корабль перевернулся. Я увидел, как корпус лопнул, выпустив белое облако замерзшего пара. Фонари погасли, кроме одного — он качался на кабеле метрах в двух от поверхности.

Не помню, что происходило потом. Когда пришел в себя, я стоял под фонарем у разбитого корабля, все вокруг было запорошено свежим снегом, на котором явственно выделялись отпечатки моих подошв. Видимо, я бежал; с момента катастрофы прошло не более двух минут.

Растение — я по-прежнему думал о нем как о растении — оставалось неподвижным. Я решил, что оно пострадало при падении: кругом валялись отколовшиеся от него большие куски, будто сломанные ветви толщиной в человеческую руку.

Затем основная масса двинулась вновь. Она отделилась от разбитого корпуса и направилась на меня. Теперь я знал наверняка, что она реагирует на свет. Я стоял прямо под тысячеваттной лампой, которая уже перестала раскачиваться.

Представьте себе дуб — нет, лучше баньян с его многочисленными стволами,— расплющенный силой тяжести и пытающийся ползти по земле. Оно приблизилось к свету метров на пять и начало заходить с флангов, образовав вскоре вокруг меня правильное кольцо. Вероятно, это критическое расстояние: притягательное действие света переходит в отталкивающее. После этого какое-то время ничего не происходило. Я даже подумал, что оно наконец полностью превратилось в лед.

Затем я увидел, что на ветвях образуются бутоны. Это напоминало ускоренный показ кадров с распускающимися цветами. Я действительно решил, что это цветы — каждый величиной с человеческую голову.

Нежные, ярко раскрашенные лепестки начали раскрываться. Я подумал, что никто никогда не видел этих красок. Их просто не существовало до появления наших огней — наших гибельных огней — в этом мире.

Зябнут слабые тычинки... Я приблизился к живой стене, чтобы лучше разглядеть происходящее. Ни тогда, ни в другие моменты я совсем не испытывал страха. Я был уверен, что оно не враждебно — даже если наделено сознанием.

Вокруг было множество цветов, одни уже раскрылись, другие только начали распускаться. Теперь они напоминали мне мотыльков, едва вылупившихся из своих куколок,— новорожденных бабочек с мягкими, еще не расправленными крыльями. Я приближался к истине.

Но цветы замерзали — умирали, едва успев родиться. Один за другим они отваливались от своих почек, несколько секунд трепыхались, словно рыба, выброшенная на берег, и я наконец понял, что они такое. Их лепестки — это плавники, а сами они — плавающие личинки большого существа. Вероятно, оно проводит большую часть жизни на дне и, подобно земным кораллам, посылает своих отпрысков на поиски новых территорий.

Я встал на колени, чтобы получше рассмотреть маленькое создание. Яркие краски тускнели. Лепестки-плавники отпадали, превращаясь в ледышки. Но оно еще жило: попыталось отодвинуться при моем приближении. Мне стало любопытно, каким образом оно чувствует мое присутствие.

Я заметил, что каждая тычинка — как я их назвал — заканчивается ярким голубым пятнышком. Они напоминали сверкающие сапфиры или голубые глазки на мантии устрицы. Светочувствительные, но еще не способные формировать настоящие зрительные образы. У меня на глазах их яркий голубой цвет потускнел, сапфиры превратились в обычные невзрачные камешки.

Доктор Флойд, или кто меня слышит, у меня совсем мало времени. Только что подала аварийный сигнал система жизнеобеспечения. Но я почти закончил.

Я уже знал, что следует делать. Кабель тысячеваттной лампы свисал почти до земли. Я дернул несколько раз, и света не стало.

Я боялся, что опоздал. Несколько минут ничего не происходило. Тогда я подошел к окружавшей меня стене переплетенных ветвей и ударил ее ногой.

Существо медленно двинулось, отступая к каналу. Света было достаточно — я прекрасно все видел. В небе сияли Ганимед и Каллисто, Юпитер выглядел гигантским узким серпом с большим пятном полярного сияния на ночной стороне.

Я проводил его до самой воды, подбадривая пинками, когда оно замедляло движение... Хрупкие льдинки хрустели у меня под ногами... Казалось, приближаясь к каналу, оно набирается сил, будто знает, что возвращается домой. Интересно, выживет ли оно, чтобы расцвести вновь...

Оно исчезло в воде, оставив еще несколько мертвых личинок на чуждой ему суше. Несколько минут вода кипела, пока спасительный слой льда не отделил ее от вакуума. Я пошел назад к кораблю, чтобы понять, можно ли было спасти хоть что-нибудь... Но я не хочу говорить об этом.

Доктор Флойд, у меня две просьбы. Когда это существо классифицируют, надеюсь, его назовут моим именем. И еще — пусть следующая экспедиция доставит наши останки на родину.

Юпитер оборвет мою передачу через несколько минут. Я повторю рассказ, когда связь снова станет возможна — и если выдержит мой скафандр...

Внимание, говорит профессор Чан со спутника Юпитера — Европы. Космический корабль "Цянь" погиб. Мы совершили посадку возле Большого канала и установили насосы на его краю...»

28
МАЛЫЙ РАССВЕТ

МИСС ПРИНГЛ.
ЗАПИСЬ.

И вот взошло Солнце! Странно, как быстро оно всходит на этом медленно вращающемся спутнике! Конечно, конечно — диск казался таким маленьким, что практически мгновенно выскочил из-за горизонта... Впрочем, особого влияния на степень освещенности он не оказал, и второе светило на небе можно было заметить, только если смотреть в нужном направлении.

Надеюсь, европеанцы заметили его появление. Обычно они появлялись на берегу примерно через пять минут после малого рассвета. Я подумал, что они могли узнать о моем присутствии и испугаться...

Нет, все должно быть иначе. Может быть, они любознательны, даже любопытны, и им захочется увидеть странного гостя Цяньвиля...

А вот и они! Надеюсь, ваши спутники-шпионы все видят, камеры «Фалкона» записывают...

Как медленно они перемещаются! Боюсь, попытка общения будет весьма скучной, если, конечно, они захотят говорить со мной...

Они похожи на существо, перевернувшее «Цянь», но гораздо меньше по размеру. Они напоминают маленькие деревья, шагающие на полудюжине тонких стволов. И с сотнями толстых ветвей, разделенных на более мелкие веточки, которые, в свою очередь, делятся снова и снова. Немного похожи на наших роботов общего назначения... Сколько времени нам понадобилось, чтобы понять: имитации гуманоидов весьма неуклюжи, гораздо лучше использовать множество маленьких манипуляторов! Стоит нам изобрести хоть что-то разумное, как тут же оказывалось, что мать-природа давно подумала об этом...

Эти крохотные существа, похожие на ходячие кустики, очень миловидны. Интересно, как они размножаются? Почкованием? Я не мог представить, до чего они красивы. Почти такие же яркие, как рыбы коралловых рифов, и, возможно, по тем же причинам — чтобы привлекать партнеров или обманывать хищников, притворяясь чем-то другим...

Я говорил, что они похожи на кустики? Лучше сказать — на кусты роз, потому что у них есть шипы! Возможно, на то имеются причины...

Я несколько разочарован. Они не обращают на меня ни малейшего внимания. Все направлялись в поселок, словно появление космического корабля не представляет собой ничего необычного... остались очень немногие... может быть, это поможет... полагаю, они способны воспринимать звуковые колебания, как большинство морских животных... хотя атмосфера здесь слишком разрежена, чтобы звук распространялся на большие расстояния...

— «ФАЛКОН» — ВНЕШНИЕ ДИНАМИКИ... ПРИВЕТ! ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ? МЕНЯ ЗОВУТ ФРЭНК ПУЛ... ГМ... Я ПРИШЕЛ С МИРОМ, ОТ ИМЕНИ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...

Я чувствую себя полным дураком, но вы могли бы предложить что-нибудь получше? Ну, неплохо будет смотреться в протоколе.

Никто никак не отреагировал на мои слова. И большие, и маленькие существа неторопливо продолжали путь к своим ледяным иглу. Интересно, чем они там занимаются? Может быть, стоит последовать за ними? Уверен, мне ничто не угрожает — я двигаюсь куда быстрее...

Мне пришла в голову удивительная мысль. Эти существа, идущие в одном направлении, выглядели как жители пригорода в прежние времена: они были вынуждены каждый день ездить из дома на работу и обратно, пока электроника не отменила эту обязанность.

Нужно попробовать еще раз, пока они все не исчезли...

— ПРИВЕТ, ДРУЗЬЯ! ГОВОРИТ ФРЭНК ПУЛ, ГОСТЬ С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ. ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ?

— Я ТЕБЯ СЛЫШУ, ФРЭНК. ГОВОРИТ ДЭЙВ.

29

ПРИЗРАКИ В МАШИНЕ

В первый момент Пул испытал крайнее изумление, которое сменила безграничная радость. Он почти не верил в то, что ему удастся войти в контакт с европеанцами или монолитом. В своем воображении он даже представлял, как пинает эту огромную черную стену и кричит: «Дома кто-нибудь?»

Впрочем, изумление было не совсем логичным — чей-то разум, несомненно, контролировал его приближение со стороны Ганимеда и позволил ему совершить посадку. Следовало отнестись к словам Теда Хана более серьезно.

— Дэйв,— медленно произнес он,— это действительно ты?

«А кто еще может здесь быть?» — спросила разумная часть его мозга. Тем не менее вопрос не был совсем глупым. Что-то механическое, обезличенное звучало в голосе, который раздался из крошечного динамика на пульте управления «Фалкона».

— Да, Фрэнк. Я — Дэйв.

После краткой паузы тот же голос продолжил, не изменив интонации:

— Привет, Фрэнк. Говорит ЭАЛ.

МИСС ПРИНГЛ.
ЗАПИСЬ.

Индра, Дим, я очень рад, что все записал, иначе вы бы мне не поверили.

Полагаю, я все еще нахожусь в состоянии шока. Во-первых, как мне относиться к тому, кто пытался меня убить — вернее, убил, пусть и тысячу лет назад? Но сейчас я понимаю, что ЭАЛ нельзя винить и никто не виноват. Я всегда старался следовать совету: «Никогда не считай злым умыслом то, что объясняется некомпетентностью». Я не могу испытывать неприязнь к кучке незнакомых программистов, которые к тому же давным-давно умерли.

Я рад, что послание зашифровано, потому что не знаю, как должен поступить. Многое из того, что я собираюсь вам сообщить, может оказаться полной чепухой. Я уже страдаю от переизбытка информацией и попросил Дэйва

на время оставить меня в покое — и это после того, что мне пришлось пережить ради установления контакта! Не думаю, что задел его чувства, поскольку сомневаюсь, есть ли они у него...

Что он такое? Очень хороший вопрос! Итак, он — действительно Дэйв Боумен, но он лишен большей части человеческих качеств. Он напоминает... конспект книги или технической статьи. Автореферат, излагающий основную информацию без намека на личность автора. Но иногда мне казалось, что я ощущаю присутствие прежнего Дэйва. Не скажу, что он был рад увидеться со мной. Скорее, он был достаточно удовлетворен... Что касается меня, я до сих пор в замешательстве. Словно встретился со старыми друзьями после долгой разлуки и понял, что они стали совсем другими людьми. В данном случае разлука длилась тысячу лет, и я представить себе не могу, что ему пришлось пережить. Хотя, как вы скоро узнаете, он пытался поделиться со мной некоторыми переживаниями.

ЭАЛ тоже здесь, в этом нет сомнений. Большую часть времени я не могу понять, кто именно со мной говорит. Разве нет в медицинской статистике примеров расщепления личности? Возможно, здесь как раз такой случай.

Я спросил, что с ними обоими произошло, и он — они — проклятье! — ЭАЛ-человек попытался объяснить. Повторяю: возможно, я понял его не совсем правильно, но это единственная рабочая гипотеза.

Конечно, монолит и его влияние являются ключом ко всему. Нет, неправильное определение... Кажется, кто-то сказал, что монолит — своего рода космический швейцарский армейский нож? (Я заметил, что вы по-прежнему пользуетесь ими, хотя и Швейцария, и ее армия исчезли много веков тому назад.) Это прибор общего назначения, который может делать все, что угодно. Или то, на что запрограммирован...

Четыре миллиона лет назад, в Африке, он дал нам эволюционного пинка под зад — не знаю, к лучшему или к худшему. Его брат на Луне ждал, пока мы выберемся из колыбели. Мы предполагали это, и Дэйв подтвердил.

Я сказал, что у Дэйва не сохранилось человеческих чувств, но любопытство у него осталось, как и жажда учиться. И какие возможности для этого представились!

Когда его поглотил (не могу придумать лучшего термина) монолит Юпитера, Дэйв получил больше, чем ожидал. Монолит использовал его как захваченный образец, как зонд для изучения Земли, но и Дэйв, в свою очередь, использовал монолит. С помощью ЭАЛа — кто лучше компьютера поймет суперкомпьютер? — он исследовал память монолита, чтобы понять его цели.

А теперь вы услышите то, во что почти невозможно поверить. Монолит — это фантастически могущественная машина — посмотрите, что он сделал с Юпитером! — но не более того. Он работает автоматически, у него нет сознания. Помню, как-то раз я подумал, что стоит ударить по Великой Стене и закричать: «Кто-нибудь дома?» Правильным был бы такой ответ: «Никого, кроме Дэйва и ЭАЛа»...

Что еще хуже, некоторые из систем монолита начали давать сбои. Дэйв даже предположил, что в фундаментальном смысле монолит начал глупеть!

Может быть, он слишком долго работал самостоятельно и пора произвести техническое обслуживание.

К тому же Дэйв считает, что монолит сделал как минимум одну ошибку. Может быть, это слово не совсем подходит или ошибка была умышленной, тщательно обдуманной...

В любом случае она грозит действительно ужасными последствиями. К счастью, я могу все показать вам, чтобы вы сами приняли решение. Несмотря на то что это случилось тысячу лет назад, когда к Юпитеру отправилась вторая экспедиция на «Леонове». И за все годы никто не догадался...

Я чрезвычайно рад, что вы снабдили меня нейроколпаком. Конечно, он сам по себе бесценен — не могу представить без него свою жизнь,— но сейчас он выполняет работу, для которой не был предназначен. И выполняет ее удивительно эффективно.

ЭАЛ-человеку потребовалось около десяти минут, чтобы разобраться, как он работает, и установить интерфейс. В результате создан контакт непосредственно между нашими разумами, что, можете мне поверить, стоит мне неимоверного умственного напряжения. Я постоянно прошу притормозить и говорить со мной, как с ребенком. Или лучше сказать: «думать, как с ребенком»...

Не знаю, насколько успешной будет передача. В конце концов, это запись того, что пережил Дэйв, сделанная тысячу лет назад, каким-то образом сохраненная в гигантской памяти монолита, извлеченная оттуда Дэйвом, введенная в мой нейроколпак — не спрашивайте меня, как именно,— и, наконец, полученная и направленная вам Центром управления полетами Ганимеда.

Ну и ну. Надеюсь, у вас не начнется мигрень, когда вы будете загружать информацию.

Передаю слово Дэйву Боумену — на Юпитере в начале двадцать первого века...

30
ВСПЕНЕННЫЙ ЛАНДШАФТ

Выбросы магнитных энергий длиной в несколько миллионов километров, внезапные взрывы радиоволн, гейзеры наэлектризованной плазмы шире нашей Земли — они были реальны и отчетливо видны ему, как и многоцветные пояса облачности, окутывающие планету. Он понимал сложнейшую структуру их взаимодействия и осознавал, что Юпитер гораздо могущественнее, чем люди могли вообразить.

Даже когда он падал сквозь бушующий центр Большого Красного Пятна, который сотрясали раскаты грома и пронзали молнии гроз шириной с континент, он знал, почему Юпитер существует многие века, хотя создан из газов гораздо менее плотных, чем те, что создают ураганы на Земле. Пронзительный вой водородной бури стих, когда Дэйв погрузился в более спокойные глубины, и сверху посыпалась восковая крупа. Иногда она слипалась и образо-

вывала горы углеводородной пены. Тепла для образования воды в ее жидкой форме хватало, но океанов здесь не было, поскольку газовая среда слишком разрежена, чтобы поддерживать их.

Дэйв спускался сквозь слои облаков, пока не попал в зону такой ясности, что невооруженный человеческий глаз мог увидеть все вокруг на тысячу километров. Это был лишь незначительный завиток в сумасшедшем вихре Большого Красного Пятна. Он хранил тайну, о которой люди давно догадывались, но не могли ничего проверить и доказать.

У подножий величавых пенных гор пролетали мириады небольших облаков с четкими очертаниями, примерно одинакового размера, испещренные красными и коричневыми пятнами. Небольшими они казались из-за нечеловеческих масштабов окружающей среды — самое мелкое могло закрыть большой город.

Они, несомненно, были живыми, потому что направленно двигались вокруг воздушных гор, словно ощипывая их склоны, как овцы колоссальных размеров. И они переговаривались друг с другом в метровом диапазоне — их радиоголоса отчетливо слышались на фоне треска и взрывов самого Юпитера.

Это были живые газовые баллоны, летающие в узком промежутке между замерзшими высотами и обжигающими глубинами. Узком — да, но превосходящем по величине всю биосферу Земли.

А между ними проворно шныряли другие существа, настолько маленькие, что их непросто было заметить. Некоторые поразительно напоминали земные самолеты. Они тоже были живыми — хищники, или паразиты, или даже пастухи.

Перед Дэйвом открывалась абсолютно новая глава эволюции, совершенно отличная от той, которую он мельком видел на Европе. Здесь обитали реактивные торпеды, напоминавшие земных кальмаров; они охотились за огромными баллонами и жадно пожирали их. Но и баллоны не были беззащитны — они отбивались от врагов электрическими разрядами и щупальцами с клешнями, похожими на километровые цепные пилы.

Встречались и более странные формы жизни. Казалось, они использовали все возможности геометрии: замысловатые полупрозрачные воздушные змеи, четырехгранные, сферические, многогранные существа, напоминающие клубки спиральных лент... Как гигантский планктон в атмосфере Юпитера, они паутинками парили в восходящих потоках, пока не достигали возраста для воспроизводства потомства; затем уносились в глубины, где насыщались углеродом и возрождались в новом поколении.

Он рассматривал мир, в сотни раз превышающий размеры Земли. Здесь было много чудес, но ничто не намекало на разумную жизнь. Радиоголоса огромных баллонов передавали простейшие сообщения об опасности или страхе. Даже хищники не проявляли признаков сознания и походили на земных акул — лишенные разума автоматы.

Несмотря на увлекательную новизну и гигантский размах, биосфера Юпитера оказалась весьма хрупким миром, царством туманов и пены, нежных шелковых нитей и тончайших материй, сотканных непрерывным потоком нефте-

продуктов и сформированных молниями в верхних слоях атмосферы. Лишь немногие из существ были крепче мыльных пузырей, а самых грозных хищников порвал бы на куски слабейший из земных плотоядных.

Подобно Европе, но в более крупном масштабе, Юпитер стал эволюционным тупиком. Разум не мог развиваться здесь, а если бы и появился, его ожидало угнетенное существование. Это была бы газообразная культура; но в среде, где огонь невозможен, а твердых веществ почти нет, она никогда не дотянула бы даже до каменного века.

31
ЯСЛИ

МИСС ПРИНГЛ.
ЗАПИСЬ.

Индра, Дим, надеюсь, вы успешно приняли сообщение. Я до сих пор не могу поверить. Эти фантастические существа — мы должны были если не расшифровать, то хотя бы принять их радиосигналы! — в одно мгновение исчезли, когда Юпитер стал солнцем.

Теперь мы понимаем, для чего это сделано: чтобы дать европеанцам шанс. Какая безжалостная логика — неужели лишь разум имеет значение? Предвижу долгие споры с Тедом Ханом...

Следующий вопрос: смогут ли европеанцы добиться взрослого успеха или навсегда останутся в детском саду, даже в яслях? Конечно, тысяча лет — короткий срок, но можно было надеяться на какой-то прогресс. Однако, по мнению Дэйва, они не изменились с тех пор, как вышли из моря. Может быть, проблема в том, что у них до сих пор одна нога (или одна ветка) в воде?

И мы полностью ошибались вот в чем: мы считали, что они уходят в воду спать. Все наоборот — они возвращаются туда питаться, а спят, когда выбираются на поверхность! Мы должны были догадаться по конструкции их тел — такое количество ветвей! — что они питаются планктоном...

Я спросил Дэйва:

— А как насчет ледяных иглу, которые они строят? Разве это не свидетельствует о развитии технической мысли?

Он ответил:

— Вряд ли. Дома — лишь модификация того, что они строят на морском дне для защиты от хищников. В частности, от какого-то существа, похожего на ковер-самолет размером с футбольное поле.

В одной области, однако, они проявили инициативу, даже творческий подход. Их очень привлекают металлы — предположительно, потому что металлов в чистом виде в океане нет. Именно поэтому был разобран «Цянь». Та же участь постигла запускаемые на их территорию зонды.

Что они делают из добытой меди, бериллия и титана? Боюсь, ничего полезного. Они собирают металлы в одном месте в фантастическую кучу и постоянно перекладывают по-новому. Возможно, у них развивается эстетическое

чувство? В Музее современного искусства я видел произведения пострашней... Но у меня возникла другая теория — вы когда-нибудь слышали о культе карго? В двадцатом веке сохранившиеся первобытные племена делали модели самолетов из бамбука в надежде привлечь огромных серебристых птиц, иногда приносивших им чудесные подарки. Может быть, у европеанцев возникла аналогичная идея?

А теперь к вопросу, который вы постоянно задаете... Что такое Дэйв? Как он и ЭАЛ превратились в то, чем являются сейчас?

Коротко можно ответить следующим образом: оба они стали эмуляцией — или симуляцией — в огромной памяти монолита. Большую часть времени они не активны. Когда я спросил об этом Дэйва, он ответил, что «бодрствовал» — он действительно так сказал — в общей сложности пятьдесят лет с момента... скажем, перерождения.

Когда я спросил, не обидно ли ему, что его жизнь изменилась подобным образом, он ответил:

— На что мне обижаться? Я идеально выполняю свои функции.

Да, эти слова мог бы произнести ЭАЛ! Но я уверен, что их произнес Дэйв — если они хоть в чем-то отделяются друг от друга.

Помните аналогию со швейцарским армейским ножом? ЭАЛ-человек — один из великого множества компонентов космического ножа.

Но он не является пассивным инструментом. В состоянии бодрствования он обладает определенной автономностью и независимостью — видимо, в пределах, установленных системой управления монолита. На протяжении веков ЭАЛ использовался в качестве разумного зонда для исследований Юпитера (как вы уже видели), а также Ганимеда и Земли. Это объясняет таинственные события во Флориде, о которых сообщали бывшая возлюбленная Дэйва и медсестра, ухаживавшая за его матерью незадолго до смерти последней; а также происшествия в Анубис-сити.

А вот разгадка еще одной тайны. Я спросил Дэйва прямо:

— Почему мне разрешили посадку на Европу, хотя других отталкивали на протяжении многих веков? Я ожидал, что и со мной так поступят.

Ответ был до смешного прост. Монолит использовал Дэйва, то есть ЭАЛ-человека, чтобы время от времени наблюдать за нами. Дэйв все знал о моем спасении, даже видел интервью, которые я давал на Земле и Ганимеде. Должен признаться, я немного обижен на него за то, что он не попытался установить контакт! Но, по крайней мере, он расстелил приветственный коврик, когда я появился сам...

Дим, у меня осталось сорок восемь часов, прежде чем «Фалкон» улетит, со мной или без меня! Не думаю, что они мне понадобятся,— мы установили контакт с ЭАЛ-человеком и легко сможем поддерживать связь с Анубиса... если он захочет.

Жажду поскорее вернуться в «Граннимед». «Фалкон» — превосходный космический корабль, но санитарно-техническое оборудование нуждается в усовершенствовании — здесь уже попахивает, и мне очень хочется принять душ.

С нетерпением жду встречи с тобой, а еще — с Тедом Ханом. Нам многое нужно обсудить до моего возвращения на Землю.

V
ЗАВЕРШЕНИЕ

Трудом не искупить
Греха тяжелый груз.
Так дождь на море — он льет и льет,
*А оно солоно на вкус.**

А. Э. Хаусман. Еще стихи

32
ПРАЗДНАЯ ЖИЗНЬ

В целом три десятилетия прошли интересно и без особых событий — с теми радостями и печалями, которые судьба и время приготовили всему человечеству. Самая большая из радостей случилась совершенно неожиданно. До полета на Ганимед Пул отбрасывал саму мысль об этом как абсурдную.

Утверждение, что разлука заставляет сердце любить сильнее, оказалось недалеко от истины. Когда Пул снова встретился с Индрой, оба поняли: несмотря на вечные насмешки и редкие споры, они гораздо ближе друг к другу, чем им представлялось. Дальше события развивались своим чередом, и на свет появились, к всеобщему счастью, Дон Уоллес и Мартин Пул.

Столь зрелым людям обзаводиться детьми было поздновато, даже если забыть о тысячелетней разнице в возрасте. Профессор Андерсон предупредил их, что затея может не увенчаться успехом, если не хуже...

— Вам повезло значительно больше, чем вы можете себе представить,— сказал он Пулу.— Лучевые повреждения оказались минимальными, и мы смогли восстановить все необходимое по вашей сохранившейся ДНК. Но я не могу гарантировать генетическое благополучие без ряда дополнительных проверок. Так что наслаждайтесь совместной жизнью, но не заводите детей без моего одобрения.

Проверки были довольно утомительными и показали, как и опасался Андерсон, необходимость проведения восстановительных операций. Профессор считал, что эмбрион не способен выжить, даже если не погибнет в течение нескольких недель после зачатия. Но он заблуждался — Мартин и Дон родились абсолютно нормальными, к тому же красивыми и умными. Правда, мальчиков едва не избаловали обожавшие их родители. Фрэнк и Индра оставались добрыми друзьями, хотя после пятнадцати лет совместной жизни выбрали независимость. Благодаря коэффициенту своих социальных достижений они получили бы разрешение и даже поощрение на рождение еще одного ребенка; но они решили не искушать и без того поразительно благосклонную к ним судьбу.

* Перевод В. Иванова.

Одна трагедия омрачила жизнь Пула в тот период; вернее, она потрясла все сообщество Солнечной системы. Капитан Чандлер и его экипаж погибли в результате внезапного взрыва ядра кометы, которую они обследовали. «Голиаф» был разрушен полностью, удалось собрать лишь мелкие обломки. Подобные взрывы происходили по причине нестабильности живущих при крайне низких температурах молекул и представляли собой опасность, хорошо известную собирателям комет. Сам Чандлер был свидетелем нескольких таких происшествий. Никто никогда не узнает, из-за каких обстоятельств опытный астронавт позволил застать себя врасплох.

Пул очень скучал по Чандлеру, сыгравшему уникальную роль в судьбе Фрэнка. Никто не мог заменить его — за исключением, пожалуй, Дэйва Боумена, с которым Пул разделил еще одно важнейшее событие своей жизни. Чандлер и Пул планировали снова отправиться вместе в космос — возможно, к облаку Орта с его нераскрытыми тайнами и бесценными запасами льда. Однако всякий раз осуществлению планов мешало несовпадение расписаний, и заветные мечты не сбылись.

Но Пулу удалось, несмотря на запреты врачей, осуществить другую мечту. Он спустился на Землю, и одного посещения оказалось достаточно.

Транспортное средство, на котором он отправился в путешествие, очень походило на прежние инвалидные кресла для людей с парализованными ногами. Коляска была с приводом и надувными шинами, позволявшими ей катиться по относительно ровным поверхностям. А еще она могла летать на высоте примерно двадцати сантиметров — на воздушной подушке, создаваемой с помощью нескольких маленьких и очень мощных вентиляторов. Пул удивился, что такая отсталая техника еще применялась, но инерционные приводы были слишком громоздкими для небольших устройств.

Удобно устроившись в кресле, Пул почти не ощущал, как возрастает его вес по мере спуска в самое сердце Африки, хотя чувствовал, как затрудняется дыхание. Впрочем, на тренировках перед полетом он испытывал трудности и посерьезнее.

Но он оказался не готов к раскаленному, как в доменной печи, воздуху, охватившему его сразу после выезда из гигантского, пронзающего небеса цилиндра — основания Африканской башни. И это утром, а что будет в полдень?

Он едва успел привыкнуть к жаре, как подверглось нападению его обоняние. Бесчисленное множество запахов, незнакомых и довольно приятных, требовало его внимания. Он на пару минут закрыл глаза, чтобы справиться с этим разнообразием.

Не успел он поднять веки, как что-то большое и влажное коснулось его шеи.

— Поздоровайтесь с Элизабет,— сказал его гид, молодой дюжий мужчина в традиционном наряде Великого Белого Охотника — слишком продуманном, чтоб сойти за настоящий.— Она всегда приветствует гостей.

Пул развернулся в кресле и увидел печальные глаза слоненка.

— Привет, Элизабет,— произнес он почему-то слабым голосом.

Элизабет приветственно подняла хобот и издала звук, считающийся в обществе неприличным. Пул не сомневался, что она сделала это из самых лучших побуждений.

Он пробыл на Земле около часа: проехал по опушке джунглей, низкорослые деревья которых невыгодно отличались от растительности Небесного царства, посмотрел на представителей местной фауны. Гид извинился за дружелюбие слишком избалованных туристами львов. Их добродушие компенсировал свирепый вид крокодилов — здесь природа осталась дикой и не претерпела изменений.

Прежде чем вернуться в башню, Пул рискнул отойти на несколько шагов от своего кресла. Он понимал, что позвоночнику придется вынести непривычный вес, но эта задача не казалась ему непосильной. Кроме того, Пул никогда не простил бы себе, если бы не совершил попытки.

Мысль, видимо, была не самой удачной, или подобную попытку следовало предпринять в условиях более прохладного климата. Сделав не более дюжины шагов, он с облегчением вернулся в объятия комфортабельного кресла.

— Достаточно,— произнес он слабым голосом.— Хочу вернуться в башню.

Въезжая в вестибюль лифта, он увидел плакат — раньше он его не заметил из-за волнения, вызванного возвращением на Землю:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АФРИКУ!

Дикая природа сохранит мир.
Генри Дэвид Торо (1817–1862)

Заметив интерес Пула, гид спросил:

— Вы его знали?

Подобные вопросы Пул слышал часто, но в данный момент ему не хотелось ничего объяснять.

— Кажется, нет,— устало ответил он, когда огромные двери закрылись за ними, оставив позади виды, запахи и звуки самого первого дома человечества.

Это вертикальное сафари удовлетворило его потребность в посещении Земли. Вернувшись в свои апартаменты на десятитысячном уровне — весьма престижное расположение, даже в столь демократическом обществе,— он старался не обращать внимания на болезненные последствия вылазки. Индра, однако, была шокирована его видом и приказала немедленно лечь в постель.

— Как Антей, только наоборот! — мрачно пробормотала она.

— Кто? — спросил Пул. Его иногда раздражала эрудиция жены, но он твердо решил, что не позволит себе испытывать из-за этого комплекс неполноценности.

— Сын матери-земли Геи. Геракл боролся с ним, но Антей каждый раз восстанавливал силы, прикоснувшись к земле.

— Кто победил?

— Геракл, конечно. Он поднял Антея в воздух, чтобы мамаша не могла подзарядить его аккумуляторы.

— Ну, я уверен, мне не понадобится много времени, чтобы подзарядить мои. Я точно понял одно — если не начать тренироваться, скоро придется перебраться на уровень лунной гравитации.

Благие намерения Пула продержались целый месяц. Ежеутренне он совершал быстрым шагом пятикилометровые прогулки, каждый день выбирая новый уровень Африканской башни. Некоторые этажи представляли собой огромные пустыни из металла, которые, возможно, никогда не будут заселены. Остальные за многие века были освоены и застроены в поражающем разнообразии архитектурных стилей. Одни стили казались явными заимствованиями из прошлых веков и культур, другие намекали на будущее, в котором Пул не хотел бы жить. Но во время прогулок он не скучал. Подчас его сопровождали на почтительном расстоянии маленькие группки детей. Впрочем, они редко поспевали за ним.

Шагая однажды по весьма убедительной, но пустынной копии Елисейских Полей, он заметил знакомое лицо.

— Дэниел! — крикнул он.

Человек не обратил на него ни малейшего внимания, и Пул окликнул его еще раз, гораздо громче.

— Ты меня помнишь?

Дэниел (это был именно он, в чем Пул убедился, подойдя поближе) выглядел весьма озадаченным.

— Прошу прощения,— сказал он.— Вы, конечно, коммандер Пул. Но я уверен, что мы не встречались раньше.

Теперь для Пула настала очередь смутиться.

— Как глупо с моей стороны,— пробормотал он.— Вероятно, обознался. Всего доброго.

Он обрадовался встрече, а еще тому, что Дэниел вернулся в общество. Каким бы ни было совершенное им преступление — убийство топором или несвоевременное возвращение книги в библиотеку,— оно не касалось его бывшего работодателя. Счета оплачены, вопрос закрыт. Пул порой скучал по фильмам про полицейских и грабителей, которыми так наслаждался в юности, но он уже согласился с истиной: интерес к патологическому сам по себе был патологией.

При помощи «Мисс Прингл» модели МкIII Пул запланировал свою жизнь таким образом, чтобы в ней оставались незанятые периоды, когда он мог расслабиться и настроить свой нейроколпак на случайный поиск в наиболее интересующих его областях. Кроме собственных родственников, его интересовали спутники Юпитера-Люцифера — не в последнюю очередь потому, что он стал ведущим специалистом по данному вопросу и постоянным членом Комитета Европы.

Комитет был основан более тысячи лет назад, чтобы решить, следует ли что-то сделать с таинственным спутником или оставить его в покое. За несколько веков Комитет Европы собрал огромное количество информации, начиная с данных, полученных во время полета «Вояджера» в одна тысяча девятьсот семьдесят девятом году и детальной съемки, произведенной на орбите «Галилеем» в одна тысяча девятьсот девяносто шестом году.

Подобно всем организациям, существующим слишком долго, Комитет Европы постепенно устаревал. Теперь он собирался лишь в случае каких-либо чрезвычайных событий. Он очнулся в связи с появлением ЭАЛ-человека и

выбрал нового энергичного председателя, который первым своим указом привлек к деятельности Комитета Пула.

Пул охотно принял предложение, хотя почти ничего не мог добавить к уже известному и зафиксированному. Он чувствовал, что обязан сделать все, что в его силах, а кроме того, наконец получил официальную должность. До сего момента статус Пула можно было назвать забытым термином «национальное достояние», и это несколько смущало его. Общество — куда более богатое, чем можно было вообразить в прежнее раздираемое войнами время,— могло спокойно содержать его в роскоши, но Пул хотел хоть чем-то оправдать собственное существование.

Кроме того, он чувствовал еще одну потребность, в чем редко признавался даже самому себе. ЭАЛ-человек общался с ним, пусть кратко, во время странного контакта два десятилетия назад. Пул был уверен, что установит связь с Боуменом, если возникнет необходимость. Но, может быть, Дэйва перестало интересовать общение с людьми? Пул надеялся, что это не так, хотя другого объяснения молчанию пока не находил.

Пул часто разговаривал с Теодором Ханом, по-прежнему деятельным и решительным, который теперь стал представителем Комитета Европы на Ганимеде. С момента возвращения Пула на Землю Хан тщетно пытался наладить канал связи с Боуменом. Он не мог понять, почему того совсем не интересует длинный список вопросов, имеющих огромное значение для философии и истории.

— Неужели монолит настолько загрузил твоего друга работой, что он не может поговорить со мной? — жаловался он Пулу.— Кстати, как он распоряжается своим свободным временем?

Вопрос был вполне разумным. Ответ на него пришел как гром среди ясного неба, от самого Боумена — обычный вызов по видеофону.

33
КОНТАКТ

— Привет, Фрэнк. Говорит Дэйв. У меня для тебя крайне важное сообщение. Предполагаю, в данный момент ты находишься в своих апартаментах в Африканской башне. Если ты действительно там, подтверди это — назови фамилию нашего инструктора по орбитальной механике. Буду ждать ответа в течение шестидесяти секунд. Если не получу, повторю вызов ровно через час.

Минуты Пулу едва хватило, чтоб отойти от шока. Сначала он почувствовал восторг и изумление, потом им овладели иные чувства. Он был, несомненно, рад услышать голос Боумена, но слова «крайне важное сообщение» прозвучали угрожающе.

«По крайней мере,— сказал себе Пул,— для пароля он выбрал фамилию, которую я не мог не запомнить. Впрочем, кто бы забыл шотландца, говорившего с акцентом коренного жителя Глазго — настолько сильным, что слушатели лишь через неделю научились понимать преподавателя? Впрочем, преподавателем он был блестящим — нужно было только разобрать, о чем он говорит».

— Доктор Грегори Маквитти.

— Принято. А теперь включи, пожалуйста, приемник твоего нейроколпака. Потребуется порядка трех минут для загрузки данного сообщения. Не пытайся просматривать — я использую сжатие десять к одному. Задержка две минуты перед запуском.

«Как ему это удается?» — подумал Пул. Юпитер-Люцифер сейчас находится в пятидесяти световых минутах, то есть сообщение послано почти полчаса назад. Значит, сообщение передано в направленном луче Ганимед — Земля. Впрочем, это тривиальная задача для ЭАЛ-человека, которому предоставлены бесконечные ресурсы монолита.

Замигал индикатор нейроящика. Сообщение пришло.

При том сжатии, которое использовал ЭАЛ-человек, Пулу требовалось не менее получаса для приема послания. Но хватило десяти минут, чтобы понять: спокойная жизнь кончилась.

34
РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

В мире универсальной и мгновенной передачи информации очень трудно сохранить тайну. Но данный вопрос, решил Пул, требовал обсуждения с участием всех заинтересованных лиц.

Комитет Европы выразил неудовольствие, но все-таки собрался в полном составе в апартаментах Пула. Комитет состоял из семи членов, и число это, несомненно, было определено количеством фаз Луны, которая по-прежнему зачаровывала человечество. С тремя членами комитета Пул встретился впервые, хотя уже изучил их лучше, чем мог бы узнать за целую жизнь до изобретения нейроколпака.

— Председатель Оконнор, уважаемые члены комитета, я хотел бы сказать несколько слов — совсем немного, обещаю,— прежде чем вы загрузите полученное мной сообщение с Европы. И эти несколько слов я предпочел бы произнести вслух, поскольку такой способ передачи информации остается более естественным для меня. Я до сих пор полностью не овладел умением передавать мысли. Как вы все знаете, Дэйв Боумен и ЭАЛ сохранены в качестве эмуляций в монолите на Европе. Очевидно, монолит решил не отказываться от инструмента, который уже доказал свою пользу. Время от времени он активизировал ЭАЛ-человека, чтобы контролировать происходящие у нас события, когда они начинали беспокоить его. Одним из событий могло быть мое появление, хотя, возможно, я преувеличиваю собственное значение. Но ЭАЛ-человек не является абсолютно пассивным инструментом. Дэйв сохранил некоторые качества, соответствующие его земному воплощению. Можно сказать, у него даже есть чувства. Поскольку мы учились вместе и делились всем в течение многих лет, он решил, вероятно, что поддерживать связь со мной значительно проще, чем с кем-либо другим. Мне хочется думать, что ему нравится общаться именно со мной; хотя, вероятно, это слишком сильно сказано... Кроме того, он любознателен и, возможно, несколько обижен тем, что его

использовали как представителя животного мира. Впрочем, с точки зрения создавшего монолит разума мы все являемся такими представителями... И чем в данный момент занимается этот разум? У ЭАЛ-человека есть ответ на вопрос, и он должен привести нас в состояние шока. Как мы и подозревали, монолит является частью галактической сети. Ближайший узел данной сети, то есть диспетчер монолита, находится на расстоянии четырехсот пятидесяти световых лет от нас. Слишком близко, чтобы мы чувствовали себя в безопасности! Это означает, что отчет о событиях нашего мира, отправленный в начале двадцать первого века, получен около полувека назад. И если диспетчер монолита ответил немедленно, сейчас его сообщение получено. Именно это, судя по всему, и произошло. В течение последних нескольких дней монолит получал непрерывный поток посланий и разрабатывал соответствующие программы. К сожалению, ЭАЛ-человек может только догадываться о полученных инструкциях. Вы поймете из загруженной информации, что Дэйв обладает ограниченным доступом к схемам и блокам памяти монолита. Он может вступать с ними в своеобразный диалог — если это верное слово, потому что диалог подразумевает наличие двух участников. Я до сих пор не могу поверить, что монолит, несмотря на все свое могущество, не обладает сознанием и даже не подозревает о собственном существовании! ЭАЛ-человек обдумывал эту проблему в течение тысячи лет и пришел к тому же ответу, что и большинство из нас. Но его заключения, несомненно, более весомы, ведь он знает проблему изнутри... Извините! Я не собирался шутить, но как еще это можно назвать?.. Кто бы ни задумал создать нас или, по крайней мере, поиграть с мозгами и генами наших предков — сейчас он решает, что делать дальше. ЭАЛ-человек настроен пессимистически. Нет, я немного преувеличиваю. Он считает наши шансы на удачу очень невысокими, но его это не слишком беспокоит как стороннего наблюдателя. Будущее — или даже выживание! — человеческой расы для него — просто интересная проблема; но он хочет нам помочь.

Пул вдруг замолчал, к немалому удивлению слушателей.

— Странно, мне в голову совершенно неожиданно пришло воспоминание из далекого прошлого... Уверен, оно объясняет происходящее. Прошу вас, будьте ко мне снисходительны... Когда-то, за несколько недель до старта, мы гуляли с Дэйвом по побережью и увидели на песке жука. Как часто случается, насекомое упало на спину и, отчаянно перебирая ножками, пыталось принять правильное положение. Я решил не обращать на него внимания — мы были поглощены обсуждением сложной технической проблемы,— но Дэйв решил иначе. Он отошел и осторожно перевернул жука носком ботинка. Когда жук улетел, я спросил: «Уверен, что это правильная идея? Теперь он отправился жрать чьи-нибудь садовые хризантемы». А Дэйв ответил: «Возможно, ты прав, но я готов предоставить ему презумпцию невиновности...» Прошу прощения, я обещал сказать лишь несколько слов! Но я очень рад, что вспомнил об этом случае — надеюсь, вы сможете правильно понять смысл сообщения ЭАЛ-человека. Он предоставляет человечеству презумпцию невиновности... А теперь приготовьте ваши нейроколпаки. Запись с высокой плотностью, в верхней зоне ультрафиолетового диапазона. Канал сто десять. Устраивайтесь поудобнее, но оставайтесь в поле зрения. Начинаем...

35
ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Никто не просил повторить воспроизведение. Одного раза вполне хватило.

Возникла небольшая пауза, потом председатель доктор Оконнор сняла свой нейроколпак, провела рукой по сверкающей лысой голове и медленно произнесла:

— Вы когда-то научили меня выражению из вашего времени, которое сейчас кажется совершенно уместным: «Сам черт не разберет».

— Да, разобрать может только Боумен, вернее, ЭАЛ-человек,— сказал один из членов комитета.— Неужели он полностью понимает работу столь сложного устройства, как монолит? Или все, что мы сейчас видели,— плод его воображения?

— Не думаю, что его воображения для этого достаточно,— сказала доктор Оконнор.— Все совпадает. Особенно ссылка на Нову Скорпиона. Мы предполагали, что произошла катастрофа, а на самом деле это было решение суда.

— Сначала Юпитер, сейчас — Скорпион,— сказал доктор Краусcман, выдающийся физик, которого многие считали перевоплощением легендарного Эйнштейна (по слухам, этому помогла пластическая операция).— Кто на очереди?

— Мы всегда подозревали,— сказала председатель,— что ЛМА наблюдают за нами.— Она помолчала и добавила с сожалением: — Как нам не повезло, как нам отчаянно не повезло, что последний отчет отправлен после самого мрачного периода в истории человечества!

Все промолчали. Двадцатый век вошел в историю как «век страданий».

Пул слушал и не вмешивался, чтобы члены комитета сами пришли к заключению. Уже не в первый раз на него произвела впечатление квалификация членов комитета. Никто не пытался протолкнуть излюбленную теорию, набрать очки по спорным вопросам или возвысить собственную персону. Глядя на это, Пул не мог не вспомнить частые злые споры, что вспыхивали в его время между инженерами Агентства по астронавтике и администраторами, представителями конгресса и воротилами промышленности.

Да, человеческая раса, несомненно, улучшилась. Нейроколпак помог не только искоренить неудачников, но и очень повысить эффективность образования. Не обошлось и без потерь — в этом обществе было мало выдающихся личностей. Пулу навскидку приходили на ум лишь четверо: Индра, капитан Чандлер, доктор Хан и печально памятная Леди Дракон.

Председатель следила за плавным ходом дискуссии, чтобы все могли высказаться. Потом она подвела итог.

— Первый и совершенно очевидный вопрос: насколько серьезно нам следует отнестись к опасности. На его обсуждение, мне кажется, не стоит тратить время. Даже если тревога ложная или мы что-то не вполне понимаем, потенциальная угроза настолько велика, что мы обязаны воспринимать ее как реальную, пока не получим доказательств обратного. Согласны? Хорошо. Мы не знаем, сколько времени у нас осталось, поэтому должны считать угрозу

явной. Возможно, ЭАЛ-человек смог бы предоставить нам дополнительные сведения, но, вероятно, они поступили слишком поздно. Нам надо найти защиту от столь могущественной машины, как монолит. Посмотрите, что произошло с Юпитером! И очевидно, с Новы Скорпиона... Уверена, что применение грубой силы окажется бесполезным, но мы не должны отбрасывать и этот вариант. Доктор Крауссман, сколько времени потребуется на создание супербомбы?

— Если предположить, что проекты до сих пор существуют и дальнейших исследований не требуется,— около двух недель. Термоядерное оружие достаточно примитивно, для его создания нужны простейшие материалы. В конце концов, оно создано во втором тысячелетии! Но если понадобится нечто особенное — скажем, бомба из антиматерии или миниатюрная черная дыра... возможно, изготовление займет несколько месяцев.

— Спасибо. Не могли бы вы немедленно заняться данным вопросом? Впрочем, я не уверена, что это спасет нас: обладатель подобной силы, несомненно, способен себя защитить. Итак, другие предложения есть?

— Мы можем вступить в переговоры? — спросил, без особой надежды, один из членов совета.

— С чем или с кем? — ответил вопросом на вопрос Крауссман.— Как мы определили, монолит является механизмом и делает то, на что запрограммирован. Возможно, программа обладает некоторой степенью гибкости, но определить это точно мы не сможем. Мы не сможем и обратиться в головной офис — он находится в полумиллионе световых лет от нас!

Пул слушал, никого не прерывая,— он не мог добавить ничего разумного, обсуждаемые вопросы находились вне его компетенции. Он ощутил некоторую подавленность — задумался, стоило ли передавать полученную информацию. В конце концов, если тревога ложная, ничего плохого не произойдет, а если нет... человечество могло бы сохранять спокойствие, пока его не настигнет неотвратимый рок.

От мрачных мыслей Пула отвлекла фраза, показавшаяся знакомой.

Незаметный член комитета, имя которого было настолько длинным, что Пул не способен был его выговорить и не запомнил, вдруг сказал два слова:

— Троянский конь!

Воцарилась тишина, которую обычно называют многозначительной, а потом все закричали: «Почему мне не пришло это в голову!» — «Конечно!» — «Какая прекрасная мысль!» — пока председатель, впервые за заседание, не призвала к порядку.

— Благодарю вас, профессор Тиругнанасампантамурти,— без запинки произнесла доктор Оконнор.— Не хотели бы вы уточнить?

— Определенно. Если монолит действительно является, как все предполагают, лишенной разума машиной — следовательно, у него весьма ограничена способность самоконтроля. Значит, у нас уже есть оружие, способное его победить. Оно заперто в Хранилище.

— И есть система доставки — ЭАЛ-человек!

— Вот именно.

— Одну минуту, доктор Т. Мы не знаем ничего, абсолютно ничего об структуре монолита. Можем ли мы быть уверены, что средство, изобретенное столь примитивными существами, как мы, окажется эффективным оружием против него?

— Не можем, но не следует забывать: каким бы сложным устройством ни был монолит, он подчиняется законам логики, описанным Аристотелем и Булем* много веков тому назад. Именно поэтому он и должен быть уязвим для запертых в Хранилище программ. Мы составим их таким образом, чтобы сработала хотя бы одна. Это наша единственная надежда, если ни у кого нет лучшего варианта.

— Прошу прощения,— вмешался, потеряв терпение, Пул.— Может быть, кто-то объяснит мне, что это за Хранилище и где оно находится?

36
КАМЕРА УЖАСОВ

История полна кошмаров, и одни являются естественными, а другие созданы руками человека.

К концу двадцать первого века большинство естественных кошмаров, к числу которых можно отнести оспу, чуму, ВИЧ и смертельные вирусы из африканских джунглей, были уничтожены или, по крайней мере, поставлены под контроль благодаря достижениям медицины. Тем не менее не стоило недооценивать гениальность природы, которая, несомненно, приготовила для человечества немало сюрпризов.

Следовательно, сохранение образцов этих ужасов для научных исследований (естественно, под надежной охраной, чтобы они не могли вырваться на свободу и снова сеять панику среди людей) стоило расценить как разумную меру предосторожности. Впрочем, кто может быть уверен в полной надежности охраны?

В конце двадцатого века, по вполне понятным причинам, возникали шумные протесты по поводу хранения последних вирусов оспы в центрах по контролю за заболеваниями США и России. Каким бы невероятным это ни казалась, оставалась опасность их распространения в результате природных катастроф вроде землетрясения, выхода из строя оборудования или нападения террористических групп.

Решением, удовлетворившим большинство (за исключением экстремистов, выступавших под лозунгом «Сохраните дикую природу Луны!»), явилась транспортировка образцов на Луну. Там их поместили на дно километровой шахты, пробуренной в одинокой горе Пико, которая являлась характерной чертой пейзажа Моря Дождей. Хранилище периодически пополнялось наиболее выдающимися и аномальными примерами гениальности или, вернее, безумия человечества.

---

* Джордж Буль (1815–1854) — англ. математик, считающийся отцом математической логики.

Здесь находились газы и пары, которые даже в микроскопических дозах вызывали мучительную или мгновенную смерть. Некоторые вещества были созданы безумными религиозными фанатиками, получившими доступ к значительному объему научных знаний. Многие из них думали, что конец мира вот-вот настанет (а после него, естественно, выживут лишь их последователи). На случай, если Бог отступит от запланированного графика, они сделали все возможное, чтобы скорректировать неточности.

Первыми объектами нападений этих несущих смерть фанатиков стали заполненные пассажирами вагоны метро, всемирные торговые центры, спортивные стадионы, площадки, где проводились концерты популярных музыкантов... Десятки тысяч были убиты, еще больше ранены, пока безумие не поставили под контроль в начале двадцать первого века. Как часто случалось, зло послужило добру — заставило правоохранительные органы всех стран действовать вместе, что раньше не практиковалось. Даже государства-изгои, поощрявшие политический терроризм, не смогли противостоять развернутой борьбе.

Химические и биологические вещества, использовавшиеся при подобных нападениях, а также более привычные средства ведения войны присоединились к опасной коллекции в горе Пико. Там же находились и антидоты — если, конечно, они существовали. Все надеялись, что эти вещества никогда больше не понадобятся человечеству, но их тщательно сохранили на случай самой крайней надобности.

К третьей категории моровых язв относились средства, которые никого непосредственно не убивали. Их не знали до конца двадцатого века, но в течение нескольких десятилетий они нанесли ущерб в миллиарды долларов и погубили жизней не меньше, чем все телесные хвори. Это были болезни новых, самых уязвимых слуг человечества — компьютеров.

Они получили имена из медицинского лексикона — вирусы, прионы, паразиты — и подчас с поразительной точностью повторяли поведение своих органических собратьев. Некоторые были совершенно безвредны — шутки, предназначенные для того, чтобы обескуражить пользователя появлением на дисплее странных сообщений или изображений. Другие более злобные — явные предвестники грядущей катастрофы.

В большинстве случаев они выступали как наемники, орудием в руках умных преступников, шантажировавших банки и коммерческие организации, работа которых полностью зависела от эффективности информационных систем. При получении предупреждения о том, что их базы данных будут автоматически стерты в определенное время, если крупную сумму не перечислят на такой-то анонимный счет, компании предпочитали не рисковать. Они платили, чтобы избежать публичного или приватного позора, без вмешательства полиции.

Естественное желание сохранить конфиденциальность упрощало задачу для сетевых разбойников. Если их удавалось поймать, правоохранительные органы относились к преступникам снисходительно, поскольку не знали, как расценивать новые преступления — в конце концов, никому не причинено телесных повреждений, верно?.. Электронных взломщиков, после отбытия небольших сроков, подчас нанимали на работу сами жертвы. Они следовали старому принципу: лучшие егеря выходят из браконьеров.

Побудительным мотивом компьютерных преступлений была чистая алчность. Взломщики не хотели разрушать организации, за счет которых кормились — ведь ни один разумный паразит не убивает своего хозяина. Но встречались и другие неутомимые враги общества...

Обычно ими оказывались плохо приспособленные к жизни личности мужского пола и подросткового возраста, действующие в одиночку и, естественно, тайно. Они создавали программы, способные посеять хаос при распространении по глобальным и кабельным сетям. Эти люди наслаждались созданным беспорядком, желанным для их ущербной психики.

Иногда агентства национальной безопасности раскрывали этих извращенных гениев и нанимали на службу для достижения собственных целей — например, для проникновения в базы данных конкурентов. Такого рода деятельность можно признать вполне безвредной, так как при этом хотя бы соблюдались общепризнанные нормы.

Чего нельзя сказать о вредоносных сектах, с восторгом открывших для себя оружие значительно более эффективное и, самое главное, более широко действующее, чем газы или микробы. От него труднее было защититься, так как оно мгновенно попадало в миллионы офисов и домов.

Крах банка «Нью-Йорк — Гавана» в 2005 году, запуск индийских ядерных ракет (к счастью, с неактивированными боеголовками) в 2007 году, сбой в европейской диспетчерской системе воздушного транспорта в 2008 году, паралич североамериканской телефонной сети в том же году — все это было репетициями Судного дня, которые устраивали религиозные фанатики. Благодаря блестящей контрразведывательной работе национальных агентств (обычно не желавших сотрудничать или враждовавших) эту угрозу устранили. По крайней мере так считалось. В течение нескольких сотен лет никто не пытался нападать на устои общества. Одним из орудий победы стал нейроколпак. Хотя некоторые считали, что он достался человечеству слишком дорогой ценой.

Споры о соотношении свободы личности и интересов государства велись еще при Платоне и Аристотеле, которые пытались определить систему. Вероятно, они будут продолжаться до конца времен. Тем не менее в третьем тысячелетии люди добились некоторого консенсуса. Они достигли согласия в том, что коммунизм — это, несомненно, идеальный строй. Но, как доказано ценой нескольких сотен миллионов жизней, он пригоден только для общественных насекомых, роботов и тому подобных ограниченных организмов. Для несовершенных человеческих личностей наименьшим злом была демократия, которую часто определяли как «индивидуальную жадность, ограниченную эффективным, но не слишком ретивым правительством».

Вскоре после того, как нейроколпаки распространились повсеместно, разумные и энергичные бюрократы осознали их потенциал для системы раннего обнаружения. В процессе подгонки колпака, когда новый пользователь умственно «настраивался», можно было распознать многие формы психозов, прежде чем они становились опасными. Часто это позволяло найти наилучшие формы лечения, а если пациент лечению не поддавался, то электронным способом отметить его или, в особых случаях, изолировать от общества. Конечно, мониторинг проходили лишь люди с нейроколпаками, но к трехтысяч-

ному году они стали таким же обыденным явлением, как личные телефоны в начале третьего тысячелетия. Ко всем, кто не присоединился к большинству, относились подозрительно и рассматривали их как отклонение от нормы.

Когда «копание в мозгах», по выражению противников новшества, широко вошло в жизнь, правозащитные организации подняли жуткий крик. Один из наиболее эффектных лозунгов вопрошал: «Нейроколпак или нейрополицейский?» Постепенно, крайне неохотно эта мера предосторожности была признана необходимой в борьбе с еще большим злом. То, что наряду с общим улучшением душевного здоровья быстро пошел на убыль религиозный фанатизм — не просто совпадение.

Когда закончилась долгая борьба с преступниками в киберпространстве, победители обнаружили у себя огромную коллекцию ненужных трофеев, абсолютно непонятных для завоевателей прошлого. Эти трофеи — сотни компьютерных вирусов. Многих из них было трудно не только уничтожить, но и обнаружить. Были и другие, вселявшие еще больший ужас,— гениально придуманные болезни, от которых не существовало противоядий, а в некоторых случаях — и самой возможности существования лекарств...

Часто их создание приписывали великим математикам, которые, несомненно, пришли бы в ужас, узнав о том, как извращенно используют их открытия. Люди часто склонны преуменьшать реальную опасность, присваивая ей нелепые имена. В результате появились гремлины Геделя, тупики Мандельбройта, комбинаторные катастрофы, трансфинитные ловушки, головоломки Конвея, торпеды Тьюринга, лабиринты Лоренца, булеанские бомбы, западни Шеннона и катаклизмы Кантора...

Если попробовать обобщить, математические ужасы действовали по единому принципу. Их эффективность не зависела от чего-то примитивного, вроде стирания памяти или нарушения кода. Их действие было утонченным: они заставляли машину инициировать программу, которую невозможно завершить до конца времен. Самым ярким образцом смертоносного вируса стал, несомненно, тупик Мандельбройта — выход из этой программы требовал использования практически бесконечного количества решений.

В качестве тривиального примера можно привести расчет числа «пи» или любого другого иррационального числа. Но даже самый примитивный компьютер не попадался в такую элементарную ловушку — давно миновало время, когда дебильная техника могла в пыль стереть шестерни, пытаясь разделить какое-либо число на ноль...

Программисты-разрушители должны были прежде всего убедить машину в том, что поставленная перед ней задача имеет решение, причем реально достижимое. В битве разумов между мужчинами (редко — женщинами, хотя и среди них встречались гениальные личности вроде леди Ады Лавлейс, адмирала Грейс Хоппер и доктора Сьюзен Келвин) и машинами последние неизменно терпели поражение.

Было возможно — хотя в некоторых случаях трудно и рискованно — уничтожить вредоносные программы с помощью команд «СТЕРЕТЬ/ПЕРЕПИСАТЬ». Но пришлось бы потратить слишком много времени и сил, чего делать не хотелось. К тому же подобные программы следовало сохранить в качестве меры

предосторожности на тот случай, если какому-то злобному гению придет на ум вновь использовать их.

Решение очевидно: цифровых демонов, вместе с их химическими и биологическими аналогами, поместили — будем надеяться, навсегда — в Хранилище Пико.

37

ОПЕРАЦИЯ «ДАМОКЛ»

Пул практически не общался с командой специалистов, работавших над созданием оружия, которое, как все надеялись, не придется применить. Операция под зловещим, но справедливым названием «Дамокл» требовала таких специальных знаний, что он не мог внести в ее подготовку непосредственного вклада. Кроме того, члены оперативной группы иногда казались Пулу инопланетянами. Конечно же, один из главных специалистов находился в психиатрической больнице (Пул был немало удивлен, что подобные заведения до сих пор существовали), и председатель Оконнор не раз намекала, что к нему скоро должны присоединиться еще двое других ученых.

— Вы когда-нибудь слышали о проекте «Энигма»? — спросила она однажды по окончании очередного совещания, не принесшего результатов.

Пул покачал головой.

— Я удивлена,— продолжила она.— Ведь события происходили всего за несколько десятилетий до вашего рождения. Я узнала об этом, когда собирала информацию для «Дамокла». Работа была похожа на нашу: во время войны группа гениальных математиков собралась, чтобы в обстановке строгой секретности раскрыть шифр противника... Между прочим, для решения проблемы они создали первый настоящий компьютер. Есть восхитительная история — надеюсь, она соответствует действительности,— которая напоминает мне про нашу группу. Однажды премьер-министр пришел с проверкой и сказал руководителю «Энигмы»: «Когда я велел искать под каждым камнем, но найти необходимых людей, я не думал, что вы поймете меня столь буквально».

Предполагалось, что все камни обыскали и для проекта «Дамокл». Но поскольку никто не знал, много ли времени осталось до завершения — несколько дней, недель или лет,— на первой стадии трудно было заставить людей почувствовать неотложность дела. Секретность тоже создавала проблемы. Чтобы не поднимать тревогу по всей Солнечной системе, о проекте знали не более пятидесяти человек. Но именно эти люди обладали возможностями для реализации идей и могли получить разрешение открыть Хранилище Пико впервые за последние пять веков.

Когда ЭАЛ-человек сообщил, что монолит получает послания все чаще и чаще, ни у кого не осталось сомнений: что-то должно произойти. В эти дни страдал бессонницей не только Пул. Он пользовался специальными программами нейроколпака и, прежде чем заснуть, часто задумывался над тем, сможет ли проснуться. Но наконец были собраны последние компоненты оружия — невидимого, неосязаемого, невообразимого для прежних земных воинов.

Ничто не выглядело более безвредным, чем стандартная пластинка памяти емкостью в терабайт — не отличить от миллионов других пластинок, что использовались в нейроколпаках. О том, что она необычная, свидетельствовало лишь одно: ее поместили в массивный блок кристаллического вещества, стянутый металлическими лентами.

Пул неохотно принял ее. Он задумался о том, схожи ли его собственные чувства с ощущениями человека, доставившего на авиабазу в Тихом океане компоненты атомной бомбы, которую затем сбросили на Хиросиму. И если страхи оправданны, на него возлагается куда большая ответственность.

Он не был уверен, что даже первая часть миссии увенчается успехом. Из-за невозможности обеспечения полной секретности ЭАЛ-человека не оповестили о проекте «Дамокл». Пул собирался сделать это лично после прибытия на Ганимед.

Оставалось надеяться, что ЭАЛ-человек согласится сыграть роль Троянского коня и, возможно, погибнуть.

38
УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР

Было странно попасть в «Граннимед» через столько лет, а еще более странно, что отель совсем не изменился, несмотря на все прошедшие события. Когда Пул вошел в номер, его приветствовал знакомый портрет Боумена. Как и думал Фрэнк, ЭАЛ-человек уже ждал его. Дэйв выглядел не более материальным, чем древняя голограмма.

Прежде чем они успели обменяться приветствиями, возникла заминка, которая обрадовала бы Пула в любое другое время, но не сейчас. Видеофон номера издал тройной сигнал из повышающихся в тональности нот (тоже не изменившийся со времени последнего визита), и на экране появилось лицо старого друга.

— Фрэнк! — закричал Теодор Хан.— Почему ты не сообщил мне, что приезжаешь? Когда мы увидимся? Почему нет видеосигнала — ты не один в номере? Кстати, кто эти официальные лица, прибывшие вместе с тобой?

— Извини, Тед, но поверь, есть причины — я объясню все позже. Я не один. Свяжусь с тобой при первой возможности. До свидания!

Запоздало отдав приказ «не беспокоить», Пул сказал Боумену:

— Извини. Уверен, ты знаешь, кто это был.

— Конечно — доктор Хан. Он много раз пытался поговорить со мной.

— Но ты не отвечал. Могу я спросить почему?

Пул не мог не задать этот вопрос, хотя сейчас хватало других, более важных проблем.

— Я хотел держать открытым только канал нашей связи. Кроме того, меня часто не бывало на месте, иногда по нескольку лет.

Это казалось удивительным, хотя было закономерным — Пул многократно слышал о появлениях ЭАЛ-человека. Но «в течение нескольких лет»?.. Дэйв мог побывать в нескольких звездных системах — возможно, так он узнал о Нове

Скорпиона, на расстоянии всего сорока световых лет отсюда. Но он не мог совершить путешествие к узлу управления — потребовалось бы девятьсот лет.

— Нам повезло, что ты здесь, когда это наиболее необходимо!

ЭАЛ-человек помедлил с ответом, что было для него необычно. Прошло куда больше трех секунд, прежде чем он медленно произнес:

— Ты уверен, что повезло?

— Что ты имеешь в виду?

— Мне не хотелось бы говорить об этом, но пару раз мне удалось мельком увидеть силы... увидеть объекты значительно более могущественные, чем монолит и даже его создатели. Возможно, свободы воли у нас гораздо меньше, чем кажется.

Мысль об этом ужасала, и Пул с трудом отогнал ее, чтобы сосредоточиться на неотложных, по его мнению, проблемах.

— Надеюсь, нам хватит свободы воли, чтобы совершить необходимое. Возможно, мой вопрос прозвучит глупо, но скажи: монолит знает о нашей встрече? У него могли возникнуть подозрения?

— Он не способен на чувства и подозрения. Он снабжен устройствами для защиты от сбоев. Принцип действия некоторых из них я понимаю. Не более того.

— Может ли он подслушать наш разговор?

— Не думаю.

«К сожалению, я не уверен, что этот супермозг настолько простодушен и наивен»,— подумал Пул, открывая свой портфель и доставая из него запечатанную коробку с пластинкой памяти. В условиях низкой гравитации ее вес был ничтожным — трудно поверить, что в ней заключена судьба человечества.

— Поскольку нельзя гарантировать секретность нашей связи, опустим подробности. В данной пластинке содержатся программы, которые, как мы надеемся, не дадут монолиту выполнить команды, направленные против человечества. Здесь около двадцати самых разрушительных вирусов, когда-либо придуманных на Земле. От большинства из них нет средств защиты, а во многих случаях этих средств вообще не может быть. Предусмотрено пять копий программы. Мы хотели бы, чтобы ты запустил их, когда — и если — сочтешь это необходимым. Дэйв... ЭАЛ, ни на кого и никогда не возлагали подобной ответственности, но у нас нет выбора.

И снова ответ пришел с запозданием немного большим, чем предполагала трехсекундная задержка сигнала с Европы.

— Если сделать это, все системы монолита, возможно, будут остановлены. Неизвестно, что станет с нами.

— Мы, конечно, рассматривали такую возможность. Но, как мы понимаем, в вашем распоряжении сейчас есть средства, недоступные нашему разуму. Я посылаю тебе петабайт памяти. Почти уверен, что пятнадцатой части ее вполне достаточно, чтоб записать воспоминания и события многих жизней. Это обеспечит тебе один из путей спасения. Впрочем, я уверен, у тебя есть и другие.

— Правильно. Мы решим, какой из них использовать, когда наступит подходящий момент.

Пул немного успокоился, насколько это возможно в чрезвычайной ситуации. ЭАЛ-человек готов сотрудничать — очевидно, он сохранил связь со своими истоками.

— В этом случае мы должны доставить тебе пластинку памяти непосредственно. Ее содержимое слишком опасно, чтобы передавать его по радио или оптическим каналам связи. Я знаю, что ты способен управлять материей на большом расстоянии — разве не ты взрывал находившуюся на орбите бомбу? Можешь ли ты теперь переместить посылку на Европу? Или мы перешлем сообщение автоматически в любую удобную для тебя точку.

— Вот так будет лучше. Я получу сообщение в Цяньвиле. Записывай координаты...

Он все еще сидел, расслабившись, в кресле, когда монитор «апартаментов Боумена» пропустил в номер главу делегации, летевшего с Пулом от самой Земли. Был ли полковник Джонс настоящим полковником, звали ли его на самом деле Джонсом — это мало интересовало Фрэнка. Главное, что он оказался гениальным организатором и эффективно руководил осуществлением операции «Дамокл».

— Итак, Фрэнк, механизм запущен. Посадка произойдет через один час десять минут. Надеюсь, ЭАЛ-человек выполнит задание, хотя, честное слово, не понимаю, как он сможет справиться — если это правильный термин — с пластинкой памяти.

— Я тоже сомневался, пока один из членов Совета Европы не объяснил мне. Есть давно доказанная многими — но не мной! — теорема, которая гласит: любой компьютер способен эмулировать другой компьютер. Поэтому я уверен: ЭАЛ-человек знает, что делает. Иначе он не согласился бы.

— Надеюсь, вы правы,— сказал полковник.— Если нет... Не знаю, есть ли у нас другой вариант...

Напряженная пауза длилась до тех пор, пока Пул не попытался снизить напряжение.

— Кстати, слышали сплетню о нашем визите? — спросил он.

— Какую именно?

— Говорят, что мы — специальная комиссия, присланная сюда для расследования преступлений и коррупции. Мэр и шериф должны в страхе спастись бегством.

— Как я им завидую,— сказал полковник Джонс.— Иногда так приятно беспокоиться о чем-то совершенно тривиальном.

39
БОГОУБИЙСТВО

Подобно всем жителям Анубис-сити, население которого насчитывало уже пятьдесят шесть тысяч пятьсот двадцать один человек, доктор Теодор Хан проснулся вскоре после полуночи по местному времени от звука общей тревоги. Первой его мыслью было: «Ради Деуса, только не очередное ледотрясение!»

Он бросился к окну с криком: «Открыть!» Он кричал так громко, что система управления не смогла понять его, и пришлось повторить приказ нормальным голосом. В комнату должен был ворваться свет Люцифера, который рисовал на полу узоры, завораживающие посетителей с Земли: они не сдвигались ни на миллиметр, сколько бы вы за ними ни наблюдали...

Привычного луча света не было. Доктор Хан в полном недоумении смотрел сквозь гигантский прозрачный купол Анубиса на небо, которого не было видно над Ганимедом в течение последней тысячи лет. Небо было усеяно звездами, а Люцифер исчез.

Потом, глядя на давно забытые созвездия, доктор Хан заметил нечто еще более ужасающее. На месте Люцифера находился крохотный, абсолютно черный диск, закрывавший незнакомые звезды.

«Этому есть одно объяснение,— сказал себе огорошенный Хан.— Люцифера поглотила черная дыра. Возможно, следующая очередь — наша».

С балкона отеля «Граннимед» Пул наслаждался тем же зрелищем, но с совершенно иными чувствами. Прежде чем раздался сигнал общей тревоги, его разбудило сообщение от ЭАЛ-человека, полученное по безопасному каналу связи.

— Начинается. Мы заразили монолит. Но один или несколько вирусов проникли и в наши схемы. Мы не знаем, сможем ли использовать пластинку памяти, которую ты нам передал. Если все получится, встретимся в Цяньвиле.

Далее последовали поразительные и трогательные слова, об эмоциональном смысле которых потом спорили многие поколения:

— Если не сможем загрузиться, помните нас.

Из расположенного ниже номера до Пула доносился голос мэра — тот пытался успокоить разбуженных жителей Анубиса. Мэр начал речь с самой пугающей из всех официальных формул: «Причин для паники нет»,— но все-таки нашел слова, способные развеять тревогу горожан.

— Мы не знаем, что происходит, но Люцифер светит по-прежнему. Все в порядке. Повторяю — все в порядке! Мы только что получили сообщение с межорбитального шаттла «Альциона», который вылетел на Каллисто примерно полчаса назад. Вот переданное оттуда изображение...

Пул бросился с балкона в номер и успел заметить, как успокаивающе сияет с видеоэкрана Люцифер.

— Случилось,— запыхающимся голосом продолжил мэр,— некое временное затмение. Сейчас мы попробуем увеличить изображение... Обсерватория Каллисто, вызываем на связь...

«Как он может знать, что затмение временное?» — думал Пул, пока на экране возникало очередное изображение.

Люцифер исчез, вместо него появилось усеянное звездами небо. Голос мэра стих, раздался другой:

— ...двухметровый телескоп. Впрочем, можно использовать любой наблюдательный инструмент. Диск черного материала, чуть более десяти тысяч километров в диаметре, настолько тонкий, что толщину визуально определить не представляется возможным. Он расположен так — очевидно, умышленно,—

чтобы Ганимед не получал света. Мы пытаемся увеличить изображение, чтобы рассмотреть подробности, хотя я сомневаюсь, что нам удастся это сделать...

Если смотреть с Каллисто, изображение затмевающего диска было искажено и имело форму овала, большая ось которого вдвое превосходила малую. Овал стал расширяться, пока полностью не заполнил экран. Не удавалось определить, увеличено ли изображение, так как не было видно абсолютно никаких деталей.

— Как я и думал, смотреть не на что. Попробуем разглядеть край объекта...

И снова никаких признаков движения, пока вдруг не появилось звездное небо, резко ограниченное дугообразной кромкой диска величиной с планету. Это походило на горизонт безвоздушной, совершенно гладкой планеты.

Нет, не совсем гладкой...

— А вот это интересно,— сказал астроном, который до сего момента говорил безразличным тоном, словно наблюдал подобные явления ежедневно.— Кромка выглядит зазубренной, но зубья расположены равномерно, как у пилы...

«Циркулярная пила,— пробормотал про себя Пул.— Нас собираются распилить? Не будь идиотом...»

— Мы не можем больше увеличивать изображение во избежание искажений. Позже обработаем его и постараемся рассмотреть детали.

Увеличение было таким, что исчез даже намек на округлость диска. На видеоэкране появилась черная полоса с треугольными зубьями по кромке, расположенными столь равномерно, что у Пула не могла не возникнуть та же зловещая аналогия с диском циркулярной пилы. Тем не менее что-то другое занимало мысли Фрэнка...

Подобно всем обитателям Ганимеда, он наблюдал, как на геометрически идеальных плоскостях появлялись и исчезали бесконечно далекие звезды. Вполне вероятно, многие другие сделали тот же вывод, что и Пул, гораздо раньше.

Если попытаться собрать диск из прямоугольных блоков с пропорциями 1:4:9 — или любыми другими,— абсолютно гладкую кромку не получить. Конечно, можно образовать более или менее ровную окружность, если использовать блоки минимального размера. Впрочем, зачем преодолевать эти сложности, если нужен большой экран, чтобы затмить солнце?

Мэр оказался прав — затмение временное, но его окончание было полной противоположностью окончанию солнечного затмения.

Свет появился точно в середине, а не по кромке четок Бейли*. Извилистые линии исходили из ослепительного центра, и теперь, при максимальном увлечении, стала видна структура диска. Он состоял из миллионов идентичных прямоугольников — возможно, размером с Великую Стену на Европе. И они рассыпались, словно разваливалась гигантская картинка-загадка.

Вечный дневной свет, на краткое время исчезнувший, возвращался на Ганимед по мере того, как диск рассыпался на фрагменты и лучи Люцифера прорывались сквозь расширяющиеся бреши. Потом стали испаряться сами

* Бейли Френсис (1774–1844) — английский астроном. Впервые описал (1836) появление ярких точек на краю лунного диска в начале и конце полной фазы солнечного затмения («четки Бейли»), возникающего, когда солнечный свет проходит между горами на краю лунного диска.

фрагменты, словно они нуждались в поддержке друг друга, чтобы удержаться в реальности.

Наблюдателям в Анубис-сити могло показаться, что явление продолжалось несколько часов, но в действительности оно закончилось минут через пятнадцать после начала. И только после этого все посмотрели на Европу.

Великая Стена исчезла.

Примерно через час новости с Земли, Луны и Марса сообщили о том, что Солнце мигало в течение нескольких секунд, прежде чем продолжить светить как обычно.

Это была весьма продуманная последовательность затмений, явно устроенных для того, чтоб их заметило человечество. Ни в каком другом месте Солнечной системы ничего необычного не произошло.

Всеобщее возбуждение было таким, что люди не сразу заметили исчезновение ЛМА-0 и ЛМА-1. На Тихо Браге и в Фарике остались лишь отпечатки, возраст которых насчитывал четыре миллиона лет.

Европеанцы впервые встретились с людьми, но не были ни встревожены, ни удивлены появлением огромным существ, передвигающихся с огромной, по местным меркам, скоростью. Конечно, непросто понять эмоциональное состояние создания, похожего на небольшой куст без листьев и без каких-либо органов чувств или средств общения. Но если бы европеанцы были напуганы появлением «Альционы» и высадкой пассажиров шаттла, они, несомненно, спрятались бы в свои иглу.

Когда Фрэнк Пул, отягощенный защитным скафандром и мотком блестящей медной проволоки (в качестве подарка), появился на окраине Цяньвиля, он размышлял о том, что думают о последних событиях местные жители. Для них затмение Люцифера прошло незамеченным, но исчезновение Великой Стены не могло не стать шоком. Она стояла здесь с незапамятных времен, являлась щитом и, несомненно, чем-то большим — и вдруг исчезла, словно ее никогда не было...

Пластинка емкостью в петабайт ждала его в окружении группы европеанцов, которые проявляли первые признаки любопытства. Пул подумал: не попросил ли их ЭАЛ-человек присмотреть за подарком из космоса, пока Фрэнк не придет, чтоб забрать его?

Забрать и унести в безопасное место, поскольку внутри спрятан не только спящий друг, но и ужасы, от которых, возможно, придется избавляться будущим поколениям.

40

ПОЛНОЧЬ: ПИКО

Пул подумал, что трудно представить более спокойную сцену, особенно после насыщенных событиями последних нескольких недель: косые лучи почти полной Земли освещали малейшие детали безводного Моря Дождей, не искажая их, как сделали бы безжалостно яркие лучи Солнца.

Небольшая группа луноходов расположилась полукругом в сотне метров от ничем не примечательного подножия горы Пико, где находился вход в Хранилище. Пул со своего места видел, что гора не соответствовала названию, данному ей ранними астрономами — очевидно, те были обмануты остроконечной тенью. Гора больше напоминала закругленный холм, чем остроконечную вершину, и Пул вполне мог поверить, что местные жители с удовольствием поднимались на вершину на велосипедах. Эти мужчины и женщины не подозревали, какие секреты таятся под колесами их машин, и Пул искренне надеялся, что дурные известия не помешают жителям Луны продолжать полезные для здоровья упражнения.

Всего час назад, со смешанным чувством грусти и триумфа, он доставил пластинку памяти, которую ни на секунду не выпускал из виду, с Ганимеда прямо на Луну.

— До свидания, старые друзья,— пробормотал он.— Вы хорошо поработали. Возможно, будущие поколения пробудят вас. Но, честно говоря, я надеюсь, что этого не произойдет.

Он чересчур ясно представил себе отчаянную ситуацию, когда могут понадобиться способности ЭАЛ-человека. К тому времени неизвестный центр управления должен получить сообщение о том, что монолита на Европе больше нет. Если повезет, ответ последует лет через девятьсот пятьдесят, с незначительной поправкой в ту или иную сторону.

Пул в прошлом часто ругал Эйнштейна, но сейчас он боготворил его. Даже стоящие за монолитом силы, без сомнения, не могли преодолеть скорость света. Таким образом, у человеческой расы оставалось почти тысячелетие на подготовку к следующему контакту, если таковой состоится. Возможно, теперь люди лучше с этим справятся.

Что-то появилось из туннеля — гусеничный робот-«получеловек», который поместил пластинку в Хранилище. Было забавно видеть машину, наряженную в костюм, предохраняющий от смертоносных микробов,— здесь, на безвоздушной Луне! Но никто не хотел рисковать, и были приняты все меры предосторожности для защиты от возможных опасностей, сколь бы невероятными они ни казались. В конце концов, робот перемещался среди тщательно изолированных кошмаров. Судя по показаниям его видеокамер, все было в порядке, но никогда нельзя исключить возможность, что какая-то колба разобьется или нарушится герметизация одного из сосудов. Окружающая среда на Луне была исключительно стабильной, но и она испытывала влияние колебаний и подвергалась ударам метеоритов.

Робот остановился метрах в пятидесяти от входа в туннель. Медленно закрылась массивная дверь-пробка, защищавшая вход. Она стала вращаться, как гигантский болт, ввинчивающийся в гору.

— Все, у кого нет темных очков, закройте глаза или отвернитесь! — раздался настойчивый приказ по радиосвязи.

Пул быстро развернулся на сиденье и едва успел заметить вспышку на крыше лунохода. Когда Фрэнк повернулся в сторону Пико, от робота осталась лишь груда раскаленного шлака. Даже для человека, проведшего большую часть жизни в вакууме, было странно видеть, что клубы дыма не поднимались вверх.

— Стерилизация завершена,— сообщил голос руководителя операции.— Большое спасибо всем. Возвращаемся в Платон-сити.

Какая ирония — человеческая раса спасена с помощью грамотного использования собственного безумия! Пул не мог не задуматься, какие выводы из этого следуют.

Он посмотрел на прекрасную голубую Землю, защищенную рваными облаками от смертельного холода космоса. Там всего через несколько недель он возьмет на руки своего первого внука.

Какие бы божественные силы и существа ни прятались среди звезд, Пул никогда не забывал, что для обычного человека важны лишь две вещи: любовь и смерть.

Его тело не прожило еще и сотни лет — у него достаточно времени для обеих.

ЭПИЛОГ

«Их маленькая Вселенная так молода, а их бог еще ребенок. Слишком рано судить их. Когда Мы вернемся в Последние дни, Мы решим, что нужно сохранить».

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Глава 1. Погонщик комет

Описание охотничьих угодий капитана Чандлера, открытых в 1992 году, приведено в статье Джейн Лю и Дэвида Джуитта «Пояс Кайпера» («Сайентифик Американ», май 1996).

Глава 4. Комната с видом

Идея «кольца вокруг планеты» на геостационарной орбите, связанного с Землей расположенными по экватору башнями, может показаться абсолютно фантастической. На самом деле она имеет научную основу. Это развитие идеи «космического лифта», изобретенного инженером из Санкт-Петербурга Юрием Арцутановым. Я имел удовольствие познакомиться с ним в 1982 году, когда его родной город еще носил другое имя.

Юрий заметил тогда, что теоретически возможно протянуть трос между Землей и спутником, расположенным над экватором на геостационарной орбите, как и большинство спутников связи. После чего мы могли бы создать космический лифт (или, как ярко выразился Юрий, «космический фуникулер»), чтобы доставлять грузы на орбиту с помощью электрической энергии. Ракетные двигатели в этом случае использовались бы только для оставшейся части полета.

Помимо избавления от шума ракет и опасностей для людей и окружающей среды космический лифт в огромной степени снизил бы расходы на космиче-

ские полеты. Электричество — довольно дешевый вид энергии, и хватило бы порядка ста долларов, чтобы отправить на орбиту одного человека. А обратный путь стоил бы около десяти долларов, потому что энергия возмещается при движении вниз! (Конечно, питание и демонстрация фильмов во время полета повысят цену билета. Представьте себе — за тысячу долларов на геостационарную орбиту и обратно!)

Теория безукоризненная, но существует ли достаточно прочный материал — такой, чтобы выдержать растяжение до экватора с высоты тридцати шести тысяч километров да еще поднимать грузы? Когда Юрий писал свою статью, только один материал соответствовал этим жестким требованиям — кристаллический углерод, более известный как алмаз. К сожалению, объемы в мегатоннах не представлены на открытом рынке, хотя в книге «2061: Одиссея три» я предположил, что алмазы в таких количествах содержатся внутри ядра Юпитера. В «Фонтанах рая» я предложил более простой источник — фабрики на орбите, где алмазы можно выращивать в условиях нулевой гравитации.

Первый «небольшой шаг» к созданию космического лифта сделан в 1992 году на шаттле «Атлантис», когда в процессе эксперимента была предпринята попытка опустить и поднять груз на фале длиной двадцать один километр. К сожалению, механизм размотки фала заклинило после стравливания нескольких сотен метров.

Я был весьма польщен, когда экипаж «Атлантиса» показал экземпляр «Фонтанов рая» во время пресс-конференции на орбите, а космонавт-исследователь Джеффри Хоффман, вернувшись на Землю, прислал мне подписанную книгу.

Второй эксперимент в феврале 1996 года был более успешным: груз отпустили на всю длину фала, но во время подъема трос был поврежден электрическим разрядом по вине неисправной изоляции. (Возможно, это счастливый инцидент, потому что я не могу не вспомнить современников Бена Франклина, которые погибли, пытаясь повторить его знаменитый и рискованный эксперимент — запуск воздушного змея во время грозы.)

Помимо обычных опасностей, стравливание нагруженных фалов с шаттла я могу сравнить с ужением на муху — все не так просто, как кажется. Но в конце концов последний «гигантский скачок» будет сделан — до самого экватора.

А пока открытие третьей формы углерода, а именно бакминстерфуллерена (C_{60}), сделало идею космического лифта более осуществимой. В 1990 году группа ученых из университета Райса в Хьюстоне получили C_{60} в трубкообразной форме, и его прочность намного превосходила прочность алмаза. Руководитель группы доктор Смоли пошел дальше: он заявил, что более прочного материала быть не может, и добавил, что это позволяет построить космический лифт. (Экстренное сообщение: я с радостью узнал, что в 1996 году доктору Смоли за эту работу присуждена Нобелевская премия в области химии.)

Бакминистер Фуллер умер в 1983 году, следовательно, не дожил до открытия «бакиболов» и «бакитрубок», благодаря которым стал знаменит посмертно. Во время одного из его последних путешествий я имел счастье облететь вместе с ним и его женой Шри-Ланку, где показывал своим спутникам мес-

та, описанные в «Фонтанах рая». Через некоторое время я записал текст романа на двенадцатидюймовой (помните такие?) долгоиграющей пластинке (Caedmon TC 1606), Баки же был так добр, что согласился сочинить аннотацию на конверте. Она заканчивалась поразительным откровением, которое, возможно, и заставило меня задуматься о Звездном городе: «В одна тысяча девятьсот пятьдесят первом году я создал проект свободно плавающего над экватором кругового моста. Внутри этого похожего на нимб моста Земля совершала бы свои обороты, в то время как мост вращался бы по орбите с собственной скоростью. Я предполагаю, что земляне смогут подниматься на мост, перемещаться по нему и спускаться в нужном месте обратно на Землю».

Я не сомневаюсь в том, что, если человечество захочет инвестировать проект (это небольшие средства, судя по прогнозам экономического роста), Звездный город может быть построен. Помимо нового стиля жизни и удобного доступа на родную планету для гостей из миров с низкой гравитацией — таких, как Марс и Луна,— это даст возможность избежать запусков ракет с поверхности Земли и позволит перенести их, как и должно быть, в космос. (Впрочем, я надеюсь, что юбилейные запуски будут производиться с мыса Кеннеди, воскрешая в памяти эпоху становления.)

Я почти уверен, что большая часть Звездного города будет состоять из пустых свободных конструкций, и лишь незначительная доля будет занята людьми или использована в научных и технических целях. Ведь каждая башня — это небоскреб в десять миллионов этажей, а окружность кольца на геостационарной орбите должна составить половину расстояния до Луны! В таком огромном пространстве можно разместить все население Земли. (Я предвижу некоторые проблемы с перевозками и снабжением, но хочу, чтобы их решение стало «упражнением для студентов».)

История развития концепции «бобового стебля» (а также других, еще более фантастических идей — например, антигравитации и деформации пространства) превосходно описана в книге Роберта Л. Форварда «Неотличимо от волшебства» («Baer», 1995).

Глава 5. Образование

Я был поражен, прочитав в местной газете от 19 июля 1996 года, что доктор Крис Винтер, глава отдела искусственной жизни компании «Бритиш телеком», считает: устройство для хранения информации, описанное в данной главе, будет изобретено в ближайшие тридцать лет! (В 1956 году в романе «Город и звезды» я переместил его в будущее на миллиард лет — очевидно, мое воображение дало серьезный сбой.) Доктор Винтер утверждает, что это позволит нам «воссоздать личность физически, эмоционально и духовно». Он полагает, что потребуется около десяти терабайт памяти (десять в тринадцатой степени байт).

Жаль, что я не присвоил имя доктора Винтера этому устройству, которое, несомненно, вызовет яростные споры в религиозных кругах: вот он, «ловец душ». О его применении в межзвездных полетах рассказано в примечаниях к главе 9.

Мне казалось, что я сам придумал способ передачи информации через ладони в главе 3, но оказалось, что Николас Негропонте, автор книги «Цифровая жизнь», глава медиалаборатории Массачусетского технологического института, работал над подобной проблемой в течение нескольких лет.

Глава 7. Разбор полета

Если немыслимая энергия нулевого поля (которую иногда называют квантовыми флюктуациями или вакуумной энергией) будет когда-либо покорена, это окажет непредсказуемое воздействие на нашу цивилизацию. Все существующие источники энергии — уголь, нефть, энергия атома, воды и солнца — устареют, и многие наши заботы о загрязнении окружающей среды исчезнут. Останется одна большая проблема — тепловое загрязнение. Любая энергия в итоге превращается в тепло. Если в распоряжении каждого человека оказалось бы несколько миллионов киловатт, нашу планету постигла бы участь Венеры, температура на которой составляет несколько сотен градусов в тени.

Тем не менее картина не столь мрачна — возможно, это единственный способ предотвратить неминуемое наступление очередного ледникового периода. («Цивилизация — это промежуток между ледниковыми периодами».— Уилл Дюрант. «История цивилизации».)

Когда я пишу эти строки, многие ученые инженеры в лабораториях по всему миру заявляют, что им удалось использовать новый источник энергии. Некоторое представление о ее мощности дает знаменитое высказывание физика Ричарда Фейнмана: энергии в объеме кофейной чашки хватит, чтобы вскипятить все океаны на Земле.

Это, конечно, заставляет задуматься. В сравнении с такой мощью атомная энергия выглядит слабой, как мокрая спичка.

И все же интересно, сколько вспышек сверхновых звезд были на самом деле промышленными авариями?

Глава 9. Небесное царство

Одна из главных проблем перемещения по Звездному городу будет связана с огромными расстояниями — если вам захочется навестить друга в соседней башне (а средства связи, несмотря на все достижения в области виртуальной реальности, никогда не заменят общения), вам придется проделать путь, равный полету на Луну. Даже при использовании самых быстрых лифтов на это уйдут дни, а не часы. Или надо двигаться с ускорениями, которые совершенно неприемлемы для людей, привыкших к жизни в условиях низкой гравитации.

Концепция «безынерционного привода» — двигательной установки, воздействующей на каждый атом тела таким образом, что при ускорении не возникает никаких напряжений,— была придумана родоначальником жанра «космической оперы» Э. Э. Смитом в тридцатых годах двадцатого столетия. В этом нет ничего невероятного: гравитационное поле действует именно так.

Если вы находитесь в состоянии свободного падения рядом с Землей (и можно пренебречь сопротивлением воздуха), скорость вашего падения будет увеличиваться примерно на десять метров в секунду каждую секунду. Вы будете чувствовать себя невесомым, не ощущая ускорения, хотя скорость возрастает на километр в секунду каждые полторы минуты!

То же самое происходит при падении в условиях гравитации Юпитера, превышающей земную приблизительно в два с половиной раза, и даже в несравненно более мощном поле белого карлика либо нейтронной звезды — поле, которое в миллионы или миллиарды раз сильнее. Вы ничего не почувствуете, даже если за несколько минут достигнете скорости света. Но если вы приблизитесь к притягивающему объекту на расстояние в несколько его радиусов, его поле уже не будет действовать на ваше тело однородно и приливные силы скоро разорвут вас на части. Более подробно данное явление описано в печальном, но точно названном рассказе «Нейтронный прилив» из сборника «Солнечный ветер».

Безынерционный привод, который должен работать как управляемое гравитационное поле, до последнего времени серьезно не обсуждался, и упоминание о нем можно встретить лишь в научно-фантастической литературе. Но в 1994 году трое американских физиков осуществили эксперимент, развив некоторые идеи великого русского физика Андрея Сахарова.

Статья «Инерция как сила Лоренца поля нулевой точки», опубликованная Б. Хайшем, А. Руедой и Х. Путоффом («Физ ревью», февраль 1994), может быть, когда-то будет рассматриваться как веха, и я использовал ее в художественных целях. Статья касается проблемы настолько фундаментальной, что ее воспринимают как должное, пожимая плечами и говоря: «Так уж устроена Вселенная».

Авторы задают следующий вопрос: «Что придает предмету массу (или инерцию), которая вызывает усилие, заставляющее предмет двигаться, и точно такое же усилие, возвращающее его в первоначальное состояние?»

В статье дается ответ, обусловленный поразительным и мало кому — кроме физиков в своих «башнях из слоновой кости» — известным фактом: так называемое «пустое пространство» на деле является кипящим котлом энергии различных видов — полем нулевой точки (смотри примечание выше). Авторы предполагают, что инерция, как и гравитация,— это электромагнитное явление, обусловленное взаимодействием с таким полем.

Начиная с Фарадея, было предпринято великое множество попыток связать гравитацию и магнетизм. Хотя некоторые экспериментаторы заявляли о том, что достигли успеха, результаты опытов не находили подтверждения. Тем не менее, если теория авторов статьи будет доказана, открывается отдаленная перспектива создания антигравитационных космических двигателей и появляется еще более фантастическая возможность управления инерцией.

Это способно привести к возникновению интересных ситуаций. Например, если вы слегка коснетесь кого-нибудь, человек мгновенно исчезнет со скоростью несколько тысяч километров в час, пока не отскочит от противоположной стены комнаты буквально через долю миллисекунды. Дорожные

аварии перестанут быть опасными — автомобили и пассажиры смогут сталкиваться без последствий на любой скорости. (И вы еще думаете, что современный стиль жизни слишком беспокойный?)

Невесомость мы воспринимаем как неотъемлемую часть космических полетов, а уже в следующем столетии ею будут наслаждаться миллионы туристов. Однако она показалась бы чем-то вроде волшебства нашим дедушкам и бабушкам. Но устранение или снижение инерции является совершенно другой проблемой, которая, возможно, не имеет решения*.

Все равно думать об этом приятно, потому что решение проблемы позволило бы получить аналог телепортации — то есть возможность мгновенного перемещения в любое место (по крайней мере, на Земле). Честно говоря, я не представляю себе, как Звездный город обойдется без этого...

В этом романе я предположил, что Эйнштейн не ошибся и ни один сигнал или объект не может перемещаться со скоростью выше скорости света. В последнее время появилось большое количество математических статей, где высказывались давно воспринятые писателями-фантастами предположения, что галактические хичхайкеры могут забыть о столь досадном ограничении.

В целом это похоже на правду, но есть одно фундаментальное возражение. Если перемещение со скоростью выше скорости света возможно, почему мы не видим этих хичхайкеров или хотя бы обеспеченных туристов?

Ответ таков: ни один разумный инопланетянин не будет строить межпланетные корабли по той же причине, по какой мы никогда не конструировали самолеты на угольном топливе: есть более эффективные способы.

О поразительно малом количестве «битов», которое требуется для того, чтобы определить человеческую личность или сохранить информацию, накопленную за целую жизнь, говорится в статье Луи Шеффера «Машинный разум, цена межзвездных перелетов и парадокс Ферми» («Ежеквартальный журнал королевского астрономического общества 35», № 2, июнь 1994, страницы 157–175). В данной статье — несомненно, это самая интересная публикация за всю историю существования журнала — утверждается: все, что содержится в уме столетнего человека с идеальной памятью, может быть представлено десятью в пятнадцатой степени битами (одним петабитом). Даже по сегодняшним оптоволоконным кабелям такой объем информации можно передать за несколько секунд.

Таким образом, мое предположение, что описанное в «Звездном пути» средство перемещения появится не раньше три тысячи первого года, оказалось смехотворно близоруким уже в новом веке, а недостаток межзвездных туристов объясняется лишь недостатком приемного оборудования на Земле. Возможно, оно уже на подходе к нам...

---

* В сентябре 1996 года финские ученые заявили, что им удалось зарегистрировать небольшое (менее одного процента) снижение гравитации над вращающимся сверхпроводящим диском. Если это будет подтверждено (а проведенные ранее в Институте Макса Планка в Мюнхене эксперименты имели аналогичные результаты), возможно, произойдет долгожданный прорыв. Я ожидаю новостей с заинтересованным скептицизмом.

Глава 15. Прохождение Венеры

Мне особенно приятно воздать должное экипажу «Аполлона-15». Вернувшись с Луны, астронавты подарили мне прекрасную рельефную карту места посадки модуля «Фалкон». Теперь она занимает почетное место в моем кабинете. На карте показаны маршруты, по которым во время трех экспедиций перемещался лунный вездеход, причем один маршрут проходил по краю озаренного светом Земли кратера. Карта подписана: «Артуру Кларку от экипажа "Аполлона-15" с огромной благодарностью за вашу любовь к космосу. Дэйв Скотт, Эл Уорден, Джим Ирвин». В ответ я посвятил «Земной свет» (рассказ написан в 1953 году, и действие в нем происходит примерно там же, где в 1971-м двигался по Луне вездеход) «Дэйву Скотту и Джиму Ирвину, которые первыми вступили в этот мир, и Элу Уордену, наблюдавшему за ними с орбиты».

После обсуждения с Уолтером Кронкайтом и Уолли Ширрой посадки «Аполлона-15» в студии компании Си-би-эс я вылетел в Центр управления полетом, чтобы наблюдать за входом корабля в плотные слои атмосферы и приводнением. Я сидел рядом с маленькой дочкой Эла Уордена, и она первая заметила, что один из трех парашютов капсулы не раскрылся. Момент был напряженным, но, к счастью, остальные два парашюта не подвели.

Глава 16. Стол капитана

Столкновение с зондом описано в главе 18 романа «2001: Одиссея один». Подобный эксперимент планируется во время предстоящего полета «Клементайн-2».

Я несколько смущен тем, что в первой «Космической одиссее» описал открытие астероида 7794 лунной обсерваторией в 1997 году! Придется переместить его в 2017-й — год моего столетия.

Буквально через несколько часов после написания вышеизложенного я с радостью узнал, что астероид 4923 (1981 EO27), открытый С. Д. Басом 2 марта 1981 года в Австралии, в Сайдинг-Спринг, назван «Кларком» — отчасти в знак признания проекта «Космическая безопасность» (смотри «Свидание с Рамой» и «Молот Господень»). Мне сообщили, что по недосмотру номер 2001 занят — выделен некоему А. Эйнштейну. И принесли соответствующие извинения...

Но я с радостью принял весть, что астероид 5020, открытый в тот же самый день, что и 4923, назван «Азимовым». Хотя мою радость омрачает тот факт, что моему старому другу не суждено об этом узнать...

Глава 17. Ганимед

Как уже говорилось в «Прощальном слове» и в предисловии автора к «2010: Одиссея два» и «2061: Одиссея три», я искренне надеюсь, что амбициозные полеты «Галилея» к Юпитеру и его спутникам позволят получить более детальные знания и крупные планы этих странных миров.

Итак, после нескольких задержек «Галилей» достиг первой цели — самого Юпитера — и прекрасно выполняет свою задачу. Но, увы, возникла проблема — по какой-то причине не раскрылась главная антенна. Это означает, что изображения будут передаваться через антенну с малым коэффициентом усиления и, следовательно, мучительно медленно. Чудесные возможности перепрограммирования бортового компьютера позволили отчасти компенсировать пониженную скорость передачи. Тем не менее потребуется несколько часов на получение информации, которая могла бы быть принята в течение нескольких минут.

Поэтому нам следует набраться терпения. Я пережил немало волнующих минут, исследуя Ганимед в своих фантастических произведениях, прежде чем «Галилей» стал делать это в реальности 27 июня 1996 года.

11 июля 1996 года, за два дня до окончания этой книги, я загрузил первые изображения из Лаборатории реактивных двигателей НАСА. К счастью, пока ничто не противоречит моим описаниям. Но если испещренные кратерами ледяные поля вдруг исчезнут, а на их месте появятся пальмы и тропические пляжи или, хуже того, плакаты «Янки, убирайтесь домой!» — я, несомненно, окажусь в проигрыше.

Мне не терпится увидеть крупные планы Ганимед-сити (глава 17). Поразительная информация полностью совпала с моими описаниями, хотя я неохотно публиковал их, чтобы не оказаться на первой полосе «Национального лгуна». На мой взгляд, все выглядит более искусственным, чем знаменитый «лик Марса» и его окрестности. Ширина проспектов и улиц составляет десять километров — ну и что? Может быть, там просто крупногабаритные жители...

Город можно увидеть на изображениях 20637.02 и 20637.29, сделанных «Вояджером» НАСА, или, что более удобно, на рисунке 23.8 монументального труда Джона Г. Роджерса «Планета-гигант Юпитер» («Кембридж юниверсити пресс», 1995).

Глава 19. Безумие человечества

Доказательство предположений Хана о том, что большая часть человечества хотя бы частично безумна, приведено в двадцать второй серии моего телевизионного сериала «Таинственная вселенная Артура Кларка». Серия называется «Встреча с Марией». И не следует забывать, что христиане — это лишь один очень немногочисленный подвид из множества видов. Гораздо больше людей почитали не Деву Марию, а таких разных богов, как Рама, Кали, Шива, Тор, Вотан, Юпитер, Озирис — и далее до бесконечности.

Поразительным и печальным примером того, как вера превратила гениального человека в буйно помешанного, стал случай Конан Дойла. Несмотря на бесконечные разоблачения мошенников-экстрасенсов, его вера в них оставалась незыблемой. Создатель Шерлока Холмса даже пытался доказать великому фокуснику Гарри Гудини, что тот «дематериализовывается», когда освобождается от цепей, между тем подобные трюки доктор Ватсон назвал бы «элементарными». (Смотри эссе Мартина Гарднера «Несоответствие Конан Дойла» в сборнике «Ночь без конца».)

Инквизиция, по сравнению с религиозными зверствами которой Пол Пот и нацисты кажутся травоядными, подробно описана в беспощадно обличающей кретинизм нового века книге Карла Сагана «Мир, терзаемый демонами». Мне очень хотелось бы, чтобы эта книга, а также книга Гарднера были включены в обязательную программу в институтах и колледжах.

Во всяком случае, Управление натурализации и иммиграции США приняло меры по борьбе с одним религиозным варварством. В журнале «Тайм» отмечалось (статья «Вехи», номер от 24 июня 1996 года), что следует предоставлять убежище девушкам, которые в родных странах подвергаются калечащим операциям на половых органах.

Я уже написал эту главу, когда случайно увидел книгу Энтони Сторра «На глиняных ногах: власть и обаяние гуру» («Фри-пресс», 1996) — бесценное пособие по данному вопросу. Трудно поверить, но один из религиозных мошенников, к тому времени, когда его наконец арестовали судебные исполнители США, собрал коллекцию из девяноста девяти «роллс-ройсов». Что поразило меня еще больше — восемьдесят три процента из многих тысяч его американских жертв окончили колледжи. То есть эти люди соответствуют моему любимому определению интеллектуала: «Человек, получивший образование выше уровня своего интеллекта».

Глава 26. Цяньвиль

В предисловии к изданию 1982 года романа «2010: Одиссея два» я рассказал, почему назвал приземлившийся на Европе корабль в честь доктора Цянь Сюйшена — одного из основателей ракетных программ США и Китая.

Цянь родился в 1911 году, получил право на стипендию и в 1935 году приехал из Китая в США, где стал учеником, а потом и коллегой гениального венгерского аэродинамика Теодора фон Кармана. Через некоторое время, в качестве первого профессора фонда Годдарда в Калифорнийском технологическом институте, он помогал создавать Авиационную лабораторию имени Гуггенхайма — предшественницу знаменитого научно-исследовательского центра разработки реактивных двигателей в Пасадене. 28 октября 1966 года, непосредственно после того, как Китай произвел на своей территории испытания управляемых ракет с ядерными боеголовками, газета «Нью-Йорк таймс» под заголовком «Главный ракетный специалист Китая обучался в США» написала: «Жизнь Цяня — это ирония холодной войны».

Получив доступ к сверхсекретным материалам, он внес неоценимый вклад в разработку ракет для США в пятидесятые годы. Но во время истерии маккартизма он был арестован по сфабрикованным обвинениям в нарушении секретности, когда попытался посетить родной Китай. После многих слушаний и длительного заключения его депортировали на родину — со всеми бесценными знаниями и опытом. Как подтверждали многие выдающиеся коллеги Цяня, это был один из самых глупых (и самых постыдных) поступков, когда-либо совершенных правительством Соединенных Штатов.

После изгнания, как рассказывал заместитель директора комитета по науке и технике Китайского национального космического управления **Чжуань**

Фэньфен, «Цянь начал разработку ракет буквально с нуля... Без него Китай отставал в этой технике не менее чем на двадцать лет». И вероятно, такая же задержка возникла бы при создании смертоносной противолодочной ракеты «Шелковичный червь» и ракетоносителя «Великий поход».

Вскоре после того, как я закончил этот роман, Международная академия аэронавтики присвоила мне свою главную награду — премию фон Кармана, которую должны были вручать в Пекине. От такого предложения я не мог отказаться, особенно после того, как мне стало известно, что доктор Цянь живет в этом городе. К сожалению, в Пекине я узнал, что он находится в больнице на обследовании и врачи не допускают к нему посетителей.

Но я бесконечно благодарен его личному помощнику генерал-майору Ван Шуюню за то, что тот передал доктору Цяню подписанные экземпляры «Одиссеи 2010» и «Одиссеи 2061». В ответ генерал подарил мне толстый том, который он сам редактировал,— «Собрание трудов доктора Цяня. 1938–1956» (100707, Пекин, Донг-хуаньчегген Норт-стрит, 16: «Сайенс-пресс», 1991).

Книга оказалась захватывающей. Она начиналась с многочисленных статей по проблемам аэродинамики, созданных в соавторстве с фон Карманом. Последняя статья «Термоядерные силовые установки» («Джет-пропалшн», 1956) была написана, когда доктор Цянь фактически пребывал в плену у ФБР. Она касалась предмета, который с тех пор стал еще более актуальным, хотя человечество пока не может похвастаться успехами в области создания «силовой установки, использующей ядерный реактор на тяжелой воде».

Прежде чем покинуть Пекин 13 октября 1996 года, я с радостью узнал: несмотря на возраст (восемьдесят пять лет) и слабое здоровье, доктор Цянь продолжает заниматься научными исследованиями. Я искренне надеюсь, что ему понравятся мои книги, и хотел бы выслать «Последнюю одиссею» в качестве дополнительного подарка.

Глава 36. Камера ужасов

После серии сенатских слушаний по вопросу компьютерной безопасности в июне 1996 года, а также 15 июля того же года, президент Клинтон подписал распоряжение номер 13010, касающееся «компьютерных атак на информационные данные или средства связи, которые управляют критическими инфраструктурами («киберугрозы»)». В соответствии с данным распоряжением будет создана оперативная группа для борьбы с кибертерроризмом, в которую войдут представители ЦРУ, АНБ, министерства обороны и т. п.

Пико, мы уже идем...

После написания предыдущего параграфа я с удивлением узнал, что в финале фильма «День независимости», который я еще не успел посмотреть, в качестве Троянского коня тоже используется компьютерный вирус! Мне также сказали, что начало фильма очень похоже на «Конец детства» (1953) и что в фильме содержится ряд научно-фантастических клише, хорошо известных еще со времени «Путешествия на Луну» Мелье (1903).

Я не могу решить, хвалить ли сценаристов за оригинальность или обвинить в преступлении всех времен — в плагиате. В любом случае я никак не смогу опровергнуть мнение, будто это я украл концовку из «Дня независимости».

Следующие материалы (естественно, значительно отредактированные) взяты из предыдущих книг:

«2001: Одиссея один» — глава 18, «Через пояс астероидов», и глава 37, «Эксперимент»;

«2010: Одиссея два» — глава 11, «Лед и вакуум»; глава 36, «Огонь в глубине»; глава 38, «Океанская пена».

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю компанию «Ай-би-эм» за то, что она подарила мне превосходный компьютер «Thinkpad 755CD», на котором написана эта книга. В течение многих лет меня раздражали совершенно необоснованные разговоры о том, что название «ЭАЛ» выведено из названия компании «Ай-би-эм». Пытаясь развеять этот миф, я даже позаботился о том, чтобы изобретатель ЭАЛа доктор Чандра опроверг его в «2010: Одиссея два». Однако совсем недавно меня заверили, что руководство компании нисколько не смущено такой ассоциацией и даже гордится ею. Поэтому я прекращаю попытки добиться справедливости и посылаю поздравления всем, кто собирается участвовать в праздновании дня рождения ЭАЛа, каковое состоится (конечно же) в Иллинойсском университете 12 марта 1997 года.

Покорно благодарю моего редактора из издательства «Дель Рей букс» Шелли Шапиро за десять страниц придирок, которые в результате значительно повысили качество конечного продукта. (Да, я сам был редактором и не разделяю убеждения других авторов, будто все представители этой профессии — ущербные мясники.)

Наконец, что наиболее важно, выражаю глубочайшую признательность моему старому другу Сирилу Гардинеру, хозяину отеля «Галле Фейс», за гостеприимный прием в его великолепных (и огромных) личных апартаментах, которыми я пользовался, пока писал эту книгу. Он дал мне спокойный приют в беспокойные времена. Спешу добавить, что хотя «Галле Фейс» и не предоставил возможности выбора великолепных пейзажей, как в отеле «Граннимед», он, несомненно, куда более фешенебельный. Мне никогда еще не приходилось работать в столь комфортабельной обстановке.

Или, если угодно, в столь вдохновенной. Ведь на огромной бронзовой вывеске у входа перечислено более ста глав государств и других выдающихся людей, которые когда-либо останавливались здесь. Среди них можно выделить: Юрия Гагарина, экипаж «Аполлона-12», совершивший второй полет на Луну, и множество звезд театра и кино — Грегори Пека, Алека Гинесса, Ноэля Коварда, Кэрри Фишер из «Звездных войн»... и даже Вивьен Ли и Лоурен-

са Оливье, на короткое время появившихся в книге «2061: Одиссея три» (глава 37). Я польщен, что мое имя значится среди них.

Мне показалось знаменательным, что проект начал осуществляться в другом знаменитом отеле — «Нью-Йорк Челси», в этом очаге настоящих и поддельных гениев,— и должен был завершиться в другом отеле на другом конце света. Правда, странно было слышать в нескольких ярдах за окном рев подстегиваемого муссонами Индийского океана вместо уличного движения на далекой, но любимой Двадцать третьей улице.

IN MEMORIAM
18 СЕНТЯБРЯ 1996 ГОДА

С глубочайшим сожалением — как раз во время редактирования моих благодарностей — я узнал о том, что Сирил Гардинер скончался несколько часов назад.

Меня немного утешает лишь то, что он уже видел приведенные выше строки и был весьма ими доволен.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО

«Никогда не объясняй, никогда не извиняйся» — возможно, это превосходный совет для политиков, голливудских магнатов или воротил бизнеса, но писатель должен относиться к своим читателям с большим вниманием. Итак, я не собираюсь ни за что извиняться, но, возможно, запутанное происхождение четырех «Одиссей» нуждается в объяснении.

Все началось в Рождество 1948 года — да, сорок восьмого! — с короткого рассказа в четыре тысячи слов, который я написал для конкурса Британской радиовещательной корпорации. В «Страже» описывалось, как на Луне была найдена маленькая пирамида, построенная там инопланетной цивилизацией, чтобы следить за развитием человечества. Подразумевалось, что до этого момента мы не представляли ни для кого ни малейшего интереса*.

Би-би-си отвергла мой скромный труд, и он был опубликован через три года в единственном номере (весна 1951) журнала «10 фантастических рассказов». Об этом издании в бесценной «Энциклопедии фантастики» написано не без издевки, что «его помнят в основном из-за плохого знания арифметики» (поскольку рассказов на самом деле было тринадцать).

Никто не вспоминал о «Страже» более десятилетия, пока Стэнли Кубрик не связался со мной весной 1964 года и не спросил, нет ли у меня идей для создания «провербиального (то есть несуществующего) хорошего научно-фан-

* Поиски объектов деятельности инопланетных цивилизаций в Солнечной системе должны стать совершенно отдельной отраслью науки (экзоархеологией?). К сожалению, эта отрасль уже поставлена под сомнение заявлениями, что подобные объекты найдены, но умышленно скрываются НАСА! Поразительно, что кто-то может верить в эту чепуху — более вероятна была бы подделка инопланетных объектов Агентством по астронавтике, с целью решить проблемы финансирования! (Слово за вами, руководитель НАСА...)

тастического фильма». В ходе многочисленных мозговых атак, описанных в «Утерянных мирах 2001 года», мы решили, что терпеливый наблюдатель на Луне станет неплохой отправной точкой нашего рассказа. В итоге он стал гораздо больше по размерам, а в ходе съемок развился до теперь знаменитого черного монолита.

Если рассматривать «Одиссею» в нужном аспекте, следует вспомнить: когда мы с Кубриком планировали то, что между собой называли «Как была завоевана Солнечная система», космическому веку было всего семь лет от роду. Никому еще не удалось удалиться от родной планеты дальше чем на сто километров. Хотя президент Кеннеди и объявил, что Соединенные Штаты намерены отправиться на Луну «еще в этом десятилетии», многим людям такие полеты по-прежнему казались несбыточной мечтой.

Когда в промозглом декабре 1965 года, а именно двадцать девятого числа, в южной части Лондона* начались съемки, мы даже не знали, как выглядит лунная поверхность с близкого расстояния. Некоторые опасались, что первым словом ступившего на поверхность Луны человека будет крик: «Помогите!» — когда он провалится в глубокий слой мельчайшей лунной пыли. Наши догадки оказались в целом верны. Лунный ландшафт у нас вышел более пересеченным, чем настоящий — гладкий из-за постоянной бомбардировки метеоритной пылью. Только это несовпадение свидетельствовало о том, что «2001» снималась до эры «Аполлонов».

Конечно, сегодня может показаться нелепым, что мы ожидали появления гигантских космических станций, орбитальных отелей «Хилтон» и экспедиций на Юпитер уже в 2001 году.

Трудно представить, но уже в шестидесятые годы существовали серьезные планы создания постоянных баз на Луне и высадки на Марс в 1990 году! Я сам слышал, как в студии Си-би-эс, непосредственно после запуска «Аполлона-11», вице-президент Соединенных Штатов громогласно заявил: «Теперь мы должны отправиться на Марс!»

Но в итоге он сам едва не отправился в тюрьму. Тот скандал, плюс Вьетнам и Уотергейт, стал одной из причин, почему не воплотились наши оптимистические сценарии.

Когда в 1968 году появились фильм и книга «2001: Космическая одиссея», мысли о возможном продолжении не приходили мне в голову. Но в 1979 году осуществился полет к Юпитеру. Мы впервые получили крупные планы гигантской планеты и поразительного семейства ее спутников.

Космические зонды «Вояджера»** были, конечно, беспилотными, но присланные ими изображения сделали реальными удивительные миры, до сей поры существовавшие лишь в виде точек света в самых мощных телескопах.

---

* В Шеппертоне, уничтоженном марсианами, в одной из самых драматических сцен гениальной «Войны миров» Уэллса.

** Эти зонды, подлетев близко к Юпитеру, использовали «эффект рогатки» или «гравитационный маневр» — именно такой, какой использовался «Дискавери» в книжной версии «2001».

Постоянно извергающиеся серные вулканы Ио, искореженная поверхность Каллисто, причудливые пейзажи Ганимеда — мы словно открыли новую Солнечную систему. Желание использовать эти знания было непреодолимым, поэтому появилась «2010: Одиссея два», которая предоставила мне возможность открыть, что же произошло с Дэвидом Боуменом после того, как он очнулся в таинственном номере отеля.

В 1981 году, когда я начал новую книгу, холодная война была в самом разгаре. Я чувствовал, что могу поставить себя под удар и подвергнуться резкой критике, если опишу совместную американо-советскую экспедицию. Кроме того, я выразил надежду на сотрудничество в будущем, посвятив роман нобелевскому лауреату Андрею Сахарову (тогда еще находившемуся в изгнании) и космонавту Алексею Леонову. Последний, когда я сообщил ему в Звездном городке, что в его честь должен быть назван корабль, воскликнул с присущим ему энтузиазмом: «Значит, это будет хороший корабль!»

Мне казалось невероятным, что Питер Хаймс, снимая в 1983 году свой блестящий фильм, мог использовать настоящие крупные планы спутников Юпитера, сделанные во время полета «Вояджера» (некоторые из них были подвергнуты тщательной компьютерной обработке в Лаборатории реактивных двигателей, где хранятся оригиналы). Предполагалось получить еще более качественные изображения в результате амбициозного полета «Галилея» — ему предстояло в течение многих месяцев детально исследовать главные спутники. Благодаря этому наши знания о новых территориях, на которые раньше мы смотрели лишь мимолетно, должны были необыкновенно расшириться, и у меня не нашлось оправданий для того, чтоб не написать «Одиссею три».

Увы, трагедия помешала совершить полет к Юпитеру. Планировалось запустить «Галилей» с космического шаттла в 1986 году, но катастрофа «Челленджера» заставила отказаться от этого варианта. Скоро стало ясно, что в ближайшие десять лет мы не получим новой информации об Ио и Европе, Ганимеде и Каллисто.

Я принял решение не ждать. Возвращение в Солнечную систему кометы Галлея в 1985 году предоставило мне тему, от которой невозможно было отказаться. Ее следующее появление в 2061 году я счел подходящим событием для развития сюжета третьей «Одиссеи». Но я не знал, когда смогу представить готовую рукопись, и попросил издателя о довольно скромном авансе. С огромной печалью я цитирую посвящение «2061: Одиссея три»:

«Памяти Джуди-Линн дель Рей, замечательного редактора,
которая с самого начала поверила в замысел этой книги,
но так и не дождалась его осуществления».

Невозможно полностью согласовать четыре научно-фантастических романа, написанные в течение тридцати с лишним лет. Эти годы были богаты поразительными открытиями в области развития техники (особенно освоения космоса) и политическими событиями. Я писал в послесловии к книге «2061: Одиссея три»: «Подобно тому как “2010: Одиссея два” не была продолжением “Космической одиссеи 2001 года”, настоящая книга не является непосредственным продолжением “Одиссеи два”. Все три произведения следует рассматри-

вать как вариации на одну тему, где происходят схожие события и действуют те же герои». Если вам нужна аналогия из другой области искусства — послушайте, что Рахманинов и Эндрю Ллойд Вебер сделали с горстью нот, которые использовал Паганини.

Таким образом, эта «Последняя одиссея» отказывается от многих компонентов, использованных в предыдущих книгах, но подробно развивает другие — надеюсь, более важные. И если читатели ранних книг в результате этих превращений почувствуют себя обманутыми — я надеюсь, мне удастся убедить их не посылать мне гневные обличающие письма. Я повторю милое выражение одного из президентов США: «Это же вымысел, дурачок!»

И вымысел только мой, если вы заметили. Я с радостью сотрудничал с Джентри Ли*, Майклом Кубом-Макдауэлом, покойным Майклом Маккеем; я с не меньшей радостью готов сотрудничать с другими, если в будущем возникнут проекты слишком крупные, чтобы я мог справиться с ними самостоятельно; но именно эту «Одиссею» я должен быть написать в одиночку.

Итак, каждое из этих слов — мое, или почти каждое слово. Должен признаться, что профессора Тиругнанасампантамурти (глава 35) я нашел в телефонном справочнике Коломбо и надеюсь, владелец имени не обидится на его заимствование. Кроме того, я взял кое-что из действительно великого Оксфордского словаря английского языка. И знаете что? К моему приятному изумлению, я обнаружил там не менее шестидесяти шести цитат из собственных книг, которые иллюстрируют значение и использование слов!

Дорогой словарь, если вы найдете полезные примеры на страницах этой книги, тоже можете их использовать.

Приношу прощения за некоторое количество умеренно неодобрительных покашливаний (всего десять, если я не ошибаюсь) в данном послесловии, но вопросы, к которым они привлекают внимание, слишком важны, чтобы ими пренебречь.

Наконец, я хотел бы заверить моих многочисленных друзей среди буддистов, христиан, индуистов, иудеев и мусульман: я от души счастлив тем, что религия, выбранная волей случая, позволяет вам обрести душевный покой (а подчас, как неохотно признает западная медицинская наука, и физическое здоровье).

Возможно, лучше быть безумным и счастливым, чем разумным и несчастным. Но еще лучше, если все будут разумны и счастливы.

Сложнейшая проблема будущего — смогут ли наши потомки добиться этой цели. Ее решение определит, есть ли у нас будущее.

Артур Ч. Кларк
19 сентября 1996 года
Коломбо, Шри-Ланка

---

* По невероятному совпадению Джентри был главным инженером проектов «Галилей» и «Викинг» (смотри предисловие к «Раме II»). Он не виновен в том, что антенна «Галилея» не развернулась.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД И ЗВЕЗДЫ. *Перевод А. Кубичева* 5

КОНЕЦ ДЕТСТВА. *Перевод Норы Галь* 194

СВИДАНИЕ С РАМОЙ. *Перевод О. Битова* 333

2001: ОДИССЕЯ ОДИН. *Перевод Я. Берлина, Норы Галь* 485

2010: ОДИССЕЯ ДВА. *Перевод М. Романенко, М. Шевелева* 616

2061: ОДИССЕЯ ТРИ. *Перевод И. Почиталина* 748

3001: ПОСЛЕДНЯЯ ОДИССЕЯ. *Перевод Н. Берденникова* 890

Литературно-художественное издание

Артур Кларк

СВИДАНИЕ С РАМОЙ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *И. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректор *В. Дроздова*

В оформлении переплета использована работа *D. Mattingly*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 28.08.2007.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бумага писчая. Усл.печ. л. 83,2.
Тираж 6000 экз. Заказ № 971.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
http://www.uralprint.ru
e-mail: book@uralprint.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»
E-mail: **project@eksmo-sale.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Издательство «Эксмо» представляет

В Ж

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

В СЕРИИ «ОТЦЫ – ОСНОВАТЕЛИ»

Роджер Желязны – знаменитый американский писатель, самый парадоксальный фантаст XX века, мастер техномифа, играющий людьми и богами на шахматной доске своего творчества!

www.eksmo.ru

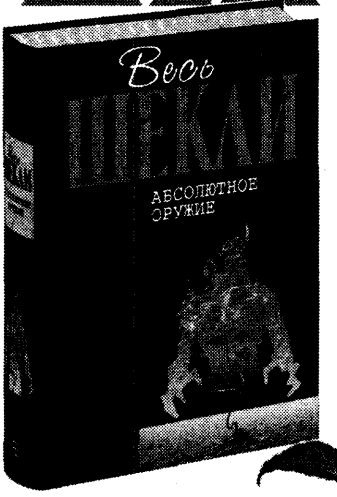

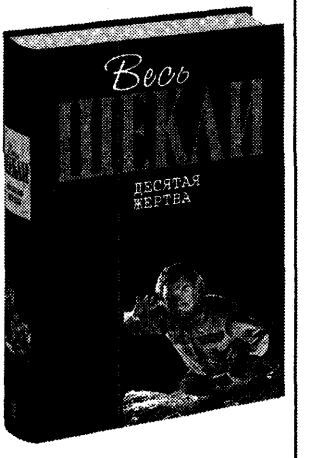
Также в серии: «Кладбище слонов», «Лорд Демон», «Маска Локи», «Остров мертвых», «Хроники Амбера» в 2-х томах, «Князь Света», «Дилвиш проклятый», «Двери в песке»

РОБЕРТ ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ»

Все произведения знаменитого американского писателя Роберта Шекли в 6 томах!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

Издательство «Эксмо» представляет

Клиффорд

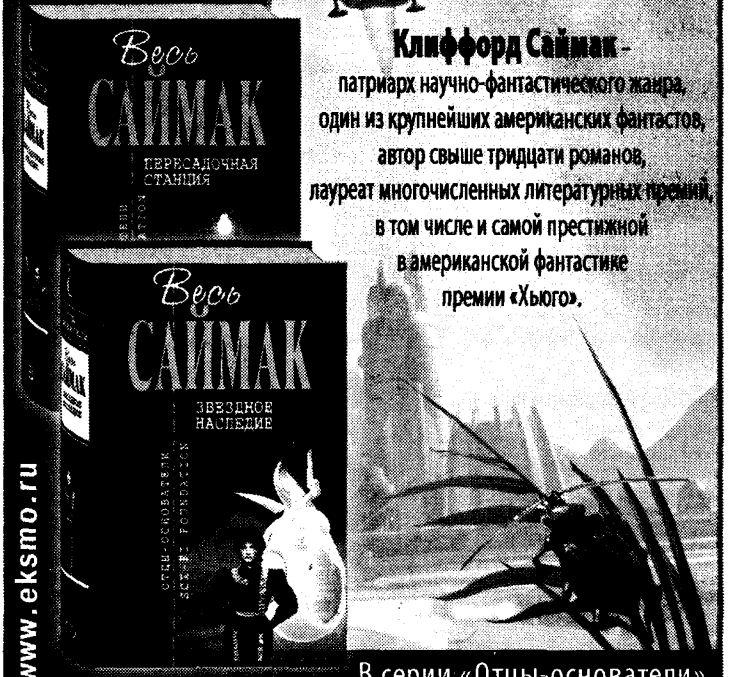
САЙМАК

В

С

в серии

«Отцы-основатели»

Клиффорд Саймак – патриарх научно-фантастического жанра, один из крупнейших американских фантастов, автор свыше тридцати романов, лауреат многочисленных литературных премий, в том числе и самой престижной в американской фантастике премии «Хьюго».

www.eksmo.ru

В серии «Отцы-основатели» издано полное собрание сочинений К.Саймака!

серия

Короли Fantasy

Лучшие образцы зарубежной фэнтези

С начала 2007 года в серии вышли:

Скотт Р. Бэккер «Воин кровавых времен»
«Слуги Темного Властелина»

Стивен Дональдсон «Проклятие лорда Фаула»

Грег Киз «Терновый король»

Том Ллойд «Вызывающий бурю»

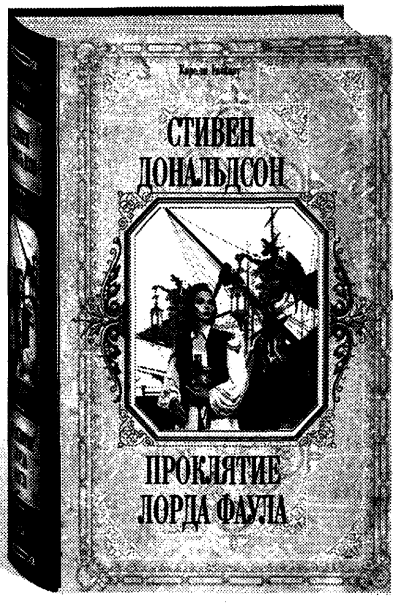
Джон Райт «Последний страж Эвернесса»

Стеф Свэйнстон
«Год нашей войны»

Тэд Уильямс
«Марш теней»

Робин Хобб
«Дорога шамана»
«Волшебный корабль»

Стивен Эриксон
«Сады Луны»
«Врата Смерти»

В коллекционном оформлении!

www.eksmo.ru

АРТУР КЛАРК

Сэр Артур Чарлз Кларк (р. 1917) – единственный во Вселенной писатель-фантаст, удостоенный английской королевой почетного звания рыцаря. Званиям же и всевозможным наградам за достижения в науке, литературе и киноискусстве у патриарха научной фантастики нет числа. Это целое явление под именем «Артур Кларк», человек-легенда, футуролог, предсказавший многие открытия в науке и технике задолго до их реализации, отец-основатель современной кинофантастики и многое-многое другое. Начав литературную карьеру в начале Второй мировой войны, уже в пятидесятые годы XX века он автор таких шедевров, как романы «Конец детства» (1953) и «Город и звезды» (1956), а в 1968 году выходит знаменитый роман писателя «Космическая одиссея 2001 года».

Первый закон Артура Кларка:

«Если ученый заявляет, что нечто возможно, – он, несомненно, прав. Когда же он заявляет, что это невозможно, – он, вероятнее всего, ошибается».

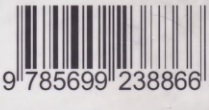
Второй закон Артура Кларка:

«Единственный путь обнаружения пределов возможного состоит в том, чтобы отважиться сделать один шаг в невозможное».

Третий закон Артура Кларка:

«Любая перспективная техника неотделима от волшебства».

ISBN 978-5-699-23886-6

Эксмо